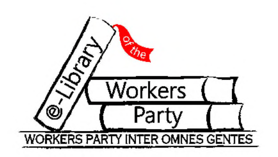
РЕВОЛЮЦИИ 1848–1849

II

e-Library
of the
Workers
Party
WORKERS PARTY INTER OMNES GENTES

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · 1952

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

РЕВОЛЮЦИИ 1848–1849

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
профессора Ф. В. ПОТЕМКИНА
и профессора А. И. МОЛОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва · 1952

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава сорок четвертая

ВЫСТУПЛЕНИЕ 13 ИЮНЯ 1849 Г. И ПОРАЖЕНИЕ МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ ВО ФРАНЦИИ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И ВТОРОЕ МИНИСТЕРСТВО БАРРО

Несомненный успех Горы, собравшей, несмотря на правительственный террор, около 2 млн. голосов избирателей и завоевавшей 180 мест в Законодательном собрании, вызвал сильную тревогу среди монархистов. В особенности пугал их тот факт, что демократический лагерь одержал победу не только в Париже и в промышленных центрах, но и в некоторых земледельческих департаментах, а отчасти и в армии. «Это были два якоря спасения, сломившиеся во время бури», — говорил Токвиль, имея в виду голосование части солдат и части крестьян за партию Горы.

Тревога среди монархистов во время выборов в Законодательное собрание

Среди буржуазии Лиона, где на выборах победил «красный список», возникла настоящая паника. На лионской бирже пали курсы государственных займов и промышленных акций, банки осаждались вкладчиками, обменные конторы — людьми, стремившимися обменять бумажные деньги на звонкую монету. Маршал Бюжо собрал у себя представителей местной власти и заговорил о необходимости немедленно произвести государственный переворот. «А уверены ли вы в своих солдатах?», — спросили Бюжо. «Не более чем вы, — ответил Бюжо. — Но сегодня я могу еще рассчитывать на несколько полков, а через две недели я не мог бы рассчитывать ни на что...». Сводный брат Луи-Наполеона, Морни, один из главарей бонапартистов, после первых же известий об избирательных победах Горы в страхе писал своим родным в Англию, что «социализм делает угрожающие успехи» и что выборы, повидимому, закончатся победой красных. «Если это случится, то ничего не останется делать, как упаковать наши вещи, развязать гражданскую войну и просить казаков придти и помочь нам!».

Панические настроения стали рассеиваться лишь после того, как выяснились общие результаты выборов, обеспечившие в составе Законодательного собрания прочное монархическое большинство.

Второе министерство Одилона Барро

После открытия Законодательного собрания министерство Одилона Барро подало в отставку. Начались переговоры о создании нового министерства. Крайние монархисты были против Барро: они считали его слишком умеренным и добивались министерства открытой монархической реставрации. Тьер намечал на пост главы

министерства человека, способного возглавить сильную контрреволюционную диктатуру и беспощадно расправиться с республиканцами. Сперва он выдвигал на эту роль генерала Шангарнье, а после его отказа — маршала Бюжо. Последний был вызван в Париж и занялся формированием нового министерства. В состав его предполагалось ввести графа Фаллу, Пискатори и некоторых других известных деятелей «партии порядка». Однако этот план натолкнулся на серьезные препятствия. Прежде всего он обострил противоречия внутри монархического блока. Хотя Луи-Наполеон сам искал поддержки у маршала Бюжо и других представителей большинства Законодательного собрания, но он все же боялся ставить у власти легитимистских и орлеанистских генералов, видя в них соперников, могущих перехватить у него инициативу в деле восстановления монархии и повернуть дело в пользу своих претендентов. Чтобы не оказаться в полной зависимости от старых монархических партий, президент предпочел кандидатуру Барро. К поддержке Барро склонялись и легитимисты, опасавшиеся, что связи Бюжо с орлеанистскими принцами дадут преимущество претенденту из династии Орлеанов.

Но дело было не только в противоречиях среди монархистов. Обстановка в стране была еще такова, что заставляла сторонников монархической реставрации маскировать свои намерения. Составление открыто реставраторского монархического кабинета — приходили к выводу главари «партии порядка» — опасно и рискованно, так как может вызвать новый революционный взрыв.

Эти соображения взяли верх над всеми другими. Бюжо, встретившись с Барро, сообщил ему, что он отказывается от предложенного ему поста. Бюжо подчеркнул, что в республиканской партии царит большое возбуждение и что среди солдат также наблюдается брожение, вынуждающее избегать крутых политических поворотов.

Карьериста Барро не пришлось долго упрашивать. Но, согласившись возглавить новый кабинет, он потребовал — для укрепления собственных позиций — нескольких мест для своих друзей из бывшей династической оппозиции. После долгих переговоров министерство было, наконец, сформировано. Оно состояло в основном из тех же лиц, которые входили в первое министерство Барро, с добавлением двух монархистов — Дюфора (министр внутренних дел) и Ланжюинэ (министр земледелия), и представляло собой все ту же орлеанистско-легитимистскую коалицию. Разношерстное по своему составу, это министерство не обладало прочной опорой в Собрании и явно носило временный характер. Оно было ширмой, служившей «партии порядка» прикрытием для подготовлявшегося разгрома демократических элементов.

Вопросы внешней политики в Законодательном собрании

В мае 1849 г. в Западной и Юго-Западной Германии вспыхнули народные восстания в защиту имперской конституции, завязалась вооруженная борьба баденских повстанцев против прусских полков, двинутых на подавление восстания. Революционная Венгрия вступила в смертельную схватку с войсками австрийского императора и посланными им на помощь войсками русского царя. Венецианская и Римская республики отчаянно отбивались от австрийских и французских интервентов, пришедших на помощь папе, Бурбонам, всей дворянско-помещичьей и буржуазной контрреволюции в Италии.

В этой схватке европейской революции с европейской контрреволюцией направление внешней политики Франции имело чрезвычайно важное значение. Франция играла тогда ведущую роль в европейском революционном движении, и ее позиция на международной арене во многом опре-

деляла исход всей борьбы. Характеризуя создавшуюся тогда ситуацию, Маркс писал: «Европейский кризис явно приближался к решительному поворотному пункту, взоры всей Европы были устремлены на Париж...»[1]. Неудивительно, что вопрос о внешней политике занял центральное место в политической борьбе во Франции. Ему были посвящены в значительной мере и последние заседания Учредительного собрания. Гора пыталась увлечь Собрание на путь революционной войны с Пруссией, Австрией и Россией.

22 мая в Париже стал известен царский манифест о вступлении русских войск в Венгрию. Депутаты Горы тотчас же потребовали объявления войны «коалиции королей». Ледрю-Роллен предлагал ответить на манифест Николая I контрманифестом, провозглашающим, что Франция «сумеет защитить и себя, и народы Европы». Он напоминал, что когда роялисты в Законодательном собрании 1792 г. отказались ответить подобным образом на манифест герцога Брауншвейгского, то результатом была революция 10 августа. В действительности эти напоминания Ледрю-Роллена вовсе не свидетельствовали о серьезных революционных намерениях Горы: наоборот, она прилагала все усилия к тому, чтобы убедить своих противников, что путем внешней войны можно избежать новой революции внутри страны. «В вашей власти предотвратить то, что случилось с вашими отцами, — говорил Ледрю-Роллен монархистам, — но вы можете это сделать, единственно лишь задушив гражданскую войну внутри страны и достойно ответив деспотам вне ее». Предложение Горы не было принято, и прения по внешней политике выродились в бессильную перебранку Собрания с правительством.

Возобновление военных действий против Римской республики

Окончание деятельности Учредительного собрания явилось, как и следовало ожидать, сигналом для решительных шагов контрреволюции в области внешней политики. 27 мая в Париж прибыл посланец Лессепса с отчетом, содержавшим информацию о неудаче проекта соглашения с римскими властями. Но одновременно Лессепс сообщал, что переговоры продолжаются и что он не теряет надежды на успех и возможность достигнуть соглашения. Однако правительство, которому нужен был лишь повод для возобновления интервенции, а вовсе не соглашение с Римской республикой, 28 мая, в день открытия Законодательного собрания, послало приказ — немедленно возобновить военные действия и атаковать Рим. 29 мая правительство решило отозвать Лессепса и прекратить переговоры с Римской республикой. На этом особенно настаивали клерикалы: их лидеры, граф Фаллу и граф Монталамбер, видели в разгроме Римской республики единственно приемлемый для католической реакции способ реставрации папской власти над Римом.

Между тем ничего не подозревавший Лессепс продолжал свои переговоры с римскими триумвирами и Римским собранием, преодолевая всяческие помехи со стороны генерала Удино и его реакционного окружения. Переговоры закончились 31 мая заключением соглашения с Римской республикой, которое Лессепс подписал в качестве полномочного представителя Франции. Признание Францией Римской республики в соглашении не предусматривалось, но французская армия признавалась в нем дружественной армией, взявшей на себя защиту населения и территории Рима от интервентов и не вмешивающейся в его административное управление. Французам предоставлялось право занять любые пункты внешнего пояса римских укреплений, а их командованию, штабу и караулу

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 164.

отводилось помещение в самом городе. Соглашение подлежало ратификации властями Французской республики, причем особым пунктом оговаривалось, что в случае отказа французского правительства ратифицировать соглашение, враждебные действия не могут быть возобновлены ранее, чем через 15 дней после официального уведомления об этом отказе.

Однако Удино грубо нарушил это условие. 3 июня он начал новую атаку Рима. Военные действия возобновились. Несмотря на неравенство в силах, героическое сопротивление римлян французским интервентам продолжалось свыше месяца.

Эти события вызвали во Франции новый политический кризис. Министерство Барро нашло «выход» из затруднительного положения, объявив подписанное Лессепсом соглашение недействительным и предав своего полномочного представителя административному суду за «превышение полномочий». Правительственные круги не постеснялись даже распустить слух, будто бы Лессепс подвержен душевным заболеваниям и действовал, не будучи в здравом уме.

ДЕМОКРАТИЧЕСКО-СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ БЛОК В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ СОБРАНИИ

Провокации монархистов

Монархическое большинство Законодательного собрания, пользуясь своим численным перевесом над республиканцами, фактически лишило своих противников свободы парламентской трибуны. Затыкание рта ораторам Горы, гильотинирование прений, нарушение регламента сразу же создали в Собрании накаленную атмосферу скандалов, сопровождавшихся грубой расправой большинства над меньшинством.

Действия «партии порядка» с каждым днем приобретали все более откровенные черты преднамеренной провокации по отношению к демократам. При открытии заседаний Законодательного собрания депутаты «партии порядка» отказались поддержать обычный в таких случаях клич: «Да здравствует республика!». На следующем заседании, когда один из ораторов Горы воскликнул в своей речи: «Да здравствует демократическая и социальная республика!», он был призван «к порядку» председательствующим, старейшим депутатом — монархистом Кератри, объявившим такой лозунг «антиконституционным».

Резкими столкновениями сопровождалась и процедура проверки мандатов депутатов. Республиканцы и демократы разоблачали с парламентской трибуны многочисленные случаи фальсификации выборов в тех департаментах, где победили кандидаты «партии порядка». В своих выступлениях они приводили неоспоримые факты вмешательства властей и духовенства в ход выборов, давления на избирателей, нарушения правил голосования, лишения солдат возможности участвовать в выборах под предлогом маневров. Эти разоблачения не оказали никакого влияния на поведение Собрания. Вопреки протестам депутатов-республиканцев, монархическое большинство автоматически утверждало мандаты всех депутатов «партии порядка». При составлении руководящих органов Собрания монархисты провалили всех кандидатов-республиканцев. На посты председателя Собрания, его заместителей и секретарей были избраны исключительно монархисты. Председателем Собрания был избран видный орлеанист Дюпен, активный деятель «Комитета улицы Пуатье», многократно возглавлявший палату депутатов при Июльской монархии. Возмущение Горы поведением монархистов было тем более велико, что, подобно своим противникам справа, Гора расценивала итоги выборов 13 мая как свой успех. Газета Делеклюза «Демократическая и социаль-

ная революция» заявляла, что моральная победа на выборах одержана демократами-социалистами. «Теперь уже больше не стоит вопрос о защите республики, ее существование обеспечено», — утверждала эта газета. «Республика победила, и республиканцы стали непобедимыми», — повторяла она в передовой статье от 21 мая.

Гора и Комиссия 25-ти

Однако вскоре по этому вопросу — по вопросу об оценке сложившейся после выборов ситуации — выплыли наружу существенные разногласия между парламентариями Горы и левыми элементами Парижского демократическо-социалистического комитета. Делеклюз и его единомышленники выступили вместе со всей Горой против представителей революционного крыла мелкой буржуазии и вожаков парижских рабочих — против так называемой «Комиссии 25-ти», выделенной Парижским демократическо-социалистическим комитетом из своего состава, после окончания избирательной кампании. В состав Комиссии 25-ти входили в основном те же деятели клубов и тайных обществ, которые руководили Парижским демократическо-социалистическим комитетом: Гранмениль, Морель, Дюфеликс, Шипрон, Андре, Мадье де Монжо, Сонжон, Пардигон, Сервьен, Бон, Дельбрук, Тессье-де-Мотт и другие.

Непосредственным предметом спора между Горой и Комиссией 25-ти было намерение последней потребовать от Ледрю-Роллена, Феликса Пиа и Теодора Бака, избранных депутатами не только в Париже, но и в некоторых департаментах, чтобы они отказались от своих парижских мандатов и тем самым дали возможность провести дополнительные выборы в столице. Комиссия рассчитывала на этих выборах провести новых депутатов из числа кандидатов, выставленных Демократическо-социалистическим комитетом на выборах 13 мая в Париже, но не собравших тогда необходимого числа голосов.

Решение Комиссии 25-ти подверглось ожесточенной критике со стороны руководства Горы. Делеклюз указывал на то, что дополнительные выборы в Париже могут окончиться победой «партии порядка», и тогда все значение успехов Горы на выборах 13 мая будет сведено на нет. Газета «Демократическая и социальная революция» ставила под сомнение правомочность самой Комиссии 25-ти и требовала переизбрания Парижского демократическо-социалистического комитета, мотивируя это требование тем, что полномочия Комитета окончились вместе с выборами 13 мая, для проведения которых он был создан.

Гора не скрывала своего недовольства тем, что руководящая роль в Парижском комитете принадлежала рабочим и другим демократическим элементам, занимавшим независимую позицию. Лидеры Горы явно стремились захватить руководство Парижским комитетом, оттеснив на задний план рабочие и революционно-демократические элементы.

Серьезные разногласия между мелкобуржуазными руководителями партии Горы и рабочими вожаками из Комиссии 25-ти обнаружились и в оценке сложившейся ситуации. Так, например, газета Делеклюза, считая выборы по стране в целом весьма благоприятными для Горы, расценивала итоги выборов в Париже как «не вполне удовлетворительные» и объясняла их тем, что демократическо-социалистическому блоку не удалось завоевать голоса «колеблющейся массы». В статье «Будем осторожны», опубликованной в газете «Демократическая и социальная революция», Делеклюз предостерегал от переоценки сил демократического лагеря и от недооценки сил его врагов.

Комиссия 25-ти давала итогам выборов противоположную оценку. В своем обращении «К народу» Комиссия 25-ти заявляла, как бы в ответ лидерам Горы, что выборы 13 мая были «не поражением, а победой». Ссылку

на то, что в Париже Гора завоевала лишь десять мандатов, Комиссия отводила указанием на общее число голосов, поданных в стране за демократическо-социалистический блок. «Если бы правильность проведения выборов соблюдалась, — говорилось в обращении Комиссии 25-ти, — то в результате нашей победы были бы уничтожены все монархические фракции, и мы достигли бы одной лишь силой всеобщего избирательного права той цели, какую мы так настойчиво преследуем с февраля, — окончательного завоевания пролетариатом гражданского, политического и социального равенства».

Легко догадаться, какие выводы делала отсюда Комиссия 25-ти и какую программу действий она выдвигала. Считая, что в результате выборов в Законодательное собрание демократическо-социалистический блок приобрел решающее влияние во всей стране, Комиссия делала вывод о наличии во Франции достаточных условий для решительной победы над контрреволюцией. Политический курс, которого теперь требовала от Горы Комиссия 25-ти, Делеклюз характеризовал как «сумасбродную политику»; он призывал умерить нетерпение «бесшабашных» политиков. Готовясь к предстоявшей после выборов борьбе, Гора попрежнему рассчитывала ограничиться парламентскими рамками и «моральными» средствами давления на противников. Газета Консидерана «Мирная демократия» объявляла призыв к революционной борьбе провокацией, делом, выгодным только для реакционеров. Еще более враждебно ко всем революционным средствам борьбы с контрреволюцией относился Прудон.

Программа «легального сопротивления» Прудона

Прудон считал исход выборов в Законодательное собрание тревожным симптомом обострения противоречий в стране, предвестником гражданской войны. Стремясь предотвратить ее, он проповедовал оппортунистическую идею «всеобщего примирения» враждующих партий. Прудон требовал от Горы, чтобы она оставалась на «конституционной почве» и ни при каких условиях не покидала ее. Монархистов Прудон заклинал прекратить борьбу против социализма, признать его легальным течением и предоставить социалистам положение «конституционной оппозиции».

Следуя советам Прудона, Гора должна была требовать общей амнистии, прекращения интервенции в Италии и признания Римской республики: если Законодательное собрание отвергнет эти требования, Гора должна призвать народ к «легальному сопротивлению». Прудонистская газета «Народ» писала: «Сегодня народу нет никакой необходимости в ружьях и баррикадах, ему достаточно закона». Перечисляя средства «легального сопротивления» — отказ от уплаты налогов, от военной службы, от повиновения властям, газета объявляла эти средства «единственными мерами общественного спасения, какие должны употребляться в будущем», и нагло обзывала сторонников вооруженной борьбы предателями народа.

Позиция Делеклюза

Взгляды Прудона подверглись резкой критике со стороны Делеклюза, доказывавшего, что Гора должна занимать «революционные», а не «конституционные» позиции. Но хотя по видимости Делеклюз вел борьбу на два фронта—против прудоновской, явно оппортунистической политики легальности во что бы то ни стало и против боевых, наступательных стремлений рабочих вожаков из Комиссии 25-ти, в действительности он тоже рассчитывал на бескровную победу демократии. Он продолжал надеяться на мирный исход конфликта даже тогда, когда обнаружилось явное нежелание монархического большинства Собрания сотрудничать с Горой, когда стало очевидным стремление «партии порядка» вызвать Гору на бой. Даже и тогда позиция левых элементов Горы представляла смесь угроз

и сожалений, революционных призывов и мирных иллюзий. Ярким примером этих колебаний была передовая статья в газете «Демократическая и социальная революция» от 30 мая — «Господа монархисты, стреляйте первыми!» «Не от нас зависит, — писал Делеклюз, — что поединок между народом и аристократией не разрешается мирно, посредством всеобщего избирательного права; мы охотно отсрочили бы торжество наших доктрин на несколько лет. Но наши враги, движимые роком, хотят действовать. Тем лучше для демократии». Но и теперь Делеклюз не отбрасывал своих прежних надежд, а лишь облекал их в новую форму: «Армия будет на стороне народа, и нам позволено надеяться на то, что без боя, лишь перевесом своей моральной силы, народ довершит революцию, начатую вчерне в 1848 году».

Воображая, что предстоящая борьба с монархической контрреволюцией будет по преимуществу борьбой «морально-политической», левые элементы Горы считали, что для их победы требуется лишь наличие двух непременных условий: чтобы нападающей стороной выступила контрреволюция, и чтобы объект ее нападения имел значение не «узко классовое», а «общенациональное».

Начав новую атаку против Римской республики, правительство бросило Горе вызов, отвечавший обоим этим условиям: инициатива нападения исходила от лагеря монархической контрреволюции, объектом нападения были национальные интересы Франции. Вот почему призывы Комиссии 25-ти к переходу от обороны к наступлению, к развязыванию активных действий против контрреволюции, еще недавно отвергавшиеся как «авантюризм», получили теперь поддержку у левого крыла Горы, а это в свою очередь оказало влияние на ее колеблющихся руководителей вроде Ледрю-Роллена. Левые элементы Горы ухватились за представившуюся возможность выступить против контрреволюции под национально-патриотическим знаменем. Вдохновляясь историческим примером 1792—1794 гг., когда соединение революционных лозунгов с национальными толкало революцию вперед, они рассчитывали на возможность увлечь за собой все патриотические элементы страны. Борьба Делеклюза против Комиссии 25-ти прекратилась, и его газета стала звать к выступлению.

Газета Делеклюза обращалась теперь не только к народу, но и к своим противникам, к тем, как выражалась она, «колеблющимся врагам», которые, по ее мнению, могли стать «политическими друзьями». «Падение Рима под ударами французских штыков, — доказывала газета, — вызовет во всей Европе сильное возмущение Францией. Народы Европы превратятся из друзей Франции в ее врагов... Меттерних и прусский король захотят не только отнять у нас Эльзас и Лотарингию, но и заставить Францию замолкнуть». Другим доводом Делеклюза было указание на опасность для Франции объединения Германии вокруг Пруссии в случае ее победы над баденскими повстанцами.

Требование революционной внешней политики газета старалась обосновать прежде всего государственными интересами Франции. «Лучше война, пока еще свобода сражается в Венгрии, в Германии и в Италии, пока еще наше знамя может объединить вокруг себя молодую Германию, чем выигрыш на месяц или на год постыдного мира в ожидании, когда коалиция королей, утопив в крови законное сопротивление угнетаемых ими народов, займется осадой и разделом Франции».

Все эти призывы и рассуждения отнюдь не способствовали подготовке народных масс к предстоящей борьбе с силами контрреволюции. Постоянно призывая к «моральному давлению» на монархическое Собрание, Гора приучала своих мелкобуржуазных сторонников и парижских рабочих к пассивно выжидательной тактике, демобилизовала их.

Гора затемняла в сознании масс истинный смысл предстоящей борьбы. В то же время Гора не приобретала и поддержки буржуазии: последняя была напугана вдвойне — и опасностью нового революционного потрясения внутри страны, и перспективой войны с европейской коалицией, войны, грозившей — как казалось буржуазии — если не поражением Франции, то повторением революционных событий 1793—1794 гг.

НАРАСТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА В ИЮНЕ 1849 Г.

Отклики в Париже на бомбардировку Рима

С 5 июня в Париже стали распространяться слухи о возобновлении военных действий против Римской республики. Еще накануне Ледрю-Роллен потребовал в Законодательном собрании обсуждения его запроса правительству по вопросам внешней политики. Назначенное на 7 июня обсуждение было, однако, перенесено на 11 июня по просьбе самого Ледрю-Роллена ввиду его болезни.

Тем временем в Париже с каждым днем усиливалось напряжение. Постепенно становились известными подробности отозвания Лессепса и вероломного нарушения подписанного им соглашения о перемирии. Циничное нарушение конституции правительством, игнорирование им парламентских решений, его отказ от собственных обязательств и клятвенных уверений стали очевидными фактами.

Президентское послание с изложением политической программы нового министерства, зачитанное 7 июня в Законодательном собрании, способствовало дальнейшему разоблачению итальянской политики Луи-Наполеона и Одилона Барро. В послании говорилось, что итальянский вопрос может быть решен «с честью» для Франции только в Риме. В последнюю минуту Барро вычеркнул эту фразу из текста послания, опубликованного в «Монитёре». Однако ее запомнили депутаты, слушавшие послание в Собрании, и она была воспроизведена в газетах.

Буржуазно-республиканская «Ассоциация друзей конституции» опубликовала протест против нарушения конституции, гласившей, что Французская республика никогда не посягнет на свободу другой страны. Ассоциация напоминала, что охрана конституции поручена всем французам. Демократическая и социалистическая пресса открыла ожесточенный огонь по правительству и президенту. Левые органы печати призывали Гору к самым энергичным действиям и обещали ей полную поддержку народа. Комиссия 25-ти в заявлении от имени Парижского демократическо-социалистического комитета напоминала депутатам Горы от департамента Сены, что они клятвенно обязались подать народу пример сопротивления, если будет нарушена конституция. Одновременно народу внушалось доверие к Горе, к ее решимости выполнить свой долг. В рабочих кварталах Парижа деятели революционных клубов говорили о близком выступлении и призывали готовиться к нему.

Толкая Гору на выступление, рабочие вожаки продолжали с недоверием относиться к намерениям руководителей мелкобуржуазной демократии. Имеются сведения, что деятели Демократическо-социалистического комитета и Комиссии 25-ти приступили в это время к созданию обособленной от Горы пролетарской организации. Речь шла о создании «Парижской коммуны», идея которой была, повидимому, навеяна опытом революции конца XVIII в., когда повстанческая Коммуна Парижа («Коммуна 10 августа 1792 г.»), противопоставив себя Законодательному собранию, возглавила борьбу с монархической контрреволюцией и иностранной интервенцией.

Новая Коммуна, которую проектировала создать Комиссия 25-ти, должна была состоять из делегатов от всех округов Парижа и представлять собой фактически орган революционного правительства. Это обстоятельство подчеркивал и Карл Маркс, сообщения которого носят в данном случае характер свидетельского показания. В начале июня 1849 г., после закрытия «Новой Рейнской газеты», Карл Маркс из Германии отправился в Париж, где немедленно связался с тайными рабочими обществами и представителями революционной демократии. Маркс находился в Париже в качестве представителя Пфальцского центрального демократического комитета. Впоследствии, касаясь этого периода, Маркс писал: «На случай победы уже была организована пролетарская коммуна, которая должна была действовать рядом с официальным правительством. Парижских рабочих научила кровавая июньская школа 1848 года»[1].

Правительство усиленно готовилось к подавлению выступления демократов. Полицейские агенты, проникшие и в состав Комиссии 25-ти, не скупились на донесения, преувеличивавшие опасность, угрожавшую правительству. 11 июня Шангарнье вновь сосредоточил в своих руках командование войсками и национальной гвардией Парижа. Верные правительству войска спешно перебрасывались из провинции в столицу и размещались в стратегических пунктах города. Меры эти были продиктованы скорее провокационными намерениями самого правительства, чем действиями Горы. Вопреки полицейским донесениям, Гора еще не определила ни своих планов, ни своего образа действий. Правительству было известно лишь то, что выступление Ледрю-Роллена будет содержать требование о смещении и предании суду Луи-Наполеона и министров, виновных в нарушении конституции: это требование фигурировало во всей демократической прессе. Но можно было предвидеть, что монархическое большинство Законодательного собрания отклонит такое предложение. Дальнейшие же намерения Горы не могли быть известны правительству по той простой причине, что они не были известны и самой Горе.

Разногласия и колебания в демократическом лагере

Вопрос о дальнейшей тактике долго обсуждался на совещаниях Горы. При этом обнаружились острые разногласия. Наиболее умеренные элементы мелкобуржуазной демократии настаивали на отказе от всякого обращения к массам и даже от обвинения президента и правительства в нарушении конституции и предлагали Горе ограничиться «парламентским восстанием», т. е., иначе говоря, организовать перманентное заседание Горы в Законодательном собрании. Другая часть демократов шла дальше, предлагая, в случае если парламентское большинство откажется признать президента и правительство виновными, объявить членов этого большинства, как соучастников преступления, утратившими депутатские полномочия, а депутатов Горы — полномочными действовать в качестве полновластного Законодательного собрания.

И утреннее и дневное совещания Горы, состоявшиеся 11 июня, закончились без принятия определенного решения. Ледрю-Роллен, выступив в этот день в Законодательном собрании с давно ожидавшейся речью, отразил в ней все те внутренние противоречия, которые царили в лагере Горы. Необходимость в интерпелляции об итальянской политике правительства к 11 июня уже отпала: факты этой политики стали общеизвестны. Поэтому Ледрю-Роллен сразу же сформулировал обвинение президента и правительства в открытом и наглом нарушении конституции и решений

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 167.

Учредительного собрания по итальянскому вопросу. В своей речи он разоблачил тот преднамеренный обман страны и Собрания, который осуществляло правительство. Свою речь Ледрю-Роллен закончил обвинительным актом против президента и министров и потребовал срочного обсуждения предъявленного им обвинения.

Несмотря на свой грозный, обличительный тон, речь вождя Горы не содержала, однако, призывов к каким бы то ни было революционным выступлениям, выходящим за рамки парламентских действий. Но после выступления Барро, который пытался лживыми объяснениями ослабить впечатление от речи Ледрю-Роллена и провокационно требовал от последнего ответа на вопрос, намерена ли Гора оставаться в рамках легальности, Ледрю-Роллен выступил вторично. Вторая речь Ледрю-Роллена отражала те революционные настроения, которые шли к руководству партии Горы снизу. Ледрю-Роллен заявил: «Наш ответ весьма прост: конституция была нарушена, и мы будем защищать ее всеми возможными средствами, даже силой оружия!». Его слова были поддержаны всей парламентской фракцией Горы, и Ледрю-Роллен снова повторил их в самом конце своего выступления: «Я сказал и повторяю: нарушенная конституция будет защищаться нами даже с оружием в руках!». Эти слова были немедленно использованы монархическим большинством Собрания как предлог для закрытия заседания. Решение было принято большинством 361 против 203 голосов: таким образом, часть буржуазных республиканцев голосовала вместе с монархической частью Собрания.

Раздавшийся с трибуны Собрания призыв к защите конституции с оружием в руках вовсе не соответствовал ни решениям Горы, ни подлинным намерениям самого Ледрю-Роллена. В демократическом лагере продолжались все те же споры и колебания. Вечером 11 июня они проявились на совещании в помещении редакции прудонистской газеты «Народ», где снова собрались представители демократической прессы. На этом совещании, в котором принимали участие и члены Комиссии 25-ти и Ледрю-Роллен, мнения снова разделились. Повторные предложения Жирардена и Консидерана, предлагавших свои варианты «парламентского восстания», уже не встретили поддержки у большинства присутствующих. Но это же большинство (в том числе и сам Ледрю-Роллен) отвергало и вооруженное восстание. Представитель «Общества прав человека», явившийся за указаниями, получил заверение, что Гора не прибегнет к оружию, пока не исчерпает всех легальных средств борьбы. Собрание не пришло ни к какому решению, и дальнейшее обсуждение вопроса было перенесено на совещание депутатов Горы, в их помещение по улице Азар. На это совещание были допущены представители от демократической прессы и члены Комиссии 25-ти. Рабочие делегаты настаивали на том, чтобы в тот же вечер начать восстание, но Гора решительно отвергла этот план; она соглашалась выйти из границ парламентской борьбы лишь в том случае, если Собрание отвергнет ее обвинительный акт против правительства.

Итоги всех этих совещаний были отражены в документах, опубликованных 12 июня в демократической печати. Напечатанный в ней обвинительный акт Горы против президента и министров сопровождался обращением «к народу, к национальной гвардии и к армии». Гора заявляла: «Мы хотим исчерпать средства, которые дала нам в руки конституция. Пусть народ сохраняет веру в своих представителей, подобно тому, как они верят в него». Другое обращение, подписанное Комиссией 25-ти и членами демократической прессы, призывало народ «быть готовым выполнить свой долг». Демократический комитет высших учебных заведений призывал студенчество выступить «по первому же сигналу со стороны депутатов». Еще решительнее звучало обращение Избирательного

комитета рабочих-типографов к депутатам Горы от департамента Сены: «Действуйте! Народ ждет от вас сигнала».

Передовая статья «Демократической и социальной революции» призывала: «Пусть Гора не теряет ни мгновения, пусть она объявит вне закона Бонапарта, его министров и вероломных депутатов монархического большинства». Газета заверяла Гору, что весь Париж «откликнется, как в июле и в феврале...», и обещала поддержку национальной гвардии, армии и провинции («юг и восток, наши два авангарда, ждут лишь сигнала»).

Колебания мелкобуржуазных демократов не ускользнули от внимания Луи-Наполеона, Барро и вождей «партии порядка». Стремясь вызвать Гору на выступление, они отрезали ей пути отступления. 12 июня, по предложению министра Лакросса, Законодательное собрание признало срочность разбора обвинений Горы против правительства и приступило немедленно к их обсуждению. После шумных, но бесплодных дебатов, исход которых был заранее известен, Собрание большинством в 377 голосов против 8 отвергло обвинительный акт Горы. Гора воздержалась от голосования, что было новым свидетельством растущей сумятицы в ее рядах.

12 июня до поздней ночи продолжались совещания депутатов Горы. Параллельно шли совещания представителей демократической печати, Комиссии 25-ти и Комитета высших учебных заведений. Заседавшие отдельно члены буржуазно-республиканской «Ассоциации друзей конституции» поддерживали контакт с Горой. Идея вооруженного восстания не встретила поддержки на этих совещаниях; за это высказывались лишь рабочие делегаты и отдельные деятели демократическо-социалистического блока, как, например, Делеклюз и Мишель (из Буржа). Ледрю-Роллен колебался: с одной стороны, Гора уже не могла отступить от своих торжественных деклараций и обязательств перед народом, не потеряв престижа в стране и доверия масс; с другой стороны, Ледрю-Роллен не меньше, чем другие руководители Горы, боялся вооруженной борьбы и ее последствий как в случае поражения, так и в случае победы.

Обращение Горы к народу

Вот почему в качестве выхода из этих мучительных противоречий и колебаний приобрела поддержку среди руководителей Горы идея демонстрации, идея, которая уже несколько дней пропагандировалась в демократических легионах парижской национальной гвардии. 11 июня в газетах было опубликовано обращение 300 гвардейцев 5-го легиона, просивших своего полковника взять на себя инициативу переговоров с командирами остальных легионов о созыве собрания всей парижской национальной гвардии для энергичного протеста против нарушения конституции и осады Рима французскими войсками. Обращение указывало на то, что такая демонстрация отвечает «воле и чувствам народа». Предложение о демонстрации поддерживалось и другими легионами. Ту же мысль пропагандировали газеты «Насиональ» и «Сиекль», органы правых буржуазных республиканцев. Вопрос о демонстрации обсуждался на собрании гвардейцев 5-го легиона, созванном в манеже Пелье капитаном Шмитом под предлогом обсуждения кандидатур к предстоящим выборам командира легиона. На этом собрании была избрана постоянная исполнительная комиссия 5-го легиона, связавшаяся с представителями Горы. 12 июня комиссия обратилась ко всем легионам национальной гвардии, призывая их собраться 13 июня к 11 часам утра у мэрии 5-го округа, возле Шато д'О, «в форме, без оружия, чтобы оттуда направиться к Законодательному собранию с целью напомнить ему о должном уважении к конституции, защита которой поручена всем гражданам».

Этот призыв поддержала и буржуазно-республиканская «Ассоциация друзей конституции». Она подчеркивала, что демонстрация должна быть

«величественная, спокойная, как справедливость, и торжественная, как святое дело национальностей...»

Безоружная демонстрация была единственным конкретным мероприятием, родившимся из хаоса этих дней. За этот проект ухватились все противники вооруженной борьбы, искавшие способа отказаться от обещаний Горы и одновременно спасти ее престиж. Однако революционные элементы отнеслись к безоружной демонстрации с явно выраженным недоверием и отказались участвовать в ней. «Комиссия 25-ти не имела никакого отношения к организации манифестации 13 июня», — заявлял впоследствии на суде член Комиссии Андре.

Совещания, продолжавшиеся почти всю ночь с 12 на 13 июня, породили лишь туманное воззвание Горы к народу. В этом воззвании, составленном Ледрю-Ролленом, Феликсом Пиа и Консидераном и опубликованном 13 июня за подписью 122 депутатов Горы, излагался конституционный конфликт Горы с президентом и Собранием. Воззвание обращалось к народу, к национальным гвардейцам, к солдатам с призывом защищать конституцию. Но оно не содержало призыва к активным действиям и заканчивалось словами: «Сплотимся же все под клич: Да здравствует конституция! Да здравствует республика!»

Несколько иной характер носила декларация, опубликованная в тот же день за подписью членов Комитета демократической прессы, Демократическо-социалистического комитета, Комитета высших учебных заведений и бывших люксембургских делегатов. От воззвания Горы эта декларация отличалась своим более боевым тоном, но и она избегала открытого призыва к восстанию и выражалась намеками: «Национальная гвардия подымается! Мастерские закрываются! Пусть наши братья из армии вспомнят, что они являются гражданами!.. Пусть весь народ будет наготове!

ВЫСТУПЛЕНИЕ МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ

Выступление 13 июня в Париже

С 9 часов утра 13 июня в районе площади Шато д'О стали собираться группы национальных гвардейцев, явившихся на демонстрацию по призыву делегатов 5-го легиона без оружия. Колонны демонстрантов, представлявшие рабочие клубы, развернули красное знамя; отдельные группы студентов шли также с красным знаменем. Большинство же участвовавших в демонстрации студентов и национальные гвардейцы шли под трехцветным знаменем. Некоторые из студентов переоделись в рабочие блузы. Но в блузы облачились и полицейские сыщики, в большом количестве подосланные властями. Рабочего же люда было среди демонстрантов мало. «Настоящие рабочие, те, которые умеют ворочать камни мостовой, на скорую руку рыть рвы и валить деревья для сооружения баррикад, были крайней редкостью», — свидетельствовал впоследствии участник демонстрации, студент Фонвилль. Революционный актив парижского пролетариата относился к идее «мирной демонстрации» скептически и выжидательно. Конституционный конфликт между Горой и Собранием не всколыхнул широких рабочих масс. Следует также отметить, что воззвание с призывом к демонстрации было опубликовано 13 июня лишь в двух левых газетах («Народ» и «Демократическая и социальная революция») и не дошло до рабочих предместий Парижа: ночью и утром 13 июня полиция задержала продавцов газет.

Что касается «Друзей конституции», то эти правые буржуазные республиканцы отрядили на демонстрацию лишь несколько человек для информации. Остальных своих сторонников они решили собрать на на-

бережных и в помещении своего комитета, находившегося на пути следования демонстрантов.

Большинство вождей Горы также отсутствовало на демонстрации. С утра 13 июня Гора возобновила свое заседание на улице Азар. Здесь опять продолжалось обсуждение вопроса о способах борьбы с президентом и большинством Законодательного собрания. Руководители Горы, в том числе и Ледрю-Роллен, одобряя план мирного шествия к Собранию, выжидали хода событий и продолжали трусливо уклоняться от решения вопроса о дальнейших действиях.

К 12 часам среди демонстрантов появились Консидеран и Этьен Араго и стали во главе колонны. Демонстранты тронулись в путь. Их ряды насчитывали вначале около 6—8 тыс. человек, но в пути число их достигло, по некоторым сведениям, 25—30 тыс. человек.

В час дня, когда головная колонна демонстрантов достигла улицы Мира, Шангарнье перешел в наступление. Конные и пешие части, втрое превосходившие своей численностью демонстрантов, ринулись в их ряды и разрезали надвое колонну. А. И. Герцен, лично участвовавший в демонстрации 13 июня, рассказывает: «Дошли мы до того места, где улица Мира (Rue de la Paix) входит в бульвары; она была заперта взводом венсенских стрелков, и когда наша колонна поравнялась с ними, стрелки вдруг расступились, как декорации в театре, — и Шангарнье, верхом на небольшой лошади, скакал перед эскадроном драгун. Без всяких соммаций [предупреждений], без барабанного боя и прочих законом предписанных форм, он, смяв передовые ряды, отрезал их от прочих и, развернув драгун на две стороны, велел им скорым шагом расчистить улицу. Драгуны с каким-то упоением пустились мять людей, рубя палашами плашмя и острой стороной при малейшем сопротивлении»[1].

Кучки людей пытались организовать сопротивление, вновь строились в колонны, пытались возобновить шествие. На Итальянском бульваре, на бульваре Монмартр, на улицах Ришелье и Гран-Бательер, возле театра Сен-Мартен, в предместьях Пуассоньера и Монмартра разъяренные группы людей наспех строили баррикады, выбрасывали на мостовую из кафе стулья и столы, опрокидывали кареты. Были попытки разгрома оружейных лавок. Герцен писал: «Наглость нападения на безоружных людей возбудила большую злобу. Будь в самом деле что-нибудь приготовлено, будь вожатые, не было бы ничего легче, как начать настоящий бой». Но, продолжал Герцен, «„Гора“ вместо того, чтобы явиться во весь рост, услышав о том, как смешно разогнали лошадьми самодержавный народ, скрылась за облаком»[2]. Стихийные и разрозненные попытки начать борьбу с войсками были быстро сломлены повторными атаками солдат Шангарнье. К 2 часам дня демонстрация была полностью рассеяна, и Шангарнье возвращался в Тюильрийский дворец, приветствуемый толпой буржуа на площади Биржи, как победитель.

Тем временем депутаты Горы продолжали совещаться на улице Азар. В совещании участвовали и представители «Ассоциации друзей конституции» и члены Комиссии 25-ти. Некоторые из них требовали перехода к активной борьбе, немедленного провозглашения «революционного правительства». Но большинство мелкобуржуазных демократов продолжало испытывать страх перед решительными революционными действиями и тратило время в бесплодных спорах. При первых же слухах о расправе Шангарнье с демонстрацией большинство депутатов Горы покинуло совещание и разбежалось. Только около 30 депутатов, во главе с Ледрю-Ролленом,

---

[1] А. И. Герцен. Былое и Думы, Л., 1946, стр. 373.
[2] Там же.

Мартеном Бернаром и Делеклюзом, решились принять вызов реакции и начать борьбу в расчете на поддержку демократических частей национальной гвардии. Штаб артиллерийского легиона национальной гвардии Парижа находился в Палэ-Насиональ. Артиллеристы и их командир, полковник Гинар, тесно связанный с вождями мелкобуржуазной демократии, считались самой надежной опорой Горы. Но имя Гинара было ненавистно революционному пролетариату Парижа: этот мелкобуржуазный республиканец, бывший участник июльской революции и республиканского движения в первые годы Июльской монархии, принимал активное участие в подавлении июньского восстания 1848 г. К тому же Гинар высказывался за мирные средства борьбы, хотя и признавал, что конституция нарушена правительством. Гинар был против участия артиллеристов в демонстрации, по крайней мере до тех пор, пока не станет известно, что в ней участвуют все легионы национальной гвардии.

После разгона демонстрации группа депутатов Горы во главе с Ледрю-Ролленом явилась в Палэ-Насиональ. Под их влиянием Гинар собрал наличных артиллеристов и призвал их поддержать Гору и отправиться вместе с депутатами «защищать республику и конституцию».

В Консерватории искусств и ремесл

Ледрю-Роллен, Делеклюз, Мартен Бернар, Гинар, депутаты и артиллеристы (человек 150—200) отправились в Консерваторию искусств и ремесл. Место это было избрано не случайно. Тут в свое время, в январе 1849 г., республиканцы предполагали найти убежище для Учредительного собрания в случае попытки монархического переворота. Соответствующее предложение было сделано тогда マррасту командиром 6-го легиона национальной гвардии Форестье, а Консерватория была расположена в районе этого легиона. Вожди Горы рассчитывали и теперь на Форестье и его легион, как на свою боевую силу. Но эти надежды были одной из многих иллюзий Горы: еще до событий 13 июня Форестье не скрывал своего отрицательного отношения к идее демонстрации.

Ошибочными были и расчеты Горы на жителей 6-го округа Парижа, где Горой был одержан значительный успех на выборах 13 мая. Среди рабочих и мелких буржуа 6-го округа уже в течение долгого времени велась агитация против вооруженного восстания.

Ошибочным был выбор Консерватории и с военно-тактической точки зрения. Это обширное здание с большим садом, окруженным ветхой оградой, выходило на несколько улиц и площадей, открывавших нападающим пути для атаки с разных сторон. Такая позиция требовала большого количества вооруженных защитников. Консерватория была не крепостью, а скорее западней для повстанцев.

Из 150—200 артиллеристов, отправившихся вместе с депутатами Горы в Консерваторию, вооружены были только 60 человек: Гинар оставил в Палэ-Насиональ около 500 ружей, хранившихся на складе. Артиллеристы взяли с собой пушки, но без снарядов. По ироническому замечанию Герцена, они собирались действовать «моральной стороной своих пушек». Поведению артиллеристов вполне соответствовала позиция парижской мелкой буржуазии. «Лавочники становились у порога своих дверей, они аплодировали, но ни один не брал ружья, чтобы присоединиться к защитникам конституции», — писал в своих воспоминаниях очевидец этого шествия Даримон, редактор прудонистской газеты «Народ». Поведение сторонников Горы в самой Консерватории было крайне непоследовательным. Заняв без сопротивления здание, гвардейцы-артиллеристы не знали, что делать дальше. Часть артиллеристов принялась было строить баррикады внутри здания и на подступах к нему, но Гинар приказал немедленно прекратить постройку баррикад и всячески избегать вооруженной борьбы.

После этого артиллеристы сами не давали населению строить баррикады вокруг Консерватории. Однако, по мере того как обнаруживалась уязвимость здания, строительство баррикад возобновлялось. В разных частях территории возле Консерватории были сооружены три баррикады. Но они не имели эффективного значения.

В Консерваторию явились вожаки революционных клубов и тайных обществ — Н. Лебон и В. Шипрон. Они с тревогой и разочарованием наблюдали сумятицу среди защитников Консерватории и пытались побудить Гинара к энергичным мерам. Лебон рассказывал впоследствии на суде: «Придя в Консерваторию искусств и ремесл... я был крайне удивлен: я увидел там артиллеристов-миротворцев!.. Я зашел внутрь здания, поднялся в зал, где совещались, подошел прямо к Гинару и сказал ему: „Вы, кажется, расположены спокойно ожидать здесь ружейного огня?!“ — „Да“, ответил он мне». Услышав такой ответ, Лебон пошел домой. Член Комиссии 25-ти, Дюфеликс, поступил иначе: он отправился с несколькими гвардейцами-артиллеристами к ближайшим постам национальной гвардии, чтобы разоружить их и расширить район восстания. Но они натолкнулись на решительный отпор поста гвардейцев; Дюфеликс был ранен и схвачен, а его спутники разбежались. Тем временем вожди Горы снова принялись совещаться в Консерватории о том, что делать дальше. «В этом обсуждении не было никакого порядка и ничего торжественного. Это — столкновение мнений, противоречивых утверждений, невыразимый хаос. Никто не просит слова, все говорят разом; это — не смешение языков, а высшая степень смешения голосов и смешения идей», — так описывал эту сцену ее свидетель, директор Консерватории профессор Пуйе.

Совещание длилось около 45 минут, но так и не приняло никакого ясного плана действий. Консидеран предлагал покинуть Консерваторию и отправиться искать на бульварах демонстрантов или гвардейцев 6-го легиона. Ледрю-Роллен колебался, он все еще ожидал прибытия Форестье и его легиона и надеялся на него. Решили послать депутата Сюшэ в мэрию 6-го округа, чтобы побудить Форестье поскорее присоединиться к Горе и поспешить в Консерваторию. Сюшэ не застал Форестье, а при попытке повлиять на его легионеров встретил отрицательное отношение командиров батальонов. Тогда Сюшэ решил переговорить с мэром 6-го округа, однако разговор этот кончился тем, что мэр арестовал Сюшэ и препроводил его в Законодательное собрание. Сам Форестье обходил в это время улицы и кварталы 6-го округа. Его сопровождала толпа, кричавшая: «Да здравствует Форестье! Да здравствует республика!» Слышались крики: «К оружию!» Рабочие хотели видеть в Форестье руководителя начинающейся борьбы. Но Форестье давно уже принял решение воздержаться от участия в сомнительном предприятии Горы и употребил все свое влияние на то, чтобы помешать постройке баррикад.

В ожидании Форестье в Консерватории продолжали спорить и совещаться. Часть депутатов, напуганная оборотом событий, потихоньку удалилась. Другие отправились в различные районы города, чтобы попытаться привлечь национальную гвардию. Попытки эти, предпринятые в мэрии Бельвилля и у поста на улице Сен-Дени, успехом не увенчались. Некоторые депутаты писали письма в свои департаменты, описывая ход событий в Париже и призывая демократов провинции к борьбе.

Запоздалый призыв Горы к оружию. Исход борьбы

В этот момент, повидимому, и была составлена в Консерватории прокламация, призывавшая народ к оружию. Она обращалась «К народу, к национальной гвардии и к армии» и гласила: «Конституция нарушена! Народ поднимается на ее защиту! Гора находится на своем посту. К оружию! К оружию! Да здравствует республика!

Да здравствует конституция!» Прокламация была помечена: «В Консерватории искусств и ремесл, 13 июня в 2 часа дня». Под ней стояли подписи 119 депутатов Горы. Эту прокламацию, напечатанную ручным способом, неизвестные лица расклеивали в разных пунктах города после 3 часов дня.

Но обращение Горы к народу и ее призыв к восстанию во всяком случае запоздали. Бесконечную дискуссию вождей Горы прервало появление войск в Консерватории. Национальные гвардейцы 6-го легиона, — того самого, которого так ожидал Ледрю-Роллен, — не только не пришли на помощь Горе, но, наоборот, наткнувшись на защищаемую артиллеристами баррикаду у подступов к Консерватории, атаковали ее. Артиллеристы, действуя сообразно приказу Гинара, подняли вверх приклады. Но тут раздались выстрелы с противоположного конца улицы, — стреляли люди в блузах. Тогда гвардейцы вызвали на подмогу войска. К Консерватории спешно прибыл 62-й линейный полк. Без малейшего сопротивления со стороны артиллеристов солдаты ворвались во двор Консерватории и захватили всех находившихся там. Тем временем часть артиллеристов спаслась бегством через сад и крыши соседних домов. Вскоре удалось уйти и вождям Горы. Они укрылись у своих знакомых, а затем перебрались за границу (в Лондон).

После бегства депутатов Горы из здания Консерватории движение окончательно лишилось какого бы то ни было руководящего центра. Мелкобуржуазные «вожди демократии» признали себя побежденными и прекратили сопротивление в тот момент, когда еще существовали разрозненные очаги вооруженной борьбы на улицах Парижа. В отдельных пунктах города продолжалась постройка баррикад. Большую баррикаду на улице Жан-Робер повстанцы защищали ружейным огнем против солдат 62-го полка; другая, еще более крупная баррикада была возведена на улице Омер. Баррикады были и на улице Понт-о-Биш, и на улице Гравилье, и в некоторых других местах. Вечером 13 июня безоружные молодые люди пытались соорудить баррикаду на улице Шанон. На судебном процессе по делу 13 июня отмечены были факты нападения защитников баррикад на национальных гвардейцев с целью их обезоружения. В некоторых случаях восставшие устраивали обыски в квартирах национальных гвардейцев и реквизировали их ружья. Капитулировав без боя, Гора оборвала развитие начинавшегося восстания.

Буржуазные историки, которые почти единодушно осуждают Гору за самую попытку выступления 13 июня 1849 г., непрочь одновременно возложить ответственность за поражение Горы на пролетариат, якобы оказавшийся безучастно равнодушным зрителем попыток демократов спасти республику от ударов со стороны монархической котрреволюции. Так, реакционный историк Шарль Путас, автор посвященного революции 1848 г. тома новейшей французской многотомной серии «Народы и цивилизации», лицемерно сокрушаясь по поводу того, что после июньского восстания 1848 г. рабочие якобы «отвернулись от республики», клеветнически обвиняет французский пролетариат в том, что он не поддерживал Гору на выборах 1849 г., и утверждает, что «13 июня 1849 г. было совершено батальонами национальной гвардии, состоявшими из не-рабочих». Фальшь этих лицемерных разглагольствований Шарля Путас совершенно очевидна. Не говоря уже о том, что своими успехами на выборах в Законодательное собрание Гора была обязана в немалой степени рабочим Парижа, Лиона и других промышленных центров, именно сохранившиеся отчасти после июньского поражения 1848 г. активисты рабочего движения — рабочие делегаты, клубные деятели, вожаки тайных обществ и профессиональных организаций — были теми, кто решительнее всего требовал революцион-

ного выступления Горы, кто заставил мелкобуржуазных демократов выйти из границ парламентской борьбы, кто толкал их на путь вооруженного восстания. Отказ от смелых революционных действий, постоянные колебания и трусость вождей Горы не могли не повлиять расхолаживающим образом на рабочих, в результате чего «...демократическая партия, вместо того чтобы черпать силы из пролетариата, заразила его своей собственной слабостью...» [1] Однако все активные силы рабочего класса внимательно следили за ходом событий и готовились принять в них действенное участие.

Причины поражения Горы

Маркс писал: «В продолжение всего 13 июня пролетариат занимал ту же скептически-наблюдательную позицию и выжидал серьезной, бесповоротной схватки между демократической Национальной гвардией и армией, чтобы броситься тогда в борьбу и толкнуть революцию дальше навязанной ей мелкобуржуазной цели»[2]. О том же свидетельствовали и гневные обвинения по адресу Горы, высказанные вожаками парижских рабочих. Член Комиссии 25-ти Сонжон писал вскоре после демонстрации 13 июня: «Если бы Гора в полном составе явилась в 10 часов или в полдень или даже в 2 часа дня, — все было бы закончено без единого выстрела по линейным войскам. Венсенские стрелки были бы разгромлены и отступили бы перед национальной гвардией; национальная гвардия была бы на стороне Горы. Народ хорошо сделал, что не ввязался в борьбу без Горы. Весьма ошибаются те, кто его обвиняет. И кто обвиняет его? Те самые, кто не имели мужества сжечь свои корабли». Член Союза коммунистов Зейлер, активный участник описываемых событий, заявлял: «Если бы Гора укрепила Консерваторию и энергично защищала ее, то она продержалась бы до ночи, а за это время под влиянием известий об обороне Консерватории восстал бы весь парижский пролетариат и примыкающая к нему часть мелкой буржуазии».

Зейлер, однако, не отмечал, что в движении 13 июня отсутствовало еще одно важное условие, без которого подлинно массовое восстание было невозможно: «...требовалась общность серьезных интересов, находящихся под угрозой. Нарушение какого-то отвлеченного параграфа конституции не могло пробудить такого рода интерес»[3]. Выступление 13 июня, которое Гора изображала в виде конституционного конфликта, было лишено социальной программы и революционных лозунгов, способных всколыхнуть и увлечь широкие массы.

На это обстоятельство указывали и те революционные деятели, которые не проявили активности в день 13 июня. «Восстание из-за какого-то текста конституции мне было непонятно, — говорил Н. Лебон на судебном процессе по делу 13 июня, — я не был таким рьяным сторонником изготовленной для нас конституции, чтобы во имя ее браться за оружие; и, кроме того, — разве в первый раз она нарушалась?» О том же выразительно писал Герцен в своих воспоминаниях: «Но нерасторопность Ледрю-Роллена и формализм Гинара, — эти все внешние причины неудачи... Внутренняя причина состояла в бедности той республиканской идеи, из-за которой шло движение... Если бы „гора“ одолела 13 июня, что̀ бы она сделала? Нового у нее за душой ничего не было: опять бесцветная фотография яркой и мрачной рембрандтовской, сальватор-розовской картины 1793 года, без якобинцев, без войны, даже без наивной гильотины...»[4]

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 240.
[2] Там же, стр. 166—167.
[3] Там же, стр. 241.
[4] А. И. Герцен. Былое и Думы, 1946, стр. 373—374.

Отклики в провинции на события 13 июня в Париже

Выступление 13 июня вызвало многочисленные отклики в провинции, где демократические силы напряженно следили за назревавшими в столице событиями. Однако провинциальное движение оказалось в общем столь же слабым, как и движение в Париже. Мелкобуржуазные колебания, нерешительность, выжидание указаний сверху, подмена действительной борьбы борьбой словесной и показной, — все это проявилось в провинции еще сильнее, чем в столице. Обнаружилась полная неподготовленность Горы к действиям в общенациональном масштабе. Хотя правительство обвиняло Гору в организации заговора, раскинувшегося по всей стране, а контрреволюционные газеты распространяли фантастические вымыслы о дирижерской палочке в Париже, по взмаху которой «демагоги» выступят во всей Франции, в действительности у Горы не существовало никаких конкретных планов организации движения в провинции. Гора сохраняла традиционную веру в решающую роль Парижа во всякой политической борьбе. Вследствие этого в провинции подготовка к борьбе в защиту конституции сводилась к отвлеченным призывам выступить по сигналу, который подаст Париж. Гора не сомневалась в том, что достаточно будет парижского сигнала, чтобы департаменты сами собой пришли в движение.

События 13 июня вызвали выступления демократов в тех департаментах, которые голосовали в мае 1849 г. за партию Горы. Такие попытки имели место в городах Эльзаса, в Реймсе, Лилле, Амьене, Маконе, Дижоне, Тулузе, Лиможе, Бордо, Перпиньяне и в некоторых других городах, а также в ряде сельских местностей. В подавляющем большинстве случаев выступления носили крайне нерешительный характер и быстро терпели неудачу. Так, например, в Бордо 16 июня около 400 демонстрантов, собравшихся было перед зданием префектуры, разошлись после появления двух рот солдат и больше не проявили никакой активности. Такой же характер носило выступление в Лиможе. Даже в Страсбурге, где кандидаты Горы одержали блестящую победу на выборах в Законодательное собрание и где возбуждение населения еще более повышали вести о революционной борьбе немецких демократов в соседнем Бадене и Пфальце, отклики на парижские события мало чем отличались от движения в Бордо. 14 июня в Страсбурге еще ничего не было известно об исходе борьбы в Париже. Демократические вожаки, группировавшиеся вокруг газеты «Рейнский демократ», во главе с ее редактором, профессором медицинского факультета Кюсс, потребовали от мэра созыва национальной гвардии для несения караульной службы в крепости и в других пунктах города. Мэр отказался выполнить это требование. Демократы добились все же приказа о сборе всей национальной гвардии. Но военное командование категорически отказалось допустить национальную гвардию к караульной службе совместно с войсками. В этот момент прибыли депеши, сообщавшие о провале движения в Париже и введении в столице осадного положения. Страсбургские демократы разошлись; национальная гвардия была распущена.

Знаменательные события произошли в департаменте Алье, где преобладала крупная земельная собственность и имелось многочисленное бедняцко-батрацкое население. На майских выборах в Законодательное собрание в Алье прошел «красный список». Очагом демократической пропаганды был округ Монлюсон, в котором демократическое движение возглавлял брат депутата Горы в Законодательном собрании, Фаржэн-Файель. Следя за нарастанием политического кризиса в Париже, демократы Монлюсона решили поднять население своего округа на борьбу и захватить Монлюсон, а затем и административный центр департамента, город Мулен.

В изданной ими прокламации говорилось о том, что целью движения является обеспечение свободы, труда, благосостояния. «Тогда вас не будут больше угнетать богатые и знатные»,— писали демократы Монлюсона в обращении к крестьянству; тогда, — добавляли они,—воцарится «истинная Республика и не будет налогов на бедняков», ибо «у богачей достаточно экю, чтобы платить налоги». В ночь на 15 июня руководители движения созвали своих сторонников в условленном месте—за городом. Явилось 700—800 крестьян, вооруженных ружьями и вилами, заступами и самодельными копьями. Собравшиеся ожидали подхода новых сил из окрестных сел и городов и почты с парижскими новостями. После длительного ожидания были получены известия о неудаче, постигшей Гору в столице, и собравшиеся разошлись по домам. Это несостоявшееся восстание сильно перепугало представителей местной власти и буржуазно-помещичьи круги. Осенью 1849 г. 41 человек предстал перед судом присяжных в Риоме.

В Тулузе вечером 11 июня большая колонна демонстрантов прошла по улицам с криками: «Да здравствует красное знамя! Да здравствует Ледрю-Роллен! Да здравствует Римская республика! Долой попов! Долой Удино!»

Волнения происходили и в департаменте Дордонь. В Нонтроне рабочие скупили весь порох, какой только можно было достать в магазинах. Демократическая печать призывала население быть готовым к выступлению на поддержку Парижа. В Бержераке было выпущено воззвание, в котором говорилось: «Нам надо быть готовыми взяться за оружие, чтобы итти навстречу нашим парижским братьям. Может быть, надо будет взяться за оружие сегодня же ночью, когда прибудет почта». В некоторых пунктах департамента Дордонь происходили волнения, но они прекратились после получения известий о неудаче, которая постигла демократов в Париже. В Альби 14 и 16 июня толпа народа дважды врывалась в здание префектуры, требуя от префекта предъявления депеш, полученных из Парижа. В Монтэгю демократы поговаривали о том, чтобы отказаться от уплаты налогов и взяться за оружие для защиты конституции. В Сен-Годенсе рабочие угрожали прогнать представителей власти и назначить на их место социалистов. В Карамане 14, 17 и 19 июня происходили уличные демонстрации. Раздавались возгласы: «Конституция нарушена, мы будем защищать ее с помощью оружия, последуем примеру Парижа! Мужайтесь! Будем драться! Да здравствует Барбес!».

Лионское восстание 15 июня 1849 г.

Из всех откликов на парижские события наиболее серьезным было лионское восстание 15 июня 1849 г. Это восстание показало более решительный характер демократического движения в Лионе по сравнению с движением в столице. Объяснялось это большей остротой классовых противоречий в Лионе, крупном промышленном и пролетарском центре: в отчете центрального полицейского комиссара от 20 сентября 1849 г. сообщалось, что из 177 тыс. жителей Лиона около 75 тыс. занято в шелковой промышленности. Существенное значение имела и бо́льшая сплоченность лионского пролетариата по сравнению с пролетариатом Парижа, потерпевшим за год до того страшное поражение, от которого он еще не оправился. Лионские рабочие и ремесленники еще сохранили свои организации, построенные по типу тайных обществ, разбитые на пятерки, десятки, сотни. Самыми влиятельными из них были: «Общество мютюэлистов», насчитывавшее по полицейским (вероятно, сильно преувеличенным) данным 20—30 тыс. членов, «Общество прав человека», «Общество карбонариев» и общество «Ворас» (члены этого общества были организованы в вооруженные отряды). Всего в этих обществах полиция насчитывала свыше 40 тыс. членов. Эти организации играли роль и политических клубов, и профессиональных союзов, и касс взаимопомощи лионского пролетариата.

С 10 июня в Лионе распространялись слухи о готовящихся в Париже событиях. В рабочих массах нарастало боевое настроение. Вечером 12 июня в различных частях города собирались демонстранты. 13 июня демократическая газета «Суверенный народ» опубликовала призыв к Горе. «Настал момент, — говорилось в этом документе, — доказать всему миру, что вы достойны носить это имя монтаньяров, которое возвеличили ваши предки в период первой революции... Вы имеете за собой 12 миллионов пылких и преданных граждан, всегда готовых умереть, защищая вас...» Волнение в городе усиливалось. Военное командование решило вывести из города ненадежные воинские части и заменить их свежими подкреплениями. Солдаты 25-го пехотного полка, затронутые социалистической пропагандой, были сняты с караулов в форту Ламотт; полк был отправлен в Сен-Рамбер, близ Лиона. По призыву газеты «Суверенный народ» члены тайного общества «Ворас» попытались задержать полк на марше и устроить братание с солдатами.

14 июня Лион все еще ничего не знал о событиях в Париже и их исходе: вследствие плохих атмосферных условий сигнальный (семафорный) телеграф бездействовал и никаких сообщений не передавалось. В рабочих массах и в демократических кругах перерыв связи со столицей был воспринят как косвенное свидетельство успеха, достигнутого Горой в Париже. К вечеру того же дня власти получили, наконец, депеши. Депутация демократических журналистов направилась к мэру города с требованием сообщить содержание полученных телеграмм. Мэр отказался это сделать, сославшись на отсутствие каких-либо известий. В ночь на 14 июня газета «Республиканец» (среди редакторов ее были видные демократы и социалисты Бюрель и Гринан) выпустила бюллетень, в котором сообщала как достоверное известие, что Гора преобразовала себя в Национальный конвент, что на ее призыв откликнулось население Парижа, что декретирован арест Луи-Наполеона и его министров. Бюллетень расклеивался на стенах, читался вслух в рабочих кварталах, раздавался на улицах. Власти пытались опровергнуть эти слухи. Военное командование воспользовалось прибывшими подкреплениями, чтобы очистить от народа площадь и улицы перед городской ратушей. Ночь прошла спокойно, но клубы и тайные общества продолжали заседать и готовить выступление на помощь парижским демократам. Был создан Исполнительный комитет, который должен был руководить движением.

С утра 15 июня в традиционном центре революционного движения трудящихся Лиона, рабочем предместье Круа-Русс, был подан сигнал к восстанию. Барабаны забили тревогу, было развернуто красное знамя, началась постройка баррикад. Отряд повстанцев в 200—300 человек направился было за город, чтобы догнать и вернуть в Лион солдат 25-го пехотного полка, выведенного накануне из города. Однако полк был уже далеко. Не обнаружив его, отряд вернулся в Лион. Он подошел к ветеринарной школе, учащиеся которой были настроены революционно. Помещение школы охранялось отрядом солдат 17-го полка, численностью в 150 человек. Повстанцы окружили здание школы, быстро овладели им и разоружили солдат. Впоследствии военное командование объясняло это тем, что нападение на ветеринарную школу было якобы столь внезапным, что солдаты не успели даже зарядить ружья. Однако нельзя было скрыть того факта, что нападающим помогли изнутри учащиеся школы и что им сочувствовала часть солдат. В то время как большинство солдат было после разоружения отпущено повстанцами и направилось на правый берег Соны, в крепость, другие, как отмечало командование, «были уведены мятежниками силой или ушли добровольно, при возгласах: „Да здравствует пехота!“».

Повстанцы вернулись в Круа-Русс, разоружив по дороге несколько мелких военных постов. Теперь численность повстанцев достигала 500—600 человек, по другим данным — 1000—1200 человек. В Круа-Русс сооружались баррикады: их было свыше десятка. На главных улицах и направлениях баррикады строились в две линии, увеличивая этим глубину обороны.

Против восставшего предместья Круа-Русс военное командование двинуло, по заранее разработанному плану, крупные силы, численностью до пяти батальонов пехоты, поддержанных артиллерией, эскадроном кавалерии и инженерно-саперными частями. Баррикады подверглись сильному артиллерийскому обстрелу. Наступление пехоты, сопровождавшееся ожесточенной ружейной перестрелкой, велось с трех сторон. Сражение продолжалось с 11 часов утра до 5 часов вечера, когда сопротивление защитников баррикад было, наконец, сломлено, и войска ворвались в Круа-Русс. Как сообщал в своем отчете руководивший подавлением восстания генерал Маньян, повстанцы оказывали отчаянное сопротивление: борьба шла за каждый дом. Окруженные со всех сторон повстанцы пытались вырваться из кольца и уйти в поле, но были окружены и взяты в плен. Вместе с повстанцами, захваченными при защите домов, число пленных достигало 700 человек; число убитых и раненых достигало 150. Было арестовано 1877 человек. Часть арестованных была предана суду, который состоялся в конце 1849 г.

Горняки бассейна Рив-де-Жье, узнав о вспыхнувшем в Лионе восстании, решили идти на помощь лионским рабочим. Вечером 17 июня горняки собрались на холмах возле города и оттуда двинулись в поход на Лион. Вскоре, однако, они встретили на дороге людей, сообщивших о поражении восстания, после чего горняки вернулись обратно и разошлись по домам.

Рабочие Лиона показали своим выступлением, какой оборот могли принять события 13 июня, если бы рабочий класс Франции уже тогда играл руководящую роль в демократическом лагере.

Репрессии против Горы

Поражение мелкобуржуазной демократии дало буржуазной контрреволюции столь желательный для нее повод установить в стране режим неприкрытого террора. 13 июня Законодательное собрание было созвано на экстренное заседание. Одилон Барро информировал депутатов о событиях в Париже и предложил объявить Париж и все шесть департаментов первого военного округа на осадном положении. После непродолжительных прений это предложение было принято. За него голосовала, кроме монархистов, часть буржуазных республиканцев во главе с Кавеньяком.

В заседании 13 июня приняло участие немалое число тех депутатов Горы, чьи подписи стояли под призывами Горы к борьбе. Многие из этих депутатов выходили теперь на трибуну Собрания, чтобы заявить, что они снимают свои подписи под этими документами, что подписи были поставлены без их ведома и согласия.

Собрание удовлетворило требование прокуратуры о привлечении к ответственности депутатов, участвовавших в событиях 13 июня, как государственных преступников. Оно лишило мандатов 33 депутатов Горы (в том числе Ледрю-Роллена, Ф. Пиа, Консидерана, Мартена Бернара) и предало их Верховному суду. Эмигрировавшие судились заочно. 19 июля 1849 г. министерство Одилона Барро приняло решение о высылке Маркса и его семьи в департамент Морбиан — глухое отдаленное место среди болот Бретани с очень вредным для здоровья климатом. Маркс предпочел покинуть Францию и в августе 1849 г. уехал в Англию.

Вечером 13 июня национальные гвардейцы произвели самочинные обыски и погромы в редакциях демократических и социалистических газет;

подверглась разгрому и типография Буле, печатавшая эти издания. На следующий день власти закрыли шесть основных демократических газет: «Мирная демократия», «Народ», «Демократическая и социальная революция», «Истинная республика», «Реформа», «Трибуна народов».

Силы Горы были сломлены. В стране воцарилась диктатура «партии порядка».

Париж снова был объявлен на осадном положении. Демократическая часть парижской национальной гвардии была распущена, что уничтожило вооруженную силу мелкой буржуазии в Париже.

Как указывал Маркс, события 13 июня были решительным поворотным пунктом в истории французской национальной гвардии вообще: «... начиная с этого дня, ее стали постепенно распускать по частям во всех концах Франции, пока от нее не остались одни обломки»... Этим самым «... буржуазия сама сломала свое последнее оружие против армии»[1], чем и воспользовались вскоре бонапартисты.

* * *

События 13 июня 1849 г. были новой вехой на пути попятного движения революции 1848 г. во Франции, ее развития по нисходящей линии.

После разгрома рабочих в июне 1848 г. крупная буржуазия покончила и с демократической мелкой буржуазией.

«Июнь 1849 г. был мщением за июнь 1848 года. В июне 1849 г. были побеждены не рабочие, но пали жертвой мелкие буржуа, стоявшие между рабочими и революцией»[2]. Поражение мелкобуржуазной демократии сломило сопротивление мелкой буржуазии неограниченному произволу монархического большинства Законодательного собрания.

«День 13 июня, — писал К. Маркс,— ... сделал *законодательную диктатуру* объединенных роялистов совершившимся фактом»[3]. Вместо демократической республики во Франции установилась парламентарная республика, «...республика, представляющая не что иное, как сочетание подлейших сторон двух монархий, реставрации и июльской монархии, под ярлыком империи...»[4]

Маркс, беспощадно критикуя трусливое поведение Горы во время событий 13 июня 1849 г., вскрыл причины и корни ее позорного поражения: «Если 23 июня 1848 г. было днем восстания революционного пролетариата, то 13 июня 1849 г. было днем восстания демократических мелких буржуа; каждое из этих восстаний было *классически чистым* выражением того класса, который его поднял»[5]. С убийственной иронией писал Маркс о тактике Горы 13 июня:

«Если Гора хотела победить в парламенте, ей не следовало звать к оружию. Если она в парламенте звала к оружию, ей не следовало вести себя на улице по-парламентски. Если она серьезно думала о мирной демонстрации, было глупо не предвидеть, что демонстрация будет встречена по-военному. Если она думала о действительной борьбе, было странно складывать оружие, необходимое для борьбы. Но дело в том, что революционные угрозы мелких буржуа и их демократических представителей — это не более как попытка запугать противника. И если они попадают в тупик, если они так далеко заходят, что принуждены приступить к выполнению своих угроз,— они это делают двусмысленно,

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 244
[2] Там же, стр. 163.
[3] Там же, стр. 169.
[4] Там же, стр. 233.
[5] Там же, стр. 168—169.

избегая более всего средств, ведущих к цели, и гоняясь за предлогом к поражению. Оглушительная увертюра, возвещавшая борьбу, превращается в робкое ворчание, лишь только дело доходит до самой борьбы; актеры перестают принимать себя всерьез, и действие замирает, спадает, как надутый воздухом пузырь, который проткнули иголкой»[1].

Во всем этом, подчеркивал Маркс, сказались характерные черты мелкой буржуазии, присущие ей в период, когда на исторической сцене появляется революционный пролетариат: боязнь масс, тяготение к мирным, парламентским способам борьбы, стремление избежать решительных революционных действий. Все эти выражения классового бессилия мелкой буржуазии в истории революции 1848 г. не были, разумеется, случайными. Здесь сказалось то обстоятельство, что мелкая буржуазия уже утратила способность возглавлять революционную борьбу трудящихся масс.

Как указывал В. И. Ленин, во времена Французской буржуазной революции XVIII в. мелкие буржуа еще могли быть великими революционерами, но в 1848—1849 гг. они были смешны и жалки[2].

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 240.
[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 338.

Глава сорок пятая

ИНТЕРВЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ И ПОРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ИТАЛИИ

НАСТУПЛЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

В ноябре 1848 г. папа бежал в Гаэту. Это положило начало подготовке интервенции. Однако долгое время дело не шло дальше внешних демонстраций или дипломатических переговоров. Пия IX наперебой приглашали к себе и Испания, и Неаполь, и Франция. Правительство Кавеньяка решило даже снарядить в Чивита-Веккию военную эскадру для «защиты папы». Обещала поддержку Пию IX и его главная покровительница — Австрия. Не остались в стороне и итальянские государства: Неаполь, а отчасти и Пьемонт пожелали принять участие в удушении революции.

Подготовка интервенции

На протяжении ряда месяцев по инициативе то одной, то другой державы возникали проекты международных конференций. В начале марта 1849 г. в Гаэте собрались представители католических держав для обсуждения «итальянского вопроса». Они не сумели, однако, придти к какому-либо конкретному соглашению. Им было ясно, что «итальянскую проблему» предстояло решать не дипломатическими ухищрениями, а силой оружия. К оружию взывал и сам Пий IX. Уже в этот подготовительный период наметилась основная расстановка сил и выделились главные действующие лица будущего интервенционистского блока — императорская Австрия и республиканская Франция. Одновременно обнаружились и первые проявления скрытого соперничества между потенциальными участниками интервенции. Ибо если всех их объединяла единая цель, а именно — разгром революции, то разделяла их противоречивость интересов, которые каждый из них преследовал в «итальянском вопросе».

Австрия, непреклонно отстаивавшая незыблемость внешнеполитической системы Меттерниха, ревностно оберегала «свои» территориальные владения на Апеннинском полуострове, т. е. ранее захваченные итальянские земли. Ее основное внимание попрежнему привлекала Северная Италия с непокоренной Венецией, все еще беспокойной Ломбардией и охваченным патриотическим подъемом Пьемонтом. Однако и размах революционных событий в государствах Центральной Италии не мог не вызывать острого беспокойства австрийского двора, опасавшегося влияния этих событий на остальную Италию. Австрия

«БОГОСЛОВСКИЕ ЛЕКЦИИ»

Карикатура на папу из журн. «Il Don Pirlone», Рим, 1848

была преисполнена решимости двинуться в поход против итальянской революции тем более, что оккупация Центральной Италии сулила австрийцам выгодные опорные пункты в Адриатическом море, а также значительную контрибуцию. Однако события в Венгрии вынудили Австрию на время отложить активное вмешательство в итальянские дела к большому огорчению папы, предпочитавшего, чтобы его судьба решалась только при помощи австрийского оружия.

Франция, ревниво следившая за поведением австрийцев, упорно отказывалась пока от предложений Австрии о совместной интервенции.

Со времени июньских событий, за которыми в декабре последовало избрание Луи-Наполеона Бонапарта президентом Республики, реакционные круги толкали Францию к активной борьбе против революционного движения в других странах. Низложение папской власти в Риме дало французским реакционерам желанный предлог для активных действий против Римской республики. Действовать таким образом побуждали Луи-Наполеона прежде всего внутриполитические соображения — стремление угодить французскому католическому духовенству, которое все еще пользовалось большим влиянием в деревне. «Бонапарт не нуждался более в папе, чтобы стать президентом крестьян.— писал Маркс,— но он нуждался в сохранении папской власти для того, чтобы сохранить за собой крестьян. Их легковерие сделало его президентом. Вместе с верой они теряли легковерие, а с папой — веру. Что же касается объединенных орлеанистов и легитимистов, господствовавших именем Бонапарта, то ведь, прежде чем восстановить короля, надо было восстановить власть, которая освящает королей. Не говоря уже об их роялизме,— без старого Рима, подчиненного светской власти папы, нет папы, без папы нет католицизма, без католицизма нет французской религии, а без религии что́ стало бы со старым французским обществом? Ипотека на небесные блага, которую религия дает крестьянину, служит гарантией

для ипотеки буржуа на крестьянские земли. Римская революция была, следовательно, таким же страшным посягательством на собственность, на буржуазный порядок, как и июньская революция. Восстановленное господство буржуазии во Франции требовало реставрации папской власти в Риме. Наконец, в лице римских революционеров терпели поражение союзники французских революционеров; союз контрреволюционных классов в учрежденной французской республике нашел свое естественное дополнение в союзе французской республики со Священным союзом, с Неаполем и Австрией»[1].

«ЕГО СВЯТЕЙШЕСТВО И ЕГО НАЛОЙ»
Карикатура на Пия IX. Литография неизв. художника
Собрание Института Маркса—Энгельса—Ленина. Москва

Восстановление светской власти папы казалось французскому правительству желательным и по соображениям внешней политики. Возвращение Пия IX в Рим должно было закрепить раздробленность Италии и, следовательно, устранить угрозу появления в Средиземном море серьезной соперницы Франции в виде единого итальянского государства. Военный поход в Италию мог укрепить влияние Франции на Апеннинском полуострове, важном плацдарме для ее будущих экспансионистских планов. Медлительность и кажущаяся противоречивость французской политики в «итальянском вопросе» объясняются лишь необходимостью для правящих кругов учитывать настроения Учредительного собрания, в котором пока еще господствовали республиканцы. Тем не менее уже 23 декабря 1848 г., через три дня после вступления в должность президента, на секретном заседании совета министров было в принципе одобрено вмешательство Франции в дела Римской республики.

Некоторое, хотя и второстепенное, участие в блоке интервентов с самого начала принимали монархические и католические правительства Испании и Неаполя, напуганные опасной близостью республиканского Рима и готовые верой и правдой служить делу папы.

Известную роль в подготовке интервенции сыграли и две другие державы, которые, хотя и оставались в тени, не отказывались от «морального вмешательства» в дела Римской республики. Это — Россия и Англия.

Правящие круги Российской империи добивались скорейшего подавления итальянской революции и восстановления «законной» власти папы. При этом они преследовали и определенные внешнеполитические цели: поддерживая Австрию в «итальянском вопросе», царское правительство стремилось еще крепче привязать к себе эту свою соперницу, на помощь которой

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т.I, 949, стр. 156.

царь особенно рассчитывал в связи с ростом англо-русских противоречий на Ближнем Востоке.

Англия на протяжении первого периода революции 1848 г. пользовалась совершенно незаслуженной славой «последовательной защитницы» итальянского национально-освободительного движения. Эта легенда, возбудившая вначале в итальянском народе немало надежд, была причиной тягостных разочарований. «Пусть господь убережет народы от английских симпатий», — писала в марте 1849 г. одна римская демократическая газета. Английская дипломатия, заинтересованная в укреплении позиций Великобритании на Апеннинском полуострове, действительно содействовала борьбе за вытеснение австрийцев из Италии. Однако правящие круги Англии не решались открыто поддержать Италию, так как для этого пришлось бы пойти на разрыв и с Францией и с Австрией. Но разрыв с Францией был нежелателен для Англии ввиду обострения ее отношений с Россией; нежелателен был для Англии и разрыв с Австрией, которая могла пригодиться ей в качестве противовеса русскому влиянию. К тому же революция в Италии приняла не угодные английским либералам формы. Продолжая оказывать поддержку либерально-монархическому Пьемонту, Англия с первых дней существования Римской республики демонстрировала явную неприязнь к ней, как и ко всем другим демократическим движениям. Когда римские республиканцы обратились в Лондон с просьбой о помощи, Пальмерстон без обиняков заявил их представителю, что английские государственные деятели относятся отрицательно к существованию республики в самом сердце Италии.

По всем изложенным причинам итальянская революция не могла рассчитывать на помощь извне. Разобщенность отдельных ее очагов и отсутствие единства действий между Римом, Венецией, Тосканой, Сицилией еще более ослабляли потенциальные силы революции.

Возобновление войны против Австрии. Предательство сардинского короля

12 марта 1849 г. король Карл-Альберт денонсировал соглашение о перемирии с Австрией. В туринском парламенте правительство объявило о предстоящем новом походе во имя освобождения Ломбардии, во имя «благородных и справедливых» целей итальянской независимости. Восторженно реагировала на это палата, восторженно откликнулась столица, поддержанная бурными патриотическими манифестациями других городов. «Солдаты, — приказывал главнокомандующий генерал Кшановский, — спешите в бой, который принесет вам верную победу. Дни славы итальянского оружия вновь настали!»

Так началась война после семи месяцев подозрительной бездеятельности и не менее подозрительных махинаций придворной камарильи. Карл-Альберт и министерство Джоберти сделали практически все, чтобы деморализовать армию. Армия была пополнена недисциплинированными новобранцами, принесшими с собой настроения деревни, сбитой с толку коварной агитацией иезуитов и прочих агентов контрреволюции. Никаких серьезных мер не принималось ни для обучения, ни для вооружения солдат. Артиллерия была слаба, еще слабее были инженерные войска, попрежнему плохо были организованы интендантская и санитарная службы. Из неудач 1848 г. не было сделано практических выводов. В генеральном штабе распоряжались невежественные и тупые люди. Во главе армии был поставлен генерал Кшановский — бездарный и нерешительный человек, рекомендованный туринскому двору польской аристократией и французскими иезуитами, не знавший ни итальянского языка, ни театра военных действий, ни нравов и обычаев страны.

Таково было положение пьемонтской армии в начале марта, когда король и министерство объявили о прекращении перемирия. Такое решение сардинского правительства было вызвано рядом причин и прежде всего открытой агрессивностью Австрии. Немалую роль играли и внутриполитические соображения. Люди, страшившиеся демократических преобразований внутри государства, рассчитывали, что война укрепит позиции контрреволюционного лагеря. Испуганные размахом народного антиавстрийского движения и решительной позицией большинства парламента, Карл-Альберт и его министры обратились к войне, как к единственному средству спасти монархию.

Печать измены с самого начала лежала на действиях сардинской монархии. Не подготовив армию в период перемирия, правительство лишило ее возможных союзников в будущих сражениях. Лишь на словах Карл-Альберт и его министры одобряли проекты туринских и ломбардских патриотов, предлагавших поднять массовое восстание населения Ломбардии и, координируя военные действия с Венецией, Тосканой и Римом, зажать австрийцев в огненном кольце. Лицемерные обещания помочь ломбардским патриотам оружием, деньгами и людьми не были выполнены. Столь же лицемерными были обещания сочетать действия Пьемонта с усилиями других итальянских государств. Туринское правительство не только отказалось от предложенного Римской республикой войска, но даже не сочло нужным заблаговременно предупредить Рим и Венецию о готовившемся возобновлении войны.

Таким образом, туринские власти отказались придать войне с Австрией общенациональный, всенародный характер. Измена свила себе гнездо при королевском дворе и среди высшего командования.

Ход военных действий, очень скоро закончившихся позорной капитуляцией, оправдывал самые тяжелые подозрения. К началу военных действий 80-тысячная пьемонтская армия, разбросанная по всей линии реки Тичино, оказалась лицом к лицу со 100-тысячной армией Радецкого, прекрасно вооруженной, дисциплинированной, руководимой опытными командирами. Путаный план Кшановского, одобренный Карлом-Альбертом, создавал для армии крайне неблагоприятные условия: был намечен неподходящий театр военных действий (с Новарой в качестве центра), а военные действия ограничивались оборонительной тактикой. Вопиющими просчетами Кшановского воспользовался Радецкий, прекрасно информированный австрофильским окружением короля. Уже за день до истечения срока перемирия он сосредоточил большие силы у Павии и бросил солдатам клич: «На Турин!»

События развернулись с молниеносной быстротой. Утром 20 марта австрийские войска перешли у Гравеллона реку Тичино, не встретив сколько-нибудь серьезного сопротивления. Этой неожиданной удачей они оказались обязанными итальянскому генералу Раморино, человеку с темным прошлым, которому верховное командование тем не менее поручило руководство ломбардской дивизией. Приказав своим частям отступить на правый берег По, Раморино дал этим неприятелю возможность вбить клин на пьемонтской территории и отрезать две пьемонтские дивизии от всей остальной армии. Показательно, что вызванный для объяснений в Новару Раморино не оставил своему преемнику никаких других инструкций, кроме приказа отступать без боя в случае нападения австрийцев. Признавшись в Новаре в своей «ошибке», Раморино пытался бежать, но был задержан в пути и впоследствии казнен.

Тем временем измена Раморино уже успела оказать пагубное влияние на положение сардинской армии. Главнокомандующий и король тотчас же отказались от первоначального плана действий: пьемонтским войскам,

уже перешедшим Тичино и вступившим в Ломбардию, было приказано повернуть назад и двинуться на Мортару. На следующий день у деревни Сфорцеска (северо-восточнее Мортары) произошло первое серьезное столкновение. Пьемонтские солдаты, несмотря на численное превосходство неприятеля, нанесли ему значительный урон. Однако командование не сумело или не захотело развить этот успех. Кшановский быстро отступил со всей армией к Новаре. Смелой переброской войск в Ломбардию и привлечением вооруженного народа к защите Турина, указывал Энгельс, еще можно было спасти Верхнюю Италию. Вместо этого Кшановский дал себя разбить у Новары. Здесь в течение всего дня 22 марта шел упорный и кровопролитный бой. Деревня Бикокка — ключевая позиция перед Новарой — четыре раза переходила из рук в руки. Пьемонтские солдаты и офицеры самоотверженно боролись за дело Италии. Однако главнокомандующий и король не проявили ни мужества, ни воли к победе. Они не воспользовались временным перевесом своих войск для решительного преследования отступавшего врага, дали ему возможность оправиться, подтянуть подкрепления и нанести сокрушительное поражение изнемогавшим от голода и усталости итальянцам. Уже спустилась ночь, когда остатки пьемонтской армии отступили в Новару. Это было не отступление, а паническое бегство среди ночи под проливным дождем, в обстановке всеобщего смятения, крайней деморализации войск и абсолютного бездействия командования. Наутро стало ясно, что война проиграна.

Разбитая пьемонтская армия отступила в Боргоманеро, к подножию Альп. Карл-Альберт, боясь последствий катастрофического поражения, предпочел тут же отречься от престола в пользу своего сына и бежал в Португалию. 26 марта новый король Виктор-Эммануил II поспешил заключить перемирие с Радецким и согласиться на тяжелые условия, предъявленные победителем.

Неудача народных восстаний в Брешии и Генуе

Причиной поражения итальянцев, указывал Энгельс в своих статьях о войне в Италии, являлся отнюдь не исход сражения при Новаре, нанесшего лишь стратегический ущерб. «Этот ущерб совсем не имел бы значения, — писал Энгельс, — если бы вслед за проигранным сражением началась *подлинная революционная война*, если бы уцелевшая часть итальянской армии провозгласила себя ядром всеобщего национального восстания, если бы обычная стратегическая *война армий* превратилась в *народную войну*, подобную той, которую вели французы в 1793 г.»[1] Однако королевская власть в лице Карла-Альберта не решилась вступить на такой путь.

В тот момент, когда сардинское правительство позорно капитулировало перед австрийской армией, два итальянских города — Брешия и Генуя — поднялись против врага.

Первой восстала Брешия. Призывы ломбардских эмигрантов нашли здесь горячий отклик. Возникший еще зимой тайный повстанческий комитет собирал приверженцев, отправлял молодежь в Пьемонт, где она вливалась в ломбардскую дивизию, распространял патриотические листовки.

Как только в городе стало известно о срыве перемирия и значительные силы австрийского гарнизона покинули крепость, Брешия начала готовиться к бою. 20 марта 1849 г. население поднялось против австрийцев.

Десять дней продолжалась самоотверженная борьба восставших. Она началась с уличных стычек, в которых захватчики почувствовали ярость народа. Австрийцы были вынуждены отступить и запереться в старой

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 339.

крепости, оставив город во власти восставших, а окрестности его — в руках партизанских отрядов, занявших ближайшие подступы к Брешии.

Созданная жителями Брешии временная власть приняла меры к обороне города. В провинцию, а также в Турин были отправлены посланцы с просьбой о помощи. Между тем для Брешии начались дни тяжких испытаний. Город подвергся бомбардировке.

Получив серьезное подкрепление и опытного командующего в лице генерала Нугента, австрийский гарнизон перешел в наступление. Кровопролитные столкновения за чертой города сменялись ожесточенными бомбардировками населенных кварталов. Жители Брешии не знали усталости: они отражали все нападения, обстреливали крепость, предпринимали отчаянные вылазки. Матери, провожая сыновей на бой, просили их не посрамить чести родного города, мужья завещали женам отомстить за них в случае их смерти. И когда они погибали, смело и просто, как умирают герои, женщины из народа, не колеблясь, занимали место убитых. Город жил стойкой борьбой и горячей надеждой на помощь извне. А помощь не приходила. Лишь близлежащие деревни прислали сотни добровольцев. Ломбардия не восстала. Отдельные вспышки произошли в Комо и в Бергамо. Но туринское правительство не откликнулось на призыв восставших и предоставило их своей судьбе. Брешия оставалась в неведении относительно истинного положения вещей: циркулировавшие в городе военные сводки сообщали о мнимых победах пьемонтских войск.

В ночь на 31 марта австрийцы получили новые значительные подкрепления. На смену Нугенту, тяжело раненному в бою, явился фельдмаршал Гайнау. Гайнау потребовал немедленной и безоговорочной капитуляции города.

На город обрушился шквал снарядов, начались яростные атаки. Разрушениями и поджогами австрийцы прокладывали себе путь. Весь день бушевала битва. Но Брешия не сдавалась. Собравшийся поздно вечером Комитет обороны решил: Брешия будет сражаться до последнего патрона. Утром 1 апреля начались последние бои. Народ продолжал сражаться и после того, как городские власти начали переговоры о сдаче Брешии — пять раз белый флаг, поднятый над муниципалитетом, был сорван «людьми с баррикад» и заменен красным флагом, олицетворявшим непреклонную волю народа к борьбе за независимость и свободу. К концу дня вновь прибывшие свежие австрийские батальоны ворвались в город. Воспоминание о том, что произошло затем, в течение многих десятилетий зажигало неукротимой ненавистью сердца ломбардцев. Австрийские солдаты совершали дикие зверства: вешали, прокалывали штыками, сжигали заживо свои жертвы, заставляя матерей присутствовать при казни детей, мужей — при предсмертных муках поруганных жен. Город превратился в огромное кладбище. Но в эти дни несказанных страданий «Брешия-львица», как называли ее поэты Кардуччи и Аларди, не запятнала своего гордого имени. Среди побежденных не нашлось малодушных. С именем Италии на устах умирали в страшных мучениях те, кому не удалось умереть на баррикадах.

«Брешианская гиена» — такое прозвище заслужил себе своими зверствами в Италии, Гайнау, фельдмаршал империи Габсбургов.

Почти в те же дни, что и Брешия, поднялась Генуя. Бывшая столица Лигурийской республики свято хранила свои республиканские традиции. На протяжении всей революции 1848 г. Генуя была очагом передовых идей и ареной демократических движений. Капитуляция пьемонтской армии, за которой последовало образование реакционного министерства, вызвала взрыв негодования генуэзских демократов. Возбуждение еще более усилилось, когда стало известно, что начальник гарнизона генерал де Асарте обратился к

заместителю начальника генерального штаба армии генералу Ла Мармора с просьбой поспешить в Геную, чтобы «усмирить толпу». Негодование народа было столь бурным, что де Асарте решил укрепиться в арсенале и вооружить близлежащий форт Сан-Джорджио. В ответ на эти приготовления генуэзцы взялись за оружие и вопреки сопротивлению умеренного муниципалитета создали временную власть во главе с популярным генералом Авеццана.

Первые столкновения с войсками завершились полной победой восставших. Размещенные в порту и в некоторых других пунктах города воинские части перешли на сторону народа. Собранные в арсенале силы пытались оказать сопротивление, но уже 4 апреля капитулировали вместе с самим генералом де Асарте. Народ ликовал. Временная власть Генуи объявила себя временным правительством всей Лигурии. В городе заговорили о республике. Было решено вызвать в Геную ломбардскую дивизию и начать приготовления к возобновлению войны с Австрией. Ободренные первыми успехами генуэзские патриоты обратились к туринскому парламенту с предложением переехать в Геную и возглавить народное движение. Восставшие верили, что Генуя не останется одинокой в своем стремлении отстоять честь и независимость Италии. Объединившись с Римом, Тосканой и Венецией, она действительно могла бы послужить базой нового наступления. К тому же сама Генуя, помимо благоприятного географического положения, обладала 15-тысячным гарнизоном, значительными укреплениями и, что всего важнее, решительным и мужественным населением. Однако силы восстания были уже в дни удачи ослаблены происками внутренних врагов, к которым с первых дней примкнули значительные слои буржуазии, испуганные активностью народа. С другой стороны, большинство руководителей состояло из людей, не обладавших ни смелостью, ни способностью к решительным действиям. Когда генерал Ла Мармора, капитулировавший перед австрийцами, поспешил в Геную, чтобы «взять реванш» в борьбе с собственным народом, эта задача была ему облегчена предательством многих вожаков, сбежавших с поля боя. Английский военный корабль, которому восставшие доверчиво разрешили войти в порт, оказал поддержку наступавшим королевским войскам.

Четыре дня не прекращались жестокие бои. После яростного столкновения у дворца Дориа, где генуэзцы мужественно сражались, Ла Мармора решил жестоко отомстить восставшему городу. Генуя стала жертвой страшной бомбардировки, длившейся до тех пор, пока королевские войска не вступили в город.

Героическая борьба Брешии и Генуи является яркой страницей в истории войны за независимость итальянского народа. Разгром этих двух восстаний знаменовал начало конца всей итальянской революции.

ПОРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ТОСКАНЕ И В СИЦИЛИИ

Контрреволюционный переворот в Тоскане

Ослабленная происками контрреволюции и политикой триумвиров, первой пала Тоскана, побежденная внутренними врагами революции, открывшими путь австрийским интервентам и их вассалу — герцогу Леопольду. Лишь гневный протест демократов Ливорно вписал яркую и славную страницу в печальную историю последних дней тосканской революции.

27 марта 1849 г. Учредительное собрание Тосканы, открывшееся за два дня до этого, приняло первое и последнее свое решение: оно санкционировало отставку триумвиров и вручило Гуэррацци диктаторскую власть. Флорентийский «диктатор» начал с того, что распустил Собрание до

15 апреля и удалил из столицы многих своих бывших соратников, дабы обеспечить себе полную свободу действий. В самом Собрании, где господствовали умеренные, воле Гуэррацци могло воспротивиться только демократическое меньшинство. И оно действительно не доверяло Гуэррацци и не собиралось отказываться от провозглашения республики. Однако влияние демократов в Тоскане было ничтожно. Массы городского «плебса», ничего не получившие от революции, изверились в многообещающих лозунгах буржуазных демократов и утратили интерес к уличным манифестациям, не приносившим никакого облегчения тяжелой участи «низов». Крестьяне, которых руководители прогрессивной буржуазии не захотели или не сумели вовлечь в движение, активно поддерживали реакционеров. Еще в период предполагавшегося похода де Ложье на Флоренцию обманутые контрреволюционной пропагандой крестьяне напали на столицу, но национальные гвардейцы обратили их в бегство.

Итак, демократы не пользовались доверием масс. Не было у них и видных лидеров. Монтанелли отказался возглавить движение и предпочел уехать во Францию, чтобы ускорить организацию добровольческого корпуса, предназначавшегося для борьбы на стороне Тосканы. Гуэррацци мог беспрепятственно осуществить задачи, которые, как он полагал, диктовались создавшейся обстановкой: во-первых, воспрепятствовать австрийскому нашествию, которому он пытался помешать новой мобилизацией; во-вторых, подготовить и осуществить реставрацию Леопольда II, которую он считал необходимым условием для заключения мира с Австрией (в этом Гуэррацци поддерживал английский посол лорд Гамильтон). Впрочем, возвращение великого герцога к власти отнюдь не являлось какой-либо жертвой со стороны Гуэррацци, всегда почитавшего своего «верховного властелина»; в своей «Апологии» он признавался, что никогда не относился враждебно к реставрации монархии, даже тогда, когда своей официальной деятельностью создавал впечатление, будто собирался воспрепятствовать этому. Втайне он надеялся на то, что Леопольд II, возвратившись в страну благодаря его усилиям, не откажется и в дальнейшем от его услуг.

Так или иначе, Гуэррацци посвятил дни своей «диктаторской власти» достижению этой цели. Понимая, что она могла быть осуществлена лишь при содействии «крайне умеренных», он сделал все, чтобы заручиться их доверием и поддержкой. Однако его старания не возымели должного действия. Разумеется, «крайне умеренные» деятельно готовили возвращение великого герцога, но, не питая никаких симпатий к Гуэррацци, предпочитали действовать не только независимо от него, но и против него. Они устроили подлинное паломничество своих представителей в Гаэту, где не без участия английских и французских дипломатов были благосклонно приняты Леопольдом II.

Активно действовали и монархисты — сторонники Лотарингской династии, давно создавшие свои подпольные центры близ Лукки — в вилле маркизы ди Бочелла и во Флоренции — во дворце маркиза Панчиатики, прозванного в народе «Каином». Щупальцы этого заговора проникали всюду. Гуэррацци сообщали об этом заговоре, но он не обращал никакого внимания на предостережения, в обоснованности которых ему пришлось, однако, вскоре убедиться.

11 апреля во Флоренции вспыхнул контрреволюционный мятеж. С помощью обмана и провокации монархические заговорщики сумели обратить в пользу Лотарингской династии справедливое недовольство народа политикой Гуэррацци. Они возбудили негодование народа, приписав ливорнским добровольцам грабежи и насилия, организованные их собственными агентами. Возбужденная толпа стала расправляться с ливорнцами и напала на их казарму, где произошло кровопролитное столк-

новение. Гуэррацци, лишь с опозданием поверивший в серьезность происходивших событий, распорядился о принятии репрессивных мер. Однако утром, когда в открывшиеся городские ворота ворвались беспорядочные толпы вооруженных крестьян, распропагандированных духовенством, никто не двинулся, чтобы обратить их в бегство. Напротив, они встретили поддержку буржуазии, встревоженной событиями предыдущего дня. Гуэррацци пытался прекратить волнения, но убедился, что ему не на кого опереться.

Тем временем муниципалитет взял бразды правления в свои руки. Сначала Гуэррацци попробовал протестовать, но, не встретив никакой поддержки, сдался новым властям и был заключен в крепость Бельведер. После 4-летнего пребывания в крепости он был осужден на 15 лет каторги, которая через год была заменена ему ссылкой.

Волна контрреволюционных выступлений прокатилась по всей Тоскане. Началась расправа с демократами и их сторонниками. Один лишь Ливорно не признал новой власти. Между тем флорентийский муниципалитет, распустив мертворожденное Учредительное собрание и объявив себя временным правительством Тосканы, приступил к переговорам с Леопольдом II и стал раболепно просить его о сохранении конституционных уступок. Однако великий герцог, лицемерно расточая обещания, ждал, чтобы австрийцы проложили ему путь к трону. В дни апрельского переворота австрийский генерал д'Аспре перешел со своими войсками тосканскую границу; в мае он прошел торжественным маршем по всей Тоскане. Только в Ливорно австрийцы встретили упорное сопротивление, за которое город поплатился страшными разрушениями и свирепыми репрессиями. 25 мая 1849 г. австрйские войска вступили во Флоренцию. Вместе с ними, в мундире австрийского генерала, въехал в свою столицу Леопольд II.

Разгром освободительного движения в Сицилии. Торжество контрреволюции в Неаполе

Прошло шесть месяцев со времени падения Мессины. Заключенное в сентябре 1848 г. перемирие на время приостановило агрессию Фердинанда II. Революционное движение в Сицилии еще не было сломлено. Аграрные волнения, не прекращавшиеся в течение всего 1848 г., и выступления городских «низов» способствовали революционизированию широких кругов мелкой и средней буржуазии. Революционный подъем в Центральной Италии, испугавший своими размерами неаполитанского короля, возбудил новые надежды в лагере сицилийских радикалов. Этот подъем безусловно явился одной из причин передышки, которой воспользовались сицилийцы. Но крупная буржуазия, тесно связанная с феодальным дворянством, попрежнему тормозила революционное движение в Сицилии. Палата представителей, в которой преобладали сепаратистски настроенные конституционные монархисты, продолжала мечтать о замене династии Бурбонов Савойской династией. Под давлением демократической оппозиции палата вынуждена была принять ряд законов, с помощью которых правительство рассчитывало найти выход из создавшегося финансового кризиса, тем более тягостного, что предстояли срочные расходы по вооружению армии и обороне острова. Законопроекты, предложенные радикально настроенным министром Кордова, предусматривали распродажу национальных имуществ (включая земли, пожалованные церкви в вечную аренду королевским указом 1838 г.), введение принудительного налога на имущих, заимообразное изъятие фондов двух основных банков Палермо, конфискацию серебра в церквах, а также соглашение с одним французским банком о займе в 1500 тыс. унций золота.

Эти меры, сопровождавшиеся обещаниями налоговых льгот для неимущих и отменой ненавистного для крестьян налога на помол, вызвали протесты в

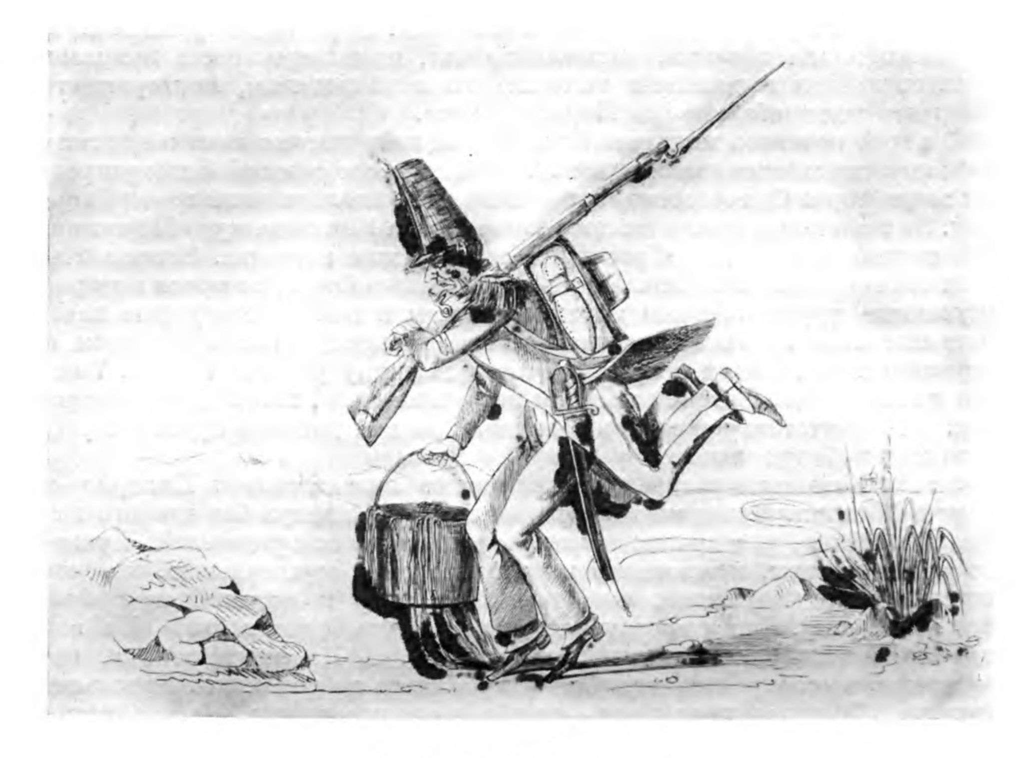
палате пэров. Свыше месяца бойкотировала она законопроект о распродаже церковных земель, пока, наконец, он не был принят смешанным комитетом обеих палат. Значительные слои землевладельческой буржуазии, арендовавшей земли церкви и аристократии, не скрывали своего недовольства предусмотренной законопроектом отменой прав крупных съемщиков в пользу новых земельных собственников. Еще большее сопротивление оказал парламент законопроекту о принудительном налоге на богачей. 40 дней тянулись бурные дискуссии в обеих палатах. Лишь настойчивость прогрессивных депутатов заставила нижнюю палату одобрить этот законопроект и добиться его утверждения смешанным комитетом обеих палат. Однако яростное сопротивление контрреволюционных сил парализовало намеченное финансовое оздоровление страны. К тому же французский банк Друийяра отказал сицилийцам в займе. Тогда Кордова потребовал неограниченных полномочий для проведения дополнительных экономических мер. Но палаты не поддержали его. Кордова подал в отставку. Правительство было срочно реорганизовано. Уход Кордовы явился первым симптомом поворота правительства вправо и усиления влияния умеренно-либерального крыла нижней палаты. Радикальным реформам пришел конец.

28 февраля «король-бомба» обратился к сицилийцам с ультимативными требованиями. Он обещал осуществить некоторые положения сицилийской конституции 1812 г., однако лишь при условии разоружения Сицилии и оккупации ее главных городов неаполитанскими войсками. Сицилия должна была перейти в полное подчинение вице-королю, ставленнику династии Бурбонов. Фердинанд II цинично попирал стремление Сицилии к независимости.

Рассчитывать на поддержку Англии и Франции сицилийцы не могли. Ультиматум Фердинанда II был составлен и предъявлен с согласия англо-французских «посредников», уже давно склонявшихся к компромиссу с Бурбонами. Франция Луи-Наполеона, боясь укрепления английских позиций в Сицилии, предпочитала оставить остров под властью Неаполя. Англия, не желая обострять отношений с Францией и Австрией, решила предоставить сицилийцев их судьбе. Таким образом, обещанная Сицилии поддержка превратилась в бесцеремонный обман. Англо-французские «посредники» усиленно уговаривали правительство Сицилии принять предложения Фердинанда II.

Прием, оказанный народом королевскому ультиматуму, опрокинул все расчеты неаполитанского двора и иностранных «посредников». Возмущение было всеобщим и бурным. Со всех концов Сицилии в столицу поступали протесты против унизительного ультиматума, поступали заявления о поддержке правительства деньгами и людьми. Под давлением масс правительство отклонило ультиматум. 23 марта оно сообщило нижней палате свое решение. Министр иностранных дел заявил: «Наш ответ один, его дала вся Сицилия: пусть будет война!» И все депутаты, подняв правую руку в знак нерушимой клятвы, повторили требование народа: пусть будет война. Так было и в палате пэров: те же высокопарные речи, те же призывы к борьбе и жертвам. Среди народных масс царил подлинный патриотический подъем: они были готовы сделать все, чтобы отстоять независимость родины.

С огромным воодушевлением началась подготовка к войне. Лихорадочно строились укрепления в Палермо и в других городах. Не было недостатка в рабочих, добровольно и безвозмездно рывших траншеи; не было недостатка и в бойцах, спешивших вступить во вновь создававшиеся полки и легионы. Широкое участие в движении приняла и деревня. Но ощущался недостаток в вооружении и в подготовленном командном составе. Правительство пыталось, правда, закупить оружие за границей и завербовать

СОЛДАТЫ КОРОЛЯ-БОМБЫ

Карикатура из журн. «Il Don Pirlone», Рим, 1848

там офицеров, но эти попытки оказались безуспешными в результате саботажа французских властей и вследствие ограниченности финансовых ресурсов Сицилии. С другой стороны, само сицилийское правительство, побаиваясь собственного народа, медлило с подготовкой своей армии.

Итак, когда 29 марта, через шесть дней после поражения пьемонтской армии при Новаре, на острове возобновились военные действия, Сицилия почти безоружной встретила превосходящие силы врага. Она располагала всего 8-тысячной плохо вооруженной армией, слабой артиллерией и не подготовленными к обороне морскими укреплениями. Неаполитанцы, оставив в Мессине 4-тысячный гарнизон, могли пустить в ход армию в 16 тыс. человек, относительно мощную артиллерию и значительные морские силы. Превосходство сил противника можно было преодолеть лишь длительной и упорной «гуэррильей» — партизанской войной, которая подняла бы на ноги все население. Однако правительство было далеко от того, чтобы призвать народ к такой войне. Постоянными колебаниями и рядом тактических ошибок оно лишь усилило преимущества врага. Одной из таких ошибок была ликвидация единого командования и разделение армии на два не связанных друг с другом фронта. Один включал Мессину — Катанию — Сиракузы; им командовал польский генерал Мерославский, которому правительство в свое время отдало предпочтение перед генералом Антонини, направленным в Сицилию Гарибальди. Своей неправильной тактикой Мерославский способствовал гибельному исходу событий. Одержимый идеей отвоевания Мессины, он не принял нужных мер к укреплению обороняемой территории. Он распылил свои и без того недостаточные силы, истощил их еще до боя многочисленными учебными походами, отдалившими значительную часть бойцов

от главного театра будущих военных действий. Впрочем, отсутствие продуманного плана обороны, распыление сил, противоречивость приказов характеризовали и действия палермского командования, повторившего в большем масштабе ошибки Мерославского.

30 марта началось поддержанное флотом наступление неаполитанских войск по сицилийскому побережью. 2 апреля, после сильной бомбардировки с моря форта Сан-Алессио, королевские войска захватили город Таормину. За этим последовали ожесточенные бои за Катанию, куда Мерославский поспешно стянул разбросанные сицилийские колонны. Защита Катании стала славой Сицилии. Много дней длилась битва, во время которой измученные форсированным маршем солдаты и почти безоружное население пытались отразить наступление превосходящих сил противника и в кровопролитных боях отстаивали каждую улицу родного города. 7 апреля у защитников Катании иссякли последние силы, истощились боеприпасы. Неаполитанцы ворвались в город. Три дня длилась кровавая расправа над побежденными.

Потеря Катании произвела потрясающее впечатление в Палермо и во всей Сицилии. Вслед за тем позорная сдача Сиракуз без единого выстрела показала, что врагам помогали темные силы предателей. Правительство и палаты, поддавшись патриотическому одушевлению, которое охватило народные массы, еще раз обратились к сицилийцам с боевыми призывами. Снова прозвучали слова: «Пусть будет война!» На зов Палермо откликнулась почти вся Сицилия. В Кастроджиованни, где правительство собиралось дать бой, устремились добровольцы. Крестьяне готовились активно поддержать освободительную войну. Партизанская война еще могла сыграть свою роль. Но растерянность и смятение овладели правителями Палермо. Национальная гвардия, из которой буржуазия исключила в свое время трудящихся, оказалась во власти малодушных настроений. Наряду с перспективой военного поражения перед буржуазией вырос призрак гражданской войны. Народ, еще исполненный волей к борьбе, остался без руководителей. Контрреволюционеры, поддерживавшие связь с неаполитанским двором и с англо-французскими «посредниками», инспирировали предъявление нового ультиматума. Французский адмирал передал сицилийцам условия сдачи Палермо, нисколько не отличавшиеся от прежних категорических требований Фердинанда. Палаты, еще за несколько дней до того высокопарно звавшие к войне и победе, теперь подавляющим большинством голосов высказались за покорное выполнение воли неаполитанского короля. Войска были отозваны из Кастроджиованни и возвратились в Палермо. У ворот столицы национальная гвардия разоружала добровольцев, требовавших продолжения борьбы.

Наступили последние дни сицилийской революции. Министерство подало в отставку. Палаты отсрочили до августа свои заседания. Руджиеро Сеттимо в сопровождении 200 видных деятелей покинул остров. Палермский муниципалитет приступил к переговорам о капитуляции. Однако унизительность требований победителей вновь вызвала народное негодование. В покинутом властями городе вспыхнули волнения. Народ взялся за оружие, горцы спустились с соседних гор. Пять дней Палермо находился в руках восставших. Городом правили новые люди, революционные демократы, выдвинутые народом. Когда первый неаполитанский корабль подплыл к порту, его встретил огонь городских батарей. Два дня плебейские массы защищали подступы к столице. Они устремились навстречу королевским войскам почти безоружные, воодушевленные любовью к свободе и независимости. Они шли в бой, неся красное знамя — эмблему рабочего Парижа.

Но уже 11 мая все было кончено. Материальный перевес противника сломил героическое сопротивление простого народа Палермо. 15 мая власть короля Фердинанда была восстановлена в столице Сицилии.

Поражение революции в Сицилии отозвалось в Неаполе искоренением последних остатков либерализма. Еще в марте началось новое наступление контрреволюции на демократические свободы. Правительство Боцелли распустило парламент еще до катастрофы при Новаре. Тюрьмы вновь наполнились заключенными. Печать была полностью задушена. От прежних уступок не осталось и следа. Королевство обеих Сицилий вернулось к временам абсолютизма.

РИМСКАЯ РЕСПУБЛИКА В ПЕРИОД ТРИУМВИРАТА

Избрание триумвирата

Катастрофа при Новаре открыла новую главу в истории Римской республики. Она явилась для нее первым предвестием надвигавшейся опасности.

Война, стремительно приближавшаяся к границам Римского государства, углубляла внутренние противоречия и ускоряла процесс поляризации классовых сил в республике. Контрреволюция угрожала Римской республике как изнутри, так и извне. Только мужественными и решительными мерами можно было отстоять революционные завоевания.

Еще в дни поражения пьемонтской армии Учредительное собрание создало триумвират, наделив его неограниченными полномочиями. Наряду с Армеллини и Саффи, в состав триумвирата был избран Джузеппе Мадзини, человек, чье имя было знаменем борьбы за национальную независимость и буржуазно-демократическое обновление Италии. Но в то же время Мадзини был неспособен преодолеть классовую ограниченность идеалов и целей широких слоев средней и мелкой буржуазии, представителем которых он являлся.

Создание триумвирата в данном составе отразило тревогу, охватившую тогда римскую буржуазию. Триумвират выражал стремление представителей средней и мелкой буржуазии укрепить свою гегемонию, сохраняя Республику и вместе с тем противодействуя дальнейшему развитию революции. Неудивительно поэтому, что к твердой, решительной власти взывали с разных позиций как левые, так и правые представители республиканского лагеря. О сильной власти мечтали умеренные республиканцы, надеявшиеся, наряду с предотвращением реставрации папы, обеспечить и умиротворение «низов». О ней настойчиво говорили и революционные элементы мелкой буржуазии, желавшие «диктаторской власти французского [т. е. якобинского] образца», ее тщетно предлагал уже в первый период Республики Гарибальди.

Обеспечить республиканцам отражение натиска контрреволюции и последовательное уничтожение остатков папского строя мог только прочный союз с плебейскими массами города и деревни. Пошел ли римский триумвират по этому пути?

Уже первые программные декларации и первые практические шаги триумвиров не оставляли сомнения в том, что в основных тенденциях республиканского режима не произошло сколько-нибудь решительных изменений. Программа триумвирата была синтезом боязливой умеренности и мелкобуржуазного утопизма. Защита Республики, обеспечение ее действенного участия в войне за независимость и свободу Италии — таков был девиз, который торжественно провозглашали триумвиры. Не менее торжественно признавали они необходимость «морального, интеллектуального и экономического прогресса для всех без исключения граждан» и, в частности, «неуклонного улучшения материальных условий

существования тех классов, которым дотоле судьба наименее благоприятствовала». Однако тут же триумвиры предупреждали «обездоленные классы», что в том идиллическом царстве, каким они изображали Республику, не должно существовать «ни классовой войны, ни враждебного отношения к накопленному богатству, ни несправедливого нарушения частной собственности». И, адресуясь, повидимому, прежде всего к внешнему миру, перед которым впоследствии они старались реабилитировать Республику от обвинений в «нетерпимости и анархии», триумвиры клялись, что не допустят «ни нетерпимости, ни слабости». «Республика непреклонна в принципах, но терпима и беспристрастна к людям».

Таковы были основные пункты программы, выражавшей сущность политической доктрины Мадзини и его сторонников. Рядом со стремлением к независимости и единству Италии, рядом с утверждением о необходимости экономического и социального прогресса мы находим в этой программе идеалистические упования на «общественную гармонию» и, вместе с тем, страх перед непокорностью «самодержавного» народа, чей грозный лик был ярко освещен пламенем рабочих восстаний, вспыхивавших в различных странах Европы с 1848 г. В характерных чертах мировоззрения мадзинистов вырисовывается тот «крайний» предел, за которым (по меткому выражению Герцена, относящемуся к Мадзини) буржуазный демократ превращается в ретрограда[1].

Социально-экономическое законодательство триумвирата

С первых же дней прихода к власти перед триумвирами встали огромные и сложные задачи. Реакция действовала открыто и решительно. Многочисленная армия служителей церкви, подкрепляемая бывшими санфедистами, терроризировала население, пуская в ход как «небесные силы», так и земное оружие. Возобновились попытки поднять крестьянство против Республики; в горной и отсталой провинции Асколи вспыхнул подлинный мятеж, усмирение которого потребовало немалых усилий.

В самой столице в первой половине апреля был раскрыт заговор, нити которого вели не только к агентам Пия IX, но и к римским «конституционалистам» и к французскому посланцу Мерсье, прибывшему в Рим для «дипломатического» зондажа, главным образом для выяснения точки зрения «конституционалистов» на восстановление папской власти. Таким образом, «конституционалисты» впряглись в колесницу будущих интервентов. Они расчищали им почву своей антиреспубликанской пропагандой, сеяли неуверенность, оказывали давление на правый фланг республиканского лагеря. Газеты «конституционалистов» печатали памфлеты против Республики, агенты папистов распространяли фантастические слухи, рассчитанные на то, чтобы дискредитировать республиканское правительство.

Мишенью для противников нового режима попрежнему являлись хозяйственные трудности, не только не преодоленные, но еще более обострившиеся в первые месяцы существования Республики. Петля финансового кризиса затягивалась все туже. Казна была истощена. Из всех провинций поступали жалобы муниципалитетов на то, что денежные ресурсы подходят к концу или вовсе иссякли. Расстройство денежного обращения, принявшее весьма острые формы, разрушало хозяйственную жизнь городов. Рынок был наводнен бумажными знаками; металлические деньги, ставшие редкостью, являлись предметом разнузданной спекуляции. Заработная плата рабочих и служащих, а также и мелкая торговля, находилась под

---

[1] А. И. Герцен. Письма из Франции и Италии. С того берега, М., 1932, стр. 358.

постоянной угрозой. Непомерно возросшие цены свидетельствовали о непосредственной угрозе инфляции. Финансовые трудности дополнялись застоем в промышленности и торговле, всё еще значительной безработицей. Ко всему этому прибавлялись осложнения с продовольствием, вызванные саботажем крупных землевладельцев и богатых арендаторов, прятавших продовольственные запасы в расчете на дальнейшее повышение цен, а также недоверием крестьян к «бонам Республики». Расчеты на «великодушие» имущих классов явно не оправдались. Крупная буржуазия с самого начала враждебно относилась к республиканскому режиму. По мере развития событий в ее лагерь начали переходить и различные прослойки средней буржуазии, которые на первых порах заняли было сочувственную или, во всяком случае, выжидательную позицию. Неустойчивость политического положения и последствия ряда экономических мероприятий Республики (принудительный заем, национализация церковных земель, последовательное ослабление протекционистской политики, задевавшее некоторую часть промышленной буржуазии, и, наконец, вынужденный, хотя и весьма робкий нажим на определенные категории имущих) усиливали размежевание в рядах средней буржуазии и среднего дворянства.

Капиталы прятались. Не веря в прочность республиканского строя, городские буржуа и земельные собственники не решались покупать национализированные церковные земли. Крупные арендаторы церковных земель вкупе с папской агентурой сопротивлялись распродаже церковных имуществ и поднимали крестьянство против этого революционного мероприятия. Крестьянство, сбитое с толку враждебной Республике пропагандой, не хотело перемен, боясь попасть в еще более тяжкую кабалу нового хозяина — землевладельца или арендатора. В некоторых местах, в частности в Петритоли, в провинции Фермо, дело дошло до вооруженного выступления крестьян. Принудительный заем не имел успеха. Не помог делу и декрет, устанавливавший крайний, 7-дневный, срок для внесения первых взносов. Не помогли материальные и моральные санкции, которыми власти угрожали неплательщикам, чьи действия квалифицировались как «предательство интересов Республики». Крупные буржуа отказывались от «патриотического взноса». Так, князь Торлония, обладатель несметных богатств, объявил, что он не в состоянии внести первый платеж. Триумвиры оказались бессильными перед своекорыстной политикой имущих классов. Сломить их сопротивление такими мерами, какие с успехом применяли якобинцы 1793 г., римские революционные власти не решались. Страх перед трудовым народом толкал их вправо, парализовал их лучшие порывы. Даже перед лицом явного саботажа крупных собственников мадзинисты не решились заставить их выполнять законы новой власти. Лишь в последний период существования Республики власти осмелились... конфисковать серебро и лошадей у частных лиц, а также металлический фонд Римского банка, но и эти решения были проведены с такой осторожностью, что дали лишь малоощутительные результаты. Только энергичным наступлением на экономические позиции и привилегии крупной буржуазии, только смелой аграрной реформой можно было разрубить гордиев узел непреодолимых трудностей и противоречий. Только таким путем Республика могла бы прочно привязать к себе широкие слои населения, которым она была обязана своим рождением.

Массы требовали решительных мер против спекулянтов, против махинаций церковной администрации, протестовали против невыносимого бремени налогов, добивались повышения заработной платы и организации общественных работ для безработных. Характерно, что движение «низов» в этот период отражало, хотя и в эмбриональной форме,

борьбу неимущих слоев против своего будущего главного врага — буржуазии.«В настоящее время в Италии, как и в других странах, речь идет уже не только о войне между народами и монархами, а о войне между богатством и бедностью», —восклицала демократическая газета «Дон Пирлоне», горячо защищавшая интересы римской бедноты.

Испытывая давление «снизу», Римская республика своим социально-экономическим законодательством показывала, однако, что триумвират более всего заботился о защите интересов широких слоев средней и мелкой буржуазии. Еще в марте, выступая в Учредительном собрании, Саффи предупреждал, что без серьезного экономического и политического ущерба нельзя требовать новых жертв от «классов средних и мелких собственников», которые будущий триумвир называл «наиболее важными социальными категориями». Республиканское правительство уделяло большое внимание развитию торговли и промышленности. Учитывая требования мелких торговцев и ремесленников, оно упразднило налог на торговлю и ремесла, приносивший казне значительный доход, освободило лавочников от уплаты задолженности, отсрочило погашение векселей, отказалось от протекционистской системы, которой придерживалась папская власть.

Вместе с тем политика триумвиров отражала их стремление заручиться и поддержкой «низов». Не раз на протяжении своего существования Учредительное собрание возвращалось к проблеме организации общественных работ для уменьшения безработицы, от которой наряду с рабочими страдали ремесленники, служащие, художники и т. п.

Были декретированы денежные ассигнования и намечены специальные работы. Особой комиссии было поручено рассмотрение заявлений безработных. В то же время были приняты меры к устранению злоупотреблений в административном аппарате, в частности, была отменена передача по наследству прав на ту или иную должность. Уступая требованиям «низов», республиканские власти решили использовать здания церковных учреждений (инквизиции, монастырей и пр.) в качестве жилищ для бедняков.

Декретами от 15 апреля была установлена твердая «низкая» цена на соль. При этом было расторгнуто соглашение, по которому князь Торлония обладал правом (совместно с папской администрацией) эксплуатировать соляные копи и взимать с населения налоги на соль и табак, что приносило предприимчивому банкиру баснословные прибыли. Возмущенный этим постановлением, Торлония демонстративно покинул Рим и направился в Гаэту. Зато народ с благодарностью встретил это мероприятие триумвиров; впрочем, реальное значение его было вскоре обесценено махинациями спекулянтов, скупивших большое количество соли.

Вплоть до самого падения Республики триумвиры не забывали о необходимости поддерживать доверие населения к установившемуся режиму. Этой задаче должен был служить и ряд декретов, учитывавших запросы различных социальных категорий, например, отмена mano regia, феодальной привилегии, позволявшей применять драконовские меры к должникам, упразднение прав откупщиков на взимание пошлин на съестные продукты и др.

Показательно также стремление расширить социальную базу национальной гвардии (так, начиная с 15 февраля, называлась гражданская гвардия), а впоследствии и армии. Декретом от 18 марта были отменены существовавшие прежде ограничения, закрывавшие доступ в национальную гвардию поденщикам и лицам, «недостаточно преданным святому отцу». Теперь вступить в ряды национальной гвардии мог всякий гражданин

Республики в возрасте от 18 до 55 лет, не привлекавшийся к суду за тяжкие уголовные преступления.

Однако наибольший интерес представлял закон триумвиров, по которому значительная часть национализированной церковной земли отдавалась в вечную аренду беднейшему крестьянству небольшими участками, за невысокую плату. Это была принципиально весьма знаменательная и единственная в течение всей итальянской революции 1848 г. попытка откликнуться на нужды безземельного крестьянства.

Все эти мероприятия римского республиканского правительства, несомненно, имели прогрессивное значение и укрепляли его положение. И все же они были слишком умеренными и половинчатыми. Упрочение республиканской власти было немыслимо без коренного преобразования экономической структуры общества. Между тем революция, разрушившая государственно-политическую надстройку папского режима, не ликвидировала его феодальной основы. Ни закон о национализации церковной земли, который, вопреки требованиям «снизу», не был дополнен декретом о конфискации собственности бежавших помещиков и капиталистов, ни закон о распределении части национализированной земли среди беднейшего крестьянства не привели на практике к сколько-нибудь заметному изменению аграрных отношений в деревне. В силу разных причин (между прочим, и в результате недостаточной энергии властей в деле осуществления ими же изданных законов) многие декреты не выполнялись вовсе или выполнялись только частично; многие декреты оставались просто декларацией. Таков был, например, декрет о передаче церковной земли крестьянству: о каких-либо практических последствиях его мы не находим никаких упоминаний ни в мемуарной литературе, ни в печати того времени. Не было проведено и обещанное уточнение порядка распределения земли. Крестьянство осталось, в сущности, вне поля зрения деятелей Римской республики и ее триумвиров; как писал впоследствии Маркс, они предоставили крестьянам Кампании «...пребывать в более безнадежном порабощении, нежели рабство их предков эпохи Римской империи»[1].

Не решаясь развязать борьбу крестьянских масс, буржуазные демократы во главе с Мадзини ослабляли позиции Республики как в борьбе против феодально-абсолютистской контрреволюции, так и против контрреволюционной крупной буржуазии. Не возглавив наступления против крупных буржуа-землевладельцев, оптовиков, спекулянтов, буржуазные демократы ограничили завоевания и тех «средних слоев», на которые они непосредственно опирались. Требованиям же «низов», составлявших, наряду с мелкой буржуазией, массовую базу республиканцев и открыто выступавших против своекорыстной политики богачей, буржуазные демократы противопоставляли утопические рецепты общественного устройства, исходившие из принципа обеспечения интересов обездоленных масс путем «добровольных взносов богачей». Но, разумеется, не надеждами на филантропию богачей можно было разрешить социальные проблемы буржуазно-демократической революции.

Нарочитая ограниченность социальной политики буржуазных демократов усугублялась неприязнью большинства республиканцев к тому, что они называли «социалистическими экспериментами». Характерно, например, что большинством голосов Учредительное собрание отвергло предложение внести в текст конституции пункт, который гарантировал бы «материальное существование неимущим гражданам и обеспечивал бы их трудом и субсидиями».

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 508.

Нерешительность республиканского правительства в борьбе против внутренней контрреволюции

«Великодушие к врагам» являлось непреложным принципом Мадзини и мадзинистов, последовательно претворявших его в жизнь. Тщетно поднимались голоса протеста против контрреволюционных происков духовенства. Тщетно выдвигалось требование сурового наказания агентов Гаэты; брат Пия IX, уличенный в кознях против Республики, был лишь выслан за пределы Римского государства. Тщетны были жалобы на засоренность административного аппарата; тщетны были требования ограничения свободы «конституционалистов». Газеты этой партии подвергались цензуре лишь крайне редко. Политическая близорукость триумвирата вызывала протест крайнего демократического лагеря. Гарибальди протестовал против этой близорукой политики; также и позднее, в своих мемуарах, он не простил Мадзини пренебрежения «спасительными мерами общественной безопасности», которых настоятельно требовала сложившаяся тогда обстановка.

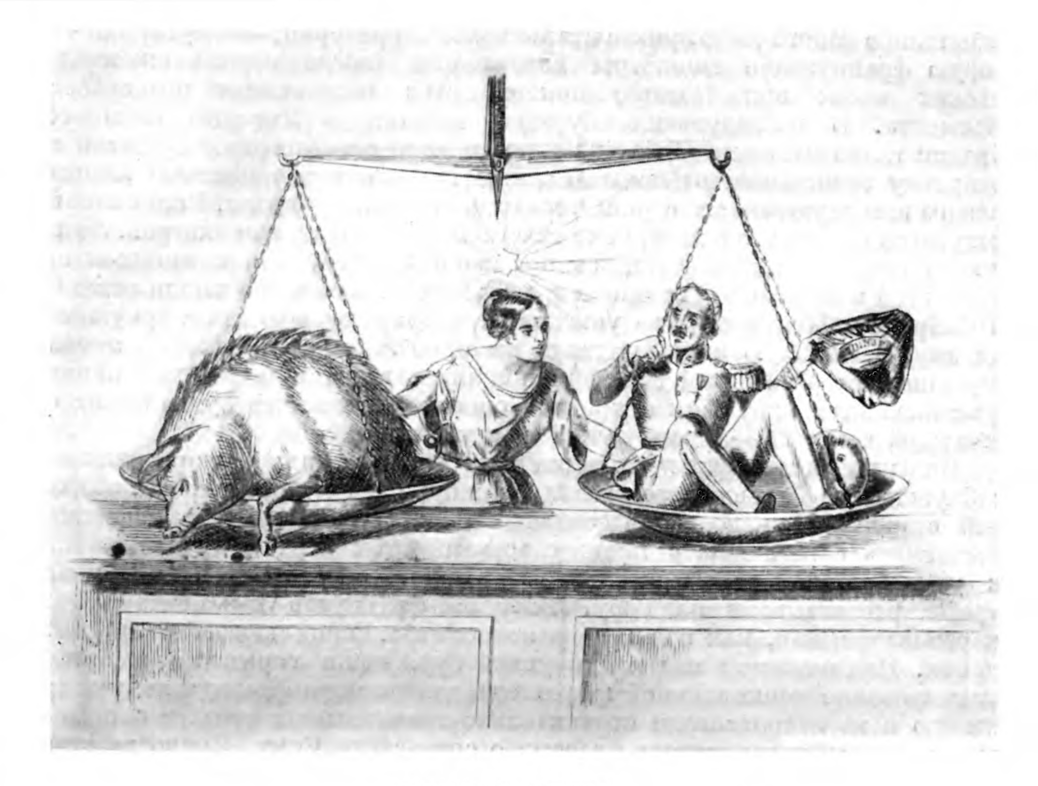
Как и в прежние месяцы, только в гораздо более решительных формах развернулось движение народа, которое враги именовали «террористическим». Оно было направлено главным образом против враждебных Республике священников, пользовавшихся снисходительностью Мадзини. Анкона, Синигалия и Иесси явились очагами гражданской войны.

Но римские власти принялись повсеместно восстанавливать «порядок». Сначала в Имоле, а впоследствии в Анконе, которую чрезвычайный комиссар Феличе Орсини объявил на военном положении, народное движение было подавлено. Орсини вынужден был признать в своих мемуарах политический характер этого террора. Он указывал, что разочарование в политике властей побудило радикальные элементы «взять в свои руки дело свободы». Позднее антипапистские волнения вновь охватили столицу.

Триумвират, отворачивавшийся от плебейских методов расправы с контрреволюцией, не хотел и слышать о политике в духе якобинцев 1793 г. Когда перед самым началом французской интервенции один из лидеров партии «крайних», Даверио, адъютант Гарибальди, предложил Мадзини ввести «организованный террор» против внутренних врагов, Мадзини категорически отверг это предложение, сославшись на предстоящие военные действия, как будто уничтожение внутренней контрреволюции не являлось существенной предпосылкой успешной борьбы с внешним врагом. Впоследствии Мадзини с гордостью заявлял, что республиканскому режиму нельзя инкриминировать «ни одного смертного приговора по политическим мотивам, ни одной ссылки по политическому подозрению». Мадзини так и не понял того, что «великодушно» дарованная врагам свобода обезоруживала Республику, которую он искренне поклялся защищать.

Мадзини был лишен подлинно революционной энергии и широты взглядов. Идеалист и мечтатель, он, по выражению историка Анциллотти, «казалось, терялся в полумраке сновидений, в то время как надо было иметь ясное представление о людях и вещах». Его ближайший сподвижник и убежденный последователь Саффи, молодой адвокат из Форли, проявлял мягкость там, где нужна была революционная решимость, и любовь к философским абстракциям там, где требовалось знание действительности. Что касается третьего триумвира, Армеллини, то отнюдь не он мог склонить триумвират влево. Напротив, уже в этот период он представлял в триумвирате колеблющиеся элементы республиканцев.

Дело ухудшалось еще и вследствие робости и половинчатости большинства членов Учредительного собрания. Проект конституции, представ-

ГЕНЕРАЛ УДИНО

Ксилография из журн. «Il Don Pirlone», Рим, 1848

ленный Учредительному собранию в середине апреля, соединял принципы буржуазной демократии (суверенитет народа, всеобщее избирательное право, равенство граждан перед законом и т. д.) с древнеримскими реминисценциями (консулы, советники, трибуны). Исполнительная власть состояла из трех консулов и семи министров; законодательная ассамблея не могла быть распущена ими. Католическая религия объявлялась государственной религией, личность граждан и их собственность — неприкосновенными. Учредительное собрание постановило передать проект конституции на обсуждение граждан, но не предприняло никаких мер для практического осуществления его и временно (фактически до 16 июня) отложило дальнейшие дебаты.

Новые задачи встали перед римлянами: в конце апреля началась французская военная интервенция.

ИНТЕРВЕНЦИЯ ПРОТИВ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Высадка французских войск в Чивита-Веккии

24 апреля французский флот вступил в воды Чивита-Веккии. Он состоял из 17 военных кораблей, на которых разместились три пехотные бригады, полэскадрона кавалерии, несколько крупных артиллерийских орудий. Французскую экспедицию возглавлял генерал Удино, сын наполеоновского маршала. Французская республика подняла оружие против республиканского Рима во имя восстановления власти папы! Луи-Наполеон и его правительство без особого труда побудили в конце марта Учредительное собрание санкционировать

оккупацию какого-либо пункта итальянской территории, — оккупацию, которую французские министры изображали (после поражения итальянских войск при Новаре) как средство обеспечения целостности Пьемонта. В последующих бурных дебатах в Учредительном собрании глава кабинета Одилон Барро добился ассигнования кредитов на отправку экспедиции в Чивита-Веккию под лживым предлогом защиты нового государственного строя Рима от австрийской угрозы. Большинство депутатов предпочло с доверием отнестись к заверениям министров. Лишь представители Горы попытались приподнять завесу над истинными целями этой экспедиции. Однако запросы Ледрю-Роллена не нашли отклика в Собрании. Правительство успешно продолжало свою лицемерную политику, вводившую в заблуждение не одно лишь общественное мнение Франции. Жертвой этой политики являлись и римские республиканцы, предававшиеся иллюзиям о кровной связи, соединявшей будто бы их со «старшей сестрой» — Французской республикой.

Надежды на поддержку Франции или Англии являлись укоренившимся заблуждением большинства итальянских буржуазных демократов, оборотной стороной их недооценки основных сил революции. Одни надеялись достигнуть соглашения с правительствами этих стран, другие верили в уже бессильное Учредительное собрание республиканской Франции, третьи рассчитывали на Гору. Высадка французов в Чивита-Веккии поразила римлян, как гром среди ясного неба. Город сдался без сопротивления. Под нажимом местной крупной буржуазии городские власти и командование национальной гвардии не дали отпора французскому вторжению и не использовали сравнительно значительных средств обороны. Прикрываясь лицемерными фразами о сочувствии Риму, Удино действовал в Чивита-Веккии как завоеватель: он разоружил местный гарнизон, наложил запрет на печать, конфисковал купленные во Франции 4 тыс. винтовок. Затем он возвестил о предстоящем наступлении на Рим.

Французское наступление на Рим

Бурно реагировала столица Римской республики на первые вести о французской интервенции. Учредительное собрание почти не расходилось. Утром 24 апреля, узнав о высадке экспедиции, оно приняло решительный протест против иноземного вторжения. В последующие дни оно не раз возвращалось к обсуждению создавшегося положения. Утром 26 апреля, под впечатлением заявлений французского посланца Леблана, не скрывавшего агрессивных намерений Франции, Учредительное собрание постановило «спасти Республику и отразить силу силой». Ночью оно собралось вновь, чтобы выслушать отчет официальных представителей, посланных в Чивита-Веккию: со слов генерала Удино они доложили триумвирам о «дружественных намерениях» французов, желавших будто бы предотвратить австрийское и неаполитанское нашествия.

У триумвирата не было единства. Армеллини уговаривал оказать французам дружелюбный прием, утверждая, что они «лучше австрийцев или неаполитанцев», и предлагал начать с ними переговоры о восстановлении светской власти папы. Мадзини, к которому присоединился Саффи, не соглашался с Армеллини. Он считал делом чести оказать «сопротивление всякому, кто нарушит независимость и права Республики». Он не сомневался в том, что целью французской интервенции является реставрация папской власти, но рассчитывал на то, что агрессия против республиканского Рима вызовет сильное движение протеста в самой Франции и заставит организаторов интервенции отказаться от своих планов. Характерно, однако, что в силу весьма странного представления о своей роли руководителя первый триумвир не счел возможным присутствовать на заседании Учредительного собрания, не желая своим автори-

тетом «сковывать» его волю. Саффи, по тем же соображениям, старался выступать с «бесстрастным и объективным» изложением фактов.

Демократическое крыло Собрания, возмущенное предложением Армеллини, настояло на вооруженном сопротивлении интервенции. Рим решил сражаться. С утра 27 апреля прокламации триумвиров, расклеенные по городу, извещали об этом охваченный патриотическим подъемом народ. Во всех концах Римского государства поднялась волна протестов против французского вторжения. Все муниципалитеты, за исключением трех, высказались против реставрации папского режима. Даже муниципалитет Болоньи, не питавший особых симпатий к римским республиканским правителям, занял антипапистскую позицию. Буржуазия в своей массе не хотела отказываться от политических и экономических преимуществ нового строя. Около 300 адресов и деклараций поступило в эти дни в столицу. Все они решительно отвергали возврат к прошлому. «История и законы разума доказали, что теократический режим не совместим со свободой подданных, с мирным и прогрессивным развитием современных политических и гражданских учреждений, как и с национальной независимостью», — заявлял муниципалитет города Болоньи.

Воодушевленная поддержкой провинции, столица начала готовиться к вооруженной борьбе.

Два плана войны обсуждались в те дни в руководящих кругах Рима. Речь шла о двух принципиально различных планах ведения войны. Автором одного плана был Гарибальди, другого — Мадзини.

Предложения Гарибальди сводились к следующему: борьбу против интервентов следует вести вне пределов столицы, заняв удобную позицию на дороге в Витербо, откуда можно было бы атаковать с фланга наступающих на Рим французов. Сохранив таким образом инициативу, римские республиканские войска оказались бы в состоянии либо принять сражение, либо же, отступив вглубь, к верхнему течению Тибра, дождаться прибытия подкреплений из Асколи, чтобы затем, подняв население Романьи, обрушиться на врага и уничтожить его. Такого рода план, сочетавший активные действия армии с участием народных масс, предполагал революционный способ ведения войны — единственный, при помощи которого, как писал Энгельс, маленький народ может одолеть большой, и «более слабая армия может противостоять и более сильной, и лучше организованной»[1].

Противоположный план исходил от Мадзини и его сторонников. Рим, утверждали они, не должен атаковать противника. Его подлинная сила состоит в обороне, призванной завоевать Римской республике симпатии Франции и, даже в случае поражения, способствовать его конечной «моральной победе». Нельзя, утверждали мадзинисты, «пятнать» честь Республики «агрессивными действиями»; надо ожидать противника, не выходя из древних стен «вечного города».

Много лет спустя, все еще оправдывая свою порочную позицию 1849 г., Мадзини писал: «Победа оказалась бы в равной степени невозможной без помощи извне, как бы мы ни действовали: внутри самого города или за его пределами. Поэтому, обреченные на гибель, мы должны были, думая о будущем, именно из Рима сказать Италии наше: morituri te salutant (Идущие на смерть приветствуют тебя)».

Так создавалась полумистическая концепция, игнорировавшая действительный мир с его реальными условиями и воспевавшая мученичество как источник и движущую силу прогресса. Точка зрения Мадзини взяла верх. Решено было, что Рим должен ограничиться пассивной обороной.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 337.

Генерал Авеццана, руководитель генуэзского восстания, сразу же по прибытии в Рим назначенный военным министром, приступил к осуществлению планов концентрации вооруженных сил, поднятия дисциплины в армии и упорядочения ее материального снабжения. Главная задача заключалась в организации обороны города. Срочные меры были приняты для укрепления городских ворот и наружных линий обороны, а также для строительства внутренних баррикад. Столица снова переживала дни огромного напряжения. Внушительный парад национальной гвардии, горячее участие народа в сооружении баррикад, шумные народные собрания, созывавшиеся клубами, организация добровольческой милиции — все это свидетельствовало о готовности населения сражаться за Республику. Патриотический подъем усилился еще более в связи с прибытием в Рим новых воинских частей. 27 апреля в столицу вступил легион Гарибальди. Рим вновь увидел легендарного партизанского вождя, ставшего с этого дня признанным военным руководителем римского народа. Присутствие Гарибальди придало новую силу римлянам. Оно в значительной мере обусловило их победу в первом крупном столкновении с французскими войсками.

30 апреля 8-тысячная хорошо вооруженная армия Удино, предполагавшего штурмом взять столицу, приблизилась к ее воротам. Против французов выступило 10 тыс. бойцов, из которых, однако, лишь 7 тыс. приняли непосредственное участие в бою. Остальные составляли боевой резерв. Народ требовал оружия. В Транстевере вооружались даже женщины. Рабочие покидали мастерские, типографии и спешили на баррикады.

Сражение началось с атаки на замурованные ворота Пертуза, через которые французы рассчитывали проникнуть в город, и не прекращалось до самого заката. То ослабевая, то вспыхивая с новой силой, оно перенеслось с открытого поля перед Ватиканским валом в великолепные сады вилл Памфили и Корсини, где разыгрались завершающие бои. Смелая инициатива Гарибальди, не ограничившегося защитой выделенного ему участка, а решительно атаковавшего неприятеля за чертой города, предопределила исход сражения. Вначале, после ожесточенной борьбы, гарибальдийцы отступили к садам, где их продолжали теснить превосходящие силы противника. За этим последовали активные действия линейных войск, атаковавших врага у ворот Кавалледжери. Получив подкрепление, легионеры во главе со своим вождем бросились в стремительную атаку против французских частей и отбили у них виллы Корсини и Памфили, являвшиеся важными опорными пунктами обороны города. После этого Гарибальди предпринял новую вылазку из ворот Кавалледжери. Преследуя отступающего врага, он превратил его бегство в полное поражение. Генерал Удино отошел к Кастель Гвидо, потеряв в этом сражении 500 человек убитыми и 365 пленными.

Всю ночь Рим праздновал победу. Гарибальди предлагал завершить ее решительным наступлением против деморализованных французов и изгнанием их с итальянской земли. Однако Мадзини воспротивился этому: триумвиры все еще надеялись на примирение с Францией. Они «великодушно» отпустили французских пленных и приняли лицемерное предложение Удино о перемирии.

Наступление австрийцев в Романье

Выступление Франции развязало активность других участников интервенции. Австрийцы вторглись в Романью. Неаполитанцы, стремясь опередить французов, перешли границу у Террачины и быстро продвигались к столице. Испанцы заняли рыбацкий поселок Фиумичино.

Триумвират решил сосредоточить главные силы в столице, чем значительно облегчил наступление врагов. Отсутствие координации обороны сказывалось и на ходе событий в Романье, где отдельные города, лишенные единого руководства, действовали сами по себе, подчиняясь центробежным влияниям. Сказывались и подрывная деятельность контрреволюционеров из среды крупной буржуазии и аристократии и капитулянтские настроения умеренных республиканцев.

В одной лишь Болонье городской плебс достойно встретил врага. Восемь дней продолжалось упорное сопротивление австрийским захватчикам. Утром 8 мая австрийцы подошли к стенам города. Еще накануне стало известно об ультиматуме австрийского генерала Вимпфена, требовавшего восстановления папской власти. Весь день толпы народа осаждали муниципалитет и префектуру, требуя оружия. Спешно создавались добровольческие отряды. Но те, кто стояли во главе управления городом, не были склонны к борьбе. Префект, давно уже не пользовавшийся доверием «низов», вскоре сбежал, передав власть муниципалитету. Руководивший обороной полковник Марескотти также сложил с себя полномочия, как только к городу приблизились австрийцы. Муниципалитет лишь частично удовлетворил требование о вооружении добровольцев (впоследствии выяснилось, что значительное количество оружия было скрыто от народа, а затем отдано австрийцам после капитуляции).

В таких условиях 8-тысячной австрийской армии нетрудно было овладеть городом, в котором после ухода в столицу целой дивизии осталось не более 2 тыс. плохо вооруженных солдат. И все же австрийцы встретили упорное сопротивление. Дважды муниципалитет поднимал белый флаг: оба раза его срывали люди из народа. Однако силы Болоньи истощались. В первые дни защитники города еще жили надеждой на помощь Рима и Анконы, но по разным причинам помощь извне пришла слишком поздно. Одна лишь колонна феррарских добровольцев подошла к городу, когда еще шли бои. Но ей не удалось примкнуть к его защитникам, так как последние, ощущая острый недостаток продовольствия, вынуждены были ограничивать привлечение новых бойцов. Феррарцы разбрелись по домам, оставив отряду, вышедшему им навстречу из Болоньи, самый ценный дар: три новых пушки. Однако и они не достались городу: австрийцы уничтожили этот отряд.

14 мая началась ожесточенная бомбардировка Болоньи, не прекращавшаяся в течение двух дней. Город, объятый пламенем, превратился в груду развалин. Тем не менее народ еще раз, утром 16 мая, воспротивился отправке парламентеров во вражеский лагерь, за что город был снова подвергнут жестокому артиллерийскому обстрелу. К вечеру сопротивление было сломлено. Через три дня в Болонью вступили австрийцы, поспешившие отправить ключи города Пию IX в Гаэту.

В эти же дни один за другим почти без сопротивления сдавались прочие города Романьи. Там, где народ под руководством «левых республиканцев» пытался оказать сопротивление, он наталкивался на саботаж умеренных, во что бы то ни стало стремившихся «сохранить порядок». «Народ должен с достоинством покориться своей несчастливой судьбе», — так гласило воззвание городского совета Фаэнцы, именовавшее «достоинством» безропотную капитуляцию. Падением Форли завершилось в основном покорение Романьи. Австрийский экспедиционный корпус, восстановив здесь власть Пия IX, вступил в Марки и направился к их цитадели — Анконе. Римской республике была нанесена глубокая рана.

Первый неаполитанский поход Гарибальди. Переговоры с Лессепсом

В первых числах мая Гарибальди склонил триумвиров к принятию его плана нападения на неаполитанскую армию. Авангард этой армии находился в то время всего в нескольких милях от Рима. В ночь на 5 мая гарибальдийская бригада, насчитывавшая 2300 человек, вышла из столицы. В ее состав входили и ломбардские стрелки (берсальеры) во главе с Лучиано Манара, обнаружившим незаурядные военные способности еще во время героических дней восстания в Милане. Обманув неприятеля ночным обходным маршем, гарибальдийцы неожиданно появились у Тиволи и 7 мая заняли Палестрину, создав угрозу правому флангу неаполитанцев.

Фердинанд II, лично командовавший 10-тысячной армией, расположившейся между Вальмонтоне и Веллетри, решил немедленно пресечь действия Гарибальди. Две колонны неаполитанцев числом около 5 тыс. человек двинулись против республиканцев: одна из них должна была отвоевать Палестрину, другая — разбить наголову гарибальдийцев и отрезать им путь отступления в Рим. Однако как первые столкновения, так и последующее крупное сражение у Палестрины завершились блестящей победой Гарибальди: неприятелю был прегражден путь к столице. Неаполитанцы в панике бежали. Столь счастливо начатые военные действия были прерваны приказом триумвирата, срочно отзывавшим Гарибальди в Рим, где, по многим признакам, ожидалось неминуемое наступление французов. В ночь на 11 мая Гарибальди двинулся в обратный путь, совершив ночной поход, который, по отзывам современников, был «равен второй победе».

Вступив в столицу, он увидел, однако, что возвращение его было излишним. Угроза французского нападения как будто отпала; республиканские власти готовились принять французского посланца, на которого была возложена «дружественная миссия».

15 мая дипломатический представитель Франции Фердинанд Лессепс прибыл в Рим. Два дня спустя было заключено перемирие. Началась позорная комедия «дипломатических переговоров», с помощью которых Луи-Наполеон рассчитывал успокоить большинство французского Учредительного собрания, протестовавшее против нападения на Римскую республику. Одновременно он собирался выиграть время для тщательной подготовки нового похода на Рим, чтобы уничтожить там республиканский строй и вместе с тем восстановить поколебленный римлянами военный престиж Франции. К тому же выборы во французское Законодательное собрание, назначенные на 13 мая, сулили в самом близком будущем победу «партии порядка» и, следовательно, беспрепятственное осуществление давнишних агрессивных планов контрреволюции.

Французское правительство, отправляя Лессепса с «дружественной миссией» в Рим, посылало с ним и секретные, неведомые Лессепсу инструкции генералу Удино, в которых последнему обещали значительные подкрепления войсками и снаряжением. Искренне убежденный в «благородстве» возложенной на него миссии, Лессепс слишком поздно заметил, что оказался орудием вопиющего обмана. Будучи сам введен в заблуждение, Лессепс лучше всякого другого сумел ввести в заблуждение римских умеренных республиканцев и убедить их в дружественном расположении к ним Франции, убедить их в том, что ее заветной целью являлось будто бы ограждение Рима от притязаний Австрии.

Так начались переговоры, возбудившие новые надежды даже у тех, кто после 30 апреля склонен был с недоверием отнестись к мирным посу-

ДЖУЗЕППЕ ГАРИБАЛЬДИ

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса-Энгельса-Ленина. Москва

лам Франции. Одновременно триумвиры одобрили поездку министра иностранных дел Рускони в Лондон: с этой поездкой и сам Рускони и многие другие деятели Римской республики, изверившиеся в помощи Франции, связывали отныне спасение республики.

Второй неаполитанский поход римлян

17 мая римская республиканская армия, численностью свыше 8 тыс. человек, вышла из стен города и направилась к Вальмонтоне. Однако во главе ее триумвиры поставили не Гарибальди, а посредственного и медлительного Росселли, только что произведенного в генералы, хотя военный опыт его ограничивался лишь подавлением контрреволюционного мятежа в Асколи. «Ошибка» Мадзини, не сумевшего в 1849 г. должным образом оценить военные дарования Гарибальди, разумеется, не случайна. Ибо нельзя было не видеть, что в Риме Гарибальди был единственным военным деятелем, которому можно было бы доверить верховное командование с вероятностью успеха. Тем не менее Мадзини не только не сделал этого, но, напротив, не раз пытался парализовать смелую инициативу Гарибальди, которому революционное чутье подсказывало правильное решение военно-стратегических проблем революции.

План Росселли, предполагавший методическое и осторожное продвижение войск с риском истощить армию еще до столкновения с врагом, вызвал решительное сопротивление Гарибальди. Самовольно приняв командование 1-й бригадой (легионеров), находившейся под началом его друга, полковника Мароккетти, Гарибальди предпринял стремительное наступление, сначала по направлению к Вальмонтоне, а затем с небольшим авангардом — до главной позиции неаполитанцев — города Веллетри. Действия Гарибальди, в которых Росселли усмотрел лишь «нарушение дисциплины», были на деле оправданы обстановкой. Фердинанд II, узнав о приезде Лессепса в столицу, означавшем провал надежды на совместные действия с французами, дал своей армии приказ об отступлении к границе. Уже 17 мая неаполитанские части начали отходить от Альбано. Надо было использовать создавшееся положение и превратить беспрепятственное отступление в позорное бегство. Этого и добился Гарибальди своим решительным и смелым продвижением.

Приближение Гарибальди вызвало страх не у одних лишь неаполитанских солдат, страх охватил и самого «короля-бомбу», и его окружение. На дороге в Веллетри произошло первое серьезное столкновение с частями маршала Казелла, которые по приказу Фердинанда должны были прикрывать отход основных войск. Несмотря на огромный перевес сил неприятеля, гарибальдийцы не только выдержали сильный вражеский натиск, но сумели оправиться от первоначальной неудачи и удержать занятые у Веллетри позиции. Больше того. Еще до прибытия основных римских частей, чрезвычайно медленно подходивших к месту сражения, гарибальдийский авангард вынудил неаполитанцев отойти к центру города. Получив, наконец, подкрепление, Гарибальди предложил дать бой у стен Веллетри. Однако прибывший в его ставку главнокомандующий Росселли решительно воспротивился какой бы то ни было атаке города, а тем более быстрому продвижению войск по дороге в Террачину, чем предполагалось отрезать путь неаполитанским войскам, уже начавшим отступление. Вместо этого Росселли, все еще не веривший в отход неаполитанцев, приказал приступить к подготовке осады Веллетри. Воспользовавшись бездеятельностью римской армии, Фердинанд II глубокой ночью вывел из города войска, которые затем в беспорядочном и почти паническом бегстве откатились к неаполитанской границе. Утром 20 мая республиканские части вступили в город.

В тот же день Гарибальди в письме к Росселли развил план вторжения в Неаполитанское королевство, где глухое недовольство населения (в первую очередь крестьянства) и деморализация королевских войск могли обеспечить успех римской армии и дать толчок революционному восстанию неаполитанцев против монархии Бурбонов. Этот план исходил из стремления сочетать военные операции с восстанием народа. Гарибальди, не в пример Мадзини, видел в народе не абстрактную безликую категорию, а прежде всего угнетенное крестьянство, чье участие в борьбе Гарибальди (один из первых среди деятелей итальянского воссоединения) считал важным условием победы.

Мадзини, запрошенный Росселли, принял половинчатое решение: он приказал последнему вернуться с большей частью армии в Рим, которому угрожало австрийское наступление. Гарибальди, под командованием которого остались в сущности лишь итальянский легион и берсальеры Манары, получил разрешение перенести военные действия на неаполитанскую территорию. Быстро продвинувшись к неаполитанской границе, гарибальдийские части 27 мая перешли ее; население, как и предвидел Гарибальди, встретило гарибальдийцев как освободителей. В первых городках, занятых гарибальдийцами, Арче и Рокка д'Арче, в ставку Гарибальди приходили группами крестьяне из соседних деревень, приветствовавшие гарибальдийцев и призывавшие их ускорить продвижение в глубь страны. Гарибальди без промедления начал готовиться к наступлению на Сан-Джермано. Однако не успели гарибальдийцы тронуться из Рокка д'Арче, как категорический приказ триумвирата вторично, на этот раз на целых одиннадцать лет, прервал ожидавшееся триумфальное шествие Гарибальди по неаполитанской земле. Гарибальди вернулся в Рим, откуда он должен был отправиться в осажденную австрийцами Анкону. Однако неожиданный оборот событий удержал его в столице.

Переговоры Лессепса, тянувшиеся всю вторую половину мая (к концу месяца был выработан проект мирного соглашения), внезапно были приостановлены французским правительством, срочно отозвавшим своего уполномоченного. Пока Лессепс и триумвиры вырабатывали условия мирного соглашения, армия Удино, получавшая всё новые подкрепления, завершила приготовления к окружению и осаде Рима. В ночь на 31 мая французы, невзирая на перемирие, заняли возвышенность Монте-Мария, лишив римлян важнейшей стратегической позиции. Только что избранное во Франции Законодательное собрание и сформированное вслед за тем министерство Барро означали победу «партии порядка». При таких условиях Лессепс стал лишь помехой и был отозван.

В Риме весть об отозвании Лессепса вызвала глубочайшее разочарование. Загипнотизированные перспективой французской помощи республиканские власти поверили даже в то, что явные военные приготовления, которые производились французской армией на глазах у римских аванпостов, имели будто бы только «учебное назначение» и якобы не противоречили «стремлению» Франции установить мирные отношения с Римской республикой. Впоследствии Мадзини не без основания клеймил позорную и коварную игру, затеянную тогда французами. Однако нигде он не упоминает о том, что «иллюзорные надежды на мирное разрешение разногласий», возбужденные миссией Лессепса, являлись плодом не одного лишь лицемерия французского правительства, но и легковерия римских вождей.

1 июня одним ударом рассеяло все иллюзии. Французский корабль «Ведетт» привез не только распоряжение Лессепсу вернуться в Париж, но и недвусмысленный приказ Удино атаковать Рим, так как «отныне всякое промедление являлось бы пагубным». Началась последняя глава в истории Римской республики.

Планы обороны Рима. Разногласия между Мадзини и Гарибальди

Окруженный почти со всех сторон Рим одиноко противостоял 30-тысячной вражеской армии. Австрийцы, осаждавшие Анкону и наступавшие в Марках и Умбрии, угрожали прилегающей к столице территории. Испанцы, высадившиеся в Гаэте с 4 тыс. человек, предлагали французам свои услуги. Однако Удино ни тогда, ни позже ни с кем не собирался делить успех. План наступления, принятый 30 мая Военным советом, предполагал самостоятельные действия французской армии: методическую осаду города, атаку римских укреплений и захват возвышенности Яникул, овладев которой можно было бы одним артиллерийским огнем принудить Рим к капитуляции.

Ошеломленные неожиданностью французского наступления римляне оказались не подготовленными к ожидавшим их суровым испытаниям. 15-тысячная республиканская армия, душой которой были легионеры Гарибальди, была плохо вооружена и недостаточно дисциплинирована, ее объединял скорее общий патриотический порыв. Городские валы не представляли большого оборонного значения. Основная часть их, расположенная на восточной границе города, была построена частично еще во времена императора Аврелия, но и более современные укрепления, опоясывавшие западную часть Рима, не были лишены существенных недостатков. Территория, граничившая здесь с фортификационной линией, была местами выше самих укреплений. Это обстоятельство должно было быть учтено в планах обороны Рима. Не случайно после победы 30 апреля Гарибальди и Авеццана настойчиво предлагали укрепить подступы к городу и прежде всего возвышенности, увенчанные виллами Памфили и Корсини. Но триумвират не придал этому совету должного значения и оставил передовые позиции по существу оголенными. Эта непростительная ошибка была усугублена действиями главнокомандующего Росселли, ослабившего защиту упомянутых высот уже непосредственно перед атакой французов.

Но дело было не только в этом. «Кто знаком с Римом и его стенами в 18 миль длины, — писал в своих мемуарах Гарибальди, — тот прекрасно знает, что невозможно было защищать город небольшими силами против превосходящих их численно и технически войск, какими были французы в 1849 году. Нельзя было стягивать для защиты столицы все силы Рима. Большую часть их нужно было перебросить в укрепленные пункты области. Одновременно надо было призвать народ к оружию, а мне дать возможность продолжать мое победное шествие в центр королевства. Наконец, после вывода из города максимального количества средств обороны, правительство само должно было покинуть Рим и избрать новое местопребывание в какой-либо центральной и защищенной местности».

Триумвиры не решились вступить на путь, который предлагал им Гарибальди. Еще сильна была вера в то, что упорное сопротивление римлян вызовет сочувственный отклик во Франции. «Французские штыки и пушки представляют лишь менее достойную часть нации: грубую силу. Наши штыки, наши пушки представляют идею, святой принцип: каждый из нас защищает свой дом, свою честь, свою родину, Рим, вечный город. Сопротивление и вера! Если французский народ хотя бы в малейшей степени дорожит честью и свободой, — он завершит нашу победу!» Так гласили заключительные фразы воззвания триумвиров, расклеенного по всему городу и оповещавшего жителей о возобновлении военных действий. Разногласия, давно уже разделявшие Мадзини и Гарибальди, проявились в эти дни с новой силой. Гарибальди протестовал против пассивной обороны, требовал наведения порядка в армии, немедленной смены главно-

командующего, неопытность которого не могла не сказаться на обороноспособности Рима. Однако Мадзини остался непреклонным. Предложение о передаче командования в руки военного министра, генерала Авеццана, было категорически отвергнуто правительством. Тогда Гарибальди потребовал предоставления ему диктаторской власти для руководства военными действиями. И это требование было отклонено Мадзини. Правда, день спустя глава правительства предложил Гарибальди пост главнокомандующего, но это произошло уже слишком поздно.

Сражение 3 июня

В ночь на 3 июня, нарушив им же назначенный срок перемирия, Удино вероломно атаковал безмятежно спавший Рим. Жестокий удар обрушился на передовые позиции римских войск. В первые же часы боя французы овладели подступами к столице — виллами Памфили и Корсини.

Разбуженный атакой Рим не обнаружил страха. Бойцы, офицеры, наспех вооруженные граждане спешили к местам сбора. Улицы наполнялись возбужденными толпами. У ворот Сан-Панкрацио, откуда ясно видны были очертания виллы Корсини, собирались гарибальдийцы. Они оказались первыми, кто перешел в атаку. Потерянные ночью позиции должны были быть отвоеваны во что бы то ни стало. Дальнейшие судьбы Рима во многом зависели от того, в чьих руках останутся господствующие над городом возвышенности.

Сражение — самое кровопролитное, но и самое славное в истории обороны республиканского Рима — началось. Оно продолжалось 16 часов подряд — под стенами города, на дороге, ведущей к захваченной французами территории, а также в густых рощах, в тенистых парках, в благоухающих садах виллы Корсини. Восемь раз легионеры Гарибальди, ломбардские берсальеры, конница мужественного Мазина под ожесточенным огнем французских батарей пробирались через узкие ворота парка и бросались на превосходящие силы противника, штурмовали мраморные лестницы виллы Корсини. Дважды на протяжении дня, не выдержав отчаянного натиска, французы стремительно отступали. Но успех быстро сменялся неудачей: вилла Корсини вновь переходила в руки неприятеля. Уже наступал вечер, когда новая безуспешная попытка римлян лишила их последней надежды выбить оттуда французов. Вилла Корсини, объятая пламенем, озаряла небо багровым светом. От нее остались одни руины. Французы лихорадочно укреплялись на завоеванных позициях. Республиканцы удержались лишь на вилле Вашелло. Так кончилось сражение, стоившее Риму неисчислимых жертв. Погибли лучшие его сыны, многие отважные и верные защитники его, отличившиеся не в одном бою за свободу Италии. В этом бою был смертельно ранен юный генуэзский поэт Гоффредо Мамели, прославившийся прекрасными свободолюбивыми стихами. Его боевой гимн «Братья Италии» облетел всю страну и стал популярной песней, настоящей итальянской «Марсельезой», под звуки которой сражались и умирали защитники Рима. И все же, несмотря на поражение, героические контратаки римлян остановили у городских стен начавшееся наступление французов.

Осада Рима

В следующие за этой битвой дни французы стали готовиться к осаде столицы. Заняв ведущие к городу дороги, взорвав мосты и ряд военных объектов, они завершили окружение Рима, отрезав его от остальных частей Республики. Цепь окопов опоясывала осажденный город, обеспечивая нападающим решающие преимущества. Мощная артиллерия французов была направлена на основные объекты будущего нападения. В первые две недели, истекшие после памятной ночи 3 июня, французы не спешили с новым штурмом города. Занятые фортификационными работами, они ограничивались усиленным

обстрелом позиций римлян, чтобы помешать их приготовлениям к обороне. С своей стороны, и римляне предприняли в этот период ряд вылазок более или менее крупного масштаба, которыми пытались разорвать или хотя бы ослабить кольцо осады. Однако эти попытки не дали сколько-нибудь значительных результатов.

13 июня Удино предъявил Риму ультиматум. Учредительное собрание отвергло требование капитуляции. На всех площадях города народ предавал огню листовки с посланием французского генерала. В тот же день Рим подвергся яростной бомбардировке. Было ясно, что французы перешли в наступление. Гарибальди еще раз пытался уговорить триумвиров перенести войну за пределы города. «Мы пробудим провинцию и всю Италию, — писал он 14 июня Мадзини, — необходимо во что бы то ни стало доказать, что мы способны на большее, чем на оборону Рима». Однако это предложение постигла та же участь, что и предыдущие. Окрыленные первыми волнующими слухами о начавшейся будто бы в Париже новой революции, триумвиры попрежнему считали единственно спасительной тактикой пассивную оборону. Казалось, что долгожданная помощь французских демократов скоро положит конец войне. Однако пока Рим предавался вновь ожившим иллюзиям, Удино лихорадочно заканчивал приготовления к штурму. Двухдневная канонада, локальные и ложные маневры предшествовали внезапному ночному штурму, открывшему брешь в первой оборонительной линии и приведшему французов в черту города. Это произошло 22 июня.

В последующие дни страшные удары один за другим обрушились на осажденных римлян. Известие о разгроме движения 13 июня в Париже уничтожило последние надежды. Вслед за тем в город пришла весть о падении Анконы, в течение 27 дней героически выдерживавшей вражескую осаду. Занятием Анконы завершилась оккупация области Марк. Еще до этого австрийцы овладели провинцией Асколи.

Итак, Рим не мог больше рассчитывать на помощь извне. Наступили последние дни неравной борьбы. Силы Республики иссякали не только в отчаянной борьбе с внешним врагом. Их подтачивал давно назревавший недуг, особенно обострившийся в период осады. Значительно возросшие хозяйственные трудности (денежный кризис, паралич торговли, истощение продовольственных запасов) и разрушительные последствия войны угрожали материальным интересам состоятельной части буржуазии и ложились непосильным бременем на широкие массы городского населения. Недовольство экономическим положением усугублялось растущим неверием в победу. Пропасть отделяла римских демократов не только от аристократии и духовенства, но и от крупной буржуазии, находившейся в лагере контрреволюции. Расстройство хозяйственной жизни, тяготы войны вызвали неуверенность и недовольство и среди прежних сторонников Республики. Она лишилась, таким образом, значительной части своих приверженцев. Не решившись прочно связать свои судьбы с революционной борьбой народных масс, мадзинисты сузили массовую базу своей власти и, разуверившись в собственных силах, капитулировали под ударами врагов.

«Я считаю Рим уже павшим», — писал Мадзини 22 июня, в день прорыва французов. Тем не менее он побудил Учредительное собрание высказаться за продолжение сопротивления.

25 июня Гарибальди решил еще раз выдвинуть предложение о перенесении борьбы за пределы Рима. Он считал, что правительство и армия должны покинуть столицу и обосноваться в Апеннинах, откуда можно было бы продолжать борьбу. Очередной отказ Мадзини вызвал взрыв негодования у Гарибальди. Он даже сложил свои полномочия, но, затем, подчинившись велению долга, вернулся на линию фронта. Не обладая должным

опытом политической борьбы, Гарибальди не сумел стать подлинным вождем левого крыла республиканцев. Не считая возможным идти наперекор господствующему мнению мадзинистов, он всякий раз после колебаний покорно склонялся перед авторитетом Мадзини. Так было и на этот раз.

Рим продолжал держаться. 2 тыс. добровольцев 22 июня записались в республиканскую армию. Под огнем вражеской артиллерии солдаты и гражданское население строили укрепления. Яростная бомбардировка удесятерила тяжесть обрушившихся на город испытаний: французы стремились положить конец сопротивлению римлян.

ДУХОВНЫЕ РАДОСТИ ПАПЫ В ДЕНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ СВЯТЕЙШЕЙ КОЛЛЕГИИ В РИМ

Ксилография из журн. «Revue Comique», 1849

30 июня, около двух часов ночи, французы перешли в атаку, вернее, в развернутое наступление по всему фронту, стремясь овладеть второй линией укреплений. Громовые раскаты грозы, разразившейся в эту ночь, сливались с гулом орудийной стрельбы. Всю ночь, невзирая на неистовый ливень, шли отчаянные бои. Они были особенно упорны у виллы Спады — штаб-квартиры Гарибальди. Когда утром 1 июля римляне под давлением превосходящих сил противника отступили на многих участках фронта, вилла Спада все еще противостояла вражескому натиску. Полуразрушенная, охваченная пламенем, она казалась неприступной крепостью, о которую разбивались все атаки врага. Много часов подряд длился беспримерный бой. Один за другим падали защитники виллы. Пал и руководитель обороны, начальник штаба Гарибальди, Лучиано Манара. Прощаясь с друзьями, он сказал: «Передайте моей жене, пусть она воспитает в наших детях любовь к несчастной родине и пусть вложит в их руки оружие, как только они будут способны его держать».

Окруженная французами вилла Спада была почти потеряна, когда подоспевший Гарибальди ввел в бой свежие силы и отбросил неприятеля. Вилла Спада не сдалась врагу. Гарибальди вновь удалось перенести арену вооруженной борьбы на вторую линию обороны. Но уже к полудню французы вновь овладели второй линией, предопределив этим исход сражения.

Учредительное собрание, заседавшее с самого утра, после долгих дебатов высказалось за капитуляцию. Бледный, но внешне спокойный Мадзини выдвинул три возможных предложения: либо капитуляция, либо баррикадная война в самом городе, либо продолжение борьбы за его пределами. Сам он на этот раз высказался за третье предложение. Но его речь

была встречена холодно и недоверчиво. Собрание потребовало немедленного вызова Гарибальди. Прибыв прямо с линии огня, Гарибальди подтвердил безнадежность дальнейших боев внутри города и горячо призвал осуществить то, к чему он безуспешно стремился давно. Он предложил продолжать борьбу за пределами столицы. Но это предложение не встретило сочувствия у большинства Собрания.

Итак, участь Рима была решена. Триумвират, в знак несогласия с решением Собрания о капитуляции, ушел в отставку. Гарибальди предпочел иной путь. Еще боролась Венеция. К ней и устремились все те, кто не хотел складывать оружия.

Утром 2 июля многолюдная толпа собралась на площади св. Петра. Гарибальди прощался здесь с римлянами и производил смотр добровольцам, пожелавшим последовать за ним. При этом он произнес ставшие знаменитыми слова: «Друзья, солдаты! Вы разделили со мной тяготы и опасности нашей борьбы за родину и покрыли себя славой в сражениях. Вы теперь вместе со мной избрали трудный путь изгнания. Все, что я могу вам предложить, — это голод и жажду, холод и зной. Вас ожидают суровые испытания и серьезнейшие опасности — форсированные марши без крова и отдыха, без продовольствия и без пороха, штыковые бои. Но тот, кому дорога Италия, пусть следует за мной!»

4 тыс. добровольцев ушли с Гарибальди в далекий и опасный путь. Для многих он стал последним. Под пулями австрийцев пал Чичероваккио, с ним погибли его сыновья и республиканский священник Уго Басси, погибла мужественная и верная подруга Гарибальди Анита, не выдержавшая напряжения трудного пути. Но и сам Гарибальди не увидел тогда осуществления своей мечты. Тяжелые препятствия и прежде всего несоизмеримое превосходство австрийцев, по пятам преследовавших гарибальдийцев, обрекли на неудачу этот изумительный поход, в котором, по отзыву Энгельса, Гарибальди проявил себя человеком «необычайного военного таланта, выдающегося бесстрашия»[1]. Когда Гарибальди начинал свой последний поход, первые французские патрули вступали в побежденную столицу. 3 июля 1849 г. Римская республика перестала существовать.

БОРЬБА ВЕНЕЦИИ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Власть триумвирата в Венеции. Политика Манина

Теперь на всем полуострове одна лишь Венеция продолжала борьбу. Одиннадцать месяцев длилось ее единоборство с австрийцами, блокировавшими ее с моря и почти окружившими ее с суши. Угроза восстановления ненавистного австрийского господства с его хищнической экономической политикой и унизительным политическим гнетом объединила бóльшую часть населения Венеции.

Выступление 11 августа 1848 г. означало решительный протест широких масс Венеции против предательской политики Сардинской монархии. Позорные условия перемирия, отдававшие Венецию на произвол Австрийской империи, скомпрометировали монархическую легенду о «всесильном королевстве Верхней Италии», как наилучшей гарантии национального и экономического возрождения Венеции.

События 11 августа расчистили почву для возрождения Венецианской республики и принесли республиканцам желанный реванш за недавнее поражение в борьбе с либерально-монархическим лагерем. Национальная независимость и республиканский строй — таковы были лозунги движения, которое вновь привело к власти лидера буржуазных демократов

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. II, стр. 183.

Даниеля Манина. Несмотря на свою недавнюю капитуляцию перед либералами в вопросе о слиянии с Пьемонтом, Манину удалось сохранить огромную популярность в Венеции. Большинство республиканцев поверило в то, что в свое время отказ от республики был «великой жертвой», принесенной во имя «спасения родины». Но и республиканское меньшинство, не простившее Манину его отступления, не считало все же возможным подрывать авторитет вождя. «Те, кто знал его до конца, — писал впоследствии левый республиканец Далл'Онгаро, — движимые интересами родины, молчали, так как не знали, какое другое имя можно было бы бросить в народ». И действительно, массы средней и мелкой буржуазии, как и городские «низы», видели в Манине человека, казалось бы, лучше кого-либо другого олицетворявшего их волю к независимости и демократическим преобразованиям. Что касается либералов, то тактика компромисса, примененная Манином при решении вопроса о слиянии Венеции с Пьемонтом, примирила либеральных монархистов («альбертистов») с вождем умеренных республиканцев. Таким образом, Манин завоевал сторонников слияния, не потеряв при этом и собственных приверженцев.

13 августа Ассамблея представителей 103 голосами против 9 закрепила за Манином «диктаторскую власть». По предложению последнего был создан триумвират, в который, наряду с диктатором, вошли Каведалис и Грациани, наделенные особыми полномочиями по руководству сухопутными и морскими силами. Новая власть представляла собой блок средней и мелкой буржуазии с крупной буржуазией и либеральным дворянством.

Манин добивался упрочения своей власти уступками правому крылу буржуазии и непримиримостью к оппозиционному движению демократических слоев населения. Осуществлению такой политики благоприятствовало то, что революционные демократы, группировавшиеся вокруг Народного клуба, не представляли сколько-нибудь значительной силы. Идейно руководимые Томмазео, они находились под влиянием утопического социализма и были не согласны со многими важными вопросами политики триумвирата. Но занимая более прогрессивные позиции, левые не сумели встать на подлинно революционный путь, который привлек бы народ к участию в национально-освободительной борьбе. Их обращения к народу оставались общими и малоэффективными декларациями.

Венецианские левые не пользовались серьезным влиянием в народных «низах», так как в значительно меньшей степени, нежели их римские единомышленники, опирались на массы мелкой буржуазии и городского плебса. Городские «низы» Венеции (ремесленники, рыбаки, лодочники) все еще шли за умеренными демократами. Слабо развитое классовое сознание не подсказывало этим социальным группам собственных лозунгов. Характерна политическая программа, изложенная на предвыборном собрании одним из кандидатов гондольеров (лодочников) — Галли. В речи, дышавшей глубоким патриотизмом, он отстаивал демократические традиции Венеции и политические права «четвертого сословия», обрушивался на господство аристократии, но не призывал к борьбе с буржуазией. «Демократия, — заявил он, — это равенство прав всех без исключения граждан... Мы должны и мы хотим быть демократами, как и те, что стоят выше нас. Мы хотим пользоваться равными правами и иметь равные обязанности, как и другие граждане». Однако тут же Галли добавлял: «Но упаси вас господь подумать, что демократия включает в себя мысль или действие, направленные к присвоению того, что нам не принадлежит. Пусть богатые останутся богатыми, чтобы облегчать нашу нужду, обеспечивая нас работой...»

При таких настроениях среди трудящихся слоев населения Манину легко удавалось обеспечивать относительную устойчивость возглавляе-

мой им власти. Первым и важнейшим вопросом, в котором Манин пошел на уступки своим союзникам справа, был вопрос о республике. После того как 11 августа венецианский народ осудил слияние с Пьемонтом, встал на очередь вопрос о провозглашении республики. Однако республика формально не была провозглашена в Венеции ни тогда, ни позже. Народу, требовавшему республики, Манин отвечал, что подобный вопрос не может решить ни временное правительство, ни народ «на площади», что это должно быть «задачей легально избранных представителей». Но и впоследствии, хотя Манин и заявил в Ассамблее, что «республика фактически уже существует в Венеции», он все же не решился официально провозгласить ее, опасаясь недовольства либералов и их влиятельных иностранных покровителей. По этой причине с первых же дней существования триумвирата Манин поспешил заявить, что возглавляемая им власть носит временный характер и преследует лишь цель обеспечения внешней и внутренней безопасности государства. Однако обеспечение внутренней безопасности и особенно «достойного мира после победы» (как выразился однажды Манин) представляло весьма трудную задачу, тем более для правительства, не понимавшего того, что ему следовало прежде всего рассчитывать на внутренние народные силы.

В самом городе активно и почти беспрепятственно действовали контрреволюционные элементы. Они опирались на жителей австрийского происхождения, на австрофильски настроенные элементы коренного населения города и пользовались поддержкой английского посланника Клэнтон Доукинса.

Соотношение сил борющихся сторон складывалось неблагоприятно для Венеции. Правда, прекрасная естественная оборона лагун, а также сравнительная слабость австрийского флота в первый период блокады создавали немало возможностей для активного и успешного сопротивления. 70 фортов окружали Венецию, их артиллерия была в состоянии преградить путь захватчикам; укрепления Брондоло, Маргеры и Трех Портов могли служить одновременно и базой для наступления. 20 тыс. бойцов и офицеров составляли армию генерала Пепе, не покинувшего Венецию и после ухода неаполитанских вооруженных сил. Наконец, резервом обороны служила гражданская гвардия, реорганизованная в первые осенние месяцы. И все же не подлежало сомнению, что изолированная Венеция не могла рассчитывать на легкую борьбу с гораздо более сильным противником, тем более, что ей предстояло преодолеть все возраставшие экономические трудности, вызванные истощением финансовых ресурсов и непоправимым — в условиях блокады — расстройством торговли. Поступления, исчислявшиеся лишь в 2 млн. лир в год, не покрывали даже обычных расходов. Пополнение военных запасов и снабжение города наталкивались на необычайные трудности: боеприпасы и продовольствие приходилось везти издалека и оплачивать дефицитным серебром. Бумажные деньги едва поддерживали внутреннюю торговлю. Тщетно пытались триумвиры получить помощь извне: ни Англия, ни Франция не пожелали предоставить им займа. Позднейшие обращения к итальянским государствам оказались почти столь же безуспешными: Тоскана прислала Венеции всего 72 тыс. лир; Рим решил было отправить венецианцам 100 тыс. экю, но не осуществил своего намерения. Правительство Пьемонта, ссылаясь на изменившееся положение, отказалось от торжественно обещанной венецианцам ежемесячной субсидии в 600 тыс. лир.

Тогда триумвират обратился к внутренним ресурсам. 6 ноября муниципальный совет принял ряд решений для облегчения финансового положения Венеции. Он санкционировал выпуск двух займов на сумму в 5 млн. лир, из коих 3 млн. гарантировались 40 наиболее богатыми семьями

Венеции, а остальные 2 млн. распределялись среди 150 менее состоятельных семей. Сверх того намечался 12-миллионный заем, обеспечиваемый чрезвычайным поземельным налогом.

Эти правительственные меры были весьма сочувственно встречены в широких слоях населения. Даже некоторые круги крупной буржуазии оказали поддержку финансовой политике триумвирата. Угроза восстановления австрийского господства сплачивала фронт сопротивления.

Борьба между сторонниками и противниками наступательной тактики

На протяжении всего длительного периода блокады и вплоть до самых последних дней обороны Венеции представители демократического лагеря настойчиво требовали активной наступательной тактики и расширения рамок борьбы. Солдаты и офицеры с нетерпением ожидали перехода к активным действиям.

Предпринятая в октябре наступательная операция неожиданно принесла значительный успех. 22 октября венецианцы легко опрокинули австрийские аванпосты при Каваллино. Пять дней спустя, осуществив более значительную вылазку в укрепленном районе Местре, они заняли эту крепость и нанесли австрийцам серьезный урон. Хотя впоследствии венецианские части оставили Местре, тем не менее одержанная тогда победа подняла боевой дух защитников города и укрепила в них готовность к решительной борьбе. Однако октябрьская операция в дальнейшем развита не была. Триумвират не решался вести наступательную тактику, кстати сказать, вызывавшую недовольство англо-французских «покровителей». Неоднократные и настойчивые предложения офицеров и матросов венецианских кораблей разрешить им атаковать сравнительно слабый австрийский флот, блокировавший лагуны, не были приняты. Морской министр триумвир Грациани, человек консервативных взглядов, окруживший себя людьми, не обладавшими, как и он, ни решимостью, ни достаточными военными знаниями, фактически обрек венецианский флот на бездействие и нейтрализовал, таким образом, основную военную силу, какой обладала Венеция. «Политика правительства, — писал Пизакане, — должна была быть решительной, а не подверженной колебаниям, необходимо было придать войску гибкие организационные формы, атаковать неприятеля, разбросанного вдоль длинной линии блокады, и, наконец, попытаться поднять восстание во всей области».

Вместо этого триумвират упорно держался выжидательной тактики, которую Манин считал единственно способной «спасти Венецию и вместе с ней Италию». Такая выжидательная тактика означала по существу стремление сузить рамки борьбы и сдержать революционную энергию народа.

Дипломатические переговоры. Позиция Англии и Франции

При таких условиях дипломатические переговоры, естественно, стали играть главную роль в политике Манина. «Я полагаю, что Манин решил оказывать сопротивление лишь до тех пор, пока он будет думать, что существует перспектива вооруженного вмешательства со стороны Франции в пользу Венеции; напротив, он пошел бы на капитуляцию, если бы считал, что это вмешательство не будет иметь места», — писал Пальмерстону английский посланник.

Первую ноту французскому министру иностранных дел Манин написал в ту самую ночь, когда народные волнения вернули его к власти. За этим последовали секретные переговоры с Пьемонтом и огромное количество нот, отчаянных призывов, обращенных к Франции и Англии. Однако надежды на вооруженную поддержку Франции быстро улетучились. Вскоре отпали и расчеты на активные действия «посредников», которые могли бы воспрепятствовать блокаде и активным операциям австрийцев.

В середине октября Пальмерстон в письме к Манину заявил, что в предложениях, сделанных Англией австрийскому правительству, не было речи об отторжении Венеции от Австрийской империи. Пальмерстон считал поэтому разумным со стороны Венеции добиться мирного соглашения с австрийцами. И хотя французское правительство своей лицемерной политикой не раз возрождало померкшие было надежды венецианцев, по существу же его практические действия ничем не отличались от действий английского кабинета. Единственный реальный смысл англо-французского «посредничества» сводился, таким образом, к тому, чтобы побудить Венецию капитулировать перед Австрией.

Венеция служила лишь разменной монетой в игре Англии и Франции. Они не собирались оказывать сколько-нибудь решительного давления на Австрию в интересах Венеции. Более того: со времени поражения Пьемонта Пальмерстон пытался уговорить австрийцев удовлетвориться Венецией взамен Ломбардии. Следовательно, ни проекты Манина о независимом венецианском или ломбардо-венецианском государстве, ни новый вариант слияния Венеции с Пьемонтом не могли найти сочувствия у Англии и Франции. Когда же битва при Новаре окончательно закрепила торжество Австрии на полях Северной Италии, «посредники» недвусмысленно дали понять венецианцам, что считают их дело окончательно проигранным.

Требования «Народного клуба»

Провал дипломатических переговоров стал очевидным. Недовольство политикой триумвирата, давно назревавшее в демократических кругах Венеции, усилилось. Еще в начале марта клубы обратились к Ассамблее с петицией, в которой снова ставился вопрос о переходе к активным военным действиям. «Народный клуб» стал главным очагом оппозиционной борьбы. К разногласиям по военно-политическим вопросам прибавлялись расхождения по вопросу о методах обеспечения внутренней безопасности Венеции. С первых дней существования триумвирата демократы требовали обновления органов власти, решительной чистки командного состава армии и флота, засоренного австрийскими ставленниками. «Народ восстал, чтобы новые люди заняли место старых. Не заставляйте его вновь поднять восстание с целью спасти Венецию от бездействия трусов!» — заявил Манину председатель «Народного клуба» 12 августа 1848 г.

Много раз в демократических кругах выдвигались требования репрессивных мер против австрофилов, составления списков подозрительных, обуздания капитулянтов. Но триумвират не соглашался с требованиями левых. Впрочем, решившись однажды на применение чрезвычайных мер, правители обратили их против лидеров демократического движения. Появление в печати статьи против Грациани стоило ее автору свободы. Одновременно с ним были арестованы и высланы из Венеции видные руководители клубов. Протест против их высылки, собравший свыше 100 подписей, был оставлен без последствий. Военный министр Каведалис, крупный землевладелец, запретил солдатам и офицерам посещение политических клубов. «Комитет бдительности» всеми мерами старался парализовать активность левых элементов. Священник-республиканец Уго Басси получил разрешение выступить с проповедью лишь после того, как в письме к Манину дал обещание сохранить умеренный тон и не допускать «неблагожелательных намеков по адресу Карла-Альберта». Проповедь священника Гавацци, подготовлявшаяся «Народным клубом», была запрещена.

На протесты Гавацци Манин ответил письмом, хорошо характеризующим его политическую позицию. Он писал: «Я сожалею о случившемся, но вы должны учесть, что мы взяли на себя священную обязанность отстоять Венецию любой ценой, и что Венеция не может быть защищена, если в ней

не будут сохранены спокойствие и согласие. Но они могли бы быть нарушены «Народным клубом», как вследствие классовой принадлежности граждан, которые входят в его состав, и характера некоторых лиц, считающихся его лидерами, так, наконец, и вследствие социалистических теорий, которые начали там проповедоваться. Вы хорошо знаете, что рабочие — пламенные, энергичные, но невежественные — легко могли бы дать себя увлечь этими соблазнительными теориями, страшное практическое применение которых ставит общество под угрозу и ведет к разорению те самые классы, чье положение будто бы собираются улучшать. В последнее время Франция дала тому весьма серьезный, ужасный пример».

Итак, Манин еще в большей мере, нежели Мадзини, испытывал страх перед революционным пробуждением рабочих масс. С другой стороны, нерешительность демократических элементов мелкой буржуазии, их преклонение перед легальными средствами борьбы, перед признанными авторитетами, отсутствие у мелкобуржуазных деятелей подлинных связей с народными массами — все это обусловило бессилие левых, их неспособность оказать сколько-нибудь серьезное давление на ход событий.

Борьба в Ассамблее

Вновь избранная в январе 1849 г. Ассамблея отражала сложившееся в Венеции соотношение сил и обеспечивала Манину постоянное большинство. Сторонники политики триумвирата, блокировавшиеся с правыми («альбертистами»), без особого труда отражали натиск представителей оппозиции. Первое серьезное столкновение произошло по вопросу об Итальянском учредительном собрании. Собственно, Ассамблея лишь подытожила длительные дискуссии, происходившие по этому вопросу за ее пределами, между левыми и сторонниками Манина. Первые стояли за немедленное слияние Венеции с республиканским Римом и республиканской Тосканой; триумвират и его приверженцы боялись примкнуть к движению, которое, по их мнению, неминуемо создало бы для Венеции дополнительные трудности и вызвало бы раздражение как стран-посредниц, так и Пьемонта. Не выступая открыто против идеи Итальянского учредительного собрания, Манин оставался, однако, в душе сепаратистом и не раз подчеркивал, что прежде всего необходимо добиться полной независимости ломбардо-венецианского государства. Открывая в феврале сессию Ассамблеи, он высказался за отсрочку обсуждения этого вопроса.

В дальнейшем борьба в Ассамблее, вспыхивавшая по разным поводам, вылилась главным образом в попытки оппозиции атаковать «диктатуру» триумвиров, противопоставив ей Ассамблею, как «выражение суверенной власти народа». Однако Манин решительно отстоял полноту власти триумвирата. Дебаты в Ассамблее послужили даже поводом к стихийному выступлению народа, восстановленного сторонниками Манина против «мятежных» депутатов, будто бы угрожавших триумвиру. 5 марта народ, заполнивший площадь перед Дворцом дожей, в котором заседала Ассамблея, пытался ворваться во дворец. Гражданская гвардия демонстративно бездействовала. Лишь уговоры самого Манина успокоили народ. Инцидент был ликвидирован, но произвел все же сильное впечатление на депутатов. Два дня спустя (7 марта) Ассамблея почти единогласно (при двух воздержавшихся) назначила Манина главой исполнительной власти с титулом президента, передав ему всю полноту власти, включая и право отсрочки заседаний Ассамблеи, за которой оставлялось, однако, право последующей ратификации законов, принятых президентом. Таким образом, Манин одержал полную победу.

Такова была политическая атмосфера в городе, когда поражение сардинской армии при Новаре (23 марта) привело к переходу Австрии к решительным действиям против Венеции.

Оборона и падение Венеции

26 марта австрийский фельдмаршал Гайнау предъявил Венеции ультиматум о сдаче. Патриотический подъем охватил Ассамблею. Единодушно было принято решение: Венеция будет сопротивляться любыми средствами, президент Манин облекается неограниченной властью.

Начался период непосредственной обороны города. Защищенная лагунами, преграждавшими путь неприятелю, Венеция рассчитывала на долгое сопротивление, которое должно было дать ей возможность получить помощь извне. Таков был план триумвирата. 17-тысячная армия, гражданская гвардия, все городское население с воодушевлением ответили на призыв Ассамблеи и триумвирата дать отпор ненавистным австрийцам. Левые вновь выдвинули требование наступательной тактики.

В течение долгих месяцев австрийцы блокировали город с моря, пользуясь благосклонным невмешательством французских и пьемонтских кораблей. Они окружали его также с суши; одна лишь крепость Мальгера, оставаясь в руках венецианцев, разрывала кольцо осады. План австрийцев заключался в том, чтобы приблизиться к крайней линии обороны осажденных и нанести сокрушительный удар по гарнизону Мальгеры. Австрийское командование усилило осадную армию, доведя ее до 30 тыс. человек, провело новую линию окопов в 800—900 метрах от крепости и, закончив ее в конце апреля, начало атаку Мальгеры.

4 мая австрийские батареи открыли ожесточенный огонь по крепости, ответившей не менее сильным обстрелом вражеских позиций. Радецкий, прибывший в австрийскую ставку, снова предложил венецианцам ультиматум. В послании к командующему крепостью, полковнику Уллоа, указывалось, что Мальгера должна быть сдана до 8 часов утра следующего дня. Английский и французский представители советовали триумвирам согласиться на капитуляцию. Но Мальгера возобновила обстрел вражеских позиций. Манин объявил, что осажденные отказываются принять австрийский ультиматум и советы англо-французских дипломатов.

На протяжении всего мая Мальгера оставалась главным объектом неприятельских атак. В 20-х числах австрийцы, укрепившись на только что законченной второй линии окопов, предприняли штурм крепости. Три дня не прекращалось героическое сопротивление ее гарнизона, значительная часть которого пала в боях. Мальгера была занята австрийцами лишь после того, как, по приказу Манина, была оставлена ее мужественными защитниками.

С переходом Мальгеры в руки неприятеля кольцо осады полностью сомкнулось вокруг Венеции. Осажденные приняли меры к укреплению крайней линии обороны, расставили там новые батареи. В первой жаркой схватке они отразили неприятеля. Но австрийцы не собирались продвигаться к осажденному городу. За неудачей генеральной атаки, предпринятой в начале июня, последовали столь же безуспешные операции местного масштаба. Понимая, что превосходная естественная оборона Венеции, подкрепленная сильными батареями у входа в лагуны, не сулит быстрого успеха наступлению с суши, австрийцы решили обессилить Венецию голодом и обескровить ее жестоким обстрелом. Бомбардировка началась в ночь на 13 июня и не прекращалась до конца осады. 29 июня бомбардировка города достигла наивысшей точки. Большая часть Венеции находилась под ураганным огнем неприятеля. И так продолжалось до самого конца осады. Развалины, пламя пожаров — вот что представляла в эти месяцы Венеция. Но ей предстояли и иные испытания. Кончались запасы продовольствия. Отчаянные вылазки, предпринятые венецианцами, не дали серьезных результатов. Голод душил осажденных. Эпидемия тифа и холеры ежедневно уносила больше жертв, чем самая сильная бомбардировка.

За один лишь месяц умерло от холеры 3 тыс. человек. Черной лентой тянулись по мертвым улицам похоронные процессии. Но скоро и они прекратились: нехватало рук, чтобы убирать трупы.

Муниципальный совет пытался чрезвычайными мерами (новым займом, организацией распределения продовольственных запасов, расширением госпиталей, переселением жителей, пострадавших от обстрела, и т. п.) облегчить участь населения. Но все эти меры были ничтожны по сравнению с огромными размерами бедствия, обрушившегося на город. И все-таки Венеция не сдавалась. Постепенно рассеивались надежды на помощь извне.

В мае Манин снова предложил Англии взять Венецию под свое покровительство. Он указывал на то, что события в Венгрии, отвлекавшие внимание Австрии от Венеции, повышают шансы осажденных на конечный успех и что, следовательно, помощь Англии не окажется напрасной. Два обстоятельства как будто подтверждали обоснованность этих расчетов: во второй половине мая в Венецию прибыло письмо от Кошута с обещанием помощи, и почти одновременно с этим по инициативе австрийцев началось нечто вроде переговоров о мире. Однако венгерская помощь не смогла быть оказана, а дипломатический зондаж австрийского министра фон Брука, прибывшего для этого в Местре, явился лишь диверсией. По истечении восьми недель бесплодных переговоров Ассамблея отклонила унизительные требования австрийского правительства. Что же касается обращений к Англии, то доводы Манина не произвели на Пальмерстона никакого впечатления. Он снова предложил венецианцам капитулировать. Следуя духу пальмерстоновских инструкций, английский консул уточнил в беседе с Маниным, что капитуляция должна быть безоговорочной, ибо «австрийское правительство никогда не пойдет на соглашение с мятежниками». Эта циничная формулировка английского представителя, в которой люди, защищавшие родную землю, объявлялись «мятежниками» и ставились вне закона, разоблачала истинные намерения «великой покровительницы» венецианской независимости.

Планы Манина оказались беспочвенными. Разногласия в лагере осажденных вспыхнули с новой силой. После падения Мальгеры недовольство ходом военных дел и прежде всего бездействием флота оживило оппозиционную деятельность революционных демократов. «Народный клуб» объявил о созыве еженедельных собраний граждан для обсуждения военного положения. Триумвират воспользовался этим, чтобы нанести клубу последний удар: собрания были запрещены и клуб был распущен. Но вместе с тем, чтобы дать некоторое удовлетворение оппозиции, правительство создало особую военную комиссию с участием левых, которая и должна была заменить скомпрометированное военное руководство Каведалиса и Грациани. Однако поле деятельности этой комиссии оказалось весьма ограниченным. Окончательно изверившись в помощи извне, Манин решил сложить оружие. Дальнейшее сопротивление потеряло для него и для его сторонников какой бы то ни было смысл. Демократы во главе с Томмазео предлагали продолжать борьбу за пределами города. Простой народ поддерживал это требование. Не раз вспыхивали в городе народные волнения, свидетельствовавшие о решимости «низов» бороться до последней возможности. 20 августа восстала часть армии. Офицеры и бойцы требовали массового выхода из города. Однако это были последние вспышки. Теперь уже трудно было наверстать упущенное. Во всей Италии торжествовала контрреволюция. Трехцветное знамя Италии одиноко развевалось на венецианских лагунах. Город умирал от голода, болезней и разрушений.

22 августа Венеция капитулировала.

25 августа австрийские войска вступили в Венецию. Последний очаг итальянской революции 1848—1849 гг. погас.

Глава сорок шестая

БОРЬБА ЗА ИМПЕРСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ. МАЙСКИЕ ВОССТАНИЯ 1849 Г. В ЮЖНОЙ И ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

ФРАНКФУРТСКОЕ СОБРАНИЕ 1848 Г.

В октябре 1848 г. Франкфуртский парламент приступил к выполнению своей основной задачи — к созданию имперской конституции, которая должна была дать германскому народу долгожданное государственное единство. Но трусость депутатов германской буржуазии, их измена делу буржуазно-демократической революции и одновременный рост успехов общеевропейской контрреволюции ставили под сомнение самую возможность объединения страны при помощи общегерманского национального собрания.

Отказываясь от союза с лагерем революции, Франкфуртское национальное собрание искало опоры для преобразования Германии в единое буржуазное государство в феодально-монархических кругах. Собрание готовилось поделить власть над объединенной Германией так, чтобы преобладающую политическую роль присвоить буржуазии, а юнкерству, бюрократии и династиям предоставить хоть и влиятельное, но второстепенное место. В связи с этим Франкфуртский парламент стремился уравновесить в будущем германском государственном устройстве влияние Пруссии и Австрии, стран, имевших могущественные дворянско-монархические группировки, влиянием средних и мелких государств, где эти группировки были гораздо слабее.

Между тем, как писал Энгельс, к ноябрю 1848 г. «...контр-революция одержала верх в двух главных центрах действия в Германии — в Вене и Берлине, борьба оставалась еще не решенной только в более мелких государствах, хотя и там весы все больше и больше склонялись против интересов революции»[1]. Однако либеральная буржуазия еще не считала свою игру проигранной и верила в способность Франкфуртского парламента довести до конца намеченный проект объединения Германии, если он найдет опору в Австрии или Пруссии.

Великогерманское и малогерманское течения во Франкфуртском собрании

Перед собранием стоял вопрос: кого же сделать центром будущей единой буржуазной Германии — Австрию или Пруссию? Еще до революции начали обозначаться контуры двух группировок, которым предстояло сыграть весьма крупную роль в истории Германии в течение двух последующих десятилетий: проавстрийской, или великогерманской, и пропрусской, или малогерманской.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 86.

К малогерманской группировке примкнуло большинство либеральной партии, не только в Пруссии, но также в среднегерманских и южногерманских государствах. В великогерманский лагерь вошли наиболее консервативно настроенные либералы, преимущественно из Австрии и южногерманских государств, фактически ставшие уже контрреволюционной силой. На почве великогерманских идей они вступили в тесную связь с клерикально-католическими элементами, являвшимися ближайшей агентурой Габсбургов.

Перевес малогерманской группы над великогерманской объясняется в значительной мере различием в политике Австрии и Пруссии по отношению к Франкфуртскому парламенту и имперской конституции.

Австрийская реакционная камарилья, после подавления октябрьского вооруженного восстания в Вене, заняла открыто враждебную позицию по отношению к объединительным планам Франкфуртского собрания. 27 ноября 1848 г. новый глава австрийского правительства князь Шварценберг выступил в перенесенном в Кремзир рейхстаге с декларацией, содержавшей два весьма важных положения. Во-первых, Австрийская империя должна быть преобразована в строго централизованное государство, в «единый великий государственный организм». Во-вторых, точное определение взаимоотношений между Австрией и Германией откладывается до завершения государственного устройства обеих стран. Формально это была лишь отсрочка решения общегерманского вопроса. Австрийское правительство твердо заявляло, что оно не допустит ни вмешательства во внутренние дела империи, ни ограничения ее суверенитета. Эта позиция была несовместима с принадлежностью Австрии к единому германскому государству, даже если бы империя Габсбургов заняла в объединенной Германии доминирующее положение. Вместе с тем правящие круги Австрии вовсе не собирались отрекаться от своих давних притязаний на господство над Германией.

Во имя этих притязаний Австрия стремилась к возрождению старого союзного устройства 1815 г., позволявшего Меттерниху в течение трех десятилетий властвовать над раздробленной Германией. Действительные намерения Австрии были выражены в ноте Шварценберга от 9 марта 1849 г., опубликованной им непосредственно после роспуска австрийского рейхстага и октроирования императором Францем-Иосифом I новой конституции. Эта нота предлагала организовать центральное правительство в виде государственной палаты, состоящей из делегатов, избранных ландтагами отдельных германских государств, причем из 70 делегатских мест 38 предназначалось Австрии. Никакого общегерманского парламента нотой не предусматривалось.

Политика Пруссии по отношению к Франкфуртскому собранию и имперской конституции была более гибкой. Ее главными вдохновителями были Бунзен, Бюлов и Кампгаузен, придерживавшиеся так называемой «великопрусской» ориентации, т. е. стоявшие за образование под эгидой Пруссии нового союзного германского государства без участия Австрии. Они не были противниками политической сделки с крупной буржуазией, но отводили последней подчиненное место в будущей опруссаченной Германии. Хотя намерения правящих кругов Пруссии в вопросе о германском единстве резко расходились с планами либералов Франкфуртского собрания, прусские политики воздерживались до поры до времени открывать свои карты.

23 марта 1849 г. между видным представителем великопрусского течения генералом Радовицем и русским посланником в Берлине бароном Мейендорфом состоялся секретный разговор, в ходе которого Радовиц без околичностей признался, что, поддерживая объединительное движение, возглав-

лявшееся Франкфуртским собранием, Пруссия преследует только свои собственные великодержавные цели. Радовиц не скрывал, что Пруссия рассчитывает присвоить себе исполнительную власть в будущей объединенной Франкфуртским парламентом Германии.

Проводя эту политику, Бунзен, Радовиц и другие сторонники великопрусского направления вынуждены были преодолевать сопротивление внутри правящих кругов самой Пруссии. Эту оппозицию составляли крайние реакционеры, группировавшиеся вокруг «Крестовой газеты». К их числу принадлежали граф Бранденбург, фон Арним (министр иностранных дел до конца апреля 1849 г.), Эйхгорн, фон Савиньи и другие прусские бюрократы. Они отвергали всякую сделку с либеральной буржуазией и Франкфуртским парламентом.

Сам Фридрих-Вильгельм IV также склонялся в сторону политики этих прусских юнкеров. В письме к Бунзену от 13 декабря 1848 г. он изливал свое величайшее возмущение по поводу того, что ему, монарху «божией милостью», собираются преподнести не настоящую корону, а «обод из грязи и глины». Однако великопрусское направление сохраняло прочный перевес в прусской политике и в период подготовки имперской конституции и позднее, в период так называемой кампании за имперскую конституцию.

Министерство Гагерна и его политика

Понятно, что либералам было легче обмануться относительно намерений Пруссии, чем относительно намерений Австрии. К середине декабря большинство их сделало настолько резкий крен в сторону Пруссии, что дальнейшее пребывание у власти проавстрийского имперского правительства фон Шмерлинга стало невозможно. Ему на смену пришло министерство фон Гагерна, решительно ориентировавшееся на Пруссию. Сам Гагерн, типичный мартовский либерал, несмотря на свое южногерманское происхождение, был давним и преданным сторонником Пруссии. В своей политической программе, представленной Франкфуртскому собранию 18 декабря 1848 г., он настаивал на создании германского союзного государства без Австрии и предлагал заключить в дальнейшем с Австрией союзный договор, как с иностранной державой.

Лишь после длительных дебатов, почти через месяц — 13 января 1849 г., программа Гагерна была, наконец, принята Франкфуртским парламентом. Это был крупный успех либералов малогерманского толка. Но пока это была лишь победа «принципа». Предстояло в духе этого принципа перестроить всю имперскую конституцию, чтобы сделать ее приемлемой для берлинских контрреволюционеров. Как далеко надлежало идти в этом направлении, чтобы угодить прусским правящим сферам, свидетельствовал уже тот факт, что прусское правительство отказалось опубликовать принятые в конце декабря 1848 г. Франкфуртским собранием «Основные права германского народа», сочтя их слишком революционными. А между тем эта карикатурная вариация на тему буржуазной французской «Декларации прав человека и гражданина» исключала из списка «Основных прав» принцип народного суверенитета!

Но либералы прусской ориентации оказались не в силах приспособить имперскую конституцию к требованиям их берлинских покровителей, так как не располагали в Национальном собрании абсолютным большинством и находились в зависимости как от правого — монархического — крыла, к которому примыкали и великогерманцы, так и от левого — демократического — крыла. Когда депутаты, придерживавшиеся столь противоположных взглядов, соединялись против малогерманцев, а это случалось нередко, попытки либералов опруссачить имперскую конституцию терпели поражение.

Союз либералов с умеренными буржуазными демократами

Либералы прусской ориентации убедились в необходимости привлечь на свою сторону ту или другую часть враждебных им фракций Франкфуртского собрания. Сблизиться с правыми они не могли, так как большинство правых тяготело к Австрии. Поэтому они решили сблизиться с умеренными демократами. Республиканские убеждения последних, и раньше не отличавшиеся твердостью, под давлением событий стали превращаться в политическую фикцию. Годовой опыт революции убедил их, что республика достижима только ценой больших революционных потрясений и жестокой гражданской войны. В связи с этим они все более и более склонялись к мысли, что достигнутая мирным путем единая германская конституционная монархия гораздо желательнее, чем кровавая борьба за единую германскую демократическую республику. Таким образом, грань, отделявшая умеренных демократов от либералов, в значительной мере стерлась, и это обстоятельство облегчило последним соглашение с умеренным большинством демократической партии.

Соглашение это было построено на взаимных уступках: демократы отказались от возражений против опруссачивания имперской конституции, в частности, от возражений против наследственности императорской власти и предоставления ее прусскому королю. Либералы же, со своей стороны, согласились заменить цензовое избирательное право всеобщим голосованием при выборах в нижнюю палату общегерманского рейхстага и ввести вместо абсолютного только отсрочивающее вето главы государственной власти, т. е. императора. Соглашение было скреплено письменным обязательством, под которым либералы из группы Гагерна (81 человек) поставили свои подписи. Это соглашение явилось одним из важных звеньев в образовании союза между либералами и умеренными демократами.

Вне соглашения остались только крайне левые демократы-республиканцы, но они по своей малочисленности не могли оказать существенного влияния на деятельность Франкфуртского парламента.

Либералам удалось очень быстро реализовать все те преимущества, которые давало им соглашение с демократами. 27 марта имперская конституция была принята во втором чтении и окончательно утверждена Франкфуртским собранием. А 28 марта Франкфуртское собрание избрало прусского короля Фридриха-Вильгельма IV «императором германцев». Но либералам пришлось оплатить эти успехи несколько бóльшими уступками демократам, чем это предполагалось раньше. Произошло это вследствие маневров великогерманцев, которые своими голосами не раз давали перевес демократам над либералами. Они делали это с задней мыслью сорвать принятие малогерманской имперской конституции, придав ей как можно более демократический и, следовательно, как можно более неприемлемый для Пруссии характер.

В результате всех этих сложных и противоречивых обстоятельств имперская конституция представляла собой компромиссный документ, в котором феодально-монархические установления в их общегерманском, частично и специфически прусском виде сочетались с началами либерально-буржуазными и буржуазно-демократическими.

Имперская конституция

Конституция сохраняла все 36 тронов германских монархов, а вместе с ними и государственные аппараты не только крупных и средних, но также мелких и мельчайших германских государств.

Правда, конституция ослабляла политическую раздробленность созданием общегерманской центральной власти, но придавала этой власти

монархический характер. Наследственным главой Германии должен был стать император, который наделялся широкими полномочиями, нарушавшими парламентарную систему. Он назначал министров, объявлял войну, заключал мир, пользовался правом роспуска нижней палаты рейхстага. Удельный вес монархического начала в имперской конституции был тем более велик, что Франкфуртское собрание решило вручить императорскую корону прусскому королю, опиравшемуся на самую могущественную и самую реакционную в Германии юнкерско-бюрократическую клику, насквозь пропитанную традициями самодержавия и милитаризма.

Имперская конституция давала основание сторонникам партикуляризма (а партикуляризм был свойственен в Германии не только феодально-монархическим кругам, но и наиболее отсталым слоям средней и мелкой буржуазии) негодовать на то, что она ущемляла права и вольности отдельных земель в интересах центральной власти. Действительно, всю внешнюю политику, и в том числе решение вопросов о мире и войне, законодательство по военным и военно-морским делам, таможенную политику и монетную регалию имперская конституция передавала центральной власти. Больше того, она требовала, чтобы все германские государства перестроили свои конституционные порядки в соответствии с «Основными правами германского народа», т. е. ввели у себя гражданское равенство, буржуазные свободы и ответственность министров перед представительными учреждениями.

«Основные права германского народа», опубликованные в декабре 1848 г., были присоединены к тексту конституции в качестве особой (6-й) ее главы. Они отличались той же двойственностью, что и вся имперская конституция. Следуя своему прообразу — французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г., немецкая декларация 1849 г. провозглашала равенство всех граждан перед законом, свободу слова, печати и совести, неприкосновенность личности и частной собственности. Она даже детализировала и расширяла некоторые положения французской декларации, вводя такие статьи, как свобода передвижения, тайна личной переписки, неприкосновенность жилища, гражданская форма брака, бесплатное светское начальное образование, запрещение смертной казни. Главное отличие «основных прав» от французской декларации состояло в том, что из них был изгнан тот смелый и боевой дух, которым был проникнут знаменитый политический документ французской революции. Тщетно мы стали бы искать среди «основных прав» принцип народного суверенитета. Авторы «Основных прав» боязливо обошли вопрос о власти — этот основной вопрос всякой революции. Они проявили также чисто филистерскую осторожность при решении другого важнейшего вопроса буржуазно-демократической революции — аграрного вопроса. «Основные права» признавали неприкосновенность церковной собственности и из всех феодальных повинностей отменяли только право охоты, предлагая решить судьбу остальных феодальных прав путем соглашения между помещиками и крестьянами.

Что касается гарантий незыблемости нового, буржуазного строя, то конституция обходила этот вопрос, предоставляя имперской власти право приостанавливать по своему усмотрению действия «основных прав» не только в случае войны, но и в случае народных волнений (ч. VII, ст. 4, § 197).

С другой стороны, структуре центральной власти Франкфуртский парламент придал некоторый демократизм, так что реакционными кругами эта конституция, при всей своей умеренности, воспринималась как унижение и поругание монархии и консервативных традиций.

Центральным законодательным учреждением должен был стать согласно конституции рейхстаг, нижняя палата которого, именовавшаяся

народной палатой (Volkshaus), избиралась на три года всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием. Верхняя палата рейхстага, или государственная палата (Staatshaus), состояла из представителей отдельных германских государств, наполовину назначавшихся правительствами, наполовину избиравшихся ландтагами отдельных германских государств.

В области законодательной рейхстагу был дан некоторый перевес над императорской властью, так как императору предоставлялось по отношению к решениям рейхстага лишь отсрочивающее вето.

Буржуазно-демократическая тенденция в построении центральной власти сказывалась даже на титуле императора, который по аналогии с «императором французов» (Наполеоном I) именовался «императором германцев» (Kaiser der Deutschen). Такой титул явственно отзывал плебисцитарной монархией и, конечно, не мог нравиться Фридриху-Вильгельму IV и его сановникам. У Пруссии было еще и другое основание для недовольства имперской конституцией. Франкфуртский парламент предоставил в верхней палате рейхстага заметный перевес над Пруссией средним и мелким государствам; Пруссии он уделил всего только 40 мест из 168. Возмущенный этим Бисмарк (он начинал тогда свою политическую карьеру в качестве члена прусского ландтага) вычислил, что при таком распределении мест Пруссия посылала бы в государственную палату одного представителя на 400 тыс. населения, тогда как в Баварии один представитель приходился бы на 200 тыс., в Веймаре — на 120 тыс., а в Гессен-Гомбурге даже на 26 тыс. человек. Такое положение вещей совершенно не соответствовало прусским притязаниям на гегемонию в Германии.

Принимая в расчет политическое состояние Германии к весне 1849 г., нужно признать, что имперская конституция, несмотря на ее противоречивый характер, представляла собой в известной мере прогрессивное явление. «...Имперская конституция не только отличалась своим, с виду исключительно демократическим, происхождением, но, при всех своих противоречиях, была все же самой либеральной конституцией во всей Германии», — указывал Энгельс[1]. Однако конституция эта не могла удовлетворить ни лагерь дворянско-монархический, ни лагерь революционно-демократический. Это делало конституцию беспочвенной. «Величайшим ее недостатком было то, что она была лишь листком бумаги, за которым не стояло никакой силы, которая могла бы провести в жизнь ее положения»[2].

Но либералы, а вслед за ними и умеренные демократы из собора св. Павла закрывали глаза на это роковое обстоятельство. Покончив с выборами императора, они 28 марта отправили в Берлин делегацию во главе с председателем Национального собрания Симсоном. Этой делегации поручено было преподнести Фридриху-Вильгельму IV двойной подарок — императорскую корону и имперскую конституцию.

АПРЕЛЬСКИЙ КРИЗИС

Ответ Фридриха-Вильгельма IV на предложение императорской короны

Встреча делегации Франкфуртского парламента с Фридрихом-Вильгельмом IV в Берлине 3 апреля 1849 г. явилась первым тяжелым ударом по иллюзиям либералов и умеренных демократов. В Рыцарском зале Потсдамского дворца король, выслушав речь главы делегации Симсона, заявил о своей готовности «доказать на деле, что не заблуждаются те, которые полагаются на его

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 94.
[2] Там же.

верность и на его любовь к общегерманскому отечеству». Но свое согласие на императорскую корону он поставил в зависимость от решения остальных германских государей. «Правительствам отдельных германских государств, — сказал он, — надлежит теперь убедиться путем совместного обсуждения, полезна ли конституция как в своих частностях, так и в целом, и могут ли предоставляемые мне права создать для меня такое положение, которое позволило бы мне твердой рукой, как этого требует от меня призвание, руководить судьбой великого германского отечества и исполнить надежды моего народа».

В первый момент делегаты Франкфуртского собрания были поражены ответом прусского короля и, под непосредственным впечатлением от него, пришли к правильному выводу, что надежды, возлагавшиеся на него, раз и навсегда рухнули. Но у делегатов нехватило мужества действовать в соответствии с этим выводом. «Против первоначального пессимистического мнения, — по словам одного из делегатов, Бидермана, — стали высказываться возражения, что все же опасно объявлять нашу миссию оконченной, потому что тогда путь к отступлению уже будет отрезан».

Вскоре, на вторичный запрос Фридрих-Вильгельм ответил циркулярной нотой, с содержанием которой делегаты ознакомили членов Франкфуртского собрания 11 апреля, вместе со своим отчетом. В этой ноте истинные намерения Пруссии выступали в еще более обнаженном виде. В ноте прямо указывалось, что прусский король согласен стать во главе Германии, но что формы союзного германского государства необходимо переработать путем соглашения между государями. Прусский король охотно брал на себя руководство переговорами и выражал намерение созвать во Франкфурте совещание уполномоченных германских государств с целью выяснить отношение отдельных германских правительств к имперской конституции. Если бы эти переговоры увенчались успехом, то он, прусский король, «памятуя о тех притязаниях, какие ему внушаются положением, занимаемым Пруссией, готов был бы стать во главе союзного государства, образовавшегося из добровольно присоединившихся к нему государств». Не ограничиваясь этим, он выразил желание, чтобы Франкфуртское собрание предоставило ему пост имперского правителя, от которого собирался отказаться эрцгерцог Иоганн.

Смысл ноты был ясен. Фридрих-Вильгельм IV намеревался на глазах у Франкфуртского парламента и при его содействии построить возглавленное Пруссией союзное государство, используя для этого имперскую конституцию в лучшем случае в качестве подсобного материала.

Но все же прусский король открыто еще не отказывался от императорской власти и не отвергал окончательно имперской конституции. Либеральное большинство Франкфуртского парламента в связи с этим могло до поры до времени пребывать в приятном заблуждении, что еще не все потеряно, и спокойно выжидать окончательного королевского решения. Так оно и повело себя.

Единственно, что себе позволяли либералы, — это устрашать прусских правителей ужасами «анархии», которая наступит будто бы в том случае, если последние все же не поддержат имперскую конституцию.

Что касается умеренных демократов, то они уже начинали поговаривать, что пора приступить к более решительным действиям, и рекомендовали своим союзникам-либералам такие невинные средства давления на медлившие с признанием конституции правительства, как приведение к присяге конституции армии и чиновников. Однако, выражая общее мнение умеренных демократов, Симон из Трира высказал сомнение, что возможно добиться успеха в борьбе за имперскую конституцию, опираясь на одни только демократические силы, и предложил «идти вперед

совместно с теми, кто сблизился с демократами и стал их союзниками», т. е. с либералами.

В течение всего апреля Франкфуртский парламент пребывал в полной и преднамеренной бездеятельности. Этот месяц представлял едва ли не самую позорную страницу в его и без того бесславной истории.

Только 26 апреля Франкфуртский парламент разрешился, наконец, бледной резолюцией в защиту имперской конституции. В ней предлагалось отдельным германским правительствам ускорить утверждение конституции, не распускать местных представительных учреждений и не отсрочивать их созыва с тем, чтобы общественное мнение могло беспрепятственно проявляться при их посредстве.

Эта резолюция являлась приглушенным отзвуком событий, разыгравшихся в Германии за стенами собора св. Павла после принятия Франкфуртским парламентом имперской конституции.

Апрельская кампания за имперскую конституцию

В то время как Франкфуртский парламент находился почти в состоянии летаргии, в Германии началась кампания за имперскую конституцию, волновавшая всю страну вплоть до июля 1849 г. В апреле трудящиеся массы еще не принимали активного участия в движении, и само движение протекало исключительно по мирному и легальному руслу. В борьбу за имперскую конституцию вступили те общественные силы и те партийные группировки, которые создали во Франкфурте эту конституцию, — крупная и средняя буржуазия во главе с либералами и мелкая буржуазия под предводительством умеренных демократов. Эти общественные слои и политические группы выступали вне стен Франкфуртского парламента так же единодушно, как и внутри парламента.

С внешней стороны этот либерально-демократический поход за «свободу и единство Германии» производил импозантное впечатление. Ландтаги всех государств наперерыв требовали от своих монархов и правительств утверждения имперской конституции. Им вторил хор газетных статей. Их поддерживали своими резолюциями и адресами разнообразные многочисленные политические союзы либерального и демократического направления, городские муниципалитеты, съезды общественных и политических деятелей. Только крайне левые демократы вносили некоторый диссонанс в однообразно звучавший политический хор. Они не одобряли ни цели, ни методов движения и призывали к новой революции — с целью превратить Германию в демократическую республику. Но и они не были в состоянии придать движению действительно революционное направление. Однако, несмотря на свой узко буржуазный и филистерски «благоразумный» характер, эта ранняя — апрельская — фаза кампании за имперскую конституцию имела, на первый взгляд, значительный успех: к середине апреля 28 германских государств заявили о своем присоединении к имперской конституции. К концу апреля это число возросло до 29.

Неудача апрельской кампании

В действительности же апрельская кампания за имперскую конституцию потерпела неудачу. Она достигла положительных результатов только в тех средних и мелких государствах, где силы реакции были слабы и не могли рассчитывать на своевременную помощь извне. Там же, где движение наталкивалось на противодействие мощных реакционных элементов, оно терпело поражения. Например, 25 апреля ганноверский король распустил обе палаты ландтага в виде репрессии за то, что оппозиционные депутаты этих палат на съезде народных союзов в Целле потребовали от правительства признания имперской конституции. 28 апреля та же участь и по той же причине постигла саксонский ландтаг. Так же закончилась и

борьба за имперскую конституцию в Баварии, правительство которой имело прочную опору в габсбургской Австрии.

Наконец, что самое существенное, кампанию за имперскую конституцию постигла неудача в самой Пруссии. 21 апреля на заседании нижней палаты прусского ландтага происходили бурные прения в связи с предложением Родбертуса потребовать от правительства признания имперской конституции. На Родбертуса обрушился министр-президент граф Бранденбург, откровенно признавшийся, что правительство уже приняло твердое решение отвергнуть имперскую конституцию. Тем не менее, предложение Родбертуса было все же принято. Ответом на это со стороны правительства был роспуск нижней палаты ландтага 27 апреля 1849 г.

Итоги борьбы показали, что мирное и легальное выступление либеральной буржуазии совместно с демократической мелкой буржуазией было неспособно привести к признанию имперской конституции наиболее крупными германскими государствами. Успехи реакционного лагеря оказались гораздо значительнее, чем успехи сторонников Франкфуртского собрания. Пруссия приобрела себе союзников в лице Саксонии и Ганновера, Австрия — в лице Баварии. В совокупности эти государства составляли несравненно более внушительную величину, чем 29 мелких государств, признавших имперскую конституцию. Теперь-то и настал для Пруссии и Австрии подходящий момент открыто выступить против Франкфуртского парламента и его конституции.

Австрия сделала это еще 15 апреля, когда она заявила об отклонении ею имперской конституции, как несовместимой с единством и целостностью Австрии, и отозвала из Франкфурта своих депутатов. Большего она не могла предпринять, так как война с Венгрией принимала как раз тогда неблагоприятный для Габсбургов оборот и мешала им проводить активную политику в Германии.

В гораздо более выгодном положении была Пруссия. Ее руки были свободны, и она поспешила воспользоваться благоприятно сложившейся для нее обстановкой не только для того, чтобы окончательно отклонить имперскую конституцию, но и для того, чтобы сделать решительный шаг к осуществлению своих великопрусских планов.

Отклонение Фридрихом-Вильгельмом IV императорской короны и имперской конституции

На другой же день после роспуска нижней палаты ландтага, т. е. 28 апреля, Фридрих-Вильгельм IV опубликовал ноту, обращенную к Франкфуртскому собранию и ко всем германским правительствам, в которой заявил о своем окончательном отклонении имперской конституции и об отказе от предложенной ему императорской короны. В ноте также подчеркивалось, что прусский король отнюдь не отказывается от своего призвания способствовать объединению немецких земель, но указывалось, что это объединение должно возникнуть в результате взаимного соглашения германских государей. Франкфуртскому собранию предлагалось принять участие в достижении этого соглашения при условии, если оно одобрит изменение имперской конституции.

Но к концу апреля Пруссия могла рассчитывать на другой, более верный способ добиться гегемонии в Германии, нежели соглашение с малодушными либералами и демократами. Таким способом было подавление нового революционного подъема, первые признаки которого уже стали к этому времени обнаруживаться в различных местах Германии. Разгромив по всей стране народные движения, Пруссия могла рассчитывать навязать свою волю не только правительствам, но и либеральной буржуазии, в глазах которой она явилась бы в этом случае спасительницей собственности и безопасности имущих классов.

Об этих агрессивно-реакционных планах Пруссии свидетельствовала новая нота прусского правительства, последовавшая непосредственно за нотой от 28 апреля (она была датирована также 28 апреля, но была опубликована 3 мая 1849 г.). В этой ноте Пруссия настойчиво предлагала германским правительствам свои услуги в качестве душителя революции: «Вполне полагаясь на поддержку здоровых и честных элементов в своей собственной стране, королевское правительство ставит своей целью твердо и энергично бороться со всеми разрушительными и революционными стремлениями, где бы они ни проявлялись. Оно будет руководствоваться правилом своевременно оказывать желательную и требуемую помощь союзным правительствам. Опасность — общая. И Пруссия не отказывается от своего призвания выступать в дни опасности там, где в этом есть нужда».

Будучи уверена, что ее «великодушное» предложение произведет впечатление на правящие круги Германии, Пруссия еще раз приглашала германские правительства прислать своих уполномоченных для обсуждения вопроса об учреждении союзного государства под эгидой Гогенцоллернов. Но на этот раз местом сбора уполномоченных назначался уже не Франкфурт, а Берлин, так как прусское правительство не скрывало своего намерения выполнить это предприятие без участия Франкфуртского собрания.

Нота от 28 апреля — 3 мая не была пустой угрозой. Пруссия уже принимала меры к тому, чтобы перейти от слов к делу. В то время как Николай I двигал свои полки против венгерской революции на помощь Габсбургам, прусские войска концентрировались на саксонской границе и на Рейне, чтобы нанести удар революционному движению в Центральной и Юго-Западной Германии.

Позиция Франкфуртского собрания накануне майского движения

Как же реагировал Франкфуртский парламент на все эти события? Либеральное большинство парламента пришло в сильное замешательство, так как даже для него стало очевидно, что тактика пассивного выжидания не дает результатов. Крайние левые предлагали призвать народ к свержению правительств, враждебных имперской конституции, и создать революционное общегерманское правительство. Это было совершенно неприемлемо и для либералов, и для умеренных демократов. Либералы ставили перед собой совсем иные цели. Они стремились предотвратить готовившуюся в стране решительную схватку и во всяком случае избежать нового взрыва революции. Ценой отступления от демократических принципов имперской конституции они рассчитывали привлечь на свою сторону Пруссию и другие отвергнувшие конституцию правительства. В Пруссию, Саксонию, Ганновер и Баварию были посланы имперские комиссары. Одному из них, Бассерману, поручено было сообщить прусскому королю о согласии Собрания, в случае принятия Фридрихом-Вильгельмом IV предложенной ему императорской короны, на созыв нового рейхстага с целью пересмотра конституции в желательном для Пруссии духе.

Однако из этой затеи ничего не вышло, так как пруссаки твердо стояли на том, что новую германскую конституцию следует, не дожидаясь созыва рейхстага, выработать уполномоченным отдельных германских государей под надзором и руководством прусского правительства.

Только после этой неудачи либералы решились несколько отступить от тактики выжидания и уступок и пойти в известной мере навстречу народным требованиям.

4 мая Франкфуртский парламент принял, наконец, постановление, призывавшее правительства, законодательные учреждения, общины и

весь германский народ признать конституцию и назначавшее на 15 июля 1849 г. выборы в нижнюю палату рейхстага, а на 22 августа созыв самого рейхстага во Франкфурте-на-Майне. Рейхстагу предоставлялось право вносить в имперскую конституцию те или другие изменения в зависимости от того, какое число государств примкнет к тому времени к конституции. Рейхстагу предстояло также избрать верховным главой Германии государя самой крупной из присоединившихся к имперской конституции державы. При этом, однако, была сделана оговорка, что в случае, если Пруссия признает имперскую конституцию, императорское достоинство будет прямо предоставлено прусскому королю. Таково было самое крайнее мероприятие, на какое были способны либералы!

Либералы «отважились» на этот шаг только для того, чтобы предупредить взрыв революции, и если они сошли с «почвы законности» (ибо по имперской конституции—отдел III, § 79—право созыва рейхстага принадлежало императору), то только для того, чтобы тем вернее на нее возвратиться.

Умеренные демократы несколько дальше либералов отошли от «почвы законности». К требованию созыва рейхстага они добавили требования создать имперскую армию, созвать распущенные правительствами ландтаги в Пруссии, Саксонии и Ганновере и даже заменить эрцгерцога Иоганна более подходящим правителем. Они призывали не только блюсти верность имперской конституции, но и защищать ее от покушений контрреволюции с оружием в руках. Однако тактика активной обороны, которую умеренные демократы впервые выдвинули в эти тревожные дни и которой они продолжали держаться вплоть до окончания борьбы за имперскую конституцию, допускала революционные меры только при двух условиях: во-первых, если революционные меры служили ответом на насильственные действия со стороны врагов имперской конституции, т. е. если они имели строго оборонительный характер; во-вторых, если эти меры преследовали только одну цель — защиту имперской конституции. Совершенно очевидно, что задача такого «регламентированного» революционного насилия состояла не в том, чтобы свергнуть правящие круги Германии, а в том, чтобы оказать на них давление и принудить их к признанию имперской конституции. Этой тактикой умеренные демократы так же, как и либералы, стремились предотвратить новый взрыв народной революции.

МАЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ИМПЕРСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ. ВООРУЖЕННЫЕ ВОССТАНИЯ В САКСОНИИ И РЕЙНСКОЙ ПРУССИИ

Народные массы в борьбе за имперскую конституцию

Силой, придавшей революционное направление кампании за имперскую конституцию, явились народные массы—рабочие, крестьяне и беднейшие ремесленники. Их всколыхнули два обстоятельства. Первым из них была угроза полного крушения революции, нависшая после выступления против конституции прусских, саксонских и баварских правящих кругов. «Народ, —писала «Новая Рейнская газета»,— видит в каждом даже жалком шаге на пути к объединению Германии шаг к освобождению от мелких государей и от давящей тяжести налогов»[1].

Другим важнейшим фактором революционизирования народных масс явилось агрессивное поведение Пруссии, посылавшей, по выражению «Новой Рейнской газеты», «свои вооруженные орды по всем направлениям против революционного восстания народа»[2].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 364.
[2] «Neue Rheinische Zeitung» от 8 мая 1849 г.

Опасность опруссачивания Германии волновала народные массы не меньше, если не больше, чем судьба имперской конституции, так как торжество Пруссии угрожало лишить их тех немногих социальных и политических завоеваний, которых им удалось достичь за год революции. Революционный подъем весны 1849 г. представлял собой не только движение за объединение Германии, но и борьбу германского народа против первой попытки юнкерско-монархической Пруссии навязать Германии свое господство «железом и кровью». Ненависть народных масс к пруссачеству, как к воплощению феодально-самодержавного гнета, усугублялась чувством исконной антипатии к Пруссии, которое проявлялось повсюду за пределами старопрусских владений, особенно в западных и южных областях Германии.

Революционные события в Саксонии, в Рейнской Пруссии, в Баварском Пфальце и в Бадене произошли почти одновременно в первой половине мая. Но развязка событий в Саксонии и на Рейне наступила гораздо раньше, чем в Пфальце и в Бадене. Поэтому восстания в Саксонии и на Рейне можно рассматривать как первый этап революционного движения весны 1849 г.

Движение в Саксонии и движение в Рейнской области заключали в себе много сходного, и это сходство не было случайным. Оба района принадлежали к наиболее развитым в промышленном отношении местностям Германии. Саксонский и особенно рейнский пролетариат представлял собой передовую часть германского рабочего класса. Поэтому отличительной чертой майского движения в Саксонии и на Рейне явилось активное участие в нем рабочего класса в качестве главной революционной силы. С другой стороны, поскольку Саксония и Рейнская область были родиной наиболее развитой буржуазии, это также наложило отличительный отпечаток на майское движение в этих частях Германии. Либеральная буржуазия оказывала в Саксонии и особенно на Рейне весьма заметное влияние на ход движения, стремясь направить его в выгодную для себя сторону.

ВОССТАНИЕ В САКСОНИИ

Король и оппозиция

В Саксонии конфликт между правительством и оппозиционными общественными кругами назрел еще до кампании за имперскую конституцию. Саксонский король Фридрих-Август и его дворянско-бюрократическое окружение искали опоры для своей контрреволюционной политики в прусском правительстве. Это усиливало раздражение в широких слоях саксонского общества.

Кампания за имперскую конституцию охватила в Саксонии широкие общественные круги, так как демократы умеренного направления пользовались здесь большим влиянием, а либеральная буржуазия была настроена очень оппозиционно и поддерживала тесную связь с умеренными демократами. 17 апреля верхняя палата ландтага, а 19 апреля — нижняя вынесли голосами демократов и либералов требование немедленного признания правительством конституции.

Но Фридрих-Август, как только телеграф принес 28 апреля 1849 г. известие об окончательном отклонении Фридрихом-Вильгельмом IV императорской короны, распустил ландтаг и объявил о своем категорическом отказе принять имперскую конституцию. В ответ на это по всей стране поднялись волнения. В движение пришли не только различные слои буржуазии, но также рабочее население городских предместий и горнозаводских поселков.

В первые дни мая на Фридриха-Августа обрушился дождь адресов и петиций, лавина депутаций, личных обращений и визитов, но на все это следовал с «высоты престола» неизменный ответ, что он, Фридрих-Август, дал свое королевское слово Фридриху-Вильгельму прусскому не признавать никакой общегерманской конституции, пока она не будет признана Пруссией. Когда трое из министров, и в том числе глава кабинета Гельд, выразили свое несогласие с пруссофильской политикой короля, они получили отставку. 2 мая премьер-министром был назначен Чишинский, крайний реакционер. Негодование масс усилилось до крайности. 3 мая плакаты и листовки республиканских клубов уже призывали народ к оружию, чтобы защитить родину и свободу от прусских штыков. К Дрездену, как центру движения, спешили подкрепления из провинции — из Цвиккау, Хемница, Фрейберга и других саксонских городов. Среди восставших было много рабочих. Кое-где поднимались на помощь Дрездену и крестьяне.

Вооруженное восстание в Дрездене

Жители Дрездена лихорадочно готовились к борьбе. В поисках оружия народ устремился к цейхгаузу; это положило начало вооруженному восстанию. 3 мая повстанцы дважды атаковали цейхгауз, но оба раза были вынуждены отступить, так как гарнизон встречал их ружейным и артиллерийским огнем. Около двадцати человек были убиты. Но это только усилило народное возмущение. На улицах стали раздаваться крики: «Измена! К оружию!» Труп одного из убитых был положен на телегу, и огромная толпа провезла его по городу, взывая к мести. Когда процессия проходила мимо королевского дворца, в окна дворца вместе с проклятиями полетели камни из мостовой. В городе начали сооружаться баррикады. К концу дня их уже насчитывалось около сотни.

Король стал торопить Берлин с обещанной им военной помощью. Одновременно к Дрездену стягивались из провинции саксонские воинские части. Но прибытие подкреплений задерживалось из-за противодействия революционно настроенных масс. Железнодорожники угоняли паровозы и вагоны и разбирали путь. Горожане густыми толпами запружали улицы и вокзалы, чтобы воспрепятствовать отправке карательных отрядов в Дрезден. Один из офицеров, направленных в Берлин за помощью, был по дороге арестован населением города Баутцена и так и не прибыл к месту назначения. Все это поставило саксонское правительство в трудное положение. Воинские силы, которыми оно располагало в Дрездене, были явно недостаточны, чтобы держать город в повиновении. Фридрих-Август на заре 4 мая тайком бежал в горную крепость Кенигштейн. За ним последовали министры.

Настал как нельзя более благоприятный момент для успешного развития дрезденского восстания. Лагерь сторонников имперской конституции насчитывал не меньше чем 5—6 тыс. вооруженных рабочих, а если считать вместе с бюргерским ополчением, то эту цифру нужно более чем удвоить. Силам революции противостоял гарнизон, насчитывавший по официальным данным всего лишь 2 тыс. человек при 13 орудиях.

Для победы требовалось лишь единство всех враждебных саксонскому правительству сил и твердое революционное руководство, но как раз этих условий и недоставало дрезденскому вооруженному восстанию.

Революционные события 3 мая произошли в Дрездене вопреки воле не только либеральной буржуазии, но и умеренного большинства мелкобуржуазной демократии. Цейхгауз штурмовали рабочие и ремесленные подмастерья, а бюргерское ополчение только разгоняло народ. Большая часть мелкобуржуазных добровольческих дружин воздержалась от участия в схватке, только отряд гимнастов помог инсургентам своим

ружейным огнем. Крайние левые, несомненно, содействовали взрыву восстания 3 мая своей революционной агитацией и призывами к оружию, но они больше разглагольствовали о «кровавой войне с тираном», чем трудились над организационной подготовкой этой войны. В данном случае можно положиться на свидетельство М. Бакунина, который, находясь в Дрездене, поддерживал тесные связи с саксонскими республиканцами. В своей «Исповеди» он писал: «Я знаю, что у них [у республиканцев] не было ни плана, ни организации, ни даже назначенных предводителей возмущенья. Все было предоставлено случаю. Это сказалось явно в Дрезденской революционной попытке... И когда она началась, никто не знал, ни что делать, ни куда идти, всякий же следовал своему собственному инстинкту, ибо ничего не было предустановленного».

Временное правительство в Дрездене. Перемирие 4 мая

Руководство движением стало создаваться только после сражения у цейхгауза. Сначала был образован Областной комитет, через несколько часов он был заменен Комитетом безопасности. К вечеру 4 мая было образовано временное правительство, просуществовавшее до конца движения.

Инициатива создания этих организаций принадлежала правым и левым демократам. Но все эти организации возникали в недрах городской ратуши при участии и под контролем городского совета, этой главной цитадели дрезденских либералов. Именитое и солидное бюргерство стремилось держать нити движения в своих руках, чтобы влиять на ход событий в желательном для себя направлении. Союз умеренных демократов с либеральной буржуазией продолжался. К нему примкнуло теперь и левое, республиканское крыло демократов. Это сказалось и на составе временного правительства: в него вошли лидер умеренных демократов Гейбнер, вождь крайних левых адвокат Чирнер и видный чиновник (королевский правительственный комиссар) либерал Тодт. Фактическим главой временного правительства стал Чирнер. Однако это не сделало временное правительство революционной организацией. Оно придерживалось умеренно-демократической линии. Эта линия явилась равнодействующей противоречивых политических влияний, которым подвергалось временное правительство. Во временном правительстве сразу же возобладал взгляд на дрезденское восстание 3 мая как на акт самообороны, навязанный сторонникам имперской конституции враждебными действиями саксонской и прусской контрреволюции. В «Обращении» временного правительства к Франкфуртскому парламенту говорилось, что временное правительство учреждено «для борьбы с анархией, особенно же для поддержки признанной народом германской имперской конституции».

Такое руководство было совершенно неспособно повести дрезденских инсургентов в решительное наступление и воспользоваться выгодно сложившимся соотношением сил в интересах революции. Об этом свидетельствовало перемирие, заключенное Комитетом безопасности с начальником дрезденского гарнизона генералом Шульцем сроком на сутки и одобренное затем временным правительством. Повидимому, руководители движения надеялись во время перемирия склонить на свою сторону правительственные войска и принудить Фридриха-Августа к капитуляции, не прибегая к революционным средствам воздействия. Они хотели последовать примеру вюртембергских демократов, которые именно таким путем только что добились от своего короля согласия на имперскую конституцию. Но дрезденским демократам повезло гораздо меньше, чем вюртембергским. Правда, кое-чего они добились. Под влиянием усиленной агитации в некоторых частях среди солдат началось брожение. Особенно далеко зашло

дело в цейхгаузе, гарнизон которого вошел в соглашение с бюргерским ополчением о совместной охране этого главного склада оружия. Оттуда к коменданту города поступали донесения, гласившие, что солдаты ненадежны, что они братаются с народом и отказываются выполнять приказания офицеров.

Однако временному правительству все же не удалось привлечь на свою сторону дрезденский гарнизон. От перемирия выиграли только враги революции. 5 мая в Дрезден прибыли из провинции правительственные войска и первый эшелон пруссаков (фюзелерный батальон гренадерского полка). С их прибытием силы контрреволюции получили решительный перевес. Саксонское и прусское командование быстро восстановило при помощи свежих войск дисциплину в дрезденском гарнизоне и утром 5 мая, не дожидаясь окончания перемирия, перешло в наступление. Натиск войск возрастал, так как в Дрезден не переставали прибывать всё новые и новые отряды пруссаков.

Слабые стороны дрезденского вооруженного восстания

Силы инсургентов с каждым днем таяли, а вместе с ними таяли и надежды на победу саксонской революции. Вина за это падала в первую очередь на либеральную буржуазию. Едва Дрезден стал ареной кровавых сражений, как эта поборница имперской конституции изменила народному движению и дезертировала с поля боя. Городской совет объявил о своем нейтралитете, а офицеры и солдаты бюргерского ополчения попрятались по домам, и никакие приказы временного правительства не могли их заставить снова взяться за оружие. Провинциальные городские магистраты, многие из которых формально признали временное правительство, всячески старались уклониться от посылки Дрездену подкреплений людьми, военной амуницией и деньгами. Наиболее позорным было поведение городского совета и бюргерского ополчения Лейпцига. Они не только отказались признать временное правительство, но подавили собственными силами у себя в городе вооруженное восстание рабочих и ремесленников, пытавшихся воспрепятствовать отправке в Дрезден частей местного гарнизона. «Отцы» города Лейпцига отправили к саксонскому военному министру депутацию с просьбой о присылке в Лейпциг солдат для борьбы с «анархией». В то же время либеральные союзы («немецкие ферейны») Лейпцига демонстративно заявили о своем отделении от демократических союзов («отечественных ферейнов») на том основании, что последние потакали враждебным действиям народа против бюргерского ополчения и городских властей. Но при всем том либеральная буржуазия не отказывалась от вмешательства в дела временного правительства, понуждая его к возобновлению переговоров с королем и склоняя к отмене мероприятий по защите города. А умеренные демократы, оказывавшие наибольшее влияние на политику временного правительства, не порывали своих связей с либеральной буржуазией. Гейбнер и его единомышленники ужасались тому, что творилось вокруг них и что им самим приходилось делать после того, как они оказались в роли вождей революции. Композитор Рихард Вагнер, тесно связанный в то время с Гейбнером, справедливо обвинял демократических вожаков дрезденского движения в том, что они «стремились идти по строго легальному пути, держаться принципов парламентаризма».

Малодушное поведение временного правительства являлось зеркалом, отражавшим настроения мелкого бюргерства, которое все более и более остывало к движению по мере того, как разгоралась гражданская война и в нее втягивались пролетарские массы. Начиная с 6 мая, мелкобуржуазные по своему составу дружины стрелков и гимнастов стали покидать баррикады, предоставляя рабочим продолжать сражение.

Левые демократы действовали решительнее, но сфера их влияния ограничивалась преимущественно военными вопросами. Чирнер с несколькими другими республиканцами руководили военными действиями повстанцев. Они искренно и горячо стремились к победе саксонской революции и отдавали этой цели все свои силы. Но им явно недоставало военно-организационного опыта. Особенно неудачным было назначение главнокомандующим революционными вооруженными силами лейтенанта Гейнце. Это был жалкий, беспринципный ландскнехт, побывавший на греческой службе и искавший в революции лишь средства к легкой карьере. Несколько дней он бездействовал, а затем, убедившись, что дела в Дрездене обстояли очень серьезно, предпочел сдаться в плен неприятелю. Военное руководство несколько улучшилось только в последние дни восстания, когда Гейнце был заменен вождем «Братства рабочих» Стефаном Борном, проявившим себя стойким и распорядительным военачальником, а фактическим начальником штаба стал Михаил Бакунин, который действовал весьма решительно и оказал дрезденскому восстанию ценные услуги. Энгельс писал, что в лице Бакунина рабочие «нашли способного и хладнокровного командира» [1].

Классовая сознательность саксонского пролетариата была, однако, недостаточной. Некоторые группы рабочих подчинялись влиянию буржуазии. Весьма показателен тот факт, что наиболее крупный отряд горнорабочих явился в Дрезден под командой своего хозяина — горнозаводчика фон Бургка.

Наконец, нельзя упускать из виду и того, что саксонское движение являлось движением почти исключительно городским. Крестьянство не оказало ему почти никакой поддержки.

Уличные бои 5—8 мая в Дрездене и поражение революции в Саксонии

В течение четырех дней, с 5 по 8 мая, малочисленные отряды рабочих и ремесленников героически сражались против в несколько раз более сильного врага. Баррикады и отдельные дома, превращенные инсургентами в крепости, по нескольку раз переходили из рук в руки. Город горел. Войска пустили в ход многочисленную артиллерию, которой повстанцы могли противопоставить только огонь своих четырех маленьких старых пушек, привезенных в Дрезден рабочими-горняками; одна из этих пушек уложила насмерть командующего саксонской артиллерией генерала Гомилиуса. Прусская и саксонская военщина мстила варварской расправой с ранеными, военнопленными и даже с мирным гражданским населением. Высшее командование поощряло эти зверства. 7 мая оно дало инструкцию солдатам «не обременять правительство слишком большим количеством пленных». Это был прямой призыв к убийству.

Только 9 мая началось отступление инсургентов из Дрездена. Они перенесли борьбу в горный округ Фрейберга, куда и направился двухтысячный отряд баррикадных бойцов под командой Стефана Борна. Его сопровождали Гейбнер, Бакунин и некоторые другие вожди дрезденского движения. Но дрезденцы не нашли поддержки в провинции. Остатки их отрядов двинулись в Хемниц. Здесь они столкнулись с открытым предательством бюргерства. Хемницкий городской совет арестовал и выдал властям Гейбнера и Бакунина. Отряд Борна рассеялся. Кое-кому из его участников удалось укрыться в Германии или за границей, но многие стали жертвой саксонских и прусских полевых судов.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 103.

Подготовка вооруженного восстания

В рейнской Пруссии произошли довольно серьезные волнения. Здесь прогрессивные общественные круги сохранили еще достаточный запас энергии, чтобы противодействовать наступлению контрреволюции. Рабочие массы Рейнской области стали втягиваться в движение за имперскую конституцию раньше своих саксонских товарищей, еще в апреле 1849 г. Однако руководящую роль в движении играла на Рейне, как и везде, демократическая мелкая буржуазия, которая здесь выступала в более тесном контакте с либеральной буржуазией, чем где бы то ни было. Этот контакт облегчался тем, что рейнские либералы были настроены несколько более оппозиционно, чем остальные германские либералы. Наоборот, большинство рейнских демократов превосходило всех остальных германских демократов своей умеренностью и готовностью подчиняться руководству либеральной буржуазии.

Прусское правительство вслед за роспуском второй палаты призвало под ружье запасных ландвера, но эта мера лишь усилила революционное брожение в Рейнской области. Запасные, состоявшие в массе своей из крестьян, мелких бюргеров и рабочих, собрались в призывных пунктах и вооружились, но отказались повиноваться начальству, ссылаясь на то, что их призыв противоречил закону, допускавшему мобилизацию ландвера только в случае внешней опасности. Но на этом они не остановились. Резервисты города Эльберфельда 3 мая постановили держаться сплоченно, повиноваться только Франкфуртскому парламенту и защищать свободу и отечество от опасности, грозившей им со стороны прусского правительства. Для проведения этого решения в жизнь был избран комитет эльберфельдского ландвера, который быстро завязал сношения с резервистами других городов Рейнской области — Золингена, Эссена, Дортмунда, Гагена. 6 мая делегаты этих городов заявили на собрании в Эльберфельде о присоединении к резолюции эльберфельдского ландвера и к его комитету.

Выступление ландвера побудило рабочих Золингена, Изерлона и других городов вооружаться и объединяться в дружины. Главной ареной этого широкого движения стал правый берег Рейна с центром в Эльберфельде, главном городе горного округа.

Либеральная буржуазия была немало встревожена признаками приближения революционной бури. Но она не теряла надежды, что ей удастся при содействии умеренных демократов овладеть движением и удержать его в границах законности.

Эта тенденция либеральной буржуазии ярко проявилась на съезде делегатов рейнских городов, состоявшемся в Кёльне 8 мая 1849 г. по инициативе кёльнской либеральной организации — Бюргерского ферейна. На кёльнском съезде городов присутствовало 500 делегатов от 303 городских магистратов. Это была верхушка рейнской крупной буржуазии, так как высокий имущественный ценз преграждал доступ к городскому управлению не только беднякам, но и людям среднего достатка. На съезде преобладали либералы, но имелись также и умеренные демократы. Либеральное большинство продемонстрировало свое единение с демократами, избрав председателем съезда члена Франкфуртского собрания умеренного демократа Целля из Трира. Тесное сотрудничество либералов с демократами сказалось и на резолюции, которую съезд адресовал прусскому королю и Франкфуртскому собранию. Она начиналась с заявления, что делегаты городов всецело поддерживают имперскую конституцию и становятся на сторону Франкфуртского собрания против прусского правительства;

резолюция требовала отставки министерства Бранденбурга — Мантейфеля, немедленного созыва ландтага и роспуска незаконно призванного на службу ландвера. В заключение делалось предупреждение, что отклонение этой резолюции может «оказаться опасным для сохранения Пруссии в ее теперешнем виде». Это был недвусмысленный намек на возможность отделения Рейнской области от Пруссии.

Наряду с этим в работе съезда сквозила боязнь, как бы не усилить слишком смелым поведением царившее на Рейне возбуждение. Поэтому либеральное большинство съезда пропускало сквозь густой фильтр предложения демократического меньшинства. Приняв частично демократическую тактику активной обороны, либералы отвергли такие требования умеренно-демократической фракции, как вооружение народа и право народа отвечать насилием на насилия со стороны врагов имперской конституции. Они отклонили также следующие предложения демократов: выразить Франкфуртскому парламенту неодобрение по поводу его нерешительности, взять на себя организацию народного сопротивления, не дожидаясь, когда за это примется Франкфуртский парламент, и заявить откровенно о враждебном отношении рейнских городов к прусскому правительству.

Вооруженное восстание в Эльберфельде и в других рейнских городах

Но рейнской либеральной буржуазии не удалось ни принудить прусское правительство к политическим уступкам, ни предотвратить гражданскую войну в Рейнской области. Гражданская война началась на другой день после съезда нападением прусских войск на Эльберфельд.

Слух о намерениях пруссаков распространился в Эльберфельде еще дня за два до нападения. Он взволновал весь город. Первыми пришли в движение рабочие. Они стали требовать от городского совета оружия, а когда им было в этом отказано, они выбили стекла в здании ратуши и разрушили здание «Казино», где укрылся обер-бургомистр города фон Карнап. Ландвер, после некоторых колебаний, отправился к железнодорожному вокзалу, чтобы преградить путь пруссакам. К нему на помощь поспешили отряды рабочих. Что касается бюргерского ополчения, то это буржуазное воинство, хотя и разделяло общую ненависть к пруссакам, считало своим первейшим долгом «держать в узде чернь», т. е. бороться с рабочими.

9 мая около 3 часов дня к окраинам Эльберфельда подошли батальон 16-го пехотного полка из Кёльна и эскадрон улан из Дюссельдорфа с двумя пушками. Им преградили путь наспех построенные баррикады, за которыми стояли рабочие, вооруженные большей частью камнями вместо ружей. Пруссаки пустили в ход артиллерию, но им не удалось преодолеть сопротивление баррикадных бойцов, на помощь которым явился ландвер, а вслед за ним и часть бюргерского ополчения, у которого негодование против пруссаков взяло в данный момент верх над страхом перед вооруженными рабочими. Прусские войска пришли в замешательство и отступили из города, оставив на поле боя труп капитана, командовавшего батальоном.

События в Эльберфельде послужили сигналом для вооруженного восстания в других рейнских городах. Быстрее других откликнулся Дюссельдорф. Здесь уже вечером 9 мая рабочие взялись за оружие, чтобы помешать отправке новых частей местного гарнизона против Эльберфельда. Они устремились к вокзалу, но, встреченные ружейными залпами войск, вынуждены были отступить. После этого рабочие сосредоточились в центре города, чтобы дать здесь новое сражение пруссакам, но сильный гарнизон и широкие улицы исключали успех вооруженного восстания. Несмотря на крайнее неравенство сил, некоторые из баррикад, насчиты-

вавшие не больше десятка плохо вооруженных бойцов, все же оказывали сопротивление вплоть до утра следующего дня. Подавив восстание, пруссаки стали истреблять мирное население. А комендант Дюссельдорфа, генерал Хлебус, послушный телеграфному приказу из Берлина, объявил город на осадном положении и поспешил запретить распространение всей левой прессы, в том числе «Новой Рейнской газеты».

В других городах революционные выступления оказались удачнее. В Золингене рабочие при поддержке бюргерского ополчения захватили 10 мая цейхгауз в Грэфрате. Золинген стал арсеналом для всего рейнского движения. Тогда же завладел цейхгаузом и ландвер Зигбурга, предварительно сломив сопротивление отряда драгун, охранявшего цейхгауз. То же произошло и в Изерлоне, где рабочие сумели создать внушительный вооруженный отряд почти в 3 тыс. человек и прочно забаррикадировать город. Карательный отряд из 250 солдат 17-го пехотного полка и 360 улан не отважился напасть на город и занял позицию поблизости от него.

Маневры либералов при поддержке умеренных демократов

Рейнская либеральная буржуазия, незадолго до того пугавшая прусского короля близостью революционных потрясений, сама до крайности испугалась, когда эти потрясения произошли в действительности. Особенно встревожила ее активность пролетариата. Все помыслы рейнских фабрикантов и купцов обратились к тому, чтобы положить конец революционному движению. Ради этого они были готовы отречься от имперской конституции и искать помощи и поддержки у того самого министерства Бранденбурга — Мантейфеля, которое они намеревались свергнуть. Прежде всего рейнская буржуазия постаралась воспрепятствовать дальнейшему росту революционного движения, использовав с этой целью умеренных демократов.

Уже 10 мая городские советники Эльберфельда и руководители эльберфельдского бюргерского ополчения договорились с деятелями демократической партии о передаче полномочий городского магистрата Комитету безопасности, большинство мест в котором принадлежало демократам. Но городской совет позаботился о том, чтобы поставить эту демократическую организацию под свой контроль. С этой целью в Комитет было введено четыре городских советника-либерала, из которых один распоряжался всеми городскими финансами. Составленный из умеренных демократов и либералов, Комитет возвестил, что своей главной задачей он считает поддержание «порядка» и защиту собственности и личной безопасности. Своей военной опорой он сделал не рабочие дружины и даже не ландвер, а бюргерское ополчение, на которое была возложена «почетная» обязанность восстановить в городе спокойствие. Усилия Комитета безопасности и бюргерского ополчения не пропали даром. Через два-три дня в Эльберфельде, по словам современников, воцарилось такое спокойствие, что только уличные баррикады напоминали о недавнем сражении с пруссаками. Тогда либеральная буржуазия сделала второй шаг к водворению «порядка»: 13 мая из Эльберфельда направилась в Берлин делегация, чтобы договориться с прусским правительством об «общегерманских делах».

Деятельность Энгельса в Эльберфельде

В то время как именитые эльберфельдские бюргеры заседали за одним столом с прусскими министрами, в их городе появился новый повод для беспокойства имущих классов. 11 мая в Эльберфельд прибыл по приглашению одного из членов Комитета безопасности, художника Кернера, Фридрих Энгельс. Он заявил умеренным демократам, что «желал бы заняться исключительно военными делами и не иметь совершенно никакого касательства к политическому руководству движением, ибо совершенно ясно, что сейчас возможно лишь движение под черно-красно-

золотым знаменем, а потому нужно избегать всякого выступления против имперской конституции»[1].

Энгельс, действительно, ограничил свою деятельность кругом чисто военных вопросов: реорганизация и комплектование вооруженных сил Эльберфельда, укрепление города, снабжение его оружием и боевыми припасами. Но эти вопросы Энгельс решал как пролетарский революционер, т. е. не вне политики, а в духе революционной политики. Он проводил в военной области совершенно определенную политическую линию, которая была направлена на то, чтобы расстроить контрреволюционные планы эльберфельдской буржуазии и помочь революционному движению. Энгельс намеревался разоружить и упразднить бюргерское ополчение — главный оплот «порядка» и вооружить рабочих. Расходы на вооружение рабочих он предлагал возложить на эльберфельдскую буржуазию, обложив ее для этого специальным налогом. Естественно, что благонамеренные демократы из Комитета безопасности были до крайности возмущены проектами Энгельса и решили как можно скорее от него избавиться. 14 мая Энгельс был изгнан из Эльберфельда приказом Комитета безопасности. Комитет призывал «противодействовать всем стремлениям, которые идут дальше признания и осуществления имперской конституции».

Конфликт Энгельса с Комитетом безопасности[2] послужил как бы пробным камнем для всего рейнского движения. Если бы движение это опиралось на мощные революционные силы, то смелая политика Энгельса взяла бы верх над контрреволюционными кознями либеральной буржуазии и предательским малодушием демократического мелкого бюргерства. Но как раз этих условий для последовательных революционных действий в Рейнской области не было. Энгельс прекрасно понимал это и до конца отдавал себе отчет в том, почему в рейнском движении «...решительная партия, единственная, которая серьезно относилась к делу обороны, попала в ложное положение»[3].

Причины слабости революционного подъема в Рейнской области

Первую и основную причину слабости революционного подъема весной 1849 г. в Рейнской области Энгельс видел в слабом развитии классового сознания пролетариата. «...Пролетариат, с одной стороны, здесь только недавно вырвался из трясины пьянства и пиэтизма, так что в массы его не могло проникнуть ни малейшего представления об условиях его освобождения; с другой стороны, питая инстинктивную ненависть к буржуазии, он был слишком равнодушен к буржуазному вопросу имперской конституции, чтобы увлекаться подобными трехцветными интересами»[4].

Измена всех слоев буржуазии делу революции породила разброд в рабочих массах. «Пролетариат, единый в момент борьбы, раскололся, как только обнаружились колебания в комитете безопасности и среди мелкой буржуазии»[5]. Наиболее сознательная часть рабочих и ремесленников хотела продолжать борьбу, но отсталые слои рабочего класса (например, красильщики) прониклись полным равнодушием к движению. Этому расколу рабочего класса способствовало начавшееся к весне 1849 г. промышленное оживление.

Связь между рабочими различных городов на Рейне, так же как и в Саксонии, была совершенно недостаточной. В частности, Эльберфельд был

---

[1] «Neue Rheinische Zeitung», 15.V. 1849.

[2] Подробнее об этом см. в гл. 42-й.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс: Соч., т. VII, стр. 416.

[4] Там же.

[5] Там же.

тесно связан только с Золингеном, откуда на помощь Эльберфельду явилось около 500 вооруженных рабочих.

Наконец, на Рейне еще в большей мере, чем в Саксонии, крестьянские массы оставались в стороне от революционной борьбы пролетариата.

Соглашение либеральной буржуазии с прусским правительством и контрреволюционный переворот в Эльберфельде

Делегаты эльберфельдских капиталистов смогли беспрепятственно довести до конца свою сделку с берлинской камарильей. Прусское правительство обещало им полное отпущение их «революционных» прегрешений при условии, что «порядок будет восстановлен добровольно и каждый возвратится к исполнению своего долга». Одновременно правительство объявило. что в ближайшем будущем будет октроирована новая общегерманская конституция, которая будет представлять собою «улучшенную» редакцию Франкфуртской конституции.

Делегаты эльберфельдской буржуазии сочли обещания прусского правительства вполне приемлемыми. 16 мая они возвратились обратно в свою провинцию с тем, чтобы поспешить с «добровольным» восстановлением «порядка». Уже 16 мая по инициативе командования бюргерского ополчения был созван эльберфельдский городской совет, принявший решение распустить Комитет безопасности и восстановить в Эльберфельде, а затем и в остальных рейнских городах «законные» власти. Это решение было поддержано не только бюргерским ополчением, но и ландвером. Умеренно демократические члены Комитета безопасности также не возражали против него. Они были непрочь избавиться от рискованной роли вожаков кампании за имперскую конституцию, переродившейся вопреки их намерениям в вооруженное восстание. С вооруженными рабочими отрядами было быстро покончено. Не решаясь силой разоружить рабочих, городской совет пустил в ход обман и провокацию. В ночь с 16 на 17 мая командующий эльберфельдскими вооруженными силами фон Мирбах получил приказ вывести рабочие отряды за город. Рабочим было объявлено, что они идут сражаться с пруссаками, которые якобы вновь собираются атаковать подступы к городу. Рабочие поняли, что они стали жертвой обмана, только тогда, когда бюргерское ополчение стало стрелять по пролетарским отрядам.

Контрреволюционный переворот в Эльберфельде повлек за собой торжество реакции во всей Рейнской области.

Однако наиболее решительное столкновение между силами революции и силами контрреволюции было еще впереди. Ареной этого столкновения стали Пфальц и Баден.

ДВИЖЕНИЕ В ПФАЛЬЦЕ

Предпосылки революционных событий в Пфальце

Восстание в Пфальце началось в первых числах мая, одновременно с восстанием в Дрездене. Для Пфальца это было первое боевое крещение. Хотя Пфальц входил в состав Баварского королевства, он оставался в стороне от того бурного брожения, которым была охвачена Бавария в мартовские дни 1848 г. Причины политической пассивности населения Пфальца крылись здесь главным образом в слабом развитии классовых противоречий.

Противоречия между трудом и капиталом, налагавшие уже свою печать на классовую борьбу в более передовых областях Германии, в Пфальце лишь начинали обозначаться. С другой стороны, старинный антагонизм между крестьянством и помещиками, продолжавший оставаться для Германии в целом основным классовым противоречием, в Пфальце уже

значительно притупился. Пфальц, так же как и остальное левобережье Рейна, испытал на себе воздействие французской революции и наполеоновского законодательства. В результате пфальцская деревня еще задолго до революции 1848 г. почти полностью избавилась от феодальных порядков.

Тем не менее и в Пфальце наблюдалось политическое недовольство, вызывавшееся господством над пфальцским народом дворянско-клерикальной правящей клики Баварии. Могущество этой клики, несколько поколебленное мартовскими бурями, стало быстро восстанавливаться с наступлением контрреволюции. В глазах пфальцского ремесленника или крестьянина повелевавшие им баварские офицеры, попы и бюрократы всегда представлялись чуждой, насильственно навязанной ему властью, враждебной тому относительно демократическому общественному укладу, который существовал в его родном Пфальце.

Начало кампании за имперскую конституцию в Пфальце

Декларация баварского короля Максимилиана и его премьер-министра Пфордтена 23 апреля 1849 г., отвергавшая имперскую конституцию во имя баварского партикуляризма, способствовала усилению в Пфальце революционного брожения, которое вызывалось не столько привязанностью к имперской конституции, сколько ненавистью к баварским правителям. Отклонение Фридрихом-Вильгельмом конституции и имперской короны обострило чувство антипатии к Пруссии. Аналогичное поведение саксонского и ганноверского королей породило толки о заговоре коронованных особ во главе с прусским монархом против германского народа и германского единства.

Движение в Пфальце сразу же приняло общенародный характер. В отличие от Саксонии и рейнской Пруссии в Пфальце либеральная буржуазия очень скоро выпустила из рук руководство движением, и оно перешло в руки местных мелкобуржуазных демократов и стоявшего за их спиной городского мещанства. Демократические организации приобрели небывалое до того времени влияние, но в них не было единства. Там шли ожесточенные споры между более умеренными и крайними элементами. Предметом этих споров являлись вопросы: имперская конституция или республика, политическое давление на баварское правительство или немедленное отложение от Баварии, народное вооружение с целью самозащиты от мятежных монархов или народное вооружение с целью низвержения тронов по всей Германии? С первых же дней обозначился заметный перевес умеренных. К ним тяготело большинство мелкого бюргерства и крестьянства, им отдавала предпочтение либеральная буржуазия, наконец, за них стояла фракция пфальцских демократов во Франкфуртском собрании. Однако в ряде случаев более умеренные демократы поддавались влиянию левых, так как атмосфера воодушевления и радостного возбуждения кружила тогда головы даже самым осторожным и благоразумным почитателям «германской вольности».

Образование Комитета защиты

1 и 2 мая в главном городе Пфальца Кайзерслаутерне собрались многолюдные народные сходки. На этих сходках был избран Областной комитет защиты, состоявший в подавляющем большинстве из демократов умеренного направления или политиков неопределенно либеральной окраски.

Комитет не замедлил приступить к делу, склоняясь к тактике активной защиты имперской конституции. 3 мая он потребовал от баварского правительства признания имперской конституции, возвращения из Баварии пфальцских войск, организации в самом Пфальце народного ополчения. Комитет, кроме того, предложил населению прекратить уплату государственных налогов до тех пор, пока баварское правительство не

присоединится к имперской конституции, и пригрозил отложением Пфальца от Баварии в случае отказа.

Если не считать этой угрозы, то только два мероприятия Комитета не укладывались в рамки чисто оборонительной и легальной тактики: наложение ареста на все государственные кассы и объявление противозаконными распоряжений чиновников, не присягнувших конституции. Но первое из этих мероприятий Комитет не привел в исполнение, а второе он на другой же день поспешил свести на нет своим разъяснением, что оно относится лишь к тем распоряжениям, которые прямо противоречат имперской конституции.

Умеренность всех этих мероприятий руководящего органа пфальцского движения не вызвала сколько-нибудь громких протестов со стороны широких масс населения.

Революционный переворот в Пфальце

Таким образом, движение в Пфальце явно опускалось до уровня тех шумных, но безобидных политических демонстраций, которыми ограничивалась кампания за имперскую конституцию в большей части Германии. Положение изменилось лишь вследствие весьма неуклюжей политики имперского правительства. Гагерн усмотрел в деятельности робкого пфальцского Комитета защиты проявление «анархической» стихии. Кроме того, до него дошли слухи, что в Пфальц стекаются из Германии и даже из-за границы «красные» республиканцы и что имперской крепости Ландау грозит опасность захвата какими-то подозрительными иностранными офицерами. Еще больше был раздражен и напуган военный министр имперского правительства Пейкер. Поэтому было решено не ограничиваться посылкой в Пфальц имперского комиссара, а направить туда для подкрепления гарнизона Ландау отряд имперских войск. Помимо баденских частей, в этот отряд был включен также и батальон пруссаков, что было уже прямым вызовом по адресу Пфальца.

Как только в Пфальце стало известно о продвижении прусских войск, вспыхнул боевой дух населения. Горожане и крестьяне, вооруженные чем попало, вместе с народным ополчением устремились против пруссаков. Железнодорожные вокзалы были заняты вооруженными отрядами, рельсы разобраны. Солдаты местных гарнизонов, выражавшие до тех пор лишь пассивное сочувствие революции, теперь стали открыто переходить на сторону народа. Это произошло в Кайзерслаутерне, Шпейере, Людвигсгафене и в ряде других городов. Примкнули к движению даже некоторые подразделения гарнизонов имперских крепостей Ландау и Гермерсгейма. Имперскому комиссару Эйзенштюку при посредстве военного коменданта Ландау удалось все же уговорить пруссаков удалиться. Однако неудачный маневр имперского правительства помешал возвращению пфальцского движения в русло «законности и порядка». Сам Эйзенштюк был отозван во Франкфурт на том основании, что он будто бы проявил излишнюю снисходительность к «анархическим» выступлениям в Пфальце. Это еще более усилило царившее в Пфальце волнение: от легальной обороны Пфальц перешел к открытому восстанию.

Пфальцское временное правительство

Пфальцские демократы приступили к созданию временного правительства. Комитет защиты провел выборы депутатов по отдельным округам, а окружные депутаты, собравшись в Кайзерслаутерне, избрали 17 мая временное правительство Пфальца в составе пяти министров. Вслед за этим было провозглашено отделение Пфальца от Баварского королевства. Тем самым временное правительство стало правительством революционным. Положение его, однако, с самого начала оказалось крайне затруднительным.

К середине мая политическое единение в Пфальце уже рухнуло. Местная буржуазия резко повернула вправо и стала искать поддержки у дворянства, офицерства и чиновников. В то же время приближалась опасность интервенции со стороны германских государств во главе с Пруссией.

Между тем средства, которыми располагало временное правительство, были совершенно ничтожны. Вооруженные силы Пфальца состояли главным образом из добровольческих отрядов (корпус Виллиха, корпус Бленкера, рейн-гессенский отряд Цица и Бамбергера) и насчитывали в общем не больше 5 тыс. человек. Регулярные войска насчитывали всего 3 тыс. штыков. Артиллерия отсутствовала. Гарнизоны пфальцских городов были очень незначительны, причем наиболее крупные из них, расположенные в крепостях Ландау и Гермерсгейм, продолжали стоять в стороне от движения. Запасы оружия были крайне незначительны. Имелось не более 8 тыс. ружей, значительная часть которых заслуживала того, чтобы украшать музей древности.

Не лучше обстояло дело и с финансами. Когда революционные власти удосужились наложить арест на государственные кассы, они уже оказались пустыми. В центральной кассе в Шпейере был найден лишь один крейцер.

В поисках денег правительство прибегло к принудительному займу, но сделало это слишком поздно (за 14 дней до вторжения пруссаков), в результате было получено всего 50—60 тыс. флоринов.

Временное правительство создало некоторое подобие революционного аппарата управления в виде гражданских комиссаров, назначавшихся в города, провинции и воинские части, но в то же время на местах были оставлены королевские чиновники, которые, где только могли, противодействовали революционным властям и открыто потакали контрреволюционерам.

В борьбе с контрреволюцией пфальцские министры не пошли дальше комических потуг на революционный террор. Они объявили страну на военном положении, грозили врагам революции суровыми наказаниями, но все их угрозы оказались лишь пустыми фразами.

У Пфальца не было другого средства предотвратить опасность прусской интервенции, кроме установления теснейших связей с другими очагами революционного движения, особенно в соседних областях, и активного содействия росту этого движения. Такая возможность была вполне реальной, так как в окружавших Пфальц немецких землях — в Гессене, в Рейнской провинции, не говоря уже о Бадене, — происходила или готовилась гражданская война. Но пфальцские демократы палец о палец не ударили, чтобы воспользоваться этими возможностями.

На другой же день после своего образования (18 мая) временное правительство Пфальца сообщило об этом не кому иному, как имперскому наместнику эрцгерцогу Иоганну, который к этому времени уже открыто объявил себя противником имперской конституции. При этом оно писало «его высочеству», что правительство это создано в первую очередь для того, чтобы «решительно противодействовать грозящей анархии» и чтобы «придать больше энергии и единства движению за осуществление имперской конституции».

Левые республиканцы, в том числе Карл Д'Эстер, член Союза коммунистов и один из лидеров крайней левой в прусской палате депутатов, игравший роль неофициального секретаря временного правительства, не переставали толкать заправил пфальцской демократии к решительным революционным действиям, но их старания оставались тщетными, так как они не находили для себя в Пфальце достаточной опоры среди населения.

Несомненно, что пфальцское движение было бы задушено интервентами немедленно, если бы события в Бадене не отсрочили эту неизбежную развязку.

ДВИЖЕНИЕ В БАДЕНЕ

Общественное и политическое состояние Бадена накануне майского движения

По уровню своего экономического и общественного развития Баден был близок к Пфальцу. Но несмотря на свою экономическую отсталость, Баден, в отличие от Пфальца, с первых же дней революции принял в ней самое живое участие. Здесь шире, чем во многих других германских государствах, развернулось крестьянское движение. Брожение в стране поддерживалось также недовольством широких, особенно мелкобюргерских кругов, тем более, что политические завоевания мартовской революции в Бадене оказались более чем скромными. Здесь сохранился почти в полной неприкосновенности дореволюционный политический строй. В Бадене уцелела даже антидемократическая конституция с двумя палатами и высоким избирательным цензом, октроированная в 1818 г. А во главе правительства после всех министерских перетасовок остался весьма правый либерал Бекк, занявший пост баденского премьера еще за два года до мартовской революции.

К весне 1849 г. кампания против правительства Бекка была в полном разгаре. Руководящую роль в этой кампании играли демократические народные союзы и их центральный орган — Временный областной комитет.

Вождем движения стал лидер демократической фракции ландтага адвокат Лоренц Брентано. Это был типичный парламентский карьерист провинциального масштаба, претендовавший на роль баденского Дантона. Он сочетал в себе склонность к напыщенным демократическим фразам и красивым позам народного трибуна с умением приспособляться к обстоятельствам. Брентано стал кумиром мелкого бюргерства и главным глашатаем его политических требований. Требования эти сводились к роспуску ландтага, отставке министерства Бекка, амнистии политическим заключенным и созыву Учредительного собрания.

В апреле 1849 г. демократическая оппозиция правительству Бекка значительно усилилась, так как прогрессивная общественность Бадена была взволнована новым вопросом — вопросом об имперской конституции.

Начало кампании за имперскую конституцию

На первых порах в Бадене, как и во всей Германии, вокруг знамени имперской конституции создалось нечто вроде единого фронта. Наиболее горячими и деятельными поборниками германского единства выступили мелкие бюргеры. Баденское крестьянство также включилось в борьбу за имперскую конституцию. Правое крыло демократов, составлявшее в Бадене, как и везде, большинство демократической партии, развило бурную деятельность по руководству и организации движения. Народные союзы созывали многотысячные сходки, на которые, наряду с толпами горожан, являлись и крестьяне пригородных, а иногда даже и отдаленных сел. Быстро росло число народных союзов. Так же быстро росла и популярность Лоренца Брентано и других вождей умеренных демократов — Петера, Мердеса, Христи. К программе демократических реформ для Бадена они теперь присоединили требование немедленного признания имперской конституции. В своих речах и резолюциях они призывали к вооружению народа для защиты германского единства, но не выходили за пределы законной обороны.

Не только левые, но и правые баденские либералы приняли в кампании за имперскую конституцию более активное участие, чем либералы Пфаль-

ца. С целью оказать давление на герцога Леопольда и правительство Бекка они привели в движение ландтаг, городские магистраты, «отечественные союзы» и бюргерское ополчение и требовали оказания помощи революционному Пфальцу против интервенции, а также приведения к присяге имперской конституции армии и чиновников Бадена.

Однако сотрудничество либералов с умеренными демократами ограничивалось только одним вопросом об имперской конституции. В вопросах внутренней политики большинство либералов оставалось на прежних позициях и продолжало противодействовать всем основным требованиям демократов.

Левые республиканцы — Гегг, Гофф, Штай, Комлосси — отказались примкнуть к единому либерально-демократическому фронту и противопоставили лозунгу имперской конституции лозунг «второй революции», чтобы вместе с монархической властью сокрушить и предательское Франкфуртское собрание с его антинародной конституцией. Левые демократические газеты «Республика» и «Народный вождь» неутомимо агитировали за этот лозунг среди рабочих, подмастерьев и крестьян.

Однако, несмотря на всю свою энергию и настойчивость, левые республиканцы оказались не в состоянии овладеть движением и придать ему радикальное направление: они не находили достаточного отклика в широких кругах баденского общества — в мелком бюргерстве и крестьянстве. Влияние левых демократов стало усиливаться только с конца мая, когда события в Бадене приняли более решительный оборот и когда туда стали стекаться со всей Германии и из-за границы наиболее решительные республиканцы.

Подготовка революционного переворота

Провал имперской конституции в четырех королевствах, демонстративное отклонение Фридрихом-Вильгельмом IV императорской короны, последовавшая за этим воинственная нота прусского правительства вызвали в Бадене сильнейший взрыв возмущения. Движение приняло столь грозный оборот, что правящие круги сочли за лучшее капитулировать. 28 апреля Бекк заявил в ландтаге о готовности правительства признать имперскую конституцию, и ее текст был 9 мая опубликован в официальном органе. 11 мая правительство окончательно признало Франкфуртскую конституцию законом страны и согласилось дать гарантии своей верности «общегерманскому делу», на которых настаивало либеральное большинство ландтага. Но этот шаг правительства Бекка уже не мог предотвратить назревшего революционного переворота, тем более, что Бекк продолжал упорно отвергать требования демократизации политического строя самого Бадена. 12 и 13 мая в Оффенбурге состоялись массовые народные митинги, одновременно вспыхнули солдатские восстания в крепости Раштадт и в других гарнизонах.

При подготовке к Оффенбургскому собранию все демократические лидеры сходились на том, что общенародный подъем, сопровождавший кампанию за имперскую конституцию, должен быть использован для скорейшего решения вопросов внутренней баденской политики. Брентано, Мердес и другие правые демократы предлагали сначала добиться замены правительства Бекка новым, демократическим правительством, а потом уже созвать Учредительное собрание. Наоборот, левые демократы, в частности Гегг, горячо настаивали на том, чтобы на предстоящем народном собрании в Оффенбурге был прямо поставлен вопрос о республиканском перевороте сначала в Бадене, а затем и во всей Германии. Верх взяло мнение сторонников Брентано, и соответственно с этим была намечена программа народного собрания.

Накануне народного собрания в Оффенбурге вожди баденской демократии собрались в том же Оффенбурге на предварительное совещание.

Здесь возобновились ожесточенные споры о монархии и республике, которые к вечеру закончились тем, что умеренные демократы снова настояли на принятии их программы и, более того, на немедленном предъявлении этой программы премьер-министру Бекку.

Вооруженное восстание в баденской армии. Бегство герцога Леопольда

Вечером 12 мая делегация демократов выехала в Карлсруэ, чтобы предъявить Бекку требования Оффенбургского совещания. Но в тот же вечер торжество умеренных демократов было омрачено известием о победе солдатского восстания в Раштадте и о восстаниях в других городах Бадена.

Застрельщиками открытого революционного выступления в Раштадте явились канониры крепостной артиллерии. 9—10 мая в крепости состоялись многолюдные народные собрания, во время которых солдаты братались с рабочими и ремесленниками и с восторгом слушали пылкие речи местных революционных демократов. Была принята резолюция послать в Оффенбург солдатских делегатов для участия в народном собрании. Встревоженное начальство попыталось водворить порядок при помощи репрессий и арестовало нескольких солдат. В ответ на это на следующий же день (11 мая) разразилось стихийное солдатское восстание. Восставшие солдаты не только освободили арестованных товарищей, но и разогнали офицеров. 12 мая Раштадт был уже целиком в руках восставшего гарнизона.

Одновременно, словно по одному сигналу, начались такие же солдатские восстания во Фрейбурге, Брукзале и Лёррахе. Солдаты разоружили и прогнали своих офицеров, освободили политических заключенных. Двери тюрем распахнулись для Густава Струве, Блинда, Фиклера, юного Вильгельма Либкнехта и других республиканцев.

13 мая начались выступления в Карлсруэ. После присяги гарнизона имперской конституции солдаты отказались повиноваться офицерам и нести ярмо старой дисциплины. Войска, двинутые в Карлсруэ для подавления восстания, присоединились к своим товарищам. Высшее командование и офицерство поспешили укрыться в домах или выехать из города. Правительство нашло все же себе ревностного защитника в бюргерском ополчении, этом военном оплоте баденских либералов. У цейхгауза, который охраняли ополченцы, завязалась перестрелка, продолжавшаяся до самого вечера. Герцог Леопольд бежал на пушечном лафете во Франкфурт. В скором времени за ним последовали и министры.

На другой день после бегства герцога гарнизон Маннгейма также примкнул к революции. Тем самым вся баденская армия оказалась на стороне народа.

ОФФЕНБУРГСКОЕ НАРОДНОЕ СОБРАНИЕ 13 МАЯ 1849 г.

Роль радикальных республиканцев

Первые вестники этих бурных событий — несколько солдат из Раштадта — прибыли в Оффенбург еще вечером 12 мая, после того как закончилось совещание демократических лидеров. С раннего утра 13 мая маленький Оффенбург кишел народом. Собралось более 30 тыс. человек. Тут было множество бюргеров из различных баденских городов, разодетые по-праздничному крестьяне, солдаты, члены гимнастических обществ и демократических союзов, наконец, бойцы добровольческих республиканских отрядов в высоких сапогах и широкополых шляпах с перьями. Но тут отсутствовали, по наблюдению одного из участников, пролетарии, которые на севере Германии обычно составляли ядро всех народных собраний.

Народное собрание в Оффенбурге состоялось в момент победоносных солдатских выступлений. 13 мая в Оффенбург явилась многочисленная делегация раштадтских солдат в касках, украшенных красными цветами.

Само присутствие этой делегации говорило о том, что мирной кампании за имперскую конституцию приходит конец. Умеренные демократы были до крайности смущены этим поворотом событий. Их растерянность еще более возросла, когда пришло известие, что Бекк категорически отверг их ультиматум и тем самым уничтожил последнюю надежду на легальное осуществление демократической программы.

Инициативу захватили левые республиканцы. Они провели перевыборы Областного комитета и ввели в него своих представителей — Гоффа, Штайя и других сторонников «второй революции». Заранее подготовленные левыми решения Оффенбургского собрания были поставлены на голосование и приняты без изменений и возражений шумной, многотысячной толпой.

Тем не менее результаты Оффенбургского собрания не могли удовлетворить левых республиканцев. Достигнут был только компромисс между правым и левым крылом демократии, притом дававший умеренным явные преимущества.

Это сказалось прежде всего на составе нового Областного комитета. Правда, туда вошла порядочная группа левых — Штай, Гофф, Штейнметц, Гегг и другие, но большинство мест досталось или откровенно правым демократам — Брентано, Петеру, Вернеру, Юнгхансу или демократам неопределенной окраски, склонявшимся больше на сторону умеренных.

Тем же духом умеренности были проникнуты оффенбургские постановления. Собрание высказывалось не за германскую республику, а только за имперскую конституцию. Делегаты требовали от баденского правительства содействия всеми своими вооруженными силами ее осуществлению другими государствами. Но вооруженная поддержка трактовалась совершенно в духе умеренно демократической тактики «активной обороны».

Вместо того чтобы провозгласить низложение герцога Леопольда и учредить республику в Бадене, Оффенбургское собрание ограничилось тем, что потребовало образования нового правительства, возглавленного вождями умеренных демократов Брентано и Петером, немедленного роспуска баденского ландтага, всеобщего вооружения народа, освобождения политических заключенных и возвращения на родину политических эмигрантов. Всё это были требования, сплошь заимствованные из программы умеренных демократов.

К этой умеренной политической платформе левые демократы добавили свои собственные требования, носившие более радикальный характер. Тут говорилось и об аннулировании постановлений, принятых ландтагом 17 января 1849 г., о замене бюрократического строя широким местным самоуправлением, построенным на выборности всех должностных лиц, о повсеместном введении суда присяжных, об уничтожении земельных повинностей, об учреждении национального банка для защиты промышленности, торговли и сельского хозяйства от крупных капиталистов, о введении прогрессивного налога, об образовании пенсионного фонда для нетрудоспособных, о слиянии регулярной армии с народным ополчением и о введении свободных выборов офицеров в армии.

Что же заставило левых демократов поступиться важнейшими позициями в пользу своих противников справа, несмотря на то, что именно им принадлежала в Оффенбурге руководящая роль? Они вынуждены были считаться с настроениями 30-тысячной массы участников собрания. Мелкие бюргеры и крестьяне в большинстве своем, несмотря на охватившее их воодушевление, не проявляли склонности к революционным и республиканским лозунгам. Они довольно холодно встречали левых ораторов, призывавших к войне против коронованных тиранов, к нис-

проверженню тронов и немедленному провозглашению республики. Не менее сдержанно вели себя солдаты — представители раштадтского гарнизона, повторявшие на все лады, что они не хотят ничего большего, чем имперской конституции. Этим объяснялось то, что левые демократы, вместо того чтобы выступить с самостоятельными предложениями по центральным политическим вопросам, приспособили свои требования в качестве привеска к программе группы Брентано.

Результаты революционного переворота и Оффенбургского собрания

Очень скоро стало обнаруживаться, что как правые, так и левые демократы впали, хотя и по разным мотивам, в одно и то же заблуждение. Одни из них под влиянием страха, а другие в порыве революционного энтузиазма преувеличивали значение солдатских восстаний. То, что они принимали за начало нового революционного подъема, на самом деле представляло уже высшую точку движения. Революционный порыв солдат начал быстро остывать, как только ненавистный им крепостнический военный уклад был ниспровергнут. Подавляющее же большинство мелкого бюргерства и крестьянства оказалось не в состоянии подняться выше уровня оффенбургских постановлений.

По мере того как выяснялось действительное положение вещей, умеренные демократы все более оправлялись от растерянности, а левые утрачивали свое влияние на массы. Уже через несколько дней они вынуждены были отказаться от открытого выдвижения республиканских лозунгов и примкнуть к кампании за имперскую конституцию.

В одном отношении переворот 12—13 мая резко изменил расстановку общественных сил в Бадене: либеральная буржуазия резко отшатнулась от революции. В своем страхе она зашла так далеко, что отреклась даже от имперской конституции. Баденские либералы прекратили свою легальную агитацию в пользу имперской конституции, как только убедились, что из этой агитации родилась революция, которой они стремились избежать. Ни о каком союзе с демократами в борьбе за имперскую конституцию теперь не могло быть больше и речи. Либерально-буржуазные круги заняли враждебную позицию не только по отношению к левым республиканцам, но и по отношению к умеренным демократам. Это, понятно, не мешало им до поры до времени, в ожидании, когда монархическая реставрация сметет демократов всех мастей, оказывать поддержку Брентано и другим умеренным демократам против «красных» республиканцев вроде Струве, Зигеля или Штайя.

Это обстоятельство таило в себе великий соблазн для умеренных демократов, которым всегда было присуще тяготение к либеральной буржуазии. И чем сильнее они поддавались этому соблазну, тем быстрее они сворачивали на путь прямого предательства революции. «Господин Брентано с первой минуты предавал баденское восстание...»[1], — эти слова Энгельса вполне подтвердились в ходе дальнейших событий.

ОБРАЗОВАНИЕ В БАДЕНЕ БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЕГО ПОЛИТИКА

Умеренные демократы у власти

14 мая члены Областного комитета во главе с Брентано прибыли из Раштадта в Карлсруэ. Их въезд в столицу был обставлен весьма торжественно. Ободренные восторженной встречей жителей столицы, Брентано и его друзья немедленно приступили к осуществлению своей заветной цели —

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 427.

к образованию нового, буржуазно-демократического правительства. Областной комитет был пополнен новыми членами по преимуществу умеренного толка и превращен в суррогат парламента. По всем правилам парламентского искусства он создал новое правительство — Исполнительную комиссию. Во главе этой Комиссии стал Брентано, сосредоточивший в своих руках портфели министров внутренних и иностранных дел; министром юстиции был назначен Петер, военное министерство было вручено бывшему офицеру баденской армии Эйхфельду, человеку с очень сомнительной репутацией, а портфель министра финансов — республиканцу Геггу, человеку, политически неустойчивому и вскоре же повернувшему вправо.

Группа Брентано позаботилась прежде всего о том, чтобы смыть с нового, «демократического», правительства «пятно» его революционного происхождения. Одно обстоятельство очень облегчило им эту задачу. Члены магистрата Карлсруэ после бегства герцога впали в такую панику, что сами обратились к Областному комитету с предложением переселиться из Раштадта в столицу, «чтобы позаботиться о защите города». «Отцы города» решились на этот шаг с молчаливого, но явного согласия Бекка. Таким образом, создана была тоненькая нить, которой можно было связать министерство Брентано с великогерцогским правительством. Умеренные демократы этим воспользовались. Уже 14 мая, только что приехав в Карлсруэ, они опубликовали от имени Областного комитета декларацию, где постарались прежде всего снять с себя обвинение в низвержении герцогского трона. Они уверяли, что присоединение армии к народу не давало герцогу никаких оснований для того, чтобы бросить страну на произвол судьбы. Вину за это «несчастье» они возлагали на министров, дававших герцогу неправильные советы, и подчеркивали, что Областной комитет, следуя призыву городского магистрата, явился в Карлсруэ лишь для защиты личной свободы и частной собственности граждан.

Политика правительства Брентано соответствовала духу этой декларации. Сразу же после революционного переворота перед Баденом встала альтернатива, которая уже стояла перед революционным Пфальцем: или со всеми силами устремиться вперед, в соседние германские государства, чтобы поднять народ на вооруженную борьбу с монархической контрреволюцией, или же, придерживаясь тактики «активной» обороны, пассивно ожидать удара со стороны контрреволюции.

В распоряжении правительства Брентано находились 30-тысячная регулярная армия, несколько тысяч добровольцев и достаточные финансовые средства. И все же восставший Баден не перешел в решительное наступление. Перспектива активных наступательных действий совсем не улыбалась умеренным демократам, мечтавшим об установлении в Бадене конституционной монархии с такими политическими порядками, которые позволили бы именно им играть роль правящей партии.

Это тайное стремление к реставрации монархии, характерное для партии Брентано, было очень верно угадано Энгельсом. По его словам, Брентано «...надеялся выйти из движения в качестве великого человека „умеренной“ партии...» и «...даже сохранить для себя возможность занять министерский пост при великом герцоге...»[1].

Умеренные демократы хотели создать такой режим, который расположил бы к себе всю баденскую буржуазию и доказал бы ей, что демократическое правительство ничуть не хуже своего предшественника — правительства Бекка — уважает и охраняет порядок, законность и частную собственность.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 429—430.

Именно исходя из всех этих намерений, Областной комитет и направлял деятельность новых органов «революционной» власти — гражданских комиссаров и комитетов безопасности. В инструкции этим учреждениям видное место занимали такие задачи, как подавление, совместно с местными чиновниками, попыток народных выступлений, как защита свободы частной собственности и личности. В состав комитетов безопасности были введены командиры бюргерского ополчения. Нет ничего удивительного, что баденская революционная администрация стала не грозой, а посмешищем для врагов революции.

Баденское демократическое правительство сохранило в неприкосновенности весь старый чиновничий аппарат. Не было даже проведено никакой чистки бюрократических учреждений. Все остальные радикальные требования Оффенбургского собрания также были преданы забвению, в том числе и пункт об отмене сохранившихся еще частично феодальных повинностей, осуществление которого могло бы привязать к революции широкие массы крестьянства.

Особое нерасположение проявлял Брентано ко всему, что походило на революционный террор. Тщетно Струве убеждал его отправить в казематы Раштадта 500 наиболее злостных контрреволюционеров. Но Брентано ничего не желал слышать о таком «беззаконии». В связи с этим контрреволюционеры чувствовали себя в Бадене, как дома. Они беспрестанно сносились со своими единомышленниками вне Бадена, подготовляли прусскую интервенцию и монархические мятежи. Дело доходило до того, что баденское казначейство чуть ли не на глазах у Гегга и других министров продолжало финансировать правительство бежавшего из страны герцога Леопольда!

Постоянно твердя о необходимости «активной» обороны, правительство Брентано на практике проявляло величайшее пренебрежение ко всему, что могло укрепить обороноспособность Бадена. Ничего не было сделано для перестройки баденской армии на новых, революционных основаниях. Правительство и военный министр Эйхфельд прилагали все усилия к тому, чтобы сохранить в армии старое офицерство, хотя большинство офицеров вовсе не скрывало своего враждебного отношения к революции. Приказ Областного комитета о призыве в народное ополчение всех мужчин с 18 до 30 лет выполнялся очень медленно. Предложение левых демократов о слиянии регулярной армии с народным ополчением было отвергнуто, хотя Брентано и Эйхфельду, автору книжки о народной армии, было хорошо известно, какую огромную роль сыграл закон об «амальгаме» в создании французской революционной армии в конце XVIII в.

Но этого мало. Были допущены два вопиющих промаха: не были заняты крепости Ландау и Гермерсгейм, прикрывавшие Баден с запада, и не было оказано никакой реальной помощи Пфальцу. Вместо полного объединения с Пфальцем, 17 мая было подписано соглашение, которое ограничивало это объединение только одной чисто военной сферой. Однако и это соглашение осталось на бумаге. На практике все свелось к продаже Пфальцу за звонкую монету восьми старых пушек. В займе в 60 тыс. флоринов на военные нужды Пфальцу было отказано.

Брентано возлагал главные надежды не на силу революционного оружия, а на закулисные интриги с правительством Леопольда. Уже современники догадывались об этих интригах. В настоящее время документально доказано, что комиссары имперского правительства Христ и Целл действительно посредничали между Брентано и герцогом Леопольдом. В Карлсруэ они завязали тесные отношения с бургомистром и городским советом и нашли себе деятельного помощника в лице фабриканта Мейера. Вместе с ним они посещали Брентано.

Попытки наступления баденско-пфальцской армии

Если закулисной дипломатии Брентано скоро настал конец, то это случилось главным образом по вине Пруссии, которая не переставала давить на герцога Леопольда и имперское правительство, добиваясь ликвидации баденского и пфальцского движения силой оружия. Успеху прусских домогательств содействовала неудачная попытка наступления революционной баденско-пфальцской армии.

Левые демократы некоторое время после Оффенбургского собрания еще пользовались известной долей влияния в правящих сферах Бадена. Опасаясь прямого разрыва с республиканцами, Брентано предпочитал делать им некоторые уступки в тех случаях, когда напор слева бывал особенно энергичным. С большим опозданием и крайне неохотно Брентано, Петер, Эйхфельд и другие вожди умеренных демократов пошли на то, чтобы попытаться распространить революцию за границы Бадена. Они пошли на это лишь после того, как настояния более решительных республиканцев были поддержаны делегацией демократов Франкфуртского парламента, состоявшей из Трюцшлера, Эрбе и Раво. Умеренный демократ Раво на этот раз не только всецело солидаризировался со своими двумя более левыми товарищами, но и сам проявил инициативу: он предложил свой план наступательной операции. Главным условием успешного развития этой операции он считал поддержку баденско-пфальцской армии со стороны народных масс. По его мнению, на такую поддержку можно было рассчитывать, так как в гессенском Оденвальде, в баварской Франконии, в Нассау, в Тюрингии и в Рейнской Пруссии народ находился еще в состоянии революционного брожения, и это позволяло надеяться, что он возьмется за оружие в случае вторжения пфальцско-баденской революционной армии. Из всех возможных направлений для наступления Раво считал наиболее важным одно — на Франкфурт. Занятие Франкфурта — резиденции Национального собрания — создало бы важный стратегический и политический опорный пункт для распространения революции по всей остальной Германии.

Этот план имел ряд крупных военных и политических достоинств. Его замысел в основном совпадал с теми стратегическими соображениями, которые высказали Маркс и Энгельс в беседе с вождями баденского движения при посещении ими Карлсруэ в двадцатых числах мая[1].

Левые республиканцы Бадена и Пфальца добились согласия правительства Пфальца действовать совместно с Баденом для осуществления предложенного Раво плана. От вюртембергского правительства было получено обещание соблюдать нейтралитет и отвести войска от баденской границы, что позволяло обеспечить правый фланг наступающей на север революционной армии. Наступление было назначено на 24 мая. Накануне вечером Раво продиктовал адъютанту Эйхфельда последние приказания. Казалось, что все было готово, и тем не менее наступление не состоялось.

Произошло это, во-первых, потому, что гессенские войска без труда подавили крестьянское восстание, которое подняли гессенские революционные агитаторы по соглашению со своими баденскими товарищами у местечка Эрбах, неподалеку от гессенско-баденской границы, а главное потому, что офицеры маннгеймского гарнизона, который должен был поддержать пфальцскую армию, паотрез отказались переходить баденскую границу и увлекли за собой значительную часть солдат. Военный министр Эйхфельд,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 433.

который, как и все соратники Брентано, отнюдь не сочувствовал вторжению в Гессен, поспешил отменить приказ о наступлении.

Взбешенный всем этим, Раво отправился к Брентано и настоял на назначении главнокомандующим, вместо Эйхфельда, юного и пылкого республиканца Зигеля. Задуманная операция была перенесена на 30 мая. Но эта вторичная попытка перехода в наступление закончилась еще более печально. Зигель, двинувшийся с главными силами через реку Неккар, потерпел неудачу у местечка Геппенгейм, так как больше полагался на революционные симпатии гессенских солдат, чем на боеспособность своих частей. Но картечь гессенской артиллерии быстро рассеяла заблуждение Зигеля.

Контрреволюционное движение в баденской армии

Неудача Зигеля приняла очень серьезные размеры потому, что солдаты регулярной баденской армии вышли из повиновения. Гарнизон Маннгейма, как и ранее, отказался наступать и самовольно возвратился в свои казармы. А разбитые части Зигеля бросились в Гейдельберг. И тут и там начались волнения. Контрреволюционное офицерство воспользовалось этим и предъявило революционным властям от лица всей армии целый ряд требований, составленных в самом вызывающем тоне. Офицеры домогались прекращения каких-либо наступательных операций, удаления Струве и Зигеля и роспуска Областного комитета, в котором они видели оплот левых демократов. В довершение всего они открыто требовали возвращения в Баден герцога Леопольда. Прибывший в Гейдельберг Брентано нашел простой способ успокоить взбунтовавшихся офицеров — он пообещал удовлетворить все их требования.

Партия Брентано могла теперь, ничего не опасаясь, сбросить со счетов Струве и других левых демократов. Уже 1 июня Брентано совершил своего рода государственный переворот. Он сместил Зигеля с поста главнокомандующего и отстранил от дел Струве. Он заставил Областной комитет распустить себя, чтобы тем самым избавиться от оппозиции левого меньшинства этого комитета. Но раньше, чем разойтись, Областной комитет избрал временное правительство, состав которого не вполне удовлетворял умеренных демократов. В него вошли наряду с лидерами умеренных — Брентано, Петером и сближавшимся с ними Геггом, также и два решительных республиканца — Зигель и Фиклер. Однако Брентано удалось сохранить руководящее положение и в этом временном правительстве, так как Фиклер тотчас был отправлен с революционной миссией в Вюртемберг, где был арестован, а Зигель вынужден был проводить бóльшую часть времени в армии, вдали от Карлсруэ.

В результате этих перемен левые демократы были почти совсем оттеснены от руководства движением, а само движение, по выражению Энгельса, «...превратилось в чисто баденское или баденско-пфальцское местное восстание»[1].

«Манифест германских демократов за границей»

Однако вожди левых демократов не собирались складывать оружие, хотя их социальная опора ограничивалась малочисленными пролетарскими и полупролетарскими слоями городов. К началу июня фракция республиканцев объединила всех наиболее решительных, опытных и предприимчивых демократов со всей Германии и из эмиграции. Наряду с демократами «якобинского» типа в эту фракцию вошли также и социалисты, исповедовавшие в большинстве туманные и путаные мелкобуржуазные идеи. Но некоторая часть этих «социальных

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 425.

демократов» уже находилась в известной степени под влиянием теоретических и тактических идей «Союза коммунистов» и «Новой Рейнской газеты».

В этом отношении весьма интересен «Манифест германских демократов за границей», с которым выступили немецкие революционные эмигранты в Швейцарии в начале майского движения 1849 г. Этот манифест был принят собранием эмигрантов в Женеве накануне их отъезда в Баден и был опубликован в радикальном листке «Эволюция», который выходил в швейцарском городке Базеле. Издавал этот листок И.-Ф. Беккер, ставший позднее близким другом Маркса и Энгельса и деятельным членом I Интернационала.

Авторы «Манифеста» исходили из того, что июньское восстание парижского пролетариата в 1848 г. придало новое направление европейскому революционному движению. Оно положило начало борьбе за пролетарскую революцию и за социализм, который определялся в «Манифесте» в несколько бланкистском духе. Отсюда делался вывод, что единственной партией, способной вести вперед революцию, стала партия, написавшая на своем знамени «полное изменение в законах собственности». В Германии новая решительная фаза революции началась со времени победоносного наступления венгров и кампании за имперскую конституцию. Первому из этих событий «Манифест» придавал большее значение, чем последнему, так как судьба движения за имперскую конституцию оказалась в руках Франкфуртского парламента, представлявшего собой «мост от мартовского движения к контрреволюции», и в руках мелкобуржуазной демократии, которая страдала «недостатком революционной энергии» и «приверженностью к сторонникам наследственной монархии». Поэтому, говорилось в «Манифесте», борцы за социальную революцию должны стать в оппозицию «ко всем так называемым демократам, не решающимся сделать последние выводы из революции», и поставить своей задачей превращение революции в революцию непрерывную вплоть до достижения ее конечной цели. На это способны только пролетарии и пролетарские революционеры. «Пролетарии,— указывал «Манифест»,— примут революцию, это предсмертное наследие буржуазии. Всеми своими силами они завладеют ею и сделают ее непрерывной до тех пор, пока человечество не выбьется на новый путь, на котором оно обретет желанную цель и быстро ее достигнет. Эта цель — всеобщая свобода и счастье».

События 5 и 6 июня в Карлсруэ

Левые демократы тем более не собирались капитулировать без боя, что в их распоряжении имелись в Карлсруэ также и некоторые вооруженные силы. Это были добровольческие отряды ветерана греческого восстания 20-х годов Бёнинга и части народного ополчения, которыми командовал отважный и опытный революционер И.-Ф. Беккер. В первых числах июня левые демократы решили создать собственную организацию, чтобы возвратить себе утраченное влияние. Больше других хлопотал об этом участник дрезденских событий Чирнер. 5 июня в Карлсруэ в одной из зал ратуши состоялось учредительное собрание «Клуба решительного прогресса». Здесь присутствовали все сколько-нибудь видные сторонники левого крыла демократии — Струве, Беккер, Чирнер, К. Гейнцен, Бёнинг, Комлосси, Вильгельм Либкнехт, Мартини. Горячие прения развернулись по вопросу о том, как изменить то совершенно невыносимое политическое положение, которое создалось после поражения под Геппенгеймом. Адъютант Беккера, пылкий республиканец Дортю, предложил воздействовать на правительство при помощи штыков. Но это было отвергнуто. По мнению большинства, речь могла идти лишь о давлении на умеренных демократов, но ни в коем

случае не об их свержении. Струве и Беккер утверждали позднее, что такая позиция поборников «решительного прогресса» вытекала из сознания ими слабости их собственной социальной опоры и из необходимости считаться с популярностью Брентано.

В результате левые отправили к Брентано делегацию с принятой Клубом резолюцией. В ней выражалось требование распространить революцию за пределы Бадена и Пфальца, предоставить добавочные посты более решительным республиканцам и ввести их в состав министерства. Присутствовавший на заседании Клуба министр финансов Гегг отнесся к этой резолюции снисходительно и старался склонить «клубистов» к примирению с правительством Брентано. Но сам Брентано грозил явившейся к нему делегации сторонников «решительного прогресса» введением осадного положения. Еще больше волновалась буржуазия Карлсруэ. Ее воображению уже рисовались страшные картины «кровавого переворота». Бюргеры принялись закрывать свои дома и лавки на прочные запоры, а их ополчение было переведено на боевое положение.

Левые также не бездействовали. В ночь на 6 июня И.-Ф. Беккер мобилизовал свои добровольческие дружины и расставил по городу караулы с таким расчетом, чтобы все важнейшие стратегические пункты были в его распоряжении. Он и Струве уверяли позднее, что это было сделано исключительно в целях предотвращения назревавшего в Карлсруэ контрреволюционного переворота. Но ход событий наводит на мысль, что у «клубистов» имелись и другие, более решительные намерения. Безусловно прав Энгельс, указавший позднее, что в намерение «клубистов» входило «...запугать правительство революционной вооруженной силой...»[1].

Действительно, уже на следующий день, 6 июня, дело едва не дошло до вооруженного столкновения. Бюргерское ополчение встало на защиту правительства Брентано. К нему примкнули офицеры и жандармы, а затем и один батальон линейных войск. Пушки были заряжены картечью и направлены в сторону добровольцев Беккера и Бёнинга, стоявших на площади перед герцогским замком.

Однако все это закончилось скорее комически, чем трагически. Струве, Беккер и остальные сторонники «решительного прогресса» не собирались скрещивать оружие со своими противниками. Они знали, что это может кончиться для них только полным поражением. Поэтому они быстро забили отбой. Как только был получен внешне примирительный ответ правительства на требование Клуба, Струве поспешил громогласно заявить о своем полном удовлетворении, хотя считал этот ответ всего лишь канцелярской отпиской. Мало того, он обратился к вооруженным борцам с уверением, что весь конфликт только плод недоразумения, поскольку ни у него, ни у его единомышленников не было ни малейшего намерения свергать правительство и тем более покушаться на существующий общественный строй.

Брентано воспользовался явным перевесом правительственных сил над силами левых, чтобы принудить их к политической капитуляции. Он потребовал от Беккера немедленно покинуть со своими отрядами Карлсруэ и направиться в Гейдельберг в действующую армию, а когда Беккер попробовал было уклониться от выполнения этого приказа, арестовал его, а вместе с ним также и Струве, Бёнинга и других «клубистов».

Но в расчеты Брентано вовсе не входило доводить дело до полного разгрома своих противников слева: это значило бы слишком усилить своих

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 269.

противников справа. Поэтому он решил пойти на мировую со сторонниками «решительного прогресса» при условии, что они признают себя побежденными и подчинятся умеренным демократам. Это условие было принято, и Брентано выпустил на свободу своих узников. Драматические события 6 июня закончились к вечеру того же дня сентиментальной сценой публичного примирения демократов обоих лагерей. Теперь с той и другой стороны все случившееся было объявлено печальным недоразумением.

Неудачная демонстрация 6 июня была последним и окончательным поражением левых. «Клуб решительного прогресса» закрылся, едва успев открыться, а его члены вместе со своими вооруженными отрядами удалились из Карлсруэ и рассеялись по различным уголкам Бадена и Пфальца. Восторжествовали умеренные демократы. Но это не укрепило их положения. Своими политическими колебаниями они продемонстрировали свою несостоятельность, лишь подтвердив этим явную невозможность найти «среднюю линию» между монархической контрреволюцией и народной революцией.

Умный и прямодушный Беккер посвятил трагикомедии 6 июня, в которой ему самому пришлось сыграть не последнюю роль, следующие горькие, но справедливые строки: «Здесь столкнулись не два гиганта в борьбе за власть, здесь два карлика, взобравшись на ходули, спорили о том, кто из них выше».

Баденское учредительное собрание и «трехголовая» диктатура

Вскоре карлик-победитель удлинил свои ходули. 10 июня в Карлсруэ открылось Баденское учредительное собрание. Брентано рекламировал это событие как доказательство своей верности Оффенбургской программе. На самом деле Учредительное собрание предназначалось не для углубления революции, а для того, чтобы легализовать господство умеренных демократов и фактическую диктатуру Брентано, придав всему этому приличные парламентские формы. Учредительное собрание оказалось как нельзя более пригодным для выполнения этой задачи. Большинство его состояло из рядовых членов народных союзов и из людей неопределенной политической окраски. Они быстро выполнили то, что от них требовалось: выбрали новое правительство в составе Брентано, Вернера и Гегга и облекли его диктаторскими полномочиями. За этой «трехголовой» диктатурой скрывалась единоличная диктатура Брентано, получившего право назначать министров. Законодательная деятельность Учредительного собрания ограничилась сокращением пенсий чиновникам и неудачной попыткой провести принудительный заем у крупных капиталистов и распустить жандармерию.

ИНТЕРВЕНЦИЯ ПРУССИИ В ЮЖНУЮ ГЕРМАНИЮ

Пруссия — организатор интервенции в Бадене и Пфальце

К началу июня Пруссия добилась того, что все проекты мирного водворения «порядка» в Бадене и Пфальце, в том числе и проект соглашения с Брентано и его партией по поводу возвращения герцога Леопольда, были отклонены. Вместо этого контрреволюционный лагерь принял план вооруженной интервенции под главенством Пруссии. Прусские правящие круги тем настойчивее и бесцеремоннее навязывали свою помощь и свое руководство для подавления баденско-пфальцской революции, что видели в этом верный способ окончательно подчинить отдельные более мелкие германские государства своей гегемонии. Интервенцией в Саксонии и усмирением революционного движения на Рейне Пруссия уже приблизилась к этой цели.

Поход против баденско-пфальцской революции давал прусскому правительству новый и очень серьезный шанс для того, чтобы укрепить и расширить свои пока еще весьма непрочные позиции. Пруссии снова представлялся удобный случай разыграть роль единственного спасителя всех имущих классов Германии от «анархии». Навязывая свою военную помощь баварскому королю Максимилиану и баденскому герцогу Леопольду, берлинские правители вымогали у них согласие на присоединение к «Союзу трех королей» — прусского, саксонского и ганноверского. Отрицая за франкфуртским правительством право распоряжаться вооруженными силами германских государств, правящие круги Пруссии требовали от имперского военного министра Пейкера подчинения имперской армии прусскому верховному командованию.

К началу июня прусские реакционеры добились своего. Перед ними капитулировало правительство эрцгерцога Иоганна. Имперский военный министр генерал Пейкер согласился на включение частей имперской армии в прусскую армию в качестве вспомогательного корпуса, действующего на второстепенном направлении. Примеру «наместника империи» последовал герцог Баденский. Он отрекся от имперской конституции и обещал примкнуть к образовавшемуся 26 мая 1849 г. «Союзу трех королей». Верховное командование всеми вооруженными силами интервентов было вручено принцу прусскому Вильгельму. Только Максимилиан баварский продолжал еще упрямиться и был за это жестоко наказан. Прусским войскам было приказано вторгнуться в Пфальц и «спасти» баварского короля вопреки его собственному желанию. Полное бездействие, на которое обрекли Брентано и его соратники баденско-пфальцскую армию после неудачи под Геппенгеймом, облегчило прусской военщине подготовку интервенции. Прусские полки совершенно беспрепятственно сосредоточивались на баденских и пфальцских границах и готовились их перешагнуть, как только достигнут подавляющего численного перевеса над противником.

Пфальц и Баден накануне прусской интервенции

Единственной мерой, к которой прибегли баденские и пфальцские временные правительства для предотвращения прусского нашествия, было обращение за помощью к Французской республике. Правительство Луи-Наполеона, которое как раз в это время готовилось нанести сокрушительный удар своим собственным демократам, осталось совершенно глухим к просьбам немецких демократов и под сурдинку обещало поддержку прусскому правительству. Бадену и Пфальцу оставалось положиться только на свои собственные вооруженные силы, но они настолько уступали силам противников, что поражение баденско-пфальцского восстания было предрешено.

Правда, к началу военных действий баденско-пфальцская армия перешла в руки опытного польского генерала Мерославского, приглашенного правительством Брентано на пост главнокомандующего. Мерославский, несомненно, был одним из наиболее энергичных польских революционных полководцев. Даже враги отдавали ему должное. Но и он уже не мог сколько-нибудь существенно изменить к лучшему тяжелое военное положение Пфальца и Бадена.

Прусская интервенция в Пфальце и Бадене

12 июня прусская карательная армия начала свое вторжение в Пфальц и Баден.

Прусское командование рассчитывало на быструю победу над баденскими и пфальцскими инсургентами. Его оперативные планы были выдержаны в духе «войны на уничтожение», принципы которой вошли в моду у прусского генералитета со времен Клаузевица. Предполагалось окружить баденско-пфальцскую армию

превосходящими силами с тем, чтобы покончить с ней одним коротким ударом. Тактическая обстановка складывалась благоприятно для такой операции.

Главные силы повстанцев были сосредоточены на севере Бадена, в треугольнике — Шпейер, Маннгейм, Гейдельберг. Их центр прикрывался рекой Неккаром, правый фланг — вюртембергской границей, а левый — течением Рейна.

Слабым местом баденской армии были ее фланги и в особенности растянутый левый, упиравшийся в берег Рейна. Правда, фланг этот был прикрыт Пфальцем, но пфальцская армия по вине правительства Брентано оставалась крайне слабой и, следовательно, не могла служить надежным прикрытием для левого фланга баденцев.

Соответственно этому был построен и план прусского наступления. Для нанесения главного удара в обход левого фланга баденцев предназначался корпус генерала фон Гиршфельда, где находился и сам главнокомандующий — принц Вильгельм Прусский. Предполагалось, что этот корпус прорвется через Пфальц к Рейну, форсирует Рейн в районе Людвигсгафена, Шпейера и Гермерсгейма и продвинется в тыл баденской армии с юго-запада с целью ее глубокого охвата.

Другой прусский корпус — генерала графа фон дер Гребена — должен был нанести фронтальный удар по вершине треугольника у Маннгейма. Наконец, третье соединение — корпус имперских войск под командой генерала Пейкера — получило задачу бить по левому крылу противника и обойти его с юго-востока. В случае удачного выполнения этого плана баденско-пфальцская армия оказалась бы в западне и все пути для отступления на юг, в сторону швейцарской границы, были бы для нее отрезаны.

Однако надежды самоуверенных прусских вояк на легкую победу рухнули, так как они натолкнулись на такое сопротивление, какого они не ожидали. Революционное воодушевление, вновь охватившее население Пфальца и Бадена с момента вторжения прусских войск, дало армии повстанцев заметное моральное превосходство над противником.

В данном случае, как не раз до и после того, прусский генералитет недооценил силы противника, упустив из виду состояние его морального духа. А между тем вторжение пруссаков вновь возбудило революционное воодушевление в крестьянах, ремесленниках и мелких бюргерах Пфальца и Бадена. Это было вполне естественно и неизбежно, так как трудящиеся массы Южной Германии привыкли видеть в прусской военщине главное воплощение того общественного гнета и того бесправия, от которых веками страдал германский народ. В результате вновь поднялся боевой дух баденско-пфальцской армии, упадку которого так много содействовала предательская политика умеренно демократических правительств Бадена и Пфальца. Не только участники многочисленных добровольческих отрядов, но и солдаты регулярных воинских частей горели желанием примерно наказать прусских блюстителей «порядка».

12 июня прусское командование сделало первый шаг к осуществлению своих стратегических планов. Корпус Гиршфельда вторгся в Пфальц тремя колоннами и быстро овладел его северной частью вместе с городом Кайзерслаутерном.

15 июня этот корпус вышел к Рейну, завладел Людвигсгафеном и готовился к переходу через Рейн. Одновременно войска генерала фон Гребена двинулись на Маннгейм с севера, а войска генерала Пейкера устремились в том же направлении с северо-востока через Кеферталь. Но попытка окружения баденской армии потерпела неудачу. Артиллерия маннгеймского гарнизона помешала пруссакам форсировать Рейн,

и храбро сражавшиеся баденцы отбили их наступление на всех других направлениях.

Только через пять дней пруссаки возобновили свои попытки окружения баденской армии. 18 июня они вытеснили из Пфальца небольшую пфальцскую армию, а затем под прикрытием крепостной артиллерии Гермерсгейма, перейдя Рейн, стали продвигаться в глубь Бадена. Одновременно возобновили свое наступление с севера и северо-востока два других корпуса. Революционной армии Мерославского грозила самая непосредственная опасность окружения. Ее положение усложнялось бездеятельностью бездарного командующего пфальцской армией польского эмигранта генерала Шнайды, который, находясь по близости от Гермерсгейма, всячески избегал столкновений с противником. Только отдельные части его армии, в частности добровольческий корпус Августа Виллиха, в составе которого сражался Ф. Энгельс, пытались преградить путь пруссакам. Стремясь остановить продвижение прусской армии в глубь Бадена, главные силы повстанцев под руководством Мерославского сами 21 июня перешли в энергичное контрнаступление в районе Филиппсбурга и Вагхейзеля. Этот маневр не предотвратил поражения баденцев, но все же настолько задержал пруссаков, что повстанцы успели вырваться из петли, приготовленной для них прусскими генералами. Им удалось отступить на юг через восточные горные районы Бадена. Отступление, вероятно, совершилось бы в порядке, если бы не измена командира баденской кавалерии подполковника Беккерта, который своим паническим бегством внес замешательство в ряды всей армии повстанцев. Тем не менее последним удалось, соединившись по дороге с остатками пфальцсокй армии, без особых затруднений через Карлсруэ и Дурлах прорваться в южные районы Бадена с тем, чтобы организовать отпор врагу на новом боевом рубеже.

Большую услугу баденской армии оказал при этом талантливый и предприимчивый И.-Ф. Беккер. Он командовал арьергардом, который почти сплошь состоял из плохо вооруженных ополченцев и не имел артиллерии. С этими неопытными бойцами Беккер 25 июня задержал у Дурлаха на несколько часов не только две дивизии пруссаков, но и корпус Пейкера. Это позволило главным силам баденцев спокойно спуститься в долину реки Мург. Здесь, у стен крепости Раштадт, этой колыбели баденского восстания, разыгралось 29—30 июня последнее сражение в баденской кампании. 13 тыс. баденцев в течение суток успешно отстаивали свои позиции против 60 тыс. прусских и имперских войск. Был момент, когда баденцы сильно потеснили пруссаков. Но Пейкеру все же удалось обойти повстанцев и захватить их ключевые позиции у Гернсбаха. В этом ему помогли пограничные вюртембергские войска, которые, предательски нарушив нейтралитет, в решительный момент оказали поддержку прусским интервентам. Однако и на этот раз остатки революционной армии счастливо избегли окружения и двинулись в свой последний большой переход — к швейцарской границе.

Поражение баденско-пфальцского восстания

С этого времени началась агония баденского вооруженного восстания. Большинство повстанцев утратило веру в победу, а вместе с ней и дисциплину. Армия стала распадаться. Солдаты расходились по домам, офицеры искали спасения в бегстве за границу. Сам Мерославский, считая положение безнадежным, 1 июля сложил свои полномочия. Его заменил на посту главнокомандующего Зигель.

Контрреволюционные круги Бадена открыто выступили теперь на стороне интервентов. Вооруженные бюргеры с радостью открывали ворота своих городов пруссакам. Наступил момент полного политического банкротства

мелкобуржуазных демократов Бадена и Пфальца. Первыми бежали с тонущего корабля Брентано и его ближайшие соратники. Предлогом для этого послужил инцидент, разыгравшийся 28 июня в Баденском учредительном собрании, заседавшем в этот момент во Фрейбурге. Депутаты Учредительного собрания нашли в себе достаточно мужества, чтобы отклонить сделанное другом Брентано Юнгхансом предложение вступить в переговоры с пруссаками. Учредительное собрание ответило на эту предательскую вылазку умеренных резолюцией, требовавшей более энергичного ведения войны и клеймившей всякие переговоры с неприятелем. Инициатором этой резолюции был Струве. Придравшись к этому случаю, Брентано поспешил подать в отставку. С наступлением ночи он скрылся из Фрейбурга с двумя близкими ему членами Учредительного собрания и вскоре нашел безопасный приют по ту сторону швейцарской границы. Учредительное собрание немедленно объявило его бегство «трусливым предательством родины», но одновременно избрало на его место другого столь же умеренного демократа Кифера, который на другой день также бежал за границу. Вскоре вслед за ними разошлось по домам или скрылось за границу также и большинство депутатов Учредительного собрания. 11 и 12 июля остатки баденско-пфальцской армии перешли швейцарскую границу. Последней покинула родную землю горсточка добровольцев с Энгельсом во главе, до конца с честью выполнявшая опасную роль арьергарда разбитой армии баденских повстанцев.

Оборона и падение Раштадта

После этого единственным очагом сопротивления на баденской территории осталась крепость Раштадт. Здесь сосредоточились остатки баденских и пфальцских войск — третий линейный пехотный полк под командой отставного майора Биденфельда, несколько подразделений других частей регулярной баденской армии и ряд добровольческих дружин, в том числе легион эмигрантов под предводительством Бёнинга, всего 5—6 тыс. человек. 1 июля крепость была обложена 25-тысячным корпусом фон Гребена, при котором находился и Вильгельм принц Прусский. 9 июля прусская артиллерия начала обстрел крепости, вызвав в ней большие пожары. Число жертв росло со дня на день, а запасы провианта быстро таяли. В то же время в крепости начались опасные раздоры. Но, невзирая на все это, гарнизон продолжал сопротивляться.

Чтобы овладеть крепостью, прусскому командованию пришлось пуститься на хитрость. Гребен предложил защитникам Раштадта убедиться собственными глазами, что революционной армии больше не существует и что им неоткуда ждать помощи. Предложение было принято, и два раштадтских офицера — начальник штаба крепости фон Корвин-Вержбицкий и майор Ланг — совершили под наблюдением пруссаков поездку по южным районам Бадена от Фрейбурга до Констанца, т. е. вплоть до швейцарской границы. Повсеместно они встречали упоенных своей победой пруссаков, но нигде не нашли революционных войск. Убедившись, что дальнейшее сопротивление бесполезно, военный совет Раштадта 22 июля постановил вступить в переговоры с пруссаками о капитуляции.

После капитуляции, совершившейся 23 июля 1849 г., раштадтцам на горьком опыте пришлось убедиться, сколь иллюзорны были их надежды на гуманность прусской военщины. Сотни людей стали жертвами прусских военных судов. Одни были расстреляны, другие на долгие годы погребены в крепостных казематах. Под прусскими пулями пали представитель крайней левой Франкфуртского собрания демократ Трютцшлер, комендант Раштадта полковник Тидеман, командир 3-го пехотного полка Биденфельд, издатель раштадтской демократической газеты Эльзенхалв, командир легиона эмигрантов Бёнинг.

Причины поражения баденско-пфальцского движения

Вооруженное восстание в Пфальце и в Бадене было последней ставкой германской революции в ее борьбе с силами контрреволюции. Политическая несостоятельность большинства демократов выступила в Бадене и Пфальце ярче, чем в других очагах вооруженного восстания. Умеренные демократы здесь дошли до прямой измены революции. Это в первую очередь относится к Бадену. Буржуазные демократы Бадена вступили на путь контрреволюции и продолжали искать сближения с либеральной буржуазией даже после того, как либералы отреклись от имперской конституции и открыто перешли в лагерь контрреволюции.

Мелкое бюргерство, которое, по выражению Энгельса, являлось «...руководящим классом в майском восстании 1849 г.»[1], вполне одобряло поведение своих вожаков, хотя и не совсем ясно представляло себе, к чему ведет их предательская политика. «Мелкий буржуа не видел предательства движения, — писал Энгельс, — он видел только быстрое восстановление порядка и спокойствия, видел только кратковременную задержку самого движения; а когда уже было слишком поздно, когда он увидал, что он скомпрометирован в движении и что движение погибает вместе с ним, он начал кричать о предательстве и со всем возмущением обманутого человека обрушился на своего вернейшего слугу»[2].

В баденско-пфальцском движении, в отличие от саксонского и рейнского, главной революционной силой явились не рабочие, а крестьяне и вышедшие из крестьянства солдаты. Именно выступление солдат превратило движение в Пфальце и Бадене из легальной кампании за демократические реформы и имперскую конституцию в вооруженное восстание. Однако весной 1849 г. крестьянство Южной Германии уже неспособно было подняться по собственной инициативе против помещиков, как за год до этого, весной 1848 г. Аграрные реформы, проведенные с того времени, как бы мало радикальными они ни были, притупили остроту крестьянского протеста против дворянства и феодализма. Большинство деревенского населения и солдатской массы разделяло настроения мелкого бюргерства и шло за ним, вместо того чтобы служить опорой для более революционного течения.

Для крестьянской революции нужен был мощный стимул. Чтобы создать такой стимул, нужно было заинтересовать крестьян Бадена отменой всех феодальных повинностей[3], а крестьян Пфальца — упразднением ипотек[4]. Но в Бадене и в Пфальце не было такой революционной силы, которая могла бы повести крестьянство на новый и решительный бой против эксплуататоров. Этим объясняются чрезвычайная слабость и крайняя беспомощность левого крыла баденско-пфальцской мелкобуржуазной демократии, которое не имело прочной опоры ни в городе, ни в деревне.

Неудача движений в Бадене и Пфальце. равно как в Саксонии и на Рейне, вытекала не только из их внутренней слабости, но также из того, что они не получили сколько-нибудь широкого отклика в остальной Германии. Революционное движение в большей части южных и юго-западных государств — в Баварии, Вюртемберге, Гессене—так и не получило значительного развития. Что же касается Северной Германии, то там движение вовсе не вышло из границ легальной и мирной кампании за имперскую конституцию.

Разброд в ходе борьбы, позволивший Пруссии и ее союзникам разгромить порознь революционные выступления в Саксонии, в Рейнской

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 102.
[2] Там же, т. VII, стр. 429.
[3] Там же, стр. 424.
[4] Там же, стр. 440.

области, в Бадене и Пфальце, был следствием слабости общегерманского революционного подъема, политического разъединения страны и далеко не изжитого еще местного партикуляризма. Твердое централизованное руководство движением отсутствовало. Михаил Бакунин писал об этом в своей «Исповеди» следующее: «...Общих разговоров о предстоящей революции было в целой Германии много, но общего заговора к ней, общей организации, плана центрального управления и действия решительно не было, несмотря на то, что был избран центральный комитет для центрального управления и центрального действия. Всеобщность Германского восстания в мае 1849 г. была гораздо более плодом единодушного действия немецких правительств, чем согласия немецких демократов».

ФРАНКФУРТСКИЙ ПАРЛАМЕНТ И МАЙСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Задачи Франкфуртского собрания в связи с майским движением

Единственно, кто мог тогда объединить демократическое движение во всей Германии, был Франкфуртский парламент. К нему попрежнему продолжали тяготеть все общественные и политические силы, принимавшие участие в кампании за имперскую конституцию.

Перед Франкфуртским парламентом стояла задача решительной борьбы за победу буржуазно-демократической революции. Отказ от этой борьбы неизбежно вел к торжеству монархической контрреволюции. Франкфуртский парламент должен был, говоря словами Энгельса, «прежде всего вполне уяснить себе положение и убедиться, что нет иного исхода, кроме безусловной сдачи на волю правительств или же обращения, без всяких колебаний, к вооруженному восстанию. Во-вторых, открыто признать все уже вспыхнувшие восстания и призвать народ к оружию на защиту народного представительства, объявив низложенными всех государей, министров и пр., которые осмелятся противиться державному народу, представляемому его полномочными избранниками. В-третьих, немедленно низложить блюстителя империи, создать крепкую, деятельную, не отступающую ни перед чем исполнительную власть, призвать восставшие войска во Франкфурт для охраны этой власти, давая тем одновременно законный повод для распространения восстания, сплотить воедино все находящиеся в его распоряжении силы,— коротко говоря, быстро и без колебаний воспользоваться всеми пригодными средствами для укрепления положения и ослабления врагов»[1]. Франкфуртский парламент оказался неспособным не только выполнить, но и поставить перед собой выдвинутые революцией задачи. После того как правое крыло Национального собрания поредело, либералы и умеренные демократы приобрели в соборе св. Павла наибольшее влияние; либералы имели при этом некоторый численный перевес над демократами вплоть до конца мая, когда они в свою очередь покинули собор св. Павла. Что касается крайних левых, то они, в силу своей малочисленности, попрежнему не могли оказывать заметного влияния на деятельность Национального собрания и ограничивались одними протестами и бесплодными демонстрациями.

Политическое банкротство либералов

Чем более углублялась борьба вокруг имперской конституции, тем более противоречивой становилась политическая линия либералов.

На первых порах, пока схватка между революцией и контрреволюцией только завязывалась, либералы не отказывались еще от мысли, что им удастся, держась среднего направления, добиться осуществления имперской конституции.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 99—100.

Политические маневры фон Гагерна сводились к тому, что он не прекращал попыток убедить Фридриха-Вильгельма IV принять императорскую корону и признать имперскую конституцию, выражая при этом готовность пойти на большие уступки прусскому юнкерству. И в то же время он ловко играл на страхе всех германских правительств, включая и прусское, перед революционным движением.

Еще 6 мая 1849 г. Гагерн направил имперскому комиссару Бассерману, находившемуся тогда в Берлине, инструкцию, раскрывавшую до конца все его замыслы. «Взрыв жесточайшей революции в Средней Германии и в большей части Южной Германии можно предотвратить только решительным выступлением в пользу имперской конституции. Надежда на поддержание спокойствия висит на волоске», — писал он, выражая далее пожелание, чтобы прусское правительство точно сформулировало те поправки и изменения, которых оно требовало в качестве условия признания им имперской конституции. При этом он готов был так далеко пойти на уступки Пруссии, что не исключал возможности вычеркнуть из принятой Франкфуртским парламентом конституции принцип всеобщего голосования.

Если на свирепый натиск контрреволюции либералы отвечали уступками, то к наступлению революции они относились совершенно непримиримо. Покончить с революцией во что бы то ни стало — таков был лозунг всех без исключения либералов.

С одобрения либерального большинства Франкфуртского собрания Центральное германское правительство посылало в догонку имперским комиссарам военные отряды. Мы уже знаем, чем закончилась попытка имперского военного министра генерала Пейкера ввести прусские части в крепость Ландау.

Либералы хотели сохранить за собой монополию на защиту «имперского порядка». Поэтому Гагерн пытался даже поставить преграду для прусского вооруженного вмешательства, правда, преграду скорее морального, чем реального характера. 8 мая он представил имперскому наместнику соответствующую программу, рассчитывая сделать эрцгерцога Иоганна участником в тех сложных тактических планах, с помощью которых либералы рассчитывали предотвратить и взрыв новой революции, и полное торжество контрреволюции. Программа Гагерна отвергала революционную борьбу за имперскую конституцию, но, наряду с этим, подчеркивала и недопустимость интервенции одного или нескольких германских государств для подавления движения за имперскую конституцию. Однако эрцгерцог Иоганн был теперь менее, чем когда-либо, склонен идти в ногу с либералами. Отнюдь не являясь другом Пруссии, он тем не менее взял под свою защиту прусскую интервенцию в пику своему либеральному министерству, которым он давно уже тяготился. Предложение Гагерна было отвергнуто, и Гагерну не оставалось теперь ничего другого, как подать в отставку. Но раньше, чем покинуть свой пост, Гагерн сделал последнюю попытку договориться с Пруссией. На этот раз он дошел в своих уступках реакционерам до согласия на роспуск Франкфуртского парламента и передачу поста наместника прусскому королю, лишь бы прусское правительство приняло те положения имперской конституции, которые являлись жизненно необходимыми для либеральной буржуазии.

Ответ прусского правительства не заставил себя ждать. 14 мая во Франкфурт прибыл прусский уполномоченный. Он привез с собой предложение передать пост имперского наместника прусскому королю. Но он доставил также и приказ Фридриха-Вильгельма IV, отзывавший из Франкфурта прусских депутатов и объявлявший недействительными все законодательные акты и распоряжения Собрания. Тем самым прусское правительство

окончательно разрывало с Франкфуртским собранием и открыто отказывалось от какого-либо соглашения с его либеральным большинством.

Одновременно либералов постигла и другая неудача. Эрцгерцог Иоганн, вместо того чтобы поспешить уйти со своего поста, остался на месте и приступил к созданию нового Центрального правительства из одних крайних реакционеров. Он удержался у власти благодаря поддержке со стороны австрийского канцлера Шварценберга, стремившегося к тому, чтобы новое имперское правительство служило проводником австрийского влияния в германских делах. Главой правительства стал престарелый тайный советник юстиции доктор Грэвелль, один из наиболее реакционных членов Национального собрания. Из прежних министров в новом кабинете остался только генерал Пейкер. Устами своего главы новое имперское правительство поспешило объявить войну Франкфуртскому парламенту и имперской конституции.

Грэвелль заявил 17 мая Национальному собранию, что правительство отказывается содействовать осуществлению имперской конституции, но отнюдь не отказывается подавлять «все незаконные и мятежные движения, использующие в качестве предлога или повода имперскую конституцию». Это означало, что имперское правительство собиралось оспаривать у Пруссии пальму первенства в борьбе с «крамолой».

Эти неудачи доказали либералам, что спасти имперскую конституцию путем соглашения с контрреволюцией невозможно. Однако сильнее всего остального действовало на них дальнейшее нарастание революционного подъема. После того как Пфальц и Баден взялись за оружие, либералам стало казаться, что «анархия» уже раскрыла свою пасть, чтобы поглотить всю Южную Германию, а вслед за ней и все остальные германские земли. Страх перед революцией заслонил в глазах либералов опасность, угрожавшую им со стороны контрреволюции.

В середине мая либералы совершили давно подготовлявшийся поворот к капитуляции перед прусской контрреволюцией. Соответственно с этим либералы изменили и свою тактику. Они стали встречать в штыки все самые скромные предложения, имевшие в виду поставить препятствия прусской реакции и агрессии. Они отказались по существу и от всякого противодействия кабинету Грэвелля. По его адресу они ограничились чисто платоническим вотумом недоверия. Когда же Грэвелль заявил, что он и эрцгерцог останутся на своих постах независимо от того, нравится это или не нравится Национальному собранию, и когда в связи с этим демократы подняли вопрос о замене имперского наместника и его министров регентством, избранным самим Франкфуртским парламентом, то обнаружилось, что либералы не в состоянии со своей стороны предложить какое-либо другое решение конфликта. Такую линию поведения следовало бы признать лишенной всякой логики, если бы либералы продолжали претендовать на роль борцов за имперскую конституцию. Но они уже не претендовали на эту роль.

18 мая либералы публично отреклись от имперской конституции устами двух своих лидеров — Шталя и Иордана. Последний был особенно откровенен. Он рассказал о мотивах, побудивших либералов отказаться не только от борьбы за имперскую конституцию, но и вообще от всякого противодействия контрреволюции: одна лишь новая революция в силах сокрушить реакционный лагерь, но разве можно допустить революцию?

Для Гагерна и его политических друзей эта позиция служила лишь ступенькой к открытому переходу в лагерь контрреволюции.

Уже 20 мая 64 либерала во главе с Гагерном заявили о том, что отказываются от своих депутатских полномочий. Поводом к этому послужило

их несогласие с принятым накануне Франкфуртским собранием решением избрать другого имперского наместника взамен эрцгерцога Иоганна.

24 мая стены собора св. Павла покинула последняя крупная группа либералов. Это произошло после неудачной попытки добиться перерыва в работе Франкфуртского парламента до 20 июня, что́ на практике означало бы его самороспуск.

В результате всего этого Франкфуртский парламент превратился в «охвостье», в котором хозяйничали умеренные демократы. Либералы же стали собираться вокруг нового политического знамени — вокруг перекроенной на прусский фасон имперской конституции, которую прусские реакционеры выставили в качестве приманки для либеральной буржуазии.

Тактика умеренных демократов

Умеренные демократы продолжали оставаться убежденными сторонниками легальной борьбы за имперскую конституцию. Они, подобно либералам, не прекращали поисков среднего пути между революцией и контрреволюцией и в сущности оставались союзниками либералов, пока сами либералы не отреклись от имперской конституции и даже после того.

Правда, в тактических вопросах между демократами и либералами имелись разногласия. Демократы отстаивали тактику «активной обороны» и допускали применение оружия для противодействия насильственным актам со стороны контрреволюции, а либералы относились к лозунгу «активной обороны» весьма подозрительно и в большинстве случаев его отвергали.

Но не нужно забывать, что умеренные демократы, все эти Фогты, Циммерманы, Симоны, Эйзенштюки, были героями революционной фразы; на деле их тактические расхождения с либералами были вовсе не так уж велики.

Умеренные демократы оставались и весной 1849 г. противниками буржуазно-демократической революции. Не переставая призывать к легальной борьбе за имперскую конституцию и к «активной обороне» против натиска контрреволюции, они больше всего опасались того, как бы революционная стихия не вырвалась из тесных границ легального движения.

Боязнь развязать силы народной революции связывала руки умеренным демократам и при решении вопроса об имперском правительстве. Они выдвинули предложение заменить эрцгерцога Иоганна и министерство Грэвелля регентством из пяти членов, избранных самим Национальным собранием.

Но они очень нерешительно и вяло поддерживали свой собственный проект, и дело кончилось тем, что 19 мая значительная часть из них голосовала против учреждения регентства. Вместо этого было решено выбрать нового имперского наместника, с чем было согласно и левое крыло либеральной партии.

Такая тактика демократов объясняется тем, что они искали опоры не столько в народе и народной революции, сколько в союзе мелкого бюргерства с либеральной буржуазией. Этим определялись и рамки, которые они ставили народным выступлениям.

Ни в чем, пожалуй, не сказалась так ярко и убедительно близость умеренных демократов к либералам, как в их отношении к крайним левым. Эта маленькая фракция не изменила своим республиканским убеждениям и стремилась, хотя и не вполне последовательно, к тому, чтобы превратить борьбу за имперскую конституцию во всенародное вооруженное восстание для установления германской демократической республики. Левые демократы хотели, чтобы Франкфуртский парламент прочно связал свою

судьбу с народной революцией, сделавшись ее вождем и вдохновителем. Но во Франкфуртском парламенте все их решительные предложения отвергались большинством, причем умеренные демократы восставали против них не менее энергично, чем либералы.

Политическое банкротство умеренных демократов

В результате ухода правых, а затем либералов состав Франкфуртского собрания сократился до 150 человек, но зато в нем больше не осталось ни крайне правых, ни умеренных либералов. Будь новое, демократическое большинство Франкфуртского парламента действительно революционным, оно поспешило бы стать во главе движения, чтобы придать ему решительный и организованный характер.

Энгельс превосходно формулировал ближайшие практические задачи, встававшие тогда перед «охвостьем»: «Было достаточно ясно, какой образ действий должны были усвоить оставшиеся члены парламента. Им нужно было только открыто и решительно стать на сторону восстания, дать ему таким образом ту некоторую силу, какую могла ему придать законность, и получить в то же время вооруженную силу для собственной защиты. Им нужно было предложить центральной власти немедленно приостановить враждебные действия, и если бы, как можно было предвидеть, последняя не пожелала или не в состоянии была это выполнить, — низложить ее и поставить на ее место более энергичное правительство. Если бы войска инсургентов нельзя было вызвать во Франкфурт (что было очень легко сделать вначале, когда правительства еще не приготовились и колебались), собранию нужно было тотчас же перебраться в самый центр восстания»[1].

Но для всего этого большинству умеренных демократов пришлось бы отказаться от самих себя и превратиться в подлинных революционеров. Между тем они попрежнему искали «среднего пути» между революцией и контрреволюцией. Мало того, они взяли теперь более правый курс, пытаясь таким способом возвратить себе утраченные симпатии со стороны либеральной буржуазии и снова втянуть ее в борьбу за имперскую конституцию. Не случайно, что именно теперь, став господами положения в Национальном собрании, умеренные демократы стали громче, чем раньше, кричать о «законности», о своем отвращении к гражданской войне и о своей верности имперской конституции.

Стремление как можно более сблизить свою политическую линию с линией либеральной буржуазии умеренные демократы выразили в политической программе, торжественно провозглашенной ими сразу же после ухода из парламента группы Гагерна. Эта политическая программа была составлена старым поэтом Уландом в форме манифеста к германскому народу. Манифест был выдержан в нарочито благонамеренном тоне.

Но как раз в тот момент, когда умеренным демократам казалось, что они уже обрели симпатии своих противников справа, они получили неожиданное и резкое напоминание о том, как далеко отошли они от народа и революции. Это сделал Вильгельм Вольф, близкий друг Маркса и Энгельса и один из редакторов «Новой Рейнской газеты», избранный в мае 1849 г. во Франкфуртский парламент в качестве депутата от г. Штригау. Отбросив всякие парламентские церемонии, Вольф с прямотой, достойной коммуниста, обрушился на манифест Уланда и заявил, что умеренный тон этого документа делает его никуда не годным. «Если вы хотите, — сказал он умеренным демократам, — сохранить в какой-либо мере влияние на народ, то вам не следует говорить с народом так, как вы

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 105—106.

это делаете в манифесте. Вы должны говорить не о законности, „законной почве“ и т. п., а о беззаконии... Нужно было бы начать с того, чтобы объявить вне закона блюстителя престола и его министров, которые являются первейшими предателями народа».

По выражению Энгельса, «...предложение Вольфа было первым разумным словом, сказанным в стенах церкви св. Павла»[1]. Именно поэтому оно вызвало бурю негодования среди умеренных демократов.

Этот общий сдвиг умеренных демократов вправо, навстречу либералам, особенно выразительно проявился в решении ими вопроса о дальнейшем местопребывании Франкфуртского парламента и об отношении к центральной имперской власти. Умеренные демократы не отважились остаться во Франкфурте, где имперский наместник и Грэвелль уже сосредоточили достаточное количество надежных войск, но они не приняли и приглашения гейдельбергского муниципалитета о перенесении Национального собрания в восставший Баден. Они решили перебраться в столицу Вюртемберга Штутгарт, хотя их туда никто не приглашал, а насчет лойяльности вюртембергского правительства и его главы либерала Ремера у многих депутатов Франкфуртского собрания имелись серьезные подозрения.

По иронии судьбы именно 30 мая, в тот самый день, когда баденско-пфальцская армия совершала у Геппенгейма свою безуспешную попытку пробиться к Франкфурту, умеренные демократы собора св. Павла окончательно решили покинуть Франкфурт, но и не для того, чтобы соединиться с баденскими инсургентами, а чтобы отгородиться от них вюртембергской границей.

При этом умеренные демократы, вместо того чтобы низложить наместника, любезно пригласили самого эрцгерцога Иоганна следовать за ними в Штутгарт.

Эта чудовищная непоследовательность умеренных демократов была по-своему вполне последовательной. Находясь в Штутгарте, на территории нейтрального и, как им казалось, дружественного государства, имея к тому же под рукой самого имперского наместника, они рассчитывали, что смогут с успехом разыгрывать роль «третьей силы», одинаково далеко стоящей как от «крайностей» революции, так и от «крайностей» реакции, и опирающейся не только на мелкое бюргерство, но и на либеральную буржуазию.

Оказавшись в столице Вюртемберга, умеренные демократы на первом же заседании парламента 6 июня в качестве своей ближайшей и главной задачи выдвинули помощь Бадену и Пфальцу, поскольку начавшееся там движение представляло важнейший оплот в борьбе против прусской контрреволюции. Но в понимании умеренных демократов это означало, что следовало оградить Баден и Пфальц не только от интервенции пруссаков, но и от революционных «крайностей», от увлечения республиканскими идеями и наступательной тактикой.

Для того чтобы прочно удержать поднявшееся на борьбу население Бадена и Пфальца в узде законности, было решено подчинить их диктаторской власти направленных туда из Штутгарта имперских комиссаров. Умеренные демократы постановили послать своих комиссаров не только к Брентано, но и к герцогу Леопольду как законному монарху Бадена. Больше того, «охвостье» обязало временное правительство Бадена править страной не от имени народа, а от имени герцога, вплоть до того момента, пока не будет восстановлено старое правительство.

Задача обороны Бадена и Пфальца от нападения пруссаков легла на плечи нового имперского правительства, созданного парламентским

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 106.

«охвостьем». Убедившись, что эрцгерцог Иоганн не последовал в Штутгарт, Национальное собрание решилось, наконец, заменить оставшееся во Франкфурте Центральное правительство регентством из пяти членов — Раво, Фогта, Симона, Шюлера и Бехера, которых оно 6 июня и избрало из своей среды. Из этой пятерки только один Раво был способен на нечто большее, чем парламентское резонерство; остальные были неисправимыми парламентскими болтунами.

С формальной точки зрения регентство было облечено всей полнотой власти лишь 16 июня, за несколько дней до крушения «охвостья», так как только к этому времени умеренные демократы окончательно низложили эрцгерцога Иоганна. Но это не помешало регентству с первого же дня своего существования приняться за организацию обороны Бадена и Пфальца от посягательств со стороны Пруссии.

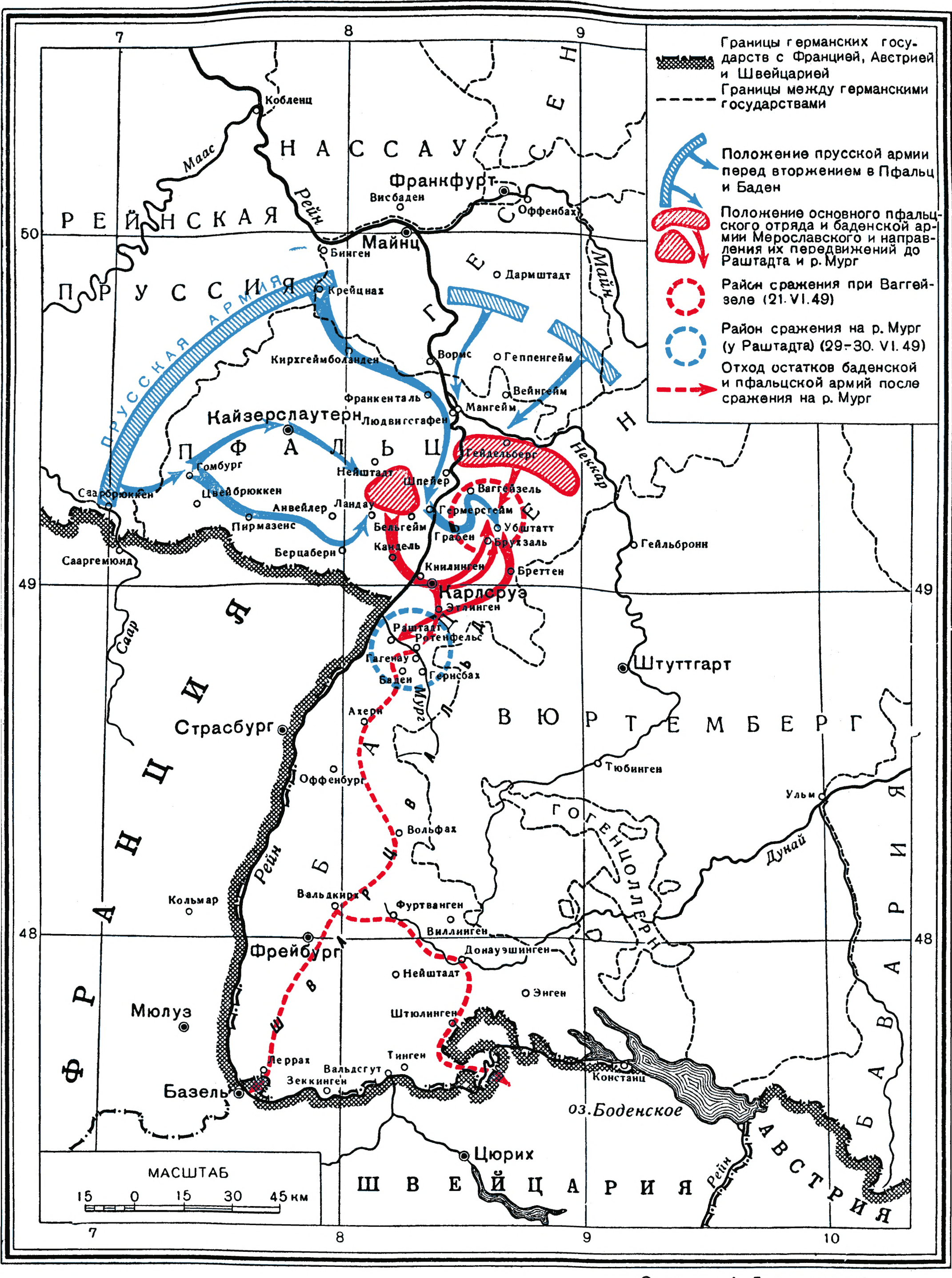
Спасти Баден и Пфальц возможно было только вооруженной борьбой широких народных масс всей Германии против всех врагов революции, включая сюда и либеральных бюргеров. Но это означало бы гражданскую войну, кровопролитие, ниспровержение всех основ монархического строя и, конечно, полный разрыв с либеральной буржуазией. Нечего и говорить о том, что регенты не могли и не хотели пойти на это. Они не желали вести восставший народ на борьбу с контрреволюцией. Наоборот, они были намерены разнимать борющихся. «Своим первейшим долгом», как выразился один из регентов, они почитали «встать между борющимися партиями, дабы помешать кровопролитию».

Все это привело к тому, что регенты вынуждены были искать опору против контрреволюции в тех самых кругах общества, которые уже или целиком перешли на сторону реакции или готовы были вступить с ней в сделку. Раньше всего регенты решили создать собственную и притом весьма внушительную вооруженную силу. В связи с этим они потребовали от командования имперскими войсками, чтобы последние впредь подчинялись только их распоряжениям. Одновременно регенты представили на утверждение Национального собрания закон об организации новой имперской армии, который налагал на правительства, признавшие имперскую конституцию, обязанность предоставить в распоряжение регентства значительные воинские контингенты. Все это предпринималось вовсе не с целью воевать с Пруссией, а только с целью припугнуть ее наличием большой имперской армии, способной в случае необходимости преградить дорогу интервентам.

Понятно, что приказы и распоряжения регентства не встретили со стороны военных кругов ничего, кроме негодования. Никто не желал признавать регентство законной имперской властью. А принудить ослушников силой к повиновению вовсе не входило в расчеты регентов и, кроме того, было для них совершенно невыполнимым. Они могли бы это сделать, если бы опирались на народные массы, но они были лишены этой опоры. Естественно, что «друзья» имперской конституции в малых германских государствах стремились как можно скорее отделаться от регентства и его претензий и тем самым избавиться от всяких жертв ради общегерманского дела, в которое они уже не верили и которому уже не сочувствовали.

Разгон «охвостья» Франкфуртского парламента

Вюртембергское правительство имело большие основания быть недовольным регентами, собиравшимися сделать именно Вюртемберг главной базой для организации имперской армии. В связи с этим новые имперские власти приказали сместить за непокорность одного вюртембергского генерала и предоставить в их распоряжение пять пехотных полков и четыре эскадрона кавалерии из состава вюртембергской армии.

Составил А. Левандовский

ГЕРМАНСКАЯ КАМПАНИЯ ЗА ИМПЕРСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ

Премьер вюртембергского правительства Ремер воспользовался этим, для того чтобы покончить с «охвостьем» Франкфуртского парламента, опираясь на антипатию к нему широких кругов населения.

Еще сильнее сказалось на поведении Ремера внешнее воздействие. Прусский посланник фон Тун категорически настаивал, чтобы Ремер разогнал «охвостье», угрожая в противном случае разрывом дипломатических отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Ремер, так же как и вюртембергский король Вильгельм, не симпатизировал Пруссии. Оба они, подобно всем другим правителям Южной Германии, с опаской относились к попыткам прусского правительства водворить в Германии прусские порядки. Но они не могли не считаться с соотношением сил. Поэтому требования Пруссии были приняты Ремером без возражений. Он вынужден был вдобавок обещать, что Вюртемберг примкнет к будущему, возглавленному Пруссией, Северогерманскому союзу. Таким образом, против «охвостья» Франкфуртского парламента восстали те самые силы, на которые он хотел опереться.

В Штутгарт были введены войска того самого генерала Мюллера, которого регенты намеревались сместить за непокорность. 18 мая здание вюртембергской палаты представителей, где заседало Национальное собрание, было заперто и окружено стражей. Прилегавшие к зданию улицы были заняты войсками. Еще накануне Ремер предупредил председателя Национального собрания Леве, что вюртембергское правительство отказывается впредь признавать «охвостье» общегерманским Национальным собранием, решительно отвергает требования регентства относительно защиты Бадена и предлагает депутатам Национального собрания и регентам немедленно покинуть Вюртемберг во избежание применения к ним насильственных мер.

Вождям демократического большинства «охвостья» сразу стало ясно, что все кончено, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Тем не менее депутаты жалкого франкфуртского «охвостья» во главе с седовласым Уландом двинулись торжественной процессией к зданию палаты представителей. Но по пути они были остановлены генералом Мюллером. Под грохот барабанов, теснимые кавалерией, депутаты вынуждены были ретироваться, едва успев пробормотать несколько слов о святости народного суверенитета и неприкосновенности личности депутатов. Большинство жителей Штутгарта осталось совершенно равнодушным к совершавшимся событиям. Лишь кое-кто сочувственными возгласами выражал свое соболезнование депутатам. Но никто не оказал им действительной помощи. Даже сами депутаты не могли этого не заметить. Один из регентов, Симон, не удержался от весьма резонного упрека по адресу толпы: «На что нам ваши крики? Если бы вы хотели нас поддержать, то вы бы захватили с собой оружие; итак, благодарим вас за ваши крики».

В тот же день в гостинице «Отель Маккар» состоялось импровизированное заседание Национального собрания, на котором присутствовало менее ста депутатов. Было решено перенести заседания собрания в Баден. Когда «последние из могикан» Франкфуртского парламента прибыли, наконец, туда, революционное движение здесь уже находилось в агонии. Карлсруэ был уже занят пруссаками. «Охвостье» парламента обосновалось во Фрейбурге. Здесь пребывало оно в полной бездеятельности, всеми забытое. Крушение баденской революции положило вскоре конец этому призрачному существованию остатков общегерманского Национального собрания.

Глава сорок седьмая

ЦАРСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ВЕНГРИИ. РАЗГРОМ ВЕНГЕРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (май — сентябрь 1849 г.)

Весной 1849 г. империя Габсбургов — одна из главных сил европейской контрреволюции, — казалось, была близка к гибели. Свое спасение венская камарилья нашла в войсках «жандарма Европы», русского царя, к которому венский двор обратился с просьбой о помощи. Николай I охотно взял на себя роль палача венгерской революции. Он сам раскрыл свои цели в переписке с Паскевичем. «Не вмешался бы, ежели бы своя рубаха не была ближе к телу...», — писал Николай, добавляя, что венгерские революционеры «являются врагами всемирного порядка и спокойствия».

Мотивы интервенции Николая I в Венгрии

Вмешательство царской России в австро-венгерскую борьбу было вызвано также стремлением Николая во что бы то ни стало помешать объединению Германии. Помощь Австрии со стороны России и подчинение Венгрии австрийскому господству должны были укрепить монархию Габсбургов и подорвать возможность объединения Германии, что вполне соответствовало интересам царского правительства.

Отношение русской передовой общественности к царской интервенции

Передовые русские люди целиком разделяли освободительные идеи революции 1848 г. и национальные стремления угнетенных народов других стран. Они резко осуждали царскую интервенцию.

Герцен сочувственно приводил слова, сказанные ему Кошутом о помощи Николая I Австрии: «Какой страшный вред вы сделали нам во время нашего восстания, — сказал он, — и какой страшный вред вы сделали самим себе. Какая узкая и противославянская политика — поддерживать Австрию. Разумеется, Австрия и „спасибо“ не скажет за спасение; разве вы думаете, что она не понимает, что Николай не ей помогал, а вообще деспотической власти?»[1].

Слова Кошута верно определяли сущность политики Николая I в 1848 г.

Герцену принадлежит произведение, в котором с наибольшей яркостью в русской публицистике середины XIX в. выражены ненависть к национальному угнетению и протест против действий правительств, порабощаю-

[1] А. И. Герцен. Былое и Думы, Гослитиздат, 1946, стр. 526.

щих и угнетающих другие народы. В 1859 г., во время итало-франко-австрийской войны, когда снова оживилось движение угнетенных Австрией народов и снова воскресли надежды на их освобождение, Герцен опубликовал в «Колоколе» статью «Война», в которой защищал идею полного раскрепощения угнетенных национальностей и перечислял все преступления Австрийской монархии по отношению к этим национальностям. Бичуя политику австрийского правительства по отношению к Венгрии, Герцен выражал надежду на крушение власти Габсбургов — носителей жестокого национального и политического гнета. Политика Николая, который спас Австрию, вызывала у Герцена суровое осуждение. «Когда Венгрия восстала, — писал Герцен, — Австрия дышала на ладан и совсем перестала бы дышать, если бы не преступная рука Николая»[1].

М. А. Бакунин в «Воззвании к славянам», написанном в декабре 1848 г., писал: «Мы видим, что делают слуги Австрии. Кто главный слуга? Виндишгрец. Куда идет теперь Виндишгрец? В Венгрию. После того, как он бомбардировал Прагу и убил в ней свободу, он идет в Венгрию, чтобы и там убить свободу. Что же мы поэтому должны теперь делать? Ясно: мы теперь должны в Венгрии высказаться против Виндишгреца и за мадьяр»[2]. В обращении к чехам, написанном в конце февраля 1849 г., Бакунин разоблачал контрреволюционные цели царской интервенции против Венгрии и призывал славянские народы Австрии подняться на борьбу за свободу всей Европы.

Н. Г. Чернышевский в записи дневника от 11 июля 1849 г. так излагал свои взгляды по вопросу о венгерской революции и политике царизма: «Теория — красный республиканец и социалист... Практика — друг венгров. Желаю поражения там русских и для этого готов был бы многим пожертвовать»[3]. Как и другие русские революционные демократы, Чернышевский надеялся, что поражение царских войск в Венгрии усилит революционное движение в России. Когда Чернышевский узнал о капитуляции Гергея при Вилагоше, он записал в своем «Дневнике»: «Победа над венграми прискорбна...»[4].

Освободительная борьба венгров в 1848—1849 гг. интересовала передовых русских людей и после поражения революции. Великий поэт русской революционной демократии Н. А. Некрасов, перечисляя в письме к Добролюбову темы, которые было бы желательно осветить в журнале «Современник», писал 1 января 1861 г.: «О Венгрии [1848] тоже бы хорошо».

Контрреволюционный поход, затеянный Николаем I, был непопулярен и среди простых русских людей, среди солдат царской армии, находившихся в Венгрии. Были случаи отказа русских солдат воевать против венгерской революционной армии; были случаи перехода русских солдат на сторону венгров. Непопулярен был венгерский поход Николая и среди передовой части русского офицерства. «Мы пришли помогать австрийцам, — писал офицер Лихутин, — и помогли им, и вдруг наши симпатии оказались, повидимому, на стороне тех, во вред которых мы действуем». Таких свидетельств доброжелательного отношения русского офицерства к венгерским революционерам было немало. Капитан Алексей Гусев доказывал солдатам и унтер-офицерам своей части, что дело Венгрии — правое дело, что царское правительство воюет не ради освобождения славянских народов, а ради подавления революционного

---

[1] А. И. Герцен. Собрание сочинений, т. X, 1919, стр. 6.
[2] М. А. Бакунин. Собрание сочинений и писем, т. III, М., 1935, стр. 362—363.
[3] Н. Г. Чернышевский. Дневник. Собр. соч., т. I, 1939. стр. 297.
[4] Там же, стр. 307.

движения, и что, если венгры будут побеждены, австрийские славяне останутся под гнетом монархии Габсбургов. Гусев призывал своих подчиненных переходить на сторону венгерской революционной армии. Об агитации Гусева узнало начальство; он был арестован вместе с несколькими единомышленниками, отправлен в Россию, предан военному суду и казнен.

Западноевропейские державы и царская интервенция

В борьбе с австрийской армией и с интервенцией русских войск Венгрия оказалась в состоянии полной изоляции. Прусское правительство в лице министра-президента барона Мантейфеля опасалось, что победа Венгрии в ее борьбе с Австрией приведет к подъему революционного движения во всей Германии. Такая перспектива казалась прусским юнкерам страшнее, чем усиление их старой соперницы Австрии в результате разгрома Венгрии. Уже в начале мая прусское министерство за подписью Мантейфеля издало приказ о пропуске 30 тыс. русских солдат из Кракова в Австрию по Верхнесилезской железной дороге.

Венгрия возлагала большие надежды на Францию. В апреле 1849 г. правительство Кошута направило в Париж своего дипломатического представителя графа Ладислава Телеки для защиты интересов Венгрии. Но французское правительство осталось глухо к просьбе Венгрии о помощи. Франция, несомненно, могла бы оказать Венгрии реальную помощь: стоило ей только отвлечь силы австрийцев в сторону Верхней Италии, и подавление революции в Венгрии было бы сильно затруднено. Однако правящие круги французской буржуазной республики в лице президента Луи-Наполеона, продолжавшие вести реакционную внешнюю политику Ламартина и Кавеньяка, поддерживали в этом вопросе Россию. К тому же еще до начала интервенции Николай I обеспечил себе нейтралитет Франции путем официального признания Второй республики.

Английское правительство оказывало прямую помощь России и Австрии в деле подавления венгерской революции. Целостность Австрийской империи и неприкосновенность ее границ рассматривались правящими кругами Англии как противовес царской политике на Балканах. Когда русский посол в Лондоне барон Бруннов сообщил английскому министру иностранных дел, что русские войска вошли в Венгрию для подавления революционного движения в ней, Пальмерстон ответил: «Кончайте скорее». Кошут, рассчитывая на признание венгерской независимости и на финансовую помощь со стороны Англии, направил в Лондон для переговоров своего друга Франца Пульски. Но миссия Пульски потерпела полную неудачу.

Таким образом, революционная Венгрия оказалась изолированной. Австрийской империи в ее борьбе против освободительного движения венгерского народа оказывала поддержку не только царско-крепостническая Россия, но и буржуазные государства Западной Европы[1].

Вторжение армии Паскевича в Венгрию

Переговоры между царским и австрийским правительствами происходили в марте—апреле 1849 г. Николай потребовал, чтобы австрийское правительство взяло на себя все продовольственное снабжение русской армии. 21 мая в Варшаве состоялось свидание Николая с Францем-Иосифом: условия Николая были приняты. Было установлено общее количество русских войск, которые должны были действовать против Венгрии: 240 тыс. человек, из которых 140 тыс. переходят венгерскую границу, 60 тысяч направляются в Галицию, 40 тыс. остаются в Придунайских княжествах в качестве резервов. Затем была

---

[1] Подробнее об этом см. в главе пятьдесят первой.

подписана конвенция относительно содержания русских войск в Австрии: австрийский император обязался доставлять безвозмездно все необходимое продовольствие, фураж и подводы для русской армии в Венгрии.

27 мая 1849 г. в Венгрию вступила русская армия численностью в 140 тыс. человек под командованием фельдмаршала князя Паскевича. Австрийская армия в Венгрии насчитывала в это время 127 тыс. человек. Им противостояла венгерская армия численностью около 170 тыс. человек. Ко времени вступления русских войск почти вся Венгрия и Трансильвания были в руках революционного правительства Венгрии. На Верхнем Дунае опорным пунктом венгров был Комаром (Коморн), на Нижнем Дунае — Петерварад (Петервардейн). Только крепости Карлсбург в Трансильвании и Тимишоара (Темешвар) оставались в руках австрийцев. Основные силы русской армии двигались из Галиции по направлению к Венгерской низменности, не встречая на первых порах никакого сопротивления. 7 июня произошло первое столкновение русско-австрийских войск с венгерскими у села Перет на левом берегу Ваага. Венгры мужественно оборонялись, но принуждены были отступить. 28 июня произошло второе сражение у Рааба, которое привело к новому поражению венгров. Венгерскому командованию необходимо было решить, какой тактики придерживаться в создавшейся военной обстановке. При обсуждении этого вопроса обнаружились разногласия среди командного состава венгерской армии.

Изменническое поведение Гергея

Гергей все более и более отмежевывался от национального правительства и саботировал тактическую линию, которую проводил Кошут. Кошут считал необходимым сосредоточить большую часть армии у нижнего течения Тиссы; Гергей же, несмотря на приказы Кошута отвести отряды от Комарома, стремился прорвать линии австрийских войск на правом берегу Дуная.

2 июля венгры отбросили австрийцев при Комароме. Решающие сражения между главными силами объединенной австро-русской армии и венгерской армии произошли 7 и 11 июля у Комарома. В этих битвах венгры потерпели поражение, после чего австрийская армия снова заняла Будапешт. Венгерские войска отступили, а местопребывание правительства было перенесено из Будапешта в Сегед. К этому моменту разногласия между Кошутом и Гергеем приняли особенно острый характер.

Гергей стал военным министром еще 2 июня. Назначая его на этот пост, Кошут рассчитывал заменить Гергея на посту главнокомандующего. Однако Гергей отказался уйти с поста главнокомандующего. Кошут и правительство оказались бессильными предпринять что-либо против Гергея, пользовавшегося поддержкой большинства офицеров.

20 июня правительству было направлено инспирированное Гергеем заявление группы офицеров, что они хотят служить, но доверяют одному лишь Гергею. Это изменническое выступление офицеров не встретило должного отпора со стороны правительства. Польский революционер, полковник венгерской армии Лапинский, рассказывая в своих мемуарах об этом эпизоде, отмечает, что Кошут своим нерешительным поведением сам подорвал свое положение главы правительства. Вместо того чтобы явиться к войскам и открыто разоблачить предательские замыслы Гергея, Кошут ограничивался тем, что тайно осуждал этого изменника, а в публичных выступлениях оправдывал его. Упреки Лапинского по адресу Кошута были справедливы.

Гергей стал готовиться к осуществлению своих изменнических замыслов, направленных к прекращению борьбы и полной капитуляции венгерских войск.

Подготовка капитуляции

Отходя со своей армией на северо-восток, Гергей через Южную Словакию направился к Верхней Тиссе. Он перешел ее 30 июля у Токая. Русские дивизии не мешали переходу венгерской северной армии на левый берег Тиссы и больше не нападали на нее, как это было во время похода через Южную Словакию. На левом берегу Тиссы, где армия Гергея была фактически окружена крупными русскими силами, Николай I, несмотря на предложения Гергея, не согласился принять капитуляцию северной армии. По приказу Николая I, Паскевич заставил ее уйти на юг для соединения с южновенгерской армией (северная армия насчитывала 28 тыс. человек, а южная — 64 тыс.). Николай I рассчитывал, что объединенная венгерская армия в сражении с австрийской армией Гайнау одержит победу или во всяком случае ослабит армию Гайнау. Таким образом, царская Россия получила бы в лице Австрии ослабленного и вполне подчиненного ей союзника. По этим соображениям Паскевич стал оттягивать переговоры с Гергеем о капитуляции.

Ни Гергей, ни Дембинский, назначенный Кошутом временно командующим южной армией, не хотели соединения обеих венгерских армий. Гайнау двигался в сопровождении небольших русских сил (дивизии Панютина) почти без боя на юг, на соединение с австрийским гарнизоном Тимишоара. При приближении Гайнау Дембинский без всякой необходимости оставил Сегед и находившиеся там склады армии, затем, вопреки приказу Кошута двинуться на соединение с северной армией, ввел южную армию (9 августа 1849 г.) в австрийское окружение у Тимишоара. Армия понесла поражение, и Дембинский бежал в Турцию.

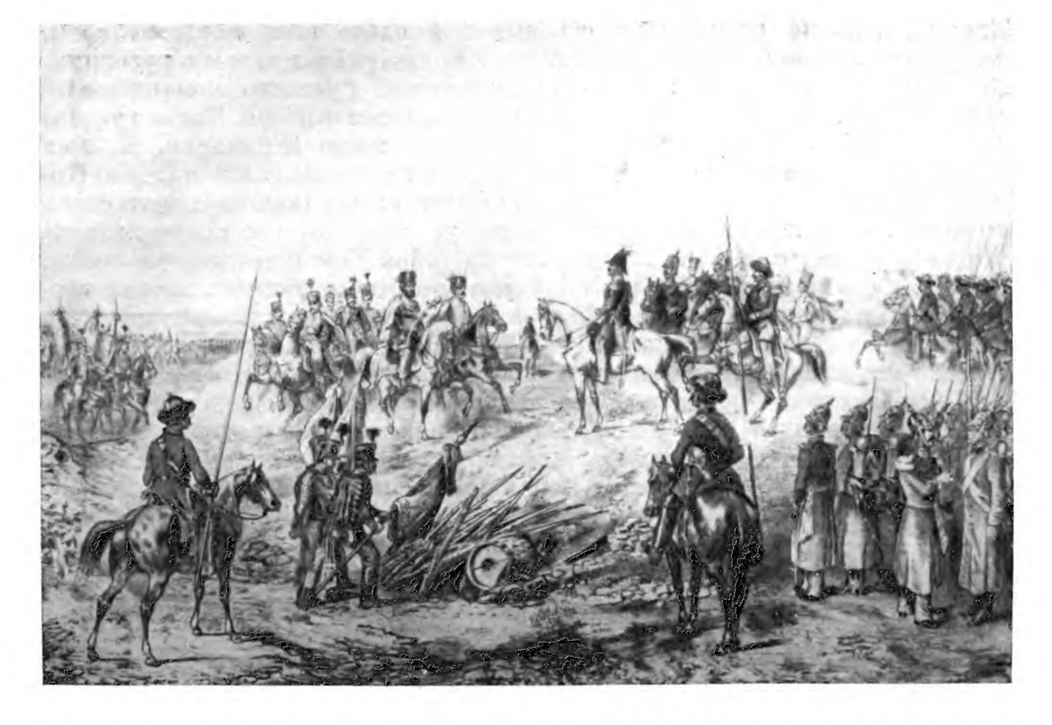
Возможность соединения венгерских армий была сорвана, но исполненная ненависти к австрийцам северная армия была еще опасна для армии Гайнау. Гергей не являлся «гарантией» для австрийского командования, знавшего, что в открытом сражении руководит армией не он, а генералы, не подчиняющиеся его противоречивым приказам.

Гергей отошел подальше от австрийской армии к Вилагошу, у подножия Трансильванских гор. 10 августа Гергей потребовал от переехавшего в Арад правительства передачи ему всех полномочий. Дав на это свое согласие, Кошут покинул Арад, опасаясь своего ареста Гергеем, и перебрался в Турцию.

Из Арада Гергей обратился снова к Паскевичу с просьбой принять капитуляцию, но Паскевич ответил, что венгры должны обратиться к Гайнау. Он знал, что венгерская армия не желает капитулировать и готова сражаться против австрийских сил. Об этом докладывал ему Ридигер, писавший в своем рапорте, что «венгры все единодушно желали сразиться с австрийцами, с полной уверенностью в том, что они разобьют их, если русские не примут участия в бою». Паскевич изменил свое отношение к капитуляции только тогда, когда узнал, что значительные венгерские силы готовятся к отходу в Трансильванию, чтобы там продолжать войну; 13 августа 1849 г. он принял капитуляцию Гергея.

Капитуляция при Вилагоше

Согласно выработанным в ходе переговоров условиям, венгерская армия обязывалась сложить оружие 13 августа на равнине, лежащей между местечком Заране и деревней Сёллёш. На этом месте должны были сойтись войска обеих сторон. Обстановка, в которой происходила эта сдача, ясно обрисована в специальном рапорте Ридигера, который сообщает ряд любопытных подробностей. «Войска, — пишет Ридигер, — прибывали и строились в общее расположение, которое Гергей предполагал закончить в 3 часа и тогда передать в полной совокупности. Между тем войска его стягивались весьма медленно и были растянуты по всей

СДАЧА ГЕРГЕЕМ ВЕНГЕРСКОЙ АРМИИ ПАСКЕВИЧУ ПРИ ВИЛАГОШЕ 13 АВГУСТА 1849 Г.
Литография Фрейсауф.
Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

дороге от Вилагоша до Шелиса так, что к 6 часам вечера собрались только 7-й и 3-й корпуса. Первый находился в следовании, а резервы и парки еще в самом Вилагоше... Желая не терять ни минуты времени на дальнейшее ожидание, я решился приступить к обезоружению прибывших на позицию частей, не откладывая до дальнейшего сбора отставших, лишь бы скорее окончить отделение от людей их оружия и приобретение орудий, без чего в таких войсках как Гергея, кои, не быв разбиты, складывают оружие по одному убеждению своего предводителя, имея еще достаточно средств для продолжения действий и все пути в Трансильванию открытыми, малейшее колебание могло бы увлечь те прибывшие корпуса броситься в Трансильванию и там продолжать войну, о чем еще накануне были толки в войске Гергея не только между нижними чинами, но даже между генералами, и каковые толки могли быть подавлены одним нравственным влиянием Гергея на войска, им предводительствуемые... Войска эти, перед коими австрийский же генерал Гайнау еще 1 августа не считал себя в состоянии удержать и просил меня убедительнейше соединиться с ним, вовсе не имели того вида, который приписывал им генерал Берг». Уходя из Венгрии со всей своей армией, Паскевич выдал палачу Гайнау своих пленных, за исключением Гергея, все еще рядившегося в тогу венгерского «патриота» (Франц-Иосиф потом «амнистировал» его и назначил ему пожизненную пенсию).

Сопротивление крепости Комаром

Дольше других, вплоть до конца сентября, продержалась важная по своему стратегическому положению крепость Комаром. Война не могла считаться законченной, пока Комаром оставался в руках венгров. Во главе гарнизона крепости стоял один из лучших генералов венгерской армии —

Клапка. Клапка решительно отказывал в сдаче всем парламентерам, которые то и дело к нему направлялись как австрийцами, так и русскими. 23 августа в Комаром прибыл представитель русского командования с требованием сдачи. Клапка ответил решительным отказом. Тогда русское командование прибегло к хитрости и предложило перемирие. Клапка решил заключить перемирие на 14 дней. Это предопределило падение Комарома. Офицеры штаба Клапки требовали от своего командующего сдачи крепости. В дальнейшем и сам Клапка, убедившись, что сопротивление невозможно, решил пойти на сдачу. 27 сентября Комаром капитулировал. Во время сдачи крепости было получено известие о падении другой крепости — Петерварад. Сдача этой крепости произошла в обстановке внутренней борьбы среди гарнизона. Часть офицеров открыла ворота врагу, арестовала коменданта крепости генерала Киша и выдала его австрийцам.

Так закончился последний акт вооруженной борьбы венгров за свою независимость в 1849 г. Венгерская революция была подавлена.

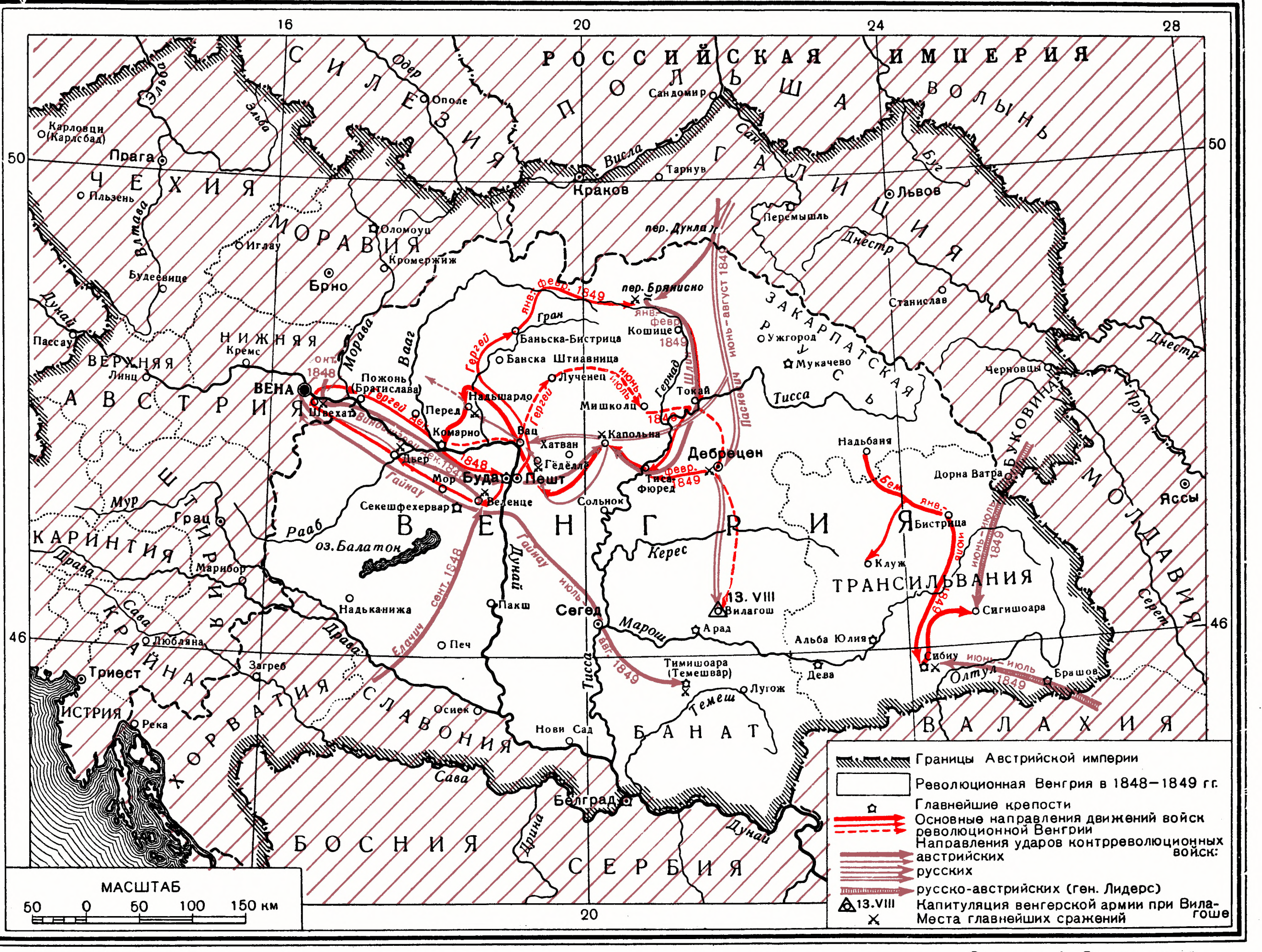
Кровавая расправа австрийского правительства с побеждённой Венгрией

Венгрия была объявлена на осадном положении. Тюрьмы наполнились арестованными. Бесконечные судебные процессы с жестокими приговорами следовали один за другим. В приказе по армии фельдмаршал Гайнау изложил правила, которыми он намерен был руководствоваться при наведении «порядка» в Венгрии. «В отношении командного состава, всех депутатов Собрания, а также офицеров, — писал он, — принять следующее решение: командный состав весь будет повешен, австрийские офицеры, которые перешли на службу к врагу, будут расстреляны, а те венгерские офицеры, которые прежде служили в качестве фельдфебелей в нашем войске, будут разжалованы в рядовые. Это будет страшным примером, который послужит уроком для армии и для всего мира».

Началась дикая расправа. «Брешианская гиена», как называли этого австрийского фельдмаршала итальянские патриоты за зверскую жестокость, проявленную его войсками при взятии города Брешиа (1 апреля 1849 г.), дал волю своей злобной ненависти к свободолюбивому венгерскому народу. Гайнау не пощадил ни одного участника революционной борьбы, 6 октября в Будапеште был расстрелян Баттиани (формально он был осужден за одно воззвание против Елачича, а на деле потому, что он слишком много знал о роли и о связях Гергея). В Араде были приговорены к смертной казни 13 самых храбрых генералов Венгрии. 9 из них (в том числе Аулих, фон Пельтенберг, Надь-Шандор, Лейнинген) были повешены, 4 (Киш, Лазар, Дежефи и Швейдель) расстреляны. 10 октября был повешен министр Чани, несколько позже — председатель венгерской верхней палаты Зигмунд Перени, депутат Сачвай, чиновник министерства финансов Ворониецкий.

По всей Венгрии суды присуждали мужчин и женщин к смерти, к тюремному заключению, к позорным наказаниям, к публичному сечению.

Особенно неистовствовал суд в Араде. По его решению 231 человек был приговорен к смертной казни, 386 заключены в тюрьму на различные сроки — от года до 20 лет. Лишь в июне 1850 г. была объявлена амнистия, сокращавшая эти сроки. Только 42 человека были выпущены на свободу. Всего по всей Венгрии было казнено несколько сот человек, и более десяти тысяч были заключены в тюрьму. Генералы венгерской армии, бежавшие в Турцию, были заочно приговорены к повешению. Имущество приговоренных конфисковывалось, что, принимая во внимание крупные состояния некоторых из них, дало австрийскому правительству немалый доход.

Составил А. Левандовский

БОРЬБА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВЕНГРИИ С АВСТРО-РУССКОЙ ИНТЕРВЕНЦИЕЙ В 1848–1849 гг.

Австрийский террор в Венгрии вызвал взрыв негодования в демократических кругах Европы. Когда Гайнау в 1850 г. приехал в Лондон, ему был оказан дружественный прием в аристократических салонах английской столицы; зато при посещении доков он был избит до полусмерти рабочими и матросами. Маркс с удовлетворением сообщал об этом эпизоде в письме к Энгельсу.

Николай I наградил Гайнау, кровожадного палача венгерского народа, орденом Андрея Первозванного.

В. И. Ленин неоднократно, в различной связи, возвращался к вопросу о венгерской революции 1848 г. и о царской интервенции 1849 г. «Царское правительство,— писал Ленин.— не только держит наш народ в рабстве,— оно посылает его усмирять другие народы, восстающие против своего рабства (как это было в 1849 году, когда русские войска подавили революцию в Венгрии)»[1]. Говоря о подавлении царскими войсками революции в Персии в 1908 г., Ленин сравнивал этот факт с походом Николая I в Венгрию[2]. Подчеркивая значение борьбы Маркса за независимость Польши, которая была вместе с тем и борьбой против контрреволюционного влияния царизма в европейских делах, Ленин писал: «Правильность этой точки зрения получила самое наглядное и фактическое подтверждение в 1849 году, когда русское крепостное войско раздавило национально-освободительное и революционно-демократическое восстание в Венгрии»[3].

Венгрия была той ареной, на которой произошло последнее в 1849 г. решающее столкновение сил революции с силами контрреволюции.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 351—352.
[2] См. там же, т. 15, стр. 204.
[3] Там же, т. 22, стр. 325.

Глава сорок восьмая

ЧЕХИЯ В 1849 Г.

Июньское восстание 1848 г. в Праге пробудило чешское крестьянство, подняло волну массовых выступлений против помещиков как чешских, так и немецких. Крестьяне громили замки и усадьбы. Крестьянское движение могло бы стать важным фактором революции, если бы чешская буржуазия возглавила крестьянские массы и выдвинула такие лозунги, которые отражали бы интересы крестьян (прежде всего лозунг предоставления им в собственность помещичьей земли).

Положение в Чехии после пражского восстания

Но радикально-демократическое крыло чешской буржуазии было разгромлено, а буржуазные либералы Чехии, видя в вооруженных пролетариях и крестьянах своего врага, резко повернули вправо, вступив на путь соглашения с контрреволюционными помещиками.

Разгромив восстание в Праге, правительственные власти направили главные усилия на подавление аграрного движения. Особые судебные комиссии начали расследовать дела о выступлениях крестьян. 23 июня краевым комиссарам было предписано арестовать зачинщиков крестьянских волнений и передать их дела уголовным судам.

Кроме реакционных слоев чешской буржуазии, правительство имело союзника в лице немецкой буржуазии, подавляющее большинство которой заняло враждебную позицию по отношению к пражскому восстанию. Оно изображалось в немецкой буржуазной печати как «панславистский заговор», как антинемецкое движение. Немецкие газеты распространяли лживые слухи, будто чехи хотят продать Австрию русскому царю за 7 млн. рублей, будто чехи готовят немцам «Варфоломеевскую ночь».

В бесчисленных благодарственных адресах и письмах немецкие буржуа и помещики прославляли Виндишгреца, называли его спасителем немцев от чехов. Поведение немецких реакционеров вызвало углубление чешско-немецких противоречий.

Политические партии в Чехии

В лагере чешской буржуазии также произошел раскол, приведший к возникновению двух враждующих партий — радикально-демократической и национально-либеральной. Это не значит, однако, что политика чешской буржуазии до пражского восстания была единой. Напротив, два главных направления в чешской политике существовали еще до 1848 г. Центром одного из них было тайное общество «Рипил», центром другого — легальные общества и организации — «Мещанская беседа», «Промышленное общество» и другие. Инициатива первых политических

выступлений принадлежала «рипилистам», игравшим в первое время ведущую роль в Святовацлавском комитете. Палацкий, Ригер и их сторонники примкнули к движению значительно позже. Палацкий принял в нем участие лишь после того, как был приглашен графом Войтехом Деймом на заседания Святовацлавского комитета. Ригер приехал в Прагу только в начале апреля. Различие между этими двумя группами проявлялось затем на протяжении всего периода от первого собрания в «Святовацлавских купальнях» вплоть до пражского восстания и далее в ходе этого восстания. Вопросом, окончательно расколовшим чешскую буржуазию на две партии, явилось отношение к пражскому восстанию. Демократы считали это восстание величайшей заслугой чешского народа; либералы осуждали его и решительно выступали против революционных методов борьбы.

Национально-либеральная партия

Политическая программа и практическая деятельность вновь возникшей национально-либеральной партии были направлены на то, чтобы, воспользовавшись разгромом революционно-демократических сил, ввести чешское национальное движение в общее русло борьбы за автономию чешских земель в рамках империи Габсбургов. Представители этой партии в австрийском рейхстаге выступали за цензовое избирательное право, за двухпалатную систему, за отмену феодальных повинностей путем выкупа. Национально-либеральная партия была партией главным образом буржуазной, но она была связана и с некоторыми дворянскими кругами.

Занимая в рейхстаге контрреволюционную позицию, выступая против венской демократии и против революционной Венгрии, эти чешские политики вполне заслужили ту суровую оценку, которую давали им Маркс и Энгельс.

Страх перед революционной активностью рабочего класса и мелкого крестьянства толкнул приверженцев национально-либеральной партии на путь сотрудничества с Габсбургской монархией, на путь предательства национальных интересов своей страны. Императорский двор, стремясь использовать национальное движение в Чехии в своих контрреволюционных целях, заманивал чешских буржуазных политиков различными обещаниями, всячески разжигал национальную рознь между чехами и немцами. Австрийскому правительству удалось добиться того, что чешские депутаты рейхстага образовали в нем правое крыло, открыто выступавшее против всяких революционных и демократических тенденций. Вся деятельность этих депутатов, добивавшихся преобразования империи в федерацию автономных национальных областей, на деле способствовала торжеству централизма и абсолютизма в Австрии.

Радикально-демократическая партия

Основной социальной базой радикально-демократической партии Чехии была мелкая буржуазия, часть студенчества и часть рабочих. Представители этой партии поддерживали связи с немецкими демократами, стояли за революционные методы борьбы, выступали против тактики чешских депутатов в рейхстаге, высказывались за всеобщее избирательное право, однопалатную систему, отмену феодальных повинностей без выкупа, выражали солидарность с венгерскими революционерами.

Политическим центром этой партии была демократическая часть клуба «Славянская липа». Через отделения этого клуба радикалы поддерживали связь с народными массами. После подавления пражского восстания радикалы подверглись суровым преследованиям, но не прекратили своей деятельности.

Октябрьское восстание в Вене, по отношению к которому чешские депутаты рейхстага заняли враждебную позицию, окрылило чешских демократов и толкнуло их на подготовку нового восстания. В числе его инициаторов и организаторов снова выступили Иозеф Фрич и Карел Сабина, по инициативе которых было создано тайное Чешско-моравское братство, вступившее в связь с немецкой радикально-демократической молодежью и развернувшее агитацию среди студентов, рабочих, крестьян. Среди членов «Славянской липы» все более углублялись противоречия между умеренно-либеральным и радикально-демократическим крылом. 15 октября группа умеренных либералов, членов Центрального комитета Липы, опубликовала заявление, в котором полностью одобряла деятельность чешских депутатов рейхстага. Эта же группа приветствовала назначение Елачича командующим австрийскими войсками в Венгрии и его поход на Вену. Совершенно иную позицию заняли радикалы, выступавшие с требованием поддержки венских революционеров.

В деревне радикалов постигла весьма серьезная неудача — им не удалось привлечь на свою сторону массы чешского крестьянства. Это произошло прежде всего вследствие непонимания и недооценки ими аграрного вопроса. Продолжавшиеся в стране волнения крестьян, отказывавшихся от выполнения феодальных повинностей, боровшихся против феодальной юстиции и создававших собственные народные суды, поставили австрийский рейхстаг перед настоятельной необходимостью аграрной реформы. Само собой понятно, что при подготовке этой реформы рейхстаг исходил прежде всего из стремления ликвидировать аграрное движение и предотвратить безвозмездную ликвидацию феодальных повинностей. В таких условиях крестьянство могло быть привлечено радикалами на свою сторону лозунгом предоставления помещичьей земли крестьянству. Но они не выдвинули этого лозунга, и их попытки вовлечь крестьян в восстание обещанием отмены ипотечной задолженности не увенчались успехом.

«Майский заговор» 1849 г. и его неудача

В начале мая 1849 г. в Германии началась вооруженная борьба за имперскую конституцию. Чешские демократы назначили на 12 мая восстание в Праге, хотя организационно оно не было подготовлено. Правительству удалось узнать о готовившемся восстании, и за два дня до назначенного срока все его руководители и участники были арестованы и преданы суду. В ночь на 10 мая отряды национальной гвардии были разоружены. На Прагу были направлены орудия, все стратегические пункты в городе были заняты войсками. В расклеенном на стенах домов приказе австрийских властей объявлялось о введении в Праге и в ряде других городов осадного положения. Все гражданские учреждения были подчинены военным властям, всякие союзы и общества запрещены. Всем гражданам предлагалось в течение 48 часов сдать имеющееся у них оружие. В тот же срок все лица, не являющиеся жителями Праги, должны были покинуть город. Одновременно было опубликовано обращение президента к сельскому населению с призывом сохранять спокойствие и соблюдать покорность властям.

Раскрыв заговор, правительство обрушило репрессии на демократическую партию. Решением военного суда 28 руководителей и участников заговора были приговорены к смертной казни, которая была заменена им длительным тюремным заключением. 51 человек были осуждены в общей сложности к 474 годам тюрьмы. Среди осужденных были И. Фрич, К. Сабина, К. Сладковский, Э. Арнольд и другие. «Славянская липа» была распущена. Радикально-демократическая партия фактически перестала существовать.

Глава сорок девятая

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ В 1849—1851 ГГ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 2 ДЕКАБРЯ 1851 Г. ПАДЕНИЕ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДИКТАТУРА «ПАРТИИ ПОРЯДКА»

Поражение мелкобуржуазной демократии 13 июня 1849 г. было использовано победившей буржуазной контрреволюцией для проведения мероприятий, объем и значение которых выходили за рамки репрессий по отношению к Горе. В июне — июле 1849 г. были приняты один за другим законы, лишавшие население многих, еще сохранившихся, демократических прав и свобод. 19 июня Законодательное собрание без прений утвердило закон, предоставлявший правительству право в течение года закрывать по своему усмотрению клубы и другие организации. Закон этот, продленный затем в 1850 и 1851 гг., фактически покончил со свободой собраний в стране. Отныне во Франции, как и во времена Июльской монархии, ассоциации, собрания и демонстрации допускались лишь с разрешения властей и под их строгим надзором.

Контрреволюционные законы о клубах, о печати и об осадном положении

Новый закон о печати, принятый Законодательным собранием 27 июля, запрещал нападки на президента, усиливал наказания за печатную пропаганду в армии, за «подстрекательство к гражданской войне». Газетам запрещалось производить сбор средств для уплаты денежных штрафов, налагаемых судами на журналистов. Для пресечения социалистической пропаганды в деревне (путем распространения дешевых брошюр, календарей, альманахов и т. д.) вводились специальные разрешения на торговлю произведениями печати, выдаваемые префектами и отменяемые по их усмотрению в любой момент. Наконец, Собрание приняло закон об «осадном положении», который в известных случаях передавал всю власть военному командованию и все политические проступки военным судам.

Закон Фаллу

Наибольшее значение имел закон о реформе народного образования, проект которого был внесен 18 июня 1849 г. министром народного просвещения графом Фаллу, крупным помещиком, монархистом и клерикалом.

Законопроект Фаллу имел к этому времени уже довольно длительную историю. Став министром народного просвещения в первом правительстве Одилона Барро, Фаллу еще в начале 1849 г. поспешил взять обратно законопроект о народном образовании, представленный Учредительному

собранию министром просвещения Временного правительства Ипполитом Карно. Проект Карно, вводивший обязательное, бесплатное, светское начальное образование и устанавливавший контроль государства над школьным обучением и учителями, вызвал злобную критику со стороны реакционеров и клерикалов. Лозунгом клерикальных кругов была так называемая «свобода преподавания», под которой клерикалы подразумевали, во-первых, предоставление церкви и религиозным организациям бесконтрольного права открывать школы всех видов и обучать детей и, во-вторых, установление надзора церкви и духовенства за всеми видами народного образования.

ФАЛЛУ
Карикатура. Литография Домье

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Учитывая враждебное отношение республиканского большинства Учредительного собрания к проектам клерикалов, Фаллу, по соглашению с Луи-Наполеоном и вожаками «партии порядка», назначил две внепарламентские комиссии по подготовке нового законопроекта о народном образовании. Эти комиссии впоследствии слились в одну, работавшую под председательством Тьера. Злобный враг демократии и социализма, Тьер охотно отдавал все начальное образование в руки духовенства; он утверждал, что «обязательное образование — это коммунизм», а «школа — предмет роскоши». При этом Тьер цинично заявлял о необходимости различать между школами для низших и для высших классов, подчеркивая, что для низших классов единственной «философией» должна быть религия.

Обсуждение законопроекта в Законодательном собрании продолжалось довольно долго и вызвало страстную полемику во всей стране. 15 марта 1850 г. законопроект был принят 399 голосами против 237. За законопроект голосовала вся «партия порядка», в том числе бонапартисты и большая часть клерикалов. Оппозиционное меньшинство составили республиканцы, демократы и социалисты, а также отдельные монархисты — сторонники университетского образования. Против законопроекта выступила и группа непримиримых католиков, находивших законопроект чересчур уступчивым по отношению к светскому образованию.

«Закон Фаллу» определил почти на полвека судьбы народного образования во Франции. Представляя по форме некоторый компромисс между церковной и светской школами, закон Фаллу на деле закрепил за католической церковью и религиозными организациями господствующее положение в народном образовании, поставил под контроль духовенства всё

дело воспитания молодых поколений французского народа. Достигалось это следующим образом. Закон Фаллу устанавливал два вида школ: общественные (государственные и муниципальные) и «свободные» (т. е. открываемые частными лицами или организациями, в том числе и религиозными). Муниципальные советы получили право передавать принадлежащие им школы первого типа, т. е. общественные, в руки духовных лиц и конгрегаций. Государственный надзор за частными школами сводился лишь к санитарно-гигиеническому контролю, в то время как над школами общественными контроль по всем вопросам обучения возлагался на мэров и священников. Учителя должны были представлять диплом об образовании или о стаже, дающем право на преподавание, но священники и члены духовных конгрегаций допускались к преподавательской деятельности без диплома. Учащиеся, окончившие церковные школы, приравнивались к выпускникам государственных или общественных школ.

ТЬЕР

Карикатура. Литография Домье

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленин. Москва

Для надзора над школьным делом и народным образованием в департаментах учреждались «академические советы», в состав которых входили епископ, священники всех культов, префект, член апелляционного суда, четыре члена генерального совета департамента и два-три чиновника. Общий контроль над народным образованием в стране возлагался на «Центральный совет народного просвещения», заменивший прежний ученый комитет, состоявший из одних профессоров. В Центральный совет входили 24 члена, в числе которых было три архиепископа, два духовных лица некатолического вероисповедания, три члена Государственного совета и три представителя частных «свободных» школ.

Такова была механика, обеспечивавшая духовенству и религиозным конгрегациям контроль и руководство над школами и учителями Франции. Как отмечала буржуазно-республиканская газета «Насиональ», «католическая партия получила от республики то, чего она не могла добиться ни от Июльской монархии, ни даже от реставрации».

Ближайшим практическим применением «закона Фаллу» был поход против сельских учителей и чистка их рядов от демократически настроенных элементов, которые в глазах монархистов и клерикалов были главными проводниками демократических идей в крестьянских массах и главными виновниками успехов Горы в деревне. В первые же шесть месяцев после принятия закона Фаллу было уволено до 300 учителей, которые

были заменены священниками и членами религиозных конгрегаций. В первые же два года после принятия закона Фаллу в стране было открыто церковниками 257 средних школ, из них 13 иезуитских коллежей. Гонениям подверглись и университетские профессора; историк Мишле, известный своими демократическими взглядами, должен был прекратить чтение курса в «Коллеж де Франс».

Усиление гонений против демократических элементов

Не ограничиваясь этим, торжествующая реакция начала новый поход против демократических элементов в армии, в администрации и даже в самом парламенте. Депутаты Законодательного собрания ставились, по новому регламенту, под придирчивый контроль председателя, могли приговариваться к денежным штрафам и исключению на известный срок из заседаний. Проведена была новая «чистка» чиновников как в центре, так и в департаментах. Демократически настроенные солдаты и унтер-офицеры были переведены из гарнизонов, размещенных во Франции, в африканские полки, в Алжир.

Участвовавшие в демонстрации 13 июня легионы национальной гвардии были распущены. Лион, департамент Роны и четыре соседних с ним юго-восточных департамента были объявлены на осадном положении.

Активное участие во всех этих реакционных мероприятиях принимал и президент. В обращении к стране, которое было опубликовано после поражения Горы, Луи-Наполеон оправдывался от обвинений в нарушении конституции и возвещал переход к карательной политике против демократов и социалистов: «Настало время, когда добропорядочные люди должны успокоиться, а плохие затрепетать!» Объединяя в понятии «добропорядочные» все течения и оттенки контрреволюционного лагеря, Луи-Наполеон рассчитывал извлечь из создавшейся ситуации наибольшие выгоды для себя и своих сторонников. Расчет бонапартистов не был лишен основания. Расправа с депутатами Горы подрывала авторитет парламента и дискредитировала парламентский режим. Подавляя выступление Горы в защиту конституции, «партия порядка» морально-политически разоружала себя на случай борьбы с президентом. Однако Луи-Наполеон не торопился действовать. Он уклонялся от предложений, которые ему делали Шангарнье, Тьер и Моле, соблазнявшие его проектом «опрокинуть по соглашению с ними и к общей выгоде республику». Луи-Наполеон опасался, что орлеанисты, разделавшись с республикой, отбросят от власти и его самого. Вот почему он старался выиграть время и оттянуть решительную развязку до того момента, когда бонапартисты обеспечат себе преобладающее влияние в стране. В летние парламентские каникулы 1849 г., в то время как лидеры легитимистов и орлеанистов, интригуя друг против друга, ездили на поклон к своим претендентам, Луи-Наполеон предпринял пропагандистское турне по провинции с целью успокоить население относительно перспектив сохранения «порядка» и увеличить свое влияние в стране.

В бесчисленных речах и банкетных тостах он подчеркивал лойяльность своих намерений и взглядов. Образчиком этого рассчитанного маневра была нашумевшая речь, произнесенная Луи-Наполеоном в городе Гаме, где находилась тюрьма, служившая ему местом заключения после второй его неудачной попытки совершить государственный переворот (в 1840 г.). В этой речи матерый заговорщик публично каялся в своей авантюре 1840 г. и лицемерно осуждал ее как попытку насильственного изменения существующего в стране режима.

Бонапартистское «Общество 10 декабря»

Осенью 1849 г. в Париже была создана специальная бонапартистская организация — «Общество 10 декабря». Ее учредителями являлись известные бонапартисты, составлявшие ближайшее окружение Луи-Наполеона — Аббатуччи, Люсьен Бонапарт, Персиньи, Воловский, генералы Монтолон, Пиа, Перро и некоторые другие. Формально целью Общества провозглашалась благотворительность — взаимопомощь между его членами и помощь нуждающимся. В действительности под этой вывеской скрывалось совсем другое. Общество должно было вербовать Луи-Наполеону сторонников во всех слоях населения. С этой целью оно использовало подачки, подкуп, спаивание, посулы и обещания, демагогическую пропаганду, устраивало избиения противников. Общество содержало специальные отряды, с помощью которых устраивало шумные овации при появлении Луи-Наполеона на улицах, при посещении им театров, базаров, фабрик, больниц, во время его поездок в провинцию, всюду инсценируя «восторг» и «энтузиазм» толпы и нещадно расправляясь с враждебными бонапартизму элементами.

ВСТУПАЮЩИЙ В «ОБЩЕСТВО 10 ДЕКАБРЯ» ПРИНОСИТ ПРИСЯГУ

Литография Домье

Собрание Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. Москва

Значительные денежные средства, тратившиеся на эти цели, добывались, конечно, не из членских взносов или других доходов Общества (оно насчитывало к августу 1850 г. всего около 5 тыс. членов), а из сумм, которые отпускались ему Луи-Наполеоном.

Под руководством официального главы «Общества 10 декабря» генерала Пиа кадры платных бонапартистских агентов создавали ту тайную организацию парижского люмпен-пролетариата, рекрутируемого из отбросов всех классов, которая была боевой силой бонапартизма.

Но «Общество 10 декабря» далеко еще не обеспечивало Луи-Наполеону достаточной опоры для государственного переворота и восстановления империи. Общество было лишь вспомогательной организацией, которая могла обеспечить Луи-Наполеону кадры головорезов и телохранителей. Для привлечения чиновничества, офицерства и солдат необходимо было использование государственного аппарата.

Решительный шаг в этом направлении был сделан президентом в октябре 1849 г., когда он уволил в отставку министерство Барро — Фаллу и заменил его министерством, не зависимым от орлеанистско-легитимистского большинства Законодательного собрания.

ПОТЕРЯ «ПАРТИЕЙ ПОРЯДКА» ПАРЛАМЕНТСКОГО МИНИСТЕРСТВА

Министерство д'Опуля — Фульда

С уходом в отставку второго министерства Барро «партия порядка», как указывал Маркс, «...безвозвратно потеряла этот необходимый оплот для сохранения парламентарного режима — руководство исполнительной властью»[1]. Отставка Барро была поэтому «решающим поворотным пунктом» во взаимоотношениях между Законодательным собранием и исполнительной властью. Новое министерство, образованное 31 октября 1849 г., имело своим председателем самого Луи-Наполеона. Министрами были назначены, как выразилась одна английская газета, «лишенные влияния военные, бесталанные ораторы, журналисты 5-го ранга, адвокаты 12-й категории... могущие вполне сойти за банковских служащих или биржевых маклеров». Бывший легитимист генерал д'Опуль был назначен заместителем председателя совета и военным министром, бывший орлеанист Фердинанд Барро — министром внутренних дел (за свое предательское поведение по отношению к родному брату он получил кличку Барро-Каин), бывший гизотист Руэр, ставший вскоре одним из столпов бонапартизма, — министром юстиции. Весьма влиятельной фигурой этого министерства был крупный финансист Фульд. В его лице должность министра финансов впервые занял настоящий биржевой волк. Фульд олицетворял союз Луи-Наполеона с финансовой аристократией, переход последней на его сторону.

Последствия этого не замедлили сказаться в финансовой политике нового министерства. Фульд отказался от проекта введения подоходного налога, который был разработан его предшественником для покрытия дефицита в бюджете. Вместо этого Фульд предложил восстановить ненавистный крестьянам налог на вино. Предложение Фульда было принято, и с 1 января 1850 г. налог на вино, отмененный в 1848 г., был восстановлен.

Внутренняя политика «министерства приказчиков», как стали называть правительство д'Опуля — Фульда, отличалась ярко выраженным полицейским характером. Особым циркуляром военного министра жандармам предписывалось строго следить за чиновниками и офицерами и доносить о всех неблагонадежных лицах. Циркуляр провозглашал, что «жандармерия должна служить лучшим оплотом общественного порядка». Закон 27 ноября 1849 г. подтвердил запрещение стачек. Вся страна была разделена на пять военных округов, во главе которых были поставлены реакционные генералы, получившие почти неограниченную власть на местах. С ноября 1849 г. до ноября 1850 г. тысячи чиновников стали жертвами доносов. В декабре 1849 г. министр просвещения Парье провел закон, ставивший учителей начальных школ под контроль префектов, получивших право увольнять и назначать их по своему усмотрению. В одном лишь департаменте Жер на основе этого закона подверглись преследованиям 42 учителя из общего числа 333.

Все эти мероприятия весьма облегчали задачу, поставленную перед собой Луи-Наполеоном: перетянуть в бонапартистский лагерь многочисленные карьеристские и неустойчивые элементы среди офицеров и чиновников. Для этого в распоряжении главы государства были огромные возможности. Бюрократическая централизация государственного управления, сохраненная и даже усиленная Второй республикой, делала Францию того времени страной, где, как указывал Маркс, «...исполнительная власть имеет в своем распоряжении более чем полумиллионную армию чиновников, т. е. держит в постоянной и самой безусловной зависи-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 246.

мости от себя огромную массу интересов и отдельных лиц, где государство опутывает, контролирует, направляет, держит под своим надзором и опекает гражданское общество, начиная с самых крупных и кончая самыми ничтожными проявлениями его жизни...»[1].

Экономический подъем 1850 г. и его влияние на классовую борьбу в стране

Сильно способствовал успехам контрреволюции экономический подъем, наступивший во Франции со второй половины 1849 г. И бонапартисты и «партия порядка» приписывали себе заслуги в деле ликвидации экономического кризиса. В действительности прекращение кризиса было лишь естественным развитием экономического цикла, проходившего очередную фазу перехода от кризиса к новому промышленному подъему.

К концу 1849 г. заметно улучшилось положение текстильной промышленности в северных и восточных департаментах, а также в Лионе. Хлопчатобумажная промышленность департамента Нор испытывала даже недостаток рабочей силы; в льнопрядильной промышленности этого департамента за один год прибавилось 60 тыс. новых веретен. Ввоз шелковых коконов в 1850 г. превысил в три раза ввоз 1849 г. и в семь раз ввоз 1848 г. Пошли в гору химическая и пищевая промышленность южных районов, в частности Марселя. Улучшилось положение парижской промышленности, производящей предметы роскоши. Но подъем легкой промышленности был вызван главным образом ростом внешней торговли и опирался скорее на внешние рынки, чем на внутренний. Французский экспорт повысился с 936 млн. фр. в 1848 г. до 1270 млн. фр. в 1849 и 1435 млн. фр. в 1850 г. Тяжелая промышленность, выходившая из кризиса медленнее, находилась и в 1850 г. в неудовлетворительном состоянии. Добыча угля и производство чугуна, железа и стали увеличились незначительно. На металлургию попрежнему угнетающе действовал застой в железнодорожном строительстве.

Сельское хозяйство продолжало испытывать значительные трудности. Урожай пшеницы в 1850 г. почти не уступал отличному урожаю предшествующего года, и цены на нее продолжали падать. Выгоды от небольшого повышения цен на вино для крестьян-виноградарей сводились на нет ростом налогов, в особенности восстановлением налога на вино. Из всех отраслей сельского хозяйства значительный подъем переживало лишь производство технических культур, пользовавшихся растущим спросом со стороны легкой промышленности.

Дороговизна кредита и, как тяжелое наследие кризисных лет, огромная задолженность лишали значительную часть мелкой буржуазии возможности извлечь выгоды из наступившего экономического подъема. Несмотря на оживление в делах и рост торговли, в 1850 г. число судебных распродаж имущества должников было еще выше, чем в 1849 г.

Напротив, положение крупной буржуазии и крупных землевладельцев окрепло. Росла биржевая игра и спекуляция, возобновлялись грюндерство и ажиотаж. Число акционерных обществ, учрежденных в 1850 г., превышало на одну треть их число в 1849 г. и на две трети — в 1848 г.

Некоторое улучшение положения почувствовали и более обеспеченные слои мелкой буржуазии и зажиточного крестьянства. Они также были охвачены горячкой наживы и требовали устранения всего, что мешает накоплению капиталов. Наконец, известная часть рабочих и ремесленников, особенно в Париже, была после долгой и мучительной безработицы целиком поглощена только своей работой и страшилась всего, что могло вызвать новый призрак безработицы.

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 246.

Продолжающееся разорение мелких предпринимателей, мелких торговцев, ремесленников, растущее закабаление их банковским и ростовщическим капиталом, рост ипотечной задолженности мелких крестьян, разоряемых низкими ценами на хлеб и высокими налогами, были источниками постоянного недовольства и возмущения значительной части мелкой буржуазии и крестьянства против буржуазной республики. Осень и зима 1849/1850 г. принесли многочисленные симптомы этого революционного брожения, с которым власти пытались бороться репрессивными мерами.

В 1849 г. департаменты Жиронды и Гар, известные ранее своими легитимистскими настроениями, послали в Законодательное собрание, вместо умерших депутатов-легитимистов, кандидатов Горы. Монталамбер, посетивший в ноябре 1849 г. свой замок, находившийся в восточной части Франции, во Франш-Контэ, писал Фаллу об «ужасающем прогрессе социализма среди крестьян». Законодательное собрание было завалено петициями крестьян, протестовавшими против закона о восстановлении налога на вино. Резкие голоса протеста слышались и из рядов городской мелкой буржуазии. В петиции, которую подали в Законодательное собрание парижские лавочники, протестовавшие против налоговой политики правительства, указывалось на то, что «Франция сделала революцию не для того, чтобы уничтожить торговлю и убить мелкую собственность к выгоде крупной, как это произошло с февраля 1848 г...» Петиция требовала сохранения в силе закона Учредительного собрания об отмене налога на вино и введения налогов на ипотечную ренту, на владельцев государственной ренты и на сделки с акциями.

Дополнительные выборы 10 марта 1850 г. Успех демократическо-социалистического блока

Наиболее ярко недовольство значительной части мелкой буржуазии и крестьянства проявилось во время дополнительных выборов в Законодательное собрание, организованных с целью заполнить места исключенных из Собрания депутатов Горы. Эти выборы, откладывавшиеся и правительством Барро и правительством д'Опуля — Фульда до благоприятного для реакции момента, были проведены 10 марта 1850 г., когда правительству казалось, что принятые полицейско-террористические меры достаточно обеспечивают желательный ему результат.

И тем не менее выборы 10 марта закончились крупным поражением контрреволюционного лагеря. Гора вновь завоевала 20 мест из 31. Хотя формально это означало, что «партия порядка» выиграла еще 11 мест (раньше все 31 место были заняты депутатами Горы), но фактически итог выборов означал бесспорную победу демократическо-социалистического блока. Это подтверждал прежде всего исход выборов в Париже. Здесь против кандидатов «партии порядка»— министра иностранных дел генерала Лаитт, монархистов Фуа и Бонжана — демократический блок выставил три кандидатуры, знаменовавшие собой союз революционных рабочих с мелкобуржуазными демократами и буржуазными республиканцами, объединивший их силы перед лицом монархической опасности. Стремясь к такому сплочению сил, Парижский демократический избирательный комитет объединил в своем списке, во-первых, участника июньского восстания 1848 г. Дефлотта, вернувшегося по амнистии из ссылки, во-вторых, мелкобуржуазного социалиста Видаля, который был в 1848 г. секретарем Люксембургской комиссии, и, в-третьих, бывшего министра просвещения Временного правительства Ипполита Карно (внука известного деятеля французской революции XVIII в. Лазаря Карно).

Победа этих кандидатов имела большое политическое значение. Она означала прежде всего возобновление февральской коалиции против господства финансовой аристократии, однако с той разницей, что «...на этот

ПОПЫТКА ЛИЛИПУТОВ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ СНОМ ГУЛЛИВЕРА
(Покушение монархистов на всеобщее избирательное право)
Литография Домье
Собрание Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. Москва

раз *пролетариат стоял во главе революционной лиги*»[1]. Раскол между пролетариатом и мелкой буржуазией, погубивший июньское восстание 1848 г., казался изжитым; парижские лавочники голосовали теперь за июньского повстанца. «Так,— подчеркивал Маркс,— соединившаяся с пролетариатом парижская мелкая буржуазия отомстила за поражение 13 июня 1849 года» [2].

Историческое значение исхода выборов 10 марта 1850 г. состояло в том, что оно знаменовало известный шаг вперед в борьбе французского пролетариата за завоевание гегемонии в демократическом движении. Наконец, победа Горы свидетельствовала о том, что армия, несмотря на репрессии и «чистки», все еще не стала надежной опорой буржуазной контрреволюции. В Париже большинство солдат голосовало за демократических кандидатов; в Лилле, Дуэ, Валансьенне число солдат, подавших свои голоса за кандидатов социалистов, было в четыре раза больше, чем за кандидатов реакционного списка; в ряде департаментов большинство солдат голосовало за демократов и социалистов.

Исход голосования 10 марта вызвал панический страх среди господствующих классов и их партий. Биржевые курсы резко пали. Адвокат Давези выпустил брошюру, в которой доказывал, что «революция начинается сызнова», и предлагал перенести местопребывание Законодательного собрания в какой-нибудь тихий провинциальный городок. Барон Гюбнер,

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 191.
[2] Там же, стр. 251.

австрийский посол в Париже, писал в своем донесении князю Шварценбергу: «Париж носит на своем помрачневшем челе и на сжавшихся, но все еще улыбающихся губах отпечаток ситуации. Танцуют, музицируют в салонах, но в то же время скупают золото и берут паспорта».

Демагогическая политика президента

Перепугался успеха демократов и Луи-Наполеон. Министр внутренних дел Барро-Каин был признан слишком слабым и уволен в отставку. На его место был назначен ярый реакционер, слывший человеком «твердой руки», прокурор Барош. Вместе с тем Луи-Наполеон поспешил развернуть шумную кампанию «реформ в пользу трудящихся масс». Эта рекламируемая бонапартистской прессой «наполеоновская социальная политика» представляла попытку привлечь рабочих в бонапартистский лагерь с помощью лживых обещаний и посулов. Характерен проект «Ссудного банка чести», выдвинутый бонапартистами еще в феврале 1850 г. Капиталы этого банка должны были составиться из взносов «капиталистов-филантропов» и обеспечиваться «безукоризненной честностью и трудом нуждающихся классов». «Банк чести» должен был выдавать нуждающемуся ссуды, которые гарантировались «честью» его семьи — жены, детей, родителей. Разумеется, этот фантастически-демагогический проект не получил осуществления. Но Луи-Наполеон продолжал и дальше заигрывать с рабочими средствами дешевой демагогии. В своей речи на открытии Главного совета земледелия и торговли он предлагал для «облегчения участи трудящихся классов» оздоровление рабочих жилищ и устройство касс взаимопомощи среди рабочих. С той же целью обмана масс и беззастенчивой саморекламы президент не скупился на мелкие денежные подачки при посещении фабрик, шахт, предприятий, больниц. Весной и летом 1850 г. было принято несколько законов, изображавших показную заботу правительства о рабочих — об «оздоровлении жилищ», об обществах взаимопомощи, о создании пенсионных касс для лиц престарелого возраста.

За бонапартистской мнимо-филантропической демагогией скрывалось иногда и прямое надувательство широкой публики в целях обогащения членов бонапартистской шайки. Примером такого мошенничества служила «лотерея золотых слитков», организованная летом 1850 г. капитаном Аладениз при помощи подставных лиц. Аладениз был близким человеком Луи-Наполеона. Рекламируемая печатью как «благотворительное предприятие», лотерея имела своим официальным назначением отправку 5 тыс. добровольцев-эмигрантов в Калифорнию, где были тогда открыты богатые россыпи золота. Участников лотереи соблазняли выигрышами (главным из них был слиток золота стоимостью в 400 тыс. фр.), для чего было выпущено билетов на 7 млн. фр. При этом фабриковались и фальшивые билеты, по нескольку штук на один и тот же номер, доход от которых шел в карманы бонапартистских мошенников. Характер этой лотереи зимой 1850 г. стал предметом сенсационных разоблачений со стороны депутата Горы Паскаля Дюпра в Законодательном собрании. Однако «партия порядка» не воспользовалась этими разоблачениями для удара по бонапартистам и предпочла замять столь конфузное дело.

Отмена всеобщего избирательного права

Представители крупной буржуазии, особенно орлеанисты, уже давно добивались восстановления имущественного ценза для избирателей в той или иной форме. Еще осенью 1849 г. этого требовали, например, мэры Лилля, Рубэ и Туркуэня. Результаты выборов 10 марта усилили опасения крупной буржуазии, что всеобщее избирательное право может повлиять на исход выборов 1852 г., когда предстояло одновременно переизбрать президента Республики и выбрать новое Законодатель-

ное собрание. «Мы неоднократно утверждали, — писала руководящая газета орлеанистов «Журналь де Деба», — что всеобщее избирательное право приведет нас в конце концов к гибели... На выборах 10 декабря 1848 г. и в мае 1849 г. нам повезло..., но при третьем опыте, при общих выборах 1852 г., мы непременно погибнем, как это показывают дополнительные выборы нынешнего года».

Вопрос, поднятый «Журналь де Деба», обсуждался руководителями «партии порядка» на совещаниях 4 и 17 марта. Окончательного решения тогда принято не было.

Избирательный успех демократов привел к быстрому решению вопроса. На дополнительных выборах, происходивших 31 марта в департаменте Вогезов, снова победил демократический кандидат. Вторично, и еще более значительным большинством, были избраны республиканские кандидаты в департаменте Соны-и-Луары, где были аннулированы выборы 10 марта. Еще большее впечатление произвели новые выборы в Париже. Они были вызваны тем, что Видаль, избранный 10 марта депутатом от Парижа и одновременно прошедший от департамента Нижнего Рейна, отказался от своего парижского мандата. На новых дополнительных выборах, состоявшихся 28 апреля, освобожденное Видалем место оспаривали два кандидата. Демократическо-социалистический блок выставил кандидатуру известного писателя Эжена Сю, чьи поверхностные, но увлекательные романы, проникнутые сочувствием к беднейшим классам и боевым антиклерикальным духом, пользовались большим успехом среди парижских рабочих и мелких буржуа. Соперником Сю являлся кандидат объединенного монархическо-клерикального лагеря, некий Леклерк, награжденный орденом Почетного легиона за активное участие в подавлении июньского восстания 1848 г. Сю одержал полную победу, получив на 8 тыс. голосов больше, чем его соперник. Эта новая победа демократов усилила панические настроения среди господствующих классов. 5%-ная государственная рента сразу упала на 2 франка. Лагерь реакционеров стал еще более нагло добиваться ликвидации всеобщего избирательного права.

Инициативу в разработке соответствующего законопроекта правительство предоставило парламентским вождям «партии порядка», — их постоянной комиссии, состоявшей из 17 членов, прозванных «бургграфами» (насмешливая кличка, заимствованная из одной драмы В. Гюго, в которой были выведены фигуры властолюбивых феодальных сеньоров — бургграфов). «Бургграфы» быстро разработали проект закона, по которому избирательное право предоставлялось лишь лицам, проживающим не менее трех лет в данной местности и внесенным в списки плательщиков личного налога.

Но «бургграфы» не хотели одни нести ответственность за такой явно нарушавший конституцию контрреволюционный проект и потребовали, чтобы Луи-Наполеон разделил ее с ними. Луи-Наполеону пришлось согласиться, и законопроект был внесен в Законодательное собрание от имени правительства и с согласия президента. Но «бургграфы» ошибались, думая этой круговой порукой связать Луи-Наполеону руки на будущее. Они все еще недооценивали его беззастенчивость и вероломство. В момент, когда министр Барош вносил законопроект в Законодательное собрание, молочная сестра Луи-Наполеона атаковала его вопросом: «Как! Вы, сын всеобщего избирательного права, и поддерживаете его ограничение?!» — «Вы ничего в этом не понимаете, — отвечал Луи-Наполеон, — я гублю этим Собрание». — «Но вы погибнете вместе с Собранием», — возразила она. «Нисколько, — отвечал он, — когда Собрание очутится над пропастью, я обрежу веревку». Свои намеки

Луи-Наполеон расшифровал через полтора года, когда предложение о восстановлении всеобщего избирательного права послужило ему дымовой завесой для государственного переворота, уничтожившего Республику.

Законопроект об отмене всеобщего избирательного права вызвал сильнейшее негодование в демократическо-республиканском лагере, как новое открытое нарушение конституции, как покушение на самые основы республиканского строя, равносильное государственному перевороту. Это было то самое посягательство на конституцию, о котором Гора столько раз говорила массам: «Пусть только попробуют!» Но и на этот раз Гора не решилась на революционное выступление. Она ограничилась тем, что организовала «петиционную революцию», как охарактеризовал Прудон поток петиций, требовавших от Законодательного собрания отклонения законопроекта. На 31 мая под этими петициями было собрано 527 тыс. подписей. Гора и буржуазные республиканцы призывали массы к сохранению спокойствия — «величественного спокойствия», как выразился в своей речи в Законодательном собрании Виктор Гюго. По расчетам противников законопроекта, это спокойствие должно было помочь им завоевать поддержку колеблющихся элементов среди умеренных республиканцев. Другие предложения, обсуждавшиеся внутри парламентской фракции Горы, — отказаться от участия в обсуждении законопроекта, коллективно сложить депутатские полномочия в знак протеста против законопроекта или призвать народ к восстанию, если законопроект будет принят,—не нашли поддержки. Отклонено было и предложение отказаться от платежа налогов, снова выдвинутое Прудоном и его газетой взамен вооруженного восстания. «Демократы, которые так революционно волновались и кипели во время конституционной избирательной борьбы,—писал Маркс,— теперь, когда следовало с оружием в руках доказать серьезное значение своей избирательной победы, столь же конституционно проповедовали порядок, величавое спокойствие (calme majestueux), законный образ действий, т. е. слепое подчинение воле контрреволюции, именовавшей себя законом»[1].

«БУРГГРАФЫ» ВСТУПАЮТ В ЛЕГИОН «10 ДЕКАБРЯ»
Цветная литография Вернье
Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

Это «постоянное откладывание окончательного решения», как характеризовал Маркс тогдашнюю тактику Горы, не могло не подействовать демобилизующе на рабочие массы. На следующий день после выступления

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 253.

Гюго в Законодательном собрании к нему явилась депутация от рабочих Сент-Антуанского предместья и заверила его, что рабочие выполнят призыв к спокойствию. «Мы не пошевелимся. Виктор Гюго дал честное слово народа, и народ не нарушит его».

Однако, как и следовало ожидать, внушенное массам «спокойствие» нисколько не помогло Горе и не спасло всеобщего избирательного права.

Обсуждение законопроекта окончилось победой «партии порядка». Тьер, который был подлинным вдохновителем законопроекта «бургграфов», произнес в Собрании провокационную речь, полную злобных, клеветнических выпадов против демократии. Эта речь, признавался впоследствии Тьер, была преднамеренно составлена так, чтобы вывести из себя Гору и спровоцировать ее на угрозы по адресу противников всеобщего избирательного права: по замыслу Тьера, это должно было отпугнуть колеблющихся депутатов и заставить их проголосовать за законопроект.

В своей речи Тьер назвал «подлой толпой» трудящиеся массы, которых законопроект «бургграфов» лишал избирательного права. Злобно клевеща на народ, будущий палач Парижской Коммуны дошел до того, что приписал французскому народу ответственность и за казнь Робеспьера, и за возвышение Наполеона, и за его падение, и за свержение статуи Наполеона в 1814 г. (последнее совершено — как это было всем известно — роялистами). Клевета Тьера была столь цинично бесстыжей, что генерал Фавье, не выдержав, решил напомнить Собранию факты из истории предательства Франции дворянством и буржуазией в 1814—1815 гг.: «Я видел собственными глазами, как толпа радостно встречала врагов; но то была не та толпа, о которой говорил г-н Тьер. В то самое время как толпа, о которой я говорю, аплодировала вторжению неприятеля на нашу территорию, „подлая толпа"... проливала свою кровь за независимость и целость Франции. Я должен сказать, что те 3 миллиона человек, которых вы называете „толпой", принадлежат к лучшим нашим патриотам, к нашим самым доблестным гражданам».

31 мая законопроект был принят 433 голосами против 241; кроме республиканцев, против него голосовали некоторые бонапартисты и отдельные легитимисты.

В своей окончательной редакции закон 31 мая вводил замаскированный имущественный ценз в виде трехгодичного срока проживания в данной местности и уплаты в ней личного налога. От слуг и рабочих, живущих у хозяев, требовалось свидетельство их нанимателя о трехгодичном сроке проживания. Введенные ограничения лишили избирательного права огромное число людей: сельских батраков, деревенскую и городскую бедноту, освобожденную вследствие нуждаемости от платежа личного налога, и массу рабочего люда, вынужденного часто менять место жительства в поисках заработка. В период промышленного переворота с его резкими колебаниями хозяйственной конъюнктуры, постоянными банкротствами мелких предприятий число таких рабочих было весьма велико. На это указывают цифровые данные: во всей Франции число избирателей сократилось на 29% (с 9 618 057 до 6 809 281); в Париже из 220 тыс. избирателей лишилось избирательного права 144 тыс.; в Лилле потеряло избирательное право 10 438 человек, в Рубэ из 5510 избирателей осталось 1085, в Туркуэне из 5091 —1581.

Законом 31 мая французская буржуазия признавала невозможным обеспечить себе господство в стране при сохранении основ буржуазной демократии, завоеванных февральской революцией. Вокруг этой проблемы и развернулись дебаты в Законодательном собрании. Главный оратор Горы, Мишель (из Буржа), говорил, что своим законопроектом «консерваторы хотели бы сделать на берегах Сены то, что они сделали на берегах

Тибра: нанося удары по устоям Республики, — удушить ее». Монталамбер подтвердил эту мысль, заявив, что цель законопроекта — «предпринять новую римскую экспедицию, но внутри страны», т. е. подавить социализм и социалистическое движение.

Новые репрессивные мероприятия против демократов

Уничтожение всеобщего избирательного права открыло полосу новых репрессивных мероприятий против демократических сил в стране. Преследованию подвергались не только политические организации, но и всякие другие общества, заподозренные в симпатиях к «красным».

Усилилась «чистка» административного аппарата вплоть до самых его низших звеньев. Прокуроры и префекты старались выслужиться перед правительством.

Закон 31 мая облегчил контрреволюционерам осуществление их тайного замысла — покончить с демократическим местным самоуправлением и завершить бюрократизацию административного аппарата. В марте 1850 г. правительство внесло в Законодательное собрание предложение изменить закон от 21 марта 1848 г., ограничивший право префектов утверждать мэров и их помощников. Однако на сей раз предложение было отклонено Законодательным собранием: кроме республиканцев, против такого усиления прав исполнительной власти голосовали и легитимисты, опасавшиеся, что это еще более увеличит влияние бонапартистов в департаментах. Тем не менее правительство провело массовое смещение муниципальных демократических советников и мэров. В департаменте Нор были смещены все мэры, протестовавшие против законопроекта о ликвидации всеобщего избирательного права. В департаменте Жер за 1849—1851 гг. были смещены 32 мэра и распущено 12 муниципальных советов. Например, муниципальный совет городка Флеранс, известного своими демократическими настроениями, был за 9 месяцев 1850 г. дважды распущен и один раз сам уходил в отставку. Всего за время существования Законодательного собрания было распущено 126 муниципалитетов и смещено 1005 мэров и их помощников.

Гонениям подверглась и национальная гвардия. В департаменте Коррез в мае 1851 г. префектура расформировала и разоружила национальную гвардию в 34 коммунах. Как писал один из супрефектов этого департамента, «при нынешних обстоятельствах национальная гвардия не пользуется доверием здоровой части населения». В 1851 г. национальная гвардия была распущена в Страсбурге, Гренобле и некоторых мелких городах Южной, Восточной и Центральной Франции. Новый закон о национальной гвардии, принятый Законодательным собранием в 1851 г., исключал из ее состава всех лиц, которые не были в состоянии обмундироваться за собственный счет, т. е. всех трудящихся.

Из других репрессивных мероприятий против демократического лагеря большое значение имел новый закон о печати, принятый Законодательным собранием еще в июле 1850 г. Этот закон повышал требуемый для издания газет денежный залог до 25 тыс. франков и снова вводил отмененный февральской революцией штемпельный сбор, распространив его не только на газеты, но и на брошюры, трактующие о политических или социальных вопросах. Новый закон запрещал помещать в газетах анонимные статьи. Он был явно направлен к тому, чтобы отнять у демократического лагеря важнейшее орудие пропаганды и организации народных сил и начисто ликвидировать остатки свободы печати.

В этом систематическом подавлении демократических сил народа и состояла основная задача «министерства приказчиков» и всех других

президентских министерств. В течение 1850—1851 гг. Франция была окончательно превращена «партией порядка», действовавшей в союзе с бонапартистами, в полицейское государство, в котором ликвидировались последние демократические свободы, одна за другой.

Широко раскинутую полицейскую сеть, опутавшую в это время всю страну, частично, но очень хорошо обрисовал исследователь департамента Жер французский историк Даньян. «Во всем департаменте,— пишет он,— организуется неукоснительный и методичный политический надзор. Комиссары и полицейские агенты, жандармы и жандармские бригадиры, будучи в постоянном общении с населением, отмечают в своих отчетах все политические поступки и случаи нарушения законов, все рассуждения и факты политического свойства, разговоры и россказни, песни, выкрики, банкеты, собрания, выборы, передвижение депутатов или активных республиканцев, поведение чиновников, позицию разных партий, выборные прогнозы и т. д. — все это вперемежку с собственными комментариями и политической бранью... От этого надзора и подозрений не всегда ускользали самые мирные люди, те, кого, казалось бы, лучше всего ограждало их социальное положение, либо их прошлое, либо заведомая приверженность к консервативной политике. Под подозрение взято всё: кафе, собрания, газеты, национальная гвардия, различные общества, публичные развлечения, появление какой-либо политической персоны. Везде полицейские глаза и руки».

УБИЙЦА

Литография Домье

Собрание Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. Москва

Таков был этот режим, расчищавший пути для бонапартистской диктатуры. Вдохновители этого полицейского террора, легитимисты и орлеанисты, сами дали в руки Луи-Наполеону и бонапартистской шайке все средства для подготовки государственного переворота.

Кризис Горы

Поражение 13 июня нанесло мелкобуржуазным элементам демократическо-социалистического блока удар, от которого они уже не могли оправиться до самого конца существования Республики. Правительственные репрессии лишили Гору ее самых видных руководителей. В эмиграции оказались Ледрю-Роллен, Ф. Пиа, Делеклюз, Этьен Араго, Мартен Бернар, Консидеран и другие влиятельные представители Горы. Оставшиеся во Франции деятели Горы казались в сравнении с теми, кто эмигрировал, пигмеями. Влияние левого крыла внутри Горы было подорвано. У революционных элементов пролетариата нехватило сил закрепить за собой руководящее положение в демократическо-социалистическом блоке, достигнутое было в период

дополнительных выборов марта 1850 г. Закон 31 мая 1850 г. еще более ослабил позиции рабочего класса. «Этот закон,— указывал Маркс,— вернул рабочих к положению париев, которое они занимали до февральской революции»[1]. Не имея собственной революционной пролетарской партии, обессиленные поражением в 1848 г., поддаваясь настроениям «минутного благополучия» в связи с оживлением промышленности, парижские рабочие отказались от самостоятельных выступлений в защиту всеобщего избирательного права и вверили свою судьбу вождям мелкобуржуазной демократии[2]. Последние никогда не хотели гегемонии пролетариата в демократическом лагере и всегда стремились подчинить рабочий класс влиянию и руководству мелкой буржуазии. Воспользовавшись временной слабостью пролетариата, мелкобуржуазные лидеры Горы довольно быстро восстановили свою руководящую роль в демократическо-социалистическом блоке.

Перевес внутри Горы окончательно перешел к умеренным элементам мелкобуржуазной демократии, открыто смыкавшимся с буржуазными республиканцами. На дополнительных выборах в Законодательное собрание и в местные муниципальные органы мелкобуржузные демократы и буржуазные республиканцы создавали теперь, как правило, общие избирательные комитеты и выставляли общие списки кандидатов. В Законодательном собрании все чаще и чаще оба течения голосовали солидарно. И мелкобуржуазные демократы, и буржуазные республиканцы проповедовали одну и ту же тактику «легального сопротивления» контрреволюции. И те и другие осуждали революционные и внепарламентские действия масс. Оба течения сводили борьбу с контрреволюцией к защите одной лишь республиканской политической формы государства и отказывались от борьбы за социальные требования трудящихся масс. Содержавшиеся в программе Горы требования налоговой реформы, национализации банков, железных дорог, добывающей промышленности и т. д. носили чисто платонический характер.

Прокурорские и полицейские доклады отмечали это поправение демократического лагеря и доносили о нем начальству. «После поражения парижских социалистов в Консерватории искусств и ремесл,— с удовлетворением констатировал в своем отчете за сентябрь 1849 г. полицейский комиссар округа Кондом (департамент Жер),— и у наших рвение намного убавилось».

Такая эволюция Горы вызывала растущие разногласия внутри разношерстного по своему составу демократическо-социалистического блока. В ряде департаментов Центральной и Южной Франции, в районах, где преобладало мелкое крестьянство, росли боевые настроения «низов». Сохранившиеся здесь активные элементы рабочего класса, мелкой буржуазии и радикальной интеллигенции, возмущенные оппортунистической политикой Горы, искали более действенных средств борьбы с контрреволюцией в виде создания новых тайных обществ и организаций.

Бросавшееся в глаза измельчание и вырождение Горы породило открытый конфликт между ее парламентской фракцией и эмигрировавшими за границу вождями мелкобуржуазной демократии. В феврале 1850 г. Делеклюз писал своему брату во Францию, что Гора «ничего не сделает, ничего не может», и называл ее политику «политикой трусов или же предателей».

Глубокий внутренний кризис в демократическом лагере со всей отчетливостью проявился в период марта — мая 1850 г. В течение этих трех месяцев, когда Франция переживала своеобразный революционный кри-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 253.
[2] См. там же.

зис, обнаружились серьезные расхождения между настроениями демократических масс и политикой парламентской фракции Горы. Отказ Горы от использования победы демократическо-социалистического блока на выборах 10 марта для перехода в наступление на реакцию, ее уклонение от боя в защиту всеобщего избирательного права породили большое недовольство среди демократов ряда департаментов, где ожидали решительных действий по сигналу из Парижа.

Разочарование было велико. «Я беседовал с одним из руководителей местной демократии, с которым я сохранил хорошие отношения, — писал префекту департамента Жер полицейский комиссар округа Кондом в июле 1850 г., — он сказал мне, что объявленное выступление не является более возможным. Немедленно вслед за голосованием избирательного закона Париж должен был выступить первым, и департаменты Востока, Центра и Юга должны были последовать за ним. Сегодня это было бы актом безумия. Вожди партии стушевались. Рабочие предоставлены самим себе. Они решили, кажется, действовать одни».

Недовольство демократических кругов усиливалось еще и тем, что Гора открыто свертывала свою прежнюю программу социальных реформ. Такая тактика Горы окончательно лишала ее действенной поддержки широких масс, которых не могло, разумеется, увлечь пассивно-созерцательное выжидание выборов 1852 г., проповедовавшееся ее парламентской фракцией.

На этой почве развивался и все углублялся затяжной кризис Горы, начало которому положили события 13 июня 1849 г.

Манифест французских эмигрантов в Лондоне

Летом 1850 г. французские политические эмигранты в Лондоне приступили к изданию печатного органа, который должен был, как писал Ледрю-Роллен своим единомышленникам во Франции, «сохранить... истинную революционную традицию, ослабленную, либо утерянную в парижской печати». Органом эмигрантов стала газета «Изгнанник», переименованная затем в «Голос изгнанника» и издававшаяся под редакцией Ледрю-Роллена, Делеклюза, Мартена Бернара и других эмигрантов. Эта газета считалась французским органом пресловутого «Европейского центрального революционного комитета», объединявшего столпов европейской мелкобуржуазной демократии — Мадзини, Ледрю-Роллена, Кошута, Руге и других. В первом же номере «Изгнанника» был напечатан манифест, подвергавший критике поведение руководителей Горы, резко осуждавший их за бездействие в период выработки и принятия закона 31 мая. Манифест защищал программу Горы 1849 г. как «программу зрелых идей, могущих быть примененными завтра же...». В действительности же, и этот манифест, как и вся программа «Европейского центрального революционного комитета», во многом отступал от программы Горы 1849 г. Например, в манифесте говорилось об «уничтожении всякой монополии» без упоминания об обобществлении банковского капитала, железных дорог, шахт и рудников, а вместо требования государственной поддержки рабочих ассоциаций стоял уже пункт — «добровольные ассоциации». Характерными по своей напыщенной бессодержательности были пункты, касавшиеся внешней политики. Они провозглашали такие лозунги: «война королям, братство народов, всемирная республика, солидарность человечества». Внутренняя политика формулировалась в туманных выражениях, как, например: «Республика, то-есть человек во всем своем достоинстве и владеющий сам собой, человек сильный, благодаря своей духовной и физической пище». Манифест призывал народ «снова стать революционным» и взяться за оружие в защиту Республики и всеобщего избирательного права. Крикливая «революционность» эмигрантских «вождей демократии» встретила враждебный прием со стороны большинства депутатов Горы.

Эмигрантский манифест вызвал отрицательную оценку и в органах демократической и социалистической прессы во Франции. Всеобщее внимание привлек нашумевший ответ Прудона. Критика манифеста у Прудона носила, как всегда, двойственный характер. Прудон доказывал бессодержательность и пустозвонство призывов эмигрантских вождей Горы. Но он по существу нападал на эмигрантский манифест не слева, а справа: он критиковал «туманную идею ассоциации», за которой скрывается, как он утверждал, «тайная мысль о коммунистической диктатуре», и противопоставлял ей частную собственность крестьян. Прудон отрицал серьезное значение содержавшихся в манифесте демократических требований — свободы собраний и печати, всеобщего избирательного права — и осуждал призывы к восстанию с позиций самого плоского реформизма.

Выступление Прудона отражало дальнейшую эволюцию его взглядов в реакционном направлении. В написанной им в 1849 г. в тюрьме «Исповеди революционера», а затем в изданной в 1851 г. книге «Общие идеи революции XIX века» он объявлял виновниками всех неудач и поражений революции 1848 г. революционеров, бешено нападал на коммунизм, превозносил мелкую частную собственность, проповедывал отказ от борьбы за политическую власть и призывал к уничтожению государства, которое должно быть заменено чисто договорными отношениями между членами общества. Выступая против борьбы политических партий, нападая на парламентаризм и политическую демократию, Прудон сближался па этой почве с бонапартистами. Это идейное сближение «отца анархии» с буржуазной контрреволюцией влекло за собой и политические связи Прудона с бонапартизмом. Поддерживая связь с рядом лиц из окружения Луи-Наполеона, Прудон выражал сочувствие президенту в его борьбе против «партии порядка» и старался склонить Гору к поддержке Луи-Наполеона в этой борьбе между ним и Законодательным собранием.

Значение и влияние этой реакционной политики Прудона нельзя недооценивать. После эмиграции Луи Блана и В. Консидерана Прудон оставался во Франции самой авторитетной фигурой в лагере мелкобуржуазных социалистов. Вредное влияние, оказываемое им на часть рабочих и мелкой буржуазии, вносило еще большее разложение в ряды демократическо-социалистического блока.

Образование «Новой Горы» в 1850 г.

Выступление Ледрю-Роллена, Делеклюза и других лидеров мелкобуржуазной эмиграции имело своим результатом раскол Горы. В то время как большинство ее парламентской фракции подтверждало неизменность политики воздержания от всяких действий до выборов 1852 г., 24 депутата во главе с Мишелем (из Буржа) заявляли о своей «верности революционной тактике». Отколовшаяся группа из 24 депутатов назвала себя «Новой Горой» и обратилась к народу с заявлением, объяснявшим причину происшедшего раскола. В этом заявлении подчеркивалось, что раскол с большинством Горы является «скорее материальным, чем моральным», что обе части Горы едины в цели и расходятся лишь в средствах.

«Новая Гора» состояла главным образом из депутатов, представлявших те департаменты Центральной, Юго-Восточной и Южной Франции — Сону-и-Луару, Рону, Ардеш, Алье, Дром, Жер,— где в массах крестьянства и мелкой буржуазии замечалось боевое настроение. Впрочем, для большинства этих депутатов поворот к революционной тактике носил чисто словесный, декларативный характер. Только немногие деятели «Новой Горы» стали на путь подготовки нового революционного выступления масс. Наиболее активную роль в этом деле играл бывший депутат Учредительного собрания Альфонс Жан, авиньонский адвокат, связанный с

лондонскими вождями мелкобуржуазной демократии и действовавший по их указаниям. Под руководством Жана летом 1850 г. в центральных и южных департаментах, в особенности — в департаменте Дром, создавалась сеть нелегальных организаций (так называемая «Молодая Гора»), с помощью которых предполагалось поднять борьбу за восстановление всеобщего избирательного права. Однако полицейские провокации и репрессии быстро положили конец деятельности организации «Молодой Горы» и самого Жана. Не дала заметных результатов и деятельность многочисленных демократических кружков, «кружков трудящихся», «демократических общежитий», которые создавала «Новая Гора» в городках и деревнях Центральной Франции, Бургундии, долины Роны.

После этих неудач меньшинство Горы вернулось к парламентскому образу действий, в сущности ничем не отличавшемуся от тактики большинства. И большинство и меньшинство Горы одинаково воздерживалось от всяких шагов, которые могли бы дать правящему лагерю монархистов предлог для новых нарушений конституции и для новых репрессий. Пассивное ожидание новых общих выборов, которые должны были состояться в 1852 г., объявлялось высшей политической мудростью, панацеей от всех зол реакции. «Через два года, всего лишь через два года, галльский петух запоет», — говорилось в популярном стихотворении Пьера Дюпона, посвященном «магической дате» — 1852 году. «Письма страдающему Жаку», распространенные в провинциальной демократической печати, твердили народу: «Тебе ничего не нужно делать, лишь терпеливо и молчаливо ждать выборов 1852 года». Гора рекомендовала избирателям воздержание от участия в текущих, парламентских и муниципальных, избирательных кампаниях в знак протеста против антиконституционного закона 31 мая и заверяла страну, что на выборах 1852 г. будет явочным порядком восстановлено всеобщее избирательное право. Для этого избирателям, лишенным голоса по закону от 31 мая, нужно будет лишь явиться на избирательные участки с конституцией в руках и потребовать осуществления своих избирательных прав. Желание спрятаться от неизбежной ожесточенной борьбы за радужными надеждами на мирную победу порождало все новый идейный разброд внутри Горы. Этого разброда не могли преодолеть крикливо-авантюристические выступления эмигрантских вождей Горы, вроде Ледрю-Роллена, писавшего (в мае 1851 г.), что «эта вечная отсрочка, за которой скрывается столько трусости, может быть принята лишь на самый худой конец», и что нужно «использовать первый же повод», — например, муниципальные или департаментские выборы, — чтобы потребовать восстановления всеобщего избирательного права, либо «произвести революцию».

Другие деятели Горы связывали новую «революцию» с голосованием 1852 г., которое должно было, по их мнению, дать ей толчок. «Борьба должна начаться лишь в 1852 году, — инструктировал депутат Жоли одного из деятелей Горы, — нужно будет тогда голосовать с конституцией в руках и для этого сорганизоваться, но не за тем, чтобы заставить открыть себе двери избирательного участка и отправиться потом мирно домой, а для того, чтобы двинуться в главный город департамента и там снова провозгласить революцию, которая одержит победу над своими врагами».

Не меньшая разноголосица царила и в вопросе об использовании предстоящей в 1852 г. победы. Ледрю-Роллен пропагандировал идею «прямого народного правительства», которую он заимствовал у немецкого писателя Риттинхаузена и выводил непосредственно из конституции 1793 г. Прудон проповедовал «уничтожение государственной власти» и переход к «анархии».

Таким образом, демократическо-социалистический блок фактически разложился. Гора, раздираемая внутренними разногласиями по всем

основным вопросам программы и тактики, была бессильна воздействовать на ход событий.

Позиция Бланки

Этого опасного положения не могли преодолеть и бланкисты. Их организация так и не смогла оправиться от тяжких поражений, понесенных ею в мае — июне 1848 г. Лучшие представители бланкистов и прежде всего сам Бланки сидели в тюрьмах и были почти полностью изолированы от масс. Реакции удалось внести раскол в среду заключенных революционеров: их силы почти целиком поглощала борьба со сторонниками Барбеса, подхватившими клеветнические обвинения против Бланки и не перестававшими травить его и в тюрьме.

Уроки поражений все же не прошли для бланкистов бесследно. Сам Бланки немало размышлял над ними во время своего тюремного заключения. Он предостерегал своих сторонников, среди которых было немало передовых рабочих, от каких-либо иллюзий насчет Горы и ее способности возглавить дальнейший ход революции. В своем «Предупреждении к народу» по поводу затеянного лондонскими эмигрантами банкета в честь третьей годовщины февральской революции Бланки писал, что главная опасность, которая угрожает новой революции, та же самая, о какую разбилась февральская революция: «достойная сожаления популярность, какой пользуются буржуа, замаскировавшиеся под народных трибунов». К ним Бланки причислял, помимо буржуазных республиканцев, и Ледрю-Роллена, и Луи Блана, и Альбера, — «предателей..., выдавших народ реакции». Если хоть один из этих людей снова попадет в правительство, говорил Бланки рабочим, пусть народ кричит: «измена!»

Как и другие революционные коммунисты, Бланки верил в тот период в близость нового подъема революции, ожидал победы нового народного восстания. Для новой фазы революции он выдвигал в качестве основного требования вооружение пролетариата и разоружение буржуазии. «Предателями будут те правители, — говорил Бланки в своем «Предупреждении», — которые, будучи подняты на пролетарский щит, не проведут тотчас же: 1) разоружения буржуазной гвардии, 2) вооружения и организации национальной милиции из рабочих. Конечно, должны быть приняты и многие другие меры, но прежде всего эти; они являются гарантией всего остального, единственным залогом безопасности для народа». Но Бланки не пошел дальше: он не сделал из этой мысли вывода о диктатуре пролетариата. Он был далек от правильного понимания роли пролетариата как единственного последовательно революционного класса в капиталистическом обществе. Под пролетариатом Бланки попрежнему понимал и рабочих, и трудящихся крестьян, и беднейшие слои интеллигенции, и городскую бедноту.

Поскольку Бланки и его последователи принадлежали все же к революционному, а не реформистскому течению французского социализма, оказалось возможным временное сближение бланкистов в лондонской эмиграции с руководимым Марксом «Союзом коммунистов». В результате этого сближения в Лондоне было подписано соглашение между немецкими коммунистами, бланкистами и левыми чартистами о создании «Всемирного общества коммунистов-революционеров». Первая статья этого соглашения (его подписали К. Маркс, Ф. Энгельс и А. Виллих от немецких коммунистов, Дж. Гарни — от чартистов, Ж. Видиль и Адам — от бланкистов) указывала, что целью создаваемого общества является «низложение привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариата путем перманентной революции вплоть до осуществления коммунизма...».

Однако, несмотря на связи с Марксом и другими руководителями «Союза коммунистов», бланкисты все же оказались неспособными решить задачу создания во Франции революционной пролетарской партии, отсутствие которой так гибельно сказывалось на всем ходе революции, в 1848—1851 гг. Ни Бланки, ни его сторонники не преодолели своей заговорщической и сектантской тактики — они не разработали и не выдвинули социальной и политической программы, способной привлечь рабочие массы и мелкое крестьянство. Хотя Бланки в «Предупреждении к народу» и подчеркивал, что «решающим орудием прогресса» является, наряду с «вооружением», и «организация», бланкисты попрежнему не уделяли внимания организаторской работе в массах и подменяли ее узкой конспирацией. Но даже и узкой конспиративной организации бланкисты не смогли восстановить, — в самой Франции у них были в это время лишь разрозненные группки и последователи-одиночки.

БОРЬБА МЕЖДУ ПАРЛАМЕНТСКОЙ БУРЖУАЗИЕЙ И БОНАПАРТОМ

Борьба между президентом и Законодательным собранием

Закон 31 мая не сплотил лагерь буржуазной контрреволюции. Наоборот, он повел к новой ожесточенной борьбе внутри этого лагеря. Путь к реставрации монархии казался теперь расчищенным, и соперничество легитимистов, орлеанистов и бонапартистов вступило в новую фазу. Каждое из этих течений, как и стоявшие за ними слои помещиков, крупной буржуазии, зажиточных крестьян, выдвигало свои варианты реставрации, отстаивали своих претендентов на трон. Летом 1850 г. интриги сторонников реставрации особенно усилились. В парламентские каникулы 1850 г. вожаки легитимистов отправились в Висбаден, где проживал внук Карла X, граф Шамбор, заранее именовавший себя «Генрихом V» и назначивший из своих сторонников во Франции даже нечто вроде министерства. Орлеанисты вели переговоры с проживавшим в Англии внуком Луи-Филиппа — графом Парижским. После смерти Луи-Филиппа (в августе 1850 г.) среди монархистов усилилось течение, стоявшее за слияние обеих конкурирующих династий и прекращение их соперничества путем объявления графа Парижского наследником бездетного «Генриха V». Генерал Шангарнье обещал поддержку армии этому проекту.

Главное препятствие своим планам легитимисты и орлеанисты видели теперь в Луи-Наполеоне. Зная о его собственных честолюбивых намерениях, они выражали ему почти открытое недоверие. Постоянная комиссия, оставленная Законодательным собранием на время парламентских каникул 1850 г., не имела в своем составе ни одного бонапартиста. Бонапартисты, однако, не оставались в долгу перед своими соперниками. Луи-Наполеон предпринял новое турне по Нормандии и восточным департаментам, где усиленно вербовал себе сторонников в среде буржуазии и крестьянства. Пользуясь наступившим оживлением в промышленности и торговле, президент рекламировал свою власть как условие экономического процветания страны и подчеркивал, что ее сохранение явится залогом нового экономического подъема и неограниченного накопления капитала.

Бонапартистская печать резко нападала на «партию порядка», на парламентский режим, изображая их помехой для экономического процветания страны. Луи-Наполеона та же печать выставляла подлинным защитником буржуазного порядка. «Без племянника императора, который вас спас, — уверяла имущие классы бонапартистская газета «Монитёр

дю суар», — Франция утопала бы в полнейшей демагогии, и Гора... сослала бы вас на Маркизские острова или рубила бы вам головы на площади Революции... Ваши дома были бы пусты, ваша собственность обесценена, ваши замки сожжены».

Особое внимание бонапартисты уделяли армии, видя в ней важнейшее орудие своего господства. Они стремились всеми способами внести разложение в среду офицеров и солдат, собрать вокруг себя и возвысить худшие элементы войска, карьеристов всех чинов и званий.

Начало этому было положено еще «партией порядка», которая в течение 1848—1849 гг. предпринимала неоднократные «чистки» армии от демократически настроенных солдат и офицеров. Это облегчало проникновение в ряды армии бонапартистской пропаганды. Огромное значение имел и тот факт, что во всех важнейших политических кризисах 1848—1849 гг. — и в дни июньского восстания 1848 г., и в январе, и в июне 1849 г. — армия играла решающую роль в борьбе против демократических сил страны.

Луи-Наполеон и его главный советник по этим вопросам, капитан Флери, примкнувший к бонапартистскому лагерю из чисто карьеристских побуждений и вскоре ставший личным адъютантом президента, не жалели усилий и средств на подкуп офицеров. Чтобы иметь возможность действовать через голову военного министра, Флери организовал в 1850 г. особое «военное бюро» при канцелярии президента. В это бюро обращались с различными просьбами, жалобами и заявлениями офицеры, искавшие подачек, наград, повышения в чинах и т. д. Впоследствии Флери хвастался, что до конца 1851 г. он направил через это бюро различным просителям около 10—12 тыс. ответных писем и завербовал на сторону Луи-Наполеона многих офицеров и генералов.

Флери немало помог Луи-Наполеону и в подборе бонапартистской военной верхушки. Это он рекомендовал Луи-Наполеону приблизить к себе беспринципного авантюриста генерала Леруа де Сент-Арно, которого Флери знал по своей службе в Алжире. Флери разработал хитроумный план возвышения этого генерала, «выродка парижской богемы»[1], выгнанного в свое время из полка за растрату полковой казны, а затем оскандалившегося в Лондоне при попытке заложить в ломбарде одеяла своей квартирной хозяйки. Флери предложил затеять новую военную экспедицию против кабилов, чтобы дать Сент-Арно легкий случай «прославиться» и, повысив его в чине, перевести затем в Париж.

Пример этот ярко характеризует приемы, применявшиеся бонапартистами для вербовки себе сторонников среди высшего офицерства. Беспринципные карьеристы и реакционеры, обязанные своим выдвижением покровительству президента, постепенно составили почти всю командную верхушку парижского гарнизона.

Другие приемы, рассчитанные на завоевание Луи-Наполеону популярности среди солдат и унтер-офицеров, наделали много шума осенью 1850 г. не только во Франции, но и во всей Европе. Это — угощение солдат во время многочисленных смотров и парадов войск. Шампанское, сигары, колбаса, дичь, предлагавшиеся солдатам от имени президента и за его счет, должны были, по замыслу Луи-Наполеона, доставить ему преданность армии. С той же целью в Елисейском дворце устраивались частые вечера и банкеты для офицеров парижского гарнизона.

Противники бонапартизма острили по поводу этих прозрачных маневров Луи-Наполеона и отказывались верить в серьезность бонапартистской угрозы. «Как? Треск откупоренных 4—5 тысяч ящиков шампанского станет когда-нибудь адской машиной, которая опрокинет Республику?» —

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 64.

ЛУИ-НАПОЛЕОН ПОДКУПАЕТ СОЛДАТ

Карикатура. Литография Верные

Собранпе Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва

иронически писал в своей газете Ламартин. Монархическая газета «Союз» разделяла оптимизм Ламартина: «Доказывают ли эти празднества солдатчины, что армия готова совершить дерзкое нападение, что она решила заткнуть депутатам рот и провозгласить нового Цезаря?». Отвечая отрицательно на этот вопрос, газета ссылалась на то, что «армия привязывается лишь к победителям».

Такой ответ был типичным для рассуждений большинства газет по поводу опасности бонапартистского переворота. Противники Луи-Наполеона, в том числе и мелкобуржуазные социалисты, не видели реальных корней бонапартизма во внутренней обстановке в стране, в обострении классовой борьбы в ней, в глубоком кризисе буржуазной демократии, в растущей контрреволюционности крупной буржуазии и зажиточного крестьянства.

Начало этому заблуждению положил еще Луи Блан, провозгласивший летом 1849 г., что империя — дело конченное. «Для этого нужна другая Европа и другой полубог», — рассуждал Луи Блан. В таком же духе высказывалась и легитимистская «Газетт де Франс». «Для империи, — писала она, — нехватает необходимого элемента — императора... Слава, которая окутывала огромным престижем все деспотическое сооружение, основанное Бонапартом, отсутствовала бы сегодня у его наследников; его подражатели были бы лишь пародистами».

1850 год не внес никаких поправок в этот близорукий оптимизм буржуазных республиканцев, орлеанистов и легитимистов. Они попрежнему

отрицали опасность бонапартистского переворота. О невозможности бонапартистского переворота писала и социалистическая пресса.

Между тем влияние бонапартистской партии неуклонно росло. Об этом свидетельствовал и тот факт, что 52 департаментских генеральных совета из 85 в августе 1850 г. высказались за пересмотр конституции. Бонапартисты горячо поддерживали это предложение, стараясь добиться таким путем продления президентских полномочий Луи-Наполеона.

ПОТЕРЯ ПАРЛАМЕНТОМ ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ АРМИЕЙ

Конфликт между президентом и Собранием

Конфликт между «партией порядка» и президентом достиг большой остроты осенью 1850 г. Постоянная комиссия Законодательного собрания, встревоженная бонапартистскими интригами в армии, потребовала к ответу военного министра д'Опуля. Печать громогласно разоблачала заговорщическую деятельность и бонапартистский характер «Общества 10 декабря». Полицейский комиссар Ион, ведавший охраной Законодательного собрания, сообщил о том, что одна из секций этого Общества подготовляет убийство председателя Собрания Дюпена и генерала Шангарнье. Когда военный министр сместил командующего пехотными частями парижского гарнизона генерала Неймейера, запретившего своим солдатам выкрикивать на смотрах бонапартистские лозунги, Шангарнье издал приказ по войскам столичного гарнизона, запрещавший солдатам всякие политические восклицания в строю.

Открывшаяся в начале ноября 1850 г. сессия Законодательного собрания предвещала острую борьбу. Однако Луи-Наполеон решил до поры до времени уклоняться от решительной борьбы. Он поспешил дать отставку д'Опулю, распустил на бумаге «Общество 10 декабря» и обратился к Собранию с посланием, полным заверений в преданности конституции. Это послание встретило благоприятный прием у буржуазии. «На бирже, — сообщала одна бонапартистская газета, — каждый выражал не только признательность, но и восхищение».

С помощью такого маневра Луи-Наполеон избежал опасного столкновения с «партией порядка» и скандальных разоблачений «Общества 10 декабря», бонапартистских интриг в армии и т. д. «Партия порядка», отказавшись от борьбы в столь благоприятных для нее условиях, передала инициативу нападения в руки Луи-Наполеона, который не преминул этим воспользоваться при первой же возможности.

Смещение Шангарнье. Мобилизация бонапартистских сил

В январе 1851 г. бонапартистская печать опубликовала инструкции, которые в 1849 г. Шангарнье дал командирам войск парижского гарнизона; эти инструкции запрещали выполнять распоряжение председателя Собрания о вызове войск. Шангарнье поспешил успокоить встревоженное этими разоблачениями Законодательное собрание. Действуя через голову военного министра, он разъяснил Собранию, что его инструкции относились лишь к Учредительному собранию, но что «никто не подвергает сомнению конституционное право Законодательного собрания вызывать войска». Этот шаг Шангарнье был использован Луи-Наполеоном: 3 января он сместил с поста командующего войсками парижского гарнизона своего главного соперника, являвшегося основным доверенным человеком «партии порядка» в армии. Шангарнье, бравируя своим положением и влиянием в армии и в Собрании, открыто высказывал свое враждебное отношение к президенту. Бонапартистскому префекту полиции Карлье он говорил без обиняков: «Пусть мне дадут подписанный председателем Собрания ордер на арест президента, и я мигом отвезу его

в Венсенскую тюрьму». Объясняя австрийскому послу причину смещения Шангарнье, Луи-Наполеон доказывал, что он должен был устранить Шангарнье, так как иначе был бы сам устранен им.

Отстранение Шангарнье от должности командующего войсками парижского гарнизона завершало переход военной власти из рук «партии порядка» в руки Луи-Наполеона. И тем не менее смещение Шангарнье не встретило серьезного отпора со стороны Собрания. «Партия порядка» и на этот раз не отважилась на решительную борьбу с Луи-Наполеоном. Значительная часть депутатов в ее собственных рядах отказалась поддержать своих лидеров, выступавших в защиту Шангарнье, и перешла в бонапартистский лагерь. Не протестовала против этого шага президента и армия.

Потеря «партией порядка» самостоятельного парламентского большинства

После отставки Шангарнье борьба между президентом и парламентом вступила в новую фазу: она приняла совершенно открытый характер. 12 января 1851 г. Луи-Наполеон составил новое министерство, в котором от старого остались только Барош и Фульд. Должности командующего войсками столичного гарнизона и командующего парижской национальной гвардией были разделены и поручены двум бонапартистски настроенным генералам. «Партия порядка» встретила новое министерство бурей негодования. При голосовании в Законодательном собрании выявилось очень важное обстоятельство: часть депутатов-монархистов дезертировала из лагеря «партии порядка» и голосовала вместе с бонапартистами за новое министерство. Вотум недоверия прошел лишь благодаря тому, что за него голосовали буржуазные республиканцы и депутаты Горы. Это означало, что «партия порядка» утратила в парламенте свое самостоятельное большинство. Однако, несмотря на временную коалицию «партии порядка» с буржуазными республиканцами и Горой против бонапартистов, попытки большинства Законодательного собрания восстановить у власти парламентское министерство не увенчались успехом. Зараженная парламентским кретинизмом «партия порядка» (сама уничтожившая в борьбе против республиканцев и демократов все условия своей парламентской силы), «... все еще считала свои парламентские победы победами и думала, что разит президента, нанося удары его министрам»[1]. Бонапарт быстро разрушил эти иллюзии «партии порядка» Попытки парламента снова подчинить себе административную власть потерпели поражение. Получившее недоверие Собрания министерство Луи-Наполеон заменил другим, составленным из совершенно бесцветных и никому неизвестных чиновников. Но уже 11 апреля оно было опять заменено новым министерством с участием Бароша, Фульда, Руэра и Леона Фоше, бывшего орлеаниста, перешедшего на сторону бонапартистов.

Этими зигзагами своего политического курса Луи-Наполеон отвлекал внимание Собрания от развернувшейся подготовки государственного переворота. Тем временем бонапартистские лидеры занялись мобилизацией всех своих сил. Флери отправился в Алжир вербовать африканских генералов. После «победоносной» экспедиции против кабилов Сент-Арно был повышен в чине и назначен командиром одной из дивизий парижского гарнизона. Генерал Маньян, усмиритель лионского восстания 15 июня 1849 г., был назначен командующим войсками столицы — он давно был связан с бонапартистами и был замешан еще в булонском заговоре 1840 г. В Париж был переведен и ряд других высших офицеров, либо близких к бонапартистам, либо внушавших им доверие. Изыскивались

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 268.

средства для дальнейшего подкупа армии и государственного аппарата. После того как Собрание отказалось утвердить дополнительные ассигнования на «представительство президента», Луи-Наполеон, нуждаясь в деньгах для подготовки переворота, распродал часть своей конюшни и занял полмиллиона франков у испанского посла в Париже.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ БУРЖУАЗНОГО ПАРЛАМЕНТА С МАССОЙ БУРЖУАЗИИ

Экономическая депрессия 1851 г. и рост бонапартистских настроений среди буржуазии и крестьянства

В период от 11 апреля до 9 октября 1851 г., заполненный попытками пересмотра конституции и продления полномочий президента, произошло разложение «партии порядка». Этот процесс внутреннего распада «партии порядка» был ускорен окончательным разрывом буржуазного парламента и поддерживавшей его буржуазной прессы с массой буржуазии.

Контрреволюционные настроения крупных землевладельцев, крупной буржуазии и зажиточного крестьянства получили новую пищу в наступившей в 1851 г. внезапной заминке в торгово-промышленных делах. Эта заминка представляла собой сравнительно непродолжительную паузу в непрерывном, хотя и неравномерном, подъеме, который переживали промышленность и торговля с конца 1849 г. Весной 1851 г. произошло резкое свертывание французского текстильного экспорта, не выдерживавшего английской конкуренции на внешних рынках. Это в свою очередь повлияло на состояние французской промышленности: хлопчатобумажные фабрики северных районов и парижские предприятия начали сокращать производство и частично даже прекращать его (на предприятиях с незначительным оборотным капиталом).

Затянувшаяся до глубокой осени 1851 г. промышленная депрессия расхолаживающе действовала на искавшие применения свободные капиталы. Число акционерных обществ, учрежденных в 1851 г., уменьшилось почти вдвое по сравнению с 1850 г. Капиталисты во всем винили неустойчивое политическое положение в стране, борьбу «партии порядка» против президента и всё больше склонялись к бонапартистской программе диктатуры, сулившей им экономический подъем и неограниченные возможности накопления капитала.

В то же время экономическая депрессия 1851 г. еще более усилила недовольство крестьянства республикой. Наступившее вследствие депрессии сокращение спроса на сельскохозяйственные продукты вызвало новое падение цен, новый рост ипотечной задолженности и разорения крестьян. Из сельскохозяйственных департаментов шли вести о бедственном положении населения.

В то время как печать всех трех монархических партий всячески разжигала среди крестьян ненависть к республике, бонапартистские агитаторы распространяли по деревням легенду о Наполеоне как «крестьянском императоре», и легенда эта овладевала умами миллионов крестьян, искавших выхода из нужды и разорения. Бонапартисты твердили крестьянам, что выход из их бедственного положения заключается в восстановлении империи во главе с «племянником своего дяди». Демагогические посулы и обещания бонапартистов порождали самые фантастические надежды у отсталого деревенского населения, особенно в захолустье. «Говорят, что Наполеон — тысячекратный миллионер; став президентом, он уплатит и долги Франции, и 45-сантимный налог», — передавалось в разговорах крестьян департаментов Дордонь, Марны и др. еще в 1849 г. Об этих надеждах, как главном источнике бонапартистских настроений, сооб-

щали и полицейские отчеты. «Масса населения надеется, что с императором вернется материальное процветание», — сообщал комиссар Кондома в январе 1851 г. В крестьянстве, отмечал позднее Энгельс, обозначился явный раскол: в то время как «...передовая часть этого крестьянского класса перешла в ряды красной партии..., вся масса в целом осталась верна своим традициям и утверждала, что если Луи-Наполеон не тот Мессия, которого в нем видели, то в этом виновато Национальное собрание, которое ему мешало»[1].

Объясняя характер этой веры большинства французских крестьян в династию Бонапартов и в Луи-Наполеона, Маркс указывал на силу заскорузлых предрассудков и традиций в массе земельных собственников-крестьян.

«Династия Бонапарта является представительницей не революционного, а консервативного крестьянина; не того крестьянина, который стремится вырваться из своих социальных условий существования, определяемых парцеллой, а того крестьянина, который хочет укрепить эти условия и эту парцеллу; не того сельского населения, которое стремится присоединиться к городам и силой своей собственной энергии ниспровергнуть старый порядок, а того, которое, наоборот, тупо замыкается в этот старый порядок и ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его парцеллу и дал ему привилегированное положение. Династия Бонапарта является представительницей не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлого, не его современных Севенн, а его современной Вандеи»[2].

Почву для этих бонапартистских настроений в крестьянстве подготовило давнишнее недовольство деревни тем пренебрежением к нуждам сельского хозяйства, которым отличалась политика и Июльской монархии и Второй республики,— все более острое раздражение землевладельцев тем, что в налоговой, кредитной и торговой политике движимая собственность городской буржуазии получала много преимуществ по сравнению с земельной собственностью.

Таким образом, главная вина за бонапартистские настроения крестьян ложилась на французскую буржуазию, которая жестоко эксплуатировала крестьянские массы посредством банков, ростовщического кредита, скупщиков и оптовых торговцев и особенно посредством государственных налогов. Обрекая крестьянство на нищету и разорение, невежество, изолированное существование и ограниченность кругозора, французская буржуазия, как указывал Маркс, «сама насильственно укрепляла приверженность класса крестьян к империи»[3].

Фабрикация «красного призрака»

Вместе с надеждами на материальное процветание росту бонапартистских настроений способствовало запугивание собственнических классов призраком грабежей и насилий, террора и анархии, якобы угрожающих стране в случае победы «красных» на президентских выборах 1852 г. Большую роль играла фабрикация этого «красного призрака» правительственными властями и контрреволюционной печатью.

Ярким примером подобной провокации служит нашумевший «юго-восточный заговор» осени 1850 г. Дело об этом заговоре, разбиравшееся в августе 1851 г. военным трибуналом 6-го округа в Лионе, произвело большое впечатление во всей Франции и сыграло немалую роль в формировании бонапартистских настроений среди буржуазии и крестьянства.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 424.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 294.
[3] Там же.

Обвинительное заключение и приговор трибунала приписывали обвиняемым по этому делу — 51 человеку во главе с Жаном — создание обширной, разветвленной заговорщической организации, готовившейся будто бы поднять восстание в 15 юго-восточных департаментах Франции.

План заговора включал, по утверждению суда, вербовку среди солдат, побуждение их к дезертирству, снабжение департаментов порохом и оружием, связь с революционными эмигрантами в Швейцарии и их присоединение к восстанию и т. п. Подготовка восстания зашла будто бы так далеко, что заговорщики созвали уже два съезда, обсуждавшие планы восстания в городе Валансе в конце июня и в городе Маконе в конце сентября. На этом последнем съезде якобы происходили встречи руководителей заговора с некоторыми депутатами Законодательного собрания, обещавшими свою помощь восстанию. Власти ставили полиции в заслугу, что, арестовав в октябре 1850 г. Жана и его главных сообщников, она предотвратила подготовленное ими восстание, «кровавую жакерию». В действительности сама полиция играла первостепенную роль в создании этого «заговора».

Другим способом фабрикации «красного призрака» было раздувание малейших фактов отпора населения произволу властей. Каждую такую вспышку народного гнева прокурорские донесения спешили изобразить в виде «заговора» или «мятежа». Так, с «юго-восточным заговором» связывались волнения, происходившие в ноябре 1850 г. в деревне Флавиак и гор. Бур-Сэнт-Андеоль (департамент Ардеш), где население, возмущенное арестом местного помощника мэра, вступило в борьбу с конвоем и отбило арестованного. По утверждению прокурора, при этом дело доходило до ружейной перестрелки и постройки баррикад. Однако на судебном процессе сам префект департамента Ардеш должен был признать, что эти события были вызваны чисто местными причинами, а суд присяжных департамента Ардеш оправдал всех обвиняемых по этому делу, кроме одного. Даже драка с девятью жандармами, учиненная в местечке Лорак во время праздника, превратилась под пером следственных властей в организованное нападение, произведенное «тайным обществом», которое будто бы охватило почти все сельское население округа Аржантьер. На основе этих материалов департамент Ардеш в сентябре 1851 г. был объявлен на осадном положении.

Запугивание «жакерией» было излюбленным приемом бонапартистской контрреволюционной пропаганды среди имущих классов. На этом поприще успешно подвизались продажные перья бонапартистских журналистов, вроде бывшего орлеаниста Гранье де Кассаньяка или бывшего префекта, пошлого борзописца Ромье. Брошюра Ромье «Красный призрак 1852 года» имела шумный успех и за короткий срок выдержала три издания. Расписывание «ужасов» надвигающейся «жакерии» сочеталось в ней с прямой и открытой проповедью цезаризма, военной диктатуры. «Нас ожидает уже не только гражданская война, но жакерия, — писал Ромье, —...в то время как Париж, Лилль, Страсбург и Лион, изобилуя войсками, могут рассчитывать на легкий успех в день битвы, остальная Франция находится на пороховой бочке, которая готова взорваться по первому сигналу. Ненависть к богатому — там, где есть богатые; ненависть к мелкому буржуа — там, где имеются лишь бедные; ненависть к фермеру — там, где имеются лишь батраки; повсеместная ненависть низкого к высокому — вот та Франция, которую нам создали или, лучше сказать, которую мы создали!» Ромье всячески расписывал «ужасы», будто бы ожидающие собственническую Францию 2 мая 1852 г., в день президентских выборов. «Везде уже дан пароль, нет ни одного дерева, ни одного куста, за которым не скрывался бы враг, приготовившийся к великой социальной битве. Первый же

удар набата будет повторен огромным эхо... И тогда счастлив будет тот зáмок, от которого отыщутся камни, — если только наше глупое общество, которое мечется на своем смертном ложе, не подумает о средствах, какими пользовались против жаков дворяне, и не поймет, что оно не в силах вести борьбу с помощью избранного им оружия слов и законов. Дворяне не назначали комиссий, которые должны представить доклад: они не расходились по бюро, имеющим председателей и секретарей: они пользовались своими длинными, крепкими пиками и, закованные, как и их лошади, в латы, легко одерживали верх над голыми мужиками, сколько бы тех ни было. Современная армия с ее дисциплиной и артиллерией имеет то же превосходство над массами...».

Брошюра заканчивалась открытым призывом к установлению военной диктатуры. «Это общество прокуроров и лавочников находится в агонии и оно сможет ожить лишь тогда, когда за его спасение возьмется солдат... Только пушка может разрешить вопросы нашего столетия, и она разрешит их, хотя бы ей пришлось притти для этого из России». В последней фразе содержался намек на желательность обращения французской буржуазии к царизму за помощью против демократических сил французского народа, — как это сделала австрийская монархия в борьбе против венгерской революции.

Вопрос о пересмотре конституции

Одновременно усилились нападки бонапартистской печати на Собрание. Тон этих нападок делался все более вызывающим, по мере того как авторитет Собрания падал в глазах буржуазии. Австрийский посол Гюбнер записывал в свой дневник: «Национальное собрание снова заметным образом теряет под ногами почву. Люди благоразумные и спокойные ничего не ожидают больше от коалиции [«партии порядка» с республиканцами] и все больше и больше обращают взоры на Луи-Бонапарта». То же сообщали и провинциальные прокуроры. «Все мои заместители пишут мне, что если Собрание много потеряло в своей популярности, то г-н президент с каждым днем вырастает в глазах благоразумных людей...» — писал в конце января 1851 г. прокурор департамента Жер. С каждым днем росло число монархических депутатов Законодательного собрания, перебегавших в лагерь бонапартистов. Голосования в Законодательном собрании свидетельствовали о том, что «партия порядка» утратила самостоятельное большинство и в борьбе с бонапартистами все больше зависела от поддержки республиканцев. Но вместе с тем ослепленные ненавистью к трудящимся массам легитимисты и орлеанисты продолжали свой непримиримый курс в отношении демократического лагеря. Предложенная республиканцами в феврале 1851 г. амнистия политическим заключенным была отвергнута в комиссии Собрания.

С другой стороны, вопрос о пересмотре конституции вызвал полный распад «партии порядка», обострив и обнажив соперничество и грызню между легитимистами и орлеанистами. Этот вопрос стал весной 1851 г. в центре политической жизни страны. Бонапартисты поддерживали идею «частичного пересмотра» конституции с тем, чтобы уничтожить те ее статьи, которые запрещали переизбирать одно и то же лицо президентом республики на второй срок. Они рассчитывали таким способом продлить пребывание Луи-Наполеона у власти и обеспечить в дальнейшем восстановление империи. Легитимисты стремились к «полному пересмотру» конституции — к уничтожению республики и к реставрации Бурбонов. Орлеанисты раскололись: одна их часть во главе с герцогом Брольи поддерживала проект «полного пересмотра», имея в виду установить десятилетний срок президентства. Она рассчитывала этой уступкой отвратить Луи-Наполеона от намерения совершить переворот и надеялась выиграть

время для реставрации Орлеанской монархии. Другая часть орлеанистов во главе с Тьером выступала против пересмотра конституции, так как надеялась, что после истечения срока президентских полномочий Луи-Наполеона, т. е. в 1852 г., ей удастся провести на пост президента своего кандидата, принца Жуанвилля, что откроет путь к орлеанистской реставрации.

Что касается Горы и буржуазных республиканцев, то они, по понятным причинам, были против всякого пересмотра конституции, полного или частичного. Это обстоятельство имело решающее значение, так как оно обрекало на неудачу все проекты пересмотра. Дело в том, что согласно самой конституции для принятия Собранием решения о ее пересмотре требовалось квалифицированное большинство голосов — не менее $^3/_4$ общего числа депутатов. Между тем республиканцы обладали в Собрании более чем 215 голосами, т. е. немногим менее $^1/_3$ общего числа депутатов. Это заранее исключало получение сторонниками пересмотра требуемого конституцией большинства. Несмотря на эту обреченность проекта пересмотра конституции, бонапартисты развернули во всей стране шумную кампанию в его пользу. В Париже и департаментах были созданы специальные «комитеты по пересмотру», которые вели соответствующую агитацию и организовали сбор подписей под петициями в Законодательное собрание, требовавшими пересмотра. Возглавлял эту кампанию комитет, состоявший из представителей «деловой буржуазии» — торговцев, предпринимателей, биржевиков. Префекты и супрефекты, мировые судьи и жандармы всячески нажимали на избирателей, содействуя этой кампании. Цель бонапартистов состояла в том, чтобы получить предлог для государственного переворота в случае неудачи проекта пересмотра конституции, которую легко было предвидеть. Бонапартистская пропаганда заранее пускала в ход этот довод. 1 июня 1851 г. Луи-Наполеон произнес в Дижоне речь, полную скрытых угроз по адресу Собрания. «Если Франция признает, что ею не имеют права распоряжаться помимо нее, то пусть она скажет это: в моем мужестве и моей энергии не будет недостатка... Каковы бы ни были те обязанности, какие возложит на меня страна, я всегда буду готов повиноваться ее воле, и, поверьте мне, господа, Франция не погибнет в моих руках». Эта речь наделала много шума и вызвала сильную тревогу среди депутатов, видевших в ней подтверждение слухов о готовящемся бонапартистском перевороте. Тревогу поспешил рассеять Шангарнье, подвизавшийся теперь в качестве депутата Собрания, но все еще не переставший изображать из себя верховный авторитет в делах армии. В напыщенной речи генерал заверял Собрание, что армия не последует за заговором против парламента: «Никогда никому не удастся увлечь на этот путь ни одного батальона, ни одной роты, ни одного взвода. Представители французского народа, вы можете мирно совещаться!».

Предложение о пересмотре конституции было отклонено перед самым роспуском Собрания на парламентские каникулы. Против этого предложения голосовало 278 депутатов — республиканцы, часть орлеанистов (сторонники Тьера) и даже отдельные легитимисты, что составило более одной трети общего числа депутатов. Если у Луи-Наполеона еще существовала тайная надежда на установление своей диктатуры «мирным» путем, без риска государственного переворота, то теперь она должна была окончательно испариться. Вечно колебавшийся, несмотря на показную твердость характера, легко падавший духом перед трудностями, авантюрист должен был теперь окончательно решиться на переворот. Срок для его осуществления был намечен на 17 сентября: Луи-Наполеон торопился использовать парламентские каникулы Собрания. Но Сент-Арно внезапно отказался участвовать в этом предприятии, найдя его слишком рискованным. Он дока-

зывал Луи-Наполеону, что момент выбран неудачно: депутаты Законодательного собрания, разъехавшиеся на каникулы по всей стране, могут организовать на местах сопротивление перевороту. Ближайшие советники Луи-Наполеона — Морни, Персиньи, Руэр — согласились с доводами Сент-Арно. Решено было перенести срок переворота на тот момент, когда Законодательное собрание возобновит свою работу с тем, чтобы разогнать его и арестовать наиболее выдающихся депутатов.

Открытый разрыв между парламентом и исполнительной властью

Высказанные Сент-Арно опасения произвели на Луи-Наполеона сильное впечатление. Он обдумывал новые меры предосторожности, чтобы действовать наверняка. Не доверяя ни своим министрам из вчерашних орлеанистов, ни префекту полиции Карлье, имевшему связи в орлеанистских кругах, Луи-Наполеон решил заместить важнейшие посты более надежными людьми. А чтобы помешать созданию единого антибонапартистского фронта в Собрании и в стране, углубить раскол между «партией порядка» и республиканцами, отвлечь внимание и усыпить бдительность Собрания, Луи-Наполеон предпринял новую политическую диверсию. 10 октября 1851 г. он заявил своим министрам о намерении восстановить всеобщее избирательное право, а 4 ноября 1851 г., в день возобновления работ Законодательного собрания, президент обратился к Собранию с посланием, в котором потребовал отмены закона 31 мая 1850 г. и восстановления всеобщего избирательного права. Еще до того последовала отставка правительства: Барош и Фоше, ярые защитники закона 31 мая, пришли в ужас от одной мысли о восстановлении всеобщего избирательного права и вышли в отставку. Было сформировано новое однородно-бонапартистское министерство Ториньи — Сент-Арно. В то же время был уволен Карлье, и на его место назначен Мопá, бывший префект департамента Аллье. Это назначение было весьма характерным: незадолго до того Мопá был вызван министром внутренних дел для объяснений по поводу предъявленных ему обвинений в произволе и беззаконии. Мопá требовал от прокурорских властей Аллье ареста республиканцев — членов генерального совета департамента Аллье. Когда же прокуратура отказалась это сделать, ссылаясь на то, что у нее нет никаких улик против этих людей, Мопá предложил простой выход: его агенты подбросят нужные улики в квартиры намеченных жертв. Это предложение Мопá послужило ему лучшей рекомендацией в глазах Луи-Наполеона, искавшего беспринципного, способного на любую подлость карьериста для замещения важной должности префекта парижской полиции.

Предложение о восстановлении всеобщего избирательного права вбило новый клин между «партией порядка» и республиканцами. Легитимисты и орлеанисты встретили это предложение в штыки и еще раз продемонстрировали свое непримиримо враждебное отношение к демократическим требованиям народа. При первом же обсуждении это предложение было отклонено большинством в семь голосов (за него голосовали и республиканцы, и демократы, и бонапартисты). Своим отказом в такой критический момент от уступок демократическим требованиям «партия порядка» сорвала всякую возможность сотрудничества с республиканцами для противодействия бонапартистской угрозе. Нигде так ярко, как здесь, не сказались характерные для французской крупной буржуазии, в особенности для ее правых политических партий, черты заскорузлого и ограниченного доктринерства, слепого классового эгоизма, делавшие их неспособными поступиться своими предрассудками. Последствия этого окончательного разрыва «партии порядка» с республиканским лагерем не замедлили сказаться.

Вследствие усиливавшихся слухов о близком перевороте уполномоченные Законодательного собрания по его финансам, хозяйству и охране его безопасности (квесторы) внесли 6 ноября предложение. направленное на обеспечение права председателя Собрания вызывать войска для охраны Собрания. Квесторы требовали, чтобы соответствующий закон, принятый еще 11 мая 1848 г., был повсеместно вновь опубликован, доведен до сведения солдат и офицеров и вывешен в казармах.

Вокруг этого предложения завязалась острая борьба. Бонапартистские заговорщики пустили в ход все средства пропаганды и интриги, чтобы помешать Собранию принять это предложение, осуществление которого могло расстроить все их планы. Опасаясь за дальнейшую судьбу своего заговора, они даже решили в случае принятия предложения квесторов немедленно окружить Собрание войсками и разогнать его. Однако дело до этого не дошло. Против предложения квесторов выступила большая часть республиканцев и демократов: они видели в этом предложении лишь уловку «партии порядка», желающей заполучить в свое распоряжение вооруженные силы для монархической реставрации. Судьбу предложения квесторов решила Гора, ораторы которой ошибочно сосредоточивали весь огонь на «партии порядка» и отрицали опасность со стороны бонапартистов. Мишель (из Буржа) уверял Собрание и всю страну в том, что армия попрежнему с Горой, что она никогда не пойдет против народа. Кроме того, говорил Мишель, «есть невидимый часовой, который нас охраняет, этот часовой — народ». В результате оппозиции большинства республиканцев предложение квесторов было отклонено (403 голосами против 300). Таким образом, Законодательное собрание продемонстрировало свой полный паралич, полную неспособность к самозащите. «Национальное собрание, — указывал Маркс, — *утратило способность принимать решения*. Его составные атомы не были более связаны никакой силой сцепления, оно испустило последний дух, оно превратилось в труп»[1].

Этот очевидный для всех крах буржуазного парламентаризма укреплял бонапартистские симпатии в среде торговой, промышленной и финансовой буржуазии и способствовал ее окончательному разрыву с «партией порядка». Австрийский посол был прав, когда писал в Вену: «Действительный престиж, которым пользуется в стране имя Луи-Бонапарта, объясняется не столько величием его дяди, сколько надеждой видеть себя освобожденными им от правления болтунов».

Блестящую характеристику сложившегося к этому времени состояния общественного мнения французской буржуазии дал Маркс в своей работе о бонапартистском перевороте 1851 г.: «Представим себе теперь среди этой торговой паники французского буржуа с его помешанным на коммерции мозгом, который все время терзают, теребят, оглушают слухи о государственных переворотах и восстановлении всеобщего избирательного права, борьба между парламентом и исполнительной властью, интриги орлеанистов и легитимистов, коммунистические заговоры в южной Франции, мнимые крестьянские восстания в департаментах Ньевры и Шера, рекламы различных кандидатов в президенты, широковещательные лозунги газет, угрозы республиканцев защищать конституцию и всеобщее избирательное право с оружием в руках, послания эмигрировавших в чужие края героев, предвещающие светопреставление ко второму воскресенью мая 1852 г., — и тогда мы поймем, почему буржуазия, задыхаясь среди этого неописуемого оглушительного хаоса из слияния, пересмотра, продления конституции, конспирации, коалиции, эмиграции, узурпации и револю-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 286.

ици, в безумии кричит своей парламентарной республике: *„Лучше ужасный конец, чем ужас без конца!“*». «Бонапарт, — подчеркивал Маркс, — понял этот крик»[1]. Уверенный в поддержке буржуазии, Луи-Наполеон перестал колебаться. К тому же его подстегивали и требования кредиторов, и слухи о готовящемся орлеанистском перевороте.

Последняя попытка предотвратить угрозу бонапартистского переворота, предпринятая группой деятелей «партии порядка» в конце ноября 1851 г., потерпела полную неудачу. Речь шла о том, чтобы вернуться к вопросу о пересмотре конституции и обеспечить Луи-Наполеону продление его президентских полномочий путем «парламентского» государственного переворота, решив вопрос простым большинством голосов Законодательного собрания, вопреки конституции. Это предложение, в обсуждении которого участвовали Дарю, Бюффе, Монталамбер и некоторые другие, при посредничестве Бароша, Фульда и Руэра, породило разногласия, которым не предвиделось конца. Окончательно убедившись в бесцельности переговоров с «партией порядка», Луи-Наполеон прекратил дальнейшие отсрочки переворота и избрал днем его осуществления 2 декабря — день битвы при Аустерлице.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 2 ДЕКАБРЯ 1851 Г.

Разгон Законодательного собрания

В ночь на 2 декабря 1851 г. бонапартистские заговорщики приступили к осуществлению своего плана. Опираясь на государственный аппарат, армию и полицию, они нанесли заранее рассчитанный удар по Законодательному собранию. Руководящие деятели легитимистов и орлеанистов и виднейшие республиканцы были арестованы ночью на своих квартирах и увезены в тюрьму. Среди арестованных были Тьер, Моле, Шангарнье, Кавеньяк, Бедо, квесторы Собрания Ламорисьер, Баз и другие видные депутаты. Бурбонский дворец, где заседало Собрание, был занят войсками. Президентский декрет объявлял о роспуске Законодательного собрания и Государственного совета. В Париже и его окрестностях вводилось военное положение. В обращениях к народу, отпечатанных в ночь на 2 декабря и расклеенных к утру на стенах Парижа, Луи-Наполеон оправдывал свои преступные действия — насильственное нарушение конституции и узурпацию власти. Он утверждал, что Собрание стало центром заговора против республики, которую решили погубить «люди, погубившие уже две монархии», и что действия президента ставят своей целью «разрушить эти предательские проекты, чтобы сохранить республику и спасти страну». Это явное лицемерие завершалось мероприятием, посредством которого Луи-Наполеон рассчитывал окончательно запутать общественное мнение страны, затушевать в глазах широких масс истинный, контрреволюционный характер переворота, обеспечить ему поддержку и сочувствие в народе: президентским декретом отменялся закон 31 мая и восстанавливалось всеобщее избирательное право. В ближайшие недели, между 14—21 декабря, назначалось всенародное голосование (плебисцит), которое должно было якобы выяснить отношение страны к действиям президента и к выдвигаемому им проекту новой конституции. Этот проект излагался Луи-Наполеоном в нарочито туманной форме: десятилетний срок президентских полномочий, ответственность министров только перед президентом, создание, наряду с выборным законодательным органом, второй палаты «из знаменитостей страны», создание Государственного совета для разработки законопроектов и их защиты перед Законодательным собранием.

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 282—283.

В первый момент переворот не встретил никакого сопротивления. Несмотря на то, что слухи о его подготовке давно уже циркулировали по стране, а может быть, именно вследствие этого,— события 2 декабря застигли врасплох и «партию порядка», и буржуазных республиканцев, и депутатов Горы. У большей части буржуазии, чиновничества и офицерства переворот быстро нашел одобрение и поддержку.

Узурпаторские действия Луи-Наполеона оправдывали и клерикалы, перешедшие во главе с Монталамбером на сторону президента. Они призывали буржуазию и помещиков решительно стать на сторону Луи-Наполеона и простить ему все его прегрешения против конституции, все его клятвопреступления. Вождь клерикалов Монталамбер отчетливо выразил сокровенные причины бонапартистских симпатий всего буржуазного лагеря. «Голосовать против Луи-Наполеона,— писал он в католической газете «Юнивер»,— равносильно оправданию социалистической революции, которая является в настоящее время единственной возможной наследницей нынешнего правительства. Это равносильно призыву к замене диктатуры принца, оказавшего за эти три года несравненные услуги делу порядка и католицизма, диктатурой красных».

Легитимисты и орлеанисты ограничились «легальным сопротивлением» перевороту, носившим чисто формальный, смехотворный характер. Депутаты «партии порядка» собрались в доме Одилона Барро и в мэрии 10-го округа Парижа. Было принято постановление об отрешении Луи-Наполеона от должности президента и о переходе всей власти к Собранию. Однако депутаты отказались обратиться за помощью к рабочим предместьям. «Закон, закон! — кричали депутаты в мэрии 10-го округа.— Не надо революции!» Попытки «легального сопротивления» перевороту были быстро подавлены полицией и войсками. Депутаты, собравшиеся в мэрии 10-го округа, покорно дали себя арестовать и к вечеру оказались в тюрьмах, где уже с утра находились их лидеры.

Сопротивление республиканцев в Париже

И все же расчеты бонапартистских заговорщиков на то, что им удастся предотвратить сопротивление демократических сил страны при помощи лжи о «защите республики» и демагогического восстановления всеобщего избирательного права, не сбылись. Группа левых депутатов во главе с Виктором Гюго призвала народ к оружию, к активной защите конституции против узурпатора-президента и создала Комитет сопротивления перевороту. 3 декабря на улицах Парижа началась постройка баррикад. Некоторые депутаты Горы во главе с Виктором Боденом отправились в Сент-Антуанское предместье и соорудили там баррикаду, стараясь увлечь рабочих на борьбу. При атаке этой баррикады войсками Боден был убит. Но уже во второй половине дня в рабочих районах Сен-Мартен и Сен-Дени началось серьезное республиканское восстание. Его организаторами были отдельные депутаты Горы и рабочие вожаки из Центрального комитета корпораций. Последний выпустил особый «Манифест», клеймивший и разоблачавший бонапартистский переворот. Участники тайных обществ и передовые рабочие вступили в борьбу с полицией и войсками. Восставшие старались выиграть время; уклоняясь от прямых схваток, они рассчитывали измотать и обессилить солдат длительным, непрерывным сопротивлением, как это имело место в июле 1830 г. и в феврале 1848 г.

Опасаясь затяжной борьбы, способной раскачать и вовлечь в сопротивление широкие народные массы, Морни и Сент-Арно решили покончить с восстанием коротким, беспощадным ударом. Вечером 3 декабря войска были уведены в казармы. Воспользовавшись этим, республиканцы расширили район восстания. 4 декабря сеть баррикад охватила уже весь правый берег

Сены, до ворот Сен-Дени. Число защитников баррикад было невелико — около 1000—1200 человек, преимущественно рабочих. Днем 4 декабря против восставших республиканцев было двинуто 30 тыс. отборных войск с артиллерией. Пьяные солдаты и офицеры, получив соответствующие инструкции, действовали с исключительной жестокостью. Защитники баррикад расстреливались на месте. Разнузданная солдатня открыла на бульварах и улицах огонь по прохожим, по посетителям кафе, по окнам домов и балконам. Число жертв кровавой бойни 4 декабря не установлено. Бонапартистские власти, стремившиеся всячески преуменьшить это число, утверждали, что было 215 убитых и 119 раненых; «Монитер» говорил о 380 убитых. Но английская газета «Таймс» утверждала, что число убитых достигало 2 тыс.; эту же цифру называл Пальмерстону английский посол в Париже, лорд Норменби.

Кровавый террор бонапартистских властей заставил умолкнуть всякую буржуазную оппозицию. Как писал Энгельс, «...ряд залпов по закрытым окнам и безоружным буржуа оказался достаточным для того, чтобы подавить в парижском среднем классе всякое сопротивление»[1]. Что касается монархистов из «партии порядка», то они, даже будучи в тюрьме, одобряли расправу Луи-Наполеона с республиканцами. Это не помешало той же «партии порядка» возлагать главную ответственность за успех бонапартистского переворота на парижских рабочих и обвинять их в «сочувствии бонапартизму». Это клеветническое обвинение неоднократно с тех пор повторялось врагами рабочего класса, всевозможными фальсификаторами истории — от открытых буржуазных реакционеров и до анархиствующих интеллигентов. Охотно подхватывая всякую клевету на рабочий класс, чтобы подорвать его общепризнанную руководящую роль в современном демократическом движении, в борьбе за подлинную демократию против фашизма, буржуазные историки не перестают твердить о выявившихся будто бы в дни переворота 2 декабря «бонапартистских симпатиях» французского пролетариата и объявляют «пассивность» рабочих главной причиной гибели Второй республики во Франции. Примером такой фальсификаторской версии может служить работа французского историка-прудониста Ж. Дюво о рабочем классе в годы Второй империи (1946) и книга Ш. Путас «Демократия и капитализм» (1948), в которой этот реакционный буржуазный историк упрекает французских рабочих в том, что они «не простили республике» июньских дней и «не заступились» за республику в декабре 1851 г.

В действительности относительная пассивность рабочих масс Парижа в дни бонапартистского переворота имела совсем другие причины. В результате контрреволюционной политики буржуазных республиканцев, а затем «партии порядка», рабочий класс был к этому времени почти совершенно обессилен. Как подчеркивал Энгельс, «...подлинная мощь, цвет революционного рабочего класса был или убит во время июньского восстания, или выслан и заключен в тюрьмы по бесчисленным *разнообразным* предлогам после июньских событий»[2]. Более чем трехлетняя политика репрессий и террора против рабочего и демократического движения привела к тому, что в момент бонапартистского переворота пролетариат уже почти не имел массовых организаций — ни профессиональных союзов, ни политических ассоциаций, ни клубов. Рабочие были исключены из национальной гвардии и давно лишились оружия. «Что вы хотите, — говорили рабочие звавшим их на борьбу республиканцам, — в предместьях не осталось ни одного ружья,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 421.
[2] Там же.

нас обезоружили в июне 1848 года». Опровергая клевету буржуазной печати на французский пролетариат, Ф. Энгельс писал в статье «Действительные причины относительной пассивности французских пролетариев в декабре прошлого года», опубликованной в 1852 г.: «...Дело в том, что в декабре прошлого года у французского рабочего класса нечего было грабить, так как все, что стоило у него забрать, уже было забрано в продолжение трех с половиною лет парламентским правительством среднего класса, которое стояло у власти после великого поражения в июне 1848 г.»[1]. Рабочая масса не могла проявлять какого-либо сочувствия к депутатам «партии порядка», к Законодательному собранию, в котором преобладали последние; ведь, легитимисты и орлеанисты были в глазах рабочих врагами и угнетателями народа ничуть не меньше, чем Луи-Наполеон и его шайка. Такими же угнетателями были в глазах трудящихся буржуазные республиканцы. И тем не менее, все, сохранившиеся еще в парижском пролетариате, сознательные и передовые элементы участвовали в республиканском восстании 3 и 4 декабря. Рабочие составили основной костяк восставших и дравшихся на баррикадах борцов за республику. Об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что, даже по преуменьшенным полицейским данным, из 158 убитых защитников баррикад 101 были рабочие.

Республиканские восстания в провинции

Пытались оказать сопротивление перевороту и рабочие других крупных промышленных центров. Но в этих городах к концу 1851 г. пролетариат также был уже полностью разоружен и лишен своих организаций. Лишь в некоторых местах —Страсбурге, Меце, Орлеане, Дижоне, Нанси, Реймсе, Дуэ — демократы пытались организовать демонстрации, которые были быстро подавлены войсками. В Лилле происходили уличные схватки рабочих с войсками и полицией. В Анзэне восстали шахтеры, захватившие мэрию и все хранившееся в ней оружие; против них были двинуты пехота и эскадрон кавалерии. Более сильное сопротивление перевороту оказали сельскохозяйственные департаменты Юго-Восточной, Юго-Западной и Центральной Франции — районы крупного, помещичьего землевладения, ремесла и мелкого крестьянства. В этих районах демократические элементы имели возможность сохранить свои силы и влияние в гораздо большей степени, чем в крупных городах, наводненных войсками и полицией. Вот почему к концу 1851 г. здесь сохранились и даже численно выросли тайные республиканские общества. Именно здесь был дан наиболее энергичный отпор бонапартистскому перевороту. В двадцати департаментах — Алье, Ньевр, Шер, Мен, Луарэ, Ло, Ло-и-Гаронна, Жер, Восточных Пиренеев, Эро, Гар, Ардеш, Вар, Нижние Альпы, Буш-дю-Рон, Воклюз, Дром, Жюра, Сона-и-Луара, Сарт — вспыхнули вооруженные восстания. Главными участниками их были ремесленники и рабочие маленьких городков, местечек и сел, крестьяне, мелкие торговцы. Руководство принадлежало сельским мэрам, учителям, журналистам и другим представителям демократической интеллигенции, примыкавшей по своим взглядам к Горе.

Историческое значение этих вооруженных выступлений демократических слоев города и деревни в защиту республиканского строя было велико. «Если бы парижане продержались день-два дольше, империя полетела бы к чорту»[2], — писал Маркс, ознакомившись впоследствии, в 1868 г., с историей этого антибонапартистского, республиканского движения в провинции.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 420.
[2] Там же, т. XXIV, стр. 150.

В сложившихся условиях восстания не охватили всей страны, носили разрозненный характер, не имели ни общего руководства, ни общей программы действий. Восставшие не выдвигали, как правило, каких-либо требований и лозунгов, выходивших за рамки защиты республики. Они ограничивались арестами отдельных реакционеров, смещением бонапартистских чиновников, реквизициями продовольствия для нужд повстанческих отрядов. Собственность капиталистов тщательно охранялась; в редких случаях восставшие крестьяне сжигали архивы нотариусов, объявляли об отмене налога на вино. Тем не менее, бонапартистские власти и контрреволюционная печать поспешили объявить эти республиканские восстания давно предсказанной «жакерией» и наводнили Францию лживыми сообщениями и слухами о «зверствах», «грабежах», «жестокостях», которые якобы чинят «банды» повстанцев.

Этой грубой фальсификацией бонапартисты достигли двоякой цели. Перепуганные буржуа и наиболее зажиточные крестьяне теснее сплотились вокруг бонапартистских заговорщиков, провозгласили их «спасителями общества». С другой стороны, власти развязали себе руки для террористического похода против республиканских и демократических элементов по всей стране.

Разгул бонапартистского террора

После подавления республиканских восстаний было арестовано свыше 26 тыс. человек. Среди арестованных было 5423 земледельца, 1850 поденщиков и более 8500 ремесленников и рабочих, в том числе 1107 сапожников, 883 столяра, 733 каменщика, 688 портных, 642 ткача, 457 кузнецов, 428 слесарей, 415 булочников и т. д. Среди арестованных было и 225 адвокатов, 325 врачей, 621 учитель, 616 торговых служащих, 990 содержателей гостиниц и трактиров и 1570 других мелких собственников.

Таким образом, и в провинции наиболее активное сопротивление бонапартистскому перевороту оказал рабочий люд — ремесленники, рабочие, батраки.

Декретом от 8 декабря префекты департаментов были наделены правом отправлять в ссылку без суда всех участников тайных обществ — к ним можно было причислить любого республиканца, любого посетителя республиканского собрания. В начале января 1852 г. в департаментах были учреждены так называемые «смешанные комиссии», состоявшие из префекта, прокурора и командующего войсками. Эти комиссии просматривали списки и дела не только участников восстаний, но и всех вообще граждан, заподозренных в республиканских настроениях. На основе решений этих комиссий масса людей была предана суду либо без суда отправлена в ссылку, на каторгу, в изгнание. По официальной бонапартистской статистике, репрессиям подверглось более 21 тыс. человек, из них около 10 тыс. было сослано в Алжир, 240 — в Кайенну и свыше тысячи изгнано из Франции. Среди них преобладали рабочие, ремесленники, мелкие торговцы, представители демократической интеллигенции.

Назначенный на 21 декабря 1851 г. «плебисцит» происходил в условиях уже развернувшегося по всей стране бонапартистского террора. С остатками демократических свобод было покончено, и всякая возможность легальной оппозиции бонапартистской диктатуре была ликвидирована. Восстанавливая всеобщее избирательное право, Луи-Наполеон первоначально вводил систему открытого голосования. Но затем, ввиду массового протеста и недовольства (даже в армии, где плебисцит был проведен немедленно после переворота, причем немало офицеров голосовало против), открытое голосование было заменено тайным. Однако фактически противники переворота были лишены всяких возможностей вести агитацию против президента, а всех уклоняющихся от участия в

голосовании власти брали на учет, угрожая им преследованиями. В провинции во многих местах голосование было фактически открытым. Очевидец описываемых событий, А. И. Герцен красочно изобразил процедуру этого мошеннического «плебисцита» в местечках департамента Вар. «По ту сторону Вара в первом местечке мэр и жандармский brigadier сидели возле урны и смотрели, какой бюллетень кто кладет, тут же говоря, что они свернут потом в бараний рог всякого *бунтовщика*»[1].

Такие же угрозы применялись против рабочих. Директор железной дороги Страсбург—Базель за неделю до плебисцита уволил двух служащих, высказывавшихся отрицательно о перевороте 2 декабря, и открыто угрожал той же расправой всякому железнодорожнику, который будет агитировать против. Бонапартистская демагогическая пропаганда действовала во-всю, расточая посулы и обещания, в которые верило большинство крестьян. Буржуазия была вполне удовлетворена расправой бонапартистов с «красными». Характерным выражением бонапартистских настроений «деловой» буржуазии служат записи в семейном дневнике бордоского негоцианта и судовладельца Баура. В декабре 1851 г. Баур записывал: «1851 год заканчивается весьма счастливо, мы имеем прекрасный баланс». В результате всех этих обстоятельств «плебисцит» 21 декабря дал 7 439 216 голосов, одобрявших действия Луи-Наполеона, и 646 737 голосов, порицавших их.

Этот успех внушил бонапартистской клике уверенность в возможности ее неограниченного господства над страной с помощью террора, коррупции и обмана масс. Ближайший советчик Луи-Наполеона Персиньи, ставший теперь министром внутренних дел, цинично откровенно излагал перед своими сторонниками программу действий бонапартистской диктатуры: «Коррупция и террор, разве не были они всегда самым мощным оружием сильных правительств? Мы получаем это оружие еще совсем не израсходованным, едва притупившимся. Какую пользу сможем мы извлечь из него? Наши предшественники практиковали лишь мелкую коррупцию, мы же, действуя напрямик, с деньгами в одной руке и с железом в другой, сумеем далеко повести страну за собой».

Через год, 2 декабря 1852 г., Вторая республика была упразднена и формально. «Герой» декабрьского переворота, клятвопреступник и авантюрист Луи-Наполеон стал императором французов под именем Наполеона III.

Контрреволюционная политика буржуазных республиканцев привела к тому, что главой республики стал ее злейший враг Луи-Наполеон. Контрреволюционная политика «партии порядка» привела к установлению Второй империи. Так «...во Франции была опять восстановлена цезаристская монархия в особенно гнусной форме»[2].

«Бонапартизм, — указывал далее В. И. Ленин,— есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции»[3].

---

[1] А. И. Герцен. Былое и Думы, Гослитиздат, 1946, стр. 465.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 76.
[3] Там же, стр. 233.

Глава пятидесятая

К. МАРКС и Ф. ЭНГЕЛЬС ПОСЛЕ ПОДАВЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 ГОДОВ

Приехав в начале июня 1849 г. в Париж, Маркс поселился с семьей и с товарищами по работе в «Новой Рейнской газете» за городом и проживал там некоторое время нелегально (под вымышленной фамилией Рамбо). Он немедленно установил связи с коммунистическими рабочими клубами, с тайными рабочими обществами, а также с руководителями демократической партии.

Но скоро пребывание Маркса в Париже стало невозможным. После неудачного выступления демократической партии 13 июня 1849 г. французское правительство предложило ему либо поселиться в Бретани, в департаменте Морбиган, нездоровом, зараженном лихорадкой глухом районе страны, либо оставить Францию. 23 августа Маркс известил Энгельса, находившегося в Швейцарии, что вынужден переехать в Лондон, и просил его непременно последовать за ним.

Деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса по укреплению «Союза коммунистов»

Маркс рассчитывал продолжать в Лондоне как свою революционную, политическую деятельность, так и свои научные занятия. Жизнь эмигранта-революционера оказалась еще более тяжелой, чем Маркс мог предполагать. «Реакционное законодательство заткнуло нам рот, — вспоминал Энгельс, — текущая пресса нас замалчивала, издатели едва удостаивали отказом наши случайные предложения...»[1].

Через все испытания и невзгоды Маркс проходил с гордо поднятой головой и полной ясностью духа. Благодаря своей энергии, благодаря спокойному, ясному и невозмутимому самосознанию, — писала Женни Маркс Иосифу Вейдемейеру, — Маркс умел возвыситься над всеми заботами личной жизни, хотя они и вторгались к нему ежедневно и ежечасно «самым возмутительным образом». Малодушие и отчаяние никогда не были присущи Марксу. В самые тяжелые времена реакции Маркс умел, как отмечал В. И. Ленин, «...нащупывать близость революции и *поднимать* пролетариат до сознания им его передовых, революционных задач»[2]. Всякое изменение политической обстановки Маркс умел использовать для политического воспитания рабочего класса, для подготовки его к новой борьбе.

В середине ноября, после пятинедельного пути из Генуи в Лондон, к Марксу прибыл его неизменный друг и соратник — Ф. Энгельс.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 358.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 87.

Прежде всего Маркс и Энгельс приступили к созданию ядра рассеянной и частично деморализованной поражением революционной пролетарской армии. На первый план они выдвинули задачу организации самостоятельной, как тайной, так и открытой рабочей партии. Для разрешения этой задачи они приступили в это время к реорганизации «Союза коммунистов», который должен был послужить костяком пролетарской партии. Несмотря на преследования, общины «Союза коммунистов» вновь начали вести оживленную деятельность. С конца 1849 г. опять начал функционировать Центральный комитет «Союза коммунистов», общины его пополнились новыми членами. Одновременно Маркс и Энгельс восстановили старые и завязали новые связи с чартистами, с французскими, польскими, венгерскими революционерами. На квартире Маркса встречались революционные деятели различных стран. Здесь собирались Либкнехт, Фрейлиграт, Эрнст Джонс, Джордж-Юлиан Гарни, Джон Фрост и другие.

В течение осени 1849 года и весь 1850 год Маркс много времени и сил уделял организации помощи революционным эмигрантам-рабочим. Созданный Марксом Комитет оказывал им материальную и моральную поддержку. Комитет носил пролетарский характер и не имел ничего общего с организациями мелкобуржуазных демократов. В открытых письмах, направленных в различные лондонские, парижские и другие газеты, Маркс протестовал против организованного реакционными европейскими правительствами полицейского шпионажа и сыска за политическими эмигрантами, защищал их от клеветы и лжи реакционеров и продажных органов прессы. Маркс прилагал все усилия, чтобы подыскать работу своим соратникам, обеспечить им сколько-нибудь сносное существование.

Всю свою работу по организации помощи рабочим, находившимся в эмиграции, Маркс и Энгельс проводили так, что она укрепляла классовое самосознание рабочих и тем самым помогала делу создания пролетарской партии.

В труднейших, порою невыносимых условиях эмигрантской жизни, когда Марксу и его семье приходилось жить впроголодь, неоднократно подвергаться выселению за невзнос квартирной платы, Маркс находил в себе силы, чтобы не только сохранить бодрость духа, но и сообщать ее другим.

Усилия Маркса и Энгельса не пропали даром: своей энергией они помогли сохранить наиболее ценные пролетарские кадры для будущей борьбы.

Обращение Центрального комитета к «Союзу коммунистов» в марте 1850 г.

В марте 1850 г. Маркс и Энгельс написали исключительно важное по своему содержанию «Обращение Центрального комитета к Союзу коммунистов». В этом документе они указали на близость новой революции в Германии и на вероятность прихода к власти мелкобуржуазной демократии. В связи с этим Маркс и Энгельс определяли тактику пролетариата в предстоящей революции и после победы мелкобуржуазной демократии.

С особой силой Маркс и Энгельс настаивали на необходимости создания самостоятельной организации рабочей партии и всеми силами боролись против принижения ее до роли придатка буржуазной демократии. «Вместо того, — писали Маркс и Энгельс, — чтобы еще раз опуститься до роли хора, одобрительно рукоплещущего буржуазным демократам, рабочие и прежде всего Союз должны работать в том направлении, чтобы наряду с официальными демократами создать самостоятельную тайную и открытую организацию рабочей партии и превратить каждую свою общину в центр и ядро рабочих союзов, в которых позиция и интересы

пролетариата могли бы обсуждаться независимо от буржуазных влияний»[1].

Исходя из опыта революции 1848—1849 гг., Маркс и Энгельс указывали на то, что в предстоящей революции предательскую роль, аналогичную роли либеральных буржуа 1848 г., будет неизбежно играть партия мелкобуржуазной демократии, отнюдь не стремящаяся к коренному изменению общественных порядков и добивающаяся лишь некоторых реформ в интересах своего класса. Поэтому, подчеркивали Маркс и Энгельс в «Обращении», «...рабочие должны при каждом случае наряду с требованиями буржуазных демократов выставлять свои собственные требования»[2]. Маркс и Энгельс отмечали, далее, необходимость вооружения рабочих, образования пролетарской гвардии, призывали отвечать силой на всякую попытку разоружения народа, указывали, что следует разоблачать и сурово карать предательские элементы.

В случае если мелкая буржуазия окажется у власти, рабочие должны, указывали Маркс и Энгельс, образовать, рядом с новыми официальными правительствами, «...собственные, революционные рабочие правительства в виде ли органов местного самоуправления, муниципальных советов, в виде ли рабочих клубов или рабочих комитетов, так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно утратили опору в рабочих, но и увидали бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих»[3].

При выборах в Национальное собрание, указывается в «Обращении», рабочие должны выставлять своих собственных кандидатов, по возможности из числа членов Союза, «...чтобы сохранить свою самостоятельность, подсчитать свои силы и открыто показать всем свою революционную позицию и свою партийную точку зрения»[4].

Перечислив ряд требований, выставлявшихся мелкобуржуазной демократией, Маркс и Энгельс писали: «...эти требования ни в коем случае не могут удовлетворить партию пролетариата. В то время, как демократические мелкие буржуа хотят возможно быстрее закончить революцию в лучшем случае с проведением вышеуказанных требований, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциация пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира не разовьется настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и по крайней мере решающие производительные силы будут сконцентрированы в руках пролетариев. Для нас дело идет не об изменении частной собственности, а об ее уничтожении, не о затушевывании классовых противоречий, а об уничтожении классов, не об улучшении существующего общества, а об основании нового общества»[5].

Идея непрерывной революции, выдвинутая Марксом и Энгельсом в «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов», не получила дальнейшего развития в трудах Маркса и Энгельса, а лидеры II Интернационала похоронили эту идею и предали ее забвению. В. И. Ленин восстановил это забытое положение Маркса и Энгельса, развил его дальше, создав стройную теорию социалистической революции, краеугольным камнем которой является идея перерастания буржуазно-демократической

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., 1949, т. I, стр. 85.
[2] Там же, стр. 86.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 87—88.
[5] Там же, стр. 84.

революции в революцию социалистическую. В. И. Ленин был единственным марксистом, подчеркивает И. В. Сталин, «...который правильно понял и развил идею перманентной революции... Ленин взял её в чистом виде и сделал её одной из основ своей теории революции»[1].

Новый момент, внесенный В. И. Лениным в созданную им теорию социалистической революции, заключался в обосновании необходимости союза пролетариата и полупролетарских элементов города и деревни, как обязательного условия победы пролетарской революции. Ленинская теория социалистической революции выдержала историческую проверку в огне великих победоносных битв 1917 г.

Говоря о непрерывной революции, Маркс верил в близкую победу рабочего класса. Весь смысл «Обращения» состоял в том, чтобы помочь рабочему классу организоваться и приготовиться к социалистической революции.

«Обозрение Новой Рейнской газеты». Научная работа Маркса

С первых же дней своего пребывания в Лондоне Маркс продолжал пропаганду своего учения. Уже в конце августа 1849 г. он начал подготовлять издание журнала, который должен был заменить «Новую Рейнскую газету». Первый номер журнала под названием «Новая Рейнская газета. Политико-экономическое обозрение» вышел в марте 1850 г. Этот журнал редактировался с начала и до конца Марксом, хотя печатался в Германии (в Гамбурге).

Вышедшие шесть номеров журнала содержат ценнейший материал. Здесь были помещены составленные Марксом и Энгельсом обзоры политико-экономического положения в Европе и в Америке в 1850 г., работа Маркса, посвященная истории революции 1848—1849 гг. — «Классовая борьба во Франции», «Крестьянская война в Германии» Энгельса и другие.

В своих обзорах международного положения Маркс и Энгельс давали анализ политических событий в различных странах. Особое внимание уделяли они революционному движению. Подвергая уничтожающей критике деятелей мелкобуржуазной эмиграции (Руге, Ледрю-Роллена, Мадзини и др.) и их Европейский центральный комитет, Маркс и Энгельс расценивали их призывы к образованию единой «конституции европейской демократии», к созданию «общеевропейского казначейства» и «общеевропейской армии» как вреднейшую демагогию, как попытку «обмануть именно самые угнетенные классы народа».

Наступивший перерыв в массовой революционной борьбе Маркс использовал для углубленной теоретической работы. С лета 1850 г. он начал систематические занятия в библиотеке Британского музея, приступил к изучению экономического и политического развития важнейших стран мира за время с 1840 по 1850 г., возобновил работу над своим основным теоретико-экономическим трудом.

Летом и осенью 1850 г. Маркс читал и конспектировал работы о деньгах и валюте. В сфере научных интересов Маркса находились теория земельной ренты, валютный вопрос, денежное обращение и другие вопросы.

Осенью 1851 г. Маркс закончил рукопись в 500 страниц по политической экономии. Эта рукопись явилась основой его замечательного труда «К критике политической экономии».

Отдаваясь научным исследованиям, Маркс не щадил своих сил. К упорным занятиям он призывал и всех своих соратников, в особенности молодежь.

«Учиться! Учиться! Таков был категорический наказ, который он часто внушал нам, — вспоминал Вильгельм Либкнехт. — Маркс был

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 19.

строгим учителем; он не только заставлял учиться, но и проверял, действительно ли мы учились... Марксу нельзя было втереть очки. Если же он замечал, что все его усилия ни к чему не приводили, то и дружбе приходил конец. Для нас было великой честью, когда он нас „брал в работу"».

Кроме выступлений в печати, Маркс уже с конца 1849 г. начал вести и устную пропаганду: в клубах «Немецкого рабочего общества» и «Союза коммунистов», а также у себя на квартире он читал лекции по политической экономии. Эти лекции имели чрезвычайный успех. Маркс обнаружил здесь свою редкую способность делать доступными рабочим самые трудные и сложные теоретические положения. Либкнехт и другие молодые революционеры, впервые слушавшие Маркса, с восторгом отмечали эту новую для них сторону в многостороннем его таланте. «В этих лекциях, — вспоминает Либкнехт, — которые всем, имевшим счастье их прослушать, доставили огромное наслаждение, Маркс уже полностью развил в основных чертах свою систему, как она изложена в «Капитале». К вульгаризации науки, т. е. к извращению, опошлению, выхолащиванию ее, никто не относился с такой ненавистью, как Маркс, но никто, кроме него, и не обладал в такой степени способностью ясно выражаться».

Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса против группы Виллиха — Шаппера

Научный анализ экономического положения и политических событий в Англии, Франции и Германии заставил Маркса осенью 1850 г. изменить свое первоначальное мнение о близости новой революции. Маркс сам опроверг это мнение. Осенью 1850 г. он со всей определенностью заявил, что при наличии такого бурного развития производительных сил буржуазного общества о действительной революции в ближайшем будущем «не может быть и речи».

Изменение политической обстановки заставило Маркса, по словам В. И. Ленина, потребовать «...коренной перемены тактики, полного прекращения подготовки восстания, ибо такая подготовка могла быть тогда лишь игрой. Лозунг восстания был прямо снят с очереди»[1].

Это трезвое, основанное на научном анализе понимание действительности представлялось, однако, «ересью» ультралевым «революционерам», которые, не учитывая реальных сил и сложившейся обстановки, выдвигали разные авантюристические проекты вооруженных выступлений и бунтов. В эмигрантской среде с ее своеобразными условиями, среди вожаков, переживших крушение своих иллюзий, среди наивных мечтателей и просто авантюристов подобные настроения имели достаточную питательную среду.

Внутри «Союза коммунистов» выразителем этих авантюристских настроений явился Август Виллих, а также сбитый им с правильной позиции Карл Шаппер. Эти люди заявляли: «Мы должны тотчас достигнуть власти или же мы можем лечь спать».

Маркс видел в подобных настроениях вздорное стремление предупреждать процесс революционного развития, чтобы искусственно гнать его к кризису, чтобы «делать» революцию вместо того, чтобы планомерно готовиться к ней. Маркс потратил немало усилий, чтобы наставить на правильный путь Шаппера и примыкавших к нему членов Союза. «Маркс возражал Шапперу, что нельзя считать двигателем революции одну только свою волю вместо действительных условий. Пролетариату может быть придется пережить еще 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений „не только для того, чтобы изменить эти условия, но и для

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 118.

того, чтобы изменить самих себя, пролетариев, и сделать себя способными к политическому господству“»[1].

Революционер по натуре, Маркс восставал против всякой игры в революцию и требовал уменья работать в конкретных условиях новой полосы общественного развития. Маркс и Энгельс убеждали членов «Союза коммунистов» в том, что в создавшейся обстановке практическая работа должна быть направлена на повышение идейного уровня и политической сознательности рабочих, на создание и укрепление организаций Союза.

Маркс и Энгельс объявили решительную борьбу сторонникам Виллиха, образовавшим внутри «Союза коммунистов» особую группу. Виллих носился с планами восстаний, сочинял инструкции и приказы, внося дезорганизацию в ряды Союза.

Когда честолюбие и политический авантюризм некоторых членов Союза создали опасность превращения Союза в заговорщическую организацию, Маркс без колебаний пошел на раскол, на организационный разрыв с этими людьми. На заседании Центрального комитета «Союза коммунистов» 15 сентября 1850 г. Маркс изложил суть расхождений между большинством членов Центрального комитета и группой Виллиха — Шаппера в оценке политической обстановки, ближайших политических перспектив и задач «Союза коммунистов». Он резко осудил установки и поведение этой группы и предложил порвать с нею. Чтобы не дать группе Виллиха распространить свою деятельность за пределы Лондона и вместе с тем чтобы освободить Центральный комитет от домогательств этой группы, Маркс предложил перенести местопребывание Центрального комитета из Лондона в Кёльн. Большинство членов Центрального комитета поддержало эти предложения.

После этого важного заседания Маркс и Энгельс сообщили членам «Союза коммунистов», находившимся в Германии, о происшедшем расколе, послали им протокол заседания и организовали доклад от имени Центрального комитета для членов кёльнской организации Союза. С помощью специально посланного делегата в Кёльне был сформирован новый Центральный комитет.

Подведение итогов революции. Исторические работы К. Маркса и Ф. Энгельса

Распространив материализм на область общественных явлений, Маркс, писал В. И. Ленин, «... указал путь к научному изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости, процесса»[2]. Непосредственно после революции 1848 г. Маркс и Энгельс, обогащенные конкретным опытом революционной борьбы, создали несколько крупных исторических работ. К числу их относятся «Крестьянская война в Германии», «Классовая борьба во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В этих работах анализируется опыт революции, сформулированы в ясных и четких положениях важнейшие политические идеи марксизма. Эти работы содержат, по отзыву Ленина, «...блестящие и глубокие образцы материалистической историографии, анализа положения *каждого* отдельного класса и иногда различных групп или слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как „всякая классовая борьба есть борьба политическая“»[3].

Своим учением о классовой борьбе Маркс дал руководящую нить, позволяющую ориентироваться в сложном лабиринте и кажущемся хаосе исторических событий. «Не кто иной, как Маркс, — писал Энгельс, — впервые открыл великий закон исторического движения, закон, по ко-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 436—437.
[2] Там же, т. 21, стр. 41.
[3] Там же, стр. 42.

торому всякая историческая борьба, совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо другой идеологической области, в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и их столкновения между собой, в свою очередь, обусловливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена»[1].

Работа «Классовая борьба во Франции», опубликованная Марксом в 1850 г. в «Обозрении Новой Рейнской газеты», представляет замечательный пример применения теории диалектического материализма к объяснению исторического процесса; говоря словами Энгельса, эта работа «... была первой попыткой Маркса на основе своего материалистического понимания объяснить определенную полосу истории, исходя из данного экономического положения»[2]. Как указывал далее Энгельс, в «Манифесте Коммунистической партии» марксистская теория «... была применена в общих чертах ко всей новой истории...»[3]; в статьях, написанных Марксом и Энгельсом в 1848—1849 гг. для «Новой Рейнской газеты », эта теория применялась для объяснения текущих политических событий. «Здесь же [в работе «Классовая борьба во Франции» — *Ред.*] дело шло о том, чтобы на протяжении многолетнего периода исторического развития, который был критическим и вместе с тем типичным для всей Европы, вскрыть внутреннюю причинную связь и, стало быть, согласно концепции автора, свести политические события к действию причин, в конечном счете экономических»[4]. Необычайная сила марксовой мысли и марксова метода изучения явлений общественной жизни выступает здесь во всем своем блеске.

Особый интерес Маркса к истории Франции объясняется тем, что со времени революции 1789—1794 гг. Франция играла крупнейшую роль во всей европейской истории. На истории Франции можно было с особенной наглядностью доказать безусловную правильность созданной Марксом теории классовой борьбы, ибо в то время Франция была страной, в которой историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца.

Глубокое понимание сущности исторических событий, происшедших во Франции в 1848—1850 гг., помогло Марксу сделать ряд важных политических и теоретических выводов. В начале своей работы Маркс разоблачает вероломную политику французского буржуазного Временного правительства и показывает ее результаты. Решив покончить с рабочим классом как с активной политической силой, оно делает все, чтобы изолировать и противопоставить его другим слоям населения: крестьянству, городской мелкой буржуазии.

Анализируя положение французских крестьян середины XIX в., Маркс доказывал, что эксплуатация крестьян отличается от эксплуатации рабочих лишь по *форме*: «Эксплуататор тот же самый: *капитал*. Отдельные капиталисты эксплуатируют отдельных крестьян посредством *ипотек* и *ростовщичества*; класс капиталистов эксплуатирует класс крестьян посредством *государственных налогов*»[5]. Французский крестьянин, писал Маркс, является лишь номинальным собственником своей земли, фактически же пребывает в полной зависимости от капиталистов. Используя фанатичную привязанность крестьянина к его клочку земли, капиталисты натравливают его против городского рабочего. «Только падение

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 190.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 91.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 184.

капитала, — заявлял Маркс, — может поднять крестьянина, только антикапиталистическое, пролетарское правительство может положить конец его экономической нищете и общественной деградации»[1].

Разоблачая провокационную тактику французской буржуазии, стремившейся вызвать рабочий класс на преждевременное выступление, чтобы потопить его в море крови, Маркс подчеркивал всемирно-историческое значение июньского восстания, которое было «первой великой битвой между обоими классами, на которые распадается современное общество»[2].

Расстрел рабочих республиканской буржуазией в июньские дни 1848 г., писал Ленин, нанес смертельный удар всем разновидностям домарксового социализма. «Все учения о *не*-классовом социализме и о *не*классовой политике оказываются пустым вздором»[3]. С исключительной силой Маркс доказывает это в своей работе, описывая деятельность Луи Блана, ждавшего помощи от буржуазии, надеявшегося и возбуждавшего надежды, будто буржуазия может помочь в осуществлении выставлявшегося им требования «права на труд». Предаваясь мелкобуржуазным иллюзиям, прикрываемым фразеологией якобы «социализма», мелкобуржуазные вожаки предали дело революции. Своим предательством интересов рабочего класса и народа в целом они способствовали установлению буржуазной диктатуры, победе контрреволюционных сил. «Деятели» типа Луи Блана на деле служили лишь укреплению влияния буржуазии на пролетариат.

Проследив поведение и политику различных классов, действовавших в революции, Маркс дал отчетливую формулировку конечных целей пролетарской борьбы. Эта конечная цель — коммунизм. В работе «Классовая борьба во Франции» Маркс намечает следующие этапы к достижению этой цели: «...*объявление непрерывной революции, классовая диктатура* пролетариата, как необходимая переходная ступень к *уничтожению классовых различий вообще*, к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений»[4].

За «Классовой борьбой во Франции» последовала, как ее продолжение, другая работа Маркса — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», вышедшая в 1852 г. в Нью-Йорке. Этот труд Маркса был непосредственным откликом на контрреволюционный переворот 2 декабря 1851 г. во Франции. Работа была напечатана в журнале «Революция», издававшемся в Америке Вейдемейером. Издатель, находившийся, как и автор, в крайне бедственном материальном положении, смог осуществить это предприятие лишь благодаря самоотверженному поступку одного прибывшего в Америку рабочего-эмигранта, отдавшего на это дело все свои личные сбережения.

Государственный переворот во Франции, как писал Энгельс, поразил мир, словно гром из ясного неба. Одни проклинали его, другие, напротив, приняли это событие как спасительный выход из революции и как кару за нее. Виктор Гюго и Прудон, писавшие о перевороте Луи Бонапарта, оказались бессильными сколько-нибудь правильно объяснить сущность происшедшего события. Оба автора видели в нем лишь акт насилия со стороны одного индивидуума и приписывали ему решающую

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 184.
[2] Там же, стр, 131.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 545.
[4] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 189—190.

роль. В противоположность Гюго и Прудону Маркс показал, каким образом классовая борьба во Франции создала условия и обстоятельства, давшие возможность такой заурядной личности, как Луи-Наполеон, сыграть значительную роль в развитии политических событий, завершившихся победой контрреволюционных сил.

Чартистская «Народная газета» в своем обзоре литературы о государственном перевороте Луи Бонапарта отмечала страстную партийную направленность работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». «Никто другой не проявил меньше того объективного беспристрастия, которое многие столь ошибочно склонны считать самым необходимым качеством историка. Такая беспристрастность не более как фикция... Тайна успеха работы Маркса, — говорилось в статье, — объясняется его верностью партии, которая, хотя и не принимала непосредственного участия в недавней борьбе, но в силу условий своего существования, своей растущей и несокрушимой мощи и своего будущего должна в конечном счете стать высшим судьей всех мелких распрей, сменяющих друг друга побед и поражений, составлявших за последнее время официальную историю Франции».

«Восемнадцатое брюмера» — одновременно и блестящий политический памфлет, и глубокое научное исследование. Вместе с тем эта работа Маркса представляет собой шедевр в художественном отношении.

«Восемнадцатое брюмера», писал Энгельс, это работа, созданная гением: «...картина была набросана Марксом с таким мастерством, что всякое дальнейшее разоблачение доставляло каждый раз только новые доказательства того, как верно отражалась действительность в этой картине. Такое превосходное понимание живой истории дня, такое ясное проникновение в смысл событий в самый момент, когда они происходили, поистине беспримерно»[1]. Эта работа Маркса исключительно богата идеями, новыми теоретическими положениями. Каждая мысль представляет здесь необходимое звено в цепи точного, ясного, научного анализа общественного развития.

В «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» учение марксизма о государстве получило свое дальнейшее развитие. Если в «Манифесте Коммунистической партии» была дана общая установка о неизбежности и необходимости завоевания пролетариатом политической власти, то в «Восемнадцатом брюмера» содержится уже положение о том, что разрушение, слом старой бюрократическо-военной государственной машины является «предварительным условием всякой действительно народной революции». «Учение Маркса, — писал Ленин, — и здесь — как и всегда — есть освещенное глубоким философским миросозерцанием и богатым знанием истории *подытожение опыта*»[2]. «До какой степени строго держится Маркс на фактической базе исторического опыта, это видно из того, что в 1852 году он не ставит еще конкретно вопроса о том, *чем* заменить эту подлежащую уничтожению государственную машину. Опыт не давал еще тогда материала для такого вопроса, поставленного историей на очередь дня позже, в 1871 году»[3]. Продолжая развивать дальше учение марксизма о государстве, Ленин в следующих словах формулировал значение сделанного Марксом в 1852 г. научного открытия: «Здесь вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-осязательный: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 189.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 379.
[3] Там же, стр. 381.

Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве»[1]. В той же работе Маркс дал развернутый анализ бонапартизма как особой формы государственной власти, вырастающей в периоды обостренной борьбы классов, когда при относительном и временном равновесии сил борющихся классов создаются условия для установления режима личной диктатуры, опирающейся на самые реакционные слои общества.

В 1851 г. бонапартизм одержал победу во Франции вследствие антинародной, предательской политики крупной буржуазии, превратившейся в контрреволюционную силу. Из-за своей ненависти к рабочему классу и страха перед самостоятельными выступлениями народа французская крупная буржуазия отказалась от республики и других буржуазно-демократических завоеваний и пошла на установление бонапартистской диктатуры.

«Бонапартизм, — писал Ленин, — есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять, — подкупать, чтобы нравиться, — брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке»[2].

Объясняя смысл голосования на президентских выборах 10 декабря 1848 г., когда за Луи-Наполеона голосовало подавляющее большинство крестьян, Маркс писал, что это произошло потому, что буржуазия своей политикой оттолкнула от себя крестьян, которых Луи-Наполеон сумел привлечь на свою сторону.

В 1848 г. пролетариат не смог повести за собой крестьянство, возглавить его борьбу, и, как указывал И. В. Сталин, это было одной из главных причин неудачи революции.

В «Восемнадцатом брюмера» Маркс на примере Франции дает потрясающую картину положения основной массы крестьянства в условиях капиталистического развития и приходит к очень важному выводу о том, что «крестьяне... находят своего естественного союзника и вождя в *городском пролетариате*, призванном ниспровергнуть буржуазный порядок»[3].

Работа Энгельса «Крестьянская война в Германии», появившаяся в 1850 г. в «Обозрении Новой Рейнской газеты», так же как и упомянутые выше работы Маркса, занимает одно из виднейших мест в марксистской исторической литературе и представляет яркий образец применения теории исторического материализма к конкретным историческим событиям. Эта работа представляет собой, как и работы Маркса, яркий пример партийности в исторической науке. Причины возникновения великой крестьянской войны 1525 г., ход вооруженной борьбы, причины поражения крестьян, а также политические и религиозные идеи того времени изложены Энгельсом в связи с анализом экономического развития Германии. Энгельс не ограничился общей характеристикой революционного лагеря, но выделил наиболее решительные, передовые элементы движения. Он показал, что главную роль в событиях XVI в. играло плебейско-крестьянское движение, возглавлявшееся Томасом Мюнцером, а не лютеранско-рыцарская оппозиция, как утверждали буржуазные историки.

Сопоставляя события 1525 г. и 1848—1849 гг., Энгельс указывал, что если в 1525 г. немецкое бюргерство *не могло* возглавить движение крестьян, своих естественных союзников, то в 1848 г. немецкая буржуазия уже *не*

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 378.
[2] Там же, т. 15, стр. 245.
[3] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 296.

хотела пойти на это. Пролетариат же был еще слишком слаб, чтобы стать во главе движения. Таким образом, в 1848 г., как и в 1525 г., не было налицо революционного класса, способного возглавить движение всего народа, и это послужило причиной поражения революции. Вторая причина поражения революции, писал Энгельс, заключалась в раздробленности страны.

Другая крупная работа Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии», напечатанная в 1852 г. в «Нью-Йоркской трибуне», содержит подробный анализ событий 1848—1849 гг. в Германии и Австрии. Почему немецкая буржуазия вела себя так трусливо и предательски, почему она не воспользовалась благоприятными обстоятельствами, чтобы завоевать себе политическую власть? Отвечая на эти вопросы, Энгельс показывает, что основная причина этих явлений лежит в особенностях исторического развития Германии. Поражение крестьян в 1525 г., усиление феодальных прав князей, упадок только что начавшей развиваться немецкой промышленности и торговли вычеркнули Германию на целых двести лет из списка политически активных наций Европы. Тридцатилетняя война привела к обезлюдению и хозяйственному истощению страны. Преобладание в вывозе продуктов земледелия над продуктами промышленного производства усиливало могущество дворянства. Все это обусловило экономическую и политическую отсталость Германии, слабость немецкой буржуазии.

К тому же, немецкая буржуазия выступила на политическую арену в период, когда революционность буржуазной демократии уже умирала. Июньская битва в Париже необыкновенно ярко вскрыла антагонизм между двумя основными классами капиталистического общества и породила смертельный страх буржуазии перед пролетариатом, в котором она увидела своего могильщика.

Мелкая буржуазия, имевшая большой удельный вес и влияние в Германии, руководила майским восстанием 1849 г. Но, как показала вся история борьбы за имперскую конституцию, она оказалась неспособной возглавить борьбу народа. Отсутствие энергии и инициативы у мелкой буржуазии объясняется, доказывал Энгельс, ее промежуточным положением в обществе — между крупной буржуазией и рабочим классом.

Резко критикуя мелкобуржуазных вожаков за их неумение и нежелание организовать вооруженное восстание, Энгельс указывал: «Восстание есть искусство, точно так же как и война, как и другие виды искусства. Оно подчинено известным правилам, забвение которых ведет к гибели партии, оказавшейся виновною в их несоблюдении». Формулируя эти правила, Энгельс писал: «Во-первых, никогда не следует играть с восстанием, если нет решимости итти до конца... Во-вторых, раз восстание начато, тогда надо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона есть смерть всякого вооруженного восстания... Надо захватить противника врасплох, ...ежедневно добиваться новых, хотя бы и небольших, успехов... удерживать моральный перевес, ...привлекать к себе те колеблющиеся элементы, которые всегда идут за более сильным и всегда становятся на более надежную сторону; надо принудить неприятеля к отступлению, раньше чем он мог собрать свои войска против тебя; одним словом, действуй по словам величайшего из известных до сих пор мастера революционной тактики, Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость»[1].

Мысли Маркса и Энгельса по вопросу о вооруженном восстании прочно вошли в сокровищницу марксистско-ленинской науки. Опираясь на эти

---

[1] К. Маркс. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 110—111.

указания и развивая их в новых исторических условиях классовой борьбы пролетариата, Ленин и Сталин создали учение о вооруженном восстании, которое было блестяще претворено в жизнь в великие дни Октябрьской социалистической революции.

Анализируя классовую природу и поведение различных классов в ходе революции, Маркс и Энгельс делали вывод о том, что только пролетариат может быть представителем интересов всего народа, последовательно отстаивать их и, следовательно, политически возглавлять народные массы в их борьбе за освобождение от угнетения и эксплуатации.

К концу своей жизни, оглядываясь на пройденный вместе с Марксом путь, Энгельс с особой силой и отчетливостью формулировал важнейшее условие успеха пролетарской революции и диктатуры пролетариата — руководство со стороны партии рабочего класса. «... Пролетариат не может завоевать своего политического господства — единственную дверь в новое общество, без насильственной революции. Для того, чтобы пролетариат в решающий момент оказался достаточно сильным и мог победить, необходимо — Маркс и я отстаивали эту позицию с 1847 г., — чтобы он образовал отдельную от всех других партий, противостоящую им самостоятельную классовую партию»[1].

Партийно-организационная деятельность Маркса и Энгельса в начале 50-х годов

Работая над созданием теоретических трудов, ведя пропаганду своих взглядов в печати, Маркс и Энгельс не оставляли и практической, партийно-организационной работы. Раскол, происшедший в «Союзе коммунистов», не только не подорвал авторитета творцов «Манифеста Коммунистической партии», но, напротив, еще крепче сплотил вокруг них передовых представителей рабочего класса. Следствием этого было усиление слежки за ними агентов прусской политической полиции, поддерживавшей тесную связь с прусским посольством в Лондоне (один из полицейских агентов занимал пост атташе посольства).

Прусские полицейские агенты сообщали иногда правильные сведения о положении дел в «Союзе коммунистов». «Можно уже теперь с полным основанием сказать о партии Маркса и Энгельса, —писал в 1852 г. один из лондонских агентов прусского правительства, — что она стоит далеко впереди всех эмигрантов, агитаторов и... комитетов, так как она несомненно имеет за собой большую силу знания и ума. Между тем единство в Шаппер-Виллихской фракции никогда не было особенно велико... Грубое поведение главных членов, так же как и непомерная крайность их планов и мероприятий, постепенно дискредитировали их..., так что в последнее время в Союзе опять начали присматриваться к прежним главарям «Союза коммунистов», к Марксу и Энгельсу, которые были его основоположниками и которые являются научно образованными людьми». «Фракция Маркса, — говорится далее в донесении, — привлекает к себе лучшие силы, разбросанные в разных местах».

Получив в 1851 и 1852 гг. от своих секретных агентов ряд донесений о деятельности Маркса и Энгельса в изгнании, прусский король приказал полицейским властям покончить с общинами «Союза коммунистов» в Германии. Выполняя этот приказ, полиция произвела аресты среди рабочих в ряде городов и возбудила против группы арестованных в Кёльне процесс по обвинению в государственной измене. Обвинительный материал был построен на лживых показаниях шпионов и других подкупленных полицией темных личностей.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 170.

После ряда проволочек, которые объяснялись неуверенностью устроителей судебной комедии в успехе своего предприятия, в октябре — ноябре 1852 г. состоялся процесс, основанный на сплошной фальсификации.

Маркс принял самое активное участие в разоблачении полицейского заговора, лежавшего в основе кёльнского процесса. В статьях, написанных Марксом, его друзьями и единомышленниками для немецкой, французской, английской, американской и швейцарской прессы, подсудимые были реабилитированы от возведенных на них обвинений, а устроители процесса — разоблачены как провокаторы. В частности, Маркс документально доказал, что фигурировавшая на процессе так называемая «Книга протоколов» «Союза коммунистов» — полицейская фальшивка.

«Во время следствия Маркс делал, — писал один из кёльнских подсудимых, — величайшие усилия, чтобы спасти нас, но все старания его и его друзей разбились, вследствие ряда клятвопреступлений полицейского комиссара Штибера и других „спасителей государства"...» Несмотря на вздорность обвинения, на разоблаченные в ходе суда подлоги и фальсификации, был вынесен обвинительный приговор.

В целях полного разоблачения наглого произвола прусских судебных властей и для разъяснения рабочему классу и всему народу подлинной роли коммунистической организации, ее действительных целей и задач Маркс немедленно после окончания процесса написал работу под названием «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов». Уже в декабре он послал рукопись в Швейцарию с тем, чтобы оттуда она в напечатанном виде была переброшена в Германию «в качестве новогоднего подарка господам пруссакам».

В письме к издателю своей работы Адольфу Клуссу, проживавшему в Америке («Разоблачения» печатались также и в Америке), Маркс сам обрисовал то положение, в котором он оказался вследствие процесса. «Вы лучше оцените юмор брошюры, — писал он, — если учтете, что, за отсутствием штанов и обуви, автор ее находится как бы под домашним арестом, а *семья его* каждую минуту рисковала и рискует очутиться в *полной нищете*. Процесс еще глубже затянул меня в нужду, так как в течение 5 недель, вместо того, чтобы зарабатывать на хлеб насущный, я должен был работать для партии, борясь с махинациями правительства. Кроме того, процесс окончательно оттолкнул от меня немецких издателей, с которыми я надеялся заключить договор об издании моей Политической экономии»[1].

В этих строках перед нами снова встает замечательный образ Маркса-борца, не сгибающегося перед трудностями, посвятившего всю свою жизнь благородному и бескорыстному служению интересам пролетарского дела. Маркс считал своим партийным долгом выступить со своими «Разоблачениями», хотя это обрекало его на полную нищету. Его гневное слово разорвало густую завесу лжи. Его правдивые и открытые заявления о действительных задачах коммунистического движения увеличили число сторонников нового учения.

Со времени ареста руководящих членов кёльнского отделения «Союза коммунистов» все связи лондонской организации с континентом были порваны. Маркс и Энгельс потеряли возможность систематически руководить восстановленной в Германии организацией. Кроме того, происки всякого рода раскольнических авантюристических элементов, втершихся в ряды рабочего движения, могли дать — и давали, как это уже показал кёльнский процесс, — поводы реакционному прусскому правительству устраивать новые провокации, чтобы таким образом

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 169.

расправляться с лучшими представителями рабочего класса. Все это заставило Маркса и Энгельса принять решение о роспуске «Союза коммунистов».

Борьба кёльнских членов «Союза коммунистов» была последним отзвуком революционных событий 1848—1849 гг. Теория общественного развития, созданная Марксом и Энгельсом, была блестяще подтверждена всем ходом этих событий, как подтверждали ее и впоследствии все пролетарские и демократические движения во всех странах мира.

В революции 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс выступали как замечательные революционные вожди. Все свои силы и способности они отдавали осуществлению на практике того, что было провозглашено ими в «Манифесте Коммунистической партии». Теоретические знания и практическая деятельность соединялись у них в одно слитое, неразрывное целое — в борьбу за освобождение рабочего класса и всех трудящихся от эксплуатации и порабощения.

Учение Маркса, писал В. И. Ленин, связало в одно неразрывное целое теорию и практику классовой борьбы. Именно это соединение революционной теории с революционной практикой превратило само учение марксизма в величайшую преобразующую силу, в могучий рычаг переустройства общества на новых, коммунистических началах.

Великим вождям пролетариата Марксу и Энгельсу человечество обязано созданием научного коммунизма. Гениальным продолжателям их дела и учения — Ленину и Сталину человечество обязано дальнейшим развитием марксизма, победой пролетарской революции в нашей стране, созданием Советского социалистического государства, которое спасло весь мир от фашистского порабощения и помогло ряду стран Центральной и Юго-Восточной Европы и Азии вступить на путь социалистических преобразований. Советское государство возглавляет лагерь мира, демократии и социализма во всем мире. Вооруженный великим и непобедимым учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, советский народ под испытанным водительством большевистской партии уверенно строит коммунистическое общество.

Глава пятьдесят первая

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В 1849—1850 ГОДАХ

ОТНОШЕНИЕ «ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ» К ПОЛИТИКЕ ПРУССИИ

Начало 1849 г. ознаменовалось укреплением влияния Пруссии в Германии и подъемом демократического движения в южногерманских государствах. Австрия была занята войной в Италии и борьбой с Венгрией и на время потеряла влияние на германские дела. Это делало ее неспособной защищать правителей малых немецких государств от революции. Подъем республиканского движения на юге Германии и страх перед Французской республикой побуждали южногерманских правителей искать опоры против революций в юнкерской Пруссии с ее сильной и проникнутой реакционным духом армией. Такого же мнения было и большинство Франкфуртского парламента. Приняв конституцию «Германской империи», Франкфуртский парламент 28 марта решил предложить императорскую корону прусскому королю и с этой целью отправил в Берлин специальную депутацию. Фридрих-Вильгельм IV не согласился принять императорскую корону от Франкфуртского парламента, но решил воспользоваться сложившейся обстановкой — испугом государей перед революционным подъемом на юге и в центре Германии и временным бессилием Австрии, чтобы добиться согласия германских государей на то, что Пруссия станет во главе объединенной Германии.

Стремление Пруссии к гегемонии в Германии

Эти замыслы Фридрих-Вильгельм IV высказал в письме к Бунзену, своему личному другу и посланнику в Лондоне. «У меня два желания, — писал он, — быть избранным королями и князьями временным наместником Империи, вместо эрцгерцога Иоганна, и затем стать наследственным военным главой Германии для поддержания порядка».

Возникает вопрос, насколько отказ прусского короля от императорской короны в апреле 1849 г. мог быть продиктован внешним дипломатическим давлением. За 12 дней до отказа принять от Франкфуртского парламента корону прусский премьер-министр предупреждал короля, что в случае его согласия стать императором возможна новая Семилетняя война. Но в действительности непосредственная угроза войны в случае согласия Пруссии на Франкфуртскую конституцию в апреле — мае 1849 г. вряд ли существовала. Известные до настоящего времени дипломатические документы 1849 г. не дают оснований полагать, что установление прусской гегемонии в Германии в пределах, намеченных Франкфуртским парламентом, могло бы вызвать войну весной 1849 г. Боязнь общеевропей-

ской войны была сама по себе со стороны прусского правительства прежде всего проявлением его контрреволюционности, страхом перед возможностью нового революционного подъема в случае внешней опасности. Отказ принять императорскую корону от Франкфуртского парламента был не столько результатом нажима со стороны Николая I, сколько проявлением реакционности правящих кругов Пруссии и самого короля.

«Уния трех королей». Пруссия — жандарм Германии

В мае 1849 г. политика Пруссии на юге Германии совсем не походила на ее действия годом ранее, когда устои прусской реакции поколебало восстание 18 марта и прусское правительство было занято польскими делами. Если в апреле 1848 г. разгром баденского восстания был проведен без участия Пруссии, силами одних только гессенских, вюртембергских и баварских войск, то к маю 1849 г. положение изменилось. Прусская контрреволюция давно уже победила в Берлине и могла действовать на юге Германии твердо и уверенно: баварские, вюртембергские, кургессенские, мекленбургские и прочие «имперские» отряды были лишь придатками к прусской армии, находившейся под верховным командованием принца Прусского.

В мае 1849 г. прусские депутаты были отозваны из Франкфурта. В прокламации к пруссакам король объявил, что «миссия Пруссии при столь серьезных обстоятельствах заключается в защите Германии от ее внешних и внутренних врагов».

26 мая Пруссии удалось заключить соглашение с саксонским и ганноверским королями относительно будущего устройства или конституции Германии, известное под названием «унии трех королей». Наместником империи должен был стать прусский король; предусматривалось создание сейма из двух палат. В остальном эта конституция напоминала конституцию, принятую Франкфуртским парламентом. 28 мая прусское правительство обратилось ко всем германским государям с призывом к борьбе за сохранение «основ общественного порядка», к борьбе, которая была объявлена главной целью «унии трех королей». Пруссия призывала все немецкие правительства присоединиться к этой унии.

С беспримерным цинизмом прусское правительство старалось представить свою контрреволюционную политику в Германии как защиту немецкого национального дела. На деле же Пруссия была жандармом Германии. Великий герцог баденский личным письмом просил прусского короля о вооруженной помощи. Баварский король молил о том же для Пфальца. Но для самой Баварии он желал получить лишь несколько батальонов и отвергал настойчивые предложения Пруссии о более значительной поддержке. Брауншвейг, Мекленбург, Ангальт, Ольденбург, Бремен, тюрингские герцогства, оба Гессена и великий герцог Баденский присоединились к «унии трех королей».

В июне баварский король распустил палату и двинул свою армию в Пфальц, но 25 тыс. пруссаков вступили на территорию Пфальца ранее баварцев. Прусское правительство собиралось призвать под ружье 400 тыс. человек. Его войска, кроме Саксонии, Бадена и Пфальца, заняли Нассау, Гессен-Дармштадт и были посланы во Франкфурт-на-Майне. 22 июня сдался последний оплот баденских повстанцев — крепость Раштадт, после чего пруссаки завершили свою победу расстрелом ряда повстанцев. Прусская палата одобрила политику правительства. 7 августа, по просьбе князей Гехингена и Зигмарингена, опасавшихся за свою жизнь, пруссаки заняли княжество Гогенцоллерн. В августе к «унии трех королей» присоединились сначала Саксен-Кобург-Гота и Гессен-Гомбург, а затем Гогенцоллерн, Липпе-Детмольд и город Франкфурт-на-Майне. Число примкнувших к унии государств достигло 29: их прави-

тельства боялись захватнических стремлений Пруссии, но нуждались в ее помощи против революционного движения.

Планы Пруссии встретили сопротивление со стороны Австрии, Баварии и Вюртемберга. Ганноверский король с крайним неудовольствием принял участие в «унии трех королей» и ждал лишь перемены обстоятельств, чтобы ее покинуть. Успех великодержавных замыслов Пруссии был возможен лишь до тех пор, пока не было раздавлено революционное движение на юге Германии и пока австрийская контрреволюция была отвлечена от германских дел войною с венграми. Еще с осени 1848 г. происходило сближение Вюртемберга с Баварией против Пруссии. В дальнейшем вюртембергское правительство присоединилось к выдвинутому баварской дипломатией плану создания для Германии «директории» из Австрии, Баварии и Пруссии.

Австрийский канцлер Шварценберг настойчиво советовал Баварии вооружиться. Он склонял ее и Вюртемберг к созданию в Германии «директории» из представителей не трех, а шести-семи немецких государств или «округов» — Австрии, Пруссии, Баварии, Ганновера, Брауншвейга, Ольденбурга и Саксонии с тюрингскими герцогствами. В подобной «директории» перевес сил был бы на стороне Австрии и второстепенных государств.

Отношение России, Франции и Англии к прусской унии

Николай I ясно видел, что Пруссия привлекала к себе правительства малых германских государств защитой их от революции. По словам Нессельроде, Пруссия желала «вовлечь их в свою унию, заинтересовав их в помощи против анархии, которая их пожирала, и отныне поставить их таким образом под свою исключительную опеку».

Но, несмотря на контрреволюционность политики Пруссии, ни царь, ни Нессельроде не проявляли никаких симпатий к прусской унии: они враждебно относились к идее прусской гегемонии в Германии и решительно осуждали даже те призрачные остатки конституционализма, которые сохранились в Пруссии после разгона Национального собрания. Главным оплотом реакции и раздробленности в Германии, а также гарантии безопасности своей самодержавно-крепостнической империи и ее влияния в Германии царь продолжал считать Австрию и малые немецкие государства. Царская дипломатия подстрекала Баварию и Вюртемберг действовать против планов Пруссии и старалась предотвратить разрыв Пруссии с Австрией.

Еще перед приемом депутации Франкфуртского парламента король прусский спрашивал Мейендорфа: что скажет император Николай, если он, король, примет на себя центральную власть в Германии? Мейендорф высказал свое личное мнение, что если это поможет восстановить «порядок» и не вызовет разрыва с Австрией, то император одобрит шаг короля. Но было очевидно, что политика Пруссии неизбежно приведет к разрыву с Австрией и к ниспровержению «системы 1815 г.». «Уния трех королей» и присоединение к ней других немецких государей вызвали у царя тревогу и раздражение, но главное свое внимание он перенес в мае 1849 г. на поддержку Австрии против венгерской революции, с целью удушить эту революцию и восстановить надежный противовес Пруссии в лице Австрийской империи.

Правительство французской буржуазной республики, возглавляемое президентом Луи Бонапартом, было не менее царя обеспокоено прусскими планами и видело в сохранении германской раздробленности гарантию безопасности Франции и укрепления ее влияния в Европе. Министр иностранных дел Друэн де Люис писал во Франкфурт-на-Майне, что «системой Франции всегда было оберегать существование и независимость малых государств,

которые до сих пор составляли центр Европы». Летом 1849 г. то же мнение высказал новый французский министр иностранных дел Токвиль. Когда прусские войска заняли Баден и начались расстрелы повстанцев, Токвиль под благовидным предлогом осуждения прусских жестокостей писал французскому посланнику в Бадене: «Мы содействовали подавлению восстания, насколько это было возможно без вмешательства в борьбу, но надо, чтобы победа не была запятнана жестокостями». «Мы, — продолжал Токвиль, — никоим образом не можем содействовать восстановлению антилиберальных учреждений. Повидайтесь с великим герцогом и объясните ему желания Франции. Конечно, мы никогда не допустим, чтобы подле нашей границы возникла прусская провинция, или чтобы абсолютистское правительство заменило независимую конституционную монархию».

Прусская уния привлекла к себе также серьезное внимание английского правительства и английской печати. Отказ короля от императорской короны, предложенной ему Франкфуртским парламентом, получил одобрительные отзывы как либеральной «Дейли ньюс», так и торийского «Таймса». Обе газеты опасались войны в случае, если бы король поступил иначе. Пальмерстон не верил в возможность создания Германской империи, но хотел усиления прусского влияния на севере Германии в противовес Франции и России. Лишь газета «Дейли ньюс», симпатии которой к Пруссии находились в прямой зависимости от ее резко враждебного отношения к России, высказывалась за создание «мощной, свободной и независимой Германии».

В июле Пальмерстон писал французскому министру иностранных дел Друэн де Люису: «Я думаю, что все это кончится более тесным союзом немецких государств (за исключением, быть может, Австрии, Вюртемберга и Баварии) под патронатом Пруссии; может быть, это было бы лучше всего. Такая организация Германии была бы прочным буфером между крупными государствами континента». Во всяком случае правящие классы Англии держали курс на сохранение мира между Австрией и Пруссией и предотвращение войны, которая могла бы повредить английской торговле. Газета «Дейли ньюс» 2 июля советовала восстановить прежний Германский союз. Журнал «Эдинбургское обозрение» в 1848 г. стоял за немецкое единство; но когда в 1849 —1850 гг. обострились отношения между Пруссией и Австрией из-за вопроса о прусской унии, тот же журнал писал: «Немцы не должны изумляться, что Англия, торговые интересы которой так тесно связаны с миром в Европе, с недоброжелательством взирает на каждую политическую перемену, которая наносит ущерб дружественным отношениям великих континентальных держав».

Шлезвиг-гольштинский вопрос

В апреле 1849 г. возникла непосредственная угроза общеевропейской войны, но не из-за «унии трех королей», а из-за возобновления войны с Данией. В этом деле царь, Луи-Наполеон и английское правительство выражали полное единство взглядов, настаивая на сохранении целостности Дании.

После перемирия в Мальмё датский комиссар в герцогствах не пользовался никаким влиянием, и под напором общественного мнения датское правительство в марте 1849 г. денонсировало перемирие. Энергичные протесты России, Франции и Англии вначале удерживали Пруссию от наступательных действий, но в апреле, с целью отвлечь общественное мнение от контрреволюционной политики в германских делах, 80 тыс. прусских и других немецких войск снова заняли герцогства. В конце апреля пруссаки вступили в Ютландию, на что Россия, Франция и Англия ответили новыми протестами. Первый дивизион русского флота получил приказание отплыть к острову Альзен. Адмирал Лазарев получил приказание

воздерживаться от военных действий, но если бы датчане оказались вынужденными очистить остров, Лазареву предписывалось взять их суда под защиту, чтобы облегчить их эвакуацию, а затем уйти в пролив Большой Бельт и, в случае нападения на остров Зеландию, помогать его обороне.

В письме к прусскому королю от 10 мая (28 апреля) царь сообщал, что он уже принял решение оказать помощь Австрии против венгерской революции, и тем самым предостерегал Пруссию, чтобы она не рассчитывала ни на длительное ослабление Австрийской империи, ни на ее распад. Николай I осуждал войну с Данией и грозил союзом России с Францией в шлезвиг-гольштинском вопросе: «Полный разрыв с Франкфуртом, мир с Данией, — писал царь, — таковы в моих глазах необходимые условия укрепления правительства вашего величества и внушения своим союзникам[1] тех чувств безопасности и доверия, которые одни могут скрепить их интимные отношения». В тот же день Николай I в личном письме к королю Фридриху-Вильгельму призывал его бороться с революционерами, прекратить войну с Данией. Он писал: «Если осмелятся стрелять в русский флаг, я отвечу».

Значительное давление на Пруссию в мае — июне 1849 г. оказало и английское правительство. 25 мая Пальмерстон пригрозил прусскому посланнику, что если Пруссия станет и далее упорствовать в своем стремлении захватить Шлезвиг и Гольштинию, то Англия откажется от посредничества в этом деле и будет действовать совместно с Россией и Францией в соответствии со своими обязательствами по договору 1720 г. о гарантии государственной целостности Дании. Влиятельная либеральная газета «Дейли ньюс» выступала за поддержку Пруссии против царской России.

Совместное давление России, Англии и Франции вызвало у прусского короля и его министров новый прилив страха перед возможностью неизбежного во время общеевропейской войны революционного подъема и побудило их начать с 4 июня переговоры о перемирии. 6 июля 20 тыс. датчан неожиданно разбили у Фридериции шлезвиг-гольштинские войска. Эта победа ускорила переговоры, и 10 июля в Берлине было подписано перемирие. На время перемирия датские войска должны были занимать Северный Шлезвиг, а прусские — Южный. Ютландия и Шлезвиг очищались от прусских и шлезвиг-гольштинских отрядов. Герцогства должны были управляться временной администрацией.

ОТНОШЕНИЕ «ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ» К РЕВОЛЮЦИОННОМУ ДВИЖЕНИЮ В ИТАЛИИ

Англо-французская дипломатия и возобновление войны за независимость Италии

За поражением Карла-Альберта в войне 1848 г. и его предательским перемирием с Австрией последовал новый подъем национально-освободительного революционного движения в Италии. В феврале 1849 г. в Риме была, наконец, провозглашена республика. События вынуждали Карла-Альберта возобновить военные действия с Австрией. Он надеялся на то, что ее затруднения в Германии и война с Венгрией облегчат ему победу. Чтобы заручиться поддержкой Луи-Наполеона, Карл-Альберт послал к нему своего личного друга графа Арезе. Но Луи-Наполеон не принял на себя никаких обязательств; его

---

[1] Имеется в виду союз трех монархий—России, Австрии и Пруссии, оформленный Мюнхенгретцким соглашением 1833 г.

министры, и в том числе Друэн де Люис, были противниками вооруженного вмешательства в австро-сардинскую войну; во Франции только Гора сочувствовала идее помощи итальянскому революционному движению. Французское правительство и Пальмерстон старались удержать Карла-Альберта от возобновления войны; в то же время Пальмерстон запугивал Австрию возможностью французской интервенции и настаивал на созыве в Брюсселе конференции для подписания мира между Сардинией и Австрией на условиях сохранения за Австрией ее итальянских владений.

Но страх перед возможностью новой революции в Пьемонте в случае заключения мира с Австрией побудил Карла-Альберта 12 марта денонсировать перемирие и объявить о возобновлении военных действий. Он не хотел вести войну, опираясь на народное революционное движение, а, наоборот, стремился к тому, чтобы помешать его развитию. 20 марта король двинул в Ломбардию свою совершенно неподготовленную и недисциплинированную армию, и уже через три дня, 23 марта, она была наголову разбита Радецким под Новарой. Когда Карл-Альберт позорно бежал из Италии и передал престол своему сыну Виктору-Эммануилу II, Французская республика и английское правительство не оказали ему никакой вооруженной помощи и ограничились тем, что предложили Австрии не оккупировать Пьемонт.

Финансовое бессилие Австрии, война с Венгрией и дипломатическое давление Франции вынудили Шварценберга отказаться от занятия Пьемонта. 26 марта было подписано австро-сардинское перемирие на основе сохранения прежней государственной границы Сардинии. Затем австрийцы оккупировали Парму, Модену и Тоскану и начали кровавую расправу над итальянцами. В одном только Ливорно ими было расстреляно 70 человек.

Подписание окончательного мирного договора произошло 6 августа на условиях сохранения прежних границ Пьемонта и уплаты им контрибуции в 75 млн. Австрия сохранила свое господство в Парме, Модене и Тоскане. Только Венецианская республика все еще продолжала оказывать сопротивление австрийцам.

В Сицилии англо-французские представители также не оказали повстанцам никакой военной поддержки. В январе 1849 г. «король-бомба», Фердинанд II, принял «добрые услуги» Англии и Франции для переговоров с сицилийцами: он согласился на автономию острова при условии сохранения единой неаполитанской армии. Но после поражения Карла-Альберта при Новаре Фердинанд II решил беспощадно расправиться с повстанцами. Английские и французские дипломаты ограничивались словесными и совершенно безрезультатными представлениями Фердинанду о милосердии, а повстанцам давали советы о полном подчинении королю. Весной 1849 г. разгром сицилийского восстания был завершен: 15 мая пал последний оплот повстанцев — Палермо.

Интервенция держав в Риме

Отношение Второй французской республики к революциям в других странах прошло три стадии. До июньских дней 1848 г. делались туманные заявления о желании французского правительства содействовать освобождению других народов, но ничего не было предпринято для этой цели. При Кавеньяке официально провозглашалась политика невмешательства, но на деле Франция осуществляла дипломатическую интервенцию в итальянских делах и в конфликте между Пруссией и Данией. В обоих случаях французская дипломатия лишь отстаивала сохранение прежних границ 1815 г. для Дании и Пьемонта. При Луи Бонапарте наступил переход к открытой контрреволюционной интервенции в Риме. Эти этапы внешней политики отражали укрепление власти французской контрреволюционной буржуазии внутри страны.

После народного восстания в Риме 16 ноября 1848 г. и бегства папы в Гаэту под защиту неаполитанского короля Кавеньяк предложил Пию IX убежище во Франции. Но папа не хотел отдаться под защиту Республики и 4 декабря обратился ко всем католическим государствам с призывом к интервенции против римских революционеров. Неаполь и Австрия немедленно отозвались на этот призыв, а испанское правительство даже предложило созыв европейского конгресса для обсуждения этого вопроса. Луи-Наполеон и его министры 23 декабря приняли решение вмешаться в римские события. Восстановлением власти папы Луи-Наполеон рассчитывал приобрести прочную поддержку клерикалов во главе с влиятельным министром народного просвещения Фаллу и еще более привлечь к себе симпатии находившихся под влиянием духовенства крестьян и значительных кругов буржуазии во Франции. Вмешательство Франции в пользу папы подняло бы в Италии французское влияние в противовес Австрии, а в глазах европейских правительств принесло бы Луи-Наполеону репутацию блюстителя «законного порядка».

Низложение папы и провозглашение в Риме республики (9 февраля 1849 г.) еще более обострили вопрос об интервенции. После разгрома пьемонтской армии (23 марта) Радецкий легко мог двинуть свои войска на Римскую республику, что тревожило министерство Барро. Но для того, чтобы послать французские войска на помощь папе, надо было обойти ст. 5 конституции 1848 г., запрещавшую применение вооруженной силы для подавления свободы других народов. Гора и значительная часть умеренных республиканцев в Учредительном собрании опасались, что французские войска будут использованы против Римской республики. Чтобы обмануть Собрание и получить его согласие, надо было придать всему делу вид борьбы за свободу Италии.

16 апреля Барро потребовал ассигнования 1,2 млн. фр. на подготовку экспедиционного корпуса будто бы с единственной целью обеспечить Риму настоящую свободу в случае австрийской интервенции. Докладчик Жюль Фавр заявил, что «правительство не имеет намерения способствовать уничтожению Римской республики». Гора уклонилась от голосования, и кредиты были вотированы 388 голосами против 161. 22 апреля генерал Удино с 8000 человек отплыл в Чивитта-Веккию и высадился там 25 апреля. 30 апреля отряд генерала Удино подошел к Риму, но был отброшен римскими добровольцами под начальством Гарибальди.

7 мая Учредительное собрание большинством в 87 голосов осудило нападение Удино на Рим и потребовало от министерства, «чтобы итальянская экспедиция не отклонялась более от указанной ей цели». Учредительное собрание должно было в конце мая разойтись и уступить место Законодательному собранию, но до тех пор, пока оно продолжало свои заседания, Луи Бонапарт и Друэн де Люис вынуждены были считаться с его решениями и делать вид, что они не намерены раздавить Римскую республику. Чтобы выиграть время, Друэн де Люис послал в Рим с особой миссией виконта Фердинанда де Лессепса, дипломата либерально-монархического образа мыслей. Лессепсу было поручено вступить в переговоры с Римской республикой, в то время как Удино получал подкрепления и готовился к осаде города. Друэн де Люис намеренно не дал Лессепсу никаких письменных инструкций, но рекомендовал ему «воздерживаться от всего, что могло бы позволить римским властям считать, что Франция рассматривает их как законное правительство». Министр советовал Лессепсу не возбуждать подозрительности папы. Луи-Наполеон передал через Лессепса письмо к Удино, в котором поручал напомнить римлянам, что в 1830 г. он сам восставал против папы, и убедить их в том, что французское вмешательство отнюдь не ставит

перед собой тех контрреволюционных целей, какие преследуют Австрия и Неаполь. Это письмо имело целью усыпить подозрения римского правительства в отношении намерений Франции.

Лессепс не подозревал, что его миссия была для Луи-Наполеона и Друэн де Люиса только способом отвлечь внимание Учредительного собрания от действительных целей экспедиции. Удино три недели вел переговоры с Мадзини и римским Учредительным собранием о перемирии и пришел к соглашению о том, что в Риме будет создано временное правительство, уполномоченное принять французскую армию и подготовить окончательное установление нового режима. Это был почти проект союза между обеими республиками. Дипломатия римского триумвирата также была построена на предположении, что Лессепс является выразителем действительных намерений французского правительства. В то же время переговоры Лессепса и советы, которые французский посланник в Гаэте давал Пию IX о необходимости согласиться на введение в Риме конституционных учреждений, вызывали крайнюю тревогу и недоверие папы, который стал с еще бо́льшим нетерпением ожидать скорейшего прибытия австрийских и испанских войск.

Пока Лессепс вел переговоры, началась интервенция Австрии, Неаполя и Испании. В Террачине высадились испанские войска, австрийцы 8 мая заняли Болонью и двинулись к Риму. В Тоскане австрийцы 15—22 мая заняли Флоренцию и Ливорно и восстановили власть герцога Леопольда II. Неаполитанские войска вступили на территорию Римской республики. Но неаполитанский отряд был отбит гарибальдийцами у Веллетри 19 мая. Война с Венгрией не давала Австрии возможности выделить крупные силы против Римской республики, готовившейся к стойкому сопротивлению.

Во Франции 13 мая «трехцветные» республиканцы потерпели полное поражение на выборах в Законодательное собрание. Огромное большинство голосов получила монархическая «партия порядка», которая стояла за беспощадное подавление Римской республики. 26 мая Учредительное собрание было закрыто: Луи-Наполеон мог сбросить маску и прекратить мошенническую комедию с миссией Лессепса. 31 мая Лессепс был внезапно отозван и обвинен в превышении полномочий и симпатиях к Римской республике. Он должен был оправдываться перед Государственным советом и в целях самозащиты опубликовал материалы о своей миссии, разоблачившие политику Друэн де Люиса и Луи-Наполеона.

Луи-Наполеон и второе министерство Одиллона Барро, в котором Друэн де Люиса заменил Токвиль, решили действовать. Удино получил приказ атаковать Рим. К началу лета он располагал уже 20 тыс. человек и артиллерией. С июня до начала июля французы осаждали Рим.

Попытки Горы добиться от Законодательного собрания осуждения экспедиции Удино и устроить демонстрацию в защиту конституции окончились 13 июня полной неудачей. Тем временем французская артиллерия под начальством генерала Вайяна беспощадно обстреливала римские предместья, пробивая бреши в укреплениях и стенах. После упорных и кровопролитных боев Гарибальди со своими добровольцами покинул город, и французы вступили в Рим. Власть в городе была передана коллегии из трех присланных папой кардиналов[1].

Французская буржуазно-либеральная историография пыталась оправдать римскую экспедицию тем, что будто бы восстановление светской власти папы было произведено Францией с целью предотвращения занятия

---

[1] Подробнее об этом см. главу сорок пятую.

города австрийцами, обеспечения в Риме широкой амнистии республиканцам, учреждения совещательной «Консульты» с правом утверждать бюджет и допущения светских лиц к государственным должностям. Французский представитель в Гаэте действительно «настаивал» на этих мерах, но лишь для вида, так, что папа и его государственный секретарь кардинал Антонелли не обратили на эти советы ни малейшего внимания, прекрасно понимая, что «советы» эти давались лишь для отвода глаз. В Риме воцарилась жестокая реакция. Народ Рима ненавидел французских оккупантов, восстановивших папский абсолютизм и теократическое правление. Вернувшись в 1850 г. в Рим, папа мог удерживать власть в своих руках, только опираясь на французские штыки. Французская оккупация Рима продолжалась вплоть до 1870 г.

Австрия и Франция совместно выполнили роль жандармов Италии. Римская экспедиция укрепила французское влияние в центре Италии в противовес австрийскому на севере и вызвала беспокойство других правительств. Пальмерстон враждебно относился к ней, не желая чрезмерного, с его точки зрения, роста престижа Франции в Италии. Австрийское правительство было слишком занято войной с Венгрией и не могло двинуть войска в Рим, чтобы опередить французов. Сам папа желал совместной оккупации Рима войсками католических держав. Австрийское, неаполитанское и испанское правительства советовали Пию IX не поддаваться увещаниям французского посланника и не соглашаться на либеральные реформы. Царь и Нессельроде с одобрением относились к политике Французской республики в Италии. Перед вступлением русских войск в Венгрию царь официально признал Французскую республику, и Нессельроде писал Друэн де Люису: «С живейшим удовлетворением мы собираемся найти залог мирных намерений Франции в умеренном образе действий, которого она придерживалась в последнее время как в Сицилии, так и в войне Сардинии с Австрией».

ЦАРСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ВЕНГРИИ И ПОЗИЦИИ ДЕРЖАВ

Внешняя политика революционной Венгрии

Дипломатия революционной Венгрии определялась целями, которые ставила перед собою обуржуазившаяся часть венгерского дворянства. В 1848 г. Венгрия добивалась автономии в рамках Австрийской империи. В особенности стремились достигнуть соглашения с Габсбургами феодальная аристократия и связанная с австрийским рынком часть обуржуазившегося дворянства. Но сопротивление австрийской контрреволюции привело весной 1849 г. к победе Кошута и других сторонников провозглашения независимости, которые нашли себе опору в обуржуазившемся среднем и мелком дворянстве.

Провозглашение венгерской независимости подрывало Австрийскую империю и реакционные «трактаты 1815 г.». Оно имело большое прогрессивное значение для всей Европы.

Но, ведя борьбу за собственное национальное освобождение, обуржуазившееся дворянство Венгрии стремилось сохранить национальное угнетение сербов, словен, хорватов, словаков и трансильванских румын, которые составляли в общей сложности более половины населения венгерского королевства, или так называемых земель «короны св. Стефана» (именно в пределах этих земель венгерское обуржуазившееся дворянство добивалось образования своего независимого государства).

Такая политика имела целью подчинить весь рынок этих земель складывающемуся венгерскому капитализму и обеспечить в новом государстве

полное господство венгерской национальности. Особенную враждебность проявляли венгерские правящие круги к хорватам. Территория Хорватии, порт Фиуме и побережье Далмации рассматривались венграми как необходимый для будущей независимой Венгрии выход к Адриатическому морю.

Австрийская конституция 4 марта 1849 г. вызвала особое возмущение в Венгрии именно потому, что она отдавала Хорватии Фиуме и Далмацию и отделяла от Венгрии Трансильванию и Воеводину. Стремление венгерского дворянства к угнетению словенской и румынской национальностей порождало у этих народов представление, будто бы сохранение их подчинения Австрийской монархии представляет меньшее зло, и содействовало переходу их на сторону контрреволюции. Своей антидемократической политикой в аграрном вопросе и своим пренебрежением к национальным интересам славян и румын дворянство Венгрии ослабляло освободительное движение и лишало внешнюю политику Венгрии твердой опоры.

Дипломатия революционной Венгрии основывалась на ошибочных расчетах. Венгерское правительство надеялось, что в случае военной интервенции царской России Венгрия получит активную поддержку со стороны Англии, Франции, Турции.

Кошут стоял за создание единой и либеральной Германии, чтобы в союзе с нею, с поляками и с итальянцами одержать победу над Габсбургами и сломить сопротивление славянских народов Австрийской империи. По тем же мотивам Франкфуртский парламент благожелательно относился к требованиям Венгрии и 22 июля 1848 г. единодушно высказался за союз с нею.

В 1848 г. венгерское правительство назначило своими уполномоченными в германские государства и в Австрию Ладислава Шалай и Диониса Пазмань. Деятельность их оказалась безрезультатной: в Вене с ними обошлись весьма пренебрежительно, во Франкфурте точно так же отнесся к ним Шмерлинг. Позиции венгерской дипломатии подорвало то, что в самый критический момент австрийской революции, в дни октябрьского восстания 1848 г., Венгрия не оказала решающей поддержки восставшей Вене.

Из славянских народов венгерское правительство могло считать своими союзниками против Австрии и России только поляков. Польские земли не входили в состав земель «короны св. Стефана», и на этой почве у венгров с поляками не было разногласий. Польские эмигранты и приняли активное участие в военных действиях против Австрии.

Слабой стороной многих деятелей революционной Венгрии и даже Кошута было то, что они питали беспочвенные иллюзии в отношении Англии и Франции, возлагая большие надежды на их поддержку. Еще весной 1848 г. венгерское правительство сделало неудачную попытку завязать дипломатическую переписку с Францией. В сентябре 1848 г. сейм направил графа Ладислава Телеки посланником в Париж, но он был принят лишь как частное лицо.

В конце 1848 г. в Лондон был послан Ладислав Шалай. Он пытался убедить Пальмерстона в том, что венгерский рынок «сможет дать неизмеримые выгоды британской промышленности», и доказывал, что Венгрия заслуживает поддержки потому, что она одна осталась чужда «ультрадемократической буре». Но ни обещание торговых выгод, ни уверения в консервативном характере венгерской революции ни к чему не привели. Британское правительство отказалось от всяких сношений с Шалаем. В феврале 1849 г. в Лондон прибыл друг Кошута венгерский представитель Пульски с целью поднять в английской печати

кампанию в защиту Венгрии. После провозглашения независимости венгерское правительство просило моральной поддержки Англии и Франции, английского посредничества и помощи против царской интервенции, но не добилось ничего.

Царская интервенция в Венгрии

Весной 1849 г. Венгрия была на вершине своего революционного подъема. Венгерские войска нанесли ряд серьезных поражений австрийским войскам и уже готовились к походу на Вену.

21 апреля император Франц-Иосиф обратился к царю с письменной просьбой о помощи. Николай I принял решение двинуть свои войска в Венгрию. 28 апреля был обнародован манифест о предстоящей интервенции, а 21 мая состоялось свидание обоих императоров в Варшаве. Царь определил, что в Венгрию вступят 140 тыс. русских солдат, 40 тыс. останется в дунайских княжествах и 60 тыс. займут Галицию.

Царская интервенция была вызвана ненавистью правящих кругов Российской империи к революционным движениям, их страхом перед возможностью нового польского восстания в случае победы венгерской революции. Нессельроде писал, что Николай I «только отстаивал собственный дом, утушая пожар у соседей». В отчете министерства иностранных дел за 1849 г. сказано, что для царской России «в действительности шла речь о собственном ее сохранении».

Царь боялся, что распад Австрийской империи даст могучий толчок подъему национально-освободительных движений. «Мы не можем потерпеть, чтобы на границах Польши образовалась независимая и полонофильская Венгрия»,—заявил Нессельроде французскому поверенному в делах.

Наряду с борьбой против революции, отчет Нессельроде отмечает и другую цель интервенции, а именно — борьбу против установления прусской гегемонии в Германии. Весной 1849 г. Пруссии удалось сделать шаг в этом направлении, именно вследствие того, что Австрия была обессилена войною с венграми. Спасая Австрию, Николай I рассчитывал сохранить феодальную раздробленность Германии и усилить Австрию, служившую противовесом Пруссии. По словам Нессельроде, царское правительство желало «освободить Австрию от ее затруднений, чтобы позволить ей вернуть себе в Германии роль и положение, которые она потеряла к исключительной выгоде прусского правительства».

Николай I опасался и того, что независимая Венгрия станет источником дальнейших волнений в дунайских княжествах. Злобная ненависть к революционным движениям заставила царя пренебречь всегдашней враждебностью Австрии к его планам на Ближнем Востоке. Николай I был ослеплен идеей солидарности «легитимных» династий: он воображал, что Австрия навсегда будет связана с Россией узами благодарности за спасение ее от гибели и что молодой император Франц-Иосиф станет во всем слушаться его советов. Того, что после удушения венгерской революции он станет не нужен австрийскому правительству, царь совершенно не предвидел.

Впоследствии, во время Крымской войны, многие русские консервативные публицисты, как, например, М. П. Погодин, резко критиковали Николая I за спасение Австрийской империи и указывали, что царь в ее лице спас от гибели врага славянских народов и врага политики России на Ближнем Востоке. Но в 1849 г. многие представители дворянской монархической интеллигенции одобрительно относились к интервенции. В отличие от передовых русских людей, резко осуждавших интервенцию, они видели в ней подъем престижа царской России, ограждение российского самодержавия от революционных движений Запада. Таково было настроение Жуковского, Тютчева, братьев Аксаковых, Хомякова, Самарина.

Во время переговоров в Варшаве царь потребовал согласия Франца-Иосифа на то, чтобы русская армия в Венгрии не была подчинена австрийскому командованию. Австрийское правительство сначала возражало против этого, но Николай дождался того момента, когда положение Австрии стало критическим, и добился принятия своих условий. Как силен был испуг при дворе Франца-Иосифа, видно из того, что в мае 1849 г. генерал-лейтенант граф Кабога, ближайшее доверенное лицо императора, умоляя Паскевича срочно послать отряд, чтобы задержать венгров на путях к Вене, публично бросился на колени перед русским фельдмаршалом; целуя Паскевичу руки, он со слезами упрашивал его «спасти Австрию»; «каждый день, каждый час дорог», — говорил Кабога.

Ко времени перехода русской армии через границу венгерское правительство располагало почти 185 тыс. солдат, но войска эти были разбросаны в разных местах, и действия отдельных армий были плохо согласованы. Русские и австрийские войска обладали крупным численным перевесом над венграми. Венгерские войска, несмотря на геройство отдельных командиров и воинских частей, далеко не использовали всех возможностей для сопротивления русской армии, если не считать довольно крупного столкновения у Вайцена и энергичных действий отряда под командованием генерала Бема в Трансильвании. Причиной этого были предательские действия венгерского главнокомандующего Гергея, который все более склонялся к мысли о капитуляции и довел дело до того, что в начале августа венгерская армия была с двух сторон стеснена превосходящими силами русских и австрийцев в южной части Венгрии. Паскевич вступил с Гергеем в тайные переговоры и обещал смягчить его участь. 13 августа у Вилагоша армия Гергея сложила оружие перед русскими войсками. Многие венгерские и польские революционеры укрылись в турецких владениях. После подавления венгерской революции австрийские войска расправились с революционной Венецией — последним уцелевшим в Италии очагом национально-освободительной революции.

Подавление венгерской революции имело огромные международные последствия. Как подчеркивал Энгельс, царизм своим вмешательством «...закрепил поражение европейской революции»[1], т. е. закрепил победу контрреволюции во Франции, в малых итальянских и германских государствах, в Берлине и в Вене, восстановил Австрийскую империю как оплот национального гнета и раздробленности Германии. Новому подъему революционного движения была поставлена серьезная преграда. Престиж царя среди реакционных правительств Европы высоко поднялся. Николай I сыграл в 1849 г. роль «жандарма Европы». В. И. Ленин писал: «Достаточно вспомнить хотя бы венгерский поход Николая I и неоднократные расправы с Польшей, чтобы понять, почему вожди международного социалистического пролетариата, начиная с 40-х годов, неоднократно указывали европейским рабочим и европейской демократии на царизм, как на главный оплот реакции во всем цивилизованном мире»[2].

Англия и венгерская революция

Пальмерстон в разговоре с уполномоченным Кошута Пульски, касаясь Австрии, сказал однажды, «что если бы она не существовала, то ее следовало бы выдумать, и что она является необходимостью в Европе и естественным союзником Англии на Востоке». Слова эти как нельзя лучше объясняют отношение Пальмерстона к царской интервенции в Венгрии.

Пальмерстон отказался вступить в какие бы то ни было официальные сношения с венгерскими представителями, посланными в Лондон, и в де-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 27.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 15 ,стр. 425.

кабре 1848 г. ответил им, что «британское правительство знает Венгрию только как составную часть Австрийской империи». Английский посланник в Вене вместо инструкции получил от Пальмерстона копию циркуляра Нессельроде о вступлении русских войск в Венгрию. Королева и самые крайние реакционеры из партии ториев были вполне согласны с Пальмерстоном в этом вопросе и беспокоились только о том, достаточно ли войск отправит царь против Венгрии. Герцог Веллингтон сказал русскому послу в Лондоне Бруннову: «Постарайтесь действовать большими массами — силами, достаточными для сокрушения смуты одним ударом. Ведите большую войну, большими средствами. Вы их имеете». Пальмерстон не протестовал против русской оккупации дунайских княжеств — это объяснялось тем, что данная мера имела целью не только подавление революционного брожения и укрепление царского влияния в самих княжествах, но и помощь Австрии против Венгрии с юга.

Виги оказались, таким образом, на стороне контрреволюции. Только буржуазные радикалы и фритредеры во главе с Ричардом Кобденом устраивали митинги протеста против царской интервенции в Венгрии. Основа этого протеста была чисто торгашеская. Кобден требовал, чтобы Англия отказала России в денежном займе на военные нужды. Недовольство австрийским протекционизмом и заманчивые предложения венгерского правительства превратить Венгрию в рынок сбыта британских промышленных товаров располагали в пользу Венгрии манчестерских фабрикантов, глашатаем интересов которых выступал Кобден. «Разумеется, — писал Маркс, — в вопросе о Венгрии у английских фритредеров имеется и прямая заинтересованность. Вместо существовавшей до сих пор закрытой границы со стороны Австрии — торговый договор и своего рода свобода торговли с Венгрией» [1].

Пальмерстон ясно выразил свое отношение к венгерской революции в речи, произнесенной в парламенте 21 июля. «Высказывать предположение, — заявил он, — что какое-либо правительство Англии может желать возбуждать революционные движения в какой-либо части света, ...это значит показывать такую степень невежества и глупости, в которой я никогда не считал повинным ни одного общественного деятеля».

Министр иностранных дел Англии не скрыл того, что английское правительство заинтересовано в сохранении целостности Австрийской империи. «Австрия, — сказал он, — является важнейшим элементом равновесия европейских держав. Австрия стоит в центре Европы, как барьер против захватов, с одной стороны, и вторжения — с другой». Все, что ослабляет Австрию, «должно быть великим несчастьем для Европы и притом таким, о котором каждый англичанин должен сожалеть и стараться его предотвратить».

Но в конце июля Пальмерстон стал опасаться, что Австрия подпадет под слишком сильное влияние царя. 1 августа он предложил свои услуги австрийскому правительству для примирения Австрии и Венгрии. Шварценберг ответил только 26 сентября, когда все было уже кончено. В австрийской ноте язвительно указывалось, что когда восстания происходят в Канаде, Ирландии и других частях Британской империи, то «английское правительство всегда знает, как поддерживать авторитет закона даже ценою потоков крови», но Австрия никогда в это не вмешивалась и просит Пальмерстона лишь о взаимном невмешательстве в ее собственные дела.

Известия о зверской расправе австрийцев с венгерскими офицерами и генералами вызвали среди английской буржуазии немало лицемерного

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 58.

возмущения. Между тем «синие книги» об английском колониальном режиме, которые никогда не читались английской публикой, могли бы потрясти даже Радецкого и Шварценберга. В 1850 г. австрийский фельдмаршал Гайнау, запятнавший себя дикими жестокостями в Венгрии и Италии, явился в Лондон и был любезно принят в знатных домах. Когда же Гайнау посетил одну фабрику и расписался в книге посетителей, то рабочие, горячо сочувствовавшие венграм и итальянцам, узнав, кто он, схватили его и принялись таскать за усы, а затем забросали грязью и вышвырнули на улицу. Там на Гайнау напали извозчики и отстегали кнутами. Гайнау спрятался в мусорный ящик, откуда его извлек хозяин фабрики. На другой день Гайнау покинул столицу Англии.

Отношение Франции и Пруссии к царской интервенции в Венгрии

Французское правительство, подобно Пальмерстону, ничем не помогло революционной Венгрии. Во время римской экспедиции Луи-Наполеон и его министры не хотели раздражать Австрию и были весьма довольны тем, что Николай I признал Французскую республику. Как и Пальмерстон, они видели в Австрии оплот против русской политики на Балканах и в Турции и желали восстановления сильной Австрийской империи. Лицемерное осуждение царской интервенции высказывалось министрами лишь для обмана общественного мнения. 12 мая Друэн де Люис порицал политику Николая I перед Учредительным собранием, но английский и русский представители в Париже получили заверения, что выступлению Друэн де Люиса не следует придавать никакого значения. В Законодательном собрании 85 демократов, членов Горы, подписали предложение признать независимость Венгрии, но оно было отвергнуто. Министр иностранных дел Токвиль защищал перед Собранием царскую интервенцию в Венгрии, за что удостоился одобрения Николая I.

Отношение Пруссии к царской интервенции было двойственным. С одной стороны, сохранение целостности Австрийской империи грозило Пруссии потерей гегемонии в Германии, чего она настойчиво добивалась весною 1849 г. С другой стороны, прусское правительство не желало разрыва с царской Россией как оплотом реакции и, подобно Николаю, опасалось нового польского восстания в случае победы революционной Венгрии. 7 тыс. прусских солдат заняли округа Рыбника и Плеса, чтобы предотвратить восстание поляков. Прусское правительство изъявило готовность пропустить 30 тыс. русских солдат из Кракова в Австрию по верхнесилезской железной дороге и ничем не воспрепятствовало царской интервенции в Венгрии.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ И БЛИЖНИЙ ВОСТОК

В 1849 г. значительно обострилась борьба европейских держав за преобладание на Ближнем Востоке. Поражение революции в 1849 г. дало им возможность возобновить прежнее соперничество из-за влияния в дунайских княжествах, в Турции и Греции. Маркс и Энгельс писали: «Как только на время утихает революционный ураган, можно с уверенностью сказать, что снова всплывает на поверхность вечный „восточный вопрос“» [1].

Балта-Лиманская конвенция 1 мая 1849 г.

Занятие дунайских княжеств турецкими и русскими войсками вызвало продолжительную борьбу между англо-французской и царской дипломатией. В сентябре 1848 г. Николай I предложил султану союз; он хотел, чтобы будущий режим в княжествах остался делом только Турции и России.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 371.

но Пальмерстон и Французская республика пытались вмешаться в русско-турецкие отношения и усилить свое влияние на султанское правительство. Пальмерстон настаивал на том, чтобы русская оккупация была кратковременной, но не возражал против пребывания в княжествах турецких войск и против зверств, которые турки совершали в Валахии над мирными жителями. Британское министерство посылало в Петербург протесты против длительной отсрочки созыва общих представительных боярских собраний в дунайских княжествах и замены их более послушными советами избранных бояр. Но было бы наивностью принять показное свободолюбие Пальмерстона за чистую монету. Британскому представителю в Константинополе Пальмерстон предписывал требовать самым решительным образом от турецкого правительства, чтобы оно не давало княжествам конституционных учреждений и ограничивалось устранением «некоторых злоупотреблений». С этой точки зрения Пальмерстон втайне находил мотивы царского правительства основательными и откровенно признавался в этом в письме к секретарю английского посольства в Петербурге Бьюкенену.

Особенно старался помешать заключению русско-турецкой конвенции британский посланник в Константинополе Стратфорд Каннинг. К середине XIX в. резко возросла британская и французская торговля в Турецкой империи и увеличилось торговое и стратегическое значение Черноморских проливов. Дунайские княжества становились крупными экспортерами хлеба через проливы. Эти обстоятельства возбуждали особую активность британской дипломатии на Востоке. Заботясь о подчинении Турции своему торговому и политическому влиянию, британское правительство выдвигало реакционнейший принцип «целостности» Турецкой империи. При этом английская пресса и парламентские ораторы выдвигали лживую концепцию, согласно которой Турецкая империя во всех ее частях служила будто бы гигантским прикрытием для защиты Индии от «угрозы» со стороны России. Связанные с колониальной политикой широкие круги английской буржуазии, аристократии и чиновничества находили в этой концепции удобное «обоснование» и маскировку для своей агрессивной политики на Ближнем Востоке и в Азии. Лишь радикальные фритредеры во главе с Кобденом считали излишними затраты на активную политику против России на Востоке и находили более выгодным экономическое сотрудничество с нею. Но Пальмерстон не считался с требованиями фритредеров.

Французское правительство, подобно Пальмерстону, также противодействовало политике Николая I в дунайских княжествах. Многие молдавские и валашские революционные деятели укрылись в Париже и завязали сношения с французскими либералами. В январе 1849 г. Друэн де Люис предъявил России ноту, которая выставляла главным предметом французских забот «целостность» и «независимость» Турции и настаивала на отозвании русских войск из княжеств, но Нессельроде неизменно ссылался на «беспорядки» в княжествах. Сближение английской и французской дипломатии в делах Ближнего Востока при Луи-Наполеоне становилось все более и более заметным и вызывало крайнее неудовольствие царя.

Для переговоров с Турцией Николай I послал в Константинополь генерала Граббе и, напутствуя его, сказал, что он отправляется с «миссией мира, а не войны». Царь имел основание надеяться мирным путем достигнуть соглашения с Турцией. Английское и французское правительства не собирались доводить дело до войны с Россией из-за княжеств. Турецкие власти делали военные приготовления и сосредоточили у Адрианополя 50-тысячное войско, но и султанское правительство не думало воевать и само желало при помощи России оказать противодействие

продолжавшимся в княжествах революционным волнениям. Прусский двор советовал Порте заключить соглашение с Россией.

1 мая (19 апреля) 1849 г. в Балта-Лимане была подписана русско-турецкая конвенция, или «сенед», на 7-летний срок — до 1856 г. Конвенция подтверждала прежние русско-турецкие договоры. Она оставляла в силе введенный в княжествах в 1831 г. Органический статут, но вносила в него существенные изменения. Назначение господарей должно было в дальнейшем производиться не пожизненно, а на семь лет, и не по выбору бояр, а непосредственно с согласия русского и турецкого дворов. Общие представительные собрания бояр объявлялись на неопределенное время отложенными; порядок их созыва подлежал определению Турцией и Россией. Вместо них временно учреждались советы, или диваны, для совещания о правительственных мерах и контроля над финансами. Обе стороны соглашались сначала уменьшить, а после «успокоения» княжеств вывести из них оккупационные войска. Но Россия сохраняла право в случае новых «беспорядков» ввести свои войска без согласования с Портой, чего прежние договоры не допускали. Конвенция усиливала царское влияние в княжествах.

Франция и Англия вынуждены были признать, что русско-турецкие дела подлежат ведению прежде всего России и Турции. Лишь после этого, в мае 1849 г., царь официально признал Французскую республику. В том же 1849 г. были назначены новые господари: в Валахию — князь Стирбей, в Молдавию — Григорий Гика. В княжествах осталось 40 тыс. русских войск, сокращение численности этих войск было отложено до марта 1850 г. В мае 1851 г. русские отряды оставили княжества. Долг княжеств по содержанию оккупационных войск составил 3 535 824 руб. серебром.

Вопрос о венгерских и польских эмигрантах в Турции

После капитуляции венгерской армии у Вилагоша несколько тысяч эмигрантов перешли турецкую границу в поисках убежища и с разрешения местного паши расположились лагерем в Виддине. Более половины эмигрантов составляли венгры, в том числе Кошут и другие министры венгерского правительства; свыше тысячи было поляков и около 500 итальянцев. К ноябрю до 500 эмигрантов погибло от тифа. Солдаты и унтер-офицеры получили разрешение вернуться на родину; многие, в том числе Бем, перешли в ислам, чтобы заручиться полным покровительством турецких законов. Остальные образовали в Турции очаг венгерского и польского революционного движения, что вызвало серьезное беспокойство Шварценберга и царя. Напротив, турецкие власти охотно приняли эмигрантов, так как польские и венгерские офицеры могли быть использованы на турецкой военной службе, что также совершенно не отвечало намерениям Австрии и Николая I.

Австрийское правительство потребовало от султана выдачи венгерских и итальянских эмигрантов, а царь — выдачи поляков.

Оба правительства грозили Турции войной, но угрозы эти не имели под собой реальной почвы. Финансовые затруднения обоих правительств и боязнь того, что в случае войны на Востоке Пруссия получит полную свободу рук для установления своей гегемонии в Германии, заставляли Австрию и Россию ограничиваться угрозами.

Английский и французский посланники подстрекали султанское правительство к отказу в выдаче эмигрантов, уверяя, что исполнение этого требования будет означать падение престижа Турции и ее полную покорность воле царя и Шварценберга. Могущество Николая I после венгерской интервенции казалось Пальмерстону и Луи-Наполеону непомерно возросшим, и они считали вопрос об эмигрантах весьма удобным

поводом для того, чтобы ослабить авторитет царя в глазах султанского правительства. Посредством военной демонстрации они решили заставить Николая I и Шварценберга умерить свои требования.

В начале октября 1849 г. английская эскадра адмирала Паркера отплыла от берегов Корфу и остановилась в Безикской бухте, у самого входа в Дарданеллы. Шварценберг стал умереннее и согласился удовлетвориться установлением в Турции такого надзора над главарями эмиграции, чтобы они не могли вредить существующему в Австрии порядку вещей, но царь упорно настаивал на выдаче всех тех польских эмигрантов, которые не перешли в ислам. Русский флот был приведен в боевую готовность. Когда английский флот приблизился к Дарданеллам, Нессельроде представил царю проект депеши в Лондон по этому поводу, но царь желал более резкого ответа и надписал: «По совести я не могу утвердить проекта этой депеши, ибо я нахожу, что она написана в слишком слабом тоне. Между тем мы уже знаем, что английская эскадра отправилась к Дарданеллам. Полезно было бы ответить этому нахалу Пальмерстону, что его угрозы нас не устрашают и что мы не допустим вмешательства в наши непосредственные сношения с Портой. Все это может быть сказано вежливым, но достойным и сильным языком».

10 октября 1849 г. Луи-Наполеон последовал примеру Англии. Он отдал приказ французскому флоту выйти в море и направиться в Смирну для совместной с Англией военной демонстрации против России. Луи-Наполеон в 1849 г. еще не думал воевать с Россией, но, подобно Пальмерстону, стремился при помощи демонстрации подорвать ее влияние на султанское правительство.

Турецкое правительство желало избежать войны и всячески старалось использовать поддержку Англии и Франции, чтобы добиться от царя возможных уступок. Султан направил в Петербург с письмом к царю своего посла Фуада-эффенди для переговоров. Николай I опасался дать сильным морским державам предлог для нападения на Россию и отказался от своего требования выдачи эмигрантов. В отношении венгерских эмигрантов он стал на точку зрения Шварценберга, но домогался изгнания из Турции всех поляков, с какими бы паспортами они туда ни явились. Царь стремился показать, что он действует совершенно самостоятельно, без вмешательства или давления со стороны иностранных государств. Соглашение не было достигнуто. Турецкое правительство по совету Англии и Франции частично приняло предложенные царем условия, но отказалось выслать поляков, которые не были русскими подданными. В то же время британский флот из 12 кораблей 1 ноября вошел в Дарданелльский пролив и стал на якорь невдалеке от выхода в Мраморное море. Французская эскадра вначале также приблизилась к входу в проливы. Но Луи-Наполеон не желал до крайности обострять отношения с Россией, и вскоре, в середине ноября, французский флот получил приказ оставить воды Архипелага.

Нарушение британским флотом Лондонской конвенции 1841 г. Разрешение вопроса об эмигрантах

Появление эскадры адмирала Паркера в Дарданелльском проливе было грубейшим нарушением Лондонской конвенции 1841 г., которая запрещала проход военных судов через проливы в мирное время. Этот шаг британского правительства вызвал резкий отпор со стороны России. Положение обострилось настолько, что Пальмерстон стал опасаться, не зашел ли он слишком далеко в своих угрозах. Он пригласил Бруннова для лучшего определения взаимных прав и обязанностей Англии и России в проливах. В продолжение 21 и 22 ноября происходил в острой форме спор между Пальмерстоном и Брунновым о законности действий адмирала Паркера.

Пальмерстон утверждал, что Паркер имел право «бросить якорь внутри пролива, но не проходя через него». Бруннов решительно отверг такое казуистическое толкование конвенции 1841 г. Когда же Пальмерстон стал упорствовать, Бруннов пригрозил появлением русского флота в Босфоре. «Если, — сказал он, — ваше рассуждение правильно в отношении адмирала Паркера, то оно будет правильным и по отношению к адмиралу Лазареву. Прецедент, который вы сейчас устанавливаете, нарушает принцип закрытия Дарданелл и откроет нам завтра двери Босфора. И тот и другой пролив может открываться или закрываться в зависимости от того, соблюдаются или нарушаются наши договоры». Этот ответ принудил Пальмерстона сразу сбавить тон и сослаться на «бурную погоду», которая будто бы заставила Паркера «укрыть» эскадру в проливе. Но Бруннов возразил, что Паркер мог выбрать стоянку в Смирнском заливе или другом месте, и резко обвинял Пальмерстона в прямом нарушении конвенции 1841 г. В заключение Бруннов пригрозил, что в случае войны с Турцией исход ее решит не флот, а русская сухопутная армия. На другой день Пальмерстон беседовал с Брунновым в совершенно примирительном духе. В конце концов Пальмерстон признал действия адмирала Паркера «ошибкой» и обещал позаботиться о том, чтобы «это впредь не повторялось», а также дать распоряжение адмиралу оставить проливы.

Все же царское правительство вынуждено было пойти на дальнейшие уступки Турции в вопросе об эмигрантах и удовлетворилось предложениями Фуада-эффенди. 25 декабря был подписан окончательный русско-турецкий протокол о польских эмигрантах, а 31 декабря между обоими государствами были восстановлены дипломатические отношения.

В вопросе об эмигрантах Австрия оказалась более упорной, чем Россия. Шварценберг еще несколько месяцев настаивал на участии австрийских властей в надзоре над интернированными в Турции лицами, но безуспешно. Дипломатические отношения Австрии и Турции были возобновлены только в апреле 1850 г.

Борьба за влияние в Греции и Турции

Пальмерстон пытался подорвать влияние России не только в Турции, но и в Греции; здесь он интриговал и против России и против Франции. Греция находилась по конвенции 1832 г. под совместным покровительством трех держав — России, Англии и Франции. Внутри страны боролись три партии, и каждая из них опиралась на одну из держав-«покровительниц». В начале 1850 г. в Греции у власти стояло правительство, находившееся под влиянием Франции, и Пальмерстон задумал морскую демонстрацию с целью поколебать авторитет Франции и России и показать Греции мощь Англии на Средиземном море. В январе 1850 г. английские корабли под вздорным предлогом блокировали Пирей и захватили греческие торговые суда.

Ссылаясь на конвенцию 1832 г., греческое правительство обратилось за содействием к Франции и России. В апреле 1850 г. в Лондоне между Англией и Францией было достигнуто соглашение, но блокада продолжалась, и греческое правительство вынуждено было удовлетворить часть английских требований. Взбешенный Луи-Наполеон пригрозил отозвать из Греции представителя Французской республики.

Царь был возмущен политикой Пальмерстона. В предъявленной ноте он оспаривал притязания английского правительства, осуждал применение им блокады и захват греческих кораблей. Царь и Нессельроде хотели добиться совместного с Францией энергичного выступления против британской политики в Греции.

Угрозы Луи-Наполеона и царя отозвать из Греции своих представителей возбудили у Пальмерстона боязнь сближения Франции с Россией.

Чтобы помешать этому, он решился на уступки, но вошел в соглашение с одной Францией.

К 1850 г. относится начало того спора о «святых местах», который впоследствии послужил внешним поводом для Крымской войны. На основании § 33 капитуляций 1740 г. христианские святыни в Иерусалиме и его окрестностях должны были находиться в руках покровительствуемого Францией католического духовенства. Но малочисленность католических богомольцев и небрежное отношение католического духовенства к не приносившим ему дохода святыням привели к тому, что распоряжение ими постепенно было передано турецкими властями в руки православной церкви. Луи-Наполеон решил вновь поднять вопрос о «святых местах», чтобы вернуть их в руки католической церкви и тем подорвать в Турции влияние православной церкви и царской России.

Султанское правительство создало для разрешения вопроса смешанную комиссию из мусульман и христиан. По поводу предложений этой комиссии в дальнейшем развернулась ожесточенная дипломатическая борьба между Францией и царским правительством.

АВСТРО-ПРУССКАЯ БОРЬБА ЗА ПРЕОБЛАДАНИЕ В ГЕРМАНИИ И ВМЕШАТЕЛЬСТВО ДЕРЖАВ В ЭТУ БОРЬБУ (сентябрь 1849 г. — май 1851 г.)

Царская интервенция в Венгрии завершила подавление революции 1848 г. С осени 1849 г. в Европе восторжествовала контрреволюция, и на первый план выступила борьба держав за преобладание в Германии. Самым острым стал вопрос о том, будет ли восстановлен Германский союз под гегемонией Австрии или же его место займет прусская Ограниченная уния и будет закреплено верховенство Пруссии в Германии. Еще летом 1849 г. успех Пруссии казался обеспеченным, но с осени 1849 г. положение коренным образом изменилось в пользу Австрии.

Раздавив южногерманские восстания, прусское правительство само устранило всякую необходимость в Унии для второстепенных германских государств. Оправившись от страха, они стали отходить от Пруссии, опасаясь ее покушений на их самостоятельность. В то же время успех царской интервенции в Венгрии и восстановление целостности Австрийской империи дали и Австрии возможность решительно выступить против прусских притязаний на гегемонию в Германии. Таким образом, контрреволюционность и агрессивность прусской политики продолжали оставаться главным источником ее слабости, в особенности в условиях той враждебности, которую Пруссия встречала не только со стороны Австрии и России, но и Англии и Франции.

Австро-прусская борьба с осени 1849 г. до лета 1850 г.

Во главе австрийской дипломатии стоял князь Шварценберг. Это был ярый реакционер и в то же время смелый и опасный враг прусской политики. Целью Шварценберга было унизить и ослабить Пруссию. Но он не сразу раскрыл свои планы.

Вначале, пока австрийское правительство еще не вполне оправилось от революционных потрясений, он готов был идти на компромисс. Прусское правительство, со своей стороны, маневрировало, опасаясь резкого столкновения. 30 сентября 1849 г. в Вене было подписано соглашение между Австрией и Пруссией о создании для Германии совместной Временной административной комиссии, которая должна была заменить собою Центральное правительство, созданное Франкфуртским парламентом. Промежуточный и временный характер этого соглашения был выражен в его латинском названии «Interim» («временно»). Срок его действия устанавливался до

1 мая 1850 г. К исходу 1849 г. почти все немецкие государи присоединились к этому соглашению.

«Interim» 30 сентября 1849 г. был для Шварценберга лишь началом восстановления Германского союза. Австрийская дипломатия деятельно подготовляла сближение с Ганновером и Саксонией с целью оторвать их от прусской унии. Велись и военные приготовления.

Прусская Ограниченная уния быстро распадалась. 27 февраля 1850 г. Саксония заключила в Мюнхене соглашение с Баварией и Вюртембергом. Неофициально к соглашению примкнул Ганновер, после чего Мюнхенская конвенция получила название «Союза четырех королей». Она предусматривала, что во главе Германии будет стоять директория из восьми членов — представителей Австрии, Пруссии, Саксонии, Баварии, Вюртемберга, Ганновера и обоих Гессенов. Австрия присоединилась к Мюнхенскому соглашению, а в марте 1850 г. Ганноверское правительство официально заявило о своем выходе из унии.

Весной 1850 г. прусский кабинет намеревался созвать в Эрфурте парламент из представителей немецких государств, примкнувших к унии, с тем, чтобы он принял прусский проект устройства союзных органов унии. Но Ганновер и Саксония отказались участвовать в Эрфуртском парламенте, который открылся 20 марта. На нем председательствовал Радовиц и были представлены только Пруссия и послушные ей мелкие государства. Решения парламента были продиктованы Пруссией, но не имели существенного значения.

Шварценберг перешел в решительное наступление и в конце апреля 1850 г. пригласил германские государства прислать своих уполномоченных во Франкфурт-на-Майне для открытия сейма и переустройства Германского союза на основе Мюнхенской конвенции. Католическое духовенство, весьма влиятельное в южногерманских государствах, всячески поддерживало австрийскую политику. 10 мая во Франкфурте начала заседать конференция по вопросу о восстановлении сейма Германского союза. Вначале в ней участвовали только четыре союзных королевства, но вскоре к ним присоединились оба Гессена, Шаумбург и Стрелиц.

Австро-прусская борьба по вопросам таможенной политики

Австро-прусская борьба за гегемонию в Германии была тесно связана с конфликтом по вопросу о Таможенном союзе. К 1848 г. в таможенном отношении германские государства и Австрийская империя представляли несколько различных областей: 1) 26 государств во главе с Пруссией, в том числе Бавария, Вюртемберг и Саксония, составляли Таможенный союз; 2) Ганновер и Ольденбург были объединены в самостоятельный, так называемый «Податной союз» и в силу своего приморского положения мало зависели от прусской таможенной политики; 3) другие приморские государства — Гамбург, Бремен, Любек, Мекленбург и Гольштиния оставались в таможенных делах самостоятельными и не входили ни в какие объединения; 4) Австрия была ограждена запретительным тарифом, причем до 1 октября 1850 г. внутри Австрийской империи существовала таможенная граница между Австрией и Венгрией.

Таможенный союз был орудием прусского экономического и политического давления на входившие в него государства, средством их подчинения Пруссии.

Шварценберг и министр торговли Брук всячески старались лишить Таможенный союз его прусского характера и заменить его более широким таможенным объединением, в котором Пруссия не могла бы занимать руководящего положения. Брук, занимавший свой пост с ноября 1848 г., был убежденным сторонником таможенного объединения Австрии и гер-

манских государств, которое, по его замыслу, охватило бы население в 70 млн. человек. Он мечтал о том, что к этому обширному таможенному союзу примкнут Голландия, Бельгия, Дания и Швейцария. Брук писал, что Австрия хочет не разрушить, а, наоборот, «расширить, преобразовать и развить Таможенный союз присоединением Австрии и германских государств, расположенных у Северного моря. Нынешний Таможенный союз, таким образом, растворится в большом союзе, в котором Пруссии придется отказаться от исключительной гегемонии». Отношение буржуазных кругов Австрии к этому проекту было неодинаково. Текстильные фабриканты стояли за проект Брука, так как эти отрасли промышленности достигли значительного развития и могли не опасаться германской конкуренции. Торговая палата Будапешта также высказалась за проект Брука, но «Промышленный союз Нижней Австрии» и промышленники Чехии отнеслись к нему враждебно.

Австрийское правительство предложило создать во Франкфурте-на-Майне постоянную комиссию для рассмотрения тарифов и торговых договоров. В январе 1850 г. Шварценберг разослал приглашения всем государствам Германии принять участие в комиссии. Пруссия в ноте от 28 февраля потребовала, чтобы она одна выступала в переговорах от имени всего Таможенного союза. Саксонское правительство отрицало за Пруссией это право, а Бавария и Вюртемберг объявили, что будут самостоятельно вести переговоры с Австрией. 28 июня 1850 г. австрийский совет министров решил объявить Баварии, Вюртембергу и Саксонии, что Австрия объединится с ними в Таможенный союз в случае распада существующего Таможенного союза, договор о котором истекал к 1 января 1854 г.

Таким образом, существованию Таможенного союза и господствующему положению Пруссии в таможенных делах Германии угрожала серьезная опасность.

Австрийские проекты Брука, который мечтал о промышленном развитии Германии и о подрыве торговой гегемонии Англии посредством создания широкого таможенного объединения от Балтийского до Адриатического моря, не обратили на себя в Англии серьезного внимания. Только либеральная газета «Дейли ньюс» высказалась против планов Брука. Осуществление таможенного слияния Австрии и Пруссии означало бы, по мнению этой газеты, потерю для Англии экспорта в Германию на 4 млн. фунтов стерлингов в год.

Николай I и австро-прусская борьба за гегемонию в Германии

В мае 1849 г. царь видел главный способ борьбы с прусской гегемонией в Германии в восстановлении целостности Австрийской империи. Летом 1849 г. Николай I избегал вооруженного вмешательства в немецкие дела, которое могло бы вызвать новый революционный подъем в Германии. Точку зрения петербургского кабинета на прусскую политику Нессельроде выразил следующими словами: «Монархическая и наполовину революционная Пруссия преследует двойную цель: внутри она подавляет доктрины, которые разрушают ее как монархию; вовне она им благоприятствует, чтобы извлечь выгоду для своего честолюбия. Увеличить свое влияние и свои военные силы за счет второстепенных государств, исключить из конфедерации [Германского союза] Австрию и захватить за счет ее разрушения гегемонию в Германии — вот то, что она желала бы извлечь из объединительного движения 1848 г.». Контрреволюционное значение прусской унии было совершенно ясно для Нессельроде, но именно поэтому он и рассчитывал, что после подавления революций малые государства покинут Пруссию. «Ограниченная уния, — писал Нессельроде, — в которую главные партнеры Пруссии вошли против искреннего

желания, имела единственный смысл существования в потребности этих государств сплотиться вокруг Пруссии, чтобы защитить себя внутри от порывов революционного духа. Эта потребность исчезла для них с того момента, когда они вновь нашли в Австрии столь же действительную и менее заинтересованную защитницу».

Николай I не желал войны между Австрией и Пруссией, так как боялся, что она станет всеобщей и вызовет новый революционный взрыв в Германии. Царь надеялся сдержать Пруссию угрозами. «Германские дела,— писал царь Паскевичу 7(19) декабря,— хуже, чем когда, и, по словам Мейендорфа, нет сомнения, что готовится новая демократическая попытка. Всего более опасаюсь я явного разрыва Австрии с Пруссией, ибо одно оно может нас скорее всего завлечь в войну. Припомни, что я тебе говорил; наша роль будет тогда сказать им: „эй, ребята, не дурачься, а не то, я вас!“».

В начале ноября и в декабре 1849 г. царь передал в Берлин свой протест против нарушения Пруссией договоров 1815 г. и приказал начать военные приготовления. В январе 1850 г. Николай I известил баварского короля о своем желании, чтобы прежний Германский союз был восстановлен, и заявил, что выступит против первого, кто нарушит трактаты. Для этого в Царстве Польском стояла огромная русская армия.

Весной 1850 г. царь продолжал оказывать давление на Пруссию, но в то же время удерживал от поспешного выступления и Австрию. 27 мая в Варшаве состоялось свидание Николая I с прусским королем и австрийским канцлером. Шварценберг выпрашивал у царя обещание занять русскими войсками Галицию и воспрепятствовать новому польскому восстанию в случае войны Австрии с Пруссией. Царь отказал в этом: он настаивал на мирном разрешении спора. 31 мая Николай I повторил прусскому королю свою угрозу обрушиться на того, кто нападет первый, и написал ему, что нарушение Пруссией договоров 1815 г. он сочтет нападением на Австрию.

Луи-Наполеон и германские дела

Французское министерство иностранных дел придерживалось того же взгляда на политику Пруссии, что и царь, но личные планы Луи-Наполеона внушали Николаю I серьезные опасения.

Луи-Наполеон считал, что ближайшая задача политики Франции в Западной Европе — это укрепление влияния Франции в Италии, Южной Германии, Бельгии и Швейцарии. Когда Пруссия и Австрия при поддержке Англии и России потребовали от Швейцарии выдачи политических эмигрантов, французское правительство заявило, что не допустит применения силы для поддержки этих притязаний и будет отстаивать независимость Швейцарии даже «с оружием в руках». Одновременно из Парижа посоветовали Швейцарии в случае необходимости пойти на компромисс.

Важнейшее же дело будущего, по мнению Луи-Наполеона, заключалось в отмене договоров 1815 г., в активной завоевательной политике. Предметом вожделений французской буржуазии были Ницца, Савойя, земли по левому берегу Рейна и колониальные приобретения. Но в 1850 г. главное внимание президента и политических партий было еще сосредоточено на внутренней борьбе, хотя и в 1850 г. президент видел в использовании противоречий между Австрией и Пруссией средство увеличения своего влияния на европейские дела и расширения границ Франции. Симпатии его больше склонялись к Пруссии, хотя он не желал допустить, чтобы она уничтожила самостоятельность малых германских государств, издавна считавшихся оплотом французского влияния на юге Германии. Австрию он рассматривал как враждебную державу из-за ее активной политики в Италии и Швейцарии. Зная о несогласии министров с его пла-

нами и не доверяя им, Луи-Наполеон решил обратиться к методам личной секретной дипломатии и в начале 1850 г. направил в Берлин с особой миссией своего друга Персиньи.

Токвиль догадывался, что на Персиньи было возложено двойное поручение — подготовить насильственный захват верховной власти во Франции и расширение французской территории. Луи-Наполеон поручил Персиньи предложить Пруссии содействие и разузнать, как отнесется прусский двор к возможному перевороту во Франции и к возможности войны с Австрией из-за итальянских дел, о которой президент думал уже в то время (январь 1850 г.). Король был встревожен намеками Персиньи и довел о них до сведения царского правительства.

Сближение Луи-Наполеона с Пруссией не состоялось. Французские министры далеко не разделяли планов президента и еще не превратились вполне в его марионеток. Французское правительство боялось, что Пруссия поглотит малые германские государства на юге Германии. Министерство иностранных дел весной 1850 г. направило Персиньи инструкцию с предписанием заявить прусскому кабинету, что Франция считает себя защитницей самостоятельности второстепенных немецких государств от прусских посягательств. «Мы не должны забывать, — гласила инструкция, — что поддержание существования малых государств было одним из существенных элементов нашей политики, что в тот день, когда они бы исчезли, мы испытали бы серьезный ущерб, и положение Франции было бы значительно ослаблено...» Разумеется, подобное заявление не могло способствовать сближению прусского правительства с Луи-Наполеоном, посулы и намеки которого противоречили языку официальных документов французского министерства. Прусский король боялся вмешательства французской буржуазной республики в немецкие дела. Он не доверял Луи-Наполеону и презирал его. Но президент сделал еще одну попытку к сближению летом 1850 г., в тот момент, когда для Пруссии стала особенно важной его позиция в шлезвиг-гольштинском вопросе. Ходили слухи, что за свое содействие он был намерен потребовать для Франции некоторые немецкие области на левом берегу Рейна или хотя бы город Ландау. Президент в июне 1850 г. заговорил по этому вопросу с прусским посланником Гатцфельдтом, но прусский король решительно отверг эти предложения. Французский посол Персиньи потерял в Берлине всякое доверие. Он жаловался на то, что его намерения ложно истолкованы, и грозил войной, после чего прусский двор попросил отозвать его. Французское правительство исполнило просьбу, но в отместку послало дружественного Австрии агента во Франкфурт, где австрийская дипломатия подготовляла в это время восстановление сейма Германского союза. Тогда Фридрих-Вильгельм IV устроил в Потсдаме торжественный прием легитимистскому претенденту на французский престол графу Шамбору. В шлезвиг-гольштинском вопросе Франция и Пруссия остались на прежних, противоположных, позициях.

Шлезвиг-гольштинский вопрос и вмешательство держав летом 1850 г.

Переговоры о мирном договоре между Данией и Пруссией без конца затягивались. Прусские власти подстрекали гольштинцев к вторжению в Южный Шлезвиг. В переговорах о мире прусское правительство выдвинуло проект полной независимости Шлезвига.

Правительства шести стран — России, Франции, Англии, Австрии, Швеции и Норвегии — были в этих спорах целиком на стороне Дании. Но решающее давление на Пруссию было оказано императором Николаем I. 4 марта царь указал прусскому представителю в Петербурге фон Рохову, что если Пруссия будет препятствовать «справедливому миру», то он изменит методы воздействия.

В мае прусский король послал в Варшаву принца Прусского с целью умилостивить царя, но эта миссия была безуспешна. В начале июня царь направил балтийскую эскадру под командованием вице-адмирала Епанчина крейсировать между островами Мэн и Рюген. Затем 3-я флотская дивизия была дополнительно отправлена из Кронштадта в датские воды. По представлению русского посланника в Стокгольме шведское правительство также отправило свой флот к берегам Дании. Русская эскадра должна была запереть выход прусским военным судам из Киля, чтобы помешать их столкновению с датским флотом и не допустить нападения гольштинцев на датские острова. Вице-адмирал Епанчин действовал совершенно самостоятельно, не подчиняясь датскому командованию. Ему было предписано начать военные действия только после первого выстрела неприятеля. В действительности русская эскадра была слаба и находилась в плохом состоянии. Главное значение имела угроза со стороны русской сухопутной армии. Пруссия вынуждена была уступить и согласиться на мир с Данией на условиях сохранения прежнего положения вещей, т. е. оставления Шлезвига и Гольштинии за Данией.

Давление Пальмерстона на Пруссию имело в 1850 г. большое значение, хотя и не было подкреплено военной демонстрацией. Пальмерстон действовал в том же направлении, что и Николай I. Английская буржуазия терпела убытки от блокады, которая была установлена для германских портов датским флотом, и желала скорейшего прекращения войны. 12 апреля Пальмерстон послал прусскому правительству угрожающую ноту, которая предупреждала, что вероятным последствием его упорства будет занятие Шлезвига русскими войсками и разрешение вопроса о герцогствах посредством насильственного вмешательства России.

Переговоры о мире между Пруссией и Данией продолжались весь июнь и 2 июля завершились подписанием мирного договора в Берлине. Мир восстанавливал существовавшее до войны положение со всеми его неясностями, с различным порядком престолонаследия в Дании и в герцогствах. По ст. IV мирного договора датский король мог обратиться к Германскому союзу с просьбой о помощи для усмирения гольштинцев, что летом 1850 г. практически означало обращение к Австрии. Если бы Германский союз не пришел ему на помощь, то ему давалось право подавить сопротивление в герцогствах своими силами.

Но и после Берлинского мира положение в герцогствах оставалось неспокойным. Гольштинцы отказались подчиниться условиям мирного договора. 25 июля они вступили в столкновение с датскими войсками. Последние одержали победу над силами Гольштинии. Но и после этой победы прусское правительство продолжало подстрекать гольштинцев к сопротивлению условиям Берлинского мирного договора, что вызывало весьма резкое осуждение со стороны России, Франции и Англии.

2 августа Англия, Россия, Франция, Швеция и Норвегия подписали в Лондоне протокол о гарантии целостности Дании. Австрия присоединилась к протоколу, но прусское правительство отказалось признать его.

Обострение австро-прусской борьбы за гегемонию осенью 1850 г.

Исход борьбы Пруссии за гегемонию в Германии был предрешен провалом прусской унии. 2 сентября во Франкфурте-на-Майне собравшиеся по приглашению Австрии представители второстепенных государств объявили о восстановлении прежнего сейма Германского союза, несмотря на неучастие в нем Пруссии и все еще примыкавших к ней отдельных мелких государств.

26 сентября король назначил Радовица министром иностранных дел. Радовиц не верил в то, что Россия объявит Пруссии войну. Он питал несбыточные надежды на помощь Англии и настаивал на широких военных

приготовлениях, чтобы запугать Австрию. Радовиц признавал возможность нового революционного подъема в Германии в случае войны, но утверждал, что австрийское правительство побоится начать ее и уступит перед угрозами. В своей записке о немецком единстве он усматривал главный оплот «порядка» в Германии в решительной и последовательно контрреволюционной политике Пруссии. «Общий и частный враг прусских стремлений, — писал он, — это демократия... Запереть дверь для революции, объединить все консервативные силы в самом широком смысле для воссоздания в Германии порядка, основанного на справедливости и власти, — такова линия, которой я следую и которая является наиболее полезной в настоящих условиях».

Осенью 1850 г. австро-прусская борьба за гегемонию осложнилась событиями в курфюршестве Гессен. Еще в 1849 г. там вспыхнуло движение против введения новых налогов неконституционным путем. Население отказалось их платить. Прусское правительство намеревалось послать туда свои войска, чтобы не допустить австрийской интервенции. Гессен был расположен в той области Германии, где давно преобладало прусское влияние и откуда австрийские войска могли, в случае войны, серьезно угрожать Пруссии. Между Австрией и Пруссией возник спор о том, кому из них должна принадлежать «честь» выполнения в Гессене обязанностей всенемецкого жандарма. До 1848 г. эту роль выполняла Австрия. Контрреволюционное вмешательство Пруссии в Гессене должно было показать, что она не признает австрийской гегемонии и считает Франкфуртский сейм и Германский союз несуществующими. Но австрийское правительство решило не уступать и собиралось направить в Гессен свои войска. В то же время снова обострился вопрос о Шлезвиге и Гольштинии. Сторонники отделения герцогств от Дании отказались подчиниться условиям мирного договора от 2 июля 1850 г. и продолжали сопротивление, которое прусское правительство втайне поощряло. Шварценберг требовал допущения австрийских войск в Шлезвиг и Гольштинию и вмешательства Франкфуртского сейма с целью полного усмирения обоих герцогств, но прусский двор воспротивился этим настояниям.

Отношения между Австрией и Пруссией все более обострялись. Казалось, что приближается война. По донесениям русских агентов, австрийская армия в сентябре 1850 г. состояла из 389 380 человек, из которых под ружьем находилось 328 658. Но этих сил было недостаточно для борьбы с Пруссией и для того, чтобы удерживать в повиновении венгров и итальянцев. Австрия стремилась укрепить свои связи с второстепенными государствами и заручиться союзом с ними, чтобы угрожать Пруссии. 11 октября на берегу Констанцского озера, в Брегенце, состоялось свидание Франца-Иосифа с вюртембергским королем Вильгельмом I и баварским королем Максимилианом II. В переговорах приняла участие и Саксония. Четыре двора заключили соглашение и взяли на себя обязательство выставить 250-тысячную армию против Пруссии в случае военного столкновения из-за вопроса о Гессене.

Брегенцская конвенция была крупным успехом дипломатии Шварценберга. Радовиц и принц Прусский попрежнему были уверены в перевесе сил Пруссии, исходя из того, что прусская армия была лучше дисциплинирована и обучена, чем войска Австрии и ее союзников, и надеялись запугать Австрию, но прусский министр-президент граф Бранденбург и король склонялись к уступкам. В прусском кабинете обострилась внутренняя борьба, влияние Радовица падало. В особенности резко выступали против политики Радовица министр внутренних дел Мантейфель и военный министр генерал Штокгаузен. Они считали прусскую унию неосуществимой и боялись вызвать войну, которая, по их мнению,

развязала бы снова силы революции. Главная забота короля заключалась в том, чтобы ответственность за уступки свалить на своих министров и на вмешательство Николая I.

Вмешательство Николая I. Варшавские переговоры. «Оломоуцкие пункты»

В октябре 1850 г. Николай I снова пригласил в Варшаву прусского короля и австрийского императора. Царь решил не допустить войны между Пруссией и Австрией и заставить прусское правительство пойти на уступки австрийцам.

Король послал вместо себя Бранденбурга с целью умилостивить царя и отстоять хотя бы незначительную часть прусских требований. Инструкции, которые были даны Бранденбургу, предусматривали значительные уступки со стороны Пруссии: согласие на включение всех провинций Австрийской империи в Германский союз и на восстановление прежнего сейма. Пруссия претендовала уже не на гегемонию, а лишь на равное с Австрией положение в Германском союзе и отказывалась от фактического продления договора об унии, срок которого истекал 15 октября.

Но примирение оказалось невозможным. Шварценберг и Франц-Иосиф рассчитывали на Брегенцское соглашение с тремя королями и на поддержку Николая I. Они намеревались унизить Пруссию и требовали от нее формального отказа от унии. Шварценберг наотрез отказался допустить равное с Австрией участие Пруссии в председательствовании в Германском союзе и в осуществлении в нем исполнительной власти. Согласие не было достигнуто ни по гессенскому, ни по гольштинскому вопросам. Граф Бранденбург пытался пригрозить тем, что Пруссия в случае войны может быть вынуждена прибегнуть к революционным средствам, но и это не произвело ни малейшего впечатления: было очевидно, что консервативное прусское правительство никогда не осуществит ничего подобного. Николай I пренебрежительно отнесся к прусским домогательствам. Он беседовал с Бранденбургом вежливо, но дал ему ясно понять, что поддержит Австрию. Особенно царь настаивал на уступках Пруссии в гольштинском и гессенском вопросах. 29 октября переговоры были прерваны.

Утром 31 октября Бранденбург вернулся в Берлин с чувством крайнего унижения, но с твердым убеждением, что оставшиеся неразрешенными вопросы не сто́ят войны. Пруссия уже сделала весьма существенные уступки, — война же могла окончиться для нее катастрофой.

1 ноября в совете министров Бранденбург предложил продолжить переговоры с Австрией и достичь соглашения путем дальнейших уступок. В кабинете произошел окончательный раскол. 2 ноября точка зрения Бранденбурга и Мантейфеля была принята, после чего Радовиц подал в отставку и был заменен Бернсторфом.

Король сам боялся войны, но принял Бранденбурга с крайним раздражением, стараясь сделать его козлом отпущения. Внезапно заболев, ослабленный нервным потрясением, Бранденбург умер 6 ноября.

После смерти Бранденбурга министром-президентом был назначен Мантейфель, который стоял за примирение с Австрией и принадлежал к тем старопрусским реакционерам, которые были против уступок буржуазии и против того, чтобы Пруссия брала на себя миссию объединения Германии под своей гегемонией.

Прусский двор возвращался к старопрусской консервативной внешней политике. Но в конфликте с Австрией маневры Пруссии продолжались еще около четырех недель. Главная их цель заключалась в «сохранении лица» правительства и в том, чтобы изобразить дипломатическое поражение Пруссии исключительно результатом давления со стороны России.

2 ноября Шварценберг двинул австрийские войска в Гессен. Столкновение их с прусскими отрядами казалось неизбежным. 6 ноября в Прус-

сии была объявлена мобилизация, хотя правительство вовсе не собиралось начинать войну и желало лишь получить более мощную военную опору при переговорах с Австрией, а также иметь под рукой крупные силы в случае внутренних волнений. По русским сведениям, Пруссия в ноябре поставила под ружье 375 тыс. солдат и располагала 875 орудиями. 8 ноября в Гессене передовые прусские и австрийские отряды обменялись несколькими десятками выстрелов при Бронцелле; было ранено несколько австрийских егерей, а со стороны пруссаков — одна лошадь. Эта стычка и «серый бронцелльский конь» были жестоко осмеяны всеми газетами, но до настоящей войны дело не дошло, и 13 ноября военные приготовления Пруссии были приостановлены, хотя царь и Шварценберг их продолжали. В Царстве Польском происходили демонстративные передвижения русских войск.

Шварценберг снова обратился за поддержкой к царю. Король, со своей стороны, осаждал Николая I просьбами смягчить свою позицию и приказать Мейендорфу, который в это время был посланником в Вене, поддержать Пруссию. Местом окончательных переговоров был намечен Оломоуц (Ольмюц), куда и направился Шварценберг в сопровождении Мейендорфа. Прусский король назначил своим представителем на Оломоуцкой конференции Мантейфеля. Николай I был очень доволен тем, что его посланник будет арбитром в австро-прусском споре, что Германия останется раздробленной и что в ней будет сохранено преобладание Австрии. Мейендорф предложил, чтобы Пруссия признала право Австрии ввести войска в Гессен и вмешаться в гольштинские дела. Пруссия должна была признать сейм Германского союза и заявить, что она не имела намерения разрушить Германский союз вступлением в Гессен ее войск. Было решено, что в следующем году в Дрездене соберется конференция германских правительств для окончательного решения вопроса об устройстве Германского союза и о том, войдут ли в него все ненемецкие владения Австрийской империи. Эти условия были подписаны 29 ноября 1850 г. в виде так называемых «Оломоуцких пунктов».

Итак, в 1850 г. Николай I враждебно отнесся к установлению прусской гегемонии в Германии: он сознавал угрозу, которая возникнет у западных границ Российской империи в случае объединения Германии вокруг Пруссии. Впоследствии прусские либеральные историки и публицисты изображали дело так, как будто бы вмешательство Николая I в австро-прусский конфликт 1850 г. было таким же актом его борьбы с революционным движением, как и венгерский поход Паскевича. Но на деле контрреволюция в Германии победила уже в 1849 г. В Варшаве и в Оломоуце речь шла о другом — о противодействии царя попыткам Пруссии установить свою гегемонию в Германии.

Политика Николая I способствовала сохранению в Германии феодальной раздробленности, оказывала тормозящее, реакционное влияние на капиталистическое развитие Германии и еще более усилила ненависть германской буржуазии к России. Германская либеральная буржуазия, пресмыкаясь перед реакционным пруссачеством, была вне себя от злобы из-за поддержки царем германской раздробленности.

Озлобляла немецких буржуа и таможенная политика Николая I. В 1850 г. на всей западной границе Российской империи был введен единый таможенный тариф, лишавший прусскую торговлю особых льгот в польских губерниях России, связи которых с русским рынком царское правительство всячески поощряло.

Немецкая буржуазная публицистика старалась убедить общественное мнение Германии, будто Россия является единственным оплотом реакции в Германии и в Европе вообще. Цель этой лживой пропаганды заключалась

в том, чтобы отвлечь внимание германского народа от борьбы с прусско-юнкерской контрреволюцией в самой Германии.

Вмешательство Англии и Франции в австро-прусские отношения

Распространенное мнение, что дипломатическое вмешательство в борьбу между Австрией и Пруссией осенью 1850 г. было делом одной только царской России, совершенно не обосновано. Не только царь, но и буржуазные правительства Англии и Франции вмешивались в это время в германские дела с целью восстановления договоров 1815 г., хотя они действовали не так настойчиво и не с такой силой, как Николай I.

Сближение Луи-Наполеона с Пруссией не состоялось. Французская республика попрежнему противодействовала Пруссии в Гольштинии и оберегала самостоятельность малых государств Германии. В середине октября, по инициативе Франции, Николай I и французское правительство предложили Пальмерстону совместно заставить Пруссию выполнять Берлинский мирный договор с Данией от 2 июля 1850 г. и не подстрекать более гольштинцев к сопротивлению. После этого Пальмерстон сообщил прусскому послу в Лондоне Бунзену, что в случае упорства Пруссии можно ожидать занятия Силезии русскими войсками, а левого берега Рейна—французскими войсками. Французский посланник отрицал подобное намерение, но подчеркнул, что Франция не останется пассивной. Французское правительство не желало нарушения целостности Дании и не хотело допустить, чтобы разрешение вопроса о герцогствах стало делом одной России.

Пальмерстон был встревожен возможностью войны и усиления России и Франции за счет Силезии и левого берега Рейна. В связи с этим Пальмерстон, при единодушном одобрении не только вигов, но и ториев, настойчиво советовал Пруссии уступить и без войны уладить дело в пользу Дании. В споре об интервенции в Гессене Пальмерстон был целиком на стороне Австрии и не хотел, чтобы ее положение в Германии потерпело ущерб. Тори еще решительнее высказывались за Австрию. Надежды прусских деятелей консервативно-конституционного направления, таких, как Арним, Бунзен или Радовиц, на союз с Англией и на поддержку со стороны Франции оказались иллюзией. Приняв отставку Радовица, король послал его в Лондон для переговоров по гольштинскому вопросу. Но все попытки Бунзена и Радовица запугать английское правительство тем, что царская Россия будет повелительницей всей Европы, не увенчались успехом.

В наиболее острый момент австро-прусского конфликта французское правительство предложило России совместное вмешательство в датские и в германские дела, но в это время уже начались оломоуцкие переговоры, и царь предпочел действовать самостоятельно. Отношение Французской республики к гессенскому вопросу и борьбе между Австрией и Пруссией отличалось от позиции Николая I и Пальмерстона. Если французское правительство не хотело, чтобы Пруссия нарушила самостоятельность малых государств Германии, то еще более оно боялось чрезмерного усиления Австрийской империи, которая вела враждебную Франции политику в Италии. Советы «умеренности» и «благоразумия», исходившие от французских представителей в Берлине и Вене, относились главным образом к Австрии. С точки зрения французского правительства Пруссия должна была занимать достаточно авторитетное положение в Германии, чтобы уравновешивать Австрию. Французское министерство требовало поэтому, чтобы австрийское правительство не ставило Пруссию в унизительное положение, и сообщило в Вену, что сочтет Пруссию вправе не уступать требованию о немедленном отозвании ее войск из Гессена. На случай войны Пруссии с Австрией и ее союзниками французское правительство делало приготовления. 40 тыс. французских войск, которыми были дополнительно усилены

гарнизоны Эльзаса, вызывали немалое беспокойство Шварценберга и Мантейфеля во время оломоуцких переговоров. Можно было опасаться, что в случае войны они будут использованы для занятия левого берега Рейна.

Дрезденская конференция. Восстановление Германского союза

23 декабря 1850 г. в Дрездене открылась конференция представителей всех германских государств, созванная для обсуждения вопроса о восстановлении и переустройстве Германского союза. На ней столкнулись три точки зрения. Первую из них выдвинули Вюртемберг, Бавария и Саксония; исходя из Мюнхенского соглашения от 27 февраля 1850 г., они наметили план, по которому мелкие государства, шедшие во всех делах за Пруссией, лишались представительства в сейме. Австрия также не могла бы занять в нем решающего положения, и преобладание оказалось бы в руках трех вышеупомянутых второстепенных королевств. Неудивительно, что Австрия и Пруссия на Дрезденской конференции объединились, чтобы провалить этот проект, и достигли своей цели без особых усилий.

Вторая точка зрения была выдвинута Шварценбергом и сводилась к установлению господства Австрии в Германии, и притом господства несравненно более полного, чем предполагали «договоры 1815 г.» и прежнее устройство Германского союза. В этом вопросе Шварценберг превратился из защитника «системы 1815 г.» в сторонника ее изменения в пользу Австрии. Он предлагал создать сейм из восьми членов с девятью голосами: два от Австрии, два от Пруссии, по одному от Баварии, Вюртемберга, Саксонии и двух Гессенов. Шварценберг надеялся, что если мелкие государства не будут иметь голоса, то Пруссия останется в полной изоляции, а правительство Австрии сможет сблизиться с тремя второстепенными королевствами и получить решающий перевес. Рассчитывая на преобладание Австрии, Шварценберг настаивал на расширении полномочий сейма, тогда как прусское правительство желало их ограничения. Но главное средство добиться полного господства Австрии в Германии Шварценберг видел не в реформе сейма, а во включении в Германский союз всех ранее не входивших в него австрийских владений, т. е. Венгрии, Галиции, Трансильвании, южнославянских и итальянских областей. Такое изменение устройства Германского союза позволило бы потребовать его помощи в случае войны Австрии с Сардинией и Францией за итальянские провинции и воспользоваться его давлением для поддержки австрийской политики на Ближнем Востоке против России. Эта реформа была особенно выгодна Австрии потому, что она чрезвычайно укрепила бы господство австрийцев над венграми и славянскими народами Австрийской империи. Шварценберг настаивал на включении всех провинций Австрии в Германский союз уже во время варшавских переговоров, но царь тогда резко воспротивился этому плану и находил более выгодным поддерживать в Германии «договоры 1815 г.». Только когда выяснилось, что французское правительство намерено оказать Шварценбергу самое энергичное сопротивление и что Пальмерстон также недоволен австрийским проектом, Николай I решил использовать эти разногласия с целью вызвать конфликт между Австрией и западными государствами. Царь дал свое согласие на проект Шварценберга, но с непременным условием, что австрийское правительство достигнет соглашения по этому вопросу с Францией и Англией.

Николай I был уверен, что Франция и Англия не допустят осуществления проекта Шварценберга. Он хотел поссорить с ними Австрию и укрепить ее союз с Россией в противовес буржуазным государствам Запада. Мечтою царя было восстановление союза трех монархов 1833 г. и возврат к «монархической солидарности» венского, берлинского и русского дворов. Французскому представителю Кастельбажаку царь

сказал, что дал согласие на проект Шварценберга «ради сплочения правительств против демагогии», а Нессельроде заявил лорду Блумфильду, что целью русской политики является укрепление безопасности австрийских владений в Италии от агрессии со стороны Франции.

Французское правительство было весьма обеспокоено таким поворотом в политике царя и заявляло в Петербурге и Вене тревожные протесты, подозревая, что между Австрией и Россией состоялась какая-то сделка со взаимными компенсациями. 5 марта 1851 г. французское правительство обратилось с нотой к державам — участницам Венского договора о том, что организация Германского союза не может быть изменена без согласия восьми государств, его подписавших. В то же время Луи-Наполеон послал в Петербург, кроме находившегося там французского представителя генерала Кастельбажака, еще своего личного агента для переговоров с Николаем I. В беседе с царем об Австрии последний грозил, что Франция объявит ей войну. Николай I сообщил об этих угрозах в Вену, и они чрезвычайно встревожили Шварценберга.

Прусское правительство соглашалось на включение всех немецких провинций Австрии в Германский союз и надеялось получить за это согласие Австрии на унию с малыми государствами, но французский посланник в Берлине решительно убеждал прусский кабинет в том, что Пруссия станет тогда второстепенной державой и что к ней «устремлены все симпатии президента». Против австрийского плана высказывалось и правительство Ганновера.

Решительным противником включения всех немецких провинций Австрии в Германский союз и проекта Шварценберга о реформе сейма был Пальмерстон. 7 марта 1851 г. он написал английскому агенту в Вене Мадженису, что все проекты Австрии спорны, «несовместимы с постановлениями Венского договора 1815 г. и что они не могут быть осуществлены без согласия всех подписавших договор государств». Пальмерстон подчеркивал, что план Шварценберга лишил бы Германский союз его национального характера. Такое же представление было сделано Пальмерстоном прусскому правительству. Пальмерстон не желал, чтобы Австрия была слишком втянута в германские дела и отвлечена от противодействия России на Ближнем Востоке.

Удостоверившись, что Англия и Франция решительно воспротивились планам Шварценберга, царь дал понять австрийскому правительству, что в случае войны из-за этого вопроса оно не может рассчитывать на его помощь. На Дрезденской конференции проекты Шварценберга потерпели полное поражение: включение всех австрийских провинций в Германский союз было обусловлено единогласным одобрением сейма, что было заведомо невыполнимо. После Дрезденской конференции Шварценберг хранил молчание о своем плане, и Нессельроде сказал лорду Блумфильду, что «не следует будить кошку, которая спит».

Пруссия явилась на Дрезденскую конференцию после оломоуцких переговоров; позиции ее были ослаблены. Не имея возможности претендовать на преобладание в Германии, прусское правительство ограничилось сопротивлением чрезмерному усилению австрийской гегемонии. Оно предложило восстановить Германский союз в его прежнем виде в соответствии с «договорами 1815 г.», что и было постановлено 15 мая 1851 г. После этого Пруссия и Австрия заключили оборонительный союз и 30 мая обменялись его ратификациями. С внешней стороны договоры 1815 г. и принцип «монархической солидарности» были восстановлены. Прусским притязаниям на влияние в герцогствах была поставлена еще одна преграда: в 1852 г. в Лондоне было заключено новое соглашение держав, в том числе и Пруссии, о гарантии целостности Дании.

Пруссия отчасти вознаградила себя победой в вопросе о Таможенном союзе. Не ожидая согласия других участников Таможенного союза, прусское правительство добилось вступления в него с 11 сентября 1851 г. Ганновера со всем Податным союзом на выгодных для Ганновера условиях. В результате этого соглашения все другие германские государства были отрезаны в таможенном отношении от моря и вынуждены были подчиниться прусской таможенной политике. Австрийский план Брука провалился, и сам он ушел в отставку в мае 1851 г. Пруссия сохранила таможенную гегемонию в Германии.

ИТОГИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В 1848—1850 ГГ.

Основные черты международных отношений 1848—1850 гг. вытекали из особенностей революций 1848 г. Страх буржуазии перед революционной активностью рабочего класса обусловил слабость и половинчатость этих революций и привел к дипломатическому сотрудничеству буржуазных и дворянских контрреволюционных правительств в борьбе с революционными движениями. Той же половинчатостью революций 1848 г. объясняется слабость национально-освободительных войн этого времени и успех контрреволюционных интервенций.

Дипломатические компромиссы контрреволюционной буржуазии Англии и Франции с реакционно-монархическими правительствами России, Австрии и Пруссии в огромной степени содействовали поражению революций 1848 г., воспрепятствовав объединению Германии, Италии, национальному освобождению многих европейских народов. Царизм был наиболее мощным оплотом контрреволюции в Европе.

Контрреволюционная интервенция царской России в Венгрии завершила и закрепила торжество контрреволюции в Европе. Однако было бы ошибочно, как это делают немецкие буржуазные историки, видеть в царизме главнейшую причину неудачи революций 1848 г. и огульно противопоставлять царской России государства Западной Европы в качестве прогрессивных и революционных сил.

Дворянская контрреволюция имела глубокие и самостоятельные корни не только в России, но и в государствах Западной Европы, где контрреволюционная буржуазия сближалась с дворянством, бюрократией и военщиной против рабочего и буржуазно-демократического движений. С другой стороны, и Россия была не только страной царизма, но и очагом революционного движения крестьянства и передовой революционно-демократической интеллигенции.

Причинами неудачного исхода буржуазных революций 1848—1849 гг. были предательство крупной буржуазии, колебания и трусость мелкой буржуазии, недостаточная зрелость рабочего класса. Неудачному исходу этих революций способствовало и то обстоятельство, что в национальном вопросе буржуазия Германии и Австрии, а также большая часть дворянства Польши и Венгрии заняли шовинистическую позицию, стремясь закрепить и усилить свой гнет над другими народами. Тем самым германская буржуазия и венгерское дворянство отталкивали славянские народы Австрийской империи в лагерь контрреволюции.

Маркс и Энгельс беспощадно бичевали контрреволюционные действия не только царского правительства, но и правительств Западной Европы, вскрывали взаимную поддержку германской контрреволюции и царского самодержавия.

Отмечая контрреволюционное вмешательство царизма как событие, завершившее победу европейской контрреволюции, Маркс прежде всего указывал на внутренние причины поражения революции в Западной

Европе — на контрреволюционность западноевропейской либеральной буржуазии. Маркс и Энгельс подчеркивали, что французская буржуазная республика своими силами потопила в крови июньское восстание парижских рабочих, что Луи-Наполеон в союзе с австрийской и испанской реакцией задушил Римскую республику, а затем и республику во Франции. Отмечали Маркс и Энгельс и тот факт, что австрийская дворянская контрреволюция самостоятельно расправилась с октябрьским восстанием в Вене и с национально-освободительным движением в итальянских государствах и что прусское юнкерство без помощи извне подавило демократические силы в Берлине, в Познани, в Бадене, в Пфальце, в Саксонии.

Правящие круги Англии, разгромившие ирландское революционное движение и движение чартистов, ликовали по поводу разгрома июньского восстания в Париже, одобряли подавление венгерской революции, поддерживали турецкий деспотизм и австрийский гнет над народами Центральной и Юго-Восточной Европы.

Контрреволюция 1849—1850 гг. сорвала дело объединения Германии и объединения Италии. Это не значит, что события 1848 г. не оказали влияния на дальнейшее развитие международных отношений. Прежние границы между государствами сохранились, но отношения между государствами изменились.

После интервенции в Венгрии и оломоуцкого соглашения казалось, что царь стал вершителем судеб Австрии, германских государств, дунайских княжеств. В действительности же сила царизма в Европе была гораздо меньшей. Финансовая и военная отсталость российского крепостнического самодержавия наглядно обнаружилась уже через несколько лет — в Крымской войне.

После разгрома венгерской революции царь стал уже ненужен правящим классам Австрии, что и позволило им повести враждебную России политику в восточном вопросе. Расчеты царя на длительную солидарность с Австрией были призрачны; в то же время его отношения с Пруссией после Оломоуца резко ухудшились. Основы прежней солидарности петербургского, берлинского и венского дворов были окончательно подорваны.

Англия в 1848—1850 гг. еще более укрепила свое господствующее положение в мировой торговле и промышленности, на морях и в колониях. Британская буржуазия стремилась использовать наступившее в Европе политическое затишье для того, чтобы подорвать русское влияние в Турции и добиться преобладания на Ближнем Востоке. В ходе событий 1848—1850 гг. укреплялось англо-французское сближение; это было не в интересах царской России. Место Июльской монархии с ее робкой и трусливой внешней политикой занял режим воинственной бонапартистской диктатуры, стремившейся к уничтожению договоров 1815 г., к усилению влияния Франции на Ближнем Востоке, присоединению к ней Савойи и Ниццы, левого берега Рейна и новых колоний. Агрессивная политика Франции в ближневосточных делах и установление Второй империи привели к обострению франко-русских отношений.

В заключение следует отметить, что революционные события 1848—1850 гг. поставили перед европейской дипломатией вопросы, которые занимали ее затем в течение 20 лет, с 1850 до 1871 г. Это были проблемы итальянского и германского единства, вопрос о дунайских княжествах, польский и шлезвиг-гольштинский вопросы и, наконец, восточный вопрос.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава пятьдесят вторая

НАРАСТАНИЕ КРИЗИСА ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО СТРОЯ В РОССИИ К СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Революция 1848 г. в странах Западной Европы по времени совпала с обострением внутреннего кризиса феодально-крепостнического строя в России, порождавшегося общим ходом ее исторического развития. Процесс разложения этого строя начался еще в XVIII в. и на протяжении примерно столетия, вплоть до реформы 1861 г., оказывал решающее влияние на все стороны развития нашей страны.

Зарождение и начальная стадия развития капиталистического способа производства в России, развитие здесь буржуазных отношений протекали в недрах крепостного строя, начиная приблизительно со второй половины XVIII в.

Формирование капиталистического уклада в крепостной России

Уже во второй трети XIX в. этот процесс привел к кризису феодально-крепостного строя. Сложная обстановка в России предреформенного периода в первую очередь характеризуется обострением противоречий между производительными силами развивавшегося капиталистического уклада и господствовавшими производственными отношениями крепостнического строя. Именно в этом коренном противоречии лежит причина нарастания массовой освободительной борьбы, подъема общественного движения, развития новой, передовой идеологии, отражавшей интересы широких народных масс и определившей расцвет русской культуры. Не случайно, разумеется, В. И. Ленин на первое место среди основных причин, заставивших крепостников «взяться за реформу», поставил силу «экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма» [1].

Непреодолимый ход исторического развития толкал помещиков-крепостников на путь буржуазных реформ. В. И. Ленин подчеркивал,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.

что они «...не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства»[1].

Рост крупной промышленности

Численность промышленных предприятий, имевших не менее 16 рабочих на каждом, и общее количество занятых на них рабочих на протяжении первой половины XIX в. изменялись в России следующим образом:

	Начало XIX в.	Вторая половина 20-х годов	Середина 50-х годов
Число предприятий . . .	около 1 200	около 1 800	2 818
Количество рабочих . .	224 882	340 568	859 950
В том числе наемных рабочих	61 600	114 515	528 650

Приведенная таблица вносит существенные поправки в те представления о развитии русской промышленности, которые в свое время были широко распространены среди историков под влиянием книги Туган-Барановского «Русская фабрика».

Количество предприятий действительно крупной промышленности в дореформенной России было значительно меньше, чем считалось раньше. Перед реформой 1861 г. их насчитывалось около 2800, а не 10—12 тыс., как писал Туган-Барановский.

Общее количество рабочих, занятых в середине XIX в. в крупной промышленности, было значительно больше, чем указывалось Туганом-Барановским. Для середины XIX в. он называет цифру примерно в 500 тыс. человек, в то время как в действительности она достигала почти 860 тыс. человек.

Иначе теперь рисуется и соотношение принудительного и наемного труда в дореформенной русской промышленности. Изучая лишь обрабатывающую промышленность и учитывая тысячи мелких предприятий, где преобладала наемная рабочая сила, Туган-Барановский уже для начала XIX в. почти половину (48%) всех промышленных рабочих считал работавшими по найму. Необходимо, однако, учитывать не только обрабатывающую, но и добывающую промышленность, включая горные заводы, где принудительный труд господствовал. При этом подсчете доля наемного труда достигает в начале XIX в. примерно 27%, во второй половине 20-х годов — 33,6%, а в конце 50-х годов — свыше 60%.

Туган-Барановский считал, что до середины 40-х годов размеры промышленных предприятий увеличивались, а затем до конца 50-х годов стали заметно снижаться. На основании этого он делал совершенно ошибочный вывод: «Кустарь стал по всем пунктам бить фабриканта — вот почему число рабочих на фабриках стало сокращаться и сами фабрики мельчать».

Ложное утверждение о победе мелкого промышленного производства над крупным основывалось на грубой методологической ошибке Туган-Барановского. Он высчитывал абстрактные средние размеры предприятий, пользуясь заведомо неверными и несравнимыми за разные периоды данными.

В действительности же нет никаких оснований считать, что крупная промышленность в предреформенные десятилетия отступала перед мелким производством. Наоборот, она успешно развивалась и особенно быстро — в 40-х годах.

Характерно, что многочисленные признаки перехода от мануфактуры к фабрике в отдельных отраслях промышленного производства России могут быть обнаружены именно в 40-х годах XIX в.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.

Нижеследующие цифры освещают рост импорта в Россию машин и механизмов в предреформенный период:

Годы	Сумма импорта в рублях серебром
1824—1828	42 529
1829—1833	73 763
1834—1838	409 455
1839—1843	384 685
1844—1847	1 164 402

На предреформенные же десятилетия приходятся и первые успехи русского машиностроения. В 1845 г., по данным департамента мануфактур и внутренней торговли, в России было только 14 «машинных фабрик», в 1851 г. их насчитывалось уже 19, с общей суммой производства до $^1/_2$ млн. руб., а за 50-е годы их численность возросла до 100 предприятий с суммой производства почти в 8 млн. руб.

Как известно, машинная техника в России раньше и быстрее стала проникать в хлопчатобумажное производство. Ярким показателем развития ее как раз в 40-е годы XIX в. является резкое возрастание привоза импортного сырья для изготовления бумажных тканей. Средний ежегодный импорт хлопка-сырца и бумажной пряжи в Россию по пятилетиям изменялся до реформы 1861 г. следующим образом (в тыс. пудов):

Годы	Импорт хлопка-сырца	Импорт бумажной пряжи
1821—1825	70	236
1826—1830	103	432
1831—1835	149	560
1836—1840	320	589
1841—1845	527	590
1846—1850	1 115	351

До середины 30-х годов XIX в. основная масса бумажной пряжи для русской промышленности поступала из-за границы, и производство ее в России было незначительно. Начиная же со второй половины 30-х годов и особенно в 40-х годах изготовление пряжи на наших фабриках стало увеличиваться чрезвычайно быстро и приостановило рост импорта готовой пряжи (в течение 1836—1845 гг. оно держалось на одном уровне, а затем стало сокращаться). Привоз же хлопка-сырца продолжал нарастать непрерывно в убыстряющемся темпе.

Бумагопрядильные предприятия в России сразу создавались как крупные фабрики с механизированным производством. В 1843 г. на них насчитывалось 350 тыс. веретен, в 1849 г.— 600 тыс. веретен. На бумагопрядильных фабриках работали многие десятки тысяч рабочих, и размеры этих предприятий нередко были весьма значительны.

Возникновение новой отрасли текстильной индустрии в России отмечено было уже в 1851 г. Энгельсом. В письме к Марксу от 23 сентября он сообщал: «Русские теперь уже не получают из Англии ни одного аршина бумазеи, очень мало готовых хлопчатобумажных изделий, очень много сырого хлопка: 2000—3000 кип в неделю, и несмотря на то, что пошлина на пряжу понижена с 7 до 5 пенсов за фунт, ежедневно все еще возникают новые прядильни» [1].

Внедрение машинной техники в другие отрасли промышленного производства дореформенной России шло более медленным темпом.

В условиях крепостного строя речь могла идти только о самой начальной стадии перехода отдельных отраслей промышленности от мануфактурной

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 274.

техники к машинному, фабричному производству. Даже в одном из крупнейших промышленных центров того времени, в Москве, успехи фабрично-заводского производства к середине XIX в. были очень скромны. Из 443 московских предприятий крупной промышленности в 1853 г. только 31 предприятие имело паровые двигатели, а их общая мощность не превышала 800 лошадиных сил.

Подавляющее большинство московских промышленных предприятий в 50-х годах XIX в. продолжало оставаться типичными мануфактурами, т. е. предприятиями с очевидным преобладанием ручного производства. Энгельс указывал на преобладание в России до 1854 г. «примитивных методов производства»[1].

Господство крепостнических отношений заметно тормозило развитие крупной промышленности в дореформенной России. Спрос на промышленные изделия со стороны основной массы населения — закабаленного и разорявшегося крестьянства — был весьма ограничен. Темпы роста промышленности уже в 40-х годах XIX в. обгоняли развитие ёмкости внутреннего рынка. Один из фабрикантов, отвечая в 1846 г. на запрос министра финансов, писал, что русские хлопчатобумажные изделия «не имеют надлежащего сбыта от чрезвычайно увеличившейся фабричной промышленности, которая особенно в последнее время слишком усилилась, между тем источники сбыта остались почти те же, а другие, прежде значительные, теперь почти ничтожны».

Ограничен был в крепостной России и рынок рабочей силы. Владельцы фабрик и мануфактур при найме рабочих сталкивались с большими трудностями. Весьма показательно, что одновременно с сравнительно быстрым ростом наемного труда в промышленном производстве в целом возрастала и общая численность крепостных рабочих: в начале XIX в. их насчитывалось около 160 тыс. чел., во второй половине 20-х годов — до 225 тыс., а в 50-х годах — уже 350 тыс. чел. Вотчинные и казенные предприятия использовали свое право собственности на рабочую силу крестьян, расширяли применение крепостного труда. «При крепостном строе не могла по-настоящему развиваться промышленность»[2].

Развитие сельского хозяйства в предреформенные десятилетия

Очевидные признаки кризиса крепостнической экономики наблюдались в первой половине XIX в. в сельском хозяйстве. Развитие товарно-денежных отношений к середине прошлого столетия зашло так далеко, что сдвиги в сторону капиталистического производства наметились в вековом строе не только помещичьих, но и некоторых крестьянских хозяйств.

В. И. Ленин, как известно, ясно формулировал четыре «необходимых условия» существования крепостного, барщинного способа производства: 1) господство натурального хозяйства, 2) наделение закрепощенного крестьянства землей, 3) принудительный труд крепостных, основанный на их личной зависимости от помещиков-крепостников, и 4) «низкое и рутинное состояние техники»[3].

Помещичьи имения все более и более утрачивали характерные черты, присущие барщинному хозяйству. Прежде всего они теряли замкнутый тип натурального хозяйства: «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима»[4].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIX, стр. 128.
[2] «История ВКП(б). Краткий курс», 1945, стр. 5.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158—159.
[4] Там же, стр. 158.

В погоне за ростом товарной продукции своих хозяйств вместо наделения крестьян землею многие помещики стали расширять барскую запашку за счет крестьянских наделов, обезземеливая своих крестьян, переводя их на «месячину».

На протяжении первой половины XIX в. многие помещики систематически расширяли свое хозяйство за счет сокращения площади надельной крестьянской земли. Еще в конце XVIII в. в черноземных губерниях помещичьи хозяйства занимали не более 18% удобных земель, а к середине XIX в. в этих губерниях почти половина земли (49%) оказалась захваченной помещиками; фонд надельных крестьянских земель резко сократился, несмотря на возросшую численность крестьянского населения. Фактический размер крестьянских наделов за эти полвека уменьшился в среднем более чем на половину: с 13,5 до 4,3 десятины на душу в нечерноземных губерниях и с 7 до 3,2 десятины в черноземных губерниях.

Характерно также, что при непрерывном увеличении общего количества населения России при Николае I число крепостных крестьян не только не росло, а даже несколько сокращалось. По восьмой ревизии (1835 г.) их насчитывалось 10,9 млн. человек мужского пола, или 21,8 млн. обоего пола, а по девятой ревизии (1851 г.) соответствующие показатели снизились до 10,7 млн. и до 21,4 млн. Удельный вес помещичьих крестьян в общей массе населения сократился за время от седьмой ревизии (1815 г.) до десятой (1853 г.) с 46,2% до 30,7%.

Одновременно с этим весьма значительно увеличилась численность дворовых людей — только за 20 лет (с 1838 по 1858 г.) количество их возросло более чем в полтора раза — с 914,5 тыс. до 1467,4 тыс. душ, а удельный вес дворовых за это время в общей массе крепостных поднялся с 4,14% до 6,79%.

Приведенные данные указывают на то, что уже в первой половине XIX в. происходило резкое сокращение крестьянского землепользования и началось массовое обезземеливание еще закрепощенного крестьянства. Процесс лишения непосредственных производителей — крестьян-земледельцев — средств производства принял в России сравнительно широкий размах уже в 30—40-х годах XIX в.

Крепостной труд стал задерживать рост сельскохозяйственного производства. Среди помещиков все шире распространялось мнение о сравнительно большей выгодности труда наемных сельскохозяйственных рабочих. В секретной записке «О крепостном состоянии в России», написанной в начале 40-х годов прошлого столетия, видный чиновник Заблоцкий-Десятовский свои личные впечатления по этому вопросу, вынесенные из служебной поездки по многим внутренним губерниям, формулировал таким образом: «Всё это чувствуют более или менее все, видят те, которые по положению своему находятся в ближайшем соприкосновении с крестьянским бытом,— понимают немногие, разумеют некоторые». Во второй четверти XIX в. об этом писалось не только в ведомственных и специальных изданиях, но и в общей печати.

Принудительный труд крепостных становился тормозом дальнейшего развития помещичьего хозяйства: личная зависимость крестьян от помещиков теряла хозяйственный смысл. Этим и объясняется перевод в XIX в. ряда помещичьих имений с барщины на оброк в нечерноземных районах и сравнительно большой рост стоимости ненаселенных имений в черноземной полосе.

Весьма характерно и то обстоятельство, что именно в 30-х годах XIX в. начали возникать крупные русские заводы по изготовлению сельскохозяйственных машин (в 1830 г.— бр. Бутеноп в Москве, в 1835 г.— Заславского в Екатеринославе, в 1840 г.—графа Бобринского в Киевской губернии,

в 1841 г.—барона Унгерн-Штернберга в Полтавской губернии, в 1845 г.— Давыдова в Пензенской губернии и Миловановых в Харьковской губернии и т. д.). Во второй же четверти прошлого столетия была основана бо́льшая часть дореформенных сельскохозяйственных обществ («Для южной России», Овцеводческое в Москве, Закавказское, Казанское, Курляндское, Ярославское, Лифляндское, Лебедянское и др.). Тогда же возник ряд агрономических периодических изданий (в 1834 г.—«Земледельческая газета», в 1838 г.— «Журнал садоводства», в 1840 г.— «Журнал ветеринарной медицины», в 1841 г.— «Журнал сельского хозяйства», «Эконом», «Записки Общества сельского хозяйства Южной России», в 1842 г.— «Журнал конно-заводства» и т. д.).

Товарно-денежные отношения довольно широко проникали в дореформенное крестьянское хозяйство, толкая его на путь капиталистического развития. При крепостном праве они, разумеется, захватывали в первую очередь наименее закрепощенные категории крестьянства и лишь незначительное количество зажиточных хозяйств. В ряде местностей государственная деревня уже к началу 40-х годов XIX в. оказалась втянутой в новые экономические отношения капиталистического типа, вызревавшие в недрах крепостной России.

Но товарное сельскохозяйственное производство захватило отчасти даже и помещичьих крестьян. Известно, например, что в первой половине XIX в. нередки были случаи, когда разбогатевшие единичные представители крепостных приобретали еще до отмены крепостного права в России земельные участки (формально купчая совершалась обычно на имя помещика).

Эти собственные земли крепостных крестьян иногда достигали крупных размеров и, несомненно, являлись основой капиталистического предпринимательства. В рязанском имении Юсуповых крепостным на правах собственности принадлежало 2257 десятин земли; в одном костромском имении графа Сент-При крепостные владели 5397 десятинами покупной земли; в смоленском имении И. Д. Орлова помещичьи крестьяне были собственниками 3 тыс. десятин и т. д. В отдельных случаях крепостные крестьяне приобретали крупные земельные участки. В 1828 г. один шереметевский крестьянин купил у других крестьян своего же помещика дом с усадьбой, заплатив при этом значительную по тому времени сумму в 1600 руб.

Так, уже в крепостной России в недрах господствовавшего тогда самодержавно-крепостнического строя происходило развитие новых, буржуазных отношений, намечался переход к капиталистическому производству.

Само собой понятно, что в аграрной стране на переходном этапе от феодализма к капитализму в области сельскохозяйственного производства крепостнические отношения являлись еще более устойчивым препятствием экономического развития, чем в промышленности. До последних лет существования крепостного права в России огромное большинство помещиков придерживалось старинных форм крепостнической эксплуатации. Главную часть сельскохозяйственной товарной продукции и в первой и во второй четверти XIX в. попрежнему давали помещичьи имения. Многомиллионное же крестьянство нищало, а крестьянское хозяйство приходило в полный упадок.

Обострение классовых противоречий во второй четверти XIX в.

Под влиянием описанных выше причин во второй четверти XIX в. заметно изменилось положение основных общественных классов феодальной России. Упадок барщинного хозяйства вызвал обезземеление значительной части дворян. В период с 1836 по 1851 г. общая численность помещичьих имений сократилась со 109 340 до 100 247. Таким

образом, только за эти годы тысячи дворянских семей порывали свою связь с господствовавшим тогда классом феодалов-землевладельцев. Особенно сильно сократилась численность мелкопоместных дворян — владельцев имений с количеством крестьян не более 20 душ мужского пола. Многие из них окончательно разорились и совершенно деклассировались.

Наметилось и расслоение крестьянства. Развивавшиеся в крепостной деревне товарно-денежные отношения неизбежно должны были вызвать не только имущественное неравенство среди крепостных крестьян, но и выделение из их среды зажиточной верхушки, пользовавшейся наемным трудом.

Особенно быстро совершалось расслоение крестьянства в государственной деревне. «Среди государственных крестьян,—пишет Н.М. Дружинин,— намечалось классовое расслоение: нет сомнения, что калужские выселенцы [1] могли обработать свои обширные угодья только при помощи наемной рабочей силы так же, как это делали деревенские богатеи в целом ряде губерний, обследованных ревизорами».

Но такие же случаи, бесспорно, имели место и в среде помещичьих крестьян. В Афанасьевском имении кн. Юсупова накануне крестьянской реформы вотчинная администрация особо различала 46 зажиточных крестьянских дворов, 128 среднего достатка и 40 бедных; средняя оценка стоимости всего имущества у зажиточных определялась в 800 руб., у бедных — в 100 руб.

Состояния отдельных представителей «крепостной буржуазии» исчислялись десятками и даже сотнями тысяч рублей. Родоначальник известной впоследствии семьи фабрикантов-миллионеров Савва Морозов еще в 20-х годах XIX в. выкупился на волю, заплатив своему владельцу 17 тыс. руб. В дореформенное время пятьдесят семей крепостных крестьян Шереметева в с. Иванове получили свободу за выкуп в миллион рублей.

Так, еще до реформы 1861 г. стали намечаться контуры основных классов будущей капиталистической России. Класс российской буржуазии формировался из зажиточного крестьянства, из купцов, мещан и отдельных предпринимателей-дворян. В 1853 г. 330 владельцев крупных промышленных предприятий Москвы были купцами, 61 — почетными гражданами, 26 — мещанами и цеховыми ремесленниками, 12 — крестьянами, 5 — дворянами и т. д. При этом многие московские купцы-фабриканты были выходцами из крестьян, выкупившимися на свободу в первой половине XIX в.

Начало формирования рабочего класса относится также к дореформенному времени.

Не являясь еще пролетариями в точном смысле слова, наемные рабочие оставались в то же время крепостными крестьянами, не потерявшими связи с деревней и подчиненными вотчинной администрации в крепостной России. Именно эти крестьяне дали основную массу промышленных рабочих для формировавшегося буржуазного строя. Работая на крупных мануфактурах, на фабриках и заводах из года в год, нередко из поколения в поколение, они приобретали ценные технические навыки и легче рвали связи с деревней.

К 1848 г. заметно выросла и прослойка разночинной интеллигенции. Огромный бюрократический аппарат самодержавия требовал большого количества чиновников. Развивавшиеся промышленность, сельское хозяйство и торговля, а также быстрый рост населения городов — все это повышало спрос на труд специалистов и лиц свободных профессий. Относясь враждебно к науке, просвещению и литературе, Николай I вынужден

[1] Эти крестьяне купили на пять дворов 150 десятин.

был считаться с необходимостью основания новых учебных заведений, развитием печати. За первую половину XIX в. количество студентов только в университетах выросло более чем в три раза; к 1848 г. их насчитывалось свыше $4^1/_2$ тыс. В гимназиях обучались также тысячи учащихся. Общее число одних периодических печатных изданий к концу 40-х годов достигло 130.

Интеллигенция крепостной России, естественно, состояла главным образом из дворян, обладавших почти монопольным правом на образование. Но в ряды дворянской интеллигенции стала вливаться заметная струя разночинцев, особенно во второй четверти XIX в. Только среди виднейших представителей русской культуры этого периода можно назвать уже несколько десятков ученых, писателей, журналистов, артистов и художников, вышедших из круга разночинцев. Купеческая среда дала Н. А. Полевого, В. П. Боткина, И. А. Гончарова, И. И. Лажечникова. Из духовенства вышли Н. Г. Чернышевский, Н. И. Надеждин, С. М. Соловьев. В семьях мелких чиновников и служилой интеллигенции выросли В. Г. Белинский, Н. Х. Кетчер, В. И. Даль, Я. П. Полонский, Ф. И. Буслаев, И. Е. Забелин. Крестьянского происхождения были Т. Г. Шевченко, Е. С. Семенова, М. С. Щепкин, А. В. Кольцов, А. В. Никитенко и другие. Разночинная интеллигенция резко осуждала крепостнический режим. Именно в ее среде зарождались и оформлялись те передовые идеи, которые лежали в основе подъема русского общественного движения 30—40-х годов прошлого столетия.

Основным видом классовой борьбы в крепостной России до последних лет существования крепостного права, естественно, являлась борьба между землевладельцами-помещиками и закрепощенным крестьянством.

Крестьянское движение в царствование Николая I нарастало с каждым десятилетием. По новейшим данным, за 1831 — 1840 гг. насчитывалось 143 случая, а за 1841—1850 гг. уже 351 случай выступлений только одних помещичьих крестьян.

Начальник III отделения императорской канцелярии, ведавший в 1826—1880 гг. политическим сыском и надзором, систематически отмечал с середины 30-х годов широкое распространение среди крестьян уверенности в скором освобождении от крепостного гнета:

«Год от года распространяется и усиливается между помещичьими крестьянами мысль о вольности. В 1834 году много было примеров неповиновения крестьян своим помещикам и почти все таковые случаи, как по произведенным исследованиям оказывалось, происходили не от притеснений, не от жестокого обращения, но единственно от мысли иметь право на свободу» (отчет за 1834 г.).

«Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет перед сим. Подьячие, тысячи мелких чиновников, купечество и выслуживающиеся кантонисты, имеющие общий интерес с народом, привили ему много новых идей и раздули в сердце искру, которая может когда-нибудь вспыхнуть... Вообще весь дух народа направлен к одной цели, к освобождению...» (отчет за 1839 г.).

Антикрепостнический характер принимали также и выступления рабочих на промышленных предприятиях, где применялся подневольный труд. В отдельных случаях борьба крепостных была глубоко осознанной и обнаруживала их осведомленность о положении народных масс в других, более развитых странах. Так, например, в воззвании группы крепостных служащих и учеников горнозаводской школы одного из уральских заводов Лазаревых, пытавшейся организовать в 1836 г. кружок «приверженцев свободы», прямо было сказано: «Во всех известных странах света не видно таких законов, чтобы граждане государства даны были в неотъемлемое

владение таковым же, как и они, людям». Воззвание это заканчивалось призывом: «Благородные сограждане, ниспровергнем соединенными силами невольничество, восстановим свободу и через то заслужим благодарность потомства».

Николай I и приближенные к нему сановники имели полное основание опасаться, что нарастающая волна стихийного крестьянского движения грозит существованию всего самодержавно-крепостнического строя. Начальник тайного полицейского надзора граф Бенкендорф еще в 1839 г. писал в своем отчете Николаю I: «Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же, и что ныне составилась огромная масса беспоместных дворян из чиновников, которые, будучи воспалены честолюбием и не имея ничего терять, рады всякому расстройству».

В дореформенной России уже начиналась борьба рабочих с предпринимателями. В 1834 г., например, произошло выступление рабочих Купавинской шелковой фабрики в Богородске, потребовавших улучшения условий труда и прекративших работу. Владелец этой фабрики жаловался начальству, что рабочие «портят нарочно наши товары и машины... ходят толпами, собирают деньги и, бегая от фабрики, нанимают поверенных, пишут беспрестанно на нас ложные просьбы».

Очень крупные размеры приняла в 1844 г. стихийная массовая стачка на Вознесенской бумагопрядильне. При расследовании обстоятельств этой стачки обнаружена была жестокая эксплуатация труда малолетних.

Эти первые выступления наемных рабочих против растущей капиталистической эксплуатации носили стихийный характер, сопровождались иногда поломкой машин, были неорганизованны и разрозненны. Но, несмотря на все это, они свидетельствовали о развитии в России к середине XIX в. непримиримых противоречий внутри нового, капиталистического уклада.

Правительство Николая I в 1845 г. запретило на фабриках ночную работу детей моложе 12 лет. Но одновременно с этим в «Уложении о наказаниях» была внесена особая статья, предусматривавшая суровое наказание, до каторжных работ включительно, за участие в стачках.

Отмечая новые черты в общественных отношениях предреформенных десятилетий, свидетельствовавшие о глубине кризиса феодально-крепостнического строя к середине XIX в., не следует преувеличивать их значение. Вызревание новых производственных отношений происходило при господстве крепостного права. Основными классовыми противоречиями в ту переходную эпоху, вплоть до 60-х годов XIX в., продолжали оставаться противоречия между помещиками-крепостниками и массой закрепощенного крестьянства. В. И. Ленин прямо указывал: «Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Новые общественно-экономические отношения и их противоречия тогда были еще в зародышевом состоянии»[1].

В другой своей работе В. И. Ленин писал: «Когда было крепостное право,— вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство»[2].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 473.
[2] Там же, т. 6, стр. 384.

Основные направления русского общественного движения 40-х годов

Богатство и разнообразие направлений русской общественной мысли 40-х годов определялось сложностью и остротой общественных отношений. В общественном движении того времени уже была представлена идеология эксплуатируемых масс, прежде всего крестьянства, с нарастающей силой боровшегося против крепостного гнета. Как известно, на это прямо указывал В. И. Ленин в своей статье «О „Вехах"». Обращаясь к авторам этого сборника, он иронически спрашивал: «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?»[1].

В свете этого указания В. И. Ленина следует выделить — в качестве особого и самостоятельного идеологического направления — революционных демократов, представлявших интересы закрепощенных крестьянских масс. При изучении истории русской общественной мысли середины прошлого столетия необходимо учитывать всю совокупность классовых противоречий переходной эпохи предреформенных десятилетий. Но в первую очередь при этом нужно иметь в виду противоречия между всеми прослойками господствующего класса, с одной стороны, и основной массой эксплуатируемого населения — с другой.

Три направления в истории русской общественной мысли 40-х годов XIX в., обычно отмечавшиеся в исторической литературе,— теория «официальной народности», славянофильство и западничество,— отражали интересы эксплуататорских классов, составлявших немногочисленную часть населения крепостной России. Утверждая самодержавно-крепостнический строй или осуждая его с позиций умеренного буржуазного либерализма в условиях реакционного режима Николая I, указанные направления пользовались правом легальности и имели возможность обосновывать свои положения в подцензурной печати. Всем этим направлениям русской общественной мысли того времени противостояла идеология революционных демократов во главе с Белинским и Герценом.

Идеологи «официальной народности»; славянофилы и западники

Охранительная идеология «официальной народности» выражала интересы помещиков-крепостников, являвшихся опорой самодержавного строя и выступавших против каких бы то ни было существенных изменений господствовавших в России феодально-крепостнических отношений. В обстановке перехода от феодального строя к капиталистическому эта официальная идеология имела откровенно реакционный характер. Широкому распространению ее среди массы крепостников способствовали многочисленные правительственные органы печати и полуофициальные издания во главе с газетой Булгарина «Северная пчела».

Идеология славянофилов отражала взгляды лишь части дворянско-помещичьей интеллигенции и объективно соответствовала классовым интересам помещиков, переходивших к буржуазному способу производства, но желавших сохранить при этом свое господствующее положение как класса землевладельцев.

Мировоззрение славянофилов было противоречиво и непоследовательно. Являясь убежденными монархистами, они в той или иной мере осознавали кризис самодержавно-крепостнического строя и в поисках решения вопроса о дальнейших путях развития России в перспективе готовы

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 108.

были пойти на личное освобождение крестьян при сохранении «патриархальной» власти помещиков. Одновременно с этим они отрицали применительно к России общие закономерности исторического развития и не считали неизбежной смену феодального строя капиталистическим. Славянофилы, как известно, выдвинули тезис о якобы особом, самобытном пути исторического развития России, утверждая, что западноевропейский, т. е. капиталистический, строй чужд русскому народу.

Отличные от идеологии «официальной народности» взгляды славянофилов по существу тоже были реакционными. Славянофилы идеализировали крепостнические отношения, обосновывая тезис об их мнимой «патриархальности» в прошлом. Они отрицали существование непримиримых классовых противоречий в России между помещиками и крестьянами, объявляя классовую борьбу принадлежностью «западного» (буржуазного) строя. Залогом «мира» они считали приписываемую ими русскому народу особую религиозность.

Славянофилы не хотели видеть, что Россия уже вступила на путь капиталистического развития. Их общественно-политический идеал — надуманно приукрашенная «допетровская Русь» — лежал в далеком прошлом и являлся давно пройденной ступенью в истории России. В условиях назревавшего кризиса самодержавно-крепостнического строя славянофилы ратовали за его «очищение» и «улучшение» и тем самым на деле объективно способствовали укреплению самодержавия.

Как общественно-политическое течение славянофильство не пользовалось сколько-нибудь значительным влиянием даже среди господствующих классов. И это, конечно, нельзя считать случайным. Путаные и противоречивые взгляды славянофилов были чужды массе малообразованного дворянства, вполне удовлетворявшейся положениями теории «официальной народности». Славянофилы составляли лишь узкую группу части помещичье-дворянской интеллигенции. Своего органа печати славянофилы в 40-х годах XIX в. создать не смогли, несмотря на неоднократные попытки в этом направлении. Характерно также, что трибуной для своих выступлений они выбрали реакционный журнал Погодина — «Москвитянин», выходивший крайне нерегулярно и насчитывавший весьма незначительное количество постоянных подписчиков (около 300).

Сообщая Кавелину о намерении славянофилов издавать свой собственный журнал и отмечая глубоко реакционную сущность их мировоззрения, Грановский в октябре 1855 г. писал так: «Я рад потому, что этому воззрению надо высказаться до конца, выступить наружу во всей красоте своей. Придется поневоле снять с себя либеральные украшения, которыми они морочили детей — таких как ты».

Западничество для России 40-х годов XIX в. следует признать сравнительно прогрессивным направлением общественного движения. Оно объединяло передовое служилое дворянство, образованные круги буржуазии и некоторую часть разночинной интеллигенции. Объективно оно отражало интересы нарождавшейся в крепостной России буржуазии.

Западники были сторонниками «западного», т. е. буржуазного, пути развития России. Они видели основные отрицательные стороны самодержавно-крепостнического строя и замену его капиталистическим строем считали неизбежным. Исходя из этого положения, западники идеализировали буржуазный общественно-политический строй. Они не осознавали непримиримости внутренних противоречий капиталистического общества, не видели неминуемого крушения его в будущем. Для многих из них было типично непонимание закономерностей исторического развития России, результатом чего являлась переоценка «западного» влияния на историю нашей Родины. Некоторой же части западников было свойственно и слепое преклонение перед «достижениями»

западноевропейских буржуазных стран, что приводило их при суждениях о своей родине к совершенно ложным выводам в духе буржуазного космополитизма.

В соответствии с общим буржуазным характером мировоззрения западников намечались их, так сказать, программные требования и тактика по отношению к самодержавной власти.

Два основных требования буржуазной программы — отмена крепостного права и ограничение самодержавной власти — ими признавались. Но осуждая при этом крепостничество, западники склонны были считать неизбежной капиталистическую эксплуатацию наемных рабочих. Мечтая об изменении политического строя, они желали установления в России лишь буржуазного правопорядка. Таким образом, общественно-политические взгляды западников отвечали интересам нарождавшейся буржуазии, а отнюдь не интересам массы эксплуатируемого населения.

Политическая программа западников отличалась крайней умеренностью. Критика самодержавно-крепостнического строя велась ими осторожно, не с революционных, а с реформистских позиций. Они видели нарастание антикрепостнического движения масс в предреформенные десятилетия, но использовали его только как аргумент для обоснования необходимости буржуазных реформ в России. Западники отнюдь не возлагали надежд на коренную ломку существующего строя силами народного восстания. Они ориентировались на постепенное изменение этого строя «сверху», без участия крестьянских масс. Такие взгляды подтверждают, что западники были идеологами нового эксплуататорского класса, идущего на смену классу помещиков-дворян.

При всех пороках этой явной идеализации буржуазного строя взгляды западников соответствовали тогда объективному ходу исторического развития страны и получили сравнительно широкое распространение, особенно в среде беспоместного служилого дворянства, в образованных кругах буржуазии и даже среди разночинцев.

Показательно, например, что в 40-х годах XIX в. существовал большой журнал западнического направления — «Отечественные записки», журнал, который и после ухода в конце 1846 г. из числа его сотрудников В. Г. Белинского имел свыше 4 тыс. постоянных подписчиков, в том числе значительное количество провинциальных.

Итак, все три рассмотренные выше направления русского общественного движения 40-годов XIX в. совершенно игнорировали интересы народа. И крепостники, и славянофилы, и западники рассматривали народ, и прежде всего крестьянство, не как субъект исторического развития. Отражая общественно-политические взгляды эксплуататорских классов, они исходили из положения о неизбежности эксплуатации труда и расходились лишь в оценке форм этой эксплуатации. Они отрицательно относились к освободительному движению народных масс. Это было характерно и для западников, стоявших на позициях умеренного реформизма.

Узко классовая сущность не только крепостнической идеологии, но также славянофильства и западничества с полной ясностью определилась уже в конце 40-х годов XIX в., в период напряженного внутреннего положения в самой России.

Революционные демократы

Совершенно иными, принципиально отличными были общественно-политические взгляды русских революционных демократов, выступавших в 40-х годах XIX в. Виссарион Григорьевич Белинский, Александр Иванович Герцен и их единомышленники были наиболее последовательными противниками феодально-крепостнического строя и вместе с тем выступали с острой критикой буржуазных общественных отношений. Революционные

ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЛИНСКИЙ

Автолитография К. А. Горбунова, 1843 г.

Музей изобразительных искусств им. А. С Пушкина. Москва

демократы являлись идеологами эксплуатируемых масс предреформенной России. Они в равной мере отвергали как бесчеловечное угнетение крестьянства крепостниками, так и жестокость капиталистической эксплуатации. Между ними и идеологами помещиков-крепостников, так же как и идеологами растущей буржуазии, лежала четкая грань непримиримых классовых противоречий.

Белинский, Герцен и их последователи были демократами, революционерами. Своим призванием они считали борьбу за интересы широких народных масс. «Социальность... девиз мой,— писал Белинский в сентябре 1841 г. Боткину.—...Что мне в том, что для избранных есть блаженство, когда бо́льшая часть и не подозревает его возможности? Прочь же от меня блаженство, если оно достояние мне одному из тысяч! Не хочу я его, если оно у меня не общее с меньшими братиями моими»![1].

Подлинный демократизм Белинского делал его последовательным и горячим противником крепостного права. Антикрепостническая направленность свойственна всей его литературной деятельности. Она ясно видна уже в юношеском произведении Белинского — в драме «Дмитрий Калинин», автору которой было всего лишь 20 лет. Ею пронизаны все статьи великого критика в последующие годы, включая знаменитое «Письмо к Гоголю» (1847 г.), которое, как писал В. И. Ленин, подводило итог литературной деятельности Белинского и являлось «...одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати...»[2].

Белинский постоянно ощущал свою кровную связь с народом. Подчеркивая это в одной из поздних статей («Взгляд на русскую литературу 1846 года»), он выражал глубокую веру в творческие силы своего народа и его славное будущее: «Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство, и как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честью не одно суровое испытание судьбы, не раз были на краю гибели, и всегда успевали спасаться от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль, но какое это слово, какая мысль,— об этом пока еще рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряженного разгадывания, потому что это слово, эта мысль будет сказана ими...»[3].

На этой твердой убежденности в жизненной силе русского народа был основан искренний и глубокий патриотизм Белинского. Еще в конце 1839 г., в условиях полного бесправия закрепощенного крестьянства, он уверенно писал о грядущем расцвете подлинно народной русской культуры:

«*Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году — стоящею во главе образованного мира, дающею законы и науке и искусству, и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества*»[4].

Подлинный патриотизм — характерная черта, определявшая все мировоззрение революционных демократов 40-х годов XIX в. Он вытекал из горячей любви и уважения к своему народу, чуждых представителям господствующих классов. Достаточно напомнить, что приведенные выше

---

[1] В. Г. Белинский. Избр. философ. соч., т. I, 1948, стр. 589.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 223—224.
[3] В. Г. Белинский. Избр. философ. соч., т. II, 1948, стр. 295.
[4] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, М.— Л., 1926, стр. 224

слова Белинского написаны были всего лишь через три года после опубликования известного «философического письма» П. Я. Чаадаева, проникнутого пессимистической оценкой не только современной ему действительности, но и будущего России, в духе типичного буржуазного космополитизма. Резко осуждая «беспачпортных бродяг в человечестве» — «гуманистических космополитов» из среды западников, Белинский прямо заявлял о своей идейно-политической самостоятельности в этом вопросе: «Но, к счастью, я надеюсь остаться на своем месте, не переходя ни к кому»[1].

Уверенность в жизненной силе русского народа лежит в основе всей деятельности революционных демократов, посвятивших себя защите народных интересов. Получив в эмиграции возможность писать открыто, Герцен уже в 1849 г. прямо указывал на свою «...кровную связь с народом, в котором находил так много отзывов на светлые и темные стороны моей души, которого песнь и язык — моя жизнь и мой язык»[2].

Ставя в это время своей целью ознакомление европейской демократии с подлинной, народной Россией, он с гордостью истинного патриота писал: «Пусть она [Европа] узнает ближе народ, которого отроческую силу она оценила в бою, где он остался победителем; расскажем ей об этом мощном и неразгаданном народе, который втихомолку образовал государство в шестьдесят миллионов, который так крепко и удивительно разросся, не утратив общинного начала, и первый перенес его через начальные перевороты государственного развития; об народе, который както чудно умел сохранить себя под игом монгольских орд и немецких бюрократов, под капральской палкой казарменной дисциплины и под позорным кнутом татарским, который сохранил величавые черты, живой ум и широкий разгул богатой натуры под гнетом крепостного состояния и в ответ на царский приказ образоваться ответил через сто лет громадным явлением Пушкина. Пусть узнают европейцы своего соседа; они его только боятся, — надобно им знать, чего они боятся»[3].

Подобно Белинскому и Герцену, такого же рода убеждения были свойственны и их единомышленникам из числа наиболее передовой интеллигенции того времени. В этом отношении типичны были, например, мысли ряда петрашевцев, на формирование мировоззрения которых, по их собственному признанию, решающее влияние оказывал Белинский. Наиболее яркими примерами связи деятельности этих последователей Белинского с интересами народных масс могут служить материалы следствия по делу петрашевцев, относящиеся к самому Буташевичу-Петрашевскому и к Баласогло.

В своих показаниях следственной комиссии Буташевич-Петрашевский настойчиво подчеркивал, что он стремился к облегчению тяжелого положения народных масс, и неоднократно называл себя русским патриотом. Уже в пространном показании 19—26 мая 1849 г. он писал: «Вы услышите от [меня] мнения, никогда необнаруженные — о предметах важных нашего быта общественного — слово истинного патриота... Порой за этим делом... вы увидите, как в перспективе, тысячу жертв, невинно сгубленных, тысячи неправд, губящих силу народа русского...» Столь же определенно он высказывался и в показании, данном около 20 июня того же года: «Теперь позвольте поговорить, как русскому и патриоту, за других и за себя».

Глубокая уверенность в силах и великом будущем русского народа особенно ярко отразилась в записке петрашевца А. П. Баласогло «Проект учреждения книжного склада с библиотекой и типографией», обнаруженной

---

[1] В. Г. Белинский. Избр. философ. соч., т. II, 1948, стр. 305.
[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. V, Пг., 1919 стр. 387.
[3] Там же, стр. 391.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ ОГАРЕВ

Масло. Работа неизв. художника

Собрание Литературного музея. Москва

у него при обыске. Многие страницы этого замечательного документа проникнуты чувством подлинной гордости за свой народ. Вот на выдержку лишь два места из этого «проекта»:

«... В России есть и должно быть все... В ней-то и должны быть люди — нигде инде, как именно в ней. И они были, начиная с Петра до второго русского Ломоносова, поэта-философа Кольцова, умершего в цвете лет на наших глазах. В России нет только веры в Россию, и скорее нет общежития, людскости, а не людей...

...В ней и только в ней сосредоточены все нити всемирной истории — этого гордиева узла, который так храбро разрубают парижские александры, не зная ничего, кроме Европы, и так плохо, и так хитро запутывают, воображая, что распутали, терпеливые труженики Германии — эти дикообразы европейской мысли, с пастушескими нравами мечтательных тюленей».

Глубоко народный характер патриотизма революционных демократов 40-х годов XIX в. определялся последовательной революционностью их мировоззрения. Они видели непримиримость внутренних противоречий феодально-крепостнического строя и ломку его революционным путем считали неизбежной. Касаться этой темы в условиях подцензурной печати при Николае I они, разумеется, не могли. Но в личном общении, в переписке они прямо высказывали мысли о необходимости революционного переворота и в России.

Можно указать, например, что в письмах Белинского эта тема затрагивалась неоднократно. Отмечая в одном из писем середины 40-х годов свою веру в «социальность» («нет ничего выше и благороднее, как способствовать ее развитию и ходу»), он, явно полемизируя с либерально-реформистскими взглядами западников, писал: «Но смешно и думать, что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови... Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов?» [1].

В другом месте, касаясь того же вопроса, Белинский высказался еще более определенно: «Тут нечего объяснять — дело ясно, что Робеспьер не ограниченный человек, не интересан, не злодей, не ритор, и что тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов» [1].

Будучи подлинными демократами и революционерами, осознавшими свою кровную связь с народом и посвятившими себя защите его интересов, Белинский, Герцен и их последователи являлись носителями наиболее передовой идеологии своего времени. Недаром В. И. Ленин, обосновывая мысль об исключительно большом значении для успеха революционной борьбы верных теоретических взглядов, счел необходимым упомянуть и Герцена и Белинского, начав именно с их имен перечень «предшественников русской социал-демократии». «...*роль передового борца*,— писал он в 1902 г.,— *может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что́ это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов...»[2].

В другой своей работе, относящейся уже к 1920 г., говоря о правильности одной только революционной теории марксизма, В. И. Ленин, как

---

[1] В. Г. Белинский. Избр. философ. соч., т. I, 1948, стр. 592.
[2] В. Г. Белинский. Письма, т. II, СПб., 1914, стр. 305.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 342.

известно, давал высокую оценку общественно-политического мировоззрения революционных демократов 40-х годов XIX в. Период поисков марксистской теории В. И. Ленин определял временем «с 40-х до 90-х годов прошлого века»: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [1].

Белинский, Герцен и другие передовые люди 40-х годов XIX в. были революционными демократами и социалистами. Характеризуя Герцена ко времени его отъезда за границу в 1847 г., В. И. Ленин указывал: «Он был тогда демократом, революционером, социалистом» [2]. Белинский 8 сентября 1841 г. писал Боткину: «Итак, я теперь в новой крайности, — это идея *социализма*, которая стала для меня идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания. Все из нее, для нее и к ней. Она вопрос и решение вопроса. Она (для меня) поглотила и историю, и религию, и философию. И потому ею я объясняю теперь жизнь мою, твою, и всех, с кем встречался я на пути жизни» [3].

ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГРАНОВСКИЙ

Литография Привольникова

Собрание Литературного музея. Москва

Интерес к теориям социалистов-утопистов был типичен для многих передовых людей России 40-х годов. Сочинения Оуэна, Сен-Симона, Фурье, Прудона, Луи Блана и других, несмотря на запрещение их цензурой, поступали в Россию значительными партиями.

Относительно широкое распространение работ социалистов-утопистов подтверждается результатами обысков у частных лиц и в книжных магазинах в связи с делом петрашевцев. При аресте первой группы петрашевцев агентам III отделения предписано было конфисковать все бумаги арестованных и обнаруженные у них запрещенные книги. При последующих же арестах десятков новых лиц по этому делу распоряжение о книгах уже не выполнялось. Запрещенные сочинения обнаружены были у многих лиц, и наличие их не могло, как выяснилось, служить серьезной уликой для обвинения, а образцы их поступили в учреждение графа Орлова в изобилии уже при первых арестах.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 9.
[2] Там же, т. 18, стр. 10.
[3] В. Г. Белинский. Избр. философ. соч., т. I, 1948, стр. 585.

Подобные же результаты дали обыски и у книготорговцев. В книжных лавках Петербурга, Риги, Дерпта и других городов были обнаружены тысячи томов такого рода литературы. Характерно, например, что, получив отписку от московского начальства, что подобных изданий в Москве не обнаружено, начальник канцелярии III отделения ген. Дубельт наложил резолюцию: «Не верю». Несколько позднее скептицизм Дубельта подтвердился,— случайно было установлено, что в Москве запрещенными книгами торговал в своем книжном магазине Готье, поплатившийся за это в 1849 г. административным взысканием.

Мало этого: отвечая на возрастающие запросы своих читателей, русские газеты и журналы в 40-х годах прошлого столетия начали систематически упоминать о появлении за границей новых работ социалистов-утопистов и иногда аннотировать их, подчас в весьма благоприятном для авторов освещении. А в 1847 г. в первых четырех книгах «Отечественных записок» была напечатана обширная работа (168 страниц большого формата) В. Милютина «Пролетарии и пауперизм в Англии и Франции», излагавшая в систематическом виде довольно полно и сравнительно точно учения социалистов-утопистов.

Несомненно, что не только революционно-демократические убеждения, но также и социалистические взгляды были свойственны многим представителям передовой русской интеллигенции.

Указание В. И. Ленина о том, что передовая мысль русских революционных демократов уже в 40-х годах XIX в. «жадно искала правильной революционной теории», следя за «последним словом» в этой области, находит полное подтверждение в проникновении в крепостную Россию того времени первых произведений основоположников марксизма.

Некоторые существенные положения одной из ранних работ Ф. Энгельса («Шеллинг и откровение», Лейпциг, 1842) стали известны читателям «Отечественных записок» уже в самом начале 1843 г. В первом номере этого журнала была напечатана небольшая статья В. Боткина «Германская литература», о которой Белинский в письме к автору отозвался с полным одобрением: «Твоя статья о „Немецкой литературе“ в 1 № мне чрезвычайно понравилась — умно, дельно и ловко»[1]. В этой статье Боткин буквально целыми абзацами приводил текст из вступительной части упомянутой лейпцигской брошюры Энгельса, вышедшей, кстати сказать, без указания фамилии автора. Вот пример параллельных отрывков из этих двух работ:

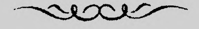
Статья Боткина	Брошюра Энгельса[3]
«Его философия религии и философия права получили бы иной вид, если б он развил их из чистой мысли, не включая в нее положительных элементов, лежавших в цивилизации его времени; ибо отсюда именно вытекают противоречия и неверные выводы, заключающиеся в его философии религии и философии права. Принципы в них всегда независимы, свободны и истинны, — заключения и выводы часто близоруки».	«...его философия религии и его философия права безусловно получили бы совсем иное направление, если бы он больше абстрагировал от тех позитивных элементов, которыми пропитана духовная атмосфера его эпохи, но зато сделал бы больше выводов из чистой идеи. Этим основным грехом можно объяснить все непоследовательности, все противоречия у Гегеля... Принципы всегда носят печать независимости и свободомыслия, выводы же — этого никто не отрицает — нередко умеренны, даже консервативны».

---

[1] В. Г. Белинский. Избр. философ. соч., т. I, 1948 стр. 596.
[2] «Отечественные записки», 1843, № 1, отд. VII, стр. 3.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. II, стр. 117.

СЪ ТОГО БЕРЕГА

ИСКАНДЕРА.

ЛОНДОНЪ

TRÜBNER & Co., 12, PATERNOSTER ROW:
POLISH LIBRARY, 10, GREEK STREET, SOHO;
ВОЛЬНАЯ РУСКАЯ КНИГОПЕЧАТНЯ.
82, JUDD STREET, BRUNSWICK SQUARE.

—

1855.

«С ТОГО БЕРЕГА» ИСКАНДЕРА (А. И. ГЕРЦЕНА)

Титульный лист первого издания в Лондоне

Собрание Литературного музея. Москва

Как видим, по иронии судьбы в роли первого популяризатора ранних работ Энгельса в русской печати выступил типичный западник В. П. Боткин!

Сжатая итоговая оценка Энгельсом философии Гегеля, дословно переведенная наряду с другими текстами Боткиным для его статьи, несомненно запомнилась многими современниками. Достаточно указать, что она почти дословно снова была повторена в середине 50-х годов Н. Г. Чернышевским в «Очерках гоголевского периода русской литературы» [1].

В середине же 40-х годов до русских революционных демократов дошли и другие работы основоположников марксизма. Из писем Белинского мы знаем, что еще в 1844 г. он прочитал их статьи в «Немецко-Французском Ежегоднике». А именно там были опубликованы гениальные работы, положившие начало великой революции в философии: статья К. Маркса «К критике гегелевской философии права» и «Очерки критики политической экономии», написанные Ф. Энгельсом.

В группе Белинского — Герцена несомненно было известно об отношении Маркса к работам Прудона: ведь оценка учения Прудона была дана Марксом 28 декабря 1846 г. в письме к Анненкову. Ответ Маркса был, конечно, сообщен Белинскому, с которым Анненков в 1847 г. встречался за границей. Ранние работы Маркса и Энгельса знали и петрашевцы. Об их сочинениях не мог не слышать, в частности, Н. Спешнев во время его пребывания с 1842 по 1846 г. в Западной Европе, где он познакомился с Вейтлингом. Мы знаем также, что в библиотеке кружка Буташевича-Петрашевского имелось брюссельское издание (1847 г.) «Нищеты философии» К. Маркса. В списке же книг, намеченных петрашевцами для выписки из-за границы, упоминалась книга Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», вышедшая в 1845 г. в Лейпциге.

Наконец, к 40-м же годам относится первое упоминание о К. Марксе и Ф. Энгельсе в русской печати. В 1848 г. вышел в свет том 11-й «Справочно-энциклопедического словаря», где в статье «Философия современная» было сказано: «Ни Маркс, ни Энгельс, которых, кажется, можно принять за главнейших проповедников нового германского материализма, ни другие еще не обнародовали ничего, кроме частных черт этого учения».

Разумеется, нет никаких оснований считать, что ранние работы Маркса и Энгельса имели решающее значение при формировании общественно-политических взглядов русских передовых людей 40-х годов. В отдельных случаях известное влияние идей основоположников марксизма на представителей передовой мысли в России того времени установить возможно, но оно было ограничено, и степень его отнюдь не следует преувеличивать.

Ранние работы Маркса и Энгельса могли оказать известное влияние на разочаровавшегося в конце своей жизни в учении социалистов-утопистов Белинского, и, возможно, под их воздействием в некоторых последних работах при анализе общественных отношений он обнаруживал даже зачатки материалистического понимания исторических явлений.

Но в исторических условиях крепостной России 40-х годов Белинский, как и Герцен, не мог овладеть диалектическим материализмом. Ленинская характеристика общественно-философских взглядов Герцена полностью может быть применена и к Белинскому. Будучи глубоким, самостоятельным мыслителем, сумевшим преодолеть тот созерцательный материализм, на позициях которого стоял Фейербах, В. Г. Белинский вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед историческим материализмом.

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. III, 1947, стр. 203.

* * *

Как видим, предреформенная Россия уже отнюдь не являлась столь надежной опорой «старого порядка» в Европе, какой она была в годы французской буржуазной революции XVIII в. Николай I поддерживал троны западноевропейских феодальных монархий, в то время как в самой России приближалась буржуазная революция.

Во второй трети XIX в. в России нарастал острый кризис крепостнической системы хозяйства. Обострявшиеся классовые противоречия порождали народное движение, которое еще более расшатывало отживший и в России феодально-крепостнический строй.

Неизбежность крушения «старого режима» в России понимала значительная часть передовых людей того времени, в связи с этим живо интересовавшихся общественно-политической жизнью буржуазных стран Западной Европы.

Глава пятьдесят третья

РОССИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА

Период революций 1848—1849 гг. имеет важное значение в истории предреформенной России. Под влиянием чрезвычайных бедствий положение народных масс в России в 1848 г. резко ухудшилось. Массовые антикрепостнические выступления усилились, и внутренняя обстановка в стране стала особенно напряженной.

Вопреки утверждению буржуазной историографии, русский народ и отражавшие его интересы лучшие представители русской интеллигенции не стояли в стороне от общеевропейского революционного движения 1848—1849 гг. Признавая несомненное влияние революционного движения на Западе на крепостную Россию, вступившую в стадию внутреннего кризиса, мы, однако, утверждаем, что существо и степень этого влияния определялись исторической обстановкой, сложившейся накануне и во время революции 1848 г. в самой России в результате ее предшествовавшего развития.

Следовательно, изучая вопрос о России в 1848 г., следует прежде всего установить конкретные формы проявления в то время внутреннего кризиса самодержавно-крепостнического строя и определить степень его обострения. Лишь после этого станет понятной основная причина усиления классовых противоречий в 1848—1849 гг. в России, особенности русского общественного движения в это время и характер отражения зарубежных революционных событий на внутреннем положении в стране.

Такая постановка вопроса обеспечивает и более полное освещение контрреволюционной политики царизма в 1848—1849 гг., которая была направлена не только на подавление революционного движения за рубежом, но, как это в свое время отмечалось еще Марксом и Энгельсом, и на предотвращение революционного взрыва в самой крепостнической империи Николая I.

ОБОСТРЕНИЕ КРИЗИСА ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО СТРОЯ В 1848 Г.

Нараставший в предреформенные десятилетия кризис феодально-крепостнического строя, расшатанного вызреванием в его недрах капиталистического уклада, в 1848 г. достиг особой остроты в силу стечения чрезвычайных бедствий — повсеместного неурожая, широко распространившейся эпидемии холеры и опустошительных пожаров, охвативших как раз в этом году одновременно почти все европейские губернии.

Неурожай 1848 г. Этот год был в России самым неурожайным на протяжении всей второй четверти XIX в. Почти повсеместно не уродились и хлебные культуры и травы. По официальным данным министерства внутренних дел, средний урожай по всей империи в 1848 г. «был в общей сложности не более как сам-друг с половиною».

Годовые отчеты губернаторов за 1848 г. единодушно подчеркивали гибельные последствия неурожая для местного населения. Особенно пострадали тогда наиболее хлебородные губернии черноземного центра, Поволжья и Украины, снабжавшие хлебом всю Россию. В отчете по Казанской губернии говорилось о «скудном урожае хлебов», который привел «в упадок сельское хозяйство». По Саратовской губернии указывалось, что «с большей части полей не собрано даже и семян». О таком же положении сообщалось из Симбирской, Пензенской, Рязанской, Воронежской, Тамбовской, Екатеринославской, Таврической и ряда других губерний.

В особом очерке, посвященном изучению неурожаев в крепостной России, 1848 год также выделяется как наиболее неурожайный за весь 30-летний период царствования Николая I. С весны 1848 г. вредила хлебам засуха, потом «появилась саранча и долгоносики, расплодившиеся в таком множестве в августе месяце, что поедали не только хлеба, сжатые в то лето, но и прошлогодние; вдобавок ко всему этому вредил хлебам еще град».

Широкий размах и гибельные последствия этого стихийного бедствия были обусловлены общим упадком крепостного хозяйства. Хищническое использование плодородных земель при господстве примитивной техники земледелия и беспощадная эксплуатация помещиками труда крепостных крестьян, хозяйство которых разорялось все больше и больше, ставили сельское хозяйство крепостной России в полную и прямую зависимость от климатических условий. Не случайно неурожай 1848 г. особенно сильно поразил как раз те губернии, в которых, как правило, широко применялась наиболее отсталая форма барщинного хозяйства.

Эпидемия холеры Бедствия неурожая совпали в 1848 г. с широко распространившейся эпидемией холеры, свирепствовавшей, по свидетельству современников, с «небывалою силою».

Катастрофического характера холерные заболевания достигли уже в середине мая, чему крайне способствовало необычайно жаркое и раннее лето того года. Заболевания начали возрастать «с неимоверной быстротой и вскоре достигли ужасающих размеров. К 1 июля эпидемия не только занимала уже всю европейскую Россию, но проникла даже за Урал и свирепствовала в Тобольске».

По заведомо неполным официальным данным, количество холерных заболеваний дошло в 1848 г. почти до 1800 тыс., в том числе свыше 700 тыс. случаев были со смертельным исходом. Современники уже тогда отмечали неполноту правительственных сообщений о холере. С. Т. Аксаков 14 июня 1848 г. писал из Москвы своему сыну Ивану: «Вообрази, что число захварывающих холерой 6 июня простиралось свыше 400 человек... К этому должно прибавить, что в обыкновенных больницах уже не принимают обыкновенных больных, а только одних холерных, да и клали по два человека на одну постель, следовательно: надобно полагать такое же число больных, которых не возили в больницы и о которых не объявляли».

В отдельных городах от холеры умирали, даже по официальным сообщениям, от 9 до 16 человек на каждых 100 жителей (Новгород, Оренбург, Смоленск, Тверь, Тамбов, Псков). В обеих столицах жертвою страшной эпидемии стали десятки тысяч человек. Широкое распространение этой болезни в сельских местностях единодушно отмечается современниками. Так, например, Шевырев 14 июня 1848 г. писал Погодину: «Грустное время. В Москве болезнь слабеет, но по деревням рассказывают ужасы.

В первый раз [т. е. в начале 30-х годов XIX века] она так и не проникала в села и деревни. Они были от нее свободны, а теперь едва ли там не сильнее. В народе страх и отчаяние».

Официальная статистика холерных заболеваний в деревнях была, разумеется, особенно неполна. Но даже по этим явно заниженным сведениям, количество учтенных холерных больных по отдельным губерниям исчислялось десятками тысяч человек. Наибольшей силы эта эпидемия в 1848 г. достигла в черноземных районах: по данным министерства внутренних дел, в Московской и шести окружавших ее губерниях заболевшие холерой составляли 2,5 % всего сельского населения, по пяти центрально-черноземным губерниям — уже 4 %, а по шести украинским — даже 5,5 %.

Таким образом, в 1848 г. на крестьянское население наиболее плодородных в России губерний обрушились сразу два страшных бедствия — сильный неурожай и широкая эпидемия холеры.

От холеры больше всего вымирала масса трудящегося городского люда и крепостного крестьянства, находившаяся в особо тяжелых бытовых условиях. В дневнике В. П. Быковой, наблюдавшей тогда жизнь в Петербурге, мы читаем: «24 июня... Кладбища полны; по четыреста и по пятьсот в день покидают землю... Большая часть гибнет из простого бедного люда... В Петербурге народ очень приуныл...» Особенно усиливалась эпидемия при скоплении людей на крупных промышленных предприятиях. На Глушаковской суконной мануфактуре, поставлявшей до одной восьмой части сукна по казенным заказам, от холеры умерло в 1848 г. 800 рабочих.

Население самодержавно-крепостнической России было лишено элементарной медицинской помощи не только в сельских местностях, но и в городах. На 68 млн. жителей России имелось тогда всего лишь 8 тыс. врачей.

Пожары 1848 г.

Бедственное положение в стране усугублялось еще и тем, что в засушливое, чрезвычайно жаркое лето 1848 г. обычные для «деревянной» России пожары приняли грандиозные размеры. Во время этих летних пожаров выгорела бóльшая часть строений в пяти губернских городах, более чем в десяти уездных городах и во многих тысячах сел и деревень. Официальная статистика отмечала, что пожары в 1848 г. разорили свыше 71 тыс. хозяйств. Общая сумма убытков от пожаров превышала 34 млн. руб.

Тяжелые последствия стихийных бедствий были особенно серьезны потому, что масса крепостного крестьянства и городской бедноты не имела возможности с ними бороться и не могла, разумеется, рассчитывать на действительную помощь ни от помещиков-крепостников, ни от самодержавной власти. Социальный характер этих бедствий совершенно очевиден, хотя они и были в значительной мере обусловлены засухой 1848 г.

Ухудшение положения народных масс

Все эти чрезвычайные бедствия очень заметно сказались на расшатанной внутренним кризисом экономике предреформенной России. Цены на хлеб и фураж уже с начала лета 1848 г. возросли более чем в два раза и держались на этом уровне до осени следующего года. Возросли цены и на остальные продукты питания.

Уменьшился спрос на мануфактурные и фабричные изделия, что при общем упадке внутренней торговли и росте цен на сырье и рабочую силу привело к заметному сокращению промышленного производства.

Экономическая основа самодержавно-крепостнического строя в предреформенные десятилетия была крайне шаткой. Достаточно было даже некоторого нарушения обычного спроса на промышленные изделия, чтобы при медленно развивающемся внутреннем рынке, да еще при сократившемся в условиях европейского кризиса (1847 г.) обороте русской внешней торговли, внутренняя торговля сразу заметно упала, а промышленность вступила

в полосу застоя. Бедствия 1848 г. привели к тяжелым затруднениям в экономике страны именно потому, что они имели место в период внутреннего кризиса крепостной России. Перебои в хозяйственной жизни нельзя поэтому считать кратковременным конъюнктурным явлением. Они являлись свидетельством коренных и глубоких социально-экономических процессов, подрывавших основы самодержавно-крепостнической империи Николая I и заставивших помещиков-крепостников менее чем через 10 лет встать на путь буржуазных реформ.

Подъем крестьянского движения

Крестьянское движение 40-х годов XIX в. изучено слабо. Для его характеристики обычно используются сводные данные в годовых отчетах III отделения и министерства внутренних дел, далеко не отражающие всех случаев антикрепостнических выступлений крестьян. Но общее представление о нарастании крестьянского движения к середине прошлого столетия и о необычном подъеме его как раз в 1848 г. эти данные подтверждают достаточно ясно.

Об этом прямо говорится в отчете III отделения за 1848 г.: «Примеры неповиновения крестьян их владельцам значительно увеличились против прежних лет... Всех случаев неповиновения крестьян в 1848 году было 70, более против 1847 года 22-мя».

Неполнота данных о крестьянских выступлениях в 1848 г., отмеченных в этом документе, подтверждается отчетом министерства внутренних дел. Этот источник насчитывает только наиболее крупные волнения за 1848 г. в 43 имениях, при подавлении которых в 30 случаях «порядок водворен был посредством воинских команд» (численностью от 100 до 200 солдат). Помимо того, годовой отчет министерства внутренних дел отмечает многочисленные волнения крестьян в связи с эпидемией холеры: «Кроме показанных выше общественных беспорядков, в минувшем году [т. е. в 1848] буйства крестьян возникали во многих местах от распространявшихся между ними, по случаю появления эпидемической болезни холеры, нелепых толков, что их отравляют неблагонамеренные люди, а преимущественно поляки». Но и это еще не все. Дополнительно ко всем перечисленным случаям крестьянских выступлений, признанным особенно важными, в том же отчете упоминаются, видимо, не менее многочисленные «беспорядки», для прекращения которых не требовалось «строгих мер» и оказывалось достаточным применение «полицейских наказаний».

Даже эти ведомственные обзорные источники дают возможность сделать, по крайне мере, два важных вывода: 1) численность крестьянских выступлений в 1848 г. безусловно возросла, и 2) крестьянское движение отличалось тогда повышенной активностью и упорством.

На основании тех же источников вполне очевиден антикрепостнический характер крестьянского движения в 1848 г., определявшийся обострением внутреннего положения в России.

Отчет III отделения за этот год, объясняя необычное увеличение случаев «неповиновения» помещичьих крестьян, прежде всего указывает на возросшее тогда стремление крепостных к освобождению: «Побудительные тому причины заключались, главнейше, в неудовольствии на отчинные управления, в превратных суждениях о намерении правительства освободить их из крепостного состояния или в ложном понятии закона, дозволяющего крестьянам продаваемых с публичных торгов имений право выкупа [закон 8 ноября 1847 г.], и подстрекательстве сочинителями просьб».

В качестве типичных примеров крестьянского движения за 1848 г. во внутренних губерниях этот отчет приводит несколько случаев массовых выступлений крепостных, требовавших выкупа на основании закона от 8 ноября 1847 г. (Тверская и Владимирская губернии), протестовавших

против перевода их с оброка на барщину (Воронежская губерния), отказывавшихся выполнять повышенную норму барщинных работ (Курская, Казанская, Пермская), выступавших против притеснений вотчинной администрации (Рязанская) и т. д. Характерной чертой крестьянских волнений в Правобережной Украине тот же документ считал выступления крепостных против тяжелой барщины по инвентарным правилам, введенным там с 1847 г. Из донесения жандармского офицера мы узнаем, что эти инвентари по Киевской губернии действительно усилили эксплуатацию крепостных, возложив на них «через меру тягостные уроки барщины». Антикрепостническая сущность массового движения в 1848 г. в России очевидна. В основе бесспорного подъема крестьянского движения в 1848 г. лежало, таким образом, обострение политического положения в самой России.

Волнения в городах

Теми же причинами определялась напряженная обстановка в 1848 г. и в ряде городов. Глухое брожение среди массы городского населения отмечено было в Петербурге уже в середине марта. В донесении столичных агентов III отделения от 16 марта мы, например, читаем: «Второго морского экипажа Семен Ракетин... трактовал с разными классами народа, собравшимися в толпе на рынке, что государь не так распоряжается, много на крестьян кладет налогов». В том же документе приводится и такой факт: «Отставной солдат [Виноградов] говорил на толкучем рынке в толпе разных слушателей, что когда гвардия выступит в поход, будет холера и бунт, и будут друг друга бить и резать».

Напряженное положение в Петербурге вылилось во второй половине июня в открытые народные волнения. Волнения эти были связаны с холерной эпидемией, продолжались три дня, с 16 по 18 июня, и происходили в разных частях города (на Гороховой улице, на Сенной площади, у Семеновского моста, около Андреевского рынка, на Васильевском острове). В сообщениях газет того времени говорилось о многочисленных толпах горожан, которые хватали на улицах мнимых «отравителей», избивали их и оказывали сопротивление полиции.

Особенно широкий размах волнения приняли 18 июня на Васильевском острове. Толпа, избивавшая «сигарочного мастера» Нольде (у него в кармане был обнаружен клей в порошке, употреблявшийся при изготовлении папиросных гильз), категорически отказалась выдать его полиции и продолжала бушевать. Полицейским властям лишь с большим трудом удалось уговорить толпу сдать этого «отравителя» самому царю. Масса народа от Андреевского рынка дошла до Зимнего дворца.

Об этих событиях Николай I с нескрываемой тревогой писал 21 июня Паскевичу: «Чуть было в городе не дошло до беспорядков от глупой мысли отравления. Я строго наказал первого зачинщика и, объехав город, увещевал быть смиренными; покуда удалось».

Правительством в связи с холерными волнениями в столице были приняты чрезвычайные меры: «По поводу сего учреждены были жандармские разъезды в разных местах города и отделен отряд жандармов в распоряжение оберполицмейстера».

Волнения народных масс в 1848 г. происходили и в других городах. Летом произошли «холерные беспорядки» в Риге, Угличе и Рыбинске. Отчет III отделения отмечает «нелепую агитацию» священника Петра, возбудившего жителей Углича. Там же упоминались «холерные беспорядки» в Рыбинске, в результате которых «разбежалось до 1000 человек судорабочих». Напряженное положение отмечалось в Москве, Киеве, Белостоке, Вильно, Смоленске, Туле и т. д.

Городские волнения 1848 г. также явились выражением глубокого протеста против самодержавно-крепостнического гнета. Наблюдательные

современники были убеждены, что эти антикрепостнические настроения и обостренное недоверие к царским чиновникам распространены чрезвычайно широко. Петрашевец Баласогло на следствии показывал: «Я миллион раз, даже из уст нижних чинов и простонародия, в разных случаях, когда трудно определить, идучи по улице, за городом, стоя в карауле, словом сказать, всюду и всегда слыхивал от всех сословий одно выражение, в более или менее разнообразных вариациях: „А как его-то, нашего батюшку, министры-то обманывают... Ну, уж когда же нибудь они дождутся, что их господь покарает. Отольются волку да овечьи слезки“».

Холерная эпидемия дала лишь толчок для открытого проявления этих настроений народных масс. Характерно также, что во всех известных случаях публичной антиправительственной агитации (на рынках, в кабаках), по агентурным донесениям III отделения, в качестве своеобразных «агитаторов» выступали тогда рядовые представители самого народа (матрос Семен Ракетин, рядовой Александр Филипов, отставной солдат Виноградов и др.).

Революция 1848—1849 гг. в странах Западной Европы, как видим, совпала с нарастанием напряженного положения внутри России, вытекавшим из ее собственного исторического развития. Для обостренного и широкого интереса к зарубежным революционным событиям имелись весьма благоприятные условия в самой империи Николая I. Однако предварительно необходимо установить, насколько полно и широко могли в 1848 г. проникать в крепостную Россию сведения о развитии революционного движения в других государствах.

ПУТИ ПРОНИКНОВЕНИЯ В РОССИЮ СВЕДЕНИЙ О РЕВОЛЮЦИЯХ 1848 Г.

Дореволюционная буржуазная литература, вслед за официальной правительственной версией, утверждала, что в 1848—1849 гг. Россия якобы была полностью изолирована от охваченных революцией стран Европы. Этой версии придерживался и М. Лемке, несмотря на то, что имел возможность хотя бы частично ознакомиться с архивными фондами III отделения. Он считал, например, что информация в России о революциях 1848 г. была крайне ограниченна: «Молодежь наша очень интересовалась всем происходившим на Западе, вся же масса русского общества и до и после революции не знала, что делается по ту сторону ее западной границы».

Такая точка зрения совершенно неправильна. В период революций 1848—1849 гг. между Россией и революционным Западом существовали довольно прочные и многообразные связи, вопреки всем усилиям царского правительства эти связи ограничить. Сообщения из-за рубежа продолжали поступать различными путями, широко распространялись в России и подчас давали русским современникам довольно полное представление о заграничных революционных событиях.

Освещение революции 1848 г. в русской периодической печати

Основным источником легальной информации о зарубежных революционных событиях 1848—1849 гг. несомненно являлись в России периодические издания как иностранные, так и русские. Таким путем сравнительно быстро получались систематические сообщения о зарубежной хронике того времени.

Строго отобранные цензурой иностранные газеты и журналы реакционного и умеренно-либерального направления и тогда допускались в николаевскую Россию. Некоторые из них можно было иметь по подписке и частным лицам. В мемуарах Б. Чичерина упоминается о получении им в 1848 г. французской газеты «Журналь де Деба», отражавшей после февральского

переворота взгляды сторонников «партии порядка». Упомянутая газета, как и некоторые другие парижские, берлинские и лондонские издания, выписывались библиотеками, читальнями и кондитерскими, где за умеренную плату были доступны всем посетителям. Именно таким путем следил за событиями в Западной Европе молодой Н. Г. Чернышевский, обучавшийся в те годы в столичном университете. Повышенный спрос на иностранную прессу со стороны русских читателей отмечался и в русских газетах. В № 54 от 9 марта 1848 г. «Вестника московской городской полиции» мы, например, читаем: «Прибытие заграничной почты есть решительно эпоха: битком набитые кондитерские и деятельность в чтении страшная! Газеты пожираются, как устрицы, с алчностью невиданною!»

Отделы зарубежной политической хроники имелись также в наиболее распространенных русских газетах Петербурга, Москвы, Одессы и других крупных городов. Общий характер информации этих подцензурных изданий был, разумеется, односторонним. Они давали реакционное освещение заграничных событий, отражавшее правительственную точку зрения. За основу сообщений они брали обычно материалы консервативных органов иностранной печати, которые были полны злобной клеветы на революцию и революционных деятелей. Но, несмотря на все это, информационное значение русской периодики для того времени было довольно велико.

Прежде всего читатели «Русского инвалида», «Московских ведомостей», «Одесского вестника», даже «Северной пчелы» и некоторых других столичных и провинциальных газет сравнительно быстро узнавали о всех основных этапах развития революции в Западной Европе. Первые сообщения о падении Июльской монархии и об образовании в Париже Временного правительства были напечатаны в газетах Петербурга через 12 дней после этого события. Об апрельском выступлении в Париже национальных гвардейцев с демонстрацией парижских рабочих было опубликовано в петербургских газетах через 13 дней. Вести о стихийном выступлении народа в Париже 15 мая до читателей русских газет дошли даже на десятый день. О начале июньского восстания парижских рабочих в столичных русских газетах появились сообщения через 13 дней.

О революционных событиях в странах Европы русские газеты писали довольно подробно. Об июньском восстании, например, в «Русском инвалиде» печатались сообщения на протяжении двенадцати номеров. Из этого источника русским читателям было известно о ходе восстания и зверской расправе с ним Кавеньяка. В трех номерах этой газеты подробно сообщалось и об убийстве парижского архиепископа. Сначала говорилось, что он погиб от огня правительственных войск («Русский инвалид», № 139), затем была пущена версия о «случайном выстреле» (№ 140), наконец, вопреки ясному свидетельству первого сообщения, виновниками смерти архиепископа объявлялись «инсургенты» (№ 143).

На страницах русских газет подчас печатались сообщения о реформах, проводившихся правительствами в революционных странах, не исключая и социального законодательства Временного правительства в первые месяцы после февральского переворота. В отдельных случаях некоторые газеты давали комментарии, которые, несмотря на свою контрреволюционную окраску, толкали читателей на размышления о революции 1848 г. Так, например, в № 53 «Русского инвалида» (от 7/19 марта) была опубликована перепечатка из лондонского «Таймс», в которой революции во Франции давалась такая характеристика: «Последняя революция имеет социальный, а не политический характер... Еще замечено, что народ, с небольшими исключениями, не грабил и поступал человеколюбиво. Это должно быть приписано... чувству, что теперь народу принадлежит все и что он может наложить на все руку, когда захочет».

Еще определеннее классовое содержание французской революции 1848 г. было раскрыто в одном из следующих номеров той же газеты. Сравнивая события 1848 и 1830 гг., газета привела следующее мнение одного иностранного наблюдателя во Франции: «Высшие и средние классы, умеренные люди и отъявленные противники Людовика-Филиппа — все соединены теперь чувством страха, возбужденным в них низшими классами... В 1830 году было совершенно иначе — между средними и низшими классами господствовало тогда совершенное согласие» (№ 60 от 16 марта).

Наконец, в русских газетах ежедневно упоминались политические деятели тех стран, где происходила революция. Особенно часто в подцензурной печати встречалось тогда имя Луи Блана, а также нередко упоминались Бланки, Барбес, Пьер Леру, Распайль, Кабе, Прудон и другие, не говоря уже о Ламартине, Ледрю-Роллене и других членах Временного правительства Франции. И, что особенно характерно, начиная с первого сообщения о начале революции 1848 г. в Париже, о всех этих лицах выходившие в России издания писали без особых пояснений, как о людях, давно знакомых русским читателям.

Сообщения о революции 1848 г. на Западе печатались не только в отдельных столичных русских газетах. На них откликались и некоторые журналы и провинциальная печать. «Сын отечества» давал ежемесячные политические обзоры. Другие журналы помещали специальные статьи и стихотворения или откликались на зарубежные революционные события в мелких заметках на самые различные темы. В официальной части многих «Губернских ведомостей» публиковались манифесты Николая I, приказы о мобилизации и другие правительственные сообщения, упоминавшие о революционных переворотах в западноевропейских странах, а в отдельных случаях печатались и специально посвященные этой теме статьи (см., напр., «Калужские губернские ведомости», 1848, № 15). В неофициальной части этих изданий иногда помещались церковные проповеди, в которых пояснялись манифесты Николая I.

Трудно указать русское периодическое издание 1848 г., рассчитанное не на специальный круг читателей, которое в той или иной форме не упоминало бы о революционных переворотах в Западной Европе.

Официальные сообщения

Особым источником легального проникновения в Россию вестей о революции 1848 г. явились связанные с ней официальные выступления правительства. Уже в опубликованном 25 февраля (8 марта) предписании Николая I о мобилизации сообщалось: «На западе Европы последовали события, обличающие злоумышление к ниспровержению властей законных». В манифесте Николая I, датированном 14 (26) марта 1848 г., было сказано: «После благословений долголетнего мира запад Европы внезапно взволнован ныне смутами, грозящими ниспровержением законных властей и всякого (!) общественного устройства. Возникнув сперва во Франции, мятеж и безначалие скоро сообщились сопредельной Германии и, развиваясь повсеместно с наглостью, возраставшей по мере уступчивости правительств, разрушительный поток сей прикоснулся, наконец, и союзных нам империи Австрийской и королевства Прусского. Теперь, не зная более пределов, дерзость угрожает в безумии своем и нашей богом вверенной России».

Подобного рода упоминания о европейских революциях содержатся в ряде правительственных сообщений того времени: в официальных комментариях к манифесту 14 марта, в уведомлениях о призыве рекрутов и бессрочно отпускных, в разъяснениях по поводу вступления царских войск в дунайские княжества, в манифестах о выпуске кредитных билетов, об интервенции царизма в 1849 г. в Венгрии и т. д.

Публичные выступления царского правительства определяли его официальное отношение к зарубежным революционным событиям и стремились предотвратить сочувственное отношение к ним в России. Но вместе с тем они, несомненно, способствовали весьма широкому распространению известий о революции 1848 г. по всей стране. Эти манифесты и обращения публиковались не только почти во всех столичных газетах и журналах, но и в провинциальных губернских ведомостях; текст их нередко печатался отдельными листами, оглашался перед народом чиновниками, читался священниками в церквах и т. д.

Как видим, о революционных переворотах в западноевропейских странах население России широко оповещалось самим правительством, однако эта официальная, контрреволюционная агитация не достигала, разумеется, цели: ее реакционная тенденциозность для многих современников была очевидна. Туманное же содержание правительственных деклараций, привлекая к себе внимание народных масс, способствовало лишь возникновению всякого рода толков и слухов, подчас явно антиправительственного характера. Не случайно на эту сторону публичных выступлений Николая I в среде крепостников сразу же было обращено настороженное внимание. В донесении из Москвы начальника 2-го корпуса жандармов Перфильева в связи с опубликованием манифеста писалось буквально так: «На счет манифеста рассуждают некоторые: что события столь необыкновенные должны быть обнародованы, другие — что это может возбудить в народе толки и интерес к событиям, к которым без того остался бы равнодушен — это более относится к внутренним губерниям».

Как видим, совершенно легальные, официальные и полуофициальные, сообщения о революциях 1848 г. получили в России широкое распространение. И если эпизодические правительственные выступления на эту тему были крайне скудны и фальшивы, то информация подцензурной печати, прежде всего столичных газет, несмотря на реакционный ее характер, отличалась систематичностью, нередко детальностью, а в отдельных случаях и достаточной содержательностью.

Не случайно уже 4 марта 1848 г. на первом заседании чрезвычайного цензурного комитета под председательством А. С. Меншикова было обращено особое внимание именно на русскую периодическую печать, так как «газеты и журналы переходят в трактиры и передние». А 26 марта Николай I отдал специальное распоряжение: «чтобы отныне впредь в наших газетах не публиковалось никаких подробностей всех бунтов, восстаний и революционных действий; упоминать же о них в самых общих выражениях».

Источники частных сведений о революциях 1848 г.

Значительную роль в проникновении в Россию сведений о революционных событиях на Западе играли рассказы очевидцев, приезжавших из-за границы, и частная заграничная корреспонденция. При особенно строгом ограничении в 1848—1849 гг. въезда в Россию частных лиц и при усилении цензуры эти каналы частной информации на первый взгляд могут показаться ограниченными и случайными. Но такое впечатление было бы обманчивым.

Несмотря на все ограничения, в одном только 1848 г. в Россию было официально допущено свыше 10 тыс. иностранцев. Кроме того, в 1848 и 1849 гг. вернулось из западноевропейских стран более 80 тыс. русских подданных. Следовательно, за эти два года в Россию вполне легально прибыло в общей сложности до 100 тыс. живых свидетелей революционных переворотов в Европе. В частных беседах они являлись, разумеется, источником конкретной информации о революции 1848 г.

Герцен в августе 1848 г. писал в Москву Грановскому и Коршам с возвратившимся из Франции А. А. Тучковым: «Ал. Ал. для вас будет

кладезем подробностей»[1]. В начале сентября того же года в письме, посланном с П. В. Анненковым, он предупреждал тех же корреспондентов о необходимости критического отношения к рассказам Анненкова[2]. Через два месяца (5 ноября) Герцен сообщал «московским друзьям», что взявшийся вручить им новое письмо И. В. Селиванов выступал на одном политическом банкете в Париже и правильнее Анненкова судит о революционных событиях.[3] Наконец, в сентябре 1849 г. возвращался в Россию еще один очевидец зарубежной жизни, пользовавшийся доверием Герцена и предполагавший посетить его московских корреспондентов[4].

Как видим, на протяжении одного года группа московских западников имела возможность по крайней мере четыре раза беседовать с непосредственными наблюдателями хода революции 1848 г., доставившими в обход царской цензуры письма Герцена и безусловно сообщавшими о его подлинных взглядах и настроениях.

Помимо этих десятков тысяч легальных въездов в Россию очевидцев западноевропейских революций 1848—1849 гг., некоторая часть жителей пограничных районов тоже легально переходила западную границу в обоих направлениях, становясь источником политической информации для местного населения. Из рапорта киевского генерал-губернатора Бибикова от 4 мая 1848 г. мы, например, узнаем, что таким правом беспрепятственного перехода границы пользовались крестьяне тех имений, территорию которых государственный рубеж делил на части. Бибиков пишет: «В настоящее время галицийские крестьяне... освобождены от барщины и..., переходя сюда для обработки своих полей, рассказывают о том здешним крестьянам, которые начали говорить: если бы бог дал дождаться и нам подобной свободы». На многочисленность подобных случаев перехода границы указывает возникновение в этой связи специального дела III отделения.

Нередки были в 1848 —1849 гг. и нелегальные переходы через западную границу. В донесении из Волынской губернии от 10 июня 1848 г. жандармский офицер упоминал о десятках «галицийских подданных», задержанных за нарушение рубежа и содержащихся в тюрьмах Кременца и Владимира. При этом указывалось, что количество таких лиц «с каждым днем увеличивается».

Свидетели и очевидцы зарубежных революционных событий в России были, таким образом, довольно многочисленны. Они безусловно являлись распространителями разных сообщений о революции 1848 г., а в ряде случаев становились носителями и революционной агитации.

Нельзя, наконец, игнорировать и значение частной заграничной переписки как канала осведомления в России о революционных переворотах 1848—1849 гг. Во-первых, многие из приехавших тогда в Россию лиц имели с собой письма для личного вручения адресатам. Примером того могут служить те же письма Герцена, пересланные им в 1848—1849 гг. в Россию с надежными «оказиями». Во-вторых, значительное, видимо, количество и обычных почтовых отправлений в Россию использовалось с информационными целями.

Заграничная частная корреспонденция в период революции 1848 г. хотя несколько и сократилась, но все же должна быть признана обильной. Только за один 1848 г. переслано было в Россию до 400 тыс. почтовых отправлений, в основном из стран, охваченных революцией. В наибольшем количестве они направлялись в столицы и в пограничные губернии.

---

[1] «А. И. Герцен. Новые материалы». Труды Публичной библиотеки им. В. И. Ленина. М., 1927, стр. 47.
[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. V, Пг., 1919, стр. 235—236.
[3] Там же, стр. 244—245.
[4] Там же, стр. 285.

В Петербурге, например, получено было в 1848 г. до 150 тыс. заграничных писем, что составляет в среднем одно письмо на двух-трех жителей столицы.

Во многих случаях по почте давалось детальное освещение зарубежных событий. Достаточно указать на 13 пространных писем А. Н. Карамзина (сына историка) из Парижа его матери в Петербург, написанных за полтора-два месяца. Заграничная почтовая переписка использовалась иногда и в целях революционной информации и даже пропаганды. К ней не раз прибегали политические эмигранты для связи с родственниками, оставшимися в России. Наконец, по почте же в 1848 г. иногда поступали в Россию революционные воззвания и прокламации, тоже нередко благополучно минуя почтовую цензуру.

Нелегальная информация

Отдельные случаи — и, видимо, не такие уж редкие — нелегальных сообщений о заграничных событиях, как видим, имели место и в беседах русских людей с приехавшими из Западной Европы лицами и в некоторой части заграничной корреспонденции. Но прямыми проводниками нелегальной информации о революции 1848 г. являлись революционные воззвания, обращения и лозунги, распространявшиеся в пограничных губерниях.

Такого рода записки и листовки были обнаружены царской администрацией уже в начале марта 1848 г. в Прибалтике, а с апреля — в Литве (Виленская и Ковенская губернии) и в юго-западных губерниях Украины (Подольская, Волынская и отчасти Киевская), где они продолжали упорно распространяться до конца года.

Первые из этих документов были рукописные, встречались в единичных экземплярах, явно исходили от отдельных лиц и нередко состояли из кратких политических лозунгов. С лета 1848 г. стали появляться уже печатные воззвания, которые подчас разбрасывались целыми пачками и обнаруживались в 40—50 км от западной границы. Подавляющее большинство подобных воззваний и обращений были явно заграничного происхождения и вероятнее всего распространялись польскими эмигрантами.

Содержание этих документов разнообразно. Чаще всего они призывали к революционной борьбе с царизмом, прославляли национально-освободительное движение поляков, предостерегали царское правительство от вмешательства во внутренние дела соседних стран, охваченных революцией, и сообщали об успехах революционного движения в западноевропейских странах.

В Киеве, например, весной 1848 г. было обнаружено несколько экземпляров прокламации, озаглавленной «Русскому православному народу от благомыслящих соотечественников воззвание». В ней жители города призывались к восстанию: «Наконец-то и для нас настало время свободы, наконец, и для нас пробил час мести над нашими притеснителями и тиранами. Все просвещенные народы сбросили с себя тяжкое иго, теперь и до нас доходит очередь сделаться, подобно им, свободными и счастливыми». В конце воззвания выражалась уверенность, что «солдаты русские против русских же соотечественников не станут».

Примерно в то же время в местечке Белая Церковь Киевской губернии было получено из Пруссии воззвание к русским. В начале его говорилось: «Восстань от сна, русский народ! Обрати тот кнут, который доселе тяготел над тобою, на твоих владык, и пользуйся мгновением, которое представляется. Братья ваши, германцы, французы, итальянцы, австрийцы, частично датчане и бельгийцы, уже проложили себе дорогу... Мы свободны, следуйте нам, подумайте, что вы люди и что беднейший из вас тоже человек; поступайте с ним, как с человеком; оставьте кнут, обратите его только против высших и сильных; ибо настал день, в который владыки должны

трепетать за их постыдные и беззаконные дела». Этот документ заканчивался так: «Короли не смеют делать того, что хотят, но должны делать то, что народ требует; они стоят ниже народа; солдат тогда только может взять оружие, когда прикажут народ или граждане».

Подобные революционные воззвания в 1848 г. насчитывались не единицами, а десятками. Только в делах III отделения за один этот год удалось разыскать тексты почти 20 таких документов, обнаруженных в пограничных западных губерниях, не считая при этом территории Царства Польского. Однако на самом деле их было, конечно, больше.

Итак, нет никаких оснований считать, что в 1848—1849 гг. русские люди были изолированы от революционной Западной Европы и не имели представления о происходивших там событиях.

Наиболее полную информацию об этих событиях имели возможность получать жители столиц и пограничных районов, где скудные правительственные сообщения и ограниченная политическая хроника русской периодики восполнялись информацией из частных источников, а в пограничных губерниях — и из нелегальной литературы того времени.

Сведения о революции 1848 г. в большей или меньшей степени доходили до всех классов населения николаевской империи. Но в наибольшем объеме ими располагали представители господствующего класса, прежде всего столичное дворянство, а также разночинная интеллигенция Петербурга и Москвы. Представления о революции в западноевропейских странах среди крепостного крестьянства и в массах городской бедноты обычно основывались на туманных извещениях правительства и еще более затемнялись «разъяснениями» крепостников, чиновников и духовенства.

Неизбежным результатом этого должны были явиться массовые толки, порожденные слухами о революционных событиях.

Несколько иное положение имело место лишь в пограничных местностях, где население иногда поддерживало прямую связь с жителями соседних государств, охваченных революцией, и где могла оказывать некоторое влияние и нелегальная информация.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В РОССИИ И РЕВОЛЮЦИЯ 1848 Г.

Распространение сообщений о революционных событиях в Западной Европе неизбежно должно было привести к еще большему обострению внутреннего положения в стране. Эти сообщения усиливали начавшееся независимо от борьбы на Западе освободительное движение крестьян и порождали панические настроения в среде господствующего класса помещиков-дворян.

Отклики на революцию 1848 г. среди крестьян

Проникновение сведений о революции 1848 г. в массу крепостных крестьян подтверждается прямыми свидетельствами прежде всего официальных правительственных источников. Скудость этих сообщений мешает ясному представлению о настроении крепостных крестьян в 1848 г. Но иными источниками об этом мы, к сожалению, не располагаем по вполне понятным причинам: редких документов, исходивших из крестьянской среды, правительственные учреждения сохранили мало; в частных же архивах современников в условиях особенно суровой политической реакции такие документы не могли уцелеть.

Несмотря на это, имеющиеся источники полностью подтверждают живые отклики крепостных крестьян на революционные события 1848 г. в зарубежных странах. Особенно ясно был выражен широкий интерес к этим событиям со стороны крестьян в западных, преимущественно пограничных, губерниях.

Уже в марте 1848 г. рижский генерал-губернатор сообщал в Петербург: «Известия о происшествиях в Германии и Франции не прошли незамеченными простым народом Балтийской губернии... даже в отдельных уездах, например Якобштадтском и Верроском, латыши и эсты, обыкновенно столь равнодушные к событиям заграничным, знают о современных происшествиях и толкуют о них».

В конце того же месяца аналогичное донесение по так называемым литовским губерниям было отправлено в III отделение и виленским генерал-губернатором: «Известия о происходящих в Европе переворотах, часто искаженные и превратные, разносятся с быстротой в сопредельных с Пруссиею уездах, и теперь все тамошние жители — крестьянин и помещик — только и заняты рассуждениями о том, что делается за границей».

Наиболее многочисленны были такие сообщения из пограничных украинских губерний. Специально командированный туда из Киева жандармский офицер весной 1848 г. установил, что местные крестьяне хорошо знают о революции в Австрии, в частности о последних политических событиях в Галиции, и оживленно обсуждают эти события: «Нет никакого сомнения,— доносил он 8 апреля 1848 г.,— что крестьяне вели между собою такие толки и что они рассказывают слышанное более или менее преувеличивая, но не сознаваясь в своих разговорах».

Наряду с этим бесспорные признаки интереса крепостных крестьян к доходившим до них смутным вестям о зарубежных революционных событиях можно обнаружить и во внутренних губерниях (Смоленской, Московской, Тульской, Калужской, Владимирской и др.). При извещении о ходе призыва по мобилизации бессрочно-отпускных в Калужской губернии оттуда 20 марта 1848 г., например, сообщалось, что призываемые в армию «более или менее знают о беспорядках, происходивших в Париже».

Весьма показательно также донесение жандармского полковника от 31 марта 1848 г. из Тулы, подтверждающее широкие отклики на революцию в Западной Европе среди населения Подмосковья: «Здесь рассеивается множество разнородных бестолковых и вредных слухов. Для войска и иных сословий они не опасны, но в ремесленном и простом народе, особенно же между помещичьими крестьянами, которые всегда и везде верят всему несбыточному и самым уродливым нелепостям,— слухи эти могут быть чрезвычайно вредны». Из другого источника мы узнаем, что как раз в это время и именно в Тульской губернии возникла легенда о появлении в Западной Европе антихриста, который по пути на восток засел в... Париже. В основе этой легенды лежит официальная версия манифеста о революции 1848 г. как о «разрушительном потоке», двигающемся с запада на восток, хотя жандармским документом она и относится к числу «уродливых нелепостей».

Подобные сообщения поступали тогда в Петербург и из таких глубинных губерний, как Симбирская. Народные толки и в сельских местностях и в городах с весны 1848 г., несмотря, на первый взгляд, на их фантастический характер, явно подтверждают своеобразные отклики закрепощенных народных масс России на зарубежные революционные события.

Усиление освободительного движения

Необычные зарубежные события 1848—1849 гг. истолковывались народными массами прежде всего под углом зрения их горячего чаяния — добиться свободы от крепостнического гнета. Связь крестьянских выступлений с сообщениями о зарубежных революционных переворотах наиболее отчетливо была выражена в первую очередь в западных губерниях, где эти сообщения доходили до населения с большей полнотой.

Это обстоятельство не раз было отмечено и в официальных документах. Из Смоленской губернии, например, весной 1848 г. сообщалось: «Со времени событий в Западной Европе толки относительно освобождения крестьян из крепостного состояния снова быстро распространяются в Смоленской губернии, и в особенности, они сильны в уездах, лежащих к западу». В жандармском рапорте из Прибалтики уже 19 марта писалось о возбужденном настроении крестьян в пограничных с Пруссией имениях, «о беспокойном духе и разных толках крестьян в имениях Полангене и Руцау, близ границ Прусской и Ковенской губ.».

Крестьяне Прибалтики, Литвы, западных губерний Украины знали о падении крепостнических порядков в соседних странах и ожидали в недалеком будущем и своего освобождения. В пограничных районах Курляндской губернии народ на ярмарках толковал «о войне с французами», крестьяне старались сбыть товар быстрее, население требовало обратно денежные вклады, а подвыпившие крестьяне «в присутствии посторонних проронялн разные двусмысленные слова и выражения в отношении какой-то предстоящей катастрофы».

Во многих жандармских донесениях из Литвы говорилось, что крестьяне пытались добыть огнестрельное оружие; когда же власти изымали его у местного населения, оно оказывало открытое сопротивление; в двух имениях «крестьяне воспротивились обыску, который был, однако, произведен при помощи командированной в эти имения роты пехоты, и найденное оружие отобрано».

Возбуждающее действие сообщений о заграничных революционных переворотах на крестьян западных губерний Украины также подтверждается рядом официальных донесений. О ликвидации феодальной эксплуатации в близких зарубежных странах крестьяне западных уездов Волынской и Подольской губерний нередко узнавали от очевидцев; некоторые из них сами видели, что крестьяне соседней Галиции освободились от произвола помещиков. В упомянутом рапорте Киевского генерал-губернатора, отосланном в начале мая 1848 г., прямо указывалось, что в пограничных имениях крепостные крестьяне «начали говорить: если бы бог дал дождаться и нам подобной свободы».

Непосредственную связь западноевропейской революции 1848 г. с освободительным движением крепостных в России нетрудно обнаружить и в тех толках и слухах, которые тогда получили большое распространение также в первую очередь в западных губерниях, хотя в ослабленной степени это явление наблюдалось и во внутренних местностях России. Среди казенных крестьян Ковенской губернии уже в марте 1848 г. прошел слух, что «скоро придут в Литву французские войска». В Смоленской губернии крестьяне тогда же толковали об ожидавшемся ими приходе французов «к Духову дню, но не воевать, а вешать помещиков». Там же крепостные ожидали освобождения «через прибытие французов, которые идут... будто бы с белыми арапами, дабы дать вольность». А несколько позднее здесь же толковали даже о союзе «пяти держав», которые якобы шли на Россию, «чтобы дать вольность крестьянам». Даже в отдаленной Симбирской губернии еще в марте 1848 г. крестьяне уверяли, что французы уже явились в Москву. Подобные фантастические слухи не только характеризуют отрицательное отношение народных масс к реакционной пропаганде царизма, порочившей Францию как очаг европейской революции. Они раскрывают наивную надежду крепостных на получение свободы при помощи сторонней силы: то от «французов», то от вымышленных «белых арапов», то от каких-то «пяти держав».

Тот же основной мотив угадывается и во вновь воскрешенной в 1848 г. народной молвой легенде о появлении якобы радеющего о крестьянских

интересах царского брата Константина, умершего еще в 1831 г. Об этом начали говорить в начале марта в Одессе. 28 марта 1848 г. в Москве прошел слух, что «Константин Павлович явился из своего заточения». А в конце апреля в Смоленске уже рассказывали: «Константин Павлович еще жив, скрывается под чужим именем в разных местах и недавно его видели будто бы в Одессе и Киеве, откуда цесаревич писал к брату государю императору, что он будет к его величеству в гости, по какому случаю просит не устилать дорогу шелками и коврами, а панскими головами...»

Царистская окраска освободительных крестьянских выступлений для крепостнического периода весьма типична. Ведь в той же Смоленской губернии и именно в 1848 г. крестьяне передавали, что «государь хотел сделать их свободными, но дворяне воспротивились». В данном случае примечательно возрождение легенды о Константине на подъеме освободительного крестьянского движения в 1848 г.

Итак, за самыми, казалось бы, фантастическими измышлениями народной молвы скрывались вполне конкретные мысли крестьян о свободе. Подобные толки и слухи нередко сопровождались своеобразным истолкованием крепостными крестьянами революционных событий на Западе, которые таким образом способствовали усилению массового освободительного движения и в крепостной России.

Паника среди помещиков

Явное обострение классовых противоречий в 1848г. в России подтверждается также нарастанием необычайно тревожных настроений среди господствующего класса помещиков-дворян. В обстановке разгорающегося крестьянского движения вести о революционных переворотах в ряде стран Западной Европы воспринимались массою русских помещиков прежде всего как прямая угроза их господствующему положению. Они с ужасом наблюдали, как рушились последние европейские феодальные монархии, и воочию убеждались, сколь ненадежны те устои, на которых в России покоилось их собственное существование. Помещиков-дворян волновала опасность всеобщего крестьянского восстания.

Отдавая себе отчет в ненависти к ним закрепощенного крестьянства, помещики с тревогой прислушивались уже к первым сообщениям о начале революции во Франции. Вот как об этом времени вспоминал впоследствии один смоленский дворянин: «Жизнь наша в деревне текла обычным порядком, а между тем наступил 1848 год, который был уже отчасти эпохой в моей жизни и памятен мне по многому. Прежде всего почти в самом его начале стали доноситься тревожные слухи о том, что вся Европа бунтует, что королей прогоняют одного за другим, что где-то недалеко от нас мужики режут помещиков и что нет ничего невозможного, чего доброго и у нас скоро начнется то же самое. Слухи эти, конечно, передавались со всевозможной осторожностью, для того, чтобы они не могли быть услышаны крепостными людьми, но доходили и до нас, детей, и мы, вместе со старшими, находились в том же унылом настроении, в котором были тогда все».

По мере оживления крестьянского движения в России и нарастания революционных событий на Западе эти тревожные настроения среди помещиков усиливались и нередко принимали совершенно панический характер. Особенно ярко это было выражено весной 1848 г. в западных губерниях, где опасение подъема массового движения ставилось в прямую связь с развитием революции в соседних странах. Так, например, из жандармского документа, посланного 19 марта 1848 г. из Киева, мы узнаем, что генерал от кавалерии Никитин «по случаю происшедших в Берлине и Бреславле беспорядков предписал 1-й и 4-й легким кавалерийским дивизиям быть в готовности на случай могущих произойти здесь волнений.

Из Прибалтики, Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины уже в марте 1848 г. хлынул поток секретных рапортов и донесений о необычайном возбуждении местных помещиков, страшившихся всеобщего восстания крепостных. Вот несколько примеров.

Из Дерпта 31 марта сообщалось: «Дворянство здешнее объято каким-то паническим страхом, опасаясь за возмущение крестьян своих, зная, что они к ним не только не расположены, но даже питают вражду вековую...»

В донесении от 20 марта из Ковно мы читаем : «С того времени, как в Ковенской губернии получены известия о беспорядках, происшедших во Франции и других государствах, между жителями этой губернии замечается довольно сильное брожение умов. Высшее дворянство, владельцы значительных имений, страшась, чтобы собственные их крестьяне не обратились, прежде всего, против них самих, находятся в крайних опасениях».

Из Волынской губернии тогда же сообщалось о поспешном бегстве многих помещиков пограничных уездов из своих имений: «На Волыни повсеместно распространилась молва, что во время наступающего светлого праздника крестьяне будут резать помещиков, и эта нелепая молва произвела повсеместный страх; многие помещики предпочитают жить в г. Житомире и для этого нанимают дома; в лучших обществах исключительно только об этом идет разговор, который без сомнения переходит к дворовым людям и даже черни, между которой ничего к преступному замыслу не заметно».

Подобные же настроения наблюдались и среди помещиков внутренних губерний. В конце марта 1848 г. жандармский офицер писал из Смоленской губернии, что виновниками тревожных слухов нередко являются сами помещики: «Дворяне собственною неосторожностью, необдуманными суждениями о событиях в присутствии полуобразованной дворни дают повод к распространению вредных и опасных толков...» Летом 1848 г. А. С. Хомяков, отражая тревогу московских помещиков, сообщал из Москвы одному из своих корреспондентов: «Даже те, которые к испугу не очень способны, тревожатся невольно от беспредельных толков, от которых отбиться невозможно». Настороженные настроения в 1848 г. современники отмечали даже среди помещиков Саратовской и Симбирской губерний.

В обстановке обострения классовых противоречий в России масса помещиков с особенной враждебностью относилась к западноевропейскому революционному движению 1848—1849 гг. и единодушно поддерживала контрреволюционный курс правительственной политики царизма. От помещиков не только западных, но и почти всех внутренних губерний с весны 1848 г. начали поступать многочисленные адресы, в которых, заверяя Николая I в верноподданнических чувствах, дворяне стремились «вознести благодарение отцу отечества, виновнику нашего благоденствия». На многих дворянских собраниях принимались при этом решения о сборе пожертвований на нужды армии, на обеспечение семей призванных на службу бессрочно-отпускных и т. д.

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ 1848 Г. В РУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ

Несомненным следует признать отражение революционных событий 1848 г. в развитии русского общественного движения. Оживленные отклики на эти события со стороны и дворянской и разночинной интеллигенции единодушно подтверждаются всеми дошедшими до нас свидетельствами

современников. Многие образованные люди того времени понимали историческую обреченность феодальных монархий в Европе и с обостренным вниманием следили за нарастанием революции в зарубежных странах.

Однако и в данном случае решающее влияние на отношение русской интеллигенции 40-х годов XIX в. к западноевропейским революционным событиям имела напряженная внутренняя обстановка в самой России. Отражая в тот переходный для России период интересы и отмирающих старых и нарождающихся новых классов, представители отдельных направлений русской общественной мысли по-разному оценивали как революцию 1848 г. в целом, так и ее важнейшие моменты, и поэтому неизбежно приходили к различным выводам.

Помещики-крепостники

Для русских помещиков-крепостников революционные перевороты в Западной Европе явились полной неожиданностью. Подавляющая масса русских дворян имела самое отдаленное представление о действительной обстановке в европейских странах накануне 1848 г.

О полном политическом невежестве провинциального дворянства писал весной 1848 г. М. А. Дмитриев из своего симбирского имения в Москву Погодину: «Здесь совсем не понимают пьесы... Дворяне глядят на Европу, по немецкой пословице, как корова на новые ворота, то-есть выпуча глаза и нисколько не понимая, что это поделалось и из чего все это?».

Даже у видных идеологов теории официальной народности ненависть к революции сочеталась с политической безграмотностью.

Узко классовая оценка революционных событий в Западной Европе привела к полному смешению в представлении помещиков-дворян таких понятий, как «либерализм», «социализм» и «коммунизм». Известный статистик того времени К. Веселовский писал в своих воспоминаниях: «Коммунизм, перешедший из книг на улицу [имеются в виду события 1848 г.— *Ред.*], стал лозунгом, под знаменем которого вербовались распоряжавшиеся тогда судьбою Франции уличные массы, и очутился опасным орудием в руках демагогов и честолюбцев. С этих-то пор слово „коммунизм“ получило у нас значение какого-то пугала, как обозначение чего-то страшного, грозящего какими-то опасностями для государственного спокойствия, и чем меньше понимали настоящий смысл этого термина, тем больший страх внушался этим вокабулом». Именно с того времени понятие «коммунизм» в глазах представителей господствующих классов стало синонимом всяческих опасностей, угрожавших их классовому благополучию.

Славянофилы

Растерянность помещиков-крепостников, порожденная в 1848 г. боязнью широкого крестьянского движения, характерна была и для славянофилов. Февральский переворот во Франции явился для них также полной неожиданностью и встретил безусловно отрицательную оценку. Нескрываемая тревога сквозила в их переписке, когда они сообщали друг другу об этой новости.

О падении Июльской монархии семья Аксаковых получила в Москве сообщение «ранее многих», и уже 27 февраля ее глава, Сергей Тимофеевич, извещал Погодина: «В Париже революция. Франция — республика. Луи-Филипп бежал, тоже Гизо и другие. Тюльери и Палерояль сожжены. Дошли ли до вас такие новости?» Одновременно с этим С. Т. Аксаков отправил письмо своему сыну Григорию, в котором грубо поносил народные массы революционной Франции и выражал явную тревогу: «Теперь,— писал он,— не в том дело, что безумные и отвратительные в своих неистовствах французы провозглашают Францию республикой, а в том, что пожар разольется по всей Европе и всякий будет занят у себя дома...

Но чорт с ними, с безумными французами; лишь бы нам не потерпеть от их страсти к революции».

В отношении славянофилов к революции 1848 г. сразу же выявилась их классовая природа помещиков-дворян. Очевидная боязнь массового революционного движения в России сквозит и в письме К. С. Аксакова, написанном в марте 1848 г. А. Н. Попову: «Теперь настало, наконец, время, когда всякий должен понять, что нам, русским, надо отделиться от Европы Западной, что верная порука тишины и спокойствия есть наша народность».

Не случайно в семье Аксакова в 1848 г. преувеличивались слухи о холерных волнениях и члены ее находились в постоянном унынии и страхе. С. Т. Аксаков 5 июня в письме сыну Ивану так характеризовал моральное состояние своей семьи: «Только и слышишь со всех сторон печальные известия, которые возмущают и лишают бодрости даже и меня, не говорю уже о Константине». Об апатическом настроении К. С. Аксакова упоминается и в письме его отца от 10 июля 1848 г.: «Он ничего не делает, и я не знаю, как этому помочь».

Как идеологи одной из группировок помещиков-дворян, славянофилы безоговорочно поддерживали в 1848 г. все контрреволюционные демарши царского правительства. Аксаковы и их единомышленники полностью одобряли глубоко реакционный манифест 14 декабря, и по поводу правительственных комментариев к этому документу К. С. Аксаков писал А. Н. Попову: «Вчера я прочел официальную статью о манифесте. Как хороша она! Как смело и в то же время умеренно, с каким достоинством и благородством, с какой твердостью написано. Я, брат Иван, батюшка и все, кого я видел из наших знакомых, в восхищении от статьи».

Вполне последовательны в 1848 г. были идеологи славянофилов, когда в условиях обострения в России классовых противоречий решительно отмежевывались от всяких самостоятельных политических выступлений. В известном письме А. С. Хомякова от 17 марта 1848 г. к А. Н. Попову, являвшемся откликом на манифест 14 марта, позиция славянофилов определялась в следующих туманных словах: «Перевоспитать общество, оторвать его совершенно от вопроса политического и заставить его заняться самим собою... Вот дело истинного просвещения, которым наша Русская земля может и должна стать впереди других народов». Хомяков явно призывал своих единомышлеников отказаться от особой политической линии.

Еще более характерен в этом отношении мало известный проект письма К. С. Аксакова самому Николаю I, датированный 28 марта 1848 г. Он сохранился в черновом варианте и в окончательной редакции с правкой автора в архиве Аксаковых и, видимо, был известен лишь самому узкому кругу лиц.

Декларативно-программный характер этого любопытного документа, облеченного в форму ответа на царский манифест 14 марта, бесспорен. В начале его обосновывается известное положение славянофилов о необходимости для России «отделиться от Запада». К. С. Аксаков противопоставлял «современное волнение» и «безумное стремление» стран Западной Европы «смирению и терпению», якобы свойственным русскому народу, и утверждал, что «Россия никогда не искала совершенства правительственной формы, ибо знала, что она невозможна на земле».

Затем автор развивал мысль о пагубном «западном влиянии» на историю России. Все дворцовые перевороты XVIII и революционное движение начала XIX в., не делая между ними никакого различия, он объяснял отступлением от исконных основ русской «народной жизни».

Из всех своих лживых и реакционных рассуждений К. С. Аксаков выводил два заключения: 1) о необходимости замены «западной» одежды

одеждой «русской» (по его мнению, это имело бы чудодейственные последствия: «В миг это тревожное внимание нашего общества, направленное к Западу, исчезло бы») и 2) о желательности вытеснения модного среди дворян французского языка русским.

На этом окончательно оформленный текст проекта письма К. Аксакова Николаю I и заканчивался. В черновом варианте его дополнительно были формулированы три конкретных пожелания: 1) «торжественно» объявить, что ношение «русской одежды» не возбраняется, 2) восстановить царский титул, отказавшись от императорского, 3) сделать столицей Москву.

Как видим, формулированная в 1848 г. К. С. Аксаковым «программа» поражает своей убогой бессодержательностью и свидетельствует о полной капитуляции одного из столпов славянофильства перед царизмом. В напряженной обстановке нарастания революции в Западной Европе и поднимающегося крестьянского движения в России виднейший идеолог славянофилов обращался к Николаю I с типичным верноподданническим письмом, живо напоминавшим представлявшиеся тогда царю дворянские адресы. Но даже и это свое обращение он не решился представить по назначению.

Очень характерную позицию заняли славянофилы и в марте 1849 г., когда на них было обращено внимание самого Николая I. Ни Самарин, ни Иван Аксаков при аресте не открыли ни одного пункта своей крайне умеренной помещичьей программы. Больше того, в письменных ответах на вопросы III отделения И. Аксаков зашел так далеко, что получил замечание от своего старшего брата. К. С. Аксаков уже после освобождения И. Аксакова из-под ареста писал ему в Петербург: «Ответ, присланный тобой [в III отделение] хорош; мысли в нем (мне не новые) изложены сильно и иногда очень удачно. В моем письме, тебе известном [имеется в виду как раз проект письма К. Аксакова Николаю I], изложены они подробней и вместе с другими. Но есть два-три места, которые, как мне кажется, по недоговоренности своей, уже чересчур возвышают силу правительства».

Кстати сказать, в том же письме, относящемся к концу марта — началу апреля 1849 г., К. Аксаков красочно описывал демонстративное сближение с придворной знатью другого идеолога славянофилов — А. С. Хомякова: «Надо сказать еще о Хомякове. Он, по моему, плохо выдержал пребывание здесь [в Москве] двора и знати. Он так завертелся; самолюбие, мелкое тщеславие пробудилось в нем очень сильно и заметно; он стал так неправ в своих словах; приезд к нему Протасова и многие другие мелочи только доставляли ему удовольствие, которое он скрыть не мог; разные мелкие обстоятельства, выражения и т. п. он приписывал относящимися к нему и пр. и пр. Наконец, он сделал вечер, позвал к себе Блудовых и не позвал меня, видаясь с ними каждый день. Нехорошо! Хомяков явился гораздо хуже, нежели надо было ожидать; он просто воочию портился. Вот как слаб человек!»

Нетрудно видеть, что приведенное письмо дает все основания для уличения в подобной же «слабости» и самого К. Аксакова. Сближение славянофилов с крепостниками было для 1848 г. типичным явлением: они сошли с линии даже самого умеренного оппозиционного общественного движения.

Западники

Более сложным было воздействие революционного периода 1848—1849 гг. на западников. В их отношении к зарубежным революционным переворотам того времени сказывалась очевидная двойственность: крушение феодальных монархий в Европе встречало с их стороны сочувственные отклики, а при обострении классовых

противоречий в буржуазных странах их симпатии явно склонялись на сторону контрреволюционной буржуазии. Однако и в данном случае, несмотря на недостаток прямых высказываний самих западников, решающее значение для определения их политических позиций имела обостренная внутренняя обстановка в самой России.

Падение Июльской монархии было принято с горячим одобрением, видимо, всеми западниками. Учащаяся молодежь ликовала. Бывший тогда студентом Московского университета Б. Н. Чичерин пишет в своих воспоминаниях: «Я пришел в неистовый восторг, влез на стол, драпировался в простыню и начал кричать: „Vive la République!“ На следующий день весь университет знал уже об этой новости, студенты с волнением и любопытством сообщали ее друг другу». Сдержанный Грановский, по словам Чичерина, также весьма сочувственно отнесся к этому сообщению: «приветствовал это событие, как новый шаг по пути свободы и равенства».

Вместе с тем уже при первых сообщениях о начале революции в Европе отдельные западники выражали тревогу в связи с возможными революционными потрясениями и в России. Из переписки Аксаковых мы узнаем, что такие настроения свойственны были, например, И. И. Панаеву в Петербурге. В упоминавшемся уже письме С. Т. Аксакова к его сыну Григорию от 27 февраля было сказано: «До чая получил письмо от Панаева. Он сообщает мне те же политические новости; в письме слышно живое опасение за самих себя...»

Последующее развитие и международной и внутренней обстановки безусловно должно было усилить эти опасения западников. В Западной Европе возникали все новые очаги острой революционной борьбы. Одновременно с этим в России ширилось освободительное движение крестьянских масс, неспокойно становилось в городах, весьма напряженное положение создалось в западных губерниях. Правительственная реакция в николаевской империи приняла исключительно жестокие формы.

При таких условиях уже у многих западников усилились «охранительные» настроения, и в их среде наметилось решительное изменение оценки западноевропейских революционных событий. Наиболее откровенно в этом признается в своих мемуарах Чичерин.

Начало революции 1848 г. молодой Чичерин, как уже сказано, встретил с энтузиазмом. Он с увлечением читал иностранные газеты и журналы. Кроме «Деба», где печатались речи во французских собраниях, он через Грановского получал немецкие издания, в которых публиковались прения во Франкфуртском парламенте и в Прусском национальном собрании. «Как двадцатилетний юноша,— пишет Чичерин,— я, разумеется, сочувствовал крайнему направлению».

Но в напряженные летние месяцы 1848 г. сообщения об июньском восстании парижских рабочих поколебали «крайнюю революционность» молодого дворянина. «Для меня громовым ударом были июньские дни, когда демократическая масса, в которую я верил, вдруг выступила без всякого повода и без всякого смысла, как разнузданная толпа, готовая ниспровергнуть те самые учреждения, которые были для нее созданы. Когда мятеж был укрощен и водворился Кавеньяк, я сделался умеренным республиканцем и думал, что республика может утвердиться при этих условиях. Но выбор президента окончательно подорвал мою непосредственную веру в демократию. Достижение этой цели представлялось мне уже в более или менее отдаленном будущем. Разочаровавшись в жизненной силе демократии, я разочаровался и в теоретическом значении социализма».

Это откровенное признание 20-летнего юноши из либерально-дворянской среды крайне типично для западников в целом. В период

очевидного разложения феодально-крепостнического строя представители и идеологи нарождающейся русской буржуазии иногда проявляли острое любопытство к самым радикальным направлениям современной общественно-революционной мысли. По выражению К. Маркса, с их стороны это было «чистейшее гурманство»[1]. Достаточно было первого серьезного испытания, чтобы в условиях обостряющейся политической ситуации эти увлечения уступали место «трезвой оценке действительности».

Характерность подобной «эволюции» для западников подтверждается рядом фактов. Известно, например, что вернувшийся осенью 1848 г. из Франции П. В. Анненков охотно рассказывал об «ужасах революции» как непосредственный наблюдатель. Близко наблюдавший его в Париже Герцен отзывался о нем таким образом: «Он стал на какую-то странную точку безразличной и маленькой справедливости, которая не допускает до него большую истину. Какое-то резонерство и отыскивание объяснений всему из начал необходимых, благоразумных... Он до сих пор защищает пошлую личность Ламартина...»[2]

Весьма показательно, что наблюдение Герцена в своих мемуарах подтверждает сам Анненков. Несомненно хвалившийся прежде своим знакомством с К. Марксом, он решительно отмежевывался от близости к нему с 1848 г.: «С возвращением моим в Россию, в октябре 1848 г., прекратились и мои сношения с Марксом и уже не возобновлялись более. Время надежд, гаданий и всяческих аспираций тогда уже прошло, а практическая деятельность, выбранная затем Марксом, так далеко убегала от русской жизни вообще, что, оставаясь на почве последней, нельзя было следить за первой иначе, как издали, посредственно и неполно, путем газет и журналов». Этим неуклюжим «самооправданием» мемуарист выдает себя с головой. Его заявление, что «изменялся» К. Маркс, выбравший «практическую деятельность» революционера якобы после 1848 г., что́ будто бы привело к прекращению знакомства с ним Анненкова, звучит совершенно анекдотично. «Изменялся», разумеется, не Маркс, а его случайный знакомый, который, «оставаясь на почве... русской жизни», в 1848 г. окончательно определился как типичный буржуазный либерал.

Такой же путь в период революции 1848 г. прошел и В. П. Боткин. По свидетельству Кавелина, Белинский незадолго до своей смерти говорил: «Боткин съездил в Европу и познакомился с ней; как скиф; заразился европейским развратом, а великие европейские идеи пропустил мимо ушей». И от себя Кавелин добавлял: «Боткин действительно возвратился в мое время из-за границы смакующим буржуем, падким до тонких наслаждений и закрытым наглухо для социальных стремлений того времени». Даже Анненков в своих мемуарах отметил, что никого так не испугала революция 1848 г., как Боткина.

Внутреннее единство настроений молодого Чичерина, Анненкова, Боткина, отчасти Тургенева и ряда других видных западников выявилось в 1848 г. совершенно отчетливо. Не случайно Герцен счел нужным особенно подчеркнуть «независимый образ мыслей» для того времени только у Грановского. Носители буржуазной идеологии, западники в период революции 1848 г. решительно осуждали самостоятельные революционные выступления народных масс. В характеристике Чичериным июньского восстания парижского рабочего класса легко угадываются отзвуки барской оценки народных восстаний. Классовая природа умеренного буржуазного либерализма западников стала совершенно очевидной в 1848 г.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 534.
[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. V, стр. 235—236.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ БУТАШЕВИЧ-ПЕТРАШЕВСКИЙ

Литография неизв. художника

Собрание Литературного музея. Москва

Революционные демократы

Совершенно иное воздействие оказала напряженная обстановка 1848 г. в России и других странах Европы на первых русских революционных демократов. Наши сведения о подлинных взглядах и настроениях наиболее передовых людей России того времени по понятным причинам ограниченны. Белинский с конца 1847 г. был смертельно болен, работал мало, и его немногие статьи и письма писались тогда под диктовку. Герцен уехал за границу еще в 1847 г. Мемуары же и переписка их единомышленников и последователей, находившихся в 1848—1849 гг. на родине, несомненно были ими самими тщательно пересмотрены после суровой расправы царского правительства с петрашевцами, и наиболее ценные для нас источники были, таким образом, утрачены. Но и скудные материалы дают возможность ясно видеть, что в 1848—1849 гг. революционно-демократические традиции Белинского и Герцена в России углублялись и крепли.

Накануне 1848 г. лучшие представители образованных русских людей все острее и острее чувствовали невыносимый гнет николаевского режима. В своем замечательном письме к Гоголю 15 июля 1847 г. Белинский подчеркивал, что в России «кипят и рвутся наружу свежие силы, но сдавленные тяжелым гнетом не находят исхода, производят только уныние, тоску и апатию». Бурный взрыв революции на Западе, признаки растерянности в правительственном лагере и обострение внутреннего положения в России с начала весны 1848 г.— все это, казалось бы, сулило долгожданный «исход» и вселяло надежду на лучшее будущее.

Однако для самого Белинского это время наступило слишком поздно. Болезнь его обострилась, в последние дни его жизни за ним неотступно следила полиция Николая I. Белинский мрачно острил по поводу производившегося тогда вооружения Петропавловской крепости. «Это,— говорил он,— из боязни, что бы я ее не взял»[1].

Белинский умер весной 1848 г. Несомненно, что царское правительство жестоко преследовало бы Белинского в 1848 г. В его лице царизм совершенно ясно увидел идеологического вождя антикрепостнического лагеря. В 1848—1849 гг. стало очевидным, что революционно-демократические идеи Белинского получили дальнейшее развитие его многочисленными последователями. Наглядными примерами этого являются петрашевцы, молодой Чернышевский, Салтыков-Щедрин, Шевченко.

Петрашевцы

До недавнего времени под именем «петрашевцев» разумели узкую группу лиц (23 человека), осужденных по так называемому «делу» М. В. Буташевича-Петрашевского. Их прежде всего объявляли «русскими фурьеристами», повинными лишь в «заговоре идей» и непричастными к каким-либо антиправительственным действиям. Подобное представление о петрашевцах следует признать глубоко ошибочным. Оно ведет свое начало от официальной версии, которая стремилась преуменьшить значение этого сравнительно широкого движения передовых русских людей в 1848—1849 гг. и пыталась замаскировать его прямую связь с внутренним обостренным положением тогда в самой России.

В самом деле, общее количество лиц, подвергнутых по этому делу наказанию, достигало 65 человек, не считая нескольких десятков лиц, оставленных под секретным надзором (всего к дознанию по этому делу официально было привлечено до 150 человек). Подозреваемых же в связях с Буташевичем-Петрашевским и его сотоварищами только в Петербурге III отделение насчитывало многие сотни. Но кроме кружков петрашевцев в столице, по убеждению видного царского чиновника Липранди, они

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, М., 1929, стр. 122.

существовали и в других городах (в Москве, Ревеле, Ростове-Ярославском,Тамбове и др.). Следовательно, исходя даже лишь из официального материала следствия, настроения петрашевцев следует признать типичными для сравнительно большого круга русской передовой молодежи того времени.

В равной мере несостоятельным следует признать и то мнение, что петрашевцы обвинялись правительством лишь в сочувствии учению социалистов-утопистов. Уже в первом докладе графа Орлова «О чиновнике Буташевиче-Петрашевском и его сообщниках», поданном 21 апреля 1849 г. Николаю I, петрашевцы представлялись не только теоретическими противниками самодержавно-крепостнического строя, которые лишь сочувствовали «западноевропейским лжеучениям» или даже пропагандировали свои фурьеристские убеждения. В докладе начальника III отделения они рисовались организованной и довольно многочисленной группой решительно настроенных революционеров, опиравшихся на массу сочувствовавших им единомышленников (до 800 человек у одного только Петрашевского) и устанавливавших прямую связь с народным освободительным движением в самой России. Николаю I доложено было не о «заговоре идей», а о разработанном плане действий крупной политической организации, активно готовившейся к свержению самодержавного строя.

Сочувствие идеям Фурье и других социалистов-утопистов само по себе не вменялось в особую вину петрашевцам и членами следственной комиссии. Посещавший «пятницы» Петрашевского известный впоследствии географ П. П. Семенов (Тян-Шанский) пишет, например, в своих воспоминаниях, как его друг Н. Я. Данилевский доказывал на следствии, что Фурье «не проповедовал ничего революционного, а напротив, предлагал правительствам устроить для блага человечества фаланстерии, т. е. работные дома, в которых каждый нашел бы себе применение своим склонностям и способностям». Далее Семенов добавлял: «Впоследствии Ростовцев говорил в шутку, что по прочтении увлекательных объяснений Данилевского все члены судной комиссии сделались сами более или менее фурьеристами». Как известно, Н. Данилевский был выпущен из крепости 10 ноября 1849 г. Дело ограничилось высылкой его в Вологду. Еще раньше (27 сентября) был освобожден Е. Есаков, несомненно убежденный фурьерист, посещавший кружки Петрашевского и Кашкина и присутствовавший на обеде узкой группы петрашевцев в честь Фурье. Мотивируя его освобождение, граф Орлов в особом докладе прямо подчеркивал, что Есаков «социального направления не имел».

Наконец, нетипичность фурьеристских взглядов для среды петрашевцев отмечалась ими самими. Д. Д. Ахшарумов, например, убежденных фурьеристов считал лишь особой группой среди многочисленных посетителей вечеров Петрашевского: «Между нами было несколько человек, называвшихся фурьеристами, так назывались мы потому, что восхищались сочинениями Фурье и в его системе, в осуществлении его проекта организованного труда, видели спасение человечества от всяких зол, бедствий и напрасных революций».

Для петрашевцев в целом наиболее характерным было не увлечение идеями французских социалистов-утопистов, а резко критическое отношение к самодержавно-крепостническому строю и явная склонность некоторой части их, вопреки убеждению «правоверных фурьеристов», к революционным мерам борьбы с этим строем.

Взгляды и настроения узкой группы петрашевцев, репрессированной правительством Николая I, были характерны для сравнительно широкого слоя русской передовой интеллигенции 40-х годов, на формирование мировоззрения которой огромное влияние оказал В. Г. Белинский.

М. Е. Салтыков прямо указывал, что «воспитывался на статьях Белинского»[1]. П. П. Семенов особенно подчеркивал, что имя этого великого революционного демократа пользовалось «высоким уважением во всех кружках сороковых годов».

Развитие революционно-демократических традиций Белинского в 1848—1849 гг. обусловлено было обострением классовых противоречий в России. Критика самодержавно-крепостнического строя в обстановке нарастающей антикрепостнической борьбы в стране неизбежно порождала стремления лучших людей к активной борьбе с этим строем. Николай I и его сподвижники не без основания считали петрашевцев не только своими идеологическими противниками, но и активными политическими врагами. Они склонны были даже преувеличивать силу и организованность этих врагов. С другой стороны, этим же определялось официальное изображение их небольшой кучкой заговорщиков, якобы оторванных от российской действительности того времени.

Период революции 1848 г. был важным этапом в истории русского революционного движения. Это можно обнаружить даже на основании ограниченного и тенденциозно подобранного следственного материала и по делу петрашевцев.

Активизация революционных настроений среди передовой молодежи

В 1848—1849 гг. прежде всего заметно оживилась деятельность кружка Буташевича-Петрашевского (собрания у него начались еще с зимы 1844/45 г.), возникли новые кружки. Известные «пятницы» Петрашевского с 1848 г. стали многолюдны, и на них появилось много новых лиц: из 48 посетителей этого кружка, понесших в связи с делом петрашевцев то или иное наказание, до 26 человек стали бывать на «пятницах» только после февральской революции. Кружок Н. С. Кашкина стал тоже раз в неделю собираться с осени 1848 г. Зимой 1848/49 г. был образован кружок С. Ф. Дурова и А. И. Пальма, собиравшийся по субботам. Тогда же несколько раз устраивал собрания у себя на квартире А. Н. Плещеев. В 1849 г., кроме регулярных заседаний этих кружков, несколько собраний состоялось у братьев Дебу, организованы были вечера такого же характера у штабс-капитана Генерального штаба П. А. Кузьмина и Н. А. Спешнева; торжественно отмечена память Фурье на обеде у А. И. Европеуса. Наконец, есть глухое упоминание об особом кружке А. В. Ханыкова и И. М. Дебу, о двух кружках отставного морского офицера К. И. Тимковского в Ревеле, о кружке В. И. Кайданова в Ростове (Ярославском) и о таких же кружках в Казани.

Этот перечень составлен только по материалам следствия о петрашевцах, но он, разумеется, далеко не полон. Отдельные собрания и вечера, где обсуждались современные политические события, и даже кружки с определенным составом участников в 1848—1849 гг., конечно, были более многочисленны и в самом Петербурге; существовали они и в Москве и в других городах. Таким образом, собрания по пятницам у Буташевича-Петрашевского не были исключительным явлением.

Еще более важно то, что в 1848—1849 гг. заметно изменились направление и характер этих собраний и кружков. До 1848 г. они обычно преследовали общеобразовательные цели и ставили задачей пропаганду теоретических взглядов, объединявших членов кружков. Известно, например, что кружок Буташевича-Петрашевского приобретал вскладчину библиотеку,

---

[1] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIV, Л., 1936, стр. 161.

на собраниях его читались и обсуждались доклады и рефераты о теориях социалистов-утопистов.

Начиная же с 1848 г. и на «пятницах» Петрашевского, и на собраниях других кружков стали обсуждаться более злободневные вопросы, выступления иногда принимали острый политический характер, отдельными лицами все чаще предлагались практические меры для решительной борьбы с самодержавно-крепостническим режимом.

По донесениям агентов министерства внутренних дел, следивших за кружком Буташевича-Петрашевского, нам известен характер его собраний почти за полтора месяца (с 11 марта по 22 апреля 1849 г.). Оказывается, из семи состоявшихся тогда заседаний только одно (8 апреля) носило теоретический характер и посвящено было памяти Фурье, да и то это был традиционный вечер в годовщину его рождения, торжественно отмеченную накануне на обеде у Европеуса. На всех же остальных «пятницах» так называемых «русских фурьеристов» горячо обсуждалось внутреннее положение в России. При этом и в докладах и в прениях высказано было много резких суждений о самодержавно-крепостническом строе, признавалась неотложная необходимость освобождения крестьян, реформы суда, свободы печати, ограничения самодержавия (Николай I был назван при этом «богдыханом»); обсуждались вопросы о революционной агитации и пропаганде и, видимо, ставился вопрос о революционном свержении николаевского режима. Недаром 15 апреля, после горячего обсуждения прочитанного Достоевским известного письма Белинского к Гоголю, сам Петрашевский выступил с речью, указав, что «нельзя предпринимать никакого восстания не будучи впредь уверенным в совершенном успехе, и предлагал свое мнение к достижению цели».

Отдельные петрашевцы не раз делали попытки перейти к массовой революционной агитации и пропаганде. Некоторые из них составляли особые записки и своеобразные памфлеты, рассчитанные на широкое распространение. Чиновник министерства внутренних дел А. П. Беклемишев еще в 1848 г. читал на одной из «пятниц» свою записку об освобождении крепостных. В 1849 г. он же огласил на собрании у Н. А. Спешнева составленную им «Переписку двух помещиков», где излагалась организация труда крестьян в соответствии с учением Фурье. Чиновник министерства иностранных дел А. П. Баласогло предлагал в просветительных и пропагандистских целях устройство общественного книжного склада и библиотеки. На кружке С. Дурова обсуждался вопрос о приобретении литографии для распространения докладов членов кружка. Поручик Конногвардейского полка Н. П. Григорьев написал «Солдатскую беседу», резко осуждавшую палочный режим в армии, зачитал ее на обеде у Спешнева и роздал нескольким лицам. Известно, наконец, что группой петрашевцев во главе со Спешневым было решено завести тайную типографию, для чего студент П. Н. Филиппов как раз накануне первых арестов уже приобрел часть необходимого оборудования и доставил его Спешневу.

Об устной пропаганде отдельных петрашевцев в 1848 г. свидетельствуют различные документальные материалы. Из юношеского «Дневника» Н. Г. Чернышевского мы знаем, что этим занимались, например, А. В. Ханыков и И. М. Дебу. Ханыков обратил внимание на Чернышевского в ноябре 1848 г., беседовал с ним о теориях социалистов-утопистов и снабжал его их сочинениями из своей библиотеки. В начале декабря на квартире Ханыкова Чернышевский встретился с Дебу и под свежим впечатлением записал в своем «Дневнике»: «Говорили о политике в радикальном смысле». А через неделю Ханыков убежденно говорил Чернышевскому о скором наступлении революции и в России. Об этой поразившей его беседе Чернышевский писал: «...более всего говорили о возможности и близости

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Фото

Собрание Института Маркса—Энгельса—Ленина. Москва

у нас революции, и он здесь показался мне умнее меня, показавши мне множество элементов возмущения, например, раскольники, общинное устройство у удельных крестьян, недовольство большей части служащего класса и проч., так что в самом деле многого я не замечал... Итак, по его словам, эта вещь, конечно, возможна и которой, может быть, недолго дожидаться»[1]. Уверенность в возможности близкой революции в России разделялась и некоторыми другими петрашевцами. Спешнев, как известно, не раз толковал об этом с сибирским золотопромышленником Р. А. Черносвитовым, посетившим в декабре 1848 г. одну из «пятниц» Петрашевского. Несомненно, предложенный Черносвитовым план подготовки за один год грандиозного восстания с участием населения Сибири, уральских крепостных рабочих, раскольников, донских казаков и революционных организаций в столицах был принят Спешневым всерьез. Он поспешно привлек для дальнейших переговоров об этом Петрашевского, который при последовавшем разговоре втроем сразу понял, что Черносвитов высказал лишь свое личное предположение о восстании, и твердо возразил «против бунта и восстания черни», добавив при этом, что «он надеется видеть на своем веку фаланстер и жить в нем». В своих показаниях Черносвитов писал, что между Спешневым и Буташевичем-Петрашевским произошел спор: первый отстаивал необходимость революционных действий и насильственного переворота, а второй утверждал, что следует действовать легальным путем, «благоразумно улучшая и направляя законы».

Однако свидетельство Черносвитова неточно. Петрашевский вовсе не был противником революционной борьбы. Уже в январе, в связи с предложением поручика Момбелли учредить особое товарищество «для взаимного поддержания друг друга» на квартире у Спешнева состоялось небольшое совещание с участием Петрашевского, Момбелли, К. Дебу, Львова и Спешнева. На совещании Спешнев предложил учредить тайное революционное общество и тут же набросал проект его организации. Он рекомендовал использовать три способа антиправительственных действий: «иезуитский, пропагандный и восстания». Однако мнения на совещании разделились, причем Петрашевский обнаружил склонность согласиться со Спешневым. В результате разногласий этот проект осуществлен не был, и в бумагах Спешнева сохранился только черновой набросок подписки для вступающих в тайное общество.

Было бы, разумеется, преувеличением считать всех петрашевцев, даже в узком понимании этого слова, революционерами. Но все сказанное выше ясно указывает на то, что в условиях 1848—1849 гг. революционно-демократическое течение в кружках петрашевцев и в массе мелкобуржуазной разночинной интеллигенции безусловно крепло. Сторонники революционных методов борьбы, несмотря на сопротивление правоверных фурьеристов, веривших в преобразование общества через фаланстеры, путем мирных реформ, приобретали в кружках все большее влияние. Наиболее решительные из них вносили соответствующие практические предложения.

Видимо, это обстоятельство и заставило Буташевича-Петрашевского выступить на собрании 15 апреля с предупреждением о недопустимости риска в подобном деле. Весьма характерно, что Петрашевский, твердо высказавшись в беседе с Черносвитовым и Спешневым за мирный путь преобразований, на этом собрании, т. е. через три-четыре месяца, предлагал лишь не торопиться с началом восстания. Полагая, что в России нет еще революционной организации, способной возглавить открытую борьбу с самодержавно-крепостническим строем, он, видимо, считал немедленное выступление обреченным на неудачу и сдерживал пыл участников собрания.

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, М., 1939, стр. 188 и 196.

Характерно также то, что среди петрашевцев революционный путь рисовался в форме народного восстания. Об этом говорил Чернышевскому Ханыков. Массовое революционное выступление лежало в основе фантастического плана Черносвитова, который встретил одобрение Спешнева. Сам Спешнев допускал в этой беседе возможность крестьянского восстания на Волыни. В неосуществленном плане его тайного общества предполагалось образование особого «комитета на восстание». Наконец, для широкой массовой агитации предназначались такие документы, как «Солдатская беседа» Григорьева. Те же цели преследовал замысел основания литографии в кружке Кашкина и тайной типографии в группе Спешнева.

Петрашевцы пристально следили за обострением внутренней обстановки в 1848—1849 гг., и именно это обстоятельство определяло в их среде усиление революционных настроений. Петрашевский на следствии прямо указывал на нарастание напряженного положения в самой России: «Не забудьте, что народ почти уже потерял совершенно доверие к администрации и судам...» В письме к Кузьмину от 27 ноября 1848 г. он подчеркивал: «Важнее всего, мне кажется, известия, мне принесенные, что будто в смежных с Галицией губерниях крестьяне весьма расположены вырезать помещиков». О подъеме крестьянского движения в 1848 г. в юго-западных губерниях Украины петрашевцам, несомненно, было известно и через Ястржембского, у которого в это время жил брат, приехавший из Волынской губернии.

На многочисленных собраниях у Петрашевского в 1848 г. раздавались голоса о необходимости и возможности народного восстания в самой России. Толь 28 сентября 1849 г. показал на следствии: «Тимковский высказал, кажется, в течение своей речи, что все старания истинных поборников прогресса должны быть обращены на ускорение возмущения, что ранее или позже оно должно произойти, но что он желал бы видеть осуществление этого еще до отъезда своего в Ревель, что он готов выйти на площадь, и если нужно будет, принесет себя в очистительную жертву святому делу свободы, которого первое условие успеха заключается в единодушии его поборников и прекращении всех споров о системах, а также в установлении прочных правил пропаганды».

Следовательно, революционно настроенная часть петрашевцев, в отличие от декабристов, не только не исключала, а, наоборот, ориентировалась на активное участие народа и прежде всего крестьянства в борьбе с абсолютистско-феодальным режимом.

Революционный переворот, по их мнению, должен был улучшить положение подавляющего большинства населения России. Классовая ограниченность «дворянских революционеров» была им чужда. Поэтому некоторую часть петрашевцев, несмотря на отсутствие у них оформленной революционной организации и разработанной программы, можно с полным основанием считать революционными демократами. А следовательно, и первые признаки начала смены поколения дворянских революционеров поколением революционеров-разночинцев мы можем отнести к периоду революции 1848 г.

Н. Г. Чернышевский

В 1848—1849 гг. Николай Гаврилович Чернышевский учился в Петербургском университете. Его студенческий дневник позволяет довольно подробно проследить, как протекало формирование общественно-политических взглядов нашего великого революционного демократа.

Революция 1848 г. в Западной Европе способствовала ускорению созревания революционного мировоззрения Чернышевского. Однако и в данном случае решающее значение имела внутренняя обстановка в России,

Совершенно секретно

Дѣло

о злоумышленномъ обществѣ, извѣстномъ подъ именемъ

Петрашевскаго.

Произведенное Д. С. С. Липранди.

Томъ I.

Отъ 11-го Марта 1848 года, до 23-го Априля 1849 года.

С. Петербургъ

«ДЕЛО» ПЕТРАШЕВСКОГО

Собрание Литературного музея. Москва

которая привела его к мысли о возможности и необходимости революционной борьбы за свержение самодержавно-крепостнического строя.

Формирование общественно-политических воззрений Чернышевского шло сложным путем преодоления многих ошибочных взглядов, привитых ему с ранних лет в среде провинциального духовенства. Привычные с детства идеалистические представления о якобы надклассовой природе самодержавия и незыблемости самодержавно-крепостнического строя мешали ему тогда же понять, что революционные перевороты, совершавшиеся на Западе, могут иметь место и в России.

Этим объясняется то, что наряду с глубоким пониманием непримиримости внутренних противоречий буржуазного общества в дневнике Чернышевского иногда встречаются наивные мысли о возможности улучшения положения народных масс в условиях монархической власти. Но одновременно с этим он метко вскрывал фальшь буржуазного понимания свободы. «Не люблю я этих господ, которые говорят — свобода, свобода,— и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово да написали его в законах, а не вводят в жизнь, что уничтожают законы, говорящие о неравенстве, а не уничтожают социального порядка, при котором $^9/_{10}$ народа—рабы и пролетарии; не в том дело, будет царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого»,— записал он 8 сентября 1848 г.[1]

И уже в записи Чернышевского от 23 сентября мы читаем: «Итак, Лермонтов и Гоголь доказывают, что пришло России время действовать на умственном поприще, как действовали раньше ее Франция, Германия, Англия, Италия». Такому выводу предшествовала в дневнике мысль о том, что произведения Лермонтова и Гоголя «совершенно самостоятельны» и являются «самыми высшими, что произвели последние годы в европейской литературе». И далее Чернышевский писал: «...Только жизнь народа, степень его развития определяет значение поэта для человечества, и если народ еще не достиг мирового, общечеловеческого значения, не будет в нем и писателей, которые должны быть общечеловеческими, имели бы общечеловеческое достоинство»[2].

Эти записи указывают, что студент Чернышевский в начале осени 1848 г. пришел к выводу об исторической зрелости России, но ограничивал эту зрелость областью культуры и еще не делал отсюда политических выводов. Важно также отметить, что приведенная запись основывалась на размышлениях Чернышевского, связанных со статьями Белинского о Державине, которые были опубликованы в «Отечественных записках» за 1843—1845 гг. Следовательно, осознание исторической роли России подготовлялось длительным вызреванием у Чернышевского общих теоретических положений, складывавшихся еще в саратовский период его жизни под прямым воздействием идей революционного демократа Белинского.

Не исключена также возможность, что уже в Саратове Чернышевскому стала известна яркая итоговая оценка философии Гегеля, принадлежащая молодому Энгельсу и воспроизведенная в статье В. Боткина, напечатанной в № 1 «Отечественных записок» за 1843 г. Такая мысль невольно приходит в голову при чтении в «Очерках гоголевского периода русской литературы» следующего текста: «Принципы Гегеля были чрезвычайно мощны и широки, выводы — узки и ничтожны»[3].

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, М., 1939, стр. 110.
[2] Там же, стр. 127.
[3] Там же, т. III, 1947, стр. 205.

МИХАИЛ ЕВГРАФОВИЧ САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
Фото Левицкого
Собрание Литературного музея. Москва

Сочувственное восприятие революционных событий 1848 г. было подготовлено самостоятельными размышлениями молодого Чернышевского, порожденными русской действительностью.

Студенческий дневник Чернышевского дает нам возможность довольно точно определить и следующий шаг его автора в политической оценке современного ему положения России. Этот шаг был сделан им в ноябре — декабре 1848 г. под прямым влиянием петрашевцев Ханыкова и Дебу. К беседам с ними на политические темы Чернышевский был подготовлен — со многими их суждениями он был согласен. «Говорили о политике в радикальном смысле,— это все так, и я решительно согласен»[1],— записал он 4 декабря. Сомнения у него возникали лишь по частным вопросам. Критически отнесся Чернышевский к сочинениям Фурье, книгу которого дал ему Ханыков: «...Все равно, как будто бы читаешь какую-нибудь мистическую книгу средних веков или наших раскольников: множество (т. е. не множество, потому что и всего-то немного, а просто несколько) здравых мыслей, но странностей бездна»[2].

Наибольшее впечатление во время разговоров с петрашевцами произвело на Чернышевского не обсуждение западноевропейских событий и не туманные рассуждения в духе социалистов-утопистов, а твердо высказанная Ханыковым мысль о возможности и необходимости революционной борьбы с самодержавно-крепостническим режимом Николая I в самом недалеком будущем. Слова Ханыкова, отражавшие, как уже говорилось, мнения многих петрашевцев, поразили Чернышевского чрезвычайно сильно. Записывая свои впечатления от этого разговора, он откровенно признавался, что был обеспокоен открывшейся ему шаткостью прежних представлений о крепостной России, подобно тому, как поражает при землетрясениях, когда непоколебимая, казалось бы, почва вдруг «волнуется, как вода»[3].

Эта беседа с Ханыковым крепко запала в сознание Чернышевского. Обдумывая ее, он, несомненно, все более и более утверждался в правоте своего собеседника. Меньше чем через два месяца, 3 февраля 1849 г., в дружеской беседе с близким ему В. П. Лободовским он уже твердо развивал мысли «о революции и о хилости нашего правительства... и прочее в этом роде». Описывая же этот разговор в «Дневнике», он прямо указывал: «зародыш положил Ханыков»[4]. Неудивительно, что 25 апреля, узнав об аресте петрашевцев, Чернышевский в «Дневнике» объявляет себя их единомышленником: «Я, например, сам никогда не усумнился бы вмешаться в их общество и современем, конечно, вмешался бы»[5].

Летом 1849 г. убежденность Чернышевского в необходимости революционной борьбы с самодержавным строем стала столь тверда, что, подводя итоги своим политическим взглядам накануне своего совершеннолетия (11 июля), он свое будущее призвание формулирует так: «Через несколько лет я журналист и предводитель или одно из главных лиц крайней левой стороны...»[6].

Таков был общий итог развития общественно-политических взглядов Н. Г. Чернышевского на протяжении 1848—1849 гг. Зарубежные революционные события обострили его внимание к политическим и социальным вопросам. Но определяющее значение в формировании его революционного

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. I, М., 1939, стр. 188.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 196.
[4] Там же, стр. 235—236.
[5] Там же, стр. 274.
[6] Там же, стр. 297—298.

мировоззрения, бесспорно, оказало осознание им возможности близко революции и в России.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Великому русскому писателю-сатирику в 1848 г. было 22 года. Окончив в 1844 г. Царскосельский лицей, Салтыков поступил на службу (в канцелярию военного министра). Сблизившись с передовыми людьми того времени, Салтыков стал заниматься литературой, поместив в «Отечественных записках» свои рассказы «Противоречия» и «Запутанное дело».

В своих позднейших воспоминаниях М. Е. Салтыков указывал, что он уже тогда, в конце 40-х годов, «воспитанный на статьях Белинского», был увлечен социалистическими учениями и посещал «пятницы» у Буташевича-Петрашевского. Все это свидетельствует о том, что Салтыков уже тогда, в 40-е годы, был революционным демократом и принадлежал к той части петрашевцев, которая решительно выступала против самодержавно-крепостнического гнета. В рассказе «Запутанное дело» описывалась тяжелая судьба молодого провинциала, который, не найдя средств к существованию в Петербурге, умер от голода. Безвыходное положение городской и крестьянской бедноты в классовом обществе писатель образно представил в форме социальной пирамиды, основанием которой являются трудящиеся массы, угнетаемые ничтожным меньшинством. Революционно-демократическая направленность этого произведения для современников была очевидна. Один из них (проф. Плетнев) говорил, что в нем доказывалась «необходимость гильотины для всех богатых и знатных...»

Смелое литературное выступление Салтыкова послужило причиной ссылки его весной 1848 г. в Вятку. Лишь эта ссылка избавила писателя от более суровой расправы по делу петрашевцев в 1849 г.

Т. Г. Шевченко

Вести о революциях в Западной Европе дошли и до великого поэта-демократа Т. Г. Шевченко, находившегося с лета 1847 г. в далекой ссылке. С мая 1848 г. по 1849 г. в качестве художника он был прикомандирован к экспедиции, обследовавшей Аральское море, и несомненно имел возможность читать русские газеты. Известно также, что о революциях в Европе ему сообщали и в частной корреспонденции. На эти сообщения Шевченко откликнулся поэмой «Цари», в которой призывал к расправе с коронованными тиранами:

«Пусть палачи царей карают,
Конец им, палачам людским!»

А. И. Герцен

Говоря об отражении революционного периода 1848—1849 гг. на развитии русской общественной мысли, нельзя не остановиться на взглядах Герцена. Его общественно-политические взгляды сложились в условиях русской действительности 30—40-х годов XIX в., а его связь с русским общественным движением не прерывалась и в годы эмиграции. Но вместе с тем в данном очерке, освещающем внутреннее развитие России, деятельность Герцена в 1848 — 1849 гг. не может, естественно, получить полного освещения. Зарубежные революционные события он воспринимал как их очевидец и участник.

Начало революции 1848 г. застало Герцена в Италии, откуда он 5 (17) мая приехал в Париж, где пробыл до середины июня 1849 г. В столице революционной Франции он прожил, таким образом, больше года и, не являясь в русское посольство, вел независимый образ жизни. Герцен не только наблюдал за ходом событий 1848—1849 гг., но принимал в них личное участие: встречался с революционно-демократическими деятелями Франции, с политическими эмигрантами из других стран, нередко оказывал некоторым из них материальную поддержку, посещал политические клубы

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ГЕРЦЕН

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса—Энгельса—Ленина. Москва

и собрания, финансировал отдельные издания радикальной печати и сотрудничал в ней, участвовал в массовых политических демонстрациях.

Работы Герцена, посвященные революции 1848 г. в Западной Европе, являются ярким выражением передовой русской мысли конца 40-х годов XIX в. Его статьи («С того берега», «Письма из Франции и Италии»), не стесненные царской цензурой, и откровенная переписка с Грановским и другими «московскими друзьями» показывают острую наблюдательность русского революционного демократа при оценке зарубежных революционных событий 1848—1849 гг.

Герцен быстро понял ход французской революции. Уже учреждение буржуазного Временного правительства он принял как свидетельство того, что «победу украли у народа». После неудачной попытки парижских рабочих разогнать 15 мая Учредительное собрание Герцен писал: «Революция побеждена; скоро будет побеждена и республика... Собрание победило; монархический принцип победил». Поражение парижского пролетариата в июньские дни 1848 г. он оценил как решающее поражение революции. «Московским друзьям» он писал 2—8 августа: «Мещане победили. 8000 трупов и 10 000 арестантов их трофеи... Террор гадкий, мелкий,— поймите, террор ретроградный, со всей тупостью французской буржуазии... Проклятье же, господа, буржуазии! Да не ошибетесь: это почти вся Франция,— французские крестьяне и буржуа заодно»[1].

Больше того, в 1848 г. Герцену стала очевидна и вся лживость пресловутых буржуазных «свобод». После разгрома июньского восстания в одной из его статей «С того берега», законченной 27 июля 1848 г., у автора вырывается страстная реплика: «Пора человеку потребовать к суду республику, законодательство, представительство, все понятия о гражданине и его отношениях к другим и государству».[2] Касаясь этого вопроса в письме от 27 сентября к тем же «московским друзьям», Герцен четко формулирует: «Мир оппозиции, мир парламентских драк, либеральных форм— тот же падающий мир»[3].

В революционной Франции Герцен за несколько месяцев прошел суровую политическую школу. В письме Грановскому от 12 мая 1849 г. из Парижа он об этом сообщал в такой форме: «Ты меня особенно утешил своим замечанием, что ты еще был молод, писавши эту статью год тому назад. Я расхохотался сквозь слезы. Это так верно, это я так и с п ы т ы в а ю н а с е б е, что мочи нет. Давно ли же это я приехал сюда из Рима,— и ведь я был шутом тогда. Нечего сказать, педагогический год мы прожили»[4].

В. И. Ленин, считая Герцена еще накануне революции 1848 г. демократом, революционером и социалистом, указывал: «Но его „социализм“ принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 48-го года форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями». В этой связи Ленин писал о «духовной драме» Герцена, в основе которой лежало переходное время, «...когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще* не созрела»[5].

В разгар революционных событий 1848—1849 гг. мысли Герцена все чаще и чаще обращались к России. Уже 2—8 августа 1848 г. он писал с оказией в Москву: «Я страшно люблю Россию и русских,— только они

---

[1] «А. И. Герцен. Новые материалы». Труды Публичной библиотеки им. В. И. Ленина, М., 1927, стр. 46—47.

[2] А. И. Г е р ц е н. Полн. собр. соч., т. V, 1919, стр. 416.

[3] Там же, стр. 287.

[4] «А. И. Герцен. Новые материалы», М., 1927, стр. 64—65.

[5] В. И. Л е н и н. Соч., т. 18, стр. 10.

и имеют широкую натуру, ту широкую натуру, которую во всем блеске и величии я видел во французском работнике. Это два народа будущего, т. е. не французы, а работники, оттого-то я не могу оторваться от Парижа»[1]. Несколько позднее, в сентябре, он сообщал своим «московским друзьям»: «Аминь, аминь, глаголю вам, если не будет современем деятельности в России,— здесь [т. е. в Западной Европе] нечего ждать, и жизнь наша окончена...»[2]. А в первом же письме из Швейцарии от 29 июня 1849 г. Герцен делился с женой такими мыслями: «Я часто думаю, если бы в России на одну иоту было бы лучше, нежели теперь, то просто следовало бы ехать в Москву. Там тяжело родится будущее, в Европе тяжело околевает прошедшее»[3].

О свирепом разгуле николаевского террора в России Герцен был хорошо осведомлен. Как раз летом 1849 г. он получил от Грановского с Кошелевым письмо, в котором говорилось: «Благо Белинскому, умершему во-время! — Много порядочных людей впали в отчаяние и с тупым спокойствием смотрят на происходящее. Когда же развалится этот мир?.. Слышен глухой общий ропот — но где силы для оппозиции? Тяжело, Герцен, а выхода нет живому... Я с внутреннею боязнью осматриваюсь назад; точно на поле сражения: мертвые да изуродованные...»[4].

Герцен решает остаться в эмиграции. Объясняя это решение, в обращении к своим друзьям в России в книге «С того берега» он пишет: «Я остаюсь здесь не только потому, что мне противно, переезжая через границу, снова надеть колодки, но для того, чтоб работать»[5].

Герцен прошел в 1848—1849 гг. особый путь своего внутреннего развития. Революция 1848 г. была в его жизни важной переломной эпохой. Он и в эмиграции продолжал оставаться революционером-патриотом. Передовые идеи, «выстраданные», по выражению В. И. Ленина, лучшими русскими людьми 40-х годов XIX в., в тяжелое лихолетье самодержавного режима Николая I, помогли Герцену преодолеть серьезный внутренний кризис и в конечном счете привели последнего представителя поколения дворянских революционеров на путь последовательных революционных демократов. Ленин указывал: «У Герцена скептицизм был формой перехода от иллюзий „надклассового“ буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата»[6].

1848 год, по образному выражению Герцена, действительно был «педагогическим годом» для развития русской общественной мысли. На фоне сложной революционной обстановки в Западной Европе, при явно обострившейся тогда внутренней ситуации в России, в общественном движении происходило четкое размежевание сил. В 1848—1849 гг., при очевидном сплочении вокруг царского трона класса дворян-землевладельцев, усиливались консервативные настроения славянофилов, определялись политические позиции в сложном по составу лагере западников и отчетливо наметилось в их среде течение российского буржуазного либерализма. Среди наиболее же передовых людей того времени получили углубленное и довольно широкое развитие традиции Белинского, и в России наметилось решительное усиление революционно-демократического движения. Известное положение В. И. Ленина о прямой зависимости русского общественного движения 40—50-х годов XIX в. от развития массовой освободительной борьбы крепостных крестьян получило в 1848—1849 гг. особенно яркое подтверждение.

---

[1] «А. И. Герцен. Новые материалы», М., 1927, стр. 45.
[2] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. V, 1919, стр. 236.
[3] Там же, стр. 276.
[4] Сб. «Звенья», т. VI, 1936, стр. 359—361.
[5] А. И. Герцен. Полн. собр. соч., т. V, 1919, стр. 390.
[6] В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 11.

БОРЬБА ЦАРИЗМА С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ

Касаясь контрреволюционной политики царского правительства в период революции 1848 г., историки обычно останавливаются на роли царизма как палача европейской революции. Это бесспорное положение неоднократно отмечалось классиками марксизма-ленинизма.

Но при этом нельзя забывать, что царизм был смертельным врагом не только народов Западной Европы, но и народов самой России, которые угнетались им в первую очередь. Общий политический курс царского правительства в 1848—1849 гг. определялся и его контрреволюционной внешней политикой, и реакционной внутренней политикой.

Оценка правительством внутреннего положения

Мы располагаем многочисленными свидетельствами того, что в 1848 г. царское правительство с нарастающей тревогой ожидало развития революционного движения и в России. Начиная с марта 1848 г. из западных губерний Прибалтики, Литвы, Белоруссии и Украины в Петербург хлынул поток официальных сообщений местных властей и частных лиц, извещавших о крайне напряженной обстановке в пограничных местностях.

Скоро эти извещения начали принимать буквально панический характер. Так, например, донесение одного чиновника, отправленное 23 марта генерал-губернатором из Риги, заканчивалось следующим образом: «При таком расположении умов можно опасаться всего, и только немедленное увеличение числа войск может подавить предполагаемое восстание». Ознакомившись с этим документом, Николай I на нем пометил: «Не весьма утешительно». Почти одновременно поступило в III отделение письмо подполковника Зингера из Литвы, где, в частности, говорилось: «Вообще в Литве дела плохи, и если не будет в готовности постоянного войска в малых городах, то может дойти до вспышки... Я не вижу призраков и не трус, а потому в чем можете содействовать к сохранению спокойствия и порядка, принимайте скорейшие меры; теперь уже не 1830 год, когда можно было потушить вулкан... Мы живем в бурное время».

Из украинских пограничных губерний тоже в марте начали поступать сообщения о крупных крестьянских волнениях, в которых принимали участие тысячи крепостных. Жандармское донесение 19 марта сообщало, например, из Волыни: «Во Владимирском уезде, пограничном с австрийскими владениями, в имении графа Браницкого, около 3 тыс. душ крестьян оказали неповиновение к властям».

Тревожные сообщения о напряженном положении в крепостной деревне продолжали поступать из западных губерний в течение всей первой половины 1848 г. В условиях развивавшихся тогда революционных событий в Западной Европе они порождали в правительственных кругах полную растерянность. Приехавший в то время в Петербург лифляндский губернатор Валуев 16 марта 1848 г. писал в своем дневнике: «Вверху все в страшном смущении. Наши псевдо государственные мужи не знают за что взяться... В городе разносят уже бесчисленные нелепости о дальних областях самой империи. Вчера утверждали, что Тифлис и Варшава вспыхнули и что в Риге в каком-то клубе из мебели строили баррикады».

Серьезные опасения в правительственных кругах вызывало и настроение массы городского населения. Агентурные донесения по III отделению о глухом брожении среди столичных жителей обобщались в особых сводках и докладывались Николаю I. Отдельные случаи антиправительственных выступлений тщательно расследовались, и расправа над виновниками их производилась по указанию самого царя. Характерно также распростра-

нение в столице панических слухов, отражавших острую тревогу среди господствующих классов. В марте 1848 г. стали упорно говорить о массовых закупках оружия в магазинах Петербурга частными лицами. В апреле передавали уже об открытых волнениях в столичном гарнизоне.

Крайняя озабоченность правящих кругов Петербурга внутренним положением в стране весной 1848 г. подтверждается прямыми свидетельствами Николая I. В мартовские дни в беседах с членами своей семьи он откровенно признавался, что «в России тоже могут наступить потрясения». Сознание серьезной опасности революционных выступлений и в России проходит красной нитью через всю переписку Николая I с Паскевичем в 1848 г. Но наиболее ярко эти опасения были выражены именно в весенние месяцы. 16 марта он так сформулировал свои цели: «самое тщательное внимание на собственный край, дабы все попытки дома укрощать в самом начале». В письме 22 марта главной опасностью он признавал «попытки к бунтам» и добавлял: «Против сего нельзя быть нам довольно осторожными». Предписывая 30 марта беспощадно подавлять волнения крестьян на Волыни, в Подолии и Киеве «и не шутить», он заканчивал это письмо совершенно панической фразой: «Вообще ничего нельзя предвидеть, один только бог спасти нас может от общей гибели».

И летом, и осенью, и зимой 1848—1849 гг. внутренняя обстановка в России попрежнему продолжала сильно беспокоить царское правительство. На летнее время пришлись холерные волнения в столице и в других городах, крестьянские выступления распространились на внутренние губернии; в III отделение продолжали поступать десятки сообщений о сочувственном отношении в России к революционному движению за рубежом. Только в обстановке тревожных дней «холерного бунта» в конце 1848 г. станут понятны ходившие тогда в Петербурге упорные слухи о готовившемся якобы восстании рабочих в самой столице. Добровольный осведомитель III отделения капитан Машков об этом сообщал так: «Сегодня я слышал в трех разных местах толки, которые довольно основательно убеждают меня в переданном мне рассказе о назначенном на нынешнее воскресенье бунте, что черный народ имеет намерение восстать вооруженной силою. Цель, план возмущения и способы мне совершенно неизвестны. Слышно только, что мастеровые Берда и жители Ямской принимают главное участие в возмущении...»

Весьма тревожили правительство и многочисленные сообщения в III отделение о революционных настроениях молодежи. В ряде случаев при обысках были обнаружены запрещенные заграничные издания, иногда газеты и даже революционные воззвания, доставленные нелегальным путем из революционных стран. Зимой 1848—1849 гг. правительству стало известно о революционных настроениях воспитанников столичного училища правоведения. Тогда же была установлена связь целой группы обучавшихся в Московском университете поляков с польскими эмигрантами.

Подобные сообщения в течение второй половины 1848 г. и в начале 1849 г. поддерживали в правительственных кругах постоянное опасение за внутреннее положение в самодержавно-крепостнической империи. Тревожное ожидание возможного подъема революционного движения в России не покидало Николая I. «Слухи о новом заговоре на бунт не первые и не последние», писал он 12 августа 1848 г. Паскевичу. А подводя итоги минувшему году,— Николай I сохранение своей собственной самодержавной власти объяснял лишь чудом: «Мы более других обязаны бога благодарить за то, что спас нас от гибели, постигшей других...»,— сообщал он тому же адресату 2 января 1849 г.

Усиление реакции в России

Буржуазная историография объясняет усиление внутренней реакции начиная с 1848 г. лишь боязнью со стороны царского правительства проникновения в Россию зарубежных «революционных идей». Игнорируя обострение классовых противоречий в империи Николая I, буржуазные историки ограничивали правительственную реакцию того времени только областью печати и просвещения. В качестве же жертв этого «цензурного террора» обычно называют лишь отдельных лиц — Салтыкова, Даля и даже Тургенева.

Такое представление о правительственной реакции в 1848—1849 гг. совершенно неправильно. Реакционные мероприятия Николая I в 1848 г. были значительно шире и многообразнее. Они были направлены прежде всего на подавление нараставшего массового революционного движения в стране, на пресечение антиправительственных выступлений и имели задачей предотвращение революционного взрыва в самой России.

По получении первых же сведений о февральской революции особое внимание правительства Николая I было прежде всего обращено на настроение и поведение народных масс. Усилено было наблюдение III отделения за массой столичного населения, которое вели жандармы, переодетые в «партикулярное платье». Уже 22—23 февраля был послан в Москву запрос к жандармским властям, полиции и осведомителям III отделения, в котором предлагалось срочно сообщить, «какой дух и какие толки между народом и между фабричными». Систематическое полицейское наблюдение за городским населением в периоды обостренного положения в городах усиливалось также с помощью патрулей войск и конных жандармских разъездов.

Особо суровый режим был введен в 1848 г. в западных губерниях. В марте на территории Царства Польского, Прибалтики, Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины у населения было произведено массовое изъятие не только огнестрельного, но и холодного оружия, а вскоре там запрещена была продажа пороха. В тех же губерниях (за исключением Прибалтики) по предписанию от 20 марта 1848 г. было введено чрезвычайное «положение 1831 года», на основании которого генерал-губернаторам предоставлялись неограниченные права при подавлении массового освободительного движения.

Независимо от этого 24 марта гражданским губернаторам всей России был разослан особый циркуляр министра внутренних дел, предписывавший принимать «все необходимые меры для приведения крестьян в должное повиновение» и предлагавший незамедлительно доносить о всех случаях крестьянских волнений на имя самого царя. На основании этого циркуляра власти на местах подавляли крестьянское движение беспощадно, нередко используя при этом и регулярные войска. Нам известно, например, что только в 1849 г., когда число крестьянских волнений, сравнительно с 1848 г., заметно сократилось, было действительно использовано «для сей цели регулярного войска — 4 роты пехоты и 6 эскадронов кавалерии, да 1600 человек нижних чинов внутренней стражи».

Проводившаяся с конца февраля 1848 г. мобилизация армии рассматривалась правительством в течение первых месяцев как одно из важнейших мероприятий по укреплению в стране самодержавно-крепостнического строя.

Передвигая войска в Царство Польское и западные губернии, Николай I оставлял крупные гарнизоны в городах Прибалтики, Литвы, Белоруссии и Украины. В одной из пометок Паскевича на сообщении царя от 16 марта 1848 г. о передвижении войск в западные губернии прямо сказано, что из семи казачьих полков два полка передавались в распоряжение генерал-губернатора Литвы и два полка — генерал-губернатора Правобережной Украины.

Полицейские функции полевых войск особенно важны были для Николая I в первой половине 1848 г., когда армии стягивались в западную часть империи, где как раз в то время массовое освободительное движение представляло для правительства особую опасность. По окончании же мобилизации, к середине лета 1848 г., для карательных экспедиций в помощь местной полиции стали использоваться созданные резервные войсковые части. Но еще и осенью 1848 г. царизм считал своей главной опорой внутри страны регулярную армию.

Даже особо суровая реакция, проводившаяся в 1848—1849 гг. царским правительством в области печати, преследовала задачу обезвредить в первую очередь русские газеты и журналы как источник широкой политической информации. Первый чрезвычайный цензурный комитет 1848 г. был учрежден для ревизии специально периодических изданий.

Несомненно, боязнью революционизирующего воздействия на население России объясняются такие мероприятия царского правительства в 1848 г., как вызов в Россию подавляющего большинства находившихся за границей русских подданных и строгое запрещение выезда их в Западную Европу, усиление почтовой цензуры, широкое изъятие из продажи заграничной социально-политической литературы, строгое наблюдение за находившимися в России иностранцами и т. д.

Жертвами правительственного террора в 1848—1849 гг. были не только два десятка петрашевцев и одиночки из среды литераторов, а десятки тысяч не прекращавших борьбы за освобождение крепостных крестьян, тысячи поляков и, несомненно, сотни лиц из различных сословий крепостной России, заподозренных в сочувственном отношении к революционным переворотам на Западе. По официальным, заведомо неполным сведениям, только в 1849 г. в крестьянском движении участвовало не менее 16 тыс. человек. А за отдельные революционные выступления или за революционные настроения была репрессирована, судя по материалам архива III отделения, не одна сотня лиц, даже если не считать территории Царства Польского, где правительственный террор отличался особой жестокостью.

Революционного взрыва в 1848—1849 гг. в России не произошло. Несмотря на несомненное усиление тогда в стране разных видов выступлений против самодержавно-крепостнического режима Николая I, эти выступления происходили в разное время, были разрозненны, лишены организационного руководства.

При помощи всего военно-полицейского аппарата Николаю I удалось раздавить очаги массовой освободительной борьбы и приостановить развитие в России революционного движения.

Отсрочка царской интервенции

Неизменная агрессивность Николая I по отношению к революционному движению в Западной Европе на протяжении всего периода 1848—1849 гг. бесспорна. Проекты насильственного подавления назревавшей в западноевропейских странах революции обдумывались им еще до февральского переворота в Париже. Подготовку к интервенции он начал проводить сразу же после получения первых известий о провозглашении во Франции республики. Однако ход политических событий, их бурное развитие одновременно в нескольких странах заставили Николая I отложить на ряд месяцев открытое вооруженное вмешательство во внутренние дела революционных стран Европы.

Для мобилизации армии царскому правительству тогда требовалось не менее 4—5 месяцев. Переписка Николая I с Паскевичем свидетельствует, что призыв в армию и передвижение войск в западную часть империи затянулись до конца июня 1848 г.

Для открытой интервенции в страны революционной Европы до середины 1848 г. царизм не имел реальных сил. В апреле 1849 г. Маркс и Энгельс подчеркивали военную слабость царской России весной 1848 г.: «Год тому назад Россия не была подготовлена к войне; тогда, когда еще был свеж панический ужас перед стихией революции, было легко вышибить из Польши расположенные в ней 30—40 тысяч русских войск...»[1].

Есть основание полагать, что при осознании Николаем I невозможности немедленного осуществления задуманного им плана интервенции большую роль сыграла напряженная обстановка в то время внутри самой России. Николай I не мог предпринять интервенции в соседние страны до тех пор, пока не миновала особая острота положения в самой России.

Военная неподготовленность царизма и необходимость держать наличные войска для выполнения фактически полицейских функций на огромной территории (Прибалтика, Царство Польское, Литва, Белоруссия, Правобережная Украина) заставили Николая I воздержаться от открытой борьбы с революцией за пределами собственной империи и временно занять выжидательно-оборонительную позицию.

Относящиеся к первой половине 1848 г. письма царя к Паскевичу буквально пестрят такими выражениями: «покуда не с кем драться» (письмо от 10 марта), «про войну ничего нового не знаю» (15 марта), «войны теперь не предвижу» (16 марта), «войны еще нельзя предвидеть» (22 марта), «нет вероятия покуда к войне» (29 марта), «не вижу еще повода к войне» (20 апреля), «покуда нам должно выжидать... бог укажет, что далее нам возможно» (10 мая).

Та же переписка свидетельствует, что при существовавшей тогда обстановке Николай I даже боялся столкновения с революционными силами европейских стран. 13 марта он советовал своему фельдмаршалу привести «во временное оборонительное положение» крепость Ивангород, расположенную в 80 км от австрийской и в 180 км от прусской границы. Через день, 15 марта, он предписывал провести эту меру уже применительно ко всем крепостям на западной границе, хотя и пытался уверить себя, что ему не угрожает нападение революционной Европы. «Впрочем,— писал он,— хлопот в самой Германии столько, во Франции все в таком положении, что не могу понять, чтоб им достало сил на какое-либо предприятие против нас».

В директивной записке Николая I, составленной им 29 апреля, но пересланной Паскевичу только при письме от 29 июня 1848 г., царь, учитывая возможность военного столкновения с Пруссией (в связи с ультиматумом Николая I правительству Берлина об отзыве прусских войск, занявших принадлежавшую Дании Ютландию), указывал: «Мы не должны искать завоеваний, но ограничиться действиями, которые бы только усилили наше оборонительное положение». Предусматривая далее возможное развитие военных действий с Пруссией, Николай I предлагал Паскевичу принять оборонительную тактику и допускал прямое вторжение противника на территорию России.

Совершенно очевидно, что, предъявляя в апреле 1848 г. Пруссии ультиматум, царское правительство почти уверено было в капитуляции прусского правительства. Расчет этот, как известно, оправдался, и о плане военных действий, разработанном на всякий случай Николаем I, Паскевич узнал только через два месяца. Характерно, что по случаю затянувшегося прусско-датского конфликта 7 июня 1848 г. царь писал Паскевичу: «Стращать же опять не могу», подтверждая тем самым, что

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 347.

в апреле по отношению к Пруссии он намеревался ограничиться лишь угрозой войны.

Вопреки ошибочному мнению Шимана, можно утверждать, что во внешней политике царского правительства в апреле 1848 г. вовсе не намечался какой-либо особый курс. Николай I занял выжидательную позицию на сравнительно длительный период, что признавалось основоположниками марксизма характерной чертой внешней политики царизма и летом 1848 г.

Этому утверждению отнюдь не противоречит и занятие царскими войсками дунайских княжеств (Молдавии и Валахии).

Обстоятельства этого события таковы. Еще 1 апреля в княжества был направлен генерал Дюгамель, получивший от царя полномочия по своему усмотрению оккупировать в случае необходимости эти княжества силами особого экспедиционного корпуса Герштенцвейга, сформированного в Бессарабии. Дюгамель, видимо, еще в начале июня сообщал в Петербург о напряженной обстановке в Молдавии и считал возможным ее оккупацию. Сообщая о такой перспективе Паскевичу, 10 июня Николай I писал: «мне этого очень не хочется».

События развивались в княжествах быстро, и после объявления там 9 июня конституции Дюгамель принял решение о немедленной оккупации и приказал Герштенцвейгу двинуть его отряд через реку Прут. Обо всем этом послано было уведомление военному министру, а «через несколько дней», как пишет Дюгамель в своих воспоминаниях, было сообщено и о состоявшемся вступлении царских войск в княжества. Таким образом, в период между 10 и 20 июня от Дюгамеля в Петербург поскакали два курьера, один вслед за другим.

В ответ на первое извещение из Петербурга к Дюгамелю и Герштенцвейгу спешно был послан фельдъегерь с приказанием царя воздержаться от вступления в княжества. Узнав об этом решении Николая I, Герштенцвейг вывел свой отряд из княжества обратно, несмотря на протесты Дюгамеля. Но тут подоспело новое распоряжение из Петербурга в ответ на уведомление, посланное со вторым курьером, уже о состоявшейся оккупации,— Николай I предписывал введенные в княжества войска там оставить. Молдавия и Валахия вновь были заняты царскими войсками, а не угадавший конечного решения царя генерал Герштенцвейг, боясь ответственности, застрелился.

Как видим, даже закончив мобилизацию армий во второй половине июня 1848 г., Николай I попрежнему склонен был придерживаться выжидательной позиции в отношениях с соседними странами. На первый взгляд, его нерешительность при оккупации княжеств как будто объясняется тем, что царское правительство не знало тогда, какую позицию в этом вопросе займут другие государства, в частности Англия. Только через месяц, 20 июля, царь известил Паскевича: «С Лондоном мы в ладах, не помешало даже наше вступление в Молдавию».

Однако такое объяснение столь резких колебаний Николая I по вопросу о занятии княжеств, когда буквально на протяжении нескольких дней им отдавались совершенно противоположные распоряжения, недостаточно. Позиция Англии оставалась ему неясной, как видим, и месяц спустя. Видимо, произошли какие-то другие события, в результате которых Николай I решился на оккупацию княжеств.

Первое сообщение Дюгамеля достигло Петербурга в крайне тревожное время — сразу после холерных волнений в столице, которые происходили 16—18 июня. Обе эти новости Николай I сообщал Паскевичу одновременно в письме от 21 июня: «Крайне мне прискорбно, что Дюгамель, напуганный смутами в Валахии, решился сам от себя предложить Герштенцвейгу [!] вступить в Молдавию. Не убежден я в сей необходимости и опасаюсь

больших затруднений». Там же говорилось, что прекратить холерные волнения «покуда удалось». Отдавая распоряжения о запрещении оккупации Молдавии, Николай I опасался не только внешнеполитических «затруднений», но был явно встревожен напряженным внутренним положением в стране.

В иной обстановке получено было Николаем I новое извещение Дюгамеля о занятии княжеств, посланное со вторым курьером «через несколько дней» и достигшее Петербурга во второй половине 20-х чисел июня. К тому времени холерные волнения в столице были уже подавлены, о чем 25 июня было помещено официозное сообщение в газетах. Помимо того, как раз в те дни Николаю I стало известно о разгроме в Париже июньского восстания и о победе во Франции сил контрреволюции,— извещения об этом опубликованы были в столичных газетах за 26—27 июня. При этих условиях Николай I принял и новое решение — санкционировал оккупацию дунайских княжеств.

Этот частный случай еще раз указывает на самую тесную связь в 1848 г. внутренней и внешней политики царизма, которая в свое время отмечалась и основоположниками марксизма. Маркс и Энгельс прямо подчеркивали зависимость выполнения внешнеполитических агрессивных планов царского правительства от обострения внутреннего положения в самой России. В августе 1848 г. они писали: «Положение дел внутри России,— свирепствующая холера, мелкие восстания в отдельных губерниях, подготовлявшаяся в Петербурге, но во-время предотвращенная революция, заговор в варшавской цитадели, вулканическая почва в Царстве Польском,— все это, во всяком случае, обстоятельства, способствующие как благожелательным, так и „бескорыстным“ намерениям России по отношению к Германии»[1].

Обостренная политическая обстановка в 1848 г. в самой империи Николая I отмечалась, как видим, еще Марксом и Энгельсом. Они указывали, что на первом этапе развития революции 1848 г. царизм был бессилен предпринять широкое наступление на революционную Европу. Это глубокое замечание помогает нам более ясно представить всю остроту сложившейся в 1848 г. в России политической ситуации, которая, несомненно, имела серьезное влияние на общую тактику борьбы Николая I с революцией 1848—1849 гг.

* * *

Совершенно очевидно, вопреки утверждениям буржуазной историографии, что русский народ и его лучшие представители не стояли в стороне от бурных революционных событий 1848—1849 гг. Продолжая в те годы еще более упорную борьбу с самодержавно-крепостническим режимом, они активно участвовали в общем революционно-освободительном движении народов Европы, укрепляя силы революции. Русский народ внес свой вклад в революционную борьбу европейских народов в период революции 1848—1849 гг.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 256.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Глава пятьдесят четвертая

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В АНГЛИИ В 1848 Г. НОВЫЙ ПОДЪЕМ БОРЬБЫ ЗА «НАРОДНУЮ ХАРТИЮ»

Торгово-промышленный кризис 1847 г. оказал сильное влияние на подъем чартистского движения. Но первые признаки оживления чартизма появились еще до начала кризиса. Чартисты снова поставили своей целью превратить «Народную хартию» в закон страны путем подачи новой петиции в парламент. Весной 1847 г. по всей стране созывались митинги для собирания подписей под петицией. Агитация развивалась успешно.

Собирание подписей продолжалось в течение всего года. О'Коннор уже осенью 1847 г. публично заявлял, что под новой петицией будет 5 млн. подписей. Тогда же, в 1847 г., он — первым из чартистов — был выбран в парламент (от города Ноттингема). Чартистские митинги последних месяцев 1847 г. стали принимать все более бурный, революционный характер. Они происходили в Лондоне, Манчестере, Лидсе и других крупнейших городах северо-западной Англии и Шотландии. В Ирландии шла почти открытая подготовка восстания; чартисты поддерживали лозунг ирландских рипилеров, требовавших расторжения унии с Англией и восстановления независимого ирландского парламента.

Подъем чартистского движения в 1847—1848 гг.

Новый подъем чартистского движения в Англии был ускорен совершившимися в феврале и марте революциями в континентальной Европе.

Буржуазные круги Англии отнеслись враждебно к февральской революции во Франции. Газета «Таймс» откликнулась на провозглашение во Франции республики словами, полными ненависти и страха: «24 февраля — страшный день в истории... В этот день обнаружился взрыв народных страстей, подобного которому не было в мировых анналах». Временное правительство, возглавившее республику, газета называла «правительством толпы». «Таймс» уже 28 февраля угрожала интервенцией Франции, если революция в ней примет якобинский характер: «Может быть, гильотина будет снова воздвигнута и будет нагромождать человеческие гекатомбы?.. Может быть, парижские лавочники готовят войну против Европы! Европа уважает национальную независимость, но если потребуется, она же будет защищать ее...».

Совершенно иначе отнеслись к революции на континенте английские рабочие, особенно чартисты. Чартисты еще до февральской революции с горячим сочувствием следили за нарастанием революционной волны на

континенте. На чартистских митингах в конце 1847 и в начале 1848 г. обычно выносились резолюции приветствия революционным демократам Франции, Италии, Польши и других стран.

Когда во Франции произошла революция, чартисты стали надеяться, что и в Англии скоро произойдут важные политические перемены. Слова «Республика для Франции и Хартия для Англии» стали лозунгом чартистов, постоянно встречающимся на страницах газеты «Полярная звезда» в марте 1848 г. Снова, как когда-то в 1839 и 1842 гг., в Англии происходили гигантские митинги, отличавшиеся еще более ярко выраженным революционным характером.

ФЕРГЮС-ЭДУАРД О'КОННОР

Литография неизв. художника

Собрание Института Маркса — Энгельса — Ленина. Москва.

2 марта 1848 г. на чартистском митинге в Лондоне было принято приветствие парижскому народу и выражен протест против возможного вмешательства реакционных правительств в дела республиканской Франции. Эрнст Джонс, Джулиан Гарни и Филипп Мак-Грат были избраны в качестве делегатов для вручения этого адреса парижанам. В этом документе ярко отразился энтузиазм, который охватил лондонских чартистов. «Громовые известия о вашей победе, — писали чартисты, — прозвучали за каналом, пробуждая симпатии и надежды всех, кто любит свободу. Спешим выразить вам поздравления и надежды тех, кто предан делу свободы. Спешим выразить вам поздравления и благодарность за славную услугу, которую вы оказали человечеству своим мужеством и великодушием, своим героизмом и преданностью принципам свободы. Вы освятили своим примером священное право на восстание, это последнее средство всех угнетенных... Вы — передовой отряд армии свободы; вы можете быть уверены, что Британия никогда не одобрит братоубийственной войны (в случае, если тиранические правительства создадут лигу борьбы против Франции). Примите наши братские приветствия и наши искренние пожелания, чтобы Французская республика восторжествовала и стала образцом для подражания во всем мире!»

6 марта в Лондоне в Трафальгарском сквере состоялся другой публичный митинг, под председательством чартиста Рейнольдса. Митинг прошел с большим подъемом, под гром аплодисментов в честь Французской республики и «Народной хартии», и закончился столкновением с полицией.

The Northern Star,
AND NATIONAL TRADES' JOURNAL.

VOL. XII. No 581 LONDON, SATURDAY, DECEMBER 9, 1848.

«ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»

Лондон, 1848

В тот же день бурные выступления имели место и в провинции. В Глазго безработные вышли на улицу с криками «Хлеба или революция!» Полиция оказалась бессильной приостановить движение, на помощь ей были вызваны войска. Солдаты стреляли в народ, несколько человек было убито. В Манчестере рабочие собрались у местного работного дома и потребовали освобождения заключенных в нем рабочих.

13 марта состоялся митинг на лондонской площади Кеннингтон Коммон; число его участников доходило до 20 тыс.; 4 тыс. вооруженных полицейских находились поблизости, чтобы броситься на участников митинга при малейших признаках «беспорядка». Но дело обошлось без кровопролития.

Неделя с 12 до 19 марта ознаменовалась массовыми митингами по всей Англии. В Престоне, Бирмингеме, Манчестере, Ньюкасле, Эдинбурге, Ливерпуле, Ноттингеме, Шеффильде, Бредфорде и в других городах собирались митинги с количеством участников от десяти — пятнадцати и до нескольких сот тысяч человек. На них выступали члены Исполнительного комитета Национальной чартистской ассоциации, а также ирландские революционеры. Самым многолюдным был митинг, происходивший близ Манчестера (на пустоши Ольдгем-Эдж): здесь, по словам О'Коннора, принявшего в нем участие, собралось не менее 250 тыс. человек.

С первых же дней февральской революции английские рабочие заявили на многочисленных митингах, что они не допустят вмешательства английского правительства в дела Французской республики. Пролетариат Англии выступил против угрозы интервенции английских войск во Франции.

Тактика чартистских лидеров

Чартистские вожди заговорили теперь революционным языком, призывая к решительной борьбе за Хартию. Наиболее левые лидеры, Джулиан Гарни и Эрнст Джонс, открыто призывали массы к вооруженному восстанию. В своих статьях в «Полярной звезде», озаглавленных «К народу» и подписанных обычно «Друг народа» («L'ami du peuple»), Гарни подчеркивал необходимость всеми средствами добиться «политического и социального освобождения». Эрнст Джонс 13 марта на Кеннингтонском митинге призывал народ «не бояться жалких представителей закона, не бояться полиции, симпатизирующих народу солдат или приведенных к присяге для специальной полицейской службы лавочников...». «Долой вигское министерство! Необходимо распустить существующий парламент! Хартия — и никаких соглашений до тех пор, пока Народная хартия не будет проведена в жизнь!» — говорил Джонс. О'Коннор также звал свою «старую гвардию», «рабочие куртки, мозолистые руки и небритые подбородки» к решительной схватке.

1 апреля 1848 г. О'Коннор писал: «Вперед — и мы победим! Назад — и мы погибнем! Нужно осуществить Народную хартию и не складывать оружия! Старая гвардия!.. Настало время, когда мы можем пожать плоды нашей 13-летней работы... Было бы неразумно и прямо преступно, если бы английские рабочие, самые угнетенные в мире, не отозвались и не использовали в своих интересах теперешние европейские события...». «Кто же теперь будет отрицать преимущество физической силы? — спрашивала «Полярная звезда».— Париж в настоящее время является великолепным триумфом ее».

Враги рабочего класса с тревогой следили за подъемом революционных настроений в массах. Газета «Таймс» писала 28 марта: «Энтузиазм чартистов принимает такие же размеры и такую же высокую температуру, как в 1839 и 1842 годах».

Движение чартистов в марте 1848 г. разворачивалось под республиканскими лозунгами. Вожди революционной фракции чартистов выступали

ДЖОРДЖ-ДЖУЛИАН ГАРНИ
Ксилография

с республиканской агитацией, открыто призывали на митингах к установлению в Англии республики. «Если нам откажут в хартии, мы будем думать о республике»,— заявил на митинге 2 марта чартист Каффи.

«Час пробил,— восклицала «Полярная звезда»,— надо последовать примеру французских братьев. Англичане и ирландцы клянутся: „Хартия и отмена унии или — Да здравствует республика!“».

Как и в предшествующие периоды, чартисты решили созвать свой Национальный конвент и выработать для представления в парламент новую петицию. В начале марта 1848 г. на митинге в зале Ламбет в Лондоне члены Исполнительного комитета уже официально объявили о созыве Конвента на 3 апреля.

Национальный конвент 1848 г.

Национальный конвент открылся 4 апреля. Заседания его происходили публично в помещении Научно-литературного института на Джон-стрит. Делегатов было сначала 47, потом 49. Тут были представители всех крупных промышленных центров Англии. Из 47 делегатов примерно 35 выразили твердое убеждение в необходимости применения «физической силы». В Конвенте участвовали все выдающиеся лидеры чартизма, как старые — О'Коннор, Бронтер О'Брайен, Филипп Мак-Карти и другие, так и молодые — Гарни, Эрнст Джонс, Рейнольдс, Мак-Доуэль и др. Чарлз Мак-Грат представлял Ирландскую демократическую федерацию. Председателем Конвента был избран старый чартист Филипп Мак-Грат, а секретарем — Кристофер Дойль. Первые четыре дня ушли на сообщения с мест. Делегаты нарисовали страшную картину нищеты рабочего класса. Они сообщали, что в северной и средней Англии насчитывалось не менее 200 тыс. безработных. Настроение рабочих, указывали делегаты, озлобленное. Рабочие соглашались подписать петицию, но заявляли, что это будет «последняя петиция», что они обращаются к парламенту «в последний раз».

В Конвенте преобладали сторонники О'Коннора. Большинство делегатов высказывалось за применение «физической силы», но с обычной для сторонников О'Коннора оговоркой, что сначала будут использованы все законные средства, и только тогда, когда народ убедится, что закон против него, он начнет действовать другими методами. Сам О'Коннор в своей речи уверял, что число подписей под новой петицией, по его расчетам, достигнет 5400 тыс. Далее он заявил, что не намерен губить движение каким-нибудь опрометчивым шагом, но не может также и допустить, чтобы народ оставался в рабстве хотя бы одной минутой дольше.

Делегаты привезли с собой многочисленные подписи к петиции, насчитывавшие по отдельным промышленным городам и районам десятки тысяч имен (Глазго — 100 тыс., Эштон-андер-Лайн — 70 тыс., Ланкашир — 65 тыс. и т. д.).

Однако не все члены Конвента были согласны действовать решительно; более того, свою собственную слабость они пытались оправдать ссылками на неготовность рабочего класса к революционной борьбе. Так, Бронтер О'Брайен одним из первых начал возражать против утверждения о готовности масс к борьбе. Вскоре О'Брайен совсем перестал посещать заседания Конвента и даже отказался от делегатского билета.

Лидеры, настроенные революционно, особенно Гарни, Джонс и их последователи, верили в революционную энергию рабочих. Однако нельзя сказать, чтобы у этих левых вождей был в это время ясный план дальнейших действий в случае отклонения петиции. Гарни предлагал объявить Конвент постоянным, но ему возражали, что это было бы диктатурой, на которую делегаты не уполномочены избирателями. О'Коннор вообще избегал отвечать на вопрос, что делать, если будет отвергнута петиция. Он продолжал лишь заверять Конвент, что петиция будет иметь несомненный успех.

Энгельс определял разногласия членов Конвента следующим образом: «Э. Джонс за борьбу. Б. О'Брайен за выжидание, пока народ не будет сильнее закона»[1]. В конце концов Конвент принял 6 апреля резолюцию, включавшую следующие пять пунктов:

1. В случае, если национальная петиция не будет принята в палате общин, Конвент подготовит общенациональную докладную записку (мемориал) королеве о роспуске парламента и о назначении таких министров, которые сделали бы осуществление Хартии главной задачей кабинета.

2. Созвать Национальное собрание делегатов, выбранных на публичных митингах, для представления докладной записки королеве и продолжать свои заседания до тех пор, пока Хартия не станет законом страны.

3. Во всей стране провести одновременные митинги в страстную субботу 21 апреля для утверждения докладной записки и выборов делегатов в Национальное собрание.

4. Созвать Национальное собрание в Лондоне 24 апреля.

5. Конвент будет продолжать свои заседания до открытия Национального собрания.

Эта резолюция объединяла всех членов Конвента. Многих привлекала перспектива созыва нового расширенного Конвента в виде Национального собрания, а также самая отсрочка революционного выступления, дававшая время для лучшей организации сил чартизма.

Среди делегатов Конвента существовали опасения, что парламент и на этот раз отвергнет петицию. Но это не помешало чартистам готовиться к выполнению задуманного плана. В Конвенте спешно редактировался текст новой петиции. Особая комиссия соединяла в одно целое громоздкие списки подписей. О'Коннор и его ближайшие помощники выработали подробный план демонстрации и наметили выступления ораторов на ожидаемом грандиозном митинге.

Третья чартистская петиция

Петиция 1848 г. была сходна по содержанию с петицией 1842 г., но демократические принципы были в ней формулированы с большей отчетливостью. В вводной части она содержала следующие принципиальные положения: труд есть источник всякого богатства; единственным законным источником всякой власти является народ; рабочий имеет преимущественное право на плоды своего труда; обложение налогами без согласия облагаемых есть тирания, которой необходимо сопротивляться; широкое развитие естественных богатств и хозяйственных ресурсов страны, как и наиболее благотворное управление государством, могут быть достигнуты лишь посредством законов, издаваемых представителями рабочих и других «производительных» классов. Исходя из этих начал, чартисты требовали провозглашения «Народной хартии» законом страны.

Когда все подписи к петиции, присланные из разных мест Англии, были объединены, президиум Конвента и Исполнительный комитет чартистов определили, что число подписавшихся составляло около $5^1/_2$ млн. О проверке автографов и точном подсчете не было и речи. Число подписей под петициями 1839 и 1842 гг. также определено было в свое время лишь приблизительно. Поэтому и в 1848 г. никто из лидеров чартизма не подозревал, что парламент воспользуется этим обстоятельством и, на основании чисто формального момента, откажется рассматривать «Народную хартию».

Оживление среди чартистов все возрастало. «Хартия и никаких уступок!» — заявляла в каждом номере «Полярная звезда». О'Коннор

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 274.

говорил, что он явится к дверям парламента в сопровождении 100 тыс. демонстрантов. Состоявший при трэд-юнионах комитет по организации назначенной на 10 апреля демонстрации заявлял еще решительнее: «10 апреля гигантская петиция будет подана в палату общин с 5 000 000 подписей, поддержанная процессией в 500 000 человек...».

Контрреволюционные мероприятия правительства

Правительственные круги были сильно встревожены приближением «чартистской революции». Чартистские выступления конца 30-х и начала 40-х годов еще не были забыты.

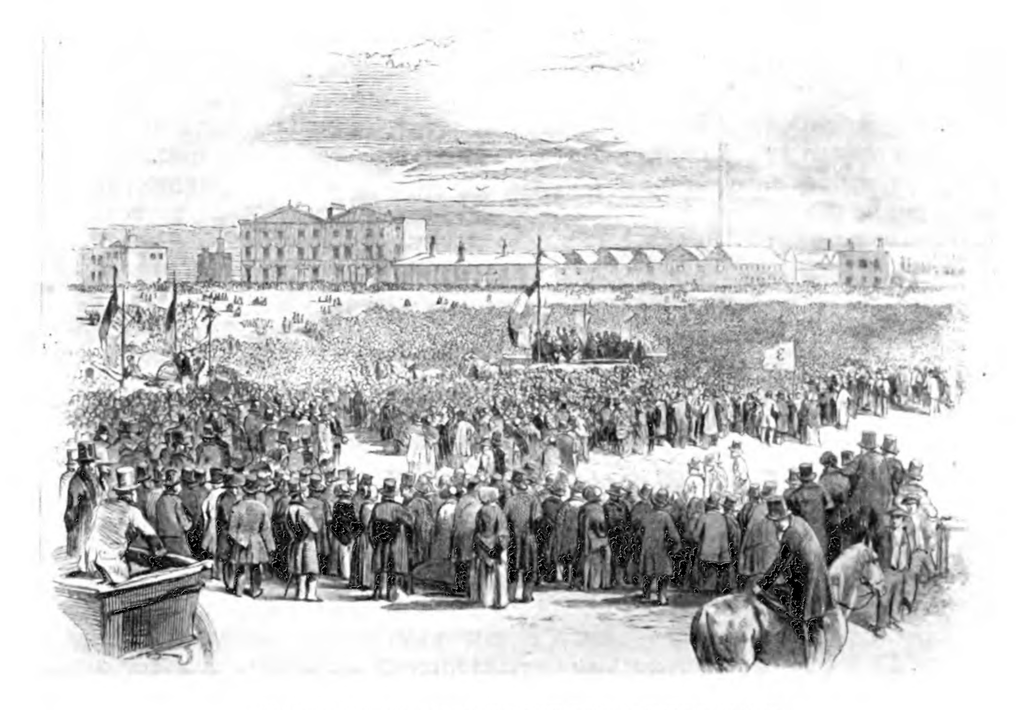
Правительство вигов, пришедшее к власти в марте 1846 г., во главе с их лидером лордом Джоном Росселем, было настроено вообще весьма враждебно в отношении каких-либо демократических реформ. Самый приход к власти вигов в 1846 г. был обусловлен союзом вигской партии с наиболее реакционными тори, возмущенными поведением Роберта Пиля, пошедшего на отмену хлебных законов. Россель, в свое время являвшийся автором билля о парламентской реформе 1832 г., считал, что Англия совершенно не нуждается в какой-либо новой реформе парламента. Он был решительно против расширения числа избирателей, а также против сокращения сроков полномочий парламента и введения тайного голосования. К чартистам Россель еще в 30-е годы питал глубокую ненависть.

Таким же реакционером, злейшим врагом народных масс, душителем национально-освободительных движений в Европе был и лорд Пальмерстон, министр иностранных дел, игравший крупнейшую роль в кабинете Росселя. В парламенте группа радикалов, возглавлявшаяся Джозефом Юмом, не без основания подозревала, что Пальмерстон использовал все дипломатические средства против новой Французской республики. В конце февраля 1848 г. радикалами был даже сделан официальный запрос правительству по этому вопросу. Пальмерстон считал наиболее опасными явлениями в политической жизни Англии чартизм и ирландское национальное движение.

Стремясь во что бы то ни стало сорвать чартистскую демонстрацию, вигское правительство воскресило старый, давно забытый статут времен Карла II, направленный против «шумных сборищ и беспорядков под предлогом подготовки или подачи общественных петиций или других адресов его величеству в парламенте». Этот закон, запрещавший сопровождение петиции более чем 10 лицами, ставил чартистов в затруднительное положение. Ссылаясь на него, правительство выпустило 7 апреля специальное сообщение, в котором объявляло деятельность чартистского Конвента незаконной и предостерегало всех граждан от участия в намеченной демонстрации.

Правительство не ограничилось одними предостережениями: оно приняло меры, превратившие в короткий срок столицу Англии в вооруженный лагерь. В Лондон были стянуты гарнизоны со всей южной Англии. Кроме солдат, к «охране порядка» были привлечены матросы и солдаты морской пехоты. Из Вульвича была доставлена тяжелая артиллерия. В лондонских скверах были разбиты военные палатки. Многие церкви были обращены в казармы. Особенно усиленно охранялись Тауэр и здание Английского банка. Кроме войск и полиции, правительство привлекло к борьбе с чартистами и частных лиц из лондонской буржуазии, а также из «высокопоставленных» иностранцев (среди записавшихся в добровольные констэбли был, например, принц Луи Бонапарт, будущий президент, а затем император Франции).

Число вооруженных сил, мобилизованных на борьбу с чартистами, современники определяли по-разному, называя цифры от 300 до 500 тыс. человек. Общее командование всеми вооруженными силами и ответ-

ЧАРТИСТСКАЯ ПРОЦЕССИЯ 10 АПРЕЛЯ 1848 Г.
Ксилография. 1848 г.

ственность за «порядок» в столице были возложены на герцога Веллингтона, под председательством которого заседал специальный военный совет по «защите» Лондона.

О'Конноровский план мирной демонстрации

Отказаться от намеченной демонстрации чартисты не смогли: слишком много о ней говорили и слишком многого от нее ждали для Хартии, для судьбы всего чартистского движения. Но и к решительной схватке с вооруженным до зубов врагом руководители не были готовы. О'Коннор и Национальный конвент, не отменяя митинга и массовой процессии к парламенту, старались всеми средствами удержать массы от решительных действий и превратить народную демонстрацию в мирное шествие. 7 апреля О'Коннор еще раз заявил в палате общин, что он примет участие в торжественном шествии чартистов с петицией. В тот же день Конвент подтвердил решение провести митинг и демонстрацию 10 апреля.

«Демонстрация 10 апреля должна пройти легально, мирно, но с подъемом»,— писал в своем обращении к трудящимся Лондона чартистский Исполнительный комитет. И Национальный конвент в своем обращении подчеркивал, что выступление чартистов будет носить чисто легальный характер: «Мы с негодованием прочли в «Таймс» и других газетах утверждение, будто мы организуем насильственное выступление с целью объявить войну жизни и собственности. Мы с негодованием отвергаем это обвинение, исходящее от злобных недоброжелателей, и самым положительным образом заверяем, что мы не имеем намерения нарушить закон; наша процессия будет невооруженной моральной демонстрацией; мы уважаем жизнь и собственность, но мы равным образом требуем уважения к нашей жизни и собственности и обращаемся к вам и ко всей стране в целом с просьбой защитить нас в случае несправедливого нападения на нас».

Демонстрация 10 апреля

С утра 10 апреля в Лондоне закрылись многие фабрики, заводы, магазины. Войска заполнили улицы и площади. Мосты через Темзу были оцеплены. Воинские части были расставлены в городе еще с 8 апреля.

Чартистские лидеры наметили следующий план демонстрации. В 10 часов утра члены Конвента в сопровождении рабочих отправляются из помещения Научно-литературного института на Джон-стрит на площадь Кеннингтон Коммон. Процессию возглавляют два богато украшенных экипажа. В одном, запряженном четверкой лошадей, повезут петицию с приложенными к ней подписями. В другом, запряженном шестеркой лошадей, едут члены президиума Конвента и Исполнительного комитета Национальной чартистской ассоциации. Шествие направляется сначала на улицу Холборн, где находилось правление Национального земельного общества, в котором хранилась самая петиция. Захватив петицию и подписи к ней, процессия направится далее в юго-восточном направлении через мост Черных братьев, а оттуда к площади Кеннингтон. По пути к демонстрантам присоединяются все новые толпы горожан, преимущественно рабочих. Основная масса демонстрантов идет правильными рядами, с оркестрами и знаменами, на которых написаны чартистские лозунги: «Хартия и никаких уступок», «Хартия и земля», «Свобода, братство, равенство», «Ирландия для ирландцев» и т. п.

Этот план шествия на площадь Кеннингтон был действительно осуществлен. Шествие развернулось во внушительную народную демонстрацию. Кроме демонстрантов — чартистов и членов трэд-юнионов, шедших в организованном порядке, по краям улиц стояли и частью двигались параллельно чартистам многочисленные зрители, выражавшие сочувствие демонстрантам и с энтузиазмом выкрикивавшие их лозунги. В общем, когда чартисты собрались на Кеннингтоне, количество их было весьма внушительно. Численность демонстрантов точно установить невозможно: современники то сильно преувеличивали его, то крайне преуменьшали. Наименьшую цифру участников давала «Таймс» — 10 тыс. чел., Пальмерстон называл цифру 15 тыс., «Эннюэл реджистер» — 23 тыс., газета «Сан» указывала на 170 тыс., «Морнинг пост» — 150 тыс., Веллингтон в палате лордов говорил о 200 тыс. участников. Сами чартисты называли цифру 250 тыс. («Полярная звезда») и даже 400—500 тыс. (заявление О'Коннора).

По плану чартистских руководителей процессия и митинг на Кеннингтоне должны были явиться лишь первой частью задуманной программы, и притом не самой главной. Из Кеннингтона предполагалось отправиться всей массой далее, к зданию парламента, и там торжественно от имени народа передать петицию палате общин.

Но этот план был сорван. Еще до начала митинга полицейские власти, штаб которых находился в одной местной таверне, вызвали к себе О'Коннора и Мак-Грата, как главных лиц, ответственных за демонстрацию, и заявили им, что правительство ничего не имеет против проведения чартистского митинга на Кеннингтоне, но решительно возражает против процессии к Вестминстеру (к зданию парламента) и не допустит ее. О'Коннор и Мак-Грат тут же дали обещание по окончании митинга распустить демонстрантов. О'Коннор стал уговаривать чартистов разойтись по домам. Петицию он обещал сам передать в парламент и добиться ее рассмотрения в ближайшее время. «Дети мои!— обращался к чартистам «Старый Фергюс». — Вас упорно уверяли, что сегодня меня не будет в ваших рядах. Но вот я здесь... Мое настоящее место среди моих детей. Да, вы — мои дети... Я — ваш отец. Я готов стать перед вами на колени и просить вас сохранить спокойствие... Сейчас положение таково, что передать

петицию парламенту может не вся процессия, а только президиум. Умоляю вас, не настаивайте на своем желании сопровождать нас далее... Будем действовать сообща, решительно и мирно; сегодня я внесу петицию в палату, и никто не может помешать ее успеху, если только массы останутся спокойными и благоразумными».

Выступившие вслед за О'Коннором Эрнст Джонс, Джулиан Гарни и другие ораторы поддержали О'Коннора. Шествие к зданию парламента было отменено. После этого петицию, которая весила вместе с подписями около 6 центнеров, переложили на три простых кэба и отвезли без всякой торжественности в парламент. Массы народа мирно разошлись. Столкновения с полицией ограничились несколькими инцидентами на одном из мостов.

ЭРНСТ ДЖОНС

Портрет

Собрание Института Маркса—Энгельса—Ленина. Москва

«Демонстрация не удалась, поход на Вестминстер отменен, и Ф. О'Коннор вечером вручил петицию обычным порядком»,— замечает по поводу конца дня 10 апреля Ф. Энгельс[1].

Так закончилась демонстрация, на которую чартисты возлагали столько надежд. В ближайшем, вышедшем после 10 апреля номере «Полярной звезды» О'Коннор торжественно заявлял, что за последние 10 дней он стал как бы на 20 лет моложе, что «благоразумие одержало полную победу», что «понедельник 10 апреля вселил «великий ужас« в сердца врагов чартизма» и т. д. О'Коннор даже предсказывал, что в скором времени («через неделю после пасхи») министры будут прогнаны со своих постов и заменены новыми, которые серьезно займутся «Народной хартией».

Но едва ли и сам О'Коннор верил в свои слова. В действительности демонстрация 10 апреля, конечно, не удалась. И враги чартистов прекрасно понимали это. Стоит привести следующую выдержку из письма Пальмерстона, чтобы сразу представить себе торжество господствующих классов. «Дорогой Норменби!— писал 11 апреля Пальмерстон своему другу, английскому послу в Париже,— славный день был вчера — Ватерлоо мира и порядка! Говорят, были поставлены на ноги 100 тысяч специальных констэблей, некоторые считали число их в 250 тысяч. Улицы были наводнены ими, и люди всех классов и рангов сплотились в защиту закона и собственности. Чартисты имели довольно жалкий вид и собрали не более 15 тысяч человек... Они теперь убедились, что громадная масса населения Лондона не с ними, и они, вероятно, сейчас на некоторое время притихнут, ожидая более благоприятного момента».

---

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. X, стр. 274.

Чартистская петиция в парламенте

Учитывая неудачу чартистской демонстрации, парламент отнесся подчеркнуто равнодушно к представленной ему петиции. Она была сдана в Комитет по рассмотрению публичных петиций. Комитет занялся расследованием подписей. При помощи тринадцати парламентских клерков был произведен подсчет. 13 апреля комитет со злорадством докладывал палате, что, вопреки заявлению О'Коннора о 5 700 000 подписей, признано только 1 975 496. Среди подписей, указывал комитет, некоторые имена и фамилии оказались явно поддельными. Так, среди подписавшихся значились, якобы, королева Виктория, герцог Веллингтон, Роберт Пиль и други. Консервативно настроенные члены парламента уцепились за формальный предлог и отказались обсуждать содержание петиции. На самом деле парламент совершил подлог, потому что никакого действительного изучения и расследования подписей Хартии не было. «Если даже комиссия нижней палаты и расследовала петицию, что мало вероятно,— замечает Энгельс,— то она совершенно не была в состоянии отличить подлинные [подписи] от подложных»[1].

Сами чартисты понимали, что парламент прибег в данном случае к явному подлогу. О'Коннор совершенно правильно возражал против подозрительной быстроты, с которой был произведен клерками парламента подсчет имен. Он указывал, что, если верить Комитету, то один счетчик в одну минуту должен был пересчитать 150 имен. Палата не приняла во внимание заявление лидера чартистов. Больше того, один член Комитета, некто Крипс, бросил оскорбление по адресу О'Коннора, обвинив его в нечестности. Возмущенный О'Коннор покинул заседание, послав Крипсу вызов на дуэль. Спикер потребовал его возвращения. Когда О'Коннор отказался это сделать добровольно, за ним был послан парламентский пристав, и он был доставлен в палату, как арестованный. В конце концов Крипс вынужден был взять свои слова обратно, и инцидент был исчерпан, но рассмотрение петиции было отложено на неопределенный срок.

Только спустя 15 месяцев после подачи петиции, после того как О'Коннор вновь внес предложение о Хартии, парламент вернулся к этому вопросу. Но и на этот раз результат был отрицательный. Только 15 членов парламента голосовали за Хартию, 224 голоса были поданы против. «Народу снова нанесено оскорбление. Хартия еще раз отвергнута парламентом...»,— с горечью писал Гарни.

Неудача демонстрации 10 апреля имела очень большое значение. Она доказала порочность руководства О'Коннора, его неспособность возглавить освободительную борьбу пролетариата; еще раз обнаружились и слабые стороны самого чартистского движения. Критикуя тактику чартистов, Энгельс еще задолго до событий 1848 г. писал: «Единственной руководящей идеей, рисовавшейся рабочим, как и чартистам, которым она, собственно, и принадлежит, являлась революция законным путем — противоречие само в себе, практическая невозможность, на проведении которой они потерпели неудачу»[2]. Это замечание Энгельса непосредственно относилось к предшествующим этапам чартистского движения (к борьбе чартистов в 1839 и 1842 гг.). Но с начала 1848 г. чартистские вожди (в особенности О'Коннор) упорно повторяли ту же самую основную ошибку, притом в такое время, когда ирландский народ вооружался, готовился к восстанию, и когда почти во всех странах континентальной Европы назревали и уже начинались революции.

Чартистское руководство виновато было и в том, что массовая демон-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 560.
[2] Там же, т. II, стр. 273.

страция была организована слишком поздно. Наиболее тяжелые времена сельскохозяйственных бедствий (1845—1847 гг.) и торгово-промышленного кризиса (1847 г.) были уже пережиты. Часть беднейших слоев населения Великобритании (особенно ирландцы) эмигрировала. В сложившихся условиях подъем революционного движения на континенте способствовал росту революционных настроений среди английских рабочих, но в то же время он умерял оппозиционность мелкой буржуазии, толкал ее в лагерь противников пролетариата. «Социалистические лозунги победоносных французских рабочих,— писал Энгельс,— напугали английскую мелкую буржуазию и внесли дезорганизацию в движение английских рабочих, протекавшее в более узких рамках, но имевшее непосредственно более практический характер. Как раз в тот момент, когда чартизм должен был развернуться во всю свою силу, в нем уже произошел внутренний надлом еще раньше, чем наступил его внешний крах 10 апреля 1848 г.»[1].

Возобновление чартистских митингов

Конвент продолжал заседать еще две недели после 10 апреля. По его предложению в стране возобновились митинги, снова принявшие в ряде городов грандиозный характер. Предпасхальная неделя 16—22 апреля особенно была заполнена митингами. На некоторых из них, например в Эбердине и Глазго, выносились резолюции о создании национальной гвардии. В Ньюкасле, Гулле, Ливерпуле, Бристоле, Вустере, Лидсе и других местах происходили многолюдные митинги, выносились резолюции о поддержке Конвента и собирались дополнительные подписи к петиции.

21 апреля на митингах происходили выборы делегатов в чартистское Национальное собрание. Избирателям не было ясно, что оно будет представлять собою. В среде самих чартистских лидеров возникли резкие разногласия по вопросу о новом собрании. О'Коннор решительно заявил, что он против его созыва как якобы незаконного и совершенно ненужного для дела «Народной хартии». Отказ О'Коннора принять участие в чартистском Национальном собрании доказывал его отход от революционного движения и полную неспособность руководить движением в новой, усложнившейся обстановке. Чтобы не терять связи с «Полярной звездой», руководимой О'Коннором, Гарни примкнул к нему и также отказался участвовать в Национальном собрании. Эрнст Джонс, наоборот, горячо поддерживал идею созыва Национального собрания. Большинство членов Конвента также высказалось за созыв Собрания. В Национальном собрании предполагалось участие 100 делегатов от различных округов Англии, но съехалось всего около 60.

Чартистское Национальное собрание

Национальное собрание открылось 1 мая 1848 г. Председателем его был избран Диксон. Были заслушаны сообщения с мест, но они не отразили истинных настроений рабочей массы. Если в начале апреля делегаты Конвента говорили о боевой готовности масс, то теперь большинство делегатов Национального собрания высказывалось против применения насильственных мер. Левые лидеры Джонс и Мак-Доуэль настаивали на создании организованной чартистской ассоциации. Собрание приняло расплывчатое решение о вооружении народа, но оно так и не решило вопроса о тактике борьбы. Были приняты тексты обращений к народу о сборе средств для чартистской агитации, о бедственном положении рабочего класса, а также резолюции о верности «Народной хартии», о расторжении ирландской унии 1801 г. и т. д. Национальное собрание много спорило относительно докладной записки, иначе мемориала, который

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 194.

должен был быть представлен непосредственно королеве Виктории. Но этот вопрос также не был окончательно решен и был передан Исполнительному комитету, избранному Национальным собранием. После этого Национальное собрание постановило разойтись. Оно заседало около двух недель — с 1 по 13 мая, так и не приняв каких-либо окончательных решений. Закрывая собрание, Эрнст Джонс заявил, что он делает это «с тяжелым чувством». Правда, он утешал себя и присутствующих тем, что чартисты добились на собрании двух вещей: единения и независимости. Но фактически речь Джонса свидетельствовала о начавшемся упадке и развале чартистского движения.

В начале июня Исполнительный комитет опубликовал текст докладной записки на имя королевы. Несмотря на вполне лойяльный и весьма почтительный тон записки, она не была принята королевой, отказавшей чартистам в аудиенции.

Репрессии правительства

Правительство вскоре само перешло в наступление против чартистов. Буржуазию еще пугали настроения революционных рабочих. После 10 апреля центр чартистского движения передвинулся на север Англии, в промышленные районы. Там началось открытое производство холодного оружия, создавались вооруженные отряды национальной гвардии. На митинги и демонстрации рабочие являлись вооруженными. По вечерам чартисты проводили систематическое обучение пользованию оружием. Будущий министр Форстер, живший в Бредфорде, писал в мае 1848 г.: «Я нахожу положение в городе весьма тревожным; сторонники „физической силы“ приобрели большое влияние..., огромное число людей вооружено и по ночам упражняется... Средние слои в страхе и охвачены беспокойством». В это время между чартистами и членами Ирландской конфедерации, объединенными вокруг Митчела, установилась, наконец, прямая организационная связь.

29 мая, в связи с известием об аресте и ссылке Митчела, вождя ирландских революционеров, в наиболее промышленных районах Лондона (Клеркенуэлл-Грин и Бетнал-Грин) произошли разрозненные выступления чартистов, разогнанные полицией. Новая, также неудачная попытка восстания была сделана 12 июня в Лондоне. Английская буржуазия, опасавшаяся нового выступления народных масс, потребовала, чтобы в Лондон были стянуты дополнительные отряды войск. 11 июня Лондон наполнился отрядами полиции и морской пехоты; выступление 12 июня было подавлено.

Революционные настроения рабочих проявлялись летом 1848 г. и в северном промышленном районе — Ланкашире и Иоркшире. Об этом свидетельствует ряд фактов. В Манчестере, Галифаксе, Лидсе, Бредфорде происходили в конце мая и начале июня массовые митинги, переходившие в ряде случаев в столкновения с полицией.

В начале июня правительство решило осуществить намеченные им репрессивные меры. Начались массовые аресты наиболее активных чартистов. В короткий срок было арестовано и заключено в тюрьму до 500 чартистов, из них 300 в Лондоне. Среди арестованных был и Эрнст Джонс. Судили его спустя месяц — 7 июля — и приговорили к двум годам тюрьмы. Остальные обвиняемые также были приговорены к полутора или двум годам заключения.

Отношение чартистов к июньскому восстанию парижских рабочих

Известие об июньском восстании рабочих Парижа встретило живой отклик среди революционных рабочих Англии. Чартисты, руководимые Джулианом Гарни, ответили на подавление парижского июньского восстания манифестом, выражавшим горячее сочувствие французскому пролетариату и признание интернационального характера

его борьбы. В обращении «Общества братских демократов» к рабочим Великобритании и Ирландии, напечатанном в «Полярной звезде» от 8 июля 1848 г., говорилось: «Братья! Долг велит нам обратиться к вам с призывом о защите наших братьев, парижских пролетариев, явившихся жертвой предательства, убийств и клеветы. Парижская буржуазия добилась „боя“, которого она так жаждала. Она растерзала основателей республики. Она убивала женщин и детей. Она позволила себе роскошь массовых убийств». Воззвание заканчивалось выражением глубокой веры в конечное торжество трудящихся: «Красный флаг, сорванный в Сент-Антуанском предместье, не побежден. Вера в то дело, символом которого является этот флаг, живет и растет не только в Париже, но и в каждом месте, где живут трудящиеся, и не только одно, но даже сотни поражений не помешают торжеству этого дела...».

Вслед за контрреволюцией, наступившей после июньских дней во Франции, английское правительство обрушило свирепые репрессии как на чартистов, так и на ирландских революционеров. Суды над арестованными чартистами, в частности над Эрнстом Джонсом, происходили как раз в первую половину июля, под непосредственным впечатлением недавних парижских событий.

К концу 1848 г. чартистское движение снова, как в 1839 и 1842 гг., было на некоторое время обезглавлено. Правда, О'Коннор оставался на свободе. Политические расхождения с Джонсом не мешали ему на страницах «Полярной звезды» горячо протестовать против ареста Джонса и других чартистов.

Бронтер О'Брайен, Эрнст Джонс, Мак-Доуэль, Самуэль Кидд, а вскоре и Джулиан Гарни, Робер Гаммедж и другие видные чартистские деятели решительно отказывались признавать руководство О'Коннора.

Неудача земельного плана О'Коннора

С этого времени в центре деятельности О'Коннора становится борьба за земельную реформу. Чартистская национальная земельная компания имела в 1848 г. шесть поместий площадью в 1610 акров, стоимостью в 47 482 ф. ст. Компания построила 250 жилых домов и поселила в них группу рабочих в качестве коттеджеров (с наделом в 1 акр земли). Совершенно очевидно, что число таких «устроенных» в деревне рабочих было крайне ничтожно по сравнению с общей массой тогдашнего английского пролетариата. Но и положение этих рабочих колоний было весьма непрочно. Правительство стремилось и здесь повредить чартистам, скомпрометировать их практические мероприятия, направленные к попыткам хотя бы частичного освобождения рабочих от власти капитала. Парламент поддерживал в этом правительство. Парламентская комиссия, производившая в августе 1848 г. расследование дел национальной земельной компании, пришла к единогласному заключению, что дела этой компании ведутся плохо, что она является незаконной организацией, противоречащей уставу об обществах взаимопомощи 1847 г., и потому подлежит ликвидации. В сентябре 1848 г. парламент утвердил доклад комиссии. Впрочем рабочие поселения просуществовали и после этого еще некоторое время. Окончательный крах о'конноровского земельного общества произошел несколько позднее—в 1851 г. Неудача земельных проектов О'Коннора привела к падению его влияния в массах, до сих пор полностью ему доверявших.

Упадок чартистского движения

В 1849 г. чартистское движение формально еще продолжало существовать. Продолжала выходить и газета «Полярная звезда». Почти в каждом номере газеты можно было встретить чартистские лозунги и статьи о «Народной хартии». Даже О'Коннор продолжал призывать чартистов к мужеству и энергии и повторять свой клич: «Хартия — и

никаких уступок!» В номере «Полярной звезды» от 28 июля 1849 г. он опубликовал открытое письмо королеве. в котором подписался: «Ваш кузен, король Фергюс, милостью народа...».

Нс прекращались и чартистские митинги. О'Коннор, Гарни, Томас Кларк и другие чартистские лидеры выступали на них не без успеха. Особенно оживленно проходили те митинги, на которых ставились вопросы международной политики. Рабочие Англии выражали горячее сочувствие национально-революционной борьбе в Италии, Венгрии, Польше.

И все же в 1849 г. чартистское движение умирало. Митинги 1849 г. уже не были похожи на митинги 1839, 1842 и 1848 гг. Они вырождались в обычные публичные митинги, не затрагивавшие основ существующего порядка. Вооруженные выступления и столкновения с полицией почти совершенно прекратились. О «Народной хартии» говорили часто, но уже без веры в ее успех. И даже отказ парламента принять ее в июле 1849 г. не произвел в рабочих и вообще в демократических кругах такого впечатления, какое произвел, например, отказ того же парламента рассмотреть чартистскую петицию годом раньше, весной 1848 г.

В 1849 и в 1850 гг. чартистское движение раздробилось на ряд фракций, враждовавших друг с другом.

Деление на фракции достаточно резко выявилось уже и в 1848 г. В следующие годы оно завершилось окончательным расколом на умеренное, оппортунистическое направление во главе с О'Коннором и на революционную фракцию во главе с Гарни и Джонсом. Маркс так характеризовал положение чартизма в 1849—1850 гг.:

«Нынешняя организация чартистской партии также разлагается. Мелкие буржуа, находящиеся еще в партии, вместе с рабочей аристократией составляют чисто демократическую фракцию, программа которой ограничивается народной хартией и несколькими другими мелкобуржуазными реформами. Масса рабочих, живущих в действительно пролетарских условиях, принадлежит к революционной чартистской фракции. Во главе первой стоит Фергус *О'Коннор*, во главе второй — Джулиан *Гарни* и Эрнест *Джонс*. Старый О'Коннор, ирландский сквайр, претендующий на звание потомка древних королей Мюнстера, несмотря на свое происхождение и политическое направление, является истинным представителем старой Англии. По всей своей природе он консервативен и питает весьма определенную ненависть как к промышленному прогрессу, так и к революции. Все его идеалы насквозь проникнуты патриархально-мелкобуржуазным духом. Он соединяет в себе невыразимую массу противоречий, находящих свое разрешение и гармонию в известном плоском common sense (здравом смысле) и дающих ему возможность из года в год писать свои еженедельные длиннейшие письма в «Northern Star» (Полярная звезда), причем обыкновенно каждое новое письмо находится в явном противоречии с предыдущим. Именно поэтому О'Коннор считает себя самым последовательным человеком во всех трех королевствах, в течение двадцати лет предсказывавшим все события. Его широкие плечи, его львиный голос, его замечательное искусство в боксе, благодаря которому он однажды отстоял ноттингэмский рынок от толпы более чем в двадцать тысяч человек,— все это характерно для представителя старой Англии. Ясно, что человек, подобный О'Коннору, должен быть большим препятствием в революционном движении. Но такие люди именно и полезны тем, что вместе с ними и в них исчезает масса давно укоренившихся предрассудков и что движение, когда оно, в конце концов, побеждает этих людей, раз навсегда избавляется и от предрассудков, представителями которых они являются»[1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 243—244.

Но, кроме этого основного разделения в рядах чартистов, для движения 1849—1850 гг. характерно было появление многочисленных новых политических организаций, по существу подменявших революционные лозунги чартизма оппортунистической программой. Эти организации основывались частью самими же наиболее умеренными чартистами, которые пытались привлечь к движению в качестве союзников мелкобуржуазные элементы и шли поэтому на соответствующие политические уступки, частью же они создавались радикалами, стремившимися в собственных политических целях привлечь на свою сторону рабочие массы путем «перехватывания» некоторых чартистских лозунгов. Из этих организаций следует назвать прежде всего Национальный союз, организацию старого чартиста, лидера партии «моральной силы» Уильяма Ловетта, который в 1849 г. стал особенно близок к Кобдену, Юму и другим радикалам. Бронтер О'Брайен, также сильно поправевший к этому времени, основал в Лондоне Национальную лигу реформ, имея в виду с ее помощью осуществить планы земельной и денежной реформы. Третий чартистский лидер Томас Кларк со своими последователями создал особую Национальную лигу хартии, куда стремился привлечь также и буржуа — сторонников свободной торговли. Фритредеры, с своей стороны, организовали собственную Лигу национального возрождения, ставившую своей задачей проведение парламентской реформы без хартии. Движение радикала Джозефа Юма, выдвинувшего лозунг «Малой хартии», показалось наиболее приемлемым для тех чартистов, которые сами скатывались на мелкобуржуазные позиции. Из шести пунктов «Народной хартии» Юм оставлял только три, да и то в урезанном виде: всеобщее избирательное право (но лишь для квартиронанимателей), короткие парламенты (но трехгодичные, а не ежегодные перевыборы) и тайное голосование.

Сам О'Коннор призывал читателей «Полярной звезды» присоединиться «душой и телом» к «новой ассоциации парламентской реформы» Юма, чтобы с ее помощью сокрушить «подлый феодальный режим» и таким путем избежать «кровавой революции».

Все эти буржуазные и мелкобуржуазные организации с их громкими лозунгами, заимствованными у чартистов, и с малыми «практическими делами», которые обычно противопоставлялись активным революционным действиям, сильно вредили чартизму, раздробляя и без того ослабевшее движение на мелкие ручейки и ведя к утере чартизмом его самостоятельной классовой позиции.

Другой факт, характерный для чартизма в 1849 г.,— это фактическое прекращение деятельности центрального чартистского органа — Исполнительного комитета. В октябре 1849 г. из состава Исполнительного комитета вышел Самюэль Кидд, его ответственный секретарь и один из самых деятельных его членов. В письме, напечатанном в «Полярной звезде», Кидд указывал на полное отсутствие у Комитета денежных средств и признавался, что чартистская ассоциация существует фактически только на бумаге.

В конце 1849 г. в Лондоне состоялась небольшая конференция лондонских делегатов, которая взамен развалившегося старого Исполнительного комитета выбрала новый, Временный исполнительный комитет в составе пяти членов. Но на конференции обнаружились резкие разногласия между прежними лидерами — Гарни, О'Коннором, Кларком и Рейнольдсом — по вопросу об отношении к реформаторским группировкам радикалов.

Во второй половине 1850 г. и в 1851 г. чартистское движение на время оживилось. К этому времени были освобождены из тюрьмы Эрнст Джонс и некоторые другие лидеры. Возобновились чартистские митинги. Было проведено несколько чартистских конференций. Из них наибольшего

внимания заслуживает лондонская конференция конца марта — начала апреля 1851 г., на которой присутствовало 30 делегатов (среди них О'Коннор, Гарни и Джонс); она приняла развернутую программу чартистских политических и социальных требований.

При все том чартистское движение явно шло на убыль. В 1852 г. прекратилось издание «Полярной звезды». В 1855 г. умер О'Коннор. Последние годы жизни он провел в больнице для душевнобольных.

Гарни и Джонс пытались возродить движение в 1852—1854 гг. В марте 1854 г. в Манчестере был созван чартистский рабочий парламент,которому Маркс в ответ на избрание его почетным делегатом послал приветственное письмо[1]. В этом письме Маркс советовал чартистам сосредоточить все свое внимание на организации крепкой, сплоченной партии. Однако практически манчестерский съезд 1854 г. больше занимался выработкой кооперативного плана, чем организационными вопросами. Оживление чартистского движения в начале 50-х годов не носило глубокого характера. Чартизма как массового революционного движения к этому времени уже не существовало. Местные чартистские организации фактически прекратили свое существование. Рабочее движение шло уже по другим руслам — трэд-юнионизм и кооперация привлекали к себе многих, особенно квалифицированных, рабочих. В отличие от 40-х годов, английские рабочие 50-х годов почти совсем перестали интересоваться политической борьбой, предоставив на некоторое время вопрос о парламентской реформе либералам и радикалам.

Контрреволюционная роль английского капитализма и его агрессивность

«Английский капитализм,— писал И. В. Сталин в 1927 г.,— всегда был, есть и будет наиболее злостным душителем народных революций. Начиная с великой французской буржуазной революции конца XVIII века и кончая происходящей ныне китайской революцией, английская буржуазия всегда стояла и продолжает стоять в первых рядах громителей освободительного движения человечества»[2].

Широка была арена контрреволюционной деятельности английской буржуазии и ее правительства в рассматриваемое время: в самой метрополии беспощадно преследовались активные чартисты, лучшие представители рабочего класса Англии; в Ирландии — борцы за национальную независимость страны, деятели революционного крыла Конфедерации; на Ионических островах — греки, пытавшиеся сбросить с себя цепи английского протектората. Одновременно, почти во всех странах Европы, английское правительство оказывало прямую или косвенную помощь контрреволюционным силам. Но и великие страны Азии в результате поражения, понесенного в 1848—1849 гг. трудящимися массами в Европе, на долгие времена подверглись жесточайшему порабощению, особенно со стороны наиболее опытной в колониальных грабежах английской буржуазии. Знаменательно, что именно в 1848 г., с захватом Пенджаба, завершилось в основном завоевание англичанами Индии. Великий, чрезвычайно одаренный народ этой колоссальной страны и ранее, задолго до событий 1848 г., переносил различные тяжелые испытания. Но ничто не могло сравниться с теми величайшими страданиями, которые принесло Индии утвердившееся в середине XIX в. господство англичан. Маркс писал в 1853 г.: «Гражданские войны, вторжения, завоевания, голод,— все эти сменяющие друг друга бедствия, какими бы сложными, бурными и разрушительными ни казались они для Индостана, затрагивали только

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 259—260.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 324.

его поверхность. Англия же подорвала самое основание индусского общества, не обнаружив до сих пор никаких попыток к его преобразованию»[1]. Разумеется, индусы не безропотно шли в кабалу поработителей-англичан. Но все происходившие в Индии в 50-х годах народные восстания, разрозненные, неорганизованные и слабые по своим боевым средствам, были быстро и с зверской жестокостью подавлены английской солдатней. Английская буржуазия не удовлетворилась, однако, завоеванием Индии. Вместе с американской и французской буржуазией она проникала в дальневосточные страны. Навязав Китаю свой первый кабальный договор еще до 1848 г., после первой англо-китайской «опиумной войны», английское правительство спровоцировало в 1856 г. новый конфликт с Китаем и вместе с США и Францией начало против Китая вторую «опиумную войну», вскоре принудив Китай к новым жертвам.

Причины неудачи чартистского движения в 1848 г. и его упадка в 50-х годах XIX в.

Повторение лидерами чартизма прежней порочной тактики, т. е. повторение уже осужденной Энгельсом попытки совершить революцию легальным путем, неумение соединить пролетарскую, социалистическую теорию (созданную Марксом и Энгельсом) с рабочим движением, отсутствие подлинно пролетарской партии, отсутствие своевременно организованных и широких связей с ирландскими революционерами, а также та международная обстановка 1848—1849 гг., которая характеризовалась почти неуклонным и повсеместным ростом контрреволюции,— таковы главнейшие причины поражения чартистского движения в 1848—1849 гг.

Немалую роль в неудаче всего движения сыграл внутренний кризис — раскол среди руководства чартистов и ирландских революционеров. С одной стороны, наиболее революционные лидеры, арестованные правительством, на продолжительное время, а то и совсем, должны были прекратить свою революционную деятельность. С другой стороны, обнаружилась неспособность старых лидеров (вроде О'Коннора и О'Брайена) руководить движением в новой, более сложной, обстановке развивавшейся классовой борьбы.

Основным моментом, определившим угасание революционного движения в Великобритании в 50-х годах, было своеобразное положение английского капитализма в ту эпоху. В Англии середины XIX в. капиталистические отношения были гораздо более развиты, чем во всех других странах. Вместе с тем английский капитализм находился еще тогда на восходящей линии своего развития. Получая огромные прибыли от своих промышленных и торговых предприятий, и особенно от своих колоний, английская буржуазия шла на известные уступки рабочему классу, особенно его квалифицированной верхушке. Введение 10-часового рабочего дня несколько улучшило положение рабочих по сравнению с первыми временами промышленной революции. Удешевление хлеба и прочих продуктов питания понижало стоимость производства английских промышленных товаров и увеличивало их сбыт на заграничных рынках. Выгоды от этого ощущала на своем бюджете и часть английского пролетариата (квалифицированные рабочие).

«Особенностью Англии,— писал В. И. Ленин,— было уже с половины XIX века то, что по крайней мере *две* крупнейшие отличительные черты империализма в ней находились налицо: (1) необъятные колонии и (2) монопольная прибыль (вследствие монопольного положения на всемирном рынке). В обоих отношениях Англия была тогда исключением среди капиталистических стран, и Энгельс с Марксом, анализируя это исключение,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 347.

совершенно ясно и определенно указывали *связь* его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении»[1].

Чартизм сошел со сцены. Но уроки народных движений 30-х и 40-х годов не прошли даром для господствующих классов Англии. Английский парламент в 1848—1849 гг. категорически отказывался принять шесть пунктов «Народной хартии». Но вопрос о новой парламентской реформе все-таки был признан очередным и впоследствии был разрешен в известной мере в духе чартистских требований. «Чартисты и организованное ими забастовочное движение,— говорил И. В. Сталин в беседе с Г. Д. Уэлсом,— сыграли большую роль, заставили господствующие классы пойти на ряд уступок в области избирательной системы, в области ликвидации, так называемых, „гнилых местечек", осуществления некоторых пунктов „хартии". Чартизм сыграл свою не малую историческую роль и побудил одну часть господствующих классов пойти на некоторые уступки, на реформы, во имя избежания больших потрясений»[2].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 100—101.

[2] И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 10-е, 1936, стр. 611.

Глава пятьдесят пятая

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ИРЛАНДСКОГО НАРОДА В 1848 Г.

В работах основоположников марксизма многократно отмечалось значение Ирландии, как одной из важнейших колоний Англии; отмечалась также чрезвычайная жестокость английской, буквально—истребительной эксплуатации ирландского народа. Незадолго до событий 1848 г. Энгельс писал: «Английская промышленность не могла бы развиться так быстро, если бы Англия не нашла в многочисленном и бедном населении Ирландии резерва, готового к ее услугам»[1]. Яркими, навсегда запоминающимися штрихами обрисовал Энгельс ту ужасающую нищету, в которой пребывал под игом англичан почти 9-миллионный ирландский народ (в основном — земледельческий полупролетариат и пролетариат) в середине 40-х годов, т. е. еще до начала сельскохозяйственных бедствий и торгово-промышленного кризиса 1847 г. «С наступлением весны,— писал Энгельс, характеризуя жизнь основной массы населения Ирландии,— когда запас картофеля приходит к концу или, прорастая, становится несъедобным, жена с детьми отправляется нищенствовать и с чайным котелком в руках странствует по всей стране, а муж, посадивши картофель, отправляется искать работы или здесь же, или в Англии, а осенью к сбору картофеля возвращается. Таково положение девяти десятых всего сельского населения Ирландии. Они бедны, как церковные мыши, одеты в жалкие отрепья и стоят на самой низкой ступени развития, какая только возможна в полуцивилизованной стране»[2].

Положение трудящихся масс Ирландии в 40-х годах XIX в.

Энгельс пояснил и причину бедности ирландского народа: «Причина этой бедности — существующие социальные условия... Пытались отыскивать и другие причины. Утверждают, что причиной этого является способ аренды: землевладелец сдает свою землю большими участками арендаторам, которые сдают эту землю более мелкими участками другим арендаторам, те в свою очередь сдают ее еще более мелкими участками третьим и т. д., так что между землевладельцем и арендатором, действительно обрабатывающим землю, стоит иногда до десяти промежуточных арендаторов»[3]. Но, как подчеркивал далее Энгельс, и самый порядок аренды, и позорные законы о взаимоотношениях арендаторов и землевладельцев «...обусловливают только *форму*, в которой проявляется нищета»[4].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 383.
[2] Там же, стр. 549.
[3] Там же, стр. 549—550.
[4] Там же, стр. 550.

Нищета, описанная Энгельсом, в 1844—1845 гг. была, казалось, предельной. Уже в эти годы вспыхивали в Ирландии волнения, производились убийства «...агентов и верных слуг землевладельцев, протестантских переселенцев, крупных арендаторов, владения которых составились из картофельных участков сотен прогнанных семейств и т. д.» [1]. В то же время шла агитация за *отмену* (по-английски — *рипил*) унии Ирландии с Великобританией, т. е. за национальное освобождение Ирландии.

Маркс и Энгельс придавали огромное значение национальной борьбе в Ирландии, выливавшейся в форму борьбы против унии. В ряде решений и обращений Генерального Совета Интернационала Маркс показывает значение этой борьбы. «Если Англия является крепостью лендлордизма и европейского капитализма,— писал Маркс,— то единственный пункт, где можно нанести сильный удар официальной Англии, представляет собой *Ирландия*.

Во-первых, Ирландия является главной крепостью английского лендлордизма. Если он рухнет в Ирландии, то он должен будет рухнуть и в Англии. В Ирландии эта операция осуществима во сто раз легче, потому что *экономическая борьба сосредоточена там исключительно на земельной собственности*, потому что там эта борьба есть в то же время и *национальная* борьба... Лендлордизм в Ирландии поддерживается исключительно при помощи *английской армии*. Как только прекратится принудительная уния этих двух стран, в Ирландии вспыхнет социальная революция, хотя и в устаревших формах» [2].

Нетрудно себе представить, с какой громадной силой обострились классовые и национальные противоречия в Ирландии, когда, начиная с осени 1845 г., в течение трех лет подряд, трудящиеся массы этой страны стали испытывать сначала сельскохозяйственные бедствия (в 1845 г. в Ирландии картофель, основная пища трудящегося населения, почти вовсе не уродился; в следующие годы, одновременно с недородами картофеля, был неурожай хлеба и других полевых культур), а потом — в 1847 г.— и тяжкий торгово-промышленный кризис, вызвавший массовую безработицу.

Все эти условия, разумеется, не могли не оказать сильнейшего влияния на развитие национального движения в Ирландии.

Различные течения в ирландском национально-освободительном движении

«Верхи» ирландского общества — буржуазия и часть помещиков—до 40-х годов были представлены в национальном движении Католической ассоциацией, созданной Даниэлем О'Коннелем для борьбы за политическое равноправие католиков с протестантами, а в 40-х годах — Ассоциацией рипилеров, ставившей своей целью отмену закона об унии. Эти ассоциации всегда ограничивали борьбу «законными» рамками, и О'Коннель со своей «бригадой», т. е. ирландской фракцией в английском парламенте, наивно надеялся, что, поддерживая вигов, он добьется законодательных уступок в самоуправлении Ирландии.

«Низы» Ирландии вели свою упорную, длившуюся многие десятилетия борьбу. Многочисленные крестьянские тайные общества выступали против чрезвычайно тяжелой арендной платы, против самовольного выселения фермеров, против наглого произвола владельцев земли и их управляющих.

Эта борьба являлась в то же время и национальной борьбой против господства английских лендлордов.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. III, стр. 551.
[2] Там же, т. XIII, ч. 1, стр. 347.

ВЫСЕЛЕНИЕ ИРЛАНДСКИХ ФЕРМЕРОВ

Ксилография. 1848 г.

Ирландские рабочие вследствие своей слабости и неорганизованности не могли возглавить это движение, но они составляли наиболее революционное ядро ирландского национального движения. Включившись в национально-освободительную борьбу, рабочие сразу встретили противодействие собственной буржуазии. Ассоциация О'Коннеля выступила против первых же попыток рабочего класса создать самостоятельные организации. Особенно враждебно относились О'Коннель и его сторонники к чартистскому движению в Ирландии.

Возглавлявшая национальное движение буржуазия была вынуждена апеллировать к массе крестьянского и городского населения, но она всячески старалась избегать революционных методов борьбы.

Ирландские лендлорды, напуганные ростом аграрного движения, предпочитали союз с английскими правящими классами и уже осенью 1847 г. обратились к английской королеве с просьбой защитить их от «беспорядков», царящих в стране. Ответом английского парламента был закон о немедленной сдаче всего имеющегося у населения оружия, о запрещении выхода из дома после определенного времени и о праве полиции производить обыски в любом помещении.

Обострившаяся в 1846—1847 гг. классовая борьба толкала массы на более активные действия, и среди рипилеров росло недовольство политикой О'Коннеля. Недовольные группировались вокруг газеты «Нация», возглавлявшейся Чарльзом Даффи и Диллоном, которые боролись за отмену унии без помощи англичан. Эта оппозиция О'Коннелю, известная под именем «Молодой Ирландии», ставила своей целью просвещение народа, развитие собственной ирландской культуры и «возрождение национального духа».

В конце 1846 г. в Ассоциации рипилеров произошел раскол, и отколовшиеся «молодые ирландцы» создали свою собственную организацию —

Ирландскую конфедерацию, руководящее ядро которой составляли О'Брайен, Даффи, Мигер, Митчел, Рейли, Диллон, Догени, О'Горман и другие. Наиболее решительную борьбу против коннелистов вел Митчел, справедливо утверждавший, что «худшим врагом Ирландии после британского правительства является О'Коннель...».

Но в Конфедерации не было единства по вопросу о целях и методах борьбы. Ее правое крыло, представленное О'Брайеном, Даффи, Догени и другими и отражавшее интересы среднего ирландского джентри и буржуазии, стремилось перевести массовое национальное движение с пути классовой борьбы на путь «конституционных действий». Несмотря на решение о разрыве с коннелистами, они делали попытки (весной и летом 1848 г.) примириться с Ассоциацией рипилеров, которую с 1848 г. возглавлял сын умершего Даниэля О'Коннеля — Джон О'Коннель.

Левое крыло, возглавлявшееся Митчелом, Рейли и Лалором, считало главной силой в борьбе за независимую Ирландскую республику крестьянское население острова и открыто ориентировалось на вооруженное восстание.

К концу 1847 г. Конфедерация насчитывала уже около 11 тыс. человек, объединявшихся в 17 клубах. Она охватывала в основном городское население: рабочих, мелких торговцев, служащих, интеллигенцию; к ней примыкала и часть помещиков; возглавлялась она либерально настроенной буржуазией. Руководитель Ирландской конфедерации О'Брайен, принадлежавший к крупнопомещичьей семье, был тесно связан с ирландским джентри. О'Брайен, стремясь подчинить классовую борьбу общенациональной задаче, с первых дней возникновения Конфедерации выступал с проповедью классового мира как единственного, по его мнению, залога успеха в борьбе с английским господством.

«Мы хотим,— говорил О'Брайен,— иметь ирландский парламент, издающий законы для Ирландии, ирландское правительство, ответственное перед парламентом и составленное из ирландцев, ирландскую армию и ирландский флот, ирландскую национальную гвардию. Этого мы сможем добиться только путем мирной, законной агитации».

Расхождение во взглядах вызвало на собрании дублинских конфедератов бурную дискуссию, продолжавшуюся с 5 до 7 февраля 1848 г О'Брайеном был предложен ряд резолюций, наиболее полно отражавших точку зрения правого крыла Конфедерации. Суть их сводилась к следующему:

1) Ирландская конфедерация образована исключительно с целью защиты национальных интересов, чтобы силой убеждения и сотрудничества всех классов добиться законодательной независимости Ирландии; 2) единственной силой, способной добиться освобождения, является союз всех классов независимо от религиозных различий; 3) Конфедерация отказывается от всякого намерения вовлечь страну в гражданскую войну; 4) безоговорочно осуждает призывы крестьян к отказу от платежа налогов или ренты; 5) категорически возражает против призывов к оружию, считая это гибельным для народа; 6) ставит своей целью строго конституционными действиями добиваться доступа в парламент для всех классов.

Таким образом, правое крыло Конфедерации не шло дальше требований самоуправления для Ирландии, при сохранении всех позиций английского землевладения в стране. Но существовала другая программа национальной борьбы, программа, изложенная Митчелом, Лалором и Рейли в ряде выступлений и статей и рассчитанная на развертывание одновременно с национальным движением и классовой борьбы.

Основную и решающую силу национального движения Митчел и Лалор видели, как уже сказано, не в союзе буржуазии с ирландскими помещиками, а в крестьянстве, выступающем рука об руку с мелкой буржуазией и городскими рабочими.

Лозунг «Ирландия для ирландцев», утверждал Митчел, означает в первую очередь, что земля должна принадлежать ирландским крестьянам. Не агитация за отмену унии, а отказ крестьян платить налоги и ренту, вооруженное сопротивление при попытках изгнать их из их же домов, пропаганда вооруженного восстания, — вот методы борьбы, предлагавшиеся левым крылом Конфедерации.

ДЖОН МИТЧЕЛ
Ксилография. 1848 г.

«Земля, — писал Лалор в «Айриш Фелон», — вместе со всем, что она производит, есть свободная и общественная собственность, принадлежащая всему народу. Все люди равны, и никто поэтому не имеет права захватывать в свою собственность какую-либо часть земли... Поэтому отказ от уплаты ренты есть законный акт, так как ренту крестьяне должны платить самим себе, как единственным хозяевам земли». Лалор требовал осуществления в процессе революции национализации земли.

И Митчел, и Лалор, так же как и остальные представители левого крыла, будущую Ирландию представляли в виде независимой демократической республики и отвергали конституцию 1782 г., которая была установлена «аристократами для аристократов» и являлась ничем не прикрытым обманом. «Моя цель, — говорил Лалор, — не отмена унии, а завоевание независимости... не назад к 1782 г., а вперед к 1848 г., не восстановление старой конституции, а создание новой нации».

Но для того, чтобы добиться республики и уничтожить английский гнет, есть только один путь — вооруженное восстание. «Лозунг „агитируйте и голосуйте“ должен быть заменен теорией и практикой гражданской войны, как единственным действительно надежным методом возрождения Ирландии, столь долго усыпляемой легальным обманом, — писал Митчел, — и вместо лозунга „агитируйте, агитируйте“, — надо провозгласить другой лозунг: „вооружайтесь, вооружайтесь“». От «имени своей партии» Митчел призывал к вооружению народа, к подготовке восстания и к борьбе против лендлордизма. «Содержание национального движения, — писал И. В. Сталин, — конечно, не может быть везде одинаковым: оно всецело определяется разнообразными требованиями, выставляемыми движением.

В Ирландии движение имеет аграрный характер...»[1]. Среди революционных вожаков ирландского народа Лалор, повидимому, более других выражал подлинную сущность ирландского национального движения — его аграрный характер. Митчел и Рейли — первые среди революционеров-демократов выделяли из массы трудящегося населения рабочий класс. Обращаясь со своей агитацией главным образом к крестьянству, они в то же время признавали особые интересы «рабочих классов», неоднократно призывали к уничтожению тирании капитала над трудом. В заслугу Митчелу и Рейли надо поставить то, что они осознали, хотя лишь в самых общих чертах, противоположность интересов рабочих и буржуазии.

Обострение классовых противоречий внутри Ирландии, нарастание революции на континенте и развертывание борьбы английских рабочих настолько усилили столкновения между правым и левым крылом Конфедерации, что полный раскол, казалось, был неминуем.

В результате трехдневной дискуссии в феврале 1848 г. большинство Конфедерации приняло в Дублине предложения О'Брайена. За них голосовало 317 человек. За предложение Митчела, осуждающее мирный путь действий, — 188. Это привело к выходу Рейли и Митчела из Совета Конфедерации, но формального раскола Конфедерации не произошло.

Организующим центром революционной борьбы стала еженедельная газета «Юнайтед Айришмен», первый номер которой вышел 12 февраля 1848 г. Ее владельцем и редактором являлся Митчел; в состав редакции входили его ближайшие соратники: Рейли, Мартин, Мюррей, Манган, священник Кеньон, Бренан и другие лидеры революционно-демократического крыла. Джемс Финтан Лалор активно выступил только летом 1848 г., когда вместо закрытого «Юнайтед Айришмен» начал выходить «Айриш Фелон». Девизом газеты служили слова ирландского революционера XVIII в. Теобальда Вольфа Тона: «Мы должны добиваться независимости любыми средствами. Если собственники не поддержат нас, то они должны погибнуть; мы найдем поддержку в многочисленном классе общества — людей, не имеющих собственности».

Влияние февральской революции на ирландское движение

Огромное влияние на ирландское движение оказала французская революция 1848 г., возбудившая в народе надежды на возможность вооруженной помощи со стороны Франции, которую так неудачно пытался осуществить в 1796 г. Лазар Гош. События на континенте повлияли и на ирландскую буржуазию, заставили ее заговорить более смелым и решительным языком. Во всех городах конфедераты праздновали провозглашение республики во Франции, как всенародное торжество. Дублин, Корк, Лимерик, Клонмель, Кашель, Дрогеда и другие города были иллюминованы, здания клубов Конфедерации украшены трехцветными флагами и лозунгами, приветствовавшими французских рабочих. На многочисленных митингах ораторы призывали последовать «французскому примеру», призывали начать борьбу за освобождение Ирландии.

Под влиянием массового движения в Англии и революционных событий на континенте даже правое крыло Конфедерации, которое ранее выступало против вооружения народа, стало призывать не ограничиваться мирными средствами, а создавать национальную гвардию, готовиться к вооруженному выступлению. Казалось, что революция во Франции заставила повернуть на путь революции всю Конфедерацию.

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 307.

Но, несмотря на революционную фразеологию, позиция правого крыла по сути никак не изменилась и после февраля 1848 г. Попрежнему Совет Конфедерации стоял за соглашение с ирландским джентри, стремясь избегнуть вооруженной борьбы. О'Брайен продолжал убеждать народ забыть деление на «Молодую» и «Старую Ирландию», забыть деление на классы, так как, говорил он, «только единение всех классов принесет победу». В марте и июне 1848 г. О'Брайен дважды предлагал слить Ирландскую конфедерацию с Ассоциацией рипилеров О'Коннеля. Под давлением О'Брайена Совет Конфедерации в апреле 1848 г. отказался солидаризироваться со статьями Митчела, призывавшими к восстанию и послужившими поводом для судебного преследования Митчела.

Все поведение вождей Конфедерации обусловливалось, с одной стороны, желанием использовать обстановку, с другой — страхом буржуазии перед революционной национально-освободительной борьбой, которая должна была неминуемо задеть и ее интересы.

Ободренная манифестом Временного правительства Франции о поддержке угнетенных наций, истолковывая его как прямое обещание поддержки ирландцев, Конфедерация направила во Францию делегацию, чтобы получить от Ламартина обещание вооруженной помощи ирландцам в случае восстания. Одновременно Совет Конфедерации направил королеве Виктории адрес с требованием созыва ирландского парламента. Восстание допускалось только в том случае, если французские десанты окажутся в Ирландии и во главе восстания будут не Митчел и Рейли, а О'Брайен и Даффи, которые сдерживали бы восстание в необходимых для их целей рамках. В качестве делегатов Ирландской конфедерации во Францию выехали О'Брайен, Мигер и Холивуд.

Обескураживающий ответ Ламартина сразу обнаружил, что все обещания Временного правительства остаются пустой фразой и никакой помощи Ирландия не получит, несмотря на горячую встречу, оказанную ирландцам в клубах Парижа. «Клуб клубов», возглавляемый Барбесом, даже выделил делегата, который был направлен в Англию с целью «содействовать превращению Ирландии в республику».

Только Митчел и его сторонники не питали никаких иллюзий о возможности помощи со стороны Франции: «Мы должны рассчитывать только на свои силы,— заявил Митчел,— и мы не хотим ни 50 000 французов, ни одного француза». Единственным союзником извне должны были, по их мнению, явиться английские чартисты.

Тем временем в Ирландии продолжалось массовое вооружение народа, не прекращались крестьянские выступления против помещиков, в городах быстро создавались клубы, охватывавшие тысячи новых конфедератов. В одном только Дублине в июне 1848 г. существовало около 40 клубов с общим числом участников более 12 тыс. В Каррике в июле было зарегистрировано 2 тыс. участников клубов из 10 тыс. населения и т. д. Сами названия клубов говорили об их характере. В Эннискилене и в ряде других городов клубы назывались «Обществами восстания», существовали «Клубы государственного преступника» («Felon club»), «клуб 98 года» и т. д.

Клубы были центрами деятельности Конфедерации. Они проводили запись в национальную гвардию, закупали и распределяли оружие, проводили военные занятия. Члены клубов являлись на митинги большей частью вооруженные, во главе со своим председателем.

Большую роль в революционном движении играла национальная гвардия, организованная в марте 1848 г. Не было города, где уже весной 1848 г. не существовала бы национальная гвардия, вооруженная организация ирландских трудящихся масс. Митчел и его соратники призывали к оружию, намечая восстание на сентябрь, после уборки урожая.

«Чтобы завоевать свои права,— говорил Митчел на митинге в Дрогеде,— ирландский народ должен сделать то, что сделали демократы во Франции. Ни петиции в палату депутатов, ни переговоры с Гизо, ни адрес королю. Нет! Мы должны последовать примеру французских рабочих. Организуйте клубы, вооружайтесь, только тогда мы сможем следовать за „французской модой". Ура в честь французских баррикад! Ура в честь взятия дворцов! Ура в честь сожженного трона!»

«Раздувайте, раздувайте огонь! — обращался он к дублинским конфедератам.— Куйте железо для освободительных пик. Битва... начинается в кузницах, а оканчивается на полях и на улицах города...».

Подготовка восстания. Арест Митчела

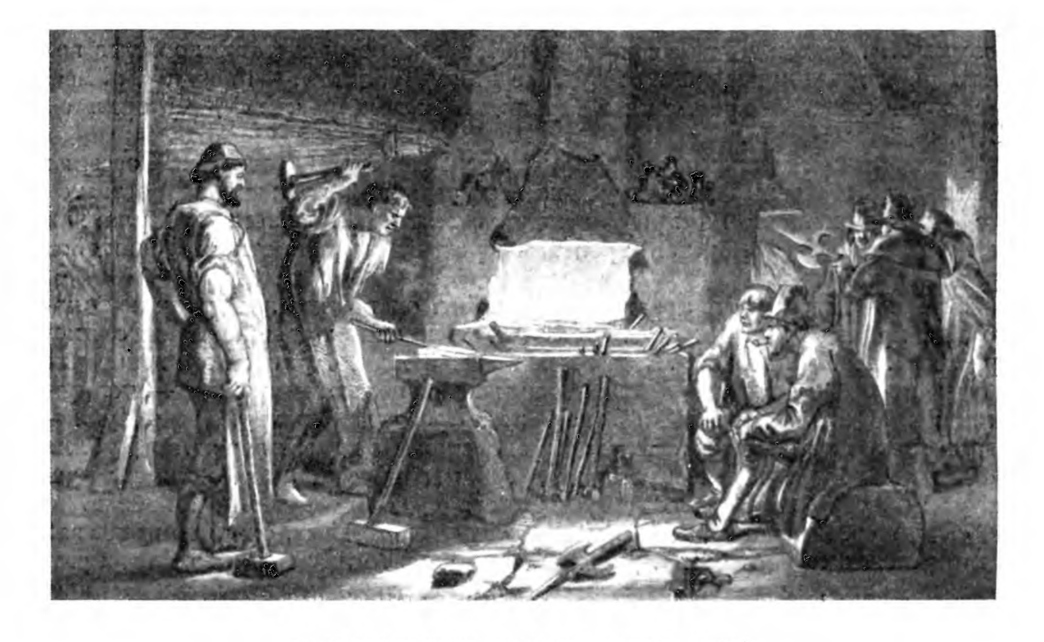
Все эти призывы находили широкий отклик в народных массах. Вся страна пришла в движение. Производство оружия становилось массовым: в городах почти повсюду, на улицах и в переулках, ковались пики и тут же продавались. Газеты печатали объявления о цене оружия, сообщали, где лучше купить пики, ружья или пистолеты. В клубах проводились практические занятия с оружием, отводились специальные часы для тренировки членов клубов, создавались специальные «корпуса митчелистов», ежедневно упражнявшихся в стрельбе и военной маршировке.

Военные отряды, снабженные пиками местного изготовления, создавались и в деревнях. В сельских округах появилась национальная гвардия. Из городских клубов связисты направлялись в ближайшие сельские районы. Шла прямая подготовка восстания, заранее разрабатывался план борьбы.

По плану Митчела, восстание должно было начаться в Дублине и по сигналу нового, республиканского правительства охватить все остальные города; вслед за городами должна была подняться и крестьянская масса. Захват Дублина сразу отдал бы в руки восставших всю верховную власть, весь главный аппарат английской администрации, и уничтожил бы централизованное управление остальными английскими гарнизонами, разбросанными по всему острову. Митчел и Мартин разрабатывали специальную тактику уличной борьбы, используя для этого опыт и парижских рабочих. Во Францию был послан представитель Конфедерации О'Горман для изучения опыта постройки баррикад. После возвращения из Франции он совершил длительную инспекционную поездку по клубам Ирландии, передавая им полученные знания.

«Юнайтед Айришмен» опубликовала большую статью Митчела, в которой рассматривалось сходство расположения Парижа и Дублина и указывалось, что перед восстанием необходимо учесть опыт парижан, блокировавших или разрушивших все железные дороги, ведущие к городу, захвативших все железнодорожные станции и изолировавших, таким образом, огромный город от остальной страны. Из номера в номер газета учила, как организовать восстание в Дублине, как мобилизовать и привлечь все население к гражданской войне. Газета учила, как приготовлять взрывчатую смесь, как наполнять ею бутылки, как изготовлять порох в домашних условиях, как строить баррикады. Было предусмотрено все: количество людей, необходимых для рытья мостовой, высота и ширина баррикады, материал для нее, места бойцов, даже место, где, как у парижан, должен быть укреплен флаг. Обращалось внимание на огромное количество погребов в городах, на необходимость прорытия ходов для подземного сообщения между баррикадами. Такое же внимание уделялось борьбе ирландских крестьян, которым «Юнайтед Айришмен» указывала, как пользоваться пиками, как сражаться на открытой местности.

Уделяя большое внимание агитации в армии, митчелисты посылали в ирландские части газету «Юнайтед Айришмен» со статьями, обращенными

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОРУЖИЯ В ИРЛАНДИИ
Ксилография. 1848 г.

к солдатам, а в английские части — чартистскую «Полярную звезду». Считая чартистов своими ближайшими союзниками в готовящемся восстании, революционные конфедераты установили непосредственную связь с партией «физической силы», направив в Лондон для связи своего представителя — Мак-Мануса. В свою очередь чартисты послали в Ирландию своих делегатов. На митинге в честь этих делегатов Митчел заявил: «... нет ничего более страшного для английского правительства, чем союз между ирландским и английским народом». «Я полагаю,— продолжал Митчел, обращаясь к делегатам,— что английские чартисты запомнят урок, данный им 10 апреля, и никогда не будут подавать снова петиций..., когда демократы любой страны желают низвергнуть аристократию, они не нуждаются ни в петициях, ни в голосовании; имеется единственное средство — оружие!»

Основную роль в объединении ирландцев с чартистами — сторонниками физической силы должна была играть «Ирландская демократическая федерация», существовавшая на территории Англии и охватывавшая тысячи ирландцев. «Федерация» входила целиком и в «Чартистскую ассоциацию» и одновременно в «Ирландскую конфедерацию»; она поддерживала Митчела и Рейли. Руководитель «Демократической федерации» Мак-Карти был делегатом чартистского Конвента.

Митчел и его сторонники были убеждены, что только широкая пропаганда сможет вовлечь в движение массы народа. Митчел считал, что заговорщическая тактика погубила дело Фитцджеральда и Эммета, Бланки и карбонариев Неаполя. Но открытая проповедь революции, вооружение масс, непрекращавшиеся выступления крестьян в деревнях и угроза соединения ирландской революции с чартистским движением перепугали правящие круги Англии. Особенно пугала английскую буржуазию возможность объединения чартистов и ирландского народа.

Буржуазная пресса забила тревогу. «Кроникл» требовала устроить «Варфоломеевскую ночь для конфедератов и не допускать никаких

полумер...». «Вхождение союзников в Париж не представляло более воинственного зрелища, чем настоящее лицо Дублина»,— писала «Таймс». «Угроза всеобщего восстания в Ирландии весьма реальна»,— вторил ей «Эннюэл Реджистер».

Наместник Ирландии лорд-лейтенант Кларендон сообщал Росселю: «Решимость восстать господствует во всей стране. С каждым днем остается все меньше шансов на предупреждение мятежа... власти в Ирландии беспомощны». Пальмерстон требовал срочных мер против готовящейся гражданской войны.

12 мая Митчел был арестован. Это был очень тяжелый удар не только для ирландцев, но и для всего революционного движения в Великобритании. Арест Митчела лишил ирландцев вождя, отрицавшего всяческие компромиссы и открыто провозглашавшего целью движения — полную независимость Ирландии. Известие об этом аресте всколыхнуло весь Дублин и привело в сильное возбуждение конфедератов. Из других городов в Дублин стекались вооруженные ирландцы, готовые выступить по первому призыву; в клубах шло обсуждение вопроса об освобождении Митчела.

«Клуб св. Патрика», где Митчел был председателем, открыто призывал к немедленному восстанию. Делегации клубов им. Дэвиса, Свифта, Граттана и Дойля, прибывшие на заседание, поддержали этот призыв. Сарсфилд—клуб города Лимерика—обратился к Совету Конфедерации с требованием немедленно начать борьбу за освобождение Митчела, указывая, что в случае его осуждения «дело Ирландии будет потеряно для настоящего поколения».

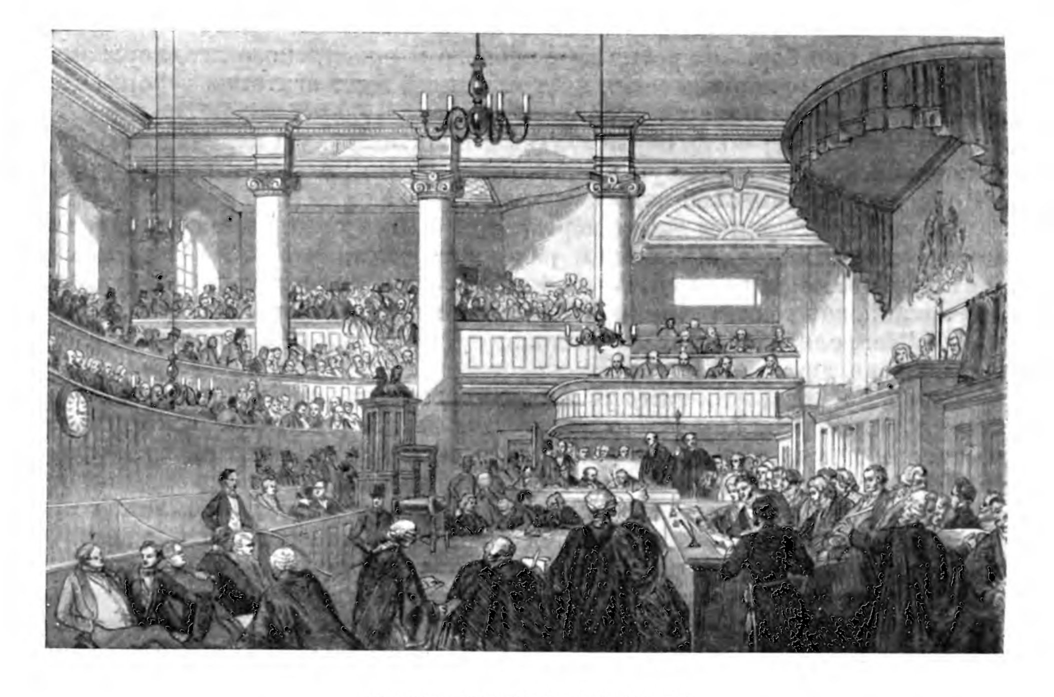
«Клуб св. Патрика» связался с чартистами—сторонниками «физической силы», и было принято решение об одновременном выступлении в Дублине и Лондоне 29 мая, в тот день, когда ожидался приговор над Митчелом. В этот день конфедераты дублинских клубов должны были освободить Митчела и этим дать сигнал к всеобщему восстанию. Одновременно должны были выступить чартисты в Лондоне. Сам Митчел также считал необходимым начать выступление.

Но правительство сумело предотвратить восстание. Ранним утром 27 мая 10-тысячный гарнизон был выведен на улицы Дублина, суд огласил приговор — 14 лет ссылки на Бермудские острова, и Митчел, закованный в цепи, сопровождаемый полком кавалерии, был отвезен на судно, отплывшее по назначению.

Продолжение борьбы

В течение двух дней, 28 и 29 мая, в Дублине вспыхивали разрозненные попытки восстания, в рабочих кварталах появлялись баррикады, но все эти выступления были подавлены полицией и войсками. Такие же разрозненные и неудачные выступления произошли 29 мая в Лондоне, где революционная фракция чартистов сделала неудачную попытку вооруженного выступления.

Неудаче восстания способствовала политика Совета Конфедерации, стремившегося помешать любому массовому выступлению. Совет Конфедерации, боясь восстания в Дублине, которое немедленно перекинулось бы в другие города и сельские округа Ирландии, и не рискуя выступить прямо против решений клубов, так как это означало бы открытое признание отказа от своих же собственных революционных высказываний, направил к Митчелу делегацию, чтобы просить его подписать обращение к клубам с просьбой не предпринимать никаких попыток для его освобождения. Митчел отверг это с негодованием. Одновременно во все клубы были разосланы члены Совета, которые убеждали массы отложить выступление до сбора урожая. Это дезориентировало массы и в самую решительную минуту лишило их необходимого боевого руководства.

ПРОЦЕСС ДЖОНА МИТЧЕЛА
Ксилография. 1848 г.

Одновременно английское правительство начало жестокие репрессии как в Ирландии, так и по другую сторону пролива. 7 июня был арестован вождь революционных чартистов Джонс, одновременно был отдан приказ об аресте 118 лидеров Конфедерации в Ирландии, в первую очередь всех редакторов демократической прессы. Намечавшаяся отмена Habeas Corpus Act грозила отдать всю Ирландию в руки полиции.

Но репрессии не могли остановить движения. Газеты сообщали о крестьянских волнениях в течение июня и в начале июля, тайные общества продолжали нагонять страх на помещиков, в городах возникали все новые клубы, вооружение масс приняло широкие размеры. Создавались клубы имени Митчела, Эммета, «1798 года», клубы «государственных преступников» и т. д. Некоторые клубы в Дублине стали принимать только людей, умевших владеть оружием.

По всей Ирландии продолжалась запись в национальную гвардию, причем особенное внимание обращали на уволенных из армии солдат, которых привлекали в качестве военных инструкторов клубов. На митингах и собраниях произносились страстные речи с призывом готовиться к борьбе.

Заключенные в Ньюгетской тюрьме революционеры издавали свой орган «Ньюгетский календарь», ставивший своей целью «учить народ средствам и методам своего освобождения». Журнал печатал статьи о «борющихся городах», о «практике гражданской войны», «как создавать военные запасы» и т. д. Центром революционного движения стала газета «Айриш-Фелон», возглавлявшаяся Рейли, Мартином и Лалором и продолжавшая борьбу за революционные принципы. Проповедь восстания не сходила с ее страниц, «более похожих,— по свидетельству чартистской «Полярной звезды»,— на прокламации, издаваемые в городе баррикад, из которого изгнаны вражеские войска, чем на газету, выходящую под королевской цензурой». В каждом номере Лалор обращался к крестьянству Ирландии, доказывая и убеждая, что есть один только путь для получения земли —

революционная борьба против английского и ирландского лендлордизма. Но газета была одинока в своих выступлениях, и эта агитация вскоре была прервана арестом Лалора.

В связи с обострением борьбы О'Брайен сделал новую попытку овладеть движением, снова выдвинув проект объединения Ассоциации рипилеров О'Коннеля с Ирландской конфедерацией.

Совет Конфедерации начал переговоры с Джоном О'Коннелем о слиянии двух организаций, лишний раз подтвердив, что О'Брайен и его окружение никогда не помышляли о действительном восстании. Буржуазная английская пресса широко извещала о переходе о'брайенистов на сторону О'Коннеля. Но проект слияния организаций натолкнулся на сопротивление двух сил.

Одной из них было католическое духовенство, примыкавшее к Ассоциации рипилеров, другой — широкие массы конфедератов. Священники выступали против объединения, боясь революционного воздействия конфедератов на их «мирную паству». 28 июня 1848 г. на общеирландском собрании прелатов была принята резолюция, осуждающая публичные митинги, клубы и пропаганду вооруженного восстания. Под влиянием духовенства колебалась и часть рипилеров и тем сильнее, чем больше возражений встречал этот проект в массах. Конфедераты и слушать не хотели о разоружении, которое выдвигалось главным условием слияния.

Все же в результате долгих переговоров «верхам» удалось придти к соглашению, и в июне появилась новая организация «Ирландская лига для достижения законодательной независимости Ирландии, объединяющая все классы Ирландии». Таким образом, всего за месяц до восстания О'Брайен пошел на роспуск собственной организации и сдачу всех революционных позиций. Но так как в «низах» слияния так и не произошло и попрежнему продолжались и учащались вооруженные столкновения, то О'Коннель и его сторонники вскоре отказались от союза с Конфедерацией. Лига оказалась нежизненной и распалась.

Английское правительство получило подкрепление в лице Ассоциации рипилеров, целиком поддерживавшей политику репрессий. С 24 июля в Ирландии был отменен Habeas Corpus Act.

Начались массовые аресты и процессы по обвинению в незаконном ношении оружия. В таких условиях надо было срочно принять решение, так как дальнейшая затяжка могла вызвать стихийное восстание и привести к потере влияния в массах. После длительных совещаний Совет Конфедерации послал своих представителей в провинцию для выяснения обстановки и для агитации на местах, но никакого определенного плана действий у него не было. Диллон и О'Горман требовали провозгласить независимость Ирландии и призвать народ к оружию, но О'Брайен колебался, боясь решительных действий.

Разрозненные восстания. Их неудача

Было очевидно, что в Дублине, куда ежедневно прибывали из Англии новые контингенты войск, любое выступление было обречено на неудачу. Единственной возможностью оставалось поднять восстание в провинции, и к этому решению Совет Конфедерации, чрезвычайно ослабленный репрессиями, пришел после того, как стал известен приказ об аресте лидеров движения. В газетах были напечатаны их приметы; за арест О'Брайена, Мигера, Диллона, Догени и др. была обещана награда. Оставалось или начать борьбу или сдаться «на милость победителя». После долгих дискуссий было решено поднять народ.

Центром восстания был избран городок Килкенни, удаленный от моря и недосягаемый для военных кораблей и береговых батарей. Города Уотерфорд, Уэксфорд и Каррик насчитывали около 4—5 тыс. вооруженных

конфедератов, на которых можно было рассчитывать. Вслед за Килкенни должны были подняться Клонмел и Кашель. Из Килкенни временное революционное правительство должно было обратиться ко всей стране.

Пока Совет Конфедерации рассылал по местам своих представителей, в отдельных городах начались разрозненные восстания. В Каррике члены клубов во главе со священником Бирном начали строить баррикады, вытеснив войска за город. Уэксфорд, где находился Мигер, был захвачен рабочими, на улицах возникли баррикады. В Лимерике в ряде рабочих кварталов происходили столкновения с войсками. Но все это были отдельные вспышки,— единого выступления не произошло.

О'Брайен категорически отказался начинать борьбу, которая безусловно привела бы к нападениям и на ирландских помещиков, забаррикадировавшихся в домах, как только прошел слух о начинающемся восстании. К О'Брайену, помимо его желания, начали стекаться вооруженные конфедераты, образовавшие отряд в 300—400 человек, вполне достаточный для первого удара, а он все переезжал из одного южного графства в другое. Тщетно некоторые члены Совета пытались заставить его дать бой правительственным войскам как сигнал к всеобщему восстанию. Рабочие ждали призыва к борьбе, а О'Брайен запретил нападать на английские войска, рубить деревья для баррикад без разрешения владельцев садов!

В то же время католическое духовенство, в основном примыкавшее к Ассоциации рипилеров, вело усиленную агитацию против вооруженного восстания, которая также расхолаживала крестьянское население.

Английское правительство, оправившись от испуга, вызванного восстаниями на юге Ирландии, предприняло решительные шаги: в Каррик и Уэксфорд были направлены огромные военные силы, южный берег Ирландии был блокирован, клубы были объявлены незаконными и распущены. С восстанием было покончено очень быстро.

Руководимая О'Коннелем и О'Брайеном ирландская буржуазия, оказавшаяся во главе национально-освободительного движения, отступила, как только дело дошло до открытой борьбы. Ее «революционность», возникшая под влиянием событий на континенте, испарялась по мере наступления контрреволюции и кровавых столкновений между буржуазией и пролетариатом. Аресты и бегство части конфедератов за пределы Ирландии лишили движение его наиболее активной части. Масса крестьянства была отдана во власть католических священников, которые помогали английским лендлордам удерживать народ в покорности.

Так закончился в июле 1848 г. один из важнейших этапов революционно-освободительной борьбы в Ирландии.

Ирландские революционеры, слишком поздно и недостаточно прочно связавшиеся с чартистами (в чем повинны были не только ирландские вожди, но и лидеры чартистов), оказались изолированными, одинокими в своей трудной борьбе с английской буржуазией, торжествовавшей победу вместе с наступлением общеевропейской контрреволюции. Но еще более важное значение в поражении ирландцев в 1848 г. имело то обстоятельство, что дряблое, объективно — предательское, руководство О'Брайена и его сторонников в Конфедерации сковало силы ирландского народа, его революционную энергию.

Английское правительство жестоко расправилось со всеми участниками восстания: оно беспощадно подавляло стихийно возникавшие в течение второй половины 1848 г. выступления крестьян и рабочих. Разгром восстания и продолжавшийся голод усиливали эмиграцию ирландцев.

Ирландия обезлюдела, замерла и ее политическая жизнь. Под ударами жесточайших репрессий распалась Ирландская конфедерация, замерла агитация за отмену унии. В ирландском национально-освободительном движении наступило затишье, пока фении снова не подняли в 60-х годах борьбу за независимость Ирландии.

Глава пятьдесят шестая

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В БЕЛЬГИИ В 1848 Г.

Одной из важнейших проблем, вставших перед европейской дипломатией в первые же дни февральской революции во Франции, был вопрос о судьбах Бельгии. Последует ли Бельгия примеру Франции, как это было во время двух предшествовавших французских революций, — этот вопрос внушал величайшее беспокойство европейским правительствам в феврале — марте 1848 г. Возможную победу республиканского строя в Бельгии правящие круги главных европейских государств рассматривали как «прелюдию» к неизбежному присоединению — полному или частичному — Бельгии к Франции. Этого европейские правительства — и, в первую очередь, правительство Англии — не были намерены допустить. В период, непосредственно следовавший за французской революцией, они настороженно следили за перипетиями внутриполитической жизни Бельгии, готовые к активному вмешательству при первой же попытке республиканского переворота в этой стране.

Европейские державы и Бельгия

Вот почему, как только опасность такого переворота миновала, министр иностранных дел Англии счел необходимым особо поздравить бельгийского короля Леопольда I. «Я счастлив,— писал Пальмерстон 15 июня 1848 г.,— поздравить ваше величество по случаю спокойствия, неизменно царящего в вашем королевстве. Можно сказать, что бури, опустошившие почти весь европейский континент, способствовали лишь еще большему укреплению основ трона вашего величества». Подобно Пальмерстону спешили поздравить бельгийского короля и другие дипломаты.

Европейская дипломатия и международная пресса консервативного направления уже с марта 1848 г., как только рассеялись первые слухи о возможности революции в Бельгии, старались представить Бельгию «обетованной страной», в которой все население, без различия классов и партий, сомкнулось будто бы в едином национальном порыве вокруг трона, «вполне удовлетворенное,— как утверждала «Таймс»,— существующей у него формой правления и не стремясь ни к каким переменам».

Многие буржуазные историки, публицисты и политические деятели до сих пор придерживаются той точки зрения, что именно «мудрость» бельгийского правительства и «благоразумие» бельгийского народа спасли Бельгию в 1848 г. от бушующего пламени революции, охватившего другие государства Европы.

В буржуазной историографии в качестве фактора, оказавшегося будто бы в 1848 г. «спасительным» для Бельгии, нередко выдвигается также

непопулярность в ней республиканских идей, занесенных будто бы в эту страну извне и не имевших здесь сколько-нибудь глубоких корней. Такое утверждение имеет столетнюю давность: оно было высказано публично 1 марта 1848 г. министром внутренних дел Бельгии на заседании палаты представителей.

Экономическое положение Бельгии к началу 1848 г.

Однако политическое положение, создавшееся в этой стране непосредственно после февральской революции во Франции, отнюдь не было столь «благополучным», как его старалось представить перед европейскими кабинетами бельгийское правительство: монархия Леопольда I, подобно другим европейским монархиям, переживала критические дни.

Экономическое положение Бельгии было крайне тяжелым. Бельгийская текстильная промышленность, игравшая в то время первенствующую роль в экономике страны (главным образом льняное производство, средоточием которого являлась бельгийская Фландрия), в 30—40-х годах испытывала сильную иностранную конкуренцию.

Механизация льнопрядильного и ткацкого производства, нашедшая широкое применение в ряде стран, прежде всего в Англии, и приведшая, в частности, к усовершенствованию и значительному удешевлению полотняной ткани, тогда еще сравнительно слабо развивалась в Бельгии. В 1846 г. число веретен в льняно-прядильном производстве Бельгии не превышало 97 тыс., между тем как в Англии в это время их было около 2 млн., во Франции — около 300 тыс.

Неизбежным результатом такого отставания явилась все возраставшая потеря Бельгией ее внешнего рынка. «Особенно страшна была для нас конкуренция Англии,— пишет бельгийский историк Жакмен.— Англия не только производила дешевле, но ей удавалось удовлетворять вкусы потребителей. Наше производство не было в состоянии достаточным образом разнообразить свою продукцию». С 1835 по 1847 г. экспорт бельгийского полотна, например, сократился более чем вдвое.

Экономический кризис, разразившийся в 1847 г. первоначально в Англии, а затем распространившийся на все страны Западной Европы, вызвал в Бельгии еще более резкое сокращение производства и сбыта, особенно в области каменноугольной, металлургической и текстильной промышленности, продукция которой экспортировалась за границу.

Торгово-промышленному кризису сопутствовал острый продовольственный кризис, вызванный огромным недородом картофеля и зерновых культур. Урожай картофеля составлял в 1845 г. по всей Бельгии только 12,7 % обычного урожая; во Фландрии он составлял менее 8,5 % (или 20,5 кг на душу населения вместо обычных 325 кг). 1846 год принес еще бо́льшие бедствия: неурожай зерновых культур, особенно ржи, которой было собрано на 243 903 925 кг менее обычного, так что на душу населения приходилось 36 кг, вместо обычных 90 кг. Положение почти не изменилось к лучшему и в 1847 г. Ввоз продовольствия не покрыл дефицита. С сентября 1846 г. до конца августа 1847 г., в период наибольшего вздорожания съестных продуктов, в Бельгию из-за финансовых затруднений правительства было ввезено только около 2 млн. гектолитров зерна, т. е. меньше $^1/_6$ обычного потребления и менее половины дефицита продукции в 1846 г.

Потребление подавляющего большинства населения Бельгии и в обычные годы было значительно ниже, чем в других странах Европы, вследствие более низкой заработной платы промышленных и сельскохозяйственных рабочих и растущего обнищания трудящихся масс. В результате неурожая дороговизна предметов первой необходимости достигла огромных размеров. Особенно тяжелым было положение во Фландрии, где источником

существования для большинства крестьянского населения служило полотняное производство. Даже в работах буржуазных историков отмечаются факты ужасающего обнищания и бедственных условий жизни трудящихся масс в конце 40-х годов XIX в. Так, например, известный бельгийский историк Пиренн писал: «Надо вновь вернуться назад к средним векам, чтобы отыскать зрелище, аналогичное тому, какое представляла в то время фламандская нищета. Множество обездоленных было доведено этой нищетой до того, что ело собак и кошек, выкапывало трупы животных и питалось ими». В 1847 г. в восточной Фландрии число нищих достигло 25% населения в городах и 30% в деревнях. В западной Фландрии нищенство приняло еще бо́льшие размеры.

Дополнением к голоду явился тиф, особенно свирепствовавший во Фландрии, где в 1846—1847 гг от него погибло несколько тысяч человек. Затем началась эпидемия холеры, унесшая в течение двух лет более 23 тыс. человек. Смертность населения приняла в эти годы угрожающие размеры, особенно во Фландрии, где она превысила рождаемость.

Финансовое положение Бельгии и до февральских событий 1848 г. было отнюдь не блестящим. Неурожаи и промышленный застой 1846—1847 гг., усугубленные финансовым кризисом 1847 г. в Англии и во Франции, привели к дезорганизации бельгийских государственных финансов. К тому же бельгийское правительство ввиду бедственного положения широких масс населения (особенно во Фландрии) вынуждено было прибегнуть в 1847 г., в целях сохранения «порядка» в стране, к значительным затратам на организацию общественных работ, к частичному отказу от протекционистской политики, к более широкому импорту продовольствия из-за границы.

Все это привело к сокращению поступлений в государственную казну Бельгии в 1847 г. на 8% и к 10-миллионному дефициту в государственном бюджете, что, в свою очередь, вызвало падение курса ценных бумаг.

Внутриполитическое положение Бельгии к началу 1848 г.

Политическое положение в стране к началу 1848 г. было крайне напряженным. Пришедшее к власти в августе 1847 г. первое в истории Бельгии либеральное министерство во главе с Шарлем Рожье пребывало накануне февральских событий 1848 г. все еще в стадии «изучения» экономических и политических проблем, разрешить которые оно обещало в своей программе от 12 августа 1847 г. Правительственная программа была весьма умеренной и в важнейшем вопросе о реформе избирательной системы ограничивалась обещанием дополнительно предоставить избирательные права лицам, имеющим диплом об образовании и занесенным в списки присяжных заседателей. Соответствующий законопроект, внесенный в палату в середине февраля 1848 г., не вполне удовлетворял даже требования умеренного большинства либерального конгресса 1846 г., выработавшего политическую программу бельгийской либеральной буржуазии. Известно, что умеренные либералы на конгрессе 1846 г. высказались,— правда, в весьма общей и мало обязывающей резолюции,— за постепенное снижение ценза до границ, указанных конституцией 1831 г., т. е. до 20 флоринов. Правительственная программа совсем не могла удовлетворить бельгийских радикалов и выступавших совместно с ними в этом вопросе демократов, настаивавших — в отличие от умеренных либералов — на безотлагательном снижении избирательного ценза до 20 флоринов.

Орган бельгийских демократов «Деба сосиаль» («Débat social») подверг критике правительственную программу. «Избирательная реформа..., которая принесет нам по всему королевству около 4 тысяч новых избирателей, является поистине насмешкой. Становится ясным, что в конечном итоге

именно промышленные монополисты явятся опорой новой власти, которая на это и рассчитывает. В результате реформы эта опора будет подкреплена правоведами. На смену землевладельцу приходит владелец железа и хлопка. На смену иезуитскому ордену — орден адвокатов. Но что же выиграет народ от всей этой перемены?»

Первые полгода пребывания либералов у власти показали, что бельгийский народ ничего не выиграл от перехода политического господства к умеренно-либеральной буржуазии. Его экономическое положение оставалось столь же тяжелым, как и при предшествующем, помещичье-клерикальном режиме. Почти ежедневно рабочие, оставшиеся без работы, били стекла булочных или каких-либо других торговых заведений с единственной целью попасть в тюрьму, чтобы не умереть от голода. Тяжелое материальное положение широких масс трудящихся усугублялось их политическим бесправием. Из 4-миллионного населения Бельгии только 46 тыс. человек пользовались политическими правами. Волна недовольства разливалась по стране. В петициях рабочие требовали от правительства «организации труда» и всеобщего избирательного права.

Министерству Рожье противостояла также оппозиция клерикалов, ополчившихся против освобождения всей государственной деятельности, в частности народного просвещения, от опеки духовенства. Важно, однако, отметить, что наиболее дальновидные политические деятели из лагеря клерикалов отдавали себе отчет в том, что борьба между католиками и либералами, игравшая до сих пор первенствующую роль в политической жизни Бельгии, должна неизбежно уступить место совместной борьбе всех консервативных сил против поднимающейся в Бельгии, как и повсюду в Европе, демократии.

Эту точку зрения высказал в палате в ноябре 1847 г. один из вождей католической партии Бельгии, Дешан: «Вопросы, касающиеся католиков и либералов, начинают уступать место более жгучим вопросам — социальным, которые скоро разделят нас на партию консервативную, стремящуюся к прогрессу в условиях существующего порядка и при существующих учреждениях, и на партию передовую, радикальную, которая стремится к прогрессу, возможно, сама того не сознавая, путем разрушения существующего порядка и его учреждений».

Демократическое движение в Бельгии действительно нарастало, особенно со второй половины 40-х годов. Существовавшая здесь с 1841 г. крупнейшая в стране либеральная организация «Альянс», в которую входили и многие демократы, неспособна была больше удовлетворять политические и социальные требования демократических элементов. В начале 1847 г. в Брюсселе было основано демократическое общество «Agneesens». В октябре того же года, уже при правительстве Рожье, была создана, при ближайшем участии проживавшего тогда в Брюсселе К. Маркса, самая значительная демократическая организация Бельгии — «Демократическое общество», вскоре превратившееся в международный центр борьбы за демократию. Число членов общества быстро росло. Демократические общества, аналогичные столичному, появились также в провинции: в Генте, Намюре, Льеже и в других городах.

Антимонархические выступления народных масс Бельгии в февральские дни 1848 г.

Под влиянием революции во Франции напряженность политического положения в Бельгии еще более усилилась. «Невозможно описать,— сообщал из Брюсселя бельгийский корреспондент английского журнала «Экономист»,—в какое возбуждение пришло здесь общество в результате известий из Парижа. Всем казалось, что наступил возврат к худшим дням 1793 года... Боялись, что катастрофа, опрокинувшая трон во Франции, найдет соответствующий

отклик в Бельгии». Об охватившем правящие круги Бельгии в февральские дни «огромном и всеобщем унынии», об ожидавшемся во Фландрии и в Эно «появлении республиканского знамени» писал современник событий 1848 г. в Бельгии Тониссен.

Согласно сообщениям иностранных корреспондентов, 26 февраля в бельгийской столице стало известно о победе революции в Париже. В Брюсселе создалась крайне напряженная политическая атмосфера. Корреспондент «Таймс», например, сообщал в Лондон о том, что 26 и 27 февраля «беспорядочные массы народа» толпились в различных частях города, главным образом на центральной площади перед ратушей; здесь раздавались революционные возгласы, крики: «Да здравствует республика!». Позднее об этих событиях в Брюсселе рассказывал и Ф. Энгельс: «Разразилась февральская революция, тотчас же встретившая отклик в Брюсселе. Толпы народа собирались каждый вечер на большой рыночной площади перед ратушей, занятой гражданской гвардией и жандармерией; многочисленные пивные и питейные дома вокруг рынка были битком набиты. Кричали: «Vive la république!» [«Да здравствует республика!»], пели марсельезу, напирали друг на друга, толкались»[1].

У здания, где 27 февраля происходило чрезвычайное заседание «Демократического общества», огромная толпа народа нетерпеливо ожидала решений этого признанного в то время центра демократического движения. Раздавались возгласы: «Долой Леопольда!», «Да здравствует республика!» Возбуждение было настолько велико, что руководители Общества были вынуждены поручить одному из виднейших республиканских ораторов Брюсселя, Виктору Тедеско, призвать народ к спокойствию. Вечером в различных районах Брюсселя состоялись многолюдные манифестации, которые разгонялись отрядами жандармерии.

«Наиболее строптивые,— сообщала по этому поводу «Брюссельская газета»,— арестованы; это немецкие рабочие». Очевидно, именно события этого вечера 27 февраля и имел в виду Ф. Энгельс, когда позднее писал: «...в один прекрасный вечер жандармерия с шашками наголо внезапно двинулась против народа, толпившегося на рыночной площади,— и пошли направо и налево аресты. Одним из первых был избит и арестован также и Вольф... Его потащили в ратушу, где он еще раз подвергся побоям со стороны разъяренной и пьяной гражданской гвардии...»[2].

Политические события сопровождались финансовой паникой, приведшей к тому, что уже 25 февраля, как сообщает бельгийский экономист Б. Шлеппер, ввиду катастрофического падения курса промышленных и особенно государственных процентных бумаг закрылась Брюссельская биржа. На следующий день ее примеру последовала Антверпенская биржа. Все стремились обменять бумажные деньги на звонкую монету. Вкладчики толпились в помещениях банкирских контор, держатели бумаг требовали обращения их в деньги. 28 февраля прекратил платежи и на следующий день был ликвидирован Антверпенский коммерческий банк. Понадобились срочные меры, чтобы предотвратить дальнейшее распространение паники. 2 и 3 марта в печати появились извещения за подписями видных банкиров и коммерсантов о продолжающейся выплате денег по банковым билетам. Министерство финансов, со своей стороны, известило население о том, что билеты Генерального общества и Бельгийского банка попрежнему принимаются к уплате кассами государственного казначейства. Бельгийские банки прекратили все свои обычные учетные операции и потребовали уплаты в срок выданных ими в кредит

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 324.
[2] Там же, стр. 325.

сумм. В связи с этим положение значительного числа промышленников и коммерсантов сделалось критическим.

Деловые круги Бельгии в последних числах февраля настойчиво требовали от правительства объявления моратория. Однако правительство отказалось провести подобную меру. Отказалось оно и от немедленного создания государственных учетных касс: государственная казна была истощена, и финансовое положение бельгийской монархии было крайне тяжелым.

Позиция бельгийских демократов в февральские дни 1848 г.

Протоколы заседаний «Демократического общества» велись только до 6 февраля 1848 г., и о том, что происходило на заседании 27 февраля, приходится судить, к сожалению, по весьма неполным данным. Но и эти неполные данные дают ясное представление о позиции, занятой бельгийскими буржуазными демократами в этот решающий для республиканского движения 1848 г. момент. Председатель «Демократического общества», адвокат-республиканец Жотран и его единомышленники не стремились возглавить начавшееся в Брюсселе после 24 февраля и направленное против монархии народное движение. По признанию самого Жотрана, при первом известии о революции в Париже он поспешил вызвать из Гента своего долголетнего соратника адвоката Спильтгорна, члена центрального комитета «Демократического общества», который, так же как и Жотран, считал необходимым в «национальных интересах» воспрепятствовать принятию радикальных решений. Подобные решения — как опасались руководители «Демократического общества — могли быть приняты Обществом под влиянием его иностранных членов. Известно, что «Демократическое общество» объединяло в своих рядах многих передовых борцов за демократию, проживавших в Брюсселе в качестве политических эмигрантов. Вице-председателем Общества был Маркс, активное участие в нем принимал и Энгельс.

При активном участии Маркса Общество вынесло 27 февраля решение обратиться в муниципальный совет Брюсселя с предложением пополнить гражданскую гвардию рабочими и ремесленниками. Маркс, ожидавший в февральские дни вооруженного республиканского восстания в Брюсселе, предоставил часть своих скромных денежных средств на вооружение брюссельских рабочих. Брюссельский муниципалитет, напуганный событиями, отклонил предложение «Демократического общества».

На том же заседании 27 февраля при участии Маркса было принято решение послать от имени «Демократического общества» приветственный адрес Временному правительству Французской республики. Решено было также обратиться к лондонскому «Союзу братских демократов» с сообщением о действиях, предпринятых Обществом в связи с революцией во Франции. Однако, помимо этих решений, Обществом не было сделано никаких практических шагов, чтобы возглавить начавшееся в стране движение.

Между тем революционное брожение в бельгийской столице не ослабевало. Показательно, что «после воскресных событий 27 февраля,— как сообщала «Таймс»,— большое число проживавших в Брюсселе англичан было настолько перепугано, что в понедельник Брюссель огласился грохотом отъезжавших повозок».

Чрезвычайные меры правительства

Бельгийское правительство, которое, по выражению Энгельса, «...держалось с виду тише воды...»[1], спешно провело ряд мероприятий, имевших целью спасти конституционно-монархический режим. На состоявшемся утром 26 февраля чрезвычайном заседании правительства король искусно

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 324.

разыграл подготовленную заранее комедию отречения от престола, имевшую целью укрепить популярность Леопольда I и обезоружить республиканское движение. В ответ на торжественное заявление короля о его готовности сложить с себя королевский сан, «если того пожелает бельгийский народ», министры, в порыве верноподданнических чувств, единодушно стали упрашивать его остаться на престоле. Король милостиво удовлетворил их просьбу. Этот маневр удался. Широкие слои населения наивно поверили в готовность короля идти на уступки и повиноваться требованиям народа.

Тем временем правительство срочно призвало к оружию гражданскую гвардию и приняло меры к превращению ее в оплот монархического порядка. Соответствующий законопроект о реорганизации гражданской гвардии был принят 26 февраля на заседании совета министров и через несколько часов одобрен палатой. Тем же числом датирован и циркуляр, разосланный за подписью Рожье губернаторам всех провинций: коммунальным властям предлагалось принять решительные меры для «сохранения порядка и уважения к собственности», «бдительно следить за всем, что может нарушить общественное спокойствие», и «подавлять беспорядки, которые могут быть злостно вызваны к жизни». Циркуляр заканчивался предписанием немедленно «учредить наблюдение за иностранцами и провести строжайшую проверку паспортов». Генеральные прокуроры на местах посылали со своей стороны циркуляр за циркуляром, стимулируя усердие своих агентов. 28 февраля появился приказ бургомистра Брюсселя о запрещении уличных сходок, превышающих 5 человек; приказ мотивировался «беспорядками», имевшими место 27 февраля.

Начавшиеся 27 февраля аресты и высылки иностранцев имели целью очистить Брюссель и другие города Бельгии от политических эмигрантов, которые, согласно заявлению Рожье в палате, якобы «хотели увлечь страну за пределы того, что она сама себе наметила». Правительство надеялось таким путем ослабить демократические организации. В числе арестованных и высланных в эти дни был и К. Маркс. Насилия со стороны полицейских чиновников Брюсселя, которыми сопровождался арест Маркса и особенно его жены в ночь с 3 на 4 марта, вызвали возмущение международной демократической печати.

Дипломатические и военные мероприятия правительства

Одновременно с борьбой против революционного движения внутри страны правительство Леопольда I развило в феврале 1848 г. лихорадочную деятельность на дипломатической арене, стремясь обезопасить себя от возможной угрозы извне, в первую очередь, со стороны республиканской Франции. 23 февраля министр иностранных дел Гофшмидт поручил бельгийским дипломатическим агентам в Лондоне, Вене, Берлине заявить о том, что бельгийское правительство — согласно существующим договорам — настоятельно просит о помощи на случай нападения Франции. Бельгийский посол в Лондоне ван де Вейер еще до получения циркуляра Гофшмидта по собственной инициативе обратился к Пальмерстону с запросом о позиции Англии и при этом внес предложение, чтобы английское правительство послало в Шельду британский флот в качестве «решительной демонстрации», которая вынудит правительство Франции отказаться от вторжения в Бельгию. 29 февраля бельгийский посол в Париже граф де Линь высказался в конфиденциальном послании к Гофшмидту за англо-голландско-бельгийский «наступательный и оборонительный союз» против Франции, хотя тут же подчеркнул, что Голландия «может оказаться опасным союзником» для Бельгии.

Не ограничиваясь дипломатическими демаршами, бельгийское правительство уже с 24 февраля начало готовиться к вооруженному отражению

воображаемого нападения со стороны Франции. 26 февраля правительство потребовало от палаты 9-миллионной субсидии на проведение мобилизации армии и на вооружение пограничных крепостей. С целью изыскания средств для проведения этих мероприятий совет министров, а вслед за ним палата и сенат, в тот же день утвердили законопроект о досрочном взыскании $^{8}/_{12}$ поземельного налога, что фактически составляло около 12 млн. франков.

Хотя правительство официально заявляло, что эти военные меры направлены против всякой агрессии в отношении бельгийской территории, откуда бы эта агрессия ни исходила, на деле оно имело в виду именно Францию. Циркуляр Ламартина от 4 марта, в котором министр иностранных дел Французской республики заверял европейские кабинеты в миролюбивых намерениях Франции, заставил бельгийское правительство позаботиться о том, чтобы не обострять отношений с французским правительством и не вызывать подозрений с его стороны. С этой целью министерство Рожье пошло даже на то, что дезавуировало своего представителя в Лондоне ван де Вейера в связи с чрезмерной поспешностью, с которой тот обратился за помощью к Англии, и в связи с визитами, нанесенными им в Лондоне свергнутому королю Луи-Филиппу и прусскому принцу Вильгельму. Одновременно граф де Линь был уполномочен вступить с 1 марта в дипломатические отношения с Временным правительством Франции.

Опасность со стороны Франции представлялась бельгийскому правительству не только в виде вооруженного вторжения французов в пределы Бельгии. Еще в большей мере Леопольд и его министры опасались республиканской пропаганды со стороны революционной Франции. Недоверие к Франции, которое издавна было свойственно бельгийским правящим кругам, отчетливо выразил ван де Вейер в письме к королю Леопольду от 31 мая 1848 г.: «Независимо от того, называется ли министр иностранных дел во Франции Талейраном или Себастьяни, Моле или Ламартином, его настроение в отношении нас остается неизменным; всем этим людям (мы видели их в действии) присуща и навсегда останется присущей одна идея: вновь завоевать Бельгию полностью или частично». Установление республики в Бельгии в результате успешной республиканской пропаганды отожествлялось бельгийскими монархическими кругами с присоединением Бельгии к Франции. «Бельгийская республика,— писал 29 февраля 1848 г. Гофшмидту бельгийский посол в Берлине Нотомб,— это присоединение Бельгии к Франции; присоединение к Франции — это всеобщая война; всеобщая война — это уничтожение Бельгии».

Избирательная реформа 1848 г.

Правительство стремилось предотвратить республиканский переворот не только суровыми полицейскими мерами, но и путем конституционных преобразований и отдельных экономических мероприятий, срочно предпринятых им с целью «умиротворения» страны.

28 февраля Рожье внес в палату законопроект о снижении избирательного ценза в городах и в сельских местностях до минимума, установленного конституцией 1831 г. Законопроект этот был единогласно принят палатой и сенатом.

Не подлежит сомнению, что правительство было вынуждено пойти на избирательную реформу из соображений внутриполитического характера. Ни сам Рожье, ни его коллеги по кабинету, умеренные либералы, не были сторонниками сколько-нибудь широкой демократизации избирательной системы. Незадолго до описываемых событий, на конгрессе либералов в 1846 г., они решительно высказались против такой демократизации.

Только реальная угроза монархическому строю могла принудить бельгийское правительство провести избирательный закон 1848 г. Подтвержде-

ние этому мы находим в выступлении депутата-республиканца Кастио во время обсуждения законопроекта в палате. «Предложение,— заявил Кастио,— которое месяц назад вызвало бы бурю в этом собрании, сейчас принимается с исключительной благосклонностью,... не встречая в секциях ни одного противника... Что же произошло, господа, и чем объяснить эту неожиданную перемену во мнениях?.. Да будет мне позволено думать, что события, происшедшие у наших ворот, немало содействовали тому, что законопроект, который месяц назад был бы поддержан едва 5 голосами, встретил единодушное одобрение... Если бы не бессмертные события в Париже, если бы не эта чудодейственная революция, мы не имели бы реформы, которую намереваемся теперь провести».

Показательно, что и противники Кастио вынуждены были признать, что реформа была вызвана требованиями момента. «Этой смелой реформой,— заявил, например, на том же заседании палаты один из вождей католической партии, Дешан,— правительство хотело умиротворить всех добропорядочных, конституционно настроенных людей и вместе с тем не дать возможности другим нациям ввести у себя, на зависть Бельгии, более либеральные, нежели у нее, учреждения».

Правительство и либеральная пресса подняли необычайный шум вокруг нового избирательного законопроекта. На заседании палаты ораторы называли его величайшим из актов, проведенных за все 17 лет самостоятельного существования Бельгии. В печати реформа изображалась как мероприятие, открывающее для Бельгии «новую эру». «Благодаря этой реформе, — заявляла правительственная газета «Эндепанданс бельж» («Indépendence belge»),—наша избирательная система будет одной из наиболее демократических на континенте. Ее избирательный ценз даже ниже уровня английской системы, где он равен 30 шиллингам». Республиканец Кастио оказался единственным человеком в палате, нашедшим в себе мужество раскрыть ограниченность новой избирательной реформы. «Ваш закон,— заявил он депутатам палаты, — будет иметь целью призвать к пользованию политическими правами 100 тысяч, быть может 150 тысяч избирателей; однако эти 150 тысяч бельгийцев отнюдь не представляют еще всей нации. Вне этого круга все еще останется, вероятно, миллион совершеннолетних граждан, осужденных на политическое бесправие».

Новая избирательная реформа на деле оказалась гораздо скромнее, чем даже представлял себе Кастио. Она увеличивала число избирателей в стране с 46 436 человек до 79 860. Если учесть, что по переписи 1846 г. в Бельгии насчитывалось 4337 тыс. жителей, то станет ясным, что и после этой реформы только небольшая часть бельгийского населения пользовалась политическими правами.

Правительство отдавало себе ясный отчет в том, что, несмотря на проведенную избирательную реформу, нависшая над монархией угроза не будет устранена до тех пор, пока не будут приняты меры хотя бы к некоторому облегчению положения рабочих. Циркуляр Рожье от 2 марта 1848 г. губернаторам провинций свидетельствовал о том, до какой степени напряженным оставалось положение в стране. «Только при условии постоянного предоставления работы трудящемуся населению и изыскания способов обеспечения его повседневного существования,— инструктировал Рожье провинциальные власти,— страна может надеяться миновать нынешний кризис без тяжелого потрясения». Он настойчиво рекомендовал организовать как можно скорее общественные работы для безработных.

Перечисленные административные, финансовые и политические мероприятия возымели известное действие. Паника, охватившая финансовые круги, пошла на убыль. 8 марта вновь открылись Брюссельская и

Антверпенская биржи. Курс государственных ценных бумаг, правда, значительно более низкий, чем обычно, казалось, стабилизировался. Среди деловых кругов наступило некоторое успокоение. Временно начало затихать и революционное возбуждение в стране.

Попытка получения внешнего займа и внутренний принудительный заем

Таким образом, конституционная монархия в Бельгии выдержала первый натиск шедшей из Франции революционной волны. Однако «Новая Рейнская газета» справедливо указывала, что «спокойствие в Бельгии обошлось почти так же дорого, как волнения в других странах». Скоро оказалось недостаточно 12-ти миллионов франков, предоставленных палатой 26 февраля для усиления армии и вооружения крепостей, для организации общественных работ, восстановления кредита, борьбы с антимонархическим движением и реорганизации гражданской гвардии.

Вторично обратиться к населению за средствами, притом более крупными, чем прежде (на этот раз речь шла о 40 млн. фр.), правительство не решалось: неустойчивость политической обстановки в стране делала такой шаг крайне опасным. Оно предпочло обратиться за внешним займом в Англию.

Однако первые попытки бельгийского правительства получить заем у английских финансистов, не прибегая к официальному вмешательству британского правительства, не увенчались успехом. Лондонские финансисты решительно отказывались притти на помощь правительству Леопольда I. Известия из Парижа, Гамбурга, Амстердама, ожидание нового кризиса в самой Англии «силою вещей,— как сообщал 14 марта направленный в Лондон видный чиновник бельгийского министерства иностранных дел Партос,— делали капиталистов с каждым днем все более осторожными...».

Бельгийское правительство обратилось тогда официально за поддержкой к Пальмерстону. Сам король Леопольд направил письмо к английскому министру иностранных дел, а министр иностранных дел Бельгии Гофшмидт предписал ван де Вейеру просить Пальмерстона об оказании содействия Бельгии.

«Не могу скрыть от вас,— писал Гофшмидт 9—10 марта бельгийскому послу в Лондоне,— что наше финансовое положение весьма плачевно. Государственная казна пуста, приближается срок платежа по облигациям казначейства. Принудительный заем в 12 млн. будет в миг поглощен. Армия, которую мы в интересах сохранения порядка и обороны нашей территории значительно увеличили, требует от нас огромных расходов. Наши кредитные учреждения доведены до крайности, промышленность и торговля нуждаются в правительственной помощи». Далее Гофшмидт приходил к заключению, что положение Бельгии «представляет большую опасность» не только для существующего в ней строя, но и для всей Европы. «Правительство, палата и страна,— указывал он,— воздвигли барьер против потока революционных идей, грозившего захлестнуть нас и устремиться в Европу. Но когда страна будет опустошена в результате ужасного финансового кризиса, когда наши многочисленные рабочие останутся без работы, а страдания Фландрии достигнут наивысшего предела, то какую бы энергию ни развило правительство и каким бы благоразумием ни были движимы бельгийцы,— мы вряд ли сможем далее противостоять интригам и маневрам французских республиканцев, которые не замедлят воспользоваться этими обстоятельствами». В заключение Гофшмидт выражал надежду, что Пальмерстон поймет, насколько важно, «в интересах спокойствия Европы, избавить Бельгию от угрожающих ей опасностей» и для этого предоставить ей заем.

Партос был уполномочен предложить в качестве гарантии займа в 40 млн. фр. все бельгийские железные дороги, а в случае необходимости также каналы. «Обстоятельства весьма серьезны,— писал Гофшмидт 15 марта ван де Вейеру,— этого не следует от себя скрывать. Представить в палаты проект принудительного займа — это такая крайность, к которой следует прибегнуть только в том случае, если в Лондоне мы потеряем все шансы на успех. Не пренебрегайте никакими усилиями, чтобы придти к окончательному решению».

Никакие усилия, однако, не помогли. Один из лондонских финансистов заявил, что «если в качестве залога будут предложены все бриллианты Европы, то и тогда в этом вопросе не произойдет никаких изменений. У лондонских финансистов имеются под рукой сделки повыгоднее любого займа, приносящие в течение 24 или 48 часов 25% прибыли. Однако беспокойство и паника столь велики, что, несмотря на заманчивость подобных операций, лишь 2—3 фирмы решаются браться за эти дела».

16 марта бельгийский уполномоченный был отозван из Лондона. Попытки получить заем в России или в Германии также потерпели неудачу. Бельгийскому правительству пришлось прибегнуть к внутреннему принудительному займу. 16 марта кабинет представил в палату законопроект о займе в 40 млн. фр. 4 апреля во время обсуждения законопроекта в палате Рожье в пространной речи мотивировал неотложность займа и указывал на настоятельную необходимость для Бельгии создать армию, «которая была бы способна заставить уважать порядок внутри страны и независимость Бельгии вовне».

Законопроект встретил серьезную оппозицию в палате: многим депутатам такая мера представлялась в тот момент крайне опасной. Печать подвергла законопроект резкой критике. Между кабинетом и палатой назревал серьезный конфликт, грозивший отставкой правительства, о чем можно судить по письму, адресованному Рожье в конце марта 1848 г. одним из его друзей, Жаном-Франсуа Матерн. «Меня страшит мысль,— писал Матерн,— об отклонении закона о займе... Необходимы уступки с той и с другой стороны... Не следует создавать себе иллюзии: заем резко отталкивает мелких налогоплательщиков. Я говорил вам вчера: если его не сократят, то зачинщики восстановят против него все интересы, все страсти...». Заключительные строки письма рисуют напряженность положения в стране в конце марта — начале апреля: «В течение месяца страна наша держится хорошо. Это немалый успех. Половина пути пройдена; еще усилие, еще немного покорности и мужественного терпения, и мы спасены. Уступки... кто не делает их теперь?»

Правительство действительно оказалось вынужденным уступить: оно внесло в законопроект изменения. Общая сумма займа была сокращена до 25 млн. фр. 22 апреля закон был принят палатой большинством 72 голосов против 10 при 9 воздержавшихся и 15 отсутствовавших.

Волнения в провинции. Попытка республиканского переворота

Ход обсуждения законопроекта о принудительном займе отражает политическую обстановку, существовавшую в Бельгии в марте — апреле 1848 г. В середине марта, когда правительственный законопроект был представлен в палату, положение в стране, после кратковременного успокоения, наступившего в начале марта, вновь обострилось. Из провинции поступали сведения о народных волнениях. В Генте, например, 14 марта толпа безработных с возгласами «Да здравствует республика!» пыталась разгромить иезуитский коллеж. Бургомистр Гента издал приказ о запрещении сходок, превышающих 5 человек, и об обязательном закрытии к 9 час. вечера всех общественных заведений. Местные власти прибегли к помощи жандармерии,

были произведены аресты. В числе арестованных были члены местного «Демократического общества». «Приняты энергичные меры, чтобы предупредить повторение подобных попыток. Гарнизон в полной готовности остается под ружьем»,— так заканчивались появившиеся в печати сообщения о волнениях в Генте. Серьезные волнения имели место во второй половине марта и в начале апреля также в округах Турнэ, Арлон, Монмеди, в каменноугольном бассейне Боринаж, в кантонах Виртон, Месанси, в городах Вервье, Ат, Ставло, Сен-Трон, Кувен и других. Жандармские и прокурорские донесения дают основание заключить, что волнения были вызваны главным образом тяжелым экономическим положением населения, недовольством принудительным займом и всей вообще налоговой политикой правительства. Почти повсюду распространялись республиканские лозунги, листовки, прокламации. Однако движение было подавлено в самом его начале репрессивными мерами местных властей.

Напряженным положением в стране во второй половине марта, новой волной антимонархического движения в значительной мере и объясняются правительственные уступки в вопросе о принудительном займе.

Положение коренным образом изменилось в пользу реакции к 4 апреля, когда законопроект о займе обсуждался в палате. К этому времени закончилась провалом попытка республиканского переворота в Бельгии, задуманного группой проживавших в Париже бельгийских демократов. К осуществлению своего плана они решили привлечь возвращавшихся из Франции на родину безработных бельгийцев. Организованный таким образом бельгийский легион выступил из Парижа, и в ночь с 24 на 25 марта первая колонна его, насчитывавшая около 800 человек, прибыла к бельгийской границе. Однако колонна эта была выдана бельгийским властям. Бельгийское правительство было подготовлено к встрече «мятежников» вследствие предупреждения бельгийского посла в Париже, графа де Линь. Согласно сообщениям французской и бельгийской печати, только незначительной части прибывших удалось скрыться; подавляющее большинство их было доставлено в бельгийский город Кьеврен, где они очутились среди «бельгийских штыков»[1].

Между тем 26 марта в Лилль прибыла вторая колонна бельгийцев, которая, так же как и первая, не имела оружия. Колонна была немедленно переправлена французскими властями в Секлен и близлежащие к нему селения, где она оставалась в бездействии вплоть до 29 марта. В ночь с 28 на 29 марта ей было роздано оружие, и 29 марта она направилась к бельгийской границе. Но и на этот раз на бельгийской территории прибывших «ждали в надежной засаде заряженные пушки»[2].

У деревушки Рискон-Ту, близ Мускрона, 29 марта между прибывшими из Франции бельгийцами и солдатами 5-го бельгийского линейного полка, под начальством генерала Флери Дюрэй, произошло вооруженное столкновение, в результате которого победа оказалась на стороне правительственных войск. С той и с другой стороны были убитые и раненые.

Стараниями бельгийского правительства события на франко-бельгийской границе получили общеевропейский резонанс. «Лорд Пальмерстон,— сообщал 1 апреля из Лондона ван де Вейер,— сегодня утром заявил мне: события у Мускрона являются делом огромной важности не только для Бельгии, но и для всей Европы». Министр иностранных дел Англии разделял мнение бельгийского посла об опасности всеобщей войны, к которой могли бы привести вооруженные столкновения на франко-бельгийской границе. Пальмерстон заявил о своем намерении дать соответствую-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 354.
[2] Там же.

щую инструкцию послу в Париже, лорду Норменби, чтобы тот от имени британского правительства предупредил Временное правительство Франции об ответственности, которая ложится на него за происшедшие события, как и за возможность их повторения в будущем.

Примеру Англии последовали другие европейские кабинеты. Граф Фикельмон, сменивший Меттерниха на посту министра иностранных дел Австрии, поздравил бельгийское правительство. Бельгийская дипломатическая миссия в Голландии, как сообщал бельгийский посланник барон Вильмар, также «получила единодушные поздравления от различных лиц». Бельгийский посол в Пруссии Нотомб утверждал, что «все партии одобряют позицию Бельгии».

События конца марта сыграли наруку общеевропейской реакции и укрепили международное положение бельгийской монархии. Они способствовали укреплению позиции бельгийского правительства и внутри страны. Законопроект о принудительном займе, вызвавший в середине марта волнения в столице и в провинции и грозивший правительственным кризисом, после событий на франко-бельгийской границе был одобрен подавляющим большинством палаты. Бельгийское правительство преднамеренно раздуло этот незначительный эпизод в огромный заговор, обвинив в причастности к нему передовых демократов Брюсселя. 43 человека, обвиненных «в организации заговора», были преданы суду.

Эти события нанесли сильный удар республиканско-демократическому движению в Бельгии в 1848 г. В своем выступлении в палате 4 апреля, во время обсуждения законопроекта о займе, депутат-республиканец Кастио с горечью заявил по поводу безрассудной авантюры на бельгийской границе: «Если специально захотеть скомпрометировать и в некотором роде погубить республиканское дело, то для этой цели нельзя было избрать иного пути, чем тот, который был избран». На этом заседании палаты Кастио сложил свои депутатские полномочия. «Всем вам известны мои симпатии к республиканским учреждениям,— заявил он.— Я полагаю, что после конституционной монархии единственно возможной формой правления является республиканская... Полагаю, что Бельгия более чем какая-либо иная страна в Европе созрела для республики. Однако в настоящее время в этом вопросе существует глубокое расхождение между моими взглядами и взглядами большинства населения страны и, в частности, большинства избирателей, оказавших мне доверие вручением мандата, ибо везде сейчас в полном разгаре находится монархическая реакция».

Несколько позднее, накануне новых парламентских выборов, Кастио в послании к своим бывшим избирателям (округ Турнэ), которое «Новая Рейнская газета» назвала «манифестом бельгийской республиканской партии», изложил мотивы, побудившие его отказаться и от нового мандата. «Я надеялся,— писал Кастио,— что Бельгия превратится в республику и что это превращение будет совершено мирным путем, без необходимости подвергать страну опасностям революционного кризиса. Я в это верил, я об этом говорил... Это было мое право гражданина и депутата. К несчастью, один я в палате разделял этот взгляд. При помощи запугивания, эгоизма, клеветы, а также благодаря вооруженным попыткам нескольких безумцев, удалось внушить бельгийскому народу страх перед своим собственным суверенитетом, удалось вызвать монархическую реакцию, которая из палат разлилась по всей стране. Вследствие такого различия во взглядах между мною и моими избирателями я считаю долгом отказаться от своего прежнего мандата и, пока это различие во взглядах существует, не могу принять и нового мандата».

Так депутат-республиканец предпочел демонстративно отказаться от участия в политической борьбе, вместо того, чтобы активно участвовать

в ней. Такая нерешительная позиция была характерна и для многих других бельгийских буржуазных демократов.

Парламентские выборы 1848 г. и победа умеренно-либеральной буржуазии

Ближайшие парламентские выборы, происходившие 13 июня 1848 г. на основе нового избирательного закона, подтвердили правильность оценки, данной республиканцем Кастио политической ситуации в Бельгии после событий у Рискон-Ту. Выборы проходили под знаком совместной борьбы либералов и клерикалов против их общего врага — демократов. Перед угрозой революционной опасности эти две крупнейшие политические партии Бельгии, издавна боровшиеся между собой за политическое господство, вновь обратились к политике совместных действий, от которой они отказались с 1839 г.— со времени заключения мира между Бельгией и Голландией и укрепления основ бельгийского государства. Соперничество между либералами и клерикалами, принявшее особо острые формы со времени либерального конгресса 1846 г., во время июньских выборов 1848 г. уступило место былому сотрудничеству обеих партий при явном перевесе либералов. Либералы получили в палате 85 мест, католики — только 23; кроме того, либералы завоевали 30 мест в сенате.

Выборы 13 июня означали победу умеренного большинства бельгийских либералов, выступавших в союзе с крупным землевладением.

«Новая Рейнская газета» с присущей ей глубиной анализа вскрыла подлинную классовую сущность июньских выборов в Бельгии, показав, что они отнюдь не явились выражением воли всей страны, как это старались внушить бельгийцам умеренные либералы и их политический рупор — газета «Эндепанданс бельж». «Страна этих господ, — писала «Новая Рейнская газета»,— это не 4 млн. бельгийцев (1/4 часть которых составляют пауперы), а лишь 80 тыс. цензовых избирателей, пользующихся в нашем благословенном образцовом государстве политической монополией. Эти 80 тыс. привилегированных должны были во время выборов высказаться, хотят они или не хотят отказаться от своих привилегий. Что же удивительного в том, что они высказались за то, чтобы стоять на-смерть за свои привилегии, за свою политическую монополию»[1].

Выборы принесли поражение демократической партии. «Но и там, где у демократической партии еще имелись известные шансы,— указывала «Новая Рейнская газета»,— они были уничтожены коалицией обеих консервативных фракций — феодальной и либеральной партий. Крупные землевладельцы считали себя особенно подверженными угрозе. Они видели, что навсегда прошло время их исключительного господства, и были рады стать под покровительство крупной буржуазии. 80 тысяч привилегированных поняли, что речь идет об их существовании. Поэтому они отбросили все разногласия, поэтому они и стоят все за одного и один за всех»[2].

Июньские выборы вместе с тем продемонстрировали поправение в результате избирательной реформы 1848 г. «значительной части тех фракций имущих классов, которые ранее стояли вне политической монополии и вследствие этого держались до этого времени более радикального направления». Предоставление политических прав этим, преимущественно мелкобуржуазным, слоям «объединило все консервативные классы под эгидой конституции». Вот почему «результаты избирательной реформы,— как справедливо указывала «Новая Рейнская газета»,— ничем и не могли отличаться от результатов старой избирательной системы».

Июньскими выборами 1848 г. завершается, в сущности, период полити-

---

[1] «Новая Рейнская газета», 19/VI 1848 г.
[2] Там же.

ческого балансирования бельгийской монархии. Монархический режим в Бельгии устоял. Хотя во второй половине 1848 г. и в последующий период в Брюсселе и в провинции имели место, на почве непрекращавшейся дороговизны и тяжелых условий существования, антиправительственные выступления трудящихся масс, но сколько-нибудь серьезной опасности для существующего режима они уже не представляли. Наступление контрреволюции во всех других странах Европы, начавшееся вскоре после июньских дней в Париже, упрочило бельгийскую монархию.

Причины поражения республиканско-демократического движения в Бельгии в 1848 г.

Маркс и Энгельс, в течение ряда лет жившие среди бельгийцев, ожидали республиканского восстания в Брюсселе в февральские дни 1848 г. Энгельс писал в марте 1848 г.: «Бельгийский народ настроен республикански. На стороне Леопольда в Бельгии лишь крупная буржуазия, земельная аристократия, иезуиты, чиновники и изгнанные из Франции бывшие французы, стоящие сейчас во главе бельгийской администрации и журналистики»[1].

«Никакого монархического чувства,—писал историк Пиренн,— не существовало в этой стране, которая с XVI столетия имела монархами одних иностранцев; республика не могла испугать нацию, провозгласившую ее в 1789 г. во время восстания против Иосифа II».

И тем не менее в 1848 г. бельгийские демократы оказались неспособными осуществить республиканский переворот в Бельгии. На это было много причин. Бельгийский пролетариат был еще слаб, малочислен, неорганизован и не был достаточно политически развит. Жестокая борьба за существование целиком поглощала тружеников города и деревни. Католическое духовенство, пользовавшееся большим влиянием в стране (особенно среди крестьянства), внушало трудящемуся населению Бельгии покорность судьбе. Особенно сильно это чувствовалось во Фландрии.

Круг передовых людей, сознававших ублюдочность бельгийских конституционных свобод и протестовавших против фактической узурпации буржуазным меньшинством политических прав трудящегося населения, был крайне ограничен. Он был и недостаточно организованным для борьбы, для того чтобы противостоять правительственным преследованиям. Демократическое движение 30-х и первой половины 40-х годов не заняло заметного места в политической жизни Бельгии, заполненной в этот период борьбой между либералами и клерикалами за политическое господство. Что касается социалистической пропаганды, то она носила еще утопический характер.

Начавшийся в Бельгии, как и в других странах Европы, с конца 1846— начала 1847 г. подъем демократического движения привел, как уже было сказано, к созданию в ноябре 1847 г. «Демократического общества». Однако после высылки из Бельгии Маркса и других политических эмигрантов, членов «Демократического общества», бельгийские буржуазные демократы оказались неспособными возглавить начавшееся под влиянием экономического кризиса и революции во Франции антимонархическое движение народных масс.

Среди причин, способствовавших поражению республиканско-демократического движения в Бельгии, далеко не последнее место занимала и та победа на выборах, которая была одержана либеральной буржуазией незадолго до февральской революции во Франции. в июне 1847 г. Пришедшее к власти, после 16-летнего господства клерикалов, либеральное министерство Рожье сумело с помощью маневров и уступок обеспечить сохранение основ существующего строя. «Если бы

[1] Marx — Engels Gesamtausgabe, Abt. I, Bd. VI, S. 588.

в феврале 1848 г.,—писал бельгийский историк Бертран,— у власти в Бельгии все еще стояло министерство де Тэя 1847 г., то было бы много шансов за то, что при помощи либеральной буржуазии и в силу естественной непопулярности реакционного и клерикального правительства здесь была бы провозглашена республика. Рожье,—как мы полагаем,— в значительной мере спас монархию». Подобную точку зрения высказывают и некоторые другие бельгийские историки. В свое время так думал и брюссельский корреспондент «Таймс», сообщавший 1 марта 1848 г. в Лондон: «Если бы у власти стояли католики, то весьма вероятно, что я писал бы вам, находясь позади баррикад, среди ружейной пальбы и грохота пушек». Противоречивая позиция бельгийских демократов в 1848 г. отчасти объясняется той настороженной подозрительностью, с которой они, подобно правящим кругам Бельгии, относились к французской республике. 27 февраля, когда, по свидетельству Энгельса, огромная масса рабочих Брюсселя, пришедших на заседание «Демократического общества», «...готова была оказать активную помощь всем мероприятиям, которые «Общество» сочтет нужным предпринять»[1], даже такие видные бельгийские демократы, как Жотран и Спильтгорн, отказались от решительной борьбы за республику. Они были убеждены в том, что республиканский переворот в Бельгии неизбежно приведет ее к потере независимости и к поглощению ее Францией. Убежденные в готовности Леопольда отречься от престола, «если того пожелает бельгийский народ», они вместо революционной борьбы против монархии изыскивали пути осуществления конституционными средствами государственного переустройства Бельгии в республиканском духе. В результате всего этого они попали, по выражению Энгельса, «...в расставленные для них сети, рассчитанные на то, чтобы побудить их не предпринимать ничего решительного против такого прекрасного короля, который ничего лучшего не желает как избавиться от бремени королевской власти»[2].

Но и после того как рассеялись иллюзии бельгийских демократов относительно действительной позиции Леопольда, они продолжали уклоняться от активной политической борьбы против перешедшей в наступление монархической реакции. В опубликованном ими в середине марта, как раз в момент нового подъема революционной волны, проекте государственного переустройства Бельгии они высказывались за сохранение королевской власти до тех пор, пока вопрос о форме правления не будет разрешен парламентом на основе нового избирательного закона. «Каков бы ни был этот результат,— гласил мартовский проект бельгийских демократов,— следствием его явилось бы установление независимости Бельгии на всё более прочных основах. При этом — что особенно важно — во время открытого обсуждения вопросов, затрагивающих столь крупные интересы, нация оставалась бы спокойной, а политика наших соседей не представляла бы для нас никакой опасности».

Повсюду заявляя, что только при сохранении спокойствия в стране Бельгия сможет устоять как независимое государство, бельгийские буржуазные демократы, как признавался впоследствии Спильтгорн, не имели «намерения предпринять что бы то ни было, что противоречило бы закону или конституции».

Ложная мысль, что республиканский переворот превратит Бельгию в придаток республиканской Франции, преобладала и в правящих кругах Бельгии. Под флагом борьбы за сохранение национальной независимости бельгийское правительство быстро мобилизовало все свои силы для того,

---

[1] Marx—Engels Gesamtausgabe, Abt. I, Bd. VI, S. 587.
[2] Там же.

чтобы противодействовать революции. Консолидация реакционных сил внутри страны в соединении с активной поддержкой европейских держав, заинтересованных в том, чтобы не допустить усиления республиканской Франции, позволили монархии Леопольда I выйти победительницей из этой борьбы. Неорганизованность бельгийских трудящихся масс и политическая неустойчивость бельгийских демократов облегчили эту победу.

Влияние революции 1848 г. в Европе на внутриполитическую жизнь Бельгии

Было бы, однако, неправильно ограничить влияние революции 1848 г. в Европе на внутриполитическую жизнь Бельгии указанными выше конституционными реформами. Нельзя игнорировать идейно-политические сдвиги, происшедшие в Бельгии в результате этой революции и оказавшие немалое влияние на дальнейшую жизнь страны. «Истина, которую многие напрасно стараются скрыть от себя и которая с каждым днем становится все более очевидной и ощутимой,— писала в июне 1848 г. газета «Будущность Шарлеруа» («L'Avenir de Charleroy»),— состоит в том, что либеральные ассоциации отжили свое время; их собрания, дискуссии, цель и программа либерального конгресса—все это стало анахронизмом со времен февральских дней. Сейчас место одним лишь демократическим обществам, демократическим клубам и т. д.».

Газета обосновывала правомерность такого сдвига. «В настоящее время,— писала она,— в конституционных государствах буржуазия, участвующая в выборах, получила почти все, чего она могла желать. Она является сувереном и держит в своих руках судьбы своей страны. И если страна управляется плохо... то в этом повинна буржуазия, нашедшая плохое применение своим правам... Народ же, не участвующий в выборах, тысячу раз вправе жаловаться, так как он страдает не по своей вине».

Революция 1848 г. в Европе способствовала также критической переоценке широкими массами бельгийского народа конституционных свобод, прогрессивное значение которых, в результате стараний правящих классов, преувеличивалось.

Вопрос был поставлен теперь по-иному: как избежать отставания Бельгии от более передовых стран (в первую очередь, от Англии и Франции). Эта задача могла быть решена только путем широкого распространения в народе демократических идей и повсеместного создания демократических организаций.

Революция 1848 г. не могла не изменить задачи и цели «Демократического общества». «Прошли те прекрасные дни,—писала в октябре 1848 г. «Новая Рейнская газета»,—когда делегаты всех народов паломничали в Брюссель, чтобы за стаканом фаро изучать преимущества бельгийского образцового государства»[1]. После революционных событий 1848 г. стало невозможным дальнейшее существование «Демократического общества» в качестве центра международного демократического движения, ибо, как правильно указывала газета «Деба сосиаль», «...демократическое движение переместилось, и Бельгия не является более центром этого движения, как это было в конце прошлого года». «Демократическое общество» было в 1848 г. реорганизовано. Отныне его цель определялась потребностями демократического движения в одной лишь Бельгии. Как гласил 1 пункт его нового устава, целью «Демократического общества» отныне являлось «освобождение народа и его участие во всех благодетельных мероприятиях социального порядка».

[1] «Новая Рейнская газета», 31/X 1848 г.

Рост демократического движения в Бельгии в результате революции 1848 г., все расширяющаяся сеть демократических обществ, распространившихся из более крупных городов — Гента, Льежа, Вервье и других — в менее значительные центры, появление новых демократических органов печати, многочисленные банкеты, проводившиеся под лозунгами борьбы за организацию демократической партии, за демократическую и социальную республику и т. п., — всё это означало новый этап в демократическом движении бельгийского народа. «Мы можем доложить нашим друзьям из провинции, — писала 30 ноября 1848 г. газета «Деба сосиаль», — что Брюссель пробуждается. Демократы столицы, слишком долго погруженные в преступный покой, поняли, что для них настало, наконец, время принять участие в усилиях, предпринимаемых со всех сторон для того, чтобы добиться освобождения рабочих».

Наступал новый этап в истории бельгийского демократического и рабочего движения, знаменовавший собой более активное участие в политической борьбе широких народных масс, начинавших под воздействием революции 1848 г. яснее осознавать свои классовые интересы.

Глава пятьдесят седьмая

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В НИДЕРЛАНДАХ В 1848—1849 ГГ.

Во времена так называемого первоначального накопления Нидерланды в течение многих лет были наиболее развитой и мощной торгово-промышленной державой. «Сокровища, добытые за пределами Европы посредством грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал. Голландия, где колониальная система впервые получила полное развитие, уже в 1648 г. достигла высшей точки своего торгового могущества»[1]. И уже тогда, в 1648 г., именно вследствие значительного роста капиталистического способа производства (в стадии капиталистической мануфактуры), народные массы самой метрополии — голландские рабочие и крестьяне «... более страдали от чрезмерного труда, были беднее и терпели гнет более жестокий, чем народные массы всей остальной Европы»[2].

Экономическое и политическое положение Нидерландов в 30—40-х годах XIX в.

Через 200 лет, накануне событий 1848 г., Нидерланды были третьеразрядным, захудалым государством, в котором, при сохранявшемся порабощении рабочей силы в голландских колониях и значительной колониальной торговле, преобладающую роль внутри страны играли сельское хозяйство и рыболовство, а не промышленность.

Следует, однако, отметить, что именно в 30—40-х годах XIX в. промышленное развитие Нидерландов несколько усилилось, так как товары, ранее производившиеся бельгийцами и составлявшие выгодную статью колониальной торговли Нидерландов, пришлось после бельгийской революции 1830 г. и освобождения Бельгии из-под ига Нидерландов производить самим голландцам. Большинство голландских предприятий сохраняли, впрочем, мануфактурный строй, и только в провинции Оверейссель заметное значение стали приобретать сосредоточенные там бумагопрядильные фабрики (в 1846 г. в Нидерландах насчитывалось на бумагопрядильных фабриках 400 тыс. веретен).

Низкая заработная плата, ужасные жилищные условия, продолжительный рабочий день в самой антигигиенической обстановке, отсутствие школ — таковы были условия существования голландских рабочих.

Зажиточная часть голландского крестьянства и городской буржуазии, воспитанная в строгом повиновении кальвинистской церкви, была крайне консервативна. Богатое купечество, многочисленные биржевые

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 824.
[2] Там же.

агенты и маклеры, владельцы мануфактур и нажившиеся в колониях плантаторы чувствовали себя превосходно в затхлой мещанской обстановке и не мечтали ни о каких политических переменах. Политическая борьба принимала здесь формы религиозной борьбы между многочисленными сектами.

Король Вильгельм I, получивший в 1815 г. от Венского конгресса корону объединенных Нидерландов, был убежденным сторонником абсолютизма. Министры руководствовались в своей деятельности исключительно волей короля. Бюджет утверждался сразу на 10 лет. Но автократическая политика Вильгельма встречала оппозицию передовых кругов голландской буржуазии, видевших, что упрямство короля ведет Нидерланды к банкротству. Активную борьбу за ограничение королевской власти повела образовавшаяся в XVIII в. прогрессивная партия «патриотов», возглавленная профессором государственного права Лейденского университета Яном Рудольфом Торбеке. Потеря Бельгии, отделившейся от Нидерландов, давала лишний козырь в руки буржуазной оппозиции. Ее лозунг «оздоровления финансов» вызывал сочувствие даже в некоторых консервативных кругах.

Дружным натиском прогрессистов — депутатов Генеральных штатов и оппозиции удалось в 1840 г. свалить реакционное правительство и побудить короля отречься от престола. Торбеке и его сторонники требовали пересмотра реакционной конституции 1815 г. Но преемник Вильгельма I, его сын король Вильгельм II, не допустил никаких преобразований. На первом плане во внутренней политике попрежнему оставались вопросы финансовой реформы и демократизации конституции. В 40-х годах круг приверженцев Торбеке значительно расширился. В 1844 г. Торбеке резко поставил вопрос о пересмотре конституции 1815 г. Но Генеральные штаты отклонили его предложение, считая, что «в таком серьезном деле» инициатива должна исходить от короля. Только в январе 1847 г., в условиях экономического кризиса и усиливавшегося общественного недовольства король вынужден был предложить Генеральным штатам заняться пересмотром конституции. Выработанный в соответствии с королевским предложением законопроект подлежал обсуждению во второй палате в марте 1848 г.

Отклики на революции во Франции, Германии, Австрии и Италии

События опередили намерения Вильгельма II. В ночь на 13 марта под впечатлением известий, полученных из европейских столиц, король «превратился в 24 часа из консерватора в либерала», как он сам выразился в разговоре с послом одной из великих держав. «Превращение» выразилось в том, что король пригласил на совещание совета министров председателя второй палаты и сообщил ему, что ничего не имеет против пересмотра конституции «в известных пределах», но желает знать, каких именно изменений требует палата. Король назначил комиссию для выработки проекта новой конституции под председательством Торбеке и с участием четырех членов: Курциуса, де Кемпенера, Люзака и Сторма. Выход в отставку реакционных министров облегчил работу комиссии.

Революционные события в Германии и Австрии ускорили проведение реформы. Перепуганный Вильгельм решился вручить власть либералам-торбекианцам (однако без самого Торбеке) и поставить Курциуса во главе правительства. В октябре 1848 г. законопроект о пересмотре конституции 1815 г. получил силу закона. Он был обнародован в ноябре 1848 г.

Конституция 1848 г.

Новая конституция имела более либеральный характер, чем конституция 1815 г. Конституция 1848 г. оставляла власть короля почти в прежнем объеме. Однако министры являлись теперь ответственными перед парламентом, а не перед короной. Пол-

номочия Генеральных штатов были расширены. Им был предоставлен контроль над государственными финансами и администрацией колоний, право внесения изменений в правительственные законопроекты. Законодательная инициатива второй палаты распространялась также на первую палату. Заседания обеих палат становились публичными. Государственный бюджет подлежал ежегодному обсуждению. 67 депутатов нижней палаты избирались прямым голосованием; 39 депутатов верхней палаты избирались провинциальными штатами на 9 лет, а не назначались правительством пожизненно, как это было раньше. Избирательное право предоставлялось только плательщикам прямых налогов в сумме от 20 до 160 флоринов в год, а для участия в муниципальных выборах — в сумме от 10 до 80 флоринов годового налога, в зависимости от местных условий. Избирательный ценз для выборов в штаты всех 11 провинций был установлен в размере вдвое меньшем парламентского ценза. Депутаты получали денежное вознаграждение. Конституцией формально обеспечивались свобода совести, свобода слова, собраний и петиций, бесплатное начальное образование.

В состав второй палаты вошли два помещика, два купца, один фабрикант, 12 лиц без определенной профессии и 50 представителей интеллигентных профессий. Первая палата, избиравшаяся из среды самых богатых налогоплательщиков, должна была играть роль тормоза либеральных начинаний второй палаты.

Вследствие своей неорганизованности народные массы Нидерландов не смогли оказать решающего влияния на преобразование государственного строя в более демократическом направлении. Следует, однако, отметить, что именно народные демонстрации 12 и 16 марта в Гааге заставили консервативное правительство Нидерландов пойти на уступки. Власть купеческо-аристократической олигархии была надломлена. Господствующей силой в государстве сделалась средняя торгово-промышленная буржуазия.

Мероприятия либерального министерства Торбеке

Одним из первых актов Вильгельма III, вступившего на престол после смерти Вильгельма II в марте 1849 г., был призыв к власти Торбеке. На посту премьер-министра Торбеке оставался до 1853 г. Правительство Торбеке несколько понизило избирательный ценз для выборов в Генеральные штаты (до 120 флоринов), ввело самоуправление провинций, упорядочило до известной степени государственные финансы. Именно вэто время Нидерланды окончательно перешли к свободной торговле.

Несмотря на эти реформы, введение новой конституции не оправдало возлагавшихся на нее надежд. Прогрессивные слои Нидерландов вскоре охватило глубокое разочарование. Преимущество прямого избирательного права парализовалось высоким имущественным цензом. Свобода печати ограничивалась налогом на газеты. Наказуемость стачек сковывала деятельность рабочих союзов. Всеобщее начальное образование не выходило из области обещаний. Парламентская ответственность министров фактически не осуществлялась.

Политические партии

Борьба политических партий проявлялась в форме вероисповедных разногласий. Протестанты, составлявшие большинство населения, делились на «правоверных» кальвинистов, отличавшихся крайней нетерпимостью, и «либералов», сторонников умеренных реформ и изъятия народного образования из ведения духовенства. Либералы пользовались поддержкой католической партии, которой было выгодно отделение церкви от государства, так как это ограждало католическую церковь от агрессивности кальвинистов. Католики, составлявшие около трети населения северных провин-

ций, а в провинциях Брабант и Лимбург — большинство, образовали сплоченную и хорошо организованную католическую партию, беспрекословно повиновавшуюся директивам духовенства.

В 1850 г. из слияния «правоверных» протестантов с консерваторами других направлений организовалась контрреволюционная партия Грун фан Принстерера. В нее вступили высшие чиновники, представители торговой и денежной знати, придворные; к ней благоволил сам король.

Либеральная партия, партия средней торгово-промышленной буржуазии и буржуазной интеллигенции, начиная с 1848 г. располагала почти неизменно большинством голосов и во второй палате, и среди административных верхов, пока внутренние раздоры не ослабили ее влияния. Объектами борьбы либеральной и католической партий с кальвинистами являлись вопросы о замене косвенных налогов прямыми, о введении подоходного обложения, о свободе торговли и свободе вероисповедания, о церковной и светской школе. Школьный вопрос впоследствии послужил поводом к расколу блока либералов и католиков.

Подводя итог, следует сказать, что, хотя революционное движение 1848 г. и не прошло бесследно для политической жизни страны, реформы, проведенные здесь в 1848—1849 гг., не отличались каким-либо радикализмом. Причину этого явления следует видеть в слабости и неорганизованности демократических сил Нидерландов в середине XIX в.

Глава пятьдесят восьмая

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В ИСПАНИИ В 1848 Г.

В первой половине XIX в. в Испании еще господствовала феодальная аристократия. Это была страна непомерно многочисленного духовенства, дворянства и нищих. Все же с 1808 г., со времен первой буржуазной революции в Испании, когда в стране на 10 млн. жителей приходилось $1^1/_2$ млн. дворян, 300 тыс. служителей католического культа и лишь около 120 тыс. купцов и промышленников, многое изменилось. Наряду с отсталыми, чисто земледельческими районами появились сравнительно быстро развивавшиеся очаги капиталистической мануфактуры, торгово-промышленные города. В отдельных отраслях промышленности еще задолго до 1848 г. стали появляться машины. Первая хлопкопрядильная машина мюль-дженни появилась в Испании в 1805 г., а с 1808 г. во всей Каталонии стало распространяться механическое бумагопрядение. В 1833 г. в бумагопрядильной промышленности Испании насчитывалось более 2800 предприятий, на которых было занято более 34 тыс. рабочих. Зарождавшееся рабочее движение носило преимущественно экономический характер и выражалось в создании профессиональных союзов и касс взаимопомощи. Но, по свидетельству одного тогдашнего экономиста, уже в 30—40-х годах, в промышленных (правда, еще очень немногих) центрах страны «самые крайние политические идеи пробудились в среде пролетарского класса».

Испания в 30—40-х годах XIX в.

В 30—40-х годах в Испании заметно усилились революционно-демократические и республиканские стремления. К этому времени относится и начало распространения в Испании идей утопического социализма.

Под влиянием французской революции 1830 г. в Испании возобновилась борьба за восстановление конституционного строя. Умеренно-либеральная конституция 1834 г. не могла, однако, удовлетворить прогрессивную часть испанского общества. Народные массы требовали введения более прогрессивной конституции 1812 г., восстановленной во время революции 1820 г., но отмененной в 1823 г., когда с помощью французской интервенции в Испании снова восторжествовала абсолютистская реакция. В ответ на эти требования правительство в 1837 г. утвердило новую конституцию, несколько более либеральную, чем конституция 1834 г., но это не внесло успокоения в страну

В 1840 г. в Мадриде и Барселоне произошли массовые волнения, непосредственной причиной которых было издание правительством закона

об ограничении прав органов местного самоуправления (аютамиентос). В результате этих волнений в октябре 1840 г. мать малолетней королевы Изабеллы II Христина отреклась от регентства и бежала во Францию. (Впрочем через несколько лет, в 1845 г., Христина вернулась в Испанию). В 1841 г. регентом кортесы избрали вождя прогрессистов (экзальтадос) генерала Эспартеро, пользовавшегося поддержкой английского правительства.

В Испании начался период военных диктатур. «... По внешности действуя, как военный диктатор, в сущности же не пытаясь возвыситься над уровнем обычного конституционного короля»[1], Эспартеро, по выражению Маркса, не сумел «сработаться» с парламентским режимом. Своим правлением он восстановил против себя всю страну. Особенно сильное возмущение вызвала жестокая бомбардировка главного города Каталонии — Барселоны в ноябре 1842 г., где республиканская партия и примкнувшие к ней войска подняли восстание. В июне 1843 г. вспыхнули повсеместные восстания против Эспартеро. Коалиция умеренных (модерадос) и прогрессистов во главе с генералом Нарваесом, которого поддерживало французское правительство, свергла Эспартеро.

8 ноября 1843 г. кортесы объявили 13-летнюю королеву Изабеллу II совершеннолетней. Во главе нового правительства стал консерватор Браво Гонсалес. В 1844 г. его сменил вождь партии умеренных — генерал Нарваес. Не считая короткого времени, когда у власти были прогрессисты (1847), Нарваес был премьер-министром с 1844 по 1851 г. и после этого неоднократно возвращался к власти.

С приходом Нарваеса к власти в Испании снова установился режим военной диктатуры. Свое правление Нарваес ознаменовал массовыми арестами и казнями радикалов и республиканцев, уничтожением свободы печати и свободы собраний, установлением строжайшей цензуры и т. д. Кортесы потеряли всякое значение, парламентская оппозиция была сломлена. Отменив конституцию 1837 г., Нарваес провел в 1845 г. новую, более реакционную конституцию. В дальнейшем он правил Испанией, не стесняясь, по его собственным словам, «употреблять палку и бить крепко».

Отклики в Испании на революционные события в Италии и во Франции

Революционные события в Италии в январе — феврале 1848 г. вызвали горячее сочувствие прогрессивных слоев испанского общества. Кортесы горячо приветствовали перемены, происшедшие в Италии. Февральские события во Франции также были встречены по ту сторону Пиренеев с большим энтузиазмом. Весть о них пришла в Испанию 27 февраля. Страх охватил имущие классы и правительство Испании. Уже на следующий день Нарваес внес в кортесы законопроект о приостановке действия § 7 конституции 1845 г. о неприкосновенности личности и о предоставлении правительству займа в 200 млн. реалов на чрезвычайные расходы по поддержанию в стране «порядка». Прогрессисты протестовали против этого проекта, заявляя, что он нарушает конституционные права испанского народа и неизбежно должен привести к диктатуре. Несмотря на возражения прогрессистов, кортесы приняли первый пункт законопроекта (148 голосами против 45). В тот же день совет министров, готовясь к борьбе с революционным движением, отдал приказ стянуть к Мадриду войска, а в провинции сформировать особые резервные батальоны.

Экономический кризис 1847—1848 гг. резко ухудшил и без того тяжелое положение трудящихся масс Испании, жестоко страдавших как от развития капиталистических отношений, так и от остатков феодальных порядков. Начавшаяся во Франции революция возбудила большие надежды

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 690.

в народных массах Испании. В первые недели марта революционные настроения в массах усилились. Когда 17 марта в палате депутатов были зачитаны официальные депеши о февральских событиях во Франции, их, по выражению корреспондента французской буржуазной газеты «Журналь де деба», слушали «в благоговейном молчании». Все прилегающие к палате улицы были полны народа, приветствовавшего французскую революцию. В рабочих кварталах Мадрида группы жителей демонстрировали в этот день с криками: «Да здравствует республика!»

4 марта мадридские газеты опубликовали обращение партии прогрессистов к королеве, в котором они просили ее не утверждать законопроектов о приостановке действия § 7 конституции и о займе в 200 млн. реалов. «Если министры требуют утверждения этого проекта на том основании, что народ волнуется, это означает,— говорилось в петиции,— что народ несчастен. Новый заем будет не чем иным, как добавлением к тому бремени налогов, под тяжестью которых уже теперь стонет народ; защищая свои личные интересы, министры стремятся установить диктатуру, уничтожить конституционные права народа». При этом партия прогрессистов заверяла королеву в своих верноподданнических чувствах и в своей готовности защищать трон. По приказу властей все газеты, напечатавшие петицию, были конфискованы. Прогрессивные газеты горячо протестовали против этого. «Погибнем, если это необходимо, но защитим права общества!»— заявляли они. 18 марта сенат принял законопроект о приостановке действия § 7 конституции, а 22 марта Нарваес объявил указ королевы Изабеллы о роспуске кортесов. Как ни слаба была роль кортесов в 1848 г., они все же препятствовали установлению неприкрытой диктатуры Нарваеса, которому правительство, напуганное революционными событиями в Европе, готово было вручить всю полноту власти.

Роспуск кортесов, вызвавший сильное возбуждение среди передовых слоев испанского общества, явился поводом к восстанию 26 марта. Партия прогрессистов воочию убедилась, что никакие петиции, никакие речи в кортесах, никакие оппозиционные выступления в печати неспособны поколебать крайний консерватизм правительства и что настал час пустить в ход оружие.

Прогрессивная печать сообщала в эти дни о волнениях в Барселоне, Сарагоссе и в других местах. В Барселоне был удвоен гарнизон крепости, по всему городу разосланы патрули. Крупная буржуазия Барселоны поспешила предложить властям свою финансовую поддержку и помощь для охраны «порядка». Предупрежденное о готовящемся в Мадриде восстании, правительство получило возможность принять ряд контрреволюционных, военно-полицейских мер: велись работы по укреплению некоторых пунктов города, были призваны под ружье 20 резервных батальонов, произведены обыски у прогрессивных деятелей. 23 марта были арестованы члены революционной организации, которую правая французская печать называла клубом коммунистов.

Революционное брожение в стране продолжалось. 26 марта в Мадриде вспыхнуло восстание, организованное республиканским крылом партии прогрессистов.

Позиции прогрессистов и умеренных. Подготовка восстания

Партия прогрессистов, иначе — левых либералов, опиралась на передовые слои средней и мелкой буржуазии, на либеральные круги дворянства, на оппозиционно настроенное офицерство и прогрессивные группы интеллигенции. Эта партия стремилась к установлению в Испании конституционной формы правления и проведению некоторых либерально-буржуазных реформ. Ни о каких социальных преобразованиях в стране (ни о решении аграрного вопроса в интересах

крестьянства, ни об улучшении положения рабочего класса) прогрессисты не помышляли.

Под влиянием февральских событий во Франции в партии прогрессистов произошел раскол. Большая часть партии, настроенная антиреспубликански, была противницей революционных выступлений; наиболее видными ее представителями были бывший премьер Мендисабал, бывший посол во Франции Олосага, писатель и государственный деятель Эскосура. Другую, незначительную, часть партии составляли сторонники решительных действий, республиканцы; их лидерами являлись полковник Гáндара, офицеры Оренсе, Сагаста.

Партия умеренных, иначе — правых либералов, выражала интересы крупных финансистов, обуржуазившегося дворянства и части высшего духовенства. Она была главной опорой трона. После февральских событий во Франции в партии умеренных тоже образовалось два течения. Представители одного из них, во главе с бывшим министром Мартинесом де ла Роса, стремились мирными средствами остановить революционное движение. Представители другого, более реакционного течения, как, например, министры Педро Пидаль и Риос-и-Росас, настаивали на жестоких репрессиях против участников революционных выступлений.

Консервативная католическая партия, партия высшего духовенства, придворной камарильи и верхушки офицерского корпуса, объятая страхом перед революцией, активно поддерживала правительство и все его суровые меры против революционного движения.

Во главе группы прогрессистов, организовавшей восстание 26 марта, стоял полковник Гáндара, республиканец, справедливо считавший королевское правительство главным виновником бедствий испанского народа. К Гáндара примкнули некоторые другие вожди левого крыла партии, почти сплошь военные. Они объединили вокруг себя около 600 офицеров и значительную часть солдат мадридского гарнизона.

Гáндара начал с того, что обратился за помощью к Временному правительству Франции. Арман Марраст любезно принял посланцев Гáндара, но в помощи отказал. Тем не менее группа республиканцев во главе с Гáндара не отказалась от борьбы.

Оружия у республиканцев было недостаточно, и, чтобы запастись им, Гáндара готов был отсрочить восстание, но на собрании 24 марта, по настоянию наиболее активных и революционно настроенных членов группы, было все же решено начать восстание в Мадриде в 3 часа дня 26 марта.

Согласно заранее разработанному плану восстания, в нем должны были принять участие отдельные части мадридского гарнизона: один полк в полном составе, один батальон, отряд особого назначения. Часть гарнизона дала обещание не выступать против народа. Предполагалось прежде всего захватить здание министерства почт и телеграфа и превратить его в крепость, а затем завладеть артиллерийским парком. После этого вожди восстания намеревались отправиться к королеве и потребовать создания нового правительства, способного удовлетворить требования народа, гарантировать конституционные свободы и организовать национальную гвардию.

Восстание 26 марта в Мадриде

Однако план этот был сорван из-за колебаний и нерешительности войск, на которые возлагали надежды прогрессисты. К двум часам дня стало известно, что значительная часть войск отказалась от выступления. Тогда организаторы восстания обратились к населению Мадрида с воззванием, в котором предлагали отложить восстание до более благоприятного момента. Но народ, возбужденный сообщениями о недавних событиях в Вене и Берлине, заподозрил своих вождей в измене и решил выступить без них. Руководители восстания вынуждены были подчиниться воле народа.

Восстание началось не в 3 часа дня, как предполагалось раньше, а позднее — около 7 часов вечера. Из рядов восставших послышались возгласы: «Да здравствует республика! Долой министров! Да здравствует свобода!»

Первые выстрелы раздались на улице Пуэрта дель Соль, а затем началась стрельба на соседних улицах. Вскоре борьба вспыхнула во всех районах города. С необычайной быстротой были воздвигнуты баррикады на площади Себада, которая стала центральным пунктом борьбы, а также на многих других улицах (Сан-Херонимо, Лобо, Принсипе, Толедо, де ла Крус и т. д.). Некоторые баррикады были так прочны, что правительственные войска долго не могли их взять. С исключительным упорством народ дрался повсюду: на площадях, на улицах, на рынках. Вначале войска почти везде должны были отступить. На площади Себада, на улице Толедо и в некоторых других местах борьба продолжалась почти всю ночь. К утру эти улицы были залиты кровью.

Инсургентам нехватало оружия. Только 300 человек имели огнестрельное оружие; все остальные были вооружены чем попало: мечами, ножами и даже обломками мебели. В разгар борьбы группа инсургентов ворвалась в здание театра и захватила там 60 мушкетов, употреблявшихся во время театральных представлений. Из скамей театрального зала были сооружены баррикады, и повстанцы упорно защищались здесь, у здания театра, в продолжение всей ночи. На узких улицах предместий народ сбрасывал с крыш на королевские войска столы, стулья, горшки, сковородки, камни, черепицу. На головы солдат и офицеров летели жаровни, полные горячих углей и золы. Во многих местах народ сражался с солдатами врукопашную. Лишь к 3 часам утра 27 марта правительственным войскам с большим трудом удалось подавить восстание.

В восстании 26 марта приняли участие не только рабочие из предместий Мадрида, но и многие офицеры и солдаты столичного гарнизона. Организаторами его были, как уже сказано, главным образом военные. Здесь следует указать на выдающуюся роль, которую играла испанская армия в революциях первой половины XIX в. Среди многочисленных причин этого явления Маркс отмечал, например, существование должности генерал-капитанов, которые являлись настоящими пашами своих провинций; войну за независимость против Франции, войну, которая сделала армию «... не только главным орудием национальной обороны, но также первой революционной организацией и центром революционной деятельности в Испании; заговоры 1815—1818 гг., сплошь исходившие от армии»; династическую войну 1831—1841 гг., в которой с обеих сторон «...решающим фактором была армия...»[1]. Отмеченные Марксом причины приводили к тому, что в Испании до 1854 г. «... революция всегда брала свое начало в армии, и ее разнообразные проявления до указанного времени не представляли никаких внешних различий, кроме различий в ранге тех военных, которые их начинали»[2]. Прогрессивное офицерство испанской армии принимало активное участие в революциях, в то время как реакционная военщина служила орудием в борьбе за власть между различными группами испанской буржуазии и испанского дворянства.

Общее количество восставших 26 марта республиканцев достигало 2 тыс.; из них 200 человек молодежи сражались с исключительным упорством. На стороне правительства действовали части гарнизона, жандармерия и полиция. Число жертв было велико: не менее 200 человек убитых и значительно большее число раненых; около 200 повстанцев были взяты в плен.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т, XI, ч. I, стр. 48.
[2] Там же.

27 марта в правительственной газете за подписью королевы и Нарваеса были опубликованы указы, объявлявшие столицу на военном положении и учреждавшие военный суд для разбора дел об участниках восстания. Военный суд состоял из назначенных Нарваесом офицеров под председательством генерала Бальбоа, палача, расстреливавшего малолетних детей во время гражданской войны 30-х годов.

28 марта правительство отдало приказ произвести обыски во всех домах Мадрида, и к ночи было арестовано до 900 человек. Многие генералы, заподозренные в участии в восстании, и те, которым мстил по личным соображениям Нарваес,— Руис, Ириарте, Ван Галлен и другие, — были высланы на Филиппины и на Канарские острова. Депутаты Олосага и Эскосура, хотя и не принимали участия в восстании, также были высланы. Все видные прогрессисты вынуждены были скрываться; почти все либеральные газеты были закрыты, а уцелевшие не имели права печатать что-либо о восстании, даже то, что сообщалось правительственными газетами. Придворная газета «Геральдо» подло клеветала на участников событий 26 марта. Не лучше вела себя печать умеренных, требовавшая беспощадных репрессий против повстанцев, клеветавшая на передовые газеты и на партию прогрессистов.

После подавления восстания Мадрид походил на военный лагерь. Город был разделен на четыре округа, охранявшиеся войсками и артиллерией. В столицу беспрерывно подходили подкрепления; предполагалось довести ее гарнизон до 20 тыс. человек. 2 апреля возникли серьезные волнения среди студентов университета и коллежа Сан Карлос в Мадриде. Прибывшие войска разогнали студентов. Оба учебных заведения были закрыты. Много студентов было выслано в Сеговию.

Вскоре после восстания в Мадриде произошли революционные выступления, организованные прогрессистами в Валенсии, в Барселоне и в некоторых других городах. В Барселоне восстание вспыхнуло 29 марта. В нем участвовали широкие массы народа, а также студенты местного университета. Раздавались возгласы: «Да здравствует республика!» Для борьбы с восставшим народом власти двинули войска и жандармерию. Восстание было подавлено.

Восстание 7 мая в Мадриде

Между тем, в Мадриде назревало новое восстание. В его подготовке участвовал либеральный банкир Хосе де Саламанка; вокруг него группировались организаторы восстания 26 марта: Га́ндара, офицеры Бедойя, Бусета и другие. Восстание вспыхнуло 7 мая. В нем приняли участие почти одни только военные. Согласно официальным данным, их было не более 300 человек. В действительности восставших было гораздо больше. Восставшие расположились на Большой площади, где были вскоре атакованы правительственными войсками под командованием генерала Ларсунди. Ему удалось быстро справиться с восставшими и большинство их захватить в плен. Борьба происходила и в других пунктах Мадрида, но повсюду окончилась поражением повстанцев.

Широкие круги населения Мадрида остались в стороне от движения 7 мая: народ, обманутый войсками 26 марта, не поверил теперь военным.

В отличие от восстания 26 марта, восстание 7 мая не было республиканским. Инсургенты требовали свободы, но одновременно приветствовали королеву.

Новый военный губернатор Мадрида капитан-генерал Песуэла, назначенный на место убитого во время уличных боев Фульгосио, тотчас же приступил к кровавой расправе с участниками восстания. Был учрежден военный суд под председательством того же генерала Бальбоа, который расправлялся с инсургентами 26 марта. Перед судом пред-

стали все военные и гражданские лица, захваченные с оружием в руках. 13 осужденных были расстреляны в ночь на 8 мая в присутствии всего гарнизона, собранного в окрестностях порта Алкала. 700 человек были высланы на Балеарские острова и в колонии.

Беспощадно расстреливались не только лица, задержанные 7 мая с оружием в руках. На улицах хватали ни в чем неповинных людей; не щадили ни женщин, ни детей. Многие невинные жертвы были сосланы на Филиппины. Все прогрессивные газеты были запрещены.

«Положение в Мадриде ужасно,— писала 21 мая французская демократическая газета «Реформа».— Даже Австрия в Италии совершила меньше ужасов, чем Нарваес и Христина в Мадриде. Палачи Христины и Нарваеса превратили Мадрид в место казни, где живые оплакивают мертвых и клянутся мстить за них».

Восстание частей мадридского гарнизона не было изолированным событием. Волнения в армии происходили и в других местах. Так, например, на испанском судне «Фигаро», отправившемся 18 апреля из Барселоны в Гавану и имевшем на борту 182 солдата и 9 артиллерийских орудий, вспыхнуло восстание солдат. Трое из них были убиты во время перестрелки, шестеро расстреляны.

Восстание 13 мая в Севилье

13 мая произошло военное восстание в Севилье, организованное Хосе Порталем, другом английского посла в Мадриде Бульвера-Литтона и, видимо, при поддержке последнего. В этом восстании приняли участие Гвадалахарский полк, командиром которого был Хосе Порталь, много офицеров, несколько сот кавалеристов; у инсургентов была и артиллерия. Восставшие рассчитывали, что к ним присоединится около полуторы тысяч вооруженных и готовых к бою крестьян. Но к моменту восстания в Мадрид явились лишь немногие крестьяне. Несмотря на это, восставшие войска с энтузиазмом и с криками: «Да здравствует республика!» вступили, в бой, захватили много пушек и другого вооружения и взяли в плен много офицеров.

Таким образом, первое столкновение окончилось успешно для республиканцев. Однако, не встретив поддержки народных масс, Порталь решил прекратить борьбу. Во главе своих войск он отправился из Севильи по направлению к Уэльве. Генерал Шелли, командовавший правительственными войсками, преследовал Порталя и догнал его, после чего между ними завязался бой, во время которого отряд жандармов перешел на сторону восставших. Генералу Шелли пришлось спасаться бегством в Севилью. Батальон Альбукеркского полка, отправленный морем из Кадиса, чтобы отрезать путь восставшим, присоединился к Порталю. Несмотря на все это, Порталь все же не возобновил борьбы. Инсургенты перешли португальскую границу и сдали оружие португальскому правительству.

Политика английского правительства в Испании

За восстанием 13 мая в Севилье последовали революционные волнения в Мурсии, в Аликанте, в Валенсии, в Кампо Сан-Роке и в некоторых других местах. Испанское правительство усматривало в этих волнениях руку Англии, действовавшую через Бульвера-Литтона. Давнее соперничество между английской и французской дипломатией в Испании выражалось, между прочим, в том, что Франция поддерживала в Испании консерваторов и умеренных, а Англия стремилась подчинить своему влиянию прогрессистов (с целью противодействовать французскому влиянию). Поэтому Бульвер открыто стал в оппозицию к испанскому правительству и его главе Нарваесу, поддерживавшему тесную связь с Францией. В письме к испанскому министру иностранных дел герцогу Сотомайору английский посол протестовал против

чрезвычайных полномочий, которых Нарваес требовал в кортесах 28 февраля и позже, и рекомендовал Нарваесу «уйти, пока он еще может это сделать с достоинством». После разгрома восстания 26 марта Бульвер выразил Сотомайору недовольство английского правительства правительственным террором, в частности, высылкой без суда и следствия депутатов-прогрессистов Олосаги и Эскосуры.

Настойчивые попытки Бульвера вмешиваться во внутренние дела Испании, продиктованные стремлением добиться изменения ее политики в интересах Англии, возмущали испанское правительство. Депеша Пальмерстона Бульверу от 16 марта резко ухудшила отношения между Англией и Испанией. В этой депеше Пальмерстон предлагал Бульверу при случае рекомендовать королеве призвать к власти «законное и конституционное правительство» и «указать ей на пример Франции, где произошла катастрофа, от которой короля не могла защитить даже большая и хорошо дисциплинированная армия». Пальмерстон добавлял, что королева должна «расширить базу, на которую опирается управление страной, и создать правительство, куда вошли бы лица, пользующиеся доверием либеральной партии».

Не следует думать, конечно, что Пальмерстон в своей оппозиции реакционному испанскому правительству руководствовался идеалами свободы и справедливости. Он добивался лишь укрепления экономического и политического влияния Англии в Испании, сильно пошатнувшегося с 1846 г., в результате интриг французской дипломатии (в вопросе о так называемых «испанских браках»); достигнуть этого можно было тогда лишь через посредство либеральных кругов Испании. Известна реакционная роль, которую сыграло английское правительство в европейских революциях 1848—1849 гг., поддерживая Австрию и против итальянских патриотов, и против венгерских революционеров. В Испании английским правительством проводилась такая же своекорыстная политика, только принявшая иную окраску.

Бульвер немедленно опубликовал депешу Пальмерстона в прогрессивной газете «Кламор публико», а затем уже сообщил о ней Сотомайору в угрожающем письме. В ответ на такой бесцеремонный шаг английского посла испанское правительство обратилось к английскому правительству с просьбой отозвать Бульвера из Мадрида. Это обращение осталось без ответа. 15 апреля, после того как испанское правительство получило данные о связях республиканских инсургентов с английским посольством, Нарваес вторично обратился к английскому кабинету с просьбой отозвать Бульвера. Пальмерстон ответил 20 апреля, что присутствие Бульвера в Испании совершенно необходимо и что он, Пальмерстон, вполне оправдывает все действия своего посла. Наконец, после восстания 7 мая, в организации которого также подозревали английского посла, Сотомайор написал Бульверу, что предлагает ему, в целях защиты его особы от возмущения народа, покинуть Мадрид. Бульвер не подчинился. Лишь после подавления восстания в Севилье, во главе которого стоял близкий друг Бульвера Хосе Порталь, правительство Нарваеса осмелилось само отослать Бульверу паспорта.

18 мая английский посол покинул Мадрид. Вслед за ним в Лондон был послан испанский уполномоченный граф Мирасоль для разъяснения всех обстоятельств дела. В течение двух недель Мирасоль не мог добиться приема у Пальмерстона. 14 мая английское правительство вручило паспорта испанскому послу в Лондоне Истурису. Дипломатические отношения между Испанией и Англией были прерваны (они были восстановлены лишь в 1850 г.). Пальмерстон предлагал даже организовать военную экспедицию в Средиземное море для устрашения Испании, но этот проект не нашел

поддержки в английском кабинете. Инцидент с Бульвером встретил резкое осуждение в английском парламенте. В Испании же он вызвал возмущение не только правящих кругов, но и прогрессивных слоев общества, оскорбленных в своей национальной гордости открытым вмешательством Англии во внутренние дела Испании

Реакционный режим Нарваеса

В течение девяти месяцев после роспуска кортесов, т. е. с 22 марта 1848 г. до конца того же года, когда они вновь были созваны, генерал Нарваес был фактически полновластным диктатором Испании. Имущие классы страны видели в нем оплот «порядка». Летом 1848 г. гранды поднесли Нарваесу адрес, в котором заверяли его в своей готовности отдать в его распоряжение свое имущество и свою жизнь для борьбы против революционного движения народных масс. Вести, приходившие из Франции о требованиях французских рабочих, внушали сильнейший страх испанской буржуазии. Правые партии, на которые опиралось правительство Нарваеса, все более склонялись к абсолютизму. Они одобряли все действия главы кабинета, направленные к подавлению революционного и оппозиционного движения. «Нигде в настоящее время не существует менее либерального правительства, чем в Испании»,— писал прусский посол в Мадриде граф Рачинский.

Победа, одержанная Нарваесом над испанскими революционерами, создала ему популярность не только среди реакционеров Испании, но и в контрреволюционных кругах других стран. «Он был тем верным зеркалом, в котором увидели себя Виндишгрец, Елачич и другие, и может быть на берегах Рейна и Дуная называли хорватского бана австрийским Нарваесом»,— справедливо замечает по этому поводу испанский либеральный историк Лафуенте.

Однако полное торжество реакции наступило в Испании не в 1848 г., а лишь после победы контрреволюции во Франции. 9 декабря 1851 г., через неделю после государственного переворота в Париже, сделавшего президента республики Луи Бонапарта неограниченным повелителем Франции, произведен был государственный переворот и в Мадриде. Глава нового, консервативного министерства Мурильо разогнал кортесы, объявил Мадрид на военном положении, арестовал всех видных деятелей либеральной партии, закрыл все прогрессивные газеты. В Испании наступила новая полоса политической реакции. Она затянулась до начала 1854 г., когда в Испании разразилась буржуазная революция.

Глава пятьдесят девятая

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ В 1848 Г.

Революция 1848 г. нашла отклик и в Швеции, и в Норвегии, и в Дании. Отклики эти были во многом сходны, в связи с наличием многих общих черт в экономической структуре, политическом строе и историческом развитии этих трех стран. Были, разумеется, и существенные различия, которые определили особенности общественного движения 1848 г. в этих трех скандинавских странах. Революция 1848 г. отразилась там, как и во многих других странах Европы, резким обострением классовых противоречий, существовавших уже задолго до 1848 г.

Швеция в первую половину XIX в.

Из всех скандинавских стран Швеция была наиболее экономически развитой. Однако темпы ее промышленного развития были замедленными не только сравнительно с Англией, но и с Францией, Бельгией и отдельными промышленными областями Германии. Экспортные возможности Швеции были ограничены, ее внутренний рынок был недостаточно ёмким, и это задерживало окончательное торжество в ней капиталистического способа производства. При отсутствии дешевого угля и при сильнейшей английской конкуренции даже перестраивавшаяся на новый лад металлургическая промышленность Швеции могла рассчитывать на вывоз лишь сравнительно незначительного количества металлов особо высокого качества. Медленно развивавшаяся тогда текстильная промышленность могла ориентироваться только на относительно узкий внутренний рынок. Большая часть необходимой пряжи завозилась в Швецию из Англии. Текстильных фабрик было мало (в основном они были сосредоточены вокруг Гетеборга), ткачество сохраняло характер капиталистической мануфактуры, соединенной с работой на дому. Мало изменилось сравнительно с XVIII в. и шведское судостроение.

В первой половине XIX в. в сельском хозяйстве Швеции наметился решительный сдвиг в развитии капиталистических отношений. Процесс обезземеливания крестьянства, начавшийся с середины XVIII в., значительно ускорился. Аграрная реформа 1827 г. покончила со старыми общинными порядками и еще более укрепила помещичье и кулацкое землевладение. Медленно, но неуклонно возраставшая экономическая мощь городской буржуазии ставила в порядок дня политической жизни Швеции изменение существующей конституции, по которой дворянство и духовенство играли первенствующую роль в управлении этой страной. Либеральная буржуазия требовала замены архаической системы сословного представительства, при котором риксдаг составлялся из четырех палат (дворян,

духовенства, горожан и крестьян),— парламентом по английскому или французскому образцу.

Королевский совет либералы стремились заменить ответственным перед риксдагом министерством. Избирательная реформа задолго до 1848 г. стала лозунгом либеральной буржуазии.

Но правительство короля Карла-Иоганна XIV — бывшего наполеоновского маршала Бернадотта, занявшего в 1818 г. шведский престол,— отнюдь не проявляло склонности пойти навстречу требованиям либеральной оппозиции. Оно провело, правда, ряд частичных реформ в области финансов и внешней торговли, которые расчистили путь для дальнейшего развития капиталистических отношений и которые были выгодны буржуазии и помещикам, быстро перестраивавшим свое хозяйство на буржуазный лад, но в политических вопросах не шло ни на какие серьезные уступки оппозиции.

Либеральная буржуазия в Швеции не помышляла о революционном изменении существующего строя и всегда была готова—за участие в управлении— совершенно отказаться от поддержки крестьянства, своего естественного союзника в борьбе против остатков феодализма. В этих условиях правительство могло ограничиться такими незначительными уступками, как, например, включение в состав министерства отдельных либералов, предоставление промышленной буржуазии права представительства в риксдаге, и без опаски отвергать главные требования либеральной партии.

И все же либеральная оппозиция с годами росла. Она значительно усилилась после июльской революции во Франции. Характерным для этого периода было то влияние, которое, вопреки правительственным преследованиям, приобрела либеральная газета «Афтонбладет», издававшаяся известным журналистом Гиэртой. В конце 30-х годов шведские либералы стали поговаривать даже об отречении короля от престола в пользу наследного принца Оскара, слывшего сторонником реформ. В связи с этим Карл-Иоганн был вынужден вновь пойти на частичные уступки и провести реформу королевского совета.

От короля Оскара, вступившего на престол после смерти Карла-Иоганна в марте 1844 г., широкие круги общественности ожидали реформы существующей избирательной системы. Действительно, новый король уже в 1844 г. дал обещание провести избирательную реформу. Одновременно подготовлялись и другие реформы: выработка нового уголовного кодекса, сокращение сроков полномочий депутатов риксдага с 5 до 3 лет и т. д. В мае 1845 г. правительство подтвердило свое намерение провести избирательную реформу. В 1844—1845 гг. и в 1846 г. риксдаг вновь обсуждал вопрос о реформе. Комитет риксдага представил свой проект умеренной реформы, но дело все же не сдвинулось с мертвой точки.

Неурожай 1847 г. и общеевропейский экономический кризис, резко ухудшившие положение широких масс, заставили правительство провести ряд экономических мероприятий (запрещение экспорта зерна, новый закон о бедных и др.), вызвавших ропот среди торговой буржуазии и зажиточного крестьянства. Правительство подвергалось резким нападкам со стороны консерваторов и слабо поддерживалось либералами. Вопрос об избирательной реформе из-за саботажа консерваторов не двигался с места. Депутаты отказывались отпускать правительству испрашиваемые им средства. Дальнейшему изменению правительственного курса в консервативном направлении (такие планы имелись в придворных и правительственных кругах) мешало опасение, что палата крестьян и палата горожан окончательно откажут правительству в кредитах.

Обострявшееся политическое положение в Швеции, наряду с общей напряженной предреволюционной обстановкой в Западной

Европе, побудили либералов организовать в феврале 1848 г. «Общество борьбы за реформу».

Деятельность «Общества борьбы за реформу» в Швеции

Известия о февральской революции во Франции и, позднее, о мартовских событиях в Германии и Австрии заставили шведское правительство с необычайной быстротой вспомнить о своем обещании провести избирательную реформу. Уже 11 марта члены комитета риксдага, обсуждавшие вопрос об изменении конституции, были вызваны к королю Оскару, где им было сообщено о желании короля немедленно приступить к разработке проекта избирательной реформы. Таким образом, правительство, под давлением событий, вынуждено было взять новый, либеральный курс.

14 марта на бурном заседании комитета риксдага было решено не ограничиваться отдельными изменениями, а выработать проект нового избирательного закона, радикально отличающегося от старой системы представительства.

Влияние «Общества борьбы за реформу» усилилось. Членами его были лишенные избирательных прав представители средней и мелкой буржуазии и буржуазной интеллигенции (ученые, врачи, учителя, книготорговцы, аптекари и т. д.), а также часть чиновничества. Но и многие депутаты риксдага, а также ряд известных политических деятелей — Гиэрта, граф Анкарсворд, профессор Томандер и другие — были членами этого Общества или оказывали ему поддержку. Однако поддержка, которую получила идея реформы в народных массах столицы, смутила либералов. Смелость окончательно покинула последних, когда в день устроенного ими банкета они увидели на улицах Стокгольма большие толпы народа, громко требовавшего реформы!

Пробиравшаяся к власти буржуазия ни в коей мере не помышляла о введении всеобщего избирательного права, а тем более о каких-либо экономических реформах в пользу народа. Она хотела лишь разделить власть с дворянством. С первого же момента буржуазия и ее политические представители — либералы отшатнулись от начавшегося в столице массового народного движения. Движение, лишенное политического руководства (демократические элементы были слишком слабы, чтобы возглавить его), вылилось в стихийные, неорганизованные выступления городских «низов».

Революционные волнения в Стокгольме 18—20 марта 1848 г.

Волнения, сопровождавшиеся столкновениями с войсками, начались в Стокгольме уже 18 марта. Народ бил стекла в домах министров и депутатов риксдага, как консерваторов, так и либералов. Волнения возобновились и на следующий день, несмотря на угрозы со стороны правительства.

Буржуазия Стокгольма была сильно испугана событиями 18—19 марта; она поспешила заверить правительство в своей лойяльности и потребовала принятия энергичных мер для поддержания «порядка». Открыта была запись добровольцев в создаваемые сторонниками правительства отряды лойялистов.

Между тем на улицах продолжались стычки народа с войсками. Окончательно «спокойствие» в Стокгольме было восстановлено лишь к 21 марта. С обеих сторон имелись убитые и раненые. На следующий день представители палаты крестьян и палаты горожан благодарили короля за восстановление «порядка». Народные волнения в столице оказались изолированными и не переросли в массовое демократическое движение во всей Швеции. Этим в основном была предопределена и судьба избирательной реформы.

В начале апреля 1848 г. произошла смена кабинета вследствие

несогласия министров с проектом реформы, предложенным комитетом риксдага. В новое правительство не вошел ни один из либералов. Двор и правящие круги считали пока излишним идти на дальнейшие уступки.

Проект избирательной реформы в Швеции и его провал

Правда, новое правительство не отказалось от выполнения обещаний своих предшественников. 19 апреля делегация «Общества борьбы за реформу», в составе которой были Томандер, Гиэрта, Анкарсворд и депутаты палаты крестьян, посетила короля и передала ему петицию. Король обещал учесть пожелания «Общества» и заявил, что вскоре будет составлен новый проект реформы. Эти обещания были, повидимому, откликом на рост либеральных настроений в провинции. Двор не хотел окончательно оттолкнуть от себя буржуазию. Последняя, со своей стороны, тем более была готова удовлетвориться самыми скромными уступками, что в провинции в движение вовлекались всё более широкие круги рабочих и ремесленников. Это пугало многих либеральных вождей, которые не забыли еще мартовских «беспорядков».

2 мая 1848 г. долгожданный проект реформы был, наконец, представлен конституционным комитетом риксдага. Он был далек от какого-либо демократизма. Высокий имущественный ценз и различные другие ограничения обеспечивали в обеих палатах полное господство буржуазии и дворянству. Первую палату должны были выбирать на девять лет, вторую — на три года. Проект избирательной реформы в основном напоминал проект, уже обсуждавшийся в 1846 г.; существенным отличием был лишь отказ короны от права назначать часть членов первой палаты. Проект был встречен враждебно как консерваторами, так и значительной частью либералов (против него резко выступал их орган — газета «Афтонбладет»). Однако решено было все же представить его на рассмотрение будущему риксдагу.

Этот проект был последним «успехом» сторонников реформы. Переход контрреволюции в наступление в других европейских странах придал смелость шведским консерваторам. Деятельность «Общества борьбы за реформу», правда, продолжалась, но без успеха.

В центре внимания страны уже с лета 1848 г. стояли проблемы, связанные с прусско-датской войной и возможным конфликтом с Пруссией.

В 1850 г. проект реформы после долгого обсуждения был в риксдаге окончательно провален, и король в сентябре 1851 г. с большой готовностью дал обещание впредь не представлять по собственной инициативе нового проекта. К радости консерваторов вопрос о реформе был на этот раз похоронен на долгое время.

Положение в Норвегии

Норвегия была в 40-х годах XIX в. отсталой страной, где, по выражению Энгельса, «... древнее христианско-германское варварство сохранилось в своем первобытном виде почти вплоть до питания желудями...»[1]. Однако отсутствие в стране феодального дворянства, подобного шведскому, позволило блоку крестьян—собственников земли и части купечества добиться уже в 1814 г. демократической конституции. Понятно, что в центре социальной и политической борьбы в Норвегии стали совсем иные вопросы, чем в соседней Швеции.

Это была, во-первых, борьба против шведского господства, начавшаяся с момента объединения Норвегии со Швецией в 1814 г. и продолжавшаяся вплоть до разрыва унии в 1905 г. В этой борьбе события 1848 г. не составляют значительной вехи. Влияние революции 1848 г. сказалось в значительно большей степени на усилении внутриполитической борьбы в стране. К старинной борьбе крестьянства против купечества и чиновников, следствием

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 227.

которой были демократические реформы 30—40-х годов, прибавился конфликт внутри самого крестьянства и антагонизм между нарождающимся пролетариатом и буржуазией.

Народные демонстрации в Осло 11—14 марта 1848 г.

Известия о февральской революции во Франции вызвали в Осло народные демонстрации и волнения, продолжавшиеся с 11 по 14 марта. Однако влияние революционных событий за рубежом сказалось главным образом в росте первого массового демократического движения в Норвегии, тесно связанного с именем Маркуса Гране. Последователь утопического социализма, эклектически соединявший воззрения Прудона, Луи Блана и Вейтлинга, Гране, несмотря на свои социалистические симпатии, в своей пропаганде не касался вопроса о частной собственности. Выдвинутые им проекты предусматривали коренные преобразования политического строя страны; в проектах этих, наряду с общедемократическими требованиями, защищались и особые интересы народных «низов». Гране считал, что и консерваторы и либералы одинаково враждебны народным массам. Поэтому, указывал он, необходимо, чтобы трудящиеся как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства объединились и создали свою особую партию. Он категорически отвергал как абсолютную, так и конституционную монархию, считая ту и другую одинаково несоответствующими интересам неимущих классов. Главным политическим требованием Гране было всеобщее избирательное право.

Гране настойчиво проповедовал свои взгляды в печати. В конце 1848 г. он приступил к организации норвежского рабочего союза, который к сентябрю следующего года насчитывал уже до 49 отделений с тысячами членов. В мае 1849 г. Гране с успехом начал издавать газету нового направления «Листок рабочего союза». В апреле 1850 г. созданная им организация насчитывала уже 200 отделений с 18 тыс. членов.

В конце апреля 1850 г. состоялся национальный съезд участников движения — Рабочий парламент, как его со злобой называли имущие классы. На самом деле рабочие составляли лишь небольшую часть сторонников Гране. Городское население всей Норвегии не превышало 160 тыс. человек; рабочих в ней было лишь 18 тыс., причем фабричный пролетариат составлял ничтожное меньшинство. Подавляющую массу сторонников Гране составляли ремесленники, крестьяне (середняки и бедняки) и батраки. Зажиточное крестьянство восточных районов и его представители в стортинге были решительными противниками Гране.

Экономическую программу движения Гране сформулировал уже в 1848—1849 гг. Она включала ряд мер по улучшению положения мелкого крестьянства, свободу торговли, уничтожение монополий. Политическая программа включала требование реформы народного образования, уголовного и гражданского законодательства. Главным политическим требованием попрежнему оставалось, как уже было сказано, всеобщее избирательное право.

В провинции движение сторонников Гране нередко выливалось в волнения, в стычки с войсками, в нападения на налоговых чиновников.

Против Гране и его сторонников объединились буржуазия, чиновничество и кулацкая верхушка деревни. Правительственные репрессии, а главное — пестрый социальный состав самого движения скоро привели к его распаду. Этому сильно способствовало также и наступившее в 50-х годах XIX в. торжество общеевропейской контрреволюции.

Политическая борьба в Дании в 1848 г.

В Дании, как и в других скандинавских государствах, либеральные реформы 30—40-х годов (введение провинциальных сеймов с правом совещательного голоса, ограниченного, построенного на цензовом избирательном

праве местного самоуправления и т. д.), а также экономические реформы не сняли конституционного вопроса с порядка дня.

В 40-х годах в Датском королевстве усилилось демократическое движение, руководители которого Гансен и Серенсон выступали на защиту интересов крестьян и сельскохозяйственных рабочих от помещичьего и чиновничьего произвола.

Конституционные требования либеральной буржуазии настолько усилились, что король Христиан VIII счел необходимым пойти на уступки, но он умер (20 января 1848 г.), не успев опубликовать подготовленный им проект новой датской конституции. Проект был обнародован его сыном Фридрихом VII через несколько дней после вступления его на престол (28 января). Согласно этому проекту устанавливались единый общедатский парламент и ответственное министерство.

Эта конституция, однако, не удовлетворила датских либералов и националистов. Немецкая буржуазия, требовавшая отдельной конституции для Шлезвига и Гольштинии, также негодовала на королевский проект.

Датские либералы, недовольные правительством, активно против него не выступали. Только напор со стороны народных «низов», прежде всего рабочих и ремесленников Копенгагена, заставил и их, наконец, выступить.

В датской столице в 40-х годах число промышленных рабочих сильно возросло (на 30% за пятилетие 1842—1847 гг.). Для рабочих и подмастерьев эти годы были годами резкого падения заработной платы. Именно в их среде вернувшаяся в конце 1847 г. из Парижа группа датских рабочих, подпавшая под влияние социалистов, образовала общество, вскоре насчитывавшее уже 900 членов. Митинги, организованные этим обществом в марте 1848 г., и категорическое заявление его руководителей, что если либералы не выступят, то за дело возьмутся сами массы, толкнули в конце концов датских либералов к более решительным действиям.

Народные митинги в Копенгагене в марте 1848 г. Выработка новой датской конституции

Народные митинги в Копенгагене, происходившие 11, 20 и 21 марта 1848 г., выдвинули требования общедатской конституции и ответственного, пользующегося народным доверием правительства. Напуганный король изъявлял даже намерение отречься от престола. 22 марта король назначил новое правительство, во главе с консерватором Мольтке. Однако в его составе было несколько либералов, один из которых (Чернинг) получил портфель военного министра. Одним из первых действий нового правительства было отклонение требования Шлезвига и Гольштинии об отдельной конституции. Правительство решило занять датскими войсками оба герцогства, где под влиянием мартовских событий в Германии и Австрии образовалось временное правительство.

Возникшая в апреле 1848 г. датско-прусская война не помешала созыву Национального собрания, открывшего заседания 23 октября 1848 г. Собрание разработало и утвердило летом 1849 г. новую конституцию.

Эта конституция (выработанная буржуазными либералами) устанавливала двухпалатную систему со «всеобщим» избирательным правом и вводила некоторые другие буржуазные преобразования. Первая палата выбиралась на 8 лет (с обновлением половины состава через каждые 4 года), вторая палата — на 3 года. Был установлен имущественный ценз. Выборы в первую палату были двухстепенными.

Таким образом, и в Швеции, и в Норвегии, и в Дании трусость и предательство либеральной буржуазии позволили правящим кругам ограничиться незначительными уступками и отложить на долгие годы проведение многих назревших реформ. Тем не менее 1848 год, бесспорно, был важным этапом на пути буржуазных преобразований во всех трех скандинавских странах.

Глава шестидесятая

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ШВЕЙЦАРИИ В 1848 Г.

Как уже было сказано выше[1], победа швейцарских радикалов над силами Зондербунда, одержанная накануне революции 1848 г., произвела большое впечатление в Европе. Все передовые люди того времени справедливо оценивали эту победу как крупный провал главарей международной реакции — Меттерниха и Гизо.

Сами швейцарские радикалы любили говорить об европейском значении борьбы с Зондербундом и декламировали тогда, в начале 1848 г., стихи:

> Кровь, что в гражданской войне мы пролили,
> Наполнит Европы дряблые жилы.

Значение победы либералов и радикалов над Зондербундом

Так думали не только в Швейцарии. Приветствуя победу над Зондербундом, Фрейлиграт назвал ее «первым выстрелом». Энгельс еще до окончания гражданской войны в Швейцарии писал: «... происходящая сейчас гражданская война будет лишь полезна делу демократии. Хотя в радикальных кантонах тоже сохранилось много первобытно-германской неотесанности; хотя и в них за демократией часто скрывается то крестьянский, то буржуазный режим, то смесь того и другого вместе; хотя самые цивилизованные кантоны отстали от развития европейской цивилизации и лишь медленно пробиваются в них действительно современные течения,— все же это ровно ничего не говорит в пользу Зондербунда. Необходимо, настоятельно необходимо, чтобы это последнее убежище грубого первобытного германизма, варварства, ханжества, патриархальной простоты и чистоты нравов, неподвижности и верности до гроба всякому, кто больше заплатит,— чтобы это убежище было, наконец, разрушено»[2].

Реакционные правительства великих держав охраняли Зондербунд, это, по выражению Энгельса, «старое поповское гнездо»; но победили радикалы, и эта победа, одержанная в кратковременной войне и в маленькой стране, в исторических условиях 1847 г., не могла не иметь действительно выдающегося значения: она сыграла свою роль в формировании революционной ситуации в Европе.

---

[1] См. главу шестую.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 233.

Влияние революций 1848—1849 гг. на положение в Швейцарии

Гораздо бóльшим, однако, было влияние начавшейся европейской революционной бури на положение дел в самой Швейцарии. Революции во Франции, Германии, Австрии и Италии сделали невозможным вмешательство реакционных иностранных сил в швейцарские дела в пользу кантонов, входивших в Зондербунд.

Влиятельная газета швейцарских либералов «Газет де Лозанн» с ликованием констатировала, что тяжелое дипломатическое положение, в котором Швейцария находилась еще в начале 1848 г., радикально изменилось к лучшему: ее «враги исчезли», и «она может сама управлять собой и устанавливать по собственному усмотрению свой строй, не страшась тех угрожающих нот, которые прибывали со всех концов Европы». Швейцарский сейм теперь легко мог отвергнуть заявленный еще в январе 1848 г. Францией и Австрией протест против возможных изменений швейцарской конституции. «В первом опьянении после победы над Зондербундом и после февральской революции робкие швейцарцы увлеклись некоторыми смелыми попытками,— иронически писал Энгельс.— Они осмелились на ужасное дело, один раз пожелали быть независимыми; вместо гарантированной им державами конституции 1814 г., они составили себе новую...»[1]. Эти изменения конституции шли по линии усиления власти центрального правительства, против чего выступал Зондербунд. «Древние кантоны Швейцарии... всегда всеми силами боролись против централизации. С настоящим животным упорством они отстаивали свою оторванность от всего остального мира, свои местные обычаи, нравы, предрассудки, свою провинциальную ограниченность и замкнутость»[2]. Этому сопротивлению пришел конец.

Революционные события в Невшателе

1848 год прошел в Швейцарии в основном под знаком выработки новой конституции. В одном из кантонов европейские события дали толчок к революционному выступлению, именно в кантоне Невшатель, одновременно являвшемся герцогством, во главе которого стоял прусский король. Тяжелое экономическое положение крестьян и ремесленников зимой 1847—1848 гг. обострило политическую борьбу в кантоне, известия же о победе февральской революции во Франции послужили толчком для выявления давно таившегося недовольства, для республиканского восстания. На стороне республиканцев была значительная часть населения. Им противостояла сильная монархическая партия, блокировавшаяся с самыми реакционными элементами швейцарской федерации и поддерживавшая Зондербунд (хотя прямо в него Невшатель и не входил). После поражения Зондербунда на Невшатель была даже наложена контрибуция в 300 тыс. фр.

Уже в феврале в Локле, в Шо-де-Фон и в окрестных районах была свергнута прежняя власть. Власть перешла в руки республиканцев. Организованный в Шо-де-Фон комитет для руководства восстанием прислал 29 февраля ультиматум кантональному правительству Невшателя.

Правительственный совет Невшателя, состоявший из ревностных монархистов, вначале думал о сопротивлении при помощи находившихся в его распоряжении немногочисленных войск. Однако известия о решительной победе республиканцев даже в районах, до того времени считавшихся оплотом монархистов, и сообщения о готовности республиканцев из соседних кантонов придти на помощь невшательским повстанцам заставили пра-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 205.
[2] Там же, т. V, стр. 232—233.

вительственный совет отказаться от сопротивления и принять решение о роспуске своих вооруженных сил. Один из членов совета, Фаверже, был отправлен для доклада о случившемся в Берлин. Одновременно, 1 марта, подобное же сообщение было послано швейцарским федеральным властям с предложением, на основании договора о союзе, «немедленно послать в Невшатель федеральных комиссаров, чтобы заставить уважать власть правительства и потребовать от соседних кантонов ...принять немедленные меры для воспрепятствования ожидающегося отбытия из кантонов добровольцев».

Однако в самом Невшателе борьба отнюдь еще не была закончена, как это казалось многим республиканцам, опьяненным легко доставшейся победой. Оправившись от первоначального замешательства, монархическая партия сделала попытку перейти в наступление. Чиновники отказывались сотрудничать с временным правительством. Произошли стычки монархистов с революционными отрядами. В самом Невшателе произошли кровопролитные столкновения. Тогда временное правительство, созданное в ходе революции, заняло своими войсками поддерживавшие монархистов районы. Городской совет Невшателя — опора монархистов — пытался встать в открытую оппозицию к этому правительству. Городской совет отказался от участия в выборах в Учредительное собрание. В ответ на это правительство распустило совет и назначило на его место временное управление, в котором решающую роль играли правительственные делегаты.

Наиболее ярые монархисты бойкотировали выборы, которые принесли победу республиканцам даже в ряде районов, считавшихся монархическими. Учредительное собрание целиком состояло из республиканцев. 5 апреля оно открыло свои заседания речью лидера либералов, адвоката Пиаже, направленной против старой администрации.

Берлинскому кабинету ввиду сложности политической обстановки в Европе пришлось ограничиться нотой протеста. Король Фридрих-Вильгельм IV был вынужден обратиться к населению Невшателя с посланием, в котором он лицемерно заявлял: «Моим единственным желанием, как и желанием королей — моих предшественников, было сделать счастливой вашу страну, судьбы которой мне вручило провидение. Я люблю народ Невшателя, я чувствую к нему живейшую привязанность. Но современное состояние Европы препятствует в настоящий момент проявлению тех чувств благорасположения, которое я испытываю по отношению к нему». В конце королевского послания сообщалось, что верноподданные невшательцы освобождаются от своей присяги королю. После этого временное правительство освободило арестованных членов бывшего правительственного совета.

30 апреля референдумом была одобрена новая демократическая конституция кантона, против которой, однако, высказалось все же более 40% принимавших участие в голосовании. Было создано новое правительство, которое возглавил Пиаже. Революционные события 1848 г. привели к падению монархического правительства Невшателя и провозглашению республики. Последующие усилия прусской дипломатии, даже организованный монархистами по указке из Берлина мятеж 1856 г. не имели никакого успеха.

Швейцарский «нейтралитет»

Швейцарские либералы, обязанные революции 1848 г. укреплением своей власти и любившие кокетничать лозунгами революционного интернационализма, под предлогом «нейтралитета» отказали Сардинии в помощи против австрийских войск. Между тем «нейтралитет» не помешал 15 тыс. швейцарских наемников сражаться в рядах австрийской армии. Швейцарская буржуазия рассматривала революционные события в других странах лишь «...как удобное орудие для кантональных интриг. Европейское

землетрясение интересовало даже радикальных швейцарцев только с той точки зрения, что оно может разбить посуду в доме их консервативного соседа»[1].

Трусливое поведение швейцарских либералов и вырождение швейцарского «нейтралитета» в прямую поддержку контрреволюционных сил ясно проявились в отношении к эмигрантам, в частности, к немецким республиканцам.

Либеральные и консервативные политики Швейцарии приложили немало усилий для организации полицейской охраны границы. Союзы немецких политических эмигрантов, так же как и ферейны проживавших в Швейцарии немецких ремесленников (значительно активизировавшихся после начала мартовской революции) также не избежали полицейской опеки.

Особое рвение проявили власти кантона Базель, географическое положение которого делало его в период всех трех баденских восстаний средоточием немецкой демократической эмиграции. Эмигранты стремились оказать поддержку восставшим республиканцам. В период апрельского восстания 1848 г. местные силы и присланные центральным швейцарским правительством части всячески стремились не допустить транспортировки оружия для отряда Гервега в Эльзасе. Помощь эту, в частности, пытался наладить находившийся тогда в Базеле Геккер. После поражения восстания Геккер и другие участники выступления были высланы из пограничных кантонов в глубь страны. Подобную линию неуклонно проводили пограничные кантоны и во время второго и, в особенности, третьего баденского восстания (после поражения которого в Швейцарию перешли многие тысячи солдат революционной армии), несмотря на известную оппозицию радикальных кругов. Эмигранты подвергались «... в Швейцарии всевозможным оскорблениям и были выброшены вон по первому требованию их гонителей»[2]. Напротив, контрреволюционеры, бежавшие в Швейцарию в период третьего баденского восстания, нашли в Базеле радушный прием.

Не лучшим было отношение к бежавшим революционерам и в Женеве, где во главе правительства стоял радикал Фази. Герцен, давший в «Былом и думах» яркий портрет этого бывшего активного участника «Общества прав человека» и руководителя переворота, совершенного радикалами в Женевском кантоне в 1846 г., писал, что к этому времени Фази «с упрямством и озлоблением опрокинулся на социализм». Заметно поправевший «радикальный диктатор» Женевы постепенно включился в политику преследований демократических эмигрантов, которую проводило федеральное правительство Швейцарии. Однако «нейтралитет» швейцарской буржуазии не был оценен по достоинству большинством Франкфуртского парламента.

4 октября 1848 г. в Берне была получена нота «имперского правительства», которая требовала строжайшего расследования обстоятельств, делавших возможным использование швейцарской территории немецкими республиканцами, наказания чиновников, виновных в потворстве «мятежникам», и удаления эмигрантов из пограничных кантонов. Швейцарскому правительству, разумеется, ничего не стоило отвергнуть обвинение и угрозы Франкфуртского парламента, что оно и сделало в ответной ноте от 8 октября. Новая нота из Франкфурта, аналогичная первой, полученная в Берне 23 октября, также вызвала не менее решительный отпор: федеральное правительство заявило, что все немецкие обвинения не соответствуют действительности и основаны на пустых слухах. На подоб-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 305.
[2] Там же, стр. 305—306.

ный ответ у швейцарского правительства хватило духа, понятно, лишь потому, что дело касалось бессильного Франкфуртского правительства.

В мае 1848 г. комиссия федерального сейма представила проект новой конституции, согласно которому законодательная власть вручалась двухпалатному Союзному собранию — Национальному совету, избираемому пропорционально численности населения, и Совету кантонов, куда каждый кантон должен был посылать по два депутата. Союзное собрание в свою очередь избирало Союзный совет в составе семи членов — правительство федерации, которое получало право чеканки монеты, заведывания почтой, таможнями и создания специальных частей армии. Конституция предусматривала изгнание иезуитов и отмену привилегий, которыми пользовались прежде монастыри. «Самое большее, что можно сказать в пользу швейцарской конституции 1848 г.,— указывал Энгельс, — это то, что актом ее введения наиболее цивилизованные швейцарские круги заявили о своей готовности перейти, до известной степени, от средних веков к современным социальным порядкам»[1]. Одобренная двумя третями кантонов, конституция вступила в действие, и уже в ноябре 1848 г. состоялись первые выборы в союзное собрание.

В Швейцарии, указывает И. В. Сталин, политическое развитие шло «... **от** независимых областей **через** их федерацию к унитарному государству ...»[2]. Революционный 1848 год позволил Швейцарии без помех сделать важный шаг на пути к превращению в единое государство.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IX, стр. 305.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 25.

Глава шестьдесят первая

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В МОЛДАВИИ И ВАЛАХИИ В 1848 Г.

Положение Молдавии и Валахии в 40-х годах XIX в.

В 40-х годах XIX в. в экономической и политической жизни Молдавии и Валахии замечалось некоторое оживление, связанное с развитием капиталистических отношений в этих княжествах. Оживление наблюдалось прежде всего в тех городах, в которых больше всего развивались промышленное производство и торговля как внутренняя, так и внешняя (Яссы, Галац, Бухарест, Браила и др.). Развитие ремесла, мануфактур и дорожного строительства предъявляло растущий спрос на рабочие руки, поставщиком которых была молдавская и валашская деревня. Усиленный спрос на сельскохозяйственные продукты в городах Молдавии и Валахии и за границей, рост цен на эти товары, которые в массе своей поставляли бояре, владевшие основными земельными массивами в княжествах,— все это, вместе взятое, побуждало боярство стремиться к дальнейшему расширению своего хозяйства и более интенсивному выколачиванию прибавочного труда из зависимого крестьянства. Спасаясь от растущей крепостнической эксплуатации, крестьяне уходили в города, пополняя там ряды безработных, готовых выполнять любую работу за нищенскую плату.

Менялось социальное лицо молдавского и валашского города. Заметными фигурами в нем становились финансовый делец, промышленник, купец,—с одной стороны, и их антипод— городской труженик,—с другой.

И все же в этот период трудящиеся массы Молдавии и Валахии страдали не столько от капиталистической эксплуатации, сколько от крепостнического гнета. Будучи в массе своей еще связаны с деревней, городские плебейские элементы видели своего главного врага в боярстве. К тому же многие бояре сами занимались торговлей и владели промышленными предприятиями.

Феодальный гнет в Молдавии и Валахии поддерживался султанской Турцией, которая продолжала держать эти княжества в вассальной зависимости. Опорой феодальной Турции были бояре турецкой ориентации, которые, получая от султана привилегии, помогали турецким властям осуществлять национальное угнетение молдаван и валахов. Все же к середине XIX в. во взаимоотношениях обоих княжеств с Турцией произошли значительные изменения, вызванные прежде всего политикой России на Балканах, которая объективно способствовала ослаблению турецкого гнета в

Молдавии и Валахии. Адрианопольский мирный договор, положивший конец русско-турецкой войне 1828—1829 гг., предусматривал невмешательство турецкой администрации во внутренние дела княжеств, освобождение их от натуральных поставок Турции и от посылки рабочих на строительство турецких крепостей. Реформы, проведенные под руководством П. Д. Киселева, легли в основу Органического регламента, изменявшего политическое положение княжеств и улучшавшего их внутреннее управление. Регламент устанавливал несменяемость господарей. Бояре, духовенство и городские верхи были привлечены к выборам кандидатов на господарский престол. Были организованы: охрана границ, городов и сел, судебные учреждения, дорожное строительство, медицинское, аптечное, санитарное и школьное дело.

Но не следует забывать, что Регламент был кодексом бояр-крепостников. В нем феодально-крепостнические отношения Молдавии и Валахии были юридически оформлены в том виде, как они фактически сложились в этих княжествах ко времени введения Регламента. «Кодекс барщинных работ, обнародованный русским генералом Киселевым в 1831 г.,— замечает Маркс,— был, конечно, продиктован самими боярами»[1].

Фактически княжества продолжали оставаться в вассальной зависимости от Турции. Они попрежнему платили дань турецкому султану. От последнего зависело назначение господаря из числа избранных в княжествах кандидатов. Таким образом, вопреки Адрианопольскому договору, Турция попрежнему вмешивалась во внутренние дела княжеств.

С другой стороны, резко усилилась экономическая зависимость Молдавии и Валахии от западноевропейского капитала. Свобода плавания по Дунаю открыла порты Галац и Браилу для кораблей западноевропейских государств. Сбыт промышленных товаров в Молдавию и Валахию интересовал французских и, особенно, английских предпринимателей не меньше, чем вывоз из этих княжеств сельскохозяйственного сырья. Для подчинения экономики княжеств своим интересам Англия и Франция использовали и господарей и плутократию, окружавшую господарей. В княжествах строились дороги, но не для развития внутренней промышленности, а для того, чтобы английским, французским и другим иностранным купцам удобнее было вывозить из Молдавии и Валахии сырье и ввозить туда промышленные изделия. Банки финансировали не промышленность, а экспорт. В результате успешной конкуренции иностранных товаров промышленность Молдавии и Валахии развивалась слабо.

Феодальные отношения и турецкий гнет задерживали развитие национальной буржуазии в дунайских княжествах.

«... Турецкое, как и всякое другое восточное владычество, — писал Энгельс, — несовместимо с капиталистическим строем; извлеченная прибавочная стоимость ничем не обеспечена от хищных рук сатрапов и пашей; нет налицо первого основного условия буржуазного приобретения — обеспеченности личности купца и его собственности»[2]. Эти слова Энгельса применимы и к Молдавии и Валахии изучаемого периода.

Буржуазия в дунайских княжествах не была однородна и состояла из различных слоев, слабо связанных друг с другом. В привилегированном положении находились иностранные купцы и некоторые группы местных капиталистов, близких к господарям. От роста иностранного ввоза особенно страдали непривилегированные предприниматели. Именно в этой среде и развилось национальное движение, направленное против гнета феодальной Турции. Борьба молдаван и валахов против турок-поработителей

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 260.
[2] Там же, т. XVI, ч. II, стр. 22.

велась и в предшествующие века. В XIX в. она стала принимать широкие размеры.

Национально-освободительное движение в дунайских княжествах угрожало интересам западноевропейских капиталистов, пользовавшихся в Молдавии и Валахии преимущественными правами, полученными от Турции. Поэтому английские и французские дипломаты поддерживали Турцию в борьбе с национально-освободительным движением населения Молдавии и Валахии.

Положение крестьянства

Основными классовыми противоречиями в княжествах были противоречия между боярами и закрепощенными крестьянами. Задавленные повинностями в пользу бояр и в пользу государства, в большинстве своем лишенные земли, молдавские и валашские крестьяне были совершенно бесправны и влачили жалкое существование.

«Крестьянин, бедный раб, настоящее вьючное животное, эксплуатируемый помещиком или арендатором, обремененный податями, ослабевший от лихорадки, помирающий от холеры и чумы, плохо питающийся, проживающий в землянке, пребывал в вечном страхе, всегда готов был бежать со своим скотом, для того чтобы спастись от вымогательства сборщиков податей или от ограбления со стороны угнетателей». Так характеризовал бедственное положение крестьянства буржуазный историк Даме.

Один современный наблюдатель положения крестьян в Валахии утверждал, что если бы кто-либо вздумал посмотреть, как живут крестьяне, «он не увидел бы ни церкви, ни дома, ни забора, ни подводы, ни вола, ни овцы, ни птицы, ничего, кроме землянки, где может поместиться только человек с женой и детьми, столпившимися у очага. За печью имеется отверстие, через которое человек должен спасаться бегством, как только почует кого-либо у дверей, ибо он знает, что это не кто другой, как сборщик податей, который свяжет его и потащит продавать».

Помимо уплаты массы натуральных повинностей, крестьяне обязаны были работать на землевладельца 14 дней в году. Однако урочная нагрузка каждого из этих 14 дней была такова, что крестьянин не мог выполнить ее за один день. В результате 14 рабочих дней означали 56 календарных рабочих дней. Ежедневная работа, падавшая на каждый из этих 56 дней, в свою очередь, устанавливалась так, что в один день крестьянин никак не мог ее выполнить. Маркс приводит следующий пример: в один день должен быть очищен от сорных трав земельный участок такого размера, что на производство этой операции, особенно на кукурузном поле, требовалось в действительности вдвое больше времени. То же самое наблюдалось и с другими работами. В результате подсчета Маркс показал, что хотя отношение барщинного труда к необходимому труду в крепостном хозяйстве в Валахии составляло по закону $^{56}/_{84}$, или $66^2/_3$ %, в действительности норма прибавочной стоимости была намного выше.

«Барщина, соединявшаяся в дунайских княжествах с натуральными рентами и прочими атрибутами крепостного состояния, составляла, однако, крупную дань, уплачиваемую господствующему классу»[1],— писал Маркс о положении зависимых крестьян Молдавии и Валахии в изучаемый нами период.

Крестьяне страдали и от безземелья, которое в начале XIX в. сильно возросло, так как бояре увеличивали свою запашку за счет земель, отобранных у крестьян. Органический регламент устанавливал размеры крестьянских земельных наделов так, что крестьяне лишились части земли,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 260.

которой они пользовались до издания Регламента. За оставленные у крестьян отрезки бояре брали с них значительную часть урожая.

Великий русский революционный демократ Н. Г. Чернышевский, внимательно изучавший положение крестьян не только в России, писал в статье «Устройство быта помещичьих крестьян», что «... в Молдавии крестьяне находятся в некоторой степени в крепостной зависимости, так как переход их из одного имения в другое затруднен множеством условий и формальностей и повинности их в отношении к помещикам определяются законом, а не добровольным договором»[1].

Еще в худшем положении находились крепостные цыгане, которых бояре продавали вместе с землей, лошадьми, волами и овцами,—партиями, семьями и в одиночку, разлучая детей с родителями.

Крестьян угнетали и «свои» молдавские бояре, и турки-поработители. Чтобы избавиться от тяжелого гнета, крестьяне бежали от бояр и часто восставали. Восстания крестьян против помещиков-феодалов и против господарских властей охватывали подчас множество сел; в этих восстаниях участвовали широкие массы народа. Так, например, в 1835 г. волнения крестьян в шестнадцати селах вокруг Плоешти (Валахия), начавшиеся из-за того, что многих из них не допустили к работе на соляных копях и таким образом лишили заработков, приняли столь угрожающие размеры, что для их подавления господарь применил военную силу.

Положение других классов

Буржуазия в дунайских княжествах в рассматриваемый период была еще очень слабо развита, а промышленного пролетариата не было вовсе. В то время рабочий класс, в собственном смысле слова, только еще зарождался. Рабочие в ремесленных и торговых предприятиях городов и местечек дунайских княжеств комплектовались из крестьян, бежавших от боярского гнета. Большинство этих тружеников еще не порвало с деревней и было прежде всего заинтересовано в освобождении крестьян от крепостной зависимости и в наделении их землей.

Эти полупролетарские элементы, подобно крестьянам, готовились к решительной борьбе с боярством, но, как и крестьяне, не умели вести организованную борьбу и не выдвигали собственной революционной программы. В то же время внутри самого господствующего класса нарастали противоречия. Руководящую роль в княжествах играли «великие бояре», которые были приближенными господаря. Но часть этой боярской верхушки была недовольна Органическим регламентом, так как считала для себя невыгодным изменение системы назначения господарей. Соперничая друг с другом, эти бояре интриговали против господарей, рассчитывая занять их место. Мелкое и среднее боярство было недовольно не только господарями, но и общим положением в стране: оно не получало тех привилегий, которыми пользовалось высшее боярство. Из его среды выходили преимущественно средние и мелкие чиновники и младшие офицеры. Высшие должности были им недоступны. Стремление к уравнению в правах с высшим боярством и к проведению некоторых реформ толкало их в оппозицию против существующих порядков. Впрочем, представители этой группы боярства непрочь были объединиться вокруг господарей, если бы последние согласились на проведение некоторых реформ.

Влияние революционного движения в Западной Европе, которое в течение марта 1848 г. достигло границ дунайских княжеств, экономический кризис в западноевропейских странах, который отразился на экономике Молдавии и Валахии, страшная нищета и вопиющее бесправие трудящихся

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 819.

масс, недовольство буржуазии и некоторой части боярства деспотизмом господарей и произволом бюрократии, стремление широких народных масс добиться национальной независимости, — все это привело к революционному взрыву в Молдавии и Валахии.

Задачи буржуазной революции 1848 г. в дунайских княжествах

Перед революцией 1848 г. в дунайских княжествах стояли две основные задачи: освободить княжества от гнета султанской Турции и уничтожить крепостнический строй.

В течение веков молдаване и валахи стремились сбросить с себя гнет турецких феодалов и не раз с оружием в руках подымались против своих поработителей.

В своей борьбе за свободу и независимость молдаване и валахи возлагали надежду на помощь русского народа. Накануне революции 1848 г. молдавские и валашские крестьяне тысячами устремлялись из-за Прута в Россию. Уход крестьян Молдавии и Валахии в Бессарабию был в это время столь массовым, что, например, из уездов Фалчу и Ковырлуй крестьяне переходили Прут целыми селами. Бегство в Россию для молдавских и валашских крестьян было средством избавиться от крепостного гнета путем перехода в разряд колонистов. Боярство же дунайских княжеств видело в царской России оплот своих феодальных привилегий и ждало от царского правительства помощи против революционных выступлений народных масс.

Наряду с лозунгами национальной независимости и аграрной реформы, революционное движение 1848 г. в Молдавии и Валахии выдвинуло и такие буржуазно-демократические требования, как, например, свобода печати, свобода совести, упразднение боярских привилегий, реформа суда и управления.

Большинство руководителей революционного движения в дунайских княжествах боролось лишь за то, чтобы улучшить правовое положение торгово-промышленной буржуазии и средних слоев боярства, оттесненных высшим боярством на второй план. С требованиями реформ оппозиционные группы выступали и в печати, и в литературных кружках, и на собраниях.

Лишь немногие представители прогрессивной интеллигенции возвышались до пропаганды республиканских идей. В Валахии видным борцом за республику был один из крупнейших руководителей революционного движения, Николай Балческу (выходец из мелкопоместного боярства). Он был непримиримым врагом боярства и выступал за упразднение его привилегий, за освобождение крестьян и наделение их землей, за установление республиканского строя и создание национальной армии. При участии Балческу была образована тайная организация, поставившая своей целью поднять крестьянство на борьбу за землю. В 1840 г. организация была раскрыта, а ее руководители, в том числе и Балческу, попали в тюрьму и пробыли в заключении два с половиной года. Впрочем, сторонников республики, подобных Балческу, было немного.

Подавляющее большинство руководителей революционного движения в Молдавии и Валахии высказывалось лишь за частичное изменение правительственной политики в интересах торгово-промышленной буржуазии и либеральной части боярства.

Представители умеренного крыла оппозиции боялись восставшего народа больше, чем господаря и его клики. Классовую ограниченность этой группы либерального боярства и крупной буржуазии один из ее руководителей, Элиаде, выразил в следующих словах: «Ненавижу тиранию, боюсь анархии». Под анархией он подразумевал народное движение.

Молдавия накануне революции 1848 г.

Годы, предшествовавшие революционному взрыву 1848 г. в Молдавии, были временем резкого ухудшения положения ее трудящихся масс. Страдания закрепощенного крестьянства усилились еще более в связи со вспышкой эпизоотии, унесшей много скота. Засуха, поразившая Молдавию весной 1847 г., вызвала сильный недород. Очень пострадало земледелие всего края и от саранчи. Во многих местах свирепствовал голод.

Управление Михаила Стурдзы, избранного господарем в 1843 г., вызывало большое недовольство в стране. Причин для этого было много. Жалобы крестьян, пославших весной 1846 г. делегацию к господарю с просьбой защитить их от притеснений со стороны бояр и чиновников, остались без последствий. Ничего не добились ремесленники и купцы города Яссы, просившие Стурдзу об уменьшении налогов. Торговля административными должностями превратилась в руках господаря в средство своего обогащения. Волокита в судебных учреждениях и подкупность чиновников были обычным явлением. От всего этого особенно страдали крестьяне и труженики городов.

Бедственное положение трудящихся масс и рост революционных настроений в их среде составляли характерную черту внутренней обстановки в Молдавии в 1847 г. Другой характерной чертой был рост оппозиционных настроений внутри господствующего класса.

Революционные события во Франции и в других странах Европы ускорили подъем революционного движения в Молдавии. С самого начала здесь определилось размежевание классовых сил, принявших участие в движении. С одной стороны, против господаря и его клики поднимались крестьянские массы и труженики городов, которые добивались отмены крепостной зависимости, наделения крестьян землей, уменьшения налогов и других повинностей. С другой стороны, оппозиционная буржуазия и либеральное боярство стремились использовать революционный подъем масс для проведения некоторых, весьма умеренных, реформ.

Мартовская петиция 1848 г. в Яссах

В марте 1848 г. в Яссах было распространено воззвание к народу, составленное боярами, недовольными политикой господаря. Воззвание разоблачало лихоимство, спекуляцию, взяточничество и другие злоупотребления Стурдзы и его клики. «Молдаване, пробудитесь! — гласило воззвание. — Пожалейте самих себя, свое имущество и свое будущее... Собирайтесь, совещайтесь мудро, без волнений, и требуйте избрания господаря — патриота».

27 марта (8 апреля) около тысячи оппозиционно настроенных бояр и представителей буржуазной интеллигенции собрались в гостинице «Петербург», где составили петицию на имя господаря. Петиция содержала следующие требования: строго соблюдать Органический регламент, пресечь взяточничество и другие злоупотребления, соблюдать неприкосновенность личности, улучшить положение сельских жителей, распространять просвещение среди народа, разоружить наемные войска (арнаутов), отменить телесные наказания, ввести справедливое повышение в чинах, установить ответственность министров, отменить внутренние пошлины, создать учетный банк для облегчения торговых операций, улучшить городскую полицию, освободить политических заключенных, прекратить несправедливое распределение пенсий, произвести перевыборы общего боярского собрания и ввести публичность его заседаний.

Из содержания петиции видно, что она выражала, в первую очередь, интересы буржуазии и либерального боярства. Пункты, касавшиеся сельского населения, были сформулированы таким образом, что совершенно обходили вопрос об освобождении крестьян и о наделении их землей.

Петиция не могла привлечь народные массы на сторону ее составителей. Крестьяне не находили в ней ни одного пункта, который защищал бы их интересы.

Петиция была передана министру внутренних дел Катаржи, который обещал довести ее до сведения господаря. Стурдза принял большинство пунктов петиции, но отверг два из них: роспуск арнаутов и перевыборы боярского собрания.

Значительная часть бояр удовлетворилась этими уступками и отошла от движения. Более либеральные из них собрались на квартире одного из руководителей оппозиционного движения, Александра Маврокордата, для обсуждения вопроса о продолжении борьбы. Некоторые из присутствующих призывали к оружию.

Подавление оппозиционного движения в Яссах и крестьянских восстаний в уездах

Обстановка в Яссах оставалась столь напряженной, что господарь бежал из дворца в казарму и приказал отправить все свои ценности в Россию. Опираясь на своих наемников, Стурдза решил силою подавить движение оппозиционного боярства. Хотя собрание в доме Маврокордата было тайным, власти узнали о нем. С наступлением ночи пьяные арнауты под командованием сыновей господаря вышли из казармы, катя перед собой пушку. Выстрелами они рассеяли народ, собравшийся на улицах, и окружили дом Маврокордата. Тут они натолкнулись на баррикаду, построенную, впрочем, не для того, чтобы оказать сопротивление войскам, а лишь для того, чтобы дать боярам, собравшимся у Маврокордата, время спастись бегством. Некоторым из них действительно удалось бежать в Буковину. Часть арестованных была выслана в Турцию, где султанское правительство жестоко расправилось с ними. Преследования деятелей движения и лиц, заподозренных в оппозиции к господарю, продолжались и в дальнейшем.

Оппозиционное движение в Яссах было подавлено.

В стране была введена строжайшая цензура. Книжным и газетным издателям и книготорговцам запрещено было печатать и распространять произведения революционной литературы. На границах был установлен строгий контроль за провозом антиправительственных изданий. Многим либеральным боярам было запрещено выезжать из своих имений.

Однако народное движение в Молдавии не было окончательно подавлено. В ряде уездов крестьяне поднимались на борьбу против бояр и господаря. Они собирались толпами и готовились двинуться на Яссы. Особенно широкий размах крестьянское движение получило в уездах Бакэу, Нямц, Роман, Сучава, Васлуй и Тутова. В некоторых местах движение достигло особой остроты. Так, например, в селах Нямецкого уезда крестьяне создавали вооруженные отряды. Во многих местах трудящиеся уничтожали воззвания Стурдзы, извещавшие о подавлении движения в Яссах.

Народное восстание разрасталось. Для подавления его Стурдза высылал отряды войск. Опасаясь, что крестьянское движение в Молдавии сольется с революционным движением в Австрийской империи, австрийское правительство усилило охрану границы с Буковиной.

Правительство царской России, боясь, что волна народного возмущения перебросится в Бессарабию, выставило войска вдоль реки Прут. Граница по Днестру и Дунаю была закрыта для въезда в Россию иностранцев через Молдавию или молдаван из-за Прута.

16 (28) июня на территорию Молдавии был введен 12-тысячный корпус русских войск. Интервенция царских войск обеспечила полную победу контрреволюции в Молдавии.

Валахия накануне революции 1848 г.

Условия, породившие революционную ситуацию в Молдавии, действовали и в Валахии. В этом княжестве крестьянство подвергалось особенно жестокой эксплуатации. Бояре нещадно угнетали крестьян, стараясь выколотить за их счет максимум доходов из своих имений. Крестьян гнали на работу плетьми, их избивали, оскорбляли их человеческое достоинство.

Накануне революции 1848 г. торговля в Валахии, как и в Молдавии, переживала упадок, вызванный экономическим кризисом, который охватил почти всю Европу. В этих условиях народные массы особенно возмущались привилегиями, которые господарь предоставлял близким к нему предпринимателям. Большой шум вызвала продажа казной запасов пшеницы, собранной с крестьян в 1846 г. Эти запасы были проданы некоему Пачьюри по себестоимости, в то время как на рынке зерно продавалось по баснословно высоким ценам. Эта скандальная операция вызвала тем большее возмущение, что в городах Валахии в 1847 г. свирепствовал голод.

В довершение народных бедствий край поразили падеж скота и холерная эпидемия. Поля опустошала саранча. 23 марта 1847 г. большой пожар в Бухаресте уничтожил 1800 домов. Многие жители остались без крова. Все это усиливало недовольство масс.

Нищета и лишения трудящихся, их нежелание мириться с существующим режимом, недовольство оппозиционных кругов буржуазии общим положением в стране, борьба группировок внутри боярского класса, стремление народных масс освободиться от турецкого гнета — все это было причиной того, что обострившийся кризис перерос в революцию.

Общество «Справедливость и братство»

В Валахии революционные события 1848 г. разыгрались несколько позже, чем в Молдавии. Зато движение носило здесь более решительный характер, и подготовлялось оно более организованно, чем в Молдавии. Еще в 1843 г. Ион Гика, Николай Балческу, Христиан Тель и Войнеску организовали тайное Общество «Справедливость и братство», в которое вошли представители буржуазии, среднего и мелкого боярства. Наибольшей известностью среди членов Общества пользовались, кроме вышеназванных, братья Майореску, Георгий Магеру, Плешояну, Тележеску. Выходцев из среды крупного боярства среди членов Общества было немного: братья Голеску, И. Элиаде, К. Росетти и несколько других.

Чтобы обеспечить себе поддержку крестьянства, организаторы Общества высказывались за разрешение аграрного вопроса. Но большинство членов организации не желало перерастания оппозиционного движения в революцию, так как боялось выступления трудящихся масс.

В марте 1848 г. члены общества распространили большое количество прокламаций, в которых требовали упразднения боярских привилегий, создания национальной гвардии, введения свободы печати.

Начало революции в Валахии

Революционное движение началось в Олтении, где положение крестьян было особенно тяжелым и где еще свежи были воспоминания о национально-освободительной борьбе под руководством Тудора Владимиреску (1821). Здесь находились со своими частями сторонники общества «Справедливость и братство» майор Тель и капитан Плешояну.

9(21) июня 1848 г. сторонники Общества организовали народное собрание в деревне Излаз, уезда Романаць, в котором приняли участие не только крестьяне, но и солдаты. На собрании была оглашена прокламация, требовавшая независимости Валахии, политического равноправия всех ее жителей, всеобщего обложения налогами, переизбрания господаря через каждые пять лет представителями всех сословий, уничтожения взяточничества, введения свободы печати, организации национальной гвардии,

освобождения зависимых крестьян-барщинников, освобождения крепостных цыган, всеобщего обучения, упразднения рангов и титулов для лиц, не состоящих на государственной службе, созыва Учредительного собрания для составления конституции. Об улучшении положения крепостных говорили только два пункта прокламации (освобождение зависимых крестьян и крепостных цыган). Вопрос о наделении крестьян землей в прокламации даже не ставился.

После того как прокламация была оглашена, один местный священник прочел молитву, в которой, наряду с просьбами о свободе и справедливости, выраженными, впрочем, в абстрактной форме, была просьба, рассчитанная на привлечение к движению крестьян: «Избавь народ от произвола клаки (барщины) и подлости крепостничества, которого не знали наши предки».

Собрание выбрало Временное правительство из нескольких членов общества «Справедливость и братство». Это правительство обратилось к господарю с письмом, в котором заявляло, что члены его стали во главе «стихийно вспыхнувшего восстания», дабы оно «не вылилось в анархию», и что их целью является «укрепление в крае порядка». Члены Временного правительства призывали господаря Георгия Бибеску стать во главе движения и признать Временное правительство.

10 июня в Бухаресте несколько неизвестных юношей стреляли в коляску господаря во время его прогулки по городу. Бибеску использовал это покушение для расправы с революционерами. Начались аресты. Однако войска отказались выступить на подавление революции. Офицеры, принадлежавшие в значительной своей части к провинциальному боярству, отказались повиноваться господарю.

Создание Временного правительства. Отречение господаря

На улицах Бухареста собирались толпы солдат, ремесленников, купцов и крестьян. Руководители движения читали им прокламацию, подобную излазской. Народ стал собираться у дворца. Из толпы раздавались возгласы: «Да здравствует конституция!». Руководители общества «Справедливость и братство» предложили господарю принять условия, изложенные в прокламации, «чтобы не было,— как писали они,— нужды в новой революции». 11(23) июня Бибеску принял эти условия и согласился сформировать правительство из руководителей движения в Бухаресте. В это правительство вошли Николай и Стефан Голеску, Элиаде, Балческу, Магеру и К. Росетти. 13(25) июня Бибеску отрекся от престола и покинул Бухарест.

Новому правительству пришлось действовать в напряженной обстановке. Страна была разорена, казна пуста. Однако руководители движения не проявили решительности. Они дали министру иностранных дел прежнего правительства и начальнику полиции возможность бежать в Турцию, оставили на своих местах командующего войсками полковника Одобеску, командира 3-го пехотного полка Соломона, министра финансов и многих высших чиновников, связанных с контрреволюционными кругами. Председателем правительства стал реакционно настроенный митрополит Неофит.

Соглашательская тактика большинства членов Временного правительства вытекала из их взглядов на революцию, которую они считали уже законченной. Будучи в большинстве своем выходцами из боярства, они избегали действий, которые могли бы затронуть интересы боярства.

Первые декреты Временного правительства вводили трехцветное знамя с девизом «Справедливость и братство», провозглашали свободу слова и печати, отменяли смертную казнь, объявляли о подготовке к созыву Учредительного собрания.

Политика Временного правительства

Временное правительство не освободило крестьян и цыган от крепостной зависимости и не наделило их землей. Между тем, успех революции зависел от разрешения аграрного вопроса, от того, в какой мере революция будет поддержана крестьянством.

Крестьяне отказывались нести повинности в пользу землевладельцев, вырубали помещичий лес, захватывали хлеба и косили сено на боярских землях, ловили рыбу в боярских прудах, выгоняли скот на луга и поля, принадлежавшие боярству.

Особенно сильные волнения крестьян происходили в Ильфовском уезде, в уездах Романаць, Телеорман, Долж и в Браилове. «Жители большей части сел Ильфовского уезда проявили столь упорное сопротивление и столь сильное возмущение, что некоторые из них, именно из села Ульмень, до основания разгромили имения собственников земли»,— писал министр внутренних дел Временного правительства Н. Голеску начальнику жандармов, выражая опасение, как бы восстание не охватило и соседние уезды. В уезде Долж отказ крестьян от несения повинностей был столь массовым, что все арендаторы и все помещики этого уезда остались с несобранным урожаем. В волости Влахинец уезда Мехединц жители перековали свои заступы и косы на пики и копья.

Временное правительство не пошло навстречу требованиям крестьянства. Правда, Николай Балческу требовал проведения в жизнь аграрной реформы, но Элиаде, при поддержке большинства членов Временного правительства, оттягивал проведение реформы. Временное правительство не дало крестьянам главного: земли и освобождения от феодальной эксплуатации. 16(28) июня оно издало обращение, в котором предписывало крестьянам выполнять все повинности впредь до отмены их Учредительным собранием. «Господь не простит вам, если вы нанесете убытки собственнику и арендатору»,— заявляло правительство в своем обращении к крестьянам. «Если какое-либо село или группа жителей не подчинится,— добавляло правительство,— то они будут подвергнуты наказанию и на них будет возложено возмещение убытков». Министерство внутренних дел давало указания полиции помогать администрации уездов бороться с крестьянскими восстаниями против помещиков.

Таким образом, представители буржуазии и либерального боярства, пришедшие к власти в результате революции, стали проповедовать классовый мир между угнетателями — боярами, с одной стороны, и эксплуатируемыми крестьянами — с другой, поддерживая в действительности эксплуатацию крестьян боярами.

Подобными действиями Временное правительство разоблачило себя перед крестьянством, показав, что оно не хочет сдержать свои обещания.

Крестьяне отказывались выполнять подобные предписания правительства.

26 июня (8 июля) правительство образовало комиссию по подготовке освобождения цыган от крепостной зависимости. В составе этой комиссии преобладали землевладельцы. Бояре, владевшие цыганами, были против их освобождения. Многие бояре требовали возмещения им «убытков», связанных с освобождением цыган. Комиссия вела переговоры с каждым боярином в отдельности, но договориться с боярами не удалось: цыгане не были освобождены.

Не лучших результатов достигла комиссия по подготовке освобождения крестьян от крепостной зависимости и наделения их землей. Составленная частью из бояр, частью из крестьянских представителей (по одному от каждого уезда), комиссия эта, по мысли ее учредителей, должна была примирить крестьян с боярами. Выступления крестьянских делегатов были

проникнуты жгучей ненавистью к феодалам, к феодальному гнету. «Если бы землевладельцу, — говорил один крестьянский представитель, — удалось наложить свою руку на солнце, он присвоил бы себе его и продавал бы за деньги крестьянам свет и тепло... Если бы он завладел водой морей, он и ею спекулировал бы и поработил бы крестьян тьмой, холодом и жаждой, как поработил их голодом, захватив земли». «Посмотрите на эти черные мозолистые руки, — продолжал оратор: — Только они производят все богатства страны. Золото и серебро не падают с неба, они происходят из наших хижин...» Оратор добавлял, что эксплуатация крестьян в Валахии усилилась вследствие роста вывоза зерна из княжества англичанами и французами. «И теперь, — продолжал он, — бояре спешат опустошить свои закрома, чтобы наполнить свои дома золотом и серебром. За это золото и серебро нас избивают плетьми. В самое жаркое и тяжелое время нас насильно уводят на полевые работы... Женщины, занятые жатвой, с самого утра до самого обеда не имеют возможности покормить своих детей грудью. Иногда целая неделя труда засчитывается за один день». Представители крестьян жаловались, что бояре при помощи исправников насильно возвращают беглых крестьян обратно к себе на работу, как рабов, запирают в погреба и хлевы, поливают зимой водой на морозе. Крестьянские делегаты требовали освобождения крестьян от крепостной зависимости и наделения их землей.

Представители крупных замлевладельцев сначала просто отказались принимать участие в работе комиссии; позднее те из них, кто принял участие в ее заседаниях, выступили против каких бы то ни было изменений в аграрных отношениях. 19(31) августа правительство распустило комиссию под тем предлогом, что бурные споры в ней «не способствуют укреплению духа братства в стране».

Не сумело Временное правительство разрешить и другую важную задачу революции — создать народное представительство. Некоторые члены правительства во главе с Элиаде выступили против предоставления избирательных прав крестьянам. Выборы в Учредительное собрание от крестьян были установлены двухстепенные. В ряде уездов депутаты вовсе не были избраны. Подавление революции турецкими войсками помешало созыву Учредительного собрания.

Временное правительство не разрешило даже и первоочередного вопроса революции — оно не осуществило национального освобождения Валахии от гнета султанской Турции. Вместо того чтобы провозгласить независимость Валахии от Турции, Временное правительство отправило в Константинополь делегацию для переговоров по вопросу о признании нового порядка в княжестве. Делегация не добилась успеха.

Внутри Временного правительства происходили резкие споры по всем основным политическим вопросам. В то время как Балческу высказывался за освобождение крестьян и цыган от крепостной зависимости и за наделение крестьян землей, за прямые выборы в Учредительное собрание и за вооруженное сопротивление турецкой интервенции, — Элиаде, пользовавшийся в правительстве большим влиянием, выступал против разрешения аграрного вопроса в пользу крестьянства, за цензовую избирательную систему, за сохранение зависимости от Турции.

Контрреволюционные мятежи в Бухаресте и их ликвидация

Несмотря на всю половинчатость проектов реформ, намеченных Временным правительством, они вызвали все же ожесточенное сопротивление со стороны феодальной контрреволюции. Боярство пыталось свергнуть правительство в первые же дни революции. 18 (30) июня в Бухаресте, в отеле «Момоло», собралась группа контрреволюционных бояр под предлогом обсуждения вопроса о земельной собственности. В совеща-

нии приняли участие Одобеску и Соломон. На следующий день они подняли мятеж против правительства. Во главе отряда солдат оба офицера вошли во дворец, где заседало правительство, и арестовали Х. Теля, А. Голеску и некоторых других.

Оставшиеся на свободе члены правительства во главе с Николаем Голеску подняли народ против мятежников. Народные массы, во главе которых стала отважная революционерка Анна Ипатеску, с оружием в руках выступили против мятежников. Часть солдат перешла на сторону народа. Соломон приказал стрелять в народ. При этом 9 человек было убито и 9 ранено. Но народ не дал себя запугать. Воодушевленные Анной Ипатеску, горожане забросали мятежников камнями и поленьями и стали разоружать артиллеристов, стрелявших в толпу. Соломон с остатками своего отряда отступил в казармы. Население готовилось к сражению, вооружалось ружьями, саблями, ножами. В типографии газеты «Pruncul Român» отливали пули из шрифта. Бояре, которые ожидали сигнала Одобеску, чтобы войти во дворец и составить контрреволюционное правительство, увидев, что дело обернулось против них, разбежались. В результате вмешательства народа арестованные члены Временного правительства были освобождены. Казармы были окружены народом, который требовал ареста Соломона (Одобеску к этому времени уже был арестован). Чтобы спасти его от расправы, члены правительства инсценировали его арест.

Через десять дней контрреволюционное боярство вторично подняло мятеж. Оно распространило слух, что готовится интервенция турецких и царских войск. Это побудило членов правительства покинуть 28 июня (10 июля) Бухарест и направиться в Тырговиште. В Бухаресте было создано контрреволюционное правительство из представителей от «великих бояр».

Это правительство объявило всех членов Временного правительства мятежниками, все его мероприятия недействительными и стало вводить порядки, существовавшие в Валахии до революции. Крестьянам предписывалось выполнять все повинности в отношении помещиков. Восстановлена была прежняя полиция, которая стала арестовывать и избивать сторонников революции. Одобеску и Соломон вновь были поставлены во главе армии.

Но народные массы Бухареста снова поднялись против контрреволюционеров. Восставшие горожане отправились к домам контрреволюционных бояр и чиновников с песней: «Давайте, разрушим эти здания и дворцы, где покоятся тысячи грехов...» В домах были выломаны двери и окна, изломана мебель. Бояре бежали. Соломон и Одобеску пытались оказать сопротивление, но вооруженный народ ворвался в казармы. Солдаты стали переходить на сторону восставших. Временное правительство возвратилось в Бухарест. Но и на этот раз оно не приняло решительных мер против мятежников, а, наоборот, пыталось помириться с ними. Одобеску и Соломону были назначены пенсии и предоставлена возможность скрыться за границу.

Политика Англии и Франции в отношении Валахии

Убедившись, что восстановление старого порядка в Валахии не может быть достигнуто только силами внутренней контрреволюции, турецкое правительство приступило к организации интервенции. Правительства Англии и Франции старались помешать утверждению нового правительства в Валахии. Представители этих держав в княжествах и в Турции отказались вступить с ним в дипломатические отношения. Но ни Англия, ни Франция не желали укрепления влияния России в Валахии и стояли за подавление революции силами турецких войск.

Вооруженная интервенция Турции и России в Валахии

1 (13) июля 5-тысячное турецкое войско высадилось в Галаце. К концу июля турецкий комиссар Сулейман-паша прибыл в Рущук во главе 20-тысячной армии, вступившей затем на территорию Валахии. Валашский народ протестовал против вторжения турецких войск. Что касается Временного правительства, то оно пыталось войти в контакт с Сулейманом-пашой, но он не принял представителей этого правительства, а его адъютант объявил им, что Сулейман-паша вступает со своим войском в Валахию для того, чтобы восстановить там власть Георгия Бибеску. Вскоре, однако, турецкий комиссар нашел общий язык с группой бояр антирусской ориентации, участвовавших во Временном правительстве. Сулейман потребовал, чтобы Временное правительство прекратило свое существование. По требованию турецкого комиссара было создано местоблюстительство господарского престола в составе Н. Голеску, Х. Теля и Элиаде. Сулейман-паша заставил их опубликовать заявление, в котором говорилось, что мероприятия новой власти будут считаться действительными лишь после утверждения их султаном. Члены нового правительства, раболепствуя перед турками, поспешили опубликовать подобное заявление. Новое правительство было признано Сулейманом-пашой, и только после этого иностранные консулы вступили с этим правительством в дипломатические сношения.

Далее Сулейман-паша потребовал вычеркнуть из излазской прокламации все, что хотя бы в какой-либо мере говорило о коренных изменениях в общественно-политическом строе Валахии. Турецкий комиссар заставил новое правительство разрешить всем контрреволюционным боярам, бежавшим за границу, возвратиться в страну, а тем из них, кто бежал в свои имения, возвратиться в Бухарест. Однако турецкий султан не собирался признавать это правительство, несмотря на признание его Сулейманом-пашой.

Еще более грозным врагом революционного движения в Валахии являлось правительство царской России, представлявшее собой в то время главный оплот европейской контрреволюции[1]. 1 (13) августа отряд русских войск был двинут через Прут в Валахию по направлению к Бухаресту. Чтобы предупредить вступление русских войск в столицу Валахии, турецкое правительство приняло меры к окончательному подавлению революционного движения в княжествах. Сулейман-паша был заменен новым комиссаром Фуадом-эффенди, которому было приказано устранить от власти новое правительство Валахии, назначить каймакама (наместника господаря) из числа бояр, не принимавших участия в революции, и восстановить в стране дореволюционный режим.

31 августа (12 сентября) турецкие войска вступили в Валахию. Правительство ограничилось беззубым протестом. Консулы западных держав в Бухаресте рекомендовали руководителям правительства покориться туркам.

Но народ не хотел покориться интервентам. 6 (18) сентября население Бухареста вышло на демонстрацию. Текст Органического регламента был вынесен на улицу и под колокольный звон закопан в землю.

25 сентября (7 октября) турецкая армия подошла к Бухаресту. Правительство устроило Фуаду-эффенди торжественную встречу. Он заявил, что явился лишь для того, чтобы лишить Россию повода для посылки войск в Валахию. Населению запрещено было вооружаться.

---

[1] Подробнее см. главы пятьдесят первую и пятьдесят третью.

Создание контрреволюционного правительства Кантакузина

Остановившись на Котроченах (в то время окраина Бухареста), Фуад-эффенди послал письмо митрополиту Неофиту, приглашая его вместе с знатными боярами прибыть в турецкий лагерь. Фуад обещал сообщить этой депутации содержание своих инструкций и объявлял, что местоблюстительство господарского престола упраздняется и каймакамом Валахии назначается Константин Кантакузин (представитель «великих бояр»). Однако после того как делегация, прибывшая из Бухареста, явилась в турецкий лагерь, Фуад приказал арестовать тех ее членов, кто в свое время принимал участие в революционном движении.

Вступление турецких войск в Бухарест

После этого турецкий комиссар двинул свои войска на Бухарест. Топча мирных жителей копытами своих лошадей, избивая женщин и детей, разрывая революционные знамена, сметая все на своем пути, турецкие войска ворвались в город. Турецкую армию сопровождал и фактически командовал ею царский генерал Дюгамель. Проникнув на холм Спирей, где находилась казарма с валашскими солдатами, турки атаковали и обстреляли их из пушек. Однако солдаты сами, по собственной инициативе, дали туркам отпор. В этой схватке особенной доблестью прославилась рота пожарных. Стойкое поведение пожарных воодушевило народные массы Бухареста.

Сопротивление, оказанное пожарными, было столь неожиданным для турок, что они прекратили огонь и решили начать переговоры. Но предательская политика соглашательства с турецким командованием, которую проводили руководители движения, дезорганизовала оборону столицы Валахии. Во время переговоров турки подтянули свежие силы, после чего перестреляли немногочисленных защитников Бухареста.

Революция в Валахии была подавлена турецкими штыками при активном участии царского правительства и при попустительстве со стороны представителей Англии и Франции.

После подавления революции в Молдавии и Валахии был установлен режим крайней реакции, подчинивший дунайские княжества султанской Турции и царской России. Царские войска были расквартированы в Пятра, Рымнике, Турну. Турецкие войска расположились в Крайове, Калафате и в некоторых других местах. Они помогали администрации Кантакузина расправляться с восставшими крестьянами. По всем уездам турецким командованием были разосланы подвижные отряды, которые расправлялись с крестьянами и принуждали их пахать земли и сеять озимый хлеб для бояр. Присутствие царских и султанских войск в Бухаресте делало невозможным открытое выступление народа против контрреволюции. Были даны указания разыскать и арестовать всех администраторов, управлявших уездами во время революции.

Правительство Кантакузина образовало в Бухаресте специальную комиссию, которая с помощью войск занялась взысканием с крестьян убытков, причиненных боярам во время революции. Тысячи крестьян были заключены в тюрьмы. Валашские бояре праздновали свою кровавую победу под защитой иностранных штыков. Балы следовали один за другим, в то время как по всей стране стоял стон крестьянства, силой возвращаемого в кабалу к боярам.

Молдавские контрреволюционеры встретили известие о подавлении революции в соседней Валахии со злобной радостью.

Правительства западноевропейских государств безучастно взирали на жестокую расправу, которую чинили оккупационные войска, поощряя таким образом оккупантов. 15 (27) сентября группа валашских революционеров

обратилась по поводу зверств турецких войск к иностранным державам с протестом, который был адресован консулам Франции, Англии, Пруссии, Греции и Баварии. Он гласил: «Румынский народ со слезами пришел просить вас, во имя бога и справедливости, чтобы вы как можно скорее выразили великим державам ваш протест против незаслуженного наказания смертью, которой казнит нас варварская турецкая армия, попирающая трактаты». Этот протест был оставлен без последствий.

Выступление армии Магеру и провокация английского консула

Хотя революционное движение в Бухаресте и было подавлено, борьба против турецких оккупантов и валашских феодалов не прекращалась в провинции еще долгое время. Еще до занятия турками Бухареста Временное правительство, по инициативе Балческу, решило в случае вступления турецких и царских войск в Валахию оказать им сопротивление в горах. Для этого Магеру, назначенный командующим революционными войсками, сосредоточил их на Трояновом поле, расположенном в уезде Вылча (в Малой Валахии). Здесь было собрано свыше 10 тыс. солдат с артиллерией. Кроме того, сюда же под командование Магеру собралось из разных уездов Валахии несколько тысяч добровольцев. Когда Магеру стало известно о движении войск Фуада на Бухарест, он решил двинуть свою армию против турецких интервентов.

Члены местоблюстительства господарского престола, парализовавшие оборону Бухареста, решили сорвать наступление войск Магеру, опасаясь, что оно помешает им сговориться с турками. С этой целью они послали к Магеру эмиссара, чтобы убедить его сложить оружие. Однако войска Магеру были готовы сражаться. 26 сентября (8 октября) они поклялись «скорее умереть, чем нарушить присягу на верность конституции». Но там, где турецким карателям не помогла прямая измена бояр, им помогли тайная поддержка и прямая провокация английского консула в Бухаресте Колгуна. Он заверил Магеру, что Англия поможет Валахии, но для этого нужно распустить солдат его армии по домам и предоставить заботу о стране султанскому правительству и английской дипломатии. Английский консул убеждал Магеру, что сопротивление турецким войскам не только не поможет валахам, но еще больше восстановит Турцию и западноевропейские государства против них.

Этот подлый обман, разоблаченный в одной из статей Маркса[1], облегчил оккупантам устранение опасности, которую представляла собой революционная армия Магеру. Он удалился из Валахии за границу, распустив свою армию.

Но и после этого сопротивление интервентам в провинции не прекращалось еще долгое время.

Крестьянские восстания в Валахии осенью 1848 г.

В сентябре 1848 г. около 200 жителей уезда Долж, вооруженных пиками, косами, топорами и ружьями, со знаменами в руках двинулись к Крайове с целью поднять население этого города и восстановить там революционную власть. Но в сражении, которое произошло недалеко от Крайовы, повстанцы были разбиты и более ста человек из них было схвачено.

В Слатине вооруженные жители оказали упорное сопротивление власти Кантакузина. Они захватили в свои руки мост через Олтул и, таким образом, прекратили связь значительной части Малой Валахии с центром Валахии. Кантакузин обратился к турецкому командованию с просьбой прислать в Слатину турецкие войска. Это было выполнено.

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 102.

В конце сентября крестьяне сел Моэцэй, Четатеа, Улму, Фынтына-Банулуй, Морень, Хуния, Маглавиту, Комань и Калафат, вооружившись чем попало, решили отправиться на помощь отряду Магеру. По пути туда они направились в лес Скорила и заставили приказчиков владелицы леса возвратить им деньги, которые они раньше заплатили им за этот лес, заявив, что теперь лес принадлежит не помещице, а народу.

Крестьяне селения Холивоя уезда Влашка и селений Стенешть и Пуцинеюл Ильфовского уезда отказались слушать воззвание Фуада-эффенди, уничтожили это воззвание, избили исправников и с топорами в руках прогнали войска, прибывшие для того, чтобы заставить крестьян подчиниться помещикам. Восставшие крестьяне заявили, что ни одного дня не будут работать на помещиков и арендаторов.

Подобные восстания были очень часты в этом уезде. Управитель уезда в своем донесении властям писал, что для подавления крестьянских восстаний недостаточно отрядов местных войск, и что общее восстание во всем уезде могут предотвратить только сильные карательные части турецких войск.

В октябре 1848 г. настоятель Кэлдэрушанского монастыря жаловался властям, что крестьяне сел Линия и Божданул Ильфовского уезда, которые были собственностью монастыря, отказались пахать монастырские земли, возить монастырские дрова и исполнять другие повинности в пользу монастыря.

24 сентября (6 октября) управитель Ильфовского уезда доносил департаменту внутренних дел, что крестьяне всей волости Олтеницы наотрез отказываются работать на помещиков и что помещичьи хлеба остались в поле несобранными. Свой хлеб крестьяне собрали, но не внесли помещикам десятину с урожая.

Села, расположенные около Калафата, также подняли восстание и отказались подчиняться власти Кантакузина.

Восстали жители сел Кормань, Бырзеул-де-Жилорд уезда Горж, сел Манастырь, Корнацелул, Киселетул-Ромынь, Сырбь, Сурларь, Валя-луй-Соаре, Ульмень-Унгурен, Ульмень-Пэмынтень, Обилешть-Векь, Луйка и Херешть Ильфовского уезда, всей волости Олтеница, многих сел волостей Топологул и Ломинешть Арджешского уезда и других. Жители села Рунку волости Ломинешть напали на карательный отряд и, избив солдат, взяли их в плен.

Жители села Фульги уезда Прахова отказались поставить хлеб для войск, вступивших в уезд с целью подавления крестьянского движения. Крестьяне селения Пьеля уезда Телеорман не только отказались давать хлеб оккупационным войскам, но и оказали сопротивление карательному отряду. Напав на отряд, крестьяне обратили его в бегство.

В Телеорманском уезде крестьянские выступления приобретали столь массовый характер, что уездное управление обратилось в департамент внутренних дел с просьбой о присылке турецких войск или казачьих отрядов.

19 сентября (1 октября) в городе Тыргул Телеорманского уезда, невзирая на противодействие купцов и бояр, население восстало против каймакамии. Восставшие вновь подняли над городом революционное знамя и заявили, что будут бороться за республику под руководством Магеру и не желают восстановления Органического регламента. «Да здравствует конституция,— заявили они,— а регламент пусть гниёт там, где его закопали».

1(13) ноября управление Ильфовского уезда сообщало департаменту внутренних дел, что крестьяне сел Фунду-Данчулуй, Киселетул и Фундул отказались выполнять повинности в пользу помещиков и сдавать хлеб для

турецкой армии, изгнали управителей и препятствуют вступлению в их села правительственных или оккупационных войск. В том же уезде восстанием были охвачены и другие селения. Крестьяне сел Корнул-де-Жос и Комарник уезда Прахова захватили в свои руки мельницы. Они угрожали убить всякого, кто пойдет на сделку с помещиком и станет выполнять повинности. Крестьяне села Корнул-де-Жос заявили, что не будут подчиняться законам, изданным правительством Кантакузина. Крестьяне села Комарник оказали вооруженное сопротивление казачьему карательному отряду. Вооруженное сопротивление оказали также крестьяне села Миския в Малой Валахии. Окружив солдат, они избили их и изгнали из своего села.

19(1 декабря) ноября управитель Телеорманского уезда сообщал департаменту внутренних дел, что город Рушь-де-Веде восстал. Крестьяне села Пятра отказались повиноваться контрреволюционным властям; когда управитель уезда Телеорман с 30 солдатами явился в это село, чтобы принудить крестьян к подчинению, они восстали, составили отряд численностью в 500 человек и, напав на солдат с топорами в руках, окружили их, забросали камнями и захватили в плен. Стычка крестьян с солдатами продолжалась с десяти часов утра до часу ночи. Турецкое командование в Бухаресте послало сюда карательную экспедицию из пяти эскадронов кавалерии. Но, когда карательный отряд прибыл на место, крестьяне рассеялись по другим селам и объединились с крестьянами селений Лиса, Виишора и Сухая и других, чтобы напасть на турецкий карательный отряд. Крестьяне клялись, что будут бороться до последней капли крови. Но турецкие войска, совместно с казаками, разгромили восставших. Участники восстания были подвергнуты жестоким репрессиям. Многие из них были жестоко избиты и высланы из родных сел.

Крестьяне сел Мартолоджи, Слободзии-Чобань и Хырзешть Арджешского уезда также отказались подчиняться приказам правительства и напали на помощника управителя уезда.

Восстание охватило и Питешты, и Кымпулунг-Мушчел, и многие другие города и села.

Правительство Кантакузина совместно с Фуадом-эффенди разработало план кровавого подавления крестьянских восстаний при помощи добавочных турецких карательных войск. При этом было решено подавить движение сначала в уездах Влашку и Телеорман (в Большой Валахии) и Долж, Мехецинц и Романац (в Малой Валахии), расположенных в равнине, и только после этого — в горных областях. В названные уезды были посланы многочисленные войска, которые жестоко расправились с восставшими крестьянами. Однако и после подавления движения в том или ином селе, крестьяне часто снова подымались на борьбу с боярами и оккупантами.

5(17) ноября французская газета «Сиекль» («Le Siècle») сообщала: «В некоторых уездах Валахии крестьяне и по сей час отказываются пахать землю помещикам».

Полгода спустя, в июне 1849 г., Кантакузин в письме к управителю уезда Романаць, майору Костаки Черкезу, предлагал принять меры, чтобы в день годовщины революции в уезде не возобновились крестьянские волнения. «Существует подозрение, что в вашем уезде еще не полностью выкорчеваны революционные иллюзии 1848 г.», — писал Кантакузин.

В конечном счете все выступления валашского крестьянства, происходившие в различных местах княжества и не объединенные общим руководством, были подавлены, каждое в отдельности.

Балта-Лиманская конвенция России и Турции

19 апреля (1 мая) 1849 г. царская Россия заключила с Турецкой империей конвенцию в Балта-Лимане о принятии чрезвычайных мер «вследствие волнений, потрясших эти провинции и в особенности Валахию». Балта-Лиманская конвенция предусматривала упразднение системы выборности господарей и восстановление системы их назначения Турцией, упразднение боярских государственных советов, оставление в княжествах турецких и русских войск, вплоть до окончательного подавления сопротивления населения существующему строю. Та же конвенция гласила, что Россия и Турция вновь введут свои войска в Молдавию и Валахию в случае, если в них опять вспыхнут революционные волнения.

Характер революции 1848 г. в Валахии и причины ее неудачи

Революция 1848 г. в Валахии была по своему характеру незаконченной буржуазной революцией. Существенную роль играли в ней выступления народных масс города и деревни. Буржуазия и либеральное боярство использовали эти выступления, чтобы захватить власть. Но как только они достигали своей цели, народное движение оказывалось им больше ненужным, и они изменяли народу, предавали дело его национального освобождения и ликвидации феодализма. Движение 1848 г. в Молдавии и Валахии не разрешило ни одной главной проблемы буржуазной революции в этих княжествах.

Основной причиной поражения этой революции была предательская тактика большинства либерального боярства и либеральной буржуазии, претендовавших на руководство революционным движением. Крестьянство и городское плебейство, игравшие значительную роль в революции, не имели ни самостоятельной организации, ни определенной программы. В княжествах еще не было рабочего класса, который мог бы возглавить борьбу широких трудящихся масс. Не было ни единства, ни согласованности действий между революционным движением в городах и революционными выступлениями крестьянства. Последние развернулись уже после того, как революционное движение было подавлено в Яссах и в Бухаресте.

Революционеры Молдавии и Валахии не получили никакой поддержки извне. И в Молдавии, и в Валахии революция началась после того, как французские буржуазные республиканцы, ставшие у власти в результате февральской революции 1848 г., отреклись от своих обещаний помочь революционерам других стран. Разгром июньского восстания парижских рабочих, явившийся поворотным моментом в истории революции 1848 г., отразился и на судьбах революционного движения в дунайских княжествах.

«Поражение рабочего класса во Франции, победа французской буржуазии,— писал Маркс,— одновременно означали новое порабощение национальностей, которые на крик галльского петуха ответили героическими освободительными попытками»[1]. Значительную роль в поражении валашского революционного движения 1848 г. сыграла враждебная народам дунайских княжеств контрреволюционная внешняя политика Англии. Когда Временное правительство Валахии обратилось к Пальмерстону с просьбой взять на себя посредничество между Валахией и Турцией в вопросе о признании нового порядка в Валахии, Пальмерстон ответил отказом.

Революционные движения в Молдавии и в Валахии протекали по-разному.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 103.

В Молдавии у руководства движением стояли главным образом оппозиционные бояре, которые страшились не только революционного выступления трудящихся, но даже тех скромных реформ, которых добивалась либеральная буржуазия. Большинство этих бояр непрочь было осуществить небольшой дворцовый переворот, чтобы предотвратить революцию.

В Валахии у руководства движением, наряду с либеральными боярами, стояли и представители буржуазии, которые требовали проведения реформ в интересах развития капиталистических отношений.

В Валахии революционеры отвергли Органический регламент и систему управления, основанную на нем. В Молдавии либеральное боярство и буржуазия требовали сохранения регламента, в котором они видели единственную гарантию от злоупотреблений господаря.

В Молдавии господарю удалось для подавления движения опереться на наемные войска,— в Валахии войска частично стали на сторону революции.

В Молдавии руководители движения оппозиционных бояр вовсе не были связаны с народом и не опирались на народное движение. В Валахии общество «Справедливость и братство» стремилось использовать революционный подъем крестьянских масс. Но ни в Молдавии, ни в Валахии руководители движения из среды либерального боярства и буржуазии не ставили своей целью освобождение крестьян от крепостной зависимости и наделение их землей.

Сыграла свою отрицательную роль и разобщенность революционных сил в дунайских княжествах: революционные выступления произошли в Молдавии и в Валахии не одновременно. Кроме того, революционные силы дунайских княжеств не были непосредственно связаны с революционерами других европейских стран и не имели контакта даже с революционным лагерем соседней Венгрии.

Одной из главных причин поражения национально-освободительного и революционного движения в дунайских княжествах была вооруженная интервенция султанской Турции и царской России.

Глава шестьдесят вторая

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГРЕЦИИ В 1848 Г.

Историческое развитие Греции отличается от истории многих других стран европейского материка большим своеобразием, которое в значительной мере и объясняет тот факт, что в 1848 г. в этой стране не было сильного революционного движения. Однако и для Греции 1848 год—славная, знаменательная дата. Вплоть до второй четверти XIX в. Греция находилась под властью Турции. Вся основная масса населения Греции страдала от турецкого ига. Тяжесть положения греческого крестьянства обусловливалась более всего национальным угнетением и эксплуатацией со стороны турецких властей.

Особенности исторического развития Греции

Города были многочисленны, хотя и невелики, и городское население составляло заметную величину в населении Греции; многие греческие города являлись подлинными культурными центрами. Разумеется, отнюдь не турецкое господство способствовало развитию экономики и культуры в этих греческих городах. «Греки, армяне, славяне и франки, устроившиеся в больших морских гаванях, держат в своих руках всю торговлю и не имеют решительно никаких оснований благодарить турецких беев и пашей за то, что эта возможность им дана. Пусть удалят всех турок из Европы, торговля от этого не пострадает»[1]. Не турки, а славянская и греческая буржуазия составляли, как отмечалось Марксом и Энгельсом, опору «... всякого рода цивилизации, действительно вводимой в стране»[2]. Заметим, что эти указания Маркса и Энгельса были сделаны в 50-х годах, т. е. уже тогда, когда греческое восстание и последовавшее за ним освобождение части Греции из-под турецкого ига могли бы, казалось, многому научить варварское правительство султанской Турции.

Героическое восстание греков началось в 1820 г. Передовые люди всех стран сочувствовали славной освободительной борьбе греков, приобретавшей большое международное значение не только по своему существу, как восстание в годы общеевропейской реакции, но и как выступление, затрагивавшее один из наиболее сложных узлов международной политики — так называемый «восточный вопрос».

В том содействии, которое было оказано передовыми людьми Европы национальным стремлениям греков, совершенно особое место занимает все то, что было сделано Россией. Впоследствии, в 50-х годах, в трудах Маркса и Энгельса отмечалось, что большая часть населения Греции (речь шла о той его части, которая все еще оставалась

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. IX, стр. 392.
[2] Там же.

под властью турок) питает к русским «большую национальную симпатию»[1]. Это и неудивительно: греки не могли, конечно, забыть о том, что еще в период, предшествовавший их восстанию, главная организация повстанцев — Гетерия — находилась в Одессе. Уже тогда, в начале 20-х годов, Россия собиралась начать войну с Турцией. Многие русские люди, и среди них наш великий поэт А. С. Пушкин, воспевавший освободительное движение греков, готовились принять личное участие в вооруженной борьбе против Турции в защиту греков.

В январе 1822 г. в Эпидавре было открыто греческое Национальное собрание, занявшееся выработкой конституции. В 1823 г. грекам удалось освободить из-под власти турок Навплию, Коринф, Афины. Но в том же году в Греции началась гражданская война, на исход которой оказывало гибельное влияние соперничество держав, стремившихся использовать греческое восстание в своих корыстных интересах.

Борьба Греции за независимость была борьбой подлинно народной. Но вожаки освободительной борьбы ориентировались на помощь извне. Возникли три группировки — группировки трех различных ориентаций: английской, французской и русской. Группировка английской ориентации была наиболее антидемократической, ее основное ядро составляла торговая буржуазия и большая часть интеллигенции. Французская группировка была связана в основном с «палликарами»,— с военными элементами, рекрутировавшимися из мелких городских и сельских собственников, отчасти — из верхних слоев населения Маниатов, Сулитов и других полуавтономных горных районов. Группа деятелей русской ориентации поддерживалась в основном зажиточным крестьянством, мелкой сельской буржуазией, виноградарями и виноделами, оливководами, вообще — собственниками садово-огородных хозяйств, связанных с рынком.

Под влиянием агентов иностранных держав усилилась внутренняя борьба среди вожаков греческого восстания. Это обстоятельство ослабляло эффективность восстания и еще более облегчало Англии, Франции и России вмешательство в греческие дела. Тринадцатилетняя вооруженная борьба греков все же привела к возникновению греческого государства. В работах Маркса и Энгельса ясно отмечена решающая роль русского оружия и русской армии в освобождении Греции от турецкого ига: «Кто решил исход борьбы при восстании греков? Не заговоры и возмущения Али-паши под Яниной, не битва при Наварине или французская армия в Морее или конференции и протоколы в Лондоне,— а Дибич, вступивший во главе русской армии через Балканы в долину Марицы...»[2].

Возникшее в 1832 г. греческое государство не охватывало всех греческих земель: в него входила лишь территория Средней Греции, Пелопоннес и часть островов Эгейского моря, так что около 3/4 греческого народа осталось под властью турецкого султана, а около 200 тыс. жителей, составлявших население Ионических островов,— под английским владычеством. Вновь созданное греческое государство стало, по воле вмешавшихся держав, не республикой, а абсолютной монархией, что явилось вопиющим противоречием со свободолюбием греческого народа, столь ярко проявленным в войне за независимость. На трон Греции был посажен импортированный монарх — баварец Оттон, ставленник английского министра лорда Пальмерстона. Выступая в палате общин, Пальмерстон имел наглость подыскивать «основания» для того, чтобы «...отдать родину Перикла и Софокла под номинальную власть молодого баварского идиота»[3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. IX, стр. 377.
[2] Там же, стр. 394.
[3] Там же, стр, 512.

Разумеется, и после воцарения Оттона идея «Великой Греции», т. е. идея подлинно независимого государства, объединяющего все греческие земли, с перенесением столицы в Константинополь и изгнанием турок из Европы и Малой Азии, продолжала жить в греческом народе.

В 40-е годы, несмотря на неблагоприятную международную и внутреннюю обстановку, продолжалось экономическое и культурное развитие Греции. Вместе с тем «греческий вопрос» занимал все более заметное место в политике держав на Востоке; вмешательство дипломатических представителей в политическую жизнь Греции усиливалось. По признанию французского дипломатического представителя Тувенеля, он сам и его коллеги не столько являлись дипломатами, сколько руководителями партийных группировок. В этих условиях уже не только «верхи» греческого общества, но и широкие массы стали энергично требовать реализации программы «Великой Греции». 13—15 сентября 1843 г. в Афинах произошел бескровный переворот: войска, народные массы и даже Государственный совет потребовали от короля отставки министров, сформирования временного правительства и созыва Национального собрания. Король вынужден был эти требования удовлетворить, принеся свои извинения дипломатическим представителям Англии, Франции и России. В том же 1843 г. было созвано греческое Национальное собрание. Выборы производились на основе значительного имущественного ценза, и поэтому в Национальном собрании трудящиеся массы не были представлены. В Собрании преобладали сторонники французской ориентации. Лидером Собрания был представитель французской ориентации Коллетис, выдвинувший программу «Великой Греции». Собрание выработало конституцию, устанавливавшую наряду с королем два верховных органа власти — выборный Государственный совет (Буле) из 80 членов и сенат (Герусия), члены которого назначались королем пожизненно. После кратковременного премьерства сторонника английской ориентации Маврокордата премьером стал Коллетис (1844—1847). Таким образом, в результате переворота 1843 г. Греция стала конституционной монархией.

Но конституция 1844 г. не соблюдалась. Последующие выборы в Буле и его состав в значительной мере определялись прямым давлением короля и его правительства. Коллетис бесконтрольно управлял страной. Подчеркивая «суверенность» Греции, он вступал на этой почве в постоянные конфликты с представителем Англии Лайонсом, рассматривавшим Грецию как английскую колонию.

Финансовое положение Греции было тяжелым. Греция получила заем у держав-покровительниц, но и после этого финансовый кризис не был изжит. усилилась лишь зависимость Греции от Франции и особенно от Англии, стремившихся к установлению полного господства над греческими финансами.

Положение Греции к началу 1848 г. определялось финансовым кризисом внутри страны, общеевропейским торгово-промышленным кризисом, бедствиями неурожая, вмешательством Англии и Франции во внутреннюю жизнь греческого государства, отрицательно сказывавшимся на развитии производительных сил.

Отклики на революционные события в Европе

Известия о революциях, начавшихся в различных странах Европы, вызвали в Греции, особенно в Афинах, взрыв энтузиазма. Газеты и журналы изобиловали сообщениями о революционных событиях. На улицах Афин происходили манифестации. Оппозиция выдвинула требование отставки правительства и немедленного роспуска Буле с назначением новых выборов. Король сопротивлялся, рассчитывая на поддержку со стороны зажиточной части крестьянства. Оппозиционная

буржуазия и мелкие чиновники пытались вести агитацию не только в городах, но и в деревне. Однако выступления афинской буржуазной оппозиции не нашли сколько-нибудь серьезного отзвука в народных массах, относившихся к этой буржуазной агитации с недоверием.

В различных местностях королевства вспыхивали восстания, общим лозунгом которых было национальное объединение. Эти восстания выразили всю остроту и значительность национальной проблемы для Греции. В Фессалии, которая в это время находилась под властью Турции, собрались бежавшие участники местных восстаний 1847 г.; в марте 1848 г. они вторглись в Грецию под лозунгом национального объединения и демократизации страны. Население Греции (и частью даже местные власти) оказывали этим повстанцам поддержку. Повстанцы дошли до Фокиды и острова Эвбеи, но на этом их успехи прекратились: повстанцы были рассеяны турецкими войсками.

В середине апреля 1848 г. вспыхнули восстания гарнизонов в Каламате, в Коринфской области, в Навпакте, Элиде, Навплии. Во главе этих восстаний стояли офицеры. Они не требовали свержения короля Оттона, а добивались лишь точного соблюдения конституции, роспуска продажной, антинациональной палаты. В одном месте было выдвинуто требование созыва Национального собрания. Таким образом, революция 1848 г. в Европе резко обострила в Греции национальный вопрос. Но этот вопрос являлся вопросом не только греческим; как уже было сказано, он еще до событий 1848 г. стал занимать все более значительное место в международной политике. В Греции в 1848 г. вновь появились полулегальные организации, завязывавшие постоянные сношения с греческим населением по ту сторону государственной границы; эти организации были готовы выступить в любой момент и лишь выжидали благоприятной обстановки. В мае 1848 г. на турецкого дипломатического представителя Музуруса в Афинах было произведено покушение, весьма осложнившее международное положение Греции.

Таково было отражение революционных движений 1848 г. в самом греческом государстве. Как ни слабы оказались народные выступления в этом государстве, все же лишь под влиянием революционных событий 1848 г. Оттон согласился установить конституционный режим.

ВОССТАНИЕ ПРОТИВ АНГЛИЙСКОГО ГОСПОДСТВА НА ИОНИЧЕСКИХ ОСТРОВАХ

Общественное движение на островах Корфу и Кефаллония

На Ионических островах, носивших название «Соединенные Штаты семи островов», находившихся под протекторатом Англии, в 1848 г. произошли бурные выступления греческого народа. Классовое расслоение населения здесь было гораздо более резким, чем в самом греческом королевстве. Здесь сохранилась землевладельческая знать, жестоко эксплуатировавшая крестьянство, которое местами, например на о. Кефаллония, было в значительной мере экспроприировано. Опираясь на англичан, местная знать относилась с нескрываемой враждебностью не только к народным массам, но и к буржуазии, буржуазной интеллигенции. Из среды интеллигенции вышли многие видные участники общегреческой борьбы за независимость. Автором популярного в те дни «Гимна свободе» был ионийский поэт, один из крупнейших представителей новогреческой лирики—Дионис Соломос. Часть ионической молодежи, обучавшаяся в Париже, принимала участие в баррикадных боях в дни июльской революции 1830 г. и, вернувшись на родину, вступила в борьбу с английским деспотизмом.

«Соединенные Штаты семи островов» формально управлялись представительными органами; на каждом острове имелись свои суды и своя администрация, на главном же острове, Корфу, — палата представителей и сенат. Выборы в палату были ограничены весьма высоким цензом (365 талеров годового дохода); народные массы от участия в этих выборах были совершенно отстранены. Но и эта палата не имела решающего голоса; абсолютное право признания или непризнания решений палаты принадлежало английскому «высокому комиссару» на Корфу и подчиненным ему комиссарам на других островах.

Вся администрация опиралась на английскую военную силу и находилась в руках английских властей. Борьба греков против господства англичан не только не прекращалась, но все более и более разгоралась. Основным лозунгом этой борьбы было требование полной ликвидации английского господства и воссоединения с Грецией. Но всякая пропаганда национально-освободительных идей запрещалась английским «высоким комиссаром» Дугласом.

Переворот 1843 г. в Греции вызвал новые оппозиционные выступления на Ионических островах. Сменивший в этом году Дугласа «высокий комиссар» Ситон был вынужден пойти на уступки. Он отменил цензуру, выдвинул программу реформ. Его поддерживал кружок умеренно настроенной оппозиции — поэт Типальдос, юрист Зампелис и другие. Этот новый курс был целиком направлен на удовлетворение интересов буржуазии и нисколько не облегчал положения трудящихся масс. Особенно тяжелые условия создались на Кефаллонии, где в 40-х годах кризис сбыта винограда вызвал полное разорение мелких хозяйств. Это создало недовольство не только среди беднейшего крестьянства Кефаллонии, но и среди более имущей части населения.

В связи с революционными событиями 1848 г. оживилась и либеральная оппозиция в «Соединенных Штатах семи островов», прежде всего на Корфу. Был организован банкет в честь Ситона с целью легального провозглашения на этом банкете желательных для буржуазии либеральных реформ. Но трудящееся население резко отвергло эту соглашательскую политику буржуазии. Под окнами клуба «Друзей литературы», где происходил банкет, собрался народ, гневными криками протестовавший против программы банкетных политиканов. Народ требовал присоединения островов к Греции и национально-государственного объединения всех эллинов. Учитывая революционные настроения народа, Ситон был вынужден несколько уменьшить налоги, расширить политические и финансовые права центральной палаты на Корфу, отменить некоторые ограничения свободы печати. Революционные выступления масс на Корфу после этих уступок прекратились.

Восстание на Кефаллонии

Иначе развернулись события на Кефаллонии. Здесь восстание народных масс возглавила демократическая интеллигенция. Основным лозунгом восставших было изгнание англичан и воссоединение с Грецией. Под руководством буржуазных демократов Ливадаса и Фокаса, юристов, участников войны за независимость Греции, на Кефаллонии образовался тайный политический союз, вступивший в общение с крестьянством. Крестьяне были настроены революционно; они стремились к уничтожению землевладельческой знати и ростовщиков, к отмене всех своих долговых обязательств. Вожди восстания с самого начала отвергли политику компромиссов. 6 апреля, в день национального праздника, в Аргостоли — главном центре острова, дома были украшены греческими и трехцветными французскими флагами. Народные массы провожали греческого консула в церковь. Раздавались крики: «Объединение с Грецией! Свобода

и братство! Да здравствует Французская республика!». Праздник продолжался и в деревне и в городе весь вечер.

Известие о соглашательской политике на Корфу вызвало на Кефаллонии взрыв негодования. Началась подготовка вооруженного восстания против англичан. Завязывались прямые связи с Грецией, Италией и Францией; изготовлялись боевые припасы, порох и пули. Повстанцы рассчитывали на военную помощь Франции. Подготовка восстания стала принимать почти открытый характер. Участники повстанческого движения приносили торжественную клятву — сражаться за родину, приложить все усилия для изгнания из нее тирана, для того чтобы жить свободно. Ближайшей программой был — захват власти, образование временного правительства, ликвидация долговых обязательств и ипотек, освобождение должников из тюрем.

Восстание вспыхнуло раньше намеченного срока (повидимому, это был результат провокации). Ранним утром 26 сентября два отряда крестьян и других повстанцев двинулись на города Аргостоли и Луксори; к Аргостоли направилось около 200 человек. На мосту, у входа в город, произошел бой. Повстанцы были разбиты и частью захвачены в плен. Луксори был на короткое время захвачен повстанцами. Немедленно же были освобождены из тюрем должники. Все судебные и административные здания были заняты повстанцами. Богачи бежали на корабли. К середине дня английские воинские части из Аргостоли подошли к Луксори и оттеснили повстанцев в центр острова, где они держались еще два дня.

На население Кефаллонии англичанами была наложена контрибуция «для возмещения убытков», которая взималась насильственно. Но арестованные повстанцы вскоре были отпущены на свободу. Возобновляя свою либеральную политику, Ситон стремился ослабить национально-освободительные стремления жителей Кефаллонии. Однако преемник Ситона — Уорд начал вновь применять репрессии, в результате которых на Кефаллонии в августе 1849 г. вспыхнуло восстание, имевшее гораздо более упорный характер. Оно было жестоко подавлено английскими войсками.

Но борьба за воссоединение Ионических островов с Грецией продолжалась вплоть до 1862 г., когда это воссоединение, наконец, и было осуществлено.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

Глава шестьдесят третья

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИЙ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ 1848—1849 ГГ.

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г. ВО ФРАНЦИИ

1

Изучение истории революции 1848 г. во Франции началось еще сто лет назад, по свежим следам событий, и всегда носило острый политический характер.

Подлинно научное освещение истории революции 1848 г. было впервые дано в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Гениальный анализ истории революции 1848 г. и Второй республики во Франции основоположники научного социализма дали в своих статьях в «Новой Рейнской газете», в обзорах и рецензиях в «Обозрении Новой Рейнской газеты», в трудах Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», в статье Энгельса «Действительные причины относительной пассивности французских пролетариев в декабре прошлого [1851] года» и в предисловиях Энгельса к новым изданиям работ Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1885), «Гражданская война во Франции» (1891) и «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (1895).

Среди этих трудов Маркса и Энгельса особенно большое значение имеют «Классовая борьба во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»[1]. Обе эти работы Маркса представляют собой одновременно и глубокое научное исследование и боевой политический памфлет. Здесь впервые была дана стройная, научно обоснованная периодизация истории Франции в 1848—1851 гг., ярко освещены предпосылки революции 1848 г., ее характер и ход, роль в ней отдельных классов, партий и деятелей, причины ее поражения и ее политические уроки.

«Это была гениальная работа»,— писал Энгельс в 1885 г. в предисловии к третьему немецкому изданию «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта». Написанная непосредственно после события, «поразившего весь политический мир, точно гром из ясного неба», события, «которое во всех вызвало только изумление и никем не было понято», работа Маркса указывала единственно верный путь к пониманию бонапартистского переворота 2 декабря и рисовала картину всей французской истории в

[1] Подробнее об этих работах Маркса см. в гл. пятидесятой.

1848—1851 гг. «И картина была набросана Марксом с таким мастерством, что всякое дальнейшее разоблачение доставляло каждый раз только новые доказательства того, как верно отражалась действительность в этой картине». Это было бы невозможно, замечает Энгельс, если бы не то глубокое знание французской истории, какое было у Маркса. К этому, добавляет Энгельс, присоединяется еще другое обстоятельство. «Ключом» к пониманию истории второй французской республики послужил Марксу впервые открытый им «...великий закон исторического движения, закон, по которому всякая историческая борьба, совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо другой идеологической области, в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и их столкновения между собой, в свою очередь, обусловливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена»[1].

Враги марксизма не раз пытались опорочить научную ценность работ Маркса о революции 1848 г. Так, например, Эдуард Бернштейн, в статье «От второй империи к третьей республике», пытался поколебать значение этих замечательных трудов, клеветнически заявляя, что они лишены объективности. Но то, в чем Бернштейн видел недостаток, на самом деле составляет величайшее достоинство исторических работ Маркса, проникнутых подлинной объективностью, революционной страстью, духом партийности. Они отличаются и богатством фактического материала, и изумительной глубиной анализа, и исключительным блеском изложения.

Вильгельм Либкнехт так характеризовал в свое время стиль «Восемнадцатого брюмера»: «Можно ли сказать, что „18 брюмера“ непонятно? Разве непонятна стрела, летящая прямо в цель и впивающаяся в тело? Разве непонятно копье, пущенное уверенной рукой и поражающее врага в самое сердце? Слова „18 брюмера“ — стрелы и копья, его стиль клеймит и убивает. Если когда-либо ненависть, презрение, пламенная любовь к свободе нашли свое выражение в жгучих, уничтожающих, возвышенных словах, то именно в „18 брюмера“, в котором соединились негодующая суровость Тацита, убийственная острота Ювенала и священный гнев Данте. Здесь стиль становится stilus, т. е. тем, чем он был некогда в руках римлян, острым стальным острием, которое пишет и колет. Стиль — кинжал, без промаха поражающий прямо в сердце».

Особо следует отметить, что в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса о революции 1848 г. во Франции были формулированы многие важные теоретические положения научного социализма (о диктатуре пролетариата, о союзе между пролетариатом и крестьянством, о тактике вооруженного восстания и т. д.). Творчески развивая теорию марксизма и обогащая ее новыми положениями применительно к новой эпохе — эпохе империализма и пролетарских революций, Ленин и Сталин неоднократно обращались к историческому опыту революции 1848 г. и своими гениальными трудами еще глубже осветили важнейшие проблемы и события этой революции. Это относится прежде всего к классическим трудам В. И. Ленина «Государство и революция» (вторая глава его специально посвящена выяснению «опыта 1848—1851 годов»), И. В. Сталина «Анархизм или социализм?», «Об основах ленинизма», «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», «К вопросам ленинизма»; это относится и к замечательным статьям Ленина и Сталина, помещенным в газете «Правда» летом и осенью 1917 г. («Луиблановщина», «Из какого классового источника приходят и

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. I, стр. 190.

„придут“ Кавеньяки», «Начало бонапартизма», «Об условиях победы русской революции», «Полоса провокаций» и др.).

В этих и других трудах Ленина и Сталина поставлены и разрешены основные вопросы «науки о революции»: проблема революционной ситуации, коренные различия между буржуазной революцией и революцией пролетарской, роль крестьянства как союзника пролетариата, вооруженное восстание как искусство, значение пролетарской партии в руководстве революцией и в борьбе за диктатуру пролетариата и некоторые другие.

Эти работы сыграли огромную мобилизующую роль в борьбе партии большевиков и рабочего класса России против буржуазной контрреволюции и ее эсеро-меньшевистских пособников, в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции.

2

Особого упоминания заслуживают сочинения русских революционных демократов, современников революции 1848—1849 гг., и среди них прежде всего статья Н. Г. Чернышевского «Кавеньяк», опубликованная в журнале «Современник» за 1858 г.[1]. Она дает острый анализ классовой борьбы во Франции в 1848 г., разоблачает антинародный характер политики буржуазных республиканцев, клеймит кровавую расправу Кавеньяка с революционными рабочими Парижа, доказывает, что эта расправа расчистила путь торжеству бонапартистской контрреволюции. Замечательный анализ причин и характера государственного переворота 2 декабря 1851 г. дан в примечаниях Чернышевского к русскому переводу книги английского буржуазного историка Кинглэка о Крымской войне[2].

По своим философско-историческим взглядам Чернышевский далеко превосходил всех современных ему буржуазных историков и историков мелкобуржуазного направления (социалистов-утопистов Запада, народников в России). В анализе истории классовой борьбы во Франции в первой половине XIX в. и, в частности, во время революции 1848 г. он не имел себе равного в России, а в Европе уступал только Марксу и Энгельсу. «От его сочинений веет духом классовой борьбы»[3], — эти слова Ленина о Чернышевском могут быть полностью отнесены и к его работам по истории Франции 1848 г. «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»[4].

Яркие и образные очерки и воспоминания другого великого русского революционного демократа А. И. Герцена — «С того берега», «Письма из Франции и Италии», «Былое и Думы» и др., проникнутые пламенной ненавистью к могильщикам революции и горячей симпатией к революционным рабочим Парижа, являются замечательными документами революционно-демократической исторической литературы об этой эпохе.

3

Французская историография революции 1848 г. насчитывает большое количество книг, брошюр и статей. Они начали издаваться еще в годы

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. V, 1950, стр. 5—7, 28—36, 46—53.
[2] Там же, т. X, ч. 2, 1906, стр. 88, 94—95.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 224.
[4] Там же, т. 14, стр. 346.

Второй республики, когда появился ряд книг мемуарного характера, в которых буржуазные республиканцы, мелкобуржуазные демократы и мелкобуржуазные социалисты 1848 г. (в том числе Ламартин, Гарнье-Пажес, Луи Блан и некоторые другие) стремились оправдать свою политическую деятельность и защитить ее от нападок как справа, со стороны реакционеров и монархистов, так и слева, со стороны революционных демократов и коммунистов. Основная черта этих произведений — полное непонимание их авторами глубины и остроты классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией (противоречий, приведших к таким великим событиям, как июньское восстание) и настойчивое стремление снять с себя ответственность за поражение революции.

Столь же поверхностными и тенденциозными оказались буржуазные республиканцы и мелкобуржуазные демократы 1848 г. в своих попытках объяснить причины гибели Второй республики в 1851 г. Ни Виктор Гюго в своем памфлете «Маленький Наполеон» (Брюссель, 1852) и в своей книге «История одного преступления» (Париж, 1877, два тома), ни Виктор Шёльшер в своей брошюре «История преступлений 2 декабря» (Лондон, 1852) не сумели вскрыть истинные причины успеха бонапартистской контрреволюции 1851 г. Оба они сильно преувеличили личную роль Луи Бонапарта, который в их изображении оказался каким-то «гением зла». С другой стороны, Прудон в своей книге «Социальная революция, обнаруженная через государственный переворот 2 декабря 1851 г.» (Париж, 1852) стал на путь объективистского изложения событий и занялся апологетикой Луи Бонапарта, пытался изобразить его «продолжателем» дела революции 1848 г., «защитником» интересов трудящихся масс. Маркс, говоря об этой открыто фальсификаторской книге Прудона, писал, что ее «...надо рассматривать не просто как плохое произведение, а как прямую подлость которая, однако, вполне соответствует его мелкобуржуазной точке зрения; здесь он кокетничает с Луи Бонапартом и старается сделать его приемлемым для французских рабочих...»[1].

Из работ этого периода высокую оценку Маркса получила книга революционного публициста и поэта Луи Менара «Пролог революции» (Париж, 1849), содержащая правдивый, насыщенный фактами, очерк июньского восстания 1848 г., написанный искренним защитником восставших рабочих, протестовавшим против грязной клеветы их врагов.

Подъем республиканского движения во Франции в конце 60-х годов вызвал к жизни ряд новых работ по истории революции 1848 г. Это было время, о котором Маркс писал 3 марта 1869 г. Кугельману: «...Во Франции происходит очень интересное движение. Парижане снова начинают прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе»[2]. И Маркс отмечал огромный успех, выпавший на долю двух книг буржуазно-республиканского публициста Эжена Тено «Париж в декабре 1851 г.» (Париж, 1868) и «Провинция в декабре 1851 г.» (Париж 1869), выдержавших десять изданий. Ознакомившись с книгой Тено «Провинция в декабре 1851 г.», Маркс указывал в письме к Энгельсу от 19 декабря 1869 г., что республиканское движение среди сельского населения, его сопротивление бонапартистскому перевороту «...было гораздо значительнее, чем мы думали»[3]. В письме к Энгельсу от 20 марта 1869 г. Маркс давал подробный отзыв о книге Ипполита Кастилля «Июньские убийства 1848 г.» (Париж, 1869), разоблачавшего буржуазных либералов и их антинародные дей-

---

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. письма. 1947, стр. 158.
[2] Там же, стр. 217.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 150.

ствия[1]. Тогда же появились две книги социалиста Огюста Вермореля (впоследствии члена Парижской Коммуны) «Деятели 1848 г.» (Париж, 1869) и «Деятели 1851 г.» (Париж, 1869). Первая из них разоблачала контрреволюционную политику буржуазных республиканцев правого крыла и кровавую расправу Кавеньяка с июньскими инсургентами; вторая была направлена против бонапартистов. Книги Вермореля имели большой успех в демократическом лагере, но были крайне враждебно встречены буржуазией.

Парижская Коммуна 1871 г. усилила интерес к истории революции 1848 г., особенно к истории июньского восстания, о котором революционные публицисты того времени писали как о предвестнике революции 18 марта 1871 г. В 1880 г. вышла в свет брошюра «Июнь 1848 г.», автором которой был социалистический публицист, член Французской рабочей партии, Виктор Марук, сотрудник газеты «Эгалите», выходившей под редакцией Жюля Геда. Несмотря на скромные размеры этой книжки, она представляла собой хорошо документированный обвинительный акт против Кавеньяка и партии буржуазных республиканцев.

4

С конца XIX в. во французской историографии революции 1848 г. наметились три направления: 1) клерикально-монархическое, 2) буржуазно-республиканское и 3) социал-реформистское. Типичным примером клерикально-монархической фальсификации истории служит двухтомная книга академика Пьера де ла Горс «История второй республики» (Париж, 1887), выдержавшая с тех пор несколько изданий. Этот реакционный фальсификатор истории повторяет все гнусные клеветнические измышления контрреволюционной печати 1848 г. об июньских повстанцах. Описывая государственный переворот 1851 г., он выражает свое возмущение не бонапартистским террором, а сопротивлением республиканцев. Книга де ла Горса заострена и против режима Третьей республики. Защитником этого режима выступает в своей вышедшей в 1893 г. книге «Парламентская история Второй республики» Спюллер, буржуазный республиканец правого крыла, близкий к Гамбетте.

В 1904 г. группа левобуржуазных и социал-реформистских историков во главе с близким к Жоресу Жоржем Ренаром основала для борьбы с клерикально-монархическим лагерем «Общество истории революции 1848 г.», которое стало издавать собственный журнал под названием «Революция 1848 г.». Впоследствии он был переименован и стал называться «Революция 1848 г. и революции XIX в.», а теперь называется «1848 год. Обозрение современных революций». В 1930 г., после смерти Жоржа Ренара, председателем Общества стал буржуазный радикал Жюстен Годар. О политической позиции и об исторических взглядах Ренара свидетельствует его книга «Республика 1848 г.», вышедшая в 1905 г. Ренар старается в ней доказать, что Третья республика по частям осуществляла социально-политические реформы, намеченные Второй республикой. Это утверждение показывает, что Ренар совершенно по-реформистски понимал содержание и характер революции 1848 г., старался вытравить из нее боевые революционные выступления и социалистические стремления пролетариата и свести цели борьбы рабочих в 1848 г. лишь к «реформам», не колеблющим основ капиталистического способа производства и классового господства буржуазии. Характерно, что предисловие к книге Ренара написано ренегатом Александром Мильераном, изменившим социализму и рабочему классу и ставшим впоследствии ярым врагом Советского государства.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIV, стр. 178

«Общество истории революции 1848 г.» опубликовало довольно значительное количество книг, статей и документов по отдельным проблемам истории Второй республики (а отчасти Июльской монархии и Второй империи). Ряд монографий и документальных материалов по этому периоду французской истории опубликовали «Общество новой истории», секция новой истории Комитета исторических и научных трудов при министерстве народного образования Франции и некоторые другие организации и учреждения. Среди монографий о революции 1848 г., вышедших во Франции в XX в., интересны своим фактическим материалом книга И. Чернова «Ассоциации и тайные общества во время второй республики» (Париж, 1906), книга Альбера Кремье «Февральская революция» (Париж, 1912) и книга Сюзанны Вассерман «Клубы Барбеса и Бланки в 1848 г.» (Париж, 1913). То же следует сказать о книге английского историка Дональда Мак-Кея «Национальные мастерские в 1848 г.» (Лондон, 1933). Надо, однако, заметить, что всю проблему национальных мастерских этот буржуазный историк сводит к вопросу о том, кто из деятелей Временного правительства несет непосредственную ответственность за их организацию, т. е. проходит мимо существа этой проблемы.

Буржуазная методология всех этих авторов приводит их к грубо ошибочным выводам, к недооценке роли рабочего класса в событиях, к идеализации политики Временного правительства.

Те же недостатки присущи, в большей или меньшей степени, многочисленным локальным исследованиям. Наиболее интересными из них являются книги А. Госсэ о департаменте Нор (Лилль, 1904), Ф. Дютака о Лионе (Париж, 1910), Ж. Даньяна о департаменте Жер (Ош, 1928—1929, два тома), Рокаля о департаменте Дордонь (Париж, 1937), Альбера Шарля о департаменте Жиронды (Бордо, 1945).

Характерной чертой французской буржуазной историографии революции 1848 г. является игнорирование истории июньского восстания парижских рабочих — крупнейшего события в истории классовой борьбы этой эпохи. За 40 с лишним лет своего существования «Общество истории революции 1848 г.» (в годы гитлеровской оккупации оно бездействовало) не опубликовало ни одной монографии на эту тему. До сих пор не собраны и не изданы многие, хранящиеся в архивах документы по истории и предистории июньских дней, не выявлены все руководящие деятели и группы этого восстания, не изучено полностью экономическое состояние Франции летом 1848 г. Буржуазные историки, касаясь этого восстания, искажают его сущность и умаляют его значение, изображают его стихийным голодным бунтом: такова точка зрения Шарля Шмидта, автора книжки «Июньские дни 1848 г.» (Париж, 1926) и брошюры «Национальные мастерские на июньских баррикадах 1848 г.» (Париж, 1948). Некоторые буржуазные историки (Г. Буньоль, Робер Пимента и др.), стремясь всемерно опорочить июньское восстание, клеветнически утверждают, что оно было вызвано происками бонапартистов и легитимистов, что агенты этих контрреволюционных партий играли в нем чуть ли не руководящую роль. Все они восхваляют Кавеньяка, как спасителя «общества» от «анархии».

5

Усиление реакционного духа в буржуазной историографии новейшего времени отразилось и на деятельности «Общества истории революции 1848 г.». Характерна дискуссия, состоявшаяся в Париже в феврале 1919 г., на тему: «Чему могут научить нас республиканцы 1848 г.?». Среди участников ее был Ренар. Основной докладчик, Жозеф Бартелеми, всячески восхвалял буржуазно-демократические принципы революции 1848 г.

и в то же время злобно нападал на Советскую Россию, на идею диктатуры пролетариата. Характерно, что этот лицемерный защитник демократических традиций 1848 г. впоследствии стал одним из столпов вишийского фашистского режима, оказался подлым предателем своей родины, открыто сотрудничавшим с гитлеровскими оккупантами.

Процесс фашизации французской крупной буржуазии, особенно усилившийся со времени установления фашистского режима в Германии, повлиял и на буржуазную историческую литературу, посвященную революции 1848 г. Характерна в этом отношении книга Жюля Берто «1848 год и Вторая республика», вышедшая в Париже в 1937 г. Книга эта проникнута острой ненавистью к демократическому движению, к социалистическим идеям, к революционным деятелям. Особенно резко нападает Берто на Бланки. Невежество автора так же велико, как и его реакционность: достаточно указать на то, что он относит Прудона к «чистым коммунистам».

Особо следует отметить то обстоятельство, что в новейшей буржуазной историографии настойчиво проводится совершенно ошибочная мысль, будто революция 1848 г. во Франции была исторической случайностью, что если бы не близорукость и упрямство Луи-Филиппа и Гизо, то революции можно было бы избежать. Такую нелепую точку зрения проводит, между прочим, в своем лекционном курсе (литографированное издание 1937 г.) и в некоторых других своих работах профессор Жорж Лефевр. Политический смысл этих утверждений ясен: он сводится к стремлению внушить читателям мысль, что революция вовсе не является закономерностью в развитии общества, что «разумная» и твердая политика правящей буржуазии способна предотвратить революцию.

Столетняя годовщина революции 1848 г. во Франции вызвала к жизни ряд новых исторических книг и статей.

Близкий к социалистической партии профессор Жорж Буржен откликнулся на этот юбилей очерком, помещенным в сборнике статей «Весна народов», который вышел в Париже в 1948 г. Тот же Буржен выпустил в 1948 г. отдельную книжку «1848 год. Рождение и смерть Республики». Для характеристики уровня этих работ достаточно отметить, что их автор стоит на эклектических позициях в оценке революции 1848 г. и ее целей; Буржен скользит по поверхности явлений и оказывается бессильным вскрыть закономерности развития событий.

Почти никаких новых фактических данных не содержит и бóльшая часть книг и брошюр, опубликованных во Франции в связи с юбилеем (в серии «Столетие революции 1848 г.», в коллекции «Вчера и сегодня» и в других изданиях). Подавляющее большинство этих очерков написаны в духе бесцветного буржуазного либерализма и «радикализма».

Главной характерной чертой юбилейной французской литературы о революции 1848 г. является стремление скрыть или исказить те уроки революции, которые звучат с особой силой в современной Франции. При всей пестроте идейно-политических направлений этой литературы (фашистской, «левореспубликанской», католической, правосоциалистической и проч.), ее пронизывает одна тенденция — ослабить неотразимую силу тех политических выводов, какие были сделаны из опыта революции 1848 г. Марксом и Энгельсом, Лениным и Сталиным.

В этих целях французские буржуазные историки стараются всячески сблизить революцию 1848 г. с буржуазной революцией конца XVIII в. и, напротив, отдалить проблемы 1848 г. от проблем современной классовой борьбы.

Эта антинаучная тенденция встречается не только в трудах Ж. Лефевра, но и в новейших работах считающего себя марксистом Э. Лабрусса,

в частности в его статье «Две революции», опубликованной в журнале «Ревю сосиалист» за 1948 г. Оба эти историка пытаются доказать, что крупная финансовая и промышленная буржуазия сформировалась во Франции лишь во время Второй империи, что в 1848 г. Франция представляла собой якобы «ремесленную страну» (Ж. Лефевр), что «Франция 1848 г. в целом напоминала больше старую сельскую Францию Людовика XV, чем Францию конца Второй империи» (Э. Лабрусс). Отрицая, таким образом, наличие в 1848 г. развитых классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией, Лефевр и Лабрусс стремятся обелить буржуазных республиканцев и буржуазных демократов 1848 г., виновных в кровавой расправе с рабочим классом и в поражении революции, и объяснить это поражение не контрреволюционной классовой политикой буржуазии и ее партий, а всего лишь ошибками или недостатком способностей у республиканцев.

Явно фальсификаторскую версию причин поражения революции 1848 г. предлагает в своей новейшей сводной работе по истории Франции этого периода «Демократия и капитализм» (Париж, 1948) и Ш. Путас. Этот рекционный историк лицемерно сетует на то, что руководившая революцией 1848 г. «избранная часть интеллигентов» стала якобы «жертвой политической необразованности масс», обусловленной отсталостью тогдашней Франции.

Католическая историография и публицистика пытается реабилитировать клерикальную реакцию, сыгравшую такую гнусную роль в период революции 1848 г. За последние годы заметно увеличился поток «ученых» исследований и журнальных статей католического, «христианско-демократического» направления, посвященных истории революции 1848 г. и особенно роли так называемого «социального католицизма» в период этой революции. В таком духе написаны, например, книжки А. Гийемена, Ж. Лефлона, появившиеся в 1948 г.

Пытаясь решить непосильную задачу — изгладить из памяти французского народа контрреволюционную роль католических мракобесов, злейших врагов демократии и социализма, нынешние потомки Монталамбера и Фаллу, Озанама и Вейо почти не скрывают целей своих «ученых» изысканий по истории революции 1848 г. Католический историк Дюрозель, проверявший конкурсные сочинения по новой истории на приемных экзаменах 1947 г. в Высшую нормальную школу, в своей статье «Дух 1848 года» с горечью отмечает, что экзаменующиеся воспроизводили в своих сочинениях схемы, «которые почти всегда являлись лишь слегка видоизмененными тезисами Маркса». «Это не значит,— оговаривается он,— что все кандидаты или их учителя были марксистами,— это лишь раскрывает силу более или менее сознательной распространенности марксистских взглядов на 1848 год».

Борьба с марксизмом-ленинизмом, с его непреодолимым влиянием, с его оценками исторических уроков революции 1848 г., а заодно и пропаганда демагогической «социальной программы» МРП и католических профсоюзов — такова главная цель всех усилий «христианско-демократической» историографии революции 1848 г. во Франции.

Еще более отчетливо эта политическая тенденция проявляется в работах, посвященных выяснению роли мелкобуржуазного «социализма» в период революции 1848 г. В своей яростной борьбе против победоносных идей марксизма-ленинизма буржуазные историки отбросили традиционную критику «социализма 1848 г.», служившего обычной мишенью их нападок и выставлявшегося ими главной причиной контрреволюционных настроений буржуазии после февральской революции. Ныне буржуазная историография поднимает на щит именно тех мелкобуржуазных «социалистов»,

которые сыграли предательскую роль по отношению к рабочему и демократическому движению в 1848—1851 гг.

Наиболее выразительно и ярко это сказалось на отношении современной буржуазной историографии к Прудону и Луи Блану. Первый из них давно стал объектом особого внимания со стороны реакционной историографии; за последнее время это внимание особенно усилилось. Под пером этих злостных фальсификаторов истории «отец анархии» становится «отцом французского национального социализма», виднейшим представителем некоего «конструктивного социализма».

Характерна также попытка примирить Прудона с церковью, предпринятая католическим священником де Любак в его книжке «Прудон и христианство» (Париж, 1945). Любак приходит к утешительному для церковников выводу, что автор знаменитого выражения «Бог — это зло!» вовсе не был атеистом.

Значительное внимание современной реакционной историографии привлекает и Луи Блан. Так, появившаяся еще в годы немецко-фашистской оккупации книга Поля Шансона «Организация труда по Луи Блану» (Париж, 1943) призывала «воскресить Луи Блана» как глашатая «французского социализма», на идеях которого могут якобы сойтись все сторонники Виши. За фигуру Луи Блана ухватились ныне и некоторые «христианско-демократические» историки и публицисты, которые ищут всяких средств противодействия растущему влиянию идей марксизма-ленинизма во Франции. Клерикальный публицист Ж.-М. Ланж посвятил Луи Блану панегирик, претенциозно озаглавленный «У источников французского социализма» (1947). Ланж находит фигуру Луи Блана особенно удобной для полного единения правых социалистов с католиками МРП и призывает к всемерной популяризации луиблановских идей. «Как же может французский народ отвернуться от марксизма..., если ему не будет предложен выбор другого социализма»? — откровенно заявляет Ланж. «Но если мы хотим, чтобы он выбирал, надо ему предложить выбор!» — добавляет Ланж.

В поисках подходящей фигуры для такого «выбора» реакционные историки не довольствуются Прудоном и Луи Бланом. На щит поднимаются «христианские социалисты» Ламеннэ и Бюше. С некоторого времени усердно популяризируется в буржуазной историографии и Ламартин, притом не только как политический деятель, но даже как «социальный мыслитель»!

В конечном счете вся эта литература представляет собой бесплодную попытку в той или иной форме обосновать на опыте революции возможность и необходимость политики «третьей силы», которая могла якобы восторжествовать в 1848 г. Таким образом, усилия современной буржуазной историографии направлены на грубейшую фальсификацию основного смысла, самой сути исторических событий 1848 г. Те самые исторические события, которые уже сто лет назад показали полную несостоятельность политики «третьей силы», политики, приведшей к кровавой расправе с пролетариатом, к удушению демократических свобод, к гибели Второй республики и торжеству бонапартистской полицейской и военной диктатуры,— эти события злостные фальсификаторы из лагеря современной империалистической буржуазии и ее пособников стремятся представить народу, как оправдание антинародной политики «третьей силы» в современной Франции. Но историческая концепция, в самой основе которой заложена подобная фальсификация, неизбежно обречена на идейное бесплодие. Это и доказывает нынешнее состояние французской буржуазной историографии революции 1848 г.

Лишь очень немногие книги, вышедшие к столетию этой революции из-под пера буржуазных историков, заслуживают быть отмеченными как

содержащие интересный материал. Некоторые новые данные содержит монография Ж. Тутэна о Руане в 1848 г. (Париж, 1948), сборник документов «Департамент Марны и революция 1848 года» (Париж, 1948). Отметим также ряд статей об апрельских событиях 1848 г. в Руане и Эльбефе, об отношении провинции к июньскому восстанию, о мобильной гвардии, помещенных в сборнике «Этюды по современной и новейшей истории», т. II (вышел в Париже в 1948 г.), а также интересный очерк истории рабочего движения в Эльзасе в 1848 г. (в сборнике «Два века Эльзаса») и некоторые другие работы.

Число оригинальных исследований, появившихся во Франции в связи со столетним юбилеем революции 1848 г., весьма невелико. В частности, попрежнему почти в полном пренебрежении у буржуазных историков находится экономическая история Франции в период 1848—1851 гг., хотя без тщательного исследования и выяснения экономического положения страны и отдельных отраслей промышленности и сельского хозяйства за эти годы нельзя воссоздать подлинной картины классовой борьбы, настроений, программ и требований социальных сил, боровшихся в этот период. Надо отметить, что во французской историографии до сих пор не появилось ни одного серьезного исследования даже такого важного явления, как экономический кризис 1847—1848 гг. В области изучения этих вопросов можно отметить лишь доклад Э. Лабрусса, прочитанный в Париже в марте 1948 г. на международном историческом конгрессе, посвященном столетию революции 1848 г. И самый доклад, и развернувшиеся вокруг него прения показали крайнюю методологическую беспомощность буржуазной историографии при попытке объяснить возникновение и развитие революционных ситуаций в 1789, 1830 и 1848 гг.

Заслушанные на этом же конгрессе доклады по истории революции 1848 г. представляли пеструю смесь сообщений, отличавшихся узостью и случайностью тематики, преобладанием частных, порой никчемных вопросов, вроде: «Костюм во Франции перед 1848 г. и его последующая эволюция», «Этьен Араго и дирекция почт в 1848 г.» и т. д., и т. п. Однако, при всей видимой случайности этой тематики, в ней была определенная, весьма реакционная политическая направленность. Во всех этих докладах ни слова не говорилось об исторической роли рабочего класса в революции, о рабочем движении в годы революции; не было докладов и о положении крестьянства и крестьянском движении. Зато ряд докладов был посвящен пропаганде буржуазного космополитизма. восхвалению «социального католицизма» 1848 г. и других реакционных идей, которыми господствующие классы одурманивали сознание масс в годы революции.

Характерным образчиком глубокого упадка современной буржуазной историографии был обсуждавшийся на конгрессе доклад Ш. Моразэ, откровенно призывавшего отказаться вообще от изучения фактов новой истории, в частности истории революции 1848 г. Моразэ предлагал вместо этого перейти к изучению статистических материалов, к установлению «средних линий», «общих тенденций», «массовых явлений» в области движения народонаселения, денежного обращения, экономического развития отдельных стран и т. д., и т. п. При таком исследовании,—уверял Моразэ, «обосновывая» свой метод,— «не может быть больше вопроса об изучении февральских или мартовских событий!.. Мы приходим здесь к методу, где, очевидно, даты, как и факты, теряют свою ценность. Мы оказываемся в области приблизительного». Подоплека этой антинаучной, открыто ликвидаторской концепции очевидна: обанкротившаяся буржуазная историческая лженаука хочет устранить из истории факты классовой борьбы и превратить историю в мертвую схему, в безвредную для буржуазии ме-

ханическую сводку разрозненных демографических и экономических данных, лишенных познавательного значения.

Сравнительно слабо откликнулся на столетний юбилей революции журнал «Революция 1848 г.». Редакция этого журнала еще в 1946 г. (когда возобновилось, после шестилетнего перерыва, его издание) заявила, что в происходящей в современной Франции политической борьбе она занимает позицию, далекую как от тех, кто стремится к установлению режима военной диктатуры (наподобие бонапартистского), так и от тех, кто поддерживает революционно-пролетарские традиции июньского восстания. Характерно для научно-политической позиции этого журнала то, что важнейшее значение революции 1848 г. редакция видит в завоевании всеобщего избирательного права и в отмене рабства во французских колониях. Оба эти результата февральской революции были для своего времени прогрессивны, но отмена рабства, во-первых, носила в значительной мере формальный характер, а, во-вторых, эта мера отнюдь не поколебала системы наемного капиталистического рабства. Что касается всеобщего избирательного права, то оно и во время революции 1848 г. не было всеобщим; в дальнейшем же оно было использовано бонапартистской контрреволюционной кликой для обмана масс и удушения республики. Эта межеумочная позиция «третьей силы» не обеспечит журналу симпатий среди подлинно прогрессивной интеллигенции Франции.

Лучшие элементы этой последней, группирующиеся вокруг передового журнала «Мысль», основанного выдающимся ученым и пламенным патриотом академиком Ланжевеном, тяготеют к французской коммунистической партии, видят в ней верного защитника интересов и прав французского народа. Столетие революции 1848 г. редакция журнала «Мысль», возглавляемая членом ЦК французской коммунистической партии Жоржем Коньо, отметила многочисленными статьями, помещенными в №№ 18 и 19 за 1948 год. Среди них особенно большой интерес представляют статья О. Корню «Маркс и революция 1848 г. во Франции», статья Роже Гароди о Дезами и коммунистах-материалистах во Франции до 1848 г., серьезное, основанное на архивном материале, исследование Альбера Собуля «Крестьянский вопрос в 1848 г.» и очерк Эмиля Терсена «Июнь 1848 г.» (попытка по-новому осветить некоторые проблемы истории июньского восстания).

Большая часть статей, опубликованных в журнале «Мысль» к столетию революции 1848 г., носит боевой характер, направлена своим острием против французской и международной реакции нашего времени и против ее пособников — правосоциалистических лидеров. Особенно характерна в этом смысле статья Феликса Армана, который доказывает, что Консидеран и другие мелкобуржуазные социалисты 1848 г. со своим стремлением найти «среднюю линию» (между революционно-пролетарским лагерем и лагерем буржуазной контрреволюции) фактически играли наруку реакции. То же, добавляет автор, делают ныне правые социалисты, прикрываясь пресловутой теорией «третьей силы» и служа делу англо-американских империалистов и их французских пособников — поджигателей новой мировой войны.

Из работ передовых историков лагеря журнала «Мысль» необходимо отметить книгу Роже Гароди «Французские источники научного социализма» (Париж, 1948). Несмотря на имеющиеся в этой книге серьезные недостатки (автор не раскрывает коренного отличия научного социализма от всех форм домарксовского социализма), работа Гароди содержит интересный новый материал о Бланки и революционных коммунистах 40-х годов — Лаппонерэ, Лаотьере, Пийо. Отметим также книгу Ж. Коньо «Школьный вопрос и закон Фаллу» (Париж, 1948), богатую ценными историческими данными, и небольшие, но содержательные очерки П. Анграна «Кабе и

республика 1848 г.», Ф. Армана «Фурьеристы и революционная борьба в 1848—1851 гг. и Ж. Брюа «Февральские дни 1848 г.» (все три очерка вышли в Париже в 1948 г.).

Подводя итоги, следует сказать, что празднование во Франции столетия революции 1848 г. сравнительно мало подвинуло вперед изучение проблем истории этой революции.

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г. В ГЕРМАНИИ

1

Ни одна из буржуазных революций XIX в. не дала так много для углубления и расширения опыта классовой борьбы пролетариата, как именно революция 1848 г. В деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса период их участия в массовой революционной борьбе 1848—1849 гг., по замечанию Ленина, «...выделяется, как центральный пункт»[1]. Основоположники научного социализма еще во время революции приступили к обобщению этого опыта, а непосредственно после окончания революционного периода создали ряд замечательных произведений, посвященных анализу хода революционных событий, выяснению причин поражения революции, а также раскрытию ее исторического значения.

В статьях, опубликованных в «Новой Рейнской газете», Маркс и Энгельс неизменно выступали не только в качестве революционных деятелей, смело разящих своим острым пером приверженцев как феодально-дворянской, так и буржуазной контрреволюции, но и в качестве историков-исследователей, которые, применяя созданный ими метод исторического материализма, стремились раскрыть причинную связь и внутреннюю обусловленность революционных событий, свидетелями или участниками которых они являлись.

Статьи для «Новой Рейнской газеты», написанные Марксом и Энгельсом в 1848—1849 гг., являются не только важнейшими историческими источниками для изучения германской буржуазной революции 1848—1849 гг., но и научным обобщением ее истории. Достаточно вспомнить такие блестящие по форме и глубокие по содержанию статьи, как «Берлинские дебаты о революции», «Щит династии», «Буржуазия и контрреволюция», чтобы до конца понять выдающееся значение статей Маркса и Энгельса в «Новой Рейнской газете» для историографии революции 1848—1849 гг. в Германии.

Осенью 1849 г. Энгельс приступил к обобщению исторического опыта революции и уже к концу того же года подготовил для первых номеров «Обозрения Новой Рейнской газеты» яркую, политически острую, глубокую в теоретическом отношении и очень богатую фактическими данными работу «Германская кампания за имперскую конституцию».

К выпуску этой брошюры Энгельса побудил Маркс. «У тебя теперь прекраснейший случай написать историю баденско-пфальцской революции или памфлет на нее,— писал он Энгельсу в начале августа 1849 г. из Парижа,— ...Ты можешь при этом случае ярко проявить общую позицию „N[eue] R[heinische] Z[eitung]“ по отношению к Демократической партии»,— советовал далее Маркс, сообщая Энгельсу о своем намерении в ближайшем будущем приступить к изданию нового политико-экономического журнала[2].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 22.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 111—112.

Эта работа Энгельса, посвященная анализу революционных схваток на юго-западе Германии, заострена против мелкобуржуазных вожаков движения, потерпевшего полную неудачу. Последовательно описав с присущей ему силой и яркостью события в Рейнской Пруссии, в Пфальце и в Бадене, Энгельс дал глубокий анализ расстановки классовых сил к концу германской революции и убийственную характеристику предательства буржуазных либералов, колебаний и трусости мелкобуржуазных демократов.

Говоря о поведении мелкой буржуазии, Энгельс подчеркивал, что, как и в ряде других стран, класс этот в Германии «...велеречив, склонен к громким фразам», но в то же время «боязлив, осторожен и уклончив, как только приближается малейшая опасность», и «предает все движение, как только дело доходит до борьбы с оружием в руках...» [1]. Но в ходе борьбы за имперскую конституцию за спиной у мелкой буржуазии стояли другие классы — пролетариат и большая часть крестьянства. Они, указывает Энгельс, «...толкали мелкую буржуазию к открытому разрыву с существовавшей государственной властью» [2] и, действительно, готовы были пролить свою кровь в борьбе за имперскую конституцию.

Разбирая политические ошибки деятелей мелкобуржуазной демократии, Энгельс показывал, как не следует руководить вооруженным восстанием[3], и закладывал основы теории вооруженного восстания. Эту теорию он излагал еще в статьях об июньских днях, а затем продолжал и углублял в работе «Революция и контрреволюция в Германии».

В. И. Ленин в период первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг., выступая на III съезде партии против оппортунизма меньшевиков, ссылался как раз на эту работу Энгельса о пфальцско-баденском восстании 1849 г.[4] Отмечая огромное научное и политическое значение этой «самостоятельной вещи», Ленин доказывал необходимость как можно скорее перевести и издать работу Энгельса, поскольку «интерес ее в современный момент *особенно* велик» [5].

Одной из причин неудачи революции 1848 г. явилось отсутствие союза между пролетариатом и крестьянством. Не случайно поэтому, что в опубликованной во второй половине 1850 г. исторической работе «Крестьянская война в Германии» Энгельс уделил особое внимание выяснению общих причин поражения восстания 1525 г. Хотя эта тема уводила Энгельса в глубь германского средневековья, сочинение это имело самое прямое и непосредственное отношение к только что пережитой германским народом революционной борьбе.

Позднее сам Энгельс говорил: «Параллель между германской революцией 1525 г. и революцией 1848—49 гг. слишком бросалась в глаза, чтобы я мог тогда отказаться от нее»[6]. «С того времени протекло три столетия, и многое изменилось,— указывал Энгельс в своей книге,— и все же крестьянская война вовсе не так далека от современной борьбы, и противники, с которыми приходится вести борьбу, большей частью остались теми же самыми. Те классы и части классов, которые всюду предавали революцию в 1848 и 1849 гг., мы встречаем в качестве предателей уже в 1525 г., хотя и на более низкой ступени развития»[7].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 402.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] См. В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 361—363.
[5] Ленинский сборник, XVI, стр. 65.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч, т. XIII, ч. 1, стр. 369.
[7] Там же, т. VIII, стр. 115.

С замечательной ясностью анализирует Энгельс в заключительной части этой работы причины поражения и незавершенности революции 1848 г. в Германии.

Основным историческим трудом, который Маркс и Энгельс посвятили событиям 1848—1849 гг. в Германии, является «Революция и контрреволюция в Германии» — работа, написанная Энгельсом в 1851—1852 гг.

В начале своей работы Энгельс указывает, что он хотел использовать передышку между концом первого и началом второго акта движения «...для исследования причин, с необходимостью обусловивших как недавний революционный взрыв, так и его поражение...»[1].

В первых четырех главах своего труда Энгельс дает глубокую характеристику общих причин германской революции 1848 г. и устанавливает ее историческую неизбежность. В последующих главах он характеризует ход мартовских революций в отдельных германских государствах и в Австрии. В заключительных главах работы Энгельс обращается к выяснению причин конечного торжества контрреволюции. Говоря о государственном перевороте в Пруссии в ноябре 1848 г., он разоблачает дряблость и трусость либеральной буржуазии. «В революции, как и на войне,— указывает Энгельс,— всегда необходимо вести энергичную борьбу с врагом... В революции всякий, кто, занимая решающую позицию, сдает ее, вместо того чтобы заставить врага отважиться на приступ, заслуживает того, чтобы к нему относились как к изменнику»[2].

Развивая дальше эти мысли, Энгельс приходит к важным теоретическим обобщениям по вопросу о восстании, как искусстве, и устанавливает ряд правил, без соблюдения которых невозможно успешное вооруженное восстание. Эти обобщения получили дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина, создавших законченное учение о вооруженном восстании — учение, которое было претворено ими в жизнь в дни Великой Октябрьской социалистической революции.

Большое значение имеют две статьи Энгельса, написанные в 80-х годах XIX в. о рабочем движении в Германии в период революции 1848 г.

В первой из них — «К истории Союза коммунистов» — выпукло обрисованы начальный период в истории этой созданной Марксом организации и революционная деятельность Маркса как во время революции 1848 г., так и в последующий период контрреволюции. Здесь Энгельс подвергает резкой критике деятельность руководителя Рабочего братства Стефана Борна, отмечая огромный вред, который наносила молодому рабочему движению его оппортунистическая тактика.

Во второй статье, «Маркс и Новая Рейнская газета», яркими красками обрисована та последовательно революционная тактика, которую проводил Маркс в качестве редактора «Новой Рейнской газеты». В этой статье с предельной ясностью показано, почему при тогдашних условиях Маркс и Энгельс, возвратившись на родину, не смогли сразу же приступить к созданию массовой пролетарской партии. почему они вместе с другими коммунистами вынуждены были примкнуть к крайне левому крылу буржуазно-демократической партии. В той же статье дана характеристика линии «Новой Рейнской газеты» в вопросах внутренней и внешней политики,— линии, обеспечившей ей поддержку со стороны передовых слоев германского народа.

Интерес В. И. Ленина во время революции 1905—1907 гг. к проблемам германской буржуазно-демократической революции 1848 г.

---

[1] К. Маркс. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 32.
[2] Там же, стр. 94—95.

объясняется прежде всего сходством некоторых задач обеих революций. Интерес Ленина к таким трудам, как «Революция и контрреволюция в Германии», все больше возрастал в связи с горячими спорами, происходившими вокруг аграрной программы российской социал-демократии, и с необходимостью критически пересмотреть всю относящуюся сюда литературу. Уже в конспекте книги Каутского об «Аграрном вопросе», написанном Лениным в 1899 г.[1], мы встречаем ссылки на «Революцию и контрреволюцию в Германии», а также отдельные замечания Ленина по поводу позиции Маркса и Энгельса в крестьянском вопросе в 1848 г. Позднее, уже в преддверии первой русской революции, внимание Ленина привлекают и другие вопросы истории германской революции 1848 г., прежде всего стратегия и тактика основоположников научного социализма в этой революции, деятельными участниками которой они являлись. Ленин глубоко изучал публицистические работы Маркса и Энгельса времен революции 1848—1849 гг., впервые опубликованные Францем Мерингом в 1902 г. в III томе «Литературного наследства» Маркса и Энгельса. Ленинская теория перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую, впервые сформулированная в 1905 г., на основе анализа русской исторической действительности и в связи с постановкой задач русского рабочего движения, явилась дальнейшим развитием учения Маркса о перманентной революции, которое нашло свое наиболее полное выражение в «Обращении ЦК к Союзу коммунистов», написанном в марте 1850 г.

Значение работ Ленина в историографии революции 1848 г. исключительно велико. В сочинениях Ленина, особенно в томах, относящихся к периоду первой русской революции, всякий, изучающий историю германской революции 1848 г., найдет непревзойденный по глубине анализ ее развития, содержания и характера, найдет исчерпывающую характеристику роли, которую сыграли в ней те или иные общественные классы.

Выступая против капитулянтской тактики меньшевиков, отвергавших, как известно, самую мысль о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, Ленин ставил вопрос о возможных путях русской революции 1905 г. В противовес Мартынову, Мартову и другим меньшевикам, толкавшим русскую революцию на половинчатый путь революции 1848 г. в Германии, т. е. на путь одного лишь ограничения царской власти и монархической конституции, Ленин призывал к борьбе «...до *полного* свержения царского правительства, до республики», т. е. призывал к революции «типа 1789 года», а не «типа 1848 года»[2]. Характерно, что одна из статей Ленина этого периода так и была озаглавлена: «Революция типа 1789 или типа 1848 года?».

И в своей речи на III съезде партии, и в своей книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции», и во многих других своих работах Ленин вскрывал причины неспособности германской либеральной буржуазии в 1848 г. довести до конца начавшуюся революцию. Сопоставляя политическую линию немецких либералов того времени с политической линией русских кадетов, он подчеркивал, что именно классовые интересы буржуазии толкали ее на «...сделку с реакцией («соглашение») против революции...», что «...буржуазия боялась доведения революции до конца..., боялась полной победы крестьянства над его средневековыми эксплуататорами — помещиками...»[3]. И это, указывает Ленин, привело к тому, что в

---

[1] См. Ленинский сборник, XIX, стр. 25—85.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 228.
[3] Там же, т. 12, стр. 347.

истории человечества немецкая буржуазия, «...явила образец низости, подлости, лакейства, награжденного пинками «юнкерских сапогов»[1].

«Кто хочет посоветоваться с Марксом о задачах пролетариата в буржуазной революции,— писал далее Ленин,— тот должен взять суждения Маркса, относящиеся *именно* к эпохе немецкой буржуазной революции», ибо «в этих суждениях мы видим самое полное, самое яркое выражение той беспощадной борьбы с *соглашательской* буржуазией, которую ведут русские «большевики» в русской буржуазной революции»[2]. Задачи эти, по словам Ленина,— «...доведение революции до конца, завоевание руководящей роли пролетариатом, разоблачение предательства «соглашательской» буржуазии, вырывание народных масс и особенно крестьянства из-под влияния этой буржуазии»[3].

Исходя из этих задач, Ленин уделял особое внимание роли, сыгранной в ходе революции 1848 г. рабочим классом Германии и «Союзом коммунистов». В статьях «О временном революционном правительстве», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Единение царя с народом и народа с царем», «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа» и в ряде других своих работ Ленин выяснял состояние пролетариата Германии к началу мартовской революции, а также причины, помешавшие Марксу и Энгельсу тогда же поставить вопрос о создании массовой пролетарской партии. Важнейшее место в работах Ленина занимает в этой связи вопрос «...*о двух тенденциях в рабочем движении* 48-го года в Германии, тенденции Борна (сродни нашим экономистам) и тенденции марксистской»[4]. К анализу этих двух тенденций он возвращается и в «Выписках и замечаниях» на книгу воспоминаний самого С. Борна[5].

В ряде статей Ленин уделял большое внимание и крестьянскому движению, начавшемуся в Германии после мартовской революции. Он неизменно подчеркивает значение этого движения. Особенно замечательны в этом отношении статьи: «К вопросу о временном революционном правительстве», «Ф. Меринг о Второй Думе», «Аграрный вопрос и силы революции», «Отношение к буржуазным партиям» и некоторые другие. Особое место занимает в этой связи работа Ленина «Аграрный вопрос в России к концу XIX в.», в которой указывается, что из-за неудачного исхода революции 1848 г. в Германии помещичье землевладение в Пруссии не было уничтожено, вследствие чего развитие капитализма в сельском хозяйстве пошло здесь по так называемому «прусскому пути»,— более реакционному и более мучительному для мелкого крестьянства, чем так называемый «американский путь».

Большое место занимают в статьях Ленина и тактические вопросы, связанные с использованием опыта германской революции 1848 г. при выработке политической линии русского рабочего класса и русской социал-демократии в революции 1905 г. Выдвигая в качестве основного тактического лозунга лозунг «революционно-демократической диктатуры рабочих и крестьян», Ленин ссылался на тактику Маркса в 1848 г. «...Извлекая уроки из опыта Германии, освещенного Марксом, мы не можем придти ни к какому иному лозунгу решительной победы революции...»[6],— подчеркивал Ленин, бичуя меньшевиков, строивших свою тактику на союзе рабочего класса не с крестьянством, а с либеральной буржуазией.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 183.
[2] Там же, т. 12, стр. 348.
[3] Там же.
[4] Там же, т. 9, стр. 118.
[5] Ленинский сборник, XVI, стр. 177—178.
[6] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 114.

Огромное научно-познавательное и одновременно практически-политическое значение имеют высказывания И. В. Сталина о революции 1848 г. в Германии. В 1903 г. в статье «Российская соц.-дем. партия и ее ближайшие задачи» И. В. Сталин дал замечательно глубокую характеристику трусливого поведения либеральной буржуазии, которая «находится в постоянном страхе перед „красным призраком“ коммунизма и во всех революциях старается кончить дело там, где оно лишь только начинается» [1]. «Только рабочий класс и вообще народ, которому в борьбе нечего терять кроме своих цепей,— только они представляют собой действительную революционную силу. И опыт России, хотя он ещё и беден, подтверждает эту старую истину, которой учит нас история всех революционных движений»[2] — писал И. В. Сталин. В своих работах И. В. Сталин часто обращается к опыту революции 1848 г. в Германии. В статье «Пролетариат борется, буржуазия заключает союз с правительством» он дает оценку подлой роли, сыгранной тогда немецкой либеральной буржуазией. В той же статье он уделяет особое внимание крестьянству и его роли в буржуазно-демократическом перевороте [3]. «...Пролетариат и крестьянство должны совместными усилиями покончить с царским правительством...»[4],—указывал И. В. Сталин в статье «Временное революционное правительство и социал-демократия». Обращаясь к опыту западноевропейских революций, он отмечает, что там гегемония принадлежала не пролетариату, а буржуазии, что там крестьянство получило освобождение от крепостнических порядков не из рук пролетариата, а из рук буржуазии, что в силу этого там «...крестьянство представляло резерв буржуазии» [5].

Особенно большой интерес в период революции 1905 г. вызывают у И. В. Сталина проблемы организации вооруженного восстания. В статьях «Две схватки», «Маркс и Энгельс о восстании», «Современный момент и объединительный съезд» И. В. Сталин широко использует и выводы, сделанные на основе этого опыта Марксом и Энгельсом. «...**Сплочённая партия, организованное партией восстание и политика наступления** — вот что нам нужно сегодня для победы восстания» [6], — подчеркивает И. В. Сталин, призывая учесть сделанные Марксом и Энгельсом в начале 50-х годов указания.

После Великой Октябрьской социалистической революции, в период ожесточенной борьбы с контрреволюционным троцкизмом, в классических трудах И. В. Сталина — «Об основах ленинизма», «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов», «К вопросам ленинизма» — нашли новое, еще более глубокое, освещение многие проблемы революции 1848—1849 гг., в частности и такой важный вопрос, как тактика Маркса и Энгельса в этой революции. Отстаивая чистоту марксовой теории и развивая ее дальше, И. В. Сталин неустанно боролся против меньшевистско-троцкистской недооценки роли крестьянства, против меньшевистско-троцкистского отрицания идеи гегемонии пролетариата в демократической революции и идеи союза между пролетариатом и крестьянством.

К оценке тактики Маркса в 1848—1849 гг. И. В. Сталин неоднократно возвращался в 1927 г. в связи с обсуждением проблем китайской революции и, в частности, вопроса о том, допустимо ли вообще, «...с точки

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 1, стр. 30.
[2] Там же, стр. 23.
[3] См. там же, т. 2, стр. 22—26.
[4] Там же, т. 1, стр. 141.
[5] Там же, т. 6, стр. 126.
[6] Там же, т. 1, стр. 203.

зрения **принципиальной**, участие марксистов и сотрудничество с революционной буржуазией в одной общей революционно-демократической партии или в одном общем революционно-демократическом правительстве?» [1].

Давая утвердительный ответ на этот важнейший тактический вопрос, И. В. Сталин ссылался на Маркса, который вместе со своими единомышленниками входил в 1848 г. в буржуазно-демократический союз в Рейнской провинции. И. В. Сталин подчеркивал, что при известных условиях и на известный срок участие марксистов в одной общей с революционным крылом буржуазии партии или в одном общем революционно-демократическом правительстве вполне допустимо [2].

2

Попытки дворянских и буржуазных историков осветить историю революции в Германии совершенно несостоятельны. Несмотря на разногласия по отдельным частным вопросам, над всеми писаниями историков из дворянско-буржуазного лагеря по существу довлеет одна и та же старая, лишенная какой-либо научности схема, с которой реакционные историки выступили еще в период революции. Со времен Ранке и Зибеля вплоть до Валентина и Штадельмана эта схема снова и снова подновлялась в трудах немецких казенно-полицейских историков вроде Трейчке [3]. Всем им, по выражению Ленина, было свойственно «хихиканье» не только над революционными лозунгами и революционной непримиримостью Маркса, но и над революцией 1848 г. в целом [4].

Еще в ноябре 1848 г., в момент государственного переворота в Пруссии, вышла в свет анонимная клеветническая брошюра, написанная «историком» Г. Лео, «Знамения времени», полная злобных выпадов по адресу революции и демократии.

Такое же антинаучное и контрреволюционное освещение германской революции мы встречаем в книгах Леопольда Ранке. Вопреки своему показному стремлению к якобы полной «объективности», Ранке при изучении событий революции 1848 г. руководствуется интересами консерваторов. Он яростно ненавидит революцию, замалчивает тяжелое положение народных масс накануне революции, сводит причины революции к занесенной извне «инфекции», видит причину первоначальных успехов революции исключительно в колебаниях Фридриха-Вильгельма IV, проявленных в мартовские дни.

Вслед за Ранке многие ученые мракобесы пытались изобразить героические выступления немецких народных масс как бессмысленные волнения озлобленной «черни». И это, конечно, не случайно: в годы политической реакции, следовавшие за подавлением революции, господствующие классы Германии были менее всего заинтересованы в распространении правдивых сведений о ней. Они добились того, что реакции действительно почти удалось совершенно изгладить воспоминания о 1848—49 гг. [5]

Только в начале 60-х годов, в период конституционного конфликта в Пруссии, в кругах буржуазных прогрессистов снова на короткий срок пробудился некоторый интерес к событиям и революционным деятелям 1848 г. Однако дальнейшие политические события — объединение Германии «сверху» под главенством юнкерства и создание после трех династи-

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 306.

[2] См. там же.

[3] См. В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 8.

[4] Там же.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVI. стр. 7 (письмо Маркса к Кугельману от 3 марта 1869 г.).

ческих войн опрусаченной Германской империи — способствовали почти полному забвению революционных лозунгов и традиций 1848—1849 гг. Получившая из рук Бисмарка долгожданное «единое отечество» немецкая буржуазия не вспоминала больше ни о Франкфуртском парламенте 1848—1849 гг., ни об имперской конституции 1849 г. В 1873 г., на празднование 25-летнего юбилея мартовской революции, собралась только кучка политических фрондеров из мелкобуржуазного лагеря, которые в присутствии полицейского комиссара несмелыми голосами восхваляли неосуществившуюся немецкую «свободу». В кругах университетской профессуры о событиях 1848—1849 гг. предпочитали попрежнему молчать, а если и говорили, то только в тоне полупрезрения или насмешки.

Ненависть к народным «низам», неверие в силы и возможности революционного движения были широко распространены и в более левых кругах немецкой буржуазии. Примером этого может служить известная, выдержавшая ряд изданий и переведенная на многие европейские языки, книга Иоганна Шерра «1848 год — всемирно-историческая драма» (Лейпциг, 1868—1870).

Иоганн Шерр принимал активное участие в мартовской революции в Пруссии, эмигрировал затем в Швейцарию и там натурализовался. По своим политическим взглядам он — убежденный противник абсолютизма и феодализма, но в то же время ярый враг рабочего движения и коммунизма. На протяжении всей своей книги он не устает восхвалять мелкобуржуазных демократов 1848 г., которые, говоря словами Энгельса, «...сделали все, что было в их власти, чтобы лишить движение размаха, обессилить, уничтожить его»[1].

Вплоть до середины 90-х годов, несмотря на появление новых документов, мемуаров и писем участников событий, реакционные и глубоко антинаучные построения историков «прусской школы» продолжали преобладать в германской историографии революции 1848 г.

3

К концу XIX в., в годы перехода к империализму, в связи с возникшим тогда обострением классовых противоречий в Германии, в связи с политическими успехами социал-демократии, интерес к мартовской революции 1848 г. заметно усилился, что и вызвало к жизни ряд новых работ, посвященных истории революции 1848 г. Празднование в марте 1898 г. 50-летнего юбилея этой революции прошло в иной обстановке и в иных формах, чем празднование ее 25-летия. Возросшая в численности и огранизационно окрепшая социал-демократическая партия сумела провести по всей Германии в дни юбилея многочисленные народные собрания; братские могилы баррикадных борцов 1848 г. посетили многие тысячи трудящихся, возложившие на них большое число венков, обвитых не только трехцветными (черно-красно-золотыми), но и красными лентами. 18 марта 1898 г. в самом германском рейхстаге неожиданно развернулись острые прения, связанные с вопросом об юбилее мартовской революции. Эти прения показали, что борьбу за подлинную демократию продолжает вести в Германии только рабочий класс и что перед лицом нарастающего массового движения ускоряется консолидация сил юнкерской и буржуазной реакции. Представители национал-либеральной партии первоначально не принимали участия в прениях. Однако насмешки А. Бебеля над «молчальниками» вынудили, наконец, Беннигсена, основателя «Национального ферейна», подняться с места. Выступая против Бебеля,

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VI, стр. 104.

Беннигсен открыто присоединился к консерваторам и отказался признать значение мартовской революции для дальнейших судеб германского народа.

По мере укрепления классового союза между юнкерством и буржуазией в рамках сколоченной Бисмарком империи деятельность Франкфуртского парламента даже самим консерваторам не казалась больше такой опасной, как раньше. Вместе с тем связь между мертворожденной имперской конституцией 1849 г. и бисмарковскими конституциями 1867 и 1871 гг. прямо-таки бросалась в глаза.

Поэтому характерным явлением в буржуазной историографии конца 90-х годов было восхваление «заслуг» Франкфуртского парламента. В особенно откровенной форме выступает такая тенденция в книге бисмарковского подголоска Ганса Блюма, сына вождя саксонских мелкобуржуазных демократов 1848 г. («Революция 1848—1849 гг.», Флоренция — Лейпциг, 1898), а также в юбилейных статьях М. Ленца и Э. Маркса («1848»), появившихся в 1898 г.

Усилившаяся под влиянием русской революции 1905 г. борьба за всеобщее избирательное право в Пруссии привела к росту влияния левобуржуазных «прогрессистов» и «свободомыслящих» в широких кругах средней и мелкой буржуазии и в особенности среди интелигенции. В этих кругах все громче раздавались требования реформы конституции 1871 г. и уничтожения преобладающего положения прусского юнкерства в Германской империи. Это толкало левобуржуазные политические партии к возрождению полузабытых лозунгов революции 1848 г. и в первую очередь «Основных прав германского народа», провозглашенных в имперской конституции 1849 г.

Среди множества книг и статей о революции 1848 г., вышедших в Германии в конце XIX и начале XX в., не существует никаких специальных исследований о революционных выступлениях крестьян. Если не считать беглых замечаний в сочинениях общего характера, то лишь в небольших монографиях Рейса об аграрном движении в Силезии (Бреславль, 1910), Лаутеншлагера о выступлениях крестьян в Бадене (Гейдельберг, 1915) и Иордана о политически консервативной партии (Мюнхен-Лейпциг, 1914) можно найти более или менее подробные сведения о развернувшемся в начале революции движении крестьян против помещиков.

Что касается массового рабочего движения 1848 г., то в этой области можно отметить несколько большее число работ, но они далеко не удовлетворительны в научном отношении. Написанные в основном социал-демократами правого крыла, эти сочинения освещают лишь чисто внешнюю историю рабочего движения, да и то преимущественно в Берлине и в двух-трех других крупных городах.

Книги и статьи социал-демократических историков, появившиеся в конце XIX и начале XX в., в известной мере отличались от сочинений буржуазных авторов. Однако и работы социал-демократических авторов страдают серьезными пороками, источником которых является дух оппортунизма, уже тогда заражавший партию, а также крайне слабое использование литературного наследства Маркса и Энгельса.

Пороки эти можно обнаружить уже в первой по времени, написанной социал-демократом Германом Шлютером статье о «Социальной истории революции 1848 г.». Хотя в ней и дается в основном правильный анализ состояния и уровня развития рабочего движения в период революции, автор уделяет слишком мало внимания революционной (марксистской) тенденции в развитии немецкого рабочего движения 1848 г. и рассказывает почти исключительно о рабочем движении в Берлине и Лейпциге, почти не касаясь рабочего движения на Рейне и в Силезии, хотя

именно там особенно высоко поднимались волны революционного рабочего движения.

Один из вождей социал-демократической партии, Вильгельм Либкнехт, в ряде речей и брошюр подчеркивал, что социал-демократия не стремится к господству в какой бы то ни было форме, и «предостерегал» рабочих против «делания революции». В юбилейной речи 1898 г. В. Либкнехт, восхваляя мартовских борцов, уверял, что в новых политических условиях «непреодолимое оружие» социал-демократии состоит якобы вовсе не в баррикадах, а в избирательном бюллетене.

Такой же глубоко неправильный, явно оппортунистический вывод из опыта 1848 г. делал в своей вышедшей в 1891 г. книге «История германской революции 1848 г.» Вильгельм Блос, ставший позднее одним из лидеров правых социал-демократов.

В 1897 г. вышла в свет «История германской социал-демократии» Франца Меринга, второй том которой в значительной своей части посвящен событиям 1848—1849 гг. Меринг уделяет особое внимание изучению стратегии и тактики Маркса и Энгельса, детально разбирает позицию «Новой Рейнской газеты» в вопросах внутренней и внешней политики. Меринг опровергает тенденциозные измышления дворянских и буржуазных историков, разоблачает трусость и предательство либеральной буржуазии 1848 г. Однако и книга Меринга не свободна от серьезных недостатков, обусловленных известными колебаниями в сторону оппортунизма. В специальной статье о мартовской революции Меринг, вслед за В. Либкнехтом и В. Блосом, уверяет, что «борьба за освобождение угнетенных в настоящее время должна вестись иными методами, чем 50 лет тому назад», и «иным оружием», чем раньше. При таком взгляде Меринг не мог, разумеется, раскрыть наличие оппортунистической тенденции уже на ранней ступени немецкого рабочего движения, т. е. в 1848 г. Меринг берет под защиту С. Борна и в связи с этим открыто полемизирует с Энгельсом, который, как известно, сурово отзывался о деятельности Борна. Ленин писал о полной правоте Энгельса и считал, что Меринг выражается о Борне слишком мягко и уклончиво.

Но это слишком мягкое отношение Меринга к оппортунистической тенденции в рабочем движении 1848 г. уже очень скоро превратилось в сочинениях правых социал-демократов (М. Кварк, Э. Бернштейн) в ничем не прикрытое славословие Борну, в восхваление как раз тех черт незрелости и отсталости, которыми отличалось рабочее движение того времени и которые Маркс и Энгельс тщетно пытались вытравить для того, чтобы поднять немецких пролетариев до понимания стоявших перед ними исторических задач.

4

Великая Октябрьская социалистическая революция в России, крушение Германской империи, буржуазная революция 1918 г. и создание Веймарской республики способствовали значительному усилению интереса к событиям 1848—1849 гг. в широких кругах немецкой общественности. В связи с возросшим спросом на литературу о революционном прошлом германского народа стали появляться как популярные брошюры, так и более серьезные труды, а также новые публикации исторических источников. Лозунг: «назад к 1848 году» приобрел в период Веймарского учредительного собрания большую популярность, поскольку при выработке конституции новой буржуазной республики делались попытки использовать мертворожденное детище франкфуртских парламентариев.

Нет необходимости перечислять все исследования буржуазных историков, посвященные событиям и людям 1848 г. Отметим только, что и

большая двухтомная «История германской революции 1848—1849 гг.». опубликованная проф. Файт Валентином в 1930—1931 гг., безусловно обязана своим происхождением все тому же возросшему после ноябрьской революции 1918 г. интересу к Франкфуртскому парламенту в кругах германской буржуазной общественности. Книга Валентина была восторженно встречена буржуазными историками. Однако историк-марксист, знакомясь с нею, обнаружит методологическую беспомощность автора, его полную неспособность вскрыть основные движущие силы и верно осветить отдельные стороны многообразного и сложного революционного процесса 1848—1849 гг.

На протяжении всех 1200 убористых страниц книги Валентина в центре внимания автора стоит некая надклассовая «национальная идея», носителем которой в Германии он считает культурное и образованное бюргерство. Выразителями политических интересов этого бюргерства являлась «демократическая левая» Франкфуртского парламента в лице Р. Блюма, К. Фогта, Ф. Раво и некоторых других. Их-то и превращает Валентин в главных «героев» мартовской революции! Он либо вовсе проходит мимо революционной борьбы народных масс, либо иронизирует над любыми самостоятельными выступлениями рабочих, крестьян и беднейших ремесленников, над их революционными вождями.

Валентин в самом приподнятом тоне описывает деятельность Франкфуртского парламента, величает его «священным храмом всегерманской мысли», а выработанную им конституцию называет воплощением «духа» мартовской революции, ее высшим достижением. Особое внимание уделяет Валентин анализу сложившейся в 1848—1849 гг. внешнеполитической обстановки. При этом он допускает ряд умышленных неточностей, передержек; главного, и притом единственного, врага Германии в период мартовской революции он усматривает в России, утверждая, наперекор всем фактам, что Франция и особенно Англия готовы были будто бы помочь Германии довести до конца дело ее политического объединения. Новые монографии, посвященные выяснению отношения западных держав к германскому вопросу, содержат большой фактический материал, доказывающий, что осуществление в 1848—1849 гг. желанного для профессора-англофила союза Германии с Англией против царской России было совершенно невозможно.

Пример книги Валентина хорошо показывает, что в области изучения истории германской революции 1848 г. после ноябрьской революции 1918 г. не произошло никаких сколько-нибудь серьезных перемен и сдвигов. Все без исключения пороки более ранней немецкой буржуазной историографии по этому вопросу имеются и в «прославленной» монографии Валентина.

Об уровне изучения германской революции 1848 г. в новейшей буржуазной историографии можно судить хотя бы по статье Ф. Гартунга, напечатанной в сборнике под многообещающим заголовком: «Великие революции, как явления развития в жизни народов». Вся она, от начала и до конца, проникнута такой злобой по отношению к народным движениям, что автору мог бы, пожалуй, позавидовать сам Г. Лео!

Германская социал-демократия, превратившаяся к этому времени в главную опору капитализма в рабочем классе, не противопоставляла грубой лжи Гартунга и других, подобных ему реакционеров, марксистской правды о революции 1848 г. Социал-демократическая партия Германии перестала дорожить революционными традициями в истории немецкого народа и заботилась лишь о том, чтобы затушевать эти революционные традиции.

Столетний юбилей революции 1848 г., отмечавшийся в совершенно новых исторических условиях, после великой победы Советской армии над фашизмом, вызвал в Германии огромный интерес к событиям и урокам этой революции. Интерес этот вызывался бесспорной политической актуальностью основных проблем незавершенной буржуазно-демократической революции середины XIX в. для современной, прошедшей через две проигранные войны и гитлеровскую тиранию, Германии. И через 100 лет, несмотря на коренное изменение обстановки, проблемы эти продолжают волновать передовые слои немецкого народа.

Только в советской зоне оккупации после окончательного разгрома гитлеризма было решительно покончено с юнкерским землевладением, и аграрный вопрос был разрешен в пользу трудового германского крестьянства. Совершенно иначе обстоит дело в западных зонах оккупации, где сохранилось помещичье землевладение и где буржуазия и дворянство полностью удержали свои социально-политические позиции. С другой стороны, и главнейший вопрос революции 1848 г.— вопрос о воссоединении страны — снова требует, в новых исторических условиях, своего быстрейшего разрешения с той только разницей, что 100 лет назад национальное единство еще должно было быть завоевано, а ныне оно должно быть восстановлено, наперекор Аденауэру и Шумахеру, стремящимся в угоду своим англо-американским хозяевам снова разорвать Германию на части и тем обеспечить в маршаллизированной Западной Германии господство крупных капиталистов и помещиков над трудящимися массами.

Социалистическая единая партия Германии и находящиеся под ее идейным руководством прогрессивные общественные организации восточной зоны оккупации и советского сектора Берлина учли огромное политическое значение правильного освещения и понимания опыта и уроков революции 1848 г. Созыв II Всегерманского народного конгресса для борьбы за государственное единство и справедливый мир не случайно поэтому был приурочен ко времени столетнего юбилея этой революции и проходил под знаком изучения ее исторического опыта.

Открывшийся 17 марта 1948 г. Народный конгресс заслушал доклад Отто Гротеволя, а также других прогрессивных общественных деятелей Германии. Гротеволь страстно призывал собравшихся до конца осознать уроки прошлого и не допустить нового расчленения Германии.

Горячо откликнулись на юбилей мартовской революции немецкие прогрессивные историки. В центре их внимания стоял вопрос об исторических уроках этой революции и связанный с ним вопрос о причинах ее незавершенности и неудачи.

Теоретический орган СЕПГ «Единство» еще за год до юбилейной даты поместил на своих страницах статью Р. Линдау «Март 1848 г.». Главную ответственность за печальный исход революции, говорилось в этой статье, должна нести либеральная буржуазия, изменившая из страха перед рабочим классом национальным идеалам и пошедшая на союз с монархией и дворянством. Главный урок революции 1848 г., урок, указанный еще Марксом и Энгельсом в их гениальных исторических трудах, состоит в том, что только пролетариат способен в настоящее время стать действительным гегемоном буржуазно-демократической революции и смело довести до конца то дело полного искоренения остатков феодализма, которое оказалось не по плечу трусливой и подлой германской буржуазии.

Подобные же мысли высказывались и другими прогрессивными историками. Отметим брошюру декана берлинского философского факуль-

тета проф. А. Мейзеля «Германская революция 1848 г.» (Берлин, 1948). Прогрессивные авторы остро критикуют буржуазную немецкую историографию, искажавшую причины поражения мартовской революции.

С вопросом об уроках революции неразрывно связан и вопрос о деятельности Маркса и Энгельса в 1848—1849 гг. Среди статей, освещающих роль Маркса и Энгельса, отметим прежде всего содержательные очерки Ф. Альбина и проф. М. Ланге, опубликованные в журнале «Единство» за март и декабрь 1948 г.

Среди других проблем, особенно интересовавших немецких прогрессивных историков, отметим вопрос о роли германского рабочего класса в 1848 г.

Известный экономист проф. Юрген Кучинский в книге «Хозяйственные и социальные предпосылки революции 1848—1849 гг.» (Берлин, 1948) отмечает те острые социальные противоречия, которые порождались в Германии начавшимся промышленным переворотом.

Интересна статья К. Биттеля «Политическая прелюдия революции 1848 г. в Бадене», посвященная столетней годовщине первого съезда немецких республиканцев в Оффенбурге («Единство», 1948, январь). В отличие от других историков, автор придает большое значение этому съезду, доказавшему, по его мнению, что «стремление к последовательно-демократическому строю... целиком и полностью поднималось из глубины самого народного движения». Необходимо, однако, отметить, что и Биттель, и Мейзель проходят мимо допущенных мелкобуржуазными революционерами Струве и Геккером больших политических ошибок, которые облегчили силам контрреволюции разгром народного движения.

В статьях и брошюрах историков реакционного направления было потрачено немало бесплодных усилий, чтобы как можно сильнее принизить революцию 1848 г. и ее деятелей, с целью вытравить из памяти германского народа его революционные традиции.

В мае 1948 г., во время столетнего юбилея Всегерманского учредительного собрания, в историческом соборе св. Павла во Франкфуртена-Майне, входящем, как известно, в зону американской оккупации, состоялось «торжественное» заседание. Основными ораторами там оказались прибывший из Чикаго некий американский профессор Гутчинс и третьеразрядный немецкий поэт Ф. Унру, незадолго перед тем возвратившийся из Америки.

Американский «гость», восхваляя деятельность франкфуртских парламентариев и разработанную ими полуфедералистскую конституцию, рисовал картину будущей германской федерации, нагло заявляя при этом, что в нынешних условиях единственным спасением для Германии и для других западноевропейских государств является якобы установление «мирового управления», т. е. отказ от национального суверенитета этих государств в пользу США и Великобритании.

Большее глумление над национальными чувствами и демократическими традициями немецкого народа, чем эта «историческая» инсценировка, разыгранная представителями американского империализма и их западногерманскими пособниками, — трудно вообразить!

Изучение новейшей германской буржуазной историографии 1848 г. помогает вскрыть те реакционные идеи, те империалистические устремления, которые лежат в основании многих с виду невинных схем и построений буржуазных фальсификаторов истории и реакционных публицистов, использовавших столетний юбилей мартовской революции для пропаганды своих антинародных и агрессивных вожделений.

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г. В АВСТРИИ

1

История австрийской революции 1848 г. изучалась в течение целого столетия представителями различных направлений исторической науки.

Основные вопросы истории австрийской революции нашли свое глубокое, подлинно научное освещение в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. В работах «Начало конца Австрии» (1847), «Революция и контрреволюция в Германии» (1852), в статьях, напечатанных в «Новой Рейнской газете» (1848—1849 гг.), Маркс и Энгельс вскрыли причины и определили движущие силы этой революции, дали яркие характеристики ее главных деятелей, выяснили причины ее поражения. Маркс и Энгельс отметили также своеобразие обстановки, в которой протекала революция в Австрийской империи, представлявшей собою пестрый конгломерат различных народов, многонациональное феодально-дворянское государство, в котором австрийские немцы, составлявшие лишь $^{1}/_{7}$ часть населения, являлись господствующей национальностью, угнетавшей все остальные. «Под австрийским флагом,— писал Энгельс, — немцы держат в рабстве Польшу, Богемию и Италию. Если на всем протяжении от Сиракуз до Триента и от Генуи до Венеции немцев ненавидят как презренных ландкнехтов деспотизма, то этим мы обязаны австрийской монархии»[1].

В своих работах об австрийской революции Маркс и Энгельс указали на основные задачи революции в Австрии, подчеркнули своеобразие политических условий, в которых она проходила, отметили огромное значение революционной инициативы народных масс, их борьбы против абсолютизма и феодализма. Особенно большое значение придавали Маркс и Энгельс октябрьскому восстанию в Вене. Восстание в Вене в октябре 1848 г., передавшее на время столицу Австрии в руки рабочих и демократов, и последовавший за этим штурм Вены были, по мнению Маркса и Энгельса, событием, «... столь же решающим для Германии, как восстание парижских рабочих для Франции»[2]. Подчеркивая значение героической борьбы народных масс Вены в октябрьские дни, Маркс и Энгельс указывали, что, несмотря на свой конечный неудачный исход, это восстание не прошло бесследно.

В. И. Ленин и И. В. Сталин развили основные положения Маркса и Энгельса о характере, движущих силах и значении австрийской буржуазной революции 1848 г.

Решение национальной проблемы в многонациональных государствах, данное Лениным и Сталиным применительно к новой эпохе — эпохе империализма и пролетарских революций, позволяет более глубоко понять сложные вопросы австрийской революции 1848 г.

Классический труд И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (1913) явился крупнейшей марксистской теоретической работой по национальному вопросу.

В работах Ленина «Тезисы по национальному вопросу» (1916) и «О праве наций на самоопределение» (1916) большое внимание уделено анализу сущности национальных противоречий и национальной борьбы в Австрии, определены причины непрочности буржуазных многонациональных государств.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 256.
[2] Там же, т. VI, стр. 67.

2

В свете трудов классиков марксизма-ленинизма вскрываются многочисленные извращения истории австрийской революции 1848 г., которые в течение столетия наслаивались в реакционно-дворянской, в либерально-буржуазной и в социал-демократической историографии.

Наиболее ранними представителями реакционного направления были Дундер, Майнерт и Гельферт. Все три автора являлись активными деятелями контрреволюции. Они видят в революции только разрушительную силу. Для Майнерта, например, вся революция — только проявление «анархии» и «терроризма». Пухлый «труд» Гельферта наполнен клеветническими выпадами по адресу активных участников революции.

В работах по истории австрийской революции 1848 г., появившихся в 70—80-х годах, отразились политические сдвиги, происходившие в это время внутри австрийской буржуазии. Это было, по определению Ленина, время, когда господствовала «...установившаяся, в общем и целом, буржуазная конституция, на почве которой легально действует легальная рабочая партия»[1]. Борясь за закрепление своих политических позиций, австрийская буржуазия обращается к истории 1848 г. Этим настроениям соответствует работа Решауэра и Сметса, вышедшая в 1871—1872 гг. Авторы этой книги чрезвычайно подробно описывают те начальные моменты революции, когда либеральная буржуазия играла прогрессивную роль, и всячески затушевывают выступления народных масс. Сторонники конституционной монархии Решауэр и Сметс сводят задачи революции к утверждению и укреплению конституционного строя, восхваляют предательскую тактику австрийской буржуазии в национальном вопросе, выступают против национально-освободительной борьбы угнетенных народов.

Книга Ценкера, вышедшая в 1898 г., к 50-летию революции 1848 г., отразила идеологию австрийской мелкой буржуазии. Мелкобуржуазный демократ Ценкер был противником социалистических идей. В своей книге он стремился доказать, что в революции 1848 г. ничто якобы не разделяло буржуазию и пролетариат. Затушевывание классовых противоречий, идеализация мелкой буржуазии и студенчества — таковы характерные черты исторической концепции Ценкера.

На рубеже двух столетий в историографии австрийской революции 1848 г. оформляется социал-демократическое направление, представленное книгой Максимилиана Баха (1906). Несмотря на то, что эта работа богата фактическим содержанием, ее историческая концепция совершенно неприемлема из-за социал-реформистского мировоззрения ее автора. Оценка Бахом основных вопросов революции явно порочна. Основной движущей силой революции 1848 г. являлась, по мнению Баха, либеральная буржуазия. Автор явно искажает и принижает роль пролетарских масс в революции. Книга Баха проникнута духом немецкого буржуазного национализма.

Накануне первой мировой войны в Австро-Венгрии шла острая национальная борьба. Борьба эта отражалась и в исторической литературе. В 1908—1912 гг. в Штутгарте и Берлине вышла книга ярого реакционера Генриха Фридъюнга «Австрия с 1848 г. до 1860 г.». Фридъюнг был одним из предшественников пангерманизма. В 1882 г. он участвовал в составлении программы, призывавшей господствующие партии Австро-Венгрии к теснейшему союзу с Германией. Австро-немецкий шовинизм автора проявился в резко враждебной оценке им освободительных движений угнетенных национальностей, особенно выступлений

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 378.

славянских народов. Незадолго до первой мировой войны появились книги Р. Харматца и В. Библя, которые, хотя и различаются по композиции и по объему материала, относящегося непосредственно к истории событий 1848—1849 гг., сходны в том отношении, что они фальсифицируют историю революции в Австрии, носят сугубо реакционный характер, проникнуты нескрываемой враждой к революционным движениям и неприкрытым страхом за будущность «лоскутной империи», которая как раз в это время раздиралась острыми внутренними противоречиями.

3

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала огромное влияние на подъем национально-освободительного движения угнетенных народов Австро-Венгрии и на рост рабочего движения в ней. Внутренний кризис Австро-венгерской монархии, рост национальных движений, поражение на фронтах вызвали крах и распад монархии Габсбургов. Испуганная выступлениями пролетариата, австрийская буржуазия перешла в лагерь реакции. Одна часть буржуазии искала спасения в австрийском централизме и шовинизме, другая видела свое будущее в объединении с Германией, выступала сторонницей аншлюсса. Такой же контрреволюционный характер носит и книга Пауля Молиша (1922), посвященная истории Академического легиона и его роли в революции.

В условиях углублявшегося с каждым годом о б щ е г о кризиса капитализма в Австрии велась острая борьба среди господствующих классов, борьба различных ориентаций.

Хеймверовцы и «христианские социалисты» ориентировались на Италию. Немецко-национальная партия ориентировалась на Германию. В свою очередь германские национал-социалисты засылали в Австрию своих агентов, пропагандировавших идею аншлюсса. В Австрии шел процесс фашизации. Австрийские фашисты стремились к захвату власти. В тесной связи с этим стоит появление ряда книг о революции 1848 г., представляющих грубую фашистскую фальсификацию исторических событий. Типична в этом отношении серия «Очерков из истории революции», изданная Виндишгрецом, потомком душителя революционного движения в 1848—1849 гг.

12 марта 1938 г. Австрия была оккупирована войсками фашистской Германии. Австрийская буржуазная республика прекратила самостоятельное существование, стала жертвой захватнической политики гитлеровского разбойничьего империализма. Великая победа Советской армии над немецко-фашистской Германией вернула австрийскому народу его национальную независимость и освободила его от фашистского гнета.

4

Столетний юбилей революции 1848 г. совпал с ростом реакции в Австрии и с усилением в ней влияния англо-американских империалистов. Эти обстоятельства определили характер юбилейных торжеств. Научная литература, вышедшая к столетию революции, оказалась весьма скудной.

Вместе с тем столетний юбилей австрийской революции 1848 г. прошел в обстановке острой партийной борьбы. Борьба шла между тремя партиями: буржуазной «народной партией», социал-демократической и коммунистической. Учитывая силу революционных традиций 1848 г., «народная» и социал-демократическая партии стремились использовать этот юбилей в своих интересах. При этом так называемая «народная партия», грубо фальсифицируя историю революции 1848 г., отрицала ведущую роль в ней народных масс и утверждала, что эта роль принадлежала якобы умеренно-либеральной буржуазии. Фальсифицировала исторические события

1848 г. и социал-демократическая партия, однако она делала это несколько иначе, чем «народная партия», не решаясь начисто отрицать демократический характер этой революции. Обе партии, как прямые пособники англо-американского империализма, использовали юбилейные дни для открытой клеветы на коммунистов и на Советский Союз.

Для характеристики глубокого падения современной буржуазной историографии в Австрии достаточно, например, указать, что Р. Харматц и в позднейших своих публикациях (1947 г.), представляющих обзор исторических событий с 1747 по 1947 г., в основном повторяет все пороки прежних своих работ (полное непонимание роли трудящихся масс, мотивов и значения их выступлений в 1848—1849 гг. и т. д.); другой представитель буржуазной историографии — М. Энль, автор биографии Мессенгаузера, оценивает положительно в деятельности Мессенгаузера как раз именно то, что приносило революционному лагерю Вены не пользу, а вред.

Позиция австрийской социал-демократии в 1948 г. в период растущей борьбы двух лагерей — лагеря англо-американских поджигателей новой войны и лагеря мира и демократии, возглавляемого Советским Союзом,— означает прямую поддержку империализма против СССР и стран народной демократии. Социал-демократы Австрии позорно предают и продают свою родину, отдаются во власть американского монополистического капитала, который несет Австрии полицейскую диктатуру, фашистский террор, господство новых меттернихов и новых виндишгрецов.

Австрийские коммунисты дали решительный отпор предателям дела рабочего класса — социал-демократам и выступили с резкой критикой их позиций. Ведя борьбу против англо-американской империалистической реакции и ее австрийских пособников, коммунистическая партия Австрии опирается на революционные традиции трудящихся масс Австрии, в том числе и на боевые традиции 1848 г.

В 1946 г. один из лидеров австрийской коммунистической партии Эрнст Фишер опубликовал книгу, посвященную истории революции 1848 г. в Австрии—«Австрия в 1848 г. Проблема демократической революции в Австрии».

Эта книга интересна и важна тем, что она обращает внимание читателей на те проблемы революции 1848 г., которые никогда не получали правильного освещения в буржуазной и социал-демократической литературе. Автор дал подробный анализ классовых взаимоотношений в стране накануне и во время революции. Ярко показана в книге динамика классовой борьбы, изменения в соотношении классовых сил в процессе революции. Особое внимание уделяет Фишер демократическому движению, взаимоотношениям между мелкой буржуазией и пролетарскими массами, попыткам создания общедемократического фронта.

Правильно отмечая неоднородность рабочего класса Австрии, значительную роль ремесленных подмастерьев, Фишер склонен несколько преувеличивать роль фабричных рабочих, их зрелость и организованность в период революции 1848 г.

Фишер показывает, что уже в мартовские дни произошел политический раскол между буржуазией и пролетариатом. Свержение меттерниховского режима, указывает он, было достигнуто благодаря активным выступлениям пролетариата, однако в эти же мартовские дни буржуазия отблагодарила своих союзников-пролетариев репрессиями и расстрелами.

Специальную главу посвящает Фишер национальной проблеме. Характеризуя политику венгерского революционного правительства 1848 г., Фишер справедливо указывает, что угнетательская политика венгерского правительства по отношению к славянским народам отбросила их в лагерь контрреволюции и тем самым ослабила общий фронт

демократической борьбы. Для усиления этого фронта, справедливо замечает Фишер, необходимо было полное единство между венграми и славянами в борьбе против монархии Габсбургов. Подчеркивая различие в судьбах Австрии и Пруссии, Фишер отстаивает идею самостоятельного развития Австрии, вне зависимости от общности языка, на которую ссылались и ссылаются германские шовинисты, сторонники поглощения Австрии Германией, и их австрийские подголоски.

В дни столетнего юбилея революции 1848 г. коммунисты Австрии развили широкую деятельность; они выступали с газетными статьями, с речами на рабочих собраниях, стремясь придать празднованию этого юбилея всенародный характер. Коммунисты были инициаторами и организаторами выставки, отразившей участие трудящихся масс в событиях 1848 г. Коммунисты широко популяризировали в статьях и речах взгляды Маркса и Энгельса на буржуазно-демократическую революцию 1848 г. и их указания на предательскую роль австрийской буржуазии по отношению к демократическим слоям, по отношению к национальным интересам угнетенных народов Австрии.

Изучение австрийских газет в период юбилейных дней 1948 г. вскрывает всю глубину классовых противоречий в современной Австрии. Австрийская социал-демократия попрежнему занимает позицию, враждебную интересам своего народа. Своей злобной агитацией против СССР, против стран народной демократии, против австрийских коммунистов социал-демократы все более открыто разоблачают себя в глазах широких масс населения.

Коммунистическая партия Австрии вместе с коммунистами других стран Европы, отмечавшими столетний юбилей 1848 г., использовала эти дни для усиления борьбы против реакции, против антинациональной и предательской политики австрийской буржуазии и правых социалистов.

В 1949 г. вышла в свет книга члена коммунистической партии Австрии Евы Пристер «Краткая история Австрии». Книга эта является попыткой широкого обобщения исторических событий на основе марксистско-ленинской методологии. Автор рассматривает историю Австрии с начала образования Габсбургской монархии вплоть до распада Австро-Венгрии в 1918 г.

Цель труда Евы Пристер — популяризировать идею независимого, самостоятельного развития Австрии, доказать, что австрийский народ имеет свою национальную историю, свою собственную культуру. Труд этот является боевым оружием в борьбе против реакционной космополитической пропаганды англо-американских империалистов и их пособников в Австрии. Пристер дает в нем характеристику хозяйственного развития и политической жизни Австрии накануне революции. Особенно подробно описывает автор идейную жизнь в Австрии перед революцией 1848 г., деятельность радикальных организаций, агитацию газеты «Гренцботен», издававшейся демократическим публицистом Курандой.

В книге Пристер поставлен вопрос о характере и значении австрийского национального движения как накануне, так и в период революции 1848 г. Пристер отмечает наличие великогерманских настроений у австрийской мелкой буржуазии и у австрийского студенчества.

Обзор новейшей литературы по истории революции 1848 г. в Австрии необходимо дополнить рассмотрением статей, помещенных в журнале «Вег унд циль», издаваемом коммунистической партией. В одном из номеров этого журнала за 1948 г. была помещена критическая статья Сельмы Штейнметц «Ганс Кудлих, борец за свободу в 1848 г.». Основываясь на изданных недавно письмах Кудлиха к родным, автор статьи доказывает, что Кудлих до конца жизни остался революционным

демократом и что в октябрьские дни 1848 г. он резко критиковал мелкобуржуазных демократов за недооценку ими значения мобилизации крестьянства в защиту революционной Вены. Одновременно в этой статье отмечаются ошибки, допущенные Кудлихом в 1848 г. (особенно недооценка им чешского национального движения).

Подводя итоги, следует сказать, что перу австрийских историков-коммунистов принадлежит лучшее, что было написано по истории австрийской революции 1848 г. со времени замечательных работ Маркса и Энгельса, Ленина и Сталина. Австрийские коммунисты много сделали для разработки истории этой революции с марксистской точки зрения, дали ряд ценных соображений по вопросу о движущих силах революции и по вопросу о роли национальных противоречий в ее судьбах.

Тем не менее история революции 1848 г. в Австрии еще до сих пор остается сравнительно слабо исследованной.

Большинство работ австрийских историков-коммунистов носит популярный характер и мало привлекает свежий исследовательский материал. Некоторые выводы авторов этих работ вызывают возражения. Конечно, значение деятельности Кудлиха было велико. Ему принадлежит видная роль в революции. Однако в австрийском рейхстаге он вел себя непоследовательно: сначала доказывал необходимость отмены феодальных повинностей без выкупа, затем сделал ряд уступок умеренному либералу Лассеру.

Но, вообще говоря, историки австрийской революции 1848 г. уделяют мало внимания характеристике левого крыла мелкобуржуазной демократии, деятельность которого при всей его слабости и непоследовательности имела безусловно революционный характер (это относится к таким людям, как Бем, Таузенау, Еллинек и многие другие). Крайне слабо изучены экономика Австрии накануне и во время революции, проблема революционной ситуации в конце 1847 г. и в начале 1848 г., деятельность демократических клубов и рабочих союзов, роль демократической печати.

Эти критические замечания не умаляют заслуг историков-коммунистов Австрии, беспощадно разоблачающих реакционных фальсификаторов истории.

В обстановке ожесточенной классовой борьбы, развертывающейся ныне в Австрии, австрийская коммунистическая партия неустанно борется за освобождение своей родины и ее трудящихся масс от гнета австрийских реакционеров и англо-американских империалистов.

Привлекая внимание широких слоев населения своей страны к славным боевым традициям прошлого, австрийские коммунисты мобилизуют тем самым все прогрессивные и патриотические силы Австрии на борьбу за последовательно демократическое решение современных политических задач, жизненно важных для австрийского народа.

ИСТОРИОГРАФИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г. В ИТАЛИИ

1

Классические труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина содержат исчерпывающие методологические указания, которые позволяют раскрыть сущность и значение процессов, протекавших в Италии в 1848—1849 гг. В сокровищнице марксизма немало и таких произведений, которые непосредственно освещают итальянские проблемы и итальянские события этого периода.

Проявляя глубокий интерес и горячее сочувствие к итальянскому национально-освободительному движению, основоположники марксизма рассматривали революционную борьбу на Апеннинском полуострове, как

важную составную часть общего фронта борьбы угнетенных народов против феодально-абсолютистской реакции и чужеземного гнета, главным носителем которого являлось правительство многонациональной монархии Габсбургов. Отстаивая интересы пролетариата также и там, где пролетариат не осознал еще своей исторической роли, Маркс и Энгельс горячо поддерживали национально-освободительные движения народов, рассматривая национальный вопрос в неразрывной связи с задачами революционной борьбы.

Освещая на страницах «Новой Рейнской газеты» ход итальянской революции, Маркс и Энгельс стремились направить борьбу итальянского народа по пути подлинно демократической, народной революции.

Замечательные статьи Маркса и Энгельса, опубликованные в «Новой Рейнской газете» (VI и VII томы русского издания их сочинений), их переписка, а также позднейшие работы, прямо или косвенно затрагивающие итальянские проблемы («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Роль насилия в истории», «Революция и контрреволюция в Германии», «По и Рейн», «Мадзини и Наполеон» и многие другие), представляют собой ценнейший источник для изучения итальянской революции 1848—1849 гг. и непревзойденный образец научного освещения ее проблем.

Огромное значение для правильного понимания проблем итальянского национально-освободительного движения имеют гениальные произведения В. И. Ленина и И. В. Сталина, в особенности такие работы Ленина, как «Под чужим флагом», «Две тактики социал-демократии в демократической революции», «Империализм и социализм в Италии» и такие работы И. В. Сталина, как «Марксизм и национальный вопрос», «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», «Октябрьский переворот и национальный вопрос».

Обобщая факты экономического развития и борьбы классов в Италии, Энгельс дал яркую характеристику классовой сущности борьбы, развернувшейся в Италии в 1840—1870 гг. В работе «Роль насилия в истории» он писал: «Рабочий класс был далеко еще не весь экспроприирован и пролетаризирован; в городах он владел еще собственными орудиями производства, в деревне промышленный труд был побочным промыслом мелких крестьян-собственников или арендаторов. Поэтому энергия буржуазии еще не была сломлена существованием противостоящего ей современного сознательного класса пролетариев. А так как раздробленность Италии сохранялась только как результат иноземного австрийского владычества, под сенью которого злоупотребления княжеских правительств дошли до крайнего предела, то и крупное землевладельческое дворянство и городские народные массы стояли на стороне буржуазии как передового борца за национальную независимость» [1]. Эту мысль Энгельс развивал еще в канун революции, в статье «Революционное движение 1847 г.», в которой он подчеркивал, что «... движение в Италии является... совершенно определенным буржуазным движением» [2]. Оно не потеряло своего буржуазного характера и в дальнейшем. Охватывая целые десятилетия итальянской истории, народно-освободительное движение, впервые получившее в 1848 году общенациональный масштаб и значение и завершившееся в 1870 году созданием единого национального государства, до конца оставалось движением буржуазным. Ленинско-сталинское учение о национальном вопросе рассматривает процессы формирования наций и государства в тесной связи с развитием «...освобождающегося от разных видов феодализма буржуазного общества» [3].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 460—461.
[2] Там же, т. V, стр. 242.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 127.

«Современные нации,— указывает И. В. Сталин,— представляют собой продукт определенной эпохи — эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является вместе с тем процессом складывания людей в нации. Англичане, французы, германцы, итальянцы сложились в нации при победоносном развитии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма»[1].

Кроме теоретических положений, раскрывающих характер итальянской революции 1848—1849 гг., в работах основоположников научного социализма содержатся также указания, характеристики, оценки, позволяющие углубить понимание развития революции, научно осмыслить поведение различных классов и партий и роль отдельных общественных деятелей в ходе революционной борьбы. Разбирая обстановку, сложившуюся в Италии в 1847 г., Энгельс предвещал неизбежное размежевание классовых сил в ней, углубление и обострение классовой борьбы. «Как только буржуазия справится с внешним врагом,— предсказывал он,— она произведет у себя дома отделение овец от козлищ. И тогда князьям и графам снова придется обращаться с воплями о помощи к Австрии, но уже будет поздно; рабочие же Милана, Флоренции и Неаполя увидят, что *их* работа еще только начинается»[2].

И когда это действительно произошло, Маркс и Энгельс пригвоздили к позорному столбу истории «князей и графов» Италии, ее коронованных властелинов — Пия IX, Фердинанда II, Карла-Альберта, возглавивших контрреволюцию.

В статье «Война в Италии», статье, сочетающей глубокий анализ военных действий с широкими политическими обобщениями, Энгельс срывает маску с Карла-Альберта, разоблачает его гнусную измену, вскрывает предательскую роль Савойской династии, которая «скорее пойдет на мир со своим злейшим, но равным по происхождению врагом, нежели на союз с народом»[3]. Выясняя причины поражения итальянцев под Новарой, Энгельс указывает единственно правильный путь, который мог привести к победе революции. Но этот путь предполагал расширение фронта борьбы, вовлечение в освободительное движение широких плебейских масс города и деревни.

В какой мере итальянская буржуазия сумела приобщить массы к национально-освободительному движению, развязать крестьянскую войну против феодальных пережитков, довести до конца буржуазно-демократическую революцию? В работах основоположников научного социализма мы находим ключ к пониманию этой центральной проблемы. Страх перед революционной активностью масс бросил итальянскую крупную буржуазию и крупную буржуазию других стран в объятия «...монархической, бюрократической, полуфеодальной и военной реакции, от которой и потерпела поражение революция в 1849 г.»[4].

В ходе революции все более отчетливо выделялся левобуржуазный, демократический фланг национально-осободительного движения. В «Новой Рейнской газете» Маркс и Энгельс не раз отмечали деятельность буржуазных демократов, одобряли их прогрессивную деятельность. Ленин в упомянутой статье «Под чужим флагом» отмечает, что часть итальянской буржуазии в 1859 г. была даже революционной. Эта мысль Ленина чрезвычайно важна для понимания роли буржуазных демократов также и в итальянской революции 1848—1849 гг Маркс и

---

[1] И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 15.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 243.
[3] Там же, т. VII, стр. 339.
[4] Там же, т. XVI, ч. I, стр. 453.

Энгельс считали возможным применить в Италии ту же последовательно-революционную тактику, которой они придерживались в Германии, тем более, что в Италии пролетариат был еще крайне слаб, и поэтому часть буржуазии еще могла быть революционной. Они поддерживали крайне левых демократов, постоянно подталкивали их, но вместе с тем, вскрывали их классовую ограниченность, критиковали их нерешительность, их ошибки.

В своих работах Маркс подвергал резкой критике путаные идеалистические, утопические воззрения Мадзини и мадзинистов, сосредоточивавших свое внимание исключительно на политических формах государства и не сумевших разглядеть организацию общества, как основу, на которой покоится политическая надстройка[1].

Маркс решительно осуждал ошибочную позицию Мадзини в крестьянском вопросе, являвшемся ключом к решению проблемы воссоединения Италии демократическим путем. Оценивая политику Мадзини в период существования Римской республики, Маркс сурово отзывался о деятельности триумвиров, предоставивших «...крестьянам Кампаньи пребывать в более безнадежном порабощении,нежели рабство их предков эпохи Римской империи...»[2].

В письме к Вейдемейеру Маркс упрекал Мадзини в том, что он забывает о необходимости обратиться к крестьянам, к угнетаемой в течение столетий части Италии, и, забывая об этом, подготовляет «...новую опору для контрреволюции»[3]. Маркс ставит, таким образом, одну из решающих проблем итальянского Рисорджименто и освещает одновременно одну из важнейших причин поражения итальянской революции 1848—1849 гг.

Необходимость вовлечения в революцию широких крестьянских масс— таков тот вывод, который сделали Маркс и Энгельс, обобщая уроки революционных боев в Италии в 1848—1849 гг.

Итальянская прогрессивная буржуазия не сумела воспользоваться этими уроками в той борьбе, которая развернулась впоследствии в Италии. Это и обусловило завершение объединения Италии «сверху», с сохранением монархии и некоторых других пережитков феодализма.

2

Вскоре же после поражения революции в различных государствах Италии и за их пределами появились публикации официальных документов, отображавших законодательную деятельность властей и революционные события 1848 — 1849 гг. Затем началось издание мемуарной литературы и исторических работ, принадлежавших перу современников. Количество таких работ весьма велико. Повышенный интерес к минувшим революционным годам был, разумеется, не случайным. Острая политическая борьба, продолжавшаяся и после поражения революции, побуждала участников и современников событий 1848—1849 гг. обращаться к истории для оправдания своих политических взглядов и позиций.

Три основные политические тенденции наложили свой отпечаток на всю историческую литературу этого периода: контрреволюционная или, иначе говоря, феодально-абсолютистская, либерально-буржуазная и буржуазно-демократическая.

В мемуарах реакционеров-монархистов (например, Брешиани, Марготти) изложение исторических фактов было подчинено одной задаче: отстоять незыблемость абсолютистской власти монархов, в частности — светской

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч т. XI, ч. I, стр. 508.
[2] Там же.
[3] Там же, т. XXV, стр. 112.

власти папы, опорочить все прогрессивные достижения периода революции, оклеветать буржуазно-демократических деятелей и очернить роль народных масс.

Излишне излагать «точку зрения» этих мракобесов по важнейшим проблемам истории Италии в 1848—1849 гг.: для них вся революция — лишь цепь «чудовищных преступлений». Всюду, даже в самых умеренных требованиях неаполитанских либералов, сицилийских сепаратистов, римских республиканцев, они видят «социализм», покушение на частную собственность.

Представители либерального течения в итальянской историографии, ратуя за независимость Италии, признают историческую необходимость изменения феодально-абсолютистского строя, но реформы, в которых была заинтересована итальянская крупная буржуазия, должны, по мнению либералов, исходить от самих монархов. Также и объединение Италии не мыслилось либералами иначе, как в результате объединения страны «сверху», на основе союза государей.

Идейными истоками либерального течения в историографии итальянской революции 1848 г. были книги представителей умеренного, буржуазно-монархического крыла Рисорджименто 40-х годов — Чезаре Бальбо, д'Адзелио, Джоберти. Но под влиянием опыта революции 1848—1849 гг. в сочинениях этих историков и публицистов еще более усилились реакционные черты, антинародная направленность их политических взглядов.

Уделяя особое внимание недавней борьбе, либеральные историки Гуальтерио, Канту, Фарини стремились выделить в ней то, что соответствовало интересам представляемого ими класса. Все они признавали, что Италия должна быть освобождена от австрийского владычества, и что в ней должны быть проведены политические реформы. Национальный вопрос — первопричина революции, писал Гуальтерио в своей книге «Последние итальянские перевороты» (Флоренция, 1850—1851). Потребность в национальном объединении стала всеобщим стремлением, — заявлял Канту («История одного столетия, 1750—1850», Флоренция, 1852). Но реформы, утверждал Гуальтерио, должны исходить «от мудрых мыслителей и от государственной власти».

Уделяя непомерно большое место описанию предреволюционных реформ Пия IX, мемуаристы-либералы не утруждали себя анализом различных движений, определением их особенностей в различных государствах Италии. Все, что произошло после августа 1848 г., все, что было связано с выступлениями народных масс и с деятельностью «крайних»,— решительно осуждалось либеральными историками. Опорочивая усилия прогрессивных элементов буржуазии и народных масс, либералы возлагали на них ответственность за поражение революции и пытались реабилитировать в глазах потомков либеральную буржуазию, предавшую дело революции.

Либеральная партия ложно изображалась в либеральной историографии ведущей силой, а Савойская монархия — главной опорой национально-освободительного движения в Италии. Так было положено начало в исторической литературе легенде о либерализме папы Пия IX, о решающей роли либералов и Савойской династии в деле объединения Италии. Этой лживой легендой вплоть до наших дней спекулируют итальянские реакционеры.

Сочинения буржуазных демократов многочисленны и весьма различны по своему характеру. Тут и публицистические статьи, тут и мемуары, монографии и общие исторические работы. Среди них должны быть отмечены многотомные сочинения Мадзини, произведения Каттанео, Саффи, Рускони, мемуары Гарибальди, Орсини, Монтанелли, труды Фер-

рари, Векки, Сориа и других. В целом работы буржуазных демократов, отражающие стремления и интересы передового фланга национально-освободительного движения, представляют большой интерес. Они содержат значительный и ценный материал.

Революция 1848 г., заявляют историки буржуазно-демократического направления, была порождена непреклонным стремлением нации сбросить с себя иго чужеземных поработителей и объединиться в независимое национальное государство. Она была вызвана «пробуждением гражданского сознания миллионов итальянцев», их стремлением освободиться от политического, социального и религиозного гнета, от деспотической власти реакционных монархов.

Однако, какие материальные потребности общественного развития скрывались за этим стремлением нации к объединению? На этот вопрос труды буржуазных демократов, рассматривающих историю через призму идеалистического мировоззрения, не дают никакого ответа. Не имея никакого представления о законах исторического развития, игнорируя или «отвергая» классовую борьбу, буржуазные демократы освещают лишь внешнюю сторону исторических процессов и приходят к поверхностным обобщениям.

«... Революция,— писал Мадзини в статье «Партии и дела в Италии»,— является прежде всего революцией национальной... Различные итальянские народности ищут сейчас формулу своего совместного существования, своего национального единства». Эту основную мысль Мадзини повторяют и другие буржуазные демократы, не ограничиваясь констатацией одних лишь национальных задач революции. «Движение 1848—1849 гг.,— замечает Монтанелли в своих «Мемуарах...» (1857),— было движением национальным и демократическим». «Демократическая революция,— указывает Саффи в книге «История Рима от июня 1846 до февраля 1849» (Флоренция, 1893—1898),— стала, так сказать, необходимой формой вопроса независимости».

При определении характера и содержания движения 1848—1849 гг. его участники и историки буржуазно-демократического направления исходили из ограниченного представления о демократии (переоценивая ее внешнее, формальное выражение и пренебрегая ее материальной основой), при определении движущих сил революции они оперировали абстрактным понятием народа, в котором они не видели классов и классовых противоречий.

Выступая против реакционеров и монархистов, буржуазные демократы развенчивали легенду о «либеральных реформах» Пия IX и других итальянских монархов, разоблачали предательство итальянских государей в период революционной борьбы за освобождение Италии.

Первым обвинительным актом против монархов и против либералов были обличительные статьи Мадзини и книга Каттанео «Миланское восстание в 1848 г.», — работы, появившиеся еще во время революции. После ее поражения появились новые работы, в том числе составленный Каттанео сборник документов «Трехлетний архив итальянских дел со вступления на престол Пия IX до сдачи Венеции», — сборник, о котором с похвалой отозвался Маркс. Эти работы дали документальные подтверждения важнейшего тезиса историков-демократов: на первом этапе война за независимость была проиграна из-за измены Сардинской монархии, преследовавшей лишь династические цели и предавшей дело нации из страха перед призраком республики. Война была проиграна, добавляли историки-демократы, также вследствие половинчатой и капитулянтской политики ломбардских и пьемонтских умеренных либералов, которые добивались отстранения

народа от борьбы и готовы были скорее «ползать на коленях перед австрийской палкой, нежели пойти с революцией». Наконец, война потерпела поражение вследствие заговора консервативных сил, нити которого вели и к Пию IX и к лорду Пальмерстону.

За поражением при Кустоцце следует новый этап революции, в течение которого различным течениям буржуазно-демократического лагеря довелось играть ведущую роль. Сочинения буржуазных демократов весьма ярко, хотя, разумеется, тенденциозно, освещают этот последний этап революции в Италии.

Проблема ответственности за поражение революции волнует историков буржуазно-демократического лагеря. Они ищут объяснения ее неудачи, указывают ряд причин, чтобы оправдать и обелить буржуазно-демократическое движение и его деятелей перед судом истории. Историки-демократы ссылаются на перевес внешних сил и на враждебные действия внутренних врагов, в первую очередь монархистов и клерикалов, объединившихся в Гаэте под эгидой Пия IX и Фердинанда Бурбонского. Но главной причиной гибели революции в Италии большинство историков-республиканцев считает политику либералов, которые сначала парализовали движение пропагандой умеренных конституционных уступок, расчетами на «благородство» Карла-Альберта и других монархов, а затем окончательно перешли в лагерь контрреволюции.

Некоторые участники событий, принадлежавшие к наиболее революционному крылу итальянского национального движения, не остановились перед критикой ошибок, допущенных руководителями революционного движения 1848—1849 гг. Мы находим в мемуарах деятелей этого крыла буржуазных демократов не мало замечаний, суждений, выводов, которые проливают яркий свет на вопрос о причинах поражения итальянской революции, а также на роль прогрессивной части буржуазии в этой революции.

Гарибальди, Орсини, Пизакане, отчасти Рускони и Векки подвергают критике политику римских триумвиров, обнаруживших слабость в отношении врагов, недальновидность в военных делах, неумение или нежелание развязать народное движение, расширить социальную базу борьбы.

Особенно выпукло эта мысль выражена в мемуарах Феличе Орсини «Жизнь и воспоминания» (Флоренция, 1863—1864), который с большой проницательностью вскрыл одну из решающих слабых сторон политики Мадзини. «Хотя триумвират развил новую и могучую силу,— пишет Орсини,— он был, однако, весьма далек от того, чтобы обладать революционным гением. Он должен был бы заинтересовать широкими мероприятиями классы земледельцев и бедняков государства и перенести факел Республики в соседние государства. Однако, ничего подобного не было сделано».

Национальные задачи революции, конечно, не могли быть осуществлены без участия широких слоев трудового народа и прежде всего крестьянства. Это понимал Гарибальди, в период Римской республики выдвигавший вопрос о вовлечении крестьян в общенациональную борьбу. Это понимал и Пизакане (один из первых сторонников социалистических идей в Италии). «После Кустоццы,— писал впоследствии Пизакане в своей работе «Война в Италии в 1848—1849 гг.» (Генуя, 1851),— только материальные интересы могли еще побудить народ вступить и без вождей в предстоящую борьбу». «У Италии нет другой надежды,— заключает Пизакане,— кроме великой социальной революции».

Точка зрения цитируемых нами современников является, впрочем, исключением на фоне идеалистических воззрений и апологетических оценок подавляющего большинства авторов, принадлежащих к лагерю буржуазных демократов.

3

Особое значение имеют посвященные Италии произведения великих русских революционных демократов А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, которые значительно глубже многих современников-итальянцев проникали в существо основных проблем итальянской истории. Поразительны по своей меткости данные ими характеристики политических течений и деятелей, и хотя большинство из них хронологически затрагивает более поздний исторический период, они ярко освещают исследуемые нами события и роль многих их участников.

В «Былом и думах» и в «Письмах из Франции и Италии» Герцен рисует волнующие картины революционного подъема в Италии, дает яркие портреты выдающихся деятелей итальянской революции.

Добролюбов и Чернышевский уделили большое внимание позднейшим революционным событиям в Италии. Статьи Добролюбова «Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура», «Непостижимая странность», «Письма из Турина» и некоторые другие, блестящие по форме и глубокие по содержанию, принадлежат к лучшим образцам политической публицистики революционно-демократического направления. Огромную ценность представляют и статьи Чернышевского в журнале «Современник».

Содержащиеся в произведениях русских революционных демократов высказывания о путях объединения Италии, о характере и роли двух различных течений национально-освободительного движения, умеренного и демократического, об участии народных масс в революционных событиях 50—60-х годов имеют большое значение и для понимания событий 1848—1849 гг. в Италии. Эти произведения не утратили своего значения и в настоящее время.

4

Завершившееся в 1870 г. объединение Италии дало сильный толчок исследованию почти вековой истории борьбы за создание единого итальянского государства. Быстрыми темпами стала создаваться историография Рисорджименто и революции 1848—1849 гг.

Однако уже в начале XX в. многие итальянские и иностранные историки, пытавшиеся обозреть значительную по своему объему буржуазную историческую литературу, посвященную объединению Италии, вынуждены были отметить однообразие в изложении фактов и почти полное отсутствие попыток осмыслить ход событий, найти «ведущую нить», понять закономерность исторических явлений. Таков был итог историографического исследования французского историка Жоржа Буржена — «Работы, относящиеся к периоду Рисорджименто в Италии 1789—1870» (Париж, 1911), указавшего на чисто нарративный характер большинства работ итальянских историков, ограничивающихся нанизыванием фактов, эпизодов и биографических деталей. Об этом писал и Анцилотти в своей работе «За подлинную историографию Рисорджименто».

Капиталистическое развитие Италии привело ее в начале XX в. на путь империализма. «Италия революционно-демократическая, т. е. революционно-буржуазная, свергавшая иго Австрии, Италия времен Гарибальди,— писал в 1915 г. В. И. Ленин в статье «Империализм и социализм в Италии»,— превращается окончательно на наших глазах в Италию, угнетающую другие народы, грабящую Турцию и Австрию, в Италию грубой, отвратительно-реакционной, грязной буржуазии, у которой текут слюнки от удовольствия, что и ее допустили к дележу добычи»[1].

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 324—325.

Специфические условия развития капитализма в Италии, еще более обострявшие его крайне агрессивную и реакционную сущность, резкая поляризация классовых сил и неуклонно возраставшая борьба между ними явились той основой, на которой сложилась реакционная идеология итальянской буржуазии новейшего времени.

Историки, вышедшие из средней и мелкой буржуазии, подчинялись влиянию монархистских и националистических тенденций, отражавших стремления господствующих классов. В этом причина того глубокого кризиса, который на протяжении многих десятилетий переживает итальянская буржуазная историография.

Ведущим в итальянской буржуазной историографии эпохи империализма стало либеральное направление, возглавленное Бенедетто Кроче, основателем итальянской идеалистической исторической школы. Классово-политическая задача этой школы — доказать «исторические заслуги» Савойской монархии, обосновать «закономерность», «незыблемость» и «совершенство» созданного после воссоединения буржуазно-монархического строя.

Этой задачей фальсификации истории обусловлены и особенности итальянской буржуазной историографии революции 1848—1849 гг. События революции не представляют для этой историографии самостоятельной темы исследования, а чаще всего входят как составная часть в общую канву событий Рисорджименто. Большинство буржуазных историков не задерживается на анализе специфических проблем 1848—1849 гг., а предпочитают расширять хронологические рамки повествования с тем, чтобы завершить его объединением Италии под эгидой либералов и Савойской династии. Характерно, что в итальянской буржуазной историографии начала XX в. нет ни одной цельной монографии, посвященной исключительно революции 1848—1849 гг. в Италии. Даже мартовское восстание в Милане или Римская республика интересуют буржуазных историков только внешней своей историей.

Слабо изучена экономическая история десятилетий, предшествовавших революции. Экономическая структура отдельных итальянских государств и областей, земельные отношения и уровень промышленного развития в Италии этого времени,— словом, все материальные условия жизни предреволюционной Италии освещаются ее буржуазными историками схематично и неверно. Интересный фактический материал дает работа Р. Чиаска «Эволюция экономики Ломбардии от начала XIX века до 1860 г.», помещенная в сборнике статей по истории сберегательной кассы в Ломбардии (Милан, 1923). Особое место занимает работа социалиста Моранди «История крупной промышленности в Италии» (Бари, 1931).

Национально-освободительное движение итальянского народа изображается большинством либерально-буржуазных историков как самодовлеющая цель, как самостоятельное явление, оторванное от борьбы классов, от задач экономического и политического преобразования итальянского общества.

Так, односторонне и ошибочно, излагается история революции 1848—1849 гг. в работах Орси «Современная Италия» (Милан, 1901), Каппелетти «История Италии» (Генуя, 1902), Джованьоли «Итальянское Рисорджименто от 1815 до 1848 г.». По их образцу составлено множество других книг, в том числе и иностранных. Нельзя не отметить в этой связи, что английская и французская буржуазная историческая литература, отражая интересы господствующих классов этих стран, всячески отстаивает ложный тезис о поддержке, оказанной будто бы Францией и Англией делу независимости Италии в ее борьбе с Австрией.

Будучи неспособна вскрыть внутренние причины и подлинный харак-

тер борьбы за создание в Италии единого национального государства итальянская буржуазная историография грубо искажает вопрос о движущих силах революции 1848—1849 гг. Решающей движущей силой в борьбе за независимость и объединение Италии, утверждает итальянская буржуазная историография, была либеральная партия, опиравшаяся на Сардинскую монархию.

Особое место в буржуазной историографии итальянской революции 1848—1849 гг. занимают произведения, авторы которых пытаются примирить непримиримое, объединить либеральное и демократическое направления на почве признания «полезности» обоих этих течений. Таковы, например, книги итальянских историков Тиварони «Италия в период австрийского господства 1815—1849» (Турин— Рим, 1892—1894) и английского либерального историка Болтона Кинга «История объединения Италии» (Лондон, 1899). «Италия, — заявляет Болтон Кинг,— нуждалась как в Мадзини, так и в Кавуре, одно время она нуждалась в первом из них, другое время — во втором: но ни тот ни другой не мог бы выполнить один всей задачи».

Выросшая на почве такого беспринципного эклектизма биографическая литература объявляет объединителями Италии Кавура и Виктора-Эммануила II, Мадзини и Гарибальди. Либеральный английский историк Тревельян в своей работе «Защита Гарибальди Римской республики 1846—1849» (Лондон, 1907) восторженно отзывается и о Кавуре и о Викторе-Эммануиле. Роль народных масс совершенно игнорируется историками этого направления.

Схема, по которой либеральная буржуазная историография излагает события двух революционных лет, в основном однообразна. В апологетическом свете изображается период реформ и период общего похода против Австрии, в котором якобы единым фронтом выступали все слои населения. Так изображает эти события французский историк Альбер Пенго в своем очерке «Революция и реакция в Италии», помещенном в «Истории XIX века» под редакцией Лависса и Рамбо. В освещении Болтона Кинга национально-освободительное движение предстает сначала как единый целеустремленный поток. Но единство распадается, как только на сцену выступают различные противоречивые тенденции — унитаристов, федералистов, республиканцев, альбертистов. И чтó, по мнению Кинга, хуже всего — это раздоры, расхождения, разделявшие на этом этапе революции умеренных и демократов в области социальной политики. С этого момента, считает он, национальное движение было обречено. Следовательно, обострение классовой борьбы, углубление социального содержания национально-освободительного движения, по мнению английского буржуазного историка, отвлекали его от цели и обусловили гибель революции.

Такова точка зрения и некоторых других либерально-буржуазных историков, в частности, известного русского историка Н. И. Кареева («История Западной Европы в новое время», т. 5, СПб., 1903).

Основными причинами гибели революции большинство либеральных историков считает отсутствие внутреннего единства между умеренными и демократами («разногласия», «разброд»), автономистские тенденции («закоренелые привычки населения к местной обособленности»), слабость и нерешительность вождей. Исключение составляет Анцилотти, который видит причину неудачи этой революции в страхе буржуазии, успевшей укрепиться в деревне, перед аграрным движением.

Даже в лучших работах итальянских буржуазно-демократических историков, испытавших в начале XX в. влияние марксистских идей, мы находим поверхностную трактовку этих проблем. Таковы, например,

результаты исследований историков, выступивших в конце XIX в. и в начале XX в. на страницах социалистических изданий (в журнале «Критика сочиале» и в газете «Аванти»).

Фашистский режим в Италии резко усилил реакционные течения в итальянской буржуазной историографии. В период фашистской террористической диктатуры прогрессивное направление находило выражение лишь в работах незначительной группы историков из числа антифашистов-эмигрантов.

Подводя итоги, следует сказать, что итальянская буржуазная историческая литература не смогла создать стройную научную концепцию, объясняющую характер, движущие силы, причины возникновения и причины поражения революции 1848—1849 гг. в Италии.

5

Празднование столетней годовщины итальянской революции 1848 г., происходившее в совершенно новых исторических условиях, когда демократические силы, руководимые коммунистической партией Италии, мужественно ведут напряженную борьбу за независимость страны, за мир и свободу,— сопровождалось разработкой проблем истории этой революции.

Острая классовая борьба, развертывающаяся в стране, не могла не отразиться на новейшей исторической литературе о революции 1848 г. Знаменательны первоначальные попытки реакционного лагеря замолчать столетнюю годовщину революционных событий. Еще 16 ноября 1947 г. в туринской «Гадзетта дель Пополо» и одновременно в римской «Рисорджименто либерале» было опубликовано открытое письмо Бенедето Кроче, в котором этот «либеральный» историк настойчиво рекомендовал отказаться отмечать в Италии столетие «Коммунистического манифеста», поскольку сто лет назад Манифест «не успел еще проникнуть в Италию». В том же письме Кроче не советовал отмечать и годовщину революции 1848 г., ибо, писал он, «после двадцатилетних блужданий и отступлений от прямого пути, за которыми последовала катастрофа, итальянцы недостойны поднять взор на священный образ того года высоких идеалов и героических подвигов».

За этой высокопарной фразеологией нетрудно разглядеть подлинные классовые побуждения и политические мотивы, заставившие Бенедетто Кроче взяться за перо. Цель его заключалась в том, чтобы не допустить празднования революции 1848—1849 гг. и помешать тому, чтобы оно пробудило в народе революционные традиции и страсти. Однако реакционным кругам не удалось сорвать празднование столетия этой революции. Благодаря инициативе демократических сил и прежде всего коммунистической партии, это празднование вылилось в широкую политическую кампанию.

Принципиально новое, чем отличается итальянская историческая литература, появившаяся после второй мировой войны, заключается в том, что она обогатилась работами историков-коммунистов. Труды основателя итальянской компартии Антонио Грамши, написанные им в тюрьме, представляют ценнейший вклад в марксистскую разработку проблем истории Италии вообще, истории революции 1848—1849 гг. в частности.

Реакционно-клерикальный лагерь, возглавляемый Ватиканом и правящей партией «христианских демократов», пытался по-своему отметить столетие событий 1848 г. Работы этих злостных фальсификаторов истории ставили своей целью опорочить все передовое и ценное, что было вызвано к жизни этой революцией.

Научной ценности не представляют и работы группы буржуазно-либеральных историков, опубликованные в связи с юбилеем революции. В работах Рота, Монти, Маркетти хотя и содержится новый фактический материал, мы находим все те же общие места буржуазной историографии начала XX в., мертвые, лишенные классового анализа, схемы. Некоторые из этих «историков» пытаются возродить легенду о решающей роли умеренных либералов и Карла-Альберта в событиях революции. Усилия Маркетти, Монти приобретают явно реакционное значение, будучи направлены на реабилитацию Савойской династии, опозорившей себя союзом со злейшими врагами итальянского народа — Муссолини и Гитлером.

Лишь немногие буржуазные историки (Пиери, Чиампини) отмечают роль демократического крыла национального движения, как наиболее решительной движущей силы революции.

Следует отметить возросший интерес, проявляемый многими историками к экономическим и социальным проблемам, к выступлениям и лозунгам отдельных классов. Заметное место в новейшей литературе занимает трехтомная работа прогрессивного историка де Марко, насыщенная ценным фактическим материалом: «Закат папского государства. Папство Григория XVI»; «Пий IX и римская революция 1848 г.»; «Одна социальная революция. Римская Республика 1849 г.».

«Необходимо восстановить историческую правду,— указывал вождь итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти на партийной конференции во Флоренции в январе 1947 г.— Необходимо показать, что история Италии есть история классовой борьбы, что ее прошлое было отмечено стремлением наиболее передовых прогрессивных сил буржуазии, крестьян, рабочих к демократизации Италии. Необходимо далее определить, какие национальные традиции будут нами продолжены и какие отвергнуты, поскольку они не являются нашими традициями и представляют сегодня свинцовые гири, привязанные к ногам итальянского народа».

Если празднование столетия революции 1848—1849 гг. в Италии переросло рамки узко официальных церемоний, то в этом прежде всего заслуга коммунистов, приобщивших к юбилейным торжествам народные массы. Партийная печать, широко отмечавшая основные даты революции, а также политические выступления и другие мероприятия коммунистической партии преследовали одну цель — восстановить в глазах масс подлинное содержание и подлинные традиции первой общенациональной революции в Италии.

Инициатива коммунистов оставила яркий след и в области теоретической разработки проблем революции 1848—1849 гг. Важнейшим вкладом в это дело явились опубликованные в последние годы работы Антонио Грамши: «Письма из тюрьмы», «Исторический материализм и философия Бенедетто Кроче», «Интеллигенция и организация культуры», «Рисорджименто» и «Заметки о Макиавелли, о политике и современном государстве». Эти работы творчески осмысливают многие периоды итальянской истории, наносят удар идеалистическим течениям и создают новую концепцию истории Италии, основанную на марксистско-ленинской теории.

Грамши восстает против буржуазной историографии, тенденциозно изображающей процесс создания итальянского национального государства. Он вскрывает классовую сущность всех созданных ею фальсификаций и призывает изучать историю как живую историю борьбы классов.

Исходя из ленинского принципа партийности исторической науки, Грамши писал: «Если писать историю — означает делать современную историю, то велика та историческая книга, которая в современной

действительности помогает развивающимся силам лучше осознать себя и стать, следовательно, более активными и действенными».

При освещении исторических событий Грамши горячо отстаивает точку зрения пролетариата, его интересы в борьбе против реакционных классов. Прошлое является для него глубоким источником ценного исторического опыта. Так подходит Грамши и к революции 1848—1849 гг., которую он рассматривает как «узловой исторический этап», поскольку события тех лет являются «типичными для изучения социальных и политических сил итальянской нации».

Грамши не удовлетворяется констатацией того факта, что в условиях политической раздробленной Италии главным двигателем прогресса была буржуазия. Он ставит большой важности вопрос: как осуществляла буржуазия выпавшую на ее долю историческую функцию — политическое руководство в деле формирования нации и развития итальянского государства.

«Либералы, приверженцы Кавура,— пишет Грамши,— ... понимали единую Италию как расширение пределов Пьемонтского государства и владений династии, не как национальное движение „снизу", а как королевские завоевания».

Грамши решительно разоблачает политику либералов в 1848—1849 гг. и отмечает, что они «не сумели дать национальному движению ни политического, ни военного направления». Говоря о катастрофе при Новаре, он показывает, что пьемонтское правительство «предпочитало поражение всеобщему итальянскому восстанию». Большое место отводит Грамши буржуазным демократам, «партии действия», которую Грамши противопоставляет умеренным, либералам, как «элемент, в большей мере являвшийся подлинно национальным».

Отмечая большое значение, которое «партия действия» имела в развитии событий, Грамши упоминает о демократическом движении 1848—1849 гг. в Тоскане, в Венецианской области, в Риме, в Ломбардии. Вскрывая причины неудачи революции 1848—1849 гг., Грамши указывает, что ответственность падает не только на умеренных либералов, которых он считает основными виновниками этой неудачи, но и на буржуазных демократов, поскольку поражение революции в конечном счете было вызвано «незрелостью и ограниченной способностью классов, стоявших у руля, осуществить свою руководящую роль».

В чем же видит Грамши несостоятельность и неспособность итальянской буржуазии? Прежде всего в том, что она не сумела стать во главе народа. У народа не оказалось подлинного руководства. Это—центральный тезис Грамши. Грамши правильно отмечает тот факт, что даже передовые слои буржуазии (например, мадзинисты) не поставили аграрного вопроса во всей его широте.

Разработка наследства Грамши, который первым в Италии применил великое учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина к конкретно-историческим фактам итальянской истории, имеет большое значение для марксистского исследования и освещения вопросов истории Италии. В этом направлении и работают теперь итальянские коммунисты. Об этом свидетельствуют, в частности, появившиеся в журналах «Ринашита» и «Сочиета» статьи и очерки, посвященные проблемам революции 1848—1849 гг. Наибольший интерес представляет сборник, изданный теоретическим органом компартии «Ринашита» под редакцией историка Манакорда. Это, несомненно, ценное издание, в котором собрано около 20 статей, охватывающих весьма широкую тематику. Уровень отдельных работ различен. Наряду с работами Тольятти и Серени, дающими марксистское разрешение исторических проблем, встречаются и такие статьи,

которые не свободны еще от влияния буржуазных, идеалистических и объективистских установок.

Экономическая история предреволюционных и революционных лет еще не написана. Многие проблемы лишь затронуты, другие все еще остаются в тени. Не нашла еще решения поставленная Тольятти задача исследования преемственности демократических, народных традиций.

Мощное развитие демократического лагеря в Италии, наличие в ней сильной и боевой коммунистической партии, ведущей непримиримую борьбу с враждебными прогрессу классовыми силами и с их реакционной идеологией, являются залогом успешного развития подлинно научной итальянской историографии.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПОЛЬСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В 1848 Г.

1

Подлинно научную характеристику революционного движения в Польше в 1846—1849 гг. мы находим в трудах классиков марксизма-ленинизма. В своих речах и статьях Маркс и Энгельс (впервые — еще в феврале 1848 г.)[1] дали глубокий анализ условий, перспектив и исторического значения польского национально-освободительного движения. Они заклеймили захватническую политику Пруссии и Австрии в Польше, разоблачили пособничество этой политике со стороны немецкой либеральной буржуазии.

В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина получило высокую оценку национальное движение польского народа в революции 1848 г.: они указывали, что «... поляки и венгры являлись „революционными народами“, боровшимися против абсолютизма»[2]. Из этой оценки польского революционного движения 40-х годов XIX в. исходит советская историческая наука в исследовании истории революционного движения в Польше в 1846—1849 гг.[3]

Остановимся на том, как освещалось это движение в зарубежной, прежде всего в самой польской, историографии.

Поражение революции 1848 г. было тяжелым ударом для лагеря польских буржуазных демократов, активно участвовавших в революции и стремившихся достичь в ходе ее восстановления независимости Польши и демократизации ее социально-экономического строя. На спаде революции и в последовавшую за ее поражением эпоху реакции усилились внутренние противоречия, раздиравшие лагерь польских буржуазных демократов, в подавляющем большинстве шляхтичей по происхождению, углубился идейный распад в их среде, явственно обозначившийся еще в канун революции и в ее начале. Отражением этого явились произведения видных деятелей эмигрантского «Демократического общества» — Хельтмана, Зенковича, Мерославского, которые пытались осмыслить уроки революции 1848 г. Особенно показательной и наиболее важной с точки зрения ее влияния на последующую польскую историографию является книга Мерославского «Познанское восстание 1848 г.» (Париж, 1860).

Мерославский, практический руководитель и неосуществившегося восстания 1846 г. и вооруженной борьбы в апреле — мае 1848 г. в Познанском

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 261—263.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 143.
[3] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 263—266; т. VI, стр. 383, 410; т. XV, стр. 222, 548—551.

герцогстве, в своей книге привел своего рода отчет о причинах неудачи борьбы, которой он лично руководил. Причину поражения Познанского восстания 1848 г. Мерославский видел в самом польском обществе: шляхта, указывал он, оказалась глуха к призывам борьбы за национальную независимость, труслива и эгоистична, ее стремления ограничивались лишь узкоместными интересами, она выпрашивала легальным путем ничтожные уступки у прусского правительства и страшилась революционной борьбы; крестьянство же якобы не думало об освобождении родины. Польское Демократическое общество провозглашало лозунг общенациональной борьбы за независимую и демократическую Польшу. Оно не понимало, что шляхта, к которой прежде всего обращались его призывы, не может как класс поддержать аграрную революцию, что шляхта враждебна ей. Мерославский, далекий от крестьянства, рассматривавший его лишь как пассивное орудие, не увидел в крестьянах ничего, кроме невежественной массы, а их стихийный порыв к аграрной революции, значительно более широкой и последовательной, чем это рисовали в своих планах буржуазные демократы, расценил как стремление к грабежу. Не увидел Мерославский и революционного подъема городских предпролетарских слоев Познани, представителей которых он презрительно третировал. Таким образом, в книге Мерославского как в зеркале отразились пороки польского буржуазно-демократического движения, определившие в свою очередь некоторые причины неудачи революции 1848 г. в Польше.

Книга Мерославского вызвала ряд откликов.

Под сильным влиянием Мерославского написана единственная представляющая интерес немецкая работа о революции 1848 г. в Польше — книга Ганса Шмидта «Польская революция 1848 г. в великом государстве Познанском» (Веймар, 1912).

В защиту познанских деятелей выступил ряд шляхетских писателей, возмущавшихся не клеветой Мерославского на крестьянство, а его справедливыми, хотя и бесплодными упреками шляхте. И в этих ответах на книгу Мерославского, и в других высказываниях консервативных и либеральных шляхетско-буржуазных деятелей о революции 1848 г. явственно звучит одна доминирующая нота: вина за неудачи лежит на «делателях революции» и заключается она в том, что они обращались за помощью к народу, к крестьянству, в том, что они вообще стремились к революции.

Восхваление шляхты остается типичной чертой работ польских историков и в конце XIX — начале XX в., в начальный период империализма, в ту эпоху, когда поколение непосредственных участников революции 1848 г. сходит со сцены, когда после поражения восстания 1863—1864 гг. польская буржуазия полностью и окончательно отворачивается от лозунгов демократической перестройки страны и повстанческой борьбы.

Особенно большая литература появилась в это время в Галиции.

Для польских буржуазно-шляхетских историков Галиции период 40-х годов XIX в. был преддверием к тому режиму, который установился в Галиции во второй половине XIX в., когда польские помещики, убедив австрийское правительство в своей лойяльности, получили полное политическое господство в Галиции, получили возможность душить украинское национальное развитие и закрепили многочисленные пережитки феодальных отношений, неустраненные в ходе половинчатой революции 1848 г. Именно с точки зрения того, в какой мере действия тех или иных лиц и направлений пролагали пути к достижению буржуазных порядков, и рассматривается в этих книгах революция 1848 г. В зависимости от оттенков политической ориентации авторы восхваляли или либералов, которые на деле тормозили развитие революции (Осташевский-Баран-

ский — «Год иллюзий». Злочев, 1890; Шнюр-Пепловский — «Из истории Галиции». Львов, 1895 и др.), или консерваторов (Лисицкий — «Антоний Зигмунт Хельцель». Львов, 1881; Лозинский — «Очерки по истории Галиции». Львов, 1913). В конечном счете, независимо от этих оттенков, все эти авторы сходились в воспевании «патриотизма» галицийской шляхты и единодушно отвергали революционный опыт 1848 г.

Особенно пристальное внимание польских буржуазно-шляхетских историков привлекало крестьянское восстание 1846 г. в Галиции. «Кровавый год», «Кровавая страница» — вот обычные названия книг, посвященных этому восстанию. Об отношении к нему буржуазно-шляхетских историков достаточно красноречиво говорит неизменное наименование этого восстания «резней», «братоубийственной войной» и т. п.

Необходимо добавить, что базой большинства этих произведений служили лишь мемуары, в некоторой степени пресса, богатейший же архивный материал оставался совершенно незатронутым, а в тех редких случаях, когда историки делали попытку привлечь его, они либо давали насквозь тенденциозное, искаженное представление о нем (Лозинский), либо ограничивались чисто механическими сводками (Стебельский — «Львов в 1848 г.», 1909).

Несколько особняком стоят работы Болеслава Лимановского. Лимановский, видный деятель ППС периода ее основания, в своих работах идеализировал слабые стороны польских буржуазных демократов середины XIX в., их стремление к примирению антагонистических классов, их капитулянтство перед буржуазно-помещичьим либерализмом. Но воодушевление, с которым Лимановский говорил о революционной борьбе, резко отрицательное отношение к кумирам польской шляхетской традиции выгодно отличают его работы от массы современных ему польских исторических работ о революции 1848 г. Работы Лимановского, несмотря на их пороки, сохраняют известное значение и в наше время. Наиболее ценные работы Лимановского — «История польской демократии», «Станислав Ворцель» — выпущены в настоящее время новыми изданиями в народно-демократической Польше. К сожалению, эти издания не имеют ни предисловий, ни редакционных примечаний, в которых давалась бы критика общих пороков концепции Лимановского.

Значительное место заняло изучение событий 40-х годов в польской буржуазной историографии 1918—1939 гг. Характерной особенностью этого этапа историографии революции 1848 г. является повышенный интерес к международному аспекту этой проблемы. Из семинара проф. Хандельсмана в Варшавском университете вышел ряд работ о революции 1848 г. Хотя среди этих работ мы находим несколько исследований, посвященных внутрипольским событиям 1848 г. (книга А. Минковской «Тайные организации 1848 г. в королевстве Польском», Варшава, 1923, книга С. Кеневича «Польское общество в познанском восстании 1848 г.» и др.), однако основное внимание участников семинара и в особенности самого руководителя семинара привлекало изучение польского вопроса в революции 1848 г. в международном отношении. На эту тему появились работы М. Хандельсмана «1848 год в Италии и политика князя А. Чарторыйского» (Краков, 1936), «Украинская политика А. Чарторыйского перед Крымской войной» (Варшава, 1937). Кроме того, независимо от семинара Хандельсмана появилось несколько работ, также посвященных международным отношениям в революции 1848 г. Среди них можно отметить книгу «Польский вопрос в 1848 г.» Юзефа Фельдмана, видного польского историка, умершего в 1946 г.

Появление ряда работ, посвященных борьбе за восстановление польской независимости как международному вопросу в революции 1848 г., не слу-

чайно. Сама постановка этого вопроса и трактовка его тесно связаны с проблемой восстановления польской независимости в 1918 г.

Польские буржуазные историки положили немало труда для того, чтобы затемнить и исказить историческую правду о восстановлении независимого Польского государства. Замалчивая или прямо отрицая роль Великой Октябрьской социалистической революции как решающего фактора, обеспечившего государственную независимость Польши, они изображали создание Польского государства в 1918 г. результатом успешных маневров польских буржуазных партий, игравших на противоречиях империалистических великих держав. Буржуазная историография стремилась для подкрепления своих «теорий», а тем самым и для идеологического вооружения и укрепления установленного в Польше режима буржуазно-помещичьей диктатуры, пересмотреть, перестроить в духе этих «теорий» всю концепцию истории польского народа. Одним из важнейших звеньев в истории польского народа, имевшим особое значение для построения фальшивых исторических параллелей, была революция 1848 г.

Работы Хандельсмана и его учеников носят подчеркнуто академический характер. Этому мнимо объективному подходу соответствовало и значительное по сравнению с предшествующими работами количество привлеченных источников, архивного материала. Но всем своим построением, распределением материала, привлекаемыми источниками, выводами эти якобы чисто научные работы стремятся внушить читателю мысль, что не в революционных боях, а в тиши министерских кабинетов решались в 1848 г. судьбы польского народа.

Одним из основных уроков революции 1848 г., утверждали польские буржуазные историки, было то, что надежды на помощь революционных народов Европы оказались ложными. Приписывая трудящимся массам преступления трусливой и контрреволюционной либеральной буржуазии, эти историки стремились внушить мысль, что в Европе вообще не было таких революционных сил, которым были бы близки и дороги интересы польского народа. Они замалчивали или искажали позицию основоположников марксизма, борьбу Маркса и Энгельса за освобождение угнетенных народов, в частности, за освобождение польского народа.

Весьма характерной для польской буржуазной историографии по своей направленности была вышедшая в 1930 г. книга М. Тыровича «Ян Тыссовский, краковский диктатор 1846 г.». В основу своей работы автор положил большой и до того времени неизученный архивный материал, главным образом следственное дело Тыссовского. Ставя знак равенства между Дембовским, одно имя которого вызывало бешеную ярость всех польских контрреволюционеров, и Тыссовским, удостоившимся похвал от лагеря Чарторыйского за свое «благоразумие» и «умеренность», автор пытается поддержать искажающую действительный исторический процесс традицию отождествления революционеров-демократов с либералами, традицию, созданную буржуазной историографией для того, чтобы, с одной стороны, оправдать восхваление таких «отцов народа» как Адам Чарторыйский, а с другой стороны, для того, чтобы выхолостить революционное существо программы польских демократов середины XIX в.

Характеризуя предвоенную польскую историографию, необходимо остановиться еще на одной работе — книге Стефана Кеневича о познанском восстании 1848 г.

Определяя задачу своего исследования, Кеневич указывает, что его интересует в первую очередь внутреннее развитие польского общества. Его книга явственно приобретает характер запоздалого ответа на книгу Мерославского. Кеневич берет под защиту от обвинений Мерославского и познанскую шляхту и крестьянство. В защите шляхты Кеневич не ори-

гинален, и вряд ли есть нужда останавливаться на этом подробнее. Больший интерес представляет «оправдание» крестьянства. Кеневич с самого начала определяет свое отношение к антипомещичьему крестьянскому движению. «Галицийская резня,— говорит он,— была страшным ударом для всего польского общества». Яснее не скажешь! Если для этого антифеодального движения автор не находит достаточно резких слов, то об участии крестьян в познанском восстании 1848 г. он пишет иначе; по мнению Кеневича, оно знаменует собой «примирение» польского помещика с польским крестьянином. Историческое значение познанского восстания автор и усматривает в мнимой ликвидации классовых антагонизмов.

2

Переходя к рассмотрению современной польской литературы по революции 1848 г., нельзя не отметить большого размаха научной работы польских историков в связи со столетним юбилеем революции 1848 г.

Первые работы, посвященные революционным событиям 1846—1848 гг., начали выходить в свет еще в 1946 г. В 1948 г. все исторические и важнейшие общественные журналы посвятили юбилею революции 1848 г. специальные номера или опубликовали ряд отдельных статей. Специальная секция состоявшегося в сентябре 1948 г. во Вроцлаве VII съезда польских историков обсудила 12 докладов, посвященных различным проблемам революции 1848 г. Среди многочисленных книг выделяется монументальное коллективное издание «В столетие Весны народов»[1]. Издание должно составить пять томов: I. Весна народов на польских землях; II. Весна народов в Европе; III. Польский вопрос в Европе. Дипломатия. Вооруженная борьба. Идеология; IV. Польские деятели и идеологи; V. Избранные произведения польских идеологов.

Большой интерес представляет открывающая первый том издания «В столетие Весны народов» статья редактора этого издания, видного прогрессивного польского историка-экономиста, профессора Лодзинского университета Натальи Гонсёровской. Статья эта носит название «Социально-экономическая ситуация на Западе и Востоке Европы в средине XIX столетия». Статья распадается на две самостоятельные части — «Рабочий вопрос во Франции» и «Крестьянский вопрос в Польше». Не решая проблемы истоков революции 1848 г. в целом, статья Н. Гонсёровской выделяет ее важнейшие стороны и (что особенно важно для правильного понимания революции 1848 г. в Польше) подчеркивает основной социальный вопрос, стоявший перед этой революцией.

Если первая часть статьи Гонсёровской носит лишь общий, эскизный характер, то вторая часть, посвященная Польше, является, на наш взгляд, наилучшим в существующей литературе очерком социально-экономического строя польских земель накануне революции 1848 г., базой для дальнейшего знакомства и изучения истории самой революции. Здесь следует отметить лишь один существенный недостаток: дав весь необходимый материал, вплотную подведя читателя к пониманию вывода, сделанного основоположниками марксизма о том, что лишь аграрная революция, установление аграрной демократии могло обеспечить прогрессивное развитие Польши, Гонсёровская не делает сама этого вывода, не формулу-

---

[1] Следует отметить, что этот не имеющий распространения в нашей исторической науке термин широко применяется польскими историками. За ним закрепилась уже прочная традиция, но применение его несомненно лишь мешает правильному научному анализу революции 1848 г.

лирует того положения, которое должно было явиться как бы эпиграфом ко всей книге о революции 1848 г. на польских землях.

Весь этот том, представляющий одно из наиболее ценных новых изданий, состоит из очерков, охватывающих в совокупности все польские земли, но очерки эти, принадлежащие перу разных авторов, не связанные тесно между собою, не составляют единой синтетической работы о революции 1848 г. в Польше.

Между тем, потребность в связном изложении всей революции 1848 г. в Польше несомненно ощущается. Появился лишь один такой очерк и, к сожалению, весьма неудачный,— книга Стефана Кеневича «Поляки в эпоху Весны народов». Кеневич «по-старинке» рисует предпосылки революции 1848 г., почти не говоря о социально-экономических условиях в стране и изображая основной движущей силой революции эмиграцию. Известно, однако, что эмигрант эмигранту — рознь. Под пером Кеневича все оттенки эмиграции сливаются в единый патриотический лагерь. Чарторыйский, заявляет Кеневич, «также принял принципы отмены барщины и предоставления собственности крестьянству, влияя в этом духе на своих сторонников в стране». Автор ни слова не говорит о том, что, в отличие от революционных демократов, Чарторыйский был вынужден согласиться на этот принцип перед лицом надвигавшейся революции, что отмену барщины он хотел произвести за выкуп, что целью Чарторыйского было предотвратить революционный взрыв при помощи некоторых реформ. Крестьянское восстание 1846 г. неизменно именуется «резней» в духе худших традиций реакционной историографии.

Совершенно новым явлением в современной польской историографии стало принявшее уже широкие размеры изучение революции 1848 г. на ныне возвращенных польских землях—в Силезии, на Поморье, у мазур.

Статьи И. Петшак-Павловской «Годы перелома в Мазурских районах Восточной Пруссии» в книге «В столетие Весны народов», т. 1 (Варшава, 1948) и А. Войтковского «Пробуждение национального самосознания у польских мазур» (опубликовано в материалах VII съезда польских историков) воссоздают не столько сравнительно небогатую событиями хронику революции 1848 г. в мазурских районах Восточной Пруссии, сколько картину происходившего в 1840-х годах национального возрождения мазур — этого веками оторванного от своего народа польского населения Восточной Пруссии.

Широко развернулось изучение революции 1848 г. в Силезии. Несмотря на то, что серьезное изучение революции 1848 г. в Силезии начато сравнительно недавно, польские историки добились в этой области уже заметных результатов. Отметив значение 1848 г. в польском национальном возрождении в Силезии, польские историки основное внимание сосредоточили на движении социальном — выступлениях верхнесилезского пролетариата и крестьянства. Исследования охватывают период, начиная с 1845 г. Относительно невелики результаты, достигнутые в области изучения революции 1848 г. в Великой Польше — Познанском герцогстве, в котором происходили едва ли не самые яркие события 1848 г. в Польше. Продукция в этой области невелика и не дает ни существенно нового материала, ни развернутого пересмотра созданных буржуазной историографией концепций познанского восстания.

Книга Янины Беняжувны «Из истории либерального и конспиративного Кракова (1833—1848)» представляет собой исследование, основанное на значительном круге источников. Особенный интерес, с точки зрения изучения истоков революции 1846—1848 гг., представляет большой и ценный материал о тайных патриотических обществах в Кракове и Западной Галиции, о зачатках революционных организаций среди краковского

плебса. Для революционного периода 1846—1848 гг. книга Беняжувны дает меньше, однако небольшой очерк, посвященный Краковскому восстанию 1846 г., очень удачен; автор ярко и выпукло обрисовал фигуру выдающегося деятеля этого восстания — Дембовского. Менее удались главы о Кракове в 1848 г.

Более всего работ о Галиции в 1848 г. издано Кеневичем. Эти работы имеют несомненные достоинства по сравнению с существовавшей до сих пор польской литературой. Вместе с тем, они далеко не всегда правильно разрешают поставленные проблемы. Необходимо, однако, при общей оценке этих работ иметь в виду то обстоятельство, что почти все польские буржуазные работы о Галиции в 1848 г. носили яркую антиукраинскую окраску, были проникнуты духом воинствующего шовинизма, клеветнически искажали роль украинского народного движения, взваливая на него ответственность за поражение революции. Статьи Кеневича порывают с этой тенденцией, они свободны от шовинистической окраски.

Подводя итоги этого обзора новейшей польской литературы по вопросам революции 1848 г. в Польше, мы должны прежде всего отметить, что польская историческая наука вступила в полосу серьезного перелома. Характерно появление численно небольшой, но боевой, активно и целеустремленно работающей группы историков-марксистов. Польские историки-марксисты олицетворяют собой то новое, которому принадлежит будущее, завтрашний день польской исторической науки. И уже сейчас налицо огромная тяга значительной части польских историков к марксизму-ленинизму — единственно научному методу исторического исследования, единственному пути плодотворного служения ученого своему народу, строящему социалистическое общество.

Исследование революции 1848 г. было для польских историков не простой данью очередному юбилею. Во многих работах историки более или менее правильно, с бо̀льшим или меньшим пониманием законов развития общества, ставили вопрос: чем связаны события 1848 г. с сегодняшним днем польского народа, чему должен учиться польский народ, отмечая эту юбилейную дату? Яркий и правильный ответ на этот закономерный вопрос был дан президентом Польши Болеславом Берутом в его речи на массовом митинге в честь столетия победы польских повстанцев под Милославом.

«Мы собрались сегодня в одном из исторических мест этой борьбы не только для того, чтобы почтить память ее участников, отдать дань героическим борцам — нашим прадедам 1848 г. Мы должны также ответить себе на вопрос: за что боролись тогда и почему эта борьба окончилась поражением...

Это был один из этапов многовековой борьбы, вытекавшей из противоположности интересов крестьянства и шляхты, бедняков и эксплуататоров, первые бои закаляющегося в борьбе рабочего класса с силами тогдашней реакции.

Неправы те, кто стремится оторвать тогдашнюю борьбу польского трудового народа за национальное освобождение от ее социальной основы — от борьбы с эксплуатацией, с угнетением, с несправедливостью.

Разумеется, в освобождении страны от власти захватчиков были заинтересованы также польские магнаты и шляхта, лишенные правительствами захватчиков одной из важных, лишь им принадлежавших ранее привилегий — государственной власти. Но именно уроки 1848 года, как и многих других освободительных боев, особенно ярко подчеркивают то, что с того момента, как национально-освободительная борьба объединилась с лозунгами улучшения положения трудового народа, привилегированные слои готовы были пойти на любое соглашение с правительствами захватчиков, лишь бы не потерять своих сословных привилегий.

Это объясняет нам также причину многих поражений, которые мы потерпели в борьбе за национальное освобождение. В этой борьбе шляхта, как правило, становилась фактором, парализующим силы нации изнутри».

Берут закончил свою речь словами:

«Сто лет назад польский крестьянин проиграл бой, ибо не имел надежного союзника. Сейчас польский крестьянин связан братским, неразрывным союзом с польским рабочим, с героическим польским рабочим классом. Поэтому сегодняшнее торжество является одновременно укреплением рабоче-крестьянского союза. Сейчас польский крестьянин, поняв вековые уроки, связал свою судьбу с борьбой всех мировых прогрессивных сил за мир и социальную справедливость.

Сейчас, когда Западная Германия с соизволения своих опекунов должна превратиться в новую Пруссию, в нового жандарма Европы, в новый очаг агрессии,— уроки 1848 года еще более укрепляют наше чувство солидарности со всеми силами прогресса, со всеми народами, защищающими дело мира против поджигателей войны, и прежде всего с нашим могучим союзником — Советским Союзом и странами народной демократии».

ИСТОРИОГРАФИЯ КЛАССОВОЙ И НА ИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ЧЕХИИ В 1848 Г.

1

Исследование истории классовой и национальной борьбы в Чехии в 1848 г. возможно лишь на основе тщательного изучения трудов классиков марксизма-ленинизма, дающих ключ к пониманию сущности происходивших в чешских землях в этот период событий.

Работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина, относящиеся к революции 1848 г. во Франции, Германии, Австрии, Венгрии, гениальные труды Ленина и Сталина по национальному вопросу, ряд статей Маркса и Энгельса, непосредственно посвященных событиям в Чехии («Пражское восстание», «Внешняя политика Германии и последние события в Праге» — Соч., т. VI), важнейшие указания Ленина и Сталина о характере чешского национального движения в период революции 1848 г. (В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 139, 325—326; И. В. Сталин. Соч., т. 6, стр. 142—143) и множество других работ классиков марксизма-ленинизма составляют прочную теоретическую основу исторического исследования классовой и национальной борьбы в Чехии в период революции 1848 г.

Наибольшее количество специальных работ о революционном движении в 1848 г. в Чехии принадлежит перу чешских авторов. Как и в других странах, статьи и публикации, относящиеся к событиям 1848 г., появились уже во время революции, в 1848—1849 гг. Авторы этих работ стремились обосновать свою политическую позицию, занятую в ходе революции. Большое количество разных работ было опубликовано в Чехии в 1898 г., в связи с пятидесятилетием революции 1848 г. Открытие ряда австрийских архивов в 1918 г. и 80-летний юбилей революции в 1928 г. вызвали появление новой волны публикаций и работ. В 1948 г., в столетнюю годовщину революции, уже в условиях существования народно-демократической Чехословакии, история национально-политической борьбы в Чехии в 1848—1849 гг. стала вновь в центре внимания чешских историков, принадлежащих к различным политическим направлениям.

Нет необходимости подробно останавливаться на каждой из посвященных событиям 1848 г. в Чехии работ чешских авторов из буржуазного лагеря (Иозефа Тоужимского, Яна Черного, Анны Бейеровой, Карла

Казбунды, Зденека Тоболки), поскольку в теоретическом отношении они, по существу, ничем друг от друга не отличаются.

Подавляющее большинство буржуазных авторов стоит на либерально-буржуазных, националистических позициях и именно с этих порочных позиций изображает события 1848—1849 гг. Вот отличительные черты буржуазно-националистической концепции этих историков: чешский народ в целом выступил в этот период на борьбу за свои национальные права; возглавляла эту борьбу группа общенациональных руководителей, «вождей народа»; борьба шла под общими, едиными для всех классов чешского народа лозунгами; и, таким образом, в среде чешского народа не было классового антагонизма; чехи были вынуждены обороняться против немецкой, античешской, антиславянской политики, национальная борьба чешского народа была на всем своем протяжении прогрессивным движением.

Каждый из упомянутых выше авторов ставил перед собой задачу привить чешским народным массам националистическую идеологию, внушить им мысль о недопустимости и вредности революционной, классовой борьбы, убедить их в том, что интересы буржуазии отражают в полной мере интересы всей нации в целом, объединить все классы чешского народа под единым буржуазно-национальным знаменем. С этой целью чешские буржуазные историки непомерно превозносили реакционную политику чешской либеральной буржуазии, как якобы единственно «разумную», и в то же время опорочивали все чешские демократические, революционные направления и элементы. Дело не менялось от того, что одни авторы почти вовсе замалчивали эти направления и элементы (Томек, Черный, Пекарж и пр.), а другие (Масарик, Тоболка и пр.) уделяли демократам в своих работах значительное место. Масарик и его школа уже вынуждены были считаться с наличием материалов и документов, характеризующих деятельность чешских демократов, возглавивших революционные выступления крестьянства и пролетариата Чехии. Однако главной своей задачей они ставили компрометацию этих демократов и избранных ими революционных методов борьбы.

Фальсифицировалась история событий 1848 г. и во всех общих курсах истории Чехословакии до самого последнего времени (например, в «Чехословацкой истории» Камила Крофты, «Очерке чехословацкой истории» Зденека Калисты и проч.). Однако в последние десятилетия стали появляться и такие работы, авторы которых стремятся подойти к освещению событий 1848 г. в Чехии с марксистских позиций. Так оценивается чешское общественное движение 1848—1849 гг. в работах одного из руководителей коммунистической партии Чехословакии Яна Швермы, который уже в 30-х годах по-новому, на основе марксистско-ленинского учения, писал о национальном вопросе и о буржуазно-демократической революции. Вместе с тем некоторые чешские историки, пытавшиеся тогда же, до второй мировой войны, встать на марксистскую точку зрения, не сумели этого сделать и скатились на анархистские позиции, как, например, Вацлав Чейхан, в течение долгого времени занимавшийся восхвалением «революционной» деятельности Бакунина и лишь недавно отказавшийся от этой порочной позиции.

Точка зрения буржуазной историографии стала подвергаться существенному пересмотру во время столетнего юбилея революции 1848 г. в работах чехословацких коммунистов Вацлава Гусы, Арношта Климы, Ольдржиха Ржиги и ряда других историков, положивших в основу своих исследований учение марксизма-ленинизма.

Вацлав Гуса в своей книге «Эпохи чешской истории» (Прага, 1947) и в двух статьях, помещенных в сборнике докладов Славянского института

(Прага, 1948) и в журнале «Творба» (№ 23 за 1948 г.), правильно ставит вопрос о значении революции 1848 г. в истории чешского народа, о роли чешского национального движения в ходе общеевропейской революции, рассматривая, однако, эти вопросы в чисто теоретическом плане и не привлекая в доказательство своих положений сколько-нибудь обширного фактического материала.

Работы чешских историков, стоящих на марксистских позициях или приближающихся к ним, представляют собой, как правило, небольшие статьи. Первая книга, посвященная событиям 1848 г. в Чехии, принадлежащая историку-коммунисту, появилась в 1948 г.— это работа А. Климы «1848 год в Чехии» (Прага, 1948; русский перевод — М., 1949). В ней отразились как успехи чешских историков в разработке этой проблемы, так и слабые стороны современной чешской прогрессивной историографии.

Клима правильно связывает начало чешского национального движения в период, предшествовавший 1848 г., с возникновением в Чехии капиталистических отношений и формированием в ней класса буржуазии. Анализируя события 1848 г. в Чехии, Клима вскрывает причины этих событий и находит объяснение позиций различных классов и политических направлений в экономических и социальных условиях жизни. Он опровергает буржуазно-националистическую трактовку общественного движения 1848 г. как «общенародного», с едиными для всех классов чешского народа лозунгами, имевшего якобы на всем своем протяжении прогрессивный характер. Клима раскрывает существовавшие тогда классовые противоречия и их значение в образовании двух лагерей чешской буржуазии — либерального и радикально-демократического.

На ряде примеров Клима показывает коренную противоположность интересов трудящихся масс чешского народа — пролетариата и крестьянства — интересам чешской буржуазии и дворянства. Он разоблачает миф о прогрессивной роли Палацкого, Ригера и других реакционных политиканов.

Клима в основном верно понимает отношение Маркса и Энгельса к тем революционным выступлениям, которые происходили в Чехии в 1848 г., в частности к революционному пражскому восстанию 12—17 июня 1848 г.; но он не раскрывает известных указаний классиков марксизма о реакционности чешского национального движения в период революции 1848 г. и даже не приводит этих указаний.

Клима подробно освещает деятельность славянского съезда в Праге, но недостаточно ясными остаются в его книге причины созыва этого съезда и его роль в 1848 г. и в дальнейших исторических судьбах чешского народа.

Клима отмечает, что пражское восстание оказало большое влияние на провинцию, на подъем антифеодальной борьбы крестьянства и т. д., но не дает развернутой картины этой борьбы. Общая оценка итогов 1848 г. в книге Климы страдает неполнотой и нечеткостью. Тем не менее книга Климы, как и названные выше работы других чехословацких историков-марксистов, свидетельствует о том, что прогрессивная чехословацкая историография серьезно пересматривает старую буржуазную трактовку событий в чешских землях в 1848 г.

2

Русская дореволюционная дворянская и буржуазная историография освещала национально-политическую борьбу в Чехии в 1848 г. в общем плане истории так называемого «чешского национального возрождения». Этот

вопрос рассматривается в таких работах, как, например, «Славянское возрождение» В. Щепкина («Книга для чтения по истории Нового времени», вып. IV, 1913), «Очерки по истории чешского возрождения» В. Францева («Русско-чешские ученые связи конца XVIII и первой половины XIX столетий», Варшава, 1902) и т. п. Дворянские и буржуазные историки отрывали при этом процесс «национального возрождения» Чехии от экономического развития чешских земель и изображали «возрождение» главным образом как общенациональное чешское движение под руководством «великих» вождей и ученых — Палацкого (ему посвящена работа А. С. Будиловича — «К характеристике Палацкого», Юрьев, 1889), Ригера (А. С. Будилович —«К характеристике доктора Франтишка Ладислава Ригера», «Новый сборник статей по славяноведению по случаю 50-летия ученой деятельности Ламанского», СПб., 1905), Шафарика (П. Лавров—«Жизнь и ученая деятельность П. Шафарика», М., 1898).

Специально событиям 1848—1849 гг. в Чехии и других славянских землях Австрии в русской дореволюционной литературе были посвящены статьи П. Ровинского «Чехи в 1848 и 1849 годах» («Вестник Европы», 1870, № 1—2), И. Левина «Социальная и национальная борьба в Австрии в 1848 году» («Книга для чтения по истории Нового времени», вып. IV, ч. 1, История Западной Европы, М., 1913) и И. Первольфа «Австрийские славяне в 1848—49 гг.» («Вестник Европы», 1879, кн. 4). Все эти авторы не дают классового анализа движения, хотя и упоминают о дворянах, мещанах, рабочих. Все свое внимание они сосредоточивают на деятельности представителей дворянско-буржуазного лагеря, полностью одобряя эту деятельность. Движение народных масс и все вообще революционные выступления опорочиваются или замалчиваются этими историками.Они много говорят о «славянской взаимности», «славянской солидарности», вовсе не раскрывая, однако, реакционного существа таких, имевших в 1848 г. хождение теорий, как, например, австрославизм.

Совершенно обходится этими авторами вопрос о контрреволюционной роли славянских буржуазно-национальных движений этого периода, о месте этих движений в ходе европейской революции. По существу с тех же позиций освещается проблема чешского национально-политического движения и в соответствующих разделах ряда общих работ русских авторов из дворянско-буржуазного лагеря. Таковы работы А. Гильфердинга («Очерки истории Чехии». Соч., т. I, СПб., 1893), А. Л. Погодина («Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г.». М., 1915) и М. К. Любавского («История западных славян—прибалтийских, чехов и поляков», изд. 2-е, М., 1918).

Демократическое направление в русской дореволюционной историографии Чехии коренным образом отличалось по своему подходу к вопросам истории 1848 г. Это направление было представлено великим русским революционером-демократом Н. Г. Чернышевским, показавшим роль антифеодальной борьбы славянских народных масс, разоблачившим предательскую политику славянской буржуазии и осудившим шовинистическую, антиславянскую политику австрийской буржуазии и венгерского дворянства[1]. Освещая события 1848 г. в славянских странах, Чернышевский приближался к точке зрения Маркса и Энгельса.

3

Немецкая буржуазная и социал-демократическая историография рассматривала происходившие в Чехии в 1848 г. события с националистиче-

[1] Н. Г. Чернышевский. Предисловие к нынешним австрийским делам. Полн. собр. соч., т. VIII, изд. 1950 г., стр. 433—465.

ских позиций, враждебных как национальному чешскому движению, так и тем демократическим, революционным выступлениям чешского крестьянства и пролетариата, которые имели место в первые месяцы революции.

Из немецких авторов наибольшее количество работ и статей посвятил чешским событиям Иозеф Гельферт, находившийся на службе у австрийских правительственных органов и имевший доступ к правительственным архивам, в том числе дипломатическим и военным. Несмотря на обильно привлекаемый им документальный материал, работы Гельферта не имеют научной ценности, поскольку они насквозь пронизаны немецким национализмом и ненавистью ко всем революционным и демократическим движениям и построены на сугубо тенденциозном, пристрастном подборе материала, призванном очернить все революционные выступления и оправдать политику венского правительства. Работы Гельферта — типичный образец официальной габсбургской придворной «историографии».

Националистическими и централистскими тенденциями проникнута и работа Антонина Шпрингера «История Австрии от Венского мира 1809 г.» (Лейпциг, 1863), враждебно относящегося к чешскому и венгерскому народам. Сравнительно подробно, хотя и поверхностно, излагающая внешнюю сторону событий 1848—1849 гг. работа Альфреда Скене «Зарождение и развитие славянского национального движения в Богемии и Моравии в XIX столетии» (Вена, 1893) также является насквозь националистической и грубо искажает подлинный ход событий в Чехии. То же самое можно сказать в той или иной степени и о работах Майнерта «История событий 1848—1849 годов в Австрийской монархии» (Вена, 1853), Р. Харматца «Внутренняя история Австрии от 1848 г. до 1907» (Лейпциг, 1909). Ф. Валентина «История немецкой революции 1848—49» (Берлин, 1930—1931), М. Баха «История австрийской революции 1848 г.» (М. — Пг., 1923), В. Блоса «История германской революции 1848 г.» (СПб., 1906) и других немецких историков. Так, достаточно познакомиться с тем, как описывает Валентин славянский съезд и особенно пражское восстание, чтобы убедиться в симпатиях его к Виндишгрецу и в ненависти к повстанцам.

Совершенно особое место в немецкой историографии заняла недавно опубликованная в Вене книга австрийского коммуниста Эрнста Фишера «Австрия в 1848 г.» (Вена, 1946).

В этой работе совершенно по-новому для австрийской историографии, с марксистских позиций ставится и анализируется национальный вопрос. Впервые в австрийской историографии изложению и анализу событий в славянских и других не-немецких землях империи уделяется первостепенное место. Э. Фишер подчеркивает, что «решающим вопросом австрийской революции были отношения между чехами и австрийцами»; задача состояла в том, чтобы прогрессивные, демократические немцы выступали в союзе с демократами-чехами; но «немецкая буржуазия не поняла этой необходимости». Между тем «чешские демократы весьма искренно стремились сотрудничать с венцами и присоединиться к ним телом и душой — под само собой разумеющимся условием: что будут даны гарантии полного национального равноправия».

Глава шестьдесят четвертая

ХАРАКТЕР, ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИТОГИ РЕВОЛЮЦИЙ 1848—1849 ГГ.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 Г. ВО ФРАНЦИИ

Объективной задачей революции 1848 г. во Франции было покончить с господством финансовой аристократии, задерживавшим экономическое развитие страны, нарушавшим интересы ее промышленности, сельского хозяйства и торговли, и полностью расчистить дорогу господству промышленной буржуазии. В области политической перед революцией 1848 г. стояла задача уничтожения цензовой монархии и ее замены буржуазно-демократической республикой.

Движущими силами французской революции 1848 г. были народные массы, преимущественно трудящиеся слои населения промышленных городов. Решающую роль в свержении Июльской монархии и установлении Второй республики сыграл рабочий класс, тяжело страдавший от промышленного переворота и от реакционной политической системы Июльской монархии. 18 лет Июльской монархии были временем роста классовой борьбы французского пролетариата, временем развития и распространения в его среде социалистических и коммунистических идей. Экономический кризис 1847—1848 гг., еще более обостривший нужду и бедствия трудящихся масс, привел вместе с тем к «полевению» широких слоев буржуазии, к росту революционной активности рабочего класса, к созданию революционной ситуации.

«Парижские рабочие, поддержанные рабочими крупных провинциальных городов,— писал в 1877 г. Энгельс,— со времен Великой революции всегда были силой в государстве. В течение уже почти девяноста лет они являлись боевой армией прогресса. При каждом крупном кризисе французской истории они выходили на улицы, вооружались чем только могли, воздвигали баррикады и вступали в бой. И их победа или поражение решали судьбу Франции на последующие годы. С 1789 по 1830 г. буржуазные революции решались борьбой парижских рабочих; это они в 1848 г. завоевали республику...» [1]

В отличие от июльской революции 1830 г.— революции буржуазной, февральская революция 1848 г. была революцией буржуазно-демократической. Это была одна из тех революций, в которых «...масса народа, большинство его, самые глубокие общественные «низы», задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 402.

наложили на весь ход революции отпечаток *своих* требований, *своих* попыток по-своему построить новое общество, на место разрушаемого старого»[1].

Передовые рабочие Парижа, свергая в феврале 1848 г. буржуазную монархию, мечтали о такой республике, которая не только дала бы народу политические свободы, но и освободила бы трудящихся от капиталистического гнета. Эта отличительная особенность революции 1848 г. проявилась уже в первые ее дни — и в борьбе за красное знамя, и в требовании провозглашения «права на труд», и в лозунге «демократической и социальной республики», которая противопоставлялась «республике капитала и привилегий». «Повсюду эта революция,— писал в 1893 г. Энгельс,— была делом рабочего класса; именно он строил баррикады и жертвовал своей жизнью. Но одни только парижские рабочие, свергая правительство, имели совершенно определенное намерение свергнуть и буржуазный строй. Все же, хотя они уже вполне сознавали антагонизм, который существует между рабочим классом и буржуазией, ни экономическое развитие страны, ни умственный уровень массы французских рабочих не достигли еще той ступени, на которой было бы возможно социальное переустройство. Поэтому плоды революции достались в конечном счете классу капиталистов»[2].

Вследствие недостаточной зрелости и слабой организованности рабочего класса руководящая роль в революции 1848 г. досталась не ему, а либеральной буржуазии и отчасти демократической мелкой буржуазии.

Недостаточная зрелость рабочего класса в 1848 г. ясно обнаружилась и в том, что наибольшим влиянием пользовались в его среде мелкобуржуазные социалисты вроде Луи Блана, которые своей соглашательской тактикой предали интересы пролетариата и расчистили путь буржуазной контрреволюции. «На словах и Луи Блан был, как небо от земли, далек от Кавеньяка. Обещаний „бороться в одних рядах“ вместе с революционными рабочими против буржуазных контрреволюционеров и Луи Блан давал бесчисленное множество. И в то же время ни один историк-марксист, ни один социалист не посмеет усомниться в том, что именно слабость, шаткость, доверчивость к буржуазии со стороны Луи Бланов родили Кавеньяка, дали ему успех»[3].

Одной из важнейших особенностей революция 1848 г. во Франции (в отличие от революции 1789—1794 гг.) было то, что она развивалась по нисходящей линии. В первый период революции — с 24 февраля до 4 мая, период, который характеризуется Марксом как «пролог революции»,— рабочие и демократы Парижа, вооружившиеся в дни февральских боев и создавшие собственную политическую организацию в виде революционных клубов, представляли собой силу, с которой вынуждено было считаться Временное правительство. В этот период трудящиеся массы добились некоторых социальных реформ и политических свобод. Но, с одной стороны, массы склонны были преувеличивать реальное значение завоеванных свобод, а с другой стороны, их прочному существованию угрожали контрреволюционные силы, активность которых поощрялась политикой правительства.

Новое соотношение классовых сил в стране, сложившееся ко времени выборов в Учредительное собрание, позволило окрепшей контрреволюции развернуть открытое наступление против рабочего класса; ярким проявлением этого явились руанские события 27—28 апреля. Поражение, понесенное на выборах демократическими и социалистическими группами, объяс-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 388.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 326.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 78.

няется тем, что пролетариат оказался изолированным, что против него выступали не только крупные капиталисты, но и мелкая буржуазия и крестьянство, обманутые антикоммунистической пропагандой врагов республики, которые использовали недовольство, вызванное в деревне налоговой политикой Временного правительства.

Открытие Учредительного собрания, заседания которого начались 4 мая, положило начало *второму периоду* в истории революции 1848 г.— периоду «конституирования республики и Учредительного национального собрания». Время «всеобщего братания» сменилось борьбой «всех классов против пролетариата»[1]. В отличие от Временного правительства, представлявшего собой коалицию буржуазных республиканцев, мелкобуржуазных демократов и мелкобуржуазных социалистов, в новое правительство (Исполнительную комиссию) не был включен ни один социалист.

Решающей схваткой между силами революции и силами контрреволюции явилось июньское восстание парижских рабочих. «Это была первая великая битва между обоими классами, на которые распадается современное общество. Это была борьба за сохранение или уничтожение *буржуазного* строя»[2]. Основной причиной поражения июньского восстания было то, что восставшие рабочие не получили поддержки ни со стороны городской мелкой буржуазии, ни со стороны крестьянства.

Разгром июньского восстания явился переломным моментом в развитии революции 1848 г. и знаменовал собою торжество буржуазной контрреволюции. Теперь из правительства были удалены мелкобуржуазные демократы, и вся власть сосредоточилась в руках буржуазных республиканцев правого крыла — в руках партии «Насиональ» и ее ставленника — генерала Кавеньяка.

Военная диктатура Кавеньяка расчистила дорогу бонапартистской диктатуре. Президентские выборы 10 декабря 1848 г., приведшие к избранию Луи Бонапарта, за которого голосовали крестьянство, большая часть буржуазии, армия, означали отстранение от власти буржуазных республиканцев. Во главе правительства стали монархисты. Началась борьба Учредительного собрания с Луи Бонапартом и соединившейся с ним «партией порядка».

Второй период революции 1848 г. закончился падением республиканской буржуазии. С 29 мая 1849 г. начался т р е т и й п е р и о д — период конституционной республики и Законодательного национального собрания.

Место Учредительного собрания заняло Законодательное собрание, состоявшее на две трети из представителей двух монархических партий — легитимистов и орлеанистов, объединенных в контрреволюционную «партию порядка». Выборы в Законодательное собрание обнаружили новое обострение классовых противоречий в стране.

Первые недели существования Законодательного собрания (29 мая — 13 июня 1849 г.) отмечены были острой борьбой между его контрреволюционным большинством и мелкобуржуазным демократическим меньшинством. Поводом к решающему столкновению послужила контрреволюционная интервенция французского правительства в дела Римской республики. Но мелкобуржуазные республиканцы, возглавлявшие в июне 1849 г демократический лагерь, проявили полную неспособность к решительной, революционной борьбе. Организованная ими 13 июня 1849 г. демонстрация в защиту конституции потерпела полную неудачу.

Буржуазная контрреволюция одержала 13 июня 1849 г. новую победу. Левое крыло республиканской партии было фактически разгромлено.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 399.
[2] Там же стр. 23.

Начался новый этап в истории Второй республики: установилась «парламентская диктатура партии порядка»[1], которая продолжалась с 13 июня 1849 г. до 31 мая 1850 г.

За это время был проведен ряд новых реакционных законов и была ликвидирована большая часть политических свобод, завоеванных французским народом в результате февральской революции (передача школьного образования под контроль духовенства, отмена всеобщего избирательного права и т. п.). Улучшение экономической конъюнктуры, наступившее во второй половине 1849 г., способствовало упадку революционной активности среди трудящихся масс.

С 31 мая 1850 г. в истории Второй республики начался новый этап, главным содержанием которого была борьба за власть между президентом и буржуазным парламентом. Борьба эта завершилась государственным переворотом 2 декабря 1851 г., разгоном Законодательного собрания, падением парламентского режима и установлением бонапартистской диктатуры. Крупная буржуазия, напуганная революционной активностью рабочего класса в 1848 г., приветствовала падение парламентского режима и установление бонапартистской диктатуры. Передовые рабочие, ремесленники, часть крестьянства выступили против переворота, но широкие массы, обезоруженные после июньской бойни, остались в стороне от борьбы. Дело в том, что к этому моменту почти все демократические завоевания февральской революции уже были отняты у трудящихся той самой парламентской республикой, против которой был направлен бонапартистский переворот. К тому же «...подлинная мощь, цвет революционного рабочего класса был или убит во время июньского восстания, или выслан и заключен в тюрьмы по бесчисленным *разнообразным* предлогам после июньских событий»[2].

Передовые слои крестьянства поднялись на защиту республики, но огромное большинство сельского населения, недовольное политикой буржуазных республиканцев, продолжало верить демагогическим обещаниям бонапартистов, выдававших себя за друзей простого народа и суливших крестьянам отмену тяжелых налогов.

2 декабря 1852 г. Луи Бонапарт был провозглашен императором под именем Наполеона III. Вторую республику сменила Вторая империя (1852—1870). К власти пришли самые реакционные и самые агрессивные слои крупной буржуазии. Полицейско-бюрократическая машина буржуазного государства усилилась в еще небывалах размерах. Все демократические свободы, завоеванные в февральской революции 1848 г., были уничтожены. Характеризуя бонапартистскую контрреволюцию, Ленин писал: «Бонапартизм есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции»[3]. «...Лавирование опирающейся на военщину (на худшие элементы войска) государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравновешивающими друг друга» — вот в чем усматривал Ленин «...основной исторический признак бонапартизма»[4].

Поражение революции 1848 г., надолго ослабившее рабочий класс, имело самые отрицательные последствия для судеб Франции — не только для ее демократических свобод, но и для ее национальной безопасности. Бонапартистская клика за 18 лет своего хозяйничания истощила силы стра-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 400

[2] Там же, стр. 421.

[3] В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 233.

[4] Там же, стр. 200.

ны, подорвала ее обороноспособность и привела ее к военной катастрофе 1870 г.

Установление бонапартистского режима в 1851 г. свидетельствовало о незавершенности буржуазно-демократической революции во Франции и после 1848 г. Под термином завершение буржуазно-демократической революции,—указывал Ленин,— «вообще говоря,... можно понимать две вещи. Если его употребляют в широком смысле, то под ним разумеют решение объективных исторических задач буржуазной революции, „завершение" ее, т. е. устранение самой почвы, способной родить буржуазную революцию, завершение *всего цикла* буржуазных революций. В этом смысле, например, во Франции буржуазно-демократическая революция *завершена* была лишь 1871-ым годом (а начата в 1789 г.). Если же употребляют слово в узком смысле, то имеют в виду революцию отдельную, одну из буржуазных революций, одну из „волн", если хотите, которая бьет старый режим, но не добивает его, не устраняет почвы для следующих буржуазных революций. В этом смысле революция 1848-го года в Германии была „завершена" в 1850 году или в 50-х годах, нисколько не устранив этим почвы для революционного подъема 60-х годов. Революция 1789 года во Франции была „завершена", скажем, в 1794 году, нисколько нс устранив этим почвы для революций 1830, 1848 годов»[1].

Прошло восемьдесят лет с начала первой французской революции. «И демократия Франции, с рабочим классом во главе, *вопреки* колебаниям, изменам, контрреволюционному настроению либеральной буржуазии, создала, после долгого ряда тяжелых „кампаний", тот политический строй, который упрочился с 1871-го года. В начале эпохи буржуазных революций либеральная французская буржуазия была монархической; в конце долгого периода буржуазных революций — по мере увеличивающейся решительности и самостоятельности выступлений пролетариата и демократически буржуазных... элементов — французская буржуазия вся была *переделана* в республиканскую, перевоспитана, переобучена, перерождена»[2].

Однако Третья республика (1870—1940), несмотря на свою демократическую форму, была чрезвычайно далека от действительного демократизма. Это была «финансовая олигархия», это было реакционное буржуазное государство, в котором экономическое и политическое господство принадлежало кучке крупных капиталистов — «200 семействам». Своей предательской политикой они довели Францию в 1940 г. до неслыханного национального унижения.

Уроки революции 1848 г. во Франции сыграли большую роль в развитии марксистско-ленинского учения о классовой борьбе. Опираясь на опыт июньского восстания парижских рабочих, самого значительного из вооруженных восстаний того времени, Маркс и Энгельс выработали основы учения о вооруженном восстании. Учение это получило дальнейшее развитие в работах Ленина и Сталина и было под их руководством победоносно осуществлено трудящимися нашей страны в дни Великой Октябрьской социалистической революции.

Революция 1848 г. показала, что без боевого союза рабочего класса и трудящегося крестьянства непрочен демократический строй, немыслимо освобождение мелких земледельцев от гнета крупных капиталистов, невозможна победа пролетарской революции. «Только падение капитала может поднять крестьянина, только антикапиталистическое, пролетарское правительство может положить конец его экономической нищете и обще-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 182.
[2] Там же, т. 17, стр. 368.

ственной деградации»[1], — писал в 1850 г. Маркс. «Словом,— писал он в 1852 г.,— интересы крестьян находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, с капиталом,— как это было при Наполеоне, а в непримиримом противоречии с ними. Крестьяне поэтому находят своего естественного союзника и вождя в *городском пролетариате*, призванном ниспровергнуть буржуазный порядок»[2]. Маркс предсказывал, что, когда французский крестьянин освободится от бонапартистских предрассудков и убедится в том, что его интересы совпадают с интересами рабочего класса, «...*пролетарская революция получит хор, без которого ее соло во всех крестьянских странах превращается в лебединую песнь*»[3].

Опыт революционной борьбы французского пролетариата в 1848 г. помог Марксу конкретизировать свое учение о диктатуре пролетариата (впервые этот термин был употреблен Марксом в 1850 году).

Изучение классовой борьбы во Франции в годы Второй республики позволило Марксу сделать вывод о необходимости слома старой, полицейско-бюрократической машины буржуазного государства, служащей орудием угнетения трудящихся масс. «Все перевороты совершенствовали эту машину, вместо того чтобы сломать ее»[4],— писал Маркс. Опыт Парижской Коммуны 1871 г. доказал правоту вывода, сделанного Марксом в 1852 г. Практика революционной борьбы французского пролетариата подтвердила научное предвидение гениального мыслителя.

Подтвердились и выводы, сделанные из опыта революции 1848 г. В. И. Лениным и И. В. Сталиным. Один из этих выводов был формулирован И. В. Сталиным в следующих словах: «Вопрос о трудящихся массах мелкой буржуазии, городской и сельской, вопрос о завоевании этих масс на сторону пролетариата является важнейшим вопросом пролетарской революции... Революции 1848 г. и 1871 г. во Франции погибли, главным образом, потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии. Октябрьская революция победила потому, что она сумела отобрать у буржуазии её крестьянские резервы, она сумела завоевать эти резервы на сторону пролетариата и пролетариат оказался в этой революции единственной руководящей силой миллионных масс трудового люда города и деревни»[5].

В статье «Исторические судьбы учения Карла Маркса» (1913) Ленин подчеркивал, что классовая борьба 1848 г. во Франции, принявшая в июньские дни форму открытой гражданской войны между пролетариатом и буржуазией, разоблачила несостоятельность теории и пагубность тактики Луи Блана и других социалистов-утопистов. «Расстрел рабочих республиканской буржуазией в июньские дни 1848 года в Париже,— указывал Ленин,— окончательно определяет социалистическую природу *одного* пролетариата. Либеральная буржуазия во сто раз больше боится самостоятельности этого класса, чем какой угодно реакции. Трусливый либерализм пресмыкается перед ней... Все учения о *н е*-классовом социализме и о *н е*-классовой политике оказываются пустым вздором»[6].

Единственным политическим учением, выдержавшим историческую проверку этого бурного периода, оказался м а р к с и з м, в истории которого после 1848 г. открылась новая эпоха, закончившаяся полной победой научного социализма над утопическим.

---

[1] К. М а р к с, Ф. Э н г е л ь с. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 184.
[2] Там же, стр. 296.
[3] Там же, стр. 298—299 (см. примечание.—*Ред.*)
[4] Там же, стр. 292.
[5] И. В. С т а л и н. Соч., т. 6, стр. 362—363.
[6] В. И. Л е н и н. Соч., т. 18, стр. 545.

Но среди рабочих не заглохли революционные традиции июньского восстания 1848 г. В свое время Парижская Коммуна 1871 г., эта первая в истории диктатура пролетариата, открыто признала свою преемственную связь с июньским восстанием 1848 г. Особым декретом Коммуна постановила срыть церковь, воздвигнутую на месте, где в июньские дни инсургенты расстреляли генерала Бреа, а территорию, занятую под эту церковь, назвать «Июньской площадью». В то же время было постановлено освободить рабочего Нурри, уже 22 года томившегося на каторге по этому делу, и назначить пенсию его матери.

Оппортунистические руководители германской социал-демократии, ведущей партии II Интернационала, сознательно извратили предисловие Энгельса, написанное им в 1895 г. к новому изданию работы Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 до 1850 г.». Из этого предисловия были выброшены все места, говорящие о необходимости революционных методов, и была сделана попытка представить Энгельса сторонником одних только легальных средств политической борьбы[1]; «...после смерти Энгельса западно-европейские социал-демократические партии стали перерождаться из партий социальной революции в партии «социальных реформ»...»[2].

Революционные традиции июньского восстания 1848 г., преданные забвению оппортунистами II Интернационала, не были забыты Лениным и Сталиным, рабочим классом России, куда с конца XIX в. и особенно со времени революции 1905 г. переместился центр революционного движения. Борясь с социал-реформистами и социал-шовинистами, этой агентурой империалистической буржуазии в рабочем классе, Ленин клеймил их за то, что они сознательно отучают массы от самого слова «революция». «Забыты,— писал он в 1915 г.,— чартизм, июнь 1848 г., Парижская Коммуна, октябрь и декабрь 1905 г.»[3].

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России придала новую актуальность опыту революции 1848 г. во Франции.

Буржуазные революции, имевшие место после 1848 г., показали, что «кавеньяковские методы» грубой провокации и жестокого террора являются излюбленным средством в борьбе буржуазных контрреволюционеров против революционного движения пролетариата.

Поход генерала Корнилова на Петроград в сентябре 1917 г. показал, что и в России контрреволюционная буржуазия искала генеральскую саблю, чтобы разоружить рабочих и задушить революцию. Ленин и Сталин предвидели эти замыслы врагов народа и предостерегали трудящихся, призывая их к революционной бдительности. В статье «Луиблановщина» Ленин разоблачал предательское поведение эсеров и меньшевиков, которые, подобно Луи Блану в 1848 г., расчищали своей соглашательской тактикой путь контрреволюции[4]. Другая ленинская статья этого периода — «Из какого классового источника приходят и „придут" Кавеньяки?» — анализировала ход революции 1848 г. во Франции и вскрывала почву, породившую Кавеньяка, обеспечившую его успех. В этой статье Ленин доказывал, что «Кавеньяк не случайность», что он — «представитель класса (контрреволюционной буржуазии), проводник его политики», что появление Кавеньяка возможно и в России. «Исключительно от стойкости и бдительности, от силы революционных рабочих России,— писал Ленин,— зависит то, победа или поражение ждет русских Кавеньяков, неизбежно порождаемых контрреволюционностью русской буржуазии, с кадетами во

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 463—486.
[2] История ВКП(б). Краткий курс, стр. 135.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 111.
[4] См. В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 15—18.

главе, и шаткостью, боязливостью, колебаниями мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков»[1].

Эти ленинские указания сыграли огромную мобилизующую роль в борьбе рабочего класса России против буржуазной контрреволюции, за победу социалистической революции. Соотношение классовых сил в России в 1917 г. оказалось совсем иным, чем во Франции в 1848 г. Совершенно иным оказался поэтому и исход событий в России. Контрреволюционный заговор Корнилова был разгромлен. Под руководством великой партии большевиков и ее гениальных вождей Ленина и Сталина в нашей стране победила социалистическая революция.

Политическая обстановка в современной Франции, где реакция, поддерживаемая и разжигаемая американским разбойничьим империализмом, грубо попирает демократические свободы и национальную независимость страны и открыто готовится к установлению режима военной диктатуры,— еще раз подчеркивает правоту ленинской оценки кавеньяковщины как явления не одиночного и свойственного не только 1848 г. С новой силой звучат теперь для трудящихся Франции ленинские призывы к стойкости и бдительности в борьбе против сил реакции.

Правящим кругам современной Франции глубоко чужды революционные традиции французского народа. Правительство Четвертой республики, во главе которого стоял в этот момент Робер Шуман, лидер католической партии МРП, вынуждено было все же организовать официальное чествование столетнего юбилея революции 1848 г., но использовало его в своих демагогических целях. Торжественное заседание состоялось 22 февраля в зале Ратуши. Вступительную речь произнес председатель парижского муниципального совета Пьер де Голль, брат генерала де Голля, лидера фашистской партии РПФ, крупный банкир, тесно связанный с заправилами американского империализма. Лицемерно распинаясь в верности республиканскому строю, этот заклятый враг французского народа говорил о необходимости установления «сильной власти» (т. е. диктаторского режима) и вместе с тем демагогически заявлял, что считает необходимым проведение некоторых реформ для улучшения положения трудящихся масс. Характерна была и речь президента республики Венсана Ориоля. Этот лидер правых социалистов ни слова не сказал о реакционных силах, угрожающих республиканскому строю во Франции, но зато не скрыл своего отрицательного отношения к «насильственным революциям».

Доклад на заседании в Сорбонне, посвященном столетию революции 1848 г., был поручен Леону Блюму. Когда этот матерый предатель рабочего класса начал свою речь, преисполненную лицемерных фраз о свободе и демократии, из группы антифашистски настроенных студентов раздались протестующие возгласы. В зал был введен отряд полиции, который арестовал и вывел кричавших. Только после этого Леон Блюм смог продолжать свой фарисейский «доклад».

Трудящиеся массы Парижа и многих других городов отметили столетие революции 1848 г. массовыми демонстрациями, организованными Всеобщей конфедерацией труда и руководством Французской коммунистической партии. Демонстрации состоялись не 24 февраля. через сто лет после провозглашения Второй республики, а 8 февраля, т. е. в четырнадцатую годовщину выступления народных масс против попытки фашистского путча в 1934 г., когда французские трудящиеся помешали фашистским заговорщикам во главе с полковником де ла Рок совершить переворот и захватить власть. Демонстрации прошли под лозунгом борьбы с реакционной политикой правя-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 78.

щих кругов. Такой же характер носил и многолюдный митинг трудящейся молодежи, состоявшийся 24 июня в память столетия июньского восстания.

Печать французской коммунистической партии широко отметила столетие революции 1848 г., а также совпавшее с этой годовщиной столетие издания «Манифеста Коммунистической партии». Газета «Юманите» и журнал «Кайе дю коммюнисм» посвятили обеим годовщинам ряд теоретических и исторических статей, в которых отмечалось значение уроков революции 1848 г., обобщенных в трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

В конце февраля 1948 г., в зале Мютюалите, переполненном трудящимися, члены Центрального комитета коммунистической партии Франции Андрэ Марти и Этьенн Фажон выступили с речами, в которых говорили о значении революции 1848 г. и о причинах ее поражения и проводили исторические параллели между классовой борьбой того времени и классовой борьбой наших дней. «Мечты 1848 г. осуществлены,— подчеркнул Марти,— ибо в СССР, на шестой части земного шара, нет больше эксплуатации человека человеком, так как там создан социалистический строй».

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 Г. В ГЕРМАНИИ

Революция 1848 г. в Германии носила буржуазно-демократический характер. Главной исторической задачей этой революции являлась ликвидация политической раздробленности страны, создание единого германского национального государства. Революционное решение этой главной задачи требовало одновременного решения также и других важных задач в каждом из многочисленных германских государств: освобождения крестьян от феодальных повинностей, упразднения сословных привилегий дворянства, установления в Германии буржуазно-демократической республики.

Движущими силами германской революции 1848 г. были широкие народные массы — рабочие, ремесленники, крестьяне, мелкие торговцы и мелкие предприниматели, представители демократически настроенной интеллигенции. Особенно активную роль играл в революционных событиях этого периода рабочий класс. Наиболее отчетливо это проявилось в Берлине, в Рейнской области и в Саксонии, т. е. в самых развитых тогда в промышленном отношении частях Германии. Политическая активность, проявленная рабочим классом и другими демократическими слоями населения (в первую очередь в Рейнской области, где революционную борьбу непосредственно направляли Маркс и Энгельс), наложила определенный отпечаток на ход германской революции и придала ей буржуазно-демократический характер.

Однако недостаточная зрелость, малочисленность и слабая организованность рабочего класса Германии того времени, обусловленные ее экономической и политической отсталостью, сделали невозможным завоевание им руководства революционным движением. Гегемония в германской революции 1848 г. принадлежала, как неоднократно указывали классики марксизма-ленинизма, либеральной буржуазии.

Германская революция 1848—1849 гг., как и революция 1848 г. во Франции, развивалась не по восходящей, а по нисходящей линии. «В 1848 и 1849 гг.,— указывал В. И. Ленин,— был целый ряд восстаний и даже временных революционных правительств в Германии. *Но ни одно из этих восстаний не было вполне победоносным.* Самое успешное восстание, берлинское восстание 18 марта 1848 года, кончилось не свержением королевской власти, а *уступками* сохранившего свою власть короля, который

очень быстро сумел оправиться от частичного поражения и отобрать назад все эти уступки»[1].

В истории германской революции 1848 г. явственно выделяются три основных периода. Первый период, с конца февраля до середины марта 1848 г., характеризуется народными восстаниями против феодально-абсолютистского режима и переходом власти в руки либеральной буржуазии. Основным содержанием второго периода, с середины марта до начала декабря 1848 г., является, с одной стороны, развитие и углубление демократического движения в стране, а с другой стороны, изменнический сговор либеральной буржуазии с монархией и дворянством и открытый переход сил контрреволюции в наступление против сил революции. Заканчивается этот период падением господства буржуазных либералов и восстановлением власти дворянства, реакционной военщины и бюрократии, в результате контрреволюционного переворота в Пруссии и последующего разгона Прусского учредительного собрания. Третий период германской революции с конца марта до середины июня 1849 г. отмечен выработкой конституции единой Германии, новым подъемом демократического движения в стране и борьбой народных масс за проведение в жизнь германской имперской конституции; он заканчивается поражением майских восстаний 1849 г., вспыхнувших в некоторых частях страны (главным образом на юге и юго-западе) и разгоном Франкфуртского общегерманского национального собрания. «Подавлением восстания в юго-западной Германии и разгоном германского парламента,— указывал Энгельс,— заканчивается история первой германской революции»[2].

В отличие от французской революции конца XVIII в., которая закончилась полной победой буржуазии над аристократией и ликвидацией феодально-абсолютистского порядка, германская революция 1848 г. представляет собой тип незаконченной, незавершенной буржуазной революции. Центральная задача этой революции — ликвидация политической раздробленности страны — осталась нерешенной. Повсеместно дворянство удержало в своих руках политическую власть. Феодальные повинности, тяготевшие над крестьянством, были упразднены лишь частично и притом в самой мучительной для крестьянства форме (путем их выкупа). Все буржуазно-демократические преобразования, проведенные в Германии во время революции, были уничтожены. Конституция, «дарованная» в 1850 г. прусским королем, носила весьма реакционный характер и обеспечивала политическое преобладание юнкерства.

Сравнивая два типа буржуазных революций — «революцию типа 1789 г.» и «революцию типа 1848 г.», В. И. Ленин подчеркивал, что пути первой французской революции и первой германской революции оказались совершенно различными. «В чем коренная разница между обоими путями?»— спрашивает Ленин в одной из своих статей 1905 г. и отвечает: «В том, что буржуазно-демократический переворот, осуществленный Францией в 1789 году, Германией в 1848 году, в первом случае были доведен до конца, а во втором — нет;— в первом случае дошел до республики и полной свободы, а во втором остановился, не сломив монархии и реакции;— во втором случае прошел под руководством, главным образом, либеральных буржуа, ведших за собой на буксире недостаточно окрепший рабочий класс, в первом случае проведен хотя бы в известной части активно-революционной массой народа, рабочих и крестьян, отодвинувших, хотя бы на время, в сторону солидную и умеренную буржуазию;— во втором случае быстро привел к „успокоению“ страны, т. е. к подавлению революцион-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 218.
[2] К. Маркс. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 121.

ного народа и к торжеству „урядника и вахмистра“, в первом доставил на известный период господство революционному народу, раздавившему сопротивление „урядников и вахмистров“»[1].

Причины незавершенности германской буржуазной революции 1848 г. были тесно связаны с теми характерными особенностями, которые отличают ее от французской буржуазной революции 1789—1794 гг.

Прусские юнкеры и дворяне-землевладельцы всех других германских государств оказали активное сопротивление революционному движению народных масс. Сама раздробленность Германии, препятствуя концентрации революционных сил, облегчала дворянству выполнение его контрреволюционных замыслов.

Но основная причина поражения германской революции 1848 г. заключалась все же не в этой относительной силе старого господствующего класса. Уже в самом начале этой революции обнаружилось со всей очевидностью отсутствие в Германии такой классовой силы, которая способна была бы довести до конца начавшийся в марте 1848 г. буржуазно-демократический переворот. Крупная буржуазия, вступив в сделку с монархией, с дворянством, с реакционной военщиной и бюрократией, перешла в лагерь контрреволюции.

Маркс и Энгельс подчеркивали, что германская буржуазия предпочла спокойствие, соединенное с рабством, одной только перспективе борьбы, соединенной со свободой. В предисловии к своей книге «Крестьянская война в Германии», написанной в 1850 г., Энгельс указывал, что германская буржуазия испугалась тогда «... не столько немецкого, сколько французского пролетариата. Парижские июньские бои 1848 г. показали ей, что́ ее ожидает; немецкий пролетариат находился в состоянии достаточно сильного возбуждения, чтобы доказать ей, что в Германии также имеются уже семена, которые могут дать такую же жатву; и с этого момента острие политического действия немецкой буржуазии было сломлено»[2].

Отмечая всегдашнее стремление буржуазии закончить буржуазную революцию на полпути, на полусвободе, на сделке со старой властью и с помещиками, В. И. Ленин подчеркивал в 1907 г., что ...«это стремление коренится в классовых интересах буржуазии». «Оно проявилось,— добавлял он,— уже так ярко в германской буржуазной революции 1848 года, что коммунист Маркс все острие пролетарской политики направил тогда на борьбу с «соглашательской» (выражение Маркса) либеральной буржуазией»[3].

Предавая свой собственный народ, германская буржуазия и подавно нисколько не считалась с интересами других, не немецких, народов, живших в пределах старого Германского союза. Она попирала ногами их национальные интересы и открыто стремилась поработить поляков, датчан, целиком поддерживала угнетательскую и захватническую политику Гогенцоллернов в Пруссии и Габсбургов в Австрии.

Что касается мелкой буржуазии, то и она в ходе революции 1848 г. оказалась неспособной возглавить борьбу народных масс против феодально-абсолютистского гнета,— факт, который особенно ярко обнаружился весной 1849 г., во время борьбы за германскую имперскую конституцию.

Ничего похожего на подлинный якобинизм нельзя было наблюдать в Германии 1848 г. Деятели демократической партии — Фогты и Руге, Струве и Брентано — умели говорить красивые речи, но действовать решительно и энергично, подобно Робеспьеру или Сен-Жюсту, они не умели и не хотели.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 217.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произв., т. I, 1949, стр. 597.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 298.

Крестьянское движение в Германии в 1848 г. с первых же дней мартовской революции было оторвано от демократического движения в городах и не получило такого широкого размаха, как во Франции в конце XVIII в. Вследствие политической раздробленности Германии борьба немецкого крестьянства за отмену феодальных повинностей была распылена и не охватывала всей страны. Объясняется это еще и тем, что зажиточная верхушка крестьянства освободилась от уплаты феодальных повинностей еще до революции 1848 г. И, как уже отмечалось выше, в отличие от Франции конца XVIII в., где борьба крестьян против феодализма поддерживалась и руководилась революционной буржуазией, в Германии середины XIX в. буржуазия предала крестьянство, пошла на сделку с дворянством.

С другой стороны, рабочий класс Германии оказался в 1848 г. не в состоянии возглавить борьбу крестьянства. Отсутствие союза между движением крестьянских масс и движением городских рабочих имело самые отрицательные последствия для судеб революции 1848 г. в Германии. Оценивая позднее перспективы будущей германской революции, Маркс писал 16 апреля 1856 г. Энгельсу: «Все дело в Германии будет зависеть от того, можно ли будет поддержать пролетарскую революцию вторым изданием крестьянской войны. Тогда дела пойдут превосходно» [1].

Слабость рабочего класса и трусость либеральной буржуазии позволили прусскому юнкерству взять в свои руки дело создания единого германского государства. Объединение Германии завершилось лишь в 1871 г., в результате трех династических войн, приведших к образованию полуабсолютистской юнкерской милитаристской империи, которая стала одним из важнейших оплотов реакции и одним из главных очагов агрессии в Европе.

Следует отметить также и то обстоятельство, что одной из отличительных особенностей революции 1848 г. в Германии, оказавших отрицательное влияние на ход событий, было отсутствие единого политического центра. Отмечая этот факт, Маркс и Энгельс называли его «особенной германской болезнью». «В первый раз в мировой истории,— писали они, — Национальное учредительное собрание великой нации заседает в маленьком городе. Это — наследие прежнего германского развития» [2]. «Прусская мартовская революция,— писали в другом месте по этому же поводу Маркс и Энгельс,— не была даже национальною, германскою, она с самого начала была провинциально-прусскою. Венское, кассельское, мюнхенское и всякого рода другие провинциальные восстания протекали рядом с нею и оспаривали у нее первенство» [3].

Незавершенность буржуазной революции 1848 г. обусловила и победу «прусского пути» развития капитализма в сельском хозяйстве Германии — ликвидацию в ней феодальных повинностей на основе выкупа, что означало разорение широких слоев крестьянства и укрепление помещичьего землевладения.

Опыт революции 1848 г. в Германии позволил Марксу и Энгельсу сделать ряд важных выводов по вопросу о тактике рабочего класса в буржуазно-демократической революции — о необходимости его политической самостоятельности и руководящей роли, о значении союза пролетариата и крестьянства, об искусстве вооруженного восстания.

Изучение тактики Маркса и Энгельса в германской революции 1848 г. сыграло крупную роль при выработке партией большевиков своей так-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXII, стр. 139.
[2] Там же, т. VI, стр. 123.
[3] Там же, т. VII, стр. 55.

тической линии во время первой русской буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. Идея гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции — таков важнейший вывод из опыта революции 1848 г. в Германии, как и в других странах, сделанный классиками марксизма-ленинизма. Труды В. И. Ленина и И. В. Сталина этого периода показывают, как тщательно изучали они уроки революции 1848 г. в Германии и как мастерски использовали они этот опыт в новых исторических условиях, исходя из задач и потребностей классовой борьбы русского пролетариата.

Уроки революции 1848 г. не утратили своего актуального значения и для современной Германии. Как и в 1848 г., немецкий народ стремится к государственному единству. Именно под знаком борьбы за осуществление этой жизненно важной задачи проходило в Германии празднование столетия революции 1848 г. В советской зоне оккупации Берлина состоялась 100-тысячная народная демонстрация на кладбище Фридрихсхайн, где похоронены жертвы революционных боев, павшие в марте 1848 г. Перед демонстрантами выступил вождь Социалистической единой партии Германии Вильгельм Пик, напомнивший о демократических традициях немецкого народа и призывавший к борьбе за создание единого демократического миролюбивого германского государства. Газета «Нейес Дейчланд», главный орган СЕПГ, и другие прогрессивные газеты опубликовали большое количество статей, посвященных годовщине революции 1848 г., анализу ее опыта и уроков.

Конечно, обстановка, в которой протекает ныне борьба за единство Германии, коренным образом отличается от обстановки, существовавшей сто лет тому назад. Царизм был врагом германского единства. Советский Союз оказывает постоянную поддержку прогрессивным силам Германии в их борьбе за государственное единство страны. Именно благодаря активной поддержке Советского Союза была создана в октябре 1949 г. Германская демократическая республика. Создание ее явилось поворотным пунктом в развитии Европы и заложило прочную базу для борьбы за государственное единство и демократическое преобразование Германии.

Совершенно иную позицию занимают в германском вопросе правящие круги США, Англии, Франции и других капиталистических государств, участников агрессивного Атлантического пакта, готовящего новую мировую войну. Международная реакция, возглавляемая американским разбойничьим империализмом, ведет политику раскола Германии, ее закабаления и превращения в опорную базу для нападения на Советский Союз и страны народной демократии. Против этих преступных планов американо-английских империалистов и их немецких пособников — фашистских правителей марионеточной западно-германской «республики» — ведут решительную борьбу широкие слои немецкого народа, активно участвующие во всемирном движении сторонников мира, которое возглавляется Советским Союзом и его вождем — великим Сталиным.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 Г. В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В 1848 г. в Австрийской империи, как и в Германии, произошла буржуазная революция, принявшая (особенно в октябре 1848 г.) буржуазно-демократический характер, но, как и в Германии, революция эта оказалась половинчатой, незавершенной. Вместе с тем революция в Австрии отличалась от революции в Германии многими существенными особенностями. В отличие от Германии, где центральной задачей революции было политическое объединение страны, в Австрии основной задачей революции было уничтожение многонациональной

империи Габсбургов, освобождение угнетенных ею народов и завоевание ими государственной самостоятельности. Осуществление же этой задачи было неразрывно связано с необходимостью ликвидации феодальных порядков: полукрепостнической зависимости крестьянства, сословных привилегий дворянства, преобразования Австрии из феодально-абсолютистского государства в государство буржуазное.

Движущими силами австрийской революции 1848 г., как и революции 1848 г. в Германии, являлись широкие народные массы — рабочие, ремесленники. крестьяне, мелкие торговцы и мелкие предприниматели, представители демократически настроенной интеллигенции. В революционных событиях этого года особенно велика была роль рабочего класса. Рабочие и студенты составляли в Вене главную борющуюся силу, «...ядро революционной армии»[1]. Крестьянское движение, в общем, в силу ряда причин, несколько отставало от рабочего и демократического движения в городах. Но в начале революции именно австрийское крестьянство, испытывавшее более сильный феодальный гнет, чем крестьянство в Пруссии и остальной Германии, «...повсюду ревностно искореняло феодализм до последних остатков»[2].

Гегемония в австрийской революции, как и в революции германской, принадлежала л и б е р а л ь н о й б у р ж у а з и и. Рабочий класс Австрии в 1848 г. был еще слишком слаб, малочислен и неорганизован, чтобы стать во главе революции в качестве ее руководящей силы. Бóльшая часть австрийского пролетариата того времени была занята не на крупных фабриках, а в мануфактурах, в мелких ремесленных заведениях. Именно этим объясняется тот факт, что, в отличие от Рейнской области и некоторых других частей Германии, где рабочее движение непосредственно направлялось Марксом и Энгельсом, в Австрии подавляющая масса рабочего класса была мало сознательной, находилась под влиянием мелкобуржуазных демократов и мелкобуржуазных «социалистов».

В Австрии, как и в Германии, революция 1848 г. развивалась, в общем, за исключением бурного подъема в октябре, по н и с х о д я щ е й линии. Однако вся обстановка революции в Австрии была гораздо более сложной, чем в Германии, так как Австрия была страной многонациональной, страной, где классовые противоречия тесно переплетались с национальными противоречиями.

В истории австрийской революции 1848 г. можно ясно различить четыре периода. П е р в ы й п е р и о д, с 13 марта по 15 мая 1848 г., охватывает революционные события в Вене, в результате которых был свергнут режим Меттерниха и власть перешла в руки либеральной буржуазии и либеральной части бюрократии. В т о р о й п е р и о д, с 15—26 мая до начала октябрьского восстания в Вене, охватывает народные восстания 15 и 26 мая, вызванные попытками контрреволюционных сил перейти в наступление и уничтожить демократические завоевания мартовской революции. Попытки эти потерпели неудачу и укрепили на время союз между либералами и демократами. Этот второй период, период перехода контрреволюционных сил в наступление, отмечен провокационным нападением правящих кругов на венских безработных — кровавыми столкновениями 23 августа. Глубокий раскол, вызванный этими событиями, между либеральной буржуазией и рабочим классом, был использован контрреволюционными силами для нового наступления на демократические свободы. Решающим событием австрийской революции 1848 г. и временем ее наивысшего подъема явилось октябрьское восстание, представляющее особый, т р е т и й п е р и о д

[1] К. М а р к с. Избр. произв., т. II, 1940, стр. 60.
[2] Там же, стр. 61.

революции. В результате октябрьского восстания власть в Вене на несколько недель оказалась в руках мелкой буржуазии, опиравшейся на вооруженных рабочих и студентов.

Со времени падения революционной Вены, 31 октября — 1 ноября, начался четвертый период, ознаменовавшийся такими контрреволюционными актами, как перевод рейхстага из Вены в Кромержиж и его последующий роспуск. Окончательное торжество контрреволюции в Австрии выразилось в восстановлении абсолютизма, что произошло 31 декабря 1851 г.

В результате победы контрреволюции многонациональная империя Габсбургов уцелела; угнетенные ею народы не получили национальной независимости; конституционные порядки и буржуазно-демократические свободы, завоеванные во время революции, были уничтожены, власть помещичьего дворянства сохранилась. Но устои прежних, феодально-аристократических порядков были расшатаны, и полное восстановление всех дореволюционных отношений было уже невозможно; аграрный вопрос был разрешен в интересах капиталистического развития, хотя и в самой тяжелой для крестьянства форме — путем выкупа феодальных повинностей и разорения мелких земледельцев.

Основная причина поражения революции 1848 г. в Австрии, так же как и в Германии, заключалась в измене либеральной буржуазии народу и переходе ее в лагерь дворянско-монархической контрреволюции. Измена либеральной буржуазии народу явилась решающей причиной и неудачи национально-освободительного движения угнетенных народов Австрийской империи. Австрийская контрреволюция использовала национальные классовые противоречия, существовавшие в различных частях монархии Габсбургов, натравила одни народы на другие. При этом главной опорой австрийской контрреволюции в ее борьбе против революционного движения как в немецких областях Австрийской империи, так и в Чехии, Венгрии, Верхней Италии явились хорватские и чешские помещики-феодалы и тесно связанные с ними представители австрийской реакционной военщины.

Большое влияние на неудачный исход революции 1848 г. в Австрии, как и в других странах Европы, имели поражение июньского восстания парижских рабочих и последовавшее за этим торжество буржуазной контрреволюции во Франции. Особо следует отметить тот факт, что в разгроме венгерской революции австрийская контрреволюция опиралась на военную интервенцию царской России.

Революционная буря 1848 г. не сломила империи Габсбургов. Однако поражения, понесенные Австрией в войнах 1859 и 1866 гг., заставили господствующую в ней нацию — австрийских немцев — поделиться властью с одной из угнетенных наций — венграми, чтобы приостановить рост центробежных тенденций, грозивший дальнейшему существованию империи. Соглашение 1867 г. между австрийской буржуазией и венгерскими помещиками превратило Австрийскую империю в двуединую Австро-Венгрию, которая просуществовала до 1918 г.

Необходимость гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции — таков важнейший вывод, вытекающий из опыта всех революций 1848 г.; этот вывод полностью относится и к австрийской революции. Из опыта революции 1848 г. в Австрии вытекает и другой важный вывод — о необходимости единства всех угнетенных народов в освободительной борьбе против «своих» и чужих угнетателей.

Под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции угнетенные народы Австро-Венгрии добились независимого государственного существования. Австро-Венгрия распалась в 1918 г.

Однако завоевания, достигнутые угнетенными народами Австро-Венгрии в 1918 г., были еще непрочны; действительную национальную независимость эти народы приобрели лишь после разгрома фашистской Германии вооруженными силами Советского Союза. Советская армия освободила и австрийский народ, восстановив государственную самостоятельность Австрии.

Столетие революции 1848 г. было широко отмечено прогрессивными силами Австрийской республики. Под руководством австрийской коммунистической партии народные массы Австрии ведут ныне активную борьбу против сил внутренней и международной реакции, возглавляемой американскими империалистами, стремящимися полностью превратить Австрию в свою колонию и втянуть ее в подготовляемую ими войну против Советского Союза и стран народной демократии. Во всемирном движении сторонников мира, которое возглавляется Советским Союзом и его вождем великим Сталиным, видное место занимают трудящиеся Австрии.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 ГГ. В ВЕНГРИИ

Венгерская революция 1848—1849 гг. была буржуазной революцией, объективные задачи которой заключались в завоевании национальной независимости и ликвидации феодальных порядков. Особенностью этой революции было то, что руководящую роль в ней играла не торгово-промышленная буржуазия, тогда еще очень мало развитая, а либеральное, обуржуазивавшееся среднепоместное дворянство, враждебно относившееся к политике замлевладельческой аристократии, препятствовавшей самостоятельному экономическому развитию Венгрии и ее освобождению от австрийского полуколониального гнета.

Основными движущими силами венгерской революции были широкие массы полупролетариата, городской бедноты и мелкого крестьянства. В лице смелого революционного демократа Шандора Петефи они нашли замечательного вождя, подлинного народного трибуна. Но слабость, малочисленность и неорганизованность рабочего класса помешали ему занять руководящее положение в революционном движении, стать его гегемоном.

Обуржуазивавшееся либеральное дворянство, возглавлявшее под давлением масс революцию и национально-освободительную борьбу в Венгрии, не было последовательной революционной силой. Оно стремилось к достижению компромисса с монархией Габсбургов и в ходе революции 1848—1849 гг. перешло от либерализма к контрреволюции. Лишь немногие наиболее революционные представители среднего дворянства во главе с Кошутом, ставшим вождем революции, продолжали бороться за создание общенационального фронта и за полное отделение Венгрии от Австрии. Став во главе Комитета обороны, созданного в начале национально-освободительной войны, Кошут пошел на союз с революционно-демократическим лагерем, возглавлявшимся группой Петефи и группой Мадараса. Однако в дальнейшем, под нажимом контрреволюционных элементов, Кошут отошел от союза с революционными демократами и стал сотрудничать с «умеренно» либеральными слоями дворянства, руководимыми Семере.

Венгерская революция потерпела поражение в силу ряда причин внутреннего и внешнего порядка. Громадную роль в разгроме революционной Венгрии сыграла крайне неблагоприятно сложившаяся для нее международная обстановка: успехи контрреволюции в различных странах Европы, враждебное отношение со стороны правящих кругов Англии и Франции, военная интервенция царской России.

Одиноко боролась революционная Венгрия за свою свободу и независимость; только небольшие группы передовых людей в различных странах

Европы выражали свое сочувствие венгерскому народу, свою солидарность с ним. Особенно горячо выступала в пользу Венгрии руководимая Марксом и Энгельсом «Новая Рейнская газета». Видные польские революционеры с оружием в руках боролись за независимость Венгрии. На соединение с венгерскими революционерами безуспешно пробирался крестьянский отряд, организованный буковинцем Кобылицей. Горячими друзьями венгерских патриотов были Н. Г. Чернышевский и другие русские революционные демократы, хорошо понимавшие крупное международное значение венгерской революции.

Но победа контрреволюционной интервенции была чрезвычайно облегчена внутренней политикой венгерских либералов. Пагубную роль в судьбах венгерской революции сыграла непоследовательность ее буржуазно-дворянского руководства, его разрыв с революционно-демократическим лагерем, его нерешительность по отношению к изменникам.

В качестве представителя среднего дворянства Кошут не захотел удовлетворить требования широких масс крестьянства, добивавшихся отмены феодальных повинностей без выкупа и раздела крупных дворянских поместий. Половинчатая политика венгерского революционного правительства в аграрном вопросе вызывала сильное недовольство среди сельской бедноты и подрывала популярность Кошута и его правительства среди широких слоев деревенского населения.

Особо должна быть отмечена ошибочная политика Кошута в национальном вопросе, выразившаяся в борьбе венгерского революционного правительства против национальных стремлений хорватов, словаков, румын и других народов, населявших Венгрию. Эта порочная политика помогла австрийскому правительству восстановить эти народы против венгров.

Поражению венгерской революции сильно способствовали и предательские действия Гергея и контрреволюционной «партии мира», за спиной которой стояли феодальная аристократия и значительная часть среднепоместного дворянства, которые ради сохранения своих социальных привилегий шли на прямую измену родине.

Поражение революции 1848—1849 гг. надолго отсрочило осуществление стремлений венгерского народа к свободе и независимости. В 1867 г. австрийское правительство, потерпев поражение в войне с Пруссией, вынуждено было предоставить венгерским помещикам некоторые права внутри двуединой Австро-Венгрии. Однако соглашение 1867 г. не дало Венгрии национальной независимости. Трудящиеся массы Венгрии остались в кабале у своих угнетателей — крупных землевладельцев и капиталистов, нещадно эксплуатировавших рабочий класс, безземельных крестьян и батраков. Венгрия оставалась на положении полуколонии.

Национальное и социальное освобождение народным массам Венгрии принесла Советская Армия, которая своими историческими победами спасла венгерский народ от гнета гитлеровских захватчиков и их пособников — венгерских магнатов и фашистов.

Традиции революции 1848—1849 гг. до сих пор живы в венгерском народе. Недаром так широко отметила Венгерская народно-демократическая республика в 1948 г. столетие этой славной освободительной борьбы.

РЕВОЛЮЦИЯ 1848—1849 ГГ. В ИТАЛИИ

Целью буржуазной революции 1848—1849 гг. в Италии, принявшей в отдельных итальянских государствах буржуазно-демократический характер, было освобождение страны от австрийского господства, политическое объединение Италии, ликвидация в ней феодальных порядков.

Создание единого национального государства являлось для Италии назревшей исторической необходимостью, насущной потребностью экономического развития страны и выражало стремление буржуазии к утверждению своего экономического и политического господства. Буржуазия была, следовательно, тем классом, от которого прежде всего можно было ожидать решения проблемы государственного объединения. Гегемоном движения за национальную независимость и внутренние реформы должна была стать буржуазия. «...Сейчас в Италии, —писал Энгельс в 1847 г., — буржуазия становится, благодаря росту своего богатства, а особенно благодаря возросшему значению промышленности и торговли для жизни всего народа, тем классом, от которого главным образом и зависит освобождение страны от чужеземного господства»[1]. Но лагерь итальянской буржуазии был далеко не однородным. Различные ее прослойки проявили различную степень готовности и способности к освободительной борьбе. И буржуазия в целом не проявила той решимости и той последовательности в борьбе против феодально-монархического строя, которые могли обеспечить полное уничтожение отживших порядков и создание единой буржуазной Италии. Для большей части итальянской буржуазии характерна была склонность к разрешению компромиссным путем острых противоречий, возникших на пути государственного объединения страны.

Тяготение либеральной буржуазии к соглашению с господствующими классами обусловливалось различными причинами. Во-первых, значительная часть итальянской буржуазии владела землей, нещадно эксплуатировала фактически зависимых крестьян и, следовательно, была прямо заинтересована в сохранении в той или иной форме полуфеодальной системы аграрных отношений. Во-вторых, в результате развития мануфактурной, а кое-где (на севере) также и фабричной промышленности обострялись классовые противоречия между буржуазией и пролетариатом. Уже накануне революции, в дни народных волнений 1847 г., часть либеральной буржуазии правела и переходила, под влиянием страха перед движением трудящихся масс, к более умеренным взглядам и требованиям. Еще более усилился страх буржуазии перед народными выступлениями во время революции. Большую тревогу вызывала среди итальянской буржуазии и революционная борьба французского пролетариата.

По мере обострения классовой борьбы все более четко размежевывались два основных течения: либеральное (крупная буржуазия и обуржуазившееся дворянство) и прогрессивное, революционно-демократическое (мелкая и средняя буржуазия и народные «низы»).

Изменившееся в ходе борьбы соотношение классовых сил, обусловленное активизацией народных масс, руководимых передовыми слоями буржуазии, позволяет разграничить в истории революции 1848—1849 гг. два различных по своему содержанию периода.

Первый период охватывает революционную борьбу, развертывавшуюся с января 1848 г. по август 1848 г., т. е. со времени восстания в Палермо до поражения итальянской армии при Кустоцце.

Второй период охватывает события с августа 1848 г. по август 1849 г., т. е. со времени нового революционного подъема до полного поражения революции.

На первом этапе революции либеральная буржуазия и обуржуазившееся дворянство, ставшие во главе движения, сделали все, чтобы придать ходу событий соответствующее их корыстным интересам содержание и направление. Правда, демократическое движение в Венеции и антиавстрийское восстание в Милане, за которым последовала война за

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 242.

национальную независимость, носили народно-освободительный характер. Однако эти движения не обнаружили достаточной силы, чтобы наложить демократический отпечаток на общий ход событий.

Ослабленная действиями внутренних и внешних сил революция в целом не пошла на первом этапе дальше либеральных реформ и постановки вопроса об объединении Италии «сверху» — вокруг Савойской династии или в виде конфедерации монархов.

Объединение Италии под эгидой коронованных властителей и конституционные изменения государственного устройства являлись пределами, дальше которых вожаки либерального направления Рисорджименто не хотели вести массы. Союз с монархами и с аристократией против народа — такова была главная ставка в той игре, которую крупные буржуа и либеральные дворяне вели на протяжении всей революции за спиной поднявшегося на борьбу народа. Крупная буржуазия стремилась к участию в политическом управлении страной и к устранению преград ее экономическому развитию. Однако она хотела, чтобы это было достигнуто лишь в результате полюбовного раздела власти и без социальных потрясений.

Сущность политики итальянской либеральной буржуазии, как писал Н. А. Добролюбов, заключалась в следующем: «...сначала — желание коекаких улучшений, планы реформ, а затем реакция против тех, кто хотел вести эти реформы дальше, реакция, внушенная страхом, чтобы реформы не зашли слишком далеко и не коснулись „основ общественного здания"»[1].

Используя доверие масс и спекулируя на их наивной вере в Савойскую династию и в «либерализм» Пия IX, умеренные либералы сначала постарались обуздать движение народных масс, а затем предали их, капитулировав перед контрреволюцией как только она перешла в наступление.

Предательство либеральной буржуазии не остановило дальнейшего революционного подъема, но предопределило его первые неудачи и в большой мере обусловило конечное поражение революции. Заслуга революционного крыла буржуазных демократов состоит в том, что они осенью 1848 г. вырвав из рук умеренных либералов руководство национально-освободительным движением, сумели придать ему новые силы и значительный размах. Источником углубления и дальнейшего развития революции явилась поддержка буржуазно-демократического движения народными, преимущественно городскими «низами». После поражения при Кустоцце в августе 1848 г. начался период наивысшего революционного подъема. Носителями его была революционная часть буржуазии, вокруг которой сплотились широкие массы городского населения, ремесленники, рабочие, беднота, которые своим влиянием стимулировали развитие революции. Буржуазные демократы и особенно их авангард во главе с Гарибальди явились знаменосцами этого нового, бурно нараставшего движения.

В отличие от либеральных проектов «династического объединения», буржуазные демократы выдвинули прогрессивную программу «демократического объединения», в основе которой лежала идея обращения к народу для решения национальных и социальных задач, стоявших перед Италией. Нельзя не отметить принципиального значения и бесспорной прогрессивности призыва мадзинистов к объединению Италии «снизу». Всеобщее избирательное право, Учредительное собрание, республика, народный суверенитет — таковы были важнейшие и, бесспорно, прогрессивные пункты той программы, которую буржуазные демократы противопоставляли позиции умеренных либералов. Но для осуществления этой программы необходим был тот тесный союз буржуазных

---

[1] Н. А. Добролюбов. Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура.—Полн. собр. соч., т. V, стр. 140.

демократов с народными массами, который позволил французским якобинцам 1793—1794 гг. разрушить устои феодализма, одержать победу над внутренней и внешней контрреволюцией.

Активность городских «низов» и крестьянские волнения являлись и в 1848—1849 гг. важнейшим фактором исторического развития. Именно трудящиеся массы были в 1848—1849 гг. главной движущей силой революции.

История событий 1848—1849 гг. неопровержимо доказывает, что там, где прогрессивное крыло буржуазии не побоялось встать во главе движения и опереться на борьбу «низов», революция одерживала победы. И, наоборот, всюду, где страх перед народными массами парализовал действия прогрессивной буржуазии, там демократическое движение неизбежно отступало под натиском контрреволюции. Так было в Милане, где победа над армией Радецкого была завоевана вопреки умеренным, в результате объединения буржуазных демократов с народом. С другой стороны, в Сицилии, а еще более в Неаполе, буржуазные демократы, напуганные выступлением крестьян и волнениями городского плебса, не смогли стать серьезной, самостоятельной силой.

На истории Римской республики (в период власти триумвирата) лежит особенно глубокий отпечаток борьбы народных масс и прогрессивных устремлений наиболее передовой части итальянской буржуазии, поднявшей под руководством Мадзини и Гарибальди знамя национальной независимости и демократического преобразования Италии.

Национализация и распродажа церковной собственности, распределение части национализированной церковной земли между беднейшим крестьянством, отмена монополии откупщиков — таковы были, наряду с демократизацией национальной гвардии, мобилизацией и вооружением народа для борьбы с интервентами, наиболее существенные, хотя и далеко не достаточные, мероприятия республиканских властей в Риме. Они свидетельствовали о неуклонно возраставшем давлении «низов», с которым буржуазные демократы не могли не считаться.

Римская республика явилась наивысшим завоеванием итальянской революции 1848—1849 гг. Она образует особый этап в истории этой революции. Вместе с тем именно история Римской республики содержит неопровержимые доказательства неспособности даже передовой части итальянской буржуазии (какой являлись римские республиканцы, возглавляемые Мадзини) придать революции народный характер и полностью развить ее в буржуазно-демократическую революцию.

Непоследовательность буржуазных демократов, боязнь развязать движение масс, прежде всего крестьянства, усугубила внутреннюю слабость римской революции.

«Демократическая сторона... была побеждена *потому*,— писал А. И. Герцен после поражения революции в Европе,— *что*... везде делала ошибки, везде боялась быть революционной до конца, везде бросалась с яростью на порожний трон и царствовала по-своему. Одни римляне делают исключение; за то посмотрите, как они погибли: это было нашествие татар, силе поневоле надо было уступить (хотя entre nous soit dit, и Рим далеко бы не уехал, если бы успел победить)» [1].

В Неаполе, Сицилии, Венеции и Тоскане прогрессивная буржуазия в еще большей мере, нежели в Риме, была скована страхом перед выступлениями «низов». Основная часть буржуазных демократов предпочла союз с умеренными либералами сближению с народом и тем самым капитулировала перед своими союзниками справа.

---

[1] А. И. Герцен. Письма из Франции и Италии.— С того берега, 1931, стр. 357.

В результате недостаточного размаха революции в Сицилии, Тоскане и Венеции у власти оказался блок средней буржуазии с крупной монархической буржуазией и либеральным дворянством. В разной степени в том или другом государстве половинчатая политика властей, в особенности в области социального законодательства, ограничила участие масс в революции. Тосканские и венецианские буржуазные демократы принесли свои республиканские убеждения в жертву компромиссу с монархически настроенной буржуазией и отказались от идеи Итальянского учредительного собрания.

Уничтожить феодально-монархический строй и на его развалинах построить буржуазно-демократическую республику (о чем мечтали мадзинисты) значило прежде всего уничтожить феодализм в его экономической основе, т. е. в области аграрных отношений. «Основой полного осуществления демократического переворота,— указывает В. И. Ленин,— является создание свободного класса крестьянства... Создание такого класса есть уничтожение феодальных повинностей, разрушение феодализма...»[1] Но для этого следовало поднять на борьбу многочисленную армию итальянского крестьянства, составлявшего в стране, в которой пролетариат не представлял еще значительной силы, основную массу трудового народа и одну из важнейших движущих сил буржуазной революции. В этом заключалось также решающее условие национального объединения: без активного участия крестьянских масс, как указывал И. В. Сталин, не может быть сколько-нибудь « ...мощного национального движения»[2].

Отказ буржуазных либералов и буржуазных демократов Италии от борьбы за интересы крестьянства явился важнейшей причиной слабости национально-освободительного движения в ней.

Маркс и Энгельс, внимательно следившие за ходом итальянской революции, не раз возвращались к этой важнейшей проблеме. На протяжении многих лет они критиковали ошибки деятелей итальянской буржуазии и раскрывали перед ними широкие перспективы демократической революции, которая, вовлекая в борьбу народные массы и прежде всего крестьянство, одна только могла привести к демократическому обновлению Италии и ее воссоединению «снизу».

«Политику Мадзини я считаю в корне ложной...,— писал в 1851 г. Маркс,— ...он забывает, что ему следовало бы обратиться к крестьянам, к угнетаемой в течение столетий части Италии, и, забывая об этом, он подготовляет новую опору для контрреволюции. Г-н Мадзини знает только города с их либеральным дворянством и их просвещенными гражданами. Материальные потребности итальянского сельского населения, из которого выжаты все соки и которые так же, как и ирландское, систематически доводилось до полного истощения и отупения, конечно, слишком низменны для парящих в поднебесье фраз его космополитически-неокатолически-идеологических манифестов»[3].

Не желая затронуть материальные интересы буржуазии и дворянства, буржуазные демократы Италии пожертвовали интересами крестьянства, сузили свою социальную базу и потеряли своего «естественного союзника» в борьбе с контрреволюцией. Вот почему крестьяне в своей массе не приняли активного участия в национально-освободительном движении, а часть из них оказалась даже резервом контрреволюции.

Борьба против феодально-абсолютистского строя не только не привела к разгрому феодальных порядков, но нигде не нанесла решающего

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 114.
[2] И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 71—72.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 112.

удара экономическим основам этого режима. Даже в Римской республике революция разрушила (и то не полностью) лишь государственно-политическую надстройку папского государства, оставив почти нетронутой полуфеодальную систему земельной собственности.

Буржуазные демократы оказались бессильными не только в осуществлении идеи Итальянского учредительного собрания, но и в объединении усилий отдельных частей страны для совместной борьбы против иноземной и внутренней контрреволюции. Итальянские государства (подчас и отдельные города) боролись изолированно, контрреволюция побеждала их поодиночке и поочередно. Немалую роль играли при этом сепаратистские тенденции, стремление к обособлению борьбы того или иного государства от революционного движения всей Италии. В этой разобщенности отдельных очагов борьбы, как и в неспособности мадзинистов решить задачу политического объединения страны, заключалась одна из многих слабых сторон итальянской революции.

Огромную роль в поражении революции 1848—1849 гг. в Италии сыграла неблагоприятная международная обстановка. Усиление контрреволюции в Европе после разгрома июньского восстания парижских рабочих отрицательно отразилось на Италии, облегчив подавление очагов революции силами, главным образом, австрийских и французских интервентов. Вопреки легендам буржуазной историографии, господствующие классы Англии своей политикой в значительной мере способствовали поражению революции в Италии.

Таковы были основные причины поражения революции 1848—1849 гг. в Италии. Поражение ее, на многие годы задержавшее объединение Италии, не могло, однако, приостановить поступательного движения истории. Значение революции 1848—1849 гг. заключается не только в том непосредственном влиянии, которое она оказала на последующее развитие национально-освободительного движения, но и в том положительном наследстве, которое она оставила.

Революция 1848—1849 гг. обнаружила глубокий кризис феодально-абсолютистского режима итальянских государств, показала необходимость их экономического и политического преобразования. Она разоблачила врагов итальянского народа — Пия IX, Фердинанда II, Савойскую династию и буржуазных либералов. Она выявила те силы, которые могли вести революцию вперед. Пробудив к борьбе широкие слои городского населения, она создала славные революционные традиции и побудила итальянский народ к дальнейшей борьбе за единое национальное государство.

Уроки революции 1848—1849 гг. серьезны и поучительны. Спустя столетие они служат богатым источником исторического опыта для передовых сил итальянского народа и прежде всего для рабочего класса и его коммунистического авангарда.

«1848 год имел для Италии решающее значение,— говорил П. Тольятти в докладе на VI съезде коммунистической партии Италии в 1948 г. — После долгих веков, на протяжении которых Италия вела замкнутое существование, в затхлой атмосфере отсталых концепций, под гнетом реакционных групп, после долгих веков, когда она была изолирована от прогрессивных течений, возникавших в других странах мира, она наконец вновь заняла свое место в международном фронте борьбы, бок о бок с крупными национальными, демократическими, социальными движениями народных масс, происходившими тогда почти повсюду в Европе».

В новых исторических условиях перед итальянским народом стоит теперь задача борьбы за национальную независимость страны, за ее подлинно демократическое преобразование. Содержание и цели этой

борьбы выходят далеко за пределы того, к чему стремились сто лет назад, в годы буржуазной революции, передовые слои итальянского народа. Осуществлением исторических задач, стоящих сегодня перед Италией, руководит рабочий класс, возглавляемый коммунистической партией и ведущий за собой все прогрессивные и патриотические силы страны. Рядом со всеми свободолюбивыми народами мира во главе с Советским Союзом итальянский народ занимает значительное место в международном фронте борьбы за мир, демократию и социализм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ни одна из буржуазных революций 1848—1849 гг., ни одно из пролетарских выступлений и ни одно из национальных движений этого времени не увенчались победой.

Но и в 1848—1849 гг. битвы трудящихся масс были не напрасны!

«*Революции — локомотивы истории*»[1],— так определял значение революций в истории развития человечества великий основоположник научного социализма Карл Маркс.

Результаты победоносных революций легко обозримы: они воплощаются в очевидных прогрессивных преобразованиях, резко ускоряющих историческое развитие человечества, его движение от классового порабощения к коммунизму. Но и революции, потерпевшие поражение, являются локомотивами истории. Именно эта идея выражена, хотя и в иных словах, на первой же странице первой научной истории революции 1848 г., в работе Маркса «Классовая борьба во Франции».

«За исключением лишь немногих глав, каждый более или менее значительный раздел революционной летописи от 1848 до 1849 г. носит заглавие: *поражение революции*!

Но в этих поражениях погибала не революция. Погибали пережитки дореволюционных традиций, результаты общественных отношений. не заострившихся еще до степени резких классовых противоположностей, погибали лица, иллюзии, представления, проекты, от которых революционная партия не была свободна до февральской революции, от которых ее могла освободить не *февральская победа*, а только целый ряд *поражений*»[2].

Эти строки были написаны Марксом в январе 1850 г. и относились они непосредственно к событиям, происходившим во Франции в 1848—1849 гг. Но ведь и вся европейская «революционная летопись», вся картина революций и революционных движений 1848—1849 гг. широко освещается той же идеей: погибали не революции, а лица, иллюзии, заблуждения, от которых стали освобождаться различные народы Европы, различные политические партии и группировки вследствие поражений, понесенных в ожесточенной революционной борьбе.

Воздействие революции на общество, на его текущую жизнь и последующие формы развития — непреодолимо. Одной из наиболее глубоких философско-исторических идей Маркса, высказанных им тогда же, в середине XIX в., является мысль о том, что революции сохраняют свою великую преобразующую силу и проявляют ее не только в границах того

---

[1] К. Маркс. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1949, стр. 185.

[2] Там же, стр. 111.

или иного революционного периода, например в 1848—1851 гг. во Франции, но и в последующие периоды, в периоды реакции.

Во Франции, в период буржуазной республики, с 24 февраля 1848 г. до 2 декабря 1851 г., революция, как указывал Маркс, закончила половину своей подготовительной работы: в это время была доведена до «совершенства», т. е. до полного изобличения своей узко классовой, антинародной сущности законодательная, парламентская власть буржуазии; после 2 декабря 1851 г. завершалась вторая половина исторического дела революции: разоблачалась классовая сущность исполнительной власти буржуазии. Предвидя новую революцию во Франции, революцию пролетарскую, Маркс писал в начале 1852 г.: «Сначала она [революция] довела до совершенства парламентарную власть, чтобы иметь возможность ниспровергнуть ее. Теперь [после 2 декабря 1851 г.], когда она этого достигла, она доводит до совершенства *исполнительную власть*, сводит ее к ее самому чистому выражению, изолирует ее, противопоставляет ее себе как единственный объект, чтобы сконцентрировать против нее все свои силы разрушения. И когда революция закончит эту вторую половину своей предварительной работы, тогда Европа поднимется со своего места и скажет, торжествуя: ты хорошо роешь, старый крот!»[1]

Одновременно с Марксом, также и Энгельс в своей работе о революциях 1848—1849 гг. в Германии, Австрии, Венгрии высказал идентичную мысль: поражение, понесенное народными массами в революции — не есть поражение революции! Энгельс писал: «Поражение после упорного боя — факт не меньшего революционного значения, чем легко выигранная победа. Поражения — парижское в июне и венское в октябре 1848 г. — во всяком случае сделали несправненно больше для революционизирования умов народа в этих двух городах, чем февральская и мартовская победы»[2].

В трудах величайших революционных теоретиков и революционных вождей, В. И. Ленина и И. В. Сталина мысль о революциях, как локомотивах истории (независимо от того, побеждают ли эти революции или терпят поражение) неизменно сохраняет свое значение главной, ведущей идеи.

Повторив афоризм Маркса: «Революции — локомотивы истории», В. И. Ленин далее писал: «Революции — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса»[3].

Во время революций, как неоднократно указывал Ленин, обнажаются, всплывают наружу противоречия, вызревавшие в течение десятилетий и даже целых веков. «Жизнь становится необыкновенно богата. На политическую сцену активным борцом выступает масса, всегда стоящая в тени и часто поэтому игнорируемая или даже презираемая поверхностными наблюдателями»[4]. Эта народная масса испытывает во время революции свои силы, проверяет теории своих идеологов, и «... как бы велики ни были отдельные поражения, как бы ни ошеломляли нас потоки крови и тысячи жертв,— ничто и никогда не сравнится, по своему значению, с этим непосредственным воспитанием масс и классов в ходе самой революционной борьбы»[5].

---

[1] К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1949, стр. 291.

[2] Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии. К. Маркс. Избранные произведения, т. II, 1940, стр. 95.

[3] В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Соч., т. 9, стр. 93.

[4] В. И. Ленин. Революционные дни.— Соч., т. 8, стр. 84.

[5] Там же.

Революция учит, постоянно указывал В. И. Ленин как в статьях, написанных непосредственно в период революции 1905 г. в России[1], так и позднее, в других работах. «Революция учит тем, что выдвигает подлежащие решению очередные задачи политики в их самой наглядной, осязательной очевидности, заставляя массы народа прочувствовать эти задачи, делая невозможным самое существование народа без решения этих задач, разоблачая на деле негодность всех и всяких прикрытий, отговорок, посулов, признаний»[2]. В отличие от «мирных» периодов во время революции неизбежно возникают более разнообразные формы борьбы, с преобладанием именно непосредственной и революционной борьбы масс над парламентской, публицистической и всей прочей пропагандистско-агитационной деятельностью вожаков[3].

Характеризуя время революции, как время «действия и сверху и снизу»[4], Ленин подчеркивал, что революция быстро сплачивает трудящиеся массы и быстро просвещает их[5]. «Давно уже сказано,— писал Ленин,— что в политике часто приходится учиться у врага. А в революционные моменты враг всегда навязывает нам правильные выводы особенно назидательно и быстро»[6]. Поэтому Ленин и сравнивал революционные периоды с военным временем, когда молодые рекруты учатся непосредственно на практике военных действий. Подразумевая исторические условия начала XX в., когда выражение «социал-демократическая наука» еще могло означать науку о революции, Ленин писал: «Помните, что каждый практический шаг революционного движения будет неизбежно и неминуемо учить молодых рекрутов именно социал-демократической науке, ибо эта наука основана на объективно-верном учете сил и тенденций различных классов, а революция есть не что иное, как ломка старых надстроек и самостоятельное выступление различных классов, стремящихся по своему создать новую надстройку»[7]. Только в борьбе и познается «... действительная сила всех интересов, всех стремлений, всех задатков»[8]. Либералам и растерявшимся интеллигентам, твердившим: «не идите туда, где были раз разбиты, не становитесь снова на этот роковой путь», Ленин отвечал: «... великие войны в истории, великие задачи революций решались только тем, что передовые классы не раз и не два повторяли свой натиск и добивались победы, наученные опытом поражений»[9].

Отвечая на вопросы первой американской рабочей делегации, ошибочно считавшей, что взгляды Маркса и Ленина по вопросу о творческой силе революции будто бы различались, И. В. Сталин сказал: «Я думаю, что всякая народная революция, если она является действительно народной революцией, есть революция творческая, ибо она ломает старый уклад и творит, создаёт новый»[10].

Революция широко раскрывает все внутренние противорѐчия общественных классов, борьбу классов за овладение властью. «Революционная

---

[1] См. В. И. Ленин. Революция учит.—Соч., т. 9, стр. 125—134.
[2] В. И. Ленин. Приближение развязки.— Соч., т. 9, стр. 418.
[3] См. В. И. Ленин. К оценке русской революции.— Соч., т. 15, стр. 40.
[4] В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Соч., т. 9, стр. 77.
[5] См. там же, стр. 41.
[6] В. И. Ленин. Новые задачи и новые силы.— Соч., т. 8, стр. 192.
[7] Там же.
[8] В. И. Ленин. Кризис меньшевизма.— Соч., т. 11, стр. 310.
[9] В. И. Ленин. На дорогу.— Соч., т. 15, стр. 322.
[10] И. В. Сталин. Беседа с первой американской рабочей делегацией.— Соч., т. 10, стр. 99—100.

эпоха тем, собственно, и замечательна, что борьба за власть принимает здесь наиболее острый и обнаженный характер»[1].

* * *

Время революции есть время предметных уроков для народа[2]. Одним из главнейших уроков революций 1848—1849 гг. был уже сам факт почти общеевропейского восстания народных масс против своих угнетателей, против своих классовых и национальных врагов. Нигде и никогда ранее, ни в древности, ни в средние века, ни даже во времена первых буржуазных революций не было и быть не могло у народов подобной возможности подняться одновременно в разных странах и тем самым наглядно доказать не только в границах какого-либо отдельного государства, но именно на европейской арене свою способность к вооруженной освободительной борьбе. Только к середине XIX в., в условиях, когда развитие капитализма, как неоднократно пояснял И. В. Сталин, отличалось характерной для этой эпохи сравнительной плавностью[3] и когда поэтому в ряде европейских стран кризис феодально-абсолютистского порядка одновременно достиг последнего фазиса своего развития и привел к резкому обострению классовых противоречий, когда — в то же время — в Европе разразился торгово-промышленный кризис, сопровождавшийся сельскохозяйственными бедствиями,— революционная борьба и национальные движения могли впервые принять такой широкий размах. Как ни различны были результаты начавшихся в Европе в январе, феврале и марте 1848 г. революционных наступлений, важно было уже то, что народные массы поднимались тогда — в Париже и Риме, в Берлине и Бухаресте, в Лондоне и Мадриде, в Вене и Стокгольме, в Дублине и Праге, в Будапеште и Копенгагене, в Брюсселе и Кракове. Но перечислить европейские столицы и описать происходившие там в 1848—1849 гг. события — это значило бы приоткрыть лишь часть с трудом обозримой картины революционных движений того времени. Множество провинциальных городов, сел и деревень на территории от Атлантического побережья до Урала были участниками волнений, которые во многих местах не менее убедительно, чем движения в столицах, обнаруживали свойственную трудящимся массам беззаветную отвагу, готовность жертвовать жизнью в освободительной борьбе.

Одновременно, в значительной мере под влиянием европейских событий, усилилась освободительная борьба также и за океаном. Своекорыстная, гибельная для демократического движения политика буржуазного правительства США, тайно сблизившегося весной 1849 г. с реакционным правительством испанской монархии, была одной из главных причин провала кубинской экспедиции генерала Лопеза и, в связи с этим, причиной поражения начавшегося еще в 1848 г. освободительного движения на Кубе. Воздействие революции 1848—1849 гг. на негров в различных частях Америки, на ее материке и близких к нему островах подтверждается даже и теми скудными источниками, которые нам доступны.

---

[1] И. В. Сталин. Две линии.— Соч., т. 3, стр. 294.

[2] См. В. И. Ленин. Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа? — Соч., т. 9, стр. 218.

[3] См. И. В. Сталин. Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии.— Соч., т. 9, стр. 102; Беседа с первой американской рабочей делегацией.— Соч., т. 10, стр. 93; Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1950, стр. 48—49.

* * *

Однако в 1848—1849 гг. ни в одной стране, ни там, где были только отдельные революционные вспышки, ни там, где совершились революции, революционная энергия народных масс не получила должного применения, не была достаточно использована. В одних странах она была надломлена в первые же дни волнений, в других — переключилась на ложный, гибельный для революции путь, в третьих — столкнулась с силами, которые в сложившихся исторических условиях одержали временную победу над трудящимися массами и вновь подвергли их на долгие годы жестокому угнетению.

Многочисленны и разнохарактерны причины поражений европейских народов в 1848—1851 гг. В исторических условиях того времени ясно обнаруживаются, например, и сравнительно бо́льшая, чем в XVII—XVIII вв. сложность международной обстановки, и, несмотря на плавность роста капитализма, важные различия результатов социально-экономического и политического развития к середине XIX в. с одной стороны, например, в таких странах, как Англия и Франция, с другой — в странах Южной и Восточной Европы. Неодинаковы были поэтому многие условия революций в разных частях Европы. Достаточно сказать, что абсолютная неорганизованность и политическая незрелость широких трудящихся масс были характерным явлением не только тогдашней царской России, лишь приближавшейся к буржуазно-демократической революции, но и в странах, где уже ранее, до 1848 г., совершались буржуазные революционные перевороты: в Испании, в Неаполитанском королевстве, в Сардинии, в Бельгии. Эти перевороты по разным причинам не произвели глубоких преобразований и не дали народным массам ни организационного, ни достаточного боевого опыта.

Также и в тех странах, которые были значительно более развиты, в странах, которые уже приближались к пролетарской революции, незрелость объективных и субъективных условий для совершения социалистической революции в 1848 г. имела громадное значение. Достаточно отметить, что даже английский пролетариат, хотя он и приобрел некоторый опыт стачечной борьбы и уже в течение многих лет формировал свои профессиональные и политические организации,— в 1848 году еще не имел своей подлинно революционной партии и был идеологически, как и рабочий класс Франции, дезориентирован мелкобуржуазными учениями.

Среди других причин, приведших в 1848—1849 гг. народные массы к поражению, в различных главах данной книги особо отмечались и такие важнейшие факты, как предательство крупной либеральной буржуазии, нерешительность и даже измена мелкобуржуазных демократов, недостаточность революционной активности крестьянства, отсутствие поддержки пролетариата со стороны крестьянства; освещались и причины другого порядка — контрреволюционные интервенции, совершавшиеся в 1848—1849 гг. правительствами разных стран: царской России, буржуазно-аристократической Англии, буржуазно-республиканской Франции, султанской, деспотической Турции.

Возможно ли, видя перед собой все это многообразие и различие условий революционной борьбы в 1848—1849 гг., поставить в плане широкого обобщения вопрос о г л а в н ы х причинах поражения народных масс в этой борьбе?

Неоспоримо, что и политическая незрелость широких масс и их неорганизованность, и контрреволюционные интервенции имели весьма важное значение. Но ведь в исторических условиях XVIII в., в 1789—1794 гг., во Франции, в стране полукрепостнических порядков и еще неизжитой фео-

дальной разобщенности провинций, в стране, где предприятия фабричного типа были лишь редчайшим и неустойчивым исключением, в стране, экономически менее развитой, чем, например, северная Италия, Австрия, Пруссия и Бельгия 1848—1849 гг., народ сумел совершить буржуазно-демократическую революцию, разрушить феодально-абсолютистский строй и, сражаясь в одиночку, одержать решительную победу над силами почти общеевропейской коалиции контрреволюционных интервентов.

Достаточно лишь сопоставить эти два разных исторических примера — французскую революцию XVIII в. и европейские революции 1848—1849 гг., чтобы понять необходимость определенного ограничения роли внешних сил, способных приобретать различное влияние на ход событий, в прямой зависимости от сопротивления, которое встречают эти внешние силы со стороны различных общественных классов и политических партий внутри страны, подвергшейся контрреволюционной интервенции.

Роль буржуазных демократов во французской революции 1789—1794 гг. ясно и многократно определялась Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным. Высказываясь, например, о политике массового революционного террора в 1793—1794 гг., В. И. Ленин писал в 1918 г.: «... Великие буржуазные революционеры Франции, 125 лет тому назад, сделали свою революцию великой посредством *террора* против всех угнетателей, и помещиков и капиталистов!»[1]. Якобинцы, буржуазные революционеры 1793—1794 гг., были, как указывал Ленин, «якобинцы с народом»[2], подлинно революционные буржуазные демократы.

Немаловажной исторической особенностью французской буржуазной революции XVIII в. было и то обстоятельство, что на определенном этапе борьбы с абсолютизмом, летом 1789 г., когда уже начиналась революция, не только буржуазные демократы, но и либералы, представители крупной монархической буржуазии и обуржуазившегося дворянства, играли, хотя и кратковременно, бесспорно революционную роль.

Совсем иная картина раскрылась перед глазами народных масс в различных странах Европы в 1848—1849 гг.

«Во Франции после 1793 г.,— писал В. И. Ленин,— родилась и стала неуклонно расти контрреволюционная либеральная буржуазия...»[3]. Под влиянием различных причин в течение первой половины XIX в. эта контрреволюционная либеральная буржуазия временами «левела», что создавало иллюзию ее якобы глубокого сочувствия демократическим силам французского общества.

Перед 1848 г. этой иллюзии поддавались отсталые слои трудящихся масс в дни банкетной кампании, накануне февральского переворота. Но уже тогда, накануне революции 1848 г., обнаруживалась сущность предательской тактики либералов: они примыкали к общественному движению, агитировали в пользу реформ лишь для того, чтобы избежать революции и сохранить во Франции классовое господство крупной буржуазии. Революция 1848 г. полностью разоблачила контрреволюционную сущность французского либерализма.

Среди германских стран Пруссия, как крупное и сравнительно более развитое государство, была, казалось, особенно подготовлена для того, чтобы возглавить борьбу за объединение Германии и тем самым сыграть ведущую роль в решении основного вопроса германской буржуазной революции. Но с первых же дней революции прусские либералы стали на

---

[1] В. И. Ленин. Грозящая катастрофа и как с ней бороться.— Соч., т. 25, стр. 331.

[2] В. И. Ленин. Переход контрреволюции в наступление.— Соч., т. 24, стр. 495.

[3] В. И. Ленин. Об оценке текущего момента.— Соч., т. 15, стр. 252.

путь предательства. Прусская либеральная буржуазия, возглавлявшаяся Кампгаузеном и Ганземаном, предала своего прямого союзника — крестьянство, составлявшее наиболее мощную силу буржуазной революции; в Прусском собрании либералы благоговейно смирились под пинками графа Бранденбурга, бесцеремонно прогнавшего их, депутатов прусской буржуазии, с политической сцены.

Классовые противоречия в Пруссии и Австрии были сравнительно более развиты и более обнажены, чем в других германских странах, и поэтому в прусской и австрийской революциях 1848—1849 гг. более явственно выступили те свойства, которые уже тогда были присущи буржуазным либералам всех германских государств. Предательская тактика Кампгаузена — Ганземана воспроизводилась во Франкфуртском — общегерманском — собрании Гагерном, Бассерманом и прочими конституционалистами. Мнимо национальное собрание франкфуртских скоморохов своим поведением расхолодило народный энтузиазм и вернуло «прежнюю устойчивость» основам контрреволюции[1].

Либералы предали и дело итальянской буржуазной революции. Сардинские и ломбардо-венецианские либералы — «альбертисты», приверженцы короля-изменника Карла-Альберта, были главными виновниками поражений итальянских войск под Кустоцей и Новарой. Своей предательской политикой они сорвали верный успех национально-освободительной борьбы народных масс в марте 1848 г., когда главный враг Италии — монархия Габсбургов — более чем когда-либо раньше была ослаблена революцией, происходившей в самой Австрийской империи.

Громадные возможности раскрывались перед итальянским народом в этой войне против австрийских угнетателей. Это была одна из тех войн 1848 г., о которых В. И. Ленин, характеризуя тогдашние исторические условия, писал, что тогда, *объективно*, «Феодально-династическим войнам противопоставлялись революционно-демократические и национально-освободительные войны»[2]. Опыт американской войны за независимость в 1775—1782 гг. и опыт революционной войны Франции в 1792—1794 гг. показал, какие закономерности характеризуют войну справедливую, войну революционную, войну, способную воспламенять патриотический энтузиазм в широчайших массах народа, поднимать на борьбу с интервентами даже женщин, детей и стариков, широко раскрывать творческую военно-политическую инициативу масс, пробуждать не только сочувствие передовых людей других стран, но и их готовность к добровольному участию в этой справедливой войне, порождать новые формы вооруженной борьбы, новую военную тактику, короче сказать — способную удесятерять силы народа, борющегося за свою независимость, за свободу. Но «альбертисты» сковали инициативу народа, поставили свои корыстные интересы выше национальных интересов Италии, предали родину.

«Экзальтадос», испанских левых либералов, нельзя, конечно, отождествлять с трусливыми конституционалистами германских государств. Гáндара и его сторонники не побоялись возглавить вооруженное восстание в Мадриде. Но в поражении трудящихся масс в Испании в 1848 г. виновны более всего именно сами «экзальтадос»: отчужденные от масс, скованные боязнью народа, они искали оружие и бойцов в Париже, в то время как сама Испания была пороховой погреб! Ожесточенные схватки трудящихся масс с войсками в мартовские дни 1848 г. на улицах Мадрида и Барселоны показали, какие силы таились в народе, который всего

---

[1] См. Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии.—К. Маркс. Избранные произведения, т. II, 1940, стр. 69—70.

[2] См. В. И. Ленин. О брошюре Юниуса.— Соч., т. 22, стр. 302.

лишь за 40 лет до этих событий увенчал себя неувядаемой славой в боях с разбойничьими войсками Наполеона Бонапарта и в годы, предшествовавшие Бородинскому сражению, дал для всей Европы вдохновляющий девиз: «Сарагосса!».

Буржуазные либералы совместно с межеумками либерализма и буржуазной демократии предавали интересы буржуазно-демократической революции и в тех странах, которые еще целиком находились под иноземным игом.

Отец и сын О'Коннели, буржуазные вожаки ирландских рипилеров, предавшиеся своим поработителям — англичанам, в 1848 г. обрели себе союзников в лице О'Брайена и некоторых других членов Совета революционно-демократической Ирландской Конфедерации.

Чешские либералы, члены рейхстага, обрушивались на австрийских революционных демократов, поднявших в октябре 1848 г. восстание, которое, победив, одним ударом разбило бы габсбургскую тюрьму славянских народов. Как и в Ирландии, среди деятелей чешского национального движения в 1848 г. произошел раскол: радикально-демократическое крыло организационно обособилось от национально-либеральной партии. Но, как и в Ирландии, чешские либералы нашли единомышленников в стане буржуазных демократов, только назывались они не членами Совета Конфедерации, а членами центрального комитета «Славянской липы».

Неоспоримо, что чешские, словацкие, хорватские, сербские, галицийские буржуазные просветители, либералы 30—40-х годов XIX в., одни — раньше, другие — позже, способствовали пробуждению национального самосознания славянских народов, угнетавшихся Габсбургами. Однако процесс развития буржуазных наций в Восточной Европе, как указывал И. В. Сталин, имел очень важные отличительные особенности по сравнению с процессом развития буржуазных наций на Западе. Образование наций на Западе означало и превращение их, буржуазных наций, в самостоятельные национальные государства.

«Но проснувшиеся к самостоятельной жизни оттеснённые нации,— писал И. В. Сталин о чехах и других народах Австрии, — уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своём пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоёв командующих наций, давно уже ставших во главе государства»[1].

Следовательно, эти руководящие слои — австрийская феодальная знать, бюрократия, военщина, словом, австрийское монархическое государство— вот кто был главным врагом образования славянских независимых национальных государств. «Сила национального движения определяется степенью участия в нем широких слоёв нации, пролетариата и крестьянства»[2]. Поставить перед славянскими народами Австрии задачу революционного свержения габсбургской монархии, подчинить свои разнородные национальные интересы более важным и более общим интересам буржуазно-демократической революции, поднять и сплотить на почве революционной программы широкие трудящиеся массы — таков был в 1848 г. священный долг буржуазных вожаков славянских народов, населявших австрийскую империю. В действительности же эти вожаки выполнили прямо противоположную роль: став на позиции австрославизма, они предали дело национального освобождения этих славянских народов, обратили их на путь контрреволюции, укрепившей трон Габсбургов.

Как уже сказано, в малых германских государствах, несмотря на их

---

[1] И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос.— Соч., т. 2, стр. 304.
[2] Там же, стр. 306.

экономическую отсталость, местные либералы неукоснительно следовали по стопам своих более «просвещенных» прусских и австрийских партнеров. Подобная же закономерность проявилась в основных чертах и на политической сцене других экономически отсталых стран: буржуазные либералы, назывались ли они Палацкими или Штурами, Духновичами или Стратимировичами, боялись революционных выступлений крестьянской и городской бедноты и обретали в австрославизме «охранительную» силу. Весь опыт революции 1848—1849 гг. убеждает в том, что более значительное экономическое развитие славянских стран Австрии лишь более явственно обнажило бы контрреволюционность славянского буржуазного либерализма.

Характерно, что даже в аграрной Венгрии, где в 1848 г. вовсе не было крупной торгово-промышленной буржуазии, функция буржуазных либералов была выполнена дворянством, его средними, обуржуазившимися слоями, и эту функцию можно кратко определить теми же тремя словами: сознательная измена революции!

Лицемерная политика либерализма: на словах — воевать с тиранией, на деле — раболепствовать перед любым тираном, способным рассеять призрак «анархии», повторилась и в Бухаресте.

Быстро прошли свой позорный путь валашские правые либералы. Трагикомическая трансформация их вожака Элиаде наиболее выразительно раскрывает антинародную, контрреволюционную сущность политики этой буржуазной группировки: к середине 1848 г. Элиаде — министр независимого валашского правительства; во второй половине того же года — предатель, купивший ценою своей измены правительственный пост в «местоблюстительстве»,... непризнанном турецким султаном.

Истинное лицо либералов, как трусливых мещан, способных при первом же появлении народа на улицах изменять своим политическим декларациям, раскрылось и в скандинавских странах в 1848 г. Достаточно было лишь нескольких стычек народа с войсками на улицах Стокгольма 18—21 марта, чтобы шведские буржуазные конституционалисты сами пригвоздили себя к позорному столбу — помогли провалить проект избирательной реформы, безусловно отвечавшей тогдашним политическим интересам шведской буржуазии.

1848 год — немаловажная дата и в истории российского либерализма. «Отцы» тургеневских нигилистов, когда-то преклонявшиеся перед Белинским, до неузнаваемости изменились в 60—70-е годы XIX в.: они поддались «обаянию четвертака»[1] и, всё еще продолжая восторгаться «чистым искусством», стали, по выражению М. Е. Салтыкова-Щедрина, прислуживать искусству «savoir vivre», о котором наш великий сатирик, вложивший в эти французские слова особый, иронический смысл, писал: «Savoir vivre и мошенничество, может быть, две равно великие, но в то же время совершенно различные силы. Большая разница: *вырвать* у ближнего изо рта кусок наглым образом— и *вынуть* тот же кусок так, чтобы никто не заметил...»[2].

«Либералов 60-х годов Чернышевский назвал «болтунами, хвастунами и дурачьем», ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед власть имущими»[3].

В 60-е годы отчетливо выступили результаты кристаллизации классовой сущности российского либерализма. Но процесс этой кристаллизации начался раньше, и он был ускорен именно революциями 1848—1849 гг.

---

[1] См. М. Е. Салтыков-Щедрин. Соч., т. 3, М., 1951, стр. 134.
[2] Там же, стр. 167.
[3] В. И. Ленин. Крестьянская реформа.— Соч., т. 17, стр. 97.

По свидетельству А. И. Герцена, «... все вопросы переставились громадными событиями 1848 года»[1].

«Революция во всех странах показывает в *действии* разные классы общества»[2]. В 1848—1849 гг. буржуазный либерализм разоблачил свою классовую сущность и свою контрреволюционность не только в тех странах, где совершались революции, но даже и там, где вспыхивали лишь кратковременные народные волнения, отдельные рабочие восстания или изолированные крестьянские выступления. Либералы повсюду выступали против революционных методов борьбы, против революционной демократии.

Практическое познание контрреволюционной сущности буржуазного либерализма — таков второй предметный урок событий 1848—1849 гг.

* * *

Не менее важное значение имел и третий исторический урок — испытание в огне гражданской войны способностей буржуазных демократов к революционной борьбе.

Различны были те трудные задачи, которые стояли перед буржуазными демократами в 1848 — 1849 гг. В одних странах революционная борьба не ограничивалась решением задач буржуазно-демократической революции, и жизнь испытывала тут отношение буржуазных демократов к самостоятельным пролетарским движениям. В других странах, где еще не было или почти не было условий для самостоятельного движения пролетариата, задачи, падавшие на долю буржуазных демократов, были особенно велики именно потому, что вследствие измены либералов к ним, к демократам, переходило руководство в борьбе за оборону завоеваний революции, за углубление этих завоеваний, а в ряде стран — и руководство первым революционным штурмом, самая организация революционного выступления народных масс.

Широка и разнородна была социальная основа буржуазных демократов: в ее состав входила средняя и мелкая буржуазия городов, различные классовые прослойки крепостного или (в других странах) уже «свободного» крестьянства, т. е.— различные общественные классы или различные слои общественных классов. Трудно и даже не всегда возможно установить степень прямого влияния перечисленных социальных сил на различные группировки и фракции тогдашних буржуазных демократов. Но история революций 1848—1849 гг. позволяет с полной точностью определить ту роль, которую, как в передовых странах того времени, так и в отсталых, сыграла основная масса буржуазных демократов.

Для иллюстрации характеристических особенностей германской буржуазной демократии в период революции 1848—1849 гг. достаточно обратиться к истории борьбы за имперскую конституцию. «Душу» борьбы за имперскую конституцию составлял, как указывал Энгельс, «...класс мелкой буржуазии...»[3].

Глубоко анализируя этот последний этап германской революции 1848—1849 гг., Энгельс дал классическую характеристику политической роли мелкой буржуазии в передовых, т. е. экономически наиболее развитых странах того времени. Энгельс писал: «Как показывает история всех политических движений после 1830 г. в Германии, Франции, Англии, этот

---

[1] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Пг., 1919, т. XIII, стр. 154.

[2] В. И. Ленин. Исторические судьбы учения Карла Маркса.— Соч., т. 18, стр. 545.

[3] Ф. Энгельс. Германская кампания за имперскую конституцию.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 401.

класс велеречив, склонен к громким фразам и временами доходит даже до крайностей в своей фразеологии, пока он не видит никакой опасности; он боязлив, осторожен и уклончив, как только приближается малейшая опасность; он изумлен, озабочен, колеблется, как только вызванное им движение подхватывается и всерьез принимается другими классами; он, благодаря своей мелкобуржуазной сущности, предает все движение, как только дело доходит до борьбы с оружием в руках,— и, наконец, в результате его нерешительности, его особенно охотно надувают и третируют, как только побеждает реакционная партия»[1].

Вся история германской революции 1848—1849 гг. подтверждает правильность этой обобщающей характеристики.

Несомненно, были известные различия между умеренными и левыми германскими мелкобуржуазными демократами, например, между Брентано и Струве. Брентано сознательно изменял революции в дни баденского восстания; но, поясняя причины этой измены, Энгельс писал: «Господин Брентано с первой минуты предавал баденское восстание, и *именно* по той причине, что он с первой минуты лучше понимал положение, чем какое-либо другое официальное лицо в Бадене, и принял те единственные меры, которые должны были сохранить господство за мелкой буржуазией и именно вследствие этого погубить все движение»[2].

Умеренный демократ Брентано был лишь наиболее «совершенным» представителем своего класса и, поэтому, он более определенно выражал своим поведением ту закономерность, которая была характерна для стран более развитого капитализма.

Неудивительно и политическое банкротство левых мелкобуржуазных демократов: объективно, по своим результатам, их роль нисколько не отличалась от роли умеренных.

Италия была одной из тех европейских стран, в которых в 1848 г. часть буржуазных демократов сохраняла свою революционность, героическую самоотверженность, способность к вооруженной борьбе. В организации революционного подъема народных масс весной и осенью 1848 г. роль буржуазных демократов, бесспорно, была значительна. Но уже в начале революции обнаруживались колебания демократов, их непоследовательность: видя, что либералы связывают революционную энергию народа, демократы не порывали с ними, не обособлялись от либералов. С весны 1848 г., по мере развития революционных событий, под впечатлением чисто пролетарских движений в Англии, Франции, Пруссии и под влиянием бурных народных выступлений внутри самой Италии, позиции буржуазных демократов все более дифференцировались; их правое крыло, которое, например, в Венеции возглавлялось Манином, а в Тоскане — Гуэррацци, смыкалось с предательским лагерем либералов и фактически становилось орудием либеральной буржуазии.

Центральный район Италии был важнейшим очагом итальянской революции в 1849 г., и события, происходившие тут в первой половине этого года, имели особенно важное значение в истории всей революционной борьбы в Европе: возникновение в 1849 г. римской буржуазно-демократической республики нарушало общее почти для всей Европы нисходящее движение революции, повсюду пробуждало надежды на новый революционный подъем. История римской республики представляет особый интерес еще и в том отношении, что она раскрывает картину самостоятельной государственной деятельности буржуазных демократов — правителей рес-

---

[1] Ф. Энгельс. Германская кампания за имперскую конституцию.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 402.

[2] Там же, стр. 427.

публики, членов Триумвирата — Мадзини, Армеллини, Саффи и их сподвижников.

Результаты этой деятельности освещены выше: ни аграрный вопрос, волновавший основную массу населения — крестьянство, ни другие жизненно важные задачи, в том числе и организация подлинно эффективной обороны в борьбе с контрреволюционными интервентами — французскими, испанскими, неаполитанскими войсками, не были решены Триумвиратом.

Так вторично был нанесен тяжкий удар делу освободительной борьбы итальянского народа: первоначально революционная энергия народа была надломлена виновниками Кустоццы и Новары, либералами Северной Италии; на последнем этапе борьбы — гибельной для революции политикой буржуазных демократов — тосканских, венецианских, римских республиканцев. Особенно тяжкими по своим историческим последствиям были ошибки римских демократов. Поражение республики в Риме — в сердце Италии — было равносильно всеобщему поражению итальянского народа и, кроме того, в данных исторических условиях оно означало крупный, чреватый серьезными последствиями, успех международного лагеря контрреволюции.

Разумеется, как и в германских государствах, среди буржуазных демократов Италии были люди, понимавшие необходимость безотлагательных и глубоких социальных реформ, более решительной, подлинно революционной тактики в борьбе с врагом. Таким людям, как Гарибальди, была чужда трусость. Но, как и в Германии, эти лучшие элементы революционного крыла буржуазной демократии составляли небольшое и не получавшее решающего влияния меньшинство. Характерно, что Гарибальди, видевший, куда ведет пагубная политика Триумвирата, не смог противопоставить мадзинистам другую группировку, иную политическую программу.

Историческая роль революционной части итальянских буржуазных демократов не завершилась их участием в событиях 1848—1849 гг. В условиях сравнительной экономической отсталости Италии и слабого развития крестьянских движений «... энергия буржуазии еще не была сломлена существованием противостоящего ей современного сознательного класса пролетариев»[1]. Между тем необходимость освобождения Италии из-под иноземного ига еще более обострилась после революций 1848—1849 гг. Поэтому даже и в 50-х годах различные общественные классы в Италии — «... и крупное землевладельческое дворянство и городские народные массы стояли на стороне буржуазии как передового борца за национальную независимость»[2]. Но не менее характерен и тот факт, что, выдвинувшись в роли «передового борца за национальную независимость», даже и революционные буржуазные демократы — гарибальдийцы не сумели удержать политическую власть в своих руках: они уступили эту власть савойской династии, монархистам.

Среди других стран Европы, стоявших, казалось, на пороге глубоких буржуазно-демократических преобразований, особенно привлекает внимание Бельгия. Начавшаяся в Бельгии промышленная революция резко усилила обнищание народных масс; экономический кризис и продовольственные бедствия 1847 г. еще более ухудшили положение народа; «монархических симпатий» в широких массах не было; никакая внешняя сила не могла бы остановить революцию, и все-таки революция

---

[1] Ф. Энгельс. Роль насилия в истории.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 460.
[2] Там же, стр. 461.

в Бельгии не совершилась. Главными виновниками этого провала были мелкобуржуазные демократы.

Сильнейшая в Бельгии политическая организация — Демократическая ассоциация, возглавлявшаяся Жотраном, в марте 1848 г. еще вполне могла рассчитывать на успех республиканского движения: трудящиеся массы Брюсселя убедительно демонстрировали свою волю к борьбе за свержение монархии. Однако, вследствие предательской нерешительности Жотрана и его сторонников, наиболее благоприятный момент был безвозвратно упущен; консерваторы и либералы объединились против демократов, и эта коалиция, при попустительстве самих же демократов, широко использовала растущий страх мещанства, поддерживая и распространяя нелепую версию об опасности вторжения в Бельгию французских республиканских войск, о мнимой угрозе завоевания Бельгии Францией. Пароксизм «патриотических» чувств охватил бельгийских мещан, в том числе и Жотрана. Этот припадок понятен: пролетариат начинал оказывать влияние на законодательство во Франции, и обывателю страшны были не штыки французских солдат, а декреты, продиктованные Временному правительству рабочими Парижа.

Мелкая буржуазия Англии испуганно отшатнулась от чартистского движения еще до неудачи апрельской демонстрации. Этот факт особенно важно отметить в общей характеристике поведения мелкобуржуазных демократов в различных странах Европы со времени февральской революции во Франции.

Политические настроения мещанства в различных странах Европы, черпало ли оно свою информацию в лондонском «Таймсе», в брюссельской «Эндепанданс» или в туринском «Рисорджименто», почти безошибочно определялись барометром французской «Горы».

Известно, однако, что французская «Гора» 1848—1849 гг. была жалкой пародией «Горы» 1793—1794 гг.

«Смелость, еще раз — смелость, всегда — смелость, и Франция будет спасена»,—говорил монтаньяр XVIII в. Дантон.

Постоянное откладывание окончательного решения,— так действовали, если и не говорили этого, «монтаньяры» 1848—1849 гг.

Жгучая ненависть к конституционализму монархистов, революционно-демократическая диктатура — у якобинцев Робеспьера.

Парламентский кретинизм — у «якобинцев» Ледрю-Роллена.

Борьба бок о бок с народом, решение хотя бы некоторых важнейших задач буржуазно-демократической революции, победа — вот баланс «Горы» 1793—1794 гг.

Борьба против лучших сынов народа — против парижских рабочих — в 1848 г., трагикомические потуги решить революционные задачи безоружной демонстрацией и фразерством — в 1849 г., позорное фиаско — таков баланс «Горы» Ледрю-Роллена, ставшей «Болотом» XIX века!

Чрезвычайно важные различия условий буржуазных революций, происходивших в разные исторические периоды и в разных странах, либо в одной и той же стране, но в разные времена, глубоко и ярко освещены в трудах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

Так, сопоставляя Францию конца XVIII в. с Францией 1848—1849 гг., В. И. Ленин указывал, что французская буржуазия в конце XVIII в. вовсе не боялась за прочность своей власти и смело шла на союз с массами, с крестьянством; но тогда, в XVIII в., борьба шла за свержение феодально-абсолютистских порядков. «В 1848 г. дело шло о свержении буржуазии пролетариатом»[1]. И в этой борьбе, выдвигавшей задачу несравненно боль-

---

[1] В. И. Ленин. О двух линиях революции.— Соч., т. 21, стр. 379.

шего исторического значения, задачу, решение которой — попутно — довело бы до конца и все незавершенное дело буржуазно-демократической революции, измена мелкой буржуазии пролетариату в такой же мере была причиной поражения, в какой ранее, в конце XVIII в., союз революционной буржуазии с крестьянством обеспечил победу революции.

Замечательно выразил В. И. Ленин диалектику исторического развития мелкой буржуазии, превратностей политической роли ее вожаков: «В 1789 году мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами; в 1848 году они были смешны и жалки; в 1917 —1921 годах они — отвратительные пособники реакции, прямые лакеи ее, по их действительной роли, все равно, зовут ли их Черновыми и Мартовыми или Каутскими, Макдональдами и так далее и тому подобное»[1].

Разумеется, это указание В. И. Ленина не означает, что мелкобуржуазные демократы всех стран Европы в 1848—1849 гг. точно воспроизводили роль Ледрю-Роллена и его сторонников. Сложность, неодинаковость условий и исторических задач политической борьбы в различных странах в 1848—1849 гг. всегда подчеркивались великими учителями пролетариата. Касаясь вопроса о царской интервенции в Венгрии, Ленин писал: «Тогда была еще в Европе среди буржуазных партий настоящая демократия, способная бороться за свободу, а не только лицемерно болтать о ней, как делают все буржуазные демократы в наши дни»[2]. Громадной ошибкой и тяжкой несправедливостью было бы забвение или даже недооценка революционной деятельности таких буржуазных демократов, как, например, Лагранж — во Франции, Блюм и Шлеффель — в Германии, Гарибальди — в Италии, Петефи и Танчич — в Венгрии, Митчел — в Ирландии, Дембовский—среди поляков. Свое особое место в лагере демократии 1848—1849 гг. занимали русские революционные демократы Белинский, Герцен и юный Чернышевский, замечательные революционные мыслители.

Неодинаковость политических позиций мелкобуржуазных демократов внутри одних и тех же стран была закономерным отражением различий, существовавших в отношении к буржуазно-демократической революции и к пролетарским движениям со стороны социальных слоев, составлявших опору демократов, со стороны мелкой буржуазии городов и многомиллионной массы крестьянства.

Зажиточные, вполне обуржуазившиеся крестьяне одного из северных департаментов Франции еще в 1849 г., в особой петиции, представленной президенту, заявляли о своей готовности в любое время, по первому же сигналу Луи Бонапарта, разогнать Собрание, т. е. — совершить контрреволюционный государственный переворот. Совсем иной была роль революционного крестьянства, например роль крестьян — жителей южной Франции, поднявшихся в декабре 1851 г. на защиту буржуазно-демократической республики, против Луи Бонапарта. Немногими, но замечательно верными и выразительными штрихами зарисовал облик этих крестьян-революционеров А. И. Герцен: «Крестьян я мало знаю. Видел я в Лондоне несколько человек, спасшихся *на лодке* из Кайенны; одна дерзость, безумие этого предприятия лучше целого тома характеризует их. Они были почти все с Пиренеев... «Мы воротимся еще когда-нибудь, говорил мне сорокалетний геркулес,... и посчитаемся!»[3].

Хорватские и сербские крестьяне сражались в войсках душителей революции, в армиях Радецкого и Елачича. Но в то же время, в 1848 г., многие отцы или братья солдат Радецкого и Елачича у себя дома, в своих

---

[1] В. И. Ленин. О продовольственном налоге.— Соч., т. 32, стр. 338.

[2] В. И. Ленин. События на Балканах и в Персии.— Соч., т. 15, стр. 204.

[3] А. И. Герцен. Полное собрание сочинений и писем, т. XIV, Пг., 1919, стр. 210.

деревнях, выступали против феодального гнета, рубили помещичьи леса и убивали помещичьих сторожей, а кое-где даже свергали местную власть. Из словацких крестьян формировались контрреволюционные отряды Гурбана; но словацкая крестьянская беднота захватывала помещичьи земли и — в Западной Словакии — солидаризировалась с пролетарским революционером Мелингом, вожаком горняков.

Галицийские крестьяне — украинцы и поляки — пытались, вступая в отряд украинца Кобылицы, выйти на соединение с революционным венгерским народом. Валашские крестьяне боролись с оружием в руках не только против своих прямых классовых врагов — бояр, но и за свое национальное освобождение: они отказывались подчиняться валашским контрреволюционным властям, предававшим страну турецкому султану, пытались присоединиться к революционным войскам Магеру.

Революционность части буржуазных демократов была, таким образом, глубоко обоснована и предопределена движением самих народных масс.

Однако классовая дифференциация крестьянства в большинстве стран Европы в середине XIX в. была более глубокой, чем во времена первых буржуазных революций. И именно вследствие тех изменений во взаимоотношениях между городом и деревней, между буржуазией и крестьянством, о которых писал Маркс, характеризуя итоги аграрного развития Франции в первой половине XIX в. и указывая, что «... интересы крестьян находятся уже не в гармонии с интересами буржуазии, с капиталом, как это было при Наполеоне, а в непримиримом противоречии с ними»[1] и что, поэтому, крестьяне «... находят своего естественного союзника и вождя в *городском пролетариате*, призванном ниспровергнуть буржуазный порядок»[2], одновременно в той же стране, во Франции, и в ряде других стран Европы совершался гораздо быстрее, чем в мануфактурный период, процесс обособления зажиточной верхушки крестьянства, становившейся агентурой крупного капитала. Выше, на многих страницах нашей книги, уже говорилось о том, какое значение имела позиция консервативной части крестьянства для пролетариата. «Революции 1848 г. и 1871 г. во Франции погибли, главным образом, потому, что крестьянские резервы оказались на стороне буржуазии»[3]. В то же время и во Франции, и во всех других странах, где в 1848 — 1849 гг. происходили революции, в условиях более быстрой классовой дифференциации крестьянства, в новых исторических условиях перехода от мануфактуры к крупной, фабричной промышленности, в обстановке начавшихся самостоятельных выступлений пролетариата, — гораздо более резко, чем в XVII — XVIII вв.,—выступила характерная ограниченность революционности буржуазных демократов, их неспособность сплотить вокруг себя эксплуатируемые массы на сколько-нибудь длительный срок, хотя бы даже и на тот кратковременный срок, в течение которого — с июня 1793 по июль 1794 г. — держалась во Франции якобинская диктатура.

«Буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплуатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплуатируемыми, тогда как пролетарская революция может и должна связать их с пролетариатом в длительный союз...»[4].

---

[1] К. Маркс. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. 1, 1949, стр. 296.

[2] Там же.

[3] И. В. Сталин. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов. — Соч., т. 6, стр. 363.

[4] И. В. Сталин. К вопросам ленинизма. — Соч., т. 8, стр. 22.

Неустанно разоблачая меньшевистские, ревизионистские искажения исторического опыта революций 1848—1849 гг., например, ложное утверждение, будто бы из этого опыта явствует, что борьба за свободу невозможна без того или иного союза с буржуазной демократией, Ленин писал: «Напротив, и революция 1848 года, и последующий исторический опыт научил международную с.-д. как раз обратному, именно: что буржуазная демократия все более становится против пролетариата, что борьба за свободу ведется только там последовательно, где пролетариат руководит ею. Не союзам с буржуазной демократией учит 1848-ой год, а необходимости высвобождать последние по степени развития слои народных масс из-под влияния буржуазной демократии, неспособной бороться даже за демократию» [1]. Это указание В. И. Ленина вовсе не означает, конечно, что пролетариат должен всегда и всюду рвать всякую связь с буржуазно-демократическим лагерем. В качестве одного из примеров применения Лениным диалектического метода в решении вопросов революционной тактики пролетариата здесь будет не лишне вспомнить о том, как определял Ленин задачи рабочей партии по отношению к буржуазной демократии в России весной 1906 г. Ленин тогда писал: «Конкретную политическую задачу поддержки буржуазной демократии мы обязаны решить на основании вполне определенного учета конкретных направлений, течений, партий внутри буржуазной демократии» [2].

* * *

Испытание идеологического оружия и проверка своей политической тактики — таков важнейший урок событий 1848—1849 гг. для пролетариата. В первой половине XIX в. даже в наиболее развитых странах пролетариат только еще формировался как особый общественный класс. По выражению В. И. Ленина, французский пролетариат в годы лионских восстаний (1831 и 1834 гг.) едва начинал «... выделяться из общей массы мелкобуржуазного «народа» [3]. В других странах континентальной Европы этот процесс начался позднее и протекал медленнее. Но даже и в более поздние времена, в период, когда повсеместно существовали те или иные рабочие партии, тесная связь пролетариата с мелкой буржуазией сохранялась. «Во всех капиталистических странах пролетариат неизбежно связан тысячами переходных ступеней со своим соседом справа: с мелкой буржуазией» [4]. И Ленин многократно отмечал влияние этой близости пролетариата к мелкой буржуазии на идеологию рабочего класса. Так, например, Ленин писал: «Неразвитость классовых противоречий в народе вообще, в крестьянстве особенно, есть неизбежное явление в эпоху демократической революции, создающей впервые основы для действительно широкого развития капитализма. А эта неразвитость экономики вызывает переживание и воскрешение в той или иной форме отсталых форм социализма, который является мелкобуржуазным социализмом, ибо идеализирует преобразования, не выходящие из рамок мелкобуржуазных отношений» [5].

Неудивительно поэтому, что в исторических условиях первой половины XIX в. среди пролетариата и полупролетариата распространялись утопические учения: сен-симонизм, фурьеризм, оуэнизм, различные эклектические течения французского, английского, немецкого утопического

---

[1] В. И. Ленин. V съезд РСДРП.— Соч., т. 12, стр. 403.
[2] В. И. Ленин. Победа кадетов и задачи рабочей партии.— Соч., т. 10, стр. 248.
[3] В. И. Ленин. Август Бебель.— Соч., т. 19, стр. 263.
[4] В. И. Ленин. Предисловие к сборнику «За 12 лет».— Соч., т. 13, стр. 96.
[5] В. И. Ленин. Социализм и крестьянство.— Соч., т. 9, стр. 282.

социализма и утопического коммунизма. Распространялись эти учения не только внутри тех стран, где они возникали: книгу бабувиста Буонаротти переводил на английский язык и комментировал чартист О'Брайен; сочинения Сен-Симона, Фурье, Кабе были известны передовым людям России не хуже, чем самим французам; вейтлингианцы в своих «детских башмаках пролетариата» прошли не только по Германии, но и по Швейцарии, Швеции, Норвегии.

«Революция 1848 года наносит смертельный удар всем этим шумным, пестрым, крикливым формам *до*-марксовского социализма»[1].

Тактика пролетариата в 1848—1849 гг., определявшаяся, как и учения утопистов, социально-экономическими условиями того времени, свидетельствовала о незрелости рабочего класса, о его неподготовленности к пролетарской революции. Характеризуя роль пролетариата в буржуазных революциях 1848—1849 гг., Энгельс всегда отмечал, что эти революции совершались рабочим классом. «Но,— как указывал Энгельс,— одни только парижские рабочие, свергая правительство, имели совершенно определенное намерение свергнуть и буржуазный строй»[2]. В этом смысле июньское восстание парижских рабочих было первой попыткой пролетарской революции. Всемирно-историческое значение июньского восстания уже не раз освещалось выше. Следует лишь подчеркнуть, что июньское восстание— важнейшее событие революции 1848 г.— было великим испытанием самого пролетариата, степени его идейно-политической подготовленности к борьбе. Это восстание было испытанием и для мелкой буржуазии, класса, который повсюду в Европе был очень многочислен и оказывал на рабочих большое влияние. Июньское восстание, как подчеркивал В. И. Ленин, окончательно определило социалистическую природу одного пролетариата[3]. Июньское восстание более всего и помогло французским рабочим осознать ложность утопических учений, понять, куда ведет луиблановщина — предательская тактика соглашательства с буржуазией.

Нигде в Европе не было в 1848—1849 гг. рабочих движений, равных по своему историческому значению июньскому рабочему восстанию. Но крупная буржуазия всех стран была потрясена восстанием рабочих-парижан, и контрреволюционность этой буржуазии тогда еще более усилилась. Обострение классовых противоречий в июне — июле 1848 г. во Франции и, в значительной мере, под влиянием событий во Франции также и во многих других странах Европы имело громадное прогрессивное значение. Склонность крупной буржуазии различных стран Европы к измене, к предательству интересов буржуазно-демократической революции обнаруживалась и ранее, на первом же этапе революций 1848—1849 гг. Июньское восстание еще более сблизило крупную буржуазию с лагерем контрреволюции. Но разоблачение изменнической роли буржуазии было необходимо для пролетариата. В. И. Ленин писал в 1907 г.: «У нас слишком односторонне, к сожалению, понимают до сих пор категорию буржуазной революции. У нас упускают, напр., из виду, что эта революция должна показать пролетариату — и только она может впервые показать пролетариату, какова *на деле* буржуазия *данной* страны, каковы *национальные* особенности буржуазии и мелкой буржуазии в данной *национальной* буржуазной революции. Настоящее, окончательное и массовое обособле-

---

[1] В. И. Ленин. Исторические судьбы учения Карла Маркса.— Соч., т. 18, стр. 545.

[2] Ф. Энгельс. Предисловие к первому итальянскому изданию «Коммунистического Манифеста».— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 326.

[3] См. В. И. Ленин. Исторические судьбы учения К. Маркса.— Соч., т. 18, стр. 545.

ние пролетариата в класс, противопоставление его всем буржуазным партиям может произойти только тогда, когда история *своей* страны покажет пролетариату *весь облик* буржуазии, как класса, как политического целого, — весь облик мещанства, как слоя, как известной идейной и политической величины, обнаруживавшей себя в таких-то открытых широко-политических действиях»[1].

* * *

Революции 1848—1849 гг. разбили многочисленные идейно-политические иллюзии пролетариата; и эти же революции обогатили подлинно-пролетарский идеологический арсенал — великое учение Маркса и Энгельса. Основы этого учения были заложены до 1848 г. Накануне февральской революции 1848 г. появился «Манифест Коммунистической партии». Всемирно-историческое значение этого великого творения было широко освещено выше. Незадолго до событий 1848 г. началось соединение коммунистической революционной теории с подлинно пролетарским движением, произошел революционный переворот в философии, в науке, в освободительной борьбе рабочего класса. Философия, созданная Марксом и Энгельсом, стала выполнять совершенно новую историческую роль: представляя несокрушимое теоретическое обоснование революционной освободительной борьбы пролетариата, теоретическое обоснование пролетарской, социалистической революции, философия стала служить не только для объяснения, но и для революционного изменения существующего мира.

Свет марксистского учения, изложенного в «Манифесте», стал неудержимо распространяться во всех странах мира. Но «Манифест» подводил итог лишь первого периода в истории развития самого марксизма.

Особенности развития марксизма на разных этапах, позволяющие установить и периодизацию развития марксизма, указывались Лениным: «В Германии до 1848 года особенно выдвигалось философское формирование марксизма, в 1848-ом году — политические идеи марксизма, в 50-ые и 60-ые годы экономическое учение Маркса»[2]. «Это не значит, — пояснял далее В. И. Ленин, — что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* к той или другой стороне»[3].

Естественно, что в 1848—1850 гг. преобладал интерес к вопросам теории революции, к теоретическому обоснованию той революционной политики, которую практически вели Маркс и Энгельс как вожди пролетариата. И. В. Сталин писал: «Марксизм есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, наука о победе социализма во всех странах, наука о строительстве коммунистического общества»[4]. Обращаясь к этому классическому определению сущности марксизма и резюмируя все то, что характеризует революционную и научную деятельность Маркса и Энгельса в 1848—1850 гг., мы видим, что именно н а у к а о р е в о л ю ц и и угнетенных и эксплуатируемых масс получила тогда, в 1848—1850 гг., в трудах Маркса и Энгельса, особенно значительное развитие. В боевой обстановке революционной борьбы, в ожесточенных схватках со своими политическими противниками,

---

[1] В. И. Л е н и н. Заметки публициста.— Соч., т. 13, стр. 57.
[2] В. И. Л е н и н. Наши упразднители.— Соч., т. 17, стр. 53.
[3] Там же, стр. 54.
[4] И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 54—55.

в борьбе за организацию пролетарской партии рождались те великие революционные идеи, о которых подробно говорилось выше: определение значения революций в развитии человеческого общества, учение о революции как непреодолимой творческой силе, широкое раскрытие роли трудящихся масс как решающего фактора во всех социальных революциях, учение о формах движения революции, наброски учения о революционной стратегии и тактике; основы учения о вооруженном восстании как искусстве, идея перманентной революции, раскрывающая один из важнейших вопросов теории революции — вопрос о переходе от буржуазно-демократической революции к революции пролетарской, социалистической; «основные наброски идеи гегемонии пролетариата»[1]; основы учения о союзниках пролетариата в социалистической революции; и, наконец, главнейший вывод из уроков революций 1848—1849 гг., представлявший громадный шаг вперед в развитии науки о революции, это — вывод о необходимости слома буржуазной государственной машины после ее революционного захвата пролетариатом.

По многим причинам, не зависевшим от воли Маркса и Энгельса, ни «Союз коммунистов», распущенный в мае 1848 г. и вновь восстановленный в апреле 1849 г., ни интернациональное «Всемирное общество коммунистов-революционеров», основанное в апреле 1850 г., не могли просуществовать в течение длительного времени. Напряженная организационная деятельность Маркса и Энгельса в этой области не завершилась созданием устойчивой пролетарской партии, и теоретические указания основоположников марксизма не развились в законченное учение о пролетарской партии. И тем не менее вся борьба Маркса и Энгельса за организацию партии имела громадное значение для пролетариата; эта борьба, вооружавшая пролетариат основными набросками учения о партии, раскрывала перед рабочими всех стран значение революционной теории, убеждала в непригодности и вредности всех немарксистских социалистических теорий, учила пролетариат принципиальной непримиримости, решительности и последовательности в организационных выводах по отношению к внутрипартийным фракционерам.

Подводя итог, следует повторить слова В. И. Ленина: «В деятельности самого Маркса и Энгельса период их участия в массовой революционной борьбе 1848—1849 года выделяется, как центральный пункт. Из этого пункта исходят они в определении судеб рабочего движения и демократии разных стран. К этому пункту возвращаются они всегда для определения внутренней природы разных классов и их тенденций в самом ярком и чистом виде. С точки зрения тогдашней, революционной эпохи оценивают они всегда позднейшие, более мелкие, политические образования, организации, политические задачи и политические конфликты»[2].

Так, вооруженные личным боевым опытом, с глубоким теоретическим обобщением всей революционной борьбы 1848—1849 гг., в расцвете своих сил, вступили Маркс и Энгельс, великие учители и вожди пролетариата, никогда не знавшие колебаний, стоявшие на голову выше всех — даже лучших из лучших — своих современников, в новый этап революционной деятельности, в новую стадию всемирно-исторического развития.

* * *

Как ни велики перечисленные уроки революций 1848—1849 гг.,— уроки, извлеченные непосредственно самими массами, и те, которые принес народам всего мира марксизм, обогащенный опытом революций,

[1] И. В. Сталин. Беседа с первой американской рабочей делегацией.— Соч., т. 10, стр. 96.
[2] В. И. Ленин. Против бойкота.— Соч., т. 13, стр. 22.

этим еще не исчерпывается характеристика творческой роли революций 1848—1849 гг., определение их исторического значения.

После революций 1848—1849 гг. почти повсюду установилось господство реакции. В ряде европейских стран пролетариат был лишен насущных, элементарных условий для продолжения своей освободительной борьбы. После 1848 г. «... контрреволюционным силам удавалось начисто смести остатки революционных и социалистических организаций пролетариата...»[1]. Эксплуатация трудящихся масс во Франции в период Второй империи (1852—1870) усилилась. В Германии реакция упорно вытравляла из сознания масс даже самое воспоминание о мартовской революции. На территории Италии только в Сардинском королевстве уцелела конституционная монархия; в Риме была восстановлена папская власть — оплот международной реакции, и всюду в других частях страны господствовал режим жестокого политического террора.

Передовые люди различных стран мира и, прежде всего, участники и современники революций 1848—1849 гг. внимательно изучали исторические условия реакции: господство реакции устанавливалось несколько раз в течение XIX в., и народные массы подвергались тяжкому угнетению в течение более или менее длительных периодов.

С замечательной проницательностью оценивал перспективы исторического развития Франции в годы реакции, при Наполеоне III, наш великий революционер и мыслитель Н. Г. Чернышевский. Он ясно видел неотвратимость новой революции во Франции и за 12 лет до этой революции указывал те причины, которые делали неизбежным свержение Наполеона III: рост промышленности во Франции, обусловливавший и численный рост пролетариата, и его растущую просвещенность. Поэтому в подавлении политической самостоятельности трудящихся масс Чернышевский видел только «мимолетную дремоту», за которой «...должно последовать их пробуждение с обновленными, благодаря видимому бездействию, силами...»[2].

Большой интерес представляет освещение характеристических особенностей исторического развития в периоды реакции, данное М. Е. Салтыковым-Щедриным.

Прибегая по цензурным соображениям к «эзопову языку» и условно называя революцию «реформаторскими усилиями», М. Е. Салтыков писал, что в глазах людей среднего умственного уровня воспоминание о «реформаторских усилиях» почти всегда «... сопрягается с представлением о чем-то недоконченном, возбудившем бесплодные тревоги»[3]. На место людей убежденных, самоотверженных и страстных приходят молчалины, проповедники азбучных истин. Но общество, изгнавшее из своей среды склонность к занятию высшими умственными интересами, общество, с презрением и насмешкою относящееся к так называемым широким вопросам жизни, впадает в одичание, оно живет наудачу и даже не может представить себе последствия, к которым неминуемо должна привести его одичалость[4].

Разумеется, лишь в великих трудах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина даны все необходимые методологические основы для изучения сложных вопросов истории реакционных периодов, для глубокого понимания «связи между революцией и контрреволюцией», для того, чтобы,

---

[1] В. И. Ленин. Заметки публициста.— Соч., т. 16, стр. 223.

[2] «Шестидесятые годы». Материалы по истории литературы и общественному движению. Изд. Ин-та лит-ры Академии Наук СССР, М.— Л., 1940, стр. 17.

[3] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Собр. соч., т. 3, изд-во «Правда», М., 1951, стр. 204.

[4] См. там же, стр. 209.

как писал В. И. Ленин, «... взглянуть на все пережитое... как на одно целое общественное движение, развивающееся по своей внутренней логике»[1].

Наиболее характерной чертой диалектики исторического развития европейских стран после революций 1848—1849 гг., т. е. в период реакции 50-х годов XIX в., было то, что различные контрреволюционные правители этих стран, вопреки собственным интересам, интересам сохранения устоев феодальной аристократии, были вынуждены выполнять многие из тех задач, которые с такой силой выдвинула революционная борьба в эти годы. Вспоминая о событиях 1848—1849 гг., спустя 30 лет, Энгельс писал: «Одной из действительных задач революции 1848 г. (а *действительные*, неиллюзорные задачи революции всегда разрешаются в результате этой революции) было восстановление угнетенных и раздробленных национальностей Средней Европы, поскольку они вообще были жизнеспособны и, в частности, созрели для независимости. Эта задача была разрешена для Италии, Венгрии и Германии душеприказчиками революции — Бонапартом, Кавуром, Бисмарком — соответственно тогдашним отношениям»[2]. Были, конечно, существенные различия в тех процессах, которые привели Германию и Италию к воссоединению в самостоятельные государства: в истории объединения Италии громадную роль сыграло движение «снизу», революционная борьба народных масс. Но плодами народных побед воспользовалась савойская династия, которая и завершила объединение страны. Поэтому и в Италии, как еще раз указывал Энгельс в 1895 г.: «Могильщики революции 1848 г. стали ее душеприказчиками»[3].

Раскрывающееся тут, в понятии «душеприказчика революции», буржуазное содержание политики Наполеона III, Кавура и Бисмарка представляет один из многих исторических примеров, иллюстрирующих марксистско-ленинское учение о базисе и надстройке. «Базис есть экономический строй общества на данном этапе его развития... Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку. Базис феодального строя имеет свою надстройку, свои политические, правовые и иные взгляды и соответствующие им учреждения, капиталистический базис имеет свою надстройку, социалистический — свою»[4]. Сохранение старой государственной формы — абсолютизма XVII—XVIII вв.— стало невозможно даже в такой стране, как Пруссия. В Пруссии (и во всем имперском строе Германии) развилась после революций 1848—1849 гг. та новая государственная форма, которая, как указывал Энгельс, была формой разложения старой абсолютной монархии и, одновременно, формой монархии бонапартистской[5]. Появление же этой своеобразной государственной формы было закономерным результатом тех существенных социально-экономических сдвигов, которые и в Германии и во многих других странах произошли под воздействием «локомотивов» 1848—1849 гг. «В государствах Западной Европы,— писал В. И. Ленин,— последние остатки крепостного права были уничтожены революциями 1789-го года во Франции, 1848-го в большинстве остальных стран»[6]. Революции 1848—1849 гг. расчистили путь для дальней-

---

[1] В. И. Ленин. Революция и контрреволюция, Соч., т. 13, стр. 98.

[2] Ф. Энгельс. Письмо Каутскому от 7 февраля 1882 г.— К. Маркс и Ф. Энгельс.— Соч., т. XXVII, стр. 184—185.

[3] К. Маркс. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. Введение. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, 1949 г., стр. 99.

[4] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 5.

[5] Ср. Ф. Энгельс. К жилищному вопросу.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 53.

[6] В. И. Ленин. Пятидесятилетие падения крепостного права.— Соч., т. 17, стр. 64.

шего и более быстрого развития капитализма. Отлично зная, что первые фабрики в германских странах появились до 1848 г., Энгельс все же указывал, что именно революции 1848—1849 гг. привели в движение промышленную революцию в Германии[1]. Энгельс отметил и тот весьма важный факт, что промышленная революция как переворот европейского масштаба совершилась после 1848 г. Сопоставляя исторические условия первой половины XIX в. с последующим периодом с точки зрения перспектив пролетарской революции, Энгельс писал: «История показала..., что состояние экономического развития европейского континента в то время [в 1848 г.] далеко еще не было настолько зрелым, чтобы устранить капиталистический способ производства; она доказала это экономической революцией, которая с 1848 г. охватила весь континент и собственно впервые фактически укоренила крупную промышленность во Франции, Австрии, Венгрии, в Польше, недавно и в России, а из Германии сделала прямо-таки первоклассную промышленную страну...»[2].

Не может быть ни малейших сомнений, что под экономической революцией подразумевалась промышленная революция. Энгельс тут же продолжал: «Но именно эта промышленная революция и внесла повсюду ясность в классовые отношения; она устранила множество промежуточных форм, перешедших из мануфактурного периода, а в Восточной Европе породила даже из цехового ремесла подлинную буржуазию и подлинный крупнопромышленный пролетариат, выдвинув их на авансцену общественного развития»[3].

Так, в мрачные годы реакции, в исторической обстановке, сложившейся либо в результате прямого, непосредственного воздействия революций и национальных движений 1848—1849 гг., либо под влиянием причин более позднего происхождения, но выросших на почве тех преобразований, которые были вынуждены совершать душеприказчики революции, произошли в Европе и других странах мира в период с 1848 по 1871 г. события, имевшие великое прогрессивное значение. Главнейшие из них — I Интернационал, этот, по выражению Энгельса, наследник 1848 г.[4], и Парижская Коммуна, ступенью к которой было восстание пролетариата в Париже в июне 1848 г.

Из множества других, менее значительных, но очень важных преобразований, в той или иной мере обязанных своим происхождением славной борьбе народов в 1848—1849 гг., достаточно перечислить такие события, как завоевание английским пролетариатом представительства (хотя и недостаточного) в парламенте, реализация некоторых других политических требований чартистов и прочих очень важных для пролетариата реформ; уже отмеченное выше завершение воссоединения Италии и Германии в самостоятельные государства; реформа 1861 г. в России; частичное признание национальной самостоятельности Венгрии Австрией, превратившейся в 1867 г. в двуединое государство — конституционную австро-венгерскую монархию; освобождение румынских княжеств Молдавии и Валахии из-под турецкого ига; новые буржуазные революции в Испании; освобождение греков — жителей Ионических островов от английского господства и их воссоединение с Грецией.

---

[1] См. Ф. Энгельс. Письмо к Бебелю от 11 декабря 1884 г.—К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 436; ср. также письмо Энгельса к Бебелю от 11 октября 1884 г., стр. 414.

[2] К. Маркс. Классовая борьба во Франции. Введение.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 471.

[3] Там же.

[4] См. там же, стр. 472.

* * *

Ко времени *пятидесятилетия* революции 1848—1849 гг. капитализм вступил в особую стадию своего развития. На смену «старому» капитализму, капитализму свободной конкуренции, пришел монополистический капитализм — империализм. Многие исторические условия освободительной борьбы трудящихся масс на Западе и Востоке существенно изменились. Появились новые исторические закономерности, не предвиденные Марксом и Энгельсом. Основоположники марксизма не дожили до созревания тех новых явлений, которые — внутри различных стран и во всей мировой системе капитализма — были порождены империализмом.

К началу XX в. переместился и мировой центр революционного движения пролетариата: он передвинулся из Германии в нашу страну, в Россию.

На Западе лишь немногие одиночки из числа левых социал-демократов были способны осознать — да и то лишь частично — значение складывавшихся к началу XX в. новых исторических условий; и уж никто из них не обладал великим дарованием — способностью самостоятельно развивать революционную теорию, обогащать учение Маркса и Энгельса новыми идеями, вскрывать и научно объяснять новые закономерности, применяя метод материалистической диалектики в изменившейся исторической обстановке. Большинство социал-демократических вожаков Интернационала, ревизионисты и центристы различных стран мира, предали интересы пролетариата: изменение исторической обстановки они использовали для «обоснования» своего предательства, своих оппортунистических лжеучений, лишь подкреплявших классовое порабощение пролетариата.

Между тем самый переход от капитализма свободной конкуренции к империализму означал общее усиление реакции, ухудшение жизненных условий трудящихся масс во всем мире. В этот критический период всемирной истории, в период высшей стадии капитализма, означавшей одновременно и его последнюю стадию, канун социалистической революции, сотни миллионов людей — трудящиеся и эксплуатируемые массы обоих полушарий мира — более чем когда-либо раньше нуждались в дальнейшем творческом развитии марксизма и в революционных вождях, способных разоблачить измену оппортунистов, организовать авангард пролетариата как партию нового, высшего типа, поднять революционный дух пролетариата и смело возглавить пролетариат в его решающих боях.

Пройдут тысячелетия, но среди народов мира вечно будет жить память о том, что наша страна дала трудящимся массам тех величайших светочей человечества, которые и создали главнейшие условия, необходимые для победы социалистической революции, подняли марксизм на новую высоту, раскрыли новые исторические закономерности, организовали подлинно пролетарскую партию нового типа, воодушевили пролетариат и привели его к победам всемирно-исторического значения.

Еще на заре XX столетия, почти одновременно появились два революционных органа — ленинская «Искра» и сталинская ბრძოლა («Брдзола»), возвещавшие начало упорной борьбы В. И. Ленина и И. В. Сталина за организацию в России подлинно марксистской партии, способной глубоко разоблачать оппортунизм, беспощадно бороться с ним в России и на международной арене, руководить пролетариатом в его освободительной борьбе.

«Ленин был рожден для революции. Он был поистине гением революционных взрывов и величайшим мастером революционного руководства.

Никогда он не чувствовал себя так свободно и радостно, как в эпоху революционных потрясений... В дни революционных поворотов он буквально расцветал, становился ясновидцем, предугадывал движение классов и вероятные зигзаги революции, видя их, как на ладони... Отсюда «поразительная» **ясность** тактических лозунгов и «головокружительная» **смелость** революционных замыслов Ленина»[1].

Так характеризовал гения революции — Владимира Ильича Ленина его верный соратник и друг Сталин. С исчерпывающей полнотой пояснял Иосиф Виссарионович Сталин во многих своих трудах громадное значение теоретических работ Ленина, создавших новую эпоху в развитии марксизма, позволивших и самый марксизм — в этот новый период его развития — именовать ленинизмом.

Сравнить этот современный этап развития марксизма с предшествующим этапом, сравнить и основные результаты современной освободительной борьбы пролетариата с результатами революций 1848—1849 гг., значит — еще лучше понять прошлое, лучше, точнее определить историческое место революций 1848—1849 гг.

Ленин «...дал обоснованный марксистский анализ империализма, как последней фазы капитализма, вскрыв его язвы и условия его неизбежной гибели. На базе этого анализа возникло известное положение Ленина о том, что в условиях империализма возможна победа социализма в отдельных, отдельно взятых, капиталистических странах»[2].

Ленин развил учение о диктатуре пролетариата: он открыл наилучшую государственную форму диктатуры пролетариата — Советскую власть[3]; диктатуру пролетариата Ленин определил «... под углом зрения проблемы о союзниках пролетариата, ...как особую форму классового союза пролетариата, являющегося руководителем, с эксплуатируемыми массами непролетарских классов (крестьянства и пр.), являющимися руководимыми»[4].

Ленин осветил диктатуру пролетариата как высший тип демократии при классовом обществе, как форму **пролетарской** демократии, выражающую интересы большинства (эксплуатируемых), — в противовес демократии **капиталистической**, выражающей интересы меньшинства (эксплуататоров)[5].

Ленин решил ряд вопросов «...о формах и способах успешного строительства социализма в период диктатуры пролетариата...»[6]

Ленин развил наброски идеи гегемонии пролетариата «...в стройную систему гегемонии пролетариата, в стройную систему руководства пролетариата трудящимися массами города и деревни не только в деле свержения царизма и капитализма, но и в деле социалистического строительства при диктатуре пролетариата»[7].

Ленин систематизировал высказанные Марксом и Энгельсом «отправные идеи по национально-колониальному вопросу», создал «стройную систему взглядов о национально-колониальных революциях в эпоху империализма», «объявил национально-колониальный вопрос частью общего вопроса о международной пролетарской революции»[8].

---

[1] И. В. Сталин. О Ленине.— Соч., т. 6, стр. 61.
[2] И. В. Сталин. Беседа с первой американской рабочей делегацией.— Соч., т. 10, стр. 94.
[3] См. там же, стр. 94.
[4] Там же.
[5] См. там же стр. 94—95.
[6] Там же, стр. 95.
[7] Там же, стр. 96.
[8] Там же, стр. 98.

Ленин разработал учение о партии пролетариата. В трудах Маркса и Энгельса были даны основные наброски о партии как передовом отряде пролетариата, необходимом для совершения пролетарской, социалистической революции. «Новое у Ленина в этой области состоит в том, что он развил дальше эти наброски применительно к новым условиям борьбы пролетариата в период империализма...»[1]. Четыре формулировки выражают наиболее кратко то новое, что было внесено Лениным в учение о партии:

«партия есть высшая форма классовой организации пролетариата...»;

«диктатура пролетариата может быть осуществлена лишь через партию, как её направляющую силу»;

«диктатура пролетариата может быть полной лишь в том случае, если ею руководит одна партия, партия коммунистов, которая не делит и не должна делить руководство с другими партиями»;

«без железной дисциплины в партии не могут быть осуществлены задачи диктатуры пролетариата по подавлению эксплуататоров и перестройка классового общества в общество социалистическое»[2].

* * *

Незадолго до семидесятипятилетия революций 1848 г. вся историческая обстановка снова — и уже коренным образом — изменилась. В истории человечества началась новая эра. В 1917 г. русский пролетариат, руководимый Лениным и Сталиным, совершил победоносную социалистическую революцию.

Победа Октябрьской революции, писал И. В. Сталин, «...означает коренной перелом в истории человечества, коренной перелом в исторических судьбах мирового капитализма, коренной перелом в освободительном движении мирового пролетариата, коренной перелом в способах борьбы и формах организации, в быту и традициях, в культуре и идеологии эксплуатируемых масс всего мира.

В этом основа того, что Октябрьская революция есть революция интернационального, мирового порядка»[3].

В 1917 г. мир раскололся на две системы. Капитализм со времени первой мировой империалистической войны и Великой Октябрьской социалистической революции вступил в стадию своего **общего** кризиса. Возникли совершенно особые и различные закономерности общественного развития, одни — в странах капитализма, совсем иные — в стране социализма, в СССР.

Семидесятипятилетие революций 1848 г. отмечалось в 1923 г. Это был последний год жизни великого Ленина... 21 января 1924 года Ленина не стало.

Величайшая ответственность — ответственность всемирно-исторического значения — и задачи неописуемой трудности пали на человека, который вместе с Лениным, как его верный ученик и ближайший друг, прошел весь славный путь борьбы за создание большевистской партии, вместе с Лениным возглавлял боевой авангард пролетариата в октябре 1917 г., одерживал решающие победы на самых трудных и наиболее опасных участках фронта гражданской войны и сам, уже в течение многих лет,

---

[1] И. В. Сталин. Беседа с первой американской рабочей делегацией.—Соч., т. 10, стр. 98, ср. И. В. Сталин. Об основах ленинизма. — Соч., т. 6, стр. 170—186.

[2] И. В. Сталин. Беседа с первой американской рабочей делегацией. — Соч., т. 10, стр. 99.

[3] И. В. Сталин. Международный характер Октябрьской революции.— Соч., т. 10, стр. 240.

обогащал учение марксизма-ленинизма, науку о революции, классическими трудами. И нужна была именно сталинская — многогранная — гениальность, нужен был сталинский титанический революционный размах, чтобы решить необозримое множество труднейших и столь разнородных задач:

продолжить развитие марксизма-ленинизма в новых, особенно сложных, условиях борьбы двух систем, раскрыть закономерности общего кризиса капитализма и тем самым вооружить трудящиеся массы всех стран мира глубоким пониманием происходящих событий и предстоящих изменений мира;

отстоять и развить ленинскую теорию о возможности победы социализма в одной стране и практически доказать справедливость этой теории — построить социализм;

развить ленинскую теорию диктатуры пролетариата, развить марксистско-ленинское учение о государстве и создать сильнейшую в мире государственную власть;

разработать теорию социалистической переделки мелкого крестьянского хозяйства и совершить труднейшую социальную революцию: ликвидировать у нас последний эксплуататорский класс и до неузнаваемости преобразовать нашу отсталую деревню в мощные, машинизированные коллективные хозяйства;

разработать теорию социалистической индустриализации и в кратчайшие сроки превратить нашу Родину в могучую, первоклассную промышленную державу;

создать научную теорию стратегии и тактики и так организовать вооруженные силы нашей страны, чтобы Советская Армия стала самой сильной армией в мире;

создать школу полководцев нового, высшего типа и лично возглавить командование Советской Армией в годы тягчайшего испытания в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.;

развить марксистско-ленинское учение о войнах, широко раскрыть различия между войнами справедливыми и войнами несправедливыми и своей победой над фашизмом в 1945 г. освободить весь мир от грозившего ему чудовищного фашистского рабства!

К столетию событий 1848—1849 гг. восторжествовали новые победы социализма.

Появление новых теоретических трудов И. В. Сталина, его руководящих указаний по основным вопросам различных наук — о природе, об обществе, о языке, обогащение марксистской теории великим вкладом в учение о базисе и надстройке представляет новый, имеющий всемирно-историческое значение успех в развитии марксизма-ленинизма. Введение всеобщего обязательного семилетнего обучения знаменует завершение культурной революции в СССР; великие сталинские стройки коммунизма и грандиозные насаждения преобразуют даже природные условия нашей чудесной страны.

После победы Советской Армии во второй мировой войне изменилась общественная жизнь и в ряде зарубежных стран: на Западе и Востоке возникли народно-демократические республики.

Братский союз стран народной демократии с нашим непобедимым государством укрепляет их независимость, оберегает их от империалистов. Опыт народов нашей страны, уроки героической борьбы Всесоюзной коммунистической партии, партии большевиков, и постоянная помощь Советского Союза в громадной мере облегчают странам народной демократии строительство новой жизни. Учение Ленина и Сталина ярко озаряет весь путь народов этих стран к социализму.

Два лагеря противостоят теперь друг другу. Лагерь злобных, тупых реакционеров идет по стопам «жандармов Европы» 1848 г. к своей неотвратимой гибели. Не желая признать неопровержимой истины, что «мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму»[1], современные главари международной реакции тщетно пытаются остановить прогрессивное движение человечества своими зверскими насилиями. Этот антинародный лагерь возглавляется США, фашизированным государством, центром международной реакции, главным штабом агрессоров, поджигателей третьей мировой войны, войны против СССР и стран народной демократии. Там, в Соединенных Штатах Америки, в стране жесточайшей эксплуатации трудящихся масс и расовой дискриминации, стране терроризирующей и порабощающей миллионы людей, нашли свое наиболее характерное воплощение все пороки, все мерзости капиталистического строя.

Другой лагерь — это лагерь борьбы за социализм, за свободу, за мир, лагерь, возглавляемый Советским Союзом! Разительный контраст всех жизненных условий в странах, освободившихся от капиталистического и национального порабощения, в странах, не знающих кризисов и безработицы, ясно видят сотни миллионов людей во всем мире. И во всем мире с благодарностью и любовью сотни миллионов людей произносят великое и дорогое имя: *Сталин!* Это имя — символ освобождения всех эксплуатируемых и угнетаемых масс, символ демократии, социализма, символ мира и счастия народов.

* * *

Несоизмеримо историческое значение событий 1848—1849 гг. и революционных переворотов нашего времени.

Нам, современникам величайших в истории социальных преобразований, совершающихся теперь во многих странах мира, особенно понятна правильность той, принадлежащей Марксу, характеристики революций 1848 г., в которой эти революции названы «... ничтожными щелями и трещинами в твердой коре европейского общества»[2]. Но эти слова не умаляют исторических заслуг революционеров 1848—1849 гг.: своей мужественной революционной борьбой лучшие люди того времени ускорили приближение человечества к великой освободительной эпохе Ленина и Сталина!

---

[1] В. М. Молотов. Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции. «Большевик», 1947, № 21, стр. 17.

[2] К. Маркс. Революция 1848 года и пролетариат. Речь К. Маркса на юбилее «The People's Paper». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 5.

БИБЛИОГРАФИЯ

Составитель библиографии — научный сотрудник Института истории
О. Л. Фролова

Редактор — заведующий сектором истории Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии Наук СССР старший научный сотрудник К. Р. Симон

Настоящая библиография, являясь органической частью данного тома и следуя в основном расположению и тематике его статей, имеет целью облегчить читателю, желающему более детально ознакомиться с событиями революций 1848—1849 гг., задачу самостоятельного их изучения.

В соответствии с этой общей установкой библиография дает указания на:

а) труды и отдельные высказывания классиков марксизма-ленинизма по вопросам истории революций 1848—1849 гг.;

б) законодательные акты, протоколы и стенографические отчеты различных представительных собраний, декларации правительств, политических партий и общественных организаций и т. п. материалы документального характера;

в) важнейшие воспоминания, дневники, переписку и другие работы современников и участников событий, принадлежащие перу представителей различных классов и партий;

г) труды советских историков и лучшие работы дореволюционных русских историков;

д) некоторые работы современных прогрессивных зарубежных историков и, наконец,

е) некоторые наиболее важные из старых или новейших зарубежных исторических работ, представляющих известный интерес по сообщаемому в них фактическому материалу.

Нижеследующие указания технического порядка облегчат читателю ознакомление с библиографией:

1. Указания на произведения классиков марксизма-ленинизма даны по следующим изданиям:

а) Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения в 2-х томах. М. 1948 (или 1949).

б) Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М.—Л. 1929—1947.

в) Ленин В. И. Сочинения, изд. 4-е. М. 1941—1950.

г) Сталин И. В. Сочинения. М. 1946—1951.

В тех случаях, когда имеются указания на какие-либо иные издания произведений классиков марксизма-ленинизма, кроме указанных выше, библиографическое описание этих изданий дается в самом тексте.

2. Работы, относящиеся ко всему тому, указаны в начале под загл.: «Общая часть» и в библиографии к отдельным главам не повторены.

3. Библиография к главам дается в следующем порядке: а) произведения классиков марксизма-ленинизма, б) справочные издания (биографич. словари, библиографич. указатели и т. п.), в) источники (документы, мемуары, дневники и т. п.), г) исторические исследования.

4. Работы на русском языке указываются перед иностранными, но переводы на русский язык иностранных работ указываются вслед за подлинником.

5. В описаниях принят ряд сокращений. В частности, следующие места изданий указываются сокращенно: Л.— Ленинград, М.—Москва, Пг. и СПб.— Петроград и Петербург, B.—Berlin, L.— London, Lpz.—Leipzig, P.—Paris, N. Y.— New York.

6. В многотомных изданиях указаны лишь тома, относящиеся к периоду 1847—1851 гг.

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 1—39.

Маркс К. и Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. В кн.: **Маркс К.** Избр. произв. Т. II. [М.] 1940, с. 31—126.

Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты». — Соч. Т. VII. С. 10: · Европейская революция; с. 309—315: Экономическое положение.

Маркс К. и Энгельс Ф. Международные обзоры.— Соч. Т. VIII, с. 199—262.

Маркс К. и Энгельс Ф. Революция в Китае и Европе.— Соч. Т. IX, с. 317.

Маркс К. Наемный труд и капитал.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 44—79.

Маркс К. Классовая борьба во Франции.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 91—207.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 208—302.

Маркс К. Речь на юбилее «Народной газеты».— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 317—319.

Маркс К. Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 339—340.

Маркс К. Революции 1848 года и пролетариат.— Соч. Т. XI. Ч. 1, с. 5—6.

Маркс К. Экономический кризис в Европе.— Соч. Т. XI. Ч. 1, с. 51—65.

Маркс К. Революция в Испании. В кн.: **Маркс К. и Энгельс Ф.** Революция в Испании. Статьи и корреспонденции. 1854—1873. [М.] 1937, с. 114.

Энгельс Ф. Революционные движения 1847 года.— Соч. Т. V, с. 239—249.

Энгельс Ф. «Кризис» в Пруссии.— Соч. Т. XV, с. 83.

Энгельс Ф. Роль насилия в истории.— Соч. Т. XVI. Ч. 1, с. 452—458, 463—469.

Энгельс Ф. Предисловие к первому итальянскому изданию «Коммунистического Манифеста».— Соч. Т. XVI. Ч. 2, 326—327.

Энгельс Ф. Письмо Э. Бернштейну. 31 января 1882 г.— Соч. Т. XXVII, с. 183—184.

Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому. 7 февраля 1882 г.— Соч. Т. XXVII, с. 184—185.

Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю. 11 декабря 1884 г.— Соч. Т. XXVII, с. 436. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 385.

Ленин В. И. Протест российских социал-демократов.— Соч. Т. 4, с. 157.

Ленин В. И. Задачи революционной молодежи.— Соч. Т. 7, с. 39.

Ленин В. И. Народничествующая буржуазия и растерянное народничество.— Соч. Т. 7, с. 94.

Ленин В. И. Революционные дни.—Соч. Т. 8, с. 84.

Ленин В. И. Новые задачи и новые силы.— Соч. Т. 8, с. 192—193.

Ленин В. И. Революция типа 1789 или типа 1848 года?— Соч. Т. 8, с. 228—230.

Ленин В. И. Новый революционный рабочий союз.— Соч. Т. 8, с. 471.

Ленин В. И. «Революционеры» в белых перчатках.— Соч. Т. 8, с. 492—493.

Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции.—Соч. Т. 9, с. 32—35, 41, 77, 93—94.

Ленин В. И. Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?—Соч. Т. 9, с. 217—218.

Ленин В. И. Равновесие сил.— Соч. Т. 9, с. 382—383.

Ленин В. И. Партизанская война.— Соч. Т. 11, с. 186—187, 192.

Ленин В. И. Тактическая платформа меньшевиков.— Соч. Т. 12, с. 228—229.

Ленин В. И. Аграрный вопрос и силы революции.— Соч. Т. 12, с. 296—298.

Ленин В. И. V съезд РСДРП.— Соч. Т. 12, с. 403.

Ленин В. И. Против бойкота.— Соч. Т. 13, с. 21—23.

Ленин В. И. Предисловие к сборнику «За 12 лет».— Соч. Т. 13, с. 96.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов.— Соч. Т. 13, с. 266—335.

Ленин В. И. По торной дорожке!— Соч. Т. 15, с. 32.

Ленин В. И. К оценке русской революции.— Соч. Т. 15, с. 36—37, 39—44.

Ленин В. И. События на Балканах и в Персии.— Соч. Т. 15, с. 204.

Ленин В. И. Об оценке текущего момента.— Соч. Т. 15, с. 250—252.

Ленин В. И. На дорогу.— Соч. Т. 15, с. 322.

Ленин В. И. Заметки публициста.— Соч. Т. 16, с. 182, 223.

Ленин В. И. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России.— Соч. Т. 16, с. 347, 353.

Ленин В. И. Наши упразднители.— Соч. Т. 17, с. 53—54.

Ленин В. И. Принципиальные вопросы избирательной кампании.— Соч. Т. 17, с. 373—374.

Ленин В. И. Памяти Герцена.— Соч. Т. 18, с. 10.

Ленин В. И. Исторические судьбы учения Карла Маркса.— Соч. Т. 18, с. 544—545.

Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма.— Соч. Т. 19, с. 7—8.

Ленин В. И. Под чужим флагом.— Соч. Т. 21, с. 117—129.

Ленин В. И. Крах II Интернационала.— Соч. Т. 21, с. 189—190.
Ленин В. И. О брошюре Юниуса.— Соч. Т. 22, с. 302—303.
Ленин В. И. Переход контрреволюции в наступление.— Соч. Т. 24, с. 495.
Ленин В. И. О конституционных иллюзиях.— Соч. Т. 25, с. 178—181.
Ленин В. И. Из дневника публициста.— Соч. Т. 25, с. 269—270.
Ленин В. И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться.— Соч. Т. 25, с. 331.
Ленин В. И. Государство и революция. Гл. II. Государство и революция. Опыт 1848—1851 годов.— Соч. Т. 25, с. 373—385.
Ленин В. И. Марксизм и восстание.— Соч. Т. 26, с. 4—5.
Ленин В. И. VIII съезд РКП(б). 18—23 марта 1919 года.— Соч. Т. 29, с. 177.
Ленин В. И. Третий Интернационал и его место в истории.— Соч. Т. 29, с. 282—283.
Ленин В. И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г.— Соч. Т. 29, с. 311—346.
Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Соч. Т. 31, с. 42—43, 65—66.
Ленин В. И. О продовольственном налоге.— Соч. Т. 32, с. 338—339.
Ленин В. И. III конгресс Коммунистического Интернационала.— Соч. Т. 32, с. 436—437.
Ленин В. И. Материалы к критике аграрных воззрений В. Чернова.— Ленинский сборник. XIX. М. 1932, с. 151.
Сталин И. В. Российская социал-демократическая партия и ее ближайшие задачи.— Соч. Т. 1, с. 23.
Сталин И. В. Маркс и Энгельс о восстании.— Соч. Т. I, с. 243—246.
Сталин И. В. Анархизм или социализм?— Соч. Т. 1, с. 294—372.
Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос.— Соч. Т. 2, с. 290—367.
Сталин И. В. Две линии.— Соч. Т. 3, с. 294.
Сталин И. В. Ленин как организатор и вождь РКП.— Соч. Т. 4, с. 311.
Сталин И. В. Об основах ленинизма.— Соч. Т. 6, с. 126—127.
Сталин И. В. Октябрьская революция и тактика русских коммунистов.— Соч. Т. 6, с. 362—363.
Сталин И. В. О перспективах революции в Китае.— Соч. Т. 8, с. 363.
Сталин И. В. VII расширенный пленум ИККИ.— Соч. Т. 9, с. 101—102.
Сталин И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией.— Соч. Т. 10, с. 92—93, 96—100.
Сталин И. В. Международный характер Октябрьской революции.— Соч. Т. 10, с. 239—240.
Сталин И. В. Речь на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г.— Соч. Т. 13, с. 239.
Сталин И. В. К вопросам ленинизма — Вопросы ленинизма. Изд. 11-е, с. 111—114.
Сталин И. В. Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом 23 июля 1934 г.— [М.] 1939, с. 13—19.
Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. [М.] 1950, 55 с.
История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1945, 63—67.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

Grandin A. Bibliographie générale des sciences juridiques, politiques et sociales de 1800 à 1925/1926. T. 1—3. P. 1926. [Имеются добавления за 1926/1927 и последующие годы].
International bibliography of historical sciences. Ed. by the International committee of historical sciences. 1926—1939. P. — N. Y. [etc.] 1930—1942.
Stammhammer J. Bibliographie des Socialismus und Communismus. Bd 1 — 3. Jena. 1893—1909.

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время. Т. 5. История Западной Европы в средние десятилетия XIX в. (1830—1870 гг.). Изд. 4-е. Пг. 1916. VI, 914 с. [Библиография к главам].
Книга для чтения по истории нового времени. Т. 4. (Ч. 1. История Западной Европы). М. 1913. 744 с. (Историч. комиссия учебного отдела ОРТЗ).
Молок А. И. Революция 1848 года и наша современность. Расшир. стеногр. публ. лекции. Л. 1949. 80 с.
Fyffe Ch. A. History of modern Europe, 1792—1878. 2d ed. N. Y. 1896. 1112 p. Перевод: **Файф Ч.** История Европы XIX века. Пер. со 2-го англ. изд. М. В. Лучицкой под ред. И. В. Лучицкого. Изд. 2-е. СПб. 1904. XVIII, 784 с.
Histoire générale du IV-e siècle à nos jours. Ouvrage publ. sous la dir. E. Lavisse, A. Rambaud. T. 10—11. P. 1924—1925. T. 10. Les monarchies constitutionnelles 1815—1847. T. 11. Révolutions et guerres nationales. [Библиография к главам; более новая литература в конце томов.] Перевод: История XIX века. Под ред. Лависса и Рамбо. Пер. с франц., 2-е доп. и испр. изд. под ред. Е. В. Тарле. Т. 5—6. М. 1938. 583 с. [Библ. к главам, специально сост. к русск. изд.]
Ponteil F. 1848. P. 1937. 224 p.
Seignobos Ch. Histoire politique de l'Europe contemporaine. Évolution des partis et des formes politiques (1814—1914). 7-e éd. entièrement refondue et considérablement augm. T. 1—2. P. 1924. [Библ. к главам.] Перевод:

Сеньобос Ш. Политическая история современной Европы. Эволюция партий и политических форм. Пер. с франц. под ред. В. А. Поссе. Изд. 6-е. Т. 1—2. М.— Пг. 1923.
W stulecie Wiosny ludów. 1848.— 1948. Wyd. zbiorowe pod red. N. Gąsiorowskiej. [T. 1—2.] Warszawa. 1949. T. 1. Wiosna ludów na ziemiach polskich. T. 2. Wiosna ludów. w Europie.
Weill G. L'éveil des nationalités et le mouvement libéral, 1833—1848. P. 1930. 592 p. (Peuples et civilisations. T. 15.) [Библиография к главам и параграфам.]

ИСТОЧНИКИ И РАБОТЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ОТДЕЛЬНЫМ ГЛАВАМ

К главам 7 и 8

СОЮЗ КОММУНИСТОВ. — МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и **Энгельс Ф.** Манифест Коммунистической партии. Сто лет [М. 1948.] 103 с. См. также: Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 1—39.
Маркс К. и **Энгельс Ф.** Святое семейство.— Исследования. Статьи 1844—1845. [М.] 1940, с. 21—244.
Маркс К. и **Энгельс Ф.** Немецкая идеология. С прил. статьи Ф. Энгельса: Истинные социалисты. [М.] 1935. XII, 619 с.
Маркс К. Господин Фогт.— Соч. Т. XII. Ч. 1, с. 301—304.
Маркс К. К критике политической экономии. [М.] 1950. 270 с.
Маркс К. Нищета философии. [М.] 1941. 181 с.
Энгельс Ф. К истории союза коммунистов.— Избр. произв. Т. II. М. 1948, с. 320—338.
Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. 26 октября 1847 г.— Соч. Т. XXI, с. 82.
Энгельс Ф. Письмо К. Марксу [23—24 ноября 1847 г.].— Соч. Т. XXI, с. 88. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 34—35.
Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Исследования. Статьи. 1844—1845. [М.] 1940, с. 293—573.
Устав союза коммунистов. Подписано: Председатель: Карл Шаппер. Секретарь: Энгельс. Лондон. 8 декабря 1847 г.— **Маркс К.** и **Энгельс Ф.** Соч. Т. V, с. 579—584.
Ленин В. И. Фридрих Энгельс.— Соч. Т. 2, с. 7—10.
Ленин В. И. Протест российских социал-демократов.— Соч. Т. 4, с. 157.
Ленин В. И. Карл Маркс.— Соч. Т. 21, с. 30—32.
Ленин В. И. Революционные марксисты на международной социалистической конференции 5—8 сентября 1915 г.— Соч. Т. 21, с. 356—359.
Сталин И. В. Анархизм или социализм?— Соч. Т. 1, с. 350—355.
История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1945, с. 99—127.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Волгин В. П. К столетию «Манифеста Коммунистической партии».— *Вестник АН СССР*. 1948. № 3, с. 29—43.
Волгин В. П. От Бабёфа к Марксу. В кн.: **Волгин В. П.** Очерки по истории социализма. Изд. 4-е, доп. М.—Л. 1935, с. 393—407.
Кандель Е. Из предистории «Манифеста Коммунистической партии».— *Вопросы истории*. 1948. № 2, с. 3—27.
Кандель Е. К истории создания «Манифеста Коммунистической партии».— *Вопросы истории*. 1948. № 10, с. 61—87.
Поспелов П. «Манифест Коммунистической партии» — программный документ марксизма.— *Большевик*. 1948. № 4, с. 9—25.
Ротштейн Ф. А. Возникновение «Манифеста Коммунистической партии».— *Известия АН СССР. Серия истории и философии*. 1948. Т. 5. № 3, с. 217—226.
Серебряков М. В. Немецкий социализм и борьба с ним Маркса и Энгельса. — *Ученые записки* [*Ленингр. гос. ун-та*]. № 109. Серия философских наук. Вып. 2. Л. 1948, с. 3—122.
Серебряков М. В. Энгельс в Вуппертале.— *Ученые записки* [*Ленингр. гос. ун-та*]. № 100. Серия философских наук. Вып. 1. Л. 1947, с. 3—86.

К главам 30, 42, 50

К. МАРКС И Ф. ЭНГЕЛЬС В 1848—1851 ГГ.

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

См. также литературу к гл.: Германия... Рабочий класс. Рабочее движение, с.515.

Маркс К. и **Энгельс Ф.** Переписка. 1844—1853 гг.— Соч. Т. XXI.
Энгельс Ф. Карл Маркс.— Избр. произв. Т. II. М. 1948, с. 146—156.
Энгельс Ф. Речь на могиле Маркса.— Избр. произв. Т. II. М. 1948, с. 157—159.
Aus dem literarischen Nachlass von Karl Marx und Friedrich Engels 1841 bis 1850. Hrsg. von K. Mehring. Bd. 3. Von Mai 1848 bis Oktober 1850. 3. Aufl. Stuttgart. 1920. 491 S.

Ленин В. И. Фридрих Энгельс.— Соч. Т. 2, с. 1—13.
Ленин В. И. Переписка Маркса с Энгельсом.— Соч. Т. 19, с. 501—507.
Ленин В. И. Карл Маркс.— Соч. Т. 21, с. 27—74.
Ленин В. И. Маркс. Энгельс. Марксизм. Изд. 6-е. [Л.] 1946. 496 с.
Сталин И. В. Коротко о партийных разногласиях.— Соч. Т. 1, с. 102.

К. Маркс. Даты жизни и деятельности. 1818—1883. Под ред. В. Адоратского. М. 1934. 442 с.
Лесснер Ф. До и после 1848 г. (Из воспоминаний старого коммуниста).— *Исторический журнал.* 1938. № 2, с. 54—76.
Cornu A. Karl Marx et la Révolution de 1848. P. 1948. 76 p. (Centenaire de la Révolution de 1848.)
Mehring F. Karl Marx. Geschichte seines Lebens. 3. Aufl. Lpz. 1920. XV, 544 S. Перевод: **Меринг Ф.** Карл Маркс, его жизнь и деятельность. М.— Л. 1934. XVIII, 487 с.
Sorge F. A. Zum 14. März.— *Neue Zeit.* 1902—1903. Jg 21. Bd 1, S. 719—723. Перевод: **Зорге Ф. А.** О Марксе. В кн.: Воспоминания о Марксе. М. 1940, с. 149—152.

Степанова Е. А. Фридрих Энгельс. [М.] 1936. 310 с.
Mayer G. Friedrich Engels. Eine Biographie. Bd 1—2. Haag. 1934.

ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ РЕВОЛЮЦИИ

Маркс К. Редактору газеты «Réforme» [8 марта 1948 г.].— Соч. Т. V, с. 279—280.
Энгельс Ф. Маркс и «Новая Рейнская газета» (1848—1849).— Избр. произв. Т. II. М. 1948, с. 311—319.
Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. 9 марта 1848 г.— Соч. Т. XXI, с. 94—96.
Энгельс Ф. Письмо Ф. Келли-Вишневецкой. 27 января 1887 г.— Соч. Т. XXVII, с. 614—615. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 402—403.
Энгельс Ф. Письмо Вильгельму Либкнехту 29 октября 1889 г.— Соч. Т. XXVIII, с. 156—157.
Адрес Демократической ассоциации. Брюссель, 28 февраля 1848 г.— **Маркс К. и Энгельс Ф.** Соч. Т. V, с. 577—578. [Под адресом среди других подписей имеется подпись К. Маркса.]
Требования Коммунистической партии в Германии. [Подписано: Комитет: Карл Маркс, Карл Шаппер, Г. Бауэр, Ф. Энгельс, И. Молль, В. Вольф. Париж, начало апреля 1848 г.]— **Маркс К.** и **Энгельс Ф.** Соч. Т. V, с. 585—586.
Степанова Е. А. Маркс и Энгельс в первые месяцы революции 1848—1849 гг. В кн.: К столетию революции 1848 года. Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. А. Бендриковой. Изд. 2-е. М. 1949, с. 9—30.

2-я ПОЛОВИНА 1848 Г. И 1849 ГОД

Маркс К. и **Энгельс Ф.** Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VI и VII.
Энгельс Ф. Маркс и «Новая Рейнская газета» (1848—1849).— Избр. произв. Т. II. М. 1948, с. 311—319.
Энгельс Ф. Маркс и прусское подданство. Соч. Т. VI, с. 539—542.
Энгельс Ф. Германская кампания за имперскую конституцию.— Соч. Т. VII. Ч. 2, с. 399—492.
Энгельс Ф. Предисловие к брошюре «К. Маркс перед судом присяжных».— Соч. Т. XVI. Ч. 1, с. 201—204.
[**Энгельс Ф.** Письмо госпоже Маркс.] 25 июля 1849 г.— Соч. Т. XXI, с. 110—111. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 40—41.
Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Соч. Т. 9, с. 115—118.
Ленин В. И. Против бойкота.— Соч. Т. 13, с. 21—22.
Сталин И. В. Беседа со студентами университета им. Сун Ят-сена 13 мая 1927 г.— Соч. Т. 9, с. 242—243.
Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie. Red. Karl Marx. Köln. 1. Juni 1848—19. Mai 1849. Neuer Druck: *Neue Rheinische Zeitung.* Organ der Demokratie. 1848—1849. Bd 1—2. B. 1928.

Молок А. И. Карл Маркс и «Новая Рейнская газета». — *Большевистская печать.* 1939. № 9—10, с. 34—43.
Шифман М. Л. Судебные процессы «Новой Рейнской газеты».— *Советское государство и право.* 1948. № 4, с. 22—37.

Вольф

Энгельс Ф. Вильгельм Вольф.— Соч. Т. XV, с. 315—359.
Wolff W. Gesammelte Schriften. Nebst einer Biographie Wolffs von F. Engels. Mit Einleitung und Anmerkungen hrsg. von F. Mehring. B. 1909. 123 S.

ПОСЛЕ ПОДАВЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Маркс К. и **Энгельс Ф.** Обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов. [Март 1850 г.].— Избр. произв Т. I. М. 1948, с. 80—90.
Призыв к оказанию помощи немецким беженцам. [Подписано: Комитет помощи немецким беженцам: Антон Фюстер, Карл Маркс и др. Лондон, 20 сентября 1849 г.] — **Маркс К.** и **Энгельс Ф.** Соч. Т. XIII, с. 585—586.

Немецкие беженцы в Лондоне. [Подписано: Социал-демократический комитет: К. Маркс, Ф. Энгельс и др. Лондон, 14 июня 1850 г.] — **Маркс К. и Энгельс Ф.** Соч. Т. VIII, с. 593.
Ленин В. И. III съезд РСДРП.— Соч. Т. 8, с. 353—356, 361—363.
Ленин В. И. О временном революционном правительстве. — Соч. Т. 8, с. 431—438.
Ленин В. И. Русская революция и задачи пролетариата.— Соч. Т. 9, с. 116—119.
Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue, red. von Karl Marx. Hamburg — New York. 1850.
Радус-Зенькович В. Из истории Союза коммунистов (сентябрь 1850 — август 1851). (Циркулярное письмо Кельнского ЦК Союза коммунистов к членам Союза и Новый устав Союза).— *Вопросы истории*, 1948. № 11, с. 70—79.

Маркс и процесс кельнских коммунистов

Маркс К. и Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. XX. Процесс коммунистов в Кельне.— Избр. произв. Т. II. [М.] 1940, с. 121—126.
Маркс К. Разоблачения о кельнском процессе коммунистов.— Соч. Т. VIII, с. 503—558.
Маркс К. Рыцарь благородного сознания.— Соч. Т. VIII, с. 559—582.
Маркс К. Послесловие к книге «Разоблачения о кельнском процессе коммунистов».—Соч. Т. XV, с. 201—204.
Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 20 августа 1852 г.— Соч. Т. XXI, с. 392—393.
Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 19 ноября 1852 г.— Соч. Т. XXI, с. 448.
Маркс К. Письмо А. Клуссу. 8 октября 1852 г.— Соч. Т. XXV, с. 162.
Маркс Женни. Письмо А. Клуссу. 28 октября 1852 г.— Соч. Т. XXV, с. 166—167. См. также: Избр. письма, М. 1948, с. 65—66.
Энгельс Ф. Письмо И. Вейдемейеру. 12 апреля 1853 г.— Соч. Т. XXV, с. 187. См также: Избр. письма. М. 1948, с. 70, 71.

К главам 1, 9, 10, 29, 38, 39, 44, 49

ФРАНЦИЯ

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Миллиард. Соч. Т. VII, с. 318—321.
Маркс К. Классовая борьба во Франции. Введение Ф. Энгельса.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 91—207.
Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.—Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 208—302.
Маркс К. Гражданская война во Франции.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 435—436, 461—465, 475—476.
Маркс К. Новый закон о французском банке.— Соч. Т. XI. Ч. 1, с. 105—106.
Энгельс Ф. Предисловие к «Крестьянской войне в Германии».— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 596.
Энгельс Ф. Европейские рабочие в 1877 г.— Соч. Т. XV, с. 402—403, 405.
Энгельс Ф. Предисловие к первому итальянскому изданию «Коммунистического Манифеста».— Соч. Т. XVI. Ч. 2, с. 326—327.
Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю. 9—10 ноября 1891 г.— Соч. Т. XXVIII, с. 375, 377.
Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии.— Соч. Т. 10, с. 249.
Ленин В. И. По торной дорожке!— Соч. Т. 15, с. 31.
Ленин В. И. Заметки публициста.— Соч. Т. 16, с. 182.
Ленин В. И. О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы.— Соч. Т. 17, с. 297—298.
Ленин В. И. Принципиальные вопросы избирательной кампании.— Соч. Т. 17, с. 368.
Ленин В. И. О двух линиях революции.— Соч. Т. 21, с. 378—379.
Ленин В. И. Мелкобуржуазная позиция в вопросе о разрухе.— Соч. Т. 24, с. 521—522.
Ленин В. И. О конституционных иллюзиях.— Соч. Т. 25, с. 178—181.
Ленин В. И. Государство и революция.— Соч. Т. 25, с. 373—385.
Ленин В. И. Третий Интернационал и его место в истории.— Соч. Т. 29, с. 282—283.
Ленин В. И. Привет итальянским, французским и немецким коммунистам.— Соч. Т. 30, с. 36—38.
Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Соч. Т. 31, с. 42.
Ленин В. И. Тетрадь записей материалов к статьям. 18 Брюмера.— Ленинский сборник. XVI. М.—Л. 1931, с. 188—190.
Сталин И. В. Перспективы.— Соч. Т. 5, с. 121.
Сталин И. В. Октябрьская революция и вопрос о средних слоях.— Соч. Т. 5, с. 342—344.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

Caron P. Bibliographie des travaux publiés de 1866 à 1897 sur l'histoire de la France depuis 1789. P. 1912. XXXIX, 831 p.
Répertoire méthodique de l'histoire moderne et contemporaine de la France. Réd. sous la dir. de G. Brière, P. Caron et autres. Années 1898—1914. P. 1899—1918; année 1912/1913. réimpr. 1932.

[Библиография за 1910—1911 и 1911—1912 гг. печаталась в *Revue d'hist. moderne et contemp.*: 1912, t. 17; 1919, t. 18.]

Caron P. et **Stein H.** Répertoire bibliographique de l'histoire de France. T. 1—5. Années 1920—1931. P. 1923—1938.

Caron P. Sources manuscrites parisiennes de l'histoire de la Révolution de 1848 et de la Deuxième république.—*Revue d'hist. moderne et contemp.* 1901. T. 6, p. 85—119.

См. также библиографический отдел в журн.: *La Révolution de 1848...*

ИСТОЧНИКИ

Официальные документы

Le Moniteur universel. P. 1847—1851.

France. Assemblée nationale constituante. 1848—1849. Compte rendu des séances... Exposés des motifs et projets de lois présentés par le gouvernement, rapports de M. M. les représentants. T. 1—10. P. 1849—1850. Table analytique par ordre alphabétique de matières et de noms de personnes du compte rendu des séances de l'Assemblée nationale constituante (4 mai 1848—27 mai 1849) et des documents impr. par son ordre. Réd. aux archives de l'Assemblée nationale. P. 1850. 333 p.

France. Assemblée nationale législative. 1849—1851. Compte rendu des séances... Exposés de motifs et projets de lois présentés par le gouvernement, rapports de M. M. les représentants. T. 1—17. P. 1849—1851.— Table analytique par ordre alphabétique de matières et de noms de personnes du compte rendu des séances de l'Assemblée nationale législative (28 mai 1849—2 déc. 1851) et des documents impr. par son ordre, réd. aux archives du corps législatif. P. 1852.

Collection complète des lois, décrets, ordonnances, réglements, avis du Conseil d'état publ. sur les éditions officielles par J. B. Duvergier. T. 48—70. P. 1848—1870.

Duguit L. et **Monnier H.** Les constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789. Collationées sur les texts officiels... Ouvrage continué par R. Bonard. 5-e éd. P. 1932. X, CCXXXIX, 339, 70 p.

Cahen L. et **Mathiez A.** Les lois françaises de 1815 à 1914. Accompagnées des documents politiques les plus importants. Textes... 4-e éd. P. 1922. 374 p.

Печать

Газеты и журналы

L'Ami du peuple en 1848. An 1-er de la république reconquise, par F. Raspail. P. 27 févr.— 14 mai 1848.

L'Atelier, organe des intérêts moraux et matériels des ouvriers. P. Sept. 1840—31 juil. 1850.

Le Charivari. P. 1-er déc. 1832—1866. [Fondé par Ch. Philipon.]

La Commune de Paris, moniteur des clubs. [Réd. Sobrier.] P. 9 mars — 8 juin 1848.

Le Constitutionnel, journal du commerce, politique et littéraire. P. 2 mai 1819—1866.

La Démocratie pacifique, journal des intérêts des gouvernements et des peuples. Réd. en chef V. Considérant. P. 1 août 1843—30 nov. 1851.

Les Droits de l'homme. Réd. en chef Th. Dezamy. P. 2—9 mars 1848

Gazette des tribunaux, journal quotidien de jurisprudence et de débats judiciaires. P. 1825—.

Journal des Débats politiques et littéraires. P. 1814—1864. [2 vol. par an.]

Journal des travailleurs, fondé par les ouvriers délégués au Luxembourg. P. 4—25 juin 1848.

Le Nouveau monde, journal historique et politique, réd. par L. Blanc. Troyes. 15 juillet 1849— déc. 1851.

Le National, feuille politique et littéraire. P. 3 janv. 1830—2 déc. 1851. [Fondé par Thiers, Mignet et Carrel.]

Le Père Duchêne, gazette de la Révolution. Réd. Colfavru... P. 10 avr.— 24 août 1848.

Le Peuple, journal de la république démocratique et sociale. P. 1-er nov. 1848—13 juin 1849. [Réd. en chef P. J. Proudhon.]. Продолжением служит: *La Voix du peuple.* 1-er oct. 1849—14 mai 1850. Продолжением служит: *Le Peuple de 1850.* 15 juin — 13 oct. 1850.

Le Populaire, journal de réorganisation sociale et politique, dirigé par E. Cabet. Troyes. 14 mars 1841—4 oct. 1851. [Mensuel d'abord, du 8 sept. 1849 hebdomadaire.]

La Presse. P. 1836—1866. [Fondée par E. Girardin.]

La Réforme. Réd. par Flocon. P. 29 juillet 1843—11 janv. 1850.

La Révolution démocratique et sociale. Réd. en chef Ch. Delescluze.— P. 7 nov. 1848—13 juin 1849.

Revue des deux mondes. P. 1829—[1830—1854, 4 vol. par an.]

Le Salut du peuple. Journal de la science sociale par C. Pecqueur. P. 10 déc. 1849—10 mai 1850. [6 numéros.]

Le Siècle. P. 1-er juillet 1836—1866. [Fondé par A. Dutacq.]

Le Temps. Réd. en chef X. Durrieu. P. 1-er mars — 12 déc. 1849.

Le Travail affranchi, réd. par F. Vidal, Toussenel, et a. P. 7 janv. — 17 juin 1849.

La Voix des clubs, journal quotidien des assemblées populaires. Réd. en chef

G. Robert. P. 12 — 26 mars 1848.
La Vraie République, par le citoyen Thoré, avec la collaboration de P. Leroux, G. Sand, Barbès, et a. P. 26 mars — 21 août 1848.

Перечень остальных журналов и газет см. в кн.:

Hatin E. Bibliographie historique et critique de la presse périodique française. P. 1866. CXVII, 657 p.

Революционные плакаты

Les affiches rouges. Reproduction exacte et histoire critique de toutes les affiches ultra-républicaines placardés sur les murs de Paris. Depuis le 24 février 1848. Avec une préf. par un girondin. [Benard.] P. 1851. ?20 p. (Curiosités révolutionnaires.)

Les **Murailles** révolutionnaires. Proclamations, affiches, professions de foi, bulletins de la république, fac-similé de signatures, etc. Paris et les départements, depuis février 1848 jusqu'à ce jour, recueil. et mises en ordre par A. Delvau. T. 1—2. P. 1851.

Мемуары. Переписка

См. также: Деятели революционного периода, с. 499—501.

Анненков П. В. [Неопубликованные письма о революции 1848 г. в Париже.] В кн.: Исторический сборник. № 4. М.—Л. 1935, с. 223 — 258.

Волков М. Отрывки из заграничных писем (1844—1848). СПб. 1857. XVIII, 352 с.

Герцен А. И. Былое и думы. Изд. испр. и доп. Под ред. Ф. М. Левина, И. С. Новича, С. Я. Штрайха. Т. 3—4. М. 1938.

Герцен А. И. Письма из Франции и Италии. С того берега. М.—Л. 1931. XI, 480 с.

Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. 5—6. Пг. 1919.

Герцен А. И. Новые материалы. К печати приготовил Н. М. Мендельсон. М. 1927. 143 с. (Труды Государственной публичной б-ки СССР им. В. И. Ленина.)

Революция 1848 года во Франции (февраль — июнь) в воспоминаниях участников и современников. М.—Л. 1934. 660 с. (Иностранные мемуары, дневники, письма и материалы.)

Тургенев И. С. Человек в серых очках. (Из воспоминаний 1848 года) В кн.: **Тургенев И. С.** Собрание сочинений. М. 1949. Т. 10, с. 269—288.

Alton-Shée E. Souvenirs de 1847 et de 1848. (Œuvre posthume.) P. [1879.] 329 p.

Apponyi R. De la Révolution au coup d'état, 1848—1851. Introd. et notes de Ch. Samaran. Genève. [1948.] XII, 243 p.

Barante A. G. Souvenirs. 1782—1866. Publ. par son petit fils C. Barante. T. 7—8. [1841—1866.] P. 1899—1901.

Barrot O. Mémoires posthumes. T. 1—4. P. 1875—1876.

Benoit J. Souvenirs de la république de 1848: Lyon — Paris. Genève. 1855. 310 p.

Beslay Ch. Mes souvenirs (1830—1848—1870). P. 1874. 482 p.

Broglie J. V. A. Mémoires du duc de Broglie. I. 1825—1870. P. 1938. VII, 380 p.

Castellane. Journal du maréchal Castellane, 1804—1862. T. 4. 1847—1853. 2-e éd. P. 1896.

Caussidière M. Mémoires. T. 1—2. P. 1849.

Commissaire S. Mémoires et souvenirs. T. 1—2. P. 1888.

Du Camp M. Souvenirs de l'année 1848. La révolution de février, le 15 mai, l'insurrection de juin. P. 1876. 316 p.

Falloux A. F. P. Discours et mélanges politiques. T. 1—2. P. 1882.

Falloux A. F. P. Mémoires d'un royaliste. T. 1—2. P. 1888. XXI, 354 p. См. также: **Veuillot E.** Le comte de Falloux et ses mémoires. P. 1888. XXI, 354 p.

Fleury. Souvenirs du général comte Fleury. T. 1. 1837—1859. 3-e éd. P. 1897. VIII, 433 p.

Guizot F. Lettres à sa famille et à ses amis. Recueil. par M-me de Witt née Guizot. P. 1884. 438 p.

Guizot F. Memoires pour servir à l'histoire de mon temps. T. 8. P. 1867. 634 p.

Joigneaux P. Souvenirs historiques. T. 1—2. P. 1891.

Merruau Ch. Souvenirs de l'Hôtel de Ville de Paris, 1848—1852, par Ch. Merruau, ancien secrétaire général de la préfecture de la Seine. P. 1875. XV, 509 p.

1848. La Révolution racontée par ceux qui l'ont vue. Textes choisis et présentés par J. Suffel. P. 1948. 606 p.

Montalembert Ch. F. Notes et lettres (1848—1852), publ. par A. Trannoy.— *Revue hist.* 1941. T. 192, p. 253—289. 1946. T. 196, p. 408—442.

Nadaud M. Mémoires de Léonard, ancien garçon maçon. [Bourganeuf.] 1895. 8, 512 p.

Normanby C. H. P. A year of Revolution. From a journal kept in Paris in 1848. Vol. 1 — 2. London. 1857. Ответ на эту кн. см.: **Blanc L.** Révélations historiques en réponse au livre de lord Normanby... T. 1 — 2. Bruxelles. 1859.

Pasquier E. D. La Révolution de 1848. Mémoires publ. par Audiffret —Pasquier. P. 1944. X, 300 p.

Persigny J. G. V. Mémoires. Publ. avec des documents inéd., un avant-propos et un épilogue, par H. De Laire. 3-e éd. P. 1896. XX, 512 p.

Quentin-Bauchart A. Etudes et souvenirs sur la Deuxième république et le Second Empire (1848—1870). Mémoires posthumes publ. par son fils. Pt. 1—2. P. 1901—1902.
Sand G. Souvenirs de 1848. P. 1880. 436 p. (Œuvres complètes. Nouv. éd. T. 55).
Senior N. W. Journals kept in France and Italy, 1848 to 1852. With a sketch of the Revolution of 1848. Ed. by his daughter M. C. M. Simpson. 2d ed. Vol. 1—2. L. 1871.
Tocqueville A. Correspondence and conversations of Alexis de Tocqueville with N. W. Senior from 1834 to 1859, ed. by M. C. M. Simpson. Vol. 1—2. L. 1872.
Tocqueville A. Souvenirs. Nouv. éd. conforme au texte original augm. de fragments inéd. et précéd. d'une introd. de L. Monniers. 9-e éd. [P. 1944.] 276 p. (Mémoires du passé pour servir au temps présent. Coll. dir. par L. R. Lefèvre. 2.) Перевод: **Токвиль А.** Воспоминания. Пер. с франц. В. Неведомского. М. 1893. VI, 318 с.
Véron L. D. Mémoires d'un bourgeois de Paris. Textes choisis et présentés avec un avant-propos et un index par P. Josserand. T. 1—2. P. 1945. [1-re éd.: T. 1—6. P. 1853—1854.]
Weill A. Histoire véridique et vécue de la Révolution de 1848, depuis le 26 février jusqu'au 10 décembre, sur des notes prises au jour le jour. P. 1887. 196 p. (Œuvres complètes.)

Работы современников

Blanc L. Histoire de la Révolution de 1848. T. 1—2. P. 1870. Перевод: **Блан Л.** История революции 1848 г. Пер. С. Ч. СПб. 1907. CXXXVI, 679 с.
Castille H. Histoire de la Seconde république. T. 1—4. P. 1854—1856.
Gallois L. Histoire de la Révolution de 1848. T. 1—5. P. 1849—1851.
Garnier-Pagès L. A. Histoire de la Révolution de 1848. T. 1—11. P. 1861—1872. T. 1. Europe. I. Italie. t. 2—3. Europe. II—III; t. 4. Chute de la royauté; t. 5. 24 février 1848; t. 6—8. Le gouvernement provisoire; t. 9—11. Commission exécutive. Перевод 1, 4 и 5 томов: **Гарнье-Паже.** История революции 1848 г. [Т. 1—2.] СПб. 1862—1864. [Т. 1.] Итальянская революция. [Т. 2.] Франция. Февральская революция. I—II.
Lamartine A. Histoire de la Révolution de 1848. T. 1—2. P. 1849.
Mill J. S. The French Revolution of 1848 and its assailants.— *Westminster rev.* 1849. April, p. 1—47. Перевод: **Милль Дж. С.** Французская революция 1848 года и ее порицатели. В кн.: **Милль Дж. С.** Рассуждения и исследования... Ч. 2. Вып. 1. СПб. 1864, с. 124—186.
Robin Ch. Histoire de la Révolution française de 1848. T. 1—2. P. [1848—1850.]
Stern D. **(Comtesse d'Agoult.)** Histoire de la Révolution de 1848. Nouv. éd. T. 1—3. 1887—1889. [1-re éd. 1851—1853.] Перевод: **Стерн Д.** История революции 1848 г. Пер. со 2-го изд. Т. [1]—2. СПб. 1906—1907.
Annuaire historique, universel ou histoire politique... Réd. par A. Fouquier, fondé par C. L. Lesur. Pour 1848, 1849. P. 1848—1849.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Застенкер Н. Е. Революция 1848 года во Франции. М. 1948. 204 с. См. рец.: **Епищев П.**— *Культура и жизнь*. 1951. № 2, с. 138—142; **Бирюкович В. В.**— *Вопросы истории*. 1951. № 2, с. 138—142.
Bourgin G. 1848. Naissance et mort d'une république. P. [1948.] 189 p.
Bourgin G. et **Terrier M.** 1848. Textes de G. Bourgin et M. Terrier. [P.] 1948. XIX p. 60 f. ill. (Bibliothèque du centenaire de 1848.) [Альбом иллюстраций с комментариями].
Dautry J. Histoire de la Révolution de 1848 en France. Préf. de G. Lefebvre. P. 1948. 374 p.
Guillemin H. La tragédie de quarante-huit. Genève. 1948. 412 p.
Héritier L. Geschichte der französischen Revolution von 1848 und der zweiten Republik. Stuttgart. 1897—1898. XVI, 784 S. Перевод: **Эритье Л.** История Французской революции 1848 г. и Второй республики. Вып. 1—2. 2-е илл. изд. М.—Пг. 1923.
Lefebvre G. A propos d'un centenaire.— *Revue hist.* 1948. T. 200. Juil.— sept., p. 1—14.
1848. Le livre du Centenaire. Ouvrage publ. sous la dir. de Ch. Moulin. [P.] 1948. 330 p.
Renard G. La république de 1848. P. [1906.] 384 p. (Histoire socialiste sous la dir. de J. Jaurès. T. 9.) Перевод: **Ренар Ж.** Республика 1848 г. (1848—1852.) СПб. 1907. VIII, 459 с. (Социалистическая история, 1879 — 1900. Под ред. Ж. Жореса. Т. 9.) См. также изд.: М.—Пг. 1923.
Renard G. La République de 1848. Notes et références avec deux index alphabétiques. Complément de l'ouvrage, publ. par l'auteur sous le même titre. P. 1906. 33 p.
Seignobos Ch. La Révolution de 1848. Le Second empire (1848—1859). P. [1921.] 426 p. (Histoire de France contemporaine publ. sous la dir. de E. Lavisse. T. 6.)
Vermorel A. Les hommes de 1848. Paris, 1869. 427 p. Перевод: **Верморель А.** Деятели сорок восьмого года. [Изд. 2-е.] М.—Пг. 1923. 299 с.

Debidour A. Histoire des rapports de l'église et de l'état en France de 1789 à 1870. 2-e éd. P. 1898. 740 p.

Deslandres M. Histoire constitutionnelle de la France de 1789 à 1870 T. 2. De la chute de l'empire à l'avènement de la Troisième république (1815—1870). P. 1932. 766 p.

Spuller E. Histoire parlementaire de la Seconde république... 2-e éd. P. 1893. XVI, 376 p.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

См. также: Литературу к гл. 1, с. 502.

Annuaire statistique de la France. Sixième année — 1883. P. 1883. XXIV, 630 p. Tableaux rétrospectifs, p. 24, 46, 96, 192, 222, 228, 260, 268, 304, 306, 342, 362, 364, 371, 410, 414, 428, 430, 442, 448, 457, 468, 476, 501, 548.

Annuaire statistique de la France. Douzième année — 1889. Nancy. 1889. XXIII, 516 p. Tableaux rétrospectifs, p. 444—503.

Block M. Statistique de la France comparée avec les autres états de l'Europe. T. 1—2. P. 1860.

Levasseur E. La population française. Histoire de la population avant 1789 et démographie de la France comparée à celle des autres nations au XIX s... T. 2—3. P. 1891—1892.

Moreau de Jonnès A. Statistique de l'industrie de la France. P. 1856. XXIV, 380 p.

Nicolas C. Les budgets de la France depuis le commencement du XIX s. Tableaux budgétaires. P. 1882 [1883.] 4, 352 p.

Audiffret Ch. L. G. Système financier de la France. 2-e éd. T. 4. Le budget. La crise financière de 1848... P. 1854. 463 p.

Audiganne A. L'industrie française depuis la révolution de février. P. 1849. 30 p.

Audiganne A. Les populations ouvrières et les industries de la France dans le mouvement social du XIX s. I—II. P. 1854.

Clapham J. H. The economic development of France and Germany 1815—1914. 4th ed. Cambridge. 1936. IX, 420 p.

La Place de Chavac G. La crise dans les finances publiques en 1848. Thèse. Toulouse. 1916. 272 p.

Levasseur E. Histoire du commerce de la France. Pt. 2. P. 1912. XVI, 864 p.

Marion M. Histoire financière de la France depuis 1715. T. 5. 1819—1875. P. 1928. 601 p.

Matagrin A. Le rachat des chemins de fer en 1848.— *Revue socialiste*. 1904. T. 40, p. 417—446, 529—571.

Ramon G. Histoire de la Banque de France d'après les sources originales. P. 1929. 501 p.

Schnerb R. Les hommes de 1848 et l'impôt.— *1848 et les révolutions du XIX s.* 1947. T. 38. N 176, p. 5—51.

Sée H. Histoire économique de la France. T. 2. P. 1942. 459 p.

Viallate A. L'activité économique en France de la fin du XVIII-e s. à nos jours. P. 1937. 489 p.

РАБОЧИЙ КЛАСС. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

См. также: Литературу к гл. 1, с. 502—503.

Les associations ouvrières encouragées par la Deuxième république (décret du 5 juillet 1848). Documents inéd. publ. par O. Festy. P. 1915. 192 p. (Comité des travaux historiques et scientifiques. Section d'hist. moderne (depuis 1715) et d'hist. contemporaine. Notices, inventaires et documents. IV.)

Procès-verbaux du Conseil d'encouragement pour les associations ouvrières. 11 juillet — 24 octobre 1849, publ. par O. Festy. P. 1917. X, 448 p. (Comité des travaux historiques et scientifiques. Section d'hist. moderne et d'hist. contemporaine. Notices, inventaires et documents. V.)

Les associations professionelles ouvrières. T. 1—4. P. 1894—1905. (Ministère du commerce, de l'industrie, des postes et des télégraphes. Office du travail.)

Blanqui A. J. Des classes ouvrières en France pendant l'année 1848. Pt. 1—2. P. 1849.

Villermé L. Des associations ouvrières. P. 1849. 103 p.

Михайлов А. Пролетариат во Франции, 1789—1872. Изд. 2-е, СПб. 1872. 494 с.

Шелгунов Н. В. Рабочий пролетариат в Англии и во Франции. В кн.: **Шелгунов Н. В.** Сочинения. Т. 2. СПб. 1891, стб. 1—116.

Duveau G. La pensée ouvrière en 1848 en matière d'éducation et d'instruction.— *Révolution de 1848*. 1939. T. 36. N 168, p. 8—16.

Engländer S. Geschichte der französischen Arbeiter-Assoziationen. Tl 1—3. Hamburg. 1864.

Kahan-Rabecq M. M. Les réponses havraises à l'Enquête de l'Assemblée nationale sur le travail industriel et agricole.— *Révolution de 1848*. 1934. T. 31. N 149, p. 95—113.

Kuczynski J. Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Frankreich. Von 1700 bis in die Gegenwart. B. 1949. 313 S. Перевод: **Кучинский Ю.** История условий труда во Франции с 1700 по 1949. Пер. с нем. А. Е. Аничковой. М. 1950. XXI, 273 с.

Levasseur E. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870. T. 2. 2-e éd. P. 1904. 912 p.

Louis P. Histoire de la classe ouvrière en France de la Révolution à nos jours. La condition matérielle des travailleurs. P. 1927. 412 p.

Louis P. Histoire du mouvement syndical en France 1789—1910. 3-e éd. P. 1920. X, 282 p.

Rist Ch. La durée du travail dans l'industrie française de 1820 à 1870.— *Revue d'économie politique*. 1897. T. 11, p. 371—393.

См. также с. 503: **Rigaudias-Weiss W.** Les enquêtes ouvrières...

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Soboul A. Les troubles agraires de 1848. (Documents).— *1848 et les révolutions de XIX s*. 1948. T. 39. N 180, p. 1—20; N 181, p. 39—61.

Labracherie P. Le paysan de 1848. In: L'esprit de 1848. [Mulhouse. 1948], p. 215—246.

Soboul A. La question paysanne en 1848.— *La Pensée*. 1848. N 18, p. 55—66; N. 19, p. 25—37; N 20, p. 48—56.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРОВИНЦИИ

См. также: Переворот 2 декабря 1851 г. в провинции, с. 510.

A propos de l'impôt des 45 sentimes. Publ. par G. V a u t i e r.— *Révolution de 1848*. 1930—1931. T. 27. N 135, p. 349—350. [Донесения о волнениях в связи с новым налогом].

Leblanc F. Mémoires de l'ouvrier François Leblanc, adjoint au maire de Monville en 1848.— Projet d'Adolphe Reynaud manufacturier sur la crise industrielle de 1848, à Rouen. Documents publ. par A. M. G o s s e z. P. 1908. 72 p. (Bibliothèque de «La Révolution de 1848». N 2.)

Les professions de foi républicaines des candidats à la Constituante. Dans le département de la Seine-Inférieure. Publ. par A. M. G o s s e z.— *Révolution de 1848*. 1913—1914. T. 10, p. 386—404.

Boussinesq G. Reims à la fin de la monarchie de Juillet et pendant la période révolutionnaire de 1848.— *Révolution de 1848*. 1921—1922. T. 18. N 90, p. 154—182. 1922—1923. T. 19. N 92, p. 97—119; N 93, p. 141—173; N 94, p. 213—252; N 95, p. 320—344.

Breuillout. La Révolution de 1848 à Corrèze.— *Révolution de 1848*. 1920—1921. T. 17. N 86, p. 206—225. 1921—1922. T. 18. N 87, p. 320—342; N 88, p. 14—50: N 89, p. 119—137; N 90, p 183—201. 1922—1923. T. 19. N 92, p. 120—133: N 93, p. 174—202.

Bruneau D., Peygnaud L. et Naudin F. Aspect de la Révolution de 1848 dans l'Indre. Chateauroux. 1948. 52 p.

Charles A. La Révolution de 1848 et la Seconde république à Bordeaux et dans le département de la Gironde. Bordeaux. 1945. 389 p. (Publ. de l'Univ. de Bordeaux. N 6.)

Chazellas V. Un épisode de la lutte des classes à Limoges. Le coup de 27 avril 1848 et ses origines (juin 1847 — mai 1848).— *Révolution de 1848*. 1910—1911. T. 7, p. 161—180, 240—256, 326—349, 389—412. 1911—1912. T. 8, p. 41—66.

Contamine H. Metz et la Moselle de 1814 à 1870. T. 1—2. Nancy — Paris. 1933.

Dagnan J. Le Gers sous la Seconde république. [T. 1.] La réaction conservatrice (févr. 1848 — 2 déc. 1851). Thèse. Auch. 1928. XXIV, 624 p. См. также с. 510: T. 2. Thèse complémentaire.

Le département de la Marne et la Révolution de 1848. Chalons-sur-Marne. 1948. 98 p. (Comité départem. marnais de célébration du centenaire de la Révolution de 1848.) [Ряд очерков.]

Deux siècles d'Alsace française 1648—1789—1848. Strasbourg — Paris. 1948. XVI, 510 p.

Dutacq F. Notes et documents sur le Complot du Sud-Est (1850—1851).— *Révolution de 1848*. 1925. T. 21. N 108, p. 345—357. T. 22. N 109, p. 403—415. T. 23. N 110, p. 442—452.

Dutacq F. A propos du Complot du Sud-Est.— *Révolution de 1848*. 1928. T. 25. N 126, p. 155—156.

Fourniol M. Epilogue des journées marseillaises de juin. Les insurgés devant les assises de la Drôme.— *Révolution de 1848*. 1929. T. 25. N 129, p. 356—377.

Gossez A. M. Le département du Nord sous la Deuxième république, 1848—1852. Etude économique et politique. Lille. 1904. 448 p.

Jeanjean J. F. La Révolution de 1848 dans le département de l'Aude. Carcassonne. 1947. 131 p.

Lazare I. La Seconde république dans le département de Vaucluse (1848—1852). Cavaillon. 1913. 88 p.

Lévy R. La Révolution de 1848 au Havre.— *Révolution de 1848*. 1911—1912. T. 8, p. 125—140.

Mauve E. Le Bourbonnais sous la Seconde république (1848—1851). Moulins. 1909. XII, 213 p.

Morère Ph. La Révolution de 1848 dans un pays forestier.— *Révolution de 1848*. 1916—1917. T. 12. N 70, p. 206—271. 1917—1918. T. 13. N 71, p. 27—51.

Muller P. La Révolution de 1848 an Alsace, avec une biographie des parlementaires alsaciens de 1789 à 1871. P. 1912. 247 p.

Perreux G. Trois dates de l'histoire d'Arbois: 1830—1848—1851.— *Révolution de 1848*. 1931—1932. T. 28. N 139, p. 193—216. 1932—1933. T. 29. N 140, p. 34—50

Ponteil F. Un rapport de police sur l'état des esprits à Marseille après les troubles de juin 1848.— *Revue d'hist. moderne.* 1930. Nov.— déc., p. 412—418.

Rocal G. 1848 en Dordogne. Préf. d'A. Demaison. 2-e éd. T. 1—2. P. [1934.]

Schnerb R. La Côte d'Or et l'élection présidentielle du 10 décembre 1848.— *Révolution de 1848.* 1924. T. 20. N 102, p. 376—411. T. 21. N 104, p. 74—93.

Schnerb R. La Côte d'Or et l'insurrection de juin 1848.— *Révolution de 1848.* 1923. T. 20. N 99, p. 154—170; N 100, p. 205—221.

Schnerb R. Le département du Puy-de-Dôme d'avril à septembre 1848. Le recul du républicanisme.— *Révolution de 1848.* 1930. T. 27. N 133, p. 86—95. 1931. T. 28. N 137, p. 87—104.

Schnerb R. La Seconde république dans le département du Puy-de-Dôme.— *Révolution de 1848.* 1925—1926. T. 23. N 113, p. 652—662; N 114, p. 716—721. 1926—1927. T. 27. N 116, p. 850—853; N 118, p. 943—970; N 119, p. 1011—1054. 1927—1928. T. 24. N 120, p. 47—58; N 121, p. 99—110; N 122, p. 173—187.

Toutain J. La Révolution de 1848 à Rouen. P. [1948]. 108 p.

Vidalenc J. L'Eure au début de la Seconde république, étude politique et sociale d'un département en 1848.—*1848 et les révolutions du XIX s.* 1946. T. 37, N 174—175.

Zévaès A. La lutte des classes à Rouen en avril 1848.— *Révolution de 1848*, 1927—1928. T. 24. N 123, p. 204—221.

Лион

[Bergier J.] Le journal d'une bourgeois de Lyon en 1848. Publ. et annoté par J. Godart. Préf. de G. Renard. P. 1924. XV, 179 p. Об этой книге см.: **Lévy-Schneider L.** Le journal d'un bourgeois de Lyon en 1848 et la question des Voraces.— *Révolution de 1848.* 1925. T. 23. N 110, p. 457—477.

Bernard M. Un commissaire général de la république à Lyon. Correspondance... 1848 — 1849. [Publ. par L. Levy-Schneider.] Lyon. 1913. 77 p.

Blanc F. L'œuvre du Comité exécutif de Lyon. [Avec préf. de V. Chazelas]: Felix Blanc membre et historien du Comité exécutif de Lyon en 1848.— *Révolution de 1848.* 1912—1913. T. 9, p. 155—178, 342—366.

Treillard M. La république à Lyon sous le gouvernement provisoire. Paris — Lyon. 1849. 55 p.

Dutacq F. Le dernier commandement du maréchal Bugeaut. [Lyon.] — *Révolution de 1848.* 1925—1926. T. 23. N 113, p. 637—651; N 114, p. 705—715. 1926—1927. T. 24. N 116, p. 829—849.

Dutacq F. Les élections législatives de 1849 à Lyon et dans le département du Rhône.— *Révolution de 1848.* 1927—1928. T. 24. N 122, p. 129—145; N 123, p. 193—203.

Dutacq F. Histoire politique de Lyon pendant la Révolution de 1848 (25 févr.— 15 juillet). P. 1910. [6,] 458 p. (Bibliothèque de «La Révolution de 1848». N 4.) Об этой кн. см.: **Lévy-Schneider L.** Les débuts de la Révolution de 1848 à Lyon. A propos d'un ouvrage récent.— *Revue d'hist. moderne et contemp.* 1911. T. 15, p. 24—61, 177—198.

Godart J. A Lyon, en 1848. Les Voraces. P. 1948. 70 p. (Centenaire de la Révolution de 1848.)

ПАРТИИ. ПОЛИТИЧЕСКИЕ КЛУБЫ. ПРЕССА

См. также: Источники... Печать, с. 493.

Audebrand Ph. Souvenirs de la tribune des journalistes (1848—1852). P. 1867. 374 p.

Darimon A. A travers une révolution (1847—1855). P. 1884. VIII, 351 p. [Журналист, участвовавший в изданиях Прудона.]

Izambart H. La presse parisienne. Statistique bibliographique et alphabétique de tous les journaux, revues et canards periodiques nés, morts, ressuscités ou métamorphosés à Paris depuis le 22 février 1848 jusqu'à l'Empire. P. 1853. XXX, 203 p.

Longepied et **Laugier.** Comité revolutionnaire, club des clubs, et la commission. P. 1850. 133 p.

Lucas A. Les clubs et les clubistes. Histoire complète, critique et anecdotique des clubs et des comités électoraux, fondés à Paris depuis la révolution de 1848. P. 1851. 274 p.

Wallon H. La presse de 1848 ou revue critique des journaux publ. à Paris depuis la Révolution de février jusqu'à la fin de décembre. P. 1849. 138 p.

Трембицкая А. А. Политическая иллюстрированная пресса во французской революции 1848 г. В кн.: К столетию революции 1848 года. Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. А. Бендриковой. Изд. 2-е. М. 1949, с. 236—316.

Avenel H. Histoire de la presse française. Depuis 1789 jusqu'à nos jours. P. 1900. [8,] 884 p.

Blum A. La caricature politique en France sous la Seconde république.— *Révolution de 1848.* 1917—1918. T. 14. N 74, p. 203—215.

Hatin E. Histoire politique et littéraire de la presse en France. T. 8. P. 1861. 644 p.

Cuvillier A. Un journal d'ouvriers «L'Atelier». 1840—1850. Préf. de C. Bouglé. P. 1914. XII, 300 p.

Guyon L. Un journaliste de 1848, Philippe Faure.— *Révolution de 1848*. 1906—1907. T. 3, p. 237—251, 308—329.
Reclus M. Emile de Girardin, créateur de la presse moderne. P. [1934.] 239 p.
Tchernoff J. Associations et sociétés secrètes sous la Deuxième république 1848—1851 d'après des documents inédits. P. 1905. 396 p.
Wassermann S. Les clubs de Barbès et de Blanqui en 1848. P. 1913. XXII, 248 p.
Wassermann S. Le Club de Raspail en 1848.— *Révolution de 1848*. 1908—1909. T. 5, p. 589—605, 655—674, 748—762.
Weill G. Histoire du parti républicain en France, 1814—1870. Nouv. éd. complètement refondue. P. 1928. 432 p. Перевод: **Вейль Ж.** История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г. Пер. с франц. Л. Шишко. [М.] 1906. 456 с.
Weill G. Les journaux ouvriers à Paris (1830—1870).— *Revue d'hist. moderne et contemp*. 1907—1908. T. 9, p. 89—103.

КУЛЬТУРА И БЫТ

Поэзия Французской революции 1848 г. Антология. Перев. В. Дмитриева. Ред., вступ. ст., коммент. Ю. Данилина. М. 1948. 248 с.
Яворская Н. Революция 1848 года и французское искусство. — *Искусство*. 1948, № 3, с. 66—74.
Arago E. Les postes en 1848. P. 1867. 160 p.
Dreyfus F. L'assistance publique sous la Seconde république (1848—1851). P. 1907. 220 p.
Muret Th. L'histoire par le théâtre, 1789—1851. Sér. 3. P. 1865. 442 p.
Prodhomme J. G. La musique et les musiciens en 1848.— *Révolution de 1848*. 1913—1914. T. 10, p. 470—493; 1915—1916. T. 11, p. 145—165.
Thomas E. Les femmes en 1848. P. 1948. 78 p. (Centenaire de la Révolution de 1848.)

ДЕЯТЕЛИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

См. также: Мемуары. Переписка, с. 494 — 495.

Биографические справочники

Biographie des 750 représentants du peuple à l'Assemblée nationale législative, par ordre alphabétique. Par plusieurs journalistes. 3-e éd. rev. et augm. P. 1849. 220 p.
Chaboseau A. Les constituants de 1848. Notes de statistique démographique professionelle etc.— *Revolution de 1848*. 1909—1910. T. 6, p. 213—223, p. 290—313. 1910—1911. T. 7, p. 287—305, 413—425. 1911—1912. T. 8, p. 67—80.
Fisquet H. J. P. Biographie des membres du gouvernement provisoire. (24 février 1848). P. 1848. 69 p.
[Lourdoueix P.] Portraits critiques et biographiques des candidats à la présidence, par Pierre et Paul. P. 1848. 102 p.
[Lourdoueix P.] Profils critiques et biographiques des 900 représentants du peuple par un vétéran de la presse. 2-e tirage corr. et augm. P. 1848. 332 p.
Profils révolutionnaires par un crayon rouge. Publ. par V. Bouton. P. 1848—1849. VIII, 188 p.
Robert A. et **Cougny G.** Dictionnaire des parlementaires français... depuis le 1-er mai 1789 jusqu'au 1-er mai 1889... T. 1—5. P. 1889—1891.
Vapereau G. Dictionnaire universel des contemporains... 4-e éd. entièrement refondue et considérablement augmentée. P. 1870. IV, 1888 p. [1-re éd.: 1858.]

Барбес

Barbès A. Lettres à George Sand. In: **Plauchut E.** Autour de Nohant. P. 1898, p. 225—351. См. также: *Revue de Paris*. 1896. T. 4, p. 5—41.
Barbès J. A. Notices sur la vie d'Armand Barbès.—*Révolution de 1848*. 1905—1906. T. 2, p. 209—219.
Jeanjean J. F. Armand Barbès (1809—1870). Sa vie, son action politique, sa correspondance d'après de nombreux documents inédits. Préf. de G. Renard. T. 1. P. 1909. 272 p.

Луи Блан

Маркс К. и **Энгельс Ф.** «Кельнская газета» об английских порядках.— Соч. Т. VI, с. 248.
Ленин В. И. Луиблановщина.— Соч. Т. 24, с. 15.
Ленин В. И. И. Г. Церетели и классовая борьба.— Соч. Т. 24, с. 295.
Сталин И. В. Российская социал-демократическая партия и её ближайшие задачи.—Соч. Т. 1, с. 11—12.
Сталин И. В. Временное революционное правительство и социл-демократия.—Соч. Т. 1, с. 145.
Blanc L. Appel aux honnêtes gens. Quelques pages d'histoire contemporaine. P. 1849. 168 p.
Blanc L. Organisation du travail. 9-e éd.: refondue et augmentée de chapitres nouveaux. P. 1850. 240 p. [1-re éd.: 1839.]
Blanc L. Le socialisme. Droit au travail. Réponse à M. Thiers. P. 1848. 107 p.
См. также с. 495: **Blanc L.** Histoire de la Révolution de 1848; с. 505: **Blanc L.** Pages d'histoire de la révolution de février 1848...

Бланки

Маркс К. и **Энгельс Ф.** Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 189—190.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 218.

Энгельс Ф. Эмигрантская литература.— Соч. Т. XV, с. 225—226.

Сталин И. В. Ленин, как организатор и вождь РКП.—Соч. Т. 4, с. 314.

Бланки Л.-О. Избранные произведения. Пер. с франц. и комм. Ф. Б. Шуваевой. Вступ. ст. В. П. В о л г и н а. М.—Л. 1952. 402 с. (Акад. Наук СССР. Предшественники научн. социализма. Под общ. ред. В. П. В о л г и н а.)

Blanqui A. Pages inédites (1848—1852). Publ. par A. Z é v a è s.— *Révolution de 1848*. 1925. T. 23. N 111, p. 541—558.

Blanqui et les barricades de juin 1848. (Pages ignorées).— *La Pensée*. 1948. N 19, p. 9—15. [Дана первая часть «Инструкции к вооруженному восстанию» Бланки].

Geffroy G. L'enfermé. P. 1897. 446 p. Перевод: **Жеффруа Г.** Заключенный. Жизнь и революционная деятельность Огюста Бланки. Изд. 2-е. М.—Л. 1925. 272 с.

Marty A. Quelques aspects de l'activité de Blanqui. — *Cahiers du communisme*. 1951. № 4, p. 301—415.

Molinier S. Blanqui. P. 1948. 70 p. (Centenaire de la Révolution de 1848.)

Zévaès A. Auguste Blanqui. Patriote et socialiste français. P. 1920. 252 p. Перевод: **Зеваэс А.** Огюст Бланки. Пг. 1922. 239 с.

Гюго

Hugo V. Actes et paroles. I. Avant l'exil, 1841—1851. P. 1882. 639 p. (Oeuvres complètes).

Hugo V. Choses vues. I—II. P. 1913. (Oeuvres complètes).

См. также с. 508: **Hugo** V. Napoléon le Petit...; с. 509: **Hugo** V. Histoire d'un crime...

Арсеньев К. В. Гюго как политический деятель.— *Вестник Европы*. 1876. № 2, с. 601—647.

Молок А. И. Виктор Гюго и борьба за демократию во Франции и Европе.— *Звезда*. 1946. № 4, с. 163—172.

Garsou J. L'évolution démocratique de Victor Hugo, 1848—1851. Bruxelles — Paris. 1904. 231 p.

Консидеран

Сталин И. В. Анархизм или социализм? Соч. Т. 1, с. 351—355.

Considérant V. Destinée sociale. T. 1—3. P. 1834—1844.

Considérant V. Théorie du droit du travail et du droit de propriété. 3-e éd. P. 1848. 36 p. [Article de la Phalange. 1836.]

Considérant V. Principes du socialisme. Manifeste de la démocratie au XIX-e s. P. 1847. 143 p.

Considérant V. Le socialisme devant le vieux monde. P. 1849. VIII, 264 p.

Considérant V. La dernière guerre et la paix définitive de l'Europe. P. 1850.

Armand F. Les fouriéristes et les luttes révolutionnaires de 1848 à 1851. P. 1948. 84 p. (Centenaire de la Révolution de 1848.)

См также с. 552: **Discailles F.** Le socialiste français Victor Considérant en Belgique...

Ламартин

Lamartine A. Le passé, le présent et l'avenir de la république. Bruxelles [etc.] 1850. 233 p.

Lamartine A. La France parlementaire (1834—1851); œuvres oratoires et écrits politiques. Sér. 3. T. 5—6. 1847—1851. P. 1865.

Lamartine A. La politique de Lamartine. Choix de discours et écrits politiques. T. 1—2. P. 1878.

Lamartine A. Correspondance, publ. par V. L a m a r t i n e. T. 6 (1842—1852). P. 1875.

См. также с. 495: **Lamartine A.** Histoire de la Révolution de 1848...; с. 505: **Lamartine A.** Trois mois au pouvoir...

Guillemin H. Lamartin en 1848. P. 1948. 88 p. (Centenaire de la Révolution de 1848.)

См. также с. 558: **Knight J.** Lamartine ministre des affaires étrangères...; **Quentin-Bauchard P.** Lamartine et la politique étrangère...

Ледрю-Роллен

Ленин В. И. Роспуск Думы и задачи пролетариата.— Соч. Т. 11, с. 99.

Ленин В. И. Привет итальянским, французским и немецким коммунистам.—Соч. Т. 30. с. 36—37.

Ledru-Rollin A. P. A. Discours politiques et écrits divers. T. 1—2. P. 1879.

Schnerb R. Ledru-Rollin. 75 p. (Centenaire de la Révolution de 1848).

Пьер Леру

Leroux P. De l'égalité. Nouv. éd. Boussac. 1848. XII, 272, 32 p. [1-re éd.: 1838.]

Leroux P. De l'humanité, de son principe et de son avenir... T. 1—2. P. 1840.

Leroux P. De la ploutocratie ou du gouvernement des riches. Nouv. éd. Boussac. 1848. 264 p. [Publ. en 1843 dans *La Revue indépendante*.]

Leroux P. Projet d'une constitution démocratique et sociale, fondée sur la loi même de la vie... presenté à l'Assemblée nationale. P. 1848. 175 p.

Mougin H. Pierre Leroux. P. 1938. 309 p.

Прудон

Маркс К. О Прудоне.— Соч. Т. XIII, ч. 1, с. 23—30.

Маркс К. Письмо П. В. Анненкову. 28 декабря [1846 г.]— Соч. Т. XXV, с. 21—31. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 22—33.
Маркс К. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г. Прудона. М. 1941. 183 с.
Энгельс Ф. О Прудоне. — *Архив Маркса и Энгельса*. 1948. Т. X, с. 5—39.
Proudhon P. J. Oeuvres complètes. Nouv. éd. publ. avec des notes et documents inédits sous la dir. de C. Bouglé et H. Moysset. P. 1923—1938. [Изд. не закончено.]
Proudhon P. J. Correspondance... précédée d'une notice sur P. J. Proudhon par J. A. Langlois. T. 2—4. P. 1875.
Proudhon P. J. Qu'est ce que la propriété? P. 1840—1841. Перевод: **Прудон П. Ж.** Что такое собственность? Пер. Е. И. Леонтьевых. М. 1919. 201 с.
Proudhon P. J. Système des contradictions économiques ou philosophie de la misère. I—II. Introd. et notes de R. Picard. P. 1923. (Oeuvres complètes. Nouv. éd.) [1-re éd.: 1846.]
Proudhon P. J. Solution du problème social. Livr. 1—2. P. 1848.
Proudhon P. J. Le droit au travail et le droit de propriété. P. 1848. 60 p.
Proudhon P. J. Les confessions d'un révolutionnaire pour servir à l'histoire de la Révolution de février. Introd. et notes de D. Halévy. P. 1929. 442 p. (Oeuvres complètes. Nouv. éd.) [1-re éd.: 1849.]
Proudhon P. J. Idée générale de la révolution au XIX-e siècle. Introd. et notes de A. Berthod. P. 1923. 462 p. (Oeuvres complètes. Nouv. éd.). [1-re éd.: 1851.
Proudhon P. J. Idées révolutionnaires. Avec une préf. par A. Darimon. P. 1849. XXVII, 268 p.
Proudhon P. J. La révolution sociale démontrée par le coup d'état du deux décembre. Introd. et notes de E. Dolleans et G. Duveau. P. 1936. 386 p. (Oeuvres complètes. Nouv. éd.) [1-re éd.: 1852.] См. с. 510: **Застенкер Н.** Прудон и бонапартистский переворот...
Жуковский Ю. Прудон и Луи Блан. СПб. 1866. 173 с.
Cogniot G. Proudhon et la Révolution de 1848.— *Cahiers du communisme*. 1948. Juin, p. 579—599.
Cuvillier A. Proudhon. P. 1937. 278 p.
Sainte-Beuve G. A. P. J. Proudhon. Sa vie et sa correspondance. 1838—1848. 4-e éd. P. 1873. 352 p.

Распайль

См. также с. 493: *L'ami du peuple* ...

Procès et défense du citoyen F. V. Raspail devant la Haute cour de justice séant à Bourges du 5 mars au 2 avril 1849. P. S. a. 44 p.
Duveau G. Raspail. P. 1948. 64 p. (Centenaire de la Révolution de 1848).
Raspail G. La vie et l'œuvre scientifique de F. V. Raspail. P. 1926. XIII, 126 p.
Saint-Martin J. F. V. Raspail, sa vie, son œuvre. P. 1877.

К главе 1

ФРАНЦИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г.

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 1—39.
Маркс К. и Энгельс Ф. Международные обзоры.— Соч. Т. VIII, с. 219—226.
Маркс К. и Энгельс Ф. [О книгах:] А. Шеню: «Заговоры, тайные общества и пр.» Л. де-ла-Одд. «Рождение республики в феврале 1848 г.»— Соч. Т. VIII, с. 293—305.
Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 111—116, 158, 182—185.
Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 221—222, 235—236, 291—295.
Маркс К. Экономический кризис в Европе.— Соч. Т. XI. Ч. 1, с. 53, 57—58.
Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 25 декабря 1857 г.— Соч. Т. XXII, с. 274—275.
Маркс К. Капитал. Т. III, гл. 25. [М.] 1950.
Маркс К. [Неопубликованная рукопись к I т. «Капитала».] Книга первая. Процесс производства капитала. Гл. 6. Результаты непосредственного процесса производства — *Архив Маркса и Энгельса*. 1933. Т. II (VII), с. 249—255.
Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке.— Избр. произв. Т. II. М. 1948, с. 83—145.
Энгельс Ф. Революционные движения 1847 года.— Соч. Т. V, с. 239—240, 246, 247—249.
Энгельс Ф. Действительные причины относительной пассивности французских пролетариев в декабре прошлого [1851] года.— Соч. Т. VIII, с. 426.
Энгельс Ф. Прогресс движения за социальную реформу на континенте.— Статьи. Письма. 1838—1895. М. 1940, с. 393—401.
Энгельс Ф. Ф. Энгельс о кануне революции 1848 г. во Франции: 1. Правительство и оппозиция во Франции. 2. Закат и близость падения Гизо.— Позиция французской буржуазии. 3. Движение за реформу во Франции.— *Пролетарская революция*. 1940. № 4, с. 126—139.
Сталин И. В. Российская социал-демократическая партия и её ближайшие задачи.— Соч. Т. 1, с. 11—12.

Сталин И. В. Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. [М.] 1946, с. 16—17.
История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М. 1945, с. 99—127.

ОБЩИЕ РАБОТЫ

Чернышевский Н. Г. Июльская монархия. В кн.: **Чернышевский Н. Г.** Полное собрание сочинений. Т. 7. М. 1950, с. 64—185.
Charléty S. La monarchie de juillet (1830—1848). P. 1921. 408 p. (Histoire de France contemporaine publ. sous la dir. de E. L a v i s s e. T. 5.)
Fournière E. Le régime de Louis Philippe (1830—1848). P. [1906.] 583 p. (Histoire socialiste sous la dir. de J. J a u r è s. T. 8.)
Weill G. La France sous la monarchie constitutionnelle (1814—1848). Nouv. éd. rev. et corr. P. 1912. 315 p.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАКАНУНЕ 1848 Г.

См. также: Франция. Общая часть... Экономическое положение, с. 496.

Statistique de la France, publ. par le Ministère des Travaux publics, de l'Agriculture et du Commerce. T. 1—10. P. 1840—1852.
Statistique de l'industrie à Paris résultant de l'enquête faite par la Chambre de commerce pour les années 1847—1848. P. 1851. 1008 p.
Moreau de Jonnès. A. Statistique de l'agriculture de la France. P. 1848. 527 p.
Moreau de Jonnès A. Statistique de l'industrie de la France. P. 1856. XXIV, 380 p.
Say H. Enquête sur l'industrie à Paris pour les années 1847 et 1848.— *Journal des économistes*. 1851. T. 30, p. 305—331.

Потемкин Ф. В. Фабричная хлопкопрядильная промышленность во Франции перед революцией 1848 г.—*Известия АН СССР. Серия истории и философии*. 1947. Т. 4. № 1, с. 49—60.
Lévy C. La fabrique de soie lyonnaise (1830—1848).— *1848 et les révolutions du XIX s*. 1947. T. 38. N 177, p. 20—47.
Sée H. La vie économique de la France sous la monarchie censitaire (1815—1848). P. 1927. 191 p.

Экономический кризис 1847 г.

Бендрикова Л. А. Экономический кризис и рабочее движение накануне февральской революции во Франции. В кн.: К столетию революции 1848 года. Под ред. Б. Ф. П о р ш н е в а и Л. А. Б е н д р и к о в о й. 2-е изд. М. 1949, с. 133—177.
Мендельсон А. Экономические кризисы и циклы XIX в. М. 1949. 838 с. Гл. 4. Кризис 1847 г. См. рец.: *Правда*. 1950, 20 сент.: **Полянский Ф.**—*Вопросы истории*. 1950. № 8, с. 119—124.
Du Puynode G. Les grandes crises financières de la France. P. 1876. XXVIII, 401 p.
Hyndman H. M. Commercial crises of the nineteenth century. [2d ed.] L. [1932.] 6, 174 p.
Laveleye E. Le marché monétaire et les crises depuis cinquante ans. P. 1865. 314 p.
Lescure J. Des crises générales et périodiques de surproduction. 3-e éd. rev., corr. et mise au courant. P. 1923. XI, 488 c. (Bibliothèque d'économie politique et de sociologie. III.) Перевод: **Лескюр Ж.** Общие и периодические промышленные кризисы. Пер. с франц. К. И. Сувирова. СПб. 1908. 557 с.

Braun P. Le département de la Meurthe à la fin de la monarchie de Juillet.— *Révolution de 1848*. 1919—1920. T. 16. N 82, p. 142—174.
Kahan-Rabecq M. M. La crise des subsistances dans le Haut-Rhin à la veille de la Révolution de 1848... P. 1937. 50 p. (Bibliothèque de «La Révolution de 1848». N 12.)
Morère Ph. Disette et vie chère en Ariège à la fin de la monarchie de Juillet (1845—1847). — *Révolution de 1848*. 1920—1921. T. 17. N 85, p. 129—152.
Ponteil F. La crise alimentaire de 1847 dans le Bas-Rhin. P. [1933.] 142 p. (Bibliothèque de «La Révolution de 1848». N 8.)

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

См. также: Франция. Общая часть. Рабочий класс. Рабочее движение, с. 496.

Милютин В. А. Пролетариат и пауперизм в Англии и во Франции.— *Отечественные записки*. 1847. Т. 50—51. [Первые 2 части переизданы в кн.: **Милютин В. А.** Избранные произведения. [М.] 1946, с. 158—272.]
Buret E. De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France. T. 1—2. P. 1840.
Tristan F. Morceaux choisis précédés de geste romantique de Flora Tristan contée par L. S c h e l e r... P. 1947. 296 p.
Tristan F. Union ouvrière. Ed. populaire. P. 1843. XX, 124 p.
Villermé L. Tableau de l'état physique et moral des ouvriers employés dans les manufactures de coton, de laine et de soie. T. 1—2. P. 1840.

Вигдорчик А. Н. Флора Тристан и французские рабочие тридцатых годов XIX в.—*Ученые записки* [*Ленингр. гос. ун-та.*] *Серия исторических наук*. Вып. 15. Л. 1947. [1948], с. 169—190.

Потемкин Ф. В. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М. 1937. 355 с. (Ин-т истории АН СССР)

Créveuil G. La condition ouvrière et la crise de 1847 à Nantes.—*1848 et les révolutions du XIX s*. 1948. T. 39. № 180, p. 39—61.

Garmy R. La «mine aux mineurs» de Rancié (Ariège), 1789—1848. Préf. de G. Bourgin. P. 1943. [Pt. 2. Ch. 4—5.]

Ponteil F. L'agitation ouvrière dans le Haut-Rhin en juin — juillet 1847.— *Révolution de 1848*. 1931. T. 28. N 138, p. 155—167.

Ponteil F. L'opposition politique à Strasbourg contre la monarchie de Juillet (1830—1848). [Nogent-de-Rotrou.] 1932. LVI, 982 p.

Puech J. L. La vie et l'œuvre de Flora Tristan (1803—1844). P. 1925. 514 p.

Rigaudias-Weiss H. Les enquêtes ouvrières en France entre 1830 et 1848. Préf. de C. Bouglé. P. 1936. XI, 262 p.

Sée H. Quelques aperçus sur la condition de la classe ouvrière et sur le mouvement ouvrier en France de 1815 à 1848.— *Revue d'hist. écon. et soc*. 1924. N 4, p. 493—521.

Tarlé E. [Тарле Е. В.] La grande coalition des mineurs de Rive de Gier en 1844.— *Revue hist*. 1936. Vol. 177. Fasc. 2, p. 249—278.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ И КОММУНИСТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ

Социалистические учения Луи Блана, Консидерана, Пьера Леру, Прудона см. выше в разделе: Деятели революционного периода, с. 499—501, под соответствующими фамилиями.

Волгин В. П. Идеи социализма и коммунизма во французских тайных обществах 1835—1837 годов.— *Вопросы истории*, 1949. № 3, 64—81.

Вышинский А. Я. Очерки по истории коммунизма. Ч. 2. М.—Л. 1925. 361 с.

См. также выше с.490: **Волгин В. П.** От Бабёфа к Марксу...

Cuvillier A. Les doctrines économiques et sociales en 1840 d'après le journal «l'Atelier».— *Revue d'hist., écon. et soc*. 1922, p. 84—129.

Cuvillier A. P. J. B. Buchez et les origines du socialisme chrétien. P. 1948. 82 p. (Centenaire de la Révolution de 1848.)

Fournière E. Les théories socialistes au XIX-e s. De Babeuf à Proudhon. P. 1904. [8,] XXXI, 415 p.

Garaudy R. Les sources françaises du socialisme scientifique. Nouv. éd. remaniée. [P.] 1949. 285 p.

Isambert G. Les idées socialistes en France de 1815 à 1848. P. 1905. 426 p.

Louis P. Histoire du socialisme en France de la Révolution à nos jours, 1789—1936. 3-e éd. P. 1936. 438 p. Перевод: **Луи П.** История социализма во Франции. Изд. 2-е. М. 1906. V, 388 с.

Louis P. Louis Blanc, Vidal, Pecqueur, Cabet. (Avec des extraits des œuvres étudiées). P. 1922. 71 p. (Histoire des doctrines socialistes.) Перевод: **Луи П.** Французские утописты Луи Блан, Видаль, Пеккер, Кабе с отрывками из их произведений. М. 1923. 55 с.

Morange G. Les idées communistes dans les sociétés secrètes et dans la presse sous la monarchie de Juillet. Thèse. P. 1905. 169 p.

Perreux G. Au temps des sociétés secrètes (1830—1835). P. 1931. XLII, 398 p.

Sencier G. Le babouvisme après Babeuf. Sociétés secrètes et conspirations communistes (1830—1848). P. 1912. 348 p.

Stein L. Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich von 1789 bis auf unsere Tage. Bd 2—3. Hrsg. von G. Salomon. München. 1921.

Видаль

Vidal F. De la réparation des richesses de la justice distributive. en économie sociale. P. 1846. 500 p.

Vidal F. Vivre en travaillant! Projets, vues et moyens de réformes sociales. P. 1848. 324 p.

Vidal F. Organisation du crédit personnel et réel, mobilier et immobilier. P. 1851. 334 p.

Louis P. François Vidal. Ein französi cher Sozialist des Jahres 1848.— *Neue Zeit*. 1901—1902. Bd 2, S. 545—548 585—590.

Дезами

Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство.—Соч. Т. III, с. 160—161.

Dezamy Th. Code de la communauté. P. 1842. VII, 292 p.

Dezamy Th. Organisation de liberté et du bien-être universel. P. 1845.

Garaudy R. Le communisme matérialiste en France avant 1848. Un précurseur: Theodore Dezamy.— *La Pensée*. 1948. N 18, p. 37—47.

Кабе

Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство.— Соч. Т. III, с. 160—161.

Cabet E. Comment je suis communiste et mon credo communiste. 5-e éd. P. 1847. 32 p. [1-re éd.: 1840.]

Cabet E. Voyage en Icarie. 5-e éd. P. 1848. VIII, 600 p. [1-re éd.: 1840.] Перевод: **Кабе Э.** Путешествие в Икарию. Пер. с франц. под ред. Э. Л. Гуревича. Вступ. ст. В. П. Волгина. Ч. 1—2. М.—Л. 1948. (АН СССР. Предшественники научного социализма. Под общ. ред. В. П. Волгина.)

Cabet E. Douze lettres d'un communiste à un réformiste sur la communauté. P. 1842. 166 p.
Cabet et l'Icarie à la fin de 1847. Document inédit. Publ. par P. Caron.— *Revue d'hist. moderne et contemp.* 1906—1907. T. 8, p. 569—585.
Волгин В. П. Этьен Кабе.— *Известия АН СССР. Серия истории и философии.* 1948. Т. 5. № 3, с. 227—248.
Angrand P. Etienne Cabet et la Révolution de 1848. P. 1948. 80 p. (Centenaire de la Révolution de 1848.)
Prudhommeaux J. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. P. 1907. XL, 688 p. [Nouv. tirage: 1926.]
Renard G. Cabet et les précurseurs de la Révolution de 1848.— *Révolution de 1848.* 1931—1932. T. 32. N 139, p. 181—192.

Пеккёр

Pecqueur C. Théorie nouvelle d'économie sociale et politique ou études sur l'organisation des sociétés. P. 1842.
См. также с. 493: *Le Salut du peuple...*
Волгин В. П. Пеккёр.— *Исторические записки.* 1948. № 25, с. 169—239.
Волгин В. П. Пеккёр после 1848.— *Вопросы истории.* 1948. № 4, с. 81—90.
Mercy G. Constantin Pecqueur, fondateur du collectivisme d'état (1801—1887). Préf. de B. Lavergne. P. 1934. X, 268 p.

Пийо

Pillot J. J. Histoire des égaux ou moyen d'établir l'égalité absolue parmis les hommes. P. 1840. 60 p.
Pillot J. J. Ni châteaux, ni chaumières, ou état de la question sociale en 1840. P. 1840. 60 p.
Pillot J. J. La communauté n'est plus une utopie? Conséquences du procès des communistes. P. 1841. 32 p.
Premier banquet communiste le 1-er juillet 1840. Publ. par le comité de rédaction J. J. Pillot, Th. Dezamy [e. a.] S. l. S. a.

БУРЖУАЗНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

Tchernoff J. Le parti républicain sous la monarchie de juillet. Avec une préf. de A. Esmein. P. 1901. XXII, 696 p.
См. также, с. 499: **Weill G.** Histoire du parti républicain...

Roinville L. Histoire du banquet réformiste du 12-e arrondissement depuis sa fondation le 5 décembre 1847 jusqu'au 24 février 1848. P. 1848. 39 p.
Monin H. Lamartine et la campagne des banquets.— *Révolution française.* 1896. T. 31, p. 548—559.
Lévy-Guénot R. Ledru-Rollin et la campagne des banquets.— *Révolution de 1848.* 1920—1921. T. 17. N 83, p. 17—28; N 84, p. 58—75.

К главам 9 и 10

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ВО ФРАНЦИИ. — ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ ОТ 25 ФЕВРАЛЯ ДО 4 МАЯ 1848 Г.

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и **Энгельс Ф.** Статьи из «Новой Рейнской газеты». Известия из Парижа. II.— Соч. Т. VI, с. 198—200.
Маркс К. и **Энгельс Ф.** [О книгах:] А. Шеню: «Заговорщики, тайные общества и др.» Л. де-ла-Одд: «Рождение республики в феврале 1848 г.» — Соч. Т. VIII, с. 293—305.
Маркс К. Классовая борьба во Франции. Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 111—129.
Энгельс Ф. Письмо Э. Бланку. 26 марта 1848 г.— Соч. Т. XXV, с. 41—42.
Энгельс Ф. Письмо Э. Бланку. 28 марта 1848 г.— Соч. Т. XXV, с. 42—44. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 36—37.
Энгельс Ф. Письмо Ф. Турати. 26 января 1894 г.— Избр. письма. М. 1948, с. 475.
Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов.— Соч. Т. 13, с. 363—364.
Ленин В. И. Луиблановщина.— Соч. Т. 24, с. 15.
Ленин В. И. «Великий отход».— Соч. Т. 25, с. 44—45.
Сталин И. В. Временное революционное правительство и социал-демократия.— Соч. Т. 1, с. 145—146, 153—157.
Сталин И. В. Об условиях победы русской революции.— Соч. Т. 3, с. 13—14.

ИСТОЧНИКИ

Procès-verbaux du Gouvernement provisoire et de la Commission du pouvoir exécutif (24 février — 22 juin 1848). P., impr. nat., 1950. XIX, 432 p. (Comité national du centenaire de 1848.)
Actes officiels du Gouvernement provisoire dans leur ordre chronologique. Arrêtés, décrets, proclamations, etc. Revue des faits les plus remarquables précédés du récit des événements qui se sont accomplis le 22, 23 et 24 février 1848. P. 1848. 547, XIII p.
Recueil complet des actes du gouvernement provisoire (février, mars, avril, mai 1848) avec notes explicatives, des tables chronologiques et une table alphabétique, analytique et raisonnée des matières par E. Carrey. Pt. 1—2. P. 1848.

Collection de documents pour servir à l'histoire de la chute de la Maison d'Orléans et de l'établissement de la République. Lpz. 1848. XVI, 372 p. (République française).
Bulletins de la République émanés du Ministère de l'intérieur du 13 mars au 6 mai 1848. Collection complète. P. 1848. XV, 90 p.

Анненков П. В. Февраль и март в Париже. 1848 г. В кн.: **Анненков П. В.** Воспоминания и критические очерки. Отдел первый. СПб. 1877, с. 241—328.
Карамзин А. Н. Письма 1847—1848. Материалы по истории Французской революции 1848 г. По документам Крым. центр. арх. упр. Изд. 2-е. М.—Л. 1935. 52 с. (Историческая комиссия. АН СССР.)
Blanc L. Pages d'histoire de la révolution de février 1848. P. 1850. VIII, 359 p.
Carnot H. Le Ministère de l'instruction publique et des cultes, depuis le 24 févr. jusqu'au 5 juil. 1848. P. 1848. 68 p.
Chenu A. Les conspirateurs. Les sociétés secrètes. La préfecture de police sous Caussidière. Les corps-francs. Bruxelles. 1850. 160 p. Об этой кн. см. выше: **Маркс К. и Энгельс Ф.** А. Шеню...
Crémieux Ad. En 1848. Discours et lettres de Ad. Crémieux, membre du Gouvernement provisoire. P. 1883. V, 338 p.
Delvau A. Histoire de la Révolution de février. P. 1850. 481 p.
Drêvet père. Mystères de l'Hôtel-de-Ville. Révélations de Drêvet père, président des délégués du peuple. Faits et actes inédits du Gouvernement provisoire (février 1848). P. 1850. 93 p.
Fleury-Bergier C. Etat politique de la France après la révolution de février 1848. P. 1849. 307 p.
Garnier-Pagès L. A. Un épisode de la Révolution de 1848. L'impôt des 45 centimes. P. 1850. 196 p.
Histoire de la révolution de février 1848, du Gouvernement provisoire et de la république. [T. 1.] Gouvernement provisoire 24 févr. au 8 mai. Bordeaux. 1849. 623, 10 p.
La Hodde. La naissance de la République. P. 1850. 110 p. Об этой кн. см выше с. 504: **Маркс К. и Энгельс Ф.**... Л. де-ла-Одд...
Lamartine A. Trois mois au pouvoir. P. 1848. 328 p.
Regnault E. Histoire du Gouvernement provisoire. P. 1850. 371 p.
Sarrans B. Histoire de la Révolution de février 1848. T. 1—2. P. [1851.]

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Antony A. La politique financière du Gouvernement provisoire, février — mai, 1848. P. 1910. Thèse. 305 p.
Baudoin E. Le Gouvernement provisoire et la presse en 1848.— *Revue de la Révolution*. 1887. T. 9, p. 142—159, 210—224, 304—322.
Carnot P. Hippolyte Carnot et le Ministère de l'instruction publique de la II-e République. P. 1948. 68 p. (Centenaire de la Révolution de 1848.)
Dreyfus F. L'école en 1848 et le Ministère d'Hippolyte Carnot (24 févr.— 5 juil. 1848). P. 1908. 36 p.
Martin Gaston. L'abolition de l'ésclavage (27 april 1848). P. 1948. 64 p. (Centenaire de la Révolution de 1848.)

СОБЫТИЯ 22, 23 И 24 ФЕВРАЛЯ

Castéra N. Le triomphe de la liberté, ou histoire la plus complète, la plus exacte, la plus détaillée de la révolution des 22, 23 et 24 février 1848. P. [1848.] 252 p.
Delbrouck E. 22, 23 et 24 février. Révolution de 1848... P. 1848. 36 p.
Faure Ph. Journal d'un combattant de Février, précédé d'un fragment sur l'auteur par P. Leroux... Jersey. 1859. VII, 256 p.
Lourdoueix P. Histoire de trente heures. Février 1848. Par Paul et Pierre. 2-e éd. P. 1848. 152 p.
Pelletan E. Histoire des trois journées de février 1848. P. 1848. 184 p.

Bruhat J. Les journées de février 1848. P. 1948. 75 p. (Centenaire de la Révolution de 1848.)
Crémieux A. La Révolution de février. Etude critique sur les journées des 21, 22, 23 et 24 février 1848. P. 1912. 335 p.
Zévaès A. La chute de Louis-Philippe, 24 février 1848. P. 1930. 126 p.

Perreux G. L'affaire du drapeau rouge (25 et 26 février 1848).— *Revue d'hist. écon. et soc.* 1924. N 2, p. 181—205.

ЛЮКСЕМБУРГСКАЯ КОМИССИЯ

Blanc L. La révolution de février au Luxembourg. P. 1849. 156 p.
Le droit au travail au Luxembourg et à l'Assemblée nationale. Par M. M. de Lamartine, Thiers, Louis Blanc et autres. Avec une introd. par E. Girardin. I. P. 1849. VIII, 312 p.

Бутенко В. Парижский рабочий парламент 1848 г. и его деятельность.— *Русское богатство*. 1908. № 10, с. 61—100.
Cahen G. Louis Blanc et la Commission du Luxembourg 1848.— *Annales de l'Ecole libre des sciences politiques*. 1897. T. 12. N 2, p. 187—225; N 3, p. 362—380; N 4, p. 459—481.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МАСТЕРСКИЕ

Thomas E. Histoire des ateliers nationaux. P. 1848. Позднейшая перепечатка: **Thomas E.** Histoire des ateliers nationaux. Oxford. 1913. 395 p. (The French revolution 1848 in its economic aspect. Vol 2.) [Воспроизведен тит. лист и шрифт франц. изд. 1848 г.]

Blind K. Les ateliers nationaux de Paris en 1848.— *Nineteenth century*. 1906. Vol. 60, p. 307—314.

Chérest A. A. La vie et les œuvres de Marie. P. 1873. 385 p.
McKay D. C. The national workshops. A study in the French Revolution of 1848. Cambridge, Mass.— London. 1933. XXVI, 191 p. (Harvard hist. studies. Vol. 35.) [Отдельные очерки того же автора по тому же вопросу печатались на франц. яз. в журн.: *Révolution de 1848*. 1933, NN 144, 146.]
Picattier E. Les ateliers nationaux en 1848. Saint-Etienne. 1899. 174 p. Thèse.

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПАРИЖЕ В ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА

См.: Общая часть. Печать, с. 493; Партии. Политические клубы. Пресса, с. 498.

К главам 29 и 38

ИЮНЬСКОЕ ВОССТАНИЕ В ПАРИЖЕ. — НАСТУПЛЕНИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ. ОТ КАВЕНЬЯКА К ЛУИ БОНАПАРТУ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и **Энгельс Ф.** Революция и контрреволюция в Германии. В кн.: **Маркс К.** Избр. произв. Т. II. М. 1940, с. 77—80.
Маркс К. и **Энгельс Ф.** Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VI. С. 195—228: Июньская бойня в Париже и ее влияние на Германию; с. 294: Согласительные дебаты о предложении Якоби; с. 455—457: Восстание во Франкфурте; с. 471—473: Парижская «Réforme» о положении во Франции; с. 495—497: Падение Вены.
Маркс К. и **Энгельс Ф.** Господин Кавеньяк.—Соч. Т. VI, с. 501—519.
Маркс К. и **Энгельс Ф.** Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VII. С. 62—63: Буржуазия и контрреволюция; с. 90—93: Революционное движение в Италии; с. 99—101: Избрание Бонапарта президентом; с. 102—104: Революционное движение.
Маркс К. Классовая борьба во Франции.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 129—145.
Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 218—228.
Маркс К. Гражданская война во Франции.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 470, 484, 496—497.
Маркс К. [Отчет Генерального совета Брюссельскому конгрессу МТР.] — Соч. Т. XIII. Ч. 1, с. 274.
Энгельс Ф. Маркс и «Новая Рейнская газета».— Избр. произв. Т. II. М. 1948, с. 317.
Энгельс Ф. Из Парижа в Берн.— Соч. Т. VI, с. 522—523, 530—533.
Энгельс Ф. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия. — Соч. Т. XIII. Ч. 1, с. 68 — 69.
Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю. 11 декабря 1884 г.— Соч. Т. XXVII, с. 436—437. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 385—386.
Энгельс Ф. Подробности о событиях 23 июня.— *Пролетарская революция*. 1940. № 3, с. 150—153.
Энгельс Ф. [Рабочий класс Франции и президентские выборы.] — *Пролетарская революция*. 1940. № 3, с. 153—157.
Ленин В. И. Русская революция и задачи пролетариата. — Соч. Т. 10, с. 120—122.
Ленин В. И. Сила и слабость русской революции.— Соч. Т. 12, с. 315.
Ленин В. И. Исторические судьбы учения Карла Маркса.— Соч. Т. 18, с. 544—545.
Ленин В. И. Луиблановщина.— Соч. Т. 24, с. 15—18.
Ленин В. И. И. Г. Церетели и классовая борьба.— Соч. Т. 24, с. 295.
Ленин В. И. Из какого классового источника приходят и «придут» Кавеньяки? — Соч. Т. 25, с. 75—78.
Сталин И. В. «Фабричное законодательство» и пролетарская борьба. — Соч. Т. 1, с. 290.
Сталин И. В. Полоса провокаций.— Соч. Т. 3, с. 241.

ОТ ОТКРЫТИЯ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ ДО СОБЫТИЙ 15 МАЯ

Procès-verbaux du Comité du travail à l'Assemblée constituante de 1848. P. 1908. XII, 328 p. («Bibliothèque de la Révolution de 1848». N 1.)
Le droit au travail à l'Assemblée nationale. Recueil complet de tous les discours prononcés dans cette mémoriable discussion et une introd. et des notes par J. Garnier. P. 1848. XXIV, 455 p.
Le droit au travail au Luxembourg et à l'Assemblée nationale. Par M. M. de Lamartine, Thiers, Louis Blanc... etc., etc., avec une introd. par E. Girardin. I—II. P. 1849.

Babaud-Laribière, L. Histoire de l'Assemblée nationale constituante. T. 1—2. P. 1850.
Histoire de la révolution de février 1848, du Gouvernement provisoire et de la république. [T. 2.] Commission du pouvoir exécutif 9 mai au 23 juin. Bordeaux. 1849. 692 p.

Lavalette F. Le droit au travail en 1848. P. 1912. 182 p.
Moysset H. L'idée d'organisation du travail dans les professions de foi des candidats à l'Assemblée constituante de 1848.— *Révolution de 1848*. 1906—1907. T. 3, p. 27—42.

НАРОДНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ 15 МАЯ

Procès des accusés du 15 mai 1848. Bordeaux. 1849.
Journée du 15 mai 1848 (Rapport du procoureur général.) Publ. par G. V a u t i e r.— *Révolution de 1848*. 1929. T. 25. N 127, p. 242—251.
Duquai E. Les grands procès politiques. Les accusés de 15 mai 1848. Albert Barbès, Blanqui, Raspail, Louis Blanc, Caussidière... P. 1869. 232 p.
Тургенев И. С. Точное описание того, что я видел в понедельник 15 мая 1848. В кн.: **Тургенев И. С.** Собрание сочинений. М. 1949, Т. 11, с. 75—78. [Письмо к П. Виардо.]

ИЮНЬСКОЕ ВОССТАНИЕ ПАРИЖСКИХ РАБОЧИХ

См. также: Общая часть. Революционное движение в провинции, с. 497—498.

France. Assemblée nationale constituante. Rapport de la Commission d'enquête sur l'insurrection qui a éclaté dans la journée du 23 juin et sur les événements du 15 mai. I—III. P. 1848.
Procès des insurgés des 23, 24, 25 et 26 juin 1848 devant les conseils de guerre de la première division militaire. Publ. par des sténographes de l'Assemblée nationale. Sections 1—2. P. 1848. [1849.]

Тургенев И. С. Наши послали. (Эпизод из истории июньских дней 1848 г. в Париже). В кн.: **Тургенев И. С.** Собрание сочинений Т. 10. М. 1949, с. 289—296.
Чернышевский Н. Г. Кавеньяк. В кн. **Чернышевский Н. Г.** Полное собр. соч. Т. 5. М. 1950, с. 5—63.
Castille H. Les massacres de juin 1848. P. 1869. 149 p. Об этой кн. см.: **Маркс К.** Письмо Л. Кугельману. 3 марта 1869 г.— Соч. Т. XXVI, с. 7—8. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 217—218.
Journées de l'insurrection de juin 1848 par un garde national précédées des murs de Paris. P. 1848. 312 p.
Ménard L. Prologue d'une révolution. 2-e éd. P. 1904. 288 p. [Первоначально печаталось в газ. *Peuple* в 1848—1849 гг.; первое изд. отдельной брошюрой: 1849.]
Pagès-Duport A. Journées de juin. Récit complet des événements des 23, 24, 25, 26 et des journées suivantes. 2-e éd. P. 1848.
Reymond des Ménars J. Le faubourg Saint-Antoine du 23 au 27 juin 1848. P. S. a. 16 p.

Молок А. И. Июньские дни 1848 года. *Вестник АН СССР*. 1948. № 7, с. 19—38.
Молок А. И. Июньские дни 1848 г. в Париже. М. 1948. 148 с.
Молок А. И. Карл Маркс и июньское восстание 1848 г. в Париже. Л.—М. 1934. 192 с.
Покровский М. Н. Ламартин, Кавеньяк и Николай I. (Страничка из истории Февральской республики 1848 г.) В кн.: **Покровский М. Н.** Дипломатия и войны царской России в XIX ст. М. 1923, с. 84—104.
Emerit M. Les déportés de 1848.—*1848 et les révolutions du XIX s*. 1948. T. 39, N 181, p. 1—9.
Geffroy G. Les journées de juin 1848. — *Révolution de 1848*. 1904—1905. T. 1, p. 22—29.
Ikor R. L'insurrection ouvrière de juin 1848. P. 1936. 62 p.
Marouck V. Juin 1848. P. 1880. 176 p.
Schmidt Ch. Les ateliers nationaux aux barricades du juin. P. 1948. 67 p. (Centenaire de la Révolution de 1848.)
Schmidt Ch. Les journées de juin 1848. P. 1926. 126 p. Перевод: **Шмидт Ш.** Июньские дни 1848. Перев. с франц. М. К. Гринвальд. Л. 1927. 105 с.
Tersen E. Juin 48.—*La Pensée*. 1948. N 19, p. 16—24.

КОНСТИТУЦИЯ 1848 г.

Constitution de la République française précédée des rapports et décrets qui y sont relatifs. P. Impr. nationale. 1848. 127 p.
Законодательные акты Франции. Пер. с предисл. Р. Лемберк. СПб. 1905. 128 с. [Текст Конституции 1848, с. 86—104.]

Berton H. La constitution de 1848.— *Annales de l'Ecole libre des sciences politiques*. 1897. N 6, p. 673—712. 1898. N 3, p. 343—374.
Cohen J. La préparation de la Constitution de 1848 (pouvoirs législatifs et exécutifs). Thèse. P. 1935. 147 p.
Deschamps L. Le pouvoir législatif dans la Constitution de 1848. Thèse. Rennes. 1905. 149 p.
Michel H. Note sur la Constitution de 1848. D'après le procès-verbal inédit des travaux du Comité de Constitution.— *Révolution de 1848*. 1904—1905. T. 1, p. 41—56.
Seignobos Ch. Le Comité de Constitution de 1848.— *Bull. de la Société d'hist. moderne*. 1914.

К главам 39 и 44

КОНЕЦ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ. ПОРАЖЕНИЕ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ БУРЖУАЗИИ.— ВЫСТУПЛЕНИЕ 13 ИЮНЯ 1849 Г. И ПОРАЖЕНИЕ МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ

См. также литературу к гл. Международные отношения... Франция, с. 558.

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VII. С. 105—107: Положение в Париже; с. 316—317: О внешней политике Французской республики; с. 371: Контрреволюция быстро надвигается.

Маркс К. и Энгельс Ф. Русская дипломатия.— Соч. Т. IX, 637.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 228—245.

Маркс К. Господин Фогт.— Соч. Т. XII. Ч. 1, с. 374—375.

Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 7 июня [1849 г.]— Соч. Т. XXI, с. 108.

Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 17 августа [1849 г.] — Соч. Т. XXI, с. 112—113.

Маркс К. Письмо Л. Кугельману. 17 апреля 1871 г.— Соч. Т. XXVI, с. 108. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 264.

Ленин В. И. Роспуск Думы и задачи пролетариата.— Соч. Т. 11, с. 99.

ИСТОЧНИКИ

Boichot J. B. La révolution dans l'armée française. Election des sous-officiers en 1849. Bruxelles. 1865. 112 p.

Discours et messages de Louis-Napoléon Bonaparte, depuis son retour en France jusqu'au 2 décembre 1852. (Quatre années de présidence de la République.) P. 1853. 251 p. См. также: **Napoléon III.** Oeuvres. T. 3. P. 1856. 437 p.

Documents sur l'évolution de Léon Faucher (1848—1849).— *Révolution de 1848*. 1906—1907. T. 3, p. 185—205.

Faucher L. Biographie et correspondance. Vie parlementaire. 2-e éd. augm. de nouv. lettres. T. 1—2. P. 1875.

Faucher L. Papiers inédits. Aperçu de la situation du pays depuis l'époque où M. le ministre de l'Intérieur est entré aux affaires.— *Révolution de 1 48*. 1906—1907. T. 3, p. 91—111.

Hugo V. Napoléon le Petit. P. 1882. 335 p. (Oeuvres complètes. Histoire. T. 1.) [1-re éd.: 1952.] Перевод: **Гюго В.** Маленький Наполеон. М. 1902. 240 с.

[Mahul A.] Un projet réactionnaire de décentralisation en 1849.— *Revolution de 1848*. 1905—1906. T. 2, p. 45—47.

Quinet E. La croisade autrichienne, française, napolitaine, espagnole contre la république romaine. 3-e éd. P. 1849. 36 p.

См. также, с. 494: **Barrot O.** Mémoires posthumes. T. 3 ...

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Застенкер Н. Е. «Гора» 1848 года.—*Вопросы истории*. 1948. № 5, с. 40—66.

Almeras Ch. Odilon Barrot, avocat et homme politique. Thèse. P. [1950.] 299 p. [Работа написана на основе данных архива Барро.]

Génique G. L'élection de l'Assemblée législative en 1849. Essai d'une répartition géographique des partis politiques en France. P. 1921. 59 p.

Weil G. D. Les élections législatives en France depuis 1789. P. 1895. VII, 294 p. [Ch. IX. La Seconde république, p. 168—190.]

ВЫСТУПЛЕНИЕ 13 ИЮНЯ 1849 Г. В ПАРИЖЕ

Haute-Cour de Versailles. Procès des accusés du 13 juin 1849. Complot contre le gouvernement. Bordeaux. 1849. 552 p.

Considérant V. Journée du 13 juin 1849. P. 1849. 69 p.

Ledru-Rollin A. A. Le 13 juin. Suivi de: Affaire du Conservatoire par V. Considérant. Bruxelles. 1849. 45 p.

Pouillet C. S. M. Le Conservatoire des arts et métiers pendant la journée du 13 juin 1849. P. 1849. 39 p.

Seiler S. Das Complot vom 13. Juni 1849, oder der letzte Sieg der Bourgeoisie in Frankreich. Hamburg. 1850. VI, 100 S.

Félice R. La journée du 13 juin 1849 à Paris.— *Révolution de 1848*. 1909—1910. T. 6, p. 133—157, 242—252, 314—325.

Fonvielle W. Le 13 juin 1849.— *Révolution de 1848*. 1911—1912. T. 8, p. 469—475.

ДВИЖЕНИЕ В ПРОВИНЦИИ

См.: Общая часть. Революционное движение в провинции, с. 497—498

К главе 49

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ВО ФРАНЦИИ В 1849—1851 ГГ. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 2 ДЕКАБРЯ 1851 г. ПАДЕНИЕ ВТОРОЙ РЕСПУБЛИКИ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Международные обзоры.— Соч. Т. VIII, с. 205—207, 236—238, 245—255.

Маркс К. и Энгельс Ф. Русская победа. Положение Франции и Англии.— Соч. Т. IX, с. 583.
Маркс К. и Энгельс Ф. Русская дипломатия.— Соч. Т. IX, с. 637.
Маркс К. и Энгельс Ф. Армии Европы.— Соч. Т. X, с. 622.
Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. — Избр. произв. Т. I. М. 1948, стр. 208—302.
Маркс К. Луи-Наполеон и Фульд.— Соч. Т. VIII, с. 89—91.
Маркс К. Франция Бонапарта маленького.— Соч. Т. XI. Ч. 1, с. 7—8.
Маркс К. Французский «Crédit Mobilier».— Соч. Т. XI. Ч. 1, с. 26—27.
Маркс К. Английские выборы.— Соч. Т. XI. Ч. 1, с. 183—184.
Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 19 октября 1851 г.— Соч. Т. XXI, с. 290—291.
Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 9 декабря 1851 г.— Соч. Т. XXI, с. 305—306. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 56—57.
Энгельс Ф. Действительные причины относительной пассивности французских пролетариев в декабре прошлого [1851] года.— Соч. Т. VIII, с. 419—427.
Энгельс Ф. Преследование Монталамбера.— Соч. Т. XI. Ч. 1, с. 516—519.
Энгельс Ф. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия.— Соч. Т. XIII. Ч. 1, с. 69—70.
Энгельс Ф. Роль насилия в истории.— Соч. Т. XVI. Ч. 1, с. 471—473.
[**Энгельс Ф.** Письмо К. Марксу.] 3 декабря 1851 г.— Соч. Т. XXI, с. 301—304. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 53—56.
Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. 11 декабря 1851 г.— Соч. Т. XXI, с. 308—311. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 57—60.
Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. 16 декабря 1851 г.— Соч. Т. XXI, с. 312.
Ленин В. И. Начало бонапартизма.— Соч. Т. 25, с. 200—201.
Ленин В. И. За деревьями не видят леса.— Соч. Т. 25, с. 233.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДИКТАТУРА «ПАРТИИ ПОРЯДКА»

Закон Фаллу

Falloux A. F. P. Projet de loi sur l'instruction publique, préc. de l'exposé des motifs, présenté par... de Falloux. [P. 1849.] 53 p.
Liberté d'enseignement. Les débats de la commission de 1849, discussion parlementaire et loi de 1850. [Procès-verbaux.] Par H. L a c o m b e. Nouv. éd. P. 1899. XV, 344 p. [Об этом изд. см. ниже статью **R. Housset.**]
См, также с. 494: **Falloux A. F. P.** Discours...; **Falloux A.F.P.** Mémoires...
Cogniot G. La question scolaire en 1848 et la loi Falloux. P. 1948. 242 p.
Debidour A. L'expédition de Rome et la loi Falloux.— *Révolution française*. 1897. T. 33, p. 510—552.
Housset R. Les procès-verbaux inédits de la Commission extra-parlementaire chargée d'élaborer la loi Falloux.— *Révolution de 1848*. 1921—1922. T. 18. N 87, p. 284—292.
Lecanuet R. P. Montalembert d'après son journal et sa correspondance. T. 2. La liberté d'enseignement (1835—1850). P. 1902. XI, 519 p.
Liard L. L'enseignement supérieur en France (1789—1893). T. 2. P. 1894. 522 p. Livre VI. La Seconde république, p. 223—240.
Michel H. La loi Falloux 4 janvier 1849—15 mars 1850. P. 1906. 6, 524. p.
Wolff A. La loi Falloux et son application en Alsace et Lorraine. P. 1939. 218 p.

Издание закона 31 мая 1850 г.

Laferrière H. La loi électorale du 31 mai 1850. Thèse. P. 1900. 278 p.
Raphaël P. La loi du 31 mai 1850.— *Revue d'hist. moderne et contemp.* 1909—1910. T. 13, p. 277—304. T. 14, p. 44—79, 297—331.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 2 ДЕКАБРЯ 1851 Г.

Тарле Е. В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение. В кн.: Литературное наследство. 31—32. М. 1934, с. 563—666. [См. письма, относящиеся к перевороту 2 декабря 1851 г., с. 615—626.]
Coup d'état du 2 décembre 1851. Collection des dépêches télégraphiques adressées aux préfets par le ministre de l'intérieur.— *Archives historiques*. 1889—1890. T. 1, p. 59—64.
Robert A. Statistique pour servir à l'histoire du 2 décembre 1851. Paris et les départements. P. 1869. 268 p.

Belouino P. Histoire d'un coup d'état (décembre 1851)... P. 1852. 491 p.

Duprat P. Les tables de proscription de Louis Bonaparte et de ses complices. T. 1—2. Liège. 1852.
Durrieu X. Le coup d'état de Louis Bonaparte. Histoire de la persécution de décembre. Genève —New York. 1852. 215 p.
Hübner J. A. Neun Jahre der Erinnerungen eines österreichischen Botschafters in Paris unter dem zweiten Kaiserreich, 1851—1859. Hrsg. von A. H ü b n e r. Bd 1. B. 1904. 277 S.
Hugo V. Histoire d'un crime. T. 1—2. P. 1883—1884. (Oeuvres complètes. Histoire. T. 2—3). [1-re éd.: 1877—1878.] Перевод: **Гюго В.** История одного преступления. Пер. И. И. Аксенова М. 1915. 432 с. (Собр. соч. Т. 8.)

Lefranc P. Le deux décembre (1851), ses causes et ses suites. P. 1870. 264 p.

Magen H. Histoire de la terreur bonapartiste. 4-e éd. P. 1872. 365 p. [Первое изд. под загл.: Mystère du deux décembre. Londres — Bruxelles. 1852.]

Maupas C. E. Mémoires sur le Second empire. La présidence de Louis-Napoléon. 5-e éd. P. 1884. 643 p. [1848—1852.]

Ollivier E. L'Empire libéral. T. 2. Louis-Napoléon et le coup d'état. P. [1897.] 554 p.

Robert J. Le coup d'état du 2 décembre 1851 et mon histoire de proscrit, avec une dédicace à V. Hugo. Bordeaux. 1884. 314 p.

Schoelcher V. Le deux décembre. Les massacres dans Paris. P. 1874 VI, 191 p. [1-re éd.: L. 1852.]

The secret of the coup d'état. An unpublished correspondence of prince Louis-Napoleon, de Morny, de Flahault, and oth. 1848 to 1852. Ed. with an introd. by Kerry. L. 1924. IX, 263 p.

См. также с. 508: **Discours** et messages de Louis-Napoléon...; **Hugo V.** Napoléon le Petit...

Застенкер Н. Е. Прудон и бонапартистский переворот 2 декабря 1851 года.— *Исторический журнал*. 1944. № 10—11, с. 58—70. См. выше., с. 501: **Proudhon p. J.** La révolution sociale démontrée par le coup d'état du deux décembre...

Tchernoff J. Le parti républicain au coup d'état et sous le Second empire. P. 1906. X, 676 p.

Ténot E. Paris en décembre 1851. Etude historique sur le coup d'état. 12-e éd. P. 1868. 216 p.

Vermorel A. Les hommes de 1851. Histoire de la présidence et du rétablissement de l'empire. P. 1869. IV, 424 p. Перевод: **Верморель О.** Деятели 1851 года. История президентства и основания Второй империи. СПб. 1870. VIII, 544 с.

ПЕРЕВОРОТ 2 ДЕКАБРЯ 1851 Г. И ПРОВИНЦИЯ

См. также: Общая часть. Революционное движение в провинции, с. 497—498.

Documents sur l'émeute survenue à Saint Amand (Cher) le 3 décembre 1851. [Publ. par R. Gandilhom.]— *Révolution de 1848*. 1936. T. 33. N 156, p. 44—48.

Dutacq F. La police politique et les partis d'opposition à Lyon et dans le Midi en 1852. Documents inédits.— *Révolution de 1848*. 1923. T. 20, N 100, p. 234—251; N 101, p. 325—334.

Histoire du coup d'état dans le département de la Haute-Garonne (1851—1852), d'après les documents officiels et authentiques recueillis et mis en ordre par A. Bremond. Toulouse. 1870. 180 p.

Schoelcher V. Le crime de décembre en province. P. 1875. 191 p. [1-re éd.: L. 1852.]

Blache N. Histoire de l'insurrection du Var en décembre 1851. P. 1869. 236 p.

Dagnan J. Le coup d'état et la répression dans le Gers (déc. 1851 — déc. 1852.) [Le Gers sous la Seconde république. T. 2.] Thèse complémentaire. Auch. 1929. X, 590 p.

Druard H. Une page de l'histoire du deux décembre 1851. Le coup d'état dans l'Ain. Bourg. 1885. 36 p.

Dupont Ch. Les républicains et les monarchistes dans le Var en décembre 1851. P. 1883. 275 p.

Jeanjean J. F. Le coup d'état du 2 décembre 1851 dans le département de l'Aude.— *Révolution de 1848*. 1924. T. 21. N 105, p. 161—180. Отд. изд.: P. 1924. 20 p.

Papon A. Chronique départementale. La République et le coup d'état dans le département de l'Eure. P. 1869. 140 p.

Rougeron G. La résistance au coup d'état dans le département de l'Allier.— *Révolution de 1848*. 1935. T. 32. N 153, p. 341—352.

Rougeron G. La terreur bonapartiste dans le département de l'Allier après le Coup d'état.— *Révolution de 1848*. 1937. T. 34. N 162, p. 155—171.

Tenot E. La province en décembre 1851. Etude historique sur le coup d'état. 13-e éd. P. 1869. 228 p. Перевод обеих книг Тено (1-ую см. выше): **Тено Э.** Париж и провинция 2 декабря 1851. Исторические этюды. СПб. 1869. V, IV, 542 с. Об этой книге см.: **Маркс К.** Письмо Л. Кугельману. 3 марта 1869 г.— Соч. Т. XXVI, с. 7. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 217. Дополнением к кн. Тено является статья: **Bourgin G.** Les préfets de Napoléon III, historiens du coup d'état.— *Revue hist*. 1931. Mars, p. 274—289.

Vergez-Tricom G. Les événements de décembre 1851 à Lyon.— *Révolution de 1848*. 1920—1921. T. 17. N 86, p. 226—253.

К главам 2, 12, 14—16, 32—34, 36, 37, 46.

ГЕРМАНИЯ

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. кн.: **Маркс К.** Избр. произв. Т. II. [М.] 1940, с. 31—126.

Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VI. С. 185: Пражское восстание; с. 335—340: Законопроект о феодальных поборах.

Маркс К. и Энгельс Ф. Арнольд Руге.— Соч. Т. VII, с. 297—298.

Маркс К. и Энгельс Ф. [О книге:] Л. Симон из Трира: «Слово права к немецким присяжным в защиту всех борцов за имперскую конституцию».— Соч. Т. VIII, с. 271—274.

Маркс К. и Энгельс Ф. А. Бебелю, В. Либкнехту, В. Бракке и др. («Циркулярное письмо»).— Соч. Т. XXVII, с. 58—60.

Маркс К. Буржуазия и контрреволюция. Статья вторая.—Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 40—43.

Маркс К. Морализующая критика и критизирующая мораль.— Соч. Т. V, с. 198—226.

Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 11 февраля 1865 г.— Соч. Т. XXIII, с. 247. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 163.

Маркс К. Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа». — Исследования. Статьи. 1844—1845. [М.] 1940, с. 1—20.

Энгельс Ф. Маркс и «Новая Рейнская газета».— Избр. произв. Т. II. М. 1948, с. 311—319.

Энгельс Ф. К истории Союза коммунистов.— Избр. произв. Т. II. М. 1948, с. 320—338.

Энгельс Ф. Покровительственные пошлины или система свободной торговли.— Соч. Т. V, с. 157—160.

Энгельс Ф. Германская кампания за имперскую конституцию.— Соч. Т. VII. с. 399—492.

Энгельс Ф. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия.— Соч. Т. XIII. Ч. 1, с. 68—69.

Энгельс Ф. Социализм г-на Бисмарка.— Соч. Т. XV, с. 484—485.

Энгельс Ф. Марка.— Соч. Т. XV, с. 644.

Энгельс Ф. Предисловие к брошюре «К. Маркс перед судом присяжных».— Соч. Т. XVI. Ч. 1, с. 206.

Энгельс Ф. Отставка буржуазии.— Соч. Т. XVI. Ч. 1, с. 331.

Энгельс Ф. Роль насилия в истории.— Соч. Т. XVI. Ч. 1, с. 453—457, 466—469.

Энгельс Ф. Письмо И. Вейдемейеру. 12 апреля 1853 г. — Соч. Т. XXV, с. 186—187. См. также: Избр. письма. М. 1948, с. 70.

Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому. 8 ноября 1884 г.— Соч. Т. XXVII, с. 424.

Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю. 18 ноября 1884 г.— Соч. Т. XXVII, с. 429—430.

Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю. 11 декабря 1884 г.— Соч. Т. XXVII, с. 436. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 385.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии. — Исследования. Статьи. 1844 — 1845. [М.] 1940, с. 298—299.

Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. М. 1939, с. 5—21, 126—128.

Энгельс Ф. Старое предисловие к «Анти-Дюрингу». В кн.: **Энгельс Ф.** Анти-Дюринг. [М.] 1950, с. 312—313.

Энгельс Ф. Заметки о Германии 1789—1873 г.— *Архив Маркса и Энгельса.* 1948. Т. X, с. 349—355.

Ленин В. И. О временном революционном правительстве.— Соч. Т. 28, с. 47—447.

Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Соч. Т. 9, с. 18—19, 52—53, 109—119.

Ленин В. И. Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?— Соч. Т. 9, стр. 217—218.

Ленин В. И. Русская революция и задачи пролетариата.— Соч. Т. 10, с. 116—118.

Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии.— Соч. Т. 10, с. 235.

Ленин В. И. Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии?— Соч. Т. 10, с. 431—432.

Ленин В. И. Тактика пролетариата и задачи момента.— Соч. Т. 10, с. 455.

Ленин В. И. Готовится новый государственный переворот! — Соч. Т. 11, с. 180—181.

Ленин В. И. Аграрный вопрос и силы революции.— Соч. Т. 12, с. 297—298.

Ленин В. И. Фр. Меринг о второй Думе.— Соч. Т. 12, с. 344—349.

Ленин В. И. Против бойкота.— Соч. Т. 13, с. 21—23.

Ленин В. И. К оценке русской революции.— Соч. Т. 15, с. 36—37.

Ленин В. И. «Левение» буржуазии и задачи пролетариата.— Соч. Т. 15, с. 366—367.

Ленин В. И. Письмо И. И. Скворцову-Степанову.— Соч. Т. 16, с. 103—104.

Ленин В. И. Заметки публициста.— Соч. Т. 16, с. 182.

Ленин В. И. Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России.— Соч. Т. 16, с. 345—347.

Ленин В. И. Принципиальные вопросы избирательной кампании.— Соч. Т. 17, с. 368—369, 373—374.

Ленин В. И. О политической линии.— Соч. Т. 18, с. 302—304.

Ленин В. И. Карл Маркс.— Соч. Т. 21, с. 60—61.

Ленин В. И. Русские Зюдекумы.— Соч. Т. 21, с. 100.

Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение.— Соч. Т. 22, с. 137—138, 141.

Ленин В. И. К истории вопроса о диктатуре.— Соч. Т. 31, с. 317—319.

Сталин И. В. Своим путем.— Соч. Т. 3, с. 272.

Сталин И. В. Октябрьская революция и вопрос о средних слоях.— Соч. Т. 5, с. 342—344.

Сталин И. В. Об основах ленинизма.— Соч. Т. 6, с. 77—78.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Кан С. Б. Столетний юбилей революции 1848 г. в немецкой исторической литературе.— *Вопросы истории.* 1950. № 11, с. 126—138.

Фриман М. И. Критический обзор источников и литературы о берлинском пролетариате накануне революции 1848 г.— *Ученые записки [Ярославского гос. пед. ин-та].* Вып. 7 (17). История. 1945, с. 1—29.

Dahlmann-Waitz. Quellenkunde der deutschen Geschichte. Hrsg. von H. Haering. 9. Aufl. Lpz. 1931. XL, 992 S.— Registerband... bearb. von H. Haering. 1932.

Harnack A. Die Paulskirche im Wandel der Geschichtsauffassung.— *Zeitschrift f. Politik.* 1922. Bd 12. Hft 3, S. 235—247.

Hawgood J. A. The Frankfurt parliament of 1848—1849.— *History.* 1932. Vol. 17. N 66, S. 147—151. [Историографический обзор.]

Mombert P. Aus der Literatur über die soziale Frage und über die Arbeiterbewegung in Deutschland in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts.— *Archiv für Geschichte des Sozialismus und der Arbeitbewegung* hrsg. von K. Grünberg. Lpz. 1920. Jg 9. Hft 2—3, S. 171—236.

Verzeichniss der Friedlaenderschen Sammlung zur Geschichte der Bewegung von 1848. Hrsg. von der Magistratsbibliothek zu Berlin. B. 1897. 292 S. Об этом собрании см.: **Moysset H.** Note sur deux collections de documents relatifs à l'histoire de 1848 en Allemagne.— *Révolution de 1848.* 1904—1905. T. 1, p. 124—131.

Wentzeke P. Kritische Bibliographie der Flugschriften zur deutschen Verfassungsfrage 1848—1851. Halle. 1911. XXI, 313 S.

См. также библиографию и обзор источников в кн.: **Valentin V.** Geschichte der deutschen Revolution von 1848—1849...; **Busch W.** Die Berliner Märztage...

Allgemeine deutsche Biographie. Hrsg. durch die Historische Commission bei der K. Akad. d. Wissenschaften. Bd 1—56. München — Leipzig. 1875—1910.

Salomon F. Die deutschen Parteiprogramme. Hft 1. 1845—1871. 2. Aufl. Lpz. 1912. X, 147 S. (Quellensammlungen zur deutschen Geschichte. Hrsg. von E. Brandenburg und G. Seeliger.)

ИСТОЧНИКИ

Официальные документы

См. также: Пруссия... Источники документального характера, с. 518; Франкфуртский парламент... Парламент, с. 522.

Untersuchungen und Aktenstücke zur Geschichte der Reichsgründung. Hrsg. von E. Brandenburg. Lpz. 1916. XI, 729 S.

Quellensammlung zum deutschen öffentlichen Recht seit 1848. Hrsg. von P. Roth und H. Merck. Bd 1—2. Erlangen. 1850—1852. [Доведено до 26 мая 1849 г.]

Quellen und Actenstücke zur deutschen Verfassungsgeschichte von der Gründung des Deutschen Bundes bis zur Erröffnung des Erfurter Parlaments und dem Vierkönigsbündnisse. Mit histor. Erläuterungen zusammengest. von K. Weil. B. 1850. VIII, 258 S.

Actenstücke zur neuesten Geschichte Deutschlands. Hft 1. Die deutsche Verfassungs-Angelegenheit. Die provisorische Zentralgewalt. Das Gesetz vom Juni 1848. Hannover. 1848. 293 S.

Die Verfassung des Deutschen Reiches vom 28. März 1849. Die Entwürfe der sogenannten Erfurter Unionsverfassung (März und April 1850). 4. vermehr. Aufl. Lpz. 1914. [5,] 112 S.

Stenographischer Bericht über die Verhandlungen des Deutschen Parlaments zu Erfurt. Erfurt. 1850. 75 Bog.

Aktenstücke betreffend das Bündniss vom 26. Mai und die deutsche Verfassungs-Angelegenheit. B. 1849. XII, 135 S.

Aktenstücke zur Deutschen Frage. I—III. B. 1849.

Protokolle der Konferenz der verbündeten Deutschen Regierungen in den zu Berlin stattgehaltenen Sitzungen am 10. bis 15. Mai 1850. B. 1850. 56 S. [Abdr. aus d. Preuss. Staats-Anzeiger. N 140. 1850.]

Der deutsche Fürstenkongress zu Berlin im Mai 1850. Aktenstücke und Betrachtungen. Anlagen: die Konferenz-Protokolle. B. 1850. 88 S.

Периодическая печать

(газеты и журналы)

Allgemeine Arbeiter-Zeitung. Organ für die politischen und sozialen Interessen des arbeitenden Volkes... Red. E. Pelz und Ch. Esselen. Frankfurt a. M. 18 Mai — 10 Juni 1848.

Allgemeine Oder-Zeitung. Breslau. April 1846—1849. Fortgesetzt als: *Neue Oder-Zeitung.* April 1849—1855.

Allgemeine Preussische Zeitung. B. 1. Jan. 1824—10. April 1848. Fortgesetzt als: *Der Preussische Staats-Anzeiger.* Mai 1848—1851. [Regierungsblatt.]

Allgemeine Zeitung. Politische Tageszeitung. Stuttgart — Ulm — Augsburg — München — Berlin. 1798 — 1914. [С 1810 по 1882 г. издавалась в Аугсбурге.]

Berliner Zeitungshalle. Red. G. Julius. B. 1846—13. November 1848.

Concordia. Organ der Assoziation der Cigarenarbeiter Deutschlands. Hrsg. von W. Kohlweck. Lpz. 1849—1950.

Deutsche Allgemeine Zeitung. Lpz. 1843—1879.

Deutsche Arbeiter-Zeitung. Hrsg. Fubarch. B. 1848.

Deutsche Reichstagszeitung. Frankfurt a. M. 21. April 1848—1849.

Deutsche Volkszeitung. Red. J. Fröbel und E. Pelz. Mannheim. 1848.

Deutsche Zeitung. Hauptred. G. Gervinus. Heidelberg. 1. Juli 1847—Dez. 1850.

Deutscher Zuschauer. Red. G. Struve. Mannheim. 1847—1848.

Gutenberg. Organ für die Gesamtinteressen der Buchdrucker und Schriftgiesser Deutsehlands. Hrsg. von K. Fröhlich. Breslau. 1848—1854.

Kölnische Zeitung. Köln. [Основана в 1815 г.]

Die Locomotive. Zeitung für politische Bildung des Volkes. Red. W. Held. B. Mai. 1848—1849.

Mannheimer Abendzeitung. Mannheim. 1830 — 16. Juni 1851.

Die National-Zeitung. B. 1. April 1848—1910.

Neue Deutsche Zeitung. Organ der Demokratie. Hrsg. von O. Lünning und J. Weydemeyer. Darmstadt — Frankfurt a. M. 1848—1849.

Neue Kölnische Zeitung für Bürger, Bauern und Soldaten. Hrsg. von F. Anneke und F. Beust. Köln. 1848—1849.

NeuePreussische Zeitung. [Kreuz-Zeitung.] B. [Основана в 1848 г.]

Neue Rheinische Zeitung. Organ der Demokratie. Red. Karl Marx. Köln. 1. Juni 1848—19. Mai 1849. Neuer Druck: *Neue Rheinische Zeitung*. Organ der Demokratie 1848—1849. Bd 1—2. B. 1928.

Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue, red. von Karl Marx. Hamburg — New York. 1850.

Die Reform. Politische Zeitung. Hrsg. von A. Ruge und H. Oppenheim. Lpz.— B. 1848. [С 22 августа подзаголовок: Organ der Demokratischen Partei.]

Seeblätter. [Red. von Vanotti, später von Fickler.] Konstanz. 1830—1849.

Speiersche Zeitung. B. 1740—1874.

Triersche Zeitung. Trier. 1846—1851.

Die Verbrüderung. Correspondenzblatt aller deutschen Arbeiter. Hrsg. vom Centralcomité für die deutschen Arbeiter. Red. St. Born. Lpz. 1848—1850.

Das Volk. Organ des Central-Comités für Arbeiter. Eine sozial-politische Zeitschrift. Hrsg. von St. Born. B. 1. Juni — 29. August 1848.

Volksfreund. 13. April — Juni 1848. [N 1—5: Red. G. A. Schlöffel; N 6—9: Red. E. Monnecke.]

Volksstimme. Blatt des Volksvereins für Arbeiter und Arbeitgeber. B. 1848.

Vossische Zeitung. B. 1. Januar 1824—1934.

Zeitung des Arbeiter-Vereins zu Köln. Red. J. Moll. Köln. 23. April — 22. Oktober 1848. Fortgesetzt als: *Freiheit, Brüderlichkeit, Arbeit*. 26. Oktober 1848—24. Juni 1849.

О газетах и журналах подробно см. работу:

Salomon L. Geschichte des deutschen Zeitungswesen von der ersten Anfängen bis zur Wiederaufrichtung des deutschen Reiches. 2. Aufl. Bd 3. Das Zeitungswesen seit 1814. Oldenburg — Leipzig. 1906. XVIII, 694 S.

О листовках см. работу:

Haufe R. Der deutsche Nationalstaat in den Flugschriften von 1848/49 Lpz. 1915. XIV, 199 S.

Мемуары. Переписка
Работы современников

См. также ниже разделы: Революционное движение в отдельных германских государствах и Франкфуртский парламент.

Bamberger L. Erinnerungen. Hrsg. von P. Nathan. B. 1899. 541 S.

Bassermann F. D. Denkwürdigkeiten von F. D. Bassermann (1811—1855), Mittglied des Badischen Landtags. Frankfurt a. M. 1926. 327 S.

Beust F. F. Aus drei Viertel-Jahrhunderten. Erinnerungen und Aufzeichnungen. Bd 1. 1809—1866. Stuttgart. 1887. XV, 462 S.

Biedermann K. 1840—1870. Dreissig Jahre deutscher Geschichte. Vom Thronwechsel in Preussen 1840 bis zur Aufrichtung des neuen deutschen Kaiserthums... Bd 1—2. Breslau. [1881.]

Biedermann K. Mein Leben und ein Stück Zeitgeschichte. Eine Ergänzung zu des Verfassers «Dreissig Jahre Deutscher Geschichte». Bd 1—2. Breslau. 1886.

Buchner W. Ferdinand Freiligrath, ein Dichterleben in Briefen. Bd 1—2. Lahr. 1882. [Переписка с комментариями публикатора.]

Bunsen F. F. Memoirs of Ch. J. von Bunsen; chiefly from family papers. By his widow. Vol. 1—2. L. 1868.

Droysen J. G. Briefwechsel. Hrsg. von R. Hübner. Bd 1. 1829—1851. Stuttgart. 1929. XV, 785 S. (Deutsche Geschichtsquellen des 19. Jahrhunderts. Bd 25.)

Droysen J. G. Politische Schriften. Im Auftrage der Preussischen Akademie der Wissenschaften hrsg. von F. Gilbert. München — Berlin. 1933. XI, 382 S.

Duncker M. Politischer Briefwechsel aus seinem Nachlass. Hrsg. von J. Schultze. Stuttgart — Berlin. 1923. XXIV, 487 S. (Deutsche Geschichtsquellen des 19. Jahrhunderts. Bd 12.)

Gerlach L. Denkwürdigkeiten. Nach seinen Aufzeichnungen hrsg. von seiner Tochter. Bd 1. B. 1891. 848 S.

Hansemann D. Das preussische und deutsche Verfassungswerk. Mit Rücksicht auf mein politisches Wirken. B. 1850. 381 S.

Herwegh G. 1848. Briefe von und an Georg Herwegh. Hrsg. von M. Herwegh. Paris. 1896. VIII, 386 S.

Hohenlohe-Schillingfürst Ch. K. Denkwürdigkeiten des Fürsten Chlodewig zu Hohenlohe-Schillingfürst. Hrsg. von Curtius. Bd 1. Stuttgart — Leipzig. 1907. 440 S.

Manteuffel O. Unter Friedrich Wilhelm IV. Denkwürdigkeiten des Minister-Präsidenten Otto von Manteuffel. Hrsg. von H. Poschinger. Bd 1—3. B. 1901.

Oechselhäuser W. Erinnerungen aus den Jahren 1848 bis 1850. B. 1892. 138 S.

Rodbertus-Jagetzow K. Erinnerungen. In: Schmollers Jahrbuch. 1891. Jg 15. Hft 2, S. 265—287.

Roon A. Th. E. Denkwürdigkeiten aus dem Leben des General-Feldmarschalls Kriegsministers Grafen von Roon. 5. Aufl. Bd 1. B. 1905. XIV, 532 S.

Rosenkranz K. Politische Briefe und Aufsätze 1848—1856. Hrsg. von P. Herre. Lpz. 1919. 32, 149 S.

Ruge A. Briefwechsel und Tagebuchblätter aus den Jahren 1825—1880. Hrsg. von P. Nerrlich. Bd 1—2. B. 1886.

Schurz K. Lebenserinnerungen. [Bd 1.] Bis zum Jahre 1852. B. 1906. VI, 416 S. Перевод: **Шурц К.** Из воспоминаний немецкого революционера. Пер. с нем. А. Н. Анненской. СПб. 1907. 132 с.

Stüve J. K. B. und Detmold J. H. Briefwechsel zwischen Stüve und Detmold in den Jahren 1848 bis 1850. Hrsg. von G. Stüve mit Einleitung von G. Kaufmann. 1903. XLIX, 600 S. (Quellen und Darstellungen zur Geschichte Niedersachsens. Bd 13.)

Unruh H. V. Erinnerungen... Hrsg. von H. Poschinger. Stuttgart. 1895. IX, 380 S.

Unruh H. V. Skizzen aus Preussens neuesten Geschichte. Magdeburg. 1849. 158 S.

Varnhagen von Ense K. A. Tagebücher. Bd 4—9. 1846—1852. Leipzig — Zürich — Hamburg. 1862—1868. (Aus dem Nachlass Varnhagen's von Ense.)

Vitztum von Eckstädt K. F. Berlin und Wien in den Jahren 1845 bis 1852. Politische Privatbriefe. Mit einem Vorwort von K. Müller. 2. Aufl. Stuttgart. 1886. XXIX, 338 S.

Zimmermann W. Die deutsche Revolution. [Bd] 1—2. Karlsruhe. 1848.

Deutsche Chronik, 1848—1851. Bd 1—5. B. 1849—1851. Ergänzungsband... für die Jahre 1849—1851. B. 1851. 117 S. [Составитель: полковник Schulz.]

Einheit und **Freiheit.** Die deutsche Geschichte von 1815 bis 1849 in zeitgenössischen Dokumenten dargestellt und eingeleitet von K. Obermann. B. 1950. 931 S.

Die Gegenwart. Eine encyklopädische Darstellung der neuesten Zeitgeschichte für alle Stände. Bd 1—12. Lpz. 1848—1856. [Годичное прилож. к Brockhaus' Konversation-Lexikon.]

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Градовский А. Германская конституция. Ч. 1. Исторический очерк германских союзных учреждений в XIX в. СПб. 1875. 301 с.

Дживелегов А. К. История современной Германии. Ч. 1. (1750—1862). СПб. 1908. 257 с. (История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время.)

Кан С. Б. Революция 1848 г. в Австрии и Германии. М. 1948. 232 с.

Becker B. Die Reaktion in Deutschland gegen die Revolution von 1848, beleuchtet in sozialer, nationaler und staatlicher Beziehung. 3. Aufl. Braunschweig. 1873. 509 S.

Bernstein A. Revolutions- und Reaktionsgeschichte Preussens und Deutschlands von den Märztagen bis sur neuesten Zeit. Bd 1—2. B. 1882.

Blos W. Die deutsche Revolution. Geschichte der deutschen Bewegung von 1848 und 1849. Stuttgart. [1891.] VI, 670 S. Перевод: **Блос В.** Германская революция. История движения 1848—1849 г. в Германии. Пер. В. Базарова и И. Степанова. Изд., перер. И. Степановым. М. [1919.] XIV, 528 с.

Blum H. Die deutsche Revolution 1848—1849. Porträts und Illustrationen. Jena. 1906. XII, 480 S.

Hohlfeld J. Die deutsche Revolution 1848—1849. Lpz. 1948. 111 S.

Kaufmann G. Politische Geschichte Deutschlands im neunzehnten Jahrhundert. B. 1900. IX, 706 S. Перевод: **Кауфман Г.** Политическая история Германии в XIX в. СПб. 1909. VII, 695 с.

Kersten K. 1848. Die deutsche Revolution. B. 1947. 447 S.

Mehring F. Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. Bd 1—2. 12. Aufl. Berlin — Stuttgart. 1922. Перевод: **Меринг Ф.** История германской социал-демократии. Пер. с нем. М. Е. Ландау. Предисл. И. Степанова. Изд. 2-е. Т. 1—2. М.— Пг. 1923.

Sybel H. Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I. 3. unveränd. Aufl. Bd 1—3. München — Leipzig. 1890.

Valentin V. Geschichte der deutschen Revolution von 1848—1849. Bd 1—2. B. [1930] — 1931. [Bibl.: Bd 1, S. 611—662; Bd 2, S. 687—697. Kritische Uebersicht über Quellen und Forschungen zur Geschichte der deutschen Revolution von 1848—1849: Bd 2, S. 595—613.]

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Tabellen und amtliche Nachrichten über das Jahr 1849. Hrsg. von dem Statistischen Bureau zu Berlin. V (Gewerbe-Tabellen). VI (Tabelle der Fabrikations — Anstalten und Fabrikunternehmungen). B. 1854—1855.

Dieterici C. F. W. Handbuch der Statistik des Preussischen Staates. Hft 28. B. 1858—1861. XV, 718 S.

Mittheilungen des Statistischen Bureau's in Berlin. Hrsg. von W. Dieterici. Jahrg. 1. (1848) — Jahrg 2. (1849). B. 1848—1849.

Jahrbuch für Volkswirtschaft und Statistik, hrsg. von O. Hübner. Jahrg. 1—5. Lpz. 1852—1857.

Фриман М. И. Берлин 40-х годов XIX века, как один из промышленных центров Пруссии. — *Ученые записки* [*Ярославск. гос. пед. ин-та*]. Вып. 10 (20). Всеобщая история. 1947, с. 1—33.

Kuczynski J. Die wirtschaftlichen und sozialen Vorraussetzungen der Revolution von 1848—1849. B. 1948. 24 S.

Sartorius von Waltershausen A. Deutsche Wirtschaftsgeschichte 1815 — 1914. 2. Aufl. Jena. 1923. X, 598 S.

Schmoller G. Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19. Jahrhundert. Statistische und nationalökonomische Untersuchungen. Halle. 1870. XVI, 704 S.

Sombart W. Die deutsche Volkswirtschaft im 19. Jahrhundert und im Anfang des 20. Jahrhunderts. 6. Aufl. B. 1923. XVI, 532 S. Перевод: **Зомбарт В.** Народное хозяйство Германии в 19 и начале 20 в. Пер. с нем. М. Е. Ландау. М. 1924. 262 с.

Wendel H. C. M. The evolution of industrial freedom in Prussia, 1845—1849. N. Y. 1921. 114 p.

Wiedfeld O. Statistische Studien zur Entwickelungsgeschichte der Berliner Industrie von 1720—1890. Lpz. 1898. XI, 411 S. (Staats- und socialwissenschaftliche Forschungen, hrsg. von G. Schmoller. Bd 16. Hft 1).

РАБОЧИЙ КЛАСС. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

См. также: Рейнская область, с. 520—521 и литературу к главам 7, 8, 30, 42, 50, посвященным деятельности Маркса и Энгельса.

Die Beschlüsse des Arbeiter-Kongresses zu Berlin. Vom 23. April bis 3. September 1848. B. 1848. 26 S.

Fischer C. Denkwürdigkeiten und Erinnerungen eines Arbeiters. Hrsg. von P. Göhre. Bd 1—2. Lpz. 1904. XII, 390 S.

1847. Die Zustände der arbeitenden Klasse. Beleuchtet und gezeichnet von einem Proletarier. Ein Beitrag sur sozialen Reformation des 19. Jahrhunderts. Düsseldorf. 1847. 74 S.

Кан С. Б. Рабочее движение в Берлине в первые недели мартовской революции 1848 г.— *Известия АН СССР. Серия истории и философии.* 1848 г. Т. 5. № 1, с. 22—35.

Bernstein E. Die Geschichte der Berliner Arbeiterbewegung. Ein Kapitel zur Geschichte der deutschen Sozialdemokratie. T. 1. Vom Jahre 1848 bis zum Erlass des Sozialistengesetzes. B. 1907. V, 404 S. Перевод: **Бернштейн Э.** История рабочего движения в Берлине. От 1848 года до издания закона против социалистов. Авториз. пер. с нем. И. В. Постмана. СПб. 1908. IV, 465 с.

Die Geschichte der Breslauer Arbeiterbewegung. [Hrsg. von Th. Müller.] Tl 1. Bis zum Erlass des Sozialistengesetzes. Breslau. 1915. 159 S.

Kuczynski J. Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Deutschland von 1800 bis in die Gegenwart. Bd 1. 3. erweit. Aufl. B. 1947. 367 S. Перевод: **Кучинский Ю.** История условий труда в Германии. Пер. с нем. Вступ. ст. Г. Б. Герцовича. М. 1949. XLVI, 532 с. [См. гл. 1—2.]

Obermann K. Die deutschen Arbeiter in der ersten bürgerlichen Revolution. B. 1950. 308 S.

Schlüter H. Beiträge zur sozialen Geschichte des Jahres 1848.— *Neue Zeit.* 1885. Jg 3, S. 28—35, 84—90, 120—133.

Todt E.— Radand H. Zur Frühgeschichte der deutschen Gewerkschaftsbewegung. 1800—1849. Mit Einleitung von J. Kuczynski. B. 1950. 221 S.

Начальный этап немецкого рабочего движения. Немецкий утопический социализм

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. С прил. статьи Ф. Энгельса: Истинные социалисты. М. 1935. XII, 619 с.

Маркс К. Критические примечания к статье «Король прусский и социальная реформа».— Исследования. Статьи. 1844—1845. [М.] 1940, с. 1—20.

Энгельс Ф. К истории союза коммунистов.— Избр. произв. Т. II. М. 1948, с. 321—329.

Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю. 25 октября 1888.— Соч. Т. XXVIII, с. 60—62.

Энгельс Ф. Прогресс движения за социальную реформу на континенте. — Статьи. Письма. 1838—1845. М. 1940, с. 402—409.

Ленин В. И. Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии? — Соч. Т. 10, с. 430.

Weitling W. Die Menschheit wie sie ist und wie sie sein sollte. P. 1838. Перевод: **Вейтлинг В.** Человечество каково оно есть и каким оно должно быть. М. 1918. 51 с.
Weitling W. Garantien der Harmonie und Freiheit. Jubiläums-Ausgabe. Mit einer biographischen Einleitung und Anm. hrsg. von F. Mehring. B. 1908. LII, 268 S. [Перепечатка с первого изд. 1842 г.]
Weitling W. Das Evangelium eines armen Sünders. Zürich. 1843. Перевод: **Вейтлинг** В. Евангелие бедного грешника. Спб. 1907. 88 с.
Kaler E. Wilhelm Weitling. Seine Agitation und Lehre. Hottingen—Zürich. 1887. 104 S. Перевод: **Калер Э. Вильгельм Вейтлинг.** Его жизнь и учение. Пг. 1918. 192 с.

Кан С. Б. Два восстания силезских ткачей. 1793—1844. М.—Л. 1948. 483 с. (Акад. наук СССР. Ин-т истории.)

Борн и «Братство рабочих»

Энгельс Ф. К истории Союза коммунистов.— Избр. произв. Т. II. М. 1948, с. 333—334.
Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Соч. Т. 9, с. 115—118.
Ленин В. И. К биографии Стефана Борна.— Ленинский сборник. XVI. М.—Л. 1931, с. 177—181.

Born St. Erinnerungen eines Achtundvierzigers. 3. Aufl. Lpz. 1898. VIII, 295 S.
Die Arbeiterverbrüderung 1848/49. Erinnerungen an die Klassenkämpfe der ersten deutschen Revolution... Hrsg. und eingeleit. von M. Quarck. Frankfurt a. M. 1900. XVI, 144 S.
Фриман М. И. Стефан Борн как выразитель экономической тенденции в рабочем движении Германии 1848—1849 гг.— *Ученые записки [Ярославск. гос. пед. ин-та]*. Вып. 7 (17). История. 1945, с. 1—25.
Friedensburg W. Stephan Born und die Organisationsbestrebungen der Berliner Arbeiterschaft bis zum Berliner Arbeiterkongress (1840 — September 1848). Lpz. 1923. VIII, 101 S. (Beihefte zum Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung. Hft 1.)
Quarck M. Die erste deutsche Arbeiterbewegung. Geschichte der Arbeiterverbrüderung 1848/49. Ein Beitrag zur Theorie und Praxis des Marxismus. Lpz. 1924. VI, 400 S.

Литературу об отдельных деятелях революционного периода см. ниже: Революционное движение в отдельных германских государствах.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ОТДЕЛЬНЫХ ГЕРМАНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

БАВАРИЯ

Bluntschli J. C. Denkwürdiges aus meinem Leben... Veröff. von R. Seyerlen. Bd 2. München 1848—1861. Nördlingen. 1884. 319 S.

Doeberl M. Entwickelungsgeschichte Bayerns. Bd 3. Hrsg. von M. Spindler. München. 1931. XIV, 639 S.
Kurz F. Der Antheil der Münchener Studentenschaft an den Unruhen der Jahre 1847 und 1848. (Lola Montez — Studentenfreicorps.) München. 1893. 112 S.

БАДЕН

Маркс К. и Энгельс Ф. Готфрид Кинкель.— Соч. Т. VIII, с. 445—447.
Энгельс К. Германская кампания за имперскую конституцию. [Предисловие.] 2. Карлсруэ. 3. Пфальц. 4. За республику погибнуть! — Революционное движение в Пфальце и Бадене.— Соч. Т. VII, с. 401—404, 423—492.
Энгельс Ф. Иоганн Филипп Беккер.— Соч. Т. XVI. Ч. 1, с. 268—373.
Энгельс Ф. Введение к брошюре Боркгейма «На память ура-патриотам 1806—1807 гг.»— Соч. Т. XVI. Ч. 1, с. 299—302.
[**Энгельс Ф.** Письмо госпоже Маркс.] 25 июля 1849 г.— Соч. Т. XXI, с. 110—111. См. также: Избр. письма [М.] 1948, с. 40—41.
Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю. 8 октября 1886 г.—Соч. Т. XXVII, с. 592—593.
Ленин В. И. III съезд РСДРП.— Соч. Т. 8, с. 362—363.

Volksstaat und Einherrschaft. Dokumente aus der badischen Revolution 1848—1849. Hrsg. von F. Lautenschlager. Baden. 1920. 507 S.
Andlaw H. Der Aufruhr und Umsturz in Baden, als eine natürliche Folge der Landesgesetzgebung, mit Rücksicht auf die «Bewegung in Baden» von J. B. Bekk dargestellt. Abt. 1—9. Freiburg. i. Breisgau. 1850.
Bamberger L. Erlebnisse an der Pfälzer Erhebung Mai und Juni 1849. In: **Bamberger L.** Gesammelte Schriften. Bd 3 B. 1895. S. 65—158.
Becker J. Ph. und **Esselen Ch.** Geschichte der süddeutschen Mai-Revolution des Jahres 1849. Genf. 1849. V, 455 S.

Bekk J. B. Die Bewegung in Baden von Ende des Februar 1848 bis zur Mitte des Mai 1849. Mannheim. 1850. VIII, 367 S.— Die Bewegung in Baden von 1848—1849. Ein Nachtrag... Mannheim. 1850. VIII, 204 S.
Corvin O. Ein Leben voller Abenteuer. Hrsg. und eingel. von H. Wendel. Neue Aufl. Bd 1—2. Frankfurt a. M. 1924. [1. Aufl.: Aus dem Leben eines Volkskämpfers. Erinnerungen. Bd 1—4. Amsterdam, 1861.]
Fenner von Fenneberg F. Zur Geschichte der rheinpfälzischen Revolution und des badischen Aufstandes. 2. verm. und verb. Aufl. Zürich. 1850. 219 S.
Gagern H. Das Leben des Generals Friedrich von Gagern. Bd 2. Abt. 2. Lpz. 1857, S. 617—917.
Häusser L. Denkwürdigkeiten zur Geschichte der badischen Revolution. Heidelberg. 1851. VI, 679 S.
Hecker F. Die Erhebung des Volkes in Baden für die deutsche Republik im Frühjahr 1848. Basel. 1848. IV, 128 S.
Lipp F. Georg Herweghs viertägige Irr- und Wanderfahrt mit der Pariserdeutsch-demokratischen Legion in Deutschland... Stuttgart. 1850. 112 S.
Mathy K. Aus dem Nachlass von Karl Mathy. Briefe aus den Jahren 1846—1848. Mit Erläuterungen. Hrsg. von L. Mathy. Lpz. 1898. VII, 523 S.
Mieroslawsky L. Berichte über den Feldzug in Baden. 2. Aufl. Bern. 1849. 53 S.
Morel C. Die Märzrevolution und der Badische Aufstand. 2. umgearb. Aufl. St. Gallen. 1849. V, 160 S.
Raveaux F. Mitteilungen über die Badische Revolution. Frankfurt a. M. 1850. 134 S.
Sigel F. Denkwürdigkeiten aus den Jahren 1848 und 1849. Hrsg. von W. Blos. Mannheim. 1902. 167 S.
Struve A. Erinnerungen aus den badischen Freiheitskämpfen. Hamburg. 1850. [6], 168 S.
Struve G. Geschichte der drei Volkserhebungen in Baden. Bern. 1849. 331 S.

Кан С. Б. Предпарламент и первое баденское восстание 1848 г.— *Вопросы истории.* 1948. № 5, с. 78—93.
Bittel K. Politisches Vorspiel der 48er Revolution in Baden.— *Einheit.* B. 1948. Hft 1, S. 1—5.
Blos W. Badische Revolutionsgeschichten aus den Jahren 1848 und 1849. Mannheim. 1910. 166 S.
Fendrich A. Die badische Bewegung der Jahre 1848—1849. Frankfurt a. M. 1924. 73 S.
Lautenschlager F. Die Agrarunruhen in den badischen Stand- und Grundherrschaften im Jahre 1848. Heidelberg. 1915. XI, 94 S. (Heidelb. Abhandlungen zur mittleren u. neueren Geschichte. Hft 46.)
Müller L. Die politische Sturm- und Drangperiode Badens. Tl 1—2. Mannheim. 1906.

Harnack A. Daniel Friedrich Bassermann und die deutsche Revolution von 1848—1849. München. 1920. 115 S.
Lautenschlager F. Karl Blind. In: Badische Biographien. Heidelberg. 1930. Tl 6. Hft 6, S. 423—429.
Freytag G. Karl Mathy. Geschichte seines Lebens. Lpz. 1870. IV, 420 S.
Dannehl O. Carl Schurz. Ein deutscher Kämpfer. B.— Lpz. 1929. VIII. 404 S.
Cartellieri O. Franz Sigel. In: Badische Biographien. Heidelberg. 1930. Tl 6. Hft 6, S. 429—454.
Fleury V. Les chefs de la révolution badoise en 1848 Hecker et Struve.— *Révolution de 1848.* 1925. T. 23. N 112, p. 599—606.

ВЮРТЕМБЕРГ

Mögling Th. Briefe an seine Freunde. Solothurn. 1858. VIII, 320 S.
Württemberg in den Jahren 1848 und 1849. Nach authentischen Aktenstücken, öffentlichen Blättern und eigener Anschauung. Stuttgart. 1851. 193 S.

Schneider E. Aus der württembergischen Geschichte. Vorträge und Abhandlungen. Stuttgart. 1926. VII, 268 S.

ГЕССЕН-ДАРМШТАДТ

Buchner K. Das Grossherzogtum Hessen in seiner politischen und sozialen Entwicklung vom Herbst 1847 bis zum Herbst 1850. Darmstadt. 1850. 256 S.
Eigenbrodt R. C. Th. Meine Erinnerungen aus den Jahren 1848, 1849 und 1850. Hrsg. von L. Bergsträsser. Darmstadt. 1914. IV, 374 S.

Bockenheimer K. G. Mainz in den Jahren 1848 und 1849. [Mainz.] 1906. [8,] 200 S.

ПРУССИЯ

Маркс К. и Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. В кн.: **Маркс К.** Избр. произв. Т. II. [М.] 1940, с. 40—49, 61—65, 93—96, 101—105.
Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VI. С. 133—194: Учредительное собрание в Берлине и министерство Кампгаузена; с. 265—348: Учредительное собрание в Берлине и министерство Ганземана; с. 435—450: Падение министерства Ганземана; с. 463: Министерство Пфуля.
Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VII.

С. 3—44: Контрреволюция в Берлине и министерство Бранденбурга; с. 45—78: Роспуск Национального собрания в Берлине; с. 109—121, 126—199: Социально-экономическая программа прусской контрреволюции; с. 304—308: Гогенцоллернский общий план реформы; с. 325—332: Гогенцоллернский законопроект о печати; с. 353—365: Новая стадия прусской контрреволюции; с. 367—397: Майские события.
Маркс К. Коммунизм «Рейнского обозревателя».— Соч. Т. V, с. 164—176.
Маркс К. Умопомешательство прусского короля.— Соч. Т. XI. Ч. 1, с. 433—436.
Маркс К. Положение в Пруссии.— Соч. Т. XI, Ч. 1, с. 441—448.
Маркс К. Новое министерство.— Соч. Т. XI. Ч. 1, с. 453—456.
Маркс К. Положение в Пруссии.— Соч. Т. XI. Ч. 1, с. 470—472.
Энгельс Ф. Революционные движения 1847 года.— Соч. Т. V, с. 240—241.
Энгельс Ф. Прусский ландтаг и пролетариат в Пруссии, как и в Германии вообще.— Соч. Т. V, с. 558—570.
Энгельс Ф. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия.— Соч. Т. XIII. Ч. 1. с. 53—54, 68.
Энгельс Ф. «Кризис» в Пруссии.— Соч. Т. XV, с. 82—83, 86.
Энгельс Ф. Предисловие к брошюре «К. Маркс перед судом присяжных».— Соч. Т. XVI. Ч. 1, с. 201—203.
Энгельс Ф. К истории прусского крестьянства.— Соч. Т. XVI. Ч. 1, с. 239—249.
Энгельс Ф. Письмо К. Клейну и Ф. Моллю. 8 февраля 1870 г.— Соч. Т. XXVI, с. 39—40.
Ленин В. И. «Единение царя с народом и народа с царем».— Соч. Т. 9, с. 175—176.
Ленин В. И. К истории вопроса о диктатуре.— Соч. Т. 31, с. 317—319.
Сталин И. В. Пролетариат борется, буржуазия заключает союз с правительством.— Соч. Т. 2, с. 22—23.

Источники документального характера

Gesetz-Sammlung für die Kön. Preussischen Staaten. 1846—1851. B. [1848—1852.]
Preussisch-deutsche Gesetz-Sammlung 1806—1904. 4. Aufl. In systematischer Anordnung... Hrsg. von A. Grotefend und vortgesetzt von C. Cretschmar. Bd 1—5. Düsseldorf. 1902—1905.
Verhandlungen des am 2. April 1848 zu Berlin eröffneten zweiten Vereinigten Landtages. Nach stenographischer Aufnahme. B. 1948. 63 S.
Verfassungsurkunde für den Preussischen Staat nebst dem Patent betreffend die Zusammenberufung der Vertreter vom 5. December 1848. B. 1848. 16 S.
Die Verfassungsurkunde für den Preussischen Staat vom 31. Januar 1850... Bearb. von L. Könne. B. 1850. 278 S.
Gesetz über die Presse. Vom 12. Mai 1851. B. 1851. 21 S.
Denkschrift des Prinzen von Preussen (Kaiser Wilhelm I) über die deutsche Frage (9. V. 1850). [Hrsg. von H. Sybel.] — *Hist. Zeitschrift*. 1893. Bd 70, S. 90—97.
Dokumente der Revolutionen der Gegenwart. Kampf der jungen Pressfreiheit mit dem alten Beamtentum. Schlöffels des jüngeren Pressprozess verhandelt vor dem Kammergericht in Berlin. Vollständig aus den Akten mitgetheilt von ihm selbst. B. 1848. 55 S.

Мемуары и переписку см.: Германия.

Общая часть, с. 513—514.

Исторические работы

Воровский В. В. Страничка из истории. В кн.: **Воровский В. В.** Сочинения. Т. 3. М. 1933, с. 98—105. [Характеристика революции в Пруссии.]
Bornhak C. Preussische Staats- und Reichsgeschichte. B. 1903. XXVI, 538 S.
Jordan E. Die Entstehung der konservativen Partei und die preussischen Agrarverhältnisse von 1848. München — Leipzig. 1914. V, 370 S.
Matter P. La Prusse et la Révolution de 1848. P. 1903. 304 p.
Nathan H. Preussische Verwaltung und Verfassung im Urteil rheinischer Achtundvierziger. Bonn. 1912, X, 135 S. (Studien zur rheinischen Geschichte. Hft 3.)
Reis K. Agrarfrage und Agrarbewegung in Schlesien im Jahre 1848. Breslau, 1910. 148 S. (Darstellungen und Quellen zur schlesischen Geschichte. Bd 12.) Об этой кн. см.: **Ленин В. И.** Ленинский сборник. XXXI. [М.] 1938, с. 326—337.

Herrmann A. Berliner Demokraten. Ein Buch der Erinnerung an das Jahr 1848. B. 1948. XVII, 520 S. [Документы: с. 250—510.]
Nippold F. Christian Freiherr von Bunsen. Aus seinen Briefen und nach eigener Erinnerung geschildert von seiner Witwe. Deutsche verm. Ausg. Bd 1—3. Lpz. 1868—1871.
Caspary A. Ludolf Camphausens Leben. Nach seinem schriftlichen Nachlass dargestellt. Stuttgart — Berlin. 1902. XII, 466 S.
Bergengrühn A. David Hansemann. B. 1901. VIII, 763 S.
Nathan H. Aus dem Leben eines Achtundvierzigers. [Oskar Reichenbach.] Ein

Beitrag zur Geschichte der preussischen Demokratie.— *Zeitschrift des Vereins für Geschichte Schlesiens*. 1914. Bd 48. S. 174—240.

Пруссия накануне революции

Der erste Vereinigte Landtag in Berlin 1847. Hrsg. unter Aufsicht von... E. Bleich. Tl 1—4. B. 1847.

Hansen J. Hrsg. Rheinische Briefe und Akten zur Geschichte der politischen Bewegung 1830—1850. Bd 1. 1830—1845. Essen a. d. Ruhr. 1919. XI, 63, 944 S. (Deutsche Geschichtsquellen des 19. Jahrhunderts. Bd 1.)

Biedermann K. Geschichte des ersten preussischen Reichstags. Lpz. 1847. 498 S.

Gervinus G. Die preussische Verfassung und das Patent vom 3. Februar 1847. Mannheim. 1847. 127 S.

Simon H. Annehmen oder ablehnen? Die Verfassung vom 3. Februar 1847, beleuchtet von Standpunkte des bestehenden Rechts. Lpz. 1847. 327 S. [Anhang: Abdruck des Patents und der Verordnung vom 3. Februar 1847 in ihrem Zusammenhange.]

Вольфсон Л. Ф. Борьба «Рейнской газеты» против прусской реакции. В кн.: К столетию революции 1848 года. Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. А. Бендриковой. Изд. 2-е. М. 1949, с. 200—227.

Devinat P. Le mouvement constitutionnel en Prusse de 1840 à 1847. Frédéric-Guillaume IV et les diètes provinciales.— *Revue hist*. 1911. T. 108, p. 1—27, 251—275. 1912. T. 109, p. 56—74, 241—271.

Koser R. Friedrich Wilhelm IV. am Vorabend der Märzrevolution.— *Hist. Zeitschrift*. 1899. Bd 83, S. 43—84.

Koser R. Zur Charakteristik des Vereinigten Landtags von 1847. In: Beiträge z. brand. u. preuss. Geschichte. Lpz. 1908. S. 287—331.

Mayer G. Die Anfänge des politischen Radicalismus im vormärzlichen Preussen. B. 1913. 113 p. (Sonderdruck aus *Zeitschrift f. Politik*. Bd 6. Hft 1.)

Mayer G. Die Junghegelianer und der preussische Staat.— *Hist. Zeitschrift*. 1922. Bd 121, S. 413—440.

Meyer D. Das öffentliche Leben in Berlin im Jahr vor der Märzrevolution. B. 1912. 116 S.

Simonson A. Die Anfänge des Liberalismus in Preussen. Vom Regirungsantritt Friedrich Wilhelm IV. bis zum ersten Vereinigten Landtag. Diss. 1933. B. 48 S.

Революция 18 марта в Берлине

Brass A. Berlins Barrikaden. Ihre Entstehung, ihre Vertheidigung und ihre Folgen. Eine Geschichte der März-Revolution. B. 1848. 127 S.

Diest G. Meine Erlebnisse im Jahre 1848 und die Stellung des Staatsministers von Bodelschwingh vor und an dem 18. März 1848. B. 1898. 79 S.

Gneist R. Berliner Zustände. Politische Skizzen aus der Zeit vom 18. März 1848 bis 18. März 1849. B. 1849. 146 S.

Meyerinck H. Die Strassenkämpfe in Berlin am 18. und 19. März 1848. Neue Aufl. hrsg. von H. Kohl. Lpz. 1912. 91 S. (Voigtländers Quellenbücher. Bd 7.)

Mieroslawski L. Les journées de mars 1848 à Berlin. Récit inédit du général L. Mieroslawski. Ed. par J. Frijlich.— *Révolution de 1848*. 1922. T. 17. N 95, p. 277—301.

Schulz. Die Berliner Märztage. Vom militärischen Standpunkt aus geschildert. 2. Aufl. B. 1850. 122 S.

Streckfuss A. Berliner März 1848. B. [1948.] 199 S. [Извлечение из работы: Berlin im 19 Jahrhundert. B. 1866. Автор — современник событий 1848 г.]

Valentin V. Neue russische Quellen zur Berliner Märzrevolution. S. l. S. d. 11 S. [Материалы Центр. архива.]

Wolff A. Berliner Revolutions-Chronik. Darstellung der Berliner Bewegungen im Jahre 1848 nach politischen, sozialen und literarischen Beziehungen. Bd 1—3. B. 1851—1854.

Bergsträsser L. Neue Beiträge zur Geschichte der Berliner Märztage.— *Hist. Vierteljahrschrift*. 1914. Jg 17. N 1—2, S. 54—85.

Buchholtz A. Die Literatur der Berliner Märztage.— *Deutsche Rundschau*. 1898. Bd 94, S. 426—438. [Обзор литературы, вышедшей в мартовские дни.]

Busch W. Die Berliner Märztage von 1848. Ereignisse und ihre Ueberlieferung. München — Leipzig. 1899. 74 S. [Обзор источников, с. 43—74.]

Kaeber E. Berlin 1848. Zur Hundertjahrfeier der Märzrevolution. B. 1948. 207 S.

Liebknecht W. Zum Jubeljahr der Märzrevolution. B. 1898. 96 S. Перевод: **Либкнехт В.** К юбилею мартовской революции. Пер. Б. Александровой. Пг. 1918. 140 с.

Rachfahl F. Deutschland, König Friedrich-Wilhelm IV. und die Berliner Märzrevolution. Halle a. S. 1901. 319 S.

См. также с. 515: **Кан С. Б.** Рабочее движение в Берлине в первые недели мартовской революции 1848 г...

Прусское национальное собрание

Verhandlungen der Constituierenden Versammlung für Preussen 1848. Bd 1—9. B.— Lpz. 1848—1849.

Stenographische Berichte über die Verhandlungen der zur Vereinbarung der preus-

sischen Staats-Verfassung beruferen Versammlung. Bd 1—3. B. 1848.

Verhandlungen der Preussischen Nationalversammlung zu Berlin. Stenographische Berichte. Bd 1—4. B.—Lpz. 1848.

Текст выработанного Учредительным собранием проекта конституции см. выше, с. 518: **Verfassungsurkunde**...

Hansen J. A. J. Briefe aus der Preussischen Nationalversammlung 1848—1849. Hrsg. von K. Schwingel. Saarbrücken. 1931. 156 S.

Reichensperger P. F. Erlebnisse eines alten Parlamentariers im Revolutionsjahre 1848. B. 1882. 263 S.

Rodbertus K. Mein Verhalten in dem Conflict zwischen Krone und Volk. An meine Wähler. B. 1849. 47 S. О этой брошюре см.: **Reichensperger P. F.** Die Preussische Nationalversammlung und die Verfassung vom 5. Dezember. Beleuchtung der Aussprache des Abgeordneten Rodbertus an seine Wähler. B. 1849. 50 S.

Lüders G. Die demokratische Bewegung in Berlin im Oktober 1848. B. 1909. VI, 182 S. (Abhandlungen zur mittleren u. neueren Geschichte. Hft 11.)

Oppenheim H. B. Benedikt Franz Leo Waldeck der Führer der preussischen Demokratie (1848—1849). B. 1873. 279 S.

Pfefferkorn H. Der Kampf der Linken um den Einfluss auf die Exekutivgewalt in der Konstituierenden Versammlung für Preussen, 1848. Berlin — Weissensee. 1926. 124 S.

Seitz I. Enstehung und Entwicklung der preussischen Verfassungsurkunde im Jahre 1848. Diss. Greifswald. 1909. 104 S.

Реакция в Пруссии

Walter H. Die innere Politik des Ministers von Manteuffel und der Ursprung der Reaktion in Preussen. B. 1910. 158 S.

Friedrich Wilhelm IV. König von Preussen. Revolutionsbriefe 1848. Hrsg. von K. Haenchen. Lpz. 1930.

Briefwechsel zwischen König Friedrich Wilhelm IV. und dem Reichsverweser Erzherzog Johann von Oesterreich (1848—1850). Hrsg. von G. Küntzel. Frankfurt a. M. 1924. X, 74 S.

König Friedrich Wilhelm IV. Briefwechsel mit L. Camphausen. Hrsg. und eingel. von E. Brandenburg. B. 1906. 253 S.

Ranke L. Aus dem Briefwechsel Friedrich Wilhelms IV. mit Bunsen. Lpz. 1873. VIII, 374 S.

Перцев В. Гогенцоллерны. Личные характеристики и обзоры политической деятельности. М. 1918. 226 с.

Hansen J. König Friedrich Wilhelm IV. und das liberale Ministerium Camphausen — Hansemann im Jahre 1848. Trier. 1913. 72 S. [Sonderabdruck aus: *Westdeutsche Zeitschrift für Geschichte u. Kunst.* XXXII.]

Schmitz E. Edwin von Manteuffel als Quelle zur Geschichte Friedrich Wilhelm IV. München — Berlin. 1921. 96 S.

См. также с. 519: **Rachfahl F.** Deutschland, König Wilhelm IV. und die Berliner Märzrevolution...; с. 559: **Rachfahl F.** Die deutsche Politik Friedrich Wilhelms IV...

Bismarck O. Briefe. Hrsg. von W. W. Windelband und W. Frauendienst. Bd 1. 1822—1861. 1. Aufl. B. 1933. XI, 584 S. (Bismarck O. Die gesammelten Werke. Bd 14/1.)

Bismarck O. Gedanken und Erinnerungen. Die drei Bände in einem Bande. Volständige Ausg. Stuttgart—Berlin. 1928. 751 S. Перевод: **Бисмарк О.** Мысли и воспоминания. Пер. с нем. Под ред. А. С. Ерусалимского. Т. 1. М. 1940. XLVIII, 334 с.

Bismarck O. Politische Schriften. Bearb. von H. Petersdorff. Bd 1. Bis 1854. 1. Aufl. B. 1924. XVI, 532 S. (Bismarck O. Die gesammelten Werke. Bd 1.)

Blum H. Fürst Bismarck und seine Zeit. Bd 1. München. 1894. XII, 524 S.

Matter P. Bismarck et son temps. I. La préparation, 1815—1862. P. 1905. 534 p.

Radowitz J. M. Aufzeichnungen und Erinnerungen des Botschafters. Hrsg. von H. Holborn. Bd 1. 1839—1877. Stuttgart — Berlin. 1925. VII, 372 S.

Radowitz J. M. Ausgewählte Schriften und Reden. Hrsg. und eingel. von Fr. Meinecke. München. 1921. XXI, 125 S.

Radowitz J. M. Nachgelassene Briefe und Aufzeichnungen zur Geschichte der Jahre 1848—1853. Hrsg. von W. Möring. Stuttgart — Berlin. 1922. XII, 424 S. (Deutsche Geschichtsquellen des 19. Jahrhunderts, hrsg. durch die Historische Kommission bei der Bayerisch. Akademie der Wissenschaften. Bd 2.)

Hassel P. Joseph Maria von Radowitz. Bd 1. 1807—1848. Witten. 1905. XVIII, 592 S. Продолжением служит кн.:

Meinecke F. Radowitz und die deutsche Revolution. B. 1913. XII, 554 S.

Рейнская область

См. также литературу к главам 7, 8, 30, 48, 50, посвященным деятельности Маркса и Энгельса.

Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VII. С. 369: Съезд рейнских городов; с. 370: Они хотят осадного положения; с. 379—380: Осадное положение в Дюссельдорфе; с. 381—382: Восстание в Бергском округе; с. 384—386: Эльберфельд.

Маркс К. «Кельнская революция».— Соч. Т. VI, с. 458—460.
Энгельс Ф. Германская кампания за имперскую конституцию. 1. Рейнская Пруссия.— Соч. Т. VII, с. 405—422.
Энгельс Ф. Процесс Готшалка и его товарищей.— Соч. Т. VII, с. 495—503.
Энгельс Ф. Письмо В. Либкнехту. 29 октября 1889 г.— Соч. Т. XXVIII, с. 156—157.
Ленин В. И. III съезд РСДРП.— Соч. Т. 8, с. 361—362.

Hansen J. Gustav von Mevissen. Ein rheinisches Lebensbild, 1815—1899. Bd 1—2. B. 1906.
Hansen J. Preussen und Rheinland von 1815 bis 1915. Hundert Jahre politischen Lebens am Rhein. Bonn. 1918. VII, 270 S.
Die Stadt Köln im ersten Jahrhundert preussischer Herrschaft, 1815—1915. Bd 1—2. Köln. 1916.
Stein H. Der Kölner Arbeiterverein 1848—1849. Ein Beitrag zur Frühgeschichte des rheinischen Sozialismus. Köln. 1921. 112 S.

САКСОНИЯ

Маркс К. и **Энгельс Ф.** Революция и контрреволюция в Германии.— В кн.: **Маркс К.** Избр. произв. Т. II. [М.] 1940, с. 101—103.
Маркс К. Письмо И.-Ф. Беккеру. 2 августа 1870 г.— Соч. Т. XXVI, с. 66. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 241.
Энгельс Ф. Германская кампания за имперскую конституцию.— Соч. Т. VII, с. 405.

Bucher A. Aus Dresdens Maitagen vor 50 Jahren. Jugenderinnerungen. Dresden. 1899. 96 S.
Friesen R. Erinnerungen aus meinem Leben. Bd 1. Dresden. 1880. VIII, 414 S.
Röckel A. Sachsens Erhebung und das Zuchthaus zu Waldheim. Frankfurt a. M. 1865. 403 S.
Waldersee F. G. Der Kampf in Dresden im Mai 1849. Mit besonderer Rücksicht auf die Mitwirkung der preussischen Truppen geschildert... B. 1849. VI, 238 S.

Geyer C. Politische Parteien und Verfassungskämpfe in Sachsen von der Märzrevolution bis zum Ausbruch des Maiaufstands 1848—1849. Lpz. 1914. 211 S.

ФРАНКФУРТ

См. ниже: Франкфуртский парламент.

ПРОЧИЕ ГЕРМАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Verfassung des Freistaates Hamburg nebst Wahlgesetz. Beschlossen in der Constituierenden Versammlung am 11. Juli 1849. 2. Aufl. Hamburg. 1849. 40 S.
Gabe W. Hamburg in der Bewegung von 1848—1849. Heidelberg. 1911. 176 S. (Heidelberger Abhandlungen zur mittleren und neueren Geschichte. Hft 33.)
Werner A. Die politischen Bewegungen in Mecklenburg und der ausserordentliche Landtag im Frühjahr 1848. B.— Lpz. 1907. 6, 117 S. (Abhandlungen zur mittleren und neueren Geschichte. Hft 2.)

ФРАНКФУРТСКИЙ ПАРЛАМЕНТ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА — ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и **Энгельс Ф.** Революция и контрреволюция в Германии. В кн.: **Маркс К.** Избр. произв. Т. II. [М.] 1940, с. 65—70, 78—80, 105—112.
Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VI. С. 113—131: Франкфуртское национальное собрание; с. 231—232: Первое деяние германского Национального собрания; с. 368—416: Прения по польскому вопросу во Франкфурте; с. 417—433: Шлезвиг-Гольштинская война; с. 453—457: Восстание во Франкфурте; с. 464—465: «Франкфуртская главная почтовая газета» и венская революция; с. 483—485: Речь Вассермана об убийстве Лихновского.
Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VII. С. 301—303: Вена и Франкфурт; с. 363—364: Прусский пинок франкфуртцам.
Энгельс Ф. Маркс и «Новая Рейнская газета».— Избр. произв. Т. II. М. 1948, с. 316—317.
Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции.— Соч. Т. 9, с. 18—19, 52, 77.
Ленин В. И. Революционная канцелярщина и революционное дело.— Соч. Т. 10, с. 44—45.
Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии.— Соч. Т. 10, с. 210—211.
Ленин В. И. Как рассуждает т. Плеханов о тактике социал-демократии.— Соч. Т. 10, с. 431—432, 442—444.
Ленин В. И. К истории вопроса о диктатуре.— Соч. Т. 31, с. 317—320.

ПРЕДПАРЛАМЕНТ. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Verhandlungen des deutschen Parlaments. Officielle Ausg. Lief. 1—2. Frankfurt a. M. 1848. Lief. 1. Geschichtliche Einleitung von Jucho... Verhandlungen des vorberathenden Parlaments. Lief. 2. Die Verhandlungen des Fünfziger Ausschusses, der Bundesversammlung und der 17 Vertrauensmänner, bis zum Zusammentritt der constituierenden deutschen Nationalversammlung.

Verhandlungen des deutschen Vorparlaments zu Frankfurt a. M. 1848. Greifswald. 1913.

Bergsträsser L. Die parteipolitische Lage beim Zusammentritt des Vorparlaments.— *Zeitschrift für Politik*. 1943. Bd 6, S. 594—620.

Freyer U. Das Vorparlament zu Frankfurt a. M. im Jahre 1848. Diss. Greifswald. 1913. 170 S.

См. также с. 517: Кан С. Б. Предпарламент и первое баденское восстание 1848 г...

ПАРЛАМЕНТ

Документы и сборники документов

Stenographischer Bericht über die Verhandlungen der deutschen constituierenden Nationalversammlung zu Frankfurt a. M. Hrsg. auf Beschluss der Nationalversammlung... von F. Wigard. Bd 1—9. Frankfurt a. M. — Leipzig. 1848—1849. Inhaltsverzeichnis. 1850.

Verhandlungen der deutschen verfassunggebenden Reichsversammlung zu Frankfurt a. M. Hrsg. auf Beschluss der Nationalversammlung von K. D. Hassler. Bd 1—6. Frankfurt a. M. 1848—1849.

Die Verhandlungen des Verfassungsausschusses der deutschen Nationalversammlung. Hrsg. von J. G. Droysen. Tl 1. Lpz. 1849. VI, 454 S. Tl 2. In: Droysen J. G. Aktenstücke und Aufzeichnungen... S. 109—790. См. ниже.

Deutsche constituierende Versammlung. [Sammlung verschiedener Anträge, Petitionen die der Versammlung vorgelegt worden sind vom Mai bis November 1848.] Bd 1—2. [Frankfurt a. M.] 1848.

Verfassung des Deutschen Reichs. Amtliche Ausgabe. Frankfurt a. M. 1849. 31 S. [Перевод текста конституции, принятой Франкфуртским парламентом, см. в кн.: Блос В. Германская революция. Изд., перераб. И. Степановым. М. 1919, с. 503—522.]

Die Grundrechte des deutschen Volkes. Aus den Verhandlungen der deutschen Nationalversammlung zu Frankfurt a. M. 1848—1849. München. 1910. 116 S. (Vorkämpfer deutschen Freiheit. Dokumente liberaler Vergangenheit. Hrsg. vom Akad. Freibund. Hft 5.)

Staat und Kirche in den Debatten der Frankfurter Paulskirche 1848. München. 1910. 119 S. (Vorkämpfer deutscher Freiheit... Hft 4.)

Die Todesstrafe im Frankfurter Parlament 1848. München. 1911. 59 S. (Vorkämpfer deutscher Freiheit... Hft 28.)

Droysen J. G. Aktenstücke und Aufzeichnungen zur Geschichte der Frankfurter Nationalversammlung aus dem Nachlass von J. G. Droysen. Hrsg. von R. Hübner. Stuttgart — Berlin — Leipzig. 1924. X, 848 S. (Deutsche Geschichtsquellen des 19. Jahrhunderts. Bd 14.)

Речи. Мемуары. Работы современников

Biedermann K. Erinnerungen aus der Paulskirche. Lpz. 1849. XII, 411 S.

Biographische Umrisse der Mitglieder der konstituierenden Nationalversammlung zu Frankfurt a. M. Hft 1—2. Frankfurt a. M. 1848—1849.

Blum R. Ausgewählte Reden und Schriften. Hrsg. von H. Nebel. Hft 1—10. Lpz. 1879—1881.

Duncker M. Zur Geschichte der deutschen Reichsversammlung in Frankfurt. B. 1849. XIII, 133 S.

Eisenmann G. Die Parteien der deutschen Reichsversammlung, ihre Programme, Statuten und Mitgliederverzeichniss. Erlangen. 1848. 47 S.

Das Frankfurter Parlament in Briefen und Tagebüchern. Hrsg. von L. Bergsträsser. Frankfurt a. M. 1929. 468 S.

Hartmann M. Frankfurter Septembertage. In: Hartmann M. Gesammelte Werke. Bd 10. Stuttgart. 1874. S. 28—39.

Haym R. Die deutsche Nationalversammlung I—III. [Berichte aus der Partei des rechten Centrum.] Berlin — Frankfurt a. M. 1848—1850.

Jürgens K. Zur Geschichte des deutschen Verfassungswerkes 1848 bis 1849. Abt. 1—2. (Bd 1—3). 2. Aufl. Braunschweig-Hannover. 1850—1857.

Laube H. Das erste deutsche Parlament. Bd 1—3. Lpz. 1909. (Gesammelte Werke. Bd 36—38.) [1. Aufl.: 1849.]

Meyer J. Deutsche Parlamentschronik. Bd 1—2. Hildburghausen. 1848—1849.

Mollat G. Reden und Redner des ersten deutschen Parlaments. Osterwieck (Harz). 1895. XVI, 832 S.

Raumer F. Briefe aus Frankfurt und Paris. Bd 1—2. Lpz. 1849.

Die Resultate der Berathungen der Regierungskommissaire in Frankfurt a. M. 1848—1849 zur Herstellung der Zolleinheit im Deutschen Reiche. Halle. 1851. VI, 400 S.

Stahl W. Briefe aus der Paulkirche.— *Historisch-politisches Archiv zur deutschen Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts*. Lpz. 1930. Bd 1, S. 1—132.

Venedey J. Die Parteien in der Paulskirche wärend und nach den Septembertagen. Frankfurt a. M. 1849. 47 S. (Die Wage. Deutsche Rechstagsschau. Hft 3.)

Vogt C. Der achtzehnte September in Frankfurt. Im Auftrage der Clubbs der

Linken... Frankfurt a. M. 1848. 86 S.
Wichmann W. Denkwürdigkeiten aus dem ersten deutschen Parlament. Hannover. 1890. XIV, 568 S.
Wurm C. F. Die Diplomatie, das Parlament und der deutsche Bundesstaat. 1. Dezember 1848 — März 1849. Braunschweig. 1849. VIII, 165 S.
См. также: ИМЭЛ, фонд листовок 1848 г.

Исторические работы

Рубинштейн Е. И. Национальный вопрос во Франкфуртском парламенте в мае — сентябре 1848 г.—*Известия АН СССР. Серия истории и философии*. 1848. Т. 5. № 1, с. 36—51.
Appens W. Die Nationalversammlung zu Frankfurt a. Main, 1848—1849. Jena. 1920. 400 S.
Bergsträsser L. Parteien von 1848.—*Preuss. Jahrbücher*. 1919. Bd 177, S. 180—211.
Krause H. Die demokratische Partei von 1848 und die soziale Frage. Ein Beitrag zur Geschichte der ersten deutschen Revolution. Frankfurt a. M. 1923. 202 S.
Kucharzewski J. Sprawa polska w parlamencie Frankfurckim 1848 roku. (Rzecz drukowana w Przeglądzie Narodowym z 1908 r. Uzypełniona przypisami i dodatkami.) Warszawa — Kraków. [1918.] 104, [3] s.
Kühnemann R. Die grosse Presse und das erste deutsche Parlament. B. 1933. 105 S.
Philippson J. Ueber den Ursprung und die Einführung des allgemeinen Wahlrechts in Deutschland mit besonderer Berücksichtigung der Wahlen zum Frankfurter Parlament im Grossherzogtum Baden. B.— Lpz. 1913. 11, 76 S. (Abhandlungen zur mittleren und neueren Geschichte. Hft 52.)
Rapp A. Das österreichische Problem in den Plänen der Kaiserpartei von 1848. Tübingen. 1919. 117 S.
Schneider W. Wirtschafts- und Sozialpolitik im Frankfurter Parlament, 1848—1849. Frankfurt a. M. 1923. 160 S.
Schüssler W. Die nationale Politik der österreichischen Abgeordneten im Frankfurten Parlament. B.—Lpz. 1913. X, 77 S. (Abhandlungen zur mittleren und neueren Geschichte. Hft 51.)
Schwemer R. Geschichte der Freien Stadt Frankfurt a. M. (1814—1866). Bd 3. Tl 1—2. Frankfurt a. M. 1915—1918. (Veröffentlichungen der Historischen Kommission der Staat Frankfurt a. M.)

Sutter O. E. Die Linke der Paulskirche. Frankfurt a. M. 1924. 53 S. (Die Paulskirche.)
Blum H. Robert Blum. L. 1878. XVIII, 590 S.
Füssler H. Robert Blum. Nach zeitgenössischen Dokumenten. Zwickau. 1948. 87 S.
Liebknecht W. Robert Blum und seine Zeit. 2. Aufl. Nürenberg. 1889. 422 S. Перевод: **Либкнехт В.** Роберт Блюм и революция 48 г. в Германии. Пер. со 2-го нем. изд. Ч. 1—2. СПб. Б. г.
Streckfuss A. Robert Blum, sein Leben, sein Wirken. Neu bearb. von B. P i c h l e r. Haale (Saale). 1948. 160 S.

К главам 3, 13, 18, 31, 35

АВСТРИЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии. В кн **Маркс К.** Избр. произв. Т. II. [М.] 1940, с. 53—61, 85—92.
Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты» — Соч. Т. VI. С. 464—465: «Франкфуртская главная почтовая газета» и венская революция; с. 491—492: О революции в Вене; с. 493—494. Последние известия из Вены; с. 495—497: Падение Вены.
Маркс К. и Энгельс Ф. Германия и панславизм.— Соч. Т. X, с. 389—394.
Энгельс Ф. Начало конца Австрии.— Соч. Т. V, с. 250—256.
Энгельс Ф. Савойя, Ницца и Рейн.— Соч. Т. XII. Ч. 1, с. 241.
Энгельс Ф. Австрия.— Развитие революции.— Соч. Т. XII. Ч. 2, с. 168.
Энгельс Ф. Письмо Э. Бернштейну. 22 февраля 1882 г.— Соч. Т. XXVII, с. 192—193.
Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос.— Соч. Т. 2, с. 303—312.
Сталин И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе.— Соч. Т. 5, с. 15—16.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Charmatz R. Wegweiser durch die Literatur der österreichischen Geschichte. Stuttgart — Berlin. 1912. X, 138 S.
Gunzenhäuser M. Bibliographie zur Geschichte Oesterreich-Ungarns 1848—1914. Stuttgart. 1935. 74 S. (Bibliogr. Vierteljahrshefte d. Weltkriegsbücherei. Hft 4.)
Wurzbach C. Biografisches Lexicon des Kaisertums Oesterreich. Bd 1—59. Wien. 1856—1890.

ИСТОЧНИКИ

Периодическая печать

Allgemeine österreichische Zeitung. Hrsg. von E. S c h w a r z e r. Wien. 31. März — 26. Okt. 1848.
Der Freimütige. Hrsg. von M. M a h l e r. Wien. 30. März — 25. Okt. 1848.

Die Konstitution. Red. L. Häfner. Wien. 20. März — 25. Okt. 1848.
Die Presse. Hrsg. von A. Zang. Wien. 3. Juli — Okt. 1848; Brunn. Okt. 1848—1849.
Wiener Zeitung. [Regierungsblatt.]
Подробно о газетах см. в сл. книгах:
Helfert J. A. Die Wiener Journalistik im Jahre 1848. Wien. 1877. 384 S.
Zenker E. V. Geschichte der Wiener Journalistik. Bd 1. Das Jahr 1848. Wien — Leipzig. 1893. XI, 159 S.

Мемуары. Переписка

Arneth A. Aus meinem Leben. Bd 1. 1819—1849. Stuttgart. 1893. 282 S.
Briefwechsel zwischen Erzherzog Johann Baptist von Oesterreich und A. Graf von Prokesch-Osten. Hrsg. von A. Schlossar. Stuttgart. 1898. XI, 440 S.
Ficquelmont L. Aufklärungen über die Zeit vom 20. März bis 4. Mai 1848. 2. Aufl. Lpz. 1850. 130 S.
Franz Joseph I, Kaiser. Briefe an seine Mutter, 1838—1872. Hrsg. von F. Schnürer. München. 1930. 413 S.
Fröbel J. Ein Lebenslauf. Aufzeichnungen, Erinnerungen und Bekenntnisse. Bd 1. Stuttgart. 1890. X, 598 S.
Füster A. Memoiren von März 1848 bis Juli 1849. Beitrag zur Geschichte der Wiener Revolution. Bd 1—2. Frankfurt a. M. 1850.
Hartmann M. Revolutionäre Erinnerungen. Hrsg. von H. H. Houben. Lpz. [1919.] 96 S.
Hübner A. Ein Jahr meines Lebens, 1848—1849. Lpz. 1891. XII, 379 S.
Kempen von Fichtenstamm J. Das Tagebuch des Polizeiministers Kempen von 1848 bis 1859. Eingel. und hrsg. von J. K. Mayr. Wien — Leipzig. 1931. 559 S.
Kolowrat-Krakowsky L. Meine Erinnerungen aus den Jahren 1848 und 1849. Hrsg. von seinem Sohne. Tl 1—2. Wien. 1905.
Kübeck C. F. Tagebücher. Hrsg. und eingel. von seinem Sohne M. Kübeck. Bd 2. Wien. 1909. 275 S. [Anhang: Briefe von und an Kübeck.]
Kudlich H. Rückblicke und Erinnerungen. Bd 1—3. Wien — Pest — Leipzig. 1873.
Laube H. Erinnerungen, 1841—1881. Wien. 1882. 226 p. (Laube H. Gesammelte Schriften. Bd 16.)
Pillersdorff F. Handschriftlicher Nachlass... Wien. 1863. 462 S.
[**Pillersdorff F.**] Rückblicke auf die politische Bewegung in Oesterreich in den Jahren 1848 und 1849. Von F. v. P. Wien. 1849. 81 S.
Prokesch von Osten A. Aus dem Nachlasse des Grafen Prokesch-Osten. Briefwechsel mit Herrn von Gentz und Fürsten Metternich. Bd 2. Wien. 1881. 415 S.
Prokesch von Osten A. Aus den Briefen des Grafen Prokesch von Osten (1849—1855). Wien. 1896. 472 S.
Schuselka F. Das Revolutionsjahr (März 1848 — März 1849). 2. Aufl. des zweiten Bandes der «Deutschen Fahrten». Wien. 1850. 472 S.
Wolf G. Aus der Revolutionszeit in Oesterreich—Ungarn (1848—1849). Wien. 1885. [6], 122 S.
См. также с. 546: **Smolka F.** Dziennik 1848—1849...

Работы современников

Чернышевский Н. Г. Предисловие к нынешним австрийским делам. В кн.: **Чернышевский Н. Г.** Полное собр. соч. Т. 8. М. 1950, с. 433—465.
Nordstein F. A. Geschichte der Wiener Revolution. Lpz. 1850. 432 S.
Springer A. H. Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809. Tl 2. Die österreichische Revolution. Lpz. 1865. IV. 774 S. (Staatengeschichte der neuesten Zeit. Bd 10.)
Springer A. H. Oesterreich nach der Revolution. Lpz. 1850. 102 S.
Violand E. Die soziale Geschichte der Revolution in Oesterreich. Lpz. 1850. 280 S.
Wiener Chronik für das Jahr 1848. Hrsg. von F. Peyer. Wien. 1850. 240 S.
См. также: ИМЭЛ, фонд листовок «Австрия в 1848 г.».

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Кан С. Б. Революция 1848 года в Австрии и Германии. М. 1948. 232 с.
Трайнин И. П. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М.—Л. 1947. 307 с. См. рец.: **Миллер И., Удальцов И.**— *Вопросы истории*. 1948. № 4, с. 125—129.
Bach M. Geschichte der Wiener Revolution im Jahre 1848. Wien. 1898. XV, 944 S. Перевод: **Бах М.** История австрийской революции 1848 г. Изд. 2-е. Пер. под ред. В. Базарова и И. Степанова, пересм. И. Степановым. М.—Пг. 1923. 576 с.
Charmatz R. Oesterreichs innere Geschichte von 1848 bis 1895. I—II. 3. veränd. Aufl. Lpz.—B. 1918.
Fischer E. Oesterreich 1848. Probleme der demokratischen Revolution in Oesterreich. Wien. 1946. 205 S.
Kaindl R. F. 1848/49—1866—1918/19. München. 1920. 70 S.
Priester E. Kurze Geschichte Oesterreichs. Aufstieg und Untergang des Habsburgerreiches. Wien. 1949. 620 S.

Redlich J. Das österreichische Staats- und Reichsproblem. Geschichtliche Darstellung der inneren Politik der habsburgischen Monarchie von 1848 bis zum Untergang des Reiches. Bd 1. Tl 1—2. Lpz. 1920.
Reschauer H. und **Smetz M.** Das Jahr 1848. Geschichte der Wiener Revolution. Bd 1—2. Wien. 1872.
Zenker E. V. Die Wiener Revolution 1848 in ihren sozialen Voraussetzungen und Beziehungen. Wien. 1897. X, 296 S.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Tafeln zur Statistik der Oesterreichischen Monarchie für das Jahr 1844. Zusammengestellt von der k. k. Direction der administrativen Statistik. Jg 17. Wien. 1848. 658 S.
Hain J. Handbuch der Statistik des österreichischen Kaiserstaats. Bd 1—2. Wien. 1852—1853.
Pillersdorff F. Die österreichischen Finanzen... Wien. 1851. [6], 86 S.
Zdekauer E. Ueber Organisation von Handwerker und Gewerbevereinen... Prag. 1848. 27 S.

Авербух Р. А. Рабочее движение в Вене в августе 1848 г. В кн.: К столетию революции 1848 года. Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. А. Бендриковой. Изд. 2-е. М. 1949, с. 97—132.
Beer A. Die österreichische Handelspolitik im neunzehnten Jahrhundert. Wien. 1891. X, 618 S.
Blum J. Noble landowners and agriculture in Austria, 1815—1848. A study in the origins of the peasant emancipation of 1848. Baltimore. 1948. 295 p. (The Johns Hopkins university studies in hist. and polit. science. Ser. LXV. N 2.)
Blum J. Transportation and industry in Austria, 1815—1848.— *Jl of modern history.* 1943. Vol. 15. N 1, p. 24—38.
Brügel L. Geschichte der österreichischen Sozialdemokratie. Bd 1. Von Vormärz bis zum Wiener Hochverratsprozess, Juli 1870. Anhang: Dokumente der Revolution 1848. Wien. 1922. 334 S.
Brügel L. Soziale Gesetzgebung in Oesterreich von 1848 bis 1918. Eine geschichtliche Darstellung. Mit einem Geleitworte von F. Hanusch. Wien — Leipzig. 1919. XI, 254 S.
Deutsch J. Geschichte der österreichischen Gewerkschaftsbewegung. Bd 1. Von den Anfängen bis zur Zeit des Weltkrieges. Wien. 1929. 467 S.
Engel-Jánosi F. Ueber die Entwicklung der sozialen und staatswirtschaftlichen Verhältnisse im deutschen Oesterreich 1815—1848.— *Vierteljahrschrift f. Sozial- und Wirtschaftsgeschichte.* 1923. Bd 17. Hft 1—2, S. 92—128.
Grünberg K. Die Bauernbefreiung und die Auflösung des gutsherrlichbäuerlichen Verhältnisses in Böhmen, Mähren und Schlesien. Bd 1—2. Lpz. 1894.
Grünberg K. Studien zur österreichischen Agrargeschichte. Lpz. 1901. VI, 281 S.
Habermann G. Studien über Agrargesetzgebung und die Pflege der landwirtschaftlichen Interessen in Oesterreich. Wien. 1872. IX, 197 S.
Hudeczek K. Oesterreichische Handelspolitik in Vormärz 1815—1848. Wien. 1918. VIII, 154 S. (Studien z. Sozial-Wirtschafts- und Verwaltungsgeschichte, hrsg. von K. Grünberg. Hft 11.)
Priester E. 1848 und die Arbeiter.— *Weg und Ziel.* Wien. 1948. № 2, S. 127—131.
Reschauer H. Geschichte des Kampfes der Handwerkzünfte und der Kaufmannsgremien mit der österreichischen Bureaukratie vom Ende des 17. Jahrhunderts bis zum Jahr 1860. Wien. 1882. XXIV, 268 S.
Slokar J. Geschichte der österreichischen Industrie... Wien. 1914. XIV. 674 S.

ДЕЯТЕЛИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Charmatz R. Adolf Fischhof. Das Lebensbild eines österreichischen Politikers. Stuttgart. 1910. 461 S.
Steinmetz S. Hans Kudlich, ein Freiheitskämpfer von 1848.— *Weg und Ziel.* Wien. 1948, № 4.
Walter H. Hans Kudlich der Bauerbefreier des Jahres 1848. Budweis. 1907. 142 S.
Arneth A. Anton Ritter von Schmerling. Episoden aus seinem Leben 1835, 1848—1849. Wien — Prag. 1895. XVI, 343 S.
Arneth A. Johann Freiherr von Wessenberg. Ein österreichischer Staatsmann des 19. Jahrhunderts. Bd 2. 1816—1858. Wien. 1898. X, 337 S.
См. так же с 541: **Widman K.** Franciszek Smolka...

АВСТРИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Hartig F. Genesis der Revolution in Oesterreich im Jahre 1848. 3. Aufl. Lpz. 1851. 418 S.
Schuselka F. F. Oesterreichische Vor- und Rückschritte. Hamburg. 1847. XVIII, 304 S.

Beidtel I. Geschichte der österreichischen Staatsverwaltung, 1740—1848. Hrsg. von A. Huber. Bd 2. 1792—1848. Innsbruck. 1898. IV, 492 S.
Schlitter H. Aus Oesterreichs Vormärz. I—IV. Wien. 1920. I. Galizien und Krakau. II. Böhmen. III. Ungarn. IV. Niederoesterreich.

Metternich K. L. W. Aus Metternichs nachgelassenen Papieren. Hrsg. von dem Sohne des Staatskanzlers R. Metternich-Winneberg. Geordnet und zusam-

mengestellt von A. Klinkowström. Aut. deutsche Original-Ausgabe. Bd 7. (Tl 2. Friedens-Aera. 1816—1848. Bd 5.) Wien. 1883. 696 S.
Metternich und Kübeck. Ein Briefwechsel (1840—1855). Wien. 1910. VIII, 227 S.
Metternich—Hartig. Ein Briefwechsel des Staatskanzlers aus dem Exil 1848—1851. Hrsg. von F. Hartig. Wien — Leipzig. 1923. 126 S.
Писарев Д. И. Меттерних. В кн.: **Писарев Д. И.** Сочинения. Изд. 5-е. Т. 1. СПб. 1909, стб. 562—636.
Bibl V. Metternich. Der Dämon Oesterreichs. Leipzig — Wien. [1936.] 400 p.
Bibl V. Metternich in neuer Beleuchtung. Sein geheimer Briefwechsel mit dem bayerischen Staatsminister Wrede nach unveröffentlichen Dokumenten aus den Archiven in Wien und München. Wien. 1928. VIII, 439 S.

МАРТОВСКИЕ, МАЙСКИЕ И ОКТЯБРЬСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ

[**Helfert J. A.**] Aus Böhmen nach Italien. März 1848. Frankfurt a. M. 1862. IV, 313 S.
[**Jülke J. J.**] Die Wundertage Wiens, welche die Zeitverhältnisse ganz Oesterreichs um drei Jahrhunderte umwälzten [vom 12. bis 19. März 1848]. Wien. 1848. 79 S.
Pichler A. Das Sturmjahr. Erinnerungen aus den März- und Oktobertagen 1848. B. 1903. [6], 181 S.
Schall F. C. Oesterreichs glorreichste Tage, der 13., 14., 15. März. Eine Denkschrift... 3. Aufl. Wien. 1848. 46 S.
Seemann J. Ereignisse der 13., 14. und 15. März in Wien. Wien. 1848. 15 S.

Авербух Р. А. Борьба венской демократии против аристократической конституции (май 1848 г.).— *Известия АН СССР. Серия истории и философии*. 1947. № 4, с. 331—342.

Dunder W. G. Denkschrift über die Octoberrevolution in Wien. Wien. 1849. 100 S.
Fenner von Fenneberg F. Geschichte der Wiener Oktobertage geschildert und mit allen Aktenstücken belegt. Tl 1—2. Lpz. 1849.
Fröbel J. Briefe über die Wiener Oktoberrevolution mit Notizen über die letzten Tage Robert Blums. Frankfurt a. M. 1849. 106 S.
Reissmann J. Die Zerstörung Wiens im Jahre 1848 durch den Tilly des 19. Jahrhunderts. Dresden. 1848. 62 S.
Авербух Р. А. Октябрьское восстание в Вене в 1848 г.— *Вопросы истории*. 1948. № 10, с. 93—106.
Traub H. Die Reichstagspermanenz im Oktober 1848.— *Mitteilungen des Inst. f. österr. Geschichtsforschung*. 1915. Bd 36. Hft 1, S. 96—155.

Die Aula. Erinnerungs-Blätter für Studenten, Bürger und National-Garde. Red. und hrsg. von A. Rosenfeld. Abt. 1—3. Wien. 1848.
Rosenfeld A. Das Studenten Komitée in Wien im Jahre 1848. Bern. 1849. 369 S.
Silberstein A. Geschichte der Aula. Die Wiener Universität und die akademische Legion vom März bis Ende October 1848. Mannheim. 1848. 85 S.
Тарле Е. В. Роль студенчества в революционном движении в Европе в 1848 г. СПб. 1906. 28 с.

АВСТРИЙСКИЙ РЕЙХСТАГ

Protokolle über die Sitzungen des österreichischen [constituierenden] Reichstages. Wien. 1852. [Wien — Kremsier, 1848—1849.]
Verhandlungen des österreichischen Reichstages nach der stenographischen Aufnahme. Bd 1—5. Wien. 1849.
Protokolle des Verfassungs-Ausschusses im Oesterreichischen Reichstage 1848—1849. Hrsg. und eingel. von A. Springer. Lpz. 1885. L, 386 S.
Entwurf der Constitutions-Urkunde. Kremsier. 1849. 33 S.
Helfert J. A. Aufzeichnungen und Erinnerungen aus jungen Jahren. Im Wiener konstituierenden Reichstag. Juli — October 1848. Wien. 1904. VII, 256 S.
[**Violand F.**] Enthüllüngen aus Oesterreichs jüngsten Vergangenheit. Von einem Mitgliede der Linken des aufgelösten österreichischen Reichstages. Hamburg. 1849. XII, 287 S.

Fischel A. Die Protokolle des Verfassungsausschusses über die Grundrechte. Ein Beitrag zur Geschichte des österreichischen Reichstags vom Jahre 1848. Hrsg. v. d. Gesellschaft f. neuere Geschichte Oesterreichs. Wien. 1912. XXVI, 203 S.
Redlich J. Die Originalprotokolle des Verfassungsausschusses im Kremsierer Reichstag.—*Oesterreichische Rundschau*. 1908. Bd 17. 1. Nov., S. 163—181.
Schlitter H. Versäumte Gelegenheiten. Die oktroyierte Verfassung vom 4. März 1849. Zürich — Wien — Leipzig. 1920. 227 S.
Schüssler W. Das Verfassungsproblem im Habsburgerreich. Stuttgart — Berlin. 1918. 237 S.

К главе 4

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г.

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА — ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 38.

Маркс К. и Энгельс Ф. Речи по польскому вопросу (22 февраля 1848 г.) — Соч. Т. V, с. 259—267.
Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты». Прения по польскому вопросу во Франкфурте.— Соч. Т. VI, с. 383.
Маркс К. Морализирующая критика и критизирующая мораль. — Соч. Т. V, с. 208.
Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— Соч. Т. 20, с. 403—404.
Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос.— Соч. Т. 2, с. 303—312.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Rynkowska A. Bibliografia prac w języku polskim do dziejów «Wiosny Ludów». — *Myśl współczesna*. Warszawa—Łódź. 1948. N 11—12, s. 257—279.
Polski słownik biograficzny. T. 1—5. Kraków. 1935—1939.

ИСТОЧНИКИ

Rewolucja polska 1846 roku. Wybór źródeł. Opracował S. Kieniewicz. Wrocław. [1950] LXIX, 238 s. (Biblioteka narodowa. Ser. 1. N 132.)
Kraiński M. Regesty materiałów do historii zniesienia stosunku podańczego w Galicji. Wydał St. Inglot. Kraków. 1848. 76 s. (Polska Akad. Umiejętności. Archiwum komisji historycznej. Ser. 2. T. 4. N 1.)
Заневич I. Знесенне панщини в Галичині. Львів. 1896. 287 с.
Франко I. Панщина та її скасованс в 1848 р. в Галичині. Львів. 1913. 248 с.
Bienarzówna J. Z dziejów liberalnego konspiracyjnego Krakowa (1833—1848). Kraków. 1948. 180 s.
Kieniewicz S. Galicja w latach 1844—1848. In: Wiosna ludów na ziemiach polskich. Warszawa. 1948, s. 267—345.
Kieniewicz S. Ruch chłopski w Galicji w r. 1846. Wrocław. 1951.
Kostołowski E. Studja nad kwestją włościańską w latach 1846—1864. Lwów. 1938. XI, 407 s.
Limanowski B. Historya demokracyi polskiej w epoce porozbiobowej. Wyd. 3-e. T. 2. Warszawa — Kraków. 1946. 388 s.
Limanowski B. Historia ruchu rewolucyjnego w Polsce w 1846 r. Kraków. [1913.] 266, XX, IX s.
Radzikowski St. E. Powstanie chochołowskie w r. 1846. Lwów. 1904. 132 s.
Schnür-Pepłowski St. Z przeszłości Galicyi (1772—1862). Wyd. 2-e. Lwów. 1895. XV, 625 s.
Szarota M. Die letzten Tage der Republik Krakau. Breslau. 1911. VII, 175 S.
Tyrowicz M. Jan Tyssowski, dyktator krakowski r. 1846. Działalność polityczna i społeczna. 1811—1857. Warszawa. 1930. 247 s.
Wawel-Louis J. Kronika rewolucji krakowskiej w r. 1846. Kraków. 1898. 206 s.

Grabowski A. Wspomnienia. T. 1. Kraków. 1909. XLVII, 344 s.
Heltman W. Demokracya polska na emigracyi. Wyjątki z pism... Lipsk. 1866. [8], 304 s.
Kopff W. Wspomnienia z ostatnich lat Rzeczy pospolitej krakowskiej. Wydał. St. Estreicher. Kraków. 1906. XXI, 158 s.
Prawdoski F. [Kamieński H.] O prawdach żywotnych narodu polskiego. Bruxella. 1844. XV, 444 s.
Prawdoski F. [Kamieński H.] Katechizm demokratyczny czyli Opowiadania słowa ludowego. Paryż. 1845. VI, 120 s.
[Sacher-Masoch L.] Polnische Revolutionen. Erinnerungen aus Galizien. Prag. 1863. XII, 386 S.
Sala M. Geschichte des polnischen Aufstandes vom Jahre 1846. Nach autentischen Quellen dargestellt. Wien. 1867. VIII, 391 S.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Миллер И. С. Накануне отмены барщины в Галиции. (Из истории идейно-политической борьбы в польском обществе в 30—40 годах XIX ст.) — *Ученые записки Ин-та славяноведения* [*Акад. Наук СССР*]. 1949. Т. 1, с. 119—240.
Młynarski Z. Z dziejów demokracji polskiej. Lud polski. Dembowski. Ściegienny. Warszawa. 1946. 110 s.
Stecka M. Edward Dembowski.— *Przegląd historyczny*. Warszawa. 1911. T. 12, s. 43—70, 185—209.
Werfel R. Dembowski i Szela. Rok 1846. — *Twórczość*. 1946. N 2, s. 70—109.
Janik M. Zesłanie Jakoba Szeli na Bukowinę. — *Przegląd współczesny*. Kraków. 1934. T. 49, s. 65—83, 388—407.
Limanowski B. Wiktor Heltman. In: Szermierze wolności. Kraków. 1911, s. 112—177.
Łuczakówna H. Wiktor Heltman. 1796—1874. Poznań. 1935. 277 s.
Tyrowicz M. Sprawa ks. Piotra Ściegiennego. Warszawa. 1948. 203 s.
Paprocki F. Walenty Maciej Stefański jako rewolucjonista i działacz ludowy.—*Myśl współczesna*. Warszawa — Łodź. 1948. N 11—12, s. 75—81.
Stebelski P. Proces kryminalny Teofila Wiśniowskiego i towarzyszy o zbrodnię zdrady stanu. Opracował na podstawie źródel urzędowych... Lwów. 1909. 221 s.
Limanowski B. Stanisław Worcell. Życiorys. Wyd. 2-e. Warszawa. 1948. 462 s.

ИТАЛИЯ

ОБЩАЯ ЧАСТЬ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VI. С. 231—232: Первое деяние германского Национального собрания; с. 237—239: Внешняя политика Германии; с. 240: Письмо редактору газеты «Alba»; с. 241: Туринская «Concordia; с. 258—260: «Кельнская газета» об Италии.

Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VII. С. 90—93: Революционное движение в Италии; с. 102—104: Революционное движение; с. 335—343: Война в Италии. Поражение пьемонтцев.

Маркс К. и Энгельс Ф. Армии Европы.— Соч. Т. X, с. 661—665.

Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.— Избр. произв. Т. I. М.1948, с. 115.

Маркс К. Сардиния.— Соч. Т. XI. Ч. 1, с. 13—17.

Маркс К. Мадзини и Наполеон.— Соч. Т. XI. Ч. 1, с. 508.

Маркс К. Виллафранкский договор.— Соч. Т. XI. Ч. 2, с. 228—229.

Маркс К. Сицилия и сицилийцы.— Соч. Т. XII. Ч. 2, с. 54—55.

Маркс К. Россия использует Австрию. — Варшавский Конгресс. — Соч. Т. XII. Ч.2, с. 153.

Маркс К. Письмо И. Вейдемейеру. 11 сентября 1851 г.— Соч. Т. XXV, с. 112. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 49—50.

Энгельс Ф. Революционные движения 1847 года.— Соч. Т. V, с. 239—249.

Энгельс Ф. Начало конца Австрии.— Соч. Т. V, с. 250—256.

Энгельс Ф. Несколько слов газете «Riforma».— Соч. Т. V, с. 257—258.

Энгельс Ф. По и Рейн.— Соч. Т. XI. Ч. 2, с. 1—50.

Энгельс Ф. Как Австрия держит в своих руках Италию.— Соч. Т. XI. Ч. 2, с. 76—82.

Энгельс Ф. Стратегия войны.— Соч. Т. XI. Ч. 2, с. 183.

Энгельс Ф. Савойя и Ницца.— Соч. Т. XII. Ч. 2, с. 27.

Энгельс Ф. Заметки о войне в Германии.— Соч. Т. XIII. Ч. 1, с. 178.

Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. 23 сентября [1851 г.] — Соч. Т. XXI, с. 271. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 51—52.

Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. 21 октября 1858 г.— Соч. Т. XXII, с. 364.

Ленин В. И. Под чужим флагом.— Соч. Т. 21, с. 117—129.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

Мизиано К. Годовщина революции 1848—1849 гг. в Италии и основные течения ее новейшей историографии.— *Вопросы истории.* 1950. № 5, с. 119—133.

Berkeley G. F. H. Some fresh documents concerning the Italian Risorgimento before 1849. Annual Italian lecture of the British Academy 1940. L. 1940. 23 p.

Bourgin G. Les études relatives à la période du Risorgimento en Italie (1789—1870). P. 1911. 96 p.

Bourgin G. Italie. Epoque du Risorgimento.— *Revue hist.* 1923. T. 144, p. 67—81, 201—244.

Lemmi F. Il Risorgimento. Roma. 1926. 320 p. (Guide bibliografiche. 23—24.)

Marchetti L. Il 1848. Fonti bibliografiche e documentarie esistenti presso l'Istituto [per la storia del Risorgimento italiano]. Milano. 1948. 217 p.

Masi E. Storia del Risorgimento nei libri: bibliografia ragionata. Bologna. 1911. 194 p.

Rosselli N. Studi sul Risorgimento italiano (dal 1912 in poi). In: **Rosselli N.** Saggi sul Risorgimento e altri scritti. [Cambridge, Mass.] 1946, p. 303—329. [Написано в 1930 или 1931 г.]

ИСТОЧНИКИ

Документы

См также документацию в отдельных итальянских государствах.

Protocollo della Giovine Italia. Vol. 1—6. Imola. 1915—1922.

Le Assemblee del Risorgimento. Atti raccolti e pubblicati per deliberazioni della camera dei deputati. I—XV. Roma. 1911. [I. Prefazione generale. Piemonte— Lombardia — Bologna — Modena — Parma. II. Venezia. III—V. Toscana. VI—IX. Roma. X—XI. Napoli. XII—XV. Sicilia.]

Carte segrete e atti ufficiale della polizia Austriaca in Italia dal 4 giugno 1814 al 22 marzo 1848. Vol. 1—3. Capolago. 1851—1852.

Documenti della rivoluzione italiana del 1847—1849 in rapporto all'Italia. Vol. 1—3. Torino. 1850—1851.

Correspondence respecting the affairs of Italy. Presented to both Houses of Parliament, July 1849. Pt. 1—4. 1846—1849. L. 1849. (Foreign office reports.)

Периодическая печать

Il Contemporaneo. Giornale politico. Roma.

Diario di Roma. 1814—1847. Продолжением является: *Gazzetta di Roma.* 17 genn. 1848—29 genn. 1849. Продолжением

является: *Monitore Romano*. Giornale officiale della Repubblica. 30 genn.—3 luglio 1849. Продолжением является: *Giornale di Roma*. 6 luglio 1849—31 dic. 1869.
Il Don Pirlone. Giornale di caricature politiche. Roma.
L'Italia del Popolo. Giornale dell'Associazione Nazionale. Roma.
La Speranza dell'Epoca. Roma.
La Concordia. Torino.
Il Mondo illustrato. Torino.
Il Risorgimento. Torino. [Основатель и первый редактор Кавур.]
L'Alba. Firenze.
La Patria. Firenze.
La Libertà. Napoli.
La Voce del Popolo. Milano.
Gazzetta di Venezia. [Офиц.]
L'Indipendente. Venezia.
Il Libero italiano. Venezia.
L'Operajo. Venezia.
Il Precursore. Venezia.
Список остальных газет см. в кн.:
Spada G. Storia della Rivoluzione di Roma. Vol. 1. Firenze. 1868. Cap. 17, p. 321—342.

Мемуары. Работы современников

Герцен А. И. Былое и думы. Изд. испр. и доп. под ред. Ф. М. Левина, И. С. Новича, С. Я. Штрайха. Т. 3. Ч. 5. М. 1938. 580 с.
Герцен А. И. Письма из Франции и Италии. С того берега. М.—Л. 1931, XI, 480 с.
Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений. Под общей ред. П. И. Лебедева-Полянского. Т. 5. М. 1941. 651 с. [См. статьи об Италии.]
Balbo C. Sommario della storia d'Italia d'alla origine fino al nostri giorni. 10a ed. accresciuta dallo scrittore. Firenze. 1856. 520 p.
Ferrari G. Histoire des révolutions d'Italie. P. T. 1—4. 1858. Доп. ит. изд.: Storia delle rivoluzioni d'Italia, prima ed. italiana rived. ed aum. dall'autore. Vol. 1—3. Milano. 1870—1873.
Gualterio F. Gli ultimi rivolgimenti italiani. Memoire storiche. 3a ed. conforma ai desiderii dell'autore. Vol. 5—6. Napoli. 1862.
Montanelli G. Il Partito nationale italiano, le sue vicende e le sue speranze. Torino. 1856. 86 p.
Quinet E. Les révolutions de l'Italie. P. 1874. 536 p. (Oeuvres complètes.) [1-re éd.: T. 1—2. 1848—1852.] См. кн. IV, гл. 3—4.
Ricciardi J. N. Histoire de la révolution d'Italie en 1848. Suivie d'un aperçu sur les événements de six premiers mois de 1849. P. 1849. XVI, 356 p.
Saccardi A. Le rivoluzioni e republiche italiane del 1848 e 1849, specialmente di Roma e Piemonte, di Napoli e di Toscana. Napoli. 1854. XX, 291 p.
Soria D. Histoire générale de l'Italie de 1846 à 1850. Vol. 1—2. P. 1859. Перевод 1-го тома: **Сория Д.** Общая история Италии с 1846 по 1850 г. Т. 1. СПб. 1863. 262 с.
Vecchi C. A. L'Italia. Storia di due anni, 1848—1849. 2a ed. Vol. 1—2. Torino. 1856.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Луначарський А. Революцiя в Италiї 1848 року. [Харкiв.] 1925. 40 с.
Тарле Е. В. История Италии в новое время. СПб. 1901. 190 с. (История Европы по эпохам и странам в средние века и в новое время.)
Anzilotti A. Movimenti e contrasti per l'unità italiana. A cura di L. Russo. Bari. 1930. XII, 260 p.
Atti e memorie del XXVII congresso nazionale. Milano—19—20—21 marzo 1948. Milano. [1948] 763 p. (Istituto per la storia del Risorgimento italiano. Comitato di Milano.)
Berkeley G. F. H. Italy in the making. 1815 to 1846. Cambridge. 1932. XI, p. 292
Berkeley G. F. H. and **Berkeley J.** Italy in the making. June 1846 to 1 January 1848. Cambridge. 1936. XIV, 374 p.
Berkeley G. F. H. Italy in the making. January 1st 1848 to November 16th 1848. Cambridge. 1940. XXVII, 489 p.
Bourgin G. La formation de l'unité italienne. P. 1929. 219 p.
Ciasca R. L'origine del «Programma per l'opinione nazionale italiana» del 1847—1848. Roma. 1916. [6,] 623 p. (Biblioteca storica del Risorg. ital. Ser. 8. N. 3.)
Dito O. Massoneria, carboneria e altre società segrete nella storia del Risorgimento italiano. Torino — Roma. 1905. X, 441 p.
Giovagnoli R. Risorgimento italiano dal 1813 al 1848. Milano — Bari. S. a. XXVIII, 900 p. (Storia politica d'Italia. Scrita da una società di professori.)
Gori A. Gli albori del socialismo (1755—1848). Firenze. 1909. 435, XXXVIII p.
Gori A. Storia della rivoluzione italiana durante il periodo delle riforme (1846—14 marzo 1848). Firenze. 1897. VII, 518 p.
Gramsci A. Il Risorgimento. Torino. 1949. XIV, 235 p. (Opere di Antonio Gramsci. Vol. 4. 2a ed.)
Hartmann L. M. Hundert Jahre italienischer Geschichte (1815—1915). München. 1916. 215 S.
King B. A history of Italian unity being a political history of Italy from 1814 to 1871. Vol. 1. L. 1899. XVIII, 416 p. Перевод: **Кинг Б.** История объединения Италии. Т. 1. Пер. с англ. Н. Кончевской, со вступ. словом автора для русск. изд. М. 1901. XIII, 430 с.

Masi E. Il Risorgimento italiano. Vol.1—2. Firenze. 1917.
Il 1848. Raccolta di saggi e testimonianze. Roma. [1949.] 153 p. (Quaderni di Rinascita).
Monti A. L'Italia alla conquista della libertà. Il triennio rivoluzionario, 1846—1849. Milano. 1946. 197 p.
Orsi P. L'Italia moderna. Storia degli ultimi 150 anni. 6a ed. Milano. 1928. XVI, 564 p. Перевод: **Орси П.** Современная Италия. История последних 150 лет до вступления на престол Виктора Эммануила III. Пер. с итал. О. Шенрок. Под ред. Г. Форстена. СПб. 1907. 353 с.
Solmi A. The making of modern Italy. With an introd. by A. del Re. L. 1925. XXI, 231 p.
Tivaroni C. L'Italia durante il dominio austriaco (1815—1849). T. 1—3. Torino — Roma. 1892—1894.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Tournon Ph. M. C. Études statistiques sur Rome et la partie occidentale des Etats romains... 2-e éd. T. 1—2. P. 1895.

Agnelli A. Il fattore economico nella formazione dell'unità italiana.— *Il Risorgimento ital.* 1913. Marzo — aprile, p. 253—278; maggio — giugno, p. 471—488.
Bachi R. L'economia e la finanza delle prime guerre par l'independenza d'Italia. Roma. 1930. 123 p.
Barbagallo C. Le origine della grande industria contemporanea (1750—1850). Vol. 2. Perugia — Venezia. 1930. 417 p.
Ciasca R. L'evoluzione economica della Lombardia dagli inizi del secolo XIX al 1860. In: La cassa di risparmio delle provincie Lombarde... Milano. [1923], p. 343—405.
Greenfield K. R. Economics and liberalism in the Risorgimento. A study of nationalism in Lombardy. 1814—1848. Baltimore. 1934. XIV, 365 p.
Jacini S. La proprietà fondiaria e le popolazioni agricole in Lombardia. Studi economici. In: Biblioteca economista. Ser. 2. Vol. 2. Torino. 1860, p. 359—540.
Morandi R. Storia della grande industria in Italia. Bari. 1931. 300 p.
Morpurgo E. Saggi statistici ed economici sul Veneto. Padova. 1868. 535 p.
Prato G. Fatti e dottrine economiche alla vigilia del 1848. L'assaciazione agraria subalpina e C. Cavour. In: Biblioteca di storia italiana recente (1800—1870). Vol. 9. Pt. 2. Torino. [1920,] p. 133—484.
Pugliese S. Iniziative per promuovere l'attività economica in Lombardia nella prima metà del secolo XIX. In: La cassa di risparmio delle provinzie Lombarde... Milano. [1923], p. 407—445.
Sombart W. Die römische Campagna. Eine sozialökonomische Studie. Lpz. 1888. 180 S. (Staats- und sozialwissenschaftliche Forschungen. Hrsg. von G. Schmoller. Bd 8. Hft 3.)

ДЕЯТЕЛИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

Адзелио

D'Azeglio M. Scritti e discorsi politici Per M. de Rubris. Vol. 1. 1846—1848. Firenze. [1931.] XXIII, 557 p. (Documenti di storia italiana. Nuova serie.)
D'Azeglio M. Lettere a sua moglie Luisa Blondel. Per cura di C. Carcanc. Milano. 1870. XVI, 536 p.
D'Azeglio M. L'Italie de 1847 à 1865. Correspondance politique. Accomp. d'une introd. et de notes par E. Rendu. P. 1867. XXXVIII, 416 p.
См. также с. 536: **D'Azeglio M.** I lutti di Lombardia...
Massimo d'Azeglio alla guerra dell'indipendenza nel 1848. Documenti inediti pubbl. a cura di G. Sforza. Modena. 1911. 190 p.
Гревс И. М. Массимо д'Адзелио. (Жизнь и творчество.) В кн.: **Д'Адзелио М.** Этторе Фьерамоска или Барлетский турнир. М.—Л. 1934, с. 7—64.
Vacalluzzo N. Massimo d'Azeglio. Roma. 1925. 412 p.
См. также ниже: Пьемонт, с. 534.

Бальбо

Balbo C. Della speranze d'Italia. 5a ed. Firenze. 1855. 511 p. [1a ed.: P. 1843.]
Balbo C. Lettere di politica e letteratura... prec. da un discorso sulle rivoluzioni del medesimo autore. Firenze. 1855. 468 p.
См. также с. 529: **Balbo C.** Sommario della storia d'Italia...
Manno A. Il primo ministro costituzionale in Piemonte. Appunti inediti di F. Sclopis. — *Rivista storica.* 1908. I. p. 66—74.
Passamonti E. La formazione ed il programma del ministero Balbo. Città di Castello. 1914. 24 p.
Ricotti E. Della vita et degli scritti del conte Cesar Balbo: rimembranze. Firenze. 1856. 470 p.

Гарибальди

Garibaldi G. Epistolario, raccolto et annotato da E. Ximenes. Vol. 1—2. Milano. 1885.
Garibaldi G. Le memorie. >. Bologna. [1933.] (Edizione nazionale degli scritti di G. Garibaldi. Vol. 1—2.) Перевод: **Гарибальди Дж.** Мои мемуары. Сокр. пер. под ред. и с предисл. и примеч. М. Левидова. [М.] 1931. 193 с.

Garibaldi G. Scritti e discorsi politici e militari. Vol. 1 (1838—1861). Bologna.1934. XVII, 431 p. (Edizione nazionale degli scritti di G. Garibaldi. Vol. 4.)

Лурье А. Я. Джузеппе Гарибальди. М. 1939. 102 с.

Guerzoni G. Garibaldi. [Nuova ed.] Con pref. di G. E. Curatulo. Firenze. 1926. XV, 458 p.

Lumbroso G. Garibaldi. Firenze. [1938.] 361 p.

White Mario J. Garibaldi e i suoi tempi. Milano. 1905. VIII, 391 p.

См. также с. 535: **Loevinson E.** Giuseppe Garibaldi..; **Trevelyan G. M.** Garibaldi's defence of the Roman republic...

Джоберти

Gioberti V. Del primato morale e civile degli italiani. 2a ed. corr. e accresciata dall'autore. Bruxelles. 1845. CDLI, 621 p. [1a ed.: 1843.]

Gioberti V. Delle condizioni presenti e future d'Italia. L. 1848. 103 p.

Gioberti V. Del rinnovamento civile d'Italia. Vol. 1—2. Parigi — Torino. 1851.

Gioberti V. Ricordi biografici e carteggio. Raccolti per cura di G. M a s s a r i. Vol. 2—3. Torino. 1857. (Opere inedite di V. Gioberti. Vol. 8—10.)

Gioberti V. Operette politiche. Vol. 1—2. Napoli — Torino. 1863. (Opere di V. Gioberti. Vol. 21—22.)

Gioberti V. e **Massari G.** Gioberti —Massari. Carteggio (1838—1852). Pubbl. e ann. da G. B a l s a m o - C r i v e l l i. Torino — Milano. 1920. XI, 609 p.

Berti D. Di V. Gioberti reformatore politico e ministro. Firenze. 1881. XCI, 260 p.

Guisso L. Gioberti. Milano. 1948. 342 p.

См. также ниже: Пьемонт, с. 534.

Кавур

Cavour C. Discorsi parlamentari. Vol. 1. 1848 — 1850. Firenze. [1932.] CXV, 473 p.

Добролюбов Н. А. Полное собрание сочинений. Под общ. ред. П. И. Л е б е д е в а - П о л я н с к о г о. Т. 5. М. 1941. 651 с. См. статьи: Два графа, с. 61—77; Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура, с. 131—175.

Чернышевский Н. Г. Граф Кавур. В кн.: **Чернышевский Н. Г.** Полное собрание сочинений. Т. 7. М. 1950, с. 669—684.

Matter P. Cavour et l'unité italienne. 1—2. P. 1925—1926.

Whyte A. J. The early life and letters of Cavour, 1810—1848. Oxford — London. 1925. XIX, 384 p.

Whyte A. J. The political life and letters of Cavour, 1848—1861. L. 1930. XV, 470 p.

Мадзини

Mazzini G. Scritti editi ed inediti. Vol. 1—47. Imola. 1906—1926. (Edizione nazionale degli scritti di G. Mazzini.)

Canestrelli G. Bibliografia degli scritti di G. Mazzini. Roma. 1892. 122 p.

Lodolini A. Bibliografia Mazziniana. Milano. 1932. 93 p. (Collezione di manuali bibliografici e guide di lettura. N 16—17.)

King B. Mazzini. London — Torino. [1919.] XII, 380 p.

Salvemini G. Mazzini. Catania. 1915. [6,] 292 p.

Solmi E. Mazzini e Gioberti. Con pref. di A. . S o l m i. Milano — Roma. 1913. XX, 467 p. (Biblioteca storica del Risorg. ital. S. 7. N 8.)

White Mario J. Della vita di G. Mazzini. Milano. 1905. XII, 499 p.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ОТДЕЛЬНЫХ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОСУДАРСТВАХ

КОРОЛЕВСТВО ОБЕИХ СИЦИЛИЙ

Documenti della rivoluzione siciliana del 1848—1849 in rapporto all'Italia, illustrati da G. La M a s a. Vol. 1—3. Torino. 1850—1851.

Correspondence respecting the affaires of Naples and Cicily, 1848—1849. Presented to both Houses of Parliament. L. 1849. XV, 723, 107 p.

Memorie della rivoluzione siciliana dell'anno 1848. Pubbl. nel 50-simo anniversario del 12 gennaio di esso anno. Vol. 1—2. Palermo. 1898.

Добролюбов Н. А. Непостижимая странность. (Из неаполитанской истории.) В кн.: **Добролюбов Н. А.** Полное собр. соч. Т. 5. М. 1941, с. 3—60.

Amari M. Carteggio. Raccolto e postillato da A. d ' A n c o n a. Vol. 1—2. Torino. 1896.

Amari M. La Sicile et les Bourbons. P. 1849. 108, 2, 30 p.

Calvi P. Memorie storiche e critiche della rivoluzione siciliana del 1848. Vol. 1—5. L. 1851—1857.

La Farina G. Storia documentata della rivoluzione siciliana e delle sue relazioni co'governi Italiani e stranieri (1848—1849). (Documenti della guerra santa d'Italia.) T. 1—2. [Capolago. 1850—1851.]

La Masa G. Della guerra insurrezionale in Italia tendente a conquistare la nazionalità. Memorie. Torino. 1856. XXIV, 216 p.

Massari G. Atti e documenti del prozesso di maestà per gli avvenimenti del 15 maggio 1848 in Napoli. Torino. 1851. XLVIII, 247 p.
Massari G. I casi di Napoli dal 29 gennaio 1848 in poi: lettere politiche per G. Massari, ex deputato al parlamento Napolitano. 2a ed., rev. da G. Orlandi. Trani. 1895. CII, 292 p.
Petruccelli F. La rivoluzione di Napoli nel 1848. Nuova ed. a cura di F. Torraca. Milano — Roma, 1912. XIV, 239 p. (Biblioteca storica del Risorg. ital. Ser. 7. N 1.) [1a ed.: 1850.]
Rossi G. Storia de: rivolgimenti politici nelle Due Sicilie dal 1847 al 1850. Vol. 1—2. Napoli. 1851—1852.
Santoro R. Storia delle sedizioni, cangiamenti di stato e fatti d'arme del regno delle Due Sicilie nel 1848—1849. 2a ed. Napoli. 1850. 316, LXXX p.
Settembrini L. Ricordanze della mia vita. T. 1—2. Napoli. 1876—1880.

Coppola A. La vita di Giuseppe La Masa nella storia del Risorgimento italiano. Palermo. 1919. 439 p.
Gabrielli A. Settembrini. Milano. 1927. 235 p.
Guardione F. La rivoluzione siciliana degli anni 1848—1849. Milano. 1927. IX, 228 p.
La Sorsa S. Gli avvenimenti del 1848 in terra d'Otranto. Milano — Roma. 1911. 492 p. (Biblioteca storica del Risorg. ital. Ser. 6. N 9.)
La Varenne Ch. La révolution sicilienne et l'expédition de Garibaldi. P. 1860. IV, 256 p.
Mazziotti M. Costabile Garducci ed i moti del Cilento nel 1848. Vol. 1—2. Roma — Milano. 1909. (Biblioteca storica del Risorg. ital. Ser. 5. N 10, 11.)
Mondaini G. I moti politici del 48 e la setta dell'«Unità Italiana» in Basilicata. Milano — Roma. 1902. XII, 324 p. (Biblioteca storica del Risorg. ital. Ser. 3. N 9—10.)
Nicastro S. Dal quarantotto al sessanta. Contributo alla storia economica, sociale e politica della Sicilia nel sec. XIX. Milano — Roma. 1913. XIV, 453 p. (Biblioteca storica del Risorg. ital. Ser. 7. N 6.)
Nisco N. Gli ultimi trentasei anni del reame di Napoli (1824—1860). Ferdinando II. 4a ed. ampl. Napoli. 1897. 400 p.
Paladino G. Il governo napoletano e la guerra del 1848. Con introd. di E. Rotta. Milano — Roma. 1921. XLIII, 112 p. (Biblioteca della «Nuova rivista storica». N 3.)
Paladino G. Il quindici maggio del 1848 in Napoli. Milano — Roma. 1920. XXIV, 587 p. (Biblioteca storica del Risorg. ital. Ser. 8. N 8.)
Sforza G. La constituzione napoletana de 1848 e la giornata del 15 maggio. In: Biblioteca di storia italiana recente (1800—1870). Vol. 9. Pt. 3. Torino. S. a. P. 485—605.

ЛОМБАРДО-ВЕНЕЦИАНСКАЯ ОБЛАСТЬ

Ломбардия

Archivio triennale delle cose d'Italia dell'avvenimento di Pio IX all'abbandono di Venezia. Ser. 1. Vol. 1—3. Capolago. 1850—1855. [Сборник документов, составленный C. Cattaneo Изд. не закончено.]
Marchetti L. 1848. Il Governo provisorio della Lombardia. Attraverso i processi verbali delle sedute del Consiglio. [Verona. 1948.] 513 p. (Biblioteca storica fondata da A. Omodeo. Studi sul Risorgimento.) [Документы, с. 61—513.]
Raccolta dei decreti, avisi, proclami, bolletini ec. ec. emananti dal Governo provisorio, dai diversi comitati 1848 e da altri dal giorno 18 marzo 1848 in avanti. Vol. 1—2. Milano. [1848.]
Gli ultimi tristissimi fatti di Milano narrati dal Comitato di publica difesa. 2a ed. [Lugano. 1848.] 52 p.

Baracchi, F. Lutti e glorie di Milano dal settembre 1847 al marzo 1848. Milano 1848. 108 p.
Bolletino storico della rivoluzione di Milano di marzo 1848. Compilato giornalmente de un cittadino. Bologna. [1848.] 12 p.
Cantù I. Storia ragionata e documentata della rivoluzione lombarda. Milano. 1848. 188 p.
Casati G. e **Castagnetto C. T.** Carteggio Casati — Castagnetto (19 Marzo — 14 Ottobre 1848), pubbl. con annot. storiche a cura di V. Ferrari. Milano. 1909. CI, 325 p. (Società per la storia del Risorg. ital. Biblioteca scientifica. Ser. Carteggi. Vol. 1.)
Cassola C. Insurrezione di Brescia ed atti ufficiali durante il marzo 1849. Capolago. 1849. 144 p. (Documenti della guerra santa d'Italia.)
Cattaneo C. L'insurrezione di Milano nel 1848 e la successiva guerra. Nuova ed. a cura di G. Macaggi. Città di Castello. 1921. XIX, 212 p. [1a ed.: 1848.]
Correnti C. I dieci giorni dell'insurrezione di Brescia nel 1849. Torino. 1849. 193 p.
Correnti C. Scritti scelti a cura di T. Massarini. Vol. 2. 1848—1859. Roma. 1892. XI, 632 p.
Mazzini G. Cenni e documenti intorno all'insurrezione lombarda e alla guerra regia del 1848. Bruxelles. 1850. 128 p.
Radetzky J. Die Märztage des Jahres 1848 in Mailand. Original-Aufzeichnungen Radetzkys.— *Oesterr. Rundschau.* 1908. Bd 14. S. 339—348.

Reiset G. A. Mes souvenirs. Les débuts de l'indépendance italienne. Préf. par R. Clery. 2-e éd. P. 1903. VII, 479 p.
Il risorgimento italiano in un carteggio di patriotti lombardi 1821—1860 a cura di A. M e l v e z z i. Milano. 1924. XLV, 574 p.
Trivulzio di Belgioioso Ch. L'Italia e la rivoluzione italiana nel 1848. Lugano. 1849. 105 p.
Visconti-Venosta G. Ricordi di gioventù. Cose vedute o sapute 1847—1860. 5a ed. Milano. 1925. 345 p.
См. также с. 524.: **Hübner A.** Ein Jahr meines Lebens...

Кирова К. Об участии ломбардского крестьянства в революционных событиях 1848 г.— *Вопросы истории.* 1949. № 7, с. 112—117.
Casati C. Nuove rivelazioni sui fatti di Milano nel 1847—1848 tratte da documenti inediti. T. 1—2. Milano. 1885.
Gallavresi G. Les français à Milan. A la veille de la capitulation du 5 août 1848.— *Révolution de 1848.* 1906—1907. T. 3, p. 177—184.
Gori A. Milano fra il cadere, del luglio e l'entrare dell' agosto 1848. Roma. 1901. 156 p. (Biblioteca storica del Risorg. ital. Ser. 2. N 11.)
Luzio A. Le cinque giornate di Milano nelle narrazioni di fonte austriaca. Roma. 1899. XII, 241 p. (Biblioteca storica del Risorg. ital. N 9.)
Marchetti L. La Lombardia et il Piemonte nel 1848. Milano. 1940. 324 p.
Monti A. Il 1848 e le cinque giornate di Milano. Dalle memorie inedite dei combattenti sulle barricate. Milano. 1948. 275 p. [Appendice: p. 204—275.]
Monti A. La politica del Governo provisorio di Lombardia. Milano, 1946.
Ottolini V. Le 5 glornate milanesi dei marzo 1848. Con nuovi documenti... Milano. 1889. 160 p.
Ottolini V. La rivoluzione lombarda del 1848 e 1849. Milano. 1887. XIV, 672 p.
Pagani C. Uomini e cose in Milano dal marzo all'agosto 1848. Milano. 1906. 590 p.
Ugoletti A. Brescia nella rivoluzione del 1848—1849. Bologna. 1899. CXLIV, 159 p.

Каттанео

Cattaneo C. Considerazioni sulle cose d'Italia nel 1848. A cura di C. S p e l l a n z o n. Torino. 1942. XCII, 189 p.
Cattaneo C. Notizie naturali e civili su la Lombardia... Milano. [1925.] XXXVIII, 292 p. (Scritti completi editi ed inediti di C. Cattaneo... Economia pubblica. Vol. 1.)
Cattaneo C. Scritti politici ed epistolario, pubbl. da D. R o s a e J. W h i t e M a r i o (1836—1848). Firenze. 1892. 418 p.
См. также выше с. 504: **Cattaneo C.** L'insurrezione di Milano...
Zanoni E. Carlo Cattaneo nella vita e nelle opere. Roma. 1898. XIII, 335 p.

Венеция

Bollettino ufficiale degli atti legislativi del Governo provisorio della Repubblica Veneta. Venezia. 1848—1849.
Raccolta per ordino chronologico di tutti gli atti, decreti, nomine ecc. del Governo provisorio della Repubblica Veneta. Vol. 1—8. Venezia, 1848—1849. [Большой документальный материал не только по Венеции, но и по всей Италии.]
Documents et pièces authentiques [laissés par D. Manin]. Trad. sur les originaux et annotés par F. P l a n a t d e l a F a y e. T. 1—2. P. 1860.

Barnaba D. Da 17 marzo a 14 ottobre 1848. Ricordi. 2a ed., rived. e corr. dall'autore. S. Vito al Tagliamento. 1891. 205 p.
Carrano F. Della difesa di Venezia negli anni 1848—1849. Narrazione. Geneva. 1850. 306 p.
Contarini P. Memorie veneto storico politico. Dal 18 marzo 1848 al 26 agosto 1849. Capolago. 1850. 229 p.
D'Azeglio M. Relazione succinta delle operazioni del generale Durando nello stato Veneto. Milano. 1848. 30 p.
Dall'Ongaro F. Venezia l'11 agosto 1848. Memorie storiche. [Capolago. 1850.] 114p.
De Giorgi A. Venezia nel 1848 e 1849.— *Archivo Veneto.* 1876. Vol. 11, p. 1—50.
Degli Alberti M. Alcuni episodi del Risorgimento italiano, ill. con lettere e memorie inedite del generale marchese C. E. Ferrero Della Marmora... Torino. 1906. 270 p.
La Forge A. Histoire de la République de Venise sous Manin, T. 1—2. P. 1853.
La Repubblica veneta dei 102 giorni nel 1848. [Venezia.] 1850. 86 p.
Tommaseo N. e **Capponi G.** Carteggio inedito dal 1833 al 1874. Per cura di I. D e l L u n g o e P. P r u n a s. Vol. 2—3. Bologna. [1914—1920.]
Venezia e Daniel Manin. Ricordi racolti da R. F u l i n.— *Archivio Veneto.* 1875. Vol. 9, p. V — CCXXVII.

Авсеенко В. Борьба Венеции с Австрией в 1848—1849 гг.— *Вестник Европы.* 1866. Т. 3, с. 285—326; т. 4, с. 255—302.
Marchesi V. Storia documentata della rivoluzione e della difesa di Venezia negli anni 1848—1849, tratta da fonti italiani ed austriache. Venezia. 1916. 562 p.
Meneghello V. Il quarantotto a Vicenza. Storia documentate. 3a ed. rifusa ed aum. Vicenza. 1898. XIII, 247 p.
Trevelyan G. M. Manin and the Venetian revolution of 1848. L.— N. Y. 1923. XV, 284 p.

Manin D. Lettere inedite, pubbl. da I s o t t o. Venezia. 1904. 55 p.
Manin D. Lettere a G. Pallavicino. Con note e documenti sulla questione italiana. Torino. 1859. 189 p.
Il processo criminale politico di Daniele Manin, religiosamente custodito da F. F e d e r i g o... (Con accenni storici, documenti ed annotazioni.) Venezia. 1866. XLIV, 147 p.
Rovani V. Di Daniele Manin presidente e dittatore della repubblica di Venezia (1848—1849). Memoria storica. Capolago. 1850. 212 p. (Documenti de la guerra santa d'Italia.)
Errera A. Daniel Manin e Venezia (1804—1853). Narrazione. Firenze. 1875. VI, 524 p.
Martin H. Daniel Manin. Préc. d'un souvenir de Manin par E. Legouvé. P. 859. XXIV, 423 p.

ПЬЕМОНТ

См. также: Общая часть. Деятели... Адзелио, Бальбо, Джоберти, с. 530—531.

Статут Итальянского королевства (4 марта 1848 г.). В кн.: Конституции буржуазных стран. Т. 1. М.— Л. 1935, с. 142—149. [Статут повторяет без изменений текст пьемонтской конституции Карла Альберта от 4 марта 1848 г.]
Statuto di Carlo Alberto secondo i processi verbali del Consiglio di Conferenza dal 3 febraio al 4 marzo 1848 a cura di D. Z a n i c h e l l i. Roma. 1898. XVII, 132 p. (Biblioteca storica del Risorg. ital. N 7.)

Bianchi N. La politica di M. d'Azeglio dal 1848 al 1859. Documenti... Torino. 1884. VII, 278 p.
Brofferio A. Storia del Piemonte dal 1814 al giorni nostri. Pt. 3. Regno di Carlo Alberto. Vol. 2. Torino. 1851. 245 p.
Carlo Alberto re di Sardegna. Memorie inedite del 1848. Trad. sugli autografi francesi... pubbl. e comment. da A. L u m b r o s o con uno studio sulla Campagna del 1848... Milano. 1935. 495 p.
D'Azeglio C. Souvenirs historiques de la marquise Constance d'Azeglio. Rome. 1884. XIII, 682 p.

Bianchi N. Storia della monarchia piemontese dal 1773 sino al 1861. Vol. 4. Torino. 1885.
Chiala L. Une page d'histoire du Gouvernement représentatif en Piémont. Turin — Paris. 1858. XLVIII, 303 p.
Chiala L. La vita di tempi del generale Giuseppe Dabormida. Regno di Carlo Alberto. 1848—1849. Con documenti ined. Torino. 1896. XXXIII, 524 p.
Colombo A. Dalle riforme allo statuto di Carlo Alberto. Casale. 1924. XLI, 203 p. (Pubbl. del Comitato piemontese della Soc. per la storia del Risorg. ital. Vol. 5.)
Crosa E. Lo statuto del 1848 e l'opera del ministro Borelli. Con lettere inedite di Carlo Alberto.— *Nuova antologia.* 1915. Ser. 5. Vol. 177, p. 533—541.
Passamonti E. Il giornalismo giobertino in Torino nel 1847—1848. Milano — Roma. 1914. 474 p. (Biblioteca storica del Risorg. ital. Ser. 7. N 9.)
Tavallini E. La vita e i tempi di Giovani Lanza. Memorie ricavate de suoi scritti... Vol. 1—2. Torino — Napoli. 1882.
Vidal C. Charles-Albert et le Risorgimento italien (1831—1848.) P. 1927. 632 p.

РИМСКОЕ ГОСУДАРСТВО

См. также: Общая часть. Деятели... Гарибальди, с. 530; Мадзини, с. 531.

Documenti sul governo pontificio e sullo stato romano, pubbl. da A. G e n n a r e l l i. Vol. 1—2. Prato. 1860.
Statuto fondamentale del governo temporale degli Stati di s. chiesa. Roma. 1848. 24 p. [Подписано: Pius, papa IX.]

Пинто М. Пий IX и революция (Из записок очевидца: 1848 и 1849 гг.)— *Вестник Европы.* 1867 г. Июнь, с. 257—299; декабрь, с. 233—275.
Попов А. Рим в 1847 и 1848 годах. СПб. 1871. 117 с.
Comandini F. Conspirazioni di Romagna e Bologna, nelle memorie di F. Comandini e di altri patrioti del tempo (1837—1857). Con documenti ined. Per cura di A. C o m a n d i n i. Bologna. 1899. VIII, 668 p.
Farini L. C. Lo stato romano dell'anno 1815 al 1850. 3a ed. Vol. 2—4. Firenze. 1853.
Gabussi G. Memorie per servire alla storia della rivoluzione degli Stati Romani. Vol. 1—3. Genova. 1852.
Mamiani T. Lettere dall'esilio. Raccolte e ordinate da E. V i t e r b o. Vol. 2. 1846—1849. Roma. 1899. XVI, 399 p. (Biblioteca storica del Risorg. ital. Ser. 2. N 5—6.)
Mamiani T. Scritti politici. Firenze. 1853. XIX, 547 p.
Minghetti M. e Pasolini G. Carteggio tra M. Minghetti e G. Pasolini per cura di G. Pasolini. Vol. 1 (1846—1854). Torino. 1924. 274 p.
Orsini F. Vita e memorie... Ed. nuovissima. Vol. 1—2. Firenze. 1863—1864. Перевод: **Орсини Ф.** Воспоминания. С прил. впервые публикуемых архивных документов. [М.—Л.] 1934. 552 с.
Saffi A. Ricordi e scritti pubbl. per cura del municipio di Forli. Vol. 2—3. [Storia di Roma dal giugno 1846 al febraio 1849.] Firenze. 1893—1898.

Demarco D. Il tramonto dello stato pontifico. Napoli. 1949.

Demarco D. Pio IX e la rivoluzione romana. Saggio di storia economico-sociale. Napoli. 1948.

Giovagnoli R. Pellegrino Rossi e la rivoluzione romana su documenti nuovi. Vol. 1—3. Roma. 1898—1911.

Giovagnoli R. Cireruacchio e Don Pirlone. Ricordi storici della rivoluzione Romana dal 1846 al 1849 con documenti nuovi. Vol. 1. Roma. 1894. 562 p.

Ledermann L. Pellegrino Rossi, l'homme et l'économiste. 1787—1848. Avec de nombreux documents inédits. P. 1929. 376 p.

Matter P. Rome et la Révolution de 1848.— *Annales de l'Ecole libre des sciences politiques*. 1893. T. 8, p. 596—619. 1894. T. 9, p. 145—169.

Spada G. Storia della rivoluzione di Roma e della restaurazione del governo pontificio dal 1 giugno 1846 al 15 luglio 1849. Vol. 1—3. Firenze. 1868—1869.

Римская республика

Actes officiels de la République Romaine depuis le 9 février jusqu'au 2 juillet 1849. Extrait et trad. du Moniteur Romain. P. [1849.] VI, 195 p.

Bolletino delle leggi, proclami, circolari, rigolamenti ed altre disposizione della repubblica romana. Roma. 1849. 1912 p.

Protocollo della Repubblica romana. Collezione degli atti indirizzi e proteste transmesse all'Assemblea ed al governo dopo l'invasione francese. Roma. 1849. VII, 674 p.

Del Vecchio B. L'assedio di Roma. Racconto storico. [Capolago.] 1849. 204 p. (Documenti della guerra santa d'Italia.)

Del Vecchio B. L'assedio ed il blocco d'Ancona (maggio e giugno 1849). Capolago. 1850. 204 p. (Documenti della guerra santa d'Italia.)

Del Vecchio B. Bologna nel maggio 1849. Cronaca. [Capolago.] 1849. 112 p. (Documenti della guerra santa d'Italia.)

Hoffstetter G. Tagebuch aus Italien 1849. Zürich. 1860. VII, 456. Также под загл.: Garibaldi in Rom. 1849. [1. Aufl.: 1851].

Lazzarini G. Diario epistolare. (Roma dal 10 febr. al 7 luglio 1849.) A cura di G. Mazzatinti. Roma. 1899. 255 p. (Biblioteca storica del Risorg. ital. Ser. 2. N 1.)

L'8 agosto 1848 in Bologna. Notizie e documenti raccolti e pubbl. da D. Brasini. Bologna. 1883. 80 p.

Pasolini G. Memorie raccolte da suo figlio. 4a ed. Vol. 1—2. Torino. 1915.

Ruggeri E. Della ritirata di Garibaldi da Roma. Genova. 1850. 90 p.

Rusconi C. La Repubblica Romana de 1849. Vol. 1—2. Torino. 1850—1851

Torre F. Memorie storiche sull'intervento francese in Roma nel 1849. Vol. 1—2. Torino. 1851—1852.

Vaillant J. B. Siège de Rome en 1849 par l'armée française. Journal des opérations de l'artillerie et du génie publ. avec l'autorisation du ministre de la guerre. P. 1851.

Мизиано К. Ф. Подготовка контрреволюционной интервенции против Римской республики. В кн.: К столетию революции 1848 года. Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. А. Бендриковой. Изд. 2-е. М. 1949, с. 178—199.

Belluzzi R. La ritirata di Garibaldi da Roma nel 1849. Roma. 1899. VIII, 278 p. (Biblioteca storica del Risorg. ital. Ser. 1. N 10.)

Cesari C. La difesa di Roma nel 1849. Milano. 1914. VIII, 140 p.

De Cesare R. Roma e lo Stato del Papa dal ritorno di Pio IX al 20 settembre (1850—1870). Vol. 1 (1850—1860). Roma. 1907. 394 p.

Demarco D. Una rivoluzione sociale. La Repubblica romana del 1849 (16 nov. 1848—3 luglio 1849). Pref. di C. Barbagallo. Napoli. [1944.] 373 p. [Bibl., p. 361—373.]

Leti G. La revoluzione e la Repubblica romana (1848—1849). Milano. 1913. XV, 531 p.

Loevinson E. Giuseppe Garibaldi e la sua legione nello Stato Romano (1848—1849). Pt. 1—3. Roma. 1902—1907. (Biblioteca storica del Risorg. ital. Ser. 3, N 4—5. Ser. 4, N 6. Ser. 5, N 2.)

Trevelyan G. M. Garibaldi's defence of the Roman republic 1848—49. [2d ed.] New impr. L. 1919. XV, 387 p.

Об интервенции европейской контрреволюции см. также литературу к гл.: Международные отношения... Франция, с. 558.

ТОСКАНА

Documenti del processo di lesa maestà istruito nel tribunale di prima istanza di Firenze nelli anni 1849—1850. Firenze. 1850. 998 p.

Capponi G. Lettere... Raccolte e pubbl. da A. Carraresi. Vol. 1—5. Firenze. 1882—1887.

Giusti G. Epistolario edito ed inedito. Raccolto, ordinato e annotato da F. Martini. Vol. 3. Firenze. 1904. 581 p.

Giusti G. Memorie inedite (1845—1849). Pubbl. con proemio e note da F. Martini. Milano. 1915. LIX, 318 p.

Martini F. Il quarantoto in Toscana. Vol. 1. Diario inedito de conte L. Passerini di Rilli. Con introd., note. Firenze — Milano. [1918.] XXXVI, 592 p.

Montanelli G. Memorie sull'Italia e specialmente sulla Toscana, dal 1814 al 1850. 2a ed. Vol. 1—2. Torino. 1855.
Montanelli G. Nel processo politico contro il ministero democratico toscano. Firenze. 1852. 78 p.
Ricasoli B. Lettere e documenti. Pubbl. per cura dei M. Tabarrini e A. Gotti. Vol. 1—2. 1829—1859. Firenze. 1887.

Andriani G. Socialismo e communismo in Toscana tra il 1846 e il 1849. Milano — Roma. 1921. IV, 60 p. (Biblioteca della «Nuova rivista storica». N 24.)
Cappelletti L. Austria e Toscana. Sette lustri di storia (1824—1859). Torino. 1918. 456 p.
Gioli M. Il rivolgimento toscano e l'azione populare (1847—1860). Dai ricordi familiari del marchese F. Bartolommei. Firenze. 1905. XII, 314 p.
Hancock W. K. Ricasoli and the risorgimento in Tuscany. L. 1926. X, 320 p.
Sforza G. Garibaldi in Toscana nel 1848. Roma. 1897. 72 p. (Biblioteca storica del Risorg. ital. N 4.)

Гуеррацци

Guerrazzi F. D. Apologia della vita politica di Guerrazzi scritta da lui medesimo. Firenze. 1851. 825 p.
Guerrazzi F. D. Scritti politici. Torino — Milano. 1862. VIII, 845 p.
Bosio F. Opere — vita di F. D. Guerrazzi (40 lettere inedite). Milano. 1877. 333 p.

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1848—1849 ГГ.

Relazioni e rapporti finali sulla campagna del 1848 nell'alta Italia. Vol. 1—3. Roma. 1910. (Ministero della guerra. Ufficio storico.)
Relazioni e rapporti finali sulla campagna del 1849 nell'alta Italia. Roma. 1911. XII, 842 p. (Ministero della guerra. Ufficio storico.)

Allemandi M. I volontari in Lombardia e nel Tirolo l'aprile del 1848. Cenni storici. Berna. 1849. 104 p.
Aus den Italienischen Unabhängigkeitskriegen 1848 bis 1866. Berichte und Briefe der Führer und Teilnehmer. Hrsg. von W. Friedensburg. Tl 1. Die Feldzüge von 1848 und 1849. Lpz. S. a. 118 S. (Vogtländers Quellenbücher. Bd 60.)
Avvenimenti di Ferrara nel febrajo del 1849. Rapporto storico. S. L. 1849. 24 p.
Bava E. Relazione della operazione militare dirette dal generale Bava comandante il primo corpo d'armata in Lombardia nel 1848. Con documenti. [Milano. 1849.] 189 p.
Dandolo E. I volontari ed i bersaglieri lombardi. Annotazioni storiche. Milano — Roma. 1917. VIII, 229 o. (Biblioteca storica del Risorg. ital. Ser. 8. N 7.) [1a ed.: 1849.]
D'Azeglio M. I lutti di Lombardia. Firenze. 1848. 96 p.
Della Rocca E. Autobiografia di un veterano. Ricordi storici e aneddotici. Vol. 1. 1807—1859. Bologna. 1897. 495 p.
Ferrero G. M. Journal d'un officier de la brigade de Savoie sur la campagne de Lombardie. Turin. S. a. 203 p.
Laugier de Bellecourt C. Le milizie Toscane nella guerra di Lombardia del 1848. Narrazione storica. [Capolago. 1850.] 136 p. (Documenti della guerra santa d'Italia.)
Memorie ed osservazioni sulla guerra dell' indipendenza d'Italia nel 1848—1849. Raccolta di un ufficiale piemontese. Torino. 1850. 510 p.
Mickiewicz A. Memorial de la Légion polonaise de 1848, créé en Italie par Adam Mickiewicz. Publication faite d'après les papiers de son père, avec préf. et notes, par L. Mickiewicz. T. 1—2. P. 1909—1910.
[**Montecchi M.**] Fatti e documenti riguardanti la divisione civica e volontari mobilizzata sotto gli ordini del general Ferrari dalla partenza da Roma fino alla capitolazzione di Vicenza. [Capolago. 1850.] 143 p. (Documenti della guerra santa d'Italia.)
Pepe G. Delle rivoluzioni e delle guerra d'Italia nel 1847, 1848, 1849; memorie. Torino. 1850. 343 p.
Pepe G. L'Italia negli anni 1847, 1848 e 1849. Continuatione delle memorie. Torino. 1850. 293 p.
Pisacane C. La guerra d'Italia del 1848—1849. Milano. [1946.] XX, 373 p. (Testi del Risorgimento a cura di C. Cordie. VII.) [1a ed.: 1851.]
Radetzky, J. Briefe des Feldmarschalls Radetzky an seine Tochter Friederika, 1847—1857. Hrsg. von B. Duhr. Wien. 1892. 194 S.
Radetzky J. Denkschriften militärisch-politischen Inhalts... Stuttgart. 1858. XII, 553 S.
Radetzky J. Der Feldzug der österreichischer Armee in Italien im Jahre 1848. Bd 1—3. Mailand. 1848.
Schönhals. Erinnerungen eines österreichischen Veteranen aus dem italienischen Kriege der Jahre 1848 und 1849. Bd 1—2. Stuttgart, 1852. Перевод. **Шенгальс.** Характер войны 1848 и 1849 годов в Италии. (Извлечение из сочинений ген. Шенгальса.) СПб. 1853. 37 с.
Talleyrand-Perigord A. E. Souvenirs de la guerre de Lombardie pendant les années 1848 et 1849. Turin. 1851. 293 p.
См. также с. 530: **Massimo D'Azeglio.** alla guerra dell indipendenza...

La campagna del 1849 nell' alta Italia. Roma. 1928. VIII. 454 p. (Ministero della guerra. Comando del corpo di Stato maggiore. Ufficio storico.)
Ovidi E. Roma e i romanin nelle campagne de 1848—1849. Torino. 1903. XVI, 552 p.
Rota P. Del contributo dei lombardi alla guerra del 1848: il problema del voluntarismo.— *Nuova rivista storica.* 1928. Fasc. 1, p. 1—52.

К главе 17

ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ И АНТИФЕОДАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОЗНАНИ И В СИЛЕЗИИ В 1848 Г.

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Революция и контрреволюция в Германии.— Избр. произв. Т. II. [М.] 1940, с. 53—54.
Маркс К. и Энгельс Ф. Речи по польскому вопросу (22 февраля 1848 г.).— Соч. Т. V, с. 259—267.
Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VI. С. 154—155: Седьмой раздел Польши; с. 191—192: Новая политика в Познани; с. 361—416: Польский вопрос в немецкой революции.
Энгельс Ф. Какое дело рабочему классу до Польши?— Соч. Т. XIII. Ч. 1, с. 149—157.
Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе.— Соч. Т. 6, с. 415—416.
Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— Соч. Т. 20, с. 403—404.
Сталин И. В. Об основах ленинизма.— Соч. Т. 6, с. 142—143.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

См. литературу к гл. 4, с. 527.

ИСТОЧНИКИ

Rok 1848 w Polsce. Wybór źródeł. Wstępem i objaśnieniami zaopatrzył S. Kieniewicz. Wrocław. [1948.] XLIX, 350 s. (Biblioteka narodowa. Ser. 1. N 127.)
Denkschrift über die Ereignisse im Grossherzogtum Posen seit dem 20. März 1848. (Aus den Akten des Ministeriums d. Innern.) [B. 1848.] 52 S.
Bemerkungen zu der Denkschrift über die Ereignisse im Grossherzogtum Posen seit dem 20. März 1848... B. 1848. [Замечания со стороны поляков.]
Willisen W. Akten und Bemerkungen über meine Sendung nach dem Grossherzogtum Posen im Frühjahr 1848. B. 1849. 117 S.
Promemoria gegen den projectirten Anschluss des Grossherzogtums Posen an Deutschland... an den völkerrechtlichen Ausschuss der deutschen National-Versammlung von den unterschriebenen durch Vollmacht legitimierten Abgeordneten des polnischen National-Comité. Frankfurt a. M. 1848. 25 S.— Beweisende Beilagen, 38 S.
Zur Beurtheilung der polnischen Frage im Grossherzogtum Posen im Jahre 1848. B. S. a. 64 S. Подписано: Brodowski. Kraszewski. Potworowski.
Lutostański K. Les partages de la Pologne et la lutte pour l'indépendance. Lausanne. 1918. XIX. 712, XL, 18 p. (Recueil des actes diplomatiques, traités et documents concernant la Pologne.) Le «Printemps des peuples» en Pologne, p. 555—590.

Brzeżański A. Pamiętnik pułkownika...z r. 1848. Kroków — Podgórze. 1893.
Falkowski J. Wspomnienia z roku 1848 i 1849. Cz. 1—2. Warszawa. 1908.
Feliński Z. Pamiętniki... Cz. 1. Kraków. 1897.
Garczyński J. B. Pamiętnik. Wyd. St. Schnür-Peplowski. Poznań. 1895.
Guttry A. W przededniu Wiosny ludów. Wspomnienia... z r. 1846—1848. Wydał i przedmową opatrzył M. R. Wierzbiński. Wilno, 1913. 172 s. (Bibljoteka pamiętnikow. Rocznik 1. N 14.)
Kosiński W. Odpowiedź na L. Mierosławskiego «Powstanie poznańskie w roku 1848...» Targowa Góra. 1861. IV, 114 s.
Koźmian J. Deputowani polscy na pierwszym sejmie berlińskim. Pisma. T. 1. Poznań. 1881.
Koźmian J. Stan rzeczy w wielkiem księstwie Poznańskiem.— *Przegląd Poznanski.* 1848.
Łepkowski J. Ruchy narodowościowe w pruskim Śląsku w ostatnich czasach. Bytom. 1849.
Mierosławski L. Powstanie poznańskie w roku 1848. P. 1852. 253 s.
Moraczewski J. Wypadki poznańskie w r. 1848. Poznań. 1850.
Szuman H. Wspomnienia berlińskie i poznańskie z r. 1848. Warszawa. [1899.] 190 s.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Шустер У. Познанское восстание 1848 г.— *Вопросы истории.* 1848. № 3, с. 16—39.
Buzek J. Historia polityki narodowościowej rządu pruskiego wobec polaków. Lwów — Warszawa. 1909. XXIV, 569 s.
Feldman J. Sprawa polska w roku 1848. Kraków. 1933. 350 s.
Frankiewicz C. Działania wojenne w Wielkopolske w r. 1848. T. 1—2. Poznań. 1926.
Hallgarten V. Studien über die deutsche Polenfreundschaft in der Periode der Märzrevolution. München — Berlin. 1928. VI, 138 S.

Jarochowski W. Literatura poznańska w pierwszej połowie bieżącego stulecia. Wyd. 2. Poznań. 1884. 195 s.
Kieniewicz S. Wielkopolska i Prusy Zachodnie w latach 1846—1848. In: Wiosna ludów na ziemiach polskich. Warszawa. 1948, s. 43—167.
Marchlewski J. Stosunki społeczne i ekonomiczne na ziemiach polskich zaboru pruskiego. Lwów. 1913.
Paprocki F. W. M. Stefański jako rewolucjonista i działacz ludowy.— *Myśl współczesna*. Warszawa — Łódź. 1948. N 11—12, s. 75—81.
Popiołek K. Polska «Wiosna ludów» na Górnym Śląsku.—*Sobótka*. Wrocław. 1948, 1, s. 1—77.
Rakowski K. Powstanie poznańskie w 1848 r. Lwów. 1900. 271, 69, [14] s.
Schmidt H. Die polnische Revolution des Jahres 1848 im Grossherzogtum Posen. Weimar. 1912. 388 s.
Tobiasz M. Śląsk w latach 1845—1847. In: Wiosna ludów na ziemiach polskich. Warszawa. 1948, s. 213—266.
Tobiasz M. Ruchy wolnościowe na Śląsku w r. 1848.—*Myśl współczesna*. Warszawa — Łódź. 1948, N 11—12, s. 82—95.
Trąmpczynski W. Dwa powstania poznańskie. Rok 1846—1848. Warszawa. 1907. 79 s.
Tyrowicz M. Polski kongres polityczny w Wrocławiu 1848 r. Kraków. 1946. 112 s.
Tyrowicz M. Udział Śląska w ruchu rewolucyjnym 1846—1849. Warszawa. 1949. 183, XII s. Перевод: Тырович М. Революционное движение в Силезии в 1846—1849 гг. М. 1951. 88 с.
См. также с. 518: Reis K. Agrarfrage und Agrarbewegung in Schlesien...

К главам 19 и 48

ЧЕХИЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VI. С. 184—186: Пражское восстание; с. 242—245: Внешняя политика Германии и последние события в Праге. Т. VII, с. 203—220: Демократический панславизм.
Энгельс Ф. Начало конца Австрии.— Соч. Т. V, с. 250—256.
Энгельс Ф. Чешским товарищам к 1 мая 1890 г. Воспоминание из времен 1848 г.— Соч. Т. XVI. Ч. 2, с. 53.
Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение.— Соч. Т. 22, с. 138—139.
Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении.— Соч. Т. 22, стр. 325—328.
Сталин И. В. Об основах ленинизма.— Соч. Т. 6, с. 142—143.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

Goll J. Poslednich padesát let české práce dějepisné. Soubor sprav J. Golla o české literatuře historické vydaných v «Revue historique» v letech 1878—1906, a souhrnna zpráva J. Šusty za leta 1905—1924. Praha. 1926. 212 s. Продолжением является:
Šusta J. Histoire de Tchéchoslovaque.— *Revue hist.* (Bull. hist.) 1933. T. 171, p. 162—205. T. 172, p. 68—129.— *Revue hist. Bull. crit.* 1937. T. 181. Fasc. 2, p. 183—240. 1938. T. 184. Fasc. 3, p. 270—332.
Bibliografie ceské historie za rok 1904 —. Praha. 1905—.

ИСТОЧНИКИ

Archiv český čili staré prísemné památky české moravské, sebrané z archivů domácích u cizích. Red. J. Kalousek. Díl XXII, XXV. Řady selské a instrukce hospodářské (1781—1850). Praha. 1910.
Boj za právo. Sbornik aktů politických u věcech státu a národa českého od r. 1848. Pořidil J. M. Černý. Čast 1—2. Praha. 1893.
Letáky z roku 1848. Uspořádal M. Novotný. Praha. 1948. 312 s.
Rok 1848 v projevech současníků. Úvodní studii napsal a poznámkami doprovodil K. J. Beneš. [Praha. 1948.] 208 s.

Brauner F. A. Von der Robot und deren Ablösung für den böhmischen und mährischen Landmann. Prag. 1848. 94 s.
Chojecki E. Czechja i czechowie przy końcu pierwszej połowy XIX stulecia. I—II. B. 1847.
Frič J. V. Paměti. Sv. 1—4. Praha. 1885—1887.
Malý J. Naše znovuzrození. Přehled národního života českého za posledního půlstoletí. Čast 1—2. Praha. 1880.
Schopf F. G. Wahre und ausführliche Darstellung der am 11. März 1848... in der K. Hauptstadt Prag begonnenen Volksbewegung... mit allen Urkunden belegt. Bd 1—3. (Hft 1—6). Leitmeritz. 1848.
Tomek W. W. Paměti z mého života. Díl 1—2. Praha. 1904—1905.
Trmal z Toušic E. Vzpomínky na Česky Repeal. Praha. 1902.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

См. также: Австрия... Исторические работы общего характера, с. 524—525.

История Чехии. Под ред. В. И. Пичета. [М.] 1947. 260 с.

Любавский М. К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). Изд. 2-е. М. 1918. XV, 458 с.

Удальцов И. И. К вопросу о революционном движении в Чехии в 1848 г.— *Вопросы истории*. 1947. № 5, с. 23—47.

Удальцов И. И. Очерки из истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М. 1951. 251 с. (Акад. Наук СССР. Ин-т славяноведения). [Историография и обзор источников, с. 4—32.]

Францев В. А. Очерки по истории чешского возрождения. Варшава. 1902. 386, LXXI, VI с.

См. также с. 544: **Никитин С. А.** Славянские народы в революции 1848 г..;с. 524: **Чернышевский Н. Г.** Предисловие к нынешним австрийским делам...

Bajerová A. Z české revoluce r. 1848. Praha. 1919. 95 s.

Bajerová A. Svatodušní bouře v Praze r. 1848 ve světle soudního vyšetřování. Praha. 1920. 413 s.

Hosák L. Nové československe dějiny· Praha. 1947. 615 s.

Husa V. Epochy českých dějin. Praha. 1947. 47 s.

Klima A. Rok 1848 v Čechách. Praha 1948. 147 s. Перевод: **Клима А.** 1848 год в Чехии. Начало чешского рабочего движения. Пер. с чешск. Н. Ратнер. Под ред. и с предисл. И. И. Удальцова. М. 1949. 240 с.

Konrad K. Svoboda a zbraně. [Rok 1848.] Praha. 1949. 361 s.

Roubík F. Český rok 1848. [2-é vyd.] Praha. 1948. 429 s.

Šverma J. Rok 1848 c Čechách. In: Marx — Engels — Lenin — Stalin o Rakouski a české otázce. Praha. 1933.

Toužimský J. J. Na úsvitě nové doby. Dějiny roku 1848 v zemích českých. Praha. S. a. 784, XX s.

Grünberg K. Die Bauernbefreiung und die Auflösung des gutsherrlichbäuerlichen Verhältnisses in Böhmen, Mähren und Schlesien. Bd 1—2. Lpz. 1923—1924.

Heidler J. Čechy a Rakousko v politických brožurách předbřesnových. Praha. 1920. 220 s.

Horáček C. Počátky českého hnutí dělnického. 2-é vyd. Praha. 1933. 155 s. (Rozpavy České akademie. Tréda 1. Číslo 19.)

Kazbunda M. České hnutí roku 1848· Praha. 1929. 438 s.

Krofta K. Čeští němci v roce 1848. In: Byli jsme za Rakouska. Praha. 1936.

Krofta K. Dějiny selského stavu. Praha. 1950. 458 s.

Kutnar F. Cesta selského lidu k swobodě. Praha. 1948. 155 s.

Maršan R. Čechové a němci r. 1848 a boj o Frankfurt. Praha. 1898. 217 s.

Říha O. Hospodářsky a sociálné-politický vývoj Československa, 1790—1945. [2-é vyd.] Praha. 1949. 139 s.

Tobolka Z. Počátky dělnického hnutí v Čechách. [2-é vyd.] Praha. 1923.

Tobolka Z. Počátky konstitucního života v Čechách. Praha. 1898.

Slavíček K. Tajná politická společnost Český Repeal v roce 1848. Praha. [1947.] 148 s.

Гавличек

Havlíček-Borovský K. Duch Národních Novin. K tisku připaravil M. Novotný. Havlíčkův Brod. 1948. 500 s.

Havlíček-Borovský K. Politické spisy. Díl 1—3. Praha. 1900—1902.

Říha O. Karel Havlíček Borovský. Brno. 1950. 29 s.

Палацкий

Palacký F. Gedenkblätter. Auswahl von Denkschriften, Aufsätzen und Briefen aus den letzten 50 Jahren. Prag. 1876. 313 S.

Palacký F. Spisy drobné. Uspořadal a úvody opatřil B. Rieger. Díl 1. Spisy a řeči z oboru politiky. Praha. 1898.

Palacký F. Radhost. Praha. 1871.

Dílo Františka Palackého. Vidal F. Kréma. Díl 1—4. Praha. 1941.

Удальцов И. И. К характеристике политической деятельности Франтишка Палацкого.— *Вопросы истории*. 1950. № 10, с. 72—85.

Ригер

Rieger F. L. Řeči d-ra Františka Ladislava Riegra a jeho jédnání v zákonodárných sborech. Díl 1. Z let 1848—1849. Praha. 1883.

Jahn J. V. František Ladislav Rieger. Obraz životopisný. Praha. 1889. 394, VIII s.

Сабина

Sabina K. Sosiálni studie. Pojednání o socialismu. Praha. 1950. 186 s.

Fučík J. Tři studie. Praha. 1948. 155 s. [Karel Sabina, s. 71—96.]

Сладковский

Bouček A. Karel Sladkovsky. Praga. 1948. 38 s.

СЛАВЯНСКИЙ СЪЕЗД В ПРАГЕ. ПРАЖСКОЕ ВОССТАНИЕ

Zpráva o sjezdu slowanském [s přílohami]. Praha. 1848, 66 p. (Wýjimek z Časopisu

čeckého Museum. Ročn. 22. Díl 2.) [Перевод части этой брошюры дан в кн.: Славянский съезд в Праге в 1848 г., см. ниже.]
Moraczewski J. Opis pierwszego zjazdu slowiańskiego. Poznań. 1848.
Otewřený list hraběte Lwa z Thunů panu Janu Slavíkowi měšt'anu pražskému strany události pražských za dnů swatódušních. Praha. 1849. 32 s.
Dodatek k otewřeněmu listu strany události pražských za dnů swatódušnich od hraběte Lwa z Thunu. S dukladnimi přilohami. Praha. 1849.

Погодин А. Л. Славянский съезд в Праге в 1848 г.— *Московский еженедельник*. 1910. № 15, стб. 31—46.
Славянский съезд в Праге в 1848 году. К.... ин. СПб. 1860. 49 с.
Удальцов И. И. Из истории Пражского восстания 1848 года.— *Вопросы истории*. 1848. № 12, с. 97—114.
Удальцов И. И. Из истории славянского съезда в Праге в 1848 г.— *Ученые записки Ин-та славяноведения* [*АН СССР*]. 1949. Т. 1, с. 57—84.
Францев В. А. Приглашение русских на славянский съезд в Праге в 1848 г.— *Голос минувшего*. 1914. № 5, с. 238—240.
Černý J. M. Slovanský sjezd v Praze roku 1948. Praha. 1888.
Slovanský sjezd v Praze r. 1848. Sborník. Praha. 1948.
Tobolka Z. Slovanský sjezd v Praze 1848. Praha. 1901. 240 s.
Wisłocki W. Kongres słowiański w r. 1848 i sprawa polska. Lwów. 1927. 227 s.
См. также с. 544: **Prelog M.** Slavenska renesansa...

К главе 20

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БОРЬБА В ГАЛИЦИИ В 1848 Г.

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Речи пс польскому вопросу (22 февраля 1848 г.).— Соч. Т. V, с. 259—267.
Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты». Прения по польскому вопросу во Франкфурте.— Соч. Т. VI, с. 388.
Ленин В. И. О праве наций на самоопределение.— Соч. Т. 20, с. 403—404.
Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос.— Соч. Т. 2, с. 305, 307.
Сталин И. В. Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве 23 апреля. (XII съезд РКП(б) 1923 г.) — Соч. Т. 5, с. 255.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

См. литературу к гл. 4, с. 527.

ИСТОЧНИКИ

Rok 1848 v Polsce. Wybór źródeł. Wstępem i objaśnieniami zaopatrzył S. Kieniewicz. Wrocław. [1948.] XLIX, 350 s. (Biblioteka narodowa. Ser. 1. N 127.)
Kraiński M. Regesty materiałow do historii zniesienia stosunku poddańczego w Galicji. Wydał St. Inglot. Kraków. 1948. 76 s. (Polska akad. Umiejętności. Archiwum komisji historycznej. Ser. 2. T. 4. N 1.)
Grundentlastung in Oesterreich. Tl 1. Wien. 1857. VIII, 102 S.
Матеріяли до історії культурного життя в Галичині в 1795—1857 pp. Замітки і тексти. Львів. 1920. LXXXIII, 431 c. (Українсько-руський архив. Т. 13—14.)
Причинки до історії 1848 р. Подав І. Франко.— *Записки Наукового т-ва ім. Шевченка*. Львів. 1909. Т. 88, с. 94—117.
1 и 2 падолиста 1848 р. у Львові (урядове справозданне). Подав Ю. Левицький.— *Записки Наукового товариства ім. Шевченка*. Львів. 1898. Т. 25, с. 1—43.

Головацький Я. Кореспонденція ... в літах 1835 — 1849. Львів. 1909. CXXXVIII, 463 с.
Hechel F. Kraków i ziemia krakowska w okresie Wiosny ludów. Pamiętniki. Wrocław. 1950. XVII, 410 s.
Sapieha L. Wspomnienia (1803—1863). Z przedmową St. Tarnowskiego. Wyd. B. Pawłowski. Lwów — Warszawa. [1912.] XLIII, 345 s.
Smolka F. Dziennik 1848—1849 w listach do żony. Kraków — Warszawa. 1913. LXI, 369 s.
Wybranowski R. Pamiętniki. T. 1—2. Lwów. 1882.
Zawadzki W. Dziennikarstwo w Galicyi w r. 1848. Dalszy ustęp z pamiętników. Lwów. 1878. 171 s.
Ziemiałkowski F. Pamiętniki. Cz. 1—2. Kraków. 1904.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Миллер И. С. Накануне отмены барщины в Галиции. (Из истории идейно-политической борьбы в польском обществе в 30—40-х годах XIX ст.) — *Ученые записки Ин-та славяноведения* [*Акад. Наук СССР*]. 1949. Т. 1, с. 119—240.
Брик І. Славянський з'їзд у Празі 1848 р. і українська справа.— *Записки Наукового товариства ім. Шевченка*. Львів. 1920. Т. 129, с. 141—217.

Кревецький І. Аграрні страйки і бойкоти у східній Галичині в 1848—1849 р. Львів. 1906. 23 с.
Кревецький І. З виборчого руху у східній Галичині в 1848 р.— *Записки Наукового товариства ім. Шевченка.* Львів. 1906. Т. 70, с. 73—85.
Кревецький І. Справа поділу Галичини в рр. 1846—1859.— *Записки Наукового товариства ім. Шевченка.* Львів. 1910. Т. 93, с. 54—69; т. 94, с. 58—83; т. 95, с. 54—82; т. 96, с. 94—115; т. 97, с. 105—154. [В приложении даны документы.]
Франко І. Панщина та її скасування в 1848 р. в Галичині. Львів. 1913. 248 с.
Ястребов Ф. Україна в першій половині XIX ст. Київ. 1939, 276 с. (Акад. наук УРСР. Ін-т історії України. Нариси з історії України. Вип. 8.)
Feldman J. Sprawa polska w roku 1848. Kraków. 1933. 350 s.
Gollenhofer J. Rewolucja krakowska 1848 roku. Kraków. 1908. 108 s. (Biblioteka krakowska. N 38.)
Kalinka W. Galicja i Kraków pod panowaniem austrjackiem. Kraków. 1898, 470 s. (Kalinka W. Dzieła. T. 10.) [Wyd. 1: Paryż. 1853.]
Kieniewicz S. Galicja w latach 1844 — 1848. In: Wiosna ludów na ziemiach polskich. Warszawa. 1948, s. 267—345.
Kieniewicz S. Galicja w roku 1848. In: Pamiętnik VII powszechnego zjazdu historyków polskich we Wrocławiu 1948. T. 1. Warszawa. 1948, s. 273—277.
Kieniewicz S. Sprawa włościańska w Galicji w 1848.— *Przegląd historyczny.* Warszawa. 1948. T. 38, s. 61—128.
Lewicki K. Lwowska legia akademicka 1848. — *Przegląd historyczny.* Warszawa. 1948. T. 38, s. 187—202.
Limanowski B. Historya demokracyi polskiej w epoce porozbiorowej. Wyd. 3. T. 2. Warszawa. 1946. 388 s.
Mises L. Die Entwickelung des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Galizien (1772—1848). Wien — Leipzig. 1902. VI, 144 S. (Wiener Staatswissenschaftliche Studien. Bd 4. Hft 2.)
Schnür-Pepłowski St. Z przeszłości Galicyi (1772—1862). Wyd. 2. Lwów. 1895. XV, 627 s.
Stebelski P. Lwów w 1848 r. Na podstawie aktów śledczych.— *Kwartalnik hist.* Lwów. 1909, s. 303—361, 507—564.
Wisłocki W. Kongres słowiański w r. 1848 i sprawa polska. Lwów. 1927. 227 s.
См. также с. 527: **Bienarzówna I.** Z dziejów liberalnego i konspiracyjnego Krakowa...; **Kostołowski E.** Studja nad kwestją włościańską...

Widman K. Franciszek Smolka, jego życie i zawód publiczny od r. 1810 do 1849. Lwów. 1886. 991 s.

К главе 21

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ НА БУКОВИНЕ В 1848—1849 ГГ.

Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи и корреспонденции. 1852—1854. Национальности в Турции.— Соч. Т. IX, с. 376.

Селянський рух на Буковині в 40-х роках XIX ст. Збірник документів. Упоряд. та передмову написав Ф. Шевченко. Київ. 1949. 291. (Архів упр. МВС УРСР).
Франко І. Лук'ян Кобилиця. Епізод із історії Гуцульщини в першій половині XIX ст. — *Записки Наукового товариства ім. Шевченка.* Львів. 1902. Т. 49, с. 1—40.
Kaindl R. F. Die Bukowina in den Jahren 1848 und 1849. Wien. 1900. 68 S.
Kaindl R. F. Das Untertanenwesen in der Bukowina. Ein Beitrag zur Geschichte des Bauernstandes und seiner Befreiung. Wien. 1899. 164 S.

К главам 22, 40, 47

ВЕНГРИЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VII. С. 247—349: Русские; с. 271—293: Венгрия; с. 350—351: Третий в союзе.
Маркс К. и Энгельс Ф. Банкротство Австрии.— Соч. Т. IX, с. 673—677.
Маркс К. и Энгельс Ф. Германия и панславизм.— Соч. Т. X, с. 393.
Маркс К. и Энгельс Ф. Бем.— Соч. Т. XI. Ч. 2, с. 578—581.
Маркс К. Господин Фогт.— Соч. Т. XII. Ч. 1, с. 368—369.
Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 17 августа [1849 г.]— Соч. Т. XXI, с. 113.
Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 6 мая 1852 г.— Соч. Т. XXI, с. 361.
Энгельс Ф. Революционные движения 1847 года.— Соч. Т. V, с. 247.
Энгельс Ф. Эмигрантская литература.— Соч. Т. XV, с. 221.
Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. 3 апреля [1851 г.]— Соч. Т. XXI, с. 185—186.
Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. 6 июля 1852 г.— Соч. Т. XXI, с. 372—373.
Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. 10 июня 1854 г.— Соч. Т. XXII, с. 38.
Энгельс Ф. Письмо И. Вейдемейеру. 12 апреля 1853 г.— Соч. Т. XXV, с. 188—189.
Ленин В. И. Китайская война.— Соч. Т. 4, с. 351—352.
Ленин В. И. «Революционеры» в белых перчатках.— Соч. Т. 8, с. 492—493
Сталин И. В. Об основах ленинизма — Соч. Т. 6, с. 141—143.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

Bibliographia Hungariae. I. Historica. Verzeichnis der 1881—1921 erschienenen Ungarn betreffenden Schriften in nichtungarischen Sprache. Zusammengestellt vom Ungarischen Institut an der Univ. Berlin. B.— Lpz. 1923. 318 S.

ИСТОЧНИКИ

Документы

Документы о венгерской революции и освободительной борьбе 1848—1849 гг. Пер. с венгерск. Ред. Э. Ланди. [Будапешт. 1948.] 80 с.

Archiv des ungarischen Ministeriums und Landesvertheidigungsausschusses. Vollständige Sammlung aller vom 16. März 1848 bis 5. Januar 1849 erschienenen Verordnungen, Proklamationen etc. Redigiert... von J. Janotyckh von Adlerstein. Bd 1—3. Attenburg. 1851.

Sammlung der für Ungarn erlassenen Allerhöchsten Manifeste und Proklamationen, dann der Kundmachungen der Oberbefehlshaber der K. Armee in Ungarn. Amtl. Ausg. Umfassend den Zeitraum vom 22. Sept. 1848 bis 31. Dec. 1849. Ofen. 1850. XXVI, 255 S.

Correspondence relative of the affairs of Hungary, 1847—1849, presented to both houses of Parliament 15 Aug. 1850. L. 1851.

Teleki L. La Hongrie aux peuples civilisés. Manifeste publié au nom du gouvernement hongrois. P. 1848. 77 p.

Fényes A. Statistik des Königreichs Ungarn. T. 1—3. Pesth. 1843—1849.

Мемуары. Работы современников

Chownitz J. Geschichte der ungarischen Revolution in den Jahren 1848 und 1849. Mit Rückblicken auf die Bewegung in den österreichischen Erbländern. Bd 1—2. Stuttgart. 1849.

Czetz J. Bem's Feldzug in Siebenbürgen in den Jahren 1848 und 1849. Hamburg. 1850. IV, 387 S.

Dembinski H. Dembinski in Ungarn. Nach den hinterlassenen Papieren des Generals, von A. F. Danzer. Wien. 1873. 228 S.

Desprez H. Les peuples de l'Autriche et de la Turquie; histoire contemporaine des illyriens, des magyars, des roumains et des polonais. T. 1—2. P. 1850.

Födal O. Der Krieg in Ungarn mit einer Geschichte der serbischen und croatischen Wirren. Mannheim. 1849. 94 S.

Gatti F. A. Die Ereignisse des Jahres 1848 in der Steiermark. Graz. 1850. 288 S.

Görgei A. Mein Leben und Wirken in Ungarn in den Jahren 1848 und 1849. Bd 1—2. Lpz. 1852.

[Heydte A.] Der Winterfeldzug des Revolutionskrieges in Siebenbürgen in den Jahren 1848 und 1849. Von einem österreichischen Veteranen. 2. Aufl. Lpz. 1863. VI, 108 S.

Janotyckh von Adlerstein J. Chronologisches Tagebuch der magyarischen Revolution und zwar bis zur ersten Wiederbesetzung Pest-Ofens durch die k.-k. Truppen. Bd 1—3. Wien. 1851.

Klapka G. Memoiren. April — October 1849. Lpz. 1850. XXXIV, 424 S.

Klapka G. Der Nationalkrieg in Ungarn und Siebenbürgen in den Jahren 1848 und 1849. Bd 1—2. Lpz. 1851.

Korn Ph. Neueste Chronik der Magyaren. Bd 1—2. Hamburg — New York. 1851—1852.

Kurz A. Geschichte des ungarischen Freiheitskampfes... vom 15. März 1848 bis 14. August 1849. Glogau. 1849. 97 S.

Pulszky F. Meine Zeit und mein Leben. Autor. Ausg. Bd 1—2. Pressburg — Leipzig. 1881.

Schütte A. Ungarn und der ungarische Unabhängigkeitskrieg... Bd 1—2. Dresden. 1850.

Szemere B. Graf Ludwig Batthyány, Arthur Görgei, Ludwig Kossuth. Politische Charakterskizzen aus dem ungarischen Freiheitskriege. Abt. 1—3. Hamburg. 1853.

Der ungarische Freiheitskampf 1848—1849 vom ungarischen Standpunkte. Wortgetreuer Abdruck des aufgefundenen Manuscriptes eines Zeitgenossen. Sopron. [1903.] 129 S.

Weldycz S. Der Antheil der Polen an dem ungarischen Freiheitskampfe 1848—1849. Altona. 1850. 80 S.

Der Winterfeldzug 1848—1849 in Ungarn. Unter dem Oberkommando des Feldmarschalls Fürsten zu Windischgrätz. Im Auftrage des Feldmarschalls nach offiziellen Quellen bearb. und hrsg. Wien. 1851. XII, 515 S.

Wirkner L. Meine Erlebnisse. Blätter aus dem Tagebuche meines öffentlichen Wirkens vom J. 1825—1852. Pressburg. 1880. VII, 255 S.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Андич Э. Церковная реакция во время революции 1848—1849 гг. в Венгрии. Budapest. 1951. 150 p. (Studia historica Academiae scientiarum hungaricae. 2.)

Ландор Б. Л. Венгерская революция 1848/49 г. и царская интервенция.— *Исторические записки.* 1940. № 9, с. 243—291.

Рац Б. Красные и белые. Венгерская революция 1848—1849 гг. Пер. с венгер. М. 1923. 96 с.

Хевеши А. Венгерское крестьянство и его борьба. Пер. с венгерской рукописи. Т. Мали. М.—Л. 1927. 175 с.

Corvina. Budapest. 1947. N 3. Autumn. Special number issued on the centenary of the Hungarian revolution of 1848.

Eckhardt F. 1848, a szabadság éve. Budapest. 1948. 319 p.
Forradalom és szabadságharc 1848—1849. Budapest. 1848. 574 p. [Сборник статей.]
Hermant J. La révolution hongroise de 1848. Les nationalités, leurs luttes et leurs revendications. L'intervention russe et l'intervention polonaise. Thèse. P. 1901. XIII, 428 p.
Horváth E. La politique du gouvernement hongrois envers ses nationalités en 1848—1849.— *Revue de Hongrie.* 1930. T. 46, p. 149—162, 205—218.
Horváth M. Magyarország függetlenségi harcának története 1848 is 1849-ben. Köt. 1—3. Genf. 1865. Нем. изд.: Geschichte des Unabhängigkeitskrieges in Ungarn 1848 und 1849. Deutsche Ausg. 2. Aufl. Bd 1—3. Pest. 1872.
Irányi D. et **Chassin Ch.-L.** Histoire politique de la révolution de Hongrie. 1847—1849. T. 1—2. P. 1859—1860.
Russjan L. Polacy i sprawa polska na Węgrzech w roku 1848—1849. Warszawa 1934. 289 S. (Rozprawy historyczne towarzystwa naukowego warszawskiego. T. 13. Z. 2.)
Rüstow W. Geschichte des ungarischen Insurrectionskrieges in den Jahren 1848 und 1849. Bd 1—2. Zürich. 1860—1861.
Szabó E. Aus den Parteien und Klassenkämpfen in der ungarischen Revolution von 1848.— *Archiv f. d. Geschichte d. Sozialismus und d. Arbeiterbewegung.* Hrsg. von C. Grünberg. Lpz. 1919. Jg 8, S. 260—307.
Szabó E. Társadalmi és pártharcok a 48—49 és magyar forradalomban. Budapest. 1946. 391. [1-е изд.: Wien. 1921, 381 p.] Об этой книге см.: **Eisenmann L.** La noblesse hongroise et l'abolition des droits féodaux en 1848.— *Révolution de 1848.* 1923. T. 20. N 97, p. 7—18.
См. также с. 559.: **Alter W.** Die auswärtige Politik der ungarischen Revolution 1848—1849...

Кошут

Kossuth L. Briefe an Feldmarschall Leutnant Bem. März bis Juni. Hrsg von A. Makray. Pest. 1870. VIII 98 S.
Kossuth L. Meine Schriften aus der Emigration. Autor. deutsche Ausg. Bd 2. Pressburg — Leipzig. 1881. 614 S. Kap. 5. Essay über Ungarn, S. 144—320.
Герцен А. И. Былое и думы. Изд. испр. и доп. Под ред. Ф. М. Левина, М. С. Новича, С. Я. Штрайха. Т. 4. Ч. 6. М. 1938. Гл. 52. Горные вершины, с. 31—44.
Ludwig Kossuth, Dictator von Ungarn. Als Staatsmann und Redner. Nebst seinen fünf bedeutendsten Reden. Mannheim. 1849. 47 S.
Ludwig Kossuth und die jüngste Revolution in Ungarn und Siebenbürgen. Umfassende Biographie des Hauptführers der magyarischen Bewegung. Von J. A. Mh. Wien. 1850. 191 S.
Ninold F. Der Kossuthkultus in Ungarn. Zeitgemässe Erinnerungen an die Jahre 1848 und 1849. Linz. 1907. 134 S.
Révai J. Kossuth Lajos. Moszkva. 1944. 80 p.
Somogyi E. Ludwig Kossuth. Sein Leben, sein Wirken. Lpz. 1894. IV, 214 S.

Петёфи

Petöfi S. 48-as napló. Kolozsvár. 1945.
Петефи Ш. Избранное. Пер. с венгр. [Вступ. ст. А. Гидаш.] М. 1948. 488 с.
Петефи А. Избранные стихотворения. Пер. и вступ. ст. А. В. Луначарского. М.— Л. 1925. 96 с.
Реваи И. Шандор Петефи. Будапешт. 1948. 12 с.
Fischer A. Petöfi's Leben und Werke. Eingeführt von M. Jókai. Mit... einer Copie der «Zwölf Punkte», des ersten censurfreien Presserzeugnisses in Ungarn. Lpz. 1888. XVI, 628 S.
Horváth J. Petöfi Sándor. 2. Kiadás. Budapest. 1926. 597 p.
Illyés G. Petöfi. Budapest. 1848. 342 p.

ЦАРСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ВЕНГРИИ

См. также литературу к гл.: Международные отношения... Россия, с. 557.

Алабин П. Четыре войны. Походные записки. Ч. 1. Венгерская война. 1849. М. 1890. 160, XLVIII, V с.
Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания, 1820—1870. Ред. и вступ. ст. С. Я. Штрайха. I. М.— Л. 1930. 590 с. [О венгерском походе см. с. 483—522.]
Лихутин М. Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М. 1875. 274 с.
Описание военных действий российских войск против венгерских мятежников в 1849 году. СПб. 1851. 414, 65, X с.
Сонцов Д. П. Из воспоминаний о венгерской кампании. Заметки участника и очевидца. В кн.: Девятнадцатый век. Кн. 1 М. 1872, с. 256—281.
Görgei und die Capitulation bei Vilagos. Von einem Offizier des Generalstabes der ungarischen Armée. Lpz. 1850. 88 S.
Kossuth L. Die Katastrophe in Ungarn. Originalbericht. Lpz. 1849. 42 S.
Lapinski Th. Feldzug der ungarischen Hauptarmée im Jahre 1849. Selbsterlebtes. Hamburg. 1850. 252 S. Об этой кн. см.: **Тренин В.** Полковник Лапинский и его мемуары. В кн.: Литературное наследство. 41—42. М. 1941, с. 539—571.

[Neidhardt.] Bericht über die Kriegsoperationen der russischen Truppen gegen die ungarischen Rebellen im Jahre 1849. Nach offiziellen Quellen zusammengestellt. Tl 1—3. B. 1851.
Teleki L. Die russische Intervention in Ungarn. Mit diplomatischen Aktenstücken. Orig. Ausg. für Deutschland. Hamburg. 1849. 63 S.
Thaly S. The fortress of Komarom (Comorn) during the war of independence in Hungary in 1848—1849. Transl. by W. Rushton. L. 1852. 288 p. См. **Маркс К.** Письмо Ф. Энгельсу 19 августа 1852 г. Соч. Т. XXI, с. 389.
Wiesner A. K. Der Feldzug der Ungarn gegen die Oesterreicher und Russen im Jahre 1848/49. Chur. 1854. XXVIII, 519 S.

Авербух Р. А. Царская интервенция в борьбе с венгерской революцией 1848—1849. М. 1935, 332 с.
Борецкий-Бергфельд Н. Борьба Венгрии за независимость. М. 1906. 111 с.
Ореус И. Описание венгерской войны 1849 г. По печатным источникам и материалам рукописным, хранящимся в архивах Военного министерства. СПб. 1880. VI, 546, 118 с.
Boretzky-Bergfeld N. La Russie et la Révolution hongroise de 1848—49. — *Revue de Hongrie*. Budapest. 1902. T. 9. N 3, p. 209—224.
Duka T. Kossuth and Görgei, recollections of a stormy period. Historical essay, based on Hungarian works of P. Busbach. Herhford. 1898. 96 p.

К главе 23

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА УКРАИНЦЕВ В ЗАКАРПАТСКОЙ РУСИ В 1848 Г.

См. также выше литературу к главам 22, 40, 47: Венгрия.

ИСТОЧНИКИ

Шаш А. Архив привилегированного города Мукачева 1376—1850 гг. Мукачево. 1927.
Духнович А. Автобиография. Ужгород. 1928.
Сильвай И. Автобиография. Ужгород. 1938.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Дворский В. «Область» Подкарпатская Русь. В кн.: Восемь лекций о Подкарпатской Руси. Пер. с чешск. Д. Н. Вергуна. Прага. 1925, с. 5—11.
Кустодиев К. Из истории разочарований австрийских славян. Посольство угорских русских в Вене в 1849 г.— *Русский вестник*. 1872. Т. 98. Апрель, с. 377—407.
Матисов. Движение народной жизни в Угорской Руси.— *Беседа*. 1871. Кн. 6, с. 225—248.
Мельникова И. Закарпатская Украина в революции 1848 г.— *Ученые записки Ин-та славяноведения* [*АН СССР*]. 1949 Т. 1, с. 241—292.
Панас И. Карпаторусские отзвуки русского похода в Венгрию 1849 года. В кн.: Карпаторусский сборник. Ужгород. 1930, с. 209—229.
Свентицкий И. Материалы по истории возрождения Карпатской Руси. Ч. 2. Львов. 1909.
Holák J. Politické snahy slovenske v rokoch 1848—1849.— *Carpatica*. Praha. 1946.
Lehoczky T. Beregmegye és a munkásci vár 1848—1849 — ben. Muncács. 1899.

Бескид Н. А. В. Духнович и его поэзия. Ужгород. 1930.
См. также с. 540: **Брик I.** Славянський з'їзд у Празі 1848 р.

К главам 24 и 25

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ХОРВАТИИ В 1848 Г. — НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СЕРБОВ ВОЕВОДИНЫ В 1848 Г.

Никитин С. А. Славянские народы в революции 1848 года.— *Вопросы истории*. 1848. № 7, с. 24—43.
Станојевић С. Л. Историја српског народа. (Са прегледом хрватске и словеначке историје)... 9-то попр. прошир. изд. Београд. 1926. 283 с.
Prelog M. Slavenska renesansa, 1780—1848. Zagreb. 1924. (Istorijska biblioteka. Kn. 1.)
Wendel H. Der Kampf der Südslaven um Freiheit und Einheit. Frankfurt. 1925. 798 S.

ХОРВАТИЯ

Kvaternik E. Politička razmatranja na razkrižju hrvatskoga naroda. Sv. 1. Zagreb 1861. 78 s.
Mažuranić J. Hrvati Madjarom. Odgovor na poglas njihove od ožujka miesca i travnja 1848. Karlovac. 1848.

Березин Л. В. Хорватия, Славония, Далмация и Военная граница. Т. 1—2. СПб. 1879.
Липовский А. Л. Хорваты. СПб. 1900. 158 с.
Филиппов М. М. Хорваты и борьба их с Австрией. Пг. 1890. VIII, 168 с.
Album zasluženih hrvata XIX stoleća. Zagreb. 1899—1900.
Andrović I. Hrvatska zemlja. Opis hrvatskih pokrajina u političkom, statističkom, kulturnom i povjestničkom obziru. Sušak. 1898.

Jelacić A. Seljački pokret u Hrvatskoj i Slavoniji godine 1848—1849 i ukidanje kmetske zavisnosti seljaka. Zagreb. 1925. 147 s.

Milčetić J. Hrvati od Gaja do godine 1850. Zagreb. 1878.

Smičiklas T. Poviest Hrvatska. Dio 2. Od godine 1526—1848. Zagreb. 1879. IV, 496 s.

Šurmin D. Hrvatski preporod. I—II. Zagreb. 1903—1904.

ВОЕВОДИНА

Витковић Г. Споменице из Будимског и Пештанског архива. Београд. 1873—1875.

Српски покрет у Јужној Угарској (1848). Превео С. Здравковић. Београд. 1870. 158 с.

Стефановић I. Их живота единог п. к. официра аустрiйско-србского военог хора у години 1848 и 1849 народног устанка србског. У Земуну. 1863. VIII, 212 с.

Стоячковић А. Черте живота народа србског у угарским областима... от године 895—1848. Беч. 1849. 145 с.

Stratimirović G. Was ich erlebte. Erinnerungen. Wien. 1911. 211 S.

[**Kapper S.**] Die serbische Bewegung in Südungarn. B. 1851. XII, 277 S.

Ламанский В. Сербия и южнославянские провинции Австрии. СПб. 1864. 81 с.

Никитин С. А. К вопросу о политическом движении сербов Воеводины в 1848 г.—*Ученые записки Ин-та славяноведения* [*Акад. Наук СССР*] 1949. Т. 1, с. 85—118.

Попов Н. Сербы в Австрии.— *Русский вестник*. 1865. Т. 57, с. 258—314.

Зориниħ А. Аустрија и Срби. 1890.

Илијħ Д. J. Покретачи источного питања и панславизам са српског гледишта. Нови Сад. 1898. 104 с.

Павловиħ Д. М. Србија и српски покрет у Јужној Угарској 1848 и 1849. Београд. 1904. VI, 180 с.

Поповиħ Д. I. Војводина. Прилози проучавању наше земље и нашега народа. Општи дел. I. Београд. 1925. VIII, 155 с. (Српска краљевска Академија. Посебна издања. Књ. 53.)

Ристиħ J. Србија и српски покрет у Угарској 1848 до 1849. Београд. 1884. 79 с.

Скерлиħ J. Омладина и њена књижевност (1848—1871). Изучавања о националном и књижевном романтизму код Срба. Београд. 1925. XV, 439 с.

Страњаковиħ Д. Србија — Пијемонт јужних словена, 1842—1853. Београд. 1932. 61 с.

ħукиħ А. Српски устанак 1848 и 1849 и постапак Сербског воеводства. Нови Сад. 1879.

Шишиħ Ф. Југословенска мисао. Београд. 1937. 280 с.

К главе 26

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ СЛОВАКОВ В 1848—1849 ГГ.

См. литературу к главам 19, 48: Чехия.

К главе 27

НАЦИОНАЛЬНАЯ БОРЬБА В ТРАНСИЛЬВАНИИ В 1848—1849 ГГ.

См. литературу к главам 22, 40, 47: Венгрия, и к главе 61: Революционное движение в Молдавии и Валахии в 1848 г.

К главам 52 и 53

РОССИЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. — Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 3.

Маркс К. и Энгельс Ф. Русская нота.— Соч. Т. VI, с. 251—257.

Маркс К. Речь о Польше.— Соч. Т. XIII. Ч. 1, с. 190—191.

Энгельс Ф. Маркс и «Новая Рейнская газета» (1848—1849).— Избр. произв. Т. II. М. 1948, с. 317—318.

Ленин В. И. От какого наследства мы отказываемся?— Соч. Т. 2, с. 473.

Ленин В. И. Китайская война.— Соч. Т. 4, с. 351—352.

Ленин В. И. События на Балканах и в Персии.— Соч. Т. 15, с. 204.

Ленин В. И. Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной думы в Англию.— Соч. Т. 15, с. 425.

Ленин В. И. О «Вехах».—Соч. Т. 16, с. 108.

Ленин В. И. Памяти Герцена.— Соч. Т. 18, с. 9—15.

Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России.— Соч. Т. 20, с. 223—224.

Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении.— Соч. Т. 22, с. 325—326.

Ленин В. И. VI Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов.— Соч. Т. 28, с. 140.

Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.— Соч. Т. 31, с. 9.

ИСТОЧНИКИ

Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 9. СПб. 1896. XII, 498 с.

Веселовский К. Отголоски старой памяти.— *Русская старина*. 1899. Т. 100. Окт., с. 5—23.

Дубельт Л. В. Заметки г.-л. Л. В. Дубельта. —*Голос минувшего*. 1913. Март, с. 127—171.

Зотов В. Р. Петербург в сороковых годах. — *Исторический вестник*. 1890. Т. 40. Май, с. 290—319; июнь, с. 535—559.

Корф М. А. Из записок барона (впоследствии графа) М. А. Корфа. 1848.— *Русская старина*. 1900. Март, с. 545—588; май, с. 261—292.

Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том «чему свидетель в жизни был». Записки и дневник (1804—1877 гг.). Изд. 2-е, исп. и доп. по рукописи под ред. М. К. Лемке. Т. 1. СПб. 1904 [1905]. 629 с.

Соловьев С. М. Записки. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. [Пг. 1915.] 174 с.

Чичерин Б. Н. Воспоминания... Москва сороковых годов. Вступ. статья и примеч. С. В. Бахрушина. М. 1929. XVI, 294 с. (Записи прошлого. Воспоминания и письма. Под ред. С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского.)

См. также письма Николая I к Паскевичу в 1848 — 1849 гг. в кн.: **Щербатов М. М.** Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Т. 6. СПБ. 1899.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Ахун М. 1848 год в России. (Хронологическая канва)— *Исторический журн.* 1938. № 3, с. 65—72.

Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 1. Докапиталистические формации. Изд. 2-е. [М.] 1950. 656 с. См.: Раздел 6.

Нифонтов А. С. Россия в 1848 году. М. 1949. 316 с.

Полиевктов М. Николай I. Биография и обзор царствования. М. 1918. XI, 392 с.

Шилов А. Революция 1848 г. и ожидание ее в России.— *Голос минувшего*. 1918. № 4—6, с. 231—247.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Злотников М. Ф. От мануфактуры к фабрике. — *Вопросы истории*. 1946. № 11—12, с. 31—48.

Пажитнов К. А. Волнения среди фабрично-заводских рабочих (с 1824 по 1860 г.) В кн.: Архив истории труда в России. Пг. 1921. Кн. 1, с. 86—90. Кн. 2, с. 132—137.

Пажитнов К. А. К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности.— *Исторические записки*. 1940. № 7, с. 236—245.

Предтеченский А. В. Волнения рабочих в крепостную эпоху. С предисл. С. С. Кривцова. М. 1934. 114 с.

Рашин А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России. Статист.-экон. очерки. М. 1940. 464 с.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Материалы для истории крепостного права. Извлечения из секретных отчетов Министерства внутренних дел за 1836—1856 гг. Berlin. 1872. XII, 299 с.

Крестьянское движение 1827—1869. Вып. 1. Подготовил к печати Е. А. Мороховец. М. 1931. 162 с. (Центрархив.)

Славутинский С. Отрывки из воспоминаний. 1. Крестьянские волнения в Рязанской губ. с 1847 по 1858 г.— *Древняя и новая Россия*. 1878. Т. 3. № 9, с. 38—53; № 10, с. 134—162.

Барабой А. Правобережная Украина в 1848 г.— *Исторические записки*. 1950. № 30, с. 86—121.

Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. Ч. 3. Кн. 3. СПб. 1862. 725 с.

Довженок В. И. Крестьянское движение на правобережной Украине в 40-х гг. XIX в.—*Исторические записки*. 1941. № 12, с. 144—164.

Кармин М. С. Крестьянское движение в Рязанской губ. в 50-х годах XIX в. Рязань. 1929. 47 с. (Труды О-ва исследователей Рязанского края. Вып. 24.)

Мороховец Е. А. Крестьянская реформа 1861 г. М. 1937. 162 с.

Повалишин А. Рязанские помещики и их крепостные. Изд. Рязанской архивной комиссии под ред. С. Яхонтова. Рязань. 1903. 386, XXXIII с.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Т. 2. Крестьянский вопрос в царствование имп. Николая. СПб. 1888. 625 с.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

Анненков П. В. Замечательное десятилетие. 1838—1848. В кн.: **Анненков П. В.** Литературные воспоминания. Л. 1928, с. 161—601.

Салтыков-Щедрин М. Е. За рубежом. В кн.: **Салтыков-Щедрин М. Е.** Полное собрание сочинений. Т. 14. Л. 1936. См. с. 161—165.

Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. В кн.: **Чернышевский Н. Г.** Полное собрание сочинений. Т. 3. М. 1947, с. 5—309.

Дементьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики 1840—1850 гг. М.— Л. 1951. 501 с.

Евгеньев-Максимов В. Е. Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX в. М.—Л. 1927. 265 с. (Научно-исслед. ин-т лит. и языков при МГУ. Группа журналистики, критики и публицистики.)

Малеин А. И. и Берков П. Н. Материалы для истории «Карманного словаря иностранных слов» Н. Кирилова. В кн.:

Труды Ин-та книги, документа, письма. III. Статьи по истории энциклопедий (ч. 2). Л. 1934, с. 43—66.

Михайлов А. А. Революция 1848 года и славянофильство.— *Ученые записки [Ленингр. гос. ун-та].* № 73. Серия исторических наук. Вып. 8. Л. 1941, с. 48—74.

Плеханов Г. В. Западники и славянофилы. В кн.: **Плеханов Г. В.** Сочинения. Т. 23. М.—Л. 1926, с. 1—457.

Семевский В. И. Из истории общественных идей в России в конце 1840-х годов. Пг. 1917. 82 с.

Революционные демократы

Белинский

Белинский В. Г. Избранные философские сочинения. Под общей ред. М. Т. Иовчука и З. В. Смирновой. Т. 1—2. М. 1948. [Письмо к Н. В. Гоголю: т. 2, с. 512—522.]

Белинский В. Г. Письма. Т. 3 [1843—1848.] Ред. и прим. Е. А. Ляцкого. СПб. 1914. 477 с.

Социализм Белинского. Статьи и письма. Ред. и комм. П. Н. Сакулина. М. 1925. 124 с.

В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. Собр. и комм. М. К. Клеман. Предисл. и ред. И. К. Пиксанова. Л. 1929. VIII, 432 с.

Тургенев И. С. Воспоминания о Белинском. В кн.: **Тургенев И. С.** Поэмы, стихотворения, воспоминания. Л. 1934, с. 396—431 (Соч. Т. 11).

Бродский Н. Л. В. Г. Белинский. М. 1946. 144 с.

Иовчук М. Т. Белинский. Его философские и социально-политические взгляды. М. 1939. 192 с.

Литературное наследство. 56. В. Г. Белинский. II. М. 1950. 622 с.

Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка. Изд. 2-е с доп. и прим. СПб. 1908. XVI, 662 с.

Петрашевцы

Дело петрашевцев. Т. 1—3. М.—Л. 1937—1951 (АН СССР. Ин-т истории.)

Петрашевцы. Сборник материалов под ред. П. Е. Щеголева. Т. 1—3. М.—Л. 1926—1928.

Ахшарумов Д. Д. Записки петрашевца. М.—Л. 1930. 270 с.

Семевский В. И. М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. Под ред. В. Водовозова. Ч. 1. М. 1922. 218 с. (Собр. соч. Т. 2.)

Семевский В. И. Суд и следствие по делу Петрашевского. — *Русские записки.* 1916, № 9, с. 40—68; № 10, с. 29—64; № 11, с. 18—51.

Семенов-Тян-Шанский П. П. Мемуары. Т. 1. Детство и юность (1827—1855 гг). П. 1917, с. 194—210.

Чернышевский

Чернышевский Н. Г. Дневник: В кн.: Чернышевский Н. Г. Полное собр. соч. Т. 1. М. 1939, с. 29—565.

Салтыков-Щедрин

Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений. Т. 1. Произведения 1847—1855 годов. М. 1941. 532 с.

Макашин С. Салтыков-Щедрин. Биография. 1. Изд. 2-е, доп. М. 1951. 583 с. (АН СССР. Ин-т русской литературы. (Пушкинский дом)).

Герцен

Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. К. Лемке. Т. 5—6. Пг. 1919.

Герцен А. И. Былое и думы. Изд. испр. и дополн. Под. ред. Ф. М. Левина, И. С. Новича, С. Я. Штрайха. Т. 2. М. 1937. 676 с.

Герцен А. И. Новые материалы. К печати приготовил Н. М. Мендельсон. М. 1927. 143 с. (Труды Государственной публичной б-ки СССР им. В. И. Ленина.)

Литературное наследство. 39—40, 41—42. А. И. Герцен. I — II. М. 1941.

Эльсберг Я. Е. А. И. Герцен. Жизнь и творчество. Изд. 2-е доп. М. 1951. 551 с.

УСИЛЕНИЕ РЕАКЦИИ

Цензура

Сборник постановлений и распоряжений по цензуре. С 1720 по 1862 год. Напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. СПб. 1862. 483 с.

Исторические сведения о цензуре в России. [Печатано по распоряжению Министерства народного просвещения.] СПб. 1862. 133 с.

Цензура в царствование имп. Николая I. [Труды Комиссии по собиранию материалов для истории царствования имп. Николая I]— *Русская старина.* 1903. Т. 115. Июль, с. 138—157; август, с. 405—437; сентябрь, с. 641—666. Т. 116. Октябрь, с. 155—183; декабрь, с. 683—698.

Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. По подлинным делам III отд. Изд. 2-е. СПб. 1909. XV, 614 с.

Лемке М. Эпоха цензурного террора (1848—1855 гг.). В кн.: **Лемке М.** Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX ст. СПб. 1904, с. 185—308.

Скабичевский А. М. Очерки по истории русской цензуры. (1700—1863 гг.). СПб. 1892. 495 с.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ I

См. литературу к гл.: Международные отношения... Россия, с. 557; Венгрия... Царская интервенция в Венгрии, с. 543 — 544.

К главе 54

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В АНГЛИИ В 1848 ГГ. НОВЫЙ ПОДЪЕМ БОРЬБЫ ЗА «НАРОДНУЮ ХАРТИЮ»

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты». — Соч. Т. VI. С. 233—234: «Новая берлинская газета» о чартистах; с. 246—250: «Кельнская газета» об английских порядках.
Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VII, с. 90—91: Революционное движение в Италии; с. 103—104: Революционное движение.
Маркс К. и Энгельс Ф. Международные обзоры.— Соч. Т. VIII, с. 207—208, 215—232, 238—245.
Маркс К. и Энгельс Ф. Второе обращение Центрального Комитета к Союзу коммунистов.— Соч. Т. VIII, с. 495.
Маркс К. и Энгельс Ф. Чартисты.— Соч. Т. IX, с. 9—18.
Маркс К. и Энгельс Ф. Попытки создать новую оппозиционную партию.— Соч. Т. IX, с. 45—48.
Маркс К. и Энгельс Ф. Лорд Пальмерстон.— Соч. Т. IX, с. 485—548.
Маркс К. и Энгельс Ф. Лорд Джон Россель.— Соч. Т. X, с. 495—516.
Маркс К. Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих.— Избр. произв. Т. I. М. 1948, с. 340.
Маркс К. Кризис в Англии.— Соч. Т. XII. Ч. 2, с. 253.
Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 17 августа [1849 г.] — Соч. Т. XXI, с. 113.
Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу. 23 февраля 1851 г.— Соч. Т. XXI, с. 155—156.
Маркс К. Капитал. Т. I, III. [М.] 1950. [Т. I, с. 283—305; т. III, гл. 25, с. 305—329.]
Энгельс Ф. Праздник народов в Лондоне.— Соч. Т. V, с. 25—41.
Энгельс Ф. Корреспонденции в «Réforme».— Соч. Т. V, с. 271—278.
Энгельс Ф. Парламент английских рабочих.— Соч. Т. V, с. 571—574.
Энгельс Ф. Десятичасовой рабочий день.— Соч. Т. VIII, с. 93—111.
Энгельс Ф. Статьи об Англии.— Соч. Т. VIII, с. 432—433.
Энгельс Ф. Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день.— Соч. Т. XV, с. 557.
Энгельс Ф. Англия в 1845 и 1885 годах.— Соч. Т. XVI. Ч. 1, с. 194—196.
Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. 8 января 1851 г.— Соч. Т. XXI, с. 129—130.
Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. 18 марта 1852 г.— Соч. Т. XXI, с. 342. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 64—65.
Энгельс Ф. Письмо Э. Дронке. 9 июля 1851 г.— Соч. Т. XXV, с. 103.
Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии.—Исследования, Статьи. [М.] 1940, с. 293—573.
Энгельс Ф. Хронология чартистского движения. Хронологическая таблица.— *Архив Маркса и Энгельса.* 1948, Т. X, с. 264—276.
Ленин В. И. Против бойкота.— Соч. Т. 13, с. 23.
Ленин В. И. Приемы борьбы буржуазной интеллигенции против рабочих.— Соч. Т. 20, с. 425.
Ленин В. И. Империализм и раскол социализма.— Соч. Т. 23, с. 100—102.
Ленин В. И. Третий Интернационал и его место в истории.— Соч. Т. 29, с. 282—283.
Сталин И. В. Беседа с английским писателем Г. Д. Уэллсом. [М.] 1939, с. 18.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

The Dictionary of national biography. Ed. by L. Stephen and S. Lee. Vol. 1—63. L. 1885—1900.

ИСТОЧНИКИ

Официальные документы

Hansard's parliamentary debates. Ser. 3d. Vol. 89—123. [1847—1852.] L. 1847—1853.

Периодическая печать

The Cause of the People. Ed. by W. J. Linton and G. J. Holyoake. L. 1848—1849.
The Democratic Review of British and foreign politics, history and literature. Ed. by G. J. Harney. L. June 1849 — Sept. 1850.
The Economist. L. 2 Sept. 1843—.
The Friend of the People. Ed. by G. J. Harney. L. 7 Dec. 1850—26 July 1851.
The Illustrated London News. 14 May 1842 — 1848—1852. Ed. by Ch. Mackay.
The Red Republican. Weekly journal. Ed. by G. J. Harney. L. 22 June — 30 Nov. 1850.
The Labourer. A monthly magazine of politics, literature, poetry etc. Ed. by F. O'Connor and E. Jones. Vol. 1—4. Manchester. 1847—1848.
The Morning Herald. L. 1 Nov. 1780— 31 Dec. 1869.

The Northern Star. Leeds [from 1844 London]. 18 Nov. 1837—13 March 1852. [Ed. by F. O'Connor, W. Hill, G. J. Harney.]
Reynolds's Political Instructor. Ed. by G. W. M. Reynolds. L. 10 Nov. 1849—11 May 1850.
The Sun. L. 1 Oct. 1792—15 Apr. 1876.
The Times. L. 1 Jan. 1785—.

Мемуары. Переписка

Albert, prince. Letters of the prince consort, 1831—1861. Select. and ed. by K. Jagow. Transl. by E. T. S. Dugdale. N. Y. 1938. XV, 381 p.
Asheley E. The life and correspondence of H. J. Temple, viscount Palmerston. Vol.1—2. L. 1879.
Frost Th. Forty years' recollections: literary and political. L. 1880. VIII, 347 p.
Greville Ch. The Greville memoirs. Ed. by L. Strachey and R. Fulford. Vol. 5—6. [1842—1853.] L. 1938.
Jones E. Selections from the writings and speeches... L. 1952. 284 p.
Malmesbury J. H. H. Memoirs of an ex-minister. An autobiography. New ed. L. 1885. 696 p.
Russel J. The latter correspondence... 1840—1878. Ed. by G. P. Gooch. Vol. 1—2. L. 1925.
Russel J. Recollections and suggestions (1813—1873). 2d ed. L. 1875. X, 475 p.
Victoria, queen. The letters of queen Victoria. Ed. by A. Ch. Benson and Esher. Vol. 2. 1844—1853. L. 1908. XI, 472 p.

Исторические работы

Джефсон Г. Платформа, ее возникновение и развитие. (История публичных митингов в Англии). Пер. с англ. под ред. В. Ф. Дерюжинского. Т. 2. СПб. 1901. 613, XI с.
Halévy E. Histoire du peuple anglais au XIX-e siècle. Vol. 4. Le milieu du siècle (1841—1852). P. 1946. 398 p.
Hammond J. L. and Hammond B. The age of the chartists, 1832—1854. A story of discontent. L. 1930. XX, 386 p.
Harris W. The history of the Radical party in Parliament. L. 1885. VIII, 510 p.
Low S. and Sanders L. C. The history of England during the reign of Victoria (1837—1901). L. 1907. XVIII, 532 p. (The political history of England ed. by W. Hunt. XII.)
Maccoby S. English radicalism. 1832—1852. L. [1935.] 462 p.
Trevelyan G. M. British history in the nineteenth century (1782—1919). New ed. L.— N. Y. [1937.] XVI, 512 p.
Walpole S. A history of England from the conclusion of the Great war in 1815. New impr. T. 5. L.—N. Y. 1912. X, 480 p.
Woodward E. L. The age of reform, 1815—1870. Oxford. 1939. XVIII, 656 p. [The Oxford history of England... XIII.]

Morley J. Life of Richard Cobden. 14th ed. L. 1920. XXIII, 985 p.
Bell H. C. F. Lord Palmerston. Vol. 1—2. L.—N. Y. 1936.
Walpole S. Life of Lord John Russel. Vol. 1—2. L. 1891.
Hodder E. The life and work of the seventh earl of Shaftesbury. Vol. 2. L. 1886. IX. 527 p.

Экономическое положение

О кризисе 1847 г. см. литературу к гл. 1, с. 502.

Перцев В. Н. Экономическое развитие Англии в XIX в. Минск. 1924. 211 с.
Clapham J. H. An economic history of modern Britain. The early railway age 1820—1850. Cambridge. 1926. XVIII, 623 p.
Commerce and industry. A historical review of the economic conditions of the British Empire from the Peace of Paris in 1815 to the declaration of war in 1914... Ed. by W. Page. L. 1919. XV, 492 p.— Tables of statistics for the British Empire from 1815. XX, 238 p.
Cunninham W. Growth of English industry and commerce in modern times. [Vol. 2. Pt 2.] Laissez faire. Cambridge. 1925. XII, 1039 p.
Gibbins H. B. The industrial history of England. Compl. rev. and enl. by J. F. Rees. 28th ed. rev. and enl. L. 1926. XI, 244 p. Перевод: **Гиббинс Г. Б.** Промышленная история Англии. 2-е доп. изд. с прим. и прил. Пер. с. 4-го англ. изд. А. Каменского. СПб. 1898. VI, 212, 17 с.
Knowles L. Ch. A. The industrial and commercial revolutions in Great Britain during the nineteenth century. 2d ed. L.—N. Y. 1927. XII, 416 p. (Studies in economics and political science... N 61.)

Чартистское движение

Gammage R. G. The history of the Chartist movement. 1837—1854. Newcast-on-Tyne. 1894. 438 p. [1st ed.: 1854.] Перевод: **Гаммедж Р.** История чартизма. Пер. с англ. А. В. Погожевой. СПб. 1907. VII, 506 с.

Ротштейн Ф. А. Очерки по истории рабочего движения в Англии. Изд. 2-е перераб. и доп. М.—Л. 1925. 343 с

Семенов В. Маркс и Энгельс и чартизм.— *Историк-марксист.* 1933. № 1 (29), с. 67—93.
См. также с. 502: **Милютин В. А.** Пролетариат и пауперизм в Англии и во Франции...; с. 496: **Шелгунов Н. В.** Рабочий пролетариат в Англии и во Франции...
Bachmann F. Die Agrarreform in der Chartistenbewegung. Inaug.-Diss. Bern. 1928. 91 S.
Beer M. Geschichte des Sozialismus in England. Stuttgart. 1913. XII, 512 S. Перевод: **Бер М.** История социализма в Англии. Пер. с нем. М. Е. Ландау с предисл. Ф. А. Ротштейна. Ч. 2. Период чартизма 1825—1854. М.—Пр. 1924.
Dolléans E. Le chartisme. Nouv. éd. refondue. 1949. XII, 337 p. (Bibliothèque d'histoire économique et sociale. Dir. G. Bourgin e. a.)
Hovell M. The chartist movement. Ed. and compl. with a memoir by T. F. Tout. Manchester — London. 1918. XXXVII. 327 p. (Publications of the Univ. of Manchester. Hist. series. N 31.)
Schlüter H. Die Chartism-Bewegung. Ein Beitrag zur sozialpolitischen Geschichte Englands. N. Y. 1916. 368 S. Перевод: **Шлютер Г.** Чартистское движение. Очерк социально-политической истории Англии. М. 1925. 388 с.
Slossen P. W. The decline of the Chartist movement. N. Y. 1916. 216 p. (Columbia Univ. Studies in history, economics and public law. Vol. 73. N 2.) Перевод: **Слоссон П. В.** Чартистское движение и причины его упадка. Пер. с англ. М. Е. Ландау. М. 1923. 168 с.
Webb S. and Webb B. The history of trade-unionism. (Rev. ed.) L. — N. Y. 1920. XVIII, 784 p. Перевод: **Уэбб С. и Уэбб Б.** История тред-юнионизма. Пер. с пересмотр. и доп. изд. 1920 г. Вып. 2. Изд. 3-е. М. 1925.
West J. A history of the chartist movement. With an introd. memoir by J. C. Squire. L. 1920. 316 p.

Деятели чартистского движения

Маркс К. и Энгельс Ф. Фергус О'Коннор.— Соч. Т. IX, с. 128—129.

Cole G. D. H. Chartist portraits. L. 1941. VII, 378 p.
Cooper Th. Life of Thomas Cooper written by himself. 2d ed. L. 1872. VII, 400 p.
Conklin R. J. Thomas Cooper, the chartist (1805—1892). Manila. 1935. VI, 482 p.
Davies D. P. A short sketch of the life and labours of Ernest Jones. L. 1897. 31 p.
Leary F. Life of Ernest Jones. L. 1887. 94 p.
Lovett W. Life and struggles of W. Lovett... With an introduc. by R. H. Tawney. Vol. 1—2. N. Y. 1920.

К главе 55

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ИРЛАНДСКОГО НАРОДА

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Месть Ирландии.— Соч. Т. X, с. 339—341.
Маркс К. и Энгельс Ф. Лорд Джон Россель.— Соч. Т. X, с. 508—509.
Маркс К. Речь Маркса [по польскому вопросу (22 февраля 1848 г.)].— Соч. Т. V, с. 263.
Маркс К. Парламентские дебаты об Индии. Соч. Т. IX, с. 718.
Маркс К. Кризис в Англии.— Соч. Т. XII. Ч. 2, с. 253.
Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. 23 мая 1856 г.— Соч. Т. XXII, с. 143—145. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 86—88.
Ленин В. И. О программе мира.— Соч. Т. 22, с. 153—154.
Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос.— Соч. Т. 2, с. 303—312.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Crone J. S. A concise dictionary of Irish biography. Rev. and enl. ed. Dublin. 1937. VIII, 290 p.

ИСТОЧНИКИ

Периодическая печать

The Nation. Ed. by Ch. G. Duffy. Vol. 1—6. Dublin. 1842—1848.
The United Irishman. [Ed. by J. Mitchel.] Vol. 1. N 1—16. Dublin. 12 Febr.— 27 May 1848.
The Irish Felon successor of *The United Irishman.* [Ed. by J. Martin]. Vol. 1. N 1—5. 24 June — 22 July 1848.

Мемуары. Работы современников

Duffy Ch. G. Four years of Irish history 1845—1849, a sequel to «Young Ireland». Dublin. 1883. XV, 780 p.
Mitchel J. The last conquest of Ireland (perhaps). Dublin. 1861. XII, 325 p.
Senior N. W. Journals, conversations and essays relating to Ireland. Vol. 1—2. 2d ed. L. 1868.
Sullivan A. M. New Ireland: political scetches and personal reminiscences. 4th ed. Vol. 1—2. L. 1878.
Trevelyan Ch. E. The Irish crisis being a narrative of measures for the relief of the distress caused by the great Irish famine of 1846—47. L. 1880. [Reprinted from the *Edinburgh Review*, 1848.]

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Афанасьев Г. История Ирландии. СПб. 1907. 312 с. (История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время.)

Керженцев П. М. Ирландия в борьбе за независимость. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. 1936. 244 с.

Кунина В. Революционное движение в Ирландии в 1848 г.— *Вопросы истории*. 1949. № 10, с. 95—106.

Curtis E. A history of Ireland. 4th ed. (rev.) L. [1942.] VIII, 434 p.

Ireland T. Ireland, past and present, with an introduc. by J. F. O'Ryon. N. Y. 1942. XXXIX, 1010 p.

Jackson Th. A. Ireland her own. An outline history of the Irish struggle for national freedom and independence. L. 1946. 440 p. Перевод: **Джексон Т. А.** Борьба Ирландии за независимость. Пер. с англ. Предисл. В. Григорьева. М. 1949, 361 с.

O'Brien G. The economic history of Ireland from the union to the famine. L.—N. Y. 1921. XII, 589, 34 p.

O'Brien W. P. The great famine in Ireland and a retrospect of fifty years 1845—1895... L. 1896. 340 p.

O'Connor Th. P. The Parnell movement, with a sketch of Irish parties from 1843. L. 1887. 302 p.

O'Rourke J. History of the great Irish famine of 1847. 3d ed. Dublin. 1902. 559 p.

Two centuries of Irish history, 1691—1870, with introduc. by J. Bryce. L. 1888. XXXV, 530 p.

Dillon W. Life of John Mitchel. Vol. 1—2. L. 1888.

К главе 56

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В БЕЛЬГИИ В 1848 Г.

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты». Бельгийские дела.— Соч. Т. VI, с. 349—360.

Маркс К. Редактору газеты «Réforme». [8 марта 1848 г.].— Соч. Т. V, с. 279—280.

Энгельс Ф. Вильгельм Вольф.— Соч. Т. XV, с. 324—325.

Энгельс Ф. Письмо К. Марксу. 9 марта 1848 г.— Соч. Т. XXI, с. 94, 95—96.

Адрес Демократической ассоциации. Брюссель, 28 февраля 1848 г. [Подписано: Жоттран, адвокат, председатель; К. Маркс, вице-председатель, и др.].— **Маркс К. и Энгельс Ф.** Соч. Т. V, с. 577—578.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Pirenne H. Bibliographie de l'histoire de Belgique. 3-e éd., rev. et complétée. Bruxelles. 1931. p. 371—378.

Biographie Nationale. Publ. par l'Academie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. T. 1—27. Bruxelles. 1866—1938.

ИСТОЧНИКИ

Официальные документы

Annales parlementaires de Belgique. Chambre des représentants et Sénat. Bruxelles. Sessions. 1847—1848, 1848—1849.

Documents parlementaires. Pièces imprimées par ordre de la Chambre des représentants et du Sénat. Bruxelles. Sessions: 1847—1848, 1848—1849.

Bulletin de la Commission centrale de statistique. T. 1—3. Bruxelles. 1843—1847. (Royaume de Belgique. Ministère de l'intérieur.)

La crise de la neutralité belge de 1848. Le dossier diplomatique. Publ. par A. Ridder. T. 1—2. Bruxelles. 1928. (Commission Royale d'histoire.)

Bruxelles. Cours d'appel. Attaque à main armeé de Risquons-tout. 29 mars 1848. Acte d'accusation. [Bruxelles. 1848.] 39 p.

Периодическая печать

Le Débat social. Bruxelles.
L'Emancipation. Bruxelles.
L'Indépendance belge. Bruxelles.
Journal de Bruxelles.
L'Observateur. Bruxelles.
Le Moniteur belge. Journal officiel. Bruxelles.
La Politique. Bruxelles.

Мемуары. Переписка. Публицистика, современная событиям

Alaux G. La Belgique au commencement de 1848.— *Revue des deux mondes*. P. 1848. T. 21, p. 933—960.

Castiau A. Lettres démocratiques. Bruxelles. 1886. 138 p.

Célébration à Bruxelles du deuxième anniversaire de la révolution polonaise du 22 février 1846. Discours prononcés par A. J. Senault, K. Marx, Lewel, F. Engels et L. Lubliner. Bruxelles. 1848. 32 p.

Gerlache E. C. Essai sur le mouvement des partis en Belgique depuis 1830 jusqu'à ce jour. Bruxelles. 1852. 85 p.

Jottrand L. Charles-Louis Spilthorn. Evénements de 1848 en Belgique. Bruxelles. 1872. 138 p.

Lettres sur la Belgique. I. Le Parti libéral depuis 1830. II. Le Parti libéral et le radicalisme belge depuis 1847.— *Revue des deux mondes*. P. 1848. T. 23, p. 260—270, 585—594.

Ligne E. L. Souvenirs et portraits, 1830—1856. Publ. avec une introd. et des notes par F. L e w r i d a n t. Bruxelles — Paris. 1930. 147 p.
Saint-Ferréol A. Les proscrits français en Belgique ou la Belgique contemporaine vue à travers l'exil. Pt. 1. Bruxelles. 1870. 334 p.
Tedesco V. A. Catéchisme du prolétaire. Publ. par le Comité de rédaction du journal «Le Peuple». Liège. 1849. 16 p.

Исторические работы

Желубовская Э. А. Бельгия в 1848 г.— *Вопросы истории*. 1948. № 4, с. 3—22.
Bertrand L. Histoire de le démocratie et du socialisme en Belgique depuis 1850. Préf. de E. Vandervelde. T. 1. Bruxelles — Paris. 1906. XIV, 450 p. Перевод: **Бертран Л.** История демократии и социализма в Бельгии с 1830 г. Т. 1. С предисл. Э. Вандервельде. Пер. с франц. Е. Лазарева. М. 1907. 389 с.
Bronne C. Léopold I et son temps. Bruxelles. 1947. 399 p.
Cinquante ans de liberté. T. 1. Bruxelles. 1882. 739 p.
Histoire de la Belgique contemporaine, 1830—1914. [Réd. par B e y e n s.] T. 1—3. Bruxelles. 1928—1930.
Huysmans C., Bruckère L. et Bertrand L. 75 années de domination bourgeoise, 1830—1905. Essais... Gand. 1905. 327 p. Перевод: **Гюисман К., Брукер Л.** и **Бертран Л.** 75 лет буржуазного господства, 1830—1905 гг. Пер. с изд. Бельгийской рабочей партии М. Мсерсона под ред. И. П. Г о л ь д е н б е р г а. М. 1906. 173 с.
Kalken F. La Belgique contemporaine (1780—1930). Histoire d'une évolution politique. 1930. 218 p.
Lichtervelde L. Léopold I et la formation de la Belgique contemporaine. Bruxelles. 1929. 383 p.
Pirenne H. Histoire de Belgique. VII. De la révolution de 1830 à la guerre de 1914. Bruxelles. 1932. XII, 416 p.
Thonissen J. J. La Belgique sous le règne de Léopold I. 2-e éd. T. 2—3. Bruxelles — Louvain. 1861.
Vandenpeereboom E. Du gouvernement représentatif en Belgique (1831—1848). T. 2. [1841—1848.] Bruxelles. 1856. 390 p.
Wilmotte M. La Belgique morale et politique (1830—1900). Avec une préf. de E. Faguet. P. [1902.] XXI, 355 p.

Chlepner B. S. La banque en Belgique. Etude historique et économique. T. 1. Le marché financier belge avant 1850. Bruxelles. 1926. 429 p.
Dechesne L. Histoire économique et sociale de la Belgique depuis les origines jusqu'en 1914. P. 1932. 519 p.
Jacquemyns G. Histoire de la crise économique des Flandres (1845—1850). Bruxelles. 1929. 472 p. (Académie royale de Belgique. Classe des lettres et des sciences morales et politiques. Mémoires. T. 26. Fasc. 1.)
Ridder A. Un projet d'emprunt anglo-belge en 1848. In: Mélanges d'histoire offerts à H. Pirenne. T. 1. Bruxelles. 1926, p. 99—108.

Adnet A. Histoire du parlement belge, 1847—1858. Bruxelles. 1862. 221 p.
Defourny M. Les congrès catholiques en Belgique. Louvain. 1908. VII, 296 p.
Discailles E. Le socialiste français Victor Considérant en Belgique. Bruxelles. 1895. 46 p.
Guyot de Mishaegen G. Le Parti catholique belge de 1830 à 1884. [Louvain.] 1946. 215 p.
Hymans L. Histoire parlementaire de la Belgique de 1831 à 1880. Sér. 1. T. 2. Bruxelles. 1878—1880.
Kalken F. La fin de l'unionisme en Belgique. In: Mélanges d'histoire offerts à H. Pirenne. T. 2. Bruxelles. 1926, p. 611—618.
Laveleye E. Le parti clérical en Belgique. P. 1874. Bruxelles. 111 p.
Maes L. L'affaire de Risquons-tous. Préf. de L. Leconte. Mouscron. 1935. 206 p.

Hymans P. Frère-Orban. T. 1—2. Bruxelles. [1910.]
Discailles E. Charles Rogier d'après des documents inédits. T. 3—4. Bruxelles. 1894—1895.

К главе 57

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В НИДЕРЛАНДАХ В 1848—1849 ГГ.

Де Вит А. Современные Нидерланды. В кн.: История нашего времени. Под ред. М. М. К о в а л е в с к о г о и К. А. Т и м и р я з е в а. Т. 1. Отд. 1. СПб. Б. г. С. 300—348.
Albers P. H. Geschiedenis van het herstel der hierarchie in de Nederlanden. Deel 1—2. Nijmegen. 1903—1904.
Blok P. J. Geschiedenis van het Nederlandsche volk. Deel 8. Gromingen. 1907. Англ. перевод: **Blok P. J.** History of the people of the Netherlands. Pt 5. Eighteenth and nineteenth centuries. Transl. by O. A. Bierstadt. N. Y.—L. 1912. VI, 550 p.
Bruyne J. A. en **Japikse N.** Die staatkundige geschiedenis van Nederland in onzen tijd (1848—1917). Deel 1. Leiden. [1917.]
Enno van Gelder H. A. Histoire des Pays-Bas du 16-e s. à nos jours. P. 1936. 194 p.
The Netherlands. Ed. by B. L a n d h e e r. 2d print. Berkeley — Los Angelos. 1944. 448 p.

Romein J. De lage landen bij de Zee. Geilustreerde geschiedenis van het Nederlandsche volk van Duinkerken tot Delfzijl. Utrecht. 1934. 712 S.

Baasch E. Holländische Wirtschaftsgeschichte. Jena. 1927. 632 S. (Handbuch der Wirtschaftsgeschichte. Hrsg. von G. Brodnitz.) [Имеется русск. сокращ. пер. 1949 г., но он доведен только до 19 в.]

Welderen Rengers W. J. Schet eener parlementaire geschiedenis van Nederland 1849 tot 1891. 3-e dr. 's-Gravenhage. 1918.

Brugmans I. J. Thorbecke. Haarlem. 1932.

К главе 58

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ В ИСПАНИИ В 1848 Г.

Маркс К. и Энгельс Ф. Революция в Испании. Статьи и корреспонденции. 1854—1873. [М.] 1937, с. 74—77, 81.

Sánchez A. B. Fuentes de la historia española e hispanoamericana. 2a ed. rev. y ampl. Vol. 2. Madrid. 1927. XVI, 468 p. — Apéndice. Madrid. 1946. 464 p.

España. Córtes. Diario de las sesiones de Córtes. Legislatura de 1847—1848. Legislatura de 1849—1850. Madrid. 1877—1878.

Alaux G. L'Espagne depuis la révolution de février.— *Revue des deux mondes*. P. 1849. T. 2, p. 823—845. T. 3, p. 823—845. T. 3, p. 475—494.

Altamira y Crevea R. Histoire d' Espagne. P. 1931. 222 p.

Ballester R. Histoire d'Espagne des origines à nos jours. Trad. d'espagnol par Th. Legrand. P. 1938. 339 p.

Baumgarten H. Geschichte Spaniens vom Ausbruch der französischen Revolution bis auf unsere Tage. Tl 3. Lpz. 1868. 640 S. (Staatengeschichte der neuesten Zeit. Bd 17.)

Becker J. Historia de las relaciones exteriores de España durante el siglo XIX. T. 2. (1839—1868). Madrid. 1924. 807 p.

Lafuente y Zamelloa M. Historia general de España. T. 23. Barcelona. 1922. 393 p.

Latimer E. W. Spain in the nineteenth century. Chicago. 1894. 441 p.

См. также с. 549: **Ashley E.** The life and correspondence of Palmerston; с. 558: **Greer D. M.** L'Angleterre, la France et la Révolution de 1848...

К главе 59

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ В СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ В 1848 Г.

ШВЕЦИЯ

Sweden. Historical and statistical handbook. By order of the Swedish government ed. by J. Guinchard. 2d ed. Engl. iss. Stockholm. 1917. Pt. 1—2. [Имеются шведск. и нем изд.]

Берендтс Э. Н. Государственное хозяйство Швеции. Ч. 2. Вып. 1. Обзор политико-социального и экономического развития Швеции в 19-м ст. Ярославль. 1894. 364 с.

Andersson I. Sveriges historia. Stockholm. 1943. 557 с. Перевод: **Андерссон И.** История Швеции. Пер. со швед. Н. А. Каринцева. Под ред. и с предисл. Я. Я. Зутиса. М. 1951. 408 с.

Hallendorff C. and Schück A. History of Sweden. L. 1929. XXIV, 466 p.

Montgomery G. A. The rise of modern industry in Sweden. L. [1939.] VIII, 287 p.

НОРВЕГИЯ

Энгельс Ф. Гражданская война в Швейцарии.— Соч. Т. V, с. 227—228.

Энгельс Ф. Письмо П. Эрнсту. 5 июня 1890 г.— Соч. Т. XXVIII, с. 220—221. См. также: Избр. письма. [М.] 1948, с. 419—420.

Norsk biografisk leksikon... Bd 1—8. Kristiania — Oslo. 1923—1938.

Bosse E. Norwegens Volkswirtschaft vom Ausgang des Hansaperiode bis zur Gegenwart... Tl 2. Jena. 1916. 783 S. (Probleme der Weltwirtschaft. Hrsg. v. B. Harms.)

Gjerset K. History of the norwegian people. Vol. 2. N. Y. 1915. X, 626 p.

Johnsen O. A. Norwegische Wirtschaftsgeschichte. Jena. 1939. VIII, 590 S.

Koht H. Die 48-er Arbeiterbewegung in Norwegen.— *Archiv f. d. Geschichte d. Sozialismus und d. Arbeiterbewegung*. Hrsg. von C. Grünberg. 1912. Jg 2, S. 237—274.

Koht H. Arbeidar-rørsla av 1848 i Noreg. Kristiania. 1914. 56 s.

Koht H. Les luttes des paysans en Norvège du XVI-e au XIX-e s... P. 1929. 315 p.

Överland O. A. Thraniterbevegelsen. Kristiania. 1903. 360 s.

Friis J. Marcus Thrane. Kristiania. [1917.] 104 s.

Koht H. Marcus Thrane. Kristiania. 1917. 72 s.

ДАНИЯ

Birch J. H. S. Denmark in history. L. 1938. XIX, 444 p.

Danmarks Riges Historie. Red. af L. Steenstrup. Bd 6. Kjøbenhavn. 1907.

Det danske Folks Historie. Red. af A. Friis, A. Linvald, M. Mackeprang. Bd 6—7. Kjøbenhavn. 1926—1928.

Nielsen A. Dänische Wirtschaftsgeschichte unter Mitarbeit von E. Arup [und and.]. B. 1933. 660 S.

См. также с. 559: [**Droysen J. G.** et **Sammer K. F.**] Die Herzogtümer Schleswig-Holstein und das Königreich Dänemark...

К главе 60

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ШВЕЙЦАРИИ В 1848 Г.

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты». Германская центральная власть в Швейцарии.— Соч. Т. VII, с. 81—89.

Маркс К. и Энгельс Ф. Политическое положение Швейцарской республики.— Соч. Т. IX, с. 301—307.

Энгельс Ф. Гражданская война в Швейцарии.— Соч. Т. V, стр. 227—234.

Энгельс Ф. Революционные движения 1847 года.— Соч. Т. V, с. 243—245.

Сталин И. В. Против федерализма.— Соч. Т. 3, с. 25.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Historisch-biographisches Lexikon der Schweiz, hrsg. mit d. Empfehl. d. allg. Geschichtsforsch. Gesellsch. d. Schweiz. Bd 1—7. Neuenburg. 1921—1934. [Имеется изд. на франц. яз., вышедшее в Невшателе в те же годы.]

ИСТОЧНИКИ

Correspondence relative to the affaires of Switzerland. Presented to both Houses of Parliament...1847—1848. L. [1848.] 316 p.

Dufour G. H. La campagne du Sonderbund et les événements de 1856. 2-e éd. Neuchâtel — Paris. 1876. 250 p.

Grandpierre L. Histoire du canton de Neuchâtel sous les rois de Prusse 1707—1848. Mémoires politiques. Leipzig — Neuchâtel — Paris. 1889. 638 p.

Kern J. C. Souvenirs politiques 1838—1883. Rédigés avec la collaboration de C. Dubois. Bern. 1887. V, 383 p.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Bluntschli J. C. Geschichte des schweizerischen Bundesrechts von den ersten ewigen Bünden bis auf die Gegenwart. 2. Ausg. Bd 1—2. Stuttgart. 1875. [Текст конституции 1848 г. см.: Bd 2, S. 429—450.]

Chaudet G. Histoire du parti radical suisse. Bern. 1917. 176 p.

Curti Th. Geschichte der schweizerischen Volksgesetzgebung. (Zugleich eine Geschichte der schweizerischen Demokratie). 2. Aufl. Stuttgart. 1885. XVI, 294 S.

Перевод: **Курти Ф.** История народного законодательства и демократии в Швейцарии. Пер. с нем. Г. Ф. Львовича. СПб. 1900. VIII, 238 с.

Dändliker K. Geschichte der Schweiz mit besonderer Rücksicht auf die Entwicklung des Verfassungs- und Kulturlebens... 3. verbess. und verm. Aufl. Zürich. Bd 3. 1904. 952 S.

Gagliardi E. Geschichte der Schweiz. Von den Anfängen bis auf die Gegenwart. Bd 2—3. Zürich — Leipzig — Berlin. 1920—1927.

Humbert A. Alexis-Maire Piaget d'après sa correspondance et la République neuchâteloise de 1848 à 1858. T. 1. Histoire des cinq premières années de la république. Neuchâtel. 1888.

Meyer L. F. Der schweizerische Bundesstaat 1848—1923. Ein Rück- und Ausblick. Lüzern. 1924. 108 S.

Spreng H. Ulrich Ochsenbein, 1811—1848. Bern. 1918. 196 S.

Stern A. Zur Geschichte des Sonderbundes.— *Hist. Zeitschrift*. 1879. Bd 42, S. 77—105.

Van Muyden B. Histoire de la nation Suisse. T. 3. Lausanne. 1899. 544 p. Перевод: **Ван Мюйден Б.** История швейцарского народа. Пер. с франц. под ред. Э. Л. Радлова. Т. 3. СПб. 1902. 480 с.

Weber K. Die schweizerische Presse im Jahre 1848. Basel. 1927. 238 S.

К главе 61

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В МОЛДАВИИ И ВАЛАХИИ В 1848 Г.

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и Энгельс Ф. Национальности в Турции.— Соч. Т. IX, с. 375—376.

Маркс К. и Энгельс Ф. Турецкий вопрос в нижней палате.— Соч. Т. IX, с. 463.

Маркс К. и Энгельс Ф. Эвакуация придунайских княжеств.— Соч. Т. X, с. 98—102.

Маркс К. Капитал. Т. I. [М.] 1950, с. 240—244.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАТЕЛИ

Göllner C. Anul revoluţionar 1848 în principatele române. O contribuţie bibliografică. Cluj. 1934. 17 p. (Biblioteca bibliologica. 2.) [Указатель румынской и французской литературы.]

Oprescu G. Contributions à la bibliographie des événements de 1848—1850 en Transylvanie et dans les principautés danubiennes.— *Revue hist. du Sud-Est Européen*. 1926. T. 3, p. 27—37.

ИСТОЧНИКИ

Акт, заключенный в Балта-Лимане, 19 апреля 1848 г. В кн.: Договоры России с Востоком политические и торговые. Собр. и изд. Т. Юзефович. СПб. 1869, с. 103—107.

Règlement organique de la principauté de Moldavie. N. Y. [1833.] 370 p.

Anul 1848 în principatele române. Acte și documente publ. cu ajutorul comitetului pentru rădicare monumentului lui I. C. Brătianu.T. 1—6. București. 1902—1910. [Anexa bibliografică în: T. 6, p. 309—325.]

Anul revoluționar 1848. I. In Moldova. Sub red. M. Roller. București. 1950. 468 p. (Documente și mărturii privind istoria RPR).

Bălcescu N. Opere. Ediție critică adnotată, cu o introd. de G. Zane. T. 1—2. București. 1940.

Bibesco G. Roumanie. T. 1—2. P. 1893—1894. [T. 1. D'Andrinople à Balta-Liman (1829—1849). Règne de Bibesco. Correspondance et documents (1843—1856). T. 2. 1843—1859. Règne de Bibesco. Lois et décrets (1843—1848). Insurrection de 1848.]

Brătianu D. Din archiva lui Dumitru Brătianu. Acte și scrisori din perioda 1840—1870. Publ. cu o schiță biografică de A. Cretzianu. Vol. 1. București. 1933. 367 p.

Héliade Radulesco J. Mémoires sur l'histoire de la régénération roumaine ou sur les événements de 1848 accomplis en Valachie. P. 1851. XVIII, 407 p.

[**Héliade Radulesco J.**] Le protectorat du czar ou la Roumanie et la Russie. Nouveaux documents sur la situation européenne. Par J. R., témoin oculaire des événements qui se sont passés en Valachie de 1828 à 1849. P. 1850. 60 p.

[**Ubicini A.**] Mémoire justificatif de la révolution roumaine du 11 (23) juin 1848. P. 1849. IX, 66 p.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Березняков Н. В. Революционное движение 1848 г. в Дунайских княжествах. Ред. А. И. Молок. Кишинев. 1951. 76 с. (Ин-т истории, языка и лит-ры Молд. филиала АН СССР).

Борецкий-Бергфельд Н. История Румынии. СПб. [1909.]217 с. (История Европы по эпохам и странам в средние века и новое время.)

Палаузов С. Н. Румынские господарства Валахии и Молдавии в историко-политическом отношении. СПб. [1859.] 296 с.

Albini S. Introducere. [Istoria anului 1848.] In: Anul 1848 în principatele române. Acte și documente... T. 6. București. 1910, p. 1—CXXXVIII.

Constantinesco L. L'éveil des pays roumains en 1848. In: L'esprit de 1848. [Mulhouse. 1948], p. 323—346.

Damé F. Histoire de la Roumanie contemporaine depuis l'avènement des princes indigènes jusqu'à nos jours (1822—1900). P. 1900. VIII, 451 p.

Emerit M. Les paysans roumains. Depuis le traité d'Adrinople jusqu'à la libération des terres (1829—1864). Etude d'histoire sociale. P. 1937. 577 p.

Filitti I. C. Domniile române sub Regulamentul organic, 1834—1848. București. 1915.

Iorga N. Geschichte des rumänischen Volkes im Rahmen seiner Staatsbildung. Bd 2. Gotha. 1905. VI, 541 S. (Allg. Staatengeschichte. 1. Abt. Geschichte der europ. Staaten.)

Iorga N. Istoria comertului românesc. Epoca mai nouă. Vol. 2. București. 1925.

Sturdza A. Règne de Michel Sturdza prince régnant de Moldavie 1834—1849 suivi d'actes et documents diplomatiques inédits. P. 1907. IX, 432 p. (De l'histoire diplomatique des romains. 1821—1859.)

Xenopol A. D. Istoria partidelor politice în România. Vol. 1. Dela origini până la 1866. București. 1910. 626 p.

Xenopol A. D. Istoria românilor din Dacia Traiană. Vol. 12. Revoluția din 1848. Ed. 3. București. 1930. 320 p.

Panaitescu P. Contribuții la o biografie a lui N. Bălcescu. București. 1923. 160 p.

Popescu-Doreanu N. Nicolae Bălcescu și revoluția dela 1848. [București.] 1948. 163 p. Перевод: **Попеску-Доряну Н.** Революция 1848 года в Румынии и Николай Балческу. Пер. с румынск. Предисл. Ю. Звягина. М. 1950. 164 с.

Bejenaru N. C. Rolul lui I. C. Bratianu în revoluția dela 1848. — *Arhiva*. Iași. 1926, p. 121—129, 211—222.

Bejenaru N. C. O figura interesanta a revoluției dela 1848: preotul Radu Şapcă. — *Arhiva*. Iași. 1925, p. 271—278.

К главам 6, 43, 51

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

КЛАССИКИ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

Маркс К. и **Энгельс Ф.** Революция и контрреволюция в Германии. В кн.: **Маркс К.** Избр. произв. Т. II. [М.] 1940, с. 74—77.

Маркс К. и **Энгельс Ф.** Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VI. С. 184—186: Пражское восстание; с. 231—232: Первое деяние германского Национального собрания; с. 237—239: Внешняя политика Германии; с. 242—245: Внешняя политика Германии и последние события в Праге; с. 251—257: Русская нота: с. 258—260: Кельнская газета об Италии; с. 261—263: Бунзен; с. 354—355: Смертные приговоры в Антверпене; с. 363—367: Пруссия в Польше; с. 419—431: Перемирие с Данией; с. 432—433: Ратификация перемирия; с. 479—480: Англо-французское посредничество в Италии.

Маркс К. и Энгельс Ф. Статьи из «Новой Рейнской газеты».— Соч. Т. VII. С. 97—98: Новый священный союз; с. 102—104: Революционное движение; с. 316—317: О внешней политике французской республики; с. 347—349: Русские: с. 350—351: Третий в союзе; с. 352: Царь и его князьки; с. 387—390: Подвиги Гогенцоллернов.

Маркс К. и Энгельс Ф. Международные обзоры.— Соч. Т. VIII, стр. 201—214, 239—245, 255—258.

Маркс К. и Энгельс Ф. Что будет с Европейской Турцией?— Соч. Т. IX, с. 393—397.

Маркс К. и Энгельс Ф. Лорд Пальмерстон.— Соч. Т. IX, с. 485—548.

Маркс К. Финансовое положение Франции.— Соч. Т. XI. Ч. 1, с. 109—110.

Маркс К. Письмо Ф. Фрейлиграту. 31 июля [1849 г.].— Соч. Т. XXV, с. 57—58.

Маркс К. Письмо Ф. Лассалю. 6 апреля 1854 г.— Соч. Т. XXV, с. 201—202.

Энгельс Ф. Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г.— Соч. Т. VIII, с. 453.

Энгельс Ф. Савойя, Ницца и Рейн.— Соч. Т. XII. Ч. 1, с. 241, 245.

Энгельс Ф. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия.— Соч. Т. XIII. Ч. 1, с. 38.

Энгельс Ф. Эмигрантская литература.— Соч. Т. XV, с. 221.

Энгельс Ф. Введение к брошюре Боркгейма «На память ура-патриотам 1806—1807 гг.».— Соч. Т. XVI. Ч. 1, с. 302—303.

Энгельс Ф. Роль насилия в истории.— Соч. Т. XVI. Ч. 1, с. 452—458, 465—466, 469.

Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма.— Соч. Т. XVI. Ч. 2, с. 26—27.

Сталин И. В. О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма».— *Большевик.* М. 1941. № 9, с. 1—5.

Ленин В. И. События на Балканах и в Персии.— Соч. Т. 15, с. 204.

Ленин В. И. Поездка царя в Европу и некоторых депутатов черносотенной думы в Англию.— Соч. Т. 15, с. 425.

Ленин В. И. Под чужим флагом.— Соч. Т. 21, с. 117—129.

Ленин В. И. Крах II Интернационала.— Соч. Т. 21, с. 196.

Ленин В. И. Социализм и война.— Соч. Т. 21, с. 271—272, 279—280.

Ленин В. И. Открытое письмо Борису Суварину.— Соч. Т. 23, с. 188—189.

Сталин И. В., Жданов А. А., Киров С. М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР.— В кн.: К изучению истории. Сборник. М. 1946, с. 21.

•

ИСТОЧНИКИ И РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. 4, ч. 1; 8; 12; 15. СПб. 1878—1906.

Записка князя Меттерниха [Николаю I] о состоянии умов в Европе и об обязанностях правительств. 1848. (Пер. с франц. А. Б. З.)— *Русская старина.* 1873. Ноябрь, с. 782—799.

Martens G. F. Nouveau recueil général de traités, conventions, et autres transactions remarquables... T. 11—15. [Années 1847—1857.] Gottingue. 1853—1857.

Neumann L. Recueil des traités et conventions conclus par l'Autriche avec les puissances étrangères, depuis 1763 jusqu'à nos jours. T. 5. Lpz. 1859. 748 p.

Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant l'Autriche et l'Italie. [Publ. par L. Chodžko.] P. 1859. XIV, 792 p.

Angeberg. [**Chodžko L.**] Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques, concernant la Pologne, 1762—1862. P. 1862. XVI, 1171 p.

Documenti diplomatici sulle cose d'Italia dal giugno 1848 al marzo 1849. Venezia. 1851. 160 p.

Rothan G. L'Europe et l'avènement du Second empire. 1846—1853. Nouv. éd. P. 1893. XLIII, 444 p. (Souvenirs diplomatiques.)

История дипломатии. Т. 1. Под ред. В. П. Потемкина. М. 1941. 566 с.

Нарочницкий А. Л. Международные отношения от февральской революции до лета 1848 г. В кн.: К столетию революции 1848 года. Под ред. Б. Ф. Поршнева и Л. А. Бендриковой. Изд. 2-е. М. 1949, с. 31—96.

Нарочницкий А. Л. Международные отношения в Европе в июне — декабре 1848 г. — *Ученые записки* [*Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина*]. М. 1949. Т. 58. Кафедра истории нового времени. Вып. 2, с. 105—130.

Соловьев С. М. Россия, Австрия и Англия во время движений 1848—1849 гг.— *Русская старина.* 1877. Ноябрь, с. 407—426.

Татищев С. С. Европа накануне восточной войны 1853—1856 гг. В кн.: **Татищев С. С.** Из прошлого русской дипломатии. СПб. 1890, с. 73—153.

Bianchi N. Storia documentata della diplomazia europea in Italia dall'anno 1814 all'anno 1861. Vol. 5—7. [1846—1858.] Torino — Napoli. 1869—1870.

Bourgeois E. Manuel historique de politique étrangère. T. 3. 8-e éd. remaniée sur des documents nouveaux. P. 1927. 836 p.

Debidour A. Histoire diplomatique de l'Europe. Depuis l'ouverture du Congrès de Vienne jusqu'à la clôture du Congrès de Berlin (1814—1878). T. 1—2. P. 1891. Перевод: **Дебидур Д.** Дипломатическая история Европы. От Венского до Берлинского конгресса (1814—1878). Вступ. ст. А. Л. Нарочницкого. Т. 1—2. М. 1947.

Grant A. J. and **Temperley H.** Europe in the nineteenth century (1789—1914). L.—N. Y. 1927. XXI, 569 p.

Guichen E. Les grandes questions européennes et la diplomatie des puissances sous la Seconde république française. T. 1—2. P. 1925—1929.

Mowat R. B. History of European diplomacy. Vol. 1. 1815—1914. 2d impr. L. 1923. VIII, 308 p.

Stern A. Geschichte Europas seit den Verträgen von 1815 bis zum Frankfurter Frieden 1871. 2. Aufl. Bd 5 — 7. Stuttgart — Berlin. 1924 — 1928.

Taylor A. J. P. The Italian problem in European diplomacy. 1847—1849. Manchest — er. 1934. VIII, 252 p.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ

Россия

См. также литературу к гл.: Россия, с. 545—546; Венгрия... Царская интервенция в Венгрии, с. 543—544.

Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. Т. 23—24. Отд. 1. [1848—1849 гг.]

Николай I и европейская реакция 1848—1849 гг. [Предисл. Р. Авербух.]— *Красный архив.* 1931. Т. 4—5 (47—48), с. 3—49.

Австрийская революция 1848 г. и Николай I. [Предисл. Р. Авербух.]— *Красный архив* 1938. Т. 4—5 (89—90), с. 155—207.

Погодин М. П. Взгляд на русскую политику в нынешнем столетии. (1854). В кн.: **Погодин М. П.** Сочинения. Т. 4. М. 1874, с. 81—93.

Щербатов М. М. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность. Т. 6. 1848—1849 гг. СПб. 1899. XI, 404 с. [В приложении письма Николая I к Паскевичу и другие документы.]

[**Jomini A.**] Etude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852 à 1856). Par un ancien diplomate. T. 1. P. 1874. 545 p. [Обзор международных отношений 1848—1852 гг. и позиция России, с. 1—125.]

Meyendorff P. Peter von Meyendorff. Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien. Politischer Briefwechsel, 1826—1863. Hrsg. und eingel. von O. Hoetzsch. Bd 2—3. B.—Lpz. 1923. Об этой кн. см.: **Andraes W.** Die russische Diplomatie und die Politik Friedrich Wilhelms IV. von Preussen. B. 1926. 64 S. (Abhandlungen der Preuss. Akad. der Wissenschaften. 1926. Nr 6.)

Nesselrode Ch. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode extraits de ses archives. Publ. et ann. avec une introd. par A. Nesselrode. T. 8—10. P. [1910.]

Епанчин Н. Датская экспедиция 1850 г.— *Русская старина.* 1911. Октябрь, с. 112—127.

Зайончковский А. М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. СПб. 1908. 763 с.

Кухарский П. Ф. Дипломатические отношения между Францией и Россией в 1848—1851 гг.—*Ученые записки* [*Ленингр. гос. ун-та*]. *Серия ист. наук.* Вып. 18. Л. 1951, с. 7—111.

Кухарский П. Ф. Франко-русские отношения накануне крымской войны. Под ред. и с предисл. Е. В. Тарле. М. 1941. 190 с.

Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л. 1925. 97 с.

Савин А. Н. Николай I и Фридрих Вильгельм IV. 1840—1848. В кн.: Россия и запад. Исторические сборники под ред. А. И. Заозерского. Пб. 1923. С. 107—139.

Тарле Е. В. Крымская война. I. М.—Л. 1944. 567 р. (Акад. наук СССР.) Гл. 1.

Татищев С. С. Внешняя политика императора Николая I. Введение в историю внешних сношений России в эпоху севастопольской войны. СПб. 1887. XVIII, 639 с.

Татищев С. С. Император Николай и иностранные дворы, СПб. 1889. XXV, 459 с.

См. также с. 507: **Покровский М. Н.** Ламартин, Кавеньяк и Николай I...

Bapst E. L'empereur Nicolas I et la Deuxième république française. P. 1898. 251 p.

Bapst E. Les origines de la guerre de Crimée. La France et la Russie de 1848 à 1854. 1912. 514 p.

Англия

О Пальмерстоне см. литературу к гл. 54, с. 549.

Foundations of British foreign policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902) or documents old and new. Select. and ed. with hist. introduc. by H. Temperley and L. M. Penson. Cambridge. 1938. XXX, 573 p.
Loftus A. The diplomatic reminiscence... 1837—1862. Vol. 1. Lpz. 1892. 376 p.
См. также с. 549: **Victoria,** Queen. The letters... vol. 2...

Хуторецкий А. Е. Отклики на переворот Луи-Бонапарта в Англии.— *Ученые записки [Ленинград. Гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена].* Т. 62. Л. 1948, с. 161—171.
The Cambridge history of British foreign policy, 1783—1919, ed. by A. W. Ward... and G. P. Gooch. Vol. 2. 1815—1866. N. Y. 1922. 669 p.
Greer D. M. L'Angleterre, la France et la Révolution de 1848. Le troisième ministère de Lord Palmerston au Foreign Office [1846—1852.] P. 1925. XVI, 496 p.
Precht H. Englands Stellung zur deutschen Einheit. 1848—1850. München — Berlin. 1925. VIII, 183 S.
Rosselli N. La politica inglese in Italia nell'età del Risorgimento.— *Rivista storica italiana.* 1936. Vol. 1. Fasc. 2, p. 1—18.
Sproxton Ch. Palmerston and the Hungarian revolution. Cambridge. 1919. XI, 148 p.
См. также с. 549: **Halevy E.** Histoire du peuple anglais en XIX-e siècle. Vol. 4...

Франция

См. также литературу к гл.: Франция... Ламартин, с. 500.

Lamartine A. Manifeste à l'Europe. Circulaire du ministre des affaires étrangères aux agents diplomatiques de la République française. [4 mars 1848.] P. 1848. 16 p.
Notes officielles échangées entre la République romaine et M. de Lesseps. P. 1849. 40 p.

Bastide J. La république française et l'Italie en 1848. Récits, notes et documents diplomatiques. Bruxelles. 1858. 269 p.
Circourt A. Souvenirs d'une mission à Berlin en 1848. Publ. par G. Bourgin. T. 1—2. P. 1908—1909.
Corcelle F. Souvenirs de 1848, première intervention dans les affaires de Rome. P. 1857. 23 p. (Extrait du Correspondant.)
Haussonville J. O. Histoire de la politque extérieure du gouvernement français. 1830—1848. Avec notes, pièces justificatives et documents diplomatiques. T. 2. P. 1850. 428 p.
Lesseps F. Ma mission à Rome, mai 1849. Mémoire présenté au Conseil d'état. P. 1849. 168 p.
См. также с. 494: **Guizot M.** Mémoires. T. 8... **Persigny J. G. V.** Memoires...; с. 495: **Tocqueville A.** Souvenirs...

Adami V. Dell intervento francese in Italia nel 1848 (con nuovi documenti).— *Nuova rivista storica.* 1928. Marzo—Aprile, p. 136—168.
Bessler K. La France et la Suisse de 1848 à 1852. Etudes des relations diplomatiques à l'aide de documents nouveaux du Ministère des affaires étrangères. [Paris — Neuchâtel. 1930.] VI, 377 p.
Bourgeois E. et **Clermont E.** Rome et Napoléon III (1849—1870). P. 1907. XVII, 370 p.
Calman A. R. Delescluse, Ledru-Rollin et l'échauffourée de Risquons-Tout. *Révolution de 1848.*— 1920. T. 16. No 83, p. 44—50.
Harcourt B. Les quatre ministères de M. Drouyn de Lhuys. P. 1882. 366 p.
Henry P. Le gouvernement provisoire et la question polonaise en 1848.— *Revue hist.* 1936. Sept., p. 198—240.
Jessen F. L'intervention de la France dans la question du Schleswig du Nord. P. 1919. 155 p.
Knight J. Lamartine, ministre des affaires étrangères.— *Revue d'hist. diplomatique.* 1906. No 2, p. 260—284.
Lange E. G. Frankreichs Preussenpolitik in den Jahren 1849 und 1850. Inaug.-Diss. B. 1930. 50 S.
Matter P. La mission Persigny à Berlin.— *Revue d'hist. diplomatique.* 1898. T. 12, p. 62—79.
Quentin-Bauchard P. Lamartine et la politique étrangère de la révolution de février (24 février — 24 juin 1848). P. 1907. VIII, 455 p.
Reggio. L'éxpédition de Rome (1849—1850).— *Revue de France.* 1931. No 12, p. 617—645; No 13, p. 131—152. [Написано на основании неизданных документов ген. Удино.]
Tersen E. Le gouvernement provisoire et l'Europe (25 février — 12 mai 1848). P. 1948. 77 p. (Centenaire de la Révolution de 1848.)

Австрия

См. также литературу о Меттернихе, с. 524—525.
Beer A. Die deutsche Politik des Fürsten Schwarzenberg bis zu den Dresdener Konferenzen.— *Hist. Taschenbuch.* Lpz. 1891. S. 3—104.
Charmatz R. Geschichte der auswärtigen Politik Oesterreichs im 19. Jahrhundert. I—II. 2. veränd. Aufl. Lpz.—B. 1918.
Rachfahl F. Oesterreich und Preussen im März 1848. Aktenmässige Darstellung des Dresden — Potsdamer Kongressprojektes.— *Hist. Vierteljahrschrift.* 1903. Jg 6. S. 357—386, 503—530. 1904: Jg 7. S. 192—240.

Zwiedineck H. Oesterreich und der deutsche Bundesstaat. Ein Beitrag zur deutschen Verfassungsgeschichte (1848—1849).— *Mitteilungen d. Inst. f. Oesterr. Geschichtskunde.* 1903. Bd 24. S. 283—301.

См. также с. 524: **Prokesch von Osten A.**

Венгрия

Alter W. Die auswärtige Politik der ungarischen Revolution 1848—1849. Unter Benutzung neuer Quellen. B. 1912. 242 S.

См. также с. 542: **Pulszki F.** Meine Zeit, mein Leben...

Пруссия

См. также литературу к гл.: Германия... Официальные документы, с. 512; о Фридрихе-Вильгельме IV; о Радовице, с. 520; к гл.: Польское национально-освободительное и антифеодальное движение в Познани и Силезии, с. 537.

Bernstorff A. Im Kampf für Preussens Ehre. Aus dem Nachlass des Grafen A. von Bernstorff... Hrsg. von K. Ringhoffer. B. 1906. XV, 687 S.

Manteuffel O. Preussens auswärtige Politik 1850 bis 1858. Unveröffentliche Dokumente... Bd 1. Von Olmütz bis zur Errichtung des zweiten französischen Kaiserreichs. B. 1902. XIX, 474 S.

Wangenheim K. A. Das Dreikönigsbündniss vom 26. Mai 1849 und die Radowitzische Politik... nebst zahlreichen Mitteilungen aus den nicht veröffentlichen Verhandlungen der Deutschen Bundes-Versammlung. (Hrsg. von A. Michaelis.) Stuttgart. 1851. XX, 652 S.

Andreas W. Der Briefwechsel König Friedrich Wilhelms IV. von Preussen und des Zaren Nikolaus I. von Russland in den Jahren 1848 bis 1850. Ein Beitrag zur Geschichte d. russisch-preussischen Beziehungen.— *Forschungen z. brand. u. preuss. Geschichte.* 1930. Bd 43, S. 129—166.

Hoffmann G. Die Schweizerfrage in der preussischen Politik und die badische Revolution von 1849. Diss. Zürich. 1931. XI, 109 S.

Müller G. Die kurhessische Frage und ihre Bedeutung für die deutsche Krise 1850/51. Borna — Leipzig. 1930. VII, 70 S.

Rachfahl F. Die deutsche Politik Friedrich Wilhelms IV. im Winter 1848/49. München. 1919. 156 S.

Schill W. F. Militärische Beziehungen zwischen Preussen und Baden in den Jahren 1849—1850.— *Forschungen z. brand. u. preuss. Geschichte.* 1930. Bd 43. S. 290—330.

См. также с. 515: **Sybel H.** Die Begründung des deutschen Reiches...

Таможенный союз

Gaertner A. Der Kampf um den Zollverein zwischen Oesterreich und Preussen (1849—1853). Strassburg. 1911. 346 S. (Strassburger Beiträge zur neueren Geschichte. Bd 4. Hft 1—2.)

Weber W. Der deutsche Zollverein. Geschichte seiner Entstehung und Entwicklung. 2. Aufl. Lpz. 1871. X, 503 S.

Zimmerman A. Geschichte der preussisch-deutschen Handelspolitik aktenmässig dargestellt. Oldenburg — Leipzig. 1892. V, 850 S. [Первая половина XIX в.]

Шлезвиг-гольштинский вопрос

Aktenstücke zur neueren schleswig-holsteinischen Geschichte. Hft 1—3. Lpz. 1851—1852.

De l'insurrection dans les duchés de Sleswig et de Holstein et de la conduite de la Prusse à l'égard du Danemark. Publ. à Copenhague. Trad. de l'allemand par L. Bouillé. P. 1848. 30 p.

[**Droysen J. G., Samwer K. F.**] Die Herzogtümer Schleswig-Holstein und das Königreich Dänemark. Aktenmässige Geschichte der dänischen Politik seit dem Jahre 1806. Hamburg, 1850. X, 426 S.

Brandt O. Zur Vorgeschichte schleswig-holsteinischen Erhebung. B. 1921. 61 S. [Дополнением является статья того же автора под тем же загл. в журн.: *Archiv f. Politik u. Geschichte.* 1926. Hft 10—11, S. 470—521.]

Manuel historique de la question du Sleswig. Publ. sous la dir. de F. Jessen. Copenhague. 1906. V, 473 p.

Schleswig-Holstein. L. 1920. 8, 108. p. (Gr. Britain. Foreign office. Historical section. Handbooks. No 35.)

Steefel L. D. The Schleswig-Holstein question. Cambridge. 1932. XII, 400 p.

Бавария

Doeberl M. Bayern und die Deutsche Frage in der Epoche des Frankfurter Parlaments. München — Berlin. 1922. 266 S.

Doeberl M. Bayern und das Preussische Unionsprojekt. München. 1926. 175 S.

КРАТКИЙ
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ
УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

КРАТКИЙ ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1845—1847	———	Картофельная болезнь и другие сельскохозяйственные бедствия в странах Европы.
1845—1846, весна	**Франция.**	Крестьянские волнения.
1846, февраль	———	Основание К. Марксом и Ф. Энгельсом Коммунистического комитета связи в Брюсселе.
1846, февраль—март	**Галиция.**	Крестьянские волнения.
1846, февраля 20—марта 4	**Польша.**	Краковское восстание.
1846, марта 30	———	Заседание Брюссельского Коммунистического комитета связи. Выступление Маркса против Вейтлинга.
1846, май—декабрь	———	Активная пропагандистская деятельность Брюссельского Коммунистического комитета связи, под руководством Маркса и Энгельса.
1847—1848	———	Экономический кризис в Европе. Промышленный, торговый и финансовый кризисы в различных странах Европы.
1847—1848, начало	**Франция.**	Продовольственные волнения и стачечная борьба в различных департаментах.
1847, январь	**Ирландия.**	Объединение членов общества «Молодая Ирландия» в «Национальную ирландскую конфедерацию».
весна	**Германия.**	Народные волнения.
»	**Познань.**	Волнения крестьян и рабочих в городе Гнезно и в селениях Витково, Тшемешно. Нападения крестьян на усадьбы помещиков.
»	**Галиция.**	Крестьянские восстания в Тарновском, Ясельском, Саноцком, Женовском и других районах.
апрель	**Венгрия.**	Возникновение революционно-демократической организации «Молодая Венгрия».

1847, апреля 21—22	**Германия.**	«Картофельная война» в Берлине.
апрель—июнь	»	Заседания представителей всех провинциальных ландтагов Пруссии (Соединенный ландтаг).
май	»	Волнения рабочих и ремесленников в Ульме и Штутгарте (Вюртемберг).
июня начало	———	Первый конгресс «Союза коммунистов» в Лондоне, с участием Энгельса.
июня 5	**Венгрия.**	Декларация оппозиционных групп на Пожонском сейме с требованием реформ и независимости Венгрии в рамках Габсбургской империи.
июля начало	———	Выход в свет книги К. Маркса «Нищета философии» (Брюссель).
июля 9	**Франция.**	Первый банкет сторонников избирательной реформы в Париже (в Шато-Руж).
июль—январь 1848	»	Банкетная кампания.
июля 20	**Швейцария.**	Постановление Союзного сейма о роспуске Зондербунда.
августа 5	———	Основание в Брюсселе общины и Окружного комитета «Союза коммунистов», под председательством Маркса.
августа 9 (около)	———	Приезд Энгельса в Брюссель.
августа 12	**Бельгия.**	Образование либерального министерства Шарля Рожье.
лето—осень	**Италия.**	Народные восстания в итальянских государствах (Рим, Неаполитанское королевство).
сентября 12	**Германия.**	Съезд буржуазных демократов в Оффенбурге (Баден).
сентябрь	**Италия.**	Включение умеренных либералов в состав кабинета министров и создание национальной гвардии в Тоскане.
октября 15 (около)	———	Приезд Энгельса в Париж.
октябрь	**Германия.**	Съезд либералов в Геппенгейме (Баден).
октября 27	———	Создание при участии Маркса брюссельского «Демократического общества»
ноября 23	**Швейцария.**	Разгром отрядов Зондербунда.
ноября 29—декабря 10	———	Второй конгресс «Союза коммунистов» в Лондоне с участием Маркса и Энгельса. Доклад Маркса о принципах партийной программы.
декабря 13 (около)	———	Возвращение Маркса из Лондона в Брюссель.
декабря 14	**Италия.**	Столкновение между студентами и войсками в Неаполе.

1847, декабря 28—февраля 24 1848	**Франция.**	Законодательная сессия палаты депутатов и палаты пэров.
декабрь—январь 1848	**Хорватия.**	Крестьянские антифеодальные выступления.
1848, января 2	**Франция.**	Демократический банкет участников избирательной реформы в Лиможе.
» 6	**Италия.**	Попытка восстания в Ливорно.
» 12—27	»	Восстание в Палермо.
» 18	»	Арест Манина и Томмазео в Венеции австрийскими властями.
» 18	——	Протест французского, прусского, русского и австрийского правительств против подготовки пересмотра швейцарской конституции 1815 г.
января 21—февраля 12	**Франция.**	Обсуждение в палатах тронной речи Луи-Филиппа. Одобрение палатой депутатов политики правительства.
января 27—29	**Италия.**	Сформирование либерального кабинета во главе с Боццелли в Неаполе.
» 28	**Дания.**	Обнародование проекта либеральной конституции.
февраль	**Швеция.**	Организация «Общества борьбы за реформу».
февраля начало	**Франция.**	Листовки в Лионе с призывом к вооруженному восстанию против монархии.
февраля 5—7	**Ирландия.**	Дискуссия в «Ирландской конфедерации» по вопросу о программе.
» 9	**Италия.**	Указ короля Карла-Альберта о введении конституции в Сардинской монархии.
» 11—14	**Норвегия.**	Народные демонстрации в Осло.
» 12	**Ирландия.**	Выход в Ирландии первого номера еженедельной газеты «Юнайтед Айришмен» под редакцией Митчела.
» 17	**Италия.**	Указ великого герцога Леопольда II о введении конституции в Тоскане.
» 22	——	Речь К. Маркса на торжественном собрании в Брюсселе в память Краковского восстания 1846 г.
февраля конец	——	Выход в свет в Лондоне «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.
февраля 22	**Франция.**	Начало революции в Париже Столкновение народа с войсками.
» 23	»	Отставка Гизо. Провокационный расстрел колонны демонстрантов на бульваре Капуцинов.

1848, февраля 24	**Франция.**	Победа народного восстания в Париже. Отречение Луи-Филиппа от престола и бегство его из Парижа. Провозглашение Временного правительства и его окончательное оформление в Ратуше Парижа.
февраля 25—марта 4 (около)	——	Участие Маркса в подготовке вооруженного республиканского восстания в Брюсселе.
февраля 25	**Франция.**	Требование рабочих о немедленном провозглашении республики. Провозглашение республики.
» 25	»	Декреты Временного правительства о безвозмездном возврате вкладчикам предметов первой необходимости, заложенных в ломбарде с 1 февраля 1848 г. и об отсрочке оплаты коммерческих векселей со сроками платежа 22 февраля — 15 марта на десять дней.
» 25	»	Демонстрация парижских рабочих перед ратушей. Декрет о праве на труд.
» 25	»	Декрет о создании в Париже мобильной гвардии.
» 25	**Бельгия.**	Закрытие биржи в Брюсселе.
» 26	**Франция.**	Декрет об открытии в Париже национальных мастерских для безработных.
» 26	**Бельгия.**	Закрытие биржи в Антверпене.
» 26	»	Чрезвычайное заседание правительства. Принятие законопроекта о реорганизации бельгийской гражданской гвардии.
» 27	**Германия.**	Петиция лидеров буржуазной оппозиции в Бадене: требование вооружения народа, введения свободы печати и суда присяжных и созыва общегерманского парламента.
» 27	**Бельгия.**	Принятие брюссельским «Демократическим обществом» предложения о пополнении гражданской гвардии рабочими и ремесленниками.
» 27	»	Волнения в Брюсселе в связи с известиями о революции во Франции.
» 28	**Франция.**	Демонстрация парижских рабочих с требованием организации министерства труда. Декрет о создании «Правительственной комиссии по рабочему вопросу» (Люксембургская комиссия).
» 28	——	Обращение «Брюссельского демократического общества», подписанное Марксом, с приветствием к Временному правительству Французской республики.

1848, февраля 28—29	**Бельгия.**	Прекращение платежей антверпенским коммерческим банком и его ликвидация.
февраля в ночь на 29	**Германия.**	Арест в Карлсруэ (Баден) республиканцев, подготовлявших государственный переворот.
февраля 29	»	Первые уличные демонстрации в Штутгарте (Вюртемберг).
февраля 29—марта 11	»	Революционные волнения в Кургессене.
февраль	**Франция.**	Народные волнения в провинции.
февраль—апрель	**Швейцария.**	Революционные волнения в Невшателе.
марта 1	**Франция.**	Открытие заседаний Люксембургской комиссии.
» 2	»	Декреты Временного правительства об отмене штемпельного сбора с газет, о сокращении рабочего дня на один час.
» 2	**Германия.**	Принятие сословной палатой Гессен-Дармштадта резолюции с требованием свободы печати, суда присяжных, вооружения народа.
» 2	»	Революционное выступление народа в Мюнхене.
» 2	**Англия.**	Принятие на чартистском митинге в Лондоне приветствия народным массам Парижа.
» 3 (около)	——	Приглашение Маркса французским Временным правительством вернуться во Францию.
» 3	——	Получение Марксом подписанного бельгийским королем приказа в течение 24 часов покинуть Бельгию.
» 3	**Франция.**	Декреты Временного правительства об отмене налога на соль, о досрочной выплате процентов держателям государственной ренты.
» 3	**Германия.**	Массовая демонстрация рабочих в Кельне, организованная местной общиной «Союза коммунистов».
» 3	»	Принятие баденской палатой резолюции о вооружении народа, свободе печати, суде присяжных, созыве общегерманского парламента, создании ответственного министерства и т. п.
» 3	**Австрия.**	Докладная записка 33 либеральных депутатов Нижнеавстрийского сейма с требованием реформ «для спасения монархии».
марта начало	»	Организация венскими студентами «Союза для борьбы за свободу».

1848, марта начало	**Австрия.**	Опубликование программы прогрессивной партии Австрии с требованием конституционных преобразований, свободы промышленной деятельности, реорганизации суда и отмены цензуры.
марта 3	**Венгрия.**	Принятие нижней палатой Пожонского сейма петиции к императору с требованием конституции для национальных областей Габсбургской империи.
марта 3 (20 февраля)	**Россия.**	Известие о начале революции во Франции.
марта в ночь на 4	———	Арест Маркса и его жены брюссельской полицией.
марта 4	———	Высылка Маркса и его жены из Бельгии. Отъезд Маркса в Париж.
март	**Германия.**	Крестьянские восстания в Южной и Юго-Западной Германии.
март	**Ирландия.**	Организация национальной гвардии в городах Ирландии.
март—апрель	**Силезия.**	Массовое крестьянское движение и выступления рабочих.
марта 4	**Франция.**	Циркулярная депеша министра иностранных дел Ламартина о принципах и целях внешней политики Временного правительства Французской республики.
» 5	**Германия.**	Совещание либералов в Гейдельберге. Избрание «комитета 7-ми» для созыва более широкого собрания — Предпарламента.
» 6, 7 и 9	»	Многолюдные народные собрания в Тиргартене, в Берлине. Принятие петиции королю.
» 6	**Силезия.**	Народная демонстрация во Вроцлаве (Бреславле). Кровопролитное столкновение населения с прусскими войсками.
» 6	**Англия.**	Митинг на Трафальгар-сквере (в Лондоне).
» 6	»	Демонстрация безработных в Глазго.
» 6	»	Демонстрация в Манчестере у работного дома с требованием освобождения заключенных в нем рабочих.
» 7	**Франция.**	Петиция клуба Бланки с требованием отсрочки выборов в Национальное собрание.
» 8	———	Учреждение в Париже «немецкого рабочего клуба» во главе с Марксом.
» 8	**Германия.**	Указ короля Фридриха-Вильгельма IV о смягчении цензуры.
марта 8 (25 февраля)	**Россия.**	Опубликование приказа Николая I о мобилизации в армию бессрочно-отпускных.
марта 8 (25 февраля)	»	Первые сообщения в русских газетах о провозглашении во Франции республики.

1848, марта 9	**Франция.**	Декрет Временного правительства об отмене тюремного заключения за долги.
» 9	**Германия.**	Отставка реакционных министров в Бадене.
» 9	»	Приход к власти лидеров буржуазной оппозиции в Вюртемберге.
» 10 (около)	———	Реорганизация Центрального комитета «Союза коммунистов» под председательством Маркса в Париже.
» 10—13	**Германия.**	Распространение в Берлине петиции рабочих к королю с требованием улучшения положения рабочих и организации министерства труда.
» 10—11	**Силезия.**	Народные демонстрации в Бытоме.
марта 10 (27 февраля)	**Россия.**	Учреждение в Петербурге чрезвычайного комитета для контроля над периодическими изданиями.
марта 11	**Германия**	Введение конституции в Кургессене.
» 11	**Австрия.**	Собрание рабочих Глогницкого машиностроительного завода с призывом к борьбе против реакционной политики правительства.
» 11	**Чехия.**	Массовое политическое собрание в Праге, созванное обществом «Рипил». Принятие петиции к императору с требованием демократических преобразований и национального равноправия чехов.
» 11	»	Создание Святоваплавского комитета в Праге для редакции петиции.
» 11—14, 20, 21	**Дания.**	Народные демонстрации и митинги в Копенгагене с требованием общедатской конституции и ответственного министерства.
» 12	**Австрия.**	Правительственный указ о созыве Нижнеавстрийского сейма. Петиция венских студентов императору с требованием народного представительства, свободы слова и печати, равноправия религиозных культов.
» 12	**Венгрия.**	Принятие Народным собранием в Будапеште 12 пунктов с требованием государственной самостоятельности Венгрии.
марта 12 (29 февраля)	**Россия.**	Приказ Николая I о мобилизации отпускных по Балтийскому флоту.
марта 12—19	**Англия.**	Массовые митинги в городах Англии.
» 12	**Бельгия.**	Принятие закона о снижении избирательного ценза.
» 12 и 16	**Нидерланды.**	Народные демонстрации в Гааге.
» 13	**Германия.**	20-тысячное собрание в Тиргартене, в Берлине. Столкновение с правительственными войсками.
» 13	**Австрия.**	Начало революции в Вене. Бои между народом и войсками. Отставка Меттерниха. Вооружение студентов и образование Академического легиона.

1848, марта 13	**Англия.**	Чартистская демонстрация на лондонской площади Кеннингтон Коммон.
» 14—16	**Германия.**	Баррикадные бои на улицах Берлина.
» 14	**Австрия.**	Указ правительства о создании национальной гвардии. Указ о свободе печати.
» 14	»	Народная демонстрация в Граце.
» 14	**Бельгия.**	Волнения безработных в Генте.
» 14	**Швеция.**	Решение комитета рикстага о выработке проекта нового избирательного закона.
» 15	**Италия.**	Указ папы Пия IX о введении конституции в Римском государстве.
» 15	**Австрия.**	Правительственное извещение о созыве сословных собраний во всех областях Австрии.
» 15	»	Осада рабочими, ремесленниками и студентами императорского дворца в Вене. Указ правительства о созыве собрания для выработки конституции.
» 15	»	Народная демонстрация в Линце.
» 15	**Венгрия.**	Начало революции в Будапеште. Образование Комитета общественной безопасности. Создание национальной гвардии.
» 15—31	»	Революционная борьба в провинциальных городах Венгрии; образование местных комитетов общественной безопасности. Восстания крестьян.
» 16	**Франция.**	Декрет Временного правительства о введении дополнительного 45-сантимного налога на земельных собственников.
» 16	»	Контрреволюционная демонстрация некоторых буржуазных батальонов национальной гвардии в Париже.
» 16	**Силезия.**	Народная демонстрация и митинг во Вроцлаве.
» 17	**Франция.**	Народная демонстрация в Париже. Подача правительству петиции с требованием вывода войск из Парижа и отсрочки выборов в Национальное собрание до 31 мая.
» 17	»	Постановление об отсрочке выборов в национальную гвардию до 5 апреля и выборов в Учредительное собрание до 23 апреля.
» 17	**Германия.**	Собрания берлинских граждан. Выработка петиции к королю с требованиями вывода войск из Берлина, организации бюргерских отрядов, свободы печати, созыва ландтага.

1848, марта 17—22	**Италия.**	Восстание в Венеции против австрийского гнета.
» 17	**Австрия.**	Образование нового министерства во главе с графом Коловратом.
» 17	**Венгрия.**	Создание первого независимого венгерского министерства во главе с графом Баттиани.
» 17	**Галиция.**	Начало революции в Кракове. Освобождение политических заключенных.
» 17	**Хорватия.**	Создание Народного отбора (Комитета для выработки народных требований).
» 18	**Франция.**	Организация «Клуба клубов» («Революционного комитета по выборам в Национальное учредительное собрание»).
» 18	**Германия.**	Начало революции в Пруссии. Демонстрация рабочих и бюргеров перед королевским дворцом. Нападение правительственных войск на демонстрантов. Бои на улицах Берлина. Победа восставшего народа.
» 18	»	Организация в Париже немецкого эмигрантского легиона.
» 18	**Познань.**	Указ прусского короля Фридриха-Вильгельма IV о включении Познани и Восточной Пруссии в Германский союз.
» 18—19	**Галиция.**	Составление польскими либералами во Львове петиции к императору. Народная демонстрация.
» 18—19	**Закарпатская Русь.**	Народные волнения в Ужгороде и Мукачеве.
» 18—22	**Италия.**	Восстание в Милане. Создание республиканцами военного совета (20 марта) во главе с Каттанео.
» 18	**Венгрия.**	Принятие сеймом (в Пожоне) законов об отмене крепостного права, о введении народного представительства, о суде присяжных, о самостоятельности Венгрии.
» 18—20	**Швеция.**	Революционные волнения в Стокгольме.
» 19	**Германия.**	Вывод войск из Берлина. Сформирование нового министерства.
» 19	»	Массовое народное собрание в Оффенбурге (Баден). Избрание Демократического центрального комитета, во главе с Геккером, для связи с республиканцами других германских государств.
марта вторая половина	**Воеводина.**	Избрание сербской народной скупщины из представителей 83 общин.
» »	**Чехия.**	Рабочие волнения в различных городах; выступления крестьян.

1848, марта 20—22	**Италия.**	Запись в Турине волонтеров для оказания помощи Милану.
» 20	**Познань.**	Начало восстания. Избрание польского Национального (Познанско го комитета.
» 20	**Чехия.**	Подача представителями крупных землевладельцев петиции императору с предложением издать закон о выкупе барщинных повинностей в связи с повсеместными массовыми антифеодальными выступлениями чешского крестьянства.
» 20	**Трансильвания.**	Митинг солидарности представителей венгерской и румынской интеллигенции в Таргу-Муреше с венгерской революцией.
» 21 (около)	——	Приезд Энгельса в Париж.
марта в ночь на 21	**Германия.**	Отречение баварского короля Людвига I в пользу его сына Максимилиана.
марта 21	——	Создание в Берлине Польского революционного комитета (Мерославский, Либельт и др.).
» 21	**Познань.**	Захват города Тшемешно восставшими крестьянами.
» 21	**Галиция.**	Выступление народных масс Львова с требованием оружия. Создание Комитета по формированию национальной гвардии.
» 22	**Италия.**	Захват восставшими арсенала в Венеции. Провозглашение Республики св. Марка. Образование Временного правительства в Милане.
» 22	**Познань.**	Захват города Могильно восставшими крестьянами, разоружение жандармов.
марта вторая половина	»	Отправка Познанским комитетом уполномоченных для организации местных комитетов.
марта 22	**Воеводина.**	Народное движение в Панчеве, изгнание чиновников и штейгера (градоначальника).
» 22	**Хорватия.**	Назначение барона Елачича баном (наместником) и командующим войсками в Хорватии.
» 22	**Трансильвания.**	Созыв первого румынского Национального собрания в Блаже.
» 22	**Испания.**	Роспуск кортесов.
марта в ночь на 23	**Италия.**	Отступление австрийской армии Радецкого из Милана.
марта 23	»	Образование Временного республиканского правительства Венеции

1848, марта 23	**Италия.**	Объявление войны Сардинским королевством Австрии.
» 23	»	Митинги и демонстрации в Риме при известии о восстании в Милане.
» 23	**Воеводина.**	Посылка депутации с петицией от сербского города Панчева к палатину (императорскому наместнику) в Пожонь.
» 23	**Дания.**	Восстание в городе Киле против датского правительства.
» 24	»	Создание в Киле Временного правительства Шлезвига и Гольштинии.
» 25	**Франция.**	Воззвание революционно-пролетарских клубов Парижа о необходимости коренного преобразования социального строя.
марта 25 и апреля 1	**Познань.**	Опубликование Познанским комитетом воззваний с изложением аграрной программы.
марта 25	**Хорватия.**	Хорватский са́бор. Избрание Елачича баном Хорватии, Славонии, Далмации. Избрание депутации для передачи императору «Пожеланий народа».
» 26	**Франция.**	Организация в Париже Центрального избирательного комитета (революционных коммунистов).
» 26	**Германия.**	Собрание рабочих и ремесленников у Шенхаузенских ворот в Берлине.
» 26	»	Массовые народные собрания в Гейдельберге и Фрейбурге (Баден). Призывы к провозглашению республики.
» 26 (14)	**Россия.**	Манифест Николая I по поводу революционных событий в Западной Европе.
» 26	**Испания.**	Восстание в Мадриде.
» 27	**Австрия.**	Демонстрация рабочих и ремесленников Линца с требованием уменьшения налогов на товары широкого потребления.
» 27	»	Издание указа о некоторых льготах зажиточной части крестьянства.
» 27	**Испания.**	Указ об учреждении военного суда над участниками восстания в Мадриде.
» 28	**Чехия.**	Отправка второй петиции Святовацлавского комитета в Вену.
» 28	»	Издание австрийским правительством патента (указа) о выкупе барщинных повинностей в чешских землях с 31 марта 1849 г.

1848, марта 28	**Познань.**	Организация Познанским комитетом Реорганизационной комиссии в составе восьми поляков и двух немцев.
» 28	»	Прибытие в Познань Людвика Мерославского.
» 29	**Германия.**	Создание в Пруссии либерально-буржуазного министерства Кампгаузена — Ганземана.
» 29	»	Организация «Центрального рабочего клуба» в Берлине.
» 29	**Галиция.**	Создание Гражданского (с 5 апреля — Национального) комитета в Кракове.
» 29	**Бельгия.**	Вооруженное столкновение бельгийского эмигрантского легиона с бельгийскими войсками у деревни Рискон-Ту на франко бельгийской границе.
» 29	**Испания.**	Восстание в Барселоне
» 30	**Венгрия.**	Народная вооруженная демонстрация в Будапеште с требованием создания венгерской национальной армии.
» 31	**Франция.**	Опубликование фальшивки, направленной против Бланки («документ Ташеро»).
марта 31—апреля 3	**Германия.**	Заседания Предпарламента во Франкфурте-на-Майне.
марта 31	**Познань.**	Собрание крестьян бреславльского и неймарктского округов в селении Махвиц. Принятие наказа депутатам Учредительного собрания.
марта 31 (19)	**Россия.**	Распоряжение Николая I о введении чрезвычайного «Положения 1831 года» в Царстве Польском, Литве, Белоруссии и Правобережной Украине.
март, конец	——	Маркс и Энгельс вырабатывают «Требования Коммунистической партии в Германии».
» »	**Германия.**	Основание в Кельне «Демократического общества».
» »	**Словакия.**	Создание горняками Банской Штиявницы Комитета по борьбе за социальные и национальные права словацкого народа.
» »	**Россия.**	Поступление в Петербург многочисленных сообщений о подъеме крестьянского движения в западных (пограничных) губерниях России.
марта конец—апреля 4 (около)	——	Возвращение членов «Союза коммунистов» из Парижа в Германию.
марта конец—апреля середина	**Силезия.**	Крестьянские волнения.

1848, март—апрель	**Дунайские княжества.**	Оппозиционное движение в Яссах и его подавление.
» »	**Бельгия.**	Народные волнения в разных частях страны.
» »	**Греция.**	Народные волнения и восстания гарнизонов.
апреля начало	——	Разрыв дипломатических отношений между Пруссией и Данией. Вторжение 6 апреля прусских войск в Шлезвиг-Гольштинию без объявления войны.
» »	**Словакия.**	Попытки проведения в жизнь решения Пожонского сейма об освобождении крестьян. Восстание безнадельных крестьян в Словакии с требованием наделения их землей и захват ими земельных участков. Подавление этого восстания венгерской национальной гвардией.
апрель	**Германия.**	Подъем рабочего движения в Пруссии.
»	**Венгрия.**	Крестьянские восстания и захват помещичьих земель (в комитатах Бекеш, Бихар и Чонград); подавление крестьянских восстаний национальной гвардией.
апреля 1	——	Опубликование в Париже листовки «Союза коммунистов» — «Требования коммунистической партии в Германии».
апреля 1 (20 марта)	**Россия.**	Циркулярное предписание министерства внутренних дел всем губернаторам о беспощадном подавлении крестьянских выступлений.
апреля 2	**Германия.**	Предпарламент избирает Комиссию 50-ти. Уход с заседания 40 республиканцев.
» 2	**Венгрия.**	Основание «Газеты рабочих» под редакцией Танчича.
» 3	**Познань.**	Объявление прусским правительством герцогства Познанского на военном положении.
» 4	**Англия.**	Открытие третьего Национального конвента чартистов в Лондоне.
» 5—7, 11, 20	**Италия.**	Рабочие волнения в городах Италии (5 — 7 в Генуе; 11 — в Риме, 20 — в Ливорно).
» 5	**Швейцария.**	Открытие заседаний Учредительного собрания в Невшателе.
» 6	**Англия.**	Решение Национального конвента чартистов о созыве 24 апреля Национального собрания в Лондоне.

1848, апреля 7	—	Приезд Маркса и Энгельса в Майнц.
» 7	**Англия.**	Правительственное сообщение, объявляющее деятельность чартистского конвента противозаконной.
» 8	**Германия.**	Принятие прусским Соединенным ландтагом избирательного закона.
» 8	**Италия.**	Приезд в Милан Мадзини.
» 8	**Чехия.**	Издание австрийским правительством «Кабинетного листа», с провозглашением некоторых уступок чешской буржуазии. Назначение новым земским президентом Чехии графа Льва Туна.
» 8	**Воеводина.**	Прием сербской делегации Кошутом. Неудача переговоров.
» 10	—	Приезд Маркса и Энгельса в Кельн.
апрель—май	—	Маркс и Энгельс ведут подготовительную работу к изданию «Новой Рейнской газеты».
апреля 10 и 17	**Германия.**	Массовые народные собрания в Берлине.
» 10	**Чехия.**	Объединение Святовацлавского комитета с Комиссией по подготовке проектов реформ в Национальный комитет.
» 10	**Познань.**	Первое крупное столкновение прусских войск с польскими повстанцами в городе Тшемешне.
» 10	**Англия.**	Неудачная демонстрация чартистов в Лондоне. Передача чартистской петиции в парламент.
» 11	**Германия.**	Избрание центрального комитета «Рабочего клуба» и комиссии для выработки устава «Организации рабочих».
» 11	**Познань.**	Подписание в Ярославце конвенции между прусским правительством и польскими повстанцами в Познани.
» 11	**Чехия.**	Опубликование письма Палацкого о его отказе участвовать во Франкфуртском предпарламенте.
» 12	**Германия.**	Начало республиканского восстания в Бадене. Воззвание Геккера и Струве к населению Озерного края.
» 13—15	»	Поход отряда Геккера из Констанца к Донауэшингену.
» 13	»	Создание в Кельне «Рабочего союза», под руководством членов местной общины «Союза коммунистов».

1848, апреля 13—29	**Италия.**	Плебисцит в Ломбардии по вопросу о слиянии с Пьемонтом.
» 13	**Галиция.**	Создание польской Рады народовой во Львове.
» 14	**Австрия.**	Образование Комитета национальной гвардии в Вене.
» 14	**Венгрия.**	Переезд венгерского правительства из Пожоня в Будапешт.
» 14—21	**Познань.**	Восстание в Острове.
» 14 (2)	**Россия.**	Учреждение в Петербурге постоянного цензурного комитета во главе с Бутурлиным для надзора за печатью.
» 15	**Германия.**	Вступление отряда Геккера в Донауэшинген, соединение этого отряда с отрядом Струве.
	»	Выход колонны Зигеля из района Констанца.
» 16	**Франция.**	Массовая демонстрация парижских рабочих на Марсовом поле и на Ипподроме.
» 18	**Чехия.**	Начало заседаний чешского Национального комитета в Праге.
апреля 19 и 23— августа 26	———	Война между Данией и Пруссией из-за Шлезвига и Гольштинии.
апреля 20	**Германия.**	Сражение баденских повстанцев с прусскими войсками близ Кандерна.
» 20	**Воеводина.**	Народное собрание в Нови Саде
» 21	**Франция.**	Решение Временного правительства ввести в Париж пять полков.
» 21	**Англия.**	Выборы делегатов в чартистское Национальное собрание.
» 22	**Германия.**	Восстание республиканцев во Фрейбурге (Баден).
» 22 и 25	**Галиция.**	Опубликование во Львове и Кракове правительственного сообщения об отмене барщины.
» 23	**Франция.**	Выборы в Учредительное собрание.
» 24	**Германия.**	Захват Фрейбурга генералом Гофманом и поражение отряда Зигеля.
» 24	**Воеводина.**	Вооруженное столкновение в Велики Кикинде между сербской национальной гвардией и венгерскими войсками.
» 25	**Австрия.**	Опубликование новой конституции.
» 25	**Познань.**	Принятие Познанским комитетом решения о разоружении лагерей и о роспуске повстанцев.

1848, апреля 25—26	**Галиция.**	Народное восстание в Кракове Баррикадные бои. Бомбардировка города австрийскими войсками.
» 25	»	Предварительное заседание сословного сейма во Львове.
апреля 26—мая 1	**Германия.**	Борьба восставших республиканцев в Маннгейме с баварскими войсками.
апреля 26	**Галиция.**	Народное движение во Львове. Развал сословного сейма и присоединение части его депутатов к Раде народовой.
» 27	**Франция.**	Волнения в Лиможе в связи с результатами выборов в Учредительное собрание.
» 27	»	Декрет об отмене рабства во французских колониях.
» 27—28	»	Баррикадные бои в Руане в связи с результатами выборов в Учредительное собрание.
» 27	**Германия.**	Поражение отряда немецких эмигрантов у Доссенбаха.
» 27	**Хорватия.**	Объявление Елачичем осадного положения в Хорватии и введение чрезвычайных судов.
» 28—29	**Франция.**	Волнения рабочих в Лионе, Амьене и других городах в связи с результатами выборов в Учредительное собрание.
апреля 29—мая 3	**Австрия.**	Избрание выборщиков, а затем депутатов от Австрии в общегерманское Национальное собрание.
апреля 29	**Италия.**	«Обращение» (аллокуция) Пия IX, направленное против войны с Австрией.
» 29	**Познань.**	Сражение польских отрядов с прусскими войсками при Ксенже.
» 30	»	Сражение польских отрядов с прусскими войсками у Милослава. Победа поляков.
» 30	**Чехия.**	Основание чешского национального общества «Славянская липа».
» 30	»	Образование Подготовительного комитета для организации славянского съезда в Праге.
» 30 (18)	**Россия.**	Приказ Николая I о мобилизации отпускных по Черноморскому флоту.
» 30	**Швейцария.**	Провозглашение республики в Невшателе и образование Временного правительства.
апреля 30—мая 2	**Италия.**	Волнения в Риме в связи с «обращением» Пия IX.

1848, апреля конец	**Россия.**	Вмешательство Николая I в прусско-датский конфликт.
» »	**Воеводина.**	Крестьянские волнения.
» »	**Словакия.**	Создание Словацкого национального комитета.
апреля конец—май	»	Волнения крестьян в комитатах Гемер, Зволен, Тренчин. Требования возврата пастбищ, захваченных помещиками в последние годы. Захват и дележ крестьянами помещичьих земель.
апрель—май	**Трансильвания.**	Крестьянские восстания в ряде румынских и венгерских районов.
» »	»	Создание местных румынских национальных комитетов и центрального национального комитета в Сибиу.
апрель—июнь	**Дунайские княжества.**	Крестьянские движения в Молдавии.
» »	**Буковина.**	Крестьянские движения.
апрель—лето	**Хорватия.**	Крестьянские движения.
мая 1 и 8	**Германия.**	Двухстепенные выборы в Прусское собрание.
» 1	**Чехия.**	Опубликование Подготовительным комитетом обращения к славянским народам Австрийской империи с приглашением на славянский съезд в Праге.
» 1—13	**Англия.**	Заседания Национального собрания чартистов в Лондоне.
» 2	**Франция.**	Воззвание клуба Бланки с требованием роспуска буржуазной гвардии Руана и предания суду генералов и офицеров, организовавших резню в Руане 27—28 апреля.
» 2	**Познань.**	Сражение польских отрядов с прусскими войсками около Вжесни. Победа поляков.
» 2	**Галиция**	Организация Головной руськой рады во Львове.
» 2	**Дания.**	Вступление войск Германского союза в Ютландию.
» 2	**Швеция.**	Представление конституционным комитетом шведского риксдага проекта избирательной реформы.
» 4	**Франция.**	Открытие заседаний Учредительного собрания в Париже.
» 5	**Австрия.**	Петиция студенческого комитета с критикой избирательного закона и требованием снижения имущественного ценза.
» 5	**Чехия.**	Обращение Подготовительного комитета к неславянским народам Австрии.

1848, мая 5	**Силезия**	Общепольский политический съезд во Вроцлаве.
» 5	**Греция.**	Покушение на турецкого дипломатического представителя в Афинах.
» 7	**Испания.**	Восстание в Мадриде.
мая в ночь на 8	»	Расстрел 13 участников восстания 7 мая в Мадриде.
мая 9	**Познань.**	Подписание акта о капитуляции польских повстанцев.
» 10	**Франция.**	Замена Временного правительства Комиссией исполнительной власти.
» 10	**Германия.**	Выборы во Франкфуртский общегерманский парламент.
» 10	**Словакия.**	Созыв Национального собрания в Северной Словакии. Требование территориальной автономии Словакии в рамках Венгрии.
мая 10 (28 апреля)	**Россия.**	Ссылка М. Е. Салтыкова-Щедрина в Вятку.
мая 11	**Франция.**	Декрет Учредительного собрания об ограничении права подачи петиций.
» 11	**Австрия.**	Опубликование в Вене цензового избирательного закона.
» 11	**Хорватия.**	Приказ венгерского наместника в Хорватии Стефана и венгерского правительства о подчинении бана Хорватии венгерскому правительству и об отделении Славонии от Хорватии.
» 12	**Италия.**	Закон о проведении народного голосования в Ломбардии по вопросу о немедленном слиянии с Пьемонтом.
» 12	**Ирландия.**	Арест Митчела.
» 12	**Силезия.**	Польский политический митинг в Бытоме.
» 13—27	**Воеводина.**	Собрание скупщины в Карловцах. Избрание Главного одбора под председательством Стратимировича.
» 13	**Испания.**	Восстание в Севилье.
» 14	**Германия.**	Новое массовое собрание в Берлине, в знак протеста против возвращения в Берлин принца Прусского.
» 14	**Австрия.**	Указ о роспуске Центрального комитета национальной гвардии.
» 14 и 18	**Испания.**	Разрыв дипломатических отношений между Испанией и Англией и высылка из Мадрида английского посла.
» 15	**Франция.**	Выступление народных масс в Париже. Неудачная попытка демонстрантов распустить Учредительное собрание и создать новое правительство.

1848,	мая 15	**Италия.**	Восстание в Неаполе. Жестокое подавление восстания правительственными войсками.
	» 15—16	**Австрия.**	Восстание рабочих и студентов в Вене в знак протеста против указа о роспуске Центрального комитета национальной гвардии и введения реакционной избирательной системы. Баррикадные бои. Отмена указа о роспуске Центрального комитета национальной гвардии.
	» 15	**Трансильвания.**	Открытие в Блаже второго румынского Национального собрания. Отклонение Собранием унии с Венгрией.
	» 15	**Воеводина.**	Избрание Главного одбора для выработки соглашения с Триединым королевством Хорватии, Славонии, Далмации.
	» 17	**Франция.**	Назначение генерала Кавеньяка на пост военного министра.
	» 17	**Австрия.**	Бегство австрийского императорского двора в Инсбрук.
	» 18	**Германия.**	Открытие общегерманского Национального собрания во Франкфурте-на-Майне.
	» 18	**Австрия.**	Попытка редактора демократической газеты «Конституция» Гефнера и прогрессивного литератора Тувора поднять в Вене республиканское восстание. Арест Гефнера и Тувора.
	» 18	»	Создание в Вене буржуазного Комитета общественной безопасности.
	» 20	**Чехия.**	Приезд в Прагу командующего расположенными в Чехии войсками, князя Виндишгреца.
	» 22	**Франция.**	Закрытие клуба Бланки и клуба Распайля в Париже.
	» 22	**Германия.**	Открытие Прусского учредительного собрания.
	» 24	**Воеводина.**	Выборы пododборов (местных комитетов) населением Бачки, Баната и Срема.
	» 24	**Австрия.**	Закрытие венского университета до 1 октября и запрещение на этот же срок военных занятий Академического легиона.
	» 26	**Франция.**	Арест Бланки за участие в выступлении 15 мая.
	» 26	**Австрия.**	Указ о роспуске Академического легиона и о слиянии его с национальной гвардией.

1848, мая 26—28	**Австрия**	Революционное восстание в Вене. Баррикадные бои.
» 27	**Германия.**	Национальное собрание во Франкфурте объявляет себя Учредительным собранием.
» 27	**Ирландия.**	Приговор о ссылки Митчела на Бермудские острова,сроком на 14 лет.
» 28—30	**Италия.**	Сражение при Куртатоне. Победа итальянцев при Гоито.
» 28—29	**Ирландия.**	Попытки восстания в Дублине.
» 29	**Италия.**	Неудачная попытка группы республиканцев свергнуть временное правительство в Милане и провозгласить республику.
» 29	**Англия.**	Разрозненные попытки восстания чартистов в Лондоне.
« 30	**Франция.**	Принятие Учредительным собранием декрета о реорганизации национальных мастерских (опубликован 3 июня).
» 30	**Германия.**	Стихийная демонстрация нескольких тысяч голодающих рабочих в Берлине около дома министра общественных работ фон Патова.
» 30	**Чехия.**	Создание в Праге контрреволюционного «Временного правительственного совета».
» 30	**Трансильвания.**	Решение трансильванского сословного сейма в Клуже об унии между Трансильванией и Венгрией, без участия представителей румын.
» 31	———	Выход в Кельне первого номера «Новой Рейнской газеты» под редакцией Маркса и Энгельса (выход 31 мая с датой 1 июня).
» 31	**Италия.**	Взятие крепости Пескьеры итальянскими войсками.
» 31	**Чехия.**	Принятие моравским сеймом решения о прекращении барщины с 1 июля 1848 г.
мая конец	**Словакия.**	Отклонение венгерским правительством словацких национальных требований. Подавление крестьянских восстаний.
» »	**Дания.**	Вывод войск Германского союза из Ютландии.
май—июнь	**Галиция.**	Организация украинских окружных рад.
июнь	**Австрия.**	Создание в Вене «Всеобщего рабочего союза».
»	**Галиция.**	Создание «Руського собора» во Львове.
»	**Познань.**	Основание Польской лиги для борьбы за «национальную реорганизацию».
»	**Хорватия.**	«Правила о батраках в барских поместьях».

1848, июнь	**Дунайские княжества.**	Крестьянские волнения в Валахии.
»	**Ирландия.**	Образование «Ирландской лиги для достижени законодательной независимости Ирландии».
июня 1	**Австрия.**	Опубликование нового, более демократического, избирательного закона.
» 2—12	**Чехия.**	Славянский съезд в Праге.
» 2	**Трансильвания.**	Крестьянские волнения.
» 3	**Чехия.**	Волнения рабочих в Бубенчи.
» 4	**Франция.**	Дополнительные выборы в Учредительное собрание.
» 5	**Воеводина.**	Установление союза Воеводины с Хорватией.
» 5	**Хорватия.**	Подтверждение собравшимся хорватским сáбором аграрного закона от 27 апреля об отмене урбариальных повинностей крестьян.
» 6	——	Передовая «Новой Рейнской газеты» с требованием единой и неделимой германской республики.
» 7	**Франция.**	Принятие Учредительным собранием закона против революционных демонстраций.
» 7	**Англия.**	Арест чартистского лидера Эрнста Джонса.
» 7	**Ирландия.**	Приказ об аресте 118 лидеров Национальной ирландской конфедерации.
» 10—11	**Италия.**	Штурм и взятие Виченцы австрийскими войсками.
» 10	**Чехия.**	Обращение студентов Праги к населению с призывом поддержать их требование о выводе войск из Праги и вооружении студенческого легиона.
июнь, после 10	**Хорватия.**	Народные волнения в Загребе.
июня 11	**Чехия.**	Собрание в Святовацлавских купальнях.
» 12	»	Принятие Славянским съездом «Манифеста к европейским народам».
» 12	»	Начало революционного восстания в Праге.
» 12	**Воеводина.**	Прибытие венгерских войск в Карловцы. Бомбардировка Карловец. Отступление венгров.
» 12	**Англия.**	Неудачная попытка народного восстания в Лондоне.
» 13—14	——	Передовая статья Маркса в «Новой Рейнской газете», характеризующая мартовскую революцию как «незаконченную», «половинчатую».

1848, июня	13	**Чехия.**	Посылка делегатов Праги в провинции с целью поднять крестьянство и население провинциальных городов на помощь восстанию.
»	13	**Бельгия.**	Выборы в парламент.
»	14	**Германия.**	Штурм цейхгауса в Берлине.
»	14—17	»	Съезд представителей немецких демократических и рабочих союзов во Франкфурте-на-Майне.
»	14	**Чехия.**	Бомбардировка восставшей Праги войсками Виндишгреца.
»	14—25	**Италия.**	Захват австрийскими войсками почти всех венецианских земель.
»	17	**Чехия.**	Поражение у Беховиц крестьянсмих отрядов, шедших на помощь пражским повстанцам.
»	17	»	Капитуляция восставшей Праги.
»	19—21	**Австрия.**	Выборы в рейхстаг.
»	19	**Воеводина.**	Соглашение Раячича с Елачичем о совместной борьбе против революционной Венгрии.
»	20	**Германия.**	Отставка в Пруссии кабинета Кампгаузена.
»	21—22	**Франция.**	Вооруженное выступление рабочих в Марселе против попытки предпринимателей восстановить 12-часовой рабочий день. Уличные бои. Подавление восстания.
»	21	**Дунайские княжества.**	Народное собрание в деревне Излаз уезда Рацапаць (Валахия).
»	22	**Франция.**	Опубликование правительственного распоряжения о зачислении в армию всех холостых рабочих в возрасте от 18 до 25 лет, внесенных в списки национальных мастерских Парижа, и о высылке всех остальных в провинцию.
»	22	»	Демонстрации рабочих национальных мастерских с протестом против зачисления рабочих в армию.
»	22	**Дунайские княжества.**	Покушение в Бухаресте на господаря Валахии Бибеску.
»	23 (около)	——	Избрание Маркса в члены Окружного комитета рейнской демократии.
»	23—26	**Франция.**	Вооруженное восстание парижских рабочих под лозунгом «демократической и социальной республики».
»	23	**Дунайские княжества.**	Создание временного правительства в Валахии.
»	25	**Германия.**	Сформирование в Пруссии нового кабинета Ауэрсвальда — Ганземана.

1848, июня 25	**Дунайские княжества.**	Отречение от престола господаря Валахии Бибеску.
» 26—30	———	Статьи Маркса и Энгельса в «Новой Рейнской газете» об июньском восстании парижских рабочих.
» 26	**Франция.**	Взятие баррикад в Сент-Антуанском предместье. Жестокое подавление восстания парижских рабочих.
» 26	**Венгрия.**	Опубликование революционно-демократической программы Петефи.
» 26	**Воеводина.**	Вооруженное столкновение сербов и венгров в Нови Саде. Обстрел города венграми. Разоружение сербов.
» 27	**Франция.**	Декрет Учредительного собрания о ссылке без суда участников июньского восстания.
» 28	»	Утверждение Кавеньяка в звании главы исполнительной власти Французской республики. Сформирование нового министерства.
» 28	**Венгрия.**	Выборы в венгерский парламент.
» 28 (16)	———	Вступление царских войск (12-тысячного корпуса) в Молдавию.
» 28—30 (16—18)	**Россия.**	Народные волнения в Петербурге.
» 29	**Германия.**	Избрание Франкфуртским парламентом австрийского эрцгерцога Иоганна имперским правителем.
июнь	**Дунайские княжества.**	Крестьянские волнения в Валахии.
июнь—июль	**Россия.**	Массовые волнения во внутренних губерниях в связи с эпидемией холеры и повсеместным неурожаем.
июля 3	**Франция.**	Декрет о закрытии национальных мастерских.
июля 3 (около 21 июня)	**Россия.**	Отмена Николаем I распоряжения об оккупации Молдавии и Валахии.
июля 4	**Австрия.**	Повторное требование рабочих, занятых на общественных работах, о повышении расценок.
» 4	**Италия.**	Обнародование постановления венецианского Учредительного собрания о присоединении Венеции к Пьемонту.
» 5	**Венгрия.**	Открытие парламента.
» 5	**Воеводина.**	Возобновление военных действий между венграми и сербами.
июля 6—7 (24—25 июня)	**Россия.**	Сообщение в русских газетах о начале июньского восстания в Париже и о его подавлении.
июля начало (конец июня)	———	Новый приказ Николая I об оккупации Молдавии и Валахии.

1848, июля 7	**Англия.**	Осуждение Эрнста Джонса на два года тюремного заключения.
» 10	**Италия.**	Принятие сенатом Сардинского королевства закона о слиянии Пьемонта с Ломбардией.
» 12	**Германия.**	Передача Союзным сеймом своих полномочий эрцгерцогу Иоганну как имперскому правителю.
» 15	**Венгрия.**	Сражение между венграми и сербами у Перлеза. Поражение венгров.
» 18	**Австрия.**	Образование нового министерства во главе с Вессенбергом.
» 21	—	Избрание Маркса в члены президиума Окружного комитета демократических обществ Рейнской провинции и Вестфалии.
» 22	**Австрия.**	Открытие рейхстага.
» 23—25	**Италия.**	Сражение под Кустоццей; поражение итальянских войск.
» 24	—	Возобновление военных действий между Пруссией и Данией.
» 24—27	**Германия.**	Прения по польскому вопросу во Франкфуртском парламенте.
» 24	**Ирландия.**	Отмена Habeas Corpus Act'а в Ирландии.
» 25	**Воеводина.**	Прибытие отряда добровольцев из Сербского княжества в Воеводину для участия в военных действиях против венгров.
» 26	**Германия.**	Внесение в Прусское учредительное собрание нового проекта конституции — «хартии Вальдека».
» 28	**Франция.**	Декрет о надзоре за клубами.
» 30	**Галиция.**	Назначение В. Залесского наместником Галиции.
» 30 (18)	**Россия.**	Указ Николая I об очередном рекрутском наборе в армию.
июль	—	Обсуждение польского вопроса во Франкфуртском собрании.
июля конец	**Ирландия.**	Разрозненные восстания.
лето	**Хорватия.**	Восстание крестьян в Гробнике.
июль—сентябрь	—	Вооруженная интервенция Турции и России в Валахии.
августа 1	**Италия.**	Демонстрация протеста в Риме против отказа папы объявить войну Австрии.
» 2	»	Выход в отставку министерства Мамиани в Риме.
» 6	»	Занятие Милана австрийскими войсками.
» 8	»	Победа населения Болоньи над австрийскими войсками.

1848, августа 9	**Италия.**	Заключение Карлом-Альбертом перемирия с Австрией.
августа 9—сентября 7	——	Публикация в «Новой Рейнской газете» серии статей Энгельса о прениях по польскому вопросу во Франкфуртском парламенте.
августа 11	**Германия.**	Резолюция протеста кельнского «Демократического общества» (принятая на собрании, где председательствовал Маркс), направленная Франкфуртскому парламенту, против присоединения Познани к Германскому союзу.
» 11	**Италия.**	Народные выступления в Венеции в знак протеста против предательской политики Карла-Альберта.
» 12	**Австрия.**	Возвращение императора и его двора в Вену.
» 13—14	——	Участие Маркса и Энгельса в объединении трех крупных демократических союзов Рейнской области и образовании ими Центрального окружного комитета. Единодушное избрание Маркса вице-президентом всех демократических объединений Рейнской области и Вестфалии.
» 13	**Италия.**	Создание триумвирата в Венеции и вручение диктаторских полномочий Манину.
» 14	**Англия.**	Вооруженное выступление чартистов в Эштон-андер-Лайн. Ночная атака на городскую ратушу.
» 16	»	Арест вооруженных вождей чартистов в Лондоне.
» 17	**Галиция.**	Выступление украинского крестьянина Ивана Капущака в австрийском рейхстаге против выкупа крестьянами барщины.
» 21—23	**Австрия.**	Выступления рабочих Вены в знак протеста против снижения расценок на общественных работах. Расстрел демонстрантов национальной гвардией.
августа 23—сентября начало	**Италия.**	Восстание в Ливорно. Назначение в Ливорно нового губернатора — профессора Монтанелли.
августа 24	**Австрия.**	Самороспуск Венского комитета общественной безопасности в знак протеста против расстрелов 23 августа.
» 25—26	——	Пребывание Маркса в Берлине
» 26	——	Заключение перемирия Пруссии с Данией в Мальмё.
августа 28—сентября 6	——	Пребывание Маркса в Вене.
август	**Англия.**	Постановление парламентской комиссии о ликвидации национальной земельной компании чартистов.

1848, августа конец	**Германия.**	Рабочий съезд в Берлине. Обращение его к Франкфуртскому парламенту с предложением о включении в конституцию пункта об обеспечении всех граждан трудом.
сентября 2	**Франция.**	Подтверждение Учредительным собранием декрета о дополнительном 45-сантимном налоге. Отказ Собрания от выкупа железных дорог, от прогрессивного налога, от законопроекта о полюбовных сделках между кредиторами и должниками.
» 3—7	**Италия.**	Бомбардировка и взятие Мессины войсками неаполитанского короля.
» 7	**Австрия.**	Указ императора об отмене личной зависимости крестьян и об отмене феодальных повинностей за выкуп.
» 8—10	——	Пребывание Маркса в Берлине.
» 9	**Франция.**	Закон об отмене сокращения рабочего дня на один час.
» 9	**Германия.**	Отставка кабинета Ауэрсвальда — Ганземана в Пруссии.
» 11	**Венгрия.**	Переход армией Елачича реки Дравы и вторжение австрийских войск в Венгрию.
» 11	»	Образование временного правительства Венгрии без Кошута.
» 12	**Австрия.**	Революционные волнения в Вене.
» 12	**Швейцария.**	Утверждение новой федеральной конституции.
» 13	**Германия.**	Массовое народное собрание в Кельне. Избрание Комитета безопасности. Маркс — член Комитета. На собрании распространялись «Требования коммунистической партии Германии».
» 13	»	Назначение министром-президентом Пруссии генерала Пфуля.
» 14	**Трансильвания.**	Начало восстания румын против Венгрии.
» 16	**Германия.**	Утверждение Франкфуртским парламентом договора о перемирии с Данией.
» 17	**Франция.**	Дополнительные выборы в Учредительное собрание.
» 17	**Германия.**	Многолюдное народное собрание в селении Воррингене (близ Кельна) с участием представителей от крестьян и делегатов от рейнских городов, созванное редакцией «Новой Рейнской газеты» и кельнским «Рабочим обществом».

1848, сентября 18	**Германия.**	Восстание во Франкфурте-на-Майне.
» 20	»	Народное собрание, созванное Комитетом безопасности в Кельне, «Демократическим» и «Рабочим» обществами, в знак солидарности с восстанием во Франкфурте-на-Майне.
» 22	»	Провозглашение Германской республики в Леррахе (Баден). Создание Временного правительства.
» 22	**Венгрия.**	Создание Комитета обороны во главе с Кошутом.
» 25	**Германия.**	Волнения в Кельне. Постройка баррикад.
» 25	»	Объявление осадного положения в Кельне. Запрещение рабочих организаций и демократических союзов. Роспуск гражданского ополчения. Приостановка «Новой Рейнской газеты», приказ об аресте ее редакторов.
» 26	——	Отъезд Энгельса из Кельна.
» 26—28	**Греция.**	Вооруженное восстание греческого населения острова Кефаллонии против английского господства.
» 29	**Венгрия.**	Победа венгерской национальной армии над войсками Елачича у Шукоро. Отступление Елачича.
сентябрь	**Словакия.**	Вступление словацкого легиона в Западную Словакию. Его поражение и отступление в Моравию.
сентября вторая половина	**Трансильвания.**	Третье румынское Национальное собрание в Блаже. Отклонение унии с Венгрией.
» »	»	Начало восстания румынских крестьян под руководством Аврама Янку в Средней Трансильвании.
сентября конец	**Германия.**	Волнения в ряде городов Южной и Западной Германии.
осень	**Хорватия.**	Крестьянские волнения в связи со сбором податей. Вооруженные столкновения крестьян Гранешинской общины Загребской области с войсками.
сентябрь—ноябрь	**Дунайские княжества.**	Крестьянские восстания в Валахии.
октября 1	**Венгрия.**	Отставка правительства Баттяни. Переход власти к Комитету обороны.
» 3	»	Указ австрийского императора о роспуске венгерского парламента и о предоставлении Елачичу всей полноты власти в Венгрии.
» 5—6	»	Поражение войск Елачича под Дьером. Отступление Елачича с остатками армии к Вене.

1848, октября 6	**Франция.**	Циркуляр о введении обязательных паспортов для рабочих и об ограничении свободы их передвижения по стране.
» 6	**Германия.**	Демонстрация в Берлине, организованная демократическими клубами и демократической фракцией. Собрания в знак протеста против законопроекта о гражданском ополчении.
октября 6—ноября 1	**Австрия.**	Народное восстание в Вене.
октября 7	»	Бегство императора и двора в Оломоуц (Ольмюц).
» 9	**Воеводина.**	Собрание скупщины. Передача политической власти патриарху Раячичу, военной—воеводе Шупликацу.
» 12	——	Возобновление выхода «Новой Рейнской газеты». Статья Маркса «Кельнская революция».
» 12	**Германия.**	Рабочая демонстрация в Берлине с лозунгом «права на труд».
» 13	»	Волнения в Берлине среди рабочих, занятых на Кепеникском поле, из-за увольнения нескольких рабочих.
» 13	**Австрия.**	Поездка депутата рейхстага Кудлиха в районы Нижней Австрии с призывом придти на помощь революционной Вене.
» 16	——	Избрание Маркса председателем «Кельнского рабочего союза».
» 16	**Германия.**	Демонстрация в Берлине рабочих — строителей берлинского канала. Обстрел демонстрации войсками. Баррикадные бои.
октябрь	**Буковина.**	Отправка добровольцев из Черновиц на помощь восставшей Вене.
октября 1	**Германия.**	Петиция рабочих Прусскому учредительному собранию о наказании виновников кровопролития 16 октября и о помощи семьям пострадавших.
» 19	**Галиция.**	Съезд украинских ученых во Львове.
» 22	**Венгрия.**	Поход венгерских революционных войск на помощь Вене.
» 23	**Австрия.**	Ультиматум Виндишгреца с требованием сдачи Вены.
» 23	**Дания.**	Открытие Национального собрания.
» 24	**Австрия.**	Начало боев между войсками Виндишгреца и защитниками Вены.
» 25—31	»	Бомбардировка и штурм Вены войсками Виндишгреца.
» 26—30	**Германия.**	Демократический съезд в Берлине.

1848, октября 27	**Германия.**	Съезд представителей левых фракций парламентов всех германских государств («контрпарламент») в Берлине.
» 27	**Италия.**	Сформирование в Тоскане либерального кабинета Монтанелли с участием Гуэррацци. Призыв министерства к созыву всеитальянского Учредительного собрания.
» 28	**Австрия.**	Захват правительственными войсками главных районов Вены.
» 29—30	»	Переговоры венского Общинного совета с Виндишгрецом о капитуляции.
» 30	**Венгрия.**	Поражение венгерских войск под Швехатом (близ Вены). Отступление их в Венгрию.
» 31	——	Воззвание «Новой Рейнской газеты» об организации добровольческих отрядов на помощь революционной Вене.
» 31	**Германия.**	Демонстрация в Берлине, организованная левыми депутатами демократического съезда, с требованием помощи венским революционерам.
ноября 1—2	»	Создание в Пруссии реакционного министерства графа Бранденбурга.
» 1	**Австрия.**	Захват Вены войсками Виндишгреца.
» 1—2	**Галиция.**	Восстание во Львове. Бомбардировка города австрийскими войсками.
» 3	——	Передовая статья Маркса в «Новой Рейнской газете» о боях в Вене.
» 3	**Галиция.**	Введение осадного положения во Львове. Запрещение собраний и политических обществ, закрытие периодических изданий, роспуск местного самоуправления.
» 4	**Франция.**	Принятие Учредительным собранием конституции Второй французской республики.
» 4	**Трансильвания.**	Разгром австрийскими войсками у Таргу-Муреша ополчения секлеров.
» 6	——	Доклад Маркса на заседании комитета «Кельнского рабочего союза» о венском восстании.
» 8	——	Статья Маркса в «Новой Рейнской газете» «Берлинский кризис» по поводу отставки министерства Пфуля.
» 9	**Австрия.**	Расстрел в Вене депутата Франкфуртского парламента Роберта Блюма.
» 9	**Германия.**	Указ прусского короля о перерыве заседаний Прусского собрания до 27 ноября и о переводе его в город Бранденбург.

1848, ноября 11	—	Передовая статья Маркса в «Новой Рейнской газете» «Контрреволюция в Берлине» по поводу назначения графа Бранденбурга прусским премьер-министром.
» 12	—	Призыв Маркса (в передовой статье «Новой Рейнской газеты») к отказу от уплаты налогов.
» 12	**Германия.**	Указ о введении осадного положения в Берлине и в двухмильной полосе вокруг него.
» 13	»	Закрытие в Пруссии демократических газет «Реформа», «Читальня».
» 14	»	Воззвание Окружного комитета рейнских демократов (написанное Марксом), с призывом к отказу от уплаты налогов.
» 14	»	Сопротивление народа попыткам кельнских властей арестовать Маркса.
» 15	»	Заседание депутатов прусского Национального собрания в гостинице «Миленц». Призыв Собрания к отказу от уплаты налогов.
» 15	**Италия.**	Убийство министра графа Росси в Риме.
» 16	»	Народное восстание в Риме. Требование созыва всеитальянского Учредительного собрания.
» 16 и 21	**Буковина.**	Собрания крестьян, созванные Лукианом Кобылицей.
ноябрь	»	Крестьянское движение.
ноября 18	**Германия.**	Обращение по инициативе Маркса Окружного комитета рейнских демократов с предложением организовать народное ополчение и оказывать сопротивление попыткам правительства насильственно взимать налоги.
» 20	»	Активное сопротивление народа сбору налогов в Трире. Вооруженное столкновение народа с войсками.
ноября вторая половина	**Силезия.**	Отказ силезских крестьян от уплаты налогов. Сильное аграрное движение.
ноября 22	**Австрия.**	Возобновление работы австрийского рейхстага в Кромержиже (Кремзире).
» 23	**Германия.**	Второй съезд рейнских демократов в Кельне с участием Маркса
» 23	»	Народные волнения в Дюссельдорфе в связи с отказом от уплаты налогов.
» 24	»	Вооруженное выступление народа в Эрфурте против сбора налогов.
ноября в ночь на 25	**Италия.**	Бегство Пия IX из Рима в Гаэту.

1848, ноября 27	**Австрия.**	Выступление в рейхстаге главы министерства князя Шварценберга с декларацией о преобразовании Австрии в централизованное государство.
ноябрь	**Нидерланды.**	Принятие закона о пересмотре конституции.
декабря 2	**Австрия.**	Отречение императора Фердинанда V от престола. Вступление на престол Франца-Иосифа I.
» 4	**Италия.**	Сформирование министерства Джоберти в Пьемонте.
» 4—20	**Словакия.**	Вступление словацкого легиона в Северную Словакию. Воззвание Гурбана с призывом к восстанию против венгров. Поражение легиона у Вудетина.
		Роспуск легиона и включение его бойцов в австрийскую армию.
» 5	**Германия.**	Указ короля о роспуске Прусского собрания. Опубликование новой конституции Пруссии.
» 6	»	Опубликование нового избирательного закона в Пруссии.
» 9—23, 29	———	Опубликование в «Новой Рейнской газете» статей Маркса «Буржуазия и контрреволюция».
» 10	**Франция.**	Избрание Луи-Наполеона Бонапарта президентом Республики.
» 13	»	Опубликование закона о восстановлении тюремного заключения за долги.
» 15	**Воеводина.**	Обращение Франца-Иосифа к сербскому народу с подтверждением выборов Раячича патриархом, а Шупликаца — воеводой.
» 16	**Венгрия.**	Переход венгерской границы армией Виндишгреца.
декабря вторая половина	**Италия.**	Народное движение в Римском государстве за созыв Учредительного собрания.
декабря 19	**Венгрия.**	Победа венгерских войск над частями австрийской армии южнее Бая-Маре (Трансильвания).
» 20	**Франция.**	Уход в отставку генерала Кавеньяка.
» 21	»	Сформирование президентом Луи Бонапартом министерства Одилона Барро.
» 23	»	Принятие правительством решения об интервенции против Римской республики.
» 23 (11)	**Россия.**	Беседа Н. Г. Чернышевского с петрашевцем А. Н. Ханыковым о возможности и близости революции в России.

1848, декабря 25	**Венгрия.**	Занятие венгерскими войсками Бема главного города Трансильвании — Клужа.
» 30	»	Поражение венгерской армии в битве у Мор.
декабрь	**Россия.**	Беседы Н. А. Спешнева и М. В. Петрашевского с Р.А.Черносвитовым о революционной борьбе с самодержавно-крепостническим строем.
1849, январь	———	Возвращение Энгельса в Кельн.
»	**Воеводина.**	Главный одбор объявляет себя центральной властью.
января 2	**Венгрия.**	Оставление Будапешта венгерской армией. Отступление Гергея с главными силами в Словакию.
» 5	»	Вступление армии Виндишгреца в Будапешт.
» 5	»	Поражение северной группы австрийских войск у Дорна-Ватра (Буковина).
» 6	**Франция.**	Предложение депутата Учредительного собрания Рато назначить выборы в Законодательное собрание на март, а срок окончания работы Учредительного собрания наметить на 19 марта.
» 9	**Венгрия.**	Открытие заседаний парламента в Дебрецене.
» 13	»	Занятие венгерскими войсками Бема Таргу-Муреша.
январь	**Россия.**	Совещания у петрашевца Н. А. Спешнева по вопросу о создании в России революционной организации.
января 21	**Италия.**	Выборы в римское Учредительное собрание.
» 22	»	Принятие парламентом Тосканы постановления о созыве Учредительного собрания.
» 23	**Германия.**	Циркулярная нота прусского правительства об объединении Германии в рамках Таможенного союза.
» 29	**Франция.**	Попытка контрреволюционного государственного переворота.
» 31	**Италия.**	Бегство великого герцога Тосканского из Флоренции в Сиену, а затем в Гаэту.
январь—апрель	**Франция.**	Революционное брожение среди крестьян.
февраля 2	**Венгрия.**	Сражение венгерских войск Бема с превосходящими силами австрийцев у Окна-Сибиулуи. Отступление Бема.
» 5	**Италия.**	Открытие римского Учредительного собрания.

1849, февраля	5	**Венгрия.**	Победа словацкой дивизии Гуйона (входившей в состав венгерской революционной армии) у перевала Бранисско над австрийскими войсками генерала Шлика.
февраля	начало	»	Успехи венгерских войск в районе северо-восточных Карпат и Тиссы.
февраля	7	—	Процесс в кельнском суде присяжных по обвинению Маркса и Энгельса в «оскорблении властей» на страницах «Новой Рейнской газеты». Обличительная речь Маркса. Оправдание обвиняемых.
»	8	—	Процесс в кельнском суде присяжных по обвинению Маркса и двух других членов Окружного комитета рейнских демократов «в подстрекательстве к восстанию». Обличительная речь Маркса. Оправдание обвиняемых.
»	8	**Италия.**	Низложение Леопольда II Народным собранием во Флоренции. Создание временного правительства (триумвирата) в составе Гуэррацци, Монтанелли, Маццони.
»	9	»	Провозглашение Римской республики.
февраля	начало	»	Создание Комитета безопасности во Флоренции, роспуск парламента и назначение выборов в Учредительное собрание.
февраля	9, 10	**Воеводина.**	Признание Главным одбором единственным главой Воеводины патриарха, с титулом «Управителя Воеводины».
»	11	—	Участие Маркса, Энгельса и других членов редакции «Новой Рейнской газеты» в первом демократическом банкете Рейнской провинции, организованном «Рабочим обществом».
»	15	**Венгрия.**	Победа венгерских войск над австрийскими войсками у Пишки.
»	18	**Италия.**	Провозглашение Тосканской республики народом (формальное провозглашение было отложено до созыва тосканского Учредительного собрания).
»	18	»	Обращение папы к католическим державам с призывом к интервенции против Римской республики.
»	21	»	Закон о национализации церковных земель в Риме.
»	25	»	Решение римского Учредительного собрания о введении принудительного займа и прогрессивного налога.
»	25	**Трансильвания.**	Прием императором Францем-Иосифом в Оломоуце делегации румынского национального движения во главе с епископом Сагуна. Демагогическое обещание императора дать национальную автономию Трансильвании.

1849, февреля 26—27	**Венгрия.**	Битва под Каполна между венгерской армией Дембинского и армией Виндишгреца. Отступление Дембинского.
» 28	**Италия.**	Ультиматум Фердинанда II сицилийцам.
февраля конец	**Франция.**	Создание Объединенного комитета представителей демократической и социалистической прессы для выработки общей избирательной программы.
февраль	**Нидерланды.**	Образование ответственного министерства Торбека.
марта 4	**Венгрия.**	Указ Франца-Иосифа об уничтожении независимости Венгрии и о включении ее в число «земель Австрийской империи».
» 7	**Франция.**	Начало суда в Бурже над Бланки и другими участниками выступления 15 мая 1848 г.
» 7	**Австрия.**	Опубликование новой, составленной 4 марта, реакционной конституции. Роспуск рейхстага.
» 7	**Италия.**	Назначение Манина главой исполнительной власти в Венеции с титулом президента.
» 7	**Воеводина.**	Опубликование новой имперской конституции, обещавшей Сербии церковную и политическую свободу, но не предоставлявшей ей самоуправления.
» 11	**Венгрия**	Занятие Сибиу венгерскими войсками Бема.
» 12	**Италия.**	Денонсирование Карлом-Альбертом перемирия с Австрией.
» 18	**Трансильвания.**	Прибытие Балческу в Трансильванию для объединения борьбы венгров и румын против Габсбургов.
» 19—23	**Италия.**	Возобновление войны Сардинии с Австрией.
» 20	»	Возобновление военных действий в Северной Италии. Переход австрийских войск через реку Тичино у Гравеллона.
марта 20—апреля 1	»	Восстание населения г. Брешии против австрийцев. Осада и взятие Брешии войсками фельдмаршала Гайнау.
марта 20	**Трансильвания.**	Занятие Брашова венгерскими войсками. Отступление австрийских войск в Валахию. Поражение румынских повстанцев в Трансильвании, за исключением области, занятой отрядами Аврама Янку.
» 22	**Франция.**	Принятие Учредительным собранием законопроекта о запрещении политических клубов.

1849, марта 22—23	Италия.	Создание Учредительным собранием в Риме триумвирата (Армеллини, Саффи, Мадзини).
» 22—23	»	Сражение между австрийскими и итальянскими войсками при Новаре. Поражение армии Карла-Альберта.
» 24	»	Отречение Карла-Альберта от престола в пользу своего сына Виктора-Эммануила.
» 26	»	Заключение королем Виктором-Эммануилом II перемирия с фельдмаршалом Радецким.
» 27	»	Вручение тосканским Учредительным собранием диктаторской власти Гуэррацци.
» 28	Германия.	Окончание выработки общегерманской конституции Франкфуртским парламентом. Избрание им прусского короля Фридриха-Вильгельма IV «императором германцев».
марта 28—апреля 11	Италия.	Республиканское восстание в Генуе. Взятие Генуи королевскими войсками.
марта 29	»	Возобновление военных действий в Сицилии против неаполитанских войск.
» 30	Венгрия.	Назначение Гергея главнокомандующим венгерскими войсками.
март	Хорватия.	Отказ банского веча (национального правительства Хорватии) опубликовать новую имперскую конституцию, как ущемляющую права хорватов.
март — лето	Буковина.	Усиление крестьянского движения в стране.
март	Дания.	Денонсирование датским правительством перемирия с Пруссией.
апрель	Галиция.	Крестьянское движение под Краковом (бегство рекрутов с целью присоединения к венгерским революционерам).
апреля 2—мая 15	Италия.	Разгром освободительного движения в Сицилии.
апреля 2	Венгрия.	Переход венгерской армии в наступление. Победа у Хатвана.
» 2	Воеводина.	Указ австрийского императора о передаче управления Воеводиной Виндишгрецу.
» 3	Германия	Прием Фридрихом - Вильгельмом IV делегации Франкфуртского парламента.
» 3	Чехия.	Обращение «Славянской липы» к австрийскому императору с требованием отмены конституции 4 марта и отставки министерства Шварценберга.

1849, апреля 4—10	——	Опубликование докладов Маркса о наемном труде и капитале, прочитанных им в 1847 г.
» 4	**Венгрия.**	Победа венгерской армии у Тапиобичке.
» 5—7	»	Победа венгерской армии под Ишасеге и Геделе.
» 10	»	Победа венгерской армии под Вацом.
» 11—12	**Италия.**	Контрреволюционный мятеж во Флоренции.
» 13	**Воеводина.**	Протест сербского населения против введения немецкого языка и немецких чиновников в Воеводине. Отказ венского правительства удовлетворить просьбу населения.
» 14	——	Выход К. Маркса, Ф. Энгельса и других членов «Союза коммунистов» из Рейнского окружного комитета «Демократического общества». Разрыв «Кельнского рабочего союза» с этим обществом.
» 14	**Венгрия.**	Низложение венгерским парламентом династии Габсбургов. Избрание Кошута правителем государства. Принятие «Декларации независимости» Венгрии.
апреля 15—мая 9	——	Пребывание Маркса в Бремене, Гамбурге, Билефельде и Гамме. Установление связей с местными революционными группами.
апреля 15	**Австрия.**	Отклонение австрийским правительством имперской конституции и отзыв им австрийских депутатов из Франкфуртского парламента.
» 15	**Италия.**	Постановление триумвирата в Риме о распродаже национализированных церковных земель.
апреля середина	**ермания.**	Принятие имперской конституции 28 германскими государствами.
» »	**Трансильвания.**	Переговоры Балческу с Кошутом в Дебрецене по вопросу о венгеро-румынском соглашении.
апреля 19	**Венгрия.**	Разгром австрийской армии при Надьшарло.
» 21	**Австрия.**	Обращение Франца-Иосифа к Николаю I с просьбой о помощи против революционной Венгрии.
» 24—25	**Италия.**	Прибытие и высадка в Чивита-Веккио (близ Рима) французских войск под командой генерала Удино.
» 25	**Трансильвания.**	Созыв Аврамом Янку собрания руководителей румынских повстанцев для заключения перемирия с венграми, на основе соглашения, достигнутого между Балческу и Кошутом.

1849, апреля 25 (13)	**Россия.**	Извещение Паскевича Николаем I о его решении предпринять интервенцию в Венгрию.
» 26	**Венгрия.**	Освобождение венгерской армией крепости Комаром.
» 27	**Италия.**	Издание прокламации триумвиров в Риме, призывающей римлян к вооруженному сопротивлению французам. Вступление в Рим легиона Гарибальди.
» 28	**Германия.**	Опубликование решения прусского правительства о роспуске второй палаты (в ответ на ее решение одобрить имперскую конституцию). Отсрочка заседаний первой палаты.
» 28	»	Роспуск саксонского ландтага королем Фридрихом-Августом и его заявление об отказе признать имперскую конституцию.
апреля 28—мая 1	»	Народные волнения в Берлине.
апреля 30	**Италия.**	Неудачный штурм Рима генералом Удино.
апрель	—	Занятие германскими войсками Шлезвига и Гольштинии.
мая 1—2	**Германия.**	Многолюдные народные сходки в столице Пфальца Кайзерслаутерне. Избрание Областного комитета защиты.
мая 1 (19 апреля)	—	Заключение в Балта-Лимане русско-турецкой конвенции о Молдавии и Валахии.
мая 1—августа 13	—	Царская интервенция в Венгрию.
мая 2	**Венгрия.**	Образование нового венгерского министерства во главе с Семере. Ликвидация Комитета обороны. Отстранение от власти республиканской группы Мадараса.
» 3	**Германия.**	Начало вооруженного восстания в Дрездене (нападение на цейхгауз).
» 3 (датировка 28 апреля)	»	Нота Фридриха-Вильгельма IV об отклонении им имперской конституции и об его отказе от императорской короны.
мая 3 (датировка 28 апреля)	»	Опубликование прусским правительством ноты с предложением помощи правительствам всех германских государств в подавлении революционного движения.
мая начало	»	Волнения в Пфальце. Переход гарнизонов на сторону восставших. Уход прусских войск.
мая 4	»	Обращение Франкфуртского парламента ко всем германским правительствам с предложением признать конституцию.
» 4	»	Образование временного правительства в Саксонии.

1849, мая 5—7	**Силезия.**	Волнения во Вроцлаве.
» 5—8	**Германия.**	Бои на улицах Дрездена.
» 5—7	**Италия.**	Поход отряда Гарибальди в Неаполь. Занятие Палестрины.
» 5	**Трансильвания.**	Перемирие венгерских войск с румынскими повстанцами в Абруде. Провокационный налет венгерского «свободного отряда» на Абруд и арест им ряда румынских руководителей. Возобновление борьбы румын против венгров.
мая в ночь на 5 (23 апреля)	**Россия.**	Аресты петрашевцев в Петербурге.
мая 7	**Франция.**	Резолюция Учредительного собрания с осуждением военных действий против Римской республики.
» 8	**Германия.**	Съезд делегатов рейнских городов в Кельне.
» 8—20	**Италия.**	Осада и занятие Болоньи австрийскими войсками.
мая 8 (26 апреля)	**Россия.**	Манифест Николая I об интервенции в Венгрию.
мая 10	——	Опубликование в «Новой Рейнской газете» статьи Маркса «Подвиги Гогенцоллернов».
» 9	**Германия.**	Восстание в Эльберфельде и в Дюссельдорфе.
» 9	»	Подавление восстания в Дрездене.
мая в ночь на 10	**Чехия.**	Арест руководителей подготовлявшегося восстания и разоружение отрядов национальной гвардии в Праге.
мая 10—15	——	Участие Энгельса в вооруженном восстании в Эльберфельде.
» 10	**Германия.**	Взятие народом цейхгауза в Зигбурге.
» 10	»	Революционные выступления в Золингене и в Изерлоне.
май	**Чехия.**	Смертные приговоры участникам революционного заговора в Праге.
» 11	**Франция.**	Отклонение Учредительным собранием предложения партии Горы признать Римскую республику и заключить с нею мир.
» 11—12	**Германия.**	Восстания солдат в Раштадте, Фрейбурге, Бруксале, Леррахе.
» 12	——	Издание приказа о высылке Маркса из Пруссии; приказ вручен 16 мая.
» 13	**Франция.**	Выборы в Законодательное собрание.
» 13	**Германия.**	Народное собрание в Оффенбурге (Баден).
» 13	»	Восстание солдат в Карлсруэ.
» 14		Отъезд Энгельса из Эльберфельда по требованию местного Комитета безопасности.

1849, мая 14	**Германия.**	Восстание гарнизона города Маннгейма.
» 14	»	Образование буржуазно-демократического правительства в Бадене.
» 15	**Италия.**	Прибытие в Рим дипломатического представителя Франции Лессепса.
» 15—22	»	Занятие Флоренции и Ливорно австрийскими войсками.
» 16	**Германия.**	Постановление эльберфельдского городского совета о роспуске комитета безопасности и восстановлении «законных» властей; в ночь на 17 расправа с рабочими.
» 17	»	Образование временного правительства Пфальца. Провозглашение отделения Пфальца от Баварии. Подписание военного соглашения с Баденом.
» 17	»	Заявление имперского правителя Иоганна Франкфуртскому парламенту об отказе центрального правительства содействовать введению имперской конституции.
» 17—27	**Италия.**	Занятие Веллетри войсками Гарибальди и их переход через неаполитанскую границу.
» 18	**Германия.**	Выступление либералов во Франкфуртском парламенте с декларацией об отказе от борьбы за имперскую конституцию.
» 19	——	Выход в Кельне последнего (301-го) номера «Новой Рейнской газеты».
мая 21 — июня 1	——	Пребывание Маркса и Энгельса во Франкфурте-на-Майне, Маннгейме, Людвигсгафене, Карлсруэ, Шпейере, Кайзерслаутерне, Дармштадте и Бингене. Их переговоры с франкфуртскими парламентариями и с руководителями баденского восстания о расширении плацдарма борьбы.
мая 21	——	Свидание Николая I с Францем-Иосифом в Варшаве.
» 21	**Венгрия.**	Взятие крепости Буды венгерскими войсками.
» 25	**Италия.**	Вступление австрийских войск во Флоренцию. Возвращение во Флоренцию Леопольда II.
» 25	**Дания.**	Принятие новой конституции Национальным собранием.
» 26	**Германия.**	Заключение союза между Пруссией, Саксонией и Ганновером относительно будущего устройства Германии («Союз трех королей»).
» 26	**Италия.**	Подписание перемирия между Австрией и Сардинией.

1849, мая 27	**Венгрия.**	Вступление в Венгрию царской армии под командованием Паскевича.
мая 27—сентября 27	»	Борьба революционной Венгрии с царскими войсками под командованием Паскевича и австрийскими под командованием Виндишгреца и Елачича.
мая 28	**Франция.**	Открытие заседаний Законодательного собрания.
» 30	**Германия.**	Издание прусским правительством «трехклассного избирательного закона».
» 30	»	Наступление баденских войск под командованием Зигеля на Гессен. Их поражение под Геппенгеймом.
» 30	»	Решение депутатов Франкфуртского парламента о перенесении места его заседаний в Штутгарт.
июня 1	**Италия.**	Отозвание Лессепса из Рима.
» 2	**Венгрия.**	Назначение Гергея военным министром Венгрии.
» 3	**Италия.**	Вероломное нападение французских войск на Рим.
июня 3—июля 2	»	Осада и бомбардировка Рима французскими войсками. Героическая оборона города под руководством Гарибальди.
июня 3—августа 24	——	Пребывание Маркса в Париже, где он поддерживал связь с тайными рабочими обществами.
июня первые числа	——	Приезд Энгельса в Пфальц.
июня 10	**Германия.**	Начало заседаний баденского Учредительного собрания в Карлсруэ.
» 10	——	Заключение в Варшаве русско-австрийской конвенции о содержании царских войск в Венгрии.
» 12	**Германия.**	Вторжение прусских карательных войск в Пфальц и в Баден.
» 13	**Франция.**	Выступление мелкобуржуазных демократов в Париже с протестом против нарушения конституции. Разгон демонстрантов правительственными войсками.
» 13	**Италия.**	Предъявление генералом Удино ультиматума Римской республике с требованием капитуляции Рима.
» 15	**Франция.**	Неудавшаяся попытка восстания в Монлюсоне (департамент Алье).
» 15	»	Восстание в Лионе.
» 15	**Германия.**	Занятие Людвигсгафена корпусом прусской армии.
» 16	**Франция.**	Народная демонстрация в Бордо.
» 16	**Германия.**	Низложение Франкфуртским парламентом имперского правителя. Передача его функций регентству.

1849, июня 18	**Германия.**	Отступление из Пфальца под натиском прусских войск пфальцской армии.
» 18	»	Разгон общегерманского Национального собрания в Штутгарте.
июня 19 — июля 12	——	Участие Энгельса в боях с прусскими войсками во время южногерманского восстания.
июня 19	**Франция.**	Принятие Законодательным собранием закона о закрытии клубов и других собраний по усмотрению правительства.
» 20—21	**Венгрия.**	Сражение между объединенными австрийскими и русскими войсками и венгерской армией у села Перед. Отступление венгров.
» 21	**Германия.**	Переход в контрнаступление повстанцев в Бадене в районе Филиппсбурга.
» 25	»	Остановка у Дурлаха прусских войск отрядом баденских повстанцев под командой И. Беккера.
» 28	»	Отказ баденского Учредительного собрания (во Фрейбурге) вступить в переговоры с Пруссией. Отставка Брентано и бегство его из Фрейбурга.
» 28	**Венгрия.**	Поражение Гергея под Дьёром.
» 29—30	**Германия.**	Последнее сражение баденских революционных отрядов с прусскими и имперскими войсками у Раштадта. Отступление баденцев к швейцарской границе.
июня конец	**Трансильвания.**	Вступление русских и австрийских войск в Трансильванию.
июля 3	**Италия.**	Капитуляция Рима.
» 3	**Англия.**	Отклонение палатой общин петиции чартистов.
» 7 и 11	**Венгрия.**	Поражение венгерской армии при Комароме.
июля 10 (28 июня)	**Россия.**	Указ Николая I о запрещении строить в Москве новые фабрики.
июля 10	——	Подписание в Берлине перемирия между Данией и Пруссией.
» 12	——	Энгельс с отрядом баденско-пфальцской повстанческой армии переходит в Швейцарию.
» 15	——	Заключение венгерско-румынского перемирия.
» 15—17	**Венгрия.**	Поражение венгерских войск у Ваца.
» 19	——	Декрет французского правительства о высылке Маркса в департамент Морбиган.
» 19	**Венгрия.**	Вступление Гайнау в оставленный венгерской армией Будапешт.
» 21	»	Переезд парламента и правительства в Сегед.

1849, июля 184	**Германия.**	Капитуляция гарнизона баденской крепости Раштадт.
» 29—30	**Венгрия.**	Победа венгерской армии генерала Клапки над австрийскими войсками под Комаром.
» 31	»	Поражение венгерских войск у Сигишоара в битве с главными силами царских войск. Гибель Петефи.
августа 1	»	Переезд парламента и правительства в Арад.
» 2	»	Поражение венгерского корпуса генерала Надь Шандора под Дебреценом.
» 3	»	Поражение венгерской армии Дембинского у Сёрега.
» 6	**Италия.**	Подписание окончательного мирного договора между Сардинией и Австрией.
» 6	**Венгрия.**	Сражение венгерской армии Бема с царскими войсками под Сибиу. Поражение армии Бема.
» 9	»	Поражение венгерской армии Дембинского у Темешоара.
» 11	»	Отречение Кошута от власти.
» 13	»	Капитуляция венгерской армии при Вилагоше.
» 17	»	Сдача крепости Арад русским войскам.
» 22—25	**Италия.**	Капитуляция Венеции после почти годичной осады ее австрийскими войсками.
» 24	—	Отъезд Маркса из Парижа в Лондон.
» 29 (17)	**Россия.**	Манифест Николая I о завершении интервенции в Венгрии.
сентября начало	—	Реорганизация «Союза коммунистов» в Лондоне. Избрание Маркса в состав Центрального комитета «Союза коммунистов».
сентября 18	—	Создание при участии Маркса в Лондоне комитета для оказания помощи немецким эмигрантам.
» 27	**Венгрия.**	Капитуляция крепости Комаром. Прекращение сопротивления венгерских войск.
» 30	—	Соглашение между Австрией и Пруссией о создании совместной Временной административной комиссии для замены «Центрального правительства» Германии.
сентябрь	**Трансильвания.**	Установление австрийской военной администрации в Трансильвании.
октября начало	—	Отъезд Энгельса в Геную.

1849, октября 6	**Венгрия.**	Казнь 13 венгерских генералов и Баттиани.
октября 31	**Франция.**	Отставка министерства Одилона Барро и образование министерства д'Опуля-Фульда («министерства приказчиков» президента).
ноября 10 (около)	——	Приезд Энгельса в Лондон.
декабрь — январь 1850 г.	——	Доклады Маркса в «Немецком рабочем обществе» на тему «Что такое буржуазная собственность? I. Капитал, II. Земельная собственность».
1850, января 3 (22 декабря 1849 г.)	**Россия.**	Объявление приговора петрашевцам и совершение публичной «гражданской казни» над ними в Петербурге.
январь	——	Маркс пишет первую часть серии статей «Классовая борьба во Франции 1848—1849 гг».— «Июньское поражение 1848». Напечатана эта часть в начале марта в первом выпуске «Новой Рейнской газеты. Политико-экономическое обозрение».
января 31	**Германия.**	Принятие Прусским собранием новой реакционной конституции.
февраля 27	»	Заключение в Мюнхене конвенции между Саксонией, Баварией, Вюртембергом и (неофициально) Ганновером о новом государственном устройстве Германии и о создании в ней директории из восьми членов.
февраль — март, июнь — август	——	Чтение Марксом лекций по политической экономии для немецких рабочих в Лондоне.
марта 2	**Германия.**	Закон о безвозмездной отмене мелких крестьянских повинностей в Пруссии.
» 4 (около)	——	Маркс заканчивает вторую часть серии статей «Классовая борьба во Франции 1848—1849 гг.» статьей «13 июня 1849». Напечатана в вып. 2 «Обозрения» около 20 марта.
марта 5—15 (около)	——	Маркс пишет третью часть серии статей «Классовая борьба во Франции 1848—1849 гг.»— «Последствия 13 июня».
» 10	**Франция.**	Дополнительные выборы в Законодательное собрание. Успех демократических кандидатов.
» 15	»	Принятие Законодательным собранием закона о передаче народного образования под контроль духовенства («закон Фаллу»).
марта конец — апреля начало	——	Составление Марксом и Энгельсом «Обращения Центрального комитета к «Союзу коммунистов» с анализом уроков революции 1848 г.
март — май	——	Выход в свет четырех выпусков «Новой Рейнской газеты. Политико-экономическое обозрение».

1850, апрель	**Познань.**	Закрытие «Польской лиги».
»	**Норвегия.**	Национальный съезд участников движения за всеобщее избирательное право в Норвегии.
мая 31	**Франция.**	Отмена всеобщего избирательного права.
июня 1 (около)	—	Составление Марксом и Энгельсом второго «Обращения Центрального комитета к «Союзу коммунистов»
июля 2	—	Подписание в Берлине мирного договора между Пруссией и Данией.
июль	**Франция.**	Принятие Законодательным собранием реакционного закона о печати.
августа 2	—	Подписание Англией, Россией, Францией, Швецией и Норвегией протокола о гарантии целостности Дании.
сентября 15	—	Заседание Центрального комитета «Союза коммунистов». Раскол в «Союзе коммунистов». Поражение оппортунистической фракции Виллиха-Шаппера.
сентября конец	—	Образование по директивам Маркса нового Центрального комитета «Союза коммунистов» в Кельне.
октября 1	**Австрия.**	Упразднение таможенной границы между Австрией и Венгрией.
ноября 29	—	Опубликование работы Энгельса «Крестьянская война в Германии» (выпуск 5—6 «Политико-экономического обозрения»)
» 29	—	Выход в свет последнего (5—6) выпуска «Новой Рейнской газеты. Политико экономическое обозрение». Опубликование в нем конца работы Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»
» 29	—	Заключение соглашения в Оломоуце между Австрией и Пруссией. Капитуляция Пруссии перед Австрией.
декабря 23	**Германия.**	Открытие в Дрездене конференции представителей всех германских государств для обсуждения вопроса о восстановлении Германского Союза.
1851, января 3	**Франция.**	Смещение командующего войсками парижского гарнизона Шангарнье.
весна—осень	»	Экономическая депрессия.
марта конец — апреля конец	**Англия.**	Чартистская конференция в Лондоне.
апреля конец	—	Выход из печати в Кельне «Собрания статей Карла Маркса».

1851, мая 10, 19, 23	——	Аресты членов «Союза коммунистов» в Лейпциге, Кельне, Дрездене, Гамбурге.
» 15	**Германия.**	Постановление Дрезденской конференции о восстановлении Германского Союза в его прежнем виде.
» 30	——	Заключение и ратификация оборонительного союза между Австрией и Пруссией.
октября 25 — октября 23 1852	——	Опубликование в нью-йоркской газете «Трибуна» статей Энгельса «Революция и контрреволюция в Германии».
декабря 2	**Франция.**	Бонапартистский государственный переворот. Роспуск Законодательного собрания. Массовые аресты.
» 3—4	»	Сопротивление республиканцев бонапартистскому перевороту в Париже.
» 3	**Австрия.**	Указ Франца-Иосифа о восстановлении абсолютизма в Австрии.
декабрь	**Франция.**	Сопротивление контрреволюционному перевороту республиканцев в провинциальных городах и в сельских местностях. Поражение республиканцев.
1852, март	**Англия.**	Прекращение издания чартистской газеты «Полярная звезда».
мая двадцатые числа	——	Выход в свет работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».
октября 4— ноября 12	**Германия.**	Процесс членов «Союза коммунистов» в Кельне.
ноября вторая половина—декабря 2	——	Работа Маркса над брошюрой о кельнском процессе коммунистов.
ноября 17	——	По предложению Маркса «Союз коммунистов» объявляет себя распущенным.
декабря 2	**Франция.**	Провозглашение империи во Франции.

При составлении хронологического указателя использованы следующие работы: Ф. Энгельс. Хронология чартистского движения. Архив Маркса и Энгельса, т. X; «Карл Маркс. Даты жизни и деятельности». ИМЭЛ. Партиздат. 1934.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

* Имена, упоминаемые только в Библиографии, не включены в данный указатель.

В

Г

Д

Л

М

Н

О

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ*
к II тому

---

* Иллюстрации к обоим томам подобраны Е. Г. Денисовой и А. А. Трембицкой.

СПИСОК КАРТ

I том

II том

Редактор карт *К. В. Кудряшов*

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава сорок четвертая

ВЫСТУПЛЕНИЕ 13 ИЮНЯ 1849 Г. И ПОРАЖЕНИЕ МЕЛКОБУРЖУАЗНОЙ ДЕМОКРАТИИ ВО ФРАНЦИИ

(Н. Е. Застенкер)

Глава сорок пятая

ИНТЕРВЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ И ПОРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ В ИТАЛИИ

(К. Ф. Мизиано)

Глава сорок шестая

БОРЬБА ЗА ИМПЕРСКУЮ КОНСТИТУЦИЮ. МАЙСКИЕ ВОССТАНИЯ 1849 Г. В ЮЖНОЙ И ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

(В. В. Бирюкович)

Глава шестьдесят четвертая

ХАРАКТЕР, ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИТОГИ РЕВОЛЮЦИЙ 1849—1849 ГГ.

В редактировании обоих томов принимал участие кандидат исторических наук Л. С. Цетлин. Подготовку к печати данного труда выполняла научный сотрудник Института истории Ф. Б. Шуваева.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор *Г. И. Трайнина*
Технический редактор *А. А. Киселева*

*

РИСО АН СССР № 3399. Т-03402. Издат. № 1736.
Тип. заказ № 924. Подп. к печ. 4/IV 52 г.
Формат бум. 70×108[1]/16 Печ. л. 54,8 + 10 вкл.
Бум. л. 20. Уч.-издат. 57,4+0,9 вкл. Тираж 8000.

Цена по прейскуранту 1952 г. 37 р. 25 к.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
259	28 св.	С. Н. Кашкина	Н. С. Кашкина
264	25 сн.	тепень	степень
269	11 св.	шней	внешней
387	27 сн.	Близкий к левому крылу социалистической партии	Близкий к социалистической партии
400	24 сн.	Лауфеншлагера	Лаутеншлагера
414	29 св., 33 св.	Гуальтиеро	Гуальтерио
495	лев. кол. 25 сн.	Castille E.	Castille H.
507	лев. кол. 30—31 св.	la ournée	la journée

НЕОТМЕЧЕННАЯ ОПЕЧАТКА В ПЕРВОМ ТОМЕ

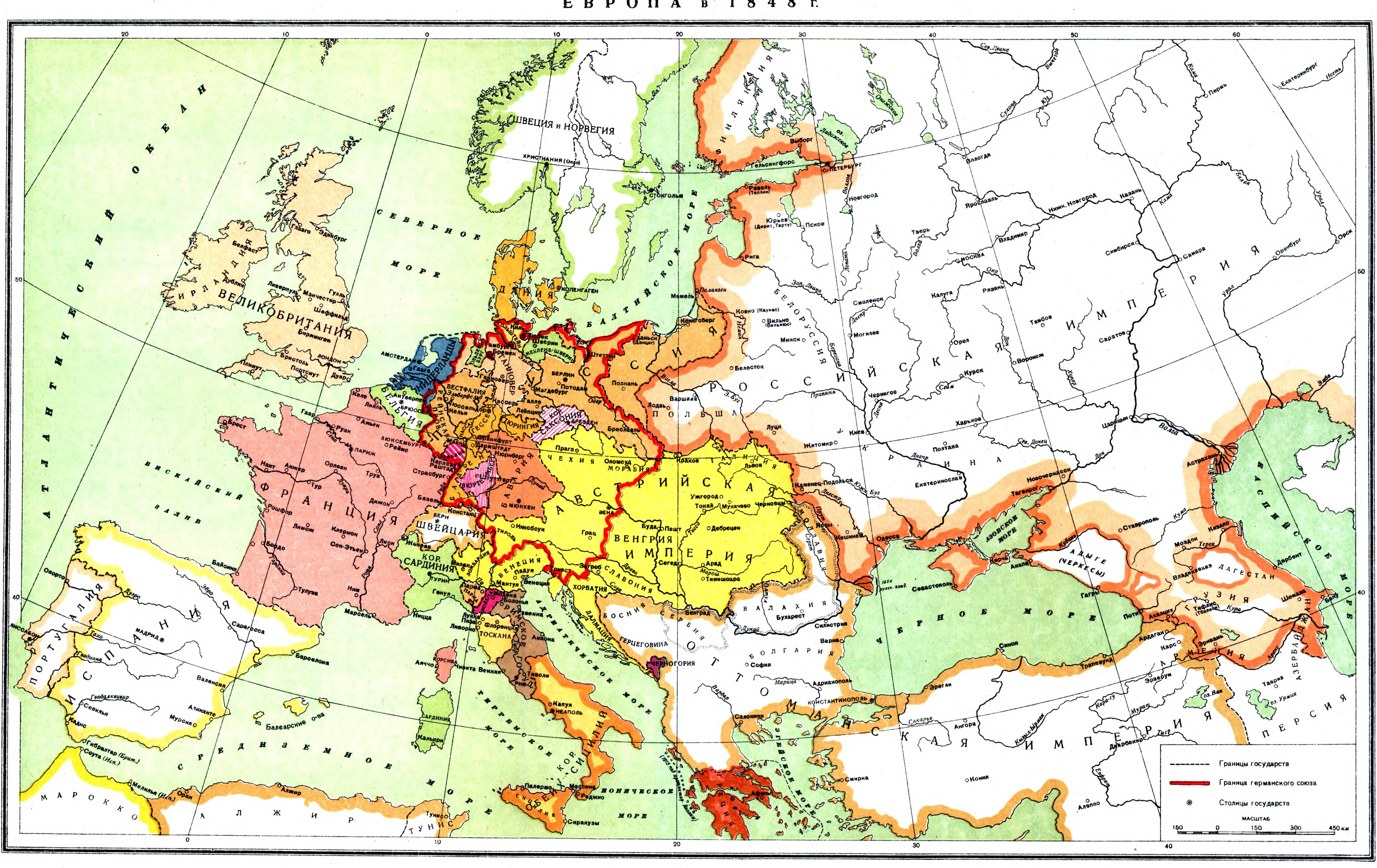
Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
765	8 св.	Мадзини	Маццони

В электронном издании указанные опечатки исправлены.

ИТАЛИЯ в 1848–1849 гг.

ЕВРОПА в 1848 г.

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

РЕВОЛЮЦИИ 1848-1849

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК
СССР